

П.В. Стегний

Разделы Польши
и дипломатия
Екатерины II

1772

1793

1795

П.В. Стегний

Разделы Польши и дипломатия Екатерины II

1772

1793

1795

МОСКВА

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

2002

УДК 327(47+57)«1770–1797»
ББК 63.3(2)513-6
С 79

ISBN 5-7133-1152-X

© Стегний П.В., 2002
© Подготовка к изданию и оформление
издательства «Международные отно-
шения», 2002

ВВЕДЕНИЕ

Разделы Речи Посполитой* между Пруссией, Австрией и Россией, случившиеся в просвещенном XVIII веке, принадлежат к «вечно живым» темам европейской истории. В различных странах издано (и продолжает выходить в свет) впечатляющее количество монографий, мемуарной литературы, архивно-документальных публикаций, посвященных как разбору обстоятельств исчезновения Польского государства с карты Европы, так и рецидивам территориальной перекройки Речи Посполитой в XIX веке, выявивших повторяемость, растянутость во времени самой тенденции разделов.

Разделы 1772, 1793 и 1795 годов – это и одна из «болевых точек» европейской истории, российско-польских отношений. Они так или иначе повлекли за собой длинную цепь трагических событий, среди которых польские восстания 1830 – 1831 и 1863 – 1864 годов и последующие неудачные попытки царской администрации инкорпорировать Польшу в состав Российской империи, двусмысленности деклараций Февральской революции по польскому вопросу. Затем, после обретения Польшей независимости в 1918 году, – советско-польская война 1920 – 1921 годов, завершившаяся массовой гибелью наших военнопленных в польском плену, и трагедия Катыни и Медного, вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года и фактическое соучастие за год до этого Польши в мюнхенском сговоре (ультиматум Чехословакии с требованием вернуть Тешенскую область). Простое перечисление противоречивых, остро, порой болезненно воспринимающихся тем, встающих в этом контексте,

* Термины «Речь Посполитая» и «Польша» используются в данной работе в соответствии с установившейся в научной литературе традицией как идентичные. В случаях, когда дуализм Речи Посполитой приобретает существенное значение, употребляются общепринятые термины «Коронные земли» и «Литва».

показывает, насколько важным остается объективное исследование польского вопроса в его исторической ретроспективе.

Отсюда – все новые и новые обращения историков к эпохе разделов как к исходной точке «польского вопроса» – сложнейшего исторического феномена, природа, причины и следствия которого во многом остаются невыясненными или недостаточно выясненными. Дело в том, что при основательном, но далеко не полном освоении фактического материала, дискуссии вокруг целого ряда существенных, принципиальных вопросов, касающихся разделов, продолжаются.

Обобщая оценки и точки зрения отечественных и зарубежных исследователей, можно выделить следующие проблемные блоки:

– Соотношение внутренних (анахронизм государственно-политического устройства Речи Посполитой) и внешних (политика соседних держав – Пруссии, Австрии, России) факторов в разделах, а затем и уничтожении в 1795 году Польского государства.

Значительная часть отечественных (С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров, Н.Д.Чечулин, Ф.Ф.Мартенс, из современных – Г.А.Санин) исследователей склонны связывать «падение Польши» в первую очередь с глубочайшим и затянувшимся внутренним кризисом, внутренним разложением польского государственного строя, всевластием и своекорыстием шляхты, использованным соседями Речи Посполитой, в первую очередь Пруссией и Австрией, а также Россией, для территориальных приращений за ее счет.

Схожей точки зрения придерживались ведущие дореволюционные немецкие (К.Шлецер, Е.Германн), часть польских («краковская школа») исследователей, возлагавших, однако, основную ответственность за разделы на Екатерину II. С другой стороны, немало последователей было и остается у крупного австрийского историка А.Беера, связывавшего причины разделов с «полным разложением европейской системы государств во второй половине XVIII века и обусловленной этим бездеятельностью посторонних разделу держав». Широкое хождение до сих пор имеет и теория «заговора против Польши», которую развивают ряд французских и польских, в том числе современных, авторов. Пример – в целом очень интересная работа Т.Цегельского и Л.Кондзели «Разделы Польши. 1772 – 1793 – 1795» (Варшава, 1990).

Не менее широкий разброс мнений прослеживается и по другим базовым аспектам проблематики разделов:

– Являются ли разделы аномальным явлением в контексте общей логики развития международных отношений в Европе в эпоху позднего абсолютизма или мы имеем дело с закономерным результатом определявших ее общих тенденций?

– Следует ли рассматривать разделы 1772, 1793 и 1795 годов как фазы единого процесса («теория заговора») или каждый из них обусловлен своими причинами?

И, наконец:

– Какова мера ответственности каждой из держав – участниц разделов?

Излишне говорить, что именно этот последний вопрос и в прошлом, и сейчас в наибольшей степени попадает в резонанс политических конъюнктур, в силу которых исследователи политики разделов дружно пытались и пытаются снять ответственность со своей страны, не упуская, однако, возможности «поморализировать» на счет ее партнеров.

Большинство отечественных, впрочем, как и зарубежных историков, склонны считать основным архитектором разделов прусского короля Фридриха II, рассматривая роль России как вынужденную обстоятельствами русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов, для успешного окончания которой было необходимо нейтрализовать открытое противодействие Австрии и скрытое – Пруссии. В адрес Екатерины (по крайней мере, в России XIX века) высказывался едва ли не единственный упрек – в усилении Пруссии и передаче украинской Галиции Австрии. Против течения осмеливались идти только тогдашние революционные демократы – М.Бакунин и А.Герцен, призывавшие вернуть независимость Польше, поделенной «между одной немкой и двумя немцами».

В результате в 60-е годы XIX века под влиянием авторитета С.М.Соловьева, опубликовавшего в 1863 году, году очередного польского кризиса, первое в России комплексное исследование разделов – «Историю падения Польши», сформировалась ставшая базовой и перешедшая затем в советские учебники истории «национальная» концепция, согласно которой Россия, участвуя в разделах Польши, только возвращала в свой состав украинские и белорусские земли, не присоединив ни пяди территории коренной Польши (вопрос о Литве и Курляндии трактовался как имевший для них положительные последствия в связи с тем, что «Россия была более экономически развита, чем Речь Посполитая»). При этом, однако, отмечалось, что «русский царизм... вместе с Пруссией и Австрией несет ответственность за участие в этом несправедливом акте».

На первый взгляд, подобные оценки выглядят достаточно взвешенными, особенно с учетом признания коллективной ответственности царизма за «несправедливый акт» в отношении Польши. Если же вникнуть глубже, то поиск «главного злодея» или выделение одного, хотя и важного, фактора из комплекса причин, обусловивших разделы, не просто уводит от непредвзятого взгляда на бурную и противоречивую историю международных отношений в Европе во второй половине XVIII века. Мы имеем дело с типологически неверным подходом, поскольку оценка исторических событий двухвековой давности на основе реалий и нравственных постулатов позднейшего времени слишком часто создает почву для политизированных

спекуляций, не имеющих ничего общего с осмыслением исторического опыта. Применительно к разделам Польши понять логику столь многомерного, поливалентного процесса – это и значит воздать по заслугам его участникам.

Исходя из этого, представляется, что выйти на неангажированные, объективные оценки разделов можно лишь при условии системного подхода, предполагающего их рассмотрение в рамках эволюции международных отношений в Европе, прослеженной в течение достаточно длительного временного периода. Это дает возможность не только выявить ретроспективные его истоки, но и учесть последующее развитие породившей его тенденции. Справедливости ради надо сказать, что такие попытки делались как раньше (французским историком А.Сорелем, из наших – В.О.Ключевским), так и в последние годы – немецкими исследователями М.Г.Мюллером и М.Шульце-Весселем, российским Институтом славяноведения, выпустившим сборник «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой» (М., 2000). Сейчас, после кардинального изменения геополитической ситуации в Европе и мире, подобный подход представляется особенно перспективным.

По существу, в 1991 году в истории международных отношений завершился 3,5-вековой цикл (исходную точку которого можно, разумеется, с известной долей условности пометить 1648 годом – Вестфальский конгресс), в течение которого происходило формирование политической карты Европы*. Это уникальная возможность взглянуть не только на то, как зарождались и развивались международные отношения на континенте в новое время, но и с какими итогами государства Центральной и Восточной Европы – Польша, Германия, Австрия, Россия, Литва, Украина, Белоруссия – подошли к новейшему этапу своей современной истории.

Не вдаваясь в детали длительного, исключительно сложного и внутренне противоречивого процесса формирования устойчивых геополитических структур в Центральной и Восточной Европе, роли в нем России, укажем только на одно обстоятельство, которое представляется нам важным для понимания характера действий российской дипломатии, в том числе в период первых трех разделов Польши. Россия в силу обстоятельств достаточно случайных – подписания ею Столбовского договора со Швецией – вошла, наряду с Францией и Швецией, в число гарантов Вестфальского мира. С этого времени – и это уже принципиально важно – стратегия и тактика российской дипломатии начинает определяться не только ее географическим положением, возраставшей военной и экономической мощью, поли-

* Более детально этот вопрос рассматривается в разделе первом второй главы.

тическим влиянием, но и востребованностью в рамках сложившейся после заключения Вестфальского мира системы международных отношений в Европе.

Значительную, возможно, решающую роль в этом сыграло воссоединение Украины с Россией в соответствии с решением Земского собора 1 октября 1653 года. И дело не в простом совпадении дат – Освободительная война украинского народа под предводительством Б.Хмельницкого началась в 1648 году, в год подписания Вестфальского трактата. Эффективное военно-дипломатическое обеспечение воссоединения двух братских славянских государств впервые показало Европе не только стремление России покончить с самоизоляцией московского периода, но и ее способность играть стабилизирующую роль на «восточной периферии» Вестфалья.

Царствование Екатерины II (1762 – 1796 гг.) по праву занимает особое место в истории русской дипломатии. Впервые после эпохи Петра I выдающиеся победы русской армии были подкреплены не менее блестящими успехами дипломатов. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, определивший на десятилетия программу русской внешней политики на черноморско-балканском направлении, эффективная посредническая роль России в ходе Тешенского конгресса 1779 года, провозглашение в 1780 году принципа вооруженного морского нейтралитета, ставшего серьезным вкладом России в укрепление правовой основы международных отношений, присоединение Крыма и Северного Причерноморья, подписание Георгиевского трактата с Восточной Грузией в 1783 году, включение в состав Российского государства Литвы, воссоединение с ним Белоруссии и Правобережной Украины – вот далеко не полный перечень свершений екатерининской эпохи.

Вместе с тем рационализм – примета просвещенного XVIII века, – ориентированность на государственный интерес органично сочетались во внешнеполитической деятельности Екатерины II с дипломатической практикой эпохи позднего абсолютизма с ее стремлением к «округлению границ», ослаблению соседей. Известное высказывание Екатерины о том, что «вся политика сводится к трем словам: обстоятельства, расчеты и конъюнктуры» («circonstances, conjectures et conjonctures»), ничем не отличается от разработанной австрийским канцлером В.Кауницем-Ритбергом «политики удобных случаев» («Convenienz-Politik»). Понимая это, Е.В.Тарле, один из самых ярких и добросовестных историков советского периода, отмечал, затрагивая вопрос о мере ответственности Екатерины II за разделы Польши, что не следует «чернить сверх меры тогдашнюю русскую дипломатию за ее якобы исключительное коварство».

Думается, что, утверждая это, Тарле понимал не только противоречивость исторического процесса, но и неприменимость к нему категорий «бытового морализирования». Диалектика истории нередко

реализуется вопреки расчетам и амбициям ее творцов. Екатерину, разумеется, трудно заподозрить в том, что, присоединяя к России Крым или участвуя в разделах Польши, она предвидела, что закладывает основы суверенитета современной Украины и Белоруссии. «Округляя границы», проводя многовекторную территориальную экспансию, она строила империю, руководствуясь политическими и нравственными понятиями своего времени.

Вместе с тем приемы и общая направленность екатерининской дипломатии оказались настолько устойчивыми, что продолжали действовать (разумеется, в трансформированном виде) не только до 1917 года, но и в советскую эпоху. Дипломатическое наследие Екатерины – порыв к Черноморским проливам и польский вопрос – во многом определило существо того феномена, который принято называть имперской составляющей внешней политики России. Отсюда – не только теоретическая, но и практическая важность критического осмысления, а в необходимых случаях – переосмысления опыта истории отечественной внешней политики. Без этого вряд ли возможно формирование новой, соответствующей ее нынешней самоидентификации и новым геополитическим императивам дипломатии России.

Таковы вкратце предварительные замечания, которые мы посчитали необходимым сделать, перед тем как перейти к пояснению исследовательских задач, структуры и источник-документальной базы монографии.

* * *

Предметом исследования является комплекс вопросов, связанных с участием России в разделах Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 годах. Основная задача – изложить на архивно-документальной основе предысторию и историю разделов, роль в них российской дипломатии, уделив особое внимание тем моментам, которые продолжают оставаться объектом научной дискуссии. Подобный подход обусловлен тем, что при нынешнем, достаточно высоком уровне изученности проблематики разделов Речи Посполитой по целому ряду ее аспектов отечественными и зарубежными историками высказываются различные, нередко полярно противоположные точки зрения, и происходит это в силу отсутствия архивно-документальной базы или сомнений, которые вызывают те или иные документы, введенные в научный оборот преимущественно в XIX веке.

Сложность, ответственность, а временами и сугубая деликатность поставленной задачи заключается в том, что стереотипное восприятие наиболее болезненных эпизодов отечественной истории формировалось в дооктябрьский период не менее активно и политизированно, чем в XX веке. По существу, отечественные историки

располагали лишь весьма коротким периодом (с 1905 по 1922 гг.) для относительно свободной, бесцензурной работы. В результате до последнего времени вне поля научного анализа оставался комплекс вопросов, связанных с очевидным несовпадением династических интересов Романовых и государственных задач, стоявших перед Россией. Не уделялось достаточного внимания национально-психологическим особенностям личности и политического мышления Екатерины, способствовавшим перенесению на русскую почву не всегда органично приживавшихся на ней немецких политических архетипов.

Методологически исследование построено на принципах историзма, объективности и системного подхода к проблематике первого и последующих разделов в контексте анализа геополитических императивов и общей иерархии приоритетов внешней политики Екатерины II, сложной динамики развития международных отношений в Восточной и Центральной Европе, обусловленной острым соперничеством великих держав за сферы влияния на «восточной периферии» вестфальского пространства. Под аналогичным углом рассматривается и блок вопросов, связанных с непосредственной вовлеченностью России в разделы Польши: особенностями и эволюцией функционирования системы принятия внешнеполитических решений в царствование Екатерины II, ролью в нем придворных группировок и «центров влияния» (Н.И.Панин – Г.Г.Орлов, Г.А.Потемкин – А.А.Безбородко, П.А.Зубов, А.И.Морков, Н.И.Салтыков – А.Р.Воронцов и П.В.Завадовский), деятельностью российских дипломатов в Варшаве и других европейских столицах по реализации политики Екатерины II в отношении Речи Посполитой.

Источниковой базой монографии явились документы российских архивов, прежде всего Архива внешней политики Российской империи МИД России. В связи с тем, что свободный доступ отечественных и иностранных исследователей к дипломатическим архивам по польскому вопросу был практически открыт только с 1991 года, в научный оборот вводится значительное количество ранее неизвестных документов. Особый интерес в этом плане представляет фонд № 5 «Секретные мнения КИД» АВПРИ, в котором отложились записки Коллегии иностранных дел по польским делам, «Мнения» Н.И.Панина, И.А.Остермана, А.А.Безбородко, Г.А.Потемкина, Н.И.Салтыкова, А.Р.Воронцова, А.И.Моркова, относящиеся ко второму и третьему, в меньшей степени – первому разделам Польши¹. Обнаружен целый ряд ранее неизвестных резолюций и маргиналий Екатерины II. Следует отметить и выявленный в этом фонде комплекс записок А.А.Безбородко и Г.А.Потемкина по Греческому проекту (часть из них исследована О.И.Елисеевой и В.С.Лопатиным).

Ряд аналитических и докладных записок по польским делам, реестров, материалов КИД, представленных Екатерине II, циркуля-

ров и депеш Н.И.Панина, И.А.Остермана, А.А.Безбородко находятся в фонде № 8 «Высочайше апробованные доклады по сношениям России с иностранными державами»². «Конференциальные записки» (фонд «Внутренние коллежские дела») представляют собой протокольные записи совещаний и бесед послов, аккредитованных в Петербурге, у вице-канцлеров А.М.Голицына и И.А.Остермана³. Среди них – и оригинальные протоколы переговоров по второму и третьему разделам Польши, проходивших в Петербурге осенью 1792 года и в 1794 – 1795 годах. В этом же фонде отложились тематические подборки документов по разделам Речи Посполитой.

Основным источником информации по деятельности российского диппредставительства в Варшаве является фонд «Сношения России с Польшей»⁴ (описи № 1, 6, 7). В делах описи № 1 (1720 – 1772 гг.) использована переписка КИД с российскими диппредставителями в Варшаве Г.К.Кейзерлингом (1733 – 1744 гг., 1749 – 1752 гг., 1762 – 1763 гг.), Г.Гроссом (1752 – 1759 гг.), Ф.М.Воейковым (1759 – 1762 гг.). Значительный интерес представляют материалы о пребывании в Польше русской армии во время Семилетней войны, о защите Россией интересов православного населения Польши, о торговле России с Речью Посполитой.

Опись № 6 этого фонда, охватывающая период с 1720 по 1816 годы, состоит из пятнадцати разделов. Из них были использованы документы, хранящиеся в разделе III: рескрипты, докладные записки и инструкции Екатерины II, канцлера М.А.Воронцова, вице-канцлера И.А.Остермана русским послам в Варшаве в 1763 – 1797 годах.

Атмосферу, в которой происходили разделы, позволяют реконструировать документы, отложившиеся в разделе IV, где хранятся письма и прошения польских магнатов Браницких, Мнишеков, Понятовских, Радзивиллов, Чарторыйских, Огинских, Потоцких и других Екатерине II, М.И.Воронцову и Н.И.Панину (1760 – 1806 гг.). В разделе V сосредоточены рескрипты КИД Г.К.Кейзерлингу (1762 – 1763 гг.), Н.В.Репнину (1764 – 1769 гг.), М.Н.Волконскому (1769 – 1771 гг.), О.М.Штакельбергу (1772 – 1790 гг.), Я.И.Булгакову (1790 – 1792 гг.), Я.Е.Сиверсу (1792 – 1793 гг.), О.А.Игельстрему (1793 – 1794 гг.) и их депеши в Петербург. Документы Тарговицкой конфедерации за 1792 – 1795 годы хранятся в разделе VII; в разделе VIII – постановления польских сеймов, конфедераций, обращения и универсалы польского короля, выписки из речей сенаторов, литературно-публицистические статьи журнала заседаний сеймов (1764 – 1812 гг.). В разделе XII содержится переписка Екатерины II, Н.И.Панина, А.А.Безбородко и П.Зубова с командующими русскими войсками в Польше – генералами М.Н.Волконским, А.И.Бибиковым, М.В.Каховским, М.Н.Кречетниковым, И.П.Салтыковым, Н.В.Репниным, П.А.Румянцевым-Задунайским и А.В.Су-

воровым. В разделе XV – копии трактатов, проекты деклараций и конвенций, заключенных Россией с Польшей, Пруссией и Австрией в 1701 – 1795 годах.

Дополняют эти материалы документы фонда «Варшавская миссия»⁵. В нем, в частности, отложились копии донесений российских дипломатических представителей в Варшаве за 1762 – 1795 годы, а также переписка русских послов в Варшаве с дипломатическими представителями России в других странах.

В фонде «Пограничные с Польшей комиссии»⁶ отложились дела по пограничному разграничению с Польшей Новгородской, Псковской, Великолуцкой и Смоленской провинций за период до 1763 года, а также дела Малороссийской, Сатановской, Псковской, Двинской, Шкловской, Пропойской, Витебской, Мстиславской, Белоцерковской, Гродненской и Торунской пограничных комиссий за различные периоды.

Важная информация по контактам России с Пруссией, Австрией, Турцией, Данцигом в период разделов содержится в соответствующих фондах АВПРИ⁷.

Среди использованных при подготовке монографии документов Государственного архива Российской Федерации следует отметить, прежде всего, фонд «Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца»⁸. Среди них – «Записки Екатерины II, начатые в 1790 году»⁹, в которых дается знаменитая поздняя характеристика Н.И.Панина как человека, который «со многими талантами обладает трусливым и феминизированным сердцем; он придается всем, кто ему льстит и демонстрирует покорность. Его слабость в отношении окружающих его лиц доходит до того, что в большинстве случаев он попадает под влияние своего окружения»¹⁰, конволют депеш посла Пруссии в Петербурге В.Ф.Сольмса за 1772 – 1773 годы (ряд писем даны в иной редакции, чем они напечатаны в т.72 Сборников РИО)¹¹, неизданная переписка Екатерины II с бароном Черкасовым, раскрывающая перипетии «кризиса совершеннолетия» великого князя Павла Петровича осенью 1773 года¹², подготовленная к изданию директором Петербургского главного архива МИД бароном Ф.А.Бюлером, копии писем Екатерины II ее фавориту А.М.Дмитриеву-Мамонову за 1788 – 1789 годы¹³.

Исключительный интерес вызывают первый – седьмой тома «Мемуаров» польского короля Станислава Августа¹⁴. «Мемуары» представляют собой писарскую копию на французском языке, частично использованную в их академическом издании 1914 – 1924 годов. В них имеются любопытные подробности переговоров по первому разделу (в частности, Станислав Август был уверен в ключевой роли, которую играл в них Ф.А.Ассебург)¹⁵, несколько писем Остен-Сакена С.Понятовскому с характеристикой расстановки сил при русском дворе¹⁶. В качестве примера можно привести разговор О.М.Штакель-

берга с королем после отставки Н.И.Панина с поста обер-гофмейстера осенью 1773 года. Сославшись на панинское письмо, посол сказал королю, что после удаления из дворца Панин решил «остаться при управлении иностранными делами нарочно, для того чтобы выводить ее (Екатерину II. – П.С.) из себя»¹⁷. Богаты деталями, характеризующими взаимоотношения при дворе, и рукописные воспоминания И.И.Шувалова «Общественная и частная жизнь в царствовании Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II»¹⁸. Написанная, судя по всему, в конце жизни И.Шувалова (1727 – 1797 гг.), эта небольшая по объему рукопись (152 листа) содержит очень емкие характеристики самой Екатерины и видных деятелей ее царствования.

Очень важной, в некоторых отношениях ключевой, является рукопись ГАРФ «Notice sur sir Hanbury Williams, ses relations avec Catherine II et les affaires de son temps»¹⁹ (более подробно о ней говорится в главе второй).

Важные для историографии разделов документы хранятся и в коллекции материалов личного происхождения ГАРФ. В частности, в фонде А.П.Лобанова-Ростовского²⁰, императрицы Елизаветы Алексеевны²¹, А.В.Браницкой²², П.Г.Дивова²³ (записные книжки о Екатерине и ее реформах), и особенно в фонде Г.В.Есипова²⁴, собиравшего материалы по истории первого раздела Речи Посполитой, часть из которых была использована при подготовке статьи об отношениях Н.В.Репнина с С.Понятовским. В том же фонде имеются выписки из мемуаров прусского дипломата графа Герца за 1779 – 1786 годы²⁵, и материалы к готовившейся им статье «Первый раздел Польши»²⁶.

В Российском государственном архиве древних актов интерес представляют прежде всего документы Коллегии иностранных дел, находившиеся до 1917 года в Государственном архиве Российской империи. В фонде «Секретные пакеты» этого раздела были внимательно изучены оригиналы рукописей «Мемуаров» Станислава Августа и подготовительные материалы к ним, в которых наибольший интерес представляют записи польским королем его бесед с Павлом I и Марией Федоровной в 1796 году о польских делах, раскрывающие ряд деталей относительно механизма второго и третьего разделов²⁷. В фонде имеется комплекс материалов, оставленных Павлом Петровичем Н.И.Панину перед отъездом за границу в 1782 году. В находящемся в нем черновике письма Павла Панину приводится список членов Верховного совета, который он планировал создать в случае внезапной кончины Екатерины. Этот документ важен, поскольку в нем приводятся поименно члены «панинской партии», оппозиционно настроенные к первому разделу²⁸.

В фонде «Переписка лиц императорской фамилии и других высочайших особ» просмотрена переписка Екатерины II с принцем Генрихом Прусским за 1762 – 1786 годы²⁹. Письма императрицы к

Генриху подтверждают ключевую роль, которую он сыграл в первом разделе Польши. В частности, в одном из писем (все они не датированы) Екатерина писала: «В том великом деле, которое только что закончено между Вашим братом королём и мной, Ваше императорское высочество принимало слишком прямое участие. Это, по существу, Ваше дело»³⁰.

В коллекции личных фондов РГАДА важен прежде всего огромный личный фонд Паниных, насчитывающий 17 описей.

Из материалов Архива МИД Франции использован ряд документов фонда «Мемуары и документы», в частности записка французского посланника в Петербурге Дюрана-Дистрофа о внутренней и внешней политике России в 1772 году³¹, в которой дается развернутая оценка итогов первого раздела и его влияния на изменение расстановки сил в Европе, «Замечания о причинах, которые препятствуют развитию торговли между Францией и Россией», подготовленные Лессепсом, генеральным консулом Франции в Петербурге в 1788 году³², «Проект, предложенный Россией с начала войны против Турции» (относительно военных операций русских в Средиземном море, 1770 г.)³³, дневник польской кампании, написанный будущим губернатором Одессы графом Ланжероном в 1793 году³⁴.

В фонде «Корреспонденция» Архива МИД Франции просмотрены депеши французских посланников в Петербурге Дюрана-Дистрофа и Сегюра³⁵.

В английских архивах – Public Record Office – депеши посланника в Петербурге Кеткарта за 1771 – 1772 годы³⁶.

В венском архиве Габсбургов выявлена анонимная рукопись «Размышления о последнем разделе Польши», написанная предположительно в 1796 году кем-то из французских эмигрантов, совершившим путешествие по польским территориям, отошедшим к Пруссии и Австрии³⁷.

Более подробный источниковедческий анализ документов дается в тексте работы.

Обзор опубликованных источников и литературы приводится в главе первой.

Автор выражает глубокую признательность заместителю директора Института российской истории РАН доктору исторических наук А.В.Игнатьеву, заместителю директора Института славяноведения РАН кандидату исторических наук Б.В.Носову, старшим научным сотрудникам ИРИ РАН и Института всеобщей истории РАН доктору исторических наук Г.А.Санину и П.П.Черкасову, заведующей кафедрой МГИМО доктору исторических наук Т.В.Зоновой, ознакомившимися с рукописью и сделавшими ряд ценных замечаний, которые были учтены при ее доработке.

Отдельная благодарность коллегам-архивистам – О.А.Глушковой, О.И.Святецкой (АВПРИ), С.Р.Долговой, Ю.М.Эскину, И.А.Ба-

лакаевой (РГАДА), С.В.Мироненко, И.С.Тихонову (ГАРФ), А.Р.Сokolovu (РГИА) за помощь и советы в работе.

И наконец, спасибо Н.В.Андреевой, взявшей на себя печатное и текстовое оформление рукописи.

-
- ¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. 1725 – 1800 гг.
 - ² АВПРИ. Ф. «Высочайше апробованные доклады по сношениям России с иностранными державами». 1725 – 1802 гг. Оп.8/1.
 - ³ АВПРИ. Ф. 2 «Внутренние коллежские дела». Оп.2/6.
 - ⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.1, 6, 7.
 - ⁵ АВПРИ. Ф.80 «Варшавская миссия» (1720 – 1797 гг.).
 - ⁶ АВПРИ. Ф.21 «Пограничные с Польшей комиссии» (1724 – 1773 гг.).
 - ⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6; Ф. «Венская миссия». Оп.33/2; Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6; Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.89/8; Ф. «Сношения России с Данцигом». Оп.1, 3, 4, 5.
 - ⁸ ГАРФ. Ф.728 «Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца». Оп.1.
 - ⁹ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.129.
 - ¹⁰ Там же. Л.5 – 5об.
 - ¹¹ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.208.
 - ¹² ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.212.
 - ¹³ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.328 «Mémoires du roi Stanislas-Auguste».
 - ¹⁴ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.130.
 - ¹⁵ Там же. Т.IV. Л.383.
 - ¹⁶ Там же. Т.III. Л.322 – 326.
 - ¹⁷ Там же. Т.VII. Л.100.
 - ¹⁸ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.112.
 - ¹⁹ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.137.
 - ²⁰ ГАРФ. Ф.978.
 - ²¹ Там же. Ф.668.
 - ²² Там же. Ф.741.
 - ²³ Там же. Ф.917.
 - ²⁴ Там же. Ф.926. Оп.1. Д.438 «Выписки и копии документов МИД о первом разделе Польши».
 - ²⁵ ГАРФ. Ф.926. Оп.1. Д.450.
 - ²⁶ ГАРФ. Ф.926. Оп.1. Д.194.
 - ²⁷ РГАДА. Ф.1. Оп.1 «Пакеты за императорской печатью».
 - ²⁸ РГАДА. Ф.1. Д.52. Л.6 – 8 (черновик). Документ представляет собой текст на трех листах обычного формата с оборотами, без полей, написан собственноручно Павлом Петровичем по-русски. Имеются многочисленные исправления и подчеркивания.
 - ²⁹ РГАДА. Ф.4. Д.134 «Черные собственноручные письма Ее императорского величества к принцу Генриху. 1770 – 1782 гг.».
 - ³⁰ Там же. Л.8.
 - ³¹ Archives des affaires étrangères. Mémoires et documents. Russie. 1613 – 1886. Vol.XXI. F.308.

- ³² Archives des affaires étrangères. Vol.IV. C.21.
- ³³ Archives des affaires étrangères. Vol.XVI. C.38.
- ³⁴ Archives des affaires étrangères. Vol.XX. C.48. №12.
- ³⁵ Archives des affaires étrangères. Paris. Correspondence Durand, Segur.
- ³⁶ Public Record Office. Russia. Vol.90.
- ³⁷ Wien. House und hoff Archiv. Polens. Vol.3.

Глава первая

ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ

Опубликованные источники и литература по разделам Польши второй половины XVIII века весьма многочисленны. Первые документы и исследования, в том числе такие важные, как мемуары прусского короля Фридриха II¹, появились в печати еще в 70 – 80-е годы XVIII века, в период между первым и вторым разделами Польши. К началу XIX века были изданы сборник документов по второму и третьему разделу, собранных кабинет-министром Фридриха Вильгельма II Герцбергом², воспоминания прусского посланника в Петербурге в 1779 – 1786 годах графа фон Герца³, письма французского офицера связи в Польше в эпоху Барской конфедерации Виомениля⁴, записки и мемуары целого ряда других участников событий. В немецких, голландских, швейцарских, французских, русских газетах публиковались тексты официальных документов, за которыми вскоре последовали и базировавшиеся на свидетельствах участников событий исследования всех трех разделов, подготовленные французскими дипломатами К.Рюльером и Л.Ферраном⁵.

В XIX веке в силу высокой актуальности польского вопроса в Европе, прежде всего в Германии, Австрии, Франции, России, Польше, развернулось интенсивное научное изучение проблемы разделов. Когда замечательный русский историк, профессор Варшавского университета Н.И.Кареев⁶ издал в 1888 году первый в России историко-библиографический обзор «Падение Польши в исторической литературе», в нем было рассмотрено 66 наиболее значительных монографий и исследований на основных европейских языках. В «Обзоре русских и иностранных сочинений о Екатерине II», составившем две книги последнего, XII тома неоконченной «Истории Екатерины II» В.А.Бильбасова⁷ (1896 г.), разобран 1281 исторический и публицистический труд, в большинстве из которых в той или иной форме затрагивается тематика разделов. Если учесть, что и в XX веке интерес к польскому вопросу, подпитывавший споры отно-

сительно причин и следствий разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII века, не снижался ни со стороны историков, ни со стороны публицистов, то нетрудно представить себе, сколь значительно количество монографий и постоянно появляющихся архивных публикаций, посвященных тематике разделов.

С учетом этого, а также принимая во внимание естественную неравноценность имеющейся в настоящее время в распоряжении исследователей литературы, в ее критическом обзоре представляется целесообразным остановиться на базовых исследованиях, получивших широкое признание в нашей стране и за рубежом, выделив из общей массы, прежде всего, работы, посвященные роли России и ее дипломатии в подготовке и реализации разделов Польши в 1772, 1793 и 1795 годах. Особое внимание при этом будет уделено зарубежным и отечественным (с учетом избранной темы) исследованиям, появившимся в последние годы.

1

В дореволюционной русской историографии разделами Польши основательно занимались С.М.Содовьев, В.О.Ключевский, Н.К.Костомаров, В.А.Бильбасов, Д.И.Иловайский, Н.Д.Чечулин, П.А.Александров, А.Трачевский, А.Брикнер, Н.К.Шильдер и целый ряд других.

Собранный и обобщенный отечественными исследователями фактический материал, впервые введенные в научный оборот С.М.Содовьевым, Д.И.Иловайским, Ф.Смиттом архивные документы, отражающие линию действий российской дипломатии в польском вопросе, в значительной мере сохраняют свою ценность и в наше время. Обширный документальный материал содержится в сборниках Императорского русского исторического общества, опубликовавшего бумаги Екатерины II, хранившиеся в Государственном архиве МИД, дипломатическую переписку Екатерины II с 1762 по 1777 год, корреспонденцию прусских, австрийских, французских и английских послов и посланников при русском дворе, переписку Екатерины II с Фридрихом II, Ф.-М.Гриммом, бумаги русского посла в Константинополе, затем в Варшаве Я.И.Булгакова, донесения Н.В.Репнина из Литвы за 1792 – 1795 годы; ценными источниками по дипломатической истории разделов Польши являются тома I – II и VI «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» Ф.Ф.Мартенса, содержащие не только тексты основных договоров России с Пруссией и Австрией относительно разделов Речи Посполитой, но и документированное изложение дипломатических контактов, подготовивших их подписание⁸, изданные протоколы заседаний Государственного совета⁹, различные тома «Архива князя Воронцова»¹⁰, «Архива графов Мордвиновых»¹¹, подборки

документов, опубликованные в журналах «Русский архив», «Русская старина», «Русский вестник», и др. Несмотря на то что ряд русских историков, в частности В.А.Бильбасов, высказывали критические замечания относительно качества и полноты публикаций документов Русским историческим обществом (в частности, в упомянутых сборниках РИО), перечисленные издания до сих пор широко используются отечественными и зарубежными историками разделов Речи Посполитой наряду с такими классическими публикациями архивных документов, как 46-томная «Политическая корреспонденция Фридриха Великого»¹², переписка Марии-Терезии, Иосифа II и канцлера Кауница, корреспонденция австрийского посла в Париже графа Мерси д'Аржанто с австрийской императрицей Марией-Терезией, изданная австрийским историком А.Арнетом¹³.

Вместе с тем острое звучание в России польского вопроса на протяжении всего XIX века обусловило не только широкий разброс мнений в отечественной исторической литературе о причинах и следствиях разделов, роли в них России, Пруссии и Австрии, но и определенную конъюнктурность ряда выводов и оценок, формировавшихся под большим или меньшим, но несомненным влиянием официального великодержавного курса. Кроме того, даже после отмены цензуры в 1905 году русские историки были вынуждены обходить молчанием такие чувствительные вопросы, как, к примеру, династическая политика Романовых и ее влияние на отношения России с двумя германскими государствами в период разделов Речи Посполитой. Сдерживающее влияние на уровень исследованности проблемы разделов оказывало и то, что ряд важных работ, в частности лишь частично изданная фундаментальная монография В.А.Бильбасова «История Екатерины II» или 3-томная «История трех разделов Польши» Л.Феррана, вышедшая в Париже еще в 1820 году, были запрещены в России. Даже такой маститый историк вполне официального направления, как Н.К.Шильдер, пользовавшийся в силу своей близости к некоторым членам императорской фамилии архивными источниками, которые для других историков были недоступны, не имел возможности, по признанию его близкого друга, редактора журнала «Исторический вестник» С.Н.Шубинского, публиковать имевшиеся у него документы «по не зависящим от него обстоятельствам»¹⁴.

Особый интерес при подготовке данной работы представляла «История России с древнейших времен» С.М.Соловьева¹⁵. Этот фундаментальный труд, вышедший отдельными томами с 1851 по 1879 год, в полной мере сохраняет свою ценность не только в силу того, что он стал первым подлинно научным исследованием по отечественной истории. Как известно, С.М.Соловьев был одним из первых отечественных ученых, допущенных к материалам Московского главного архива МИД по указанию канцлера А.М.Горчакова¹⁶.

Значение монументального труда С.М.Соловьева для современных исследователей обусловлено тем, что из огромного количества архивных источников, введенных в текст, им отобраны наиболее значимые, причем для их цитирования характерна высокая археографическая культура. В отличие, к примеру, от Н.К.Шильдера, достаточно вольно правившего использованные им источники, С.М.Соловьев очень бережно обращался с архивными документами, крайне редко прибегая к купюрам.

Описание С.М.Соловьевым царствования Екатерины II доведено в его «Истории» только до 1774 года, хотя к 29 тому (книга XV) приложен «Обзор дипломатических сношений русского двора от Кючук-Кайнарджийского мира по 1780 год»¹⁷. Предыстория и ход первого раздела Польши изложены С.М.Соловьевым в контексте подробной характеристики внешней политики Екатерины II в первую половину ее царствования. Эта характеристика, согласно которой Екатерина по праву предстает продолжательницей дела великого преобразователя России, оказала огромное влияние на весь ход последующих исследований екатерининской эпохи. Главное в ней – ориентированность на государственный интерес, понятый как национальный, всесловный, стремление действовать самостоятельно, на равных, а то и в качестве арбитра в спорах европейских держав.

Показательно, что К.Н.Бестужев-Рюмин, бывший одним из самых запальчивых критиков первых томов «Истории» Соловьева, откликнулся на появление 25 – 29 «екатерининских» томов констатацией «наступления новой эпохи в русской историографии»¹⁸.

Основополагающая роль С.М.Соловьева в научном изучении отечественной истории признавалась и в советское время, хотя при переиздании его труда считалось «политкорректным» дистанцироваться от его умеренно-либеральных взглядов, причем не всегда это было неуместным. В частности, солидаризируясь в целом с критикой В.Н.Виноградовым комментариев к книге XIV «Истории» (издание 1966 г.)¹⁹, трудно не признать справедливость высказанного их составителями мнения о том, что, детально описывая роль Австрии и Пруссии в первом разделе, Соловьев «оставляет в тени роль России как реального третьего участника раздела, завладевшего частью Речи Посполитой»²⁰. Не так уж далеки от истины авторы комментариев и тогда, когда упрекают С.М.Соловьева в стремлении «приукрасить поведение царизма», хотя, разумеется, это вряд ли можно считать проявлением «националистических и великодержавных настроений Соловьева».

В «Истории падения Польши»²¹, вышедшей в свет в 1863 году, то есть за год до того, как правительство Александра II подавило очередное национально-освободительное восстание в Польше, С.М.Соловьев излагает свою точку зрения на разделы Польши более подробно. Анализируя историю разделов, он выделяет следующие три

основные причины падения Польши: «1) русские национальные движения, совершившиеся, как прежде, под религиозным знаменем; 2) завоевательные стремления Пруссии; 3) преобразовательные движения, господствовавшие в Европе с начала века до конца его»²².

В такой постановке вопроса трудно не заметить «остаточного» влияния на С.М.Соловьева, западника и государственника, некоторых идей славянофильства, получившего как бы «второе дыхание» в России в 60-е, пореформенные годы XIX века. Проблема, однако, заключается в том, что в силу высокого авторитета Соловьева-историка тезис о национальном характере политики Екатерины в польском вопросе (в том смысле, что основным мотивом ее действий было возвращение в состав России территорий Белоруссии, правобережной Украины и присоединение Литвы, с преимущественно православным населением) стал общепризнанным в работах отечественных историков как дооктябрьского, так и советского периодов.

Это, однако, не совсем верно. Национальная мотивация участия России в разделах появляется, что мы и намерены показать, только в период второго и третьего разделов Польши. Национальный стереотип применительно ко всем трем разделам сформировался только в славянофильской публицистике 40-х годов XIX века как реакция на антиросийскую направленность преимущественно французских и польских историков и публицистов.

Что касается фактологической стороны работы С.М.Соловьева, то она, как всегда, предельно добросовестна и объективна, что и обеспечило «Истории падения Польши» одно из основных мест в историографии разделов.

В отличие от С.М.Соловьева резко негативно оценивал итоги политики Екатерины II в польском вопросе В.О.Ключевский²³. В «Курсе русской истории», своей основной работе, он отмечает, что основная ошибка екатерининской дипломатии состояла в том, что своими действиями она «увязала вместе» (возможно, не желая этого) два главных вопроса российской внешней политики – турецкий и польский. Это в значительной мере осложнило решение обоих вопросов, первый из которых носил, как полагал В.О.Ключевский, чисто экономический характер и был связан с необходимостью присоединения к России плодородных южнорусских степей, тогда как второй, польский, имел «национально-религиозную окраску, что предполагало совершенно различные подходы и методы их разрешения». Ключевский считал, что польский вопрос России было необходимо решать своими силами, без «вмешательства со стороны и отдельно от турецкого, не смешивая польские и турецкие дела»²⁴.

Основную ответственность за первый раздел Польши В.О.Ключевский (и это едва ли не единственное, что сближает его позицию с точкой зрения С.М.Соловьева) возлагал на Фридриха II. Решающей ошибкой екатерининской дипломатии Ключевский считал союз

России с Пруссией, заменивший бывшую традиционной с петровских времен ориентацию на Австрию, открывавшую, по его мнению, более благоприятные возможности для решения комплекса проблем, связанных с отношениями России с Османской империей и Речью Посполитой. В результате этого в ходе Русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов «польский вопрос стал частью турецкого», а «русская дипломатия собственно поработала в чужую руку», – констатировал он²⁵.

В систематизированном виде свои оценки екатерининской эпохи В.О.Ключевский излагает в очерке «Императрица Екатерина II (1729 – 1796)»²⁶, появившемся в печати в 1896, юбилейном для Екатерины году. «В ее деятельности были промахи, даже крупные ошибки, в ее жизни остаются яркие пятна, – пишет он. – Но целое столетие легло между нами и ею. Трудно быть злопамятным на таком расстоянии»²⁷. Конечно, многие рассуждения Ключевского о екатерининском царствовании отмечены не всегда адекватно понимаемым своеобразием его научного мышления. Вполне ясен, в частности, саркастический подтекст его замечания о том, что мысли Екатерины «о создании среднего рода людей в смысле западноевропейской буржуазии» были упразднены в России «самой жизнью как излишние»²⁸. Труднее принять его оценки политики Екатерины, представлявшейся ему «системой нарядных фасадов с неопрятными задворками», ее личности – «тщеславие доводило Екатерину, от природы умную женщину, до умопомрачения, делавшего ее игрушкой в руках ловких и даже глупых льстецов, умевших пользоваться ее слабостями»²⁹. Тем не менее в каких-то очень существенных аспектах своих подходов Ключевский, считавший, что Екатерина «не может быть ни знаменем, ни мишенью; для нас она только предмет изучения»³⁰, остается необычайно привлекательным хотя бы потому, что показывает: разрушение стереотипов требует большей гражданской ответственности, чем их тиражирование.

Собственно польских дел в рассматриваемой статье Ключевский (очевидно, учитывая ее юбилейный характер) не касается. Однако оценки общих итогов екатерининского царствования, которое охарактеризовано в «Курсе русской истории» как «почти банкротство, нравственное и экономическое», несколько скорректированы. В частности, Ключевский признает, что «людям, стоявшим под более близким действием ее военных и дипломатических успехов, результатом их представлялся небывалый подъем международного значения России»³¹. Вспоминая слова Н.И.Панина, говорившего, что «Петр, выводя народ свой из невежества, ставил уже за великое и то, чтобы уравнивать оный державам второго класса», Ключевский отмечает, что в конце царствования Екатерины Россия «стала считаться первою военною державой в Европе». И чуть ранее, но в этой связи: «Международный горизонт России раздвинулся дальше ее новых пределов,

и за ними открылись ослепительные перспективы, какие со времени Петра I едва ли представлялись самому воспаленному русскому глазу: взятие Константинополя, освобождение христианских народностей Балканского полуострова, разрушение Турции, восстановление Византийской империи»³².

Несмотря на заметный скептицизм, который виден в оценке Ключевским геополитических планов Екатерины и ее преемников, он делает в конце своего очерка чрезвычайно глубокое замечание о «тайне популярности Екатерины». По его мнению, «в ее всесветной славе русское общество впервые почувствовало свою международную силу, она открыла ему его самого»³³. Неудивительно, что подобные парадоксальные суждения В.О.Ключевского, профессора (одно время проректора и декана) Московского университета и Московской духовной академии, давали пищу для научной полемики, особенно попадая в контекст известных противоречий, существовавших между московской и петербургской историческими школами.

Профессор Петербургского университета Н.Д.Чечулин, автор остающейся наиболее обстоятельной отечественной монографии о внешней политике Екатерины II в 1762 – 1774 годах³⁴, явно полемизируя с Ключевским, видел «руководящую идею екатерининского царствования» в том, что ее правительство «постоянно и неуклонно преследовало выгоды русского государства и народа, что оно не подчинялось никаким посторонним влияниям, не жертвовало силами и средствами русского народа для достижения целей, ему совершенно посторонних»³⁵.

Эта цитата, в сущности, исчерпывает существо позиции Н.Д.Чечулина, твердо занявшего лидирующее место среди апологетов внешней политики Екатерины в польском вопросе. Однозначно занося первый раздел в актив внешней политики Екатерины, Чечулин обосновывал свое мнение неизбежностью такого исхода в силу внутреннего разложения польского государственного строя, кризиса системы международных отношений в Европе в период после окончания второй силезской войны³⁶.

Своеобразие позиции Чечулина состоит в том, что он не только выдвинул, но и обосновал тезис о том, что инициатива раздела Польши принадлежала России. В пункте 5 «Положений, извлеченных из диссертации Н.Д.Чечулина», приложенных к его монографии, говорится: «Вмешательство в дела Польши правительство Екатерины имело в виду с первых же дней своего существования, считая, что то усиление, к которому стремились, всего естественнее и легче приобрести за счет Польши». С этой мыслью, хотя и только в первой ее части, еще можно согласиться. Но уже следующее положение Чечулина относительно того, что «гр. Панин главным образом и подготовил первый раздел Польши, осуществляя план этих приобретений и подготовляя для России возможность без войны присоединить

Крым», выглядит, как мы попытаемся доказать далее, более чем спорным.

Последующие, 8-е и 9-е, положения монографии Н.Д.Чечулина звучат уже совершенно абсурдно: «Екатерина II и гр. Н.И.Панин действовали во внешней политике совершенно согласно и относились друг к другу с полным доверием»; «Фридрих II прусский не имел при правительстве Екатерины никакого, сколько-нибудь заметного влияния; к нему лично и к его политике относились в Петербурге постоянно крайне подозрительно». Первое из этих положений совершенно противоречит даже тому документальному материалу, который был введен в научный оборот в конце XIX века, в последующий же период появившиеся новые архивные материалы сделали многочисленные и порой принципиальные расхождения между Екатериной и Паниным по широкому кругу внешнеполитических вопросов настолько явными, что они признаны большинством современных историков. Что же касается отрицания Н.Д.Чечулиным влияния Фридриха II на русскую внешнюю политику, то этот тезис можно если не понять, то хотя бы оценить только в контексте политических конъюнктур конца XIX века, когда на смену многолетнему союзу России с Пруссией, затем с Германией приходило «сердечное согласие» с Францией.

Отмеченные недостатки монографии Н.Д.Чечулина объясняются, на наш взгляд, тем, что он практически не работал с архивами. Его труд основан на опубликованных в России (в основном, в Сборниках РИО), а также в Пруссии, Австрии и Польше источниках. Бросается в глаза излишнее доверие Чечулина к сообщениям прусского посла в Петербурге Сольмса, хотя простое сравнение опубликованных в Сборниках РИО донесений Сольмса с его перепиской с Фридрихом II, опубликованной в Германии в знаменитой «Политической корреспонденции Фридриха Великого», показывает, что Фридрих весьма критически относился как к степени информированности Сольмса, так и к его лояльности прусским интересам³⁷.

К положительным сторонам монографии Н.Д.Чечулина относится достаточно широкая и добросовестная проработка фактической стороны тройственных переговоров о первом разделе Польши, попытка рассматривать их в связи с развитием международных отношений в Европе. Сохраняет интерес приведенный в монографии краткий критический разбор публикаций европейских историков по первому разделу Польши³⁸.

Выстроенные Н.Д.Чечулиным оценки роли Екатерины II и Н.И.Панина как инициаторов и архитекторов первого раздела Польши нашли себе сторонников среди очень немногочисленной части российских ученых. Можно предположить, что причиной отсутствия серьезной критики высказанных им взглядов явилась в целом высокая научная репутация Н.Д.Чечулина как специалиста

по истории русского общества XVI и XVIII веков (тема его докторской диссертации явно лежала на обочине его научных интересов). Кроме того, в ряде своих позднейших статей, посвященных екатерининской эпохе, Н.Д.Чечулин высказал ряд интересных оценок особенностей формирования политического мышления Екатерины в середине 50-х годов в бытность ее великой княгиней³⁹.

Полным антиподом Н.Д.Чечулину в трактовке генезиса первого раздела выступил ученик В.О.Ключевского П.А.Александров, автор монографии «Северная система», вышедшей в свет в 1914 году⁴⁰. Хотя польский вопрос рассматривается в монографии П.А.Александрова лишь в трех параграфах глав III и IV, выводы, к которым он приходит, настолько характерны для российских историков «второго ряда», что на них стоит остановиться отдельно.

По мнению П.А.Александрова, Северная система, любимое детище Н.И.Панина, под знаком которой прошла первая половина царствования Екатерины II, «сделала Россию орудием Пруссии, и польза от нее получилась только Пруссии, а не России»⁴¹. Очевидная прямолинейность столь серьезного утверждения, сделанного, кстати, на основе того же круга источников (Сборники РИО), которыми пользовался и Н.Д.Чечулин, пришедший к совершенно противоположным выводам, озадачивает (тем более что уровень понимания и проработки документов, археографическая культура у П.А.Александрова довольно высокие).

Парадокс двойного (противоположного!) прочтения одних и тех же документов Н.Д.Чечулиным и П.А.Александровым в целом характерен, хотя и не в столь выраженной форме, и для ряда других отечественных и зарубежных работ по разделам Речи Посполитой, свидетельствуя, на наш взгляд, о сугубой опасности интерпретировать историю разделов на базе только материалов дипломатической переписки, в отрыве от общего контекста развития международных отношений в Восточной и Центральной Европе во второй половине XVIII века.

С.М.Соловьевым, В.О.Ключевским и рядом других российских историков задолго до П.А.Александрова был выяснен вопрос о том, что интересы предполагаемых членов Северной системы были слишком различными, чтобы она была создана и начала функционировать в соответствии с планами Петербурга. Последовательность, с которой Н.И.Панин (и одно время поддерживавшая его Екатерина) пытались выстроить систему двусторонних союзов государств Северной Европы, С.М.Соловьев совершенно обоснованно, на наш взгляд, связывает с их стремлением проводить самостоятельную, а при благоприятных обстоятельствах и доминирующую, политику в европейских делах. Есть и другое объяснение многолетних усилий Панина и Екатерины: если исходить из того, что уже с первых лет екатерининского царствования южное, черноморско-балканское направле-

ние ее внешней политики являлось для российской императрицы приоритетным, то планы создания Северной системы при лидирующей роли России выглядят как попытка обеспечения прочных тылов на западных и северных границах России для планировавшегося продвижения на юг, в сторону Черноморских проливов.

С учетом этого утверждение П.А.Александрова, связывавшего участие России в первом разделе Польши с тем, что Северная система якобы «сделала ее орудием Пруссии, требовавшей вмешательства в дела Польши»⁴², явно неправомерно. И напротив – тезис о том, что первый раздел был задуман Фридрихом, «сумевшим убедить в его необходимости и выгоды императрицу Екатерину, несмотря на упорное сопротивление Панина, выказавшего себя в этом деле проныцательным политиком, понимавшим и провидевшим истинные интересы России», выглядит вполне обоснованным.

Негативная оценка П.А.Александровым итогов политики Екатерины в польских и турецких делах («на Западе вместо воссоединения Руси – дележи Польши, на Юге – две жестокие войны из-за пустынной степи») сближает его с позицией В.О.Ключевского. Особенно подчеркивает это сходство конечный вывод монографии: «Неудачи внешней политики повлекли за собой чрезмерное напряжение сил государства и не давали возможности правительству уделять больше внимания делам внутренним, в результате чего получилось понижение экономического благосостояния государства и задержка внутренних преобразований, необходимость которых уже явственно сознавалась»⁴³. Политическая заостренность подобного вывода в канун вступления России в Первую мировую войну очевидна.

Серьезным вкладом в изучение сложнейшей динамики становления взаимоотношений в треугольнике Петербург – Берлин – Вена стала монография А.Трачевского «Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780 – 1790»⁴⁴. Докторская диссертация профессора Харьковского университета, переведенная на немецкий язык, получила высокие оценки в Германии и Австрии⁴⁵. И хотя история первого раздела затрагивается А.Трачевским только в главе IV («Начальная немецкая политика Екатерины II»), разобраться в сложнейшем переплетении и столкновении различных интересов России и двух германских государств, понять логику поведения князей доживавшей последние десятилетия Германской империи, трудно без учета блестящего труда харьковского ученого. Огромный, системно изложенный фактический материал, яркие характеристики прусских и австрийских дипломатов, которым предстояло сделаться участниками второго и третьего разделов Польши, в полной мере сохраняют свое значение и сегодня.

Наряду с этим в труде А.Трачевского есть, на наш взгляд, и менее очевидные сильные стороны. Он, в частности, первым предпринимает попытку пересмотреть традиционное деление внешней поли-

тики Екатерины II на два периода: до и после русско-австрийского союза 1781 года. Рассматривая восточный вопрос в качестве «ключа к политике Екатерины», Трачевский верно обнаруживает и сквозную идею ее внешней политики. Тем самым он не только сводит в стройную систему бурные события ее 34-летнего царствования, но и находит верный ракурс для характеристики целей екатерининской дипломатии на германском направлении. Остается сожалеть, что при столь многообещающей методологической схеме А.Трачевский не написал общую работу по внешней политике Екатерины II.

Эту задачу был призван выполнить труд В.А.Бильбасова по истории екатерининского царствования, доведенный, к сожалению, только до 1765 года⁴⁶. Тем не менее, проведенный им на основе широкого круга, в том числе ранее неизвестных, архивных источников анализ становления личности и политических взглядов Екатерины, ее внутренней и внешней политики в первые три года царствования является одним из наиболее глубоких и основательных в екатерининской историографии. Большую ценность имеют и опубликованные В.А.Бильбасовым в приложениях к первому и второму тому его монографии материалы архивов внешнеполитических ведомств Саксонии и Франции, а также обстоятельный разбор отечественной и зарубежной литературы по екатерининской эпохе в первой и второй части XII тома.

Взгляды В.А.Бильбасова на разделы Польши изложены в ряде его статей и исторических очерков⁴⁷. Особый интерес представляют его поздние публикации, в частности обстоятельный очерк о Екатерине в юбилейном сборнике «Государи из дома Романовых», вышедшем в Петербурге в 1913 году. Явно полемизируя с устоявшимся к тому времени в российской историографии мнением об ошибочности тройственного формата разделов Польши, Бильбасов пишет: «Подчинение Польши одной России должно быть признано невозможным; сохранение Польшею самостоятельности представляется весьма маловероятным: с середины XVII века до первого раздела Польши не менее десяти раз возникали и обсуждались в дипломатических переговорах проекты такого раздела. При таких условиях участие России в разделе приходится признать неизбежным»⁴⁸.

Далеко не все суждения В.А.Бильбасова представляются бесспорными. В частности, тезис о моральном аспекте польских разделов «как дела безнравственного, неблагородного» он опровергает по той же схеме, что и большинство других дореволюционных историков: «Никто не ставит вопроса, имели ли турки нравственное право покорять сербов или болгар». И далее: «Попытку такого же расчленения русской земли, какому подвергалась Польша, она сама производила на полтора столетия ранее, отнимая от Московского государства Северщину и Смоленск»⁴⁹. Более основателен вывод

Бильбасова о том, что разделы Польши вполне вписывались в рамки общепринятых норм международных отношений XVIII века.

Предыстория и история первого раздела излагается Бильбасовым крайне лаконично⁵⁰. Тем не менее, подход к считавшемуся главным в его время вопросу о «роли и значении в этом деле каждого из трех его участников» обозначен достаточно четко. Отметив, что «по самому существу дела переговоры велись в тайне, с большой осторожностью, и каждый из трех участников не очень доверял двум другим: каждый опасался, что два другие могут соединиться и, поделив несколько больше выгод между собою, ограничить участие в дележе третьего», Бильбасов отмечает «много недомолвок, попыток скрыть свои истинные желания» как в дипломатической переписке эпохи первого раздела, так и в позднейших заявлениях дипломатов государств, принявших в нем участие. С этой оговоркой он следующим образом выстраивает цепочку, запустившую механизм переговоров о разделе: «Занятие австрийцами осенью 1770 года Ципса и Новиторга, визит в Петербург принца Генриха Прусского (осень 1770 – весна 1771 г.) и, наконец, известное заявление Екатерины в беседах с принцем Генрихом о том, что Пруссия и Россия могли бы последовать примеру Австрии, заняв области Польши». Излагая таким образом фактическую сторону дела, Бильбасов, в отличие от Н.Д.Чечулина, главную роль в формировании российской политики на польском направлении отводит Екатерине, оставляя Н.И.Панину место ее «умного и ловкого помощника»⁵¹.

Рассматривая труды русских историков, посвященные польскому вопросу, не в хронологической последовательности, а в порядке их значимости для выработки современного взгляда на разделы Польши в XVIII веке, вслед за трудом В.А.Бильбасова мы хотели бы поставить знаменитую монографию Н.И.Костомарова «Последние годы Речи Посполитой»⁵². Появившаяся в свет сначала в «Вестнике Европы» (1866 г.), а затем отдельной монографией в первой половине 80-х годов XIX века, она остается самым обстоятельным отечественным исследованием, посвященным трем разделам Польши в екатерининскую эпоху. Написанная крупнейшим российским историком, она отразила «федералистские» взгляды Н.И.Костомарова на генезис «старого спора» между Польшей, Украиной и Русским государством. Суть их сводилась к увязке падения Польши «с соперничеством и борьбой двух славянских народов – русского и польского», которые Костомаров прослеживает с X века⁵³.

Переломным моментом в «вековой борьбе за собирание Руси» Костомаров считает династическую унию Польши и Литвы (Кревскую унию) 1385 года и избрание Великого князя Литовского Ягайло польским королем. С этих пор возвращение русских земель, вошедших в состав Речи Посполитой, стало в его понимании «национальной задачей Москвы как центра восточного славянства». Подробно

разбирая перипетии русско-польских отношений, начиная с эпохи Ивана III, Костомаров приходит к выводу, что разделами Речи Посполитой закончился длительный процесс «собираания русской земли Москвою». Историческую обоснованность его он мотивирует тремя группами причин: политическими (собираение русских земель), религиозными (преследования диссидентов католиками) и социальными (стремление крепостного народа освободиться от панской неволи). Н.И.Кареев, о блестящем библиографическом труде которого мы будем говорить далее, считал, что «эта сторона дела и ускользала совершенно из исторических соображений польских и западноевропейских публицистов и историков: они просто в достаточной мере не знали или не понимали всего этого»⁵⁴.

Разумеется, подобная точка зрения, изложенная к тому же с очевидными противоречиями, подмеченными тем же Кареевым, не могла не привести Костомарова к подчеркнуто апологетической оценке екатерининской политики в Польше. Единственный упрек, который он делает Екатерине в связи с первым разделом, сводится к тому, что «в ведении этого дела забыты были те притязания на коренные русские земли, которые Московское государство некогда постоянно предъявляло, из-за которых в течение веков не хотело мириться с поляками»⁵⁵.

Исходя из своей идеи «народной истории», Костомаров уделил в своем труде много внимания изучению внутренних причин упадка Польши. При этом он, с одной стороны, одним из первых сформулировал базовое противоречие внутреннего государственного устройства Польши, заключавшееся в антагонизме между «республиканской» формой правления и высокой степенью крепостной эксплуатации крестьян, сделав в целом верный вывод о деморализации шляхты как об одной из основных предпосылок разделов. С другой стороны, выстроенный, выдвинутый и развитый им тезис о национальном характере поляков как одной из основных причин постигших их бед представлялся сомнительным даже современникам Костомарова⁵⁶. Тот же Н.И.Кареев заметил, что «признание самим Костомаровым всемогущества воспитания в корне уничтожает его теорию национального характера», согласно которой «основа умственной и нравственной деморализации польской шляхты лежит не в «прирожденных качествах народа», которые «сделали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни», а в известной системе воспитания, возникшей на глазах истории»⁵⁷.

К недостаткам труда Костомарова следует отнести и отсутствие в нем ссылок на источники, опубликованные и архивные. Очевидно, это, а также упреки, высказывавшиеся современниками в адрес Костомарова, в поверхностном изложении фактов и побудили Н.И.Кареева отнести его работу к разряду трудов не столько исторических, сколько публицистических.

В настоящее время работа Костомарова сохранила свое значение в силу изложенной в ней яркой картины польской народной жизни в эпоху разделов, которую Костомаров знал досконально и умел изобразить с неподражаемым мастерством. Свободно владея доступными в то время польскими документальными источниками, он как бы дал «задник» той дипломатической трагедии, которая сопровождала эпоху разделов. Сам ход дипломатических переговоров, особенно в том, что касается второго и третьего разделов, также изложен Костомаровым достаточно подробно, хотя уже отмеченное нами отсутствие ссылок на источники вынуждает перепроверять приведенные им факты и цитаты, особенно из Сборников РИО⁵⁸.

Оценивая в целом взгляды Костомарова на причины падения Польши, отметим их крайнюю по современным меркам эклектичность, выразившуюся, в частности, в его рассуждениях о «высшей справедливости», жертвой которой стала Польша. Напомнив, что Польша в свое время «насилием захватила» и Червонную Русь, и Великое княжество Литовское, Костомаров пришел к выводу о том, что «по причине своего внутреннего расстройтва Польша сделалась жертвой той политики, которая освобождала кабинеты государств от необходимости следовать нравственным основам справедливости и соображаться с законностью»⁵⁹. К сожалению, этот тезис трудно согласовать с критикой политики Фридриха II, которого Костомаров считает инициатором и злым гением первого раздела. Не менее противоречива и характеристика екатерининской политики в польских делах. Наряду с ее апологией, раздражавшей уже Н.И.Кареева, Костомаров упрекает Екатерину в «антинародной» политике, ссылаясь, в частности, на «неоправданность» передачи Галиции Австрии по первому разделу.

Взгляды Н.И.Костомарова, как и общая атмосфера второй половины 60-х годов XIX века, отмеченных широким распространением на волне реформ Александра II «народнических настроений» среди русской интеллигенции, оказали известное влияние на Д.И.Иловайского, автора монографии «Гродненский сейм 1793 года», целиком посвященной дипломатической истории второго раздела Польши⁶⁰. Отмечая, что «Польша пала жертвой своей анархии, и что анархия эта была следствием крайнего ослабления центральной власти и чудовищного развития шляхетского сословия», Д.И.Иловайский вслед за Н.И.Костомаровым видит причину этого в «народном типе, или народном характере»⁶¹. Придавая, как и Костомаров, преувеличенное значение нравственно-моральным факторам и явно недооценивая социально-политические, Иловайский сводит польские проблемы к ослабленному «народному инстинкту самосохранения». Он указывает на «два наиболее выдающиеся» проявления слабости «инстинктов самосохранения» у польского народа: во-первых, «добровольное призвание на свою землю Немецкого ордена; во-вто-

рых, пассивное отношение к чрезмерному размножению еврейского населения внутри своего организма»⁶². Естественно, что подобные взгляды на коренные причины польского государственного «беспорядка» отвергались русскими историками уже в конце XIX века. «Изменялись отношения, обстоятельства, воспитывавшие дух представителей нации, – вместо старого «не позволяю», делавшего невозможной правильную организацию, являлась, наоборот, способность к сплочению, строгой дисциплине, и национальное самосохранение делалось одним из самых живучих инстинктов польского общества», – замечал Н.И.Кареев в своей статье «Новейшая польская историография»⁶³.

В отличие от теоретических взглядов Иловайского, собранный им фактический материал, относящийся ко второму разделу Польши, вполне убедителен. Он основан на глубоком изучении дипломатической переписки, хранившейся в Московском главном архиве МИД. Перипетии гродненского сейма, дипломатическая деятельность Я.И.Сиверса и О.Игельстрема описаны Иловайским точно и достаточно объективно. Некоторые недоговорки, касающиеся в основном русско-прусских отношений, вполне понятны с учетом политических обстоятельств, в которых писалась книга Иловайского.

Добротная документальная основа монографии Иловайского позволила ему сделать выводы, которые можно признать достаточно взвешенными. Действительно, второй раздел Польши произошел вследствие исключительно неблагоприятной для России обстановки, сложившейся в Европе после начала второй турецкой войны. Очевидно, что у Екатерины не было причин инициировать второй раздел Польши, она пошла на него, как отмечает Иловайский, «уступив настояниям Пруссии» – или, глядя на события с современной точки зрения, – пытаясь избежать угрозы создания мощной антирусской коалиции в составе Пруссии, Англии, Голландии и Швеции. Вполне обоснованна и горечь, явно чувствуемая в словах Иловайского, констатирующего, что русская дипломатия вынуждена была принять на себя в Гродно «неблагодарную задачу принудить Речь Посполитую к формальной уступке провинций», хотя «ее моральное впечатление по своим последствиям было невыгодно для России»⁶⁴.

Анализ остающейся пока не опубликованной дипломатической переписки между Я.И.Сиверсом и Петербургом в 1793 году дает основание согласиться и с выводом Иловайского о том, что русско-польский союзный договор, подписанный в Гродно, явился «последней попыткой Екатерины спасти остаток Польши от нового раздела и подготовить его слияние с Россией, подобно учреждению Царства Польского Александром I»⁶⁵. Лишь последний, пятый, тезис Иловайского о том, что «как ни тяжело иногда впечатление, производимое картиной последнего польского сейма, мы не вправе безусловно

осуждать действия нашей дипломатии в то время», поскольку все происходило «сообразно с обстоятельствами и существовавшими обычаями» и «во всем прежде всего имелись в виду русские интересы», выглядит вынужденной данью современной ему политической конъюнктуре.

Несколько в стороне от главной тенденции русской историографии XIX века – рассматривать разделы Польши в контексте «исторического противоборства» двух главных славянских народов – стоит вышедшая в Петербурге в 1885 году «История Екатерины II» профессора Дерптского университета А.Г.Брикнера⁶⁶. Особенности подхода Брикнера к польскому вопросу, который он рассматривает во втором и третьем томах своей книги, заключаются в том, что он, пожалуй, первым среди отечественных историков попытался взглянуть на разделы Польши в контексте развития международной ситуации в Европе. «Значение России в Европе, – подчеркивает он, – обуславливалось в значительной степени преобладанием русского влияния в Польше. Для Екатерины же успехи в области внешней политики могли считаться удобным средством для упрочения за нею престола. Защищая права и интересы православных в Польше, она могла приобрести некоторую популярность в России. Вмешиваясь в польские дела, Екатерина в глазах света играла роль представительницы религиозной терпимости в борьбе против фанатизма католической церкви»⁶⁷.

Выделяя в своем анализе внешней политики Екатерины II ее прагматическую основу, нацеленность на «рациональный государственный интерес», Брикнер выводит тему разделов за национальные рамки, приближаясь тем самым к современному прочтению этого процесса. В частности, анализируя мотивы, побудившие Екатерину остро поставить во время посольства Н.В.Репнина (1767 – 1769 гг.) диссидентский вопрос, Брикнер указывает на то, что ее в первую очередь интересовало, «какие политические выгоды может представлять для России защита православных в Польше»⁶⁸. Вполне рационально он оценивает и известный «проект Чернышева» 1763 года, отмечая, что в результате первого раздела «Россия приобрела именно те области, на которые указывал Чернышев за несколько лет до раздела, то есть Белорусские области на Двине и Днепре»⁶⁹.

Сам ход дипломатических переговоров о разделах Польши излагается А.Г.Брикнером достаточно поверхностно в силу общего характера его книги. Тем не менее ответственность за них он в равной мере возлагает на Екатерину и Фридриха, отмечая, что «соглашение по этому делу представляло собой апогей прусско-русского союза»⁷⁰. Вместе с тем, подытоживая итоги политики Екатерины в европейских, турецких и польских делах, Брикнер отмечает, что «в сущности, завоевательная политика России подвела к разделу Польши.

Успехи русских дипломатов и полководцев в Польше, победа русского оружия при Чесме, Ларге и Кагуле сделались источником несчастья, постигшего Речь Посполитую»⁷¹.

Разумеется, подобная позиция могла встретить самую сдержанную оценку со стороны даже такого в целом объективного исследователя, как Н.И.Кареев, упрекавшего Брикнера в том, что «он не внес в свое сочинение, предназначенное и для немцев, то, что в русском взгляде имеет строго научную сторону»⁷², то есть взгляд на падение Польши как закономерный результат исторического противоборства двух народов и государств.

2

Важной особенностью формирования системы взглядов российских историков на разделы Польши явилось то, что польский вопрос в дооктябрьской России был одновременно и предметом научного исследования, и фактом политической жизни. Это обстоятельство не только определяло остроту публицистических и научных дискуссий, но и временами отражалось на научной судьбе историков, занимавшихся проблематикой разделов. В частности, неоднократно упоминавшийся нами историографический обзор замечательного российского историка Н.И.Кареева, бывшего, напомним, профессором Варшавского университета, достаточно критически воспринимался как рядом польских историков, упрекавших его в «несамостоятельности»⁷³, так и советскими историками, считавшими Н.И.Кареева «полонофилом»⁷⁴.

Этот пример представляется существенным не только потому, что он не единичен, но и потому, что вплоть до последнего времени трактовка истории разделов Речи Посполитой остается предметом острой полемики представителей различных исторических школ европейских стран, редко соглашающихся друг с другом в оценке тех или иных узловых аспектов польского вопроса. Общеввропейское значение этого вопроса, стоявшего в повестке дня всех европейских конгрессов XIX века и, по крайней мере, дважды – в 1830 и 1863 – 1864 годах – вызывавшего острейшие кризисы европейской системы международных отношений, обусловило тот факт, что фаза «войны всех против всех» в исследованиях польского вопроса затянулась до восстановления государственной независимости Польши в 1918 году. Констатируя это, мы имеем в виду лишь общие тенденции дискуссий по польскому вопросу, которые, конечно же, не определялись фактами совпадения оценок, к примеру, представителей польской «республиканской» школы с французскими историками конца XVIII – начала XIX века или такими «прорывными» для своего времени исследованиями, как монографии А.Беера⁷⁵, А.Сореля⁷⁶ или В.Калинки⁷⁷.

Одним из следствий такого положения дел стала резкая поляризация общественного мнения в России и Польше по проблематике разделов и польскому вопросу в целом, отголоски которой нетрудно обнаружить и в работах современных исследователей. Если в Европе и Польше уже со времен первого раздела существовала политическая литература, посвященная этой теме, то в России, по справедливому замечанию Д.И.Иловайского, газетные и журнальные публикации конца XVIII – начала XIX века относительно политики в Польше ограничивались лишь «манифестами и указами»⁷⁸. Академик А.Н.Пыпин, опубликовавший в 1880 году серию статей «О польском вопросе в русской литературе», отмечал, что русское «общество XVIII века не задавало себе политических вопросов; оно едва их ставило в XIX столетии»⁷⁹. И далее: «В журналах того времени (речь идет о 30-х гг. XIX в. – П.С.) напрасно было бы искать суждений о польском вопросе; политические сюжеты были вообще недоступны для тогдашней литературы»⁸⁰. Стихотворения Тютчева и Хомякова, статьи Н.П.Погодина о польских делах, написанные на волне польского восстания 1830 – 1831 годов, увидели свет только через 30 с лишним лет, в пореформенную эпоху. Что же говорить о резких антиправительственных статьях А.И.Герцена, не желавшего простить Екатерине разделов Польши «между одной немкой и двумя немцами», или выступлениях М.Бакунина в защиту польской независимости? Они не шли дальше русских эмигрантских изданий или парижских и лондонских газет.

В подобной ситуации Н.И.Кареев, подводя итоги своего историографического обзора, был вынужден признать, что общественное мнение России в польском вопросе формировалось под преобладающим воздействием двух факторов: влияния славянофилов и связанной с ними «национальной школы» и разочарования в западных ученых, достижения которых в изучении польского вопроса он оценивал весьма скептически, – «завоевательные планы Екатерины и диссидентский вопрос как политическое орудие – вот два предмета, около которых вертится все дело»⁸¹.

Для понимания путей, по которым шло осмысление в России и Польше трагической логики разделов Речи Посполитой, чрезвычайно важны наблюдения Н.И.Кареева за процессом «взаимопритяжения-взаимоотталкивания» идей, высказывавшихся в середине XIX века русскими славянофилами и польскими панславистами. Отмечая сугубо умозрительный характер выводов вождей славянофилов – Аксакова, Гильфердинга, Самарина, он ссылается, в частности, на критику Гильфердингом взглядов панслависта А.Мицкевича: «Славянский мир по теории Мицкевича издавна разделился на две противоположные стороны, составляющие как бы положительный и отрицательный его полюсы. Положительный полюс, полюс славянской идеи, заключается в Польше: чехи и сербы принадлежат

также к этой положительной стороне славянства, но дух в них ослабел и может воскреснуть только под влиянием Польши, которая хранит славянские начала для всего остального славянского мира. Отрицательный полюс идеи, которую Мицкевич называет «противославянской», заключается, по его мнению, в России. Древняя славянская народность на Руси, которую он именует «русинской», принадлежала первоначально к славянскому направлению, но она погибла, по словам Мицкевича, и от нее осталась лишь масса людей, говорящая, правда, наречием славянским, но которая, поглотив в себя много финских и татарских стихий, утратила славянские чувства»⁸².

Для понимания существа того, что А.С.Пушкин назвал «старым спором» двух великих славянских народов, важно, что ряд ведущих польских историков XIX века не только в полном объеме восприняли взгляды Мицкевича, но и пошли дальше. В частности, И.Лелевель в одной из основных своих работ утверждал, что Московия – «страна не славянская, народности азиатской и варварской, объявленная в XVIII столетии европейским государством, объявленная принадлежащей к славянской народности по указу царицы, обладавшей абсолютной властью. Россия носит имя, ей не принадлежащее. Она славянская по тому же праву, как Австрия. Московия, основанная в XII веке в противоположность и из ненависти к духу славянскому, или, лучше сказать, польскому, возвысилась разделом славянских земель, уничтожением их народности. Нынешняя Россия есть наибольшая противоположность славянским идеям, в особенности же идеям и верованиям польским. Что Польша утверждает, то отрицает Россия. Это наименование «Россия» ничего не обозначает. Это есть выражение чисто дипломатическое»⁸³.

Стоит ли удивляться, что на подобные провокационные в своей сущности выпады российские славянофилы отвечали не менее вызывающе? Н.Я.Данилевский, полемизируя со своими польскими оппонентами, отмечал, что «Россия не может быть названа завоевательным государством, поскольку в западном крае она только возвращала свое»⁸⁴. Ю.Ф.Самарин в статье «Современный объем польского вопроса», которую А.Н.Пыпин считал «наиболее цельным, логическим и наглядным изложением славянофильской теории», шел еще дальше, отмечая, что Польша есть «острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его на щепы»⁸⁵. Далее отмечается, что польский вопрос складывается, в сущности, «из трех вопросов, по существу своему различных, несмотря на их тесную связь:

Поляки – как народ, как особенная стихия в группе славянских племен.

Польша – как самостоятельное государство.

Наконец, Польша, или точнее: полонизм, – как просветительное

начало, как представительство и вооруженная пропаганда латинства в среде славянского мира».

И вывод: «Эти три понятия беспрестанно смешиваются и переходят одно в другое. Вся политика поляков заключается в их отождествлении, наша политика – в их разъединении»⁸⁶.

К несомненным достоинствам работ Н.И.Кареева, посвященных польскому вопросу, можно отнести то, что он дистанцируется от крайних точек зрения как с русской, так и с польской стороны. В своей статье «Исторический очерк польского сейма», вышедшей одновременно с «Историографией падения Польши», он отметил, что разделы Польши стали фактом политической жизни Европы вследствие того обстоятельства, что в то время, когда решающую роль в противодействии этому процессу могло бы сыграть сильное польское государство, законодательная и исполнительная власть в Речи Посполитой еще только начинала формироваться. В этом выводе, разумеется, нельзя не видеть элемента полемики с польскими историками «монархической» (Нарушевич) и «республиканской» школ, не говоря уже о И.Лелевеле и его сторонниках, усвоивших взгляды своих предшественников в том, что касается обвинения России как государства, несущего основную ответственность за разделы. И тем не менее рассуждения Кареева стоят гораздо ближе к выводам представителей «новой» для его времени – конца XIX века – польской историографии В.Калинки и М.Бобржинского⁸⁷, указывавших, что наряду с элементами национального возрождения, проявлявшимися накануне второго раздела, корыстные интересы магнатов и шляхты делали Польшу легкой добычей для ее соседей. При этом они не исключали, что единственным путем сохранения польской государственности могла быть какая-то форма ассоциирования оставшейся после первого раздела Польши части Речи Посполитой с Россией⁸⁸.

Важно и то, что Н.И.Кареев совершенно отказался от предвзятого, идеологизированного подхода при анализе дипломатических переговоров о разделах Польши. Совершенно справедливо указывая на особую заинтересованность Пруссии в разделах, он пишет о том, что прусская «чересполосица» рано или поздно должна была привести ее «к борьбе не на жизнь, а на смерть с Речью Посполитой»⁸⁹. Исходя из этого, он сделал вполне обоснованный вывод о том, что разделы Польши – не следствие каких-то политических случайностей и европейских конъюнктур, а результат продуманной стратегии Фридриха II, направленной на соединение владений Гогенцоллернов, причем решающей предпосылкой успеха этой стратегии могло явиться только соглашение Пруссии с соседями Польши Австрией и Россией.

Исходя из этой посылки, Кареев весьма критически оценивает действия Екатерины в период первого раздела, отмечая, что она прервала традицию русской внешней политики, заключавшуюся со вре-

мен Петра I в поддержании «нераздельного российского влияния в Польше»⁹⁰. Этот же вывод он распространяет и на второй и третий разделы, когда Фридрих Вильгельм II воспользовался ситуацией второй Русско-турецкой войны и Четырехлетним сеймом для новых территориальных приобретений за счет Польши – присоединения Данцига, Торна, а также ряда других областей коренной Польши.

Разумеется, с целым рядом утверждений Н.И.Кареева, повторившего, в частности, вслед за В.Калинкой, что главной задачей историков разделов в начале XX века «является уже не выявление новых материалов, а изучение уже собранных»⁹¹, трудно согласиться. Новые и значительные документальные материалы о разделах Польши продолжают поступать в научный оборот и в наши дни. Тем не менее, без его, как представляется, во многом еще не оцененных по достоинству работ картина эволюции взглядов российских и польских историков на разделы Речи Посполитой была бы лишена многих существенных аспектов.

3

Сильное влияние славянофильских идей, если не на историографию, то на общественное мнение и русскую политическую публицистику, затрагивавшую польский вопрос, не в последнюю очередь объясняется тем, что основные труды немецких и французских ученых по разделам Польши стали доступны русским историкам только в пореформенную эпоху. Так, отрывки из мемуаров Фридриха II, впервые опубликованные в 1788 году, были переведены на русский язык и изданы П.Вяземским со своими комментариями только в 1869 году⁹². Как известно, прусский король достаточно откровенно признал в них собственную инициативную роль в первом разделе Польши⁹³.

Кстати сказать, несколько циничная откровенность Фридриха II боком вышла прусским историкам, которым пришлось приложить немало усилий для того, чтобы если не оправдать, то хотя бы объяснить политику прусского короля в польском вопросе.

Одним из наиболее характерных примеров попытки выполнить подобный «политический заказ» является монография К.Шлецера «Фридрих Великий и Екатерина II»⁹⁴, вышедшая в Берлине в 1859 году. Фр.Смитт в монографии «Фридрих II, Екатерина и раздел Польши», о которой мы будем говорить далее, подверг работу Шлецера резкой и аргументированной критике⁹⁵. Между тем, Фридрих Раумер в своем исследовании европейской политики со времени окончания Семилетней войны до 1783 года, опубликованном в 1839 году, предложил гораздо более изощренную методику ответа на волновавший историков XIX века вопрос «Кто виноват?». Заметив, что «важно не то, кто первый задумал раздел или о нем заговорил,

а то, кто первый создал возможность или необходимость раздела»⁹⁶, Раумер без труда «доказал», что при таком подходе главным виновником оказывается Россия, «постоянно вмешивавшаяся в польские дела», а также сами поляки с их архаичным государственным строем.

Капитальный семитомный труд Е.Германна «История Русского государства», вышедший в Гамбурге в 1853 году, долгое время являлся наиболее цитируемым исследованием по польским разделам⁹⁷ (екатерининской эпохе посвящены в нем 5-й, 6-й и большая часть 7-го, дополнительного тома). Причиной этого стало широкое использование автором новых документов из саксонских, прусских и английских архивов. В.А.Бильбасов, впоследствии сам пользовавшийся архивными выписками Германна, отмечал, что «впервые европейская публика прочла подробную историю, в которой почти каждое слово автора подтверждалось выписками из современного документа»⁹⁸. Вместе с тем и Бильбасов, и Иловайский отмечали тенденциозность в отношении России труда Германна, объясняя его популярность, в первую очередь, тем, что он был долгое время запрещен в России. Кстати, недобросовестностью Германна, допускавшего значительные искажения в использованных им архивных документах, Бильбасов объяснял и весьма критически воспринимавшиеся им документальные публикации в сборниках Русского исторического общества, активно сотрудничавшего с Германном в получении материалов из прусских архивов.

И тем не менее, огромный объем материалов, обработанных Германном, позволил Н.И.Карееву заметить, что ему «принадлежит весьма важное место в историографии падения Польши»⁹⁹. Из документов, впервые введенных Германном в научный оборот, он особо выделял те, которые относились к периоду 1773 – 1788 годов, считавшемуся многими европейскими историками периодом национального возрождения Польши. «Слабые попытки отдельных лиц улучшить моральное и политическое состояние своей нации исчезали почти бесследно, как водяные капли в море раскаленного песка»¹⁰⁰, – эта оценка Германном событий, предшествовавших Четырехлетьному сейму, инициировала впоследствии широкие и острые дискуссии относительно того, имелась ли альтернатива второму и третьему разделам Польши.

Исследования Генриха Зибеля¹⁰¹, освещающие разделы Польши с позиций крайнего прусского национализма, подробно рассмотрены в обзорах Н.И.Кареева и В.А.Бильбасова¹⁰². В связи со своей тенденциозностью они вряд ли заслуживали бы особого упоминания, если бы в первом из них Зибель не остановился, впервые и достаточно подробно в западной историографии, на геополитических аспектах польских разделов. Применительно к истории разделов Зибель развил мысль, высказанную еще Фридрихом II (мемуары которого он, кстати, считал «лучшим источником» по историографии польского

вопроса¹⁰³) о том, что захват польских территорий между Бранденбургом и Восточной Пруссией был для Пруссии вопросом выживания.

Существенно, что, публикуя свои работы уже на этапе начавшегося процесса объединения Германии под эгидой Пруссии, Зибель как бы выявил сквозную логику действий Пруссии, начиная со времен Фридриха II, подведя теоретическую базу под прусскую экспансию за счет соседей. Характерно и то, что в исторических построениях Зибеля за неприкрытой апологетикой политики Фридриха II и Фридриха Вильгельма II постоянно просматривается «историческая предопределенность» разделов Польши в контексте опасений Пруссии относительно усиления России в случае ее безраздельного господства в Речи Посполитой¹⁰⁴.

В качестве антипода Зибелю во взглядах на разделы Польши выступает Фридрих Смитт, остзейский немец, находившийся на русской службе и принявший русское подданство. По ходатайству великого князя Александра Николаевича, впоследствии императора Александра II, он еще в николаевскую эпоху был допущен к архивам МИД России¹⁰⁵. Труды Смитта вызвали в свое время достаточно широкий резонанс в Европе и России как в связи со значительным объемом опубликованных им архивных документов (в частности, письма Екатерины II Понятовскому от 2 июля 1762 г.), так и «пропрусской» позицией, за которую автора упрекали в Германии.

Действительно, второй труд Смитта «Фридрих II, Екатерина и раздел Польши»¹⁰⁶, написанный еще в 1852 году, был издан в Париже и Берлине в 1861 году по инициативе канцлера А.М.Горчакова, стремившегося приглушить антирусские настроения, распространявшиеся в Европе в связи с начинавшимися в Польше волнениями. Опубликованный Смиттом значительный массив русских дипломатических документов позволил европейским историкам, воспитанным на трудах Рюльера и Феррана, взглянуть на польский вопрос под совершенно иным углом. Особенно важен приводимый Смиттом в первой главе своей книги критический разбор предшествующих сочинений, явившийся по существу первым в европейской историографии разделом. Сохраняют свое значение и сделанные Смиттом уточнения позиции Фридриха в диссидентском вопросе, на который он обращал внимание Екатерины еще до подписания русско-прусского союзного договора 1764 года¹⁰⁷, изложение им предыстории «плана Линара» и русско-прусских, прусско-австрийских и русско-австрийских переговоров накануне первого раздела.

Значительный интерес для современных исследователей сохраняет и монография австрийского историка Адольфа Беера «Первый раздел Польши», написанная на основе документов из венского, берлинского и дрезденского архивов¹⁰⁸. Общие выводы А.Беера достаточно традиционны для его времени. Критикуя за предвзятость

как прусских историков, так и С.М.Соловьева, чья монография о падении Польши была переведена на немецкий язык, он тем не менее заявляет, что принял в своей работе «за основу» показания самого Фридриха II, данные в его мемуарах. Заявление это, сделанное в предисловии, к счастью, остается чисто декларативным, поскольку, рассматривая дипломатическую линию Австрии, России и Пруссии в польских делах, Беер приходит к исключительно важному выводу о том, что первый раздел был «следствием полного разложения европейской системы государств во второй половине XVIII века и обусловленной этим бездеятельности посторонних разделу держав»¹⁰⁹.

Ответственность за участие Австрии в разделе (которое, впрочем, было, на взгляд Беера, пассивным) он возлагает на канцлера Кауница, подробно распространяясь о нравственных терзаниях Марии-Терезии, становившихся немедленно известными всей Европе.

Оценка линии России у Беера противоречива. С одной стороны, он справедливо отмечает, что в Петербурге стремились к полному подчинению Польши. С другой – связывает это с пресловутым «экспансионизмом» российской внешней политики. Признавая, что Россия по первому разделу получила области с «большинством населения, тяготевшего к ней по религиозным причинам», он тем не менее представляет именно Екатерину в роли инициатора первого раздела.

Что касается позиции Пруссии, то, повторяя доводы Фридриха II, Беер добавляет к ним только следующую деталь: «Раздел Польши был необходим и потому, что «так тогда сложились обстоятельства: стоял вопрос о том, Пруссии или России стать твердой ногой на побережье Балтийского моря»¹¹⁰. В.А.Бильбасов охарактеризовал монографию А.Беера как «лучший в немецкой литературе труд по польскому вопросу»¹¹¹, хотя и заметив при этом, что «России автор совершенно не знает и меряет ее на западноевропейский аршин»¹¹².

4

Французские исследователи, бывшие, как уже отмечалось, «первооткрывателями» польской темы, оказали заметно меньшее влияние, чем немецкоязычные авторы, на изучение истории разделов в России. Причиной этого, помимо цензурных препятствий, стала хроническая, иногда болезненная тенденциозность, с которой французские историки излагали политику России в польских делах. Примером этого могут служить обстоятельные монографии К.Рюльера и Л.Феррана, опубликованные в конце XVIII – начале XIX века¹¹³. Клод Рюльер, бывший французским поверенным в делах в Петербурге во время июньского переворота 1762 года и описавший его в своей знаменитой книге, вышедшей в 1797 году сразу восьмью

изданиями во Франции, Англии и Германии¹¹⁴, работал над своей «Историей анархии в Польше» более 20 лет. Поскольку она предназначалась для дофина, впоследствии короля Людовика XVI, автор был допущен к архивам французского министерства иностранных дел. Рюльер умер в 1791 году, так и не закончив свой огромный труд, доведенный до 15-го тома.

Предвзятое отношение Рюльера к политике Екатерины II и к России в целом (свой труд он первоначально предполагал назвать «История деспотизма в России и анархии в Польше») сделало его книгу объектом критики уже современных ему историков. «Автор за Польшу и против России»¹¹⁵, – этот вывод Бильбасова, в сущности, исчерпывает политическую характеристику труда Рюльера. Автор чрезвычайно пристрастно оценивает действия русских дипломатов, за исключением Кейзерлинга и Штакельберга. Главным виновником раздела он, разумеется, считает Екатерину, «доказывая» на основании свидетельств секретарей принца Генриха Прусского барона Книппгаузена, Сандоса и Кезара вывод о том, что инициатива раздела исходила не от Пруссии, а от России¹¹⁶.

Значительно большую ценность для современных исследователей имеет монография Луи Феррана «Три раздела Польши, служащие продолжением истории польских смут, написанной Рюльером» (Париж, 1820). В.А.Бильбасов справедливо характеризует ее как «первое в западноевропейской литературе сочинение, представившее полную картину трех разделов Польши, и первое, широко воспользовавшееся дипломатическими депешами французских агентов в Петербурге, Варшаве, Вене и Константинополе»¹¹⁷. Л.Ферран, министр Людовика XVIII, не только имел широкий доступ к архивам французского министерства иностранных дел, но и пользовался выписками и материалами, подготовленными, но не использованными Рюльером.

Бильбасов и Кареев достаточно критически оценивают труд Феррана, справедливо указывая на то, что донесения французских дипломатов о внешней политике России в период с 1771 по 1794 год не только не отличались объективностью, но и были прямо враждебны России. Это не могло не наложить отпечаток на изложение Ферраном истории двух русско-турецких войн в эпоху Екатерины, дипломатической борьбы по польским делам. Характерно, что с осуждением труда Феррана в свое время выступил и Н.И.Костомаров, а также польский историк В.Калинка, отметивший, что книга Феррана «имела дурное влияние на самих поляков, поверивших ему».

Тем не менее, несмотря на короткую историческую дистанцию, с которой Ферран смотрел на разделы (он начал писать свою книгу в 1815 г. после Венского конгресса), высказанные им соображения о стратегических просчетах Австрии, Пруссии и России, не понявших значение необходимости оставить Польшу в качестве буфера

между ними, достаточно любопытны. Трудно согласиться с мнением Н.И.Кареева, считавшего сочинения Рюльера и Феррана «совершенно устарелыми»¹¹⁸. Во всяком случае, при анализе визита принца Генриха Прусского в Петербург осенью 1770 года мы пользовались (после соответствующей проверки) данными Феррана, сообщаемого на основании хранившихся у него бумаг Рюльера ряд существенных деталей, касающихся начала русско-пруских контактов относительно первого раздела.

Обширный, местами не потерявший актуальности фактический материал содержат записки французского посла в Петербурге в 1786 – 1789 годах Л.-Ф.Сегюра¹¹⁹ и письма французского офицера связи в Польше в эпоху Барской конфедерации Виомениля¹²⁰. Весьма интересен, в частности, рассказ Сегюра о его беседе с принцем Генрихом относительно предыстории первого раздела Польши¹²¹. В книге Виомениля кроме его 12 писем, ярко воссоздающих атмосферу борьбы России с конфедератами, опубликован дневник осады краковского замка, сделанный французским офицером Галибером, советником барских конфедератов. Воспоминания графа Сен-При¹²² и его статья о польских разделах в журнале «Ревю де дё монд»¹²³ отразили опыт автора как посла Людовика XVI в Константинополе, а затем представителя французских эмигрантов в Петербурге в первой половине 90-х годов.

Значительное влияние на понимание европейскими и российскими историками существа и механизма разделов Польши оказали работы замечательного французского историка Альбера Сореля¹²⁴. В монографии «Европа и французская революция», вышедшей в 1885 году, А.Сорель прослеживает влияние Великой французской революции на различные страны Европы. Применительно к Польше это дало ему возможность не только ввести разговор о разделах в широкий контекст развития международных отношений в Европе, но и сделать новые заключения о характере политических и социальных проблем Польши второй половины XVIII века. Приветствовав принятие конституции 3 мая 1791 года как «самую прекрасную эпоху в новой истории Польши»¹²⁵, он в то же время подчеркивает: если во Франции «под партиями, раздирающими одна другую на поверхности, есть основа нации – здоровая, однородная, неизменная», то в Польше «вместо нации существует только несколько тысяч дворян, образующих партии, раздирающие республику и оспаривающие друг у друга ее лохмотья»¹²⁶. И далее: «Польская революция была произведена дворянами и для дворян же; она пала, потому что массы ее не поддержали».

Отношение к разделам Польши у Сореля неоднозначное. Первый раздел он если и не оправдывает, то хотя бы видит в нем (впрочем, как и ряд немецких историков) рациональное зерно – этот «урок» полякам, по его выражению, стал импульсом для последующей кон-

солидации шляхты вокруг лозунга проведения реформ, направленных на преодоление феодальных пережитков. Второй и третий разделы он вполне справедливо связывает со сложнейшими политическими конъюнктурами в Европе, складывавшимися под влиянием французской революции. Политику Пруссии, России и Австрии в польском вопросе он характеризует как «абсолютно беспринципную», отмечая, что «в Польше хотели восстановить ту самую анархию, которую стремились подавить во Франции»¹²⁷. Удачно, на наш взгляд, и сравнение Сорелем Тарговицкой конфедерации с французскими эмигрантами, с тем, однако, отличием, что последние представляли меньшинство французов, тогда как идеи Тарговицкой конфедерации владели большинством польской шляхты.

Вторая из крупных работ А.Сореля «Восточный вопрос в XVIII веке» вышла в 1878 году, во время очередной Русско-турецкой войны. «Основной вопрос, который я хочу рассмотреть в его исходной точке и в его воздействии на политику, последствия которой повергли Европу в тот кризис, который она сегодня переживает», — так определяет А.Сорель как бы прикладной характер своего исследования, посвященного истокам русско-пруско-австрийского союза¹²⁸.

Ценность этого труда Сореля не в архивных изысканиях — он пользовался опубликованными к тому времени многочисленными документальными источниками из петербургского, венского и берлинского архивов. Она состоит, скорее, в целом ряде новых идей и подходов, предложенных им для осмысления дипломатического механизма польских разделов. Наиболее любопытная из них связана с анализом попыток русской дипломатии уже весной 1769 года, в самом начале первой Русско-турецкой войны, выработать единые подходы к польскому и турецкому вопросам. В частности, Сорель привел полный текст депеши прусского посла в Петербурге Сольмса Фридриху II от 3 марта 1769 года, опубликованный в сборнике Русского исторического общества с некоторыми сокращениями¹²⁹. Оказывается, Панин, реагируя на известный «план Линара», обещал Сольмсу не только согласие на передачу Фридриху Польской Пруссии и Вармии, но и призывал создать вместо Османской империи «республику с центром в Константинополе»¹³⁰. Интересен и анализ Сорелем реакции Кауница и Марии-Терезии, Екатерины II и Фридриха на критику, хотя и достаточно приглушенную, их линии действий во время первого раздела¹³¹.

К сожалению, несмотря на значительное количество введенных им интересных и разнообразных фактов и документов, Сорель закончил свою книгу традиционным для французских историков выводом об имманентном экспансионизме русской внешней политики¹³². «Россия преследовала в Турции и Польше один и тот же план насаждения своего влияния; она готовила его теми же методами. Разделять,

чтобы властвовать, поднимать смуту, чтобы поработать, создавать себе сторонников внутри государства и присваивать себе право от имени этого государства вмешиваться в его внутренние дела в пользу этой партии, эту политику мы видим и в Варшаве, и в Константинополе»¹³³.

Фундаментальное двухтомное исследование герцога де Бройли «Секрет короля»¹³⁴, а также сборник документов, опубликованный французским исследователем Бутариком¹³⁵, содержат интересную и обширную информацию о тайной политике Людовика XV, весьма важным объектом которой, как известно, являлась Польша. Особый интерес представляет работа де Бройли, потомка руководителя тайной дипломатии Людовика XV («Секрет короля»), написанная на основании семейных архивов. Она, в частности, показывает, что агенты «Секрета» в Польше и в России – Терсье, Дюран – были порой значительно более объективны в своих оценках, чем дипломаты, не посвященные в него. Бройли не только совершенно определенно пишет о колебаниях, которые испытывала Екатерина накануне первого раздела Польши, но замечает, что она «в последнюю минуту пыталась воспрепятствовать разделу, чтобы оставить себе руки свободными на Востоке»¹³⁶.

Широко документированные, написанные в объективном тоне работы де Бройли и Бутарика сохраняют свое значение и сегодня, когда в 1992 – 1996 годах вышло блестящее трехтомное исследование французского журналиста и историка Жилья Перро о «Секрете короля»¹³⁷. Большую важность для исследователей раздела Польши представляет концовка 1-го и весь 2-й том работы Перро, посвященные закулисной истории дипломатической борьбы в польском вопросе.

5

Пик накопления историко-архивного материала по разделам Польши пришелся на конец XIX века. Век XX, в особенности его последнее десятилетие, расширил и углубил наше представление о генезисе польского вопроса. Появился ряд добротных, в ряде случаев – первоклассных исследований по проблеме разделов в целом и по отдельным ее аспектам, причем, в отличие от XIX века, в основном англоязычных авторов. Однако работы концептуального плана, которая синтезировала бы находки и «озарения» различных исторических школ, пока, на наш взгляд, не появилось.

Объяснить сохраняющуюся противоречивость, порой – полярность суждений относительно природы и последствий разделов Речи Посполитой при постоянно увеличивающемся объеме исследований на эту тему можно только высокой степенью политизации польского вопроса в XX веке. Советско-польская война 1920 – 1921 годов,

активное участие польских властей в политике «умиротворения» Гитлера, трагические события августа – сентября 1939 года, острая борьба вокруг западных границ Польши в послевоенный период – все это формировало ощущение, что процессы, запущенные разделами Речи Посполитой в конце XVIII века, еще не завершены, и делать цельные, вписанные в общую логику международных отношений оценки преждевременно.

Логика складывавшегося двуполярного мира делала актуальной для Запада исследование цивилизационных проблем России и Восточной Европы. В силу этого проблематика разделов получила свое во многом новое освещение именно в таких исследованиях видных западных историков: Дж.Александера¹³⁸, Дж.Биллингтона¹³⁹, И. де Мадриага¹⁴⁰, М.Раеффа¹⁴¹. В частности, Изабель де Мадриага, автор фундаментальной монографии «Россия во времена Екатерины Великой», посвящает анализу роли России в разделах Польши чуть более 40 страниц¹⁴². В целом объективно, с глубоким знанием деталей излагая перипетии предыстории и истории разделов, И. де Мадриага приходит к важному, на наш взгляд, выводу о вынужденном характере участия Екатерины в разделах Речи Посполитой. «Был ли второй раздел Польши результатом политики, систематически проводившейся с 1686 года? – пишет она. – Был ли он обусловлен первым? Многие указывают на то, что к началу второй турецкой войны никакого подобного плана не существовало; более того, Россия была расположена заключить союз – впрочем, на неравных условиях – с Польшей. И только после того как последняя начала проводить с октября 1788 года пропрусскую и антирусскую политику, вопрос о вводе войск начал фигурировать среди множества вариантов, рассматривавшихся как императрицей, так и, прежде всего, Потемкиным. После провозглашения в мае 1791 года новой конституции о разделе начали говорить в России как о средстве принудить республику выполнить свои обязательства. Однако основным замыслом имперской политики являлось восстановление прежней польской конституции. Никогда, несмотря на весь шантаж, которому она подвергалась со стороны Тройственного союза, Екатерина не допускала возможности позволить Пруссии аннексировать польские территории. Если бы не война против Франции, начавшаяся в 1792 году, она, по всей вероятности, все равно была бы вынуждена согласиться на раздел остатков Польши с Пруссией, предварительно оккупировав Польшу в мае. Однако после начала военных действий стало практически неизбежным, что «якобинская» Польша должна была оплатить продолжение войны против якобинской Франции»¹⁴³.

Монография И. де Мадриага остается, на наш взгляд, лучшим западным исследованием екатерининской эпохи, в том числе и потому, что ее автор сумела достаточно органично ввести в ткань своей книги сюжеты, которые по различным причинам остерегалась затра-

гивать российская и советская историография (династические мотивы во внешней политике, роль внутреннего и внешнего масонства, личные качества Екатерины как фактор формирования ее внутренней и внешней политики). Заметно, что в своих оценках Мадриага опиралась не только на часто цитируемого ею патриарха американской славистики М.Раеффа, но и на глубокие, хотя и написанные с более жестких позиций работы П.Дьюка¹⁴⁴ и Д.Рансела¹⁴⁵.

Монография последнего «Политика в екатерининской России. Партия Панина», подготовленная в конце 70-х годов в Йельском университете, заслуживает отдельного упоминания. В ней на обширном документальном материале анализируется механизм принятия внешнеполитических решений в первую половину царствования Екатерины II. При общей весьма высокой оценке этой работы нельзя не отметить, что Д.Рансел, по всей видимости, незаметно для себя слишком добросовестно переносит на русскую почву XVIII века схемы борьбы придворных группировок, хорошо изученные на примере различных стран Европы, не замечая, что, как сказал Дидро Екатерине II в 1773 году, «многие вещи, которые в Париже выглядят в одном цвете, в Петербурге представляются совсем иначе». При этом, пытаясь вскрыть программную, принципиальную основу противоборства Паниных и Орловых, он иногда оставляет в стороне важные и достаточно известные документы, свидетельствующие о высокой степени совпадения программных установок братьев Орловых и Н.И.Панина, в том числе в польском вопросе. Постоянная конфронтация этих двух группировок, сопровождавшаяся противоречивыми заявлениями с той и другой стороны, носила, по всей видимости, характер борьбы за личное влияние, в рамках которой разногласия по внешнеполитическим проблемам составляли только ее внешний контекст.

Среди западных исследований последних лет, посвященных Екатерине, хотелось бы выделить сборник «Екатерина II и Европа» под редакцией А.Давиденковой¹⁴⁶, вышедший в Париже в 1997 году в связи с 200-летней годовщиной со дня смерти Екатерины. Этот сборник интересен тем, что он отразил новый уровень международного сотрудничества по екатерининской проблематике, объединив видных исследователей из различных европейских стран и России. Среди опубликованных в нем материалов, соприкасающихся с проблематикой разделов Польши, выделяется статья М.Струве «Екатерина II и религия»¹⁴⁷, содержащая интересный новый материал об отношении Екатерины к диссидентскому вопросу в Польше.

В связи со сборником А.Давиденковой интересно отметить, что значительное количество в основном беллетризованных биографий Екатерины II, появившихся на Западе, побудило немецкого исследователя Е.Борнтрегера проанализировать подобные публикации, появившиеся во Франции и Германии¹⁴⁸. Говоря об особен-

ностях восприятия личности Екатерины в Европе, автор отмечает, что французских исследователей интересует в первую очередь феномен «республиканки на царском троне», отношения Екатерины II с французскими просветителями. Немецкие историки уделяют особое внимание ее «германским добродетелям», концентрируясь на реальных политических итогах ее царствования.

Особенно любопытно – и это, на наш взгляд, в какой-то мере характерно и для исследований разделов Польши – наблюдение Борнтрегера о полном отсутствии в европейской исторической литературе даже попыток по-новому интерпретировать исторический образ Екатерины и ее роль в формировании российской политики в век Просвещения. «При всей нередкой «ненаучности» историков старшего поколения, – подчеркивает автор, – их беззаботная непосредственность и зачастую впечатляющая сила выражений выгодно отличаются от умеренной взвешенности стиля многих новейших историков». Признавая «частичный прогресс» в разработке таких частных проблем екатерининского царствования, как разделы Польши, Греческий проект, Е.Борнтрегер констатирует, что «не может быть и речи о существенном прогрессе, достигнутом в систематическом понимании екатерининской эпохи».

Переходя к исследованиям, посвященным непосредственно разделам Речи Посполитой, необходимо указать на монографию профессора Гарвардского университета Р.Лорда «Второй раздел Польши. Исследование его дипломатической истории»¹⁴⁹, опубликованную в 1915 году, статью того же автора о третьем разделе Польши¹⁵⁰, а также работы профессора Колумбийского университета Г.Каплана «Первый раздел Польши» (1962 г.)¹⁵¹ и «Россия накануне Семилетней войны» (1968 г.)¹⁵².

Монография Г.Каплана, подготовленная в рамках программы Колумбийского университета по изучению истории Центральной и Восточной Европы, является одним из редких исследований преимущественно дипломатической истории первого раздела. Прекрасное знание автором обширной литературы по польскому вопросу, а также работа в польских и английских архивах позволили Г.Каплану дать достаточно объективную и убедительную версию предыстории и самого хода первого раздела Речи Посполитой. Общее впечатление несколько снижает только определенная политическая «заданность» работы: Г.Каплан сам признает, что его задачей было обосновать тезис о том, что территориальная целостность Польши была принесена в жертву «стремлению к территориальной экспансии и попыткам обеспечить баланс сил в Центральной и Восточной Европе» со стороны Пруссии, Австрии и России¹⁵³. Подобный подход, на наш взгляд, несколько снизил возможности концептуального осмысления феномена разделов. Несмотря на это, монография Г.Каплана – важный реферативный источник, без которого в настоящее время вряд

ли можно обойтись при исследовании истории первого раздела Речи Посполитой.

Базовой монографией по истории второго раздела со времени ее выхода в 1915 году стала книга Р.Лорда. Дело в том, что автору удалось систематизировать информацию, накопленную историками Польши, Германии, Австрии и России, исследовавшими различные аспекты международной ситуации в Европе до и после второго раздела. Работа Лорда остается самым полным и связным изложением сложной истории второго раздела Речи Посполитой.

Вместе с тем относительно личного вклада Р.Лорда в изучение проблематики второго раздела существуют различные точки зрения. Его работа в австрийских, прусских, польских и русских архивах позволила ему выявить и опубликовать в приложениях к своей книге ряд интересных документов, в частности о подходе Потемкина к польским делам накануне и во время второй Русско-турецкой войны¹⁵⁴. В то же время представляется, что «заполнить лакуны», особенно в том, что касается формирования позиции России в кризисные для нее 1791 – 1792 годы, американскому историку удалось, скорее, поставив новые вопросы, чем убедительно ответив на старые. Тем не менее наличие прекрасного, вполне современного научного аппарата, широкое знакомство с литературой на польском и русском языках делают монографию Лорда одной из лучших в историографии разделов Речи Посполитой.

Пожалуй, наиболее значимым событием в исследовании польского вопроса стало появление после открытия архивов ГДР целого ряда немецких исследований по внешней политике Пруссии второй половины XVIII века, в которых так или иначе затрагивается проблематика разделов Польши. По обилию новых документов, введенных в научный оборот, повторное «открытие» прусских архивов в 1990-е годы вполне сравнимо с «публикационным взрывом», последовавшим после разрешения публичного доступа в архивы Габсбургов в Вене в 70-е годы XIX века.

Для появившихся в эти годы монографий М.Г.Мюллера¹⁵⁵, К.Шарфа¹⁵⁶, Ф.Альтхоффа¹⁵⁷, К.Цернака¹⁵⁸, М.Шульце-Весселя¹⁵⁹, Т.Шидера¹⁶⁰, написанных с разных концептуальных и методологических позиций, характерно общее стремление по-новому, на системном уровне осмыслить тенденции развития международных отношений в Европе, становление взаимодействия в треугольнике Берлин – Вена – Петербург в связи с формированием «негативной» политики в отношении Польши. Среди названных публикаций хотелось бы особо выделить работы М.Шульце-Весселя, применившего принципы реалистической школы Моргентау к анализу российской внешней политики послепетровского периода. Сочетая с методикой школы Моргентау как достижения классической прусской историографии (Л.Ранке), так и метод «структурно-политической истории»

К.Цернака, М.Шульце-Вессель очень интересно структурирует процессы, формировавшие «восточную подсистему» Вестфalia и породившие «негативную польскую политику».

Значительное внимание изучению «системной логики» межгосударственных отношений Восточной Европы уделяется и в исследовании М.Г.Мюллера «Разделы Польши. 1772 – 1793 – 1795». Предложенная им схема, в которой на фоне возрастания роли России в европейских делах после победы в Северной войне и специфической «динамики» действий Пруссии, стремившейся утвердиться в качестве «малой великой державы», особо выделяется восточный вопрос как фактор «мобилизации австрийских, а вскоре и британских интересов с целью сдерживания обозначившейся русской экспансии в Причерноморье», представляется весьма перспективной. Серьезным вкладом М.Г.Мюллера в историографию разделов можно считать и установленную им «причинную иерархию» факторов, обусловивших повторяемость разделов Польши.

Различные аспекты немецкой политики Екатерины II, а также русско-прусского взаимодействия в период разделов Польши рассматриваются в монографии К.Шарфа «Екатерина II, Германия и немцы».

Не менее впечатляющая волна публикаций по истории разделов последовала в последние годы в Польше. Монографии и статьи И.Сковroneка¹⁶¹, З.Зелинской¹⁶², Т.Цегельского и Л.Кондзели¹⁶³, Е.Михальского¹⁶⁴, А.Замойского¹⁶⁵, С.Гродзинского¹⁶⁶, Б.Шиндлера¹⁶⁷ и многих других отличаются солидной историко-документальной базой и стремлением объективно осмыслить трагический опыт собственной и европейской истории.

Вместе с тем для новейших польских публикаций остается характерным достаточно широкий разброс мнений относительно причин исчезновения польского государства с карты Европы. Одна группа польских историков («пессимисты») видят их, следуя традициям «краковской школы», в военной, политической и дипломатической слабости Речи Посполитой; другая («оптимисты») – в «неблагоприятном для Польши соотношении сил европейских держав и ее противоречиях с Россией и Пруссией»¹⁶⁸. В очерченном пространстве время от времени делаются попытки нестандартно взглянуть на проблему разделов¹⁶⁹. Однако основные стереотипы, сложившиеся еще в конце XVIII – начале XIX века, оказались весьма устойчивыми. Это отразила, в частности, популярная работа Т.Цегельского и Л.Кондзели «Разделы Польши. 1772 – 1793 – 1795», вышедшая в Варшаве в 1990 году, а также фундаментальная монография А.Замойского «Последний король Польши», переведенная на английский язык.

Новым и весьма обнадеживающим явлением стало более тесное взаимодействие российских, польских и немецких историков.

В частности, опубликованное в сборнике «Польша и Европа в XVIII веке» (Москва, 2000) исследование З.Зелинской проблематики первого раздела, статья Л.Кондзели, в которой намечена весьма перспективная программа исследований второго раздела, статьи М.Г.Мюллера, Б.В.Носова, Т.И.Исламова и других показывают продуктивность соединения усилий историков Восточной и Центральной Европы для выработки современных концепций истории разделов Речи Посполитой.

6

В советский период монографических исследований, посвященных разделам Речи Посполитой, в нашей стране опубликовано не было. Объяснить это можно, на наш взгляд, двумя основными причинами. Во-первых, основное внимание уделялось социально-экономическим, классовым факторам исторического процесса, причем в этой области советскими историками был подготовлен целый ряд фундаментальных исследований о путях развития России в XVIII веке. Во-вторых, доступ к архивным фондам по теме политики России в отношении разделов Польши был крайне ограничен и усложнен.

Вместе с тем попытки осмысления логики разделов в рамках марксистской методологии давали порой интересные результаты. В частности, при всех издержках и слабостях концепции «экономического детерминизма» М.Н.Покровского его вывод об экономической обусловленности разделов Польши заслуживает внимания хотя бы потому, что вводит в оборот группу факторов, которые привлекали внимание и дореволюционных российских историков, в частности А.А.Кизеветтера¹⁷⁰, П.Н.Милюкова¹⁷¹. Разумеется, утверждения Покровского о том, что после Северной войны Литва, Белоруссия и оставшаяся за Польшей часть Украины «экономически зависели не от Варшавы, а от Москвы и Петербурга»¹⁷², не подтвержденные соответствующими статистическими выкладками, выглядят легковесно, чтобы не сказать больше. В то же время общая оценка Покровским екатерининской политики в отношении Польши (при всей ее схематичности) как направленной на то, чтобы «объединить в руках русского торгового капитала всю Восточную Европу»¹⁷³, получила развитие во взглядах некоторых современных историков (в частности, эта идея прослеживается в работе доктора Ф.Альтхофа, посвященной политике Фридриха II после Семилетней войны)¹⁷⁴.

В 3-м томе «Истории СССР» разделам Польши в екатерининскую эпоху посвящено четыре страницы¹⁷⁵. При достаточно объективном изложении фактов (упомянуто о конституции 3 мая 1791 г., Тарговицкая конфедерация охарактеризована как «реакционная») в общей оценке разделов акцент сделан на том, что «объединение в составе

России» всех белорусских и большей части украинских земель «отвечало интересам украинского и белорусского народов». И далее: «Положительное значение переход в состав России, более развитой экономически, чем Речь Посполитая, имел и для латышей и литовцев. Но польский народ оказался лишенным своей государственности, а населенная поляками территория была раздроблена между Пруссией и Австрией. Русский царизм, хотя и не захватил польские земли, однако вместе с Пруссией и Австрией несет ответственность за участие в этом несправедливом акте»¹⁷⁶.

С учетом требований, которые предъявлялись в то время к официальным публикациям, выводы Л.А.Никифорова, одного из авторов 3-го тома, представляются достаточно взвешенными, особенно с учетом признания «коллективной ответственности» царизма за «несправедливый опыт» в отношении Польши. Вместе с тем разделы Польши – сложное явление, сочетавшее в себе и позитивные (воссоединение украинских и белорусских земель), и очевидные негативные черты. Умалчивание, хотя и вынужденное, о последних неизбежно уводит от непредвзятого, идущего от документов взгляда на бурную и противоречивую историю международных отношений в Европе в последней четверти XVIII века. Разумеется, такие крупные специалисты, как Л.А.Никифоров, не по своей воле смещали акценты в оценках разделов, стремясь остаться на позициях научной объективности. Пример: «Диалектика истории такова, что вопреки реакционным целям и методам царизма присоединение народов к России, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовили общий фронт всероссийского революционного движения»¹⁷⁷. Вместе с тем при констатации внутренней противоречивости подобных «политкорректных» для своего времени оценок характерно, что они «не дотягивали» даже до известного высказывания Ф.Энгельса в Брюсселе 22 февраля 1848 года, в котором польские области были названы «наиболее революционной частью Пруссии, Австрии и России»¹⁷⁸.

На фоне массового тиражирования в советское время (в том числе в художественной литературе, посвященной екатерининской эпохе) тезисов официальной историографии, достаточно объективным, а главное, вписанным в общую картину истории международных отношений в Европе выглядит анализ предпосылок и реализации первого раздела во втором издании «Истории дипломатии»¹⁷⁹. К сожалению, о втором и третьем разделах в этом издании сказано «скобкой»¹⁸⁰.

Вместе с тем, отмечая отсутствие монографических исследований по разделам Польши¹⁸¹, необходимо указать на целый ряд появившихся в советский период исследований и архивных публикаций по истории международных отношений и внешней политики России, посвященных проблемам, так или иначе смыкающимся с проблема-

тикой разделов и способствовавших более глубокому осмыслению как роли России в европейских делах во второй половине XVIII века, так и функционирования механизма принятия внешнеполитических решений в екатерининскую эпоху. Среди них хотелось бы особо выделить вышедшую уже в перестроечное время монографию Г.А.Нерсесова «Политика России на Тешенском конгрессе», в которой с привлечением обширного архивного материала излагаются вполне созвучные с современными оценками взгляды на стратегию и тактику екатерининской дипломатии. В частности, русско-прусский союз 1764 года оценивается как подготовленный фактическим «нейтралитетом» России на заключительном этапе Семилетней войны, что отражало стремление Петербурга создать систему связанных взаимными обязательствами государств на севере Европы (с участием Польши), которая могла бы восстановить баланс сил, нарушенный в результате Силезских и Семилетней войн¹⁸².

При подготовке данной работы использовались фундаментальные исследования Е.И.Дружининой¹⁸³, К.Е.Джедджулы¹⁸⁴, А.М.Станиславской¹⁸⁵, О.П.Марковой¹⁸⁶, М.М.Сафонова¹⁸⁷, Н.Я.Эйдельмана¹⁸⁸, осуществленные в советское время публикации переписки Екатерины с П.В.Завадовским, депеш Н.М.Симолина из Парижа периода Великой французской революции, документов и переписки П.А.Румянцева и А.В.Суворова¹⁸⁹. Определенный интерес представляет и фактический материал, собранный А.В.Гаврюшкиным в монографии «Граф Никита Панин»¹⁹⁰.

Существенно, что эти публикации в определенной степени отражают и некую полемику, подспудно продолжавшуюся относительно узловых моментов внешней политики Екатерины. Велась она, правда, весьма своеобразно. В частности, то обстоятельство, что Н.Я.Эйдельман использовал «фигуру умолчания» в отношении Греческого проекта, трудно расценить иначе, чем косвенное выражение несогласия с официальной точкой зрения, считавшей его лишь дипломатической комбинацией, направленной на обеспечение аннексии Крыма в 1783 году. С другой стороны, Н.Я.Эйдельман открыто и достаточно решительно выступил против явно конъюнктурных попыток «революционизировать» фигуру Н.И.Панина в связи с известным конституционным проектом, подготовленным им совместно с Д.И.Фонвизиним. Эти и ряд других элементов научного спора, отражавшего давние и здоровые традиции в отечественной историографии, сохраняют свое значение и потому, что точки зрения и той, и другой стороны, как правило, весьма солидно документированы.

Ситуация в отечественной историографии кардинально изменилась с наступлением перестройки. Одной из первых обстоятельных работ, за которой, по выражению О.И.Елисеевой, начался настоящий «екатерининский бум», стало исследование А.Б.Каменского «Под сению Екатерины»¹⁹¹, вышедшее в свет в 1992 году. В этой, а также

других работах последних лет¹⁹² А.Б.Каменский обозначил новые, учитывающие точки зрения не только отечественной, но и зарубежной «екатеринистики» подходы к внутренней политике, идеологии и, в меньшей степени, к внешнеполитической проблематике царствования Екатерины II. Характерной особенностью этих подходов, отличающих и другие российские публикации «новой волны», является решительный отказ от идеологизированных стереотипов, сложившихся как в советское время, так и в дооктябрьский период, стремление охватить более широкий диапазон факторов, влиявших на формирование внешнеполитического курса, включая особенности политического мышления и личности Екатерины, династические мотивы в ее политике, анализ действий российской дипломатии в общем контексте европейской политики.

В этом плане в достаточно конспективном изложении А.Б.Каменским истории разделов Польши важна, в первую очередь, общая характеристика задач и целей екатерининской внешней политики, в которой, наряду с устоявшимися оценками и известными цитатами («мы ни за кем хвостом не тащимся», забота о «поддержании генеральной тишины» в Европе) представлены и новые акценты, отражающие архивно-документальный материал, введенный в научный оборот в последние годы. В первую очередь, это относится к оценке итогов Русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов как не вполне удовлетворительных для интересов России¹⁹³, характеристик Греческого проекта, диаметрально расходящихся со считавшейся много лет «базовой» концепцией О.П.Марковой¹⁹⁴, а также ряда других аспектов дипломатии Екатерины. Принципиальный характер носит и вывод о том, что «события второй половины XVIII века во многом предопределили политику (России. – П.С.) в отношении Польши и тогда, когда польская государственность была восстановлена»¹⁹⁵.

Среди работ последних лет, посвященных разделам Польши в екатерининскую эпоху, следует отметить, в первую очередь, подготовленную Г.А.Саниным главу «Разделы Речи Посполитой» в коллективной монографии ИРИ РАН «История внешней политики России»¹⁹⁶. В результате глубокой проработки современных польских и немецких исследований истории разделов Г.А.Санин предлагает концепцию, связывающую исчезновение польского государства с политической карты Европы с тремя основными группами факторов: глубоким кризисом польского государственного строя, политикой соседей – Пруссии, Австрии и России, противодействовавших назревшим реформам в собственных корыстных интересах, и неблагоприятной для Польши международной ситуацией, в результате которой державы – участницы раздела получили фактическую свободу рук.

При анализе побудительных мотивов и целей российской дипломатии в польском вопросе автор противопоставляет Екатерину

и Н.И.Панина (включая в число их сторонников также П.И.Панина, Воронцовых и Н.В.Репнина), стремившихся утвердить русское влияние в Польше и даже до известных пределов «укрепить Речь Посполитую», группировке Орловых – Чернышевых, «проваливших» эти планы при поддержке прусского посланника в Петербурге Сольмса¹⁹⁷. Действия Екатерины и Панина в период первого раздела при этом рассматриваются как вынужденные обстоятельствами войны с Турцией, успешное завершение которой стало возможным только после нейтрализации открытого (со стороны Австрии) и скрытого (Пруссии) противодействия русскому продвижению в Причерноморье путем территориальной «компенсации» Вене и Берлину за счет Польши.

Второй и третий разделы Г.А.Санин связывает преимущественно с взаимным соперничеством двух германских государств за доминирование в Германской империи и Центральной Европе в целом в условиях резкой дестабилизации обстановки на континенте в результате французской революции.

Можно согласиться с вытекающими из подобной схемы выводами об инициативной роли Австрии и Пруссии в уничтожении Речи Посполитой, при коллективной ответственности всех трех участников разделов за историческую трагедию Польши. Вполне обоснованно, как представляется, и заключение автора об отсутствии у Екатерины и руководителя ее внешней политики планов расчленения западного соседа России совместно с Габсбургами и Гогенцоллернами.

Вместе с тем вряд ли оправданно рассматривать екатерининскую дипломатию как пассивного участника или чуть ли не как жертву коварной политики Фридриха II или австрийского «трио» – Марии-Терезии, Иосифа II и Кауница. Действия российской дипломатии, как правильно отмечает Г.А.Санин, в решающей мере мотивировавшиеся стремлением «укрепиться в Крыму и на Черноморском побережье»¹⁹⁸, были вполне самостоятельными. Будучи последовательным, но крайне прагматичным политиком, Екатерина в высшей степени умело применялась к внутренним и внешним обстоятельствам, добиваясь реализации интересов России, как она их понимала. Трудно не видеть, особенно на примере второго и третьего разделов, что, предоставляя Вене и Берлину сомнительное право озвучивать свои экспансионистские в отношении Польши планы, Екатерина после того, как решение было принято, уверенно «дирижировала» действиями своих союзников, видевших в ней как арбитра в их беспрестанных и предельно циничных препирательствах относительно размеров своих «долей», так и гаранта необратимости всего процесса.

Существенно, что «екатерининский бум» 90-х годов сопровождался двумя важными тенденциями, позволившими в сравнительно

короткий срок качественно изменить положение дел в отечественной «екатеринистике». Первая из них связана с появлением большого количества репринтных и переводных изданий. Среди них – известные работы А.Г.Брикнера, Н.К.Шильдера, К.Валишевского¹⁹⁹, мемуарная литература екатерининской эпохи, прежде всего несколько изданий «Мемуаров» самой Екатерины, а также Е.Р.Дашковой, В.Н.Головиной, С.Понятовского, А.Е.Чарторыйского²⁰⁰, беллетризованные биографии Екатерины А.Труайя, К.Эриксона и других авторов²⁰¹.

Вторая из этих тенденций связана с широким введением в научный оборот ранее неизвестных архивных документов. Публикации В.С.Лопатина, П.П.Черкасова, О.И.Елисеевой, В.Н.Виноградова, Б.В.Носова, Т.М.Исламова, Б.М.Туполева²⁰² и целого ряда отечественных исследователей, базирующиеся на материалах российских, польских и французских архивов, внесли серьезный вклад в историографию разделов Польши. Без учета этих работ, в которых уточняется целый ряд вопросов, являвшихся предметом острых дискуссий (роль диссидентской проблемы в генезисе первого раздела, отношение Екатерины к проекту русско-польского союзного трактата в 1787 – 1788 годах, планы Г.А.Потемкина в отношении Правобережной Украины, связи между Греческим проектом и вторым и третьим разделами Польши), сегодня уже трудно представить себе полноценное научное исследование польской проблемы во второй половине XVIII века.

Российским публикациям последних лет принадлежит приоритет в разработке одного из самых запутанных вопросов внешней политики Екатерины, связанного с разработкой и планами реализации знаменитого Греческого проекта²⁰³. Это позволяет на новой документальной базе, следовательно, с большей достоверностью исследовать «связь между турецким и польским вопросами», на которую указывали еще А.Сорель и В.О.Ключевский. К весьма основательным выводам на этот счет приходит О.И.Елисеева, изучившая конфиденциальные записки, направлявшиеся Г.А.Потемкиным Екатерине по крымским и польским делам, и установившая «сугубо реалистический» характер мер, предлагавшихся Светлейшим накануне присоединения Крыма²⁰⁴. Реконструировав позиции основных придворных группировок в ходе согласования между Петербургом и Веной Греческого проекта, О.И.Елисеева наметила весьма перспективное, на наш взгляд, направление дальнейшей разработки вопроса о взаимосвязи второго и третьего разделов Польши с сохранявшимися у российской императрицы планами вернуться при благоприятных обстоятельствах (создать которые она активно пыталась) к реализации Греческого проекта в его первоначальной (восстановление Греческой империи во главе с великим князем Константином) или последующей редакции (создание для Константина

государства Дакии, включавшего в себя Молдавию, Валахию и Бессарабию).

Важной особенностью современных отечественных исследований разделов является и стремление расширить их методологические рамки. Геополитическая подоплека разделов Речи Посполитой, методика «реалистической школы» Х.И.Моргентау, связывающая разделы с логикой развития международных отношений в Европе, попытки осмыслить сложную диалектику сочетания государственных и династических интересов – эти и другие методологические новинки обогатили инструментарий российских исследователей, отразив одновременно значительный потенциал взаимодействия российских, польских и немецких историков как в ликвидации остающихся «белых пятен», так и в современном концептуальном прочтении трагических и противоречивых событий второй половины XVIII века в контексте формирования устойчивых геополитических структур в Восточной и Центральной Европе. Значительным шагом вперед в этом отношении стал подготовленный Институтом славяноведения РАН сборник «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой», в котором наряду с отечественными исследователями приняли участие такие крупные ученые, как М.Шульце-Вессель²⁰⁵, З.Зелинская²⁰⁶, Л.Кондзеля²⁰⁷, М.Г.Мюллер²⁰⁸.

¹ Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg 1763 jusqu'à la fin du partage de Pologne. Œuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. Berlin, 1788. D.V.

² Hertzberg. Recueil de deductions, manifestes, declarations etc., qui ont été rédigés et publiés par la cour de Prusse depuis 1756 jusqu'en 1790. Berlin, 1789 – 1791.

³ Görtz Gr. von. Mémoires et actes authentiques relatifs au partage de Pologne, tirés du portefeuille d'un ancien ministre. Weimar, 1810.

⁴ Vioménil. Lettres particulières du baron de Vioménil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772. Paris, 1808.

⁵ Rulhière Cl. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. Vol.4. Paris, 1807; Ferran L. Histoire des trois démembrements de la Pologne. Vol.3. Paris, 1820.

⁶ Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.

⁷ Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.XII. Берлин, 1896.

⁸ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.I – II. СПб., 1874. Т.VI. СПб., 1883.

⁹ Архив Государственного совета. Т.I. Совет в царствование Императрицы Екатерины II (1768 – 1796 гг.). В 2-х ч.

¹⁰ Архив князя Воронцова. Кн.1 – 40. М., 1870 – 1895.

¹¹ Архив графов Мордвиновых. Т.I – X. Предисловие и примечания В.А.Бильбасова. СПб., 1901 – 1903.

¹² Politische Korrespondenz Friedrich Des Grossen. Vol.1 – 46. Berlin, 1885 – 1908.

- ¹³ Arneth A. Josef II und Katharina von Russland: Ihre Briefwechsel. Wien, 1869; Maria-Theresia und Josef II: Ihre Correspondenz. Vol.3. Wien, 1867; Arneth A., Flammermont J. Correspondence secrée du Comte Mercy d'Argenteau avec du Comte Josef II et le Prince de Kaunitz. Vol.2. Paris, 1889. Необходимо отметить, что Г.А.Нерсесов указывал на то, что публикации А.Арнета «далеко не полны», в частности в РГАДА имеется значительное количество не изданных им писем указанных корреспондентов. – Нерсесов Г.А. Политика России на Тешенском конгрессе. М., 1988. С.6.
- ¹⁴ Шубинский С.Н. Н.К.Шильдер // Исторический вестник. 1902. Май. С.663.
- ¹⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.XIII – XV. М., 1966.
- ¹⁶ Укажем в этой связи, что роль А.М.Горчакова в укреплении связей русского внешнеполитического ведомства с учеными пока не оценена по достоинству. В частности, заслуживает внимания, что переписка Екатерины II с прусским королем Фридрихом II, опубликованная в XX томе Сборника Российского исторического общества, была осуществлена также по инициативе Горчакова, достигнувшего в этой связи договоренности с прусским канцлером Бисмарком.
- ¹⁷ Составители первого издания 29-го тома, вышедшего в 1879 году, в год смерти С.М.Соловьева, считают, что «Обзор» является подготовительным материалом к другому труду С.М.Соловьева – «История падения Польши», по каким-то причинам не использованным автором при его подготовке.
- ¹⁸ Русская старина. 1876. № 3. С.686. Цит. по: Цамутани А.Н. С.М.Соловьев // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2000. С.48.
- ¹⁹ Виноградов В.Н. Трудная судьба Екатерины II в историографии // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С.282 – 293.
- ²⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.XV. М., 1966. С.296.
- ²¹ Соловьев С.М. Избранные произведения. Т.II. Ростов-на-Дону, 1997. С.197 – 522.
- ²² Там же. С.204.
- ²³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.V. М., 1937.
- ²⁴ Там же. С.25 – 26.
- ²⁵ Там же. С.44.
- ²⁶ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С.233 – 294.
- ²⁷ Там же. С.233.
- ²⁸ Там же. С.235.
- ²⁹ Там же. С.236.
- ³⁰ Там же. С.235.
- ³¹ Там же. С.264.
- ³² Там же. С.265.
- ³³ Там же. С.294.
- ³⁴ Чежулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762 – 1774. СПб., 1896.
- ³⁵ Там же. Т.III.
- ³⁶ Там же. С.414 – 451.

- 37 В переписке с принцем Генрихом Прусским в период пребывания последнего в Петербурге осенью 1770 – весной 1771 года Фридрих прямо предупреждал его о необходимости соблюдать крайнюю осторожность при обсуждении политических вопросов с Сольмсом, считая, что тот находится под сильным влиянием Н.И.Панина.
- 38 Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. С.362 – 375.
- 39 Чечулин Н.Д. Императрица Екатерина II Алексеевна // Государи из дома Романовых. 1613 – 1913. М., 1913.
- 40 Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первой половине царствования императрицы Екатерины II. М., 1914.
- 41 Александров П.А. Указ. соч. С.194.
- 42 Там же. С.194.
- 43 Там же. С.195.
- 44 Трачевский А. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780 – 1790. СПб., 1877.
- 45 Г.С.Нерсесов оценивает ту часть работы А.Трачевского, которая посвящена Тешенскому конгрессу, скорее, критически, отмечая слабость разработки им «социально-экономических факторов внешней политики». Нерсесов Г.С. Указ. соч. С.10.
- 46 Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.I – II, XII. Ч.I, II. Берлин, 1896.
- 47 Бильбасов В.А. Памяти императрицы Екатерины II // Русская старина. 1896. Ноябрь. С.241 – 280; Императрица Екатерина II Алексеевна // Государи из дома Романовых. 1613 – 1913. Т.II. М., 1913. С.1 – 127.
- 48 Там же. С.60.
- 49 Там же. С.60 – 61.
- 50 Там же. С.58 – 64, 77 – 78.
- 51 Там же. С.77.
- 52 Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. III изд. СПб., 1886.
- 53 Костомаров Н.И. Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. М., 1994. С.5.
- 54 Кареев Н.И. Историография падения Польши. С.178.
- 55 Там же. С.93.
- 56 Там же. С.241.
- 57 Там же.
- 58 В.А.Бильбасов низко ценил издания Русского исторического общества, в частности сборники РИО. В своем обзоре иностранных сочинений «История Екатерины II», составляющей вторую часть XII тома, он под номером 1202 приводит в качестве примера две ошибки, допущенные издателями сборника при публикации писем Дидро к Екатерине (Бильбасов В.А. Т.XII. Ч.II. С.466 – 467).
- 59 Кареев Н.И. Указ. соч. С.258.
- 60 Иловайский Д.И. Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870.
- 61 Там же. С.XII.
- 62 Там же. С.XII – XIII.
- 63 Кареев Н.И. Новейшая польская историография // Вестник Европы. 1886. Декабрь. С.535 – 588; С.554.

- ⁶⁴ Там же. С.264.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Брикнер А.А. История Екатерины II. СПб, 1885.
- ⁶⁷ Указ. соч. Т.III. С.302.
- ⁶⁸ Там же. С.302.
- ⁶⁹ Там же. С.306.
- ⁷⁰ Там же. С.352.
- ⁷¹ Там же. С.360.
- ⁷² Кареев Н.И. Указ. соч. С.286.
- ⁷³ Брагинский В. История польского народа. СПб., 1906. С.587.
- ⁷⁴ Портреты историков. Время и судьбы. Т.I. М., 2000. С.280.
- ⁷⁵ Beer A. Die Erste Theilung Polens. Wien, 1873.
- ⁷⁶ Sorel A. La question d'Orient au XVIII siècle. Paris, 1878.
- ⁷⁷ Kalinka W. Ostatnie lata panowania St.-Augusta. Poznan, 1868.
- ⁷⁸ Иловайский Д.И. Указ. соч. С.VIII.
- ⁷⁹ Вестник Европы. 1880. Февраль. С.706 (серия статей А.Н.Пыпина опубликована в февральском, апрельском, майском, октябрьском и ноябрьском номерах «Вестника Европы» за 1880 г.).
- ⁸⁰ Там же. С.718.
- ⁸¹ Кареев Н.И. Указ. соч. С.174.
- ⁸² Гильфердинг А. Собрание сочинений. СПб., 1868. Т.II. С.64.
- ⁸³ Lélével I. Histoire de la Lituanie et de la Ruthenie jusqu'à la reunion définitive avec la Pologne conclue à Lubline en 1569. Paris, 1861. P.5 – 6.
- ⁸⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1871. С.27.
- ⁸⁵ Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса. Соч. Т.I. М., 1877. С.325.
- ⁸⁶ Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915. С.62.
- ⁸⁷ Bobrzyński M. Dzieje Polski w zazyisie. Krakow, 1872.
- ⁸⁸ Кареев Н.И. Указ. соч. С.295.
- ⁸⁹ Там же. С.382.
- ⁹⁰ Там же. С.386.
- ⁹¹ Там же. С.395.
- ⁹² Вяземский П. Политика Фридриха Великого с 1763 по 1765 годы // Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П.Бартеневым. Кн.I. М., 1869. С.246 – 332.
- ⁹³ Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg 1763 jusqu'à la fin du partage de Pologne. Œuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. Berlin, 1788. D.V.
- ⁹⁴ Schlözer K. von. Friedrich II und Catharina II. Berlin, 1859.
- ⁹⁵ Smitt Fr. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Paris, 1861.
- ⁹⁶ Raumer Fr. von. Europa von Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges (1763 – 1783), Leipzig, 1839; цит. по: Кареев Н.И. Указ. соч. С.105.
- ⁹⁷ Herrmann E. Geschichte des Russischen Staats. Hamburg, 1853.
- ⁹⁸ Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.XII. Ч.II. С.282; архивные выписки Германна были приобретены в 1887 г. М.И.Семирским у его вдовы и переданы в распоряжение В.А.Бильбасова, пользовавшегося ими при написании своей «Истории Екатерины II».
- ⁹⁹ Кареев Н.И. Указ. соч. С.107.

- ¹⁰⁰ Herrmann E. T.VI. P.105.
- ¹⁰¹ Sybel H. Geschite der Revolutionszeit. 1789 – 1800. Düsseldorf, 1853; Die Erste Theilung Polens. Berlin, 1874.
- ¹⁰² Кареев Н.И. Указ. соч. С.107 – 121; Бильбасов В.А. Указ. соч. С.429 – 431.
- ¹⁰³ Бильбасов В.А. Указ. соч. С.431.
- ¹⁰⁴ Кареев Н.И. Указ. соч. С.112.
- ¹⁰⁵ Неоконченная монография Ф.Смитта «Суворов и падение Польши» была переведена на русский язык в 1866 году.
- ¹⁰⁶ Smitt Fr. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Paris, 1861.
- ¹⁰⁷ Ibid. P.116 – 117.
- ¹⁰⁸ Beer A. Die Erste Theilung Polens. Wien, 1873. T.1. P.VI.
- ¹⁰⁹ Ibid. P.313.
- ¹¹⁰ Ibid. P.317.
- ¹¹¹ Бильбасов В.А. Указ. соч. Т.XII. Ч.II. С.421.
- ¹¹² Там же. С.424.
- ¹¹³ Rulhière Cl. Histoire de l'anarchie de Pologne et du demembrement de cette république. Vol.4. Paris, 1807; Ferran L. Histoire des trois démembrements de la Pologne. Vol.3. Paris, 1820.
- ¹¹⁴ Rulhière Cl. Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en année 1762. Paris, 1797.
- ¹¹⁵ Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.XII. Ч.II. С.109.
- ¹¹⁶ Книга Рюльера написана настолько тенденциозно, что в 1810 г. Французский институт отказал ей в присуждении премии, к которой она была представлена.
- ¹¹⁷ Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.XII. Ч.II. С.150.
- ¹¹⁸ Кареев Н.И. Указ. соч. С.98.
- ¹¹⁹ Ségur, Louis-Philippe de. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. Vol.3. Paris, 1826.
- ¹²⁰ Vioménil. Lettres particulières du baron de Vioménil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772. Paris, 1808.
- ¹²¹ Ségur. Op.sit. Vol.2. P.146 – 153.
- ¹²² Saint-Priest. Etudes polititques et littéraires. Paris, 1850.
- ¹²³ Saint-Priest. Le partage de la Pologne // Revue de deux mondes. 1849.
- ¹²⁴ Sorel A. L'Europe et la révolution française. Paris, 1885; La question d'Orient au XVIII siècle. Paris, 1878.
- ¹²⁵ Ibid. V.II. P.212.
- ¹²⁶ Ibid. V.II. P.564.
- ¹²⁷ Ibid. V.II. P.218.
- ¹²⁸ Интересна оценка Сорелем политики держав в отношении французской революции: «Россия была из трех держав самым яростным проповедником в пользу этого крестового похода, Пруссия поспешила раньше всех его предпринять; Австрия – наиболее последовательна в его поддержке». – С.7.
- ¹²⁹ Сборник РИО. Т.37. С.215 – 218.
- ¹³⁰ Sorel A. Op. cit. P.48 – 49.
- ¹³¹ Sorel A. Op. cit. P.252 – 257.
- ¹³² Ibid. P.290.
- ¹³³ Ibid. P.290.

- ¹³⁴ Broglie Le duc de. *Le secret du roi*. Paris, 1878.
- ¹³⁵ Boutaric E. *Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc.* Paris, 1866.
- ¹³⁶ Broglie Le duc de. *Op.sit.* Vol.II. P.385.
- ¹³⁷ Perrault G. *Le secret du Roi*. Paris, 1992; *L'Ombre de la Bastille*. Paris, 1993; *La revanche américaine*. Paris, 1996.
- ¹³⁸ Alexander J.T. *Autocratic Politics in a National Crisis: the Imperial Government and Pugachev's Revolt. 1773 – 1775*. Bloominton, 1969.
- ¹³⁹ Billington J. *The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture*. New York, 1966.
- ¹⁴⁰ Madriaga I. de. *La Russie au temps de la Grande Catherine*. Paris, 1987.
- ¹⁴¹ Raeff M. (ed.) *Catherine II: a Profile*. New York, 1972.
- ¹⁴² Madriaga I. *Op. cit.* P.239 – 252; 461 – 489.
- ¹⁴³ Madriaga I. *Op. cit.* P.469 – 470.
- ¹⁴⁴ Dukes P. *Catherine the Great and the Russian Nobility. A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767*. Cambridge, 1967.
- ¹⁴⁵ Ransel D. *The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party*. Yale, 1975.
- ¹⁴⁶ *Catherine II et l'Europe* // Ed. par A.Davidenkoff. Paris, 1997.
- ¹⁴⁷ *Catherine II et l'Europe*. P.171 – 177.
- ¹⁴⁸ Bornträger E.W. *Katarina II. Die Selbstherrscherin aller Reussen*. Freiburg, 1991.
- ¹⁴⁹ Lord R. *The Second Partition of Poland. A Study in Diplomatic History*. Cambridge, 1915.
- ¹⁵⁰ Lord R. *The Third Partition of Poland* // *Slavonic and East European Review*. III. 1925. № 9. March. P.483 – 498.
- ¹⁵¹ Kaplan H. *The First Partition of Poland*. New York – London, 1962.
- ¹⁵² Kaplan H. *Russia and the Outbreak of the Seven Years War*. Los Angeles, 1968.
- ¹⁵³ Kaplan H. *The First Partition of Poland*. P.1.
- ¹⁵⁴ Lord R. *Op. cit.* P.XIII.
- ¹⁵⁵ Müller M.G. *Die Teilungen Polens. 1772 – 1793 – 1795*. München, 1984.
- ¹⁵⁶ Scharf C. *Katherina II, Deutschland und die Deutschen*. Mainz, 1993.
- ¹⁵⁷ Althoff F. *Untersuchungen zum Gleichgewicht der Mächte in des Aussenpolitik Friedrichs der Grossen nach dem Siebenjährigen Krieg (1763-1786)*. Berlin, 1995.
- ¹⁵⁸ Zernack K. *Polen und Russland. Zwei Wege der europäischen Geschichte*. Berlin, 1994.
- ¹⁵⁹ Schulze-Wessel M. *Russlands Blick auf Preussen. Die polinische Frage in der diplomatischen und der politishen Öffentlichkeit des Zarenreiches und Sowjetstaates. 1697 – 1974*. Stuttgart, 1995.
- ¹⁶⁰ Schieder Th. *Frederick the Great*. London – New York, 2000.
- ¹⁶¹ Skowronek I. *Sprawa polska / Europa i swiat w epoce napoleonskiej*. Warszawa, 1988.
- ¹⁶² Zielinska Z. *Studia z dziejow stosunkow polsko-rosyjskich w XVIII wieku*. Warszawa, 2001.
- ¹⁶³ Cegielski T., Kodziela L. *Rozbory Polski 1772 – 1793 – 1795*. Warszawa, 1990.
- ¹⁶⁴ Michalski I. *L'aspect européen de la question polonaise. Les reflexions des historiens étrangers sur les partages de la Pologne* // *Poland at the 14 Inter-*

- national Congress of Historical Sciences in San Francisco. Warszawa, 1975. P.135 – 147.
- ¹⁶⁵ Zamoyski A. The Last King of Poland. London, 1992.
- ¹⁶⁶ Grodzinski S. Polska w czasach przełomu (1764 – 1815) // Wielka Historia Polski. Krakow, 1999.
- ¹⁶⁷ Szyndler B. Powstanie kosciuszkwskie 1794. Warszawa, 2001.
- ¹⁶⁸ Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши. С.45.
- ¹⁶⁹ Сковронек И. Удары с трех сторон: разделы Польши как составная часть европейской истории // Родина. 1994. № 13. С.36.
- ¹⁷⁰ Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Люди и события. Ростов-на-Дону, 1997.
- ¹⁷¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.III. М., 1993 – 1995.
- ¹⁷² Покровский М.Н. История России в самом сжатом очерке. М., 1933. С.89.
- ¹⁷³ Там же. С.90.
- ¹⁷⁴ Althoff F. Untersuchungen zum Gleichgewicht der Mächte in der Aussenpolitik Friedrichs des Grossen nach dem Siebenjährigen Krieg (1763 – 1786). Berlin, 1995.
- ¹⁷⁵ История СССР. Серия 1. Т.III. С.526 – 527, 547 – 550.
- ¹⁷⁶ Там же. С.550.
- ¹⁷⁷ Там же. С.552.
- ¹⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. II изд. М., 1961. С.488 – 494.
- ¹⁷⁹ История дипломатии. II изд. Т.I. М., 1959. С.362 – 363.
- ¹⁸⁰ Там же. С.368.
- ¹⁸¹ Едва ли не единственное исключение – статья Р.Р.Юсупова «Польский вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг.» // Вестник Московского университета. Сер.8. 1980. № 3.
- ¹⁸² Нерсесов Г.А. Политика России на Тешенском конгрессе. М., 1988. С.33 – 35.
- ¹⁸³ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955; Северное Причерноморье в 1775 – 1800 гг. М., 1959.
- ¹⁸⁴ Джеджула К.Е. Россия и Великая французская революция конца XVIII века. Киев, 1972.
- ¹⁸⁵ Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. М., 1976.
- ¹⁸⁶ Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4.
- ¹⁸⁷ Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И.Панина – Д.И.Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.VI. Л., 1974.
- ¹⁸⁸ Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1988.
- ¹⁸⁹ Письма императрицы Екатерины II к графу П.В.Завадовскому // Русский исторический журнал. Кн.5. 1918. С.223 – 257.
- ¹⁹⁰ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. М., 1989.
- ¹⁹¹ Каменский А.Б. Под сению Екатерины. СПб., 1992.
- ¹⁹² Каменский А.Б. Жизнь и судьба Екатерины Великой. М., 1997; От Петра до Павла. М., 2001.
- ¹⁹³ Каменский А.Б. Жизнь и судьба Екатерины Великой. С.220.
- ¹⁹⁴ Там же. С.224 – 225, 230 – 231.

- ¹⁹⁵ Там же. С.237.
- ¹⁹⁶ История внешней политики России / Отв.ред. А.Н.Сахаров. Т.XVIII (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С.168 – 197.
- ¹⁹⁷ Там же. С.177.
- ¹⁹⁸ Там же. С.197.
- ¹⁹⁹ Брикнер А. История Екатерины II. Т.I, II. СПб., 1991; Шильдер Н.К. Император Павел Первый. М., 1997; Валишевский К. Роман императрицы. М., 1990; Вокруг трона, М., 1990.
- ²⁰⁰ Записки императрицы Екатерины II. М., 1989 (репринт издания А.С.Суворина 1907 г.); Записки Е.Р.Дашковой. М., 1991; Головина В.Н. Записки // Мемуары русских женщин. М., 1993; Понятовский С. Мемуары. В 2 т. М., 1997; Чарторыйский А. Мемуары. М., 1998.
- ²⁰¹ Труайя А. Екатерина Великая. М., 1997; Эриксен К. Екатерина Великая. М., 1999; Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. М., 2000.
- ²⁰² Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка 1769 – 1791 // Сост. В.С.Лопатин; Жизнь Суворова, рассказанная им самим. М., 2002; Потемкин и Суворов. М., 1992; Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995; Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001; Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А.Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. М., 1997; Геополитические проекты Г.А.Потемкина. М., 2000; Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3, 4, 6; Носов Б.В. Представления о Польше в правящих кругах России в 60-е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Русская политика в диссидентском вопросе в Польше. 1762 – 1766 гг. // Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999; Исламов Т.М. Заговор против Польши. О роли русско-прусско-австрийского альянса 1772 – 1773 гг. в разделе Польского государства; Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Россия и Германия. Вып.1. М., 1999.
- ²⁰³ Арш Г.Л. Предыстория Греческого проекта // Век Екатерины. Дела балканские. М., 2000. С.209 – 213; Виноградов В.И. В круговороте международных дел // Там же. С.204 – 209; Он же. Самое знаменитое в истории личное письмо // Там же. С.213 – 219.
- ²⁰⁴ Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А.Потемкина. М., 2001. С.142.
- ²⁰⁵ А.И.Остерман и его политика в отношении Польши в историческом освещении // Польша и Европа в XVIII веке. С.6 – 20.
- ²⁰⁶ Проблема русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа // Там же. С.102 – 124.
- ²⁰⁷ Россия и второй раздел Польши: состояние изучения вопроса и исследовательские задачи // Там же. С.159 – 169.
- ²⁰⁸ Восстание Т.Костюшко и разделы Польши. С.189 – 201.

Глава вторая

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1772 год) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

I

ИСТОКИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ДИПЛОМАТИИ ЕКАТЕРИНЫ II

1

Рассмотрение вопроса об участии российской дипломатии в делах Польши – сложном, поливалентном явлении, связанном с продолжавшимся формированием и функционированием системы международных отношений в Европе во второй половине XVIII века, – требует сказать несколько слов об основных тенденциях и итогах становления российской геополитики к началу царствования Екатерины II. Без определения геополитических императивов, под влиянием которых развивалась внешняя политика России, уточнения места изучаемого явления на «оси времени» вряд ли возможно выйти на объективный анализ всей совокупности причинно-следственных связей, обусловивших генезис и исключительную устойчивость польской аномалии и вовлеченности в нее России.

За исходную точку разворота России в сторону Европы, который традиционно связывают с петровскими реформами и окончанием Северной войны, представляется более логичным принять Вестфальский мир 1648 года, вошедший в европейскую историю как рубежная, знаковая веха. Именно с этого времени стратегия и тактика российской дипломатии начинает определяться не только ее географическим положением, возраставшей экономической и военной мощью, политическим влиянием, но и востребованностью в рамках сложившейся после заключения Вестфальского мира системы международных отношений в Европе.

Разумеется, истоки этой востребованности восходят не к середине XVII века, а к временам гораздо более ранним. Древняя Русь и Россия всегда были органической частью системы международных отношений Европы. Привлечение русского государства к общеевропейскому союзу для борьбы с Османской империей являлось скрытой подоплекой инициированного Ватиканом и Венецией в 1472 году брака Ивана III с Софьей Палеолог. Посол Папы Бонумбре, сопро-

вождавший Софью Палеолог в Москву, настойчиво внушал Ивану III мысль о «его наследственных правах» на Константинополь, захваченный в 1453 году османами. В 1519 году папский престол призывал сына Ивана, Василия III, «за свою Отчизну Константинопольскую стояти» и выступить «для общего христианского добра против христианского врага турка, кои держат наследие царя всея Руси»¹.

Аналогичные виды на Московию (как и на Речь Посполитую) вынашивали и извечные противники – австрийские Габсбурги и французские Бурбоны. В «Великом замысле» знаменитого Сюлли, министра иностранных дел Генриха IV, задача изгнания турок и татар в Азию и восстановления Византийской империи занимала место вслед за планом низведения Габсбургов до уровня государей Пиренейского полуострова. Однако в ответ на посулы «Константинопольской вотчины» в Москве неизменно отмечали, что «князь Великий хочет вотчины в своей земле Русской»².

Подобная позиция, занимавшаяся московскими великими князьями в довестфальский период, отражала, на наш взгляд, исторически укоренившуюся веру в «самодостаточность» собственных сил и возможностей для реализации национальных целей и задач. Сосредоточив свое внимание на воссоединении «отчин», за которым фактически стояла задача прорыва блокады, в которой держали Россию Польша, Литва и Ливонский орден, Москва была заинтересована в развитии мирных отношений не только с Османской Портой, но и ее вассалом – крымским ханом. Однако неудачный опыт изнурительной 24-летней Ливонской войны Ивана IV (1558 – 1582 гг.), иностранная интервенция в Смутное время обнажили тупиковость самоизоляции московской дипломатии.

Участие России в европейской политике активизируется только в эпоху Годунова, а затем первых Романовых – Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Россия, как известно, прямо не участвовала в основных событиях Тридцатилетней войны (1618 – 1648 гг.), завершившейся Вестфальским миром, хотя советский историк Б.Ф.Поршнев, к примеру, считал, что именно к эпохе Тридцатилетней войны относится первая в новое время попытка России «продать» западную перегородку – Польшу, отделявшую ее от Европы, одновременно с решением традиционной задачи воссоединения Московской и Западной Руси (Литвы)³.

Высоко оценивая ключевые положения концепции Б.Ф.Поршнева, выделим главное. Поршнев достаточно убедительно, на наш взгляд, показал, что уже во времена первых Романовых – Михаила Федоровича и Алексея Михайловича – Россия не только принимала активное и деятельное участие в европейской политике, но под ее влиянием «вся система государства в Восточной Европе незаметно трансформировалась». Выступив в качестве противника универсалистских, имперских тенденций Габсбургской империи, связанных

с наследием Первого и Второго Рима (Византии), Россия именно после Вестфалья вступила на тот путь, который помог становлению в Восточной Европе устойчивых геополитических структур – национальных государств. Б.Ф.Поршневу принадлежит приоритет разработки тезиса о том, что во многом благодаря России Восточная и Центральная Европа приобрела те очертания, которые она имеет сейчас.

В то же время справедливо, очевидно, и то, что в своем изложении российской внешней политики середины XVI века Б.Ф.Поршнев (возможно, незаметно для себя) экстраполировал политические реалии позднейшего времени на период заключения вестфальских соглашений. Французский историк А.Рамбо в своем знаменитом «Сборнике инструкций послам и министрам Франции», начавшем выходить в 80-е годы XIX века, справедливо замечает, что шведская королева Христина «повергла в изумление» французскую дипломатию, когда настояла на упоминании в тексте Оснабрюкского договора от 24 октября 1648 года великого князя Московского как союзника Швеции по Столбовскому миру 1617 года⁴. В неофициальном списке 50 европейских государств, упоминавшихся в Мюнстерском и Оснабрюкском договорах, Россия стояла на 49 месте, оставив после себя только Трансильванию.

Между тем задача активизации внешней политики России не случайно встала в практическую плоскость в эпоху царствования Алексея Михайловича, начавшегося за три года до подписания Вестфальского мира. К этому времени разворот России в сторону Европы, занявший почти два века, был в основном завершен. Политические контакты с Россией установили Швеция, Австрия, Дания, Турция, не говоря уже о Речи Посполитой и Крымском ханстве. Позиция Москвы оказывала определенное влияние на исход Тридцатилетней войны. Русское купечество, заинтересованное в преодолении фактической монополии Англии на торговлю с Россией через Архангельск и Швеции на Балтике, стало одним из факторов влияния на формирование внешней политики России. Начавшееся освоение Сибири расширило и геополитические горизонты России. В 1648 году, через 50 лет после поражения хана Кучума, Семен Дежнев открыл пролив, разъединяющий Азию и Америку, прошел из Северного Ледовитого в Тихий океан. К 1654 году относится направление первого русского посольства в Китай. В 1659 году принес присягу России грузинский государь Теймураз.

Менялась и концептуальная основа внешней политики русского государства. Идеология «собирания русских земель» и обороны южных рубежей от кочевников уступала место комплексу разнообразных проблем, связанных с воссоединением Украины и Белоруссии с Россией, необходимостью обеспечения выхода к Балтийскому и Черному морям, с отражением агрессии Османской империи, за-

креплением Сибири. Как результат менялся весь контекст уклада московской жизни, ментальность русского человека. Описывая первые беспокойные годы царствования Алексея Михайловича, С.Ф.Платонов обращает, в частности, внимание на то, что во время московского бунта в июне 1648, вестфальского, года городские низы впервые заговорили с властями по-европейски – языком ультиматума. Можно проследить и связь (косвенную, разумеется) Контрреформационного движения в Европе и Никоновского раскола.

2

Вестфальский мир вошел в историю Европы как веха, знаменующая если не начало цивилизованного периода международных отношений, то свидетельство всеобщего стремления европейских государств разработать комплекс норм и мер, усиливающих правовую сторону этих отношений. Утвердив принцип правомочности существования нации-государства, установив систему гарантий неизблемости европейского порядка и, наконец, подтвердив принцип веротерпимости, уравнивший в правах католиков с протестантами и кальвинистами и таким образом подведший черту под войнами Контрреформации, Вестфальский трактат явился исходной точкой нового этапа в истории международных отношений Европы. Россия, оказавшаяся в числе гарантов Вестфальского мира, отныне должна была так выстраивать свою европейскую и международную политику, чтобы она не входила в противоречие с договоренностями и нормами, согласованными в Мюнстере и Оснабрюке, и – главное – учитывала постоянно менявшийся баланс сил в Европе и контекст европейской политики.

Как известно, политические итоги Вестфали знаменовали победу Франции и ее союзника Швеции над Габсбургами. Мазарини сделал важный шаг в направлении к «естественным границам» Франции, получив Эльзас (кроме Страсбурга). Фактически было покончено с имперской монополией Габсбургов. Швеция, получившая в Вестфалии с помощью Мазарини Померанию, епископство Бремен, а также три голоса в Имперском собрании, начала играть в Германской империи ту же сдерживающую Габсбургов роль, которую позже взяла на себя Пруссия – Бранденбург. Немецкие князья получили право *superiorité territoriale* – проведения самостоятельной внешней политики, заключения договоров с иностранными державами, объявления войны и заключения мира, хотя и с оговорками, что их внешняя политика не будет направлена против империи. Сохранение Имперского собрания в Регенсбурге только подчеркивало фактическое расчленение Германии. Подтвердив самостоятельность Голландии и независимость швейцарских кантонов от Германской империи, Вестфальский трактат как бы очертил то пространство в Европе,

на котором действовала первая в Европе система государств, функционировавшая в рамках коллективной договоренности об общеприемлемых нормах зарождавшегося в трудах Г.Гроция международного права.

Разумеется, о Вестфальской системе в современном понимании природы международных отношений можно говорить достаточно условно. В сущности, система вестфальских гарантий покрывала только остроконфликтное пространство Юго-Западной и Центральной Германии, причем проблема основных «раздражителей» – Эльзаса и Лотарингии – не только не была решена в период активного функционирования Вестфальской системы – до конца XVIII века, – но и осталась одним из основных дестабилизаторов ситуации в Европе в последующее время. Отсюда – трансформация Вестфальской системы уже в начале XVIII века, появление подсистем – утрехтской, ганноверской, затем – восточной.

Вместе с тем запущенный в Вестфалии процесс становления наций-государств в Западной Европе требовал определенных коллективных договоренностей об общепризнанных правилах и рамках межгосударственных отношений. В этом смысле как правовой прецедент Вестфаль ощутимо воздействовал и на процесс выстраивания геополитики Восточной Европы, включая Россию.

Своеобразное воздействие вестфальских договоренностей на развитие международных отношений в Европе было предопределено тем обстоятельством, что зафиксированный ими баланс сил в пользу Франции и Швеции оказался крайне неустойчивым. Только в 1659 году Франция смогла заключить Пиренейский договор, завершивший ее войну с Испанией, против которой она воевала в союзе с Англией. Новые территориальные приобретения Франции, казалось, подготавливали эпоху ее длительной гегемонии в Европе.

На деле все оказалось иначе. Создание ограниченной рамками вестфальского пространства системы оказало дестабилизирующее влияние на «периферию Вестфалия» – и, в первую очередь, на «Восточный барьер» – Османскую империю, Речь Посполитую, Швецию, – на который со времен Ришелье опиралась Франция в попытке изолировать Габсбургов. Внутреннюю парадоксальность Вестфальской системы особо подчеркнуло то, что в роли основных возмутителей спокойствия выступали его гаранты – Франция (успокоившаяся только после того, как по Утрехтскому миру 1713 года она вырвала испанский трон у Габсбургов) и Швеция, наиболее последовательный союзник Франции, к тому же воевавший в Тридцатилетней войне с привлечением французских субсидий и доходов с захваченных земель. С 1654 года, после отречения королевы Христины, Швеция перешла к «национальной политике» (также один из неожиданных для Франции итогов Вестфалия), сосредоточив свое внимание на установлении контроля над Балтийским бассейном. Войны, развязанные

ею в поствестфальский период против Польши и Дании, завершились с помощью французской дипломатии подписанием Оливского мира в мае 1660 года с Речью Посполитой, согласно которому к Швеции перешли Эстония и Ливония, и Копенгагенским миром (июнь 1660 г.). Сам факт вооруженного конфликта между участниками «Восточного барьера» обнажил ущербность политических схем, с помощью которых дипломатия Людовика XIV пыталась обеспечить свои интересы в Восточной Европе. Не лучше обстояли дела Франции на северо-западе Европы. Война за Бельгию (1667 – 1668 гг.) вылилась в целую серию «торговых войн» с участием Франции, Голландии и Англии, имевших своим результатом утверждение морского господства Великобритании, сыгравшего важную роль в последующем колониальном разделе мира и предопределившего, по существу, противостояние Франции и Великобритании, продолжавшееся на протяжении всего XVIII века.

Серьезным испытаниям в эпоху Людовика XIV подверглись и отношения Франции с Османской империей, в обширных владениях которой Франция со времен капитуляции 1517 и 1528 годов пользовалась значительными преимуществами. Пользуясь возрождением духа крестовых походов в окружении «короля-солнца», Лейбниц подает Людовику XIV мемуар с предложением Франции захватить Египет и «сжечь Константинополь»⁵.

Справедливости ради надо отметить, что повод для подобных химерических планов давали сами османы, активизировавшие свои завоевательные действия на Балканах. Только победа Яна Собеского над турецкими армиями, стоявшими у стен Вены, 12 сентября 1683 года окончательно положила конец турецкой угрозе для Европы.

Такова, в общих чертах, международная обстановка, в которой России, восстановившейся после Смутного времени и укрепившейся внутренне, предстояло определить приоритеты и основные векторы своей геополитики.

3

Решающую и, как представляется, не во всех еще аспектах оцененную роль в закреплении европейского направления в качестве основного вектора внешней политики русского государства в поствестфальский период сыграло воссоединение Украины с Россией в соответствии с решением Земского собора 1 октября 1653 года и Переяславской рады 8 января 1654 года. То обстоятельство, что освободительная война украинского народа под предводительством Б.Хмельницкого началась в 1648 году, в год подписания Вестфальского трактата, вряд ли можно считать случайным. На определенные аналогии наводит и то, что эта война, как и Тридцатилетняя,

проходила под религиозно-национальными лозунгами. Тесная связь процессов, проходивших в Западной и Восточной Европе, очевидна.

С учетом неоднозначной реакции в Европе, в первую очередь в Речи Посполитой, на события на Украине осенью 1653 – весной 1654 года по решению Земского собора в Европу были направлены несколько русских посольств. Простое перечисление стран, которые посетили русские послы, – Австрия, Франция, Швеция, Дания, Нидерланды, Венеция, Курляндия и Бранденбург (вассалы Польши), Крымское ханство, Молдавия и Валахия (вассалы Османской империи) – свидетельствует о расширившемся политическом кругозоре руководителей российской внешней политики.

Посольства Мачехнина в Париж и Баклановского в Вену стали, по существу, первыми контактами России на высоком уровне с главными гарантами Вестфальского мира. И хотя и в Париже, и в Вене ответили отказом официально признать акт воссоединения Украины с Россией (называемый рядом западных историков первым разделом Польши), сам факт этих контактов помог нейтрализовать Европу ввиду неизбежной войны России с Речью Посполитой, не примирившейся с утратой украинских и угрозой потери белорусских земель, часть которых также была «под булавой» Б.Хмельницкого.

Более успешными стали дипломатические акции русской и украинской дипломатии в Швеции, Трансильвании, заложившие основы для их последующего военно-политического взаимодействия в борьбе против Речи Посполитой. В частности, в Стокгольме удалось закупить 20 тысяч знаменитых шведских мушкетов, которые серьезно усилили мощь русской армии в предстоящей войне с Польшей, а Хмельницкий заключил со Швецией и Трансильванией союз.

Важно и то, что, несмотря на сложнейшие перипетии, которыми сопровождалось вхождение Украины в Россию, особенно после смерти Хмельницкого и подписания Гадячского договора, ставшего прологом раскола Украины на Левобережную и Правобережную, российская и украинская дипломатии сумели достаточно эффективно использовать конъюнктуру в Европе для в целом успешного решения национальных задач русского и украинского народов.

В системе геополитических интересов Российского государства воссоединение с Украиной надолго определило основной вектор российской внешней политики, хотя, разумеется, применительно к внешней политике Алексея Михайловича трудно предположить, что начавшаяся в 1654 году и продолжавшаяся 13 лет война с Речью Посполитой, союзниками которой выступали Крым, Молдавия и Валахия, была направлена на «продавливание» «Восточного барьера». Даже такие дальновидные руководители Посольского приказа, как А.Л.Ордин-Нащокин, вряд ли предполагали, что Андрусовское перемирие 1667 года начинается разрушение системы форпостов, вы-

ставленных французской дипломатией против Габсбургов. Для них задачи в войне с Речью Посполитой, как и в начавшейся в 1656 году войне со Швецией, завершившейся в 1661 году Кардисским миром, сводились к возвращению русских земель, утраченных во время Смуты. По Андрусовскому перемирию Россия вернула себе Смоленск, Северскую землю, всю Левобережную Украину и Киев (на два года). Весьма важно, что этому договору был придан характер общеевропейского акта, поскольку в случае безуспешности дальнейших переговоров о «вечном мире» предполагалось «призвать государей христианских за посредников»⁶. По словам польского историка З. Вуйчика, по своей политической значимости Андрусовский договор стоял в одном ряду с важнейшими международными договорами Европы того времени, фиксируя вместе с ними новую расстановку сил на континенте⁷.

Важной особенностью этой «новой расстановки сил» явилась востребованность возраставшей экономической и военной мощи, политического влияния России в рамках складывавшейся после заключения Вестфальского мира новой системы международных отношений в Европе.

Не углубляясь в историю вопроса, скажем только, что ко второй половине XVII века сформировались три уровня этой востребованности:

- **геополитический**, возникший в связи с заинтересованностью европейских государств или групп государств в содействии России в освоении и стабилизации «восточной периферии» вестфальского пространства и способствовавший как следствие этого активному и глубокому вовлечению России в дела самой Европы;
- **экономический**, связанный не только с борьбой Англии, Голландии, Ганзейской лиги, Дании за доступ через северные и балтийские порты к рынкам сбыта и источникам сырья и сельхозпродукции в России, но и с возможностями транзитной торговли со странами Востока через волжский речной путь, Каспий, позднее – черноморские порты.

Это – базисный уровень, во многом определявший сценарий политических событий на геополитическом. Наиболее яркий пример – сложные перипетии восточного вопроса в XVIII – XIX веках, предопределенные стремлением Англии и Франции защитить свою левантийскую торговлю от выхода России через Черноморские проливы в Восточное Средиземноморье. По той же схеме развивались англо-русские противоречия на Среднем Востоке;

- на третьем уровне востребованности развивались **культурно-научно-технологические связи**. Для него было характерно стрем-

ление России к восприятию европейской культуры, бытовых навыков, коснувшееся, впрочем, преимущественно верха ее политической элиты, а также науки, развивавшееся в постоянном конфликте с европейским культуртрегерством и католическим миссионерством.

Сложная трехуровневая структура формирования взаимосвязей России с Европой плюс естественные трудности адаптации интересов на каждом уровне обусловили очень непростой характер вхождения России в сферу европейской политики. Характерный пример – неудачная попытка Софьи, а затем Петра в последней четверти XVII века реанимировать деятельность Антитурецкой лиги. После того как продвижение османов в глубь континента было остановлено у стен Вены, интересы России и Европы на южном, черноморском направлении надолго разошлись. И хотя Азовские походы Петра 1695 – 1696 годов позволили России закрепиться в устье Дона, Карловицкий конгресс 1698 – 1699 годов, на котором европейские державы урегулировали свои территориальные проблемы с Турцией, показал, что рассчитывать на поддержку или даже просто понимание со стороны Европы своего прорыва к Черному морю России не приходится.

4

Неудача на Карловицком конгрессе лишь подчеркнула трудности адаптации России к поствестфальской расстановке сил в Европе, проявившиеся уже во второй половине 50-х годов XVII века, когда она, не решившись примкнуть ни к одной из двух коалиций, образовавшихся после Вестфальского мира, была вынуждена вести войну на два фронта – против Польши и Швеции. В этой ситуации полностью проявил себя дипломатический гений Петра. Правильно оценив в ходе Великого посольства международную обстановку в Европе как благоприятную для осуществления национальных задач России на побережье Балтики, Петр решительно перевел вектор своей внешней политики на северное направление. При этом он учитывал не только то, что сильнейшие державы Западной Европы – Франция, Англия, Австрия и Голландия – были вовлечены в испанский узел противоречий (война 1701 – 1714 гг. за испанское наследство), но и то обстоятельство, что у России имелись естественные союзники в борьбе со Швецией – Речь Посполитая, не желавшая примириться с потерей Лифляндии, перешедшей к Швеции по Оливскому трактату; Дания, у которой Швеция отняла южную часть Скандинавского полуострова, Пруссия и Саксония, правители которых надеялись вернуть часть шведских владений на Балтийском побережье.

Значение победы России в Северной войне (1700 – 1721 гг.) заключается, как представляется, не только в том, что она позволила «прорубить окно в Европу» и вывела Россию в число первостепенных европейских держав, но и в том, что впервые правильно поняты и четко сформулированные цели России совпали не только с ее государственными интересами (покончить со сложившимся по Столбовскому миру 1617 года протекторатом Швеции над российской торговлей на Балтике), но и с интересами широкого круга государств Северной Европы. Кроме того, нельзя не учитывать, что Северная война велась на пространстве, регулировавшемся вестфальскими договоренностями, в силу которых рано или поздно должны были включиться механизмы сдерживания появления нового единоличного монополиста в Балтийском регионе. Заслугой петровской дипломатии является то, что эти механизмы работали против Швеции в значительно большей мере, чем против России. Этапным в этом смысле стал подписанный в Амстердаме в 1717 году договор России с Францией и Пруссией, в котором впервые появляются слова, отражившие на длительный период и основную функцию, и пропагандистскую составляющую русской политики: «способствовать поддержанию генеральной тишины в Европе»⁸.

Успехи России в Северной войне сделали ее, по признанию французского посланника в Петербурге Ж. Кампредона, «одной из главнейших держав в Европе»⁹. Дипломатические представители двух противоборствующих лагерей, на которые раскололась Европа в первой трети XVIII века, – Венского (Австрия и Испания) и Ганноверского (Англия, Франция и Пруссия) добивались союза с Россией, понимая, что ее присоединение к той или иной коалиции европейских государств могло бы создать серьезный перевес сил в ее пользу. Отказ лидера Ганноверского союза – Англии – гарантировать русские завоевания в Прибалтике привел к сближению России после смерти Петра с Австрией. По условиям русско-австрийского союзного договора 1726 года Россия присоединялась к Прагматической санкции императора Карла VI, а Австрия гарантировала целостность европейских границ России, фактически становясь участником Ништадтского мира. Встревоженный сближением Вены и Петербурга, прусский король Фридрих Вильгельм I вышел в августе 1726 года из Ганноверского союза, заключив договор с Россией, в соответствии с которым стороны взаимно гарантировали территориальную целостность и общность внешнеполитических интересов, особенно в польских землях. На Суассонском конгрессе 1728 – 1729 годов, целью которого было примирение стран Ганноверского и Венского союзов, Россия выступала уже в качестве одного из фактических гарантов Вестфальской системы. И хотя конгресс, проработав более года, так и не выработал общих принципов и гарантий поддержания новой расстановки сил в Европе, сложившейся после

Северной войны, он стал важным этапом формирования послепетровской внешнеполитической доктрины России, базировавшейся на стремлении поддерживать сбалансированные отношения с двумя германскими государствами.

5

В отечественной и зарубежной историографии высказываются различные точки зрения относительно того, в какой степени внешнеполитический курс России в послепетровскую эпоху, разработка и реализация которого связывается с именем А.И.Остермана, отражал петровскую традицию. [Современные немецкие историки М.Шульце-Вессель и К.Цернак, констатируя «разрушение» в результате Северной войны «оформленной Вестфальским миром европейской системы международных отношений, которая была основана на взаимодействии Франции и Швеции», отмечают возникновение на ее руинах «восточной подсистемы, объединившей Россию, Пруссию и Австрию», которые «стремились установить контроль над соседними странами, и прежде всего над Польшей».] При этом К.Цернак, следуя своему знаменитому предшественнику Л.Ранке, считает создателем этой подсистемы А.И.Остермана, пытавшегося таким образом обеспечить сохранение «Ништадтской системы на основе негативной польской политики»¹⁰.

С подобной оценкой политики А.И.Остермана в 1720 – 1740 годах можно в целом согласиться с той существенной оговоркой, что восточная подсистема Вестфалья начала складываться задолго до подписания русско-прусского договора 1720 года, в подготовке которого Остерман принимал главное участие, и на основе «негативной политики» не в отношении Речи Посполитой, а Османской империи. Польша, признавшая независимость Восточной Пруссии, считавшейся ленным владением Речи Посполитой только по Оливскому трактату 1660 года, была активным участником прошедшей через всю вторую половину XVII века ожесточенной борьбы на территории «восточной периферии» вестфальского пространства, в которой сталкивались интересы Речи Посполитой, России, Швеции, Крыма, Османской империи (захватившей в 1683 г. Правобережную Украину, признанную за два года до этого Бахчисарайским миром 1681 г. между Турцией и Россией «*res nullis*»), Австрии, Саксонии и Пруссии. В череде непрерывных войн, ареной которых стало пространство от Сербии и Молдавии до шведской Померании и Смоленска, Речь Посполитая сыграла важную, если не основную роль в нейтрализации османской угрозы Европе. Заключение в 1686 году «Вечного мира» Собеским с Софьей, в соответствии с которым Польша уступила России все приобретенные последней по Андрусовскому перемирию земли за компенсацию в полтора миллиона

талеров, было продиктовано интересами Польши и других европейских государств, стремившихся привлечь Россию в состав антитурецкой Священной лиги, образованной в том же году.

Перспектива дальнейшего наращивания потенциала объединения Европы на базе совместной борьбы против османской угрозы была перечеркнута Карловицким конгрессом 1699 года, в ходе которого европейские государства решили свои проблемы с турками отдельно от России. В частности, Польша в Карловицах добилась возвращения отвоеванных армией Потоцкого у турков Подолии и Правобережной Украины и прекращения выплаты дани крымскому хану. Только через год в соответствии с Константинопольским договором 1700 года Порты и Бахчисарай пошли на аналогичные уступки (ликвидация «поминок») в отношении России.

С учетом этого избрание в 1697 году саксонского курфюрста Августа II королем Речи Посполитой при поддержке послов Австрии, России и Бранденбурга в Варшаве, которое, очевидно, и следует считать исходной точкой формирования «негативной польской политики», изначально несло в себе совершенно иную политико-стратегическую нагрузку. Речь по существу шла о том, чтобы путем возведения на польский престол компромиссной и неспособной сопротивляться давлению соседей фигуры саксонского курфюрста попытаться консолидировать ослабленное, но стратегически важное польское пространство, раскинувшееся от берегов Балтики до границ Османской империи, на рубеже Западной и Восточной Европы, перед лицом завоевательных планов шведского короля Карла XII. Возможности для подобного вмешательства в польские дела открывали противоречия олигархического государственного устройства Речи Посполитой (всевластие шляхты, роль католической церкви, принцип единогласия при принятии решения на сеймах – *liberum veto*, выборность короля). С 1652 года, когда впервые криком «не позволяю» был сорван Коронный сейм, из 55 созывавшихся до 1764 года сеймов 48 были сорваны, причем одна треть из них – голосом всего лишь одного депутата¹¹. После пресечения в 1572 году польско-литовской династии Ягеллонов древний трон Пястов (польская династия, правившая до 1370 г.) стал добычей авантюристов королевских кровей из разных стран Европы. В результате Польша, в течение веков игравшая активную роль в европейских делах, превратилась к началу XVIII века, используя выражение польского историка Е.Сковroneка, в «черную дыру» европейской системы международных отношений¹².

Развитие событий на начальном этапе Северной войны, взятие Варшавы войсками Карла XII показали, однако, что при реально сложившемся соотношении сил только Россия могла выступить в качестве действенного гаранта восстановления стабильности на «восточной периферии» вестфальского пространства. Состоявшееся

в Данциге в марте 1716 года выездное совещание петровской «тайных Иностранных дел коллегии министров» – Г.И.Головкина, посла в Варшаве Г.Ф.Долгорукова, вице-канцлера П.П.Шафирова, только что вернувшегося из Стамбула П.А.Толстого – с саксонскими министрами Августа II и выступавшими против него представителями Тарногородской генеральной конфедерации польской шляхты надолго определило общую направленность русской политики в Польше. Осуществленный по требованию России вывод саксонских войск из Варшавы и фактическое признание «немым сеймом» в Гродно 1717 года России в качестве гаранта политической стабильности в Речи Посполитой обеспечили на длительный период преобладающее влияние России в Польше. Трудно не согласиться с мнением Н.Н.Молчанова, отметившего при анализе польской политики Петра существовавший «соблазн использовать крайнюю слабость Польши из-за разброда, неустойчивости, интриг польских магнатов. Проще всего было бы, как казалось некоторым, действовать здесь просто грубой силой, благо Россия располагала для этого всем необходимым, особенно после Полтавы. Но, как нигде, Петр проявил здесь дальновидность, сдержанность, осторожность, выдержку и терпение. Он сумел подняться выше естественной обиды на многие антирусские действия польских феодалов, начиная со Смутного времени. Петр исходил не из прошлого, а из будущего, стремясь к добрососедским отношениям с этой славянской страной, долговременные объективные интересы которой в борьбе с германской экспансией совпадали с интересом России»¹³.

В стратегическом плане линия на косвенное доминирование России в Польше, начатая со времен «немого сейма», отражала глобальный поворот во внешней политике Петра на заключительном этапе Северной войны от стремления к союзу с «морскими» державами к восточно-европейской континентальной политике¹⁴. Важным в этом контексте представляется и замечание Б.В.Носова о том, что к концу Северной войны, выведшей Россию в ранг великих держав, роль Польши во взаимоотношениях России с европейскими государствами, развивавшихся в допетровскую эпоху почти исключительно через ее посредство, существенно снизилась¹⁵.

Разумеется, в сложнейших обстоятельствах заключительного этапа Северной войны (ликвидация с участием русской армии шведского присутствия в Северной Германии, «Мекленбургский инцидент») в действиях российских дипломатов, прежде всего А.И.Остермана, трудно не видеть элементов «негативной польской политики», формировавшейся, кстати сказать, под влиянием выявившейся крайней ненадежности Августа II как союзника в борьбе против Швеции. Играли свою роль и традиционные прусские антипатии к Саксонии, так рельефно проявившиеся впоследствии в политике Фридриха II. Весьма существенно в этом плане, что одним из условий русско-

прусского договора от 17 февраля 1720 года была договоренность об устранении саксонской династии Веттинов с польского престола.

Тем не менее Петр, умевший правильно оценить не только прямые выгоды, но и отдаленные последствия своих политических шагов, по крайней мере, дважды – после полтавской победы и в 1721 году – решительно отклонял предложения саксонского курфюрста, польского короля Августа II и прусского короля Фридриха Вильгельма I осушесть часть польской территории, хотя в обоих случаях России предлагалась часть польской территории, практически совпадающая с той, которая была присоединена к ней в результате первого раздела. Не вызывает сомнения, что последовательно проводившаяся Петром и продолженная его преемниками политика косвенного доминирования России в Польше была не в последнюю очередь обусловлена опасениями усиления Пруссии в результате раздела Речи Посполитой.

Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что в значительной степени формированию «негативной» политики в отношении Речи Посполитой на основе сближения России с двумя немецкими государствами способствовала проводившаяся Францией политика активизации своих связей с государствами – форпостами «Восточного барьера» – Швецией, Польшей и Турцией, – ориентированная на сдерживание набиравшей мощь России. Война за Польское наследство 1733 – 1734 годов, спровоцированная попыткой Франции воспользоваться очередным «межкоролевьем» в Речи Посполитой, с тем чтобы посадить на польский трон своего ставленника Станислава Лещинского, серьезно упрочила русско-австрийское взаимопонимание в польских делах, базировавшееся на сохранении на польском троне саксонской династии Веттинов. Несмотря на двойственную позицию Пруссии в период войны за «польское наследство», в целом выдержал в тот период испытания и подписанный в Берлине в 1732 году союзный договор «трех черных орлов», оформивший договоренность Берлина, Вены и Петербурга сохранять Речь Посполитую в «счастливой анархии»¹⁶. Договоренность эта оказалась, впрочем, недолговечной: ее разрушили Силезские войны (1740 – 1748 гг.), до предела обострившие прусско-австрийский антагонизм, предопределенный ожесточенным соперничеством трех немецких держав за влияние в Германской империи.

Крах союза «трех черных орлов» продемонстрировал и коренное различие целей и интересов, которые преследовали Пруссия, Австрия и Россия в польском вопросе. Если прусский король Фридрих II еще в так называемом «Первом политическом завещании», написанном в 1752 году, объявил присоединение Королевской (польской) Пруссии, разделявшей Княжескую (Восточную) Пруссию и Бранденбург, одним из главных условий выживания собственной страны, то Австрия и Россия исходили из совершенно других целей. Для Габ-

сбургов, одержимых идеей поддержания политического равновесия с прусскими Гогенцоллернами, предотвращение территориального увеличения Пруссии за счет Польши было стратегически более важной задачей, чем обеспечение собственных территориальных притязаний к Речи Посполитой по границе с Венгрией.

Что касается России, то в иерархии ее внешнеполитических приоритетов польское и шведское направление со второй половины 30-х годов XVIII века начинают играть второстепенную, а затем и подчиненную роль. В условиях стабилизации позиций России на Балтике и в Центральной Европе на первый план для нее выходила задача отвоевания Азова, Таганрога и Запорожья, утраченных в результате неудачного Прутского похода Петра I и последующих договоров с Османской империей 1711 – 1713 годов. Для понимания логики действий Екатерины II важно отметить, что Русско-турецкая война 1736 – 1739 годов развивалась по тому же сценарию, что и обе русско-турецкие войны екатерининского царствования. В Стамбуле, вынашивавшем с подачи французского посланника маркиза де Вильнева планы захвата Левобережной Украины и Киева, использовали тогда, как и впоследствии, в 1768 году, для нагнетания напряженности факт появления русских войск в Польше. Несмотря на внушительные военные успехи русской армии под командованием Миниха, война 1736 – 1739 годов, как известно, закончилась лишь приобретением Россией Запорожья и – фактически – Азова и Таганрога (без права укреплять их) в основном из-за несогласованности действий России и ее союзника Австрии.

Важно, однако, что П.П.Шафиров, возглавлявший русскую делегацию на предварительных мирных переговорах с Турцией в украинском Немирове (август – ноябрь 1737 г.), впервые выдвинул долгосрочную программу русской политики на Черном море, потребовав передать России азовские и черноморские берега от Дона до Дуная, в том числе Крымский полуостров и Кубань. Молдавия и Валахия должны были получить независимость и перейти под покровительство России; султан – признать принцип свободного мореплавания по Черному морю и через проливы Босфор и Дарданеллы¹⁷.

Несмотря на то что конгресс в Немирове был сорван и военные действия продолжались еще более года, основная цель российской внешней политики на последующие годы была сформулирована предельно четко. На приоритетное место в традиционной дипломатической «триаде» России выходило южное, черноморское направление.

6

С начала 40-х годов, когда А.И.Остермана на посту руководителя российской внешней политики сменил А.П.Бестужев-Рюмин, геополитические ориентиры российской дипломатии существенно

изменились. [Захват Фридрихом II Силезии в ходе войны за Австрийское наследство подвел черту под политикой «концерта трех черных орлов», проводившейся Остерманом. Контроль за торговлей по Одру, попавший в руки Пруссии, нарушил установленный в итоге Северной войны геополитический баланс на Балтике, затронув интересы России. Последовавший за этим отказ прусского короля выполнить свои союзнические обязательства в отношении России в ходе спровоцированной Францией русско-шведской войны 1741 – 1742 годов привел к тому, что политика Бестужева приобрела последовательный антипрусский характер¹⁸. Излагая в докладе Елизавете Петровне суть своей внешнеполитической концепции, Бестужев назвал главными противниками России Францию и Швецию, а «неприятелем потаенным» – Пруссию. «Сей король, будучи ближайшим и наисильнейшим соседом империи, потому, натурально, наипаснейший», – писал Бестужев. Нейтрализацию Пруссии он полагал главным элементом предложенной им внешнеполитической концепции: «Коль более сила короля Прусского множится, тем более для нас опасности будут, и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа... приключиться может»¹⁹.

Вместе с тем во «втором секретном артикуле» «Трактата об оборонительном союзе между Россией и Пруссией» от 16 (27) марта 1743 года говорилось: «Понеже Его Королевского Величества Прусского и Ее Императорского Величества Всероссийского интерес требует того смотреть и попечения предлагать, чтобы Республика Польская при своем вольном праве избрания соблюдена была и никому не дозволено или допущено не было оное государство наследственным и весьма самодержавным себя над оным учинить; того ради Его Королевское Величество Прусское и Ее Императорское Величество Всероссийское по случаю постановленного сего дня между собой альянс-трактата сим артикулом секретным взаимно обещали и накрепчайше обязались, чтобы во всех случаях ежели кто бы он ни был предпринять похотел Республику Польскую и ее вольного права избрания лишить или оное королевство наследственным или же себя и весьма самодержавно над оным учинить, Его Королевское Величество Прусское и Ее Императорское Величество Всероссийское никого до того не допускать ни же терпеть на такие как неправедные, так и соседям опасные намерения всячески совокупленными советами и силами также и дружбою, ежели потребно, обращать, опровергать и уничтожать хотят»²⁰.

22 мая 1746 года усилиями Бестужева был подтвержден австро-прусский союзный оборонительный договор 1726 года, в результате которого Россия заняла сторону Австрии в войне за Австрийское наследство (1740 – 1748 гг.)²¹ [Союзный договор 1746 года с Австрией стал основой не только «системы Бестужева», но и одной из важней-

ших несущих конструкций всей внешней политики России второй половины XVIII века. По мысли Бестужева, к нему следовало привлечь Речь Посполитую и Саксонию. В 1747 году были подписаны две англо-русские «субсидные» конвенции, в силу которых Россия обязалась (во взаимодействии с Голландией) выставить корпус русских войск для защиты Ганноверских владений английского короля²². Договор с Австрией и англо-русские конвенции 1747 года вкупе с выдвижением корпуса Репнина в район боевых действий остановили прусскую агрессию и положили конец войне за Австрийское наследство. Однако Ахенский мир, подписанный 18 октября 1748 года, не разрешил всего спектра противоречий между Австрией и Англией с одной стороны, и Францией и Пруссией – с другой. На фоне нараставшего англо-французского антагонизма ярко выраженные агрессивные черты в отношении России приобрела и политика Пруссии в Прибалтике и Польше, где Фридрих II собирался потеснить Россию и Швецию и занять господствующее положение. Все это готовило почву для новой общеевропейской войны, получившей название Семилетней (1756 – 1763 гг.).

Накануне этой войны произошло подготовленное австрийской и французской дипломатией кардинальное изменение системы международных отношений в Европе, получившее название «дипломатической революции 1756 года». Благодаря усилиям одного из крупнейших дипломатов Европы В.А.Кауница-Ритберга, ставшего австрийским канцлером в 1753 году, был ликвидирован многовековой антагонизм Бурбонов и Габсбургов. Поставив задачу восстановления пошатнувшегося положения Австрии в Германии и в Европе в целом, а также устранения Пруссии как фактора большой европейской политики, Кауниц предпринял энергичные попытки для сближения с Россией и Францией, остававшейся в силу договора 1741 года союзницей Пруссии. Расчет его оказался верным. Впечатляющие успехи Фридриха II в войне за австрийское наследство, рост влияния Пруссии среди мелких германских государств уже подвели Версаль к выводу о том, что врагом номер один для него становятся не Габсбурги, а Пруссия. Прусский король, доведший за короткое время численность своей армии с 80 до 200 тысяч человек, удвоивший население, угрожавший Ганноверу и интриговавший в Курляндии и Польской Пруссии, представлял реальную угрозу европейскому равновесию.

✓Россия не была непосредственно вовлечена ни в австро-прусское, ни в англо-французское противостояние. Вместе с тем, как справедливо отмечал Н.Н.Яковлев, в канун Семилетней войны, пожалуй, впервые в Европе сложилась такая ситуация, когда каждая из противоборствующих сторон пыталась привлечь Россию на свою сторону²³.

30 сентября 1755 года была подписана новая англо-русская «субсидная» конвенция²⁴. За 500 тысяч фунтов единовременной выплаты

и 100 тысяч ежегодной субсидии Россия обязывалась выставить против «врагов Англии на континенте» 80-тысячную армию. Подписание конвенции соответствовало внешнеполитической концепции Бестужева, основывавшейся на трех принципах: союзе с «морскими державами» – Великобританией и Голландией (с учетом интенсивных торговых связей России с этими странами и взаимной заинтересованности в обеспечении стабильности на севере Европы); союзе с Саксонией с учетом того, что саксонский курфюрст оставался одновременно королем Польши; и наконец, поддержании союзных отношений с Австрией, понимавшихся как необходимое условие для успешной борьбы с Османской империей²⁵.

Вместе с тем при подписании англо-русской конвенции Бестужевым был допущен крупный просчет, сравнимый с ошибкой А.И.Остермана при заключении русско-прусского союзного договора накануне войны за австрийское наследство в 1740 году (с учетом русско-австрийского договора 1726 г. Россия стала тогда как бы союзницей обеих воевавших друг с другом держав). По аналогии с конвенцией 1747 года, где было прямо сказано об обязательстве России защищать Ганноверские владения английского короля от Пруссии, Бестужев не сомневался (да это, казалось бы, подтверждали и переговоры с английским послом в Петербурге Вильямсом), что общим противником России и Англии остается прусский король. Однако после подписания 16 января 1756 года «конвенции нейтралитета» между Англией и Пруссией, получившей название Вестминстерского договора, согласно которому стороны обязывались поддерживать мир с Германией «против всякой державы, которая посягнет на целостность германской территории»²⁶, англичане начали настаивать на использовании русских войск против Франции. Это привело к довольно серьезной задержке ратификации русской стороной текста конвенции, которая была вручена Вильямсу только 1 февраля 1756 года. Незавидное положение, в котором оказался Бестужев, несколько компенсировала «Секретнейшая декларация», переданная английскому послу вместе с ратификацией. В ней четко говорилось, что только в случае действий против Пруссии Россия была готова «тесно с Его Великобританским Величеством обязательства исполнить в точности и сохранить в нерушимой целостности»²⁷.

Вестминстерский договор и «субсидная» конвенция вызвали «цепную реакцию» заключения соглашений между европейскими державами, оформивших новую систему союзов. 21 марта 1756 года Россией был заключен оборонительно-наступательный союз с Австрией, согласно которому она обязывалась для нападения на Фридриха II предоставить Австрии воинский корпус в 80 тысяч человек. В случае победы Австрия должна была вернуть Силезию, Россия – получить Восточную Пруссию. Благодаря активности французской дипломатии к австро-русскому союзу примкнул и Август III, саксон-

ский курфюрст и король Речи Посполитой. В 1757 году антипрусская коалиция пополнилась Швецией, получившей денежные субсидии и надежду вернуть себе Прусскую Померанию.

Однако подлинной кульминацией «дипломатической революции» стало подписание 1 мая 1756 года в Париже первого Версальского договора между Францией и Австрией. Опубликованные, надо думать, в пику заключенному тайно англо-прусскому договору, статьи австро-французского соглашения предусматривали обязательства сторон уважать территориальную целостность друг друга. Австрия и Франция обязывались в случае необходимости выставить корпуса численностью в 24 тысячи человек, причем не более чем через два месяца после нападения агрессора. Договор предусматривал также выплату субсидий, хотя агрессор, против которого объединяли усилия Вена и Париж, не назывался по имени. Все сомнения снимала оговорка о том, что условия Версальского договора не предусматривали вмешательства Австрии в англо-французский конфликт в Америке.

Значение Версальского договора состояло в том, что он не только оформил совершенно новую систему союзов, сложившуюся в Европе накануне Семилетней войны, первого глобального конфликта, в ходе которого военные действия велись как на континенте, так и в далекой Америке, Индии, на морях и океанах, но и стал исходной точкой в процессе глобализации международных отношений. Отныне принципам, наработанным при подготовке Вестфальских соглашений и в целом выдержавшим испытания в ходе «второй столетней войны», сотрясавшей Европу с середины XVII века до начала Великой французской революции, предстояло пройти проверку в пределах совершенно иного геополитического пространства.

7

Цели России в начавшейся вскоре Семилетней войне были сформулированы на одном из первых заседаний конференции (26 марта), созванной по инициативе Бестужева весной 1756 года, следующим образом: «Ослабить короля Прусского, сделать его для России нестрашным и незаботным; усиливши Венский двор возвращением Силезии, сделать союз с ним против турок более важным и действенным, одолживши Польшу доставлением ей Королевской Пруссии, взамен получить не только Курляндию, но и такое округление границ польских, благодаря которому мы не токмо пресекли бы нынешние беспрестанные от них хлопоты и беспокойства, но, быть может, и получен был бы способ соединить торговлю Балтийского и Черного морей и сосредоточить всеевропейскую торговлю в своих руках»²⁸.

Эта выдержка из решения высшего консультативного органа Российской империи относительно ее целей в Семилетней войне

представляется весьма важной. При всех понятных оговорках относительно того, насколько адекватно она отражала уmonoстроения Елизаветы Петровны и ее окружения, несомненно одно: заявления, делавшиеся впоследствии, во время царствования Петра III и Екатерины, относительно того, что Россия воевала в Семилетней войне за чуждые ей австрийские интересы, лишены серьезных оснований. Сам по себе план нейтрализации прусской угрозы путем передачи Восточной Пруссии Польше с последующим разменом ее на Курляндию, существенно расширявшим владения России на побережье Балтики, являлся в сложнейшей конъюнктуре европейской политики середины XVIII века реальной альтернативой позднейшей, постелизаветинской политике, завершившейся разделами Польши между Пруссией, Австрией и Россией и, в конечном итоге, уничтожением Польского государства.

Кроме того, для понимания логики действий Екатерины II, пришедшей к власти на заключительном этапе Семилетней войны, важно иметь в виду, что в период «дипломатической революции» с 1756 года на смену многовековому антагонизму Бурбонов и Габсбургов пришла новая система союзов европейских государств, в рамках которой Пруссия, в отличие от Силезских войн, была вынуждена обороняться, борясь за выживание перед лицом многократно превосходившего ее противника. В объективной оценке этого компонента европейской ситуации следует, как нам представляется, искать объяснение сближения между Екатериной и А.П.Бестужевым-Рюминым в период 1756 – 1758 годов (до опалы и ссылки канцлера), никогда не стремившегося чрезмерно ослабить Пруссию, поскольку это могло бы привести к опасному усилению Австрии или Франции.

Как известно, ход Семилетней войны был предопределен победами русской армии при Гросс-Егерсдорфе (30 августа 1757 г.), Цорндорфе (25 августа 1758 г.), Куннерсдорфе (12 августа 1759 г.), взятием корпусом З.Г.Чернышева Берлина в 1760 году. За два года до этого, зимой 1758 года, русской армией была занята Восточная Пруссия, население которой было немедленно приведено к присяге на русское подданство (интересно, что Фридрих II не простил этого жителям Восточной Пруссии: после окончания Семилетней войны он никогда не посещал Кёнигсберг).

Прошло, однако, не много времени, прежде чем выяснилось, что союзников России мало радуют ее военные успехи. Американский историк Г.Каплан, автор монографии о роли России на начальном этапе Семилетней войны, считал, что «Россия преследовала военные цели, которые ни Австрия, ни Франция не желали видеть выполненными». Австрию, по его мнению, не устраивал захват Восточной Пруссии и присоединение к России Курляндии, Францию – возможное усиление ее влияния в Польше и на Балтийском море²⁹.

Это, на наш взгляд, во многом объясняет действия Екатерины, решительно отказавшейся после прихода к власти возобновить союзнические обязательства перед Австрией и Францией, порванные Петром III. Дело в том, что к моменту своего воцарения Екатерина, участвовавшая в большой политике по крайней мере со второй половины 50-х годов, не только пережила предельно острый личный кризис, сопряженный с опасностями, которым она подвергалась после опалы Бестужева, и научилась умело лавировать среди придворных группировок, но и приобрела качество крупного политика – широкий геополитический кругозор, глубокое понимание государственных задач России и, что особенно важно, – практические навыки решения возникавших геополитических проблем.

Н.Д.Чечулин был совершенно прав, когда связывал разительные перемены, происшедшие в мышлении и даже личности Екатерины после сложных перипетий середины 50-х годов, с ее вовлеченностью в «дипломатическую революцию» кануна Семилетней войны. Внимательно изучив переписку великой княгини с английским послом Хенбури-Вильямсом осенью 1756 года, когда болезнь Елизаветы Петровны спровоцировала резкое обострение борьбы придворных группировок по вопросу о престолонаследии, он отмечал: «Особенно бросается в глаза то, что писавшее эти письма лицо рассуждает вовсе не как русская великая княгиня: автор писем думает, чувствует и представляет себе все государственные отношения, как мелкие немецкие князья – из числа тех, которые считали возможным жить чужими субсидиями или даже и прямою продажей своих подданных в чужие войска; из тех, для кого корона была не священным символом огромной власти и огромной ответственности, а просто фамильной драгоценностью, которую недурно бы получить при дележе наследства, хотя бы и не самыми красивыми путями»³⁰.

Интересна и гипотеза Н.Д.Чечулина относительно того, что причиной тяжелого кризиса, возникшего между Екатериной и Елизаветой Петровной весной 1758 года, после ареста Бестужева, явилось не павшее на великую княгиню подозрение в тайной переписке с командующим русскими войсками в Пруссии фельдмаршалом Апраксиным, а ее вскрывшаяся переписка с Вильямсом и его польским протеже Станиславом Понятовским. Действительно, в условиях, когда Англия оставалась союзницей Пруссии в ходе Семилетней войны, переписка великой княгини с английским послом вряд ли могла рассматриваться императрицей иначе, чем государственное преступление. И тем не менее, «уличив Екатерину в непростительной переписке, Елизавета Петровна простила эту вину великой княгини и простила как натура крупная, искренно, потому что оценила и ту душевную драму, которая довела Екатерину до этого, и ту, которую пережила Екатерина, когда была уличена»³¹.

Психологически точен, как представляется, и конечный вывод Чечулина: Екатерина «сознала свою ошибку, она поняла, что если она мечтает стать русской императрицей, то должна высоко уважать этот сан, должна думать не о том, как захватить власть, а о том, чтобы заслужить ее... После пережитого унижения она оглянулась на прошлое, и в ней проснулись дремавшие силы; перед глазами истории появляется крупная историческая личность, достойный претендент на корону... На целых четыре года мы почти теряем Екатерину из вида – и, когда она выступает перед нами снова, уже как супруга императора, затем и как самодержавная императрица, мы видим зрелую женщину, с большим запасом идей и знаний, сильной решимостью, огромным умением влиять на людей, – женщину, неутомимо работавшую и не перестававшую работать до последнего дня жизни»³².

II

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

1

В первые же дни после переворота 28 июня 1762 года, приведшего ее к власти, Екатерина была вынуждена вплотную заняться внешнеполитическими делами. За неполные шесть месяцев своего царствования Петр III сумел коренным образом изменить военнополитическую ориентацию России, воевавшей в Семилетней войне (1756 – 1763 гг.) в союзе с Австрией, Францией и Саксонией против Пруссии и Англии. Заключив в апреле 1762 года сепаратный мир, а в июне – и союзный трактат с Пруссией, он приказал эвакуировать русские войска из Восточной Пруссии, население которой еще в 1758 году присягнуло России, и других владений Фридриха II, занятых в ходе войны. Ультиматум Дании по поводу Шлезвига, чреватый опасностью войны за чуждые России голштинские интересы, нелепое и неуместное пруссофильство, демонстративное неуважение к традициям и обрядам православной церкви – все это вызвало такое недовольство в армии и обществе, что низложение Петра III и восшествие Екатерины на престол приобрело характер народной революции.

Подобная ситуация требовала от Екатерины незамедлительно дистанцироваться от наиболее одиозных сторон политики Петра III. Однако, распорядившись о немедленном прекращении приготовле-

ний к датскому походу и успокоив Копенгаген, где вздумали было установить родственную опеку над несовершеннолетним наследником российского престола великим князем Павлом Петровичем, новая императрица подтвердила сепаратный мир, заключенный Петром III с Пруссией, воздержавшись только от ратификации союзного трактата и связанных с ним планов повернуть корпуса З.Г.Чернышева и М.Н.Волконского, находившиеся в Восточной Пруссии и Померании, на помощь Фридриху. К концу 1762 года русские войска были в основном выведены из Пруссии.

Формирование подобного курса проходило, однако, весьма не просто. В ходе проходивших в предельно сложные для нее первые месяцы царствования (июль – август 1762 г.) совещаний по внешнеполитическим вопросам Екатерина сформулировала восемь «пунктов, о которых желала слушать рассуждения». В них она просила высказать мнение о том, «что мне надлежит делать в теперешних конъюнктурах, клонящихся во всей Европе к миру», в частности, «надлежит ли нашим войскам в Россию повернуться по теперешним обстоятельствам», «имели ли мы причины, дав слово о содержании мира с королем прусским, оной мир за полезный почитать; а в противном случае оной по своему переделатъ, к чему нам может служить сепаратный артикул онаго мира». В круг вопросов, подлежавших коллегиальному обсуждению, были вынесены и пункты, касающиеся целесообразности «возобновления трактата союзного с венским двором» и принятия предложенного Фридрихом II посредничества в установлении мира между Пруссией и Австрией, а также Англией и Францией³³.

О широком разбросе мнений по этим вопросам среди ближайших сотрудников Екатерины свидетельствуют, в частности, подробно рассмотренные С.М.Соловьевым записки возвращенного из ссылки А.П.Бестужева-Рюмина, рассчитывавшего стать основным советником Екатерины по внешнеполитическим вопросам³⁴, канцлера М.И.Воронцова, присягнувшего новой императрице только после «чересчур скоропостижной», по выражению его племянницы Е.Р.Дашковой, смерти свергнутого императора, вице-канцлера А.М.Голицына, утвердившегося на своем посту во время недолгого царствования Петра III, сенатора И.И.Неплюева, бывшего посла в Константинополе, и генерала М.Н.Волконского, будущего посла в Польше³⁵. Согласившись с вынужденными обстоятельствами необходимостью подтвердить мирный договор с Пруссией, заключенный Петром III³⁶, Бестужев тем не менее высказался за «ослабление короля Прусского в его силах», предложив оставить в Польше, на границе с Восточной Пруссией, 30-тысячную армию. Похожую позицию занял и Голицын³⁷. Неплюев, напротив, указывал на то, что «содержать русскую армию в Польше будет страшно дорого и потом этим возбудится подозрение в соседних державах». Воронцов также

полагал, что реальной альтернативы «сохранению мира, каков он ни есть», не было.

Широкую, почти единодушную поддержку получил, по существу, лишь один пункт, сформулированный императрицей, – о посредничестве России в скорейшем окончании Семилетней войны. Вместе с тем и в этом вопросе Голицын счел нужным подчеркнуть, что цель такого посредничества должна состоять в том, чтобы «усиление чрез меру силы короля Прусского для будущей соседней его безопасности в умеренные пределы какими-либо удовлетворениями привести, что столь больше здешней империи полезным быть может, что тем уменьшится сила единственного теперь России опасного соседа».

О сложности и остроте внешнеполитических проблем, которые пришлось решать Екатерине в начале ее царствования, свидетельствуют и «Конференциальные записки» о переговорах М.И.Воронцова и А.М.Голицына с послами, аккредитованными в Петербурге. В частности, в беседе от 6 июля 1762 года, австрийский посол граф Мерси д'Аржанто прямо увязал признание Веной восшествия Екатерины на престол с подтверждением ей «принятых прежде» Россией союзнических обязательств. Отвечая послу, М.И.Воронцов подчеркнул, что «Ее императорское величество по истощении народа своего от долговременной войны не изволит теперь принимать в оной участие», поскольку «посвящает все свое время на важнейшие дела до благосостояния и порядка здешней империи касающиеся»³⁸.

Таким образом, намечая в этих условиях летом 1762 года контуры своей внешней политики, Екатерина, считавшая, что ей «надобно по крайней мере пять лет для восстановления порядка», была вынуждена, с одной стороны, маневрировать между унаследованными ею со времен Елизаветы Петровны и Петра III придворными группировками, а с другой – по ее собственному выражению, «вести себя со всеми государями Европы как искусная кокетка», маскирующая с учетом сложнейших европейских конъюнктур истинные цели своей политики.

Главным принципом дипломатии начинавшегося царствования было провозглашено проведение самостоятельной, ориентированной на государственные интересы политики во внешних делах. «Время покажет, что мы ни за кем хвостом не тащимся»³⁹, – из этой резолюции Екатерины на депеше посла в Берлине князя Долгорукова от 8 (19) ноября 1763 года вскоре выросла целостная система представлений о задачах внешней политики России, которую Н.Д.Чечулин вполне обоснованно связывал с возвращением к принципам и приемам дипломатии Петра I, А.И.Остермана и А.П.Бестужева-Рюмина⁴⁰.

В основе этой системы, сложившейся в основных чертах у Екатерины еще в то время, когда она была великой княгиней, лежала та же идея, которая направляла дипломатию Петра I, – утвержде-

ние России на берегах Балтики и Черного моря. Уже в известном 36 пункте «Собственноручных заметок великой княгини Екатерины Алексеевны», составленных в период до марта 1761 года, будущая императрица писала: «Соединить Черное море с Каспийским, и оба – с Северным; направить торговлю Китая и Восточной Индии через Татарию – значило бы возвысить Россию на степень могущества, высшего, чем прочие государства Европы и Азии»⁴¹.

Из приведенного отрывка видно, что, глубоко осмыслив за 17 лет «скуки и одиночества» не только интеллектуальные достижения Века Просвещения, но и наследие послепетровской дипломатии, Екатерина вступила на престол со сложившимся собственным пониманием внешнеполитических задач России, в котором четко просматриваются элементы геополитики. Приобщившись к внешнеполитическим делам с 1754 года, когда Петр Федорович, тяготившийся своими обязанностями голштинского правителя, доверил ей управление своими наследственными владениями, а затем оказавшись вовлеченной в сложнейшие конъюнктуры «дипломатической революции» 1756 года, Екатерина еще до воцарения развила в себе те качества, которые впоследствии принесли ей заслуженную славу: широкий геополитический кругозор – и удивительное умение придумывать и искусно проводить в жизнь хитроумные тактические ходы, разумно сочетать государственные и династические интересы, постигла искусство маневрирования между придворными партиями, постепенно переросшее в манипулирование ими.

С учетом этого не вызывает сомнения, что, выстраивая геополитические приоритеты своей внешней политики, Екатерина исходила как из собственного опыта, так и глубокого понимания сложных механизмов европейской политики. Обладая большим запасом здравого смысла и реализма, она стремилась выстраивать свою внешнеполитическую линию в зависимости от того, как складывался баланс сил в Европе и в разные периоды своего царствования уделяла повышенное внимание то польским, то германским, то шведским делам. И тем не менее – и это важно подчеркнуть – южное, черноморское направление она рассматривала как приоритетное в традиционной дипломатической «триаде» России – Швеция, Польша, Османская империя. «Сверхзадача» ее дипломатии, ее основной вектор были обращены на юго-запад: обеспечение свободы торгового мореплавания России в Черном море с последующим выходом в Средиземноморье, помощь единоверным народам Балкан и Греции оставались главными целями ее политики.

Впрочем, в непростых условиях лета – осени 1762 года о геополитических планах Екатерины можно было только догадываться. На повестке дня стояли проблемы другого рода, связанные прежде всего с тяжелой ситуацией в экономике и финансах России, сложившейся в конце Семилетней войны. Отсюда – предпринятые Екате-

риной осенью 1762 года попытки посредничать при заключении мира между Веной и Берлином, декларация о необходимости сохранения баланса сил в Германской империи и, наконец, высказанная Екатериной в письме Фридриху II от 17 ноября 1762 года мысль о стремлении принести пользу «Германии вообще»⁴².

2

Ко времени вступления Екатерины на престол в российско-польских отношениях сложился целый комплекс проблем. Общее представление об их характере дают протоколы переговоров, проведенных во второй половине 1754 года послом России в Варшаве Гроссом с первым саксонским министром Брюлем. Гросс, в частности, ставил вопросы о необходимости демаркировать остававшиеся спорными значительные участки русско-польской границы, обеспечить возвращение в Россию беглых староверов и крепостных крестьян, восстановить работу совместных пограничных судей, прекратить (в соответствии со ст.9 трактата о «Вечном мире» 1686 г.) преследование православных. Особенно остро им подчеркивалась необходимость обеспечить «непринуждение православного духовенства в Польше к переходу в униатскую церковь», а также положить конец массовому разрушению православных храмов и монастырей на землях, переходивших из коронной в частную собственность⁴³.

Через девять лет, в феврале 1763 года, Коллегия иностранных дел в «Мнении», представленном императрице, в качестве главной из «обид со стороны Польши и Литвы российских подданных» вновь указывала на то, что «из давних лет принимают и удерживают у себя поляки в противность мирного трактата беглых из российской страны людей и крестьян с их семьями, также и воинских дезертиров, которых тамо в Польше и Литве многие тысячи находятся и оными великие слободы и деревни населены, а тем самым российские пограничные уезды Смоленской губернии да Псковской и Великолуцкой провинции почти опустошены, отчего помещики весьма разоряются и принуждены всякие подати платить с пустых земель»⁴⁴. В отношении мер, принимавшихся для возвращения беглых, КИД докладывала, что после переговоров, проведенных Гроссом в 1754 году, польским королем были изданы универсалы, согласно которым местным властям было предписано «не всех простых беглецов российских, и токмо воров и воинских дезертиров назад выдавать, а впредь никаких беглецов не принимать и не держать»⁴⁵. Однако после этого положение в пограничных областях только ухудшилось: «Из тех беглых людей воры, которым поляки у себя пристани дают, собираясь партиями, приходят из-за границы в Россию и делают разбои, грабительства и смертные убийства, а потом обратно за границу уходят и с разграбленными пожитками дорываются тамо»⁴⁶.

В силу сохранявшейся «неразведенности» русско-польской границы не дало нужного эффекта и изданное в 1754 году определение Сената «по границе все дороги, опричь назначенных, к проезду, засеять лесом или заставить рогатками, укрепя оные надолбами или же перекопать рвом и учредить заставы и пограничные таможни» из-за сопротивления «польских и литовских обывателей». Между тем результаты рекогносцировки местности, проведенной в 1753 году инженер-полковником де Боскетом, показали, что вопреки «Вечному миру» 1686 года 988 квадратных верст российских земель незаконно оставались в польском владении, в том числе территории, приписанные к Стародубскому, Черниговскому и Киевскому украинским полкам. Вследствие непрерывных междоусобных споров русско-польская граница была укреплена только от «Смоленской губернии до Киева», на всем же остальном протяжении она оставалась практически открытой. Пользуясь этим, поляки «самовольно населили 10 городов Правобережной Украины, признанных по договору 1686 года спорными и поэтому не подлежащими заселению»⁴⁷. КИД предлагала предпринять срочные меры по демаркации спорных участков русско-польской границы, особенно в районе Смоленска, направить в Польшу «военные команды» для возвращения беглых (по приблизительным оценкам, их число составляло около 120 тысяч душ мужского пола) и выделить до полумиллиона рублей для урегулирования взаимных претензий жителей пограничных областей⁴⁸.

Характерно, что в февральском (1763 г.) «Мнении» КИД ничего не говорилось о так называемой «диссидентской проблеме» – притеснении православных в Польше (их число составляло около 600 тысяч человек), – которой было суждено сыграть столь значительную роль в предыстории первого раздела. Не упоминалось и об остававшихся нерешенными политическими вопросах: вплоть до 1764 года польский сейм отказывался ратифицировать «Вечный мир» 1686 года, Речь Посполитая была последней из европейских стран, не признававшей за российскими государями императорского титула.

Тема защиты единоверцев выдвигается на первое место в переписке Екатерины с Кейзерлингом только с октября 1763 года, после того как на коронации в Москве епископ Белорусский Г.Конисский призвал императрицу вступить за православных в Польше. В частности, в письме Кейзерлингу от 23 октября Екатерина поручила ему «настоятельно оказать им покровительство», добавив: «Я ничего не хочу упустить в этих видах»⁴⁹.

В целом, все эти проблемы, а большинство из них носило затяжной, хронический характер (попытки Речи Посполитой взять реванш и вернуть утраченные по Андрусовскому перемирию земли прослеживаются непрерывно с 1667 г.), создавали негативный фон в отношениях России с ее западным соседом. Проход русских войск через Польшу во время Семилетней войны, неизбежно сопровождавшийся

инцидентами с местными властями и населением, вносил в них дополнительные сложности. С учетом этого проявленное Екатериной в первые дни ее царствования стремление заняться польскими делами выглядит вполне естественным. Однако практические шаги, предпринятые ею, были весьма неординарны.

Уже через месяц с небольшим после прихода к власти – 2 августа 1762 года – Екатерина направила Станиславу Понятовскому, своему бывшему фавориту и послу в Петербурге, обстоятельное письмо, в котором, помимо довольно откровенного рассказа об обстоятельствах переворота 28 июня 1762 года, имелась и следующая знаменательная фраза: «Я незамедлительно направляю послом в Польшу графа Кейзерлинга с тем, чтобы он сделал Вас королем после кончины нынешнего, а если это окажется невозможным, князя Адама (Чарторыйского, двоюродного брата С.Понятовского. – П.С.)»⁵⁰.

Мотивы, побудившие императрицу написать это письмо, более того, доверить его доставку австрийскому послу в Петербурге, казалось бы, объяснимы. Понимая шаткость и даже опасность своего положения (это основной мотив письма. – П.С.), Екатерина, похоже, пыталась удержать рвавшегося в Петербург Понятовского в имении Чарторыйских Пулавы, где он проводил целые дни, лежа ничком на неразобранной постели, в головах которой стояли два портрета российской императрицы.

Не все, однако, обстояло так просто. С возможностью внезапной смерти Августа III в Вене, Берлине и Петербурге вынуждены были считаться с начала 50-х годов, когда даже обсуждалась идея досрочного избрания на польский престол его сына. Австрия, разумеется, поддерживала идею сохранения Веттинов на польском престоле, Фридрих II, ненавидевший Саксонию, был против, но его голос тогда не был решающим. Елизавета Петровна и Бестужев были склонны сохранить в Польше *status quo*. Зная это, Август III, можно сказать, афишировал свою лояльность России. Он, единственный из ее союзников по Семилетней войне, безропотно поддержал декларацию Петра III от 23 февраля 1762 года о заключении сепаратного мира с Пруссией⁵¹, не подозревая, очевидно, что уже через четыре месяца тот согласится включить в текст русско-прусского союзного договора пункт о поддержке избрания польским королем Пяста.

Еще более нестандартной выглядит идея Екатерины возвести на польский престол своего бывшего фаворита, если учесть, что в первое время по воцарении в ее ближайшем окружении преобладали «австрийцы». Среди них – А.П.Бестужев-Рюмин, убежденный в необходимости для России действовать в польских и турецких делах в союзе с Австрией, близкий к нему фаворит Екатерины и основной участник возведения ее на престол Г.Г.Орлов. Проявлять сугубую осторожность в польских делах рекомендовал и канцлер М.И.Воронцов, советовавший в докладе, подготовленном в июле 1762 года,

«и не помышлять о возвращении захваченных поляками земель, поскольку не в интересах России предпринимать новую войну, в которой Польшу поддержит Турция»⁵². Екатерина не могла не знать, что лишь два человека из ее ближайшего окружения – Панин и Кейзерлинг – поддержат ее планы в отношении Понятовского.

И тем не менее осенью 1762 – зимой 1763 года она неоднократно заверяла Понятовского в твердости своего намерения возвести его на польский престол. В чем же причина такого упорства?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нам придется вернуться в 1755 год, когда 23-летний граф Станислав Понятовский впервые появляется в Петербурге в свите нового английского посла Чарльза Хэнбури-Вильямса. В фондах ГАРФ сохранилась подготовленная в 1865 году для Александра II рукопись, озаглавленная «Notice sur sir Hanbury-Williams, ses relations avec Catherine II et les affaires de son temps»⁵³. Ее автор – тайный советник Бреверн, использовавший полученную российским МИД от бывшего посла Англии в Берлине Роуза переписку Вильямса с Екатериной за вторую половину 1756 года. Знакомство с этим объемистым (более 500 страниц) трудом не оставляет и тени сомнения в тесных (хотя, возможно, и опосредованных) связях, существовавших между Вильямсом, его молодым протеже и прусской дипломатией. В этом, кстати, были уверены осенью 1756 года и Бестужев, и Елизавета Петровна, считавшая, что молодой поляк находился *aux gages du roi de Prusse*⁵⁴. Вильямс и сам признавал, что получил от Фридриха II через английского посла в Берлине Митчела сто тысяч французских экю на подкуп Бестужева. Воспользовался ли Бестужев денежными субсидиями от прусского короля, достоверно не известно, но то, что Екатерина, будучи великой княгиней, неоднократно брала денежные кредиты от Вильямса (правда, исправно вернув их после прихода к власти) – этот факт установлен⁵⁵.

Переписка между Вильямсом и Екатериной показывает, что посол, человек незаурядный, располагавший солидными связями в политических кругах Англии, прекрасно образованный, но с авантюрной жилкой и к тому же вынужденный действовать в предельно запутанных обстоятельствах «дипломатической революции» 1756 года и начала Семилетней войны (достаточно сказать, что, прибыв в Петербург с инструкциями препятствовать «честолюбивым и опасным» планам прусского короля, он после подписания Вестминстерского договора превратился в его союзника), в деталях обсуждал с великой княгиней осенью 1756 года, когда здоровье Елизаветы Петровны резко ухудшилось, ее поведение в случае восхождения на российский престол⁵⁶. Многозначительным в этом контексте выглядит и упоминаемое Вильямсом имя Н.И.Панина, в то время российского посла в Стокгольме. «Письма Панина доставили мне большое удовольствие, – писал Вильямс. – Особенно последнее. Оно так прелестно,

что я могу угадать в его авторе будущего вице-канцлера»⁵⁷. Упоминание Вильямсом о переписке между Паниным и великой княгиней, относящееся к 1756 году, существенно меняет устоявшееся представление о том, что доверительные отношения между Екатериной и будущим руководителем ее внешней политики сложились начиная с 1760 года, когда он был назначен обер-гофмейстером (воспитателем) великого князя Павла Петровича.

Далеко не случайной фигурой в этом контексте выглядит и Герман Карл Кейзерлинг, которому, как мы помним, предстояло сделать Понятовского королем Польши. Курляндец по происхождению, он еще в 1733 году, будучи русским послом в Варшаве, помогал только что взошедшему на престол Августу III упрочить свои позиции, а в середине 50-х годов, кстати, вместе с Вильямсом обсуждал планы его свержения. Кейзерлинг был своим человеком в семье Понятовских⁵⁸. С 1744 года он преподавал Станиславу логику и математику, привыкнув с тех пор смотреть на будущего короля Польши как на своего ученика. В 1747 – 1749 годах Кейзерлинг был послом в Берлине, где пользовался доверием Фридриха II. Кстати, именно Кейзерлинг убедил родителей Понятовского отправить его в Берлин к известному тогда доктору Либеркюну (в юности Понятовский страдал от спазм в желудке), где он и познакомился с Вильямсом.

Роль Понятовского в игре, затеянной Вильямсом в Петербурге, достаточно очевидна. Молодой польский патриот, представитель влиятельного клана Чарторыйских, считавшегося в то время главным оплотом русского влияния в Польше, не только настроил великую княгиню против всесильного в то время министра Августа III графа Брюля, но и в целом развил в Екатерине те антисаксонские настроения, которые так очевидно проявились после ее прихода к власти. Благодаря Понятовскому Екатерина, задолго до того, как стала императрицей, в деталях познакомилась с разработанным Чарторыйскими планом укрепления западного «предполья» российской внешней политики. Суть его, как можно предположить, сводилась к стремлению заручиться поддержкой Россией широкой программы реформ в Польше, включая увеличение армии, коренную реорганизацию политической (отмена *liberum veto*), финансовой и судебной системы. Предусматривалось и восстановление наследственной монархии (разумеется, на польском престоле должен находиться не просто Пяст, но представитель Чарторыйских) в обмен на определенные обязательства нового польского короля перед Петербургом.

«Льшу себя надеждой, что когда-нибудь Вы и король Пруссии как Ваш помощник (*lieutenant*) сделаете его (С.Понятовского. – П.С.) королем Польши», – эта фраза из письма Вильямса Екатерине от 26 ноября 1756 года⁵⁹ дает, как нам кажется, основание предположить достаточно высокий уровень взаимопонимания между Чарторыйскими, поддерживавшими их влиятельными кругами в Англии,

заинтересованными в ослаблении французского влияния в Польше, и Екатериной, достигнутый еще за шесть лет до ее прихода к власти. Более того, в действиях Вильямса в Петербурге просматриваются контуры той политики в польском вопросе, которую будет проводить правительство В.Питта в начале 90-х годов, накануне второго раздела. Суть ее – не только в антифранцузской подоплеке, но – и это главное – в заинтересованности лондонского Адмиралтейства и промышленных кругов в развитии торговли с Польшей, рассматривавшейся в качестве альтернативы поставкам из России леса, пеньки и другого сырья для английских судостроителей.

Арест и ссылка Бестужева в 1758 году, поставившие в критическое положение и великую княгиню, и Понятовского, а затем недолгое, но сумбурное царствование Петра III, казалось, должны были поставить крест на этих планах. И действительно, Мерси д'Аржанто в депеше графу Кауницу от 14 апреля 1762 года сообщал, что «русский государь сказал некоторым своим министрам и приближенным, что в случае, если бы король польский умер, он употребит все усилия, чтобы доставить упраздненный престол принцу Генриху Прусскому»⁶⁰. Через десять дней австрийский посол добавил к этому, что ему «стало известно из достоверного источника» о подготовке соглашения, в силу которого «королю прусскому будет обещана Польская Пруссия, а императору русскому – Малороссия или польская часть Украины»⁶¹.

Однако ни в тексте, ни в сепаратных статьях русско-прусского союзного договора, подписанного Петром III 6 июня 1762 года, но не ратифицированного Екатериной, не только не предусматривалось ничего подобного, но и были зафиксированы обязательства сторон способствовать тому, чтобы «избран был в короли Польские кто-либо из Пястов, который интересам самой нации, также и всех сочувственных держав приличественнее будет»⁶².

В Архиве МИД России сохранился русский проект⁶³ и прусский контрпроект⁶⁴ третьей секретной статьи к союзному трактату, который ясно показывает, что идея избрания Пяста на польский престол исходила от Фридриха II. Вместе с тем нет никаких оснований утверждать, что, настаивая на избрании польским королем Пяста, Фридрих II имел какие-то виды в отношении Понятовского. Вполне очевидны лишь антисаксонская подоплека позиции прусского короля, как и сложившееся у него ко времени окончания Семилетней войны понимание, что обеспечить свои интересы в Польше он сможет только в союзе с Россией.

Впрочем, не менее важно и другое. Русско-прусский договор от 6 июня 1762 года, хотя и не был подтвержден Екатериной, содержал два базовых элемента, на которые впоследствии опиралась ее польская политика: обеспечение выбора на польский трон после смерти Августа III Пяста (но при формальном сохранении свобод-

ных выборов короля) и восстановление прав диссидентов (600 тысяч православных и 200 тысяч протестантов), ограниченных решениями сеймов 1717, 1733 и 1736 годов⁶⁵. Если же принять во внимание, что этим договором предусматривалась и замена в качестве курляндского герцога Карла-Христиана, третьего сына Августа III, на дядю Петра III Георга Голштинского (явная уступка со стороны прусского короля, чьи предки давно уже напоминали о своих правах на Курляндию), то подозрения, высказывавшиеся весной 1762 года австрийскими дипломатами в отношении того, не обсуждались ли между Берлином и Петербургом еще до воцарения Екатерины планы раздела Польши, не представляются совершенно необоснованными.

III

ИЗБРАНИЕ С.ПОНЯТОВСКОГО КОРОЛЕМ ПОЛЬШИ И Г.КЕЙЗЕРЛИНГ

1

Рескрипт о назначении Г.К.Кейзерлинга российским послом в Польше был подписан Екатериной 8 августа 1762 года⁶⁶, в Варшаву он прибыл в декабре. В инструкциях, которыми снабдили нового посла, особо выделена необходимость утверждения в Курляндии Бирона вместо сына Августа III саксонского герцога Карла. В числе важнейших были названы задачи добиваться признания Польшей императорского титула русских государей, удовлетворения жалоб польских подданных православного вероисповедания, подвергавшихся преследованиям со стороны католиков и униатов, заняться упорядочением пограничных отношений, чтобы «подданные каждой страны знали что, кому и куда принадлежит», возвращением беглых, в частности староверов, находивших прибежище в Польше. Особо было приказано стараться о воссоздании в Речи Посполитой «русской партии», причем в этом контексте предлагалось обратить внимание на старых доброжелателей России, среди которых первыми назывались Чарторыйские⁶⁷.

К инструкции прилагалась собственноручная записка Екатерины Кейзерлингу⁶⁸, написанная, как мы полагаем, с единственной целью – зафиксировать, хотя бы и в неофициальной форме, главное поручение, которое давалось послу, – обеспечить после смерти Августа III избрание короля из поляков. Вполне уместен с учетом текста записки и вывод о том, что вопрос об избрании короля был обсужден Екатериной с Кейзерлингом устно⁶⁹.

Высокую степень информированности Кейзерлинга о планах Екатерины в отношении избрания Понятовского подтверждает и

характер его контактов с прусскими дипломатами и в Петербурге, и сразу же после приезда в Варшаву. В письме своему посланнику в Петербурге Гольцу от 12 сентября 1762 года Фридрих, ссылаясь на конфиденциальное сообщение Кейзерлинга о том, что в Петербурге обдумывают возможность заключения союзного договора с Пруссией, писал: «Что касается мер, которые должны быть приняты в отношении польских дел, нужно, чтобы я до этого выпутался немного из того лабиринта, в котором нахожусь благодаря тому, что продолжаю войну против австрийцев; впрочем, эти договоренности с императрицей о Польше не вызовут никаких трудностей... в случае, если мы положительно договоримся, что никогда не позволим принцам Австрийского дома подняться на польский трон. Что касается других кандидатов, то это мне совершенно безразлично, я поддерживаю того, кого мне предложат из Петербурга, и чтобы наладить согласие с Россией, поддерживаю даже саксонского принца, если он будет предложен»⁷⁰. Для характеристики поведения прусского короля существенно, что, как свидетельствует его письмо посланнику Бенуа в Варшаву, отправленное еще в августе, он уже в то время был прекрасно осведомлен о намерениях Екатерины в отношении Понятовского⁷¹. Нет сомнения в том, что основным информатором Фридриха II в польских делах был Кейзерлинг⁷², действовавший, надо полагать, в рамках полномочий, данных ему императрицей.

О том, в чем состояли эти полномочия, можно судить по следующим обстоятельствам. Проезжая через Кёнигсберг по пути в Варшаву, Кейзерлинг передал Фридриху II через бургомистра Домгардта пожелание установить с ним прямой канал связи. В письме Кейзерлингу от 27 декабря 1762 года Фридрих, информируя посла о том, что он немедленно направляет в Варшаву тайного советника барона Фридриха-Александра Корфа, добавил: «Вы можете доверить Корфу любой секрет, который сразу же будет доведен до моего сведения. Я делаю это в интересах поддержания добрых отношений, установившихся между Вашей государыней и мною»⁷³. В инструкции Корфу⁷⁴, датированной тем же 27 декабря, Фридрих предписал ему безотлагательно отправиться в Варшаву для поддержания прямых контактов с Кейзерлингом. Для обеспечения «непроницаемой тайны» миссии Корфа король даже запретил ему посещать прусского посланника в Варшаве Бенуа. Переписываться Корфу было приказано только шифром, направляя сообщения с русскими курьерами, которые должны были передавать их в Берлин через Кёнигсберг. Из пяти пунктов инструкции Корфа наибольшую важность представлял третий: «Вы узнаете у посла точно, на какой основе, по его мнению, я мог бы заключить договор о дружбе и коммерции с его государыней, а также каким наиболее благоприятным способом эта идея могла быть превращена в жизнь»⁷⁵.

Секретные переговоры Корфа с Кейзерлингом, состоявшиеся в первой половине февраля 1763 года, были посвящены согласованию позиций сторон в отношении порядка наследования польского трона в случае смерти Августа III и возвращения Бирона в Курляндию⁷⁶. Фридрих немедленно проинформировал Кейзерлинга о готовности действовать в польском и курляндском вопросе в полной координации с Россией, не упустив, правда, случая поинтересоваться, не будет ли Россия против, если при благополучном исходе польских дел Пруссия приобретет уже оккупированный ею город Эльбинг⁷⁷.

В феврале Корф переслал Фридриху копию адресованного Кейзерлингу собственноручного письма Екатерины от 3 (14) января, в котором говорилось: «Я только что получила письмо от прусского короля в ответ на то, которое я ему написала. Я очень им довольна. Ваши идеи мне не противны. И я буду тем более склонна договориться с прусским королем о том, что касается Польши. Нужно, чтобы все это происходило в самом большом секрете и лучше всего непосредственно между королем и мной. Я также оценила бы, если бы предложения исходили от него»⁷⁸.

Ответ Фридриха не замедлил себя ждать. В письме Екатерине от 15 февраля 1763 года, отправленном на этот раз по официальным каналам из Лейпцига, где он находился по случаю заключения прусско-австрийского мира, король отвечал Екатерине: «Я готов участвовать во всех мерах, какие Вам будет угодно предложить по этому предмету, и, чтобы скорее приступить к делу, я считаю должным открыто изъясниться о том с Вашим императорским величеством. Из всех претендентов на польскую корону законы мировой политики обязывают меня, государыня, выключить только принцев Австрийского дома, и насколько я знаком с интересами России, то мне кажется, что по этому вопросу ее выгоды достаточно отвечают моим. Впрочем, я соглашусь, государыня, избрать из всех претендентов того, которого Вы предложите, однако должен прибавить, что нашим общим интересам приличествует, чтоб то был Пяст, а не кто иной»⁷⁹.

В середине марта Корф был отозван из Варшавы. По приезду в Берлин он сообщил королю, что Кейзерлинг не советовал ему на данном этапе ставить вопрос об Эльбинге. Однако главным итогом миссий Корфа Фридрих должен был остаться доволен. В обмен на поддержку Пруссией российского кандидата на польский престол в Петербурге были готовы гарантировать прусскому королю целостность его владений, включая Силезию⁸⁰. 1 февраля 1763 года Фридрих, в рамках договоренности Корф – Кейзерлинг, ввел конный эскадрон своих войск в Польшу, начав, таким образом, практическое взаимодействие с Россией в польских делах.

Параллельно с договоренностью с Пруссией екатерининские дипломаты провели зондаж позиции Англии, Франции и Австрии.

В результате английскому резиденту в Варшаве Роутону, уже в начале февраля 1763 года сообщившему в Лондон, что Россия будет поддерживать кандидатуру Понятовского или Адама Чарторыйского, поступило указание «культивировать самую тесную дружбу» с Кейзерлингом, дистанцируясь в то же время от взаимодействия с ним по вопросу о выборе нового короля до тех пор, пока императрица не обратится с соответствующей официальной просьбой к английскому правительству. Екатерина, однако, в апрельской беседе с английским послом в Петербурге Букингемширом уклонилась от прямого разговора на эту тему, заметив, что «малейшие подозрения о ее намерениях сделают избрание желательного для России кандидата невозможным»⁸¹.

Дипломатические контакты, проведенные в начале 1763 года посланником Д.А.Голицыным в Париже и послом Д.М.Голицыным в Вене, внушали меньше оптимизма. Канцлер Кауниц высказался в пользу сохранения на польском троне представителей саксонской династии Веттинов. Руководитель французской внешней политики герцог Шуазель прямо отказался координировать с Россией действия в случае, если польский трон окажется вакантным.

Более того, еще в октябре 1762 года русскими дипломатами в Варшаве было перехвачено письмо французского посла в Польше маркиза де Пальми Бретейлю, в котором в связи с выдвинутым Чарторыйскими на сейме 1762 года требованием лишить графа Брюля прав польского гражданства говорилось: «Никто здесь (в Польше. — П.С.) не сомневается, что Чарторыйские покупают право произвольного распоряжения в Польше ценою больших жертв за счет своего отечества и потому подозревают в Императрице весьма честолобивые виды в этом направлении»⁸². Направляя это письмо Кейзерлингу, Екатерина следующим образом прокомментировала его содержание: «Вы видите, насколько наши связи с кланом Чарторыйских неприятны Франции, именно поэтому я постараюсь укрепить их еще больше»⁸³.

Вместе с тем Франция, для которой Польша в эпоху Людовика XV являлась основным объектом тайной династической дипломатии Бурбонов («Секрет короля»), проводила крайне непоследовательную политику в польских делах. Пожалуй, ни в одной столице мира агенты «Секрета» не создавали столь сложных ситуаций для официальной французской дипломатии, как в Варшаве. Вследствие этого в результате ряда конфиденциальных встреч Понятовского с представителем «Секрета» в Варшаве Энненом обсуждалась возможность достижения договоренности по формуле: в случае, если на конвокационном сейме получит перевес кандидат от Чарторыйских, то «французская партия» поддержит его, если же перевес получит французский кандидат, то Чарторыйские обязывались сделать то же самое⁸⁴.

Забегая вперед, скажем, что столь широкая и динамичная дипломатическая кампания, организованная Екатериной, в конечном итоге дала свои плоды. Накануне и в ходе конвокационного сейма основные европейские «игроки» устранились с польской политической сцены, предоставив депутатам самим противостоять согласованному напору российской и прусской дипломатии.

2

Осторожность первых шагов Екатерины в польских делах вполне оправдывалась сложной расстановкой сил, которую Кейзерлинг застал в Варшаве. Многочисленная и влиятельная «фамилия» Чарторыйских, которую возглавляли великий канцлер Литовский Михаил и воевода Русский Август, была готова действовать совместно с Россией, хотя относительно кандидатуры Понятовского в польские короли в ее рядах единодушия не было. Многих смущал его явно недостаточный политический опыт и молодость. Чувствуя слабость поддержки даже внутри собственного клана, Понятовский метался, то обвиняя Кейзерлинга в недостаточно активном отстаивании его интересов, то жалуясь в письмах Екатерине на интриги дипломатов в Варшаве и Петербурге, о которых информировал его, и надо признаться, весьма недобросовестно, датский посол в российской столице Остен⁸⁵.

Чарторыйские, будучи одними из богатейших магнатов Польши, могли рассчитывать на поддержку четвертой части шляхты. Наиболее серьезным их соперником была партия коронного гетмана Браницкого, ориентировавшаяся на Францию.

Первоначальные расчеты «фамилии» были связаны с продвижением своего кандидата в короли путем создания антисаксонской конфедерации⁸⁶ (эти планы, направленные на «искоренение злоупотреблений» саксонского правления, были изложены в переданных Кейзерлингу меморандумах от 14 и 15 декабря 1762 г.)⁸⁷. Однако активизация Чарторыйских на начавшихся осенью провинциальных сеймиках привела к их открытому столкновению с кланами Мнишеков и Потоцких, придерживавшихся просаксонской ориентации. Люди Радзивилла пытались взять штурмом дом, в котором жил Понятовский в Вильно, во время выборов в трибунал Литвы.

В этих условиях Чарторыйские и Понятовский сделали ставку на открытую поддержку со стороны России. «Поскольку досадное положение, в котором я оказался, и причины, вызвавшие его, известны Вашему императорскому величеству, – писал С.Понятовский Екатерине 10 декабря 1762 года, – то уважение, которое я питаю к Вашему чувству справедливости и благожелательному ко мне отношению, не позволяет мне прямо просить Вас о применении силы. Единственное, что я осмеливаюсь Вам сказать, и надеюсь, что это будет мне

позволено, это напомнить о жертвах, которые из дружбы ко мне совершили столь многие люди, готовые помочь осуществлению видов Вашего величества. Долг признательности заставляет меня говорить в их пользу»⁸⁸.

Это первое письмо, отправленное Понятовским официально, через Кейзерлинга, трудно рассматривать иначе, чем изложенную в характерной для будущего короля уклончивой манере просьбу о помощи. Дело в том, что еще 11 сентября 1762 года Екатерина выразила через своего посла в Варшаве старшему из братьев Понятовских соболезнования в связи со смертью их отца, последовавшей в конце августа. В ответном письме Казимир Понятовский прямо писал, что поддержка Екатерины составляет «единственную надежду» его и его братьев, и заверял, что «мы приложим все свои силы и усердие, чтобы убедить Вас в нашей почтительной преданности к священным интересам Вашего величества»⁸⁹.

В черновике шифрованного «партикулярного» письма Екатерины Кейзерлингу от 3 января 1763 года императрица следующим образом излагала свое отношение к декабрьским меморандумам Чарторыйских: «По первому пункту Вы можете ответить князьям Чарторыйским, что я хотела бы извлечь Республику из беспорядка, в котором она, к несчастью, находится, и я, конечно же, помогу моим друзьям деньгами и войсками, но до этого я хотела бы знать: 1) сколько потребуется того и другого для конфедерации; 2) будет ли она направлена против короля или против его злоупотреблений; 3) способ, когда и как будет осуществлено это предприятие; 4) кто возглавит конфедерацию. Как только я узнаю ответы на эти вопросы, я смогу предпринять необходимые меры»⁹⁰.

О необходимости принятия срочных мер в поддержку Чарторыйских говорили, казалось бы, и полученные в начале февраля 1763 года тревожные известия о состоянии здоровья Августа III. Однако в итоге созванной по этому поводу 3 февраля конференции с участием канцлера М.И.Воронцова, вице-канцлера А.М.Голицына, Н.И.Панина, А.П.Бестужева-Рюмина и М.Н.Волконского русским послам в Париже, Вене, Лондоне, Берлине и Константинополе были направлены рескрипты, в которых говорилось, что, хотя русским интересам соответствовало бы избрание на польский престол природного поляка – Пяста, но «выбор наш не решен», в связи с чем в Петербурге «намерены предоставить в нем полную свободу полякам, лишь бы не было и никакого другого давления». Тем не менее Совет постановил сосредоточить на границах с Польшей 30 тысяч войск, имея 50 тысяч в резерве⁹¹.

О том, в какой тайне готовила Екатерина избрание Понятовского, свидетельствуют именные рескрипты, отправленные в тот же день, 5 февраля 1763 года, Кейзерлингу в Варшаву. В одном из них, официальном, говорилось: «Как старость лет, так и настоящее бо-

лезненное состояние Его величества короля Польского великую подают нам причину заблаговременно принять надлежащие меры, дабы в случае кончины Его величества возведен был на польский престол такой король, от которого Государственные наши интересы не токмо никакого ущерба не претерпели, но паче вящее приращение возыметь могли б»⁹². Далее со ссылкой на «долговременное искусство», которое он приобрел в Варшаве, Кейзерлингу поручается «как наискорее нам донести обстоятельно, кто бы, по Вашему рассуждению, наиспособнейшим к тому быть мог из чужестранных ли принцев или из Пястов и на кого бы мы в рассуждении Государственного нашего интереса больше надежды иметь могли?».

В другом же, секретнейшем рескрипте, подписанном ею в тот же день⁹³, без всяких экивоков говорилось: «Мы для собственного блага республики желаем, чтобы королем выбран был собственный их патриот, таланты и достоинства к тому имеющий. К чему со своей стороны назначиваем (следующие слова вписаны рукой Екатерины) стольника литовского графа Понятовского или князя Адама Чарторыйского». Кейзерлингу предписывалось делать «внушения при всех удобных случаях» для избрания Понятовского, «о преданности которого к нашей империи мы известны и для утверждения его на польском престоле употребим все способы и от Бога дарованные нам силы»⁹⁴.

Еще более определенно высказывается Екатерина в «партикулярном» письме Кейзерлингу, написанном 4 февраля, на следующий день после заседания Совета: «Было взято за принцип действовать в пользу Пяста, которым должен быть граф Понятовский и, в случае, если это окажется невозможным, князь Адам Чарторыйский. Это следует содержать в секрете. Решено выдвинуть 30 тысяч человек на границу и 50 тысяч держать в резерве, а также произвести зондаж в других государствах о их намерениях»⁹⁵.

Совершенно исключительные меры предосторожности, предпринятые Екатериной в переписке с Кейзерлингом, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в ходе конференции 3 февраля ей еще не удалось добиться одобрения кандидатуры Понятовского на польский престол со стороны ряда членов Совета, в первую очередь пользовавшегося большим влиянием А.П.Бестужева-Рюмина. С достаточной уверенностью можно сказать, что в этот момент императрица могла вполне рассчитывать на поддержку своей линии в польских делах только со стороны М.И.Воронцова и Н.И.Панина, контрассигновавших ее секретнейший рескрипт Кейзерлингу.

Даже Кейзерлинг, настроенный вполне антисаксонски, проявлял, по-видимому, в этот период какие-то колебания в отношении Понятовского, сильные и слабые стороны которого были ему известны лучше, чем многим другим. Во всяком случае, Понятовский неоднократно просил Екатерину в частной переписке заменить Кей-

зерлинга М.Н.Волконским. Когда Екатерина отказала, и Понятовским, и Чарторыйскими вновь овладела идея ускорить естественный ход вещей и решить в свою пользу вопрос о престолонаследии еще при жизни престарелого Августа III с помощью объединения лояльной им шляхты в конфедерацию и русского оружия.

Просьбы Чарторыйских попали в Петербурге на благодатную почву. В феврале Сенату был дан указ заготовить 30 тысяч рублей для «чрезвычайных надобностей». Летом 1763 года находившиеся в Польше незначительные отряды русских войск, охранявшие склады, оставшиеся после окончания Семилетней войны, были усилены до полутора – двух тысяч человек.

В зашифрованном «партикулярном» письме Кейзерлингу от 17 (28) мая 1763 года Екатерина сообщала, что 12 мая приказала Военной коллегии передислоцировать три полка пехоты и один кавалерии из Ливонской дивизии из Курляндии через территорию Польши под Киев. В инструкции из шести пунктов, данной в этой связи командовавшему этим соединением генерал-майору Салтыкову, предписывалось поддерживать с Кейзерлингом «связь секретной корреспонденцией», остановиться там, где «Вы сочтете это нужным», и «поступать с моими друзьями и врагами в Польше так, как Вы, граф Кейзерлинг, ему прикажете»⁹⁶.

Понятовский в своих «Мемуарах» утверждал, что Кейзерлинг поддерживал идею создания антисаксонской конфедерации. Фридрих II в переписке со своим послом в Петербурге Сольмсом также выражал готовность поиграть, не особенно ввязываясь, с идеей конфедерации, поскольку он одно время подозревал Екатерину если не в тайных симпатиях к Саксонии, то в желании как-то устроить судьбу сына Августа III принца Карла, свергнутого ею с курляндского трона.

Против конфедерации весьма решительно выступил, однако, Н.И.Панин, считавший, что Кейзерлинг вовлекает Екатерину в опасную авантюру⁹⁷. В результате летом 1763 года, после того как в Петербурге было решено устроить в Польше небольшую демонстрацию силы (в июне генерал Салтыков получил приказ промаршировать из Курляндии в Киев через польскую территорию) отношения между Екатериной и Паниным осложнились. В столице начали поговаривать, что Кейзерлинг может быть отозван из Варшавы и назначен канцлером вместо М.И.Воронцова, отпущенного в заграничный отпуск для лечения⁹⁸.

Только к концу июля 1763 года Екатерина решила последовать советам Панина и отказалась от поддержки конфедерации. В рескрипте Кейзерлингу от 26 июля 1763 года она начертала знаменательные слова: «Благоразумная политика запрещает переменять королей». И чуть ниже: «Мы термином польских дел определяем кончину королевскую»⁹⁹.

Чарторыйским ничего не оставалось, как «умерить свое нетерпение», хотя и после этого Понятовский регулярно обращался к Кейзерлингу с просьбой о поддержке финансами или небольшими военными демонстрациями¹⁰⁰.

3

Февральская (1763 г.) «тревога», вызванная ухудшением здоровья Августа III, и совпавшее с ней по времени подписание Губертусбургского мира между Пруссией и Австрией способствовали достижению Екатериной II и Фридрихом II договоренности о выдвижении единого кандидата в короли Польши.

Последовавшее за этим форсированное русско-прусское сближение в польских делах отразилось на характере официальной переписки двух монархов. Неприятная для Фридриха тема российского посредничества в прусско-австрийском примирении уступила в ней место откровенному обсуждению совместных действий по обеспечению беспрепятственного ввода войск в Польшу на время выборов короля, мер в отношении саксонского двора и Вены. В письме от 5 апреля 1763 года Фридрих впервые осторожно поставил вопрос о возобновлении русско-прусского союзного договора¹⁰¹. 26 апреля 1763 года Екатерина ответила: «Считайте, что он уже существует, хотя обычные формальности еще не соблюдены»¹⁰². Тем не менее согласование текста договора из-за противодействия Бестужева и поддерживавших его Орловых заняло около года.

Доверительный характер, который приобрела переписка двух монархов, иллюстрирует письмо Фридриха Екатерине от 8 сентября 1763 года: «Государыня сестра моя, я только что получил депешу из Вены и я нахожу ее слишком важной в нынешних конъюнктурах, чтобы скрывать ее содержание от Вашего императорского величества. Вы увидите в ней, Ваше величество, образ мыслей этого двора и в чем они подозревают Ваши планы относительно Польши. Не думаю, что Ваше императорское величество должно об этом беспокоиться, поскольку в Вене нет денег, и, конечно, императрица находится не в столь благоприятном состоянии, что вновь начать войну в скором времени. Однако, если позволите, Ваше величество, я скажу Вам просто то, что я думаю. А думаю я, что Ваше императорское величество добьется своей цели в Польше в случае, если Вы соблаговолите, государыня, немножко более маскировать Ваши виды под различными достойными похвалы предложениями и дадите указания Вашим послам как в Вене, так и в Константинополе опровергать ложные слухи, которые там распространяются, и в силу того, что это происходит достаточно долго и никто их не опровергает, утверждаются в умах. Я надеюсь, что Ваше императорское величество не найдет дурным то, что я объясняюсь так искренне. Госуда-

рыня, Ваши дела страдают, если Вы не предпримите этой предосторожности.

Вы сделаете короля в Польше, государыня, без того чтобы началась новая война, и я думаю, что это в сто раз лучше, чем погрузить Европу в ту пропасть, из которой она только что с трудом вышла. Саксонцы проявляют живую озабоченность; Ваше императорское величество будет информировано об этом князем Долгоруким, которому сообщили депеши, которые я получил от польского короля, а также ответы, которые я на них дал. Это относится частично к герцогу Курляндскому и, во-вторых, к вступлению в Польшу корпуса господина Салтыкова. Крики поляков – только шум; от польского короля ничего не следует опасаться. Он с трудом может вооружить семь тысяч человек. Однако, государыня, альянсы, которые эти люди могут формировать, – вот чего следует попытаться избежать и вследствие этого усыпить их, чтобы они не предприняли своевременных мер, которые затруднили бы Ваши легкие планы, легкие в том случае, если никто не будет им мешать.

Я надеюсь, что Ваше императорское величество правильно поймет мнение, которое я взял на себя смелость ей изложить, и что Она примет во внимание то высокое уважение, которое я питаю к ней.

Добрый брат Вашего величества Фридрих.

Потсдам, 8 сентября 1763 года»¹⁰³.

Решающее влияние на темп и качество русско-прусского сближения оказали события осени 1763 года. Когда в Петербург поступило сообщение о кончине 5 октября в Дрездене Августа III, Екатерина направила послание Фридриху, в котором прямо назвала Станислава Понятовского российским кандидатом на польский престол. Согласие прусского короля действовать в этом вопросе заодно с Россией последовало незамедлительно¹⁰⁴.

6 октября «во внутренних покоях императрицы» состоялось новое совещание по польским делам, в котором, кроме А.П.Бестужева-Рюмина и Н.И.Панина, участвовали сенатор И.И.Неплюев, Г.Г.Орлов, вице-канцлер А.М.Голицын и кабинет-секретарь императрицы А.В.Олсуфьев. Были обсуждены и намечены дипломатические и военные меры по обеспечению избрания на польский престол приемлемого для России кандидата, причем и на этот раз в протоколе имя С.Понятовского не было названо. Шла речь лишь о том, чтобы «домогаться об избрании в короли не из посторонних, но из Пястов, человека такого, который бы приписуя возведение свое на престол единственно России, ей бы всегда благодарностью обязан, от нее зависим и совершенно в ее интересах доброхотством ей предан был»¹⁰⁵.

Тем не менее в фонде «Секретные мнения КИД» АВПРИ сохранился текст записки А.П.Бестужева-Рюмина, свидетельствующей

о том, что накануне совещания 6 октября позиция наиболее последовательного сторонника австро-саксонской ориентации в окружении императрицы претерпела кардинальные изменения. В ней, в частности, говорилось: «Что особливо до Пястов касается, то колико граф Бестужев-Рюмин известен, находятся в Польше ныне двое с одной стороны и тому способные, а с другой для России надежные, а именно: князь Адам Чарторыйский да стольник литовский граф Понятовский.

Но как первый очень богат, следовательно, не имея большой нужды в получении от России денежного вспоможения, хотя в руки какой другой державы не дается, однако от России совсем зависим быть не похочет, то в рассуждении сего важного обстоятельства и в случае, если всевысочайшее Ее императорского величества соизволение точно на выборе Пяста будет, не без основания кажется, что сей последний (т.е. граф Понятовский. – П.С.) для России и ее интересов гораздо надежнейший и полезнейший был бы толь наипаче, что в прибавок к своему собственному достатку некоторыми ежегодными отсюда денежными вспомоществованиями, непременно был бы в российской зависимости, и сверх того и свое возвышение единственно Ее императорскому величеству долженствовал бы»¹⁰⁶.

В конце заседания на совещание был приглашен вице-президент Военной коллегии З.Г.Чернышев, изложивший план, в соответствии с которым предлагалось воспользоваться наступившим в Польше междуцарствием для «округления западных границ путем присоединения к России Польской Лифляндии, воеводств Полоцкого и Витебского и части Мстиславского, находившегося по левую сторону Днепра». Главная идея Чернышева состояла в перенесении русско-польской границы на рубеж рек Западная Двина – Друзь – Днепр. План Чернышева не был формально одобрен участниками совещания, но в протоколе рекомендовалось «не выпускать оный проект из виду»¹⁰⁷.

План Чернышева держался в строжайшей тайне. Он был вложен в пакет, на котором Екатериной собственноручно было написано: «Секретный план, поднесенный от графа Чернышева С.К.К.П. (т.е. «на случай кончины короля Польского»). Окромя меня никому не распечатывать». Тем не менее сведения о характере обсуждавшихся вопросов каким-то образом просочились за границу. Циркуляром от 11 ноября 1763 года дипломатическим представителям России было предписано опровергать слухи о том, что «якобы мы намерены с Е.В. Королем Прусским отнять от Республики Польской некоторые провинции и оные между собой разделить»¹⁰⁸.

Дополнительные шаги для пресечения набравших в Европе силу разговоров о предстоявшем разделе Польши в Петербурге были вынуждены предпринять в декабре 1763 года, после того как на конференции с А.М.Голицыным 8 декабря французский временный

поверенный Беранже заявил, что «помянутый предосудительный слух собственно из Петербурга произошел» и он даже знает имя повинного в этом русского вельможи¹⁰⁹.

Важнейшим следствием обсуждения польского вопроса на совещании 6 октября явилось назначение 27 октября Никиты Ивановича Панина первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел¹¹⁰. Совершенно очевидно, что решающую роль в этом сыграла твердая поддержка Паниным на этом этапе развития ситуации в Польше намерения Екатерины добиться избрания Понятовского на польский престол.

В депеше Сольмсу от 11 ноября 1763 года Фридрих выразил удовлетворение тем, что польские дела поручены Панину. Теперь, подчеркнул он, «избрание короля можно будет устроить спокойно»¹¹¹. Явное облегчение, которое ощущается в этих словах короля, связано, как представляется, с тем, что он был достаточно хорошо информирован об осложнившемся положении Панина летом и в начале осени 1763 года, когда тот открыто выступил против прямолинейных методов, которыми рекомендовали Екатерине действовать в Польше Орловы и Чернышев (до своей отставки). Показательна в этом отношении депеша Сольмса от 23 августа 1763 года, в которой он сообщает: «Граф Панин придерживается того мнения, что Ваше величество должен считать, что русский двор слишком открыто вмешивается в эти дела и что он слишком живо поддерживает друзей, которыми располагает в этой стране. Он сказал мне, что может гарантировать, что дела не идут согласно видам императрицы, что она только хотела, чтобы ее партия в Польше могла противостоять своим противникам, и хотела помешать, чтобы она была разрушена». Панин сказал также, что Екатерина «вовсе не хотела устраивать революцию в этой стране при жизни нынешнего короля». План состоял только в том, чтобы обеспечить после его смерти преемника, которого здесь планируют на этот пост, но польские друзья проявили себя слишком активно, а граф Кейзерлинг — немного пристрастно¹¹².

4

Еще 8 октября, через день после знаменитого совещания, Екатерина в собственноручном письме Кейзерлингу писала: «Передайте привет моим старым друзьям и поступайте, как я Вам предписала... Вы можете положительно подтвердить, что я никогда не позволю покушаться на свободы и привилегии нации или изменить форму правительства»¹¹³.

Еще более важно для понимания отношения Екатерины к реформаторским идеям Чарторыйских ее письмо Кейзерлингу от 25 октября 1763 года, в котором она предельно четко предписывает ему

«следить за тем, чтобы ни в чем не была затронута форма правления Республики».

И далее в том же письме: «Я прошу Вас не пропустить момент, когда наступит время раскрыть мои мысли. Вы должны понимать, что мнение, которое составят о моем царствовании, в настоящий момент полностью находится в Ваших руках»¹¹⁴.

1 ноября в письме Екатерине Фридрих впервые назвал имя Понятовского как приемлемого кандидата для Пруссии на польский престол¹¹⁵. В депеше Бенуа, датированной тем же числом, король еще более откровенно высказывается о Понятовском: «Из всех претендентов на польскую корону он будет наиболее признателен тем, из рук которых он ее получит. По сравнению со всеми другими он в наибольшей степени разделит свою благодарность между нами и своим долгом»¹¹⁶.

11 ноября Екатерина подписала новую инструкцию («Общее наставление») Кейзерлингу и направленному ему на подмогу в Варшаву в качестве полномочного министра племяннику Панина Николаю Васильевичу Репнину¹¹⁷. Это первый документ, дающий представление об истинных целях политики, которую Екатерина была намерена проводить в отношении Польши. Характерно само его начало: «Опорожненный польский престол и избрание на него нового короля есть случай наиважнейший существительного интереса нашей империи в рассуждении безопасности ее границ, так и наипаче еще ее особливых выгод для знатного участия в политической системе всей Европы и в ее генеральных делах». Далее перечисляются известные требования к Польше: признание Бирона в качестве курляндского герцога, обеспечение прав диссидентов, урегулирование пограничных споров, отмечается твердая решимость сохранить в Польше действующий государственный порядок, включая *liberum veto* и ограничения на количество национальных войск. Имя Понятовского как кандидата на польский престол вновь вписано императрицей в текст инструкции от руки.

Инструкцией от 11 ноября Кейзерлингу и Репнину предписывалось объявить Понятовскому об условиях, на которых Екатерина была готова поддержать его избрание. Послам надлежало уведомить претендента не только о том, что от него ожидается окончание пограничных с Польшей дел «по справедливости и к нашему совершенному удовольствию», но и о том, что он будет должен «во все время своего государствования интересы нашей империи собственными своими почитать, их остерегать и им всеми силами по возможности поспешствовать, нелицемерно и непременно сохранить к нам преданность и во всяком случае наши справедливые намерения подкреплять не отречется»¹¹⁸. Н.Д.Чечулин прав, когда называет этот пассаж из инструкции «страшно откровенным изложением целей русской политики»¹¹⁹. Собственно в этом, третьем пункте инструкции,

обусловливавшем избрание Понятовского обязательством выполнить по существу все предъявленные ему Россией требования, заключалась завязка той трагедии, которая завершилась разделом Польши.

К такому выводу подводит и содержание пункта 11 инструкции, в котором совершенно недвусмысленно заявлялось о территориальных претензиях России к Польше в духе вышеупомянутого «плана Чернышева». В нем говорилось, что если избрание короля не удастся обеспечить без ввода российских войск в Польшу, то «в таком случае мы уже не можем удовлетворять собственный интерес нашей империи предписанными вам в предыдущих статьях кондициями, и прежде оружия не положим, покамест не присоединим оным к нашей империи всю Польскую Лифляндию». Предписание Кейзерлингу и Репнину держать этот пункт в «наиглубочайшем секрете» ничего не меняет по существу дела.

Весьма любопытен ответ С.Понятовского на послание Екатерины от 22 октября 1763 года, в котором она подтвердила поддержку Россией его кандидатуры на польский престол: «Вне всяких сомнений я не заслуживал бы Вашей поддержки, если бы душа моя не была наполнена теми патриотическими чувствами, которые Вам, Ваше величество, было угодно увидеть во мне». И далее: «Я с большим удовольствием отмечаю, что чем больше мой народ будет узнавать точные намерения Вашего императорского величества, тем более он убедится в твердости и решимости Вашей воли и тем менее препятствий встретится для Ваших планов в Польше»¹²⁰.

31 марта (11 апреля) 1764 года в Петербурге были подписаны русско-прусский оборонительный трактат и секретная конвенция относительно Польши¹²¹. Тексты этих документов хорошо известны¹²², поэтому отметим только, что в соответствии с артикулом третьим трактата Пруссия обязывалась выплачивать России ежегодные субсидии в 400 тысяч рублей в случае ее войны с Турцией и Крымом. Относительно Польши Екатерина и Фридрих достигли полного согласия в вопросе о выборе короля (имя Понятовского было прямо названо в «артикуле сепаратном секретнейшем» конвенции), зафиксировали готовность сохранять «вплоть до применения оружия» действующие «конституцию и фундаментальные законы» Польши, совместно выступили за возвращение диссидентам «привилегий, вольностей и преимуществ, которыми они ранее владели и пользовались как в делах религиозных, так и гражданских».

В Петербурге заключению союзного трактата с Пруссией придавали исключительно важное значение. Содержание подписанных документов действительно давало основание для вывода, что Фридрих сознательно отдавал инициативу России в том, что касалось выбора нового польского короля.

Для обеспечения избрания С.Понятовского Н.И.Паниным были задействованы все средства: дипломатические интриги, военное дав-

ление¹²³, подкуп шляхты (только на эти цели было израсходовано около одного миллиона рублей).

Наиболее серьезными противниками Чарторыйских была партия нового саксонского курфюрста Христиана Фридриха во главе с Радзивиллами. Весной 1763 года к ней примкнула партия коронного гетмана графа Браницкого, который, в случае, если саксонский кандидат не проходил, сам мечтал о польской короне, а после того как 6 декабря 1763 года новый саксонский курфюрст умер, реальным соперником Понятовскому остался только Браницкий. Малолетний сын курфюрста Фридрих Август (ему было всего 13 лет) не мог считаться полноценным кандидатом.

Состоявшийся 26 апреля 1764 года в Варшаве конвокационный (определивший процедуру выборов) сейм продемонстрировал эффективность тактики Панина и Кейзерлинга¹²⁴. Сторонники Браницкого, количество которых достигало 2 тысяч человек, в итоге развернувшейся острой борьбы покинули сейм в знак протеста против присутствия введенных в Польшу в марте русских войск (несмотря на это, в мае в Петербурге обсуждалась возможность направления в Польшу дополнительного корпуса под командованием князя М.Н.Волконского, впоследствии ставшего послом в Варшаве)¹²⁵.

Однако перед тем как признать свое поражение, партия Браницкого предприняла последнюю отчаянную попытку переломить ход событий, внеся раскол в отношения между Петербургом и Берлином. В прусскую столицу был направлен генерал Мокроновский, предложивший от имени «польских патриотов» корону принцу Генриху, брату Фридриха II. Мокроновский, путешествовавший под именем капитана фон Керского, поставщика лошадей для армии, прибыл в Берлин 24 июля и на следующий день был принят Фридрихом в Потсдаме. Прусский король категорически отверг предложение, сделанное его брату, однако Екатерину о демарше «партии Браницкого» информировать не стал, опасаясь еще более осложнить обстановку, в которой проходил конвокационный сейм¹²⁶.

Сейм признал императорский титул Екатерины, а также королевский титул за Фридрихом II, подтвердил согласие на назначение Бирона курляндским герцогом, выразил российской императрице благодарность за оказанную помощь. Влияние Браницкого снизилось вследствие назначения Августа Чарторыйского региментарем королевским и главой военной комиссии сейма. В Петербург была отправлена миссия сейма во главе с графом Ф.Ржевусским, другом Станислава Понятовского.

Вместе с тем Чарторыйские, воспользовавшись изменившимся в их пользу соотношением сил, провели ряд реформ, направленных на усиление полномочий сейма в военных и финансовых вопросах. В июне были созданы финансовая и военная комиссии с необычно широкими полномочиями. Их главы, пользуясь правом неприкосно-

венности и защиты от судебных преследований, получали реальную возможность создать первые эффективно действующие государственные структуры в истории Польши. Однако самое важное заключалось в том, что, будучи ответственными только перед сеймом, эти комиссии фактически получали возможность принимать решения в обход *liberum veto*. Кроме того, сеймом были подтверждены все прежние постановления против диссидентов, увеличены доходы казны путем введения ряда единых пошлин на всей территории страны, включая Польшую Пруссию¹²⁷.

На элекционном сейме, прошедшем 7 сентября 1764 года под Варшавой, С.Понятовский был единогласно избран новым королем Польши под именем Станислава Августа. В известном отрывке из своих воспоминаний, озаглавленном «Анекдоты о моем избрании», Понятовский ставит в заслугу Панину твердость, проявленную им накануне избирательного сейма, когда Екатерина якобы заколебалась, стоит ли называть Понятовского в качестве единственного кандидата России. В этот критический момент Панин, по мнению короля, на свой страх и риск дал соответствующие указания Кейзерлингу¹²⁸. Справедливости ради следует отметить, что подтверждения этой версии в российских архивах мы не обнаружили.

Пакта конвента¹²⁹, подписанные Понятовским, включали в себя следующие условия: король не имел права избирать себе преемника при жизни; его дети не должны были претендовать на трон; его жена должна быть католического вероисповедания и не могла принимать участие в государственных делах; король обязывался руководствоваться в своей деятельности законами и постановлениями сейма, не давая предпочтения никому, включая членов собственной семьи; он не должен был производить назначение на государственные должности за деньги, все вакансии могли заполняться только в соответствии с действовавшими законами; король обязывался попытаться вернуть территории, утраченные Речью Посполитой в прошлом; он не мог начинать наступательной войны без согласия сейма. В Пакта конвента были включены обязательства признания Бирона герцогом Курляндии. Однако самое важное состояло, пожалуй, в том, что впервые в их текст было включено положение, обязывающее короля сохранить ограничения политических и гражданских прав диссидентов в том виде, в каком они были сформулированы на сеймах 1717, 1733 и 1736 годов¹³⁰.

Коронационный сейм, состоявшийся в Варшаве 25 ноября 1764 года, официально подвел черту под последним периодом междоусобицы в истории Польши. На следующий день после коронации Станислав Август собственноручным письмом поблагодарил Екатерину за избрание. Некоторые пассажи этого письма могли только усилить то неблагоприятное впечатление, которое вызвали в Петербурге некоторые решения конвокационного и элекционного сеймов.

В частности: «Я хочу того, чтобы Польша оставалась свободной, и поэтому я хотел бы освободить ее от крайнего беспорядка, который в ней господствует. Число усердных патриотов настолько мало и настолько разочаровывает из-за анархии, которая побуждает их заявлять, что они предпочитают установление абсолютной монархии позорным злоупотреблениям Законами, если уж невозможно достичь лучше устроенной свободы. Я не хотел бы дать им впасть в отчаяние... Мой посланник граф Ржевусский имеет поручение объяснить с Вами по этому вопросу».

Не могли удовлетворить Петербург и разъяснения, данные королем в связи с подчеркнутым игнорированием депутатами требований, с которыми выступили в июле 1763 года Россия и Пруссия по диссидентскому вопросу: «Диссиденты – это часть граждан, над которыми я царствую по Вашему желанию. Вследствие этого я занимаюсь этим вопросом уже в силу своего положения и своей клятвы, слова которой являются для меня законом. Однако, поскольку Ваше величество лично интересуется ими, это само по себе становится аргументом в их пользу, который нужно изложить представителям католической религии, которые слишком ревностно защищают свои привилегии. Но чтобы достичь этого, нужно навести порядок в законодательстве этого королевства. А это невозможно без перевоспитания наших депутатов»¹³¹.

IV

ДИССИДЕНТСКИЙ ВОПРОС И ПОСОЛЬСТВО Н.В.РЕПНИНА (1764 – 1768 гг.)

1

На следующий день после избрания С.Понятовского, 8 (19) сентября 1764 года, в Варшаве в возрасте 67 лет умер Г.Кейзерлинг. На его место заступил Н.В.Репнин¹³², протеже и племянник Н.И.Панина. Молодой генерал-майор, отличившийся в Семилетней войне, он в 1762 году выполнял дипломатические функции при прусской главной квартире в Берлине. Этим и ограничивался его дипломатический опыт, хотя Фридрих II, вполне оценивший как военные таланты Репнина, так и прямоту его характера, при расставании с ним сожалел.

Между тем миссия Репнина в Варшаве имела исключительную важность, поскольку именно в период его посольства закладывались основы отношений России с Польшей постсаксонского периода. Судя по действиям С.Понятовского и Чарторыйских на конвока-

ционном сейме в апреле 1764 года, они были уверены, что реформы, направленные на национальное возрождение Польши, будут поддержаны Россией в обмен на урегулирование территориальных, религиозных и других двусторонних проблем в том виде, в каком они формулировались договором о «Вечном мире» 1686 года¹³³ и ставились российскими дипломатическими представительствами в первой половине XVIII века.

В первые месяцы после избрания Понятовского из Петербурга поступали, казалось бы, вполне обнадеживающие для реформаторов сигналы. Во всяком случае, в сентябре 1764 года прусский посол Сольмс сообщал в Берлин, что Панин поддержал идею польского чрезвычайного посла Ржевусского, друга короля, о проведении различий между *liberum veto* и *liberum rumpo*¹³⁴. Однако уже через два месяца, в ноябре 1764 года, Екатерина под влиянием Фридриха, категорически воспротивившегося идеям молодых реформаторов, скорректировала предыдущие указания Панина, запретив Репнину поддерживать идею Ржевусского на предстоящем коронационном сейме¹³⁵.

Оценивая такой разворот событий, трудно не согласиться с мнением Б.М.Туполева, отметившего, что, когда Екатерина еще колебалась в отношении вмешательства во внутривосточную борьбу в Польше, желая убедиться в том, не будет ли служить ее интересам усиление власти польского короля, что позволило бы ей использовать окрепшую Польшу в качестве партнера в Северной системе, Фридрих предельно ясно дал понять ей и Панину, что «не собирается ограничиваться ролью тылового прикрытия для России в ее отношениях с Австрией, Францией или Османской империей», напомнив, что усиление королевской власти противоречило бы русско-прусскому союзному договору¹³⁶.

Панин был очень раздосадован переменой в настроении Екатерины, поскольку еще 24 сентября специальным рескриптом поставил перед Репниным задачу изложить на коронационном сейме требования немедленного уравнивания в правах польских католиков, православных и протестантов в духе российско-прусской декларации по диссидентскому вопросу, подписанной 11 июля 1764 года¹³⁷. Уступки Чарторыйским (которых в Петербурге считали более «фанатично», чем король, настроенными в диссидентском деле) по вопросу *liberum rumpo* могли, по расчетам Панина, помочь Репнину, которому предписывалось внушить самому королю, что, победив «страшилище суеверия», он приобретет себе «бессмертную славу» и исполнит «торжественное обязательство» перед Россией. О том, какое значение придавали в Петербурге тому, чтобы диссидентский вопрос был решен уже на коронационном сейме, свидетельствует то, что в случае возражений посол должен был прямо пригрозить, что императрица «некоторыми вынужденными способами» добьется того, что король,

как подразумевалось в рескрипте, должен был сделать из благодарности к России за свое избрание¹³⁸.

Однако первый приступ Репнина к диссидентскому вопросу оказался неудачным. Коронационный сейм, открывшийся 24 ноября, категорически отказался даже рассматривать декларацию о диссидентах. Более того, он подтвердил реформы, проведенные Чарторыйскими в апреле 1764 года, вызвав тем самым настоящий взрыв негодования в Петербурге. Ратификацию коронационным сеймом «Вечного мира» 1686 года, которой Россия добивалась несколько десятилетий, Екатерина и Панин сочли недостаточным проявлением лояльности.

Поскольку следующий сейм можно было созвать только через два года, в 1766 году, диссидентский вопрос вышел на главное место в российско-польских отношениях. С одной стороны, такой поворот дела выглядел достаточно естественным. В силу статьи 9 «Вечного мира» 1686 года Россия считалась покровительницей православного населения Польши. Требование «соблюдения древних прав, свобод и привилегий диссидентов» (православных и протестантов) включалось во все без исключения русско-пруссские трактаты начиная с 1720 года. В частности, в подготовленном в КИД в связи с подготовкой русско-пруссского союзного трактата от 16 (27) марта 1743 года обзоре «Союзные трактаты с Прусским двором 1726, 1729, 1730 и 1740 годов с отметками о всем, в чем они между собой разнствуют» отмечалось, что текст «секретного артикула о диссидентах» в трактате 1743 года был дословно взят из договора 1730 года¹³⁹.

С другой стороны, диссидентский вопрос занял столь непропорциональное место в российской политике в Польше, что Фридрих II впоследствии по праву назвал его «*la sémence de tous les troubles*»¹⁴⁰, не упоминая, однако, о том, что инициатива в возбуждении столь болезненного дела принадлежала ему¹⁴¹. Скрытая подоплека его действий становится яснее, если вспомнить, что основное количество протестантов традиционно проживало на территории Польской Пруссии.

Показателен в этом смысле, как нам представляется, и кризис, спровоцированный Фридрихом II в связи с введением на конвокционном сейме так называемого генерального тарифа. Уже в январе 1765 года прусский посланник в Варшаве Бенуа объявил, что любые новые пошлины, затрагивающие население Польской Пруссии, могут вводиться польским королем только по согласованию с Фридрихом II. В мемуаре, представленном по этому поводу Бенуа от имени жителей Восточной Пруссии и Данцига, утверждалось, что «Польская Пруссия со времени своего присоединения к Польше пользовалась привилегией не подчиняться законам, принятым на сейме, если ее представители, снабженные соответствующими инструкциями и полномочиями, на них не присутствовали»¹⁴².

В марте 1765 года Фридрих приказал выстроить в Мариенверде на берегу Вислы таможенный пункт и обложил десятипроцентной пошлиной все товары, направлявшиеся через него в Данциг. Понятовский, финансовое положение которого было крайне тяжелым, поскольку согласно польской конституции в течение первого года царствования короли не финансировались из бюджета, обратился за помощью к Екатерине. Учитывая активную поддержку Н.В.Репниным просьбы короля, заявившего в беседе с послом 23 апреля (4 мая), что он «лучше сложит с себя корону, чем согласится на новый порядок взимания пошлины»¹⁴³, Екатерина убедила Фридриха пересмотреть свое решение. С учетом «цены вопроса» (таможня в Мариенверде приносила в прусскую казну до 900 тысяч рублей дохода ежегодно, что почти в два раза превышало сумму налоговых сборов в Бранденбурге) это был крупный успех. «Упразднение таможни в Мариенверде есть жертва, приносимая мной русской императрице, – писал Фридрих II Сольмсу в июне 1765 года. – Я прекрасно понимаю, что для меня никакая система не может быть так выгодна, как союз с Россией, так как никто не осмелится тогда тронуть меня»¹⁴⁴.

Эпизод с успешным посредничеством России в урегулировании таможенных разногласий между Польшей и Пруссией не смог, однако, приостановить процесс неуклонного ухудшения русско-польских отношений из-за полного неприятия в Варшаве требований уравнивать сначала в религиозных, а затем и сословных правах католическую шляхту и дворян – некаатоликов. Екатерина подчеркнуто жестко отреагировала на оказавшуюся для нее неожиданной неуступчивость Понятовского в диссидентском вопросе. Летом 1766 года, в связи с предстоящим созывом сейма, Репнину было поручено передать королю, что в Петербурге смотрят на урегулирование диссидентской проблемы как на «пробный камень», по которому там будут судить о возможности «единения политической системы Польши с Российской империей»¹⁴⁵.

Разумеется, у Екатерины, формировавшей в эти годы идейную базу своего царствования в духе просвещенного абсолютизма, веротерпимости, утвердившейся в Европе после окончания Контрреформации, были свои причины стремиться решить старый религиозный спор с Польшей. Архиепископ Могилевский Георгий Конисский, присутствовавший на ее коронации, произвел на всех, кто был в Успенском соборе, огромное впечатление своим рассказом о притеснении православной церкви в Речи Посполитой¹⁴⁶. В июле 1765 года он представил в Коллегию иностранных дел доклад, в котором приводил данные о разорении в Польше в последние годы более чем двухсот православных церквей. Кроме того, не стоит забывать, что с 1763 года Екатерина продолжила начатые Петром III меры по секуляризации монастырских земель и особенно остро нуждалась

в этой связи в поддержке со стороны православного духовенства, в среде которого начали распространяться критические настроения (дело ростовского архиепископа Арсения Мациевича, лишенного сана и сосланного в дальний монастырь за открытое выступление против секуляризации).

Подход Панина к «диссидентскому делу» имел свои особенности, связанные с его усилиями по формированию задуманной им Северной системы. Главная идея Северной системы состояла в создании союза государств Северной Европы, объединяющего Россию, Пруссию, Англию, Швецию, Данию, Саксонию и Польшу против Франции, Австрии и Испании – владений Бурбонов и Габсбургов. При этом имелось в виду, как говорилось в депеше Панина русскому посланнику в Копенгагене барону Корфу, «поставить Россию способом общего Северного союза на такую ступень, чтобы она как в общих делах значную часть руководства имела, так особливо в Севере тишину и покой ненарушаемый сохранять могла». Принципиально важно, что Польшу Панин видел естественным членом Северной системы, считая, что «если бы торговля ее и учреждения были благоустроеннее, Польша могла бы заменить для союзников Австрию, не делаясь для нее опасной».

Более того, Польша в глазах Панина была своеобразным полигоном, на котором он рассчитывал проработать взаимодействие активных членов своей системы, к которым относил Россию, Пруссию и Англию. Расчеты эти, впрочем, оказались вполне доктринерскими. В апреле 1766 года Фридрих II передал через посланца Панина К.Сальтерна, что вступать в союз с Англией, Саксонией и тем более Польшей не входит в его планы.

Тем не менее вплоть до конца Русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов Панин смотрел на диссидентский вопрос прежде всего как на средство насаждения русского влияния в Польше. Показательна в этом смысле его депеша Н.В.Репнину от 14 августа 1767 года, в которой он ставил задачу «завершить диссидентское дело не для распространения в Польше нашей и протестантской вер, но для приобретения себе оным, через посредство наших единоверных и протестантов, единожды навсегда твердой и надежной партии, с законным правом участвовать во всех польских делах»¹⁴⁷. Характерно и то, что в целом ряде рескриптов Н.В.Репнину Панин предупреждал его о невыгодности для России «излишнего распространения» православия в Польше, поскольку это, на его взгляд, «неприменно вызвало бы значительное увеличение числа побегов в Польшу из соседних русских губерний»¹⁴⁸. С начала 1765 года он предписывал Репнину вести дело к заключению союзного договора между Россией и Польшей.

Тем не менее на решающих поворотах польских дел Екатерина и Панин действовали в 1763 – 1768 годах скоординированно и, как

правило, жестко. Рескриптом от 26 августа 1766 года Репнину было дано указание добиваться на предстоявшем сейме решения диссидентского вопроса, не останавливаясь перед угрозой применения силы¹⁴⁹. «Повеления, данные по диссидентскому делу, ужасны, – писал Репнин Панину, ознакомившись с августовским рескриптом, – истинно волосы у меня дыбом становятся, когда думаю об оном, не имея почти ни малые надежды, кроме единственно силы, исполнить волю Всемилостивейшей Государыни»¹⁵⁰.

Можно согласиться с американским историком Г.Капланом, отметившим, что основной тенденцией развития внутривнутриполитической ситуации в Польше в 1764 – 1766 годах было нарастающее отчуждение между Станиславом Августом и Чарторыйскими, обусловленное обострившимися разногласиями между ними как в подходе к методам отстаивания выдвинутых совместно реформ, так и к диссидентскому вопросу¹⁵¹. По существу, накануне сейма 1766 года в Польше действовали три основные группировки – короля, Чарторыйских и так называемых «традиционалистов», лидером которых стал придерживавшийся непримиримых взглядов на положение диссидентов краковский епископ Солтык.

4 ноября 1766 года на первом заседании сейма, состоявшемся в присутствии короля, Сената и иностранных послов, Репнин, сидя и не снимая в присутствии короля шляпы (церемония до последней детали была разработана в Петербурге), огласил от имени императрицы письменную декларацию по диссидентам¹⁵², передав ее затем королю. 10 ноября прусский посланник Бенуа, выступая на сейме, поддержал Репнина. За ним последовали, впрочем, не столь решительно, представители Англии и Дании.

Напротив, папский нунций, которому было предоставлено слово 12 ноября, заявил, что сейм ни при каких обстоятельствах не должен расширять права диссидентов.

В ответ на это Репнин и Бенуа подали сейму новую совместную декларацию, в которой потребовали роспуска Генеральной конфедерации, продолжавшей действовать с 1766 года под руководством Чарторыйских, и восстановления принципа единогласного голосования, включая финансовые и таможенные вопросы. Это был серьезный удар по реформам, которые удалось провести Чарторыйским на конвокационном сейме.

Эти шаги русского и прусского дипломатов поставили Станислава Августа, рассорившегося с Чарторыйскими и дистанцировавшегося от Солтыка из опасения еще более антагонизировать свои отношения с Россией, в исключительно сложное положение. 29 октября он откровенно сказал английскому резиденту в Варшаве Роутону, что «неожиданное требование императрицы» о предоставлении всей полноты политических и гражданских прав диссидентам, тогда как ранее речь шла только об их религиозном статусе, который он

готов урегулировать, показывает, что «религия – не более чем предлог». На самом же деле «императрица и прусский король, поняв, что они посадили на трон человека, стремящегося к возрождению своей страны, принимают меры, чтобы переделать то, что сами же и сделали»¹⁵³.

В создавшейся ситуации, когда ни король, ни Чарторыйские, ни «традиционалисты» уже не могли контролировать ход дискуссий, совет епископов провел 24 ноября новый закон «О религии», подтвердивший и даже ужесточивший прежние законы о политических и гражданских правах диссидентов. Вместе с тем совет епископов, хотя и в неофициальной форме, высказался за проявление терпимости в отношении представителей православных и протестантских религий.

В ответ Репнин, не останавливаясь перед военными демонстрациями с использованием введенных накануне сейма в Польшу отрядов генералов Кара и Игельстрема, добился отмены всех реформ, проведенных Чарторыйскими на прежних сеймах. Было торжественно закреплено *liberum veto* и распущена Генеральная конфедерация, созданная Чарторыйскими незадолго до сейма.

Итоги сейма, как и в целом события 1764 – 1766 годов, серьезно подорвали в Петербурге доверие к Станиславу Августу и Чарторыйским. В сентябре 1766 года даже посол в Голландии А.Р.Воронцов, известный впоследствии своей критикой разделов Польши, возлагал всю ответственность за возникшую в российско-польских отношениях напряженность на короля, который, как он подчеркивал в частном письме Н.И.Панину, «должен быть вечно благодарен нам». Выразив удивление тем «независимым тоном, который приняли в отношении нас в Варшаве», Воронцов рекомендовал Панину (зная, очевидно, о его сомнениях на этот счет) не только безусловно сохранить *liberum veto*, но и вести линию на противопоставление литовского «генералитета» коронным органам власти, полагая, что это поможет сохранить российскую «инфлюэнцию» в Польше¹⁵⁴.

Совершенно иначе в отношении польской политики Екатерины Воронцов высказывался в своей «Автобиографической записке»¹⁵⁵, написанной в конце 90-х годов, после третьего раздела. В ней он прямо называет избрание Станислава Августа «фатальным» для Польши событием, указывая, что его тяга к реформам не отвечала и не могла отвечать интересам соседних с Польшей государств. Главное же заключалось в том, что, сравнивая Станислава Августа с его саксонскими предшественниками, Воронцов фактически, не говоря об этом открыто, осуждает избрание на польский престол Пяста. Учитывая же, что выбор короля, как было широко известно, был сделан самой Екатериной, ясно, что своим острием критика Воронцова была нацелена против нее.

2

С конца января 1767 года Репнин действовал в Польше уже без оглядки на Чарторыйских¹⁵⁶. Под прикрытием русских войск, число которых в Польше с марта 1767 года было увеличено, он по приказу из Петербурга, официально взявшего православных в Польше под свою защиту, принялся формировать так называемую «диссидентскую конфедерацию», опираясь на которую надеялся решить поставленные задачи. Однако его ждал неприятный сюрприз. Число православных дворянского происхождения было в Польше слишком незначительным, чтобы из них можно было сформировать сколько-нибудь серьезную политическую силу. В результате православную конфедерацию, созданную 20 марта в Случке, возглавил кальвинист генерал-майор Я.Грабовский, которому, правда, умело ассистировал Г.Конисский. В тот же день в Торуни была сформирована протестантская конфедерация (маршал – Генрих фон Гольц), к которой позже присоединился Данциг – по приказу Фридриха и в силу последовавшего подтверждения Екатериной (24 марта 1767 г.) его прав и привилегий.

В такой ситуации Репнин избрал тактику налаживания отношений с «традиционалистами», среди которых заметную роль играли представители крупной шляхты, видевшие в реформах, продвигавшихся королем и Чарторыйскими, угрозу своим привилегиям. Заручившись поддержкой прелата Габриеля Подоского, обладавшего обширными связями среди «традиционалистов» и пользовавшегося уважением не только К.Радзивилла, Браницкого, но и епископа Солтыка, он вступил в контакт с Радзивиллом, жившим в эмиграции в Дрездене, и убедил его вернуться в Польшу, чтобы возглавить коронную конфедерацию под покровительством России.

13 июня 1767 года была провозглашена Генеральная Радомская конфедерация во главе с Радзивиллом. Под ее давлением Станислав Август был вынужден назначить на осень проведение внеочередного сконфедерированного сейма.

Внеочередной сейм начал свою работу в Варшаве 23 сентября 1767 года. На его первом же заседании была сформирована комиссия из 68 депутатов для обсуждения с Репниным вопросов о гарантии и правах диссидентов¹⁵⁷. Предоставление всех прав православной шляхте создавало опору Екатерине в Сейме и Сенате Польши. С учетом того, что члены комиссии подбирались в российском посольстве, решения ее были предопределены. Тем не менее, для того, чтобы «привести сейм в полное повиновение», Репнин не остановился перед тем, чтобы отдать приказ полковнику Игельстрему об аресте в ночь на 3 октября своего наиболее активного оппонента краковского епископа К.Солтыка, киевского епископа Ю.А.Залусского

и В. и С.Ржевуских, которые под конвоем русских войск были отправлены в Калугу¹⁵⁸.

К 8 ноября комиссия закончила свою работу, поскольку сейм был отложен до начала 1768 года. Подтвердив католическую религию господствующей в Польше, она в то же время высказалась за предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, уравнила в гражданских правах представителей всех конфессий. Все эти постановления были объявлены частью фундаментальных законов республики и поставлены под защиту России, Пруссии, Швеции и Дании¹⁵⁹.

21 февраля 1768 года сейм утвердил все эти постановления. Весьма важно, однако, что, продиктовав полякам волю Петербурга, Репнин при поддержке Панина добился согласия Екатерины на некоторые уступки польским реформаторам. В частности, сеймом было принято решение выносить впредь постановления по экономическим вопросам не на основе принципа *liberum veto*, а по большинству голосов¹⁶⁰.

Еще до окончания сейма, 13 февраля 1768 года, был заключен русско-польский Договор о вечной дружбе и гарантиях¹⁶¹, в силу которого поддержание государственного строя Польши и неизбежности его учреждений были поставлены под гарантию России. Статья 3 Договора гарантировала «грекам-ортодоксам и протестантам обеих евангелических конфессий» равные с католиками права как в религиозной, так и в гражданской сферах. Уникальность этого документа состоит в том, что приложенный к нему Акт первый сепаратный, в котором расписаны способы урегулирования всех возможных коллизий между католиками и диссидентами, по объему в несколько раз больше текста самого Договора.

В марте 1768 года Репнин был награжден орденом Александра Невского и получил 50 тысяч рублей. В письме к нему Панин с особым удовлетворением отмечал, что в польских делах Россия на этот раз действовала совершенно самостоятельно. И действительно, по требованию Панина прусский посол в Варшаве Бенуа не был даже допущен к участию в заключительном заседании сейма. Весьма существенно, что в актив своей политики Панин заносил и исключение Пруссии из числа гарантов польской государственности¹⁶². Отмечая, что «зависть короля Прусского к столь превосходной нашей в Польше поверхности будет, станется легко, и далее продолжать в наведении под рукою новых препон и трудностей успеху негоциации нашей», он был тем не менее уверен, что Фридрих II «явным образом негодования против наших дел и успехов не окажет, а довольствоваться будет одними потаенными внушениями, кои и можно ему как неудоботвратимыя оставить на волю»¹⁶³.

Потребовалось, однако, совсем немного времени для того, чтобы выяснилось, что успехи в Польше оказались пирровой победой. Радомская конфедерация и решения внеочередного сейма способствовали углублению раскола в польском обществе. 29 февраля (12 марта) 1768 года в небольшом польском городке Бар была сформирована конфедерация, объявившая «крестовый поход» в защиту католической веры против России. Лидеры Барской конфедерации получили поддержку со стороны Австрии, Франции и Турции. В стране началась, по существу, гражданская война. Произвол и насилие католической шляхты с особой силой развернулись в Правобережной Украине, с ее православным населением. Екатерина была вынуждена отменить уже отданный ею приказ о выводе русских войск из Польши. Ситуация еще более осложнилась после того, как в пограничных с Османской империей областях Украины и Подолии как следствие произвола католической шляхты вспыхнуло стихийное восстание украинских крестьян, так называемая гайдамачина, давшее повод (инцидент в Балте) к началу Русско-турецкой войны в октябре 1768 года.

Такой оборот событий поставил Панина как руководителя российской внешней политики в крайне сложное положение. 14 ноября 1768 года он был подвергнут резкой критике на заседании Государственного совета, созданного после начала Русско-турецкой войны, за то, что в войну с Османской империей, считавшейся могущественным противником, Россия вступала фактически без союзников. Более того, готовясь к военным действиям с турками, Россия вынуждена была держать в Польше для борьбы с барскими конфедератами значительное количество боеспособных войск.

В этих условиях в октябре – ноябре 1768 года Панин предпринял попытку вновь сблизиться с Чарторыйскими. В составленной по его указанию в Коллегии иностранных дел специальной декларации, адресованной Чарторыйским, говорилось, что гарантии России не направлены против волеизъявления польского народа и «применение их несомненно возможно лишь против третьего (третьей стороны. – П.С.), а никогда не против соговаривающихся, в пользу которых она исключительно и поставлена»¹⁶⁴. Было, однако, поздно. После начала Русско-турецкой войны и Чарторыйские, и барские конфедераты решили выждать и посмотреть, как обернется дело. Польское правительство с ведома короля запретило русским войскам использовать крепость Каменец-Подольский как опорный пункт для развертывания русских войск в направлении Молдавии.

23 декабря 1768 года Екатерина подписала рескрипт об отозвании Н.В.Репнина из Польши. С его отъездом закончился второй этап предыстории первого раздела Польши¹⁶⁵.

Подводя его итоги, необходимо констатировать, что решающая ошибка в том, как велись польские дела после избрания С.Понятов-

ского, заключалась в противоречии между поставленной целью и средством ее достижения. Стремясь сохранить анахронизм государственного устройства Польши, более того, замкнуть на себя гарантии его сохранения, в качестве орудия этой политики в Петербурге избрали ту политическую партию, которая наиболее последовательно и активно выступала за реформы, модернизацию польских государственных порядков. Конфликт с Чарторыйскими, а следовательно, и ослабление королевской власти были неизбежны.

Вместе с тем, оценивая действия екатерининской дипломатии в этот сложный период (да и на последующих этапах), важно иметь в виду, что в ходе по существу непрерывного конфликта со Станиславом Августом Екатерина никогда даже не рассматривала возможность замены его более приемлемой для России фигурой, хотя недостатка в советах именно таким образом решить польский вопрос и со стороны ее окружения, и со стороны польских «друзей древних свобод» никогда не было. Когда примас Радомской конфедерации Г.Подоский предложил Репнину восстановить на польском троне саксонского курфюрста, тот ответил, что «базовым принципом русской политики по отношению к Польше является поддержка Станислава Августа, и принцип этот никогда изменен не будет»¹⁶⁶.

В этих условиях попытки укрепить социально-политическую основу обеспечения российского влияния в Польше путем опоры на «традиционалистов», создания Радомской конфедерации оказались контрпродуктивными. Добиться заявленных целей в таком болезненном для самолюбия поляков вопросе, как диссидентский, удалось весьма дорогой ценой. Силовая линия в Польше в период 1764 – 1768 годов стоила России 7 – 8 процентов ее годового бюджета, который оценивался в то время приблизительно в 20 миллионов рублей¹⁶⁷. Результатом же ее стало не только резкое осложнение международных позиций России, но и разрушение традиционных рычагов российского влияния в Польше.

V

М.Н.Волконский и К.Сальдерн и планы «УМИРОТВОРЕНИЯ ПОЛЬШИ» (1769 – 1772 гг.)

1

Князь Михаил Никитич Волконский (1713 – 1788 гг.), сменивший Репнина, был известен своей близостью не только к Бестужеву, которому приходился племянником, но и к фавориту Екатерины

Г.Г.Орлову, непримиримым оппонентам Н.И.Панина. Это обстоятельство, судя по всему, и сыграло решающую роль при его назначении. Хотя отзыву Репнина из Варшавы постарались придать благопристойный вид (рескрипт об отзывании был подписан со ссылкой на просьбу самого посла)¹⁶⁸, слишком многие связывали неудачи русской политики с диктаторским поведением посла на сеймах 1766 – 1768 годов, несмотря на то, что сам Репнин, как ясно показывает его переписка с Паниным и Екатериной, хотя и питал сильное предубеждение к Чарторыйским, выступал не более чем исполнителем приказов, поступавших из Петербурга.

Волконский, ставший членом Совета при его создании в ноябре 1768 года, выступил вольным или невольным рупором этих настроений. На заседании Совета 14 ноября он «предложил свое мнение, что все теперь делается приготовления внутри государства, а о внешних не известно, и тем осмеливается спросить: есть ли при нынешнем случае такие союзники, на которых бы можно во время нужды положиться, да и при том обстоятельства ныне в Польше он почитает скорее вредными, нежели полезными для России». Он тут же был поддержан Г.Г.Орловым, поинтересовавшимся «причинами, какие привели Польшу восстать против России». Каким образом Панин «изъяснил те причины», приходится только догадываться, поскольку в сохранившемся протоколе этого заседания Совета говорится лишь, что в связи с его разъяснениями в Совете «происходили разные политические рассуждения»¹⁶⁹.

М.Н.Волконский не был новичком в польских делах. В 1756 – 1758 годах он прослужил два года русским дипломатическим представителем при польском короле Августе III, с которым сумел наладить столь добрые отношения, что был награжден польским орденом Белого Орла. В Семилетнюю войну Волконский командовал 12-тысячным кавалерийским корпусом, расквартированным в Познани, дослужился до чина генерал-поручика, а по воцарении Екатерины был сделан сенатором и генерал-аншефом.

В инструкциях Волконскому, подписанных 31 марта 1769 года, «главной и единственной целью» нового посла объявлялось «скорейшее успокоение нации и восстановление в ней порядка». Для этого ему вменялось в обязанность (с явным намеком на неодобрение действий его предшественника) всячески «удерживать и ободрять» короля, «обходиться с ним откровенно»¹⁷⁰.

Вместе с тем изложенные в рескрипте шесть «генеральных правил», которыми ему следовало руководствоваться, отражали сохранявшуюся противоречивость русской политики. Они состояли: «1^{-е}, в вышепредписанном удержании правительства Польского хотя в одной наружности. 2^{-е}, в изыскании есть ли возможно удобнейших средств к успокоению Польши и к восстановлению в ней порядка еще и до решительного будущей кампании оборота наших военных дел.

3^е, в сохранении диссидентского дела в полной его силе и во всем пространстве. 4^е, в утверждении нашей, Республики обещанной, и ею самую требованной гарантии, как на целость владений ея, так и на непременныя узаконения последнего Варшавского Сейма, 5^е, в недопущении поляков до соединения с турками под каким бы то видом ни было, а напоследок 6^е, в безопасности Его польского величества на престоле»¹⁷¹. Единственным отступлением от прежней линии была предоставленная Волконскому возможность закрыть глаза на некоторые «модификации постановленных диссидентам преимуществ», однако только в том случае, если бы сами поляки православного и протестантского вероисповедания договорились об этом с католиками в целях восстановления внутреннего спокойствия в стране.

Прибыв в конце мая в Варшаву, Волконский обнаружил, что отзыв Репнина был истолкован и в окружении короля, и в стане оппозиции как проявление колебаний в Петербурге относительно целесообразности продолжения жесткого давления на Польшу. Король уверял посла, что без уступок в вопросах о гарантиях России польской конституции и «диссидентском деле» невозможно и думать о нейтрализации Барской конфедерации и об успокоении Польши. То же повторяли ему и Чарторыйские. «Изю всех моих с здешними магнатами разговоров приметил я, – докладывал Волконский Панину 11 июня 1769 года, – что они не хотят ни за что приниматься в ожидании оборота нашего с турками, которой решит их или в нашу сторону или против нас. Между тем все поведение здешнего двора и Министерства есть таковое, что они нас чуждаются и пред нацией показывают, что никакого сообщения ни согласия с нами не имеют, да и в самом деле отнюдь ничего мне не сообщают и ни об чем не сносятся»¹⁷².

Только к осени 1769 года, когда наметился первый военный успех России, отразившей набег на южнорусские земли сотысячной армии крымского хана Керим-Гирея, в Петербург начали поступать «планы умиротворения», выдвигавшиеся различными группировками польской шляхты. Панин, поддерживавший идею Волконского о создании новой конфедерации, не только подтвердил данное ему разрешение гибко вести себя в диссидентском вопросе, но и разрешил обнадежить ее лидеров Понинского и Браницкого обещанием уступки Польше Молдавии и Валахии после их завоевания русскими войсками¹⁷³.

Тем временем, однако, король и Чарторыйские, дезориентированные тем примирительным тоном, который принял Волконский, собрали членов не признанного Россией сенатского совета, созданного на конвокационном сейме 1764 года, и фактически не только дезавуировали решение сейма 1767 – 1768 годов по вопросу о гарантиях и правах диссидентов, но и объявили актом насилия ввод рус-

ских войск в Польшу, попутно дав самую нелестную характеристику деятельности Репнина в Варшаве. С декларациями об этом были направлены посольства в различные европейские столицы.

Подобные действия были расценены в Петербурге как акт вероломства. Особо раздражало Панина то, что обвинения в адрес России король сопровождал постоянными просьбами о денежных субсидиях, которые Волконский, в отличие от Репнина, выплачивал ему регулярно. В начале декабря 1769 года Волконскому были направлены указания довести до сведения короля со ссылкой на прямое поручение императрицы, что «Чарторыйские и все их креатуры не только от дела единожды навсегда отторгнуты, но и вся их сила, знатность и инфлюэнция в отечестве своем вконец и до последнего края морального небытия истреблены быть должны... Сие есть правило уже совсем решенное в политической системе нашего высочайшего двора относительно до Польши»¹⁷⁴.

Волконский принялся было создавать, как он выражался, «патриотическую партию», во главе которой он видел примаса Подоского, находившегося в оппозиции королю и Чарторыйским. Однако антирусские настроения в Польше, стимулированные решениями сейма 1767 – 1768 годов и подпитываемые неопределенностью исхода Русско-турецкой войны, уже не позволяли сформировать достаточно широкую и прочную коалицию, лояльную России.

В Петербурге, судя по всему, начинали понимать это. Во всяком случае, Екатерина в письме к Фридриху, написанном в январе 1769 года, говорила, что «оставляет на известное время Польшу в ее политическом усыплении, наблюдая только за тем, чтобы постоянные разбои не превратились в общее восстание»¹⁷⁵.

12 октября 1769 года русско-прусский союзный договор, заключенный в 1764 году, был продлен на восемь лет, считая с 31 марта 1772 года. Его секретные статьи были дополнены новыми гарантиями со стороны Пруссии на случай вмешательства в польские дела Саксонии и возможного русско-шведского конфликта в случае восстановления в Швеции наследственной монархии. Россия, со своей стороны, гарантировала Фридриху II наследование спорных графств Ансбах и Байрейт¹⁷⁶.

Для понимания роли Панина в польских делах важно отметить, что в ходе обсуждения с Сольмсом вопроса о продлении договора с Пруссией он настаивал на более тесном подключении Фридриха к борьбе с барскими конфедератами. При этом он ссылаясь на секретную статью договора 1764 года, в соответствии с которой Пруссия обязывалась не только возвести на польский трон Пяста, но и поддерживать его. «Я прекрасно знаю, что я гарантировал трон нынешнему королю, и не отойду от этого; однако мои обязательства относительно диссидентов не заходят так далеко», – с видимым раздражением инструировал Фридрих Сольмса (к 1769 г. он был

убежден, что его посол в Петербурге полностью подпал под влияние Панина)¹⁷⁷.

1770 год стал годом решающих военных успехов России. Победы П.А.Румянцева при Ларге и Кагуле, уничтожение турецкого флота в бухте Чесма русскими эскадрами, действовавшими в Средиземном море под командованием А.Г.Орлова и адмирала Г.А.Спиридова, по существу предопределили исход войны в пользу России.

Волконский счел момент удобным, чтобы возобновить свои усилия по формированию «патриотической партии». Однако прусский посол Бенуа, которому он показал «главные пункты, на которых должно последовать успокоение Польши», в категорическом тоне заявил, что Пруссия никогда не возьмет на себя гарантии территориальной целостности Польши¹⁷⁸.

Это заявление Бенуа свидетельствовало о том, что польский кризис вступал в новую фазу. Дело в том, что еще в феврале 1769 года Австрия заняла заложенное Польшей Венгрии в начале XV века графство Ципс и ряд других округов в Польской Галиции. В июле 1770 года захваченные Австрией территории были обнесены пограничным кордоном. Осенью 1770 года аналогичные меры под предлогом защиты своих войск от свирепствовавшей в Польше чумы были предприняты Фридрихом II в районе польского города Эльбинг и Западной Пруссии.

В июне 1770 года в Польшу для борьбы с Барской конфедерацией был введен дополнительный контингент русских войск. Это произошло в то время, когда Волконский находился в Карлсбаде на водах. Отъезд его, надо думать, носил демонстративный характер. Во всяком случае Бенуа еще в марте 1770 года доносил Фридриху II: «Волконский того мнения, чтобы вывести русские войска из Польши и предоставить поляков самим себе, а если они нарушат Оливский мир, т.е. запретят диссидентам свободное отправление их религии, то Россия и Пруссия должны отобрать у них ближайшие провинции и позволить австрийцам сделать то же»¹⁷⁹.

Разумеется, донесениям Бенуа, большого мастера дипломатической интриги, нельзя доверять полностью. Несомненно, однако, что в конце своей короткой миссии в Варшаве Волконский впал в крайний пессимизм и по примеру своих предшественников настойчиво просил отозвать его в Петербург. В беседах со своими коллегами в Варшаве он открыто жаловался на Панина, сетуя, что тот нарочно присылает ему путанные инструкции, желая, дескать, реабилитировать своего племянника Репнина.

2

16 января 1771 года М.Н.Волконский был возвращен на родину. Преемником его на посту посла в Варшаве стал Каспар фон Саль-

дерн, голштинский чиновник, перешедший на русскую службу. В Петербурге Сальдерн занимал не особо видное, но открывавшее перед ним практически неограниченные возможности место советника Панина. Осенью 1767 года он сыграл главную роль в окончании «голштинского дела» – размене Шлезвиг-Голштейна на графства Ольденбург и Дельменгорст, приобретя тем самым репутацию ловкого политического дельца.

В начале 1771 года Сальдерн представил Екатерине записку¹⁸⁰, в которой подверг резкой критике поведение Волконского, поссорившегося с королем и Чарторыйскими, и доказывал, что успокоить польские беспорядки можно только противоположными методами. Екатерина не только одобрила мысли Сальдерна, но и предложила Панину отправить его послом в Польшу, тем более что Станислав Август не раз просил об этом. Несмотря на крайнее нежелание покидать Петербург, Сальдерну пришлось согласиться.

О важности миссии Сальдерна в Польше свидетельствует и то обстоятельство, что «основание инструкций сему послу, на трактатах 1686 и 1768 годов учиненное» было утверждено Советом на заседании 17 февраля в присутствии императрицы, самой представившей нового посла членам Совета¹⁸¹.

Инструкции Сальдерну, подписанные 5 марта 1771 года, по существу повторяли указания, дававшиеся прежде Волконскому. Особенное внимание ему следовало обратить на сплочение «патриотов», которым ему было предоставлено право обещать «уступки», в том числе в диссидентском вопросе¹⁸².

Прибыв в Варшаву в середине апреля, Сальдерн весьма энергично принялся исполнять составленный им самим план умиротворения. План этот, однако, имел существенный недостаток: он был предельно неконкретен. В силу этого заявления Сальдерна о возможных уступках требованиям поляков были настолько расплывчаты, что их можно было толковать и в ту, и в другую сторону. Если добавить к этому вздорный и высокомерный характер Сальдерна, раздражавший всех, кто имел с ним дело, – начиная от короля и кончая чинами русского посольства, – то можно согласиться с мнением Н.Д.Чечулина, считавшего, что деятельность Сальдерна в Варшаве была «суетлива, беспокойна и безрезультатна»¹⁸³.

Единственным заслуживающим упоминания «подвигом» Сальдерна в Варшаве было получение им 5 мая 1771 года собственноручной расписки, в которой Станислав Август обязывался «сообщаться с Ее величеством обо всем и действовать согласно с нею»¹⁸⁴. Добиться этого Сальдерну, надо полагать, не представляло особого труда. В своей депеше Панину, отправленной незадолго до этого, он рисовал следующую печальную картину: «Королю нечего есть и нечем платить своим служителям, он живет в долг день за день. Он задолжал почти каждому жителю города, и нищета его окружает.

На второй же аудиенции он меня спросил, не имею ли я позволения дать ему денег, ибо он убежден, что императрица не может оставить его при такой крайности. Я пожал плечами и скрыл свою жестокую скорбь при виде короля, который со слезами просит милостыни; я был сильно тронут, но не обещал ничего. Утром, в день королевских именин, граф Браницкий явился ко мне и мучил меня до тех пор, пока я не дал ему пяти тысяч червонных. Для меня необходимо такими поступками приобрести доверие короля»¹⁸⁵.

13 мая Сальдерн опубликовал в Варшаве декларацию, в силу которой фактически гарантировал амнистию конфедератам и приглашал «всех людей благонамеренных, истинно любящих отечество» договориться с ним «об искоренении всех смут мерами самыми законными»¹⁸⁶.

Впрочем, существенных результатов ни этот, ни другие шаги Сальдерна не имели. Судьба Польши отныне решалась уже не в Варшаве. В конце мая, когда Сальдерн, разделявший убежденность Панина в необходимости для России действовать в Польше собственными силами, прямо обвинил прусского посла Бенуа в интригах против России, тот, пригласив Сальдерна к окну, без обиняков сказал ему по-немецки: «Я хорошо знаю, что вы друг моего короля; ради Бога, сделаем так, чтобы он мог получить приличную часть Польши. Этот неблагодарный народ заслуживает такого наказания, я вам отвечаю за благодарность моего государя». Сальдерн, лишь в общих чертах знавший о начавшихся с февраля переговорах между Россией и Пруссией о разделе Польши, вполне достойно отвечал: «Не нам с вами делить Польшу»¹⁸⁷.

В депеше от 11 июня 1771 года Панин подтвердил Сальдерну, что раздел Польши, инициативу которого он, кстати говоря, однозначно приписывал Фридриху II, стал делом решенным. Сальдерн, уязвленный тем, что об этом важнейшем решении его фактически не информировали, принялся доказывать Панину нецелесообразность раздела Польши между Россией и Пруссией без участия Австрии (он считал, что это непременно приведет к «генеральной войне» в Европе). Получив вежливую, но решительную отповедь Панина, ясно давшего ему понять, что принятое решение не может быть пересмотрено, Сальдерн решил отыгаться на поляках, взяв недопустимо высокомерный тон в обращении с польскими магнатами. Когда в Петербурге сделали ему по этому поводу реприманд, Сальдерн отвечал 25 сентября в письме Панину: «Я могу и хочу претерпеть все, но я никогда не позволю, чтобы Россия была унижена в то время, как я нахожусь ее представителем... К несчастью, судьба хотела, чтобы я был непосредственным преемником старой бабы, который, будучи природным русским, сносил жестокие оскорбления, хотя был не только послом, но и командиром целого корпуса русской армии»¹⁸⁸.

Весь этот пафос имел, однако, совершенно конкретную подоплеку: Сальдерн был категорически не согласен с планом раздела в том виде, в каком он навязывался Фридрихом. Не последнюю роль в этом, думается, сыграло его голштинское происхождение. «Я бы в душе одобрил ваши намерения, – говорил он в том же письме Панину, – если бы области, которые хочет приобрести себе король Прусский, были менее важны, если бы он домогался только Вармии и участка на реке Нетце, но вся Польская Пруссия – это смертельный удар для Польши, да и не для одной Польши, а для всего Балтийского Поморья»¹⁸⁹.

Подобная откровенность имела своим результатом то, что с осени 1771 года Панин совершенно прекратил информировать Сальдерна о ходе переговоров с Пруссией. Тем не менее уже с лета 1771 года Варшава была полна слухов о предстоявшем разделе. В своей депеше Панину от 1 марта 1772 года, отправленной уже после подписания русско-прусской конвенции от 4 января, Сальдерн писал: «При дворе, в городе и везде в провинциях все заняты только тем, что публично обсуждают оккупацию, которую замыслил король Пруссии. О ней здесь говорится с такими точными деталями, как будто полякам дословно известна последняя конвенция; однако здесь нет ни одной живой души, которой пришло бы в голову подозревать нас в подобном, по меньшей мере, – вслух»¹⁹⁰.

Через две недели, 14 марта, Сальдерн информировал Панина в новой зашифрованной депеше с плохо скрываемым удивлением о том, что «позавчера прусский посол был извещен своим королем через курьера о том, что состоялось подписание конвенции между Россией и Пруссией. Король приказал послу связаться со мной и согласовать наши совместные действия, направленные на то, чтобы составить себе партии из представителей этой нации и выработать детальный план, который понравился бы влиятельной части польского общества и заставил ее согласиться на уничтожение всех нововведений, которых обе державы добились со времени конвокационного сейма до начала польских смут...

Я ответил господину Бенуа, что, несмотря на то, что не получал никаких инструкций от моего двора относительно способа совместных действий, которых следует придерживаться в соответствии с подписанной конвенцией, я всегда готов к совместным действиям...». В заключение Сальдерн не отказал себе в удовольствии повторить вновь: «Вот уже двое суток, как в городе не говорят ни о чем другом, как об оккупации прусским королем Польской Пруссии. Считается, что это дело решенное между петербургским, венским и берлинским дворами. Надеюсь, что вы не сочтете меня слишком злым на язык, если я скажу, что имею все основания верить, что эта новость исходит от сотрудников польского посла»¹⁹¹.

Последние свои месяцы в Варшаве Сальдерн, по выражению С.М.Соловьева, доживал «в глубоком официальном молчании»¹⁹².

Явная неудача планов «умиротворения Польши» в период посольств Волконского и Сальдерна во многом объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что с началом Русско-турецкой войны польский вопрос попал в контекст обострившейся борьбы двух основных придворных группировок – так называемых «партии Панина» и «партии Орловых». Не касаясь всего спектра противоречий между братьями Орловыми и Н.И.Паниным, упомянем лишь – это важно для понимания логики переговоров о разделе, – что в первые десять лет царствования Екатерина вынуждена была маневрировать между панинской и орловской партиями, занимавшими, во многом в силу логики создавшейся при дворе ситуации, различные, нередко диаметрально противоположные позиции по ключевым внутренним и внешним проблемам российской политики.

Во внешнеполитических вопросах Г.Г.Орлов под несомненным влиянием Бестужева был сторонником традиционного для России союза с Австрией и, следовательно, противником Северной системы Панина. Став членом Государственного совета, он получил возможность не просто высказывать свои взгляды, но и принимать участие в формировании внешнеполитического курса России. Именно им была высказана идея направления в 1769 году русского военного флота в Средиземное море, основной задачей которого было поддерживать готовившиеся с помощью русских эмиссаров антиосманские выступления народов Греции и Балканского полуострова. После выдающихся побед русской армии в 1770 году Орлов выступал за окончание войны путем нанесения прямого военного удара по Константинополю.

Панин, более реалистично оценивавший в целом неблагоприятную для России расстановку сил в Европе, понимал, что для закрепления военных успехов и для достижения выгодного и почетного мира с Турцией была необходима активная дипломатия по широкому фронту, в которой интересы России в Польше отступали на второй план по сравнению с главным – успешным завершением Русско-турецкой войны. Отсюда – резкое снижение русской активности в Польше в период посольств Волконского и Сальдерна, линия на нейтрализацию и умиротворение Польши даже ценой частичных уступок в вопросах, которые изначально считались ключевыми, – диссидентском и о гарантиях России государственного строя Речи Посполитой.

В целом же эта часть сложнейшей дипломатической интриги, в результате которой была решена участь Польши, несомненно, осталась за королем Пруссии. Тонкими, исключительно последовательными ходами, включая манипулирование острейшим диссидентским вопросом, от которого он с 1768 года намеренно дистанцировался, Фридрих сначала дал увязнуть Екатерине и Панину в польских смутах, а затем достаточно убедительно показал, что решение главной геополитической задачи – останется ли Польша форпостом «Восточ-

ного барьера» или превратится в предполье активной русской политики в Европе – зависит от готовности Петербурга согласовывать свои действия с Берлином и Веной.

VI

РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ «РАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА» ЕЕ СОСЕДЕЙ.

ПЕРЕГОВОРЫ ГЕНРИХА ПРУССКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ

1

Приступая к анализу дипломатической истории русско-пруско-австрийских переговоров о первом разделе Польши, необходимо отметить, что в совокупности вызвавших его разноплановых и, на первый взгляд, противоречивых обстоятельств присутствовала железная логика. Из нескольких вариантов решения проблем, возникавших на различных этапах польского кризиса, неизменно реализовывались те, которые в наибольшей степени отвечали стратегическим интересам лишь для одной из держав-участниц – Пруссии.

Как мы уже отмечали, еще в так называемом первом Политическом завещании 1752 года Фридрих II объявил присоединение Польской Пруссии задачей *sine qua non* самого дальнейшего существования своего государства. Подобная, значительно более глубокая, по сравнению с Австрией и Россией, мотивированность польской политики Фридриха II обусловила его инициативную роль в выстраивании взаимодействия трех держав – участниц раздела. В то же время крайне ослабленное состояние, в котором находилась Пруссия в результате войны за Австрийское наследство (1740 – 1748 гг.) и Семилетней войны (1756 – 1763 гг.), побуждало Фридриха действовать в тактическом плане предельно осторожно, добиваясь поставленных целей не только сугубо дипломатическими методами, но и, с учетом крайне неустойчивого баланса сил в Европе, всемерно маскируя существо своих действий даже в отношениях с потенциальными союзниками.

Подобная тактика была особенно характерна для действий прусской дипломатии до начала Русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов. Опубликованные донесения прусского посла в Петербурге В.Сольмса о его беседах с Н.И.Паниным в 1763 – 1768 годах и его переписка с Фридрихом свидетельствуют о том, что прусский король поначалу с демонстративным резервом реагировал на любые высказывания с русской стороны, которые могли быть истолкованы как приглашение к территориальным приобретениям за счет Польши. Дело здесь,

однако, в том, что подобные намеки делались (если они делались) Паниным лишь в критические моменты развития ситуации в Польше, когда возрастала возможность вооруженного вмешательства Австрии в польские дела. В частности, в декабре 1763 года, когда Вена еще не рассталась с надеждой оставить польский престол за Саксонией, Сольмс доносил в Берлин о следующих словах Панина: «Королю Прусскому не придется сожалеть о вступлении в обязательство с русским двором, потому что если сверх ожидания дела дойдут до последней крайности, то он ручается, что король Прусский, равно как и Россия, будут вознаграждены за свой труд и что даром хлопотать не придется»¹⁹³. В ответе Сольмсу от 20 января 1764 года Фридрих пишет: «Намек, сделанный Вам гр.Паниным в темных выражениях, мне кажется, так ясно обнаруживает мысль о разделе Польши в случае войны с ней, что я не могу не подозревать в этом министре планов первостепенной важности, могущих, в случае осуществления, вновь повергнуть Европу в те бедствия, от которых она едва избавилась»¹⁹⁴.

К сожалению, Н.И.Панин не фиксировал письменно своих разговоров с В.Сольмсом, которого как старого друга и коллегу по совместной работе в Стокгольме принимал обычно в неформальной обстановке¹⁹⁵. Не имея в силу этого возможности сверить его записи бесед с опубликованными депешами посла, заметим все же, что даже имеющиеся в прусской интерпретации слова Панина о «вознаграждении за труд» правильнее, на наш взгляд, рассматривать не в качестве приглашения к разделу Польши, а в контексте завершавшихся в то время переговоров о русско-прусском союзном трактате, зафиксировавшем обязательства Пруссии содействовать России в случае вооруженного конфликта с Османской империей.

Тот же прием Н.И.Панин использовал в контактах с Сольмсом в начале 1767 года, в период наивысшего обострения диссидентского вопроса, когда перспектива войны с Австрией, а возможно, и с другими католическими державами, стала представляться реальной и в Петербурге. «Императрица охотно соглашается, чтобы король отыскал себе вознаграждения повсюду, где представится возможность его взять, на счет державы, которая своими поступками возбудит войну»¹⁹⁶, – сказал Панин от имени императрицы прусскому послу в беседе 1 февраля 1767 года. Показательно, что реакция Фридриха на этот раз носит совершенно другой характер: «Объяснение по поводу вознаграждения, какое я необходимо должен обеспечить себе в случае военных действий, не оставляет желать ничего лучшего, и я с удовольствием вижу в этом объяснении как чувство справедливости со стороны императрицы России, так и дружеского расположения ее ко мне»¹⁹⁷.

Ряд отечественных и зарубежных исследователей, в том числе Н.Д.Чечулин, истолковывают эти выдержки из дипломатической

переписки В.Сольмса для подтверждения тезиса о том, что идея первого раздела Польши исходила из России. Нет необходимости полемизировать с подобной точкой зрения по причинам, которые мы пояснили выше. Все державы – участницы раздела действовали в силу понимания ими «рационального государственного интереса» (если использовать терминологию представителей реалистической исторической школы) и в рамках безнравственной по нынешним понятиям, но вполне обычной в XVIII веке практики «округления границ», рассматривая линию на поддержание соседних государств в ослабленном состоянии как средство обеспечения собственной безопасности.

Что же касается позиции Н.Д.Чечулина, то, разделяя высокую оценку его работ рядом современных исследователей, мы не видим достаточных оснований приписывать Н.И.Панину роль инициатора первого раздела Польши. У Панина, конечно же, были свои идеи, свои амбиции, и главная из них – создание Северной системы, призванной упрочить безопасность России и ее влияние в европейских делах. Хорошо известно, что он не только рассматривал Польшу в качестве «пассивного члена» Северной системы, но и всемерно пытался «подтянуть» к этой точке зрения Фридриха II.

Есть достаточно веские основания утверждать, что, по крайней мере, до осени 1770 года, визита принца Генриха, брата прусского короля, в Петербург, у Екатерины также не было планов раздела Польши. Настойчивость, проявленная ею при возведении Станислава Августа на польский престол, диктовалась чисто прагматическими соображениями, связанными с необходимостью решения сложного комплекса проблем, накопившихся в отношениях России с ее западным соседом. Если исходить из того, что на шкале внешнеполитических приоритетов Екатерины главное место занимало юго-западное, черноморско-балканское направление, то логично предположить, что, проявляя инициативу в «гармонизации» отношений России с двумя германскими государствами и продолжая, с некоторыми коррективами, апробированную еще Петром I политику «косвенного доминирования» в Польше, Екатерина пыталась по возможности надежно прикрыть западный фланг империи, готовя присоединение Крыма и Приднестровья, продвижение в направлении Дунайских княжеств, Балкан и, в конечном итоге, Константинополя с последующим выходом через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море.

Общие контуры этого плана, которому во второй половине ее царствования было суждено развиваться в Греческий проект, сформировались у Екатерины уже в начальный период Русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов. Вряд ли можно считать случайным то обстоятельство, что за несколько месяцев до ее начала (в мае 1768 г.) А.Г.Орлов (под предлогом болезни) с братом Федором выехали в Италию, где немедленно занялись подготовкой восстания греков

и народов Балканского полуострова против Османской империи. В январе 1769 года по предложению старшего из братьев Орловых, Григория, в Средиземное море на помощь восставшим грекам была направлена эскадра под командованием Г.А.Спиридова. К концу войны в Средиземноморье находились уже четыре русские эскадры, имевшие в качестве задачи не только блокирование подвоза продовольствия в Константинополь через Дарданеллы, но и участие в планировавшемся двойном – морском и сухопутном, после форсирования Дуная армией П.А.Румянцева, – ударе по турецкой столице.

Вместе с тем, будучи чрезвычайно осторожной, осмотрительной (в силу обстоятельств своего прихода к власти) во всем, что касалось методов осуществления ее политики, Екатерина искусно использовала некий дуализм в своем окружении (группировки Панина и братьев Орловых), для того чтобы продвигать, а в случае необходимости и перепроверять свои самые сокровенные идеи. «Панин и Орлов были моими советниками, – сказала как-то Екатерина своему статс-секретарю А.В.Храповицкому. – Эти два лица постоянно противных мнений вовсе не любили друг друга. Вода и огонь менее различны, чем они. Долгие годы я прожила с этими советниками, нашептывавшими мне на ухо каждый свое, однако дела шли, и шли блистательно. Но часто приходилось поступать, как Александр с Гордиевым узлом, – и тогда происходило соглашение мнений. Смелый ум одного, уверенная осторожность другого – и ваша покорная слуга с ее курц-галопом между ними – придавали изящество и легкость самым важным делам».

Очень точно охарактеризовал суть екатерининской тактики «курц-галопа» В.О.Ключевский, отметивший умение императрицы «пользоваться обстоятельствами и людьми так, чтобы до времени плыть по течению первых и служить видимым, послушным, но не слепым орудием в руках других. Она часто и отдавалась в руки других, но только для того, чтобы этим другие ее, как игрушку, могли донести до места, до которого она не могла дойти своими ногами»¹⁹⁸.

С учетом этих особенностей политического мышления и поведения Екатерины, оставлявшей себе роль арбитра между ее ближайшими советниками, не приходится сомневаться в том, что в сложных поворотах польских дел Панину, как правило, приходилось ориентироваться «на ощупь», идя тернистым путем проб и ошибок.

К такому выводу подводит и то признанное специалистами обстоятельство, что, ценя Панина за ум, опыт (12 лет на дипломатических постах в Дании и Швеции) и высокий профессионализм, Екатерина никогда полностью не доверяла ему. Ей было известно, что, будучи одним из активных участников переворота, приведшего ее к власти, Панин выступал за провозглашение императором великого князя Павла Петровича с регентством Екатерины до его совершеннолетия. Не прошла, надо думать, бесследно и предпринятая

Паниным в 1762 году попытка навязать Екатерине проект учреждения Государственного совета, в котором было усмотрено стремление замены ее самодержавной власти олигархическим правлением. Недаром до своей кончины в 1783 году Панин так и не был назначен канцлером, более того, до 1773 года, являясь первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, он занимался иностранными делами только постольку, «поскольку ему позволяли это его другие обязанности».

Учитывая подобную специфику взаимоотношений императрицы с ее главным советником по польским делам, не приходится удивляться многочисленным сбоям и пробуксовкам в русской политике по отношению к Речи Посполитой.

В этом смысле весьма показательна беседа, состоявшаяся между М.Н.Волконским и английским резидентом Роутоном вскоре после прибытия русского посла в Варшаву. Когда разговор зашел о жесткой политике Репнина в отношении польского сейма, английский дипломат поинтересовался, действовал ли Репнин «в соответствии с планом, разработанным Паниным, или же им руководила высокая рука императрицы». Отвечая, Волконский сказал, что Репнин «злоупотребил данной ему властью», а Панин, хотя и «испытывал угрызения совести, не мог и не хотел его дезавуировать»¹⁹⁹.

Однако, обсуждая эту же тему в октябре со Станиславом Августом, посол был более откровенен: «Вы знаете, что они (действия Репнина) были одобрены императрицей... Что бы ни говорили некоторые о жестокости Репнина, он ничего не мог решать без одобрения своего двора»²⁰⁰.

2

Различия в подходах Н.И.Панина и Екатерины к польскому вопросу, накапливавшиеся в течение 1763 – 1768 годов, открыто проявились с началом Русско-турецкой войны, кардинально изменившей ситуацию в Центральной Европе. В немалой степени этому способствовала и активизация прусской политики. «Война между Россией и Турцией перемешала всю политическую систему Европы, открылось новое поле для деятельности; надо было вовсе не иметь никакой ловкости или находиться в бессмысленном оцепенении, чтобы не воспользоваться таким выгодным случаем»²⁰¹, – признавался впоследствии Фридрих в своих мемуарах.

Как известно, «находиться в бессмысленном оцепенении» было не в характере Фридриха. Депешей Сольмсу от 2 февраля 1769 года он впервые изложил идею тройственного раздела Польши, приписав его графу Линару, бывшему в начале 50-х годов датским посланником в Петербурге²⁰² (вряд ли случайно, но труднообъяснимо совпадение по времени появления «плана Линара» с оккупацией Австрией польского округа Ципс, на которое обратил внимание Г.Каплан).

В депеше, в частности, говорилось: «Гр. Линар возымел довольно смелую мысль соединить в пользу России интересы всех государей и разом дать делам Европы другой оборот. Он хочет, чтобы Россия предложила венскому двору за его содействие против турок Леополь (Лемберг), Ципс, а нам Польскую Пруссию с Вармией и право покровительствовать Данцигу, а Россия, чтобы вознаградить себя за военные издержки, захватила бы такую часть Польши, какую хочет; тогда зависть между Пруссией и Австрией прекратилась бы и они бы наперерыв помогали России против турок»²⁰³. Прежде чем говорить с Паниным, Сольмс, хорошо, надо думать, представлявший себе его образ мыслей, предупреждал Фридриха, что «в Петербурге слишком не доверяют Австрии и думают, что если в Вене представить такой проект, то им воспользуются лишь для того, чтобы бросить тень на все предшествующие поступки императрицы, и станут объяснять их как давно составленный план разграбления Польши»²⁰⁴.

И действительно, Панин весьма холодно реагировал на подходы Сольмса. Он высказался в том смысле, что если уже устраивать союз между Россией, Пруссией и Австрией против Турции, то «разве ж только для того, чтобы совершенно изгнать турок из Европы», а из бывших турецких владений «доставить Австрии такое вознаграждение, которое заставило бы ее забыть потерю Силезии». Что же касается России, то, по мнению Панина, она «не имела никакой претензии участвовать в дележе, так как у нее и без того земель более чем нужно»²⁰⁵.

Существует множество интерпретаций подобной реакции Панина. Одни из них клонятся к тому, что Панин был принципиальным противником раздела, другие усматривают в его словах лишь ловкий маневр, направленный на то, чтобы побудить Пруссию выступить открыто и тем самым взять на себя всю ответственность за предстоящий раздел. Мы бы хотели предложить еще одну, на наш взгляд, более близкую к реальности, версию появления «плана Линара».

Как известно, план этот был целиком плодом фантазии прусского короля, который сам признается в этом в той части своих мемуаров, которая была написана в 1775 году²⁰⁶. Стоит, однако, задуматься, почему, предлагая своему послу впервые обсудить идею тройственного раздела с Паниным, Фридрих использует имя датского дипломата. Ответ на этот вопрос наводит на любопытное предположение. Дело в том, что в начале 50-х годов в Петербурге Линар вел переговоры об обмене Шлезвиг-Голштейна на Ольденбург и Дельменгорст. Переговоры в тот раз оказались неудачными, но в своей депеше в Копенгаген от 12 октября 1751 года Линар, много общавшийся с Екатериной, которой Петр III доверил направлять переговоры о судьбе своего наследственного владения, пишет: «Я забыл упомянуть об одном проекте великой княгини, которая ... будучи непрестанно занята мыслями, как поднять значение Церберского дома,

задумала идею, заручившись поддержкой со стороны великого князя, состоящую в том, что тот, взойдя на престол и завоевав Шлезвиг, уступил бы все свои владения в Германии цербстскому князю, который уже владеет Еверном. К этому можно было бы добавить Ост-фризские земли, которые король Прусский уступил бы при условии, что Россия помогла ему завоевать Польскую Пруссию. После этого можно было бы отобрать также Бремен и Верден у Ганновера и сформировать из всех этих земель новое, десятое по счету, маркграфство»²⁰⁷.

План, что и говорить, по всем статьям химерический. Простим, однако, Екатерине, которой, кстати, было в то время всего лишь 23 года, заботу о своей угасавшей ветви Ангальт-Цербстского дома и обратим внимание на другое. Линар был одним из тех дипломатических агентов, которым представители различных германских домов доверяли улаживать свои династические дела. Используя его имя, Фридрих II ввел, на наш взгляд, проблему в совершенно иное русло – русло династической дипломатии Екатерины II, ее связей с Германией²⁰⁸.

Вывдвигая эту версию, мы ни в коей мере не хотели бы поставить под сомнение общую направленность внешней политики Екатерины, ее преданность интересам своей новой родины, стремление утвердить ее в качестве великой европейской державы. Вместе с тем, как мы уже отмечали, в основе внешнеполитического мышления российской императрицы лежала убежденность в возможности и пользе для России «гармонизировать» ее отношения с двумя германскими государствами с соответствующими благоприятными для России последствиями не только на европейском, но и на балтийском и черноморском направлениях ее внешней политики. В этом смысле, кстати, можно говорить и о более глубоких противоречиях между императрицей и Паниным, поскольку подобный подход, включавший в себя налаживание сотрудничества с Австрией, по существу, сводил на нет усилия Панина по созданию Северной системы.

3

Как известно, решающее объяснение по поводу раздела Польши произошло в ходе поездки брата прусского короля принца Генриха в Петербург (сентябрь 1770 – январь 1771 гг.). По русским архивным источникам давно установлено, что эта поездка готовилась, по крайней мере, с начала 1770 года, а вовсе не была спонтанной инициативой самого Генриха, как это пытался представить Фридрих в своих мемуарах²⁰⁹.

Важен и политический контекст поездки, совпавшей со вторым в течение двух лет свиданием короля с австрийским императором Иосифом II, на этот раз в моравском городе Нойштадт (сентябрь 1770 г.). Можно согласиться с теми отечественными и немецки-

ми историками, которые считают, что «историческое примирение» Иосифа II и Фридриха II относительно Силезии, состоявшееся в ходе первого из этих свиданий (в Нейсе, август 1769 г.), устранило препятствия на пути формирования треугольника Берлин – Вена – Петербург, предопределившего дальнейшее развитие польского вопроса²¹⁰. Начатая в Нойштадте в связи с поступившими от турков предложениями о посредничестве Австрии и Пруссии в окончании Русско-турецкой войны работа по увязке русско-австрийских противоречий вокруг Молдавии и Валахии, оккупированных в ходе войны русскими войсками, с территориальными компенсациями в Польше по существу сформировала основу, на которой через два года была достигнута окончательная договоренность в отношении раздела Речи Посполитой. Отметим на полях и важность того, что в результате подобного развития событий польский вопрос, используя выражение Т.М.Исламова, «стал как бы частью и, можно сказать, подчиненной частью восточного»²¹¹.

Вместе с тем весьма важно иметь в виду и то обстоятельство, что среди задач, которые ставились перед миссией принца Генриха в Петербурге, помимо уточнения русских условий мира с турками и исполнения продленного в 1769 году союзного трактата с Пруссией русскими гарантиями наследственных прав прусского короля на франконские княжества Байрейт и Анспах, Генриху было поручено обсудить с Екатериной и чрезвычайно важный вопрос о предстоящем браке великого князя Павла Петровича, которому в сентябре 1772 года исполнялось 18 лет. Со своей обычной предусмотрительностью Екатерина еще с конца 1770 года искала пути нейтрализации надежд тех при ее дворе (прежде всего, Н.И.Панина), кто надеялся, что по достижении совершеннолетия Павел по примеру Иосифа II, провозглашенного Марией-Терезией соправителем в 1765 году, будет допущен к более активному участию в государственных делах. Забегая вперед, скажем, что эта, возможно, основная для Екатерины часть миссии принца Генриха была реализована вполне успешно. После брака Павла с принцессой родственного Пруссии Гессен-Дармштадтского дома Натальей Алексеевной 29 сентября 1773 года так называемый «кризис совершеннолетия» был преодолен и Екатерина получила возможность сохранить до конца жизни в своих руках всю полноту самодержавной власти²¹².

Препровождение и переговоры принца Генриха в Петербурге как ключевой эпизод первого раздела детально описаны в исторической литературе. Утвердилось мнение, опирающееся на воспоминания и письма самого Генриха, о том, что вопрос о разделе Польши был поднят Екатериной в разговоре с принцем в конце декабря, когда он совсем уже было собрался уезжать. В письме Фридриху от 28 декабря 1770 года Генрих писал: «Уже написавши это письмо, я вечером был у императрицы, которая шутя сказала мне, что австрийцы заняли

в Польше два староства и обнесли их пограничными столбами с имперским гербом. Она прибавила: «Почему бы и всем не взять точно так же?» Я сказал, что вы, мой любезный брат, хотя и держите кордон в Польше, но староств не занимали. «А почему же бы и не занять?» – сказала императрица со смехом. Немного спустя ко мне подошел гр. Чернышев и, заговорив со мной по тому же поводу, сказал: «Почему бы вам не взять епископства Вармийского? Потому что надо уж всем взять что-нибудь». Хотя это и были шуточные речи, но несомненно, что это недаром, мне кажется очень возможным, что вы воспользуетесь случаем»²¹³. С этого, казалось бы, мало серьезного разговора якобы и начались прямые контакты между Россией и Пруссией о разделе Польши, к которым с осени 1771 года присоединилась и Австрия.

Между тем уже с конца XVIII века в печати начали появляться дипломатические документы, в основном из французских и прусских архивов, в которых миссия принца Генриха в Петербурге описывается несколько в ином свете²¹⁴. В частности, в известном труде Л.Феррана, использовавшего сделанные известным французским историком и дипломатом К.Рюльером записи его разговоров с принцем Генрихом о пребывании последнего в Петербурге, отмечается, что основной задачей принца являлось предложить Екатерине идею раздела Польши как «средство умиротворения» не только барских конфедератов, но и – в широком смысле – Австрии, ревниво относившейся к успехам России в войне с Османской империей (разумеется, при условии подключения Вены к разделу)²¹⁵. Существенно, что сам Генрих, неоднократно заявлявший впоследствии о том, что идея раздела Польши принадлежит ему²¹⁶, рассказывал Рюльеру, что обсуждал с Екатериной план раздела Польши в мельчайших деталях, разложив на столе карту, на которой было отмечено, какие части могли бы взять себе Пруссия и Россия. Трудно предположить, разумеется, что подобный образ действий не обсуждался им предварительно в какой-то форме с Фридрихом II²¹⁷. Во всяком случае, Генриху пришлось отложить начало своей поездки в Швецию и Россию, дожидаясь, пока будет изготовлен специальный, особо надежный шифр для его переписки с королем, право использовать который имел только он лично²¹⁸.

Необходимость в специальном шифре была, очевидно, обусловлена и тем, что и Фридрих, и его брат к осени 1770 года перестали доверять своему посланнику в Петербурге графу Сольмсу. В письме королю из Петербурга от 22 октября Генрих просил не сообщать Сольмсу ничего относительно «данного ему поручения», подтвердив, что сам он не информировал посланника о его характере. «Мне было очень приятно убедиться в том, что Вы увидели своими глазами, что я не ошибался относительно Сольмса, – отвечал король брату 8 ноября. – Это жалкий человек, но его не следует отсылать сейчас, чтобы

не испортить русским настроение»²¹⁹. В письме от 18 ноября Фридрих высказался еще более откровенно: «Что касается Сольмса, то безразлично, коррумпирован он или нет. Он поразительно слаб и способен на самые большие низости, это грязная душа. Является он чичисбеем Панина или просто влюблен в него – не важно, мне он служит очень плохо»²²⁰. В целом, из переписки принца Генриха с королем в период его пребывания в России можно сделать вывод, что и король, и его брат были уверены в том, что Сольмс попал под полное влияние Панина. Это было тем более опасным, что, как неоднократно сообщал принц Генрих из Петербурга, Панин был единственным членом Совета, который решительно выступал против обсуждавшихся планов раздела Польши в увязке с действиями Австрии в отношении округа Ципс²²¹.

Показательно в этом смысле и признание Генриха Рюльеру о том, что Панин, ссылаясь на занятость воспитанием великого князя, уклонялся от встреч с ним. Вместо Панина принц беседовал с К. Сальдерном, которого описывает как грубого педанта, читавшего ему лекции о международной политике. Однажды, когда в разговоре с Сальдерном они перебрали различные возможности заключения русско-турецкого мира, Генрих заметил, что «нужно придумать что-нибудь, чтобы оторвать австрийцев от турок». Сальдерн на это ответил: «Очень хорошо, только это не должно быть сделано за счет Польши»²²².

Вполне созвучна с этим и депеша Сольмса Фридриху, отправленная 31 декабря 1770 года (т.е. через три дня после вышеописанного разговора Генриха с Екатериной и Чернышевым): «Говорил я также с этим министром (Паниным. – П.С.) о территории, занятой австрийцами в Польше, – докладывал посол. – Он очень смеялся над призрачностью их прав, будучи того мнения, что если венский двор и позволяет себе подобные выходки, то Вашему величеству и России скорее должно помешать ему, чем следовать его примеру; что касается его, то он никогда не даст своей государыне совета завладеть чем-либо, ей не принадлежащим. Наконец, он меня просил не говорить в таком тоне во всеулышанье и не поощрять в России идеи приобретения на основании того лишь, что поступать так удобно»²²³.

И наконец, сам прусский король свидетельствовал в своих мемуарах о том, что «граф Панин, заявивший при начале беспорядков в Польше, что Россия готова гарантировать территориальную целостность этого государства, испытывал отвращение (gerignance) к идее раздела; он, однако, пообещал не противиться этому, если дело будет передано в Совет»²²⁴.

Для характеристики отношения Панина к идее раздела Польши и расстановки сил при русском дворе по этому вопросу очень важна депеша Сольмса Фридриху от 1 марта 1771 года. Прусский посол, несомненно, уже информированный о благожелательной реакции

Екатерины²²⁵ на предложение Генриха, пытался убедить Панина в том, что участие в разделе Польши совместно с Пруссией и Австрией – единственная возможность преодолеть сопротивление Вены заключению мира с турками на выгодных для России условиях. Будучи уверен в прочности своих тылов, Сольмс строил беседу в наступательном ключе, сходу заявляя, что «настоящее поведение поляков в отношении России не заслуживает больше с ее стороны сочувствия, которое она имела основание прежде высказывать для сохранения нераздельности Польши». Панин, возражая, ссылаясь на самые различные соображения – от опасения «новых смут» в Польше, ослабления позиций короля до негативных последствий, которые мог бы иметь раздел Польши для настроений в турецкой столице, где набирали силу сторонники прекращения войны. «Я не думаю, чтобы раздробление Польши между тремя державами, принятое одновременно, – отвечал Сольмс, – сделало бы поляков более отважными, так как я всегда полагал, что и Россия поступит в этом деле согласно с двумя другими державами, и, напротив, думал, что, видя согласие между ее соседями, нежелание щадить их более, они (поляки. – П.С.) тем скорее исполнят их желания, лишь бы спасти, что можно, из владений республики и не сделаться всем чьими-либо подданными, вместо того чтобы остаться свободными».

Панин, понимая, очевидно, что раздел предрешен, заметил Сольмсу, что «это дело такого рода, которое должно решиться в Совете, и хотя я уверен, что его там вполне одобряют и что оно даже вызовет решение ему подражать, он, однако, боится, чтобы те, которые в настоящую минуту более всего выкажут по этому делу сочувствия Вашему величеству, не постарались бы, если вследствие этого приобретения дела еще более запутаются, породить охлаждение между Вашим величеством и его государыней». Сольмс, тонко чувствовавший ситуацию, не пытался даже спорить с Паниным, отметив лишь в конце своей депеши, что «хотя слово «приобретение» для России совершенно противно принципам графа Панина, он все же должен будет в конце согласиться на этот исход, потому что значительнейшее большинство будет против него»²²⁶.

VII

ПОДГОТОВКА И ПОДПИСАНИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ КОНВЕНЦИЙ О ПЕРВОМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ

1

К лету 1771 года инициатива переговоров о разделе полностью перешла в руки Фридриха II. Панина он приучал к мысли о неизбеж-

ности раздела обещаниями снять противодействие Австрии мирному окончанию Русско-турецкой войны. В беседах с австрийским послом в Берлине ван Свиттеном утверждал, что идея раздела исходила из России («*non de ma boutique*»)²²⁷, нейтрализуя тем самым возможные австрийские претензии к Пруссии, чреватые угрозой вооруженного конфликта, и одновременно виртуозно используя затруднительное положение, в котором оказался австрийский канцлер Кауниц после опалы, постигшей в конце 1770 года руководителя французской внешней политики герцога Шуазеля, его верного союзника и ярого недоброжелателя России.

Уже в конце марта 1771 года прусский кабинет-министр К.В.Финк фон Финкенштейн заявил ван Свиттену, что «по мнению короля, венский двор мог бы изложить свои права и претензии на другие (кроме Ципса. – *П.С.*) части Польши, поскольку другие соседи этого королевства поступят именно так». После того как австрийский посол, связавшись с Веной, заявил об отсутствии у Австрии территориальных претензий к Польше, Фридрих, на это раз лично, сказал ему: «Поройтесь в своих архивах, и Вы найдете там предлог приобрести в Польше еще что-нибудь, помимо того, что Вы уже оккупировали... Поверьте мне, надо пользоваться случаем, я возьму свою долю, Россия – свою, это не приведет к значительному увеличению наших территорий, но это будет полезно всем нам. Кроме того, поскольку наши дворы хотели бы способствовать умиротворению Польши и поддержанию в ней спокойствия, наши новые приобретения могут помочь нам выполнить эту задачу более эффективно»²²⁸.

Суть дипломатической игры, которую Фридрих вел в Вене и в Петербурге, заключалась в последовательном преувеличении опасности военного вмешательства Австрии в Русско-турецкую войну на стороне Османской империи, хотя такая опасность существовала²²⁹. Австрийский посол в Константинополе Тугут, заключивший в июле 1771 года так называемую «субсидную конвенцию» с турками (якобы без ведома Кауница), сознательно или бессознательно – трудно сказать – подыграл Фридриху II. Несмотря на то что «субсидная конвенция» так и не была ратифицирована Веной, в Петербурге к осени 1771 года считали военный конфликт с Австрией возможным, в связи с чем даже была частично передислоцирована вторая «обсервационная» армия, прикрывавшая границы с Польшей²³⁰.

В этих условиях Панин уже без всяких оговорок включился в игру, начатую прусской дипломатией.

19 мая 1771 года вопрос об участии России в разделе Польши впервые обсуждался на заседании Государственного совета. Информирова членов Совета (Екатерина покинула заседание перед выступлением Панина) о том, что «король Прусский отозвался здешнему двору в доверенности, что он не намерен быть спокойным зрителем захвата Австрией польских земель», поскольку «также имеет право

на соседние с его владениями польские земли и намерен равномерно присоединить их», Панин заявил, что такая ситуация представляется ему «случаем, о котором всегда помышляемо для исполнения всеми желаемого было, что находим мы теперь удобность в ограничении себя от Польши реками; что хотя Россия и не имеет никакого права на Польскую Лифляндию, однако намерен он вывести права на оставленные в Польше десять заднепровских полков и требовать возвращения, а особливо чтоб Польша не исполнила получения оных обещаний; что негоцируя о сем и согласясь на всегдашнюю уступку присвоенных австрийцами и некоторых из требуемых королем Пруссим польских земель, исключая Гданьск, можем мы получить Польскую Лифляндию и желаемое ограничение границы, а Польше отдать взамену отбираемых у нее земель княжество Молдавское и Валашское»²³¹.

Анализируя метаморфозу, происшедшую с позицией Н.И.Панина, необходимо указать на то, что на участие России в разделе он смотрел как на вынужденный шаг, понимая, что без содействия Пруссии и Австрии закончить войну с турками почетным и выгодным миром было невозможно. В том же выступлении в Совете он мотивировал свою позицию тем, что, «заинтересовав сим образом венский и берлинский дворы, скорее можно будет заключить предполагаемый мир с турками и успокоить польские замешательства».

В этом контексте представляется крайне важным то недооцененное, как представляется, исследователями разделов обстоятельство, что на протяжении всех русско-пруссских контактов в 1771 году Панин исходил из того, что подготовка «раздельной конвенции», которой он занимался с Сольмсом, и ее имплементация – это разные вопросы. Практическое осуществление договоренностей в двустороннем или трехстороннем (с участием Австрии) формате он жестко увязывал с окончанием Русско-турецкой войны, ангажируя тем самым Берлин и Вену в плане оказания реального давления на Турцию.

Показателен в этом плане переданный Сольмсом Панину в конце 1771 года «Ответ на последний мемориал российского двора», в котором Фридрих, протестуя против предложения Панина отложить, как он выражался, «вступление во владение сих провинцией (долей России и Пруссии. – П.С.) на неопределенное и удаленное время», в обычной для себя спекулятивной манере предупреждал, что если «уже после заключения мира вступить во владение, то чрез сие подан был бы основательный предлог к начатию новой войны вместо того, что не трудно будет на сей план раздела преклонить турков, представя им оной способнейшим средством к прекращению польских возмущений и к прочнейшему миру»²³².

В этом контексте было бы неверно, на наш взгляд, и выпускать из виду тот факт, что еще в марте 1771 года Панин считал необходимым в специальном письме предупредить польского короля о том, что

«никогда положение Вашего королевства не представляло опасности большего распадаения»²³³.

1 июня Панин информировал Сольмса о принятом Советом решении «присоединиться к Пруссии в разделе Польши». Однако при обсуждении доли, на которую претендовали в Берлине, он твердо заявил, что интересы России, а также других государств, участвующих в балтийской торговле, не позволяют согласиться на включение в прусскую долю Данцига²³⁴.

14 июня Фридрих подписал прусский проект секретной конвенции с Россией о первом разделе Польши, состоявший из преамбулы и пяти статей. Заявив претензии на Померанию, часть Великопольских земель и Хелмское воеводство (включая Торн), прусский король потребовал взамен Гданьска включения в свою долю Мариенбурга и епископства Вармийского²³⁵.

28 июня Сольмс передал прусский проект Панину, который настоял на исключении из прусской доли Торна. В целом, однако, прусский проект был им принят, включая статью третью, в соответствии с которой стороны соглашались пригласить «в соответствующее время» Австрию присоединиться к разделу.

Несмотря на сугубую секретность, в которой велись русско-прусские переговоры, в начале июля Мария-Терезия в беседе с английским послом в Вене Стормонтом упомянула об «амбициозном проекте» раздела Польши, вынашиваемом в Петербурге и Берлине²³⁶. Трудно не заметить связи между просочившейся в Вену информацией о русско-прусских переговорах и «субсидной конвенцией», в силу которой Австрия становилась союзницей Османской империи в войне против России.

Панин, узнавший о подписании австро-турецкой конвенции только в начале октября, достаточно жестко выстраивал весной – летом 1771 года свои беседы с австрийским послом в Петербурге Лобковичем, настаивал на сохранении за Россией завоеванных ею в ходе войны Молдавии и Валахии, а также независимости Крымского ханства от Османской империи. После того как Вена отказалась передать Порте эти условия России, на заседании Совета 11 июля 1771 года было поддержано предложение Панина о прямых переговорах с турками. Одновременно командующему русской армией в Крыму князю Долгорукому был отдан приказ «утвердить скорее независимость татар, дабы сие дело прежде мира всеми и самими турками почтено было оконченным»²³⁷.

2 августа 1771 года Панин ознакомил членов Совета с прусским проектом секретной конвенции и составленным им контрпроектом, в соответствии с которым к России отходили «остаток Польской Лифляндии, часть Полоцкого и все Витебское воеводство» с новой границей, проходившей по Двине и Днепру. В русский контрпроект Паниным была добавлена «сепаратная секретная» статья, в соот-

ветствии с которой Пруссия обязана была направить на помощь России 20-тысячную армию в случае ввода австрийских войск в Польшу²³⁸.

Этот шаг Панина полностью вписывался в выстроенную им на этом этапе схему использования угрозы территориальных приобретений в Польше Россией и Пруссией без участия Австрии как элемента дополнительного давления на Вену с целью изменения ее позиции в турецком вопросе. В депеше Сальдерну от 23 августа 1771 года он писал, что «мы должны отправиться от одного твердого и неизменного пункта, именно, что удастся ли убедить венский двор приступить к нашему соглашению с королем Прусским, или же он останется в стороне, или формально воспротивится ему – во всяком случае, решено, что мы тем не менее будем приводить его в исполнение»²³⁹. В тот же день Панин направил Сальдерну прусский проект раздела Польши и контрпроект, составленный в Петербурге. Интересно, что эти документы были поручены не обычному курьеру, а генералу А.И.Бибикову, направлявшемуся в Варшаву с приказанием вручить их лично в руки посла.

Следует признать, что подобная линия Панина имела как свои сильные стороны, так и издержки. В частности, в начале октября Фридрих II, продолжавший разыгрывать карту «генеральной войны» в Европе, вновь потребовал, чтобы в компенсацию за участие в совместных с Россией действиях против Австрии «присовокуплен был к назначенным ему польским землям город Гданьск с его принадлежностями»²⁴⁰. С другой стороны, с конца сентября из Вены начали поступать обнадеживающие сигналы. В октябре 1771 года австрийский канцлер Кауниц сообщил русскому послу в Вене Д.М.Голицыну, что Австрия готова способствовать началу мирных переговоров между Россией и Турцией, одновременно дав понять, что она «не будет противиться» разделу Польши в тройственном – Россия, Пруссия и Австрия – формате. В ответ Вене через Лобковича было подтверждено принятое в Петербурге решение отказаться от Дунайских княжеств.

В целом, секретность, которой были окружены переговоры о разделе, не знает прецедентов в истории. Седлер, секретарь австрийского посла в Петербурге Лобковича, говорил французскому посланнику в Петербурге Сабатье де Кабру: «Завеса тайны окутывает все, что касается сношений с королем Пруссии. Все обсуждается путем секретной переписки двух монархов; они принимают невиданные предосторожности даже относительно тех деталей, которые вынуждены сообщать своим министрам. Секретарям посольства не доверяется копировать важные бумаги, послы делают это сами»²⁴¹. В результате ни английские, ни французские дипломаты в Петербурге и других европейских столицах не имели точных сведений о ходе подготовки первого раздела Польши. Сальдерн, как мы видели

ранее, узнавший о подписании конвенции о разделе как о свершившемся факте, смертельно обиделся на Панина и перешел в стан его врагов.

Наиболее важную часть переговоров по разделу вели в Петербурге Панин и Сольмс. Однако, не доверяя полностью даже собственному послу, Фридрих тайно направил в Петербург своего эмиссара, работавшего ранее в прусском посольстве в Стокгольме. Тот сблизился с З.Г.Чернышевым, наиболее последовательным сторонником раздела в окружении Екатерины, и контролировал ход переговоров между Паниным и Сольмсом, информируя прусского короля об их мельчайших деталях²⁴². С.Понятовский, также имевший своих информаторов в Петербурге, отмечал в своих записках, что, по его сведениям, аналогичные функции выполнял барон Ахац Фердинанд Ассбург, бывший датский посол в Петербурге.

2

К концу 1771 года русско-прусские договоренности по Польше были в основном готовы. Согласившись с основными притязаниями Фридриха II, в Петербурге настояли на том, чтобы из них были исключены Данциг и Торн, причем относительно Данцига напомнили, что российская императрица является гарантом независимости этого города. Твердость в продолжавшихся до конца года переговорах о Данциге неизменно проявлял Панин²⁴³, понимавший, что передача устья Вислы в руки Фридриха II означала бы экономическое удушение Польши.

Позиция, занятая Екатериной и Паниным по вопросу о Данциге, представляется не совсем оцененной в историографии польских разделов. Между тем, политическая борьба, которая велась вокруг Данцига в период между первым и вторым разделами Польши, свидетельствует о ее серьезной геополитической подоплеке, причем не только в контексте борьбы за господство на Балтике, но и династических интересов российского императорского дома. На это, кстати говоря, намекала и сама Екатерина в переписке с Г.А.Потемкиным, говоря о том, что еще в 1763 году Бестужев ввел ее в курс договоренностей, достигнутых по Курляндии и Данцигу во время царствования Анны Иоанновны²⁴⁴, которая грамотой от 29 апреля 1736 года взяла Данциг под свое покровительство, гарантировав городу «его права и свободы», земельные владения и право сбора налогов и, в частности, права на гавань и ее укрепление²⁴⁵.

В ноябре 1764 года Екатерина специальной грамотой подтвердила «возобновление данной наперед от здешнего двора о сохранении вольности Гданьска гарантии»²⁴⁶.

24 марта 1767 года в связи с присоединением жителей Данцига к Торуньской диссидентской конфедерации Екатерина новой гра-

мотой еще более расширила гарантии России Данцигу, подчеркнув, что «преимущество торговли с нашей страной и ее подданными и его (Данцига. – П. С.) удобную гавань полагаем мы настолько важными, что считаем необходимым сохранение города в его нынешнем состоянии и обязуемся самым сильным образом охранять его против любого покушения, уже сделанного или могущего быть сделанным в будущем». Вследствие этого, в частности, когда в конце 1771 года возник спор между Данцигом и прусским королем, отремонтировавшим за свой счет часть портовых сооружений и предъявившим претензии в качестве владельца Оливского аббатства на некоторые земли в его округе, Екатерина предложила Данцигу выкупить порт, для того чтобы обеспечить свободу судоходства и торговли. В письме русскому резиденту в Данциге графу Головкину от 22 января 1772 года Панин информировал его о том, что в проект русско-прусской конвенции о разделе Польши включено положение «объединить этот город и его территории, имея в виду оставить его таким, каким он был, для того чтобы избежать передачи его Пруссии или предоставления ей столь значительных преимуществ, которые сделали бы ее хозяйкой коммерции Польши и единственного выхода в море реки Вислы»²⁴⁷.

Тем не менее, в течение всей второй половины 1771 года Фридрих II требовал от Сольмса «держат на плаву» проблему Данцига. Параллельно и в явной увязке со своими планами в отношении Данцига он настаивал на немедленном (до конца 1771 г.) занятии русскими и прусскими войсками присоединяемых территорий Польши ввиду неизбежного, как он утверждал, сопротивления разделу со стороны Австрии.

В этих условиях Панин виртуозно разыграл «австрийскую карту». Отказ России от требования независимости Дунайских княжеств создал предпосылки для постепенной нормализации русско-австрийских отношений. 17 декабря в Совете была «читана» записка Сольмса, в которой, со ссылкой на прусского посла в Вене, сообщалось, что «в случае уделения нами и королем, государем его, Польши» императрица Мария-Терезия «хочет в нем участвовать и с нами о том соглашаться»²⁴⁸.

Интересно, что Сольмс, по-видимому, не информировал Фридриха об обсуждении в Совете депеши прусского посла в Вене. Во всяком случае, в письме Сольмсу от 28 декабря 1771 года Фридрих, реагируя на сообщение своего представителя в Петербурге о том, что Д.М.Голицын проинформировал по поручению Панина канцлера Кауница о предстоящем подписании русско-прусской секретной Конвенции, писал: «Не понимаю, почему они решили спрашивать разрешение венского двора относительно своих прав в Польше»²⁴⁹. Существенно и то, что в том же письме прусский король выражал уверенность, что Австрия не примет участия в разделе. Это столь

нехарактерное для Фридриха заблуждение можно объяснить только его слабой информированностью о русско-австрийских контактах в Вене и Петербурге в ноябре – декабре 1771 года.

Своего рода переломным моментом в них стало письмо Панина Д.М.Голицыну от 5 декабря 1771 года, в котором он поручал послу уведомить «в крайней конфиденции» Кауница о том, что Россия и Пруссия готовятся предъявить «весьма основательные притязания на Польшу» и приглашают Австрию присоединиться к ним²⁵⁰. Одновременно посол должен был передать Кауницу «Собственный ответ Ее императорского величества на предъявление собственных сентиментов их императорских и королевских величеств», в котором официально подтверждался отказ России от дунайских княжеств²⁵¹. В частном письме к Голицыну, датированном тем же числом, Панин, отмечая, что «важность настоящего нашего с Венским двором положения определяет достаточно сама по себе всю цену министерияльного Вашего там бдения», извещал посла о том, что направленные ему в конце сентября 1771 года инструкции добиваться содействия Вены в «примирении Польши» утрачивают силу. «Напротив, милостивейшая Государыня изволила решиться согласно с королем Прусским обратиться на поляков собственную их неблагодарность и сделать на счет их пристойные приобретения как границам империи своей, так и границам союзного своего короля Прусского, следуя в том примеру венского двора, который забрал в свои руки староство Ципское с окружностями его по некоторым старым притязаниям»²⁵².

Эффект этого хорошо просчитанного хода Панина Д.М.Голицын оценил как «революцию» в позиции Вены по польским и турецким делам. «Князь Кауниц переменял совсем свою систему и не только не хочет более противиться нашим видам, но после того токмо и желает, чтобы по-дружески войти во все распоряжения с нами и королем Прусским», – доносил посол в депеше Панину от 18 (29) января 1772 года²⁵³.

Существенно, что в ходе решающего объяснения с Голицыным Кауниц сделал лишь одну оговорку, заметив, что, «приняв систему раздела с намерением не возмущать равновесие государств, может быть, не нужно было искать убежища у одной Польши, что если бы не совсем достало для равного между тремя дворами раздела, то в таком случае нашлось бы средство отобрать еще земли у кого другого, имеющего в ней излишек». На вопрос Голицына, имеется ли при этом в виду Турция, австрийский канцлер, вчерашний союзник османов, не моргнув глазом, ответил утвердительно²⁵⁴.

Предварительное соглашение между Пруссией и Россией по польским делам было достигнуто в начале 1772 года, после того как стороны согласовали окончательную редакцию «особо секретной сепаратной» статьи (русский контрпроект от 6 декабря, прусский – от 4 января), в которой определялись формы и размеры взаимной

помощи в случае попыток Австрии противодействовать разделу. 6 (17) февраля Н.И.Панин и А.М.Голицын с российской стороны и В.Сольмс с прусской подписали Секретную конвенцию относительно раздела Польши и Союзную конвенцию относительно содержания вспомогательного войска²⁵⁵. В конвенциях определялись польские территории, отходящие к России и Пруссии, и говорилось о приглашении Австрии участвовать в разделе. В случае отказа Вены стороны согласились осуществить раздел без ее участия.

Датированы русско-прусские документы были 4 (15) января – на месяц раньше их фактического подписания. Смысл этой дипломатической уловки состоял в том, чтобы ускорить согласие Австрии на участие в разделе. Как уже говорилось, оно последовало 18 (29) января, а 1 февраля Панин огласил в Совете «Записку разговора между князем Голицыным и князем Кауницем», в которой, со ссылкой на слова австрийского канцлера, говорилось, что «хотя и не желал бы оный, чтобы Польша разделена была, но по причине учиненного уже Ее императорским величеством и королем Прусским о сем соглашения приступает и он к тому», хотя и «хотел бы иметь также приобретение лучше из турецких, нежели польских земель», но «желает окончить сие дело как можно скорее и утвердить его установлением союза с Ее императорским величеством и берлинским двором».

Характерно, что при этом не обошлось без очередного обмена колкостями между Орловым и Паниным. Орлов заявил, что «при нынешней венского двора перемене можно было бы одержать независимость Молдавского и Волошского княжеств». Панин на это «изъяснился, что, согласясь на отдачу оных, непристойно уже возобновлять прежнее о сей независимости требование»²⁵⁶.

8 (19) февраля 1772 года Иосифом II и Марией-Терезией был подписан акт, в котором, подтвердив «права и требования» России и Пруссии «на некоторые польские воеводства и области» и напомнив об «аналогичных» правах Австрии, они высказывались в пользу «совершенного равенства» приобретаемых территорий²⁵⁷. Для иллюстрации понимания Кауницем реального механизма первого раздела характерно то, что этот документ был направлен им сначала в Берлин и только после одобрения его Фридрихом II с тем же курьером переправлен в Петербург²⁵⁸.

В тот же день Кауниц проинформировал своего посла в Берлине Ван Свиттена о том, что конфиденциально обсуждавшееся им с Фридрихом и Д.М.Голицыным в начале января предложение Вены относительно части Силезии, захваченной Фридрихом в 1740 году, и графства Глац снимается. В целях поддержания политического баланса в отношениях со своим основным соперником – Пруссией, Австрия решила получить «компенсацию» за счет Польши, напомнив, впрочем, и о давних претензиях Вены на Сербию с Белградом и часть Боснии.

Фридрих, не ожидавший такого поворота в позиции Вены, был крайне раздосадован. «Чем больше я наблюдаю за поведением князя Кауница, тем больше убеждаюсь в его двуличии», – писал он 28 марта своему послу в Вене Эдельсгейму²⁵⁹. Прусский король не мог не понимать, что именно Кауниц сыграл решающую роль в изменении позиции Марии-Терезии, неоднократно заявлявшей о своем «отвращении» к планам раздела Польши. Впрочем, как в Берлине, так и в Петербурге было известно и о том, что сам Кауниц, как и Иосиф II, считали более выгодными для Австрии территориальные приобретения на юге, в западной части Балканского полуострова. Иосиф II, кроме того, имел виды на Молдавию и Валахию. Столь сложная расстановка сил в австрийском руководстве была чревата опасностью затягивания переговоров, что ни в коей мере не устраивало Берлин.

Это обстоятельство было в полной мере использовано австрийским канцлером, понимавшим, что чем дольше ему удастся затянуть время, тем более сговорчивыми станут его партнеры по разделу.

10 апреля были утверждены полномочия Н.И.Панину и А.М.Голицыну вступить в переговоры с Лобковичем о подготовке текста русско-австрийской конвенции²⁶⁰. К этому времени австрийский посол получил из Вены проект, в котором заявлялись претензии едва ли не на треть польской территории, включая Галицию и часть Волыни с городами Люблин, Хелмс и Владимир Волынский. Лобковичу и Ван Свиттену, которому был направлен аналогичный документ, были даны инструкции не соглашаться ни на какие уступки в отношении заявленных Австрией претензий.

В «конфиденциальном разговоре» с А.М.Голицыным, о котором посол сообщил в Петербург 27 марта (7 апреля) 1772 года, Кауниц главным условием участия Австрии в разделе потребовал, чтобы «обе договаривающиеся стороны пригласили его к тому формальным образом», причем Австрия должна была рассматриваться как «главная договаривающаяся сторона, положив в акт своего приступления все кондиции, в коих они согласились прежде» с Екатериной и Фридрихом²⁶¹.

Екатерина и Панин пытались умерить разыгравшиеся территориальные аппетиты Австрии. 13 (24) апреля Совет принял решение исключить Львов и соляные копи в Величке, дававшие треть дохода в казну Станислава Августа, из австрийской доли²⁶². 23 апреля (4 мая) Екатерина объявила в Совете «соизволение свое, чтобы с Венским двором постановлено было о Польше особливою между тремя дворами конвенциею, а не преступлением его к учиненной пред сим между Ее величеством и королем Прусским»²⁶³. Тем самым нейтрализовались маневры Австрии, стремившейся несмотря на свои непомерные территориальные аппетиты показать, что инициатива раздела принадлежала Пруссии и России.

Тем временем Вена ввела в конце апреля на территорию Польши из Венгрии 20-тысячную армию, сосредоточив на границах с Силезией еще 70 тысяч солдат²⁶⁴. Фридрих, крайне раздраженный таким оборотом событий, забил тревогу. Однако Панин не только воздержался от каких-либо протестов в связи с действиями Австрии, но и считал их полезными для пресечения деятельности барских конфедератов, имевших опорные пункты вблизи австрийской границы²⁶⁵.

Выступив на этом этапе в роли арбитра между Берлином и Веной, Панин сумел добиться выгодных для России подвижек в позиции Кауница, категорически отказывавшегося включить в текст конвенции обязательство Вены способствовать скорейшему окончанию Русско-турецкой войны на условиях, согласованных в январе 1772 года.

Твердо стоял Панин и за то, чтобы Польша и после раздела сохранила свою политическую независимость, став буфером между тремя державами – участницами раздела. В переданном им австрийцам в мае мемуаре, озаглавленном «*Observations fondées sur l'amitié et bonne foi*»²⁶⁶, он настаивал на том, чтобы оставить Польше «une force et une consistance intrinseque, analogues à une telle destination»²⁶⁷. Предложенный им комплексный подход к оценке равенства долей позволил доказать несоразмерность австрийских претензий на Краков и прусских – на Данциг и Торн.

В целом, однако, переговоры в тройственном формате шли вязко, все намеченные сроки срывались. Фридрих, проявлявший в связи с этим особую нервозность, сетовал впоследствии в своих мемуарах не только на происки Кауница, но и на «*lenteur et irrésolution des Russes*»²⁶⁸.

Впрочем, медлительность, которую проявляли в Петербурге, имела свои причины. Г.Г.Орлов и его сторонники открыто заявляли, что ни Пруссия, ни Австрия как державы, прямо не участвовавшие в Русско-турецкой войне, не имели права претендовать на какие-то территориальные компенсации. Это обстоятельство, как мы полагаем, сыграло определенную роль в том, что когда русско-прусские контакты по польским делам вступили в решающую фазу (сентябрь – конец ноября 1771 г.), Орлов оказался в Москве, где занимался умирением Чумного бунта.

Вернувшись в Петербург, он с новой силой принялся убеждать Екатерину в необходимости закончить войну прямым походом на турецкую столицу. «Желание Ее императорского величества решительно положить, полезна ли к получению мира намеряемая в сем году экспедиция на Константинополь»²⁶⁹, – заявил он в Совете 23 января 1772 года.

На следующий день Совет собрался специально для обсуждения предложения Орлова. З.Г.Чернышев прочел мнение, сводившееся к тому, что «предпринять посылку войска в Константинополь раньше

июня месяца нельзя». Панин прямо высказался против предложения Орлова, указав на большую вероятность того, что Австрия в ответ на это оккупирует Валахию и введет свои войска в Польшу²⁷⁰. Орлов тем не менее продолжал настаивать на необходимости нанести двойной – сухопутными и морскими силами – удар по турецкой столице, предлагая привлечь к этому и запорожских казаков.

В основе разногласий между Н.Паниным и Г.Г.Орловым относительно тактики и стратегии окончания войны лежало различное отношение к блестящим успехам русской армии в 1769 – 1771 годах. Орлов единственный из членов Совета считал, что почетный мир России может принести решающая военная победа над турками²⁷¹. Нет сомнения, что Екатерина сочувствовала, а, возможно, и поощряла амбиции Орлова. Во всяком случае, с осени 1770 года по ее приказанию на Дунае спешно строились транспортные суда для переброски части армии П.А.Румянцева в Варну для дальнейшего движения к Константинополю. По инициативе императрицы летом 1771 года в Приднестровье был командирован перешедший на русскую службу адмирал Ноулз, который, однако, пришел к заключению о несостоятельности планов морской экспедиции против турецкой столицы.

Панин, реалистичнее смотревший на положение России, финансовые затраты которой за три года войны составили около 25 миллионов рублей, был убежден в необходимости скорейшего заключения мира, считая, к тому же, что за стол переговоров было необходимо садиться на пике военных успехов.

Амбициозные замыслы Орлова разбились о суровую реальность. Фельдмаршал П.А.Румянцев, которому план Орлова был сообщен еще в декабре 1771 года, отнесся к нему скептически. «Для осуществления столь дерзкого проекта, – писал он Екатерине, – нужно по крайней мере удвоить дунайскую армию». И действительно, две попытки перейти Дунай, предпринятые Румянцевым в 1773 году, закончились неудачей.

Летом 1772 года, после того как Австрия отказалась от притязаний на Люблин, Хелмс и Владимир Волынский, все спорные вопросы были наконец согласованы²⁷². 25 июля в Петербурге состоялось подписание двух секретных конвенций: одной – между Россией и Пруссией, другой – между Россией и Австрией²⁷³. За основу был принят проект, составленный Кауницем, отличавшийся от русско-прусской конвенции от 4 (15) января как структурой, так и преамбулой, в которой акцент делался на опасения соседей Польши в связи с «совершенным распадением польского государства». Согласно статье 4 Австрия и Пруссия обязались содействовать заключению мира России с Турцией²⁷⁴.

К трем державам отошло около трети территории и 40 процентов населения Речи Посполитой. Самыми существенными были приоб-

речения Пруссии, решившей задачу исторической важности – воссоединение Восточной и Западной Пруссии. К Пруссии были присоединены епископство Вармия, воеводства Поморское (без Данцига), Мальборгское, Хелминское (без Торуня), часть Иноврацлавского, Гнезненского и Познаньского, всего 36 тысяч квадратных километров с населением 580 тысяч человек. Фридрих II, именовавшийся до раздела «королем в Пруссии», принял титул «короля Пруссии». Летом 1772 года он зондировал через Сольмса возможность наградить Панина прусским орденом Черного орла. Однако тот отказался под предлогом, что ранее уже не принял шведский орден Серафимов.

Наиболее населенными и промышленно развитыми оказались австрийские приобретения – Восточная Галиция с Львовом и Перемышлем, но без Кракова – 83 тысячи квадратных километров с населением 2 миллиона 650 тысяч человек.

К России отошли Восточная Белоруссия и часть Ливонии – 93 тысячи квадратных километров с населением 1 миллион 300 тысяч человек.

Державы – участницы раздела договорились одновременно предоставить польскому королю совместную декларацию с требованием созыва сейма для утверждения территориальных уступок и ввели свои войска в области, обусловленные Петербургской конвенцией.

3

2 сентября 1772 года в Варшаву прибыл новый русский посол Отто Магнус Штакельберг, сменивший Сальдерна. 8 сентября он вместе с прусским послом Бенуа официально известил Станислава Августа о состоявшемся 25 июля 1772 года соглашении между Россией, Пруссией и Австрией о разделе Польши.

Станислав Август обратился было за поддержкой в Париж и Лондон, но французы не могли, а англичане не хотели ввязываться в польские дела. На сообщение представителей трех держав, сделанное английскому представителю в октябре 1772 года, дан был следующий ответ: «Его величество король очень желает думать, что три двора основывали свои притязания на справедливости, хотя его величество не осведомлен об основаниях, на которых они действовали»²⁷⁵.

31 октября 1772 года Станислав Август направил Екатерине «грамоту», содержание которой показывает, что даже после официального объявления о разделе он отказывался верить в происходящее. Выражая надежду на то, что императрица «склонится паче чего к выслушанию короля, которого Ваша многомочная рука вела к престолу, на который он вступая, на Ваших обещаниях, Вашей непоколебимой дружбе утверждал безопасность знаменитейших особ и границ своего владения, короля, который собственною своею

кровью запечатлел наименование Вашего друга и который, лишившись ныне способов для пристойного сохранения достоинства да и живота своего по сие время сам себе верить не хочет, чтобы Вы могли и были причиною приведения его в бедность и претерпевание оной». В заключение Станислав Август в самых душераздирающих выражениях высказывает надежду: «Дай Бог мне после столь продолжительных терпений дожить до той отрады дабы со всем моим народом воскликнуть мог, прославляя Ваше величество своею избавительницей. Дай Бог, чтобы Ваша десница уподобилась богатырскому оружию, которое то, что ранило прикосновением своим, исцелить смогло»²⁷⁶.

Вместе с тем незадолго до этого, 14 октября, Штакельберг доносил из Варшавы, что «в то время как король делает по своему обыкновению заявления, порочащие Россию, он пытается убедить представителей шляхты, которых собрал из окрестностей Варшавы, в том, что императрица согласна поддержать конфедерацию против раздела»²⁷⁷.

Однако попытки Польши сопротивляться разделу были обречены на неудачу. Результатом их стало лишь появление новой русско-прусской декларации от 16 (30) января 1773 года, в которой говорилось, что если по истечении установленных сроков требования, предъявленные Польше, не будут исполнены, Россия, Австрия и Пруссия сами «прибегнут к средствам, которые они признают действительными и целесообразными для полного осуществления своих прав»²⁷⁸. 3 декабря 1772 года в Петербурге и 9 января 1773 года в Вене Екатерина II, Иосиф II и Мария-Терезия подписали акт об обязательствах соблюдать постановления конвенции 25 июля 1772 года²⁷⁹.

И все же Станислав Август не оставлял надежды на чудо. В письме Екатерине от 18 января 1773 года он писал: «Я говорю от имени тех несчастных остатков моей страны, которые должны носить отныне имя Польши. Ваша щедрость и чувство справедливости должны компенсировать Польше ее страдания. Стоит Вам лишь захотеть и Вы можете заставить Ваших союзников уважать Вашу волю, как только она будет высказана. Если они вовлекли Вас в то, чтобы причинить зло Польше, заставьте их в свою очередь сделать добро. Приобретите над ними столь ценное преимущество, которое должно импонировать Вашему благородству».

И далее: «Что же касается моих нынешних планов, то они таковы. Я повсюду искал помощи, но мне в ней было отказано. Со всей откровенностью и без страха должен признаться, что убежден в том, что мои ошибки (если они были столь серьезны) не делают мне чести в Ваших глазах и наверняка сказались на Вашем уважении ко мне. Разделяя общее отчаяние, я чувствую, как приближается момент, когда я и мой народ должны будем склониться перед нашей общей судьбой. Я это чувствую и вовсе не пытаюсь бравадировать этим.

Но прежде чем я склонюсь под ударами судьбы, не отвергайте меня, умоляю Вас, Ваше величество, не отказать мне в утешении, проинформировать меня собственноручно о том, что Вы хотите делать, какое вознаграждение предназначает нам Ваше чувство справедливости. И если всякая надежда спасти Польшу от раздела становится невозможной, соблаговолите согласиться с тем, что я имею право быть проинформированным о некоторых деталях, касающихся будущего Польши, которые, по крайней мере, могли бы хоть немного уменьшить наши несчастья»²⁸⁰.

Только это, второе обращение заставило Екатерину взяться за перо. 27 февраля 1773 года она направила Станиславу Августу ответное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Откровенность, с которой Ваше величество объяснились со мной, обязывает меня ответить Вам в том же духе. По своему характеру я не признаю другого языка и именно на нем я говорила каждый раз, когда должна была говорить Вам о Ваших интересах и об интересах Вашего народа. Я не буду напоминать здесь о прошлом, потому что это было бы столь же неприятно Вам, как и мне»²⁸¹. Обстоятельства изменились, и в настоящее время они таковы, что от меня одной, без моих союзников, невозможно принятие решения о тех или иных шагах, касающихся состояния Вашего королевства... Несмотря на все затруднения, которые поляки чинили моим планам, я вовсе не прекратила думать об их общем благе. В том, что касается Вас лично, Ваше величество, мои планы состоят в том, чтобы продолжать обеспечивать неприкосновенность Вашей короны и принадлежащего Вам государства. Что касается польской нации – полное умиротворение, свободное, лучше управляемое и более спокойное, более надежное правительство для нее и для ее соседей». В заключение Екатерина все же не удерживается от того, чтобы напомнить королю о том, что он сам привел свою страну в состояние «полной анархии», прислушиваясь к советам «интриганов», которые привели бы Польшу к «полному краху, если бы не вмешательство трех соседних держав»²⁸².

4

Так закончился последний акт трагедии первого раздела Польши. Логика участия в нем русской дипломатии не будет, однако, вполне ясна, если не сказать несколько слов о сложнейшем внутриполитическом контексте, в котором он происходил.

Подписание Петербургской конвенции по многозначительной случайности день в день совпало с открытием русско-турецкого мирного конгресса в Фокшанах. Узнав о том, что раздел состоялся, Орлов, вновь в решающий момент оказавшийся вне Петербурга, пришел в сильнейшую ярость и открыто заявил, что «составители раздельного договора заслуживают смертной казни».

Самое неприятное заключалось в том, что Орлов был не одинок. Члены Государственного совета, неоднократно обсуждавшие на своих заседаниях польский вопрос, вели себя с разумной осторожностью, объяснявшейся отчасти тем, что план раздела был тесно увязан с началом мирных переговоров с Турцией, в необходимости которых у большинства не было сомнений. Однако усиление Австрии и особенно Пруссии многим казалось слишком высокой ценой за полученные преимущества. Известно, как реагировал Сальдерн на сообщения Бенуа о предстоявшем разделе. Менее известно, однако, что и посол в Лондоне А.И.Мусин-Пушкин еще до раздела, в депеше от 6 (17) марта 1772 года, сообщал, что в английском министерстве «сумневаются, чтоб прусской Король при настоящих обстоятельствах не присвоил себе более, нежели справедливо ему принадлежать могло. Опасение сие иногда распространяется не токмо на всю Польскую Пруссию вместе с Гданьском, но и на раздробление Польши». Подобную позицию, по любым меркам, нельзя не оценить как проявление гражданского мужества, тем более что далее в той же депеше посол, уже от своего имени, говорит, что «большое Короля Прусского усиление могло бы знатно уменьшать российскую инфлюенцию в генеральных делах европейских»²⁸³.

Так же смотрели на раздел многие в Петербурге. Федор Голицын, племянник и воспитанник Ивана Шувалова, писал в своих «Записках»: «Россия, почти всегда господствовавшая в Польше, усилив соседей, себе выгоды ни малейшей не приобрела». Будущий преемник А.И.Мусина-Пушкина в Лондоне С.Р.Воронцов и вовсе называл раздел «актом величайшей несправедливости»²⁸⁴. Прямым следствием раздела Польши выглядел и неблагоприятный для России переворот, произошедший в августе 1772 года в Швеции. Осенью на русско-шведской границе возникла реальная опасность военного конфликта.

В довершение всего мирный конгресс в Фокшанах не оправдал надежд, которые связывали с ним в Петербурге. В провале переговоров Панин прямо обвинял Орлова, «бешенство и колобродство» которого, как писал он в эти дни, «испортили все дело». И действительно, тактику, избранную Орловым в Фокшанах, трудно признать удачной. Вопреки инструкциям, полученным от Панина и утвержденным Екатериной, он начал переговоры с самого трудного – требования признания Турцией независимости Крыма. Турки уперлись – и уже 1 сентября в Совете была прочитана депеша о разрыве Фокшанского конгресса.

Вызывающее поведение Орлова в Фокшанах предопределило его дальнейшую судьбу. Десятилетний союз Екатерины с Орловым был в немалой степени союзом политическим – он, с одной стороны, обеспечивал императрице поддержку армии, с другой – уравнивал амбиции так называемой «партии Панина», вес и влияние

которой в политической жизни России того времени были во многом связаны с ее особой близостью к наследнику престола великому князю Павлу Петровичу. Г.Г.Орлов был удален от двора. Место опального фаворита занял молодой кавалергардский корнет Васильчиков, близкий родственник А.Г.Разумовского. Прямого участия в государственных делах он не принимал, но сам факт удаления Орлова изменил политическую конъюнктуру при дворе в пользу Н.И.Панина и его сторонников.

Все эти перипетии приобретали особую остроту в связи с начавшимся с лета 1772 года упомянутым выше «кризисом совершеннолетия»²⁸⁵. Дело в том, что с достижением великим князем 18-летнего возраста (20 сентября 1772 г.) не только его сторонники, но и значительная часть просвещенного русского общества связывали надежды на то, что великий князь будет допущен к более деятельному участию в государственных делах. Особенно резко высказывался на эту тему Н.И.Панин, хотя ему более чем кому-либо другому должно было быть понятно, что раздел власти с сыном никогда не входил в планы Екатерины.

Создавшаяся ситуация, как мы уже отмечали, активно использовалась Фридрихом II для углубления доверительных отношений с Екатериной. Еще в июле 1772 года (накануне подписания Петербургских конвенций) Фридрих рекомендовал российской императрице вывести из Петербурга гвардию. Совет прусского короля был услышан. 27 июля Сольмс доносил в Берлин: «Меры предосторожности, предпринимаемые к гвардейцам, заключаются в том, что их почти не пополняют набором, так что в каждом из полков недостает одной трети против определенного положением. Затем тайно и без шума удаляют лиц, подозреваемых в стремлении к возмущению, переводя их в армейские полки. Наконец, во всех этих полках имеются майоры и несколько офицеров, доверенных немцев или финляндцев, зорко наблюдающих за поступками солдат, дабы иметь возможность погасить искру возмущения. Вследствие этого весьма трудно составить заговор без того, чтобы не дошло до сведения тех лиц, которые могли бы предупредить его»²⁸⁶.

Как и следовало ожидать, никаких серьезных изменений в статусе великого князя после 20 сентября не произошло. В этот день было отмечено лишь так называемое «немецкое совершеннолетие» Павла, после которого он вступил во владение своим голштинским наследством. Панин, почувствовавший себя свободней после удаления Орлова, начал еще более открыто высказывать недовольство ложным положением, в котором оказался его воспитанник. В разговорах с иностранными послами он прямо заявлял, что если такое положение продлится, то он вынужден будет вовсе удалиться от службы.

Почувствовав, что почва под ее ногами становится зыбкой, Екатерина приняла быстрые и решительные меры, чтобы исправить

опасный перекося в балансе придворных партий, возникший с удалением Орлова. 21 мая 1773 года²⁸⁷ неожиданно последовал высочайший указ о возвращении Орлова ко всем занимаемым им должностям «ввиду поправки здоровья». Это был сильный удар по «панинской партии».

А через три месяца, осенью 1773 года, наступила очередь Панина. 22 сентября в связи с предстоявшим браком великого князя, в устройстве которого, напомним, непосредственное участие принимали Фридрих II и принц Генрих, Панин был отставлен от должности обер-гофмейстера, воспитателя великого князя, которую исполнял с 1760 года. Он сохранил за собой пост первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел, но прежнего значения в государственных делах уже не имел²⁸⁸. В январе 1774 года Панин передал своим секретарям Д.И.Фонвизину, Я.Убри и П.Ф.Бакунину 4,5 тысячи душ, пожалованных ему Екатериной в присоединенных к России польских воеводствах Нашанском, Леснянском и Кнецинском²⁸⁹.

В эти, надо полагать, нелегкие для него дни Панин написал частное письмо послу в Варшаве О.Штакельбергу, которое как бы подводит итог «польскому эпизоду» в его карьере: «Обстоятельства, в которых мы находимся, слишком отвлекают все умы от польских дел, для того чтобы можно было их оценить, зрело взвесить и завершить их устройство с той точностью, которая не оставляла бы желать ничего иного. Полезные шаги, которые могут быть намечены, всегда ускользают от нашего взора, потому что польза приходит только после расходов, а любой сомнительный аванс плохо согласуется с нашим положением; к этому надо добавить известную Вам предубежденность против этих дел, которая вовсе не уменьшилась, как Вы могли бы думать, но возобновилась в своей изначальной активности. И все же нужно заканчивать. Мы нуждаемся в этом и, кроме того, не сможем остановиться, когда другие продолжают свой бег. Наилучший совет, который осторожность могла бы дать послу, попавшему в подобную ситуацию, состоит в том, чтобы побыстрее перейти к штуркуатурке здания, завершить его хотя бы внешне, оставив тем не менее двери открытыми, для того чтобы при более благоприятных обстоятельствах можно было бы и с той, и с другой стороны возобновить переговоры по тем важным пунктам, которые, возможно, не удастся в достаточной степени определить... Я чувствую, как трудно устроить это дело так, чтобы все остались довольными. Основная Ваша цель, однако, состоит в том, чтобы избавить Ваш двор от любого обязательства в отношении каких-либо особых затрат в настоящее время... Если все-таки Вы не будете иметь определенных инструкций по какому-нибудь пункту, договаривайтесь с Вашими коллегами, пусть они говорят первыми, следуйте их советам, а в Ваших депешах сюда показывайте, что вынуждены были принять самостоятельное решение только в силу необходимости покончить

с делами в соответствии с духом Ваших инструкций. В целом, однако, на этом заключительном этапе я хотел бы, чтобы оба Ваших коллеги шли впереди Вас или, в крайнем случае, вы все трое играли бы абсолютно равные роли. Подобные нюансы никогда не повредят депешам, которые Вы будете нам направлять. Заканчивайте быстрее, мой дорогой друг, я Вас умоляю»²⁹⁰.

5

В начале ноября 1772 года Штакельберг, Бенуа и Ревницкий потребовали от Станислава Августа созыва сейма, который признал бы раздел. В ответ король, протестуя, произносил красноречивые тирады, которые Штакельберг в донесениях в Петербург сравнивал с «лучшими страницами Плутарха»²⁹¹.

В декабре Штакельбергу было поручено добиться от Станислава Августа созыва до 1 февраля 1773 года сконфедерованного сейма, который должен был признать Петербургские конвенции и выработать план умиротворения Польши в течение двух месяцев, к концу марта 1773 года²⁹².

29 января (8 февраля) 1773 года король созвал Сенат (в его заседаниях вместо положенных 150 приняли участие всего 36 сенаторов), принявший решение созвать сейм 8 (19) апреля. Подробный «План действий трех послов» по созыву и проведению сейма, составленный в Коллегии иностранных дел и отредактированный Екатериной, был направлен Штакельбергу 24 февраля. Добиваться ожидавшихся от сейма целей послу предписывалось в тесной координации с представителями Пруссии и Австрии, употребляя «или военную силу, или увещание, или подкуп». Для подкупа депутатов Штакельберг должен был создать общую кассу, взнос в которую для каждой из стран – участниц раздела составлял 150 – 200 тысяч талеров²⁹³.

В отношении государственного устройства Польши инструкции Штакельбергу предусматривали сохранение *liberum veto*, «утверждение навсегда правления избирательного», причем иностранные претенденты на польский престол исключались. Главным принципом «внутреннего умиротворения» объявлялось создание системы власти, основанной на балансе прерогатив короля, Сената и шляхты²⁹⁴.

Сохранившийся в АВПРИ черновик «плана» с собственноручной правкой Екатерины позволяет с достаточной достоверностью реконструировать существо ее нового подхода к польским делам. Характерно, что, полностью сняв параграф 3 «Пунктов предварительных» (1-й части «плана»), в котором допускалось взаимодействие на сейме с «саксонской партией», Екатерина предписывала Штакельбергу сотрудничать преимущественно с королем, предва-

рительно «убедившись, что он вошел в виды трех дворов», не исключая при этом контакты с теми «национальными партиями» в Польше, которые «искренне хотят покончить с бедами своей страны»²⁹⁵. К параграфу 11 ею добавлено указание обратить особое внимание на выбор маршала сейма²⁹⁶.

В части «плана», озаглавленной «Определение состояния республики», Екатерина вычеркнула нотабене к параграфу 5, предусматривавшему совместные шаги трех послов в отношении «выбора и утверждения подданного, который мог бы быть предложен в качестве кандидата в случае, если польский престол окажется вакантным». При этом она сослалась на то, что не желает «новых ссор по этому поводу, от которых и без того уже устала»²⁹⁷.

Для правок, внесенных Екатериной в «план», характерно стремление если не расширить прерогативы королевской власти, которые должны были быть серьезно урезаны, то, во всяком случае, сделать положение Станислава Августа чуть более пристойным. В частности, она настояла на праве короля самому выбирать членов Постоянного совета, кандидатуры которых подлежали последующему утверждению Сенатом²⁹⁸. По тем же мотивам, очевидно, императрица сняла параграф, запрещавший королю приобретать земли в Польше и Литве²⁹⁹.

С другой стороны, зафиксировав жесткую схему организации государственной власти, Екатерина, судя по внесенным в «план» изменениям, попыталась оградить такую чувствительную сферу, как имущественные права шляхты, от излишней регламентации как «не затрагивающую непосредственно интересы трех дворов»³⁰⁰.

Но самое, пожалуй, примечательное состоит в том, что Екатерина перечеркнула крестом приложение к «плану», в котором предлагалось принять радикальные меры, вплоть до запрещения занимать государственные должности, в отношении магнатских родов Радзивиллов, Чарторыйских, Потоцких и Мнишеков, охарактеризованных в качестве основных «нарушителей общественного спокойствия» и «смутьянов»³⁰¹. Пояснение, оставленное в этой связи императрицей на полях, настолько примечательно, что приводим его полностью: «Я вычеркнула все это приложение (Appendice), потому что ненавижу любые преследования личного характера. Я нахожу их низкими, заслуживающими презрения и недостойными. Душу Екатерины Второй они ужасают, и она никогда не потерпит ничего подобного».

Этот пассаж, существенный сам по себе, интересен и тем, что его пафос (вряд ли искренний) обращен к Н.И.Панину, предложившему подвергнуть секвестру имения Радзивиллов, Потоцких, Чарторыйских и Мнишеков в письме Кауницу от 12 июня 1772 года³⁰². Трудно не связать подобный взрыв эмоций с раздражением, которое вызывала у Екатерины последовательная оппозиция Панина, озву-

чивавшимся в то время Г.Г.Орловым, планам похода на Константинополь.

Первое заседание сейма состоялось 8 апреля 1773 года. В нем участвовало 111 депутатов вместо обычных 600 – 700. Несмотря на то что выборы депутатов проходили под строгим контролем послов России, Австрии и Пруссии, А.Понинскому, избранному маршалом сейма, была устроена обструкция. Для восстановления порядка в середине мая в Варшаву были введены войска России, Австрии и Пруссии.

22 мая (2 июня) начала свою работу делегация, назначенная сеймом для переговоров с послами трех держав. Вопрос об уступке территорий, отходивших к России, был решен сравнительно легко, поскольку их границы соответствовали Петербургским соглашениям. Однако прусский и особенно австрийский послы предъявили требования, превышавшие их предусмотренные доли. Выяснилось, в частности, что речки Подгорицы, по которой в соответствии с прусской картой должна была проходить польско-австрийская граница, не существовало. Кауниц, выражавший недовольство, что Австрия приобретала лишь части польских воеводств, в то время как России и Пруссия – целые округа, настояла на перемещении новой границы на рубеж реки Сбруч. Воспользовавшись этим, прусский посол добился признания права Пруссии на оба берега пограничной реки Нейсе, а в целом прусской дипломатии удалось добиться включения в свою долю «лишних» 58 польских городов и деревень.

В итоге раздельный договор с Австрией был подписан только на 29-й встрече делегации с послами 10 (21) августа. На 37-й встрече 1 сентября после семичасовой дискуссии был подписан договор с Россией³⁰³ (в соответствии с ним к России отошел дополнительно город Минск), а через пять дней – 7 (18) сентября 1773 года – с Пруссией³⁰⁴.

30 сентября договоры о разделе были утверждены сеймом, а 8 ноября 1773 года Станислав Август ратифицировал их.

Тем не менее работа по пограничному разграничению продолжалась еще несколько лет. Окончательное разграничение российско-польской границы на ее северном, белорусском, участке было произведено в июле 1775 года; а на южном, украинском, – в 1781 году.

К территориальным приобретениям в Польше Австрия добавила в начале 1774 года Буковину, являвшуюся частью Молдавии. Расчет Кауница оказался верен: ни в Турции, ни в России, завершавших длительную и кровопролитную войну, этот шаг Австрии протестов не вызвал.

4 (15) апреля 1775 года в результате труднейших полуторагодовых переговоров был подписан новый русско-польский союзный трактат с сепаратными актами о коммерции и диссидентском вопросе, который вновь, как и в 1768 году, стал основным камнем пре-

ткновения. «У меня нет ни малейшего луча надежды успеха в том, чтобы диссиденты получили право быть сеймовыми депутатами, и я осмеливаюсь сказать наперед, что этот пункт невозможен», – писал Штакельберг Панину накануне возобновления работы польского сейма. «В настоящих обстоятельствах всего лучше для нас и для делегации затушить это дело, которое может только снова поднять фанатизм в народе, уже причинивший столько смут», – отвечал Панин³⁰⁵. В результате зафиксированная в российско-польском Акте свобода вероисповедания для некаатоликов сопровождалась серьезными уступками России в диссидентском вопросе: диссиденты были исключены из Сената, не могли занимать министерские должности, количество их делегатов на сеймах ограничивалось тремя представителями.

Однако эти уступки компенсировались, хотя и не в полной мере, тем, что русско-польскими документами 1775 года Россия была объявлена единственным гарантом фундаментальных польских законов и государственного устройства. Это обстоятельство приобрело впоследствии важное, если не решающее значение для дальнейшего развития событий вокруг Польши и внутри нее.

¹ История дипломатии. Т.I. М., 1959. С.262 – 263.

² Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России до 1800 г. Ч.II. М., 1796.

³ Поршнев Б.Ф. Франция, английская революция, европейская политика в середине XVII века. М., 1970. С.320 – 327.

⁴ Rembault A. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westfallie jusqu'à Révolution française, v.Russie, livre premier. Paris, 1890. P.X.

⁵ Rembault A. Op. cit. P.XVIII.

⁶ История дипломатии. Т.I. С.296.

⁷ Цит. по: Санин Г.А. Внешняя политика России во второй половине XVII века // История внешней политики России, конец XV – XVII век. М., 1999. С.322.

⁸ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т.VI. СПб., 1843. С.617.

⁹ Сборник РИО. Т.58. С.185.

¹⁰ Шульце-Вессель М. А.И.Остерман и его политика в отношении Польши в историческом освещении // Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999. С.16 – 17.

¹¹ Lord R. Op. cit. P.21.

¹² Сковронек Е. Удары с трех сторон: разделы Польши как составная часть европейской истории // Родина. 1994. № 12. С.36.

¹³ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984. С.306.

¹⁴ Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши. С.49.

¹⁵ Носов Б.В. Представления о Польше в правящих кругах России в 60-е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С.73.

¹⁶ Туполев Б.М. Указ. соч. С.52 – 53.

- ¹⁷ Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725 – 1739 гг. М., 1976. С.258.
- ¹⁸ Пруссия в этот период выступала в качестве союзницы Франции в силу оборонительного союза, заключенного в 1741 г. на 15 лет. Она участвовала и во франко-прусско-шведском союзном договоре, подписанном в 1747 г. на десять лет.
- ¹⁹ Архив князя Воронцова. Кн.2. СПб., 1872. С.21 – 23.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Д.315. Л.580 – 582.
- ²¹ В 1750 г. к нему присоединилась Великобритания. – См.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов. Т.I. СПб., 1874. С.178 – 183.
- ²² Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т.IX. СПб., 1892. С.134 – 172.
- ²³ Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000. С.25.
- ²⁴ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т.IX. СПб., 1892. С.191 – 197.
- ²⁵ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С.98.
- ²⁶ История дипломатии. Т.I. М., 1959. С.333.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Англией». Оп.35/1. Д.776. Л.29.
- ²⁸ Сборник РИО. Т.136. СПб., 1912. С.33.
- ²⁹ Kaplan H. Russia and Outbreak of the Seven Years War. Los-Angeles, 1968. P.6.
- ³⁰ Чечулин Н.Д. Императрица Екатерина II Алексеевна // Государи из дома Романовых. 1613 – 1913. М., 1913. С.23.
- ³¹ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С.24.
- ³² Чечулин Н.Д. Указ. соч. С.24 – 25.
- ³³ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения». Оп.5/1. Д.593. Л.13 – 13об.
- ³⁴ Всеподданнейшие мнения вице-канцлера князя Голицына на данные от Вашего Императорского Величества собственноручные пункты. – Там же. Л.14 – 20.
- ³⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.XIII. М., 1965. С.156 – 159.
- ³⁶ «Мир с королем прусским не может быть сочтен полезным, но не останется почти способа переделать его» – М.И.Воронцов // Там же. С.159.
- ³⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С.152.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.2/6. Д.846. Л.6об., 7об.
- ³⁹ Сборник Российского исторического общества (далее – сборник РИО). Т.51. СПб., 1886. С.124.
- ⁴⁰ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С.42.
- ⁴¹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве МИД. Т.I. СПб., 1871. С.99.
- ⁴² Интересно, что сравнение опубликованного текста этого письма (сборник РИО, т.20, СПб., 1877, с.154) с черновым вариантом, написанным самой Екатериной (АВПРИ, ф. «Сношения России с Польшей», оп.79/6, д.1847, л.46 – 47об.), показывает, что фраза о стремлении помочь «Германии вообще» – позднейшая вставка, осуществленная, по имеющимся признакам, после обсуждения проекта письма с Н.И.Паниным.
- ⁴³ Протоколы конференции посла в Варшаве Гросса с польским и литовским министерством, держанные с 3 июля по 3 декабря 1754 г. АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Оп.80/1. Д.607. Л.121 – 166.

- ⁴⁴ Всеподданнейшее мнение Коллегии иностранных дел от 3 февраля 1762 г. АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.2/6. Д.822. Л.30 – 31.
- ⁴⁵ Там же. Л.31об.
- ⁴⁶ Там же. Л.32.
- ⁴⁷ Там же. Л.33 – 35.
- ⁴⁸ Там же. Л.37 – 43об.
- ⁴⁹ Сборник РИО. Т.48. СПб., 1885. С.159. В инструкции Екатерины Кейзерлингу от 8 августа 1762 г. (п. 8) по диссидентскому вопросу были даны самые общие указания. АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.789. Л.4.
- ⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.728 «Рукописные материалы библиотеки Зимнего дворца». Оп.1. Ч.1. Д.130; «Mémoires du roi de Pologne Stanislas Auguste». Т.III. С.72. Здесь и далее письма Екатерины Понятовскому цитируются по восьмитомной подлинной рукописи мемуаров Понятовского, хранящейся в ГАРФ. В ее академическом издании, осуществленном в России в 1914 и 1924 гг., есть отдельные неточности.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/1. Д.16. Л.1 – 3, копия, фр.яз.
- ⁵² Архив князя Воронцова. Т.25. М., 1882. С.273.
- ⁵³ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Д.137. – Подлинные письма Екатерины и Вильямса находятся в РГАДА. Ф.5. Оп.1. Д.79. Ч.1 и 2.
- ⁵⁴ «На жаловании у прусского короля». – ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Д.137. С.124об.
- ⁵⁵ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т.1. Берлин, 1900. С.348.
- ⁵⁶ Отвечая на несохранившееся письмо Екатерины от 16 октября 1756 г., Вильямс, говоривший о великой княгине в третьем лице, писал: «Необходимо, прежде всего, чтобы присяга была принесена совместно ей и ее супругу всеми министрами или тем из них, которого она решит приблизить к себе. В любом случае никто не должен быть допущен к ее руке до того, как он принес присягу. Сразу же после принесения присяги необходимо появиться на народе вместе с великим князем, а если великий князь Павел будет чувствовать себя хорошо, следует взять его хоть ненадолго на руки. Лицу необходимо придать такое выражение, которое бы не позволило ни о чем догадаться. Оно должно выражать только твердость и хладнокровие... Если бы было найдено заведение, не во всем согласное с ее видами, его следует уничтожить. В любом случае следует добиться признания того, чтобы к наследованию престола были допущены только потомки Петра Великого. В этом случае, если известный человек будет так добр, чтобы своевременно скончаться, все пройдет, как по нотам». ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Д.137. С.235об. – 237.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Д.137. С.237.
- ⁵⁸ «Il s'était acquis autant de l'amitié intime de ma famille, que de l'estime et la bienveillance générale» – «Он приобрел интимную дружбу со стороны моей семьи, а также всеобщее уважение и расположение». «Les mémoires du roi Stanislas Auguste». ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.130. С.83.
- ⁵⁹ Zamoyski A. The Last King of Poland. London, 1992. P.62. – Автор ссылается на копию этого письма в Архиве Чарторыйских в Кракове, но она, по-видимому, неточна, так как в тексте опущено упоминание о прусском

короле. Приведенная цитата дается по оригиналу, опубликованному С.М.Горяиновым // Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарлза Г. Уильямса. М., 1909.

⁶⁰ Сборник РИО. Т.18. СПб., 1876. С.270.

⁶¹ Там же. С.280. Денежа Мерси Д'Аржанто Кауницу от 25 апр. 1762 г.

⁶² Шебальский П. Политическая система Петра III. М., 1870. С.165.

⁶³ «Его королевское величество Прусское сим секретным артикулом торжественнейше обязуется и обещается Его императорскому величеству Всероссийскому, в случае (преставления – зачеркнуто. – П.С.) кончины Его величества владеющего ныне Короля Польского, всеми силами ревностно стараться (и действительно вспомоществовать, чтоб избрана была – дописано на полях. – П.С.) в короли Польские такая особа, которая Его императорскому величеству Всероссийскому угодна будет, и о которой при настоянии того случая Его королевскому величеству Прусскому знать дано быть имеет». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/1. 1762. Д.9. Л.44 – 45.

⁶⁴ «Его императорское величество Всероссийское и Его королевское величество Прусское сим секретным артикулом согласились в случае кончины его величества владеющего ныне короля Польского обще и сходственно с вольным избранием республики способствовать, чтоб избран был в короли Польские особливо кто-либо из Пястов, которой интересу самой нации, также и всем соседним дворам приличественнее и никому не предосудителен будет, и о котором при настоянии того случая обоим их величества между собой в дружеской откровенности согласиться соизволят». – Там же. Л.100 – 101.

⁶⁵ Kaplan H. The First Partition of Poland. New York – London, 1962. P.6.

⁶⁶ В сущности, Екатерина лишь подтвердила назначение Кейзерлинга в Варшаву, состоявшееся еще в царствование Петра III. Интересно, что в марте 1761 г. обсуждался и вопрос о его направлении в Берлин. «Выбору Кейзерлинга представителем к моему двору я могу только аплодировать», – писал прусский король Петру III 10 марта 1762 г. – Politische Korrespondenz Friedrich's Des Grossen. V.21. Berlin, 1894. № 13527. P.289.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.789. Л.1 – 15об.; опубл. в Сборнике РИО. Т.48. СПб., 1863. С.59 – 66.

⁶⁸ Приводим ее с сохранением орфографии и пунктуации оригинала: «Господин граф Кайзерлинг, я знаю что ревность ваша камне и государство не требует поощрение Инструксие я во всем что до маих интерес касается совершенно полагаюсь на способность вашей, я же увидела, что в изготовленной для вас от Коллегии иностранных дел Инструкции главной пункт позабыт которой по моему мнению состоит в трактата 1717 г., где Россия гарантирует волность полского дворянства все сие принудило мне к вам писать прилагая при сем для вашей известия вышеупомянутое Инструксие, впрочем я желаю как вам уже известно чтоб после смерти Нынешнего Короля выбрен был Пяст к нам склонной. Екатерина». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.789. Л.47.

⁶⁹ Существенно и то, что в 1762 – 1764 гг. Кейзерлинг был единственным послом, с которым Екатерина переписывалась «партикулярно», помимо КИД. В Российском государственном архиве древних актов (далее –

- РГАДА) сохранилось около 30 собственноручных писем Екатерины Кейзерлингу за этот период. – РГАДА. Ф.5. Д.104.
- ⁷⁰ Politische Korrespondenz Friedrich's des Grossen (далее – PC). Т.XV. № 1496. Berlin, 1887. P.211.
- ⁷¹ «Вы помните, как я Вам рекомендовал завоевать для меня стольника Понятовского? Он никогда не найдет во мне неблагодарного человека». – Там же. № 13922. С.82.
- ⁷² В депеше Гольцу от 17 сентября 1762 г. Фридрих просил его передать Кейзерлингу, что земли, которыми тот владел в оккупированной прусскими войсками Саксонии, не будут облагаться контрибуцией. Ранее Фридрих удовлетворил просьбу Кейзерлинга об увольнении из прусской армии двух его племянников. – Там же, № 14108.
- ⁷³ Там же. №14334. P.418 – 419.
- ⁷⁴ Екатерина, по-видимому, также знала Ф.-А.Корфа. В письме Кейзерлингу (без даты) она писала: «Любопытно знать, тот ли это Корф, который хромает и который устроил столько интриг здесь?». – РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.1.
- ⁷⁵ PC. № 14335. P.419 – 420.
- ⁷⁶ Там же. № 14422, 14431. P.503 – 504, 510.
- ⁷⁷ Там же. № 14432. P.511.
- ⁷⁸ Там же. №14443. P.520.
- ⁷⁹ Сборник РИО. Т.20. СПб., 1877. С.159 – 160.
- ⁸⁰ PC. № 14485. P.547.
- ⁸¹ Kaplan H. Op. cit. P.15 – 16.
- ⁸² Сборник РИО. Т.48. С.182.
- ⁸³ Там же. С.177.
- ⁸⁴ Kaplan H. Op. cit. P.18 – 19. В «партикулярной» переписке Екатерины с Кейзерлингом есть свидетельства о том, что императрице было известно о контактах Понятовского с Энненом, за деятельностью которого в Варшаве посол следил очень внимательно. – РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.59 – 60об.
- ⁸⁵ В рукописных «Мемуарах» Понятовского приводятся два письма Остена из Петербурга от августа 1763 г. Характерен следующий отрывок из письма Остена от 15 августа 1763 г.: «Императрица одна здесь предана Вашим интересам. Ее министры совсем Вас не любят. Старый Бестужев, кредит которого возрастает... предан интересам саксонского дома. Воронцов, если бы он пользовался доверием, много бы Вам вредил. Чернышевы ненавидят Польшу и поляков, они не любят ни Вас, ни Ваших родственников. Орлов, может быть, единственный, кто меньше всего желает Вам зла, он никогда не стеснит императрицу в ее видах относительно Вас». – ГАРФ. Ф.728 «Mémoires de roi Stanislas Auguste». Оп.1. Д.130. Т.III. Л.321 – 321об.
- ⁸⁶ Польские законы допускали создание конфедерации – объединений шляхты, во время существования которых фактически приостанавливалось действие принципа *liberum veto* на сеймах, – в трех случаях: а) на период междучарствия; б) для поддержки правящего короля в вопросах национальной важности; в) в качестве оппозиции правящему королю.
- ⁸⁷ Kaplan H. Op. cit. P.14.
- ⁸⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.241. Л.1 (подлинник, фр.яз.).

- ⁸⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.240. Л.1 – 1об. (подлинник, фр.яз.).
- ⁹⁰ РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.53 – 54об.
- ⁹¹ Kaplan Н. Ор. cit. P.22.
- ⁹² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.800. Л.54.
- ⁹³ Н.Д.Чечулин датирует этот рескрипт 8 февраля 1763 г., в то время как на его отпуске, сохранившемся в АВПРИ, стоит помета «Возвращен от Ее императорского величества с апробацией 5 февраля 1763 г.». 8 февраля помечен только архивный отпуск рескрипта, причем в том месте текста, где назывались имена русских кандидатов на польский престол, сохранен пропуск. Вписанные рукой Екатерины имена кандидатов хранились в приложенном к отпуску запечатанном конверте, на котором стоит служебная помета «Секретнейший рескрипт графу Кейзерлингу, который никому не распечатывать».
- ⁹⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.800. Л.58 – 58об.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.7.
- ⁹⁶ РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.27 – 28.
- ⁹⁷ Il fit de remontrances vigoureuses à l'empératrice contre ce qu'elle méditait en Pologne (Он неистово возражал против того, что императрица замышляла сделать в Польше). – Mémoires du roi Stanislas Auguste. Т.III. – ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.130. Т.III. С.238.
- ⁹⁸ После того как это назначение не состоялось, Екатерина продолжала проявлять особое внимание к Кейзерлингу. «Прошу Вас продолжать давать мне Ваши советы издалика, как Вы это делали, находясь вблизи», – писала императрица в собственноручной записке Кейзерлингу от декабря 1763 г., причем зашифровать ее было поручено не Коллегии иностранных дел, а секретарю императрицы И.П.Елагину. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1847. Л.48 – 48об.
- ⁹⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.804. Л.17 – 20об. – То же самое подтверждается и в «партикулярном» шифрованном письме Екатерины Кейзерлингу, помеченном тем же числом. В нем также есть приписка: «Помешайте, ради Бога, Вашим большим господам приехать повидаться со мной в Ригу, поскольку это было бы для меня затруднительно». – РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.88.
- ¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.273. Л.1. – Письмо С.Понятовского Г.Кейзерлингу о продвижении отряда генерала Хомутова к Петрокову в связи с предстоящим открытием Трибунала.
- ¹⁰¹ Сборник РИО. Т.20. С.163 – 164.
- ¹⁰² Там же. С.165.
- ¹⁰³ РС. № 14719. Р.114.
- ¹⁰⁴ Есть основания полагать, что помимо официальной существовала и неофициальная переписка между Фридрихом II и Екатериной II. Английские дипломаты в Петербурге считали, что она шла через специальные курьеров, посылавшихся через Курляндию. Имеются и многочисленные другие свидетельства, указывающие на это, в частности, информируя участников совещания, состоявшегося 6 октября 1763 г. в связи со смертью Августа III, Екатерина сама заявила, что из частной переписки с прусским королем ей известно, что он поддерживает кандидатуру С.Понятовского.

- ¹⁰⁵ Сборник РИО. Т.51. СПб., 1886. С.6.
- ¹⁰⁶ «Слабейшее мнение графа Алексея Бестужева-Рюмина по случаю приметившейся ныне кончины короля Польского». – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1742 – 1799. Оп.5/1. Д.593. Л.90об. – 91.
- ¹⁰⁷ Сборник РИО. Т.51. СПб., 1886. С.8.
- ¹⁰⁸ Там же. С.101 – 102.
- ¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1763 г. Д.877. Л.151об. – 152. – Беранже не называет имя этого «русского вельможи», но можно предположить, что речь шла о З.Г.Чернышеве, подавшем в конце 1763 г. по невыясненным причинам в отставку с поста вице-президента Военной коллегии и вернувшимся на службу только в октябре следующего, 1764 г.
- ¹¹⁰ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.2/6. Д.241. Л.1. – В тот же день вице-канцлер А.М.Голицын известил о состоявшемся назначении аккредитованных в Петербурге послов. – Там же. Д.87. Л.138об.
- ¹¹¹ РС. № 14719. Р.179.
- ¹¹² Ibid. № 14720. Р.16.
- ¹¹³ РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.23 – 23об.
- ¹¹⁴ Там же. Л.17.
- ¹¹⁵ РС. № 14804. Р.167.
- ¹¹⁶ РС. № 14805. Р.168.
- ¹¹⁷ Рекомендую Репнина Кейзерлингу в «партикулярном» письме от 11 ноября, Екатерина подчеркнула, что он пользовался ее «полным доверием», добавив: «Он расскажет Вам о моих делах с прусским королем и полным понимании, установившемся между нами посредством частной переписки». – РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.9.
- ¹¹⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.79/6. Д.149. Л.2 – 17об.
- ¹¹⁹ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С.228.
- ¹²⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.274. Л.1 – 1об. (письмо С.Понятовского Екатерине II с благодарностью за покровительство и о предстоящем избрании польского короля, подлинник, фр.яз.).
- ¹²¹ Полный текст трактата с секретными артикулами см.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. VI. № 218. СПб., 1883. С.11 – 25; Текст секретной конвенции – там же, № 219, с.25 – 33; АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.325 (Русско-прусский союзный договор); д.326 (Секретная конвенция по вопросу об избрании польского короля).
- ¹²² Исчерпывающий анализ этих документов дан, в частности, Б.М.Туполевым. – Туполев Б.М. Указ. соч. С.73 – 74.
- ¹²³ 29 марта 1764 г. вице-канцлер А.М.Голицын сообщил послам, что по причине «насильств» и беспорядков в Польше в Петербурге решено «ввести часть войск своих в земли республики для защиты благонамеренных патриотов» и «охранения тишины». Из присутствовавших представителей (Англии, Пруссии, Голландии, Швеции и Саксонии) только австрийский посол Лобкович пытался протестовать, заявив, что никаких беспорядков в Польше не происходит. – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела (конференциальные записки)». Оп.2/6. Д.879. Л.37.
- ¹²⁴ В «партикулярном» письме от 6 января 1763 г. Екатерина отмечает, что Кейзерлинг «весьма ловко выбрал момент для того, чтобы информировать примаса об имени нашего кандидата». – РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.103.

- ¹²⁵ В «Записке о причинах вмешательства России в польские дела» ввод войск мотивируется действиями «злонамеренной фракции» («партии Браницкого»), пытавшейся сорвать конвокационный сейм. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1852.
- ¹²⁶ Kaplan Н. Ор. cit. P.41 – 42.
- ¹²⁷ Н.В.Репнин вспоминал в 1767 г.: «Я с оскорбительным признанием должен донести, что все здешнего двора замашки происходят от попустительства нашего на созывательном сейме и что новость моя в делах в то время хотя малой частью тому причиною, ибо, высоко уважая тогда проницательность и знание покойного графа Кейзерлинга, я совершенно полагался на них и предавался его воле; а он, как теперь, к сожалению, видно, обманут был двоедушием наших друзей и дворечивыми конституциями того сейма». – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965.
- ¹²⁸ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Ч.1. Д.130 (Mémoires du roi Stanislas Auguste). Т.III. С.328 – 330.
- ¹²⁹ От лат. *Pacta Conventa* – условия, на которых избирались польские короли.
- ¹³⁰ Kaplan Н. Ор. cit. P.44.
- ¹³¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.24. Л.1 – 2.
- ¹³² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.818. Л.32 – 33 (Верительная грамота Н.В.Репнина, копия).
- ¹³³ В письме Екатерине от 15 (26) ноября 1764 г. Станислав-Август предлагал даже пойти дальше трактата 1686 г., подписав «новый трактат, в котором был бы определен способ умиротворять пограничные споры». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.24. Л.1об.
- ¹³⁴ Имелось в виду, что утверждение принципа *liberum rumpo* лишит шляхту возможности срывать сеймы, оставив ей право сохранить принцип единогласия для принятия отдельных пунктов повестки дня.
- ¹³⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.842. Л.7 – 11об.
- ¹³⁶ Туполев Б.М. Указ. соч. С.75.
- ¹³⁷ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.333 (Декларация о правах диссидентов в Польше); опубл. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций... Т.VI. СПб., 1883. С.33 – 37. См. также: АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.841. Л.1 – 5 (Письма Екатерины II в Варшаву гр.Кейзерлингу и кн.Репнину о необходимости решения вопроса о положении диссидентов (копии)).
- ¹³⁸ Сложный контекст политики Екатерины II в «диссидентском деле» обстоятельно, с широким привлечением архивных материалов, исследован в статье: Носов Б.В. Русская политика в диссидентском вопросе в Польше 1762 – 1766 гг. // Польша и Европа в XVIII веке. С.20 – 101.
- ¹³⁹ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Д.315. Л.87 – 126.
- ¹⁴⁰ Зародышем всех последующих проблем (фр.) – *Œuvres posthumes de Frédéric II, roi Prusse. Mémoires (далее – Œuvres posthumes...)*. Amsterdam, 1789. P.23.
- ¹⁴¹ В постскрипуме депеши Сольмсу от 27 декабря 1763 г. Фридрих, сетуя на то, что не может найти предлога для оправдания ввода своих войск в Польшу, напоминает, что польские диссиденты обратились к нему с просьбой защитить их на время междуцарствия. В связи с этим он по-

ручает послу поинтересоваться у Панина, «не заинтересуется ли императрица диссидентским делом и в этом аспекте». – РС. № 14882. Р.230. См. также депешу Финкенштейна Сольмсу от 22 июня 1764 г. – Сборник РИО. Т.22. С.256 – 257.

- ¹⁴² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. 1764 г. Д.573. Л.41 – 41об. (Текст мемуара приводится по экземпляру, переданному Сольмсом Панину).
- ¹⁴³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.866 – Депеши полномочного министра в Варшаве кн.Репнина Н.И.Панину об устройстве прусским королем таможи в Мариенверде и посредничестве России в разрешении конфликта. Л.39 – 44, 60 – 62об., 68 – 69.
- ¹⁴⁴ Сборник РИО. Т.22. С.385.
- ¹⁴⁵ Сборник РИО. Т.67. 1889 г. С.17.
- ¹⁴⁶ В «партикулярном» письме Кейзерлингу из Москвы от 26 октября 1762 г. Екатерина писала: «Епископ Георгий из Белоруссии передал мне мольбы и жалобы от имени всех, кто подвергается преследованиям в Польше. Я рекомендую Вам самым усиленным образом защищать их и напишите, что Вы думаете об этом и как можно было бы возможно обозначить мое повышенное внимание к этому вопросу». – РГАДА. Ф.5. Д.104. Л.53.
- ¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.916. Л.80 – 132; Д.927. Л.12 – 27.
- ¹⁴⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.877. Л.23 – 24об.
- ¹⁴⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.877. Л.1 – 46.
- ¹⁵⁰ Русский биографический словарь. СПб., 1913 (Т.Рейтерн – Рольцберг). С.96.
- ¹⁵¹ Kaplan Н. Ор. cit. Р.46, 52.
- ¹⁵² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.877. Л.47 – 57 (проект). Л.58 – 67 (копия).
- ¹⁵³ Kaplan Н. Ор. cit. Р.62.
- ¹⁵⁴ Письмо С.Р.Воронцова Н.И.Панину от 14 (25) сентября 1766 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Голландией». Оп.50/6. Д.97. Л.71 – 75. – Опубли. З.Зелинской в «Miscellanea Historica-Archivistica». Т.ХI. Warszawa, 2000. Р.336 – 344.
- ¹⁵⁵ Архив князя Воронцова. Т.5. Москва, 1872. С.46 – 47.
- ¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.877. Л.69 – 76 (Рескрипты Н.И.Панина в Варшаву Репнину о формировании конфедерации); Л.77 – 84об. (О «разрыве Генеральной конфедерации и всего сейма, дабы племянник и дядя осязательно видеть могли, что мы не даемся лукавству их в обман...»).
- ¹⁵⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.917. Л.25 – 27 («Ответ, держанной у престола ея императорского величества вице-канцлером и чрезвычайным конфедерованной Польской республики посланником в 18 день сентября 1767го года»); Л.28 – 38 (Рескрипт в Варшаву к послу кн.Репнину от 21 сентября 1767 г.); Л.22 – 52 (Рескрипт в Варшаву к послу кн.Репнину от 15 октября 1767 г. – одобрение действий кн.Репнина и сообщение о работе комиссии). См. также: Д.409 (Письмо польского примаса Г.Подоского Екатерине II с благодарностью по поводу разрешения диссидентского вопроса 22 декабря 1767 г.); Д.413

- (Письма Киевского воеводы гр.Потоцкого Екатерине II о своей преданности от 28 августа – 16 октября 1767 г.); Д.417 (Письма К.Радзивилла Екатерине II с благодарностью за избрание его маршалом Генеральной конфедерации 23 июня – 16 ноября 1767 г.); Д.432 (Письмо членов диссидентской конфедерации в Случке Екатерине II об отправлении делегации в Петербург от 24 апреля 1767 г.).
- ¹⁵⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1390 (Промемория польского резидента в Петербурге Псарского об освобождении арестованных кн.Репниным депутатов сейма (фр.яз), 26 марта 1768 г.); Д.1392 (Нота польскому резиденту в Петербурге Псарскому с отказом в освобождении польских депутатов и сенаторов, находящихся в ссылке. – Апрель 1768 г.).
- ¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.917. Л.84 – 124 (Письмо гр.Панина в Варшаву к послу кн.Репнину от 29 ноября 1767 г.).
- ¹⁶⁰ Сборник РИО. Т.67. С.568; АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.922. Л.16 – 22 (Реляция кн.Репнина от 23 февраля 1768 г.).
- ¹⁶¹ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.276 (Договор о вечной дружбе и гарантиях. 9 статей, 2 отдельных акта: 1 – о свободе греческого вероисповедания для проживающих в Польше и Литве; 2 – об основных правах Речи Посполитой Польской. Опубл.: Полное собрание законов Российской империи. № 13071).
- ¹⁶² Сборник РИО. Т.87. СПб., 1893. С.122.
- ¹⁶³ Сборник РИО. Т.37. С.125.
- ¹⁶⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.161 (Проект русской декларации с призывом к совместной работе с целью «водворения порядка в Польше» от 11 ноября 1768 г.).
- ¹⁶⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.81 (Отзывная грамота Екатерины II польскому королю об отзыве Репнина. 1 апреля 1769 г.).
- ¹⁶⁶ Kaplan H. Op. cit. P.108.
- ¹⁶⁷ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С.269.
- ¹⁶⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.951. Л.9 – 10, отпуск (Рескрипт Екатерины II от 30 июля 1769 г.).
- ¹⁶⁹ Архив Государственного совета. Царствование императрицы Екатерины II. Ч.1. СПб. С.11.
- ¹⁷⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.960. Л.1 – 42об. (копия).
- ¹⁷¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.960. Л.19об. – 20 (Инструкция М.Н.Волконскому, подписанная Екатериной II (копия)).
- ¹⁷² АВПРИ, ф. «Сношения России с Польшей», оп.79/6, д.963, л.79–80об. (подлинник).
- ¹⁷³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.964. Л.71 – 73 (шифр, подлинник). (Депеша полномочного министра в Варшаве Волконского Н.И.Панину от 29 июня (10 июля) 1769 г.); Л.74 – 81 (План конфедерации) (фр.яз., копия).
- ¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.970. Л.100 – 109 (отпуск). (Письмо Н.И.Панина послу кн.Волконскому от 4 декабря 1769 г.).
- ¹⁷⁵ Сборник РИО. Т.20. С.252 – 253.

- ¹⁷⁶ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.338. – Опубл.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т.VI. С.51 – 64.
- ¹⁷⁷ РС. R.29. Berlin, 1903. № 18299. Р.4 – 7.
- ¹⁷⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. С.426.
- ¹⁷⁹ Соловьев С.М. Указ. соч. С.427.
- ¹⁸⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.997 (Записка-проект Сальдерна Екатерине II о способах успокоения и водворения порядка в Польше, фр.яз., 14 февраля 1771 г.); см. также: Д.1860 (1771 г.) (Записка-мемуар Сальдерна о мероприятиях в целях предупреждения волнений в Польше, фр.яз.).
- ¹⁸¹ АГС. Столб.75.
- ¹⁸² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.996. Л.14 – 29 (фр.яз., отпуск).
- ¹⁸³ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С.318.
- ¹⁸⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.998. Л.8 – 13 (Реляция Сальдерна Екатерине II с приложением копии расписки Станислава-Августа).
- ¹⁸⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. С.506.
- ¹⁸⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.998. Л.36.
- ¹⁸⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С.512.
- ¹⁸⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1002. Л.50 – 63.
- ¹⁸⁹ Там же. Вполне очевидно, что при этом Сальдерн имел в виду и свою родную Голштинию.
- ¹⁹⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1011. Л.63 – 65об.
- ¹⁹¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1011. Л.42 – 44.
- ¹⁹² Соловьев С.М. Указ. соч. С.574.
- ¹⁹³ Сборник РИО. Т.22. С.188 – 189.
- ¹⁹⁴ Там же. Т.22. С.194.
- ¹⁹⁵ В фонде «Конференциальные записки» (АВПРИ. Ф.2 «Внутренние коллежские дела». Оп.2/6. С.875 – 908) за весь период руководства Н.И.Панина Коллегией иностранных дел сохранилась лишь одна записка о совещании, состоявшемся у него с аккредитованными в Петербурге послами, от 19 апреля 1764 г. За период с 1763 по 1780 гг. имеются лишь протоколы бесед вице-канцлера А.М.Голицына с иностранными дипломатами в 1764 – 1767 гг. Составление протоколов возобновляется только после назначения вице-канцлером в 1782 г. аккуратного И.А.Остермана. Аналогичная лакуна – в фонде «Секретные мнения КИД», где имеются лишь три записки Панина императрице за период до 1774 г. Написаны они рукой самого Панина, крайне неразборчиво, можно сказать, небрежно, что, на наш взгляд, свидетельствует о фрондировании, которое он позволял себе в этот период в отношениях с Екатериной. Примером может служить приписка Панина на полях адресованного ему письма Н.В.Репнина из Варшавы, в котором тот сообщал о соперничестве между братом С.Понятовского Казимиром и А.Чарторыйским за пост гетмана коронного, который мог освободиться после смерти Браницкого: «Я в этом письме кроме полезного ничего не нахожу и потому ожидаю токмо высочайшего соизволения, оставляя воле вашего величества вести дело гетманское для королевского брата или же Адама Чарторыйского».

«Луче первого а другой в запас», – написала в ответ Екатерина (Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. 1765 г. Д.866. Л.72об. – 73).

Стиль общения Панина с Екатериной меняется с конца 1773 г., когда в его доклады, переписанные по форме, возвращается полное титулование и дистанция, не всегда присутствовавшая в его общении с императрицей в предыдущие годы.

¹⁹⁶ Сборник РИО. Т.37. С. 49 – 50.

¹⁹⁷ Сборник РИО. Т.37. С.62.

¹⁹⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.V. М., 1937. С.15.

¹⁹⁹ Деша Рогутона герцогу Рошфору от 19 августа 1769 г. – Kaplan Н. Op. cit. P.117.

²⁰⁰ Деша Волконского Панину от 13 октября 1769 г. – Ibid. P.121.

²⁰¹ Œuvres posthumes... P.32.

²⁰² Граф Рохус-Фридрих Линар, однофамилец известного саксонского дипломата Морица-Карла Линара, фаворита правительницы Анны Леопольдовны.

²⁰³ Сборник РИО. Т.37. С.205.

²⁰⁴ Сборник РИО. Т.37. С.209.

²⁰⁵ Сборник РИО. Т.37. С.215 – 218. Интересно отметить, что Т.Шидер приводит ответ Панина Сольмсу в несколько другой редакции. Он якобы инициировал обсуждение вопроса о разделе Османской империи, причем «Константинополь с окрестностями» должен был отойти к России. – Schieder Th. Frederic the Great. London – New York, 2000. P.161.

²⁰⁶ В этой связи напрашивается аналогия между «планом Линара» и действиями отца Фридриха II Фридриха-Вильгельма I, предложившего в 1721 г. Петру I план раздела Польши между Пруссией, Австрией и Россией, приписав его банкирам Леману и Матеру, связанным с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II. – Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Россия и Германия. М., 2000. С.49.

²⁰⁷ Деша Линара, сохранившаяся в саксонских архивах, цит. по: Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.I. С.377.

²⁰⁸ Не углубляясь в детали этого непростого вопроса, приведем в этой связи лишь следующую выдержку из известного письма Екатерины Фридриху II, написанного 21 июля 1744 г., сразу после ее свадьбы с Петром III в Москве: «Я вполне чувствую участие Вашего величества в новом положении, которое я только что заняла, чтобы забыть должное за то благодарение Вашему величеству; примите же его здесь, государь, и будьте уверены, что я сочту славным для себя убедить Вас при подходящем случае в своей признательности и преданности». – Сборник РИО. Т.20. С.149 – 150.

²⁰⁹ Дипломатическая переписка российского посла в Гааге Д.А.Голицына с Екатериной по этому вопросу опубликована в т.47 Сборника РИО.

²¹⁰ Исламов Т.М. Заговор против Польши. О роли прусско-русско-австрийского альянса 1772 – 1773 гг. в разделе польского государства // Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999. С.134 – 136. Подобная позиция представляется более приемлемой в сравнении с традиционными взглядами, скажем, с точкой зрения такого авторитетного польского историка, как И.Лелевель, считавшего, что в ходе свиданий в Нейсе и Нойштадте между Фридрихом II и Иосифом II был в деталях согласован план будущего

раздела Польши. – Lelevel I. *Histoire de Pologne*. V.I. Paris, 1844. P.64 (сноска № 26). В то же время при оценке степени австро-прусского взаимопонимания по польским делам, достигнутого в Нойштадте, нельзя не учитывать состоявшихся еще в мае контактов австрийского посланника в Берлине Нугента с Фридрихом II, в ходе которых австрийский дипломат прямо увязывал содействие Берлина в решении судьбы Дунайских княжеств, занятых русскими войсками, и Трансильвании с возможностью приобретения Фридрихом II Польской Пруссии. – Депеша Нугента Кауницу от 25 мая 1770 г. – Kaplan H. *Op. cit.* P.125. – Существенно и то, что решение о расширении территории, занятой в округе Ципс (включая соляные копи в Величке), было принято Австрией 19 июля 1770 г., за месяц до переговоров в Нойштадте.

²¹¹ Указ.соч. С.128. Аналогичной точки зрения придерживался В.О.Ключевский, отмечавший, что в результате разделов «польский вопрос стал частью турецкого». – Ключевский В.О. Указ. соч. С.41.

²¹² В черновых собственноручных письмах Екатерины к принцу Генриху за 1770 – 1782 гг., хранящихся в РГАДА, сохранились многочисленные свидетельства о том, что Екатерина весьма откровенно обсуждала ситуацию совершеннолетия Павла с Генрихом, другом своей юности. В частности, в одном из писем (все они не датированы) она пишет: «A présent nous avons à le préserver de l'abus des conseils de Solomon» (Сейчас мы должны подумать о том, как предохранить его от дурной привычки слушать советы Соломона). Ясно, что под именем библейского царя имеется в виду Н.И.Панин, воспитатель великого князя. – РГАДА. Ф.4 («Переписка лиц императорской фамилии и других высочайших особ»). Д.134. С.5.

²¹³ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.XIV «История России с древнейших времен». М., 1994. С.396.

²¹⁴ Rulhère S. *Histoire de l'anarchie de Pologne*. Paris, 1807; Ferrand L. *Histoire de trois démembrements de la Pologne*. Vol.1 – 3. Paris, 1820.

²¹⁵ Ferrand L. *Op. cit.* P.131.

²¹⁶ «Ваше королевское высочество имели слишком прямое отношение к тому великому делу, которое только что свершилось между мной и Вашим братом королем, это отчасти и плод Ваших усилий (ouvrage)», – писала Екатерина принцу Генриху осенью 1772 г. – РГАДА. Ф.4. Д.134. С.8.

²¹⁷ Немецкий историк Г.Бертольд-Фольц, исследовавший материалы архива Пруссии, обращает внимание на отсутствие в инструкциях Фридриха принцу Генриху указаний относительно постановки в Петербурге вопроса о разделе Польши, делая из этого вывод о том, что речь идет о самостоятельных шагах принца. Хорошо известна и переписка Генриха с королем накануне поездки, в которой тот фактически отвергал возможность территориальных приобретений в Польше, ссылаясь на свой возраст и опасение, что это вызовет «всеобщую войну» в Европе. Вместе с тем, представляется, что, даже учитывая непростые отношения между королем и его братом, существовавшие в этот период, Генрих вряд ли стал бы проявлять инициативу в польском вопросе, не будучи совершенно уверен в положительной реакции на это со стороны Фридриха. – См.: Хартман С. Фридрих Великий и Барская конфедерация (1768 – 1772 гг.) //

- Zeitschrift für Ostmitteleuropa Forschung. Marburg. № 44/2. S.184, цит. стр. Volz G.B. Prinz Heinrich und die Vorgeschichte der Ersten Teilung Polens // Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte. Bd.35 (1923). S.193 – 211.
- ²¹⁸ Kaplan H. Op. cit. P.133.
- ²¹⁹ РС. V.30. Berlin, 1905. № 19426. P.247 – 248.
- ²²⁰ Там же. № 19453. P.271.
- ²²¹ Там же. № 19635. P.417.
- ²²² Ферран Л. Указ.соч. С.144 – 145.
- ²²³ Сборник РИО. Т.37. С.343 – 344.
- ²²⁴ Œuvres posthumes... P.54.
- ²²⁵ В письме Фридриху от 19 января 1771 г. русская императрица, сообщая в конфиденциальном порядке свои условия мира с Турцией, добавляет в контексте своей оценки переговоров с Генрихом: «Я не пренебрегу ничем ради успеха Ваших интересов». – Сборник РИО. Т.XX. С.297 – 304.
- ²²⁶ Сборник РИО. Т.37. С.402 – 406.
- ²²⁷ Сборник РИО. Т.37. С.479.
- ²²⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.976. Л.1об. – 2. (Краткое изложение способа, которым раздел Польши был предложен Венскому двору Берлинским.)
- ²²⁹ Уже 21 февраля 1771 г. в Совете было «читано» письмо Фридриха Ека-терине, в котором сообщалось, что «Венский двор собирает в Трансиль-вании войска единственно, чтобы обратить их противу наших, на Дунае находящихся». – АГС. Столб.75. Вплоть до осени 1771 г. подобные со-общения поступали из Берлина регулярно. – См., в частности, заседание Совета от 27 июня. – АГС. Столб.90 – 91; РГИА. Там же. Л.85 – 86; 6 октября – АГС. Столб.112 – 114; РГИА. Там же. Л.140.
- ²³⁰ АГС. Столб.105.
- ²³¹ Архив Государственного совета. Т.1. Ч.1. С.83 – 84.
- ²³² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.596. Л.68 – 68об.
- ²³³ Сборник РИО. Т.97. С.41.
- ²³⁴ Сборник РИО. Т.67. С.335 – 337.
- ²³⁵ РС. V.31. № 19969. P.191 – 194.
- ²³⁶ Kaplan H. Op. cit. P.149 – 150.
- ²³⁷ АГС. Столб.115.
- ²³⁸ Там же. Столб.99 – 100; РГИА. Ф.1146. Оп.1. Д.2. Л.104 – 106об.
- ²³⁹ Сборник РИО. Т.97. С.412 – 414.
- ²⁴⁰ АГС. Столб.112; РГИА. Там же. Л.140.
- ²⁴¹ Ферран Л. Указ. соч. С.266.
- ²⁴² Там же. С.160.
- ²⁴³ Кстати говоря, родившийся в этом городе.
- ²⁴⁴ Лопатин В.С. Екатерина II и Г.П.Потемкин. Личная переписка.
- ²⁴⁵ Kaplan H. Op. cit. P.71.
- ²⁴⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Данцигом». Оп.31/3. Д.25. Л.14.
- ²⁴⁷ Там же. Д.62. Л.89 – 92.
- ²⁴⁸ АГС. Столб.134 – 135.
- ²⁴⁹ Kaplan H. Op. cit. P.158.
- ²⁵⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». 1771 г. Оп.32/6. Д.520. Л.20 – 28.

- ²⁵¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.530. Л.10.
- ²⁵² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». 1771 г. Оп.32/6. Д.520. Л.34об., 37об.
- ²⁵³ Там же. Л.10об.
- ²⁵⁴ Там же. Л.13об. – 14.
- ²⁵⁵ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.466а. Д.343, 344.
- ²⁵⁶ АГС. Столб.145 – 146. О дискуссиях в правящей верхушке Австрии в связи с присоединением к разделу см.: Каплан Г. Указ.соч. С.159 – 165.
- ²⁵⁷ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.466а. Д.53; Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.II. СПб, 1874.
- ²⁵⁸ Подробности русско-австрийских контактов по первому разделу и мирным переговорам с Турцией изложены в депешах Д.М.Голицына за февраль – июнь 1772 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.531.
- ²⁵⁹ Kaplan H. Op. cit. P.167.
- ²⁶⁰ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.466а. Д.60.
- ²⁶¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1278. Л.1 – 4. – Это дело представляет собой конволют документов, на внутренней обложке которого надпись: «Дар Княгини М.А.Мещерской, рожд. Графини Паниной».
- ²⁶² АГС. Столб.165.
- ²⁶³ Там же. Столб.168.
- ²⁶⁴ Kaplan H. Op. cit. P.170.
- ²⁶⁵ «Мнение графа Панина о вступлении австрийских войск в Польшу». – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.593. Л.130 – 133об.
- ²⁶⁶ «Мнение, основанное на дружбе и доверии» (фр.). – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.973. Л.22 – 30.
- ²⁶⁷ Силу и внутреннюю структуру, соответствующие подобному предназначению.
- ²⁶⁸ Медлительность и нерешительность русских. – Œuvres posthumes... P.64.
- ²⁶⁹ АГС. Столб.141.
- ²⁷⁰ Там же. Столб.142 – 143; РГИА. Там же. Л.207 – 210.
- ²⁷¹ Показательно в этом смысле письмо Фридриха принцу Генриху от 31 декабря 1771 г., в котором он, говоря о «великих проектах» Орлова, связанных с переходом Дуная и операциями в Архипелаге, писал: «Я считаю его очень плохим русским, поскольку было бы, несомненно, гораздо мудрее заканчивать подобные войны, когда это возможно». – РС. V.30. № 19557. P.350.
- ²⁷² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1378. Л.5 – 12об. – «Перевод письма кн. Кауница к кн. Лобковичу из Вены от 5 июля 1772 г. по н.шт.».
- ²⁷³ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.466а. Д.349. Л.61.
- ²⁷⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1278. Л.13 – 17. («Откровенная декларация министерства Ее императорского величества князю Лобковичу».)
- ²⁷⁵ Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmsbury. London, 1844. Vol.I. P.91.

- ²⁷⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.92. Л.11 – 15. (Русский перевод грамоты Станислава-Августа Екатерине II от 31 октября 1772 г.)
- ²⁷⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1024. Л.75 – 77об. (Шифрованная депеша О.Штакельберга Н.И.Панину от 14 октября 1772 г.)
- ²⁷⁸ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.466а. Д.351.
- ²⁷⁹ Там же. Оп.466а. Д.64.
- ²⁸⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.93. Л.5 – 6. – Текст этого письма короля, приводимый С.М.Соловьевым, существенно расходится с оригиналом, находящимся в АВПРИ. – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.ХV. М., 1966. С.31 – 32.
- ²⁸¹ Эта фраза из письма Екатерины также опущена у Соловьева. – Там же. С.32.
- ²⁸² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.94. Л.1 – 4.
- ²⁸³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Англией». Оп.35/1. Д.247. Л.58 – 58об. (шифр).
- ²⁸⁴ Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. Т.III. С.IX.
- ²⁸⁵ В обширной исторической литературе, существующей на эту тему, следует выделить исследование английского историка Дэвида Рансела «Политика в екатерининской России. Партия Панина». – David L. Ransel. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. London, 1975. P.227 – 262.
- ²⁸⁶ Сборник РИО. Т.72. С.211.
- ²⁸⁷ То есть через месяц после того, как конфедерационный сейм в Варшаве признал раздел.
- ²⁸⁸ Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну, был заключен 10 июля 1774 г. фельдмаршалом П.А.Румянцевым, армия которого нанесла решающие поражения туркам весной – летом 1774 г. Подписал его Н.В.Репнин.
- ²⁸⁹ РГАДА. Ф.1261. Оп.13. Д.294. Л.1 – 1об. – В частном письме А.Ф.Ассебургу от 4 февраля 1774 г. Сольмс писал, что этот жест Панин сделал «не для того, чтобы компенсировать усердие и услуги своих секретарей, их преданность, и не для того, чтобы обогатить их, – а по другим причинам». – Denkwürdigkeiten des Freiherrn A.F. von der Asseburg. Berlin, 1849. P.413.
- ²⁹⁰ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Оп.80/1. Д.1272. Л.134 – 135.
- ²⁹¹ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб, 1896. С.445.
- ²⁹² Madriaga I. de. La Russie au temps de la Grande Catherine. Paris, 1987. P.255.
- ²⁹³ Соловьев С.М. Указ. соч. Т.XV. С.33.
- ²⁹⁴ Там же. С.33 – 34. Необходимо отметить, что в письме Лобковичу от 24 июля 1772 г. Кауниц предлагал, чтобы «либерум вето удержано было при одном только объявлении войны и постановлении новых Союзов». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.974. Л.57.
- ²⁹⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.297. Л.2.
- ²⁹⁶ Там же. Л.5.

²⁹⁷ Там же. Л.7.

²⁹⁸ Там же. Л.9.

²⁹⁹ Там же. Л.10 – 10об.

³⁰⁰ Там же. Л.13об.

³⁰¹ Там же. Л.16 – 16об.

³⁰² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.973. Л.36об. – 37.

³⁰³ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.466а. Д.278 (Договор о присоединении к России городов Минска, Витебска, Полоцка и других земель от 7 сентября 1773 г.).

³⁰⁴ Zamoyski A. The Last King of Poland. London, 1998. P.212.

³⁰⁵ Соловьев С.М. Указ.соч. Т.XV. С.49 – 50.

Глава третья

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1793 год) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

I

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКО- АВСТРИЙСКОГО СОЮЗА 1781 ГОДА. ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

1

«После первого раздела история дала Польше пятнадцать лет отдыха, мира», – констатировал С.М.Соловьев¹. Согласно Петербургским конвенциям 1772 года три державы, принявшие в нем участие, – Россия, Австрия и Пруссия – предоставили Польше формальные гарантии нерушимости ее границ. Кроме того, Россия в 1775 году гарантировала и ее государственно-политическое устройство. В Польше сохранялась избирательная форма правления при том понимании, что королем мог быть избран только природный поляк (Пяст). Законодательная власть оставалась у сейма, исполнительная – у учрежденного в 1775 году Постоянного совета, состоявшего из короля, 18 сенаторов и 18 сеймовых послов. Внутри Постоянного совета функционировали пять комиссий, выполнявших основные государственные функции, – от внешней политики до образования.

В соответствии с русско-польским договором 1775 года Россия сохраняла преимущественное влияние в Польше. В течение шестнадцати лет (1772 – 1788 гг.) российский посол в Варшаве О.М.Штакельберг пользовался влиянием, временами превосходившим власть короля. Вместе с тем формы деятельности российской дипломатии в Польше претерпели существенные изменения. Значительно более гибкая позиция была занята в вопросе защиты гражданских прав диссидентов. Некаатолики не могли быть представлены ни в Сенате, ни в Постоянном совете; на местные сеймы они могли посылать не более трех послов. К 1780 году из Польши были выведены русские войска. В решении вопросов, связанных с обеспечением российских интересов, Штакельберг, как правило, действовал через короля, не пытаясь играть на противоречиях, сохранявшихся между ним и внутренней оппозицией, во главе которой стояли гетман коронный

Франтишек-Ксаверий Браницкий и князь Адам Казимир Чарторыйский, племянник лидеров могущественного клана Чарторыйских Августа и Михаила.

Штакельберг активно поддерживал деятельность Постоянного совета, пользуясь в этом помощью и покровительством Н.И.Панина, а после его кончины в 1783 году – А.А.Безбородко, кабинет-секретаря императрицы, с 1786 года – члена Совета и докладчика по внешнеполитическим делам. Браницкий, главный оппонент короля и Постоянного совета, ориентировался на Г.А.Потемкина, с которым его связывали родственные узы.

Историки по-разному оценивают итоги и глубину реформ, осуществленных в Польше в период 1775 – 1787 годов. Прогресс в таких областях, как финансы, очевиден. К 1778 году доходы государства удвоились по сравнению с 1764 годом. Численность армии поддерживалась на уровне 18 тысяч человек. Развитие внутренней торговли способствовало росту городов, в частности, население Варшавы возросло за десять лет более чем втрое, достигнув к 1788 году 100 тысяч жителей. В то же время во внешнеторговой сфере под воздействием жесткой таможенной политики со стороны Пруссии и Австрии развивались неоднозначные тенденции.

С.М.Соловьев, подводя противоречивые итоги польских реформ периода между первым и вторым разделами, констатировал их поверхностность. Однако вряд ли можно согласиться с выводом, который он из этого сделал: «Пораженное неизлечимой болезнью общественное тело способно было только к судорожному предсмертному движению»². Скорее, напротив – благодаря прежде всего серьезным успехам в сфере образования важнейшим результатом реформ стал рост национального самосознания, по существу предопределивший характер дальнейшего развития событий в Польше. Комиссия Постоянного совета по вопросам образования (Эдукационная комиссия) после ликвидации папой Климентом XIV в 1773 году Ордена иезуитов и конфискации многочисленных школ и коллегий, учреждений им в Польше, создала к концу 80-х годов на их основе национальную систему образования, признанную позже одной из лучших в Европе. Следствием этого стало широкое распространение в стране идей новейшей французской философии в сочетании, однако, с религиозной нетерпимостью, что в целом обусловило противоречивый характер польского национализма³.

Качественно новые аспекты общественно-политической ситуации в Польше, обозначившиеся накануне второй Русско-турецкой войны 1787 – 1791 годов, открыто проявились при ее начале. Если король Станислав Август при всех особенностях его характера и политической позиции достаточно реалистически смотрел на перспективы реализации назревших реформ, связывая их в первую очередь с наращиванием взаимодействия с Россией, то радикальная

часть оппозиции, вскоре расколовшаяся, расценила поляризацию сил в Европе в связи с началом Русско-турецкой войны как благоприятную для ослабления зависимости Польши от России.

Подобное развитие ситуации в Польше явилось совершенно неожиданным как для Екатерины II, так и для ее посла в Варшаве. В Архиве МИД России сохранился любопытный документ, озаглавленный «Историческое сочинение об отношениях России с Польшей от 1686 до 1791 года». Составленный накануне «революции 3 мая», он, конечно, не может претендовать на объективность. Однако даже простое перечисление мер, предпринятых в Петербурге и в Варшаве в период с 1775 по 1788 год, показывает, что, стремясь в эти годы утвердить свой «мягкий протекторат» над Польшей, Екатерина пыталась, опираясь на короля и близкие к нему магнатские круги, придать отношениям с Польшей стабильный и предсказуемый характер. Среди этих мер – помимо Акта 27 февраля 1775 года, содержавшего важные уступки в диссидентском вопросе, – распространение на поляков льготного таможенного режима, которым пользовались русские купцы в Рижском порту, продажа соли в пограничных с Россией областях Польши по внутрироссийским ценам, разрешение уроженцам так называемых «новоприобретенных областей» и «двойным подданным» пользоваться доходами со своих имений, проживая за границей. В силу гарантии территориальной целостности Польши в соответствии с союзным договором 1775 года Россия участвовала в демаркации новых границ Польши с Пруссией. После присоединения Крыма в 1785 году польским коммерсантам были предоставлены существенные преимущества в транзитной торговле через Херсон (в порядке компенсации высоких пошлин, установленных Пруссией в устье Вислы), 22 февраля 1785 года при посредничестве России была заключена таможенная конвенция между Пруссией и Данцигом, ограждавшая права его жителей, в том числе и поляков⁴.

В целом можно констатировать, хотя и с понятными оговорками, что до начала Русско-турецкой войны 1787 – 1791 годов планы Екатерины в отношении Польши сводились к поддержанию там статус-кво, отвечавшего ближайшим интересам России. Присоединение Правобережной Украины, оставшейся во владении Польши после первого раздела, вопреки спекуляциям европейских дипломатов⁵, не являлось для императрицы делом первоочередной важности. Характерно в этой связи, что Г.А.Потемкин, рассчитывая на то, что Польша станет союзником России и Австрии против Османской империи, даже допускал территориальные компенсации в ее пользу за счет Молдавии и Валахии (разумеется, при условии сохранения Польши в орбите российского влияния).

Вместе с тем введенные в научный оборот в последние годы документы российских архивов, в том числе личная переписка Екатерины II с Г.А.Потемкиным в 1769 – 1791 годах⁶ и «проекты»

Потемкина по польским делам 1787 – 1791 годов⁷, вносят, на наш взгляд, значительно большую ясность в вопрос о реальном вкладе Светлейшего князя в формирование политики России по отношению к Польше. А вклад этот был весьма значителен.

Президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал, член Государственного совета, шеф легкой и регулярной конницы, имевший в своем подчинении все казачьи войска, Потемкин, сосредоточив в своих руках к 1784 году, после присоединения Крыма, управление южными губерниями России, простиравшимися от устья Волги до Днепра, фактически выполнял роль наместника императрицы на юге России и вследствие этого обладал значительной самостоятельностью при принятии тактических решений по польским делам. Стратегия же внешней политики России определялась самой императрицей в условиях сложной, постоянно менявшейся расстановки сил и непрекращавшейся борьбы политических группировок в ее окружении. Потемкин, остававшийся в течение более чем 15 лет (с середины 70-х годов до начала 90-х) наиболее влиятельным и близким по духу Екатерине лицом в ее окружении, неизбежно превращался в этой ситуации в своеобразный «громоотвод», принимавший на себя нацеленный на императрицу критический потенциал сначала «партии Панина», затем проавстрийской группировки А.Р.Воронцова и П.В.Завадовского (так называемого «социетета»).

Сам Потемкин, как отмечает О.И.Елисеева, считал, что «постоянным принципом русской политики в Центральной Европе должно быть поддержание равновесия сил между двумя германскими государствами и создание препятствий для усиления одного из них»⁸. В разработанной им и нашедшей поддержку у Екатерины «новой восточной политике» Польше отводилась роль естественного и активного союзника России в ее стремлении закрепиться на берегах Черного моря.

Необходимость урегулирования множества практических вопросов, возникавших в отношениях жителей Новороссии с пограничными польскими областями, обусловила активные контакты Потемкина с целым рядом польских деятелей, принадлежавших преимущественно к оппозиции. Его тесные связи с Браницким, Ржевуским, С.-Щ.Потоцким, Валевским и другими дали основания говорить о наличии так называемой «потемкинской партии» в Польше, с помощью которой он якобы пытался реализовать собственные амбициозные планы. Распространению в придворных кругах Петербурга и в дипкорпусе подобных слухов способствовало и то, что со второй половины 70-х годов он начал активно скупать польские земли, в основном на Правобережной Украине⁹. Уже в 1775 году Потемкин получил так называемый «индигинат» (причисление к шляхте) в Речи Посполитой, а через десять лет, по данным польских историков, владел не менее чем 70 тысячами душ в Польше (для срав-

нения – в России у Потемкина было 6 тысяч крепостных крестьян). Эти данные скорее всего преуменьшены, поскольку в одном поместье Смила, купленном Потемкиным, числилось 112 тысяч мужских душ. И тем не менее, всего этого, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы поддержать укоренившееся среди части польских и европейских историков мнение о намерениях Потемкина сделаться при благоприятном стечении обстоятельств королем Польши.

Опубликованное О.И.Елисеевой письмо Потемкина Безбородко, написанное на волне достигших Петербурга в августе 1790 года слухов о том, что Потемкин собирается свергнуть короля и сам претендует на польский престол, ставит, как представляется, окончательную точку в этой истории. «Неужели я в подозрении и у вас? – недоумевает Потемкин. – Простительно слабому королю думать, что я хочу его места. По мне – черт тамо будь. И как не грех, если думают, что в других могу быть интересах, кроме государственных»¹⁰.

Вместе с тем, и осенью 1779 года¹¹, и позднее, в конце 80-х годов, после того как польское правительство запретило русским войскам использовать пограничную крепость Каменец-Подольский в военных действиях против турок, он неоднократно высказывался в пользу нового раздела, рассматривая его как средство нейтрализации противодействия Пруссии и Австрии политике России на черноморско-балканском направлении. В этом контексте, на наш взгляд, вполне можно допустить, что, приобретая обширные земли на Правобережной Украине, он исходил из убежденности в том, что их присоединение к Российской империи фактически предопределено. Это, кстати, во многом объясняет и мотивы его настойчивого лоббирования в пользу возобновления союзных отношений с Пруссией и достижения договоренности с Берлином по польским делам, которое являлось одним из лейтмотивов его переписки с Екатериной II до 1791 года.

Политика Пруссии в отношении Польши формировалась с конца 70-х годов под возрастающим влиянием первого министра прусского правительства Э.Ф.Герцберга. Уже в 1778 году он сформулировал свой, ставший знаменитым впоследствии план, имевший целью, как он открыто заявлял, «исправить ошибки», допущенные Фридрихом II во время первого раздела Польши. План этот в его первоначальной редакции состоял в передаче Австрии, в обмен на возврат Польше Галиции, части Баварии. Благодарная республика должна была за это отдать Пруссии Данциг, Торн и некоторые районы Великой Польши¹².

После смерти Фридриха II в 1786 году и перехода прусского трона к его племяннику Фридриху-Вильгельму II Герцберг счел ситуацию благоприятной для развития и уточнения своего плана. Его новая редакция включала следующие идеи: 1) Порта должна была уступить Австрии Валахию и Молдавию, а России – Бессарабию и

Очаков (при условии отказа России от Крыма); в обмен на это Пруссия и ее союзники были готовы гарантировать Турции ее владения к югу от Дуная; 2) Австрия возвращала Галицию Польше; 3) в знак признательности Польше надлежало передать Пруссии Данциг, Торн и палатинаты Познань и Калиш¹³.

Вместе с тем устойчивый комплекс неприятия Екатериной прусской политики, открыто проявившийся после смерти Фридриха II в 1786 году, был связан не только с ее глубокой личной антипатией к Фридриху-Вильгельму II, которого она не без основания подозревала в тайных сношениях с ее сыном князем Павлом Петровичем, но имел более глубокие корни. Трудно не согласиться с С.М.Соловьевым, связывавшим русско-прусский антагонизм конца 80-х – начала 90-х годов с политикой Фридриха в эпоху первого раздела, сделавшей Екатерину «орудием для достижения чужих целей, целей государя, которого она считала своим верным союзником. Видеть, как этот верный союзник не только заставил ее служить своим интересам, но и прямо шел против ее интересов в вопросе о Молдавии и Валахии», было «оскорбительно для самолюбия Екатерины». В итоге «союз между Россией и Пруссией, по-видимому, скреплявшийся окончательно польскими отношениями, в сущности, был подорван»¹⁴.

Внесения существенных корректив во внешнеполитический курс России требовала и ситуация второй половины 70-х годов, характеризовавшаяся непрекращавшимися попытками Османской империи подвергнуть ревизии ряд положений Кючук-Кайнарджийского договора, в первую очередь касающихся независимости Крыма. Обеспечение свободы торгового мореплавания на Черном море, включая предусмотренный Кючук-Кайнарджийским договором проход торговых судов через проливы Босфор и Дарданеллы, выдвинулось на главное место среди задач русской внешней политики. Это предопределило и смену союза с Пруссией, существовавшего в первую половину царствования Екатерины II, тесными стратегическими отношениями с Австрией на базе совместной заинтересованности в разрешении восточного вопроса.

2

Решающая роль, которую сыграла российская дипломатия в ходе Тешенского конгресса (1779 г.), прекратившего «картофельную войну» между Австрией и Пруссией, создала предпосылки для первого личного свидания Иосифа II с Екатериной II в Могилеве весной 1780 года. Процесс русско-австрийского сближения, стимулировавшийся интенсивной перепиской двух монархов, означал замену панинского «северного аккорда» новой «венской системой». Смена внешнеполитической ориентации сопровождалась ослаблением

позиций Н.И.Панина и возрастанием влияния Г.А.Потемкина и А.А.Безбородко.

Инициатива заключения союза исходила от австрийской стороны. 9 (20) января 1781 года австрийский посол в Петербурге Л.Кобенцель под «величайшим секретом» предложил И.А.Остерману начать соответствующие контакты¹⁵. После трудных пятимесячных переговоров австро-русский союзный договор, в подготовке которого ведущую роль сыграл А.А.Безбородко¹⁶, был заключен в форме обмена Иосифом и Екатериной личными письмами от 21 и 24 мая 1781 года. Его необычная форма объяснялась, с одной стороны, неприятием Австрией практики альтерната, а с другой – стремлением Иосифа II обеспечить секретность достигнутых договоренностей и, возможно, оставить за собой некоторую свободу рук, учитывая расхождения по восточным делам, сохранявшиеся между австрийским императором и его канцлером. В основе достигнутых договоренностей лежало согласие России гарантировать территориальную целостность Австрии в соответствии с Прагматической санкцией Карла VI (1713 г.), закрепившей за Габсбургами их наследственные владения в разных частях Центральной Европы и в Италии. Со своей стороны, австрийский император отдельным письмом признавал за себя и своих наследников территориальные приобретения России в соответствии с Кючук-Кайнарджийским договором и обязывался в случае объявления Портой войны России действовать против турок в союзе с ней¹⁷. Кроме того, в секретной сепаратной статье, оформленной вторым письмом от того же числа, Иосиф выразил готовность «открыто принять сторону» России в случае, если «в продолжение предполагаемой войны против Оттоманской Порты» Россия «подвергнется враждебному нападению со стороны какой-либо иной державы»¹⁸. В отношении Польши австрийский император, отметив «одинаковую важность этого государства в силу общих границ как для России, так и для Австрии», взял на себя обязательство «гарантировать как сохранение ее конституции в том виде, в каком она была установлена на сейме 1773 года, так равно и неприкосновенность ее настоящих владений согласно с договором, заключенным между Польшей и нами в том же 1773 году»¹⁹.

Несмотря на абсолютную конфиденциальность достигнутых договоренностей, антитурецкая подоплека русско-австрийского союза не составляла секрета для ведущих политиков Европы. Слухи о завоевательных планах России и Австрии в отношении Турции получили такое широкое распространение в Европе, что за день до подписания договора, 20 мая, австрийский император предложил Екатерине заявить публично, что «договор, по поводу которого уже постарались с таким коварством и недоброжелательством поднять тревогу в целой Европе, не состоялся»²⁰. Екатерина, разумеется, отвергла как это, так и последующие аналогичные предложения

Иосифа, заверив его, что в Петербурге доступ к их переписке имеет только она сама.

Однако утечка информации продолжалась. Греческий проект поднял на ноги дипломатов Европы еще задолго до того, как был сформулирован. В частности, Фридрих II в письме своему посланнику в Петербурге графу Герцу от 2 апреля 1782 года, ссылаясь на информацию, полученную из Венеции, писал: «Продолжают поступать довольно противоречивые новости о том, что оба императорских двора уже согласовали между собой раздел завоеваний, которые они намереваются сделать. Говорят, что не только Белград, но и часть Фракии, Молдавии и Валахии должны отойти венскому двору. Я, однако, с трудом верю, чтобы императрица так плохо позаботилась о собственных интересах и была готова отдать большинство обломков Турецкой империи австрийцам, за исключением Константинополя и Андрианополя... Франция, которая также что-то прознала об этом проекте двух императорских дворов, бьет тревогу в Турции, и в случае, если этот проект будет исполняться, она, кажется, решила противиться ему всеми своими силами. Думаю, однако, что с этим проектом случится то же, что и с большинством других, сформулированных императрицей, — его оставят на бумаге, не слишком обременяя себя его исполнением»²¹.

Оценивая широкую и неблагоприятную для России и Австрии реакцию в Европе на заключение союза между ними, нельзя не признать, что ее формированию способствовала давно обсуждавшаяся, в частности, в переписке Екатерины с Вольтером, а затем на страницах европейских газет тема изгнания турок из Европы. Известно, что и сам Панин, так активно выступавший против русско-австрийского союза, в 1769 – 1771 годах²² предлагал австрийскому послу Лобковичу заняться совместным разделом Турции, а не Польши²³.

Инициатором перевода общих договоренностей, достигнутых Россией и Австрией в мае 1781 года, в практическую плоскость выступила Екатерина. В связи с начавшимся весной 1782 года в Крыму восстанием против ставленника России хана Шагин-Гирея она предложила Иосифу договориться о «вознаграждении» Австрии и России на случай становившейся возможной войны с Турцией.

В письме австрийскому императору от 10 сентября 1782 года Екатерина предложила ввиду препятствий, которые чинила Порта проходу русских судов через Босфор и Дарданеллы, подстрекательств жителей Крыма к восстанию заключить «секретную конвенцию о вероятных приобретениях, которых мы должны домогаться у нарушителя мира». В качестве основы такой конвенции Екатерина видела договоренность о создании между Российской, Австрийской и Турецкой империями буферного государства в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии, которое она назвала античным именем Дакия. Существенно, что при этом было подчеркнуто, что Россия не пре-

тендует на это буферное государство и стремится лишь присоединить крепость Очаков на Днестровском лимане и полосу земли между реками Буг и Днестр (иными словами, речь фактически шла о тех приобретениях, которые Россия получила по Ясскому миру, завершившему Русско-турецкую войну 1788 – 1791 гг.). В то же время в случае благоприятного развития войны с Турцией Екатерина выражала надежду, что Иосиф II «не откажется помочь... в восстановлении древнегреческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего, при взятии мною на себя обязательства поддерживать независимость этой восстановленной монархии от моей». На престол Греческой империи должен был взойти внук Екатерины великий князь Константин при условии, что он откажется от наследования российской короны. Великие князья Павел Петрович и его сын Александр, в свою очередь, должны были поклясться, что никогда не станут претендовать на константинопольский престол²⁴.

Ответное письмо Иосифа от 13 ноября 1782 года с достаточной ясностью обрисовывало те противоречия, которые впоследствии сделали русско-австрийский союз столь шатким. В качестве своего главного противника австрийский император видел не столько турецкого султана, сколько прусского короля, который, по его словам, питал к нему «беспределенную ненависть и недоверие». В отношении Греческого проекта позиция Австрии была сформулирована расплывчато: «Что касается создания нового королевства Дакия с государем греческой религии и утверждением Вашего внука Константина сувереном и императором Греческой империи в Константинополе, то лишь ход войны может все решить; с моей стороны, осуществление всех Ваших замыслов не встретит затруднения, если они будут сочетаться и соединяться с тем, что я считаю достойным»²⁵. Значительно более детально были изложены территориальные претензии Австрии: город Хотин для прикрытия Галиции и Буковины, часть Валахии, Северная Сербия с Белградом, часть Боснии и Герцеговины, дававшая Австрии выход к Адриатическому морю, и даже венецианские владения Истрия и Далмация (с компенсацией Венеции за счет полуострова Морея, островов Кипр, Крит и ряда других из Греческого архипелага)²⁶.

Мотивы, которыми руководствовались Екатерина и Иосиф, обмениваясь осенью 1782 года «самыми знаменитыми в истории письмами», давно уже привлекают внимание историков. Дискуссии вокруг них приняли политизированный характер еще в XIX веке, поскольку с наполеоновских времен в западной публицистике и исторической науке утвердилась тенденция использовать эти письма, как и пресловутое завещание Петра Великого, для «разоблачения» экспансионистского характера внешней политики России²⁷. Отсюда – явное стремление дореволюционных отечественных историков, признавая

тесную внутреннюю связь между польским и турецким вопросами, не особенно углубляясь в детали Греческого проекта.

Подобный «облегченный» подход к оценке внешней политики Екатерины получил свое дальнейшее развитие в советский период. Даже такой авторитетный историк, как академик Е.В.Тарле, считал «неосновательным» утверждать, что Екатерина «воевала с Турцией с целью изгнать из Европы варварство»²⁸. В официальной советской историографии в качестве базовой утвердилась разработанная О.П.Марковой²⁹ концепция, согласно которой Греческий проект был лишь дипломатической комбинацией, придуманной Екатериной, для того чтобы связать руки Австрии накануне присоединения к России Крыма в апреле 1783 года.

Деполитизированный, нацеленный на объективную оценку екатерининской дипломатии подход наметился в отечественной историографии только в последние годы³⁰. Важно, что в российских исследованиях последнего времени фактически общепризнанной стала трактовка планов Екатерины по созданию Греческой империи и Дакии как реально отражавших присущее ей геополитическое видение задач восточной политики России.

Особый интерес представляют в этом плане исследования О.И.Елисеевой, установившей авторство черновых проектов письма Екатерины Иосифу II от 10 сентября 1782 года, первоначальный вариант которого был подготовлен Безбородко, а затем развит и дополнен Потемкиным, приложившим к нему и собственную записку «О Крыме». Для понимания не только генезиса, но и реального содержания Греческого проекта принципиально важен убедительно обоснованный О.И.Елисеевой вывод о том, что идея присоединения к России Крыма оформилась в кругу ближайших сотрудников Екатерины только в ходе работы над черновиком послания австрийскому императору³¹. Таким образом, выявленные и проанализированные российской исследовательницей архивные документы подводят окончательную черту под попытками рассматривать Греческий проект как своеобразную «операцию отвлечения», цели которой ограничивались аннексией Крымского полуострова.

Вместе с тем целый ряд аспектов как первоначального (1782 г.) Греческого проекта, так и его последующей трансформации остаются невыясненными. В некоторой степени заполнить этот пробел позволяют, на наш взгляд, два ранее не публиковавшихся документа из фонда «Секретные мнения КИД» АВПРИ. Речь идет о копии секретного сообщения австрийского посла графа Кобенцеля, датированного 1782 годом, и записке А.А.Безбородко Екатерине II по Греческому проекту, подготовленной в связи с вопросами, поставленными Л.Кобенцелем в первом документе.

Однако прежде чем обратиться к текстам этих документов, мы бы хотели прояснить одно важное обстоятельство. Есть веские

основания полагать, что определенные круги в Вене и, прежде всего, канцлер Кауниц сыграли значительно более активную, чем принято думать, роль в разработке идеи дележа европейских владений Турции. Еще 17 января 1772 года Кауниц направил Марии-Терезии записку, в которой подробно излагались так называемые предложения некоего графа Мазена об условиях, на которых могло бы быть достигнуто австро-русское сближение ради «окончательного изгнания турок из Европы». Внимание Кауница привлекли два из предложенных Мазеном шести вариантов раздела Европейской Турции в случае успешного исхода войны России и Австрии против османов. Согласно первому из них Австрия получала Сербию, Боснию, Герцеговину, Албанию и Македонию до Мореи; остальная часть Балкан с Константинополем и Дарданеллами переходила к России. Второй вариант предусматривал создание из Македонии, Албании, Румелии, большей части островов Греческого архипелага и приморских областей Малой Азии королевства со столицей в Константинополе, назначение главы которого зависело бы от России. России предполагалось передать большую часть территорий на левом берегу Дуная, побережье Черного моря, кроме Крыма, который оставался независимым под русским протекторатом, и обе Кабарды; Австрия получала бы в этом случае Валахию между Дунаем и рекой Алута, Сербию, Болгарию и Герцеговину; Морея стала бы базой для создания независимого государства под властью австрийского эрцгерцога или была бы передана Венеции, которая в этом случае должна была передать Австрии Истрию и обязывалась бы вступить в Антитурецкую лигу. Существенно и то, что в одном из оставшихся четырех вариантов Мазена Пруссию предполагалось нейтрализовать согласием на ее новые территориальные приобретения в Польше при одновременной компенсации Варшаве за счет Дунайских княжеств³².

А.Сорель, ссылаясь на состоявшиеся летом 1771 года беседы Н.И.Панина с Лобковичем, считал, что идеи, высказанные Мазеном австрийским дипломатам в неофициальном порядке во Флоренции, были инсинуированы Петербургом. Учитывая, однако, что Мазен был мальтийским рыцарем, служившим в российском флоте с 1770 года в чине контр-адмирала³³, логично предположить возможную связь выдвинутого им плана с Ватиканом, чьи дипломаты, начиная с последней четверти XV века (женитьбы Ивана III на Софье Палеолог), совместно с австрийскими представителями активно стремились вовлечь Россию в различные варианты создававшейся ими Антитурецкой лиги.

Как известно, в период первого раздела Польши был момент, когда Кауниц и Иосиф II пытались убедить Марию-Терезию в предпочтительности территориального расширения Австрии в западной части Балканского полуострова с целью получения выхода в Адриатическое море. Однако в связи с упорным сопротивлением Марии-

Терезии эта идея не имела шанса быть реализованной до 1780 года. Только после смерти австрийской императрицы она как бы обрела новое дыхание и по существу стала основой русско-австрийского сближения.

В этом плане обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, совпадение во всех существенных моментах письма Екатерины Иосифу II от 10 сентября 1782 года (Греческий проект) со вторым вариантом плана графа Мазена. Во-вторых, вопреки сложившемуся мнению, инициатива обсуждения круга вопросов, составивших впоследствии Греческий проект, почти всегда исходила от Австрии. В частности, упомянутое письмо Екатерины было фактически спровоцировано письмом к ней Иосифа II из Люксембурга от 1 (12) июля 1782 года, в котором он, с одной стороны, выражал готовность «вступить всегда и в какое угодно соглашение с Вашим императорским величеством относительно всяких событий, которые могут быть вызваны крымской смутой», а с другой – настоятельно просил ее «открыть свои мысли и намерения»³⁴.

Интервал в два месяца между письмом Екатерины и ответом на него Иосифа однозначно трактуется исследователями как свидетельство обстоятельной проработки в Вене всех аспектов Греческого проекта, в том числе реакции на него со стороны великих держав. Судя по опубликованным документам австрийских архивов, и Иосиф II, и Кауниц считали международную обстановку, сложившуюся осенью 1782 года, благоприятной для того, чтобы осуществить давнюю мечту Австрии – территориальное расширение на Балканах с прямым выходом в Адриатику.

Оценки эти базировались в основном на глубокой вовлеченности Англии и Франции в войну американских колоний за независимость. Основным же ограничителем на пути этих планов оставалась непредсказуемая, вплоть до развязывания военного конфликта, позиция Пруссии. В этих условиях как прагматик Кауниц, так и импульсивный, с налетом политического романтизма Иосиф считали необходимым добиться конкретизации и, по возможности, усиления союзнических обязательств России в отношении Австрии на случай войны с Пруссией.

К этому, собственно, и сводилась основная политическая нагрузка ответа Иосифа II Екатерине от 13 ноября. Ту же тему, судя по содержанию «секретного сообщения австрийского посла», было поручено прозондировать Кобенцелю при передаче ответного письма Иосифа II³⁵.

Другими словами, Кобенцелю предписывалось сказать на словах то, что в Вене не решались доверить бумаге. Предложение, которое австрийскому послу было поручено изложить по вопросу о нейтрализации прусской угрозы, сводилось к следующему. Для политической изоляции Пруссии в Европе посол предложил «поманить»

саксонского курфюрста «перспективой получения польского трона», а Франции, «приняв во внимание ее заинтересованность во владениях Порты», пообещать «Египет, являющийся объектом ее главного внимания». Таким образом, в Вене надеялись разрушить европейскую коалицию, которую, как там ожидали, Фридрих Вильгельм мог попытаться создать против Австрии и России. От Англии, с учетом неблагоприятного для нее оборота американских дел, в Вене подвохов и неприятностей не ожидали.

Что же касается военных мер, то, обещав действовать 60- или 80-тысячной армией против турок «там, где это потребует общее дело», Иосиф и Кауниц (кстати сказать, наиболее вероятный автор инструкции Кобенцелю) предложили России привести в Польшу «вдоль Вислы и Варты корпус из сорока тысяч человек, готовый атаковать владения короля Пруссии».

Относительно предложенного Екатериной плана раздела Европейской Турции Кобенцель со ссылкой на Иосифа II подтвердил, что австрийский император «поддержал виды августейшей государыни относительно важнейших приобретений, которые она планирует сделать для России, а также в том, что касается основания королевства Дакии и Греческой империи в пользу великого князя Константина». Интересно, что сделанная при этом Кобенцелем оговорка относительно «права» Австрии «потребовать равным образом установления второго наследственного владения в свою пользу» прямо перекликается с соответствующими положениями «плана Мазена».

Вместе с тем, комментируя австрийские претензии, изложенные в письме Иосифа II от 13 ноября, посол сделал особый акцент на том, что «венецианские владения на суше должны непременно стать частью этих приобретений», вновь подчеркнув, однако, что в Вене собирались добиться этого «только путем переговоров». Подобную постановку вопроса трудно оценить иначе как ловушку, характерную для дипломатической манеры Кауница. Прекрасно зная, что на Венецианскую республику в Петербурге смотрели как на потенциального союзника в осуществлении Греческого проекта, Кауниц тем не менее, счел необходимым жестко подтвердить территориальные претензии в отношении Венеции, изложенные в письме Иосифа II, действуя в этом отношении в общем по той же схеме, которой он придерживался во время первого раздела Польши.

Оценивая в записке Екатерине соображения, высказанные австрийским послом, и письмо Иосифа II от 13 ноября, Безбородко (он явно рассматривал эти два документа как две части единого австрийского плана) писал: «Все, что император говорит тут о препятствии, могущем производиться Бурбонским домом, в исполнении великого, славного и полезного намерения основать две новые христианские державы на развалинах Турецкой империи, не может быть подвер-

жено ни малому сомнению». Признавая в принципе приемлемой идею нейтрализации Франции путем обещания ей Египта, Безбородко вместе с тем подчеркивал невозможность заключения прочного союза России с Францией. Исходя из этого, он рекомендовал императрице посоветовать Иосифу II не спешить с информированием Версаля о планах Австрии и России в отношении Османской империи.

Резко негативно Безбородко отнесся и к тому, чтобы «подать курфюрсту Саксонскому надежду престола польского», отметив, что предложение, «в коем граф Кобенцель открылся», не может «почесться сходственным и надежным».

Не нашли у Безбородко поддержки и изложенные Кобенцелем планы превентивных действий против Пруссии. Отметив, что обязательства России в отношении Австрии «столь ясно выражены в трактате нашем, что для императора не может оставаться тут ни малейшего сомнения», он резко высказался против ввода российских войск в Польшу, по существу оценив это предложение Вены как провокационное. Попутно, рассматривая варианты дальнейшего развития отношений между Австрией и Пруссией, он полностью исключил достижение между Веной и Берлином какого-либо соглашения, отметив, что «взаимные предубеждения поставили их друг против друга в такое точно положение, в каком мы себя представляем против турок».

Наиболее, однако, интересна та часть записки Безбородко, где он рассматривает возможные территориальные приобретения Австрии и России в случае реализации Греческого проекта. Основываясь на своем достаточно реалистичном понимании ситуации в Европе, Безбородко, по существу, предлагает Екатерине два варианта действий в случае осложнения крымских дел или возникновения военного конфликта с турками. В одном из этих вариантов, который условно можно назвать планом-максимум, Безбородко, в принципе, соглашается с тем, что выход в Адриатику был бы адекватной компенсацией для Вены за содействие в создании Дакии и Греческой империи, предлагая, однако, серьезно сократить территориальные приобретения Австрии в западной части Балкан, исключив из них Албанию и «земли, республике Венецианской принадлежащие». С большой осторожностью отнесся Безбородко и к требованиям Иосифа II об обеспечении Австрии свободного плавания по Дунаю «со входом в Черное море и с выходом в Дарданеллы без всяких платежей», заметив, что относительно Черного моря должно быть соблюдено «правило, Вашим величеством предположенное, разуметь его морем закрытым, по коему плавание принадлежит исключительно народам, его окружающим». В целом же в вопросах торгового мореплавания он предлагает руководствоваться принципом равной взаимной выгоды.

Второй вариант, план-минимум, рассматривается Безбородко гораздо более подробно и в таком ключе, что не остается сомнений в его предпочтительности для России. Отметив, что если «какие-либо непредвиденные обстоятельства убедили ограничить себя в сокращении пределов касательно приобретений на счет Турции», он предлагает, «не упуская, однако же, из виду генерального нашего плана и отлагая его исполнение до удобнейшего времени при оставлении Молдавии и Валахии под владением турецким на условиях больше ясных и точных, нежели те, кои положены были в трактате 1774 и конвенции 1779 годов, надлежит не отступать от намерений своих, чтобы присовокупить к России Очаков с его уездом, Крым с Таманью (присоединенные уже после записи Безбородко, в 1783 г. – П.С.) и для торговли один или два острова в Архипелаге». В этом случае, по мнению Безбородко, «справедливость требует, чтобы взаимно и Его величество император Римский присвоил себе меньше, нежели когда бы все великое предприятие увенчано было желаемым успехом». Существенно, что, призывая Екатерину «присвоить себе Крым, не упуская удобного к тому времени», Безбородко среди удобных для этого поводов упоминает и ситуацию, которая создастся в случае, если Австрия «распространит свой кордон или границу на счет Молдавии или Валахии».

В заключение своей записки Безбородко предлагает в течение зимы 1782 – 1783 годов продолжить переговоры с Веной для составления «точного договора» посредством взаимных писем, которые по образцу русско-австрийского союза 1781 года могли бы «служить вместо договорного акта».

Определенный интерес представляет и приложенная к записке Безбородко собственноручная резолюция Екатерины:

«Я думаю, что Франция и так может быть довольна, что Россия не есть союзник Англии.

Второе, Франции откровенности давать надлежит не инако, как дабы осталась пассивна.

Третье, Англию фаворизировать нужно во многом, но союза с ней избегнуть, колико можно.

Четвертое, между королем Прусским и императором остается пока роль всегдашнего медиятора или посредника.

Пятое, Курляндия должна остаться навсегда как есть, между державами независима»³⁶.

Приведенные документы – инструкции Кобенцелю и записка Безбородко – позволяют не только восстановить логику дальнейших событий, завершившихся аннексией Россией Крыма, но и более точно представить расстановку сил в Петербурге вокруг Греческого проекта. Анализ этих документов вкупе с опубликованной перепиской Екатерины II и Иосифа II за 1781 – 1783 годы позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, письмо Екатерины Иосифу от 10 сентября 1782 года отражало ее реальные намерения в отношении создания Греческой империи и Дакии. Целью этого плана было не только обеспечение свободного торгового мореплавания для России и прибрежных государств в Черном море, но и гарантированный проход русских купеческих судов через Босфор и Дарданеллы в Средиземноморье.

Во-вторых, Греческую империю и Дакию Екатерина представляла себе формально независимыми, но находящимися под фактическим русским протекторатом государствами, которые должны были выполнять роль буфера в отношениях между Россией и Австрией, а также между Россией и азиатскими владениями Османской империи. Нетрудно предположить, что в результате реализации Греческого проекта Екатерина более опасалась в долгосрочной перспективе столкновений интересов России с Австрией, чем с турками. Отсюда – отраженная в документах российских архивов состоявшаяся в 1794 – 1795 годах корректировка Греческого проекта, согласно которой великий князь Константин должен был основать самостоятельную династию уже не в Константинополе, а в Дакии.

В-третьих, Иосиф II и канцлер Кауниц могут считаться авторами геополитического переустройства Балкан и Греции в той же степени, что и Екатерина. На это указывает как записка Кауница о «плане Мазена» (январь 1772 г.), так и ясно выраженные в записке Безбородко опасения относительно возможности односторонней аннексии Австрией Молдавии и Валахии.

В-четвертых, предложение Безбородко о продолжении переговоров и юридическом оформлении Греческого проекта показывает, что обмен письмами между Екатериной и Иосифом по этому вопросу осенью 1782 года не рассматривался сторонами как имеющий юридически обязывающий характер.

В-пятых, признавая, что на тактику Екатерины в отношении реализации Греческого проекта наряду с запиской Потемкина «О Крыме» решающее влияние, возможно, оказала позиция Безбородко («план-минимум» и «план-максимум»), нет оснований рассматривать ее сентябрьское письмо Иосифу как дезинформацию, целью которой являлась аннексия Крыма. Скорее всего, решение о присоединении Крыма, сформулированное в рескрипте императрицы Потемкину от 14 декабря 1782 года, рассматривалось ею как первый этап реализации более широких планов в отношении Балкан и Османской империи, которые имелось в виду реализовать при благоприятном стечении обстоятельств.

Принципиально важно подчеркнуть, что планы эти в части, касающейся Балкан, не носили завоевательного характера. В.Н.Виноградов прав, отмечая, что Греческий проект в этом смысле являлся продолжением стратегии Петра I, подчеркнувшего перед Прутским походом 1711 года, что «в сей войне никакого властолюбия и рас-

пространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем». Стратегия Петра и Екатерины сводилась лишь к установлению контроля над этим важным для России регионом. Можно согласиться и с оценкой О.И.Елисеевой: «Россия не стремилась к непосредственному включению в свой состав земель, кольцом охватывавших Черноморский бассейн, а предусматривала охватить его кольцом православных стран-сателлитов и союзных горских мусульманских племен»³⁷.

И наконец, существенно, что на этом этапе обсуждения Екатериной и Иосифом планов геополитического переустройства Балкан Польша рассматривалась исключительно в роли потенциального союзника России и Австрии. О присоединении к России Правобережной Украины, осуществленном по второму разделу, не только не шло и речи, но, напротив, Безбородко, предлагая аннексию Курляндии, рекомендовал компенсировать ее Польше передачей ей территории между Бугом и Днестром, дававшей Речи Посполитой выход в Черное море. Важно и то, что Екатерина отвергла предложение Безбородко в отношении Курляндии, заявив, что она «должна остаться навсегда, как есть, между державами независима».

II

О.М.ШТАКЕЛЬБЕРГ И ПРОЕКТ РУССКО-ПОЛЬСКОГО СОЮЗА В 1787 – 1788 ГОДАХ

1

Геополитический подтекст русско-австрийского союза 1781 года вызвал не только немедленное противодействие со стороны Пруссии, но и серьезно насторожил Англию, Швецию и Голландию. Возникли предпосылки для формирования в последующем широкой европейской коалиции против России и Австрии. Кауниц, встревоженный негативной реакцией в Европе на распространившиеся слухи о русско-австрийских планах в отношении Константинополя, счел за лучшее попытаться уговорить российскую императрицу отложить реализацию Греческого проекта. К этому, в частности, сводились инструкции, которыми он снабдил Иосифа II, сопровождавшего Екатерину в ходе ее поездки в Крым весной – летом 1787 года³⁸.

Следует признать, что и Кауниц, и Иосиф II имели веские основания испытывать беспокойство относительно опасного оборота, который приняли русско-турецкие отношения накануне знаменитого путешествия Екатерины в Тавриду. Турки, не смирившиеся с потерей

Крыма и Восточной Грузии в 1783 году, открыто заявляли о необходимости пересмотреть ряд положений Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года. По существу, как правильно отмечает О.И.Елисеева, все годы после его подписания Россия и Турция «балансируют на грани разрыва», когда «каждая попытка русской стороны реализовать полученные по договору права еще туже затягивала узел противоречий»³⁹. На огромной территории от Приднепровья (Очаков) до Кавказа (Ахалцихи), где соприкасались русские и турецкие владения, непрерывно происходили пограничные инциденты. Особенно нервно реагировали турки на концентрацию русских войск в Новороссии и активизировавшееся в 1786 году строительство военного флота в Севастополе.

К осени 1786 года русско-турецкие отношения настолько обострились, что Екатерина в рескрипте Потемкину от 16 октября, реагируя на тревожную депешу Булгакова из Константинополя от 15 (26) сентября, писала: «Мы видим уже себе при двери той необходимости, в которую поставляет нас оборона славы и безопасности границ наших, особливо же естли Порты не окажет внимания к последним ей учиненным внушениям и не сыщет сама средства исправить оскорбление, последним ея мемориалам Нам нанесенное».

О серьезности сложившегося положения свидетельства и то, что тем же рескриптом Екатерина утвердила представленный ранее Потемкиным план военных действий с Портой и поручила ему «главное начальство над армиею», предоставив «полную власть и разрешение разпространять все поиски, кои к пользе дела и к славе оружия Нашего служить могут».

И далее: «Посланник Наш Булгаков имеет уже от Нас повеление посылать дубликаты своих донесений к Вам и предписания Ваши по службе Нашей исполнять. Подтверждая ему о сем вновь, Мы дали ему знать, что как скоро получит он от Вас уведомление о выезде его из Царяграда, должен будет предъявить Порте причины тому и требовать безопасного отъезда. Он останется тогда при Вас, и как со времени разрыва переписка с визирем и всякие к концу приуготовляющие переговоры должныствуют между вами производиться, а Мы по временам и обстоятельствам не оставим снабдить Вас всеми тут нужными наставлениями, то Вы не можете означенного посланника употребить под руководством Вашим для таковых переговоров следующих из того постановлений»⁴⁰.

Потемкин составил в ответ на этот рескрипт расписание войск («большой план», как называла его Екатерина), предусматривавшее превентивные удары не только против Турции (направление Бендеры – Очаков – Измаил), но и, в случае вмешательства Фридриха – Вильгельма в русско-турецкий конфликт, против Пруссии. Только через два месяца после получения рескрипта, 13 декабря 1786 года, Светлейший князь проинформировал Я.И.Булгакова о предостав-

ленных ему полномочиях «начинать военные действия и отозвать Вас из Константинополя, когда обстоятельства того потребуют». От посланника не скрывали серьезности положения («Ея императорское величество желает иметь полное от Порты удовлетворение. Я уполномочен удерживать право Ея силою, войски в полном движении»), Потемкин в то же время поручил Булгакову «с искренностью уверить министерство Порты, что их недоверенность к нашей дружбе неосновательна и что желания Ея величества свято основаны на сохранении мира. Сами они по пространству и великости империи Российской могут видеть, нужно ли Ея величеству желать разпространения пределов. Сама натура и положение мест может им доказать, что большое расширение владений ослабило бы Россию, наипаче теперь, когда по учинению Крыма окружность границ столь совершенно устроена. Представьте им ясные доказательства, что вместо укреплений и исканий посторонних противу нас пособий, лучше для них и полезней прямо быть с нами в дружбе, которая непрерывна в наблюдении обязанностей столь усилится, что тишина и покой утвердится навеки»⁴¹.

Этот эпизод, на наш взгляд, позволяет глубже представить себе различия в подходах Екатерины и ее наместника на юге России относительно стратегии и тактики действий на черноморском направлении российской внешней политики⁴². Действия Потемкина накануне второй Русско-турецкой войны показывают, что он использовал данные ему полномочия для того, чтобы всемерно оттянуть военное столкновение и, похоже, не только для того, чтобы накопить необходимые для войны силы и средства. В частности, в письме Екатерине от 13 октября 1786 года Потемкин изложил широкую программу освоения Таврического и Новороссийского краев, развития в них внутренней и внешней торговли⁴³. Существенное место в планах Потемкина занимали и вопросы обустройства границы с Польшей.

2

Накануне Русско-турецкой войны 1787 – 1791 годов особое значение для российской дипломатии вновь приобрел польский вопрос. От того, чью сторону (России или ее противников) примет Речь Посполитая, позволит ли она использовать свою территорию и крепости на границе с Турцией русским войскам, зависели как ход войны, так и, в конечном счете, расстановка сил в Европе⁴⁴.

Учитывая это, Екатерина согласилась встретиться с польским королем в ходе своей поездки по югу России (январь – июль 1787 г.). Политическую сторону встречи было поручено подготовить Г.А.Потемкину.

20 марта 1787 года Потемкин посетил Станислава Августа, ожидавшего императрицу в польском городе Фастове. Подчеркивая уважение к королю, Потемкин надел традиционный наряд шляхты

Брацлавской губернии и все свои польские ордена. В его свите находился и Ф.К.Браницкий, только что женившийся на племяннице Светлейшего А.Энгельгард. (Это была первая из предпринятых Потемкиным в марте – мае 1787 г. попыток, правда, неудачных, сгладить неприязненные отношения, существовавшие между Станиславом Августом и Браницким, одним из лидеров оппозиции⁴⁵.)

По всем вопросам, поставленным королем в ходе беседы с Потемкиным (о таможенных пунктах на границе, о прорытии рва между Польской Украиной и Новороссией), Екатериной были приняты положительные решения. Полную поддержку с ее стороны нашла и просьба короля о «поощрении польской торговли через Херсон». Со своей стороны, императрица предложила связать каналом пограничные реки Пину и Припять. Было подтверждено покровительство Данцигу со стороны России, но королю высказана просьба «употребить усилия, чтобы успокоить данцигских жителей в их спорах с Берлином»⁴⁶.

На позитивной ноте был обсужден и сложный диссидентский вопрос. Ознакомившись с аргументами Потемкина, Екатерина согласилась с тем, чтобы епископ Киевский, наблюдавший за православными храмами в Польше, приносил присягу королю, и утвердила ее текст, представленный Станиславом Августом, с незначительными изменениями.

Беседы Потемкина со Станиславом Августом заложили основу для встречи польского короля с Екатериной, состоявшейся на галере возле Канева 6 мая 1787 года. Известно, что Екатерина сдержанно отнеслась к идеям, изложенным Станиславом Августом в записке, озаглавленной «Пожелания короля» и переданной ей Штакельбергом накануне встречи в Каневе. Необходимо, однако, иметь в виду, что холодно было встречено ею не предложение короля о заключении русско-польского оборонительного союза, а попытка увязать его с согласием России на проведение реформ, которые воспринимались ею как чреватые усилением королевской власти. Не без колебаний, вызванных в том числе возможной негативной реакцией Вены и Берлина, идея союза была одобрена, но отложена до предстоявшего в 1788 году очередного сейма⁴⁷.

Екатерина наградила Станислава Августа в Каневе высшим российским орденом Андрея Первозванного, а вскоре после возвращения короля в Варшаву (11 июля 1787 г.) его племянник Станислав Понятовский, принятый Екатериной в Херсоне, сообщил ему о том, что российская императрица и Иосиф II одобрили план, в соответствии с которым племянник короля должен был быть объявлен его наследником на польском престоле⁴⁸. Станислав Август по возвращении в Варшаву послал Екатерине знаки польского ордена Белого орла и распорядился поставить в Варшаве конную статую Яна Собеского, победителя турок в 1683 году⁴⁹.

Однако Штакельберг, вернувшийся в Варшаву 12 мая, обнаружил в польской столице совершенно другие настроения, подпитывавшиеся противниками короля. «Поскольку способность этой нации поддаваться самым необоснованным впечатлениям хорошо знакома Вам, господин граф, – писал он в тот же день в депеше Безбородко, сопровождавшему Екатерину, – Вы можете представить себе все фантазии, которые рождает пребывание императрицы в Киеве и две встречи короля (с Екатериной под Каневом и австрийским императором Иосифом II 8 – 10 мая в Корсунь. – *П.С.*). Последняя из них состоялась благодаря секретной договоренности, достигнутой заранее, и мне кажется, что интимные отношения, в которых состоят оба двора, должны были бы послужить дополнительным мотивом с тем, чтобы не держать результаты ее от нас в секрете. Император, конечно, не оставит Ее императорское величество в неведении относительно его беседы. Я думаю, однако, что не должен обходить молчанием две вещи, которые заслуживают определенного внимания. Относительно опасений нового раздела этот государь объяснился с королем в том смысле, что он и не думал об этом, а говоря о слухах относительно внутренних перемен, император якобы сказал, что они вряд ли могут состояться без него и прусского короля. Эта информация содержится в письме короля примасу»⁵⁰.

Штакельберг, плохо принятый в Киеве Потемкиным (он связывал это с тем, что остановился в доме давнего оппонента Потемкина З.Г.Чернышева)⁵¹, остерегся прямо написать Екатерине, что ее поездка в Крым стимулировала слухи в Варшаве о скорой неизбежной войне с Турцией. Вместе с тем к депеше от 12 мая он приложил сообщение из Константинополя о том, что паша Хотинской крепости получил фирман от Порты готовиться к скорой войне⁵².

Поручение собирать информацию о военных планах турок было дано Штакельбергу вице-канцлером Остерманом еще 9 января 1787 года. Одновременно обсуждались и превентивные меры с российской стороны. 16 (21) января 1787 года он сообщил Остерману о том, что «король пришел в крайнее возбуждение» от поступившей от командующего российской Украинской дивизией «новости о предстоящем вступлении наших войск»⁵³. Через неделю, 23 января (3 февраля), Штакельберг писал Остерману о том, что вопрос о возможности ввода российских войск был обсужден на заседании Постоянного совета⁵⁴. 30 января (10 февраля) 1787 года великий канцлер Постоянного совета официально информировал Штакельберга о том, что в случае, если Россия имеет в виду провести свои войска через Польшу, они будут приняты дружественным образом⁵⁵.

Для перехвата депеш, следовавших через Варшаву из Берлина и Парижа в Константинополь, в посольство был командирован асессор Ноттебек⁵⁶. Однако наиболее важная информация из Констан-

тинополя поступала Штакельбергу с лета 1787 года при содействии польского представителя в турецкой столице Боскампа⁵⁷.

19 июня 1787 года Штакельберг со ссылкой на депешу из Константинополя от 10 мая сообщал, что «Порта обратилась ко всем нациям и принцам магометанской веры, вплоть до Великой Татарии, Бухары и узбеков, с призывом совместно противостоять опасности, которой подвергается религия и империя из-за планов, которые вынашивают европейцы увеличить свои владения за счет Османской империи»⁵⁸.

Далее в депеше говорилось: «Маврогени, нынешний господарь Молдавии, сообщил Порте сводный план, согласованный между двумя имперскими дворами (Россией и Австрией. – П.С.) и Венецианской республикой, к которому должен был примкнуть и Неаполь, относительно полного раздела Европейской Турции. Этот план предусматривает, что три первые державы в силу секретной конвенции, заключенной между ними, должны нанести одновременный удар; Россия, укрепив свои позиции в Грузии и Татарии, должна овладеть Бессарабией и всей правой стороной Дуная, направив свой новый флот в Черном море в направлении Константинополя; австрийский император займет другую сторону Дуная, и его армия направится также к столице Османской империи. Венецианский флот, оккупировав Архипелаг, присоединится к российскому флоту, встретившись с ним у Константинополя». К этому Маврогени добавлял, что австрийский император предлагал привлечь к участию в этом плане и Саксонию, для того чтобы оторвать ее от Германской лиги, предлагая саксонскому курфюрсту польскую корону⁵⁹.

Информированность Порты о планах Петербурга и Вены (сообщения молдавского господаря довольно точно отражали существо Греческого проекта) позволяет охарактеризовать предпринятые ею 12 августа 1787 года арест и заключение в Семибашенный замок посольства Я.И.Булгакова, означавшие в турецкой практике объявление войны, как превентивный удар с целью перехватить военную инициативу.

К такому выводу подводит и анализ переписки Екатерины с Потемкиным после объявления войны. «Я ведаю, что весьма желательно было, чтобы мир еще года два протянуть можно было, – писала Екатерина Потемкину от 24 августа 1787 года, – дабы крепости Херсонская и Севастопольская поспеть могли, такожде и армия и флот приходить могли в то состояние, в котором желалось их видеть. Но что же делать, если пузырь лопнул прежде времени»⁶⁰.

28 августа 1787 года, еще до получения этого письма, Потемкин информировал Екатерину аналогичным образом: «Турки предварили объявлением войны и тем переменили весь план наступательный, который через год от нас с выгодой несомненно мог бы про-

известись. Флот бы наш в три раза был больше нынешнего, и армии к нам пришли прежде, нежели они двинуться могли»⁶¹.

3

Через две недели после объявления Турцией войны России Екатерина, на этот раз по своей инициативе, вернулась к предложению Станислава Августа о подписании русско-польского оборонительного договора. В депеше от 1 сентября 1787 года И.А.Остерман проинформировал Штакельберга о том, что «Ее императорское величество убеждена, что в условиях нынешнего кризиса появляется благоприятная возможность реализовать этот проект»⁶². Поручив послу сообщить свои мысли о «дальнейшем способе действий», Остерман отметил, что Екатерина «сама занимается проектом трактата в настоящий момент» и «считает возможным использовать ситуацию для того, чтобы взять на свое обеспечение войска Республики, выплачивая ей субсидии»⁶³.

Определенный свет на мотивы, побудившие Екатерину вернуться к идее союзного договора с Польшей, проливает вторая депеша Остермана Штакельбергу, датированная тем же 1 сентября. «Следует ожидать, что военные действия, которые скоро начнутся, окажут различное влияние на настроения умов в Польше, – писал Остерман. – Возможно, что до сих пор в Республике есть горячие головы, которые на пороге войны будут расположены к тому, чтобы вновь возбудить идею создания конфедерации для того, чтобы сеять волнения и беспорядки в этой несчастной стране»⁶⁴. На случай возникновения необходимости локализовать и погасить волнения в Польше командующему украинской армией П.А.Румянцеву был отдан приказ помочь Штакельбергу (с предписанием воспользоваться этим только в самом крайнем случае)⁶⁵.

Тем временем российскому послу в Варшаве приходилось все более серьезно заниматься совсем другими делами. «Из различных каналов я получил сведения, которые не оставляют никакого сомнения относительно того, что действия прусского министра направлены на то, чтобы вызвать национальные беспокойства и создать ситуацию, которая могла бы быть использована для повышения влияния его двора в Пруссии», – сообщал он Остерману в зашифрованной депеше от 4 (15) сентября 1787 года⁶⁶. Прусский министр-резидент в Варшаве Бухгольц, повышенный в самом начале войны до уровня чрезвычайного посланника, или посла II класса, явно по поручению из Берлина активно работал над созданием в Польше «прусской партии». В поле его внимания были не только король, но и такие представители оппозиции, как К.Радзивилл и М.Огинский.

Не облегчали положение Штакельберга и действия австрийских дипломатов в Варшаве и Константинополе. До марта 1788 года, когда

Австрия объявила войну Османской империи, выполнив таким образом свои союзнические обязательства перед Россией, у многих, в том числе Потемкина, не было полной уверенности относительно намерений Вены. 12 (23) сентября 1787 года Штакельберг переправил в Петербург копию депеши польского поверенного в делах в Константинополе Боскампа, адресованную лично королю. В ней польский дипломат доносил о том, что австрийский интернунций в Константинополе сказал ему в беседе: «Если первый удар войны будет нанесен по Очакову, то последний – по Польше, поскольку именно она является целью всех обольстительных обещаний, которыми берлинский двор пытается соблазнить Порту. Этот двор питает претензии на Великую Польшу, Данциг и Торн»⁶⁷.

Штакельберг растерялся. Для содержания депеш, которые он направлял из Варшавы осенью 1787 года, характерен возросший разброс в оценках различных аспектов внутренней ситуации в Польше. Если 12 (23) сентября он предлагал инициировать созыв сконфедерированного сейма, «как я сделал это в 1773 и в 1776 годах», отмечая при этом, что «настоящее положение Польши, как я его понимаю, бесконечно выгоднее для нас, чем было во время последней войны»⁶⁸, то уже 26 сентября (7 октября) вынужден был упомянуть о том, что созыв конфедерации, «наподобие той, которая существовала с прошлой войны», может вызвать взрыв внутреннего возмущения в Польше. В этой связи посол советовал ограничиться размещением русских войск на границе с Польшей, но не вводить их, чтобы не спровоцировать Пруссию на аналогичные действия. В случае же необходимости ввода войск в южные районы Польши Штакельберг просил заблаговременно и в дружественной форме предупредить об этом короля и нацию⁶⁹.

В своей второй депеше от 26 сентября (7 октября) 1787 года Штакельберг, отвечая на поступившее к нему секретное предписание ускорить переговоры о заключении союзного договора с Польшей, сообщал, что его первый же разговор с королем (посол провел его, несмотря на то, что ему предписывалось «полностью предоставить это дело самим полякам») ⁷⁰ увенчался успехом. Станислав Август передал ему для отправки в Петербург польский проект союзного договора, состоявший из 11 статей и двух сепаратных артикулов⁷¹.

По мнению Штакельберга, подчеркивавшего, что поляки сами выступили с инициативой заключения договора, статьи 1-я, 2-я и 3-я проекта, в которых говорилось о взаимных гарантиях территориальной целостности и обязательствах Польши сформировать вспомогательный корпус численностью в 20 тысяч человек, не нуждались в изменениях. Относительно статьи 4-й, предусматривавшей выплату субсидий для поддержания польской армии в военных условиях в 60 тысяч дукатов в год, Штакельберг рекомендовал провести

экспертную оценку с привлечением военных специалистов. Предложенные в статье 10-й «улучшения в деятельности польского правительства, в частности, в области полиции, юстиции и финансов» были отвергнуты послом, высказавшим опасение, что расширение полномочий польского правительства в области юстиции и финансов могло привести к изменению государственной системы Польши⁷².

Штакельберг поддержал польскую редакцию первого сепаратного артикула, предусматривавшего приобретение Польшей «в вечное владение части Бессарабии и Молдавии» как «очень важного для короля и нации, поскольку прежние договоры были всегда связаны с территориальными уступками и разделами». Содержание второго сепаратного артикула, фактически продиктованного Штакельбергом по указанию из Петербурга и предусматривавшего, что Польша брала на себя обязательства «не заключать подобного союза ни с какой другой державой, кроме как с ведома и согласия Ее величества императрицы Всероссийской и ее наследников»⁷³, также, по мнению посла, не нуждалось в изменениях.

Ход и характер обсуждения польского проекта в Петербурге после публикации В.С.Лопатиным переписки между Екатериной и Потемкиным и выявления новых документов в российских архивах можно реконструировать достаточно детально. Достоверно известно, что активное участие в этом процессе принял Потемкин, с весны 1787 года отстаивавший необходимость налаживания военного взаимодействия с Польшей в борьбе против Турции. Характерно, что ряд замечаний, высказанных им в связи с польским проектом договора, ближе к позиции Штакельберга, чем Екатерины. В частности, в письме императрице от 5 февраля 1788 года Потемкин писал: «Куда бы, матушка, хорошо поскорее решить поляков и при всем им надобно обещать из турецких земель, дабы тем интересовать всю нацию»⁷⁴. Та же мысль повторяется 15 февраля 1788 года: «Несказанная польза, чтобы они были наши», – писал Потемкин, настаивая на форсировании союза с Польшей⁷⁵. И далее, полемизируя с убежденностью Екатерины в непримиримости противоречий, разделявших короля и оппозицию: «Должно смотреть на мощь имущества, а не на лицо: королевский или противный»⁷⁶.

В целом анализ переписки Потемкина с Екатериной показывает, что вряд ли есть основания говорить о существовании «двух альтернативных проектов» польско-русского союза осенью 1787 – весной 1788 годов – потемкинского и екатерининского⁷⁷ – с той, однако, оговоркой, что Потемкин, в отличие от императрицы, с большим пониманием относился к реформаторским идеям Станислава Августа, считая, что «счастливая анархия» в Польше более выгодна ее германским соседям, чем России. К тому же выводу подводит и проведенное О.И.Елисеевой исследование трех записок Потемкина Екатерине от 27 марта 1788 года⁷⁸. Хотя она и упоминает о «потем-

кинском» проекте альянса, речь идет лишь о серьезном вкладе Светлейшего в составление русского контрпроекта.

Для появления же двух «альтернативных» проектов, как об этом говорит Л.Кондзеля, просто не было основы – Екатерина, да и Потемкин никогда, даже в период существования Тарговицкой конфедерации, не рассматривали польскую оппозицию в качестве альтернативы Станиславу Августу, используя ее только как средство давления на короля. В этой связи уместно напомнить, что Потемкин и в 1788 – 1789 годах не оставлял попыток примирить К.Б.Браницкого с королем. Осенью 1788 года через Штакельберга Екатерина добилась письменного подтверждения Станиславом Августом готовности лично наблюдать за имущественными интересами Потемкина в Польше.

Вместе с тем в течение пяти месяцев (с начала октября 1787 г. до конца февраля 1788 г.) Екатерина размышляла над польским проектом договора, хотя Потемкин всячески убеждал ее поторопиться с его заключением. Только в письме от 22 февраля 1788 года императрица согласилась с доводами князя не придавать преувеличенного значения внутренним неурядицам в Польше, а 26 февраля высказалась конкретно: «Касательно польских дел в скором времени пошлются приказания, кои изготвляются для начатия соглашения». Выражая свое отношение к польской оппозиции, Екатерина в том же письме упомянула, что не намерена привлекать в польскую армию ни «пьяного Радзивилла», ни М.Огинского, «которого неблагодарность я уже испытала», но согласна на гетмана Браницкого, а также на воеводу Русского Потоцкого. Впрочем, императрица считала необходимым проявлять осмотрительность, назначая поляков шефами полков, ибо «ветренность, недисциплина или расстройство и дух мятежа у них царствуют»⁷⁹.

В письме императрице от 17 марта 1788 года Потемкин резко высказался против подобных поверхностных оценок: «Говорю Вам истину: что у них в учрежденных войсках оное (дисциплина. – П.С.) наблюдается даже до педантства»⁸⁰, а 27 марта 1788 года направил свои замечания на проект польского короля, поступивший к нему из Петербурга 8 марта⁸¹.

В комплексе документов, подготовленных по этому вопросу Потемкиным, особый интерес представляют его замечания на мнение (очевидно, Безбородко) относительно вопросов военного взаимодействия с Польшей, снабженные комментариями императрицы. Среди десяти замечаний, сделанных Потемкиным, можно выделить следующие. Поддержав идею создания польского вспомогательного корпуса, Потемкин подчеркивал, что «на военное время выгодно потребление чужих войск, поскольку жизнь, потеряв, вернуть невозможно. Деньги же увеличат число войск, употребленных на службу». Екатерина: «На сии войска, однако, надеяться мало можно, а взять их, в рассуждении того только, чтобы другие их не употребили нам

во вред». И далее: «Никогда не было помышляемо платить Польше субсидии. Да еще такие великие – 600 тысяч червонных». Относительно происходивших в Варшаве споров о том, кто должен возглавить вспомогательный корпус: «Чем менее в корпусе войск будет, тем менее и охотников».

Потемкин: «Ежели быть сейму чрезвычайному, то надобна крайняя осторожность, чтобы конфедерация наша не возгла других по видам прусским». Комментарий Екатерины: «Колико прилично по собственному тех дворов поведению»⁸².

Что касается содержания польского проекта договора, то отношение Потемкина к ряду его положений было сдержанным. «В проекте королевском, присланном от посла, больше я вижу видов собственных короля усилить себе при сем случае не на нашу пользу», – писал он Безбородко еще 23 октября 1787 года. Интересно, что в этом же письме Потемкин рекомендовал сменить Штакельберга в Варшаве генералами М.Н.Кречетниковым или П.С.Потемкиным. На письме резолюция Екатерины: «Ни тот, ни другой ни на каком чужестранном языке грамоте не умеет»⁸³.

Тем не менее необходимость союза с Польшей никогда не ставилась Потемкиным под сомнение. В этом его позиция отличалась от мнения Безбородко, предупреждавшего Екатерину весной 1788 года о том, что «составление союза с Польшей в настоящее время представляется в двояком образе». Главные опасения Безбородко сводились к тому, что заключение русско-польского союза могло «ускорить решимость короля Прусского на введение своих войск в Польшу и на занятие Галиции». Поэтому он рекомендовал императрице переговоры с Польшей «отложить, по крайней мере, до ординарного сейма». И далее: «Чрезвычайные и насильственные меры отложить на чрезвычайные и насильственные происшествия»⁸⁴.

И тем не менее русский контрпроект союзного договора был утвержден Екатериной 12 мая 1788 года⁸⁵. Контрпроект состоял из 11 статей, без сепаратных артикулов⁸⁶. В приложенной к нему сопроводительной записке, адресованной Штакельбергу, обращалось внимание на неприемлемость статьи 10 польского проекта (об изменении польского государственного строя) и второй сепаратной статьи (о территориальной компенсации Польше в случае войны с Турцией). Изъятие сепаратного артикула объяснялось стремлением избавить республику от «каких-либо умыслов со стороны берлинского двора сделать новые приобретения за счет Польши»⁸⁷. Имеющийся в деле черновик сопроводительной записки, написанной по-французски, показывает, что над ним шла серьезная работа – в нем много исправлений, вставок, три нотабене⁸⁸.

В рескрипте Екатерины Штакельбергу от 12 мая 1788 года подробно излагался порядок окончательного согласования договора. Штакельбергу предписывалось соблюдать особую осторожность и

секретность, обсуждая договор лично с королем и узким кругом лиц по его выбору. Согласившись на то, чтобы русско-польский союз был проведен через сконфедерированный сейм, возглавляемый королем, Екатерина, однако, не поддержала предложение короля о конституционных реформах в Польше. Численность польского войска должна была быть ограничена 12 тысячами человек (вместо 20 тысяч), причем польские войска должны были сражаться под руководством русских генералов. Относительно этого последнего пункта Штакельбергу была направлена секретная депеша, датированная 19 мая. В ней послу предписывалось передать королю совет отказаться от идеи лично возглавить вспомогательный корпус польской кавалерии. Это мотивировалось тем, что, «с одной стороны, возбуждение умов в Польше требует его присутствия в столице, с другой, корпус недостаточно многочислен, чтобы его возглавил король»⁸⁹.

Вместе с тем в депеше говорилось: «Однако если его (короля. – П.С.) патриотизм и любовь к славе должны проявиться таким образом, то более удобная возможность представится при случае вступления в силу этого же договора встать во главе всей нации для того, чтобы защитить своего союзника или даже его собственную страну. В этом случае я не только буду аплодировать решению, которое он примет о том, чтобы идти впереди войск, но и буду готова отдать под его командование все свои войска, которые будут находиться на его территории»⁹⁰.

Оценивая в целом русский контрпроект, следует отметить, что, несмотря на его существенное отличие от проекта, предложенного Станиславом Августом, в этом документе была зафиксирована важная для Польши гарантия Екатериной «за Себя и преемников Своих Его Величеству Королю, Его преемникам и Республике на все земли нынешние, ее владения составляющая» (артикул 3-й). Из обязательств Польши по оказанию военного содействия России были изъяты «дела Ея императорского величества Всероссийской с ее соседями в Азии», за исключением Турции (артикул 6-й), причем предусматривалась возможность увеличения численности польского вспомогательного корпуса (артикул 7-й). В военных обязательствах сторон строго соблюдался принцип взаимности.

Вряд ли правомерно трактовать и артикул 9-й, предусматривавший, «чтоб где которая из них (договаривающихся сторон. – П.С.) не будет иметь Министра, или Поверенного в делах, или Консула, там аккредитованный другой стороны исправлял бы дела и старался о пользе подданных союзного государства, буде в том, кто из помянутых подданных нужду иметь будет», в качестве меры, ограничивающей самостоятельность дипломатических представительств Польши за границей. Думается, что эти обстоятельства не в последней мере предопределили в целом позитивную реакцию Станислава Августа на русский контрпроект.

Судя по документам русских архивов, король внимательно следил за ходом обсуждения в Петербурге проекта союзного договора и в меру имевшихся у него возможностей пытался направлять его. В депеше Штакельбергу от 15 декабря 1787 года вице-канцлер И.А.Остерман информировал посла о том, что польский дипломатический представитель в русской столице Деболи передал меморандум, в котором излагалась идея создания в Польше конфедерации «для успокоения волнующихся умов»⁹¹. Императрица, однако, сочла подобную меру преждевременной, предложив сначала закончить обсуждение текста союзного договора. Еще ранее, в ноябре, аналогичный ответ был дан Штакельбергу, предлагавшему инициировать созыв сконфедерированного сейма, чтобы «указать верный путь» польской нации.

Тем не менее идея вынесения вопроса о русско-польском договоре на обычный, а не сконфедерированный сейм представлялась опасной и Потемкину. (На сконфедерированном сейме не существовало право *liberum veto*.) «Составление союза или конфедерации есть чрезвычайный способ для приведения дел к желаемому концу», — писал он в представленном в это время Екатерине «Плане о наборе национальных войск в Польше и о составлении тамо союза»⁹². С завидной предусмотрительностью он предупреждал императрицу, что «учреждение союза» через обычный сейм чревато «бесчисленными пронырствами, дабы или вовсе такой союз уничтожить», или исказить его содержание через оппозиционно настроенных депутатов.

«Та конфедерация полезнее, сходнее, которая меньше тревог, забот и издержек влечет за собой, — написала на полях потемкинского «Плана» Екатерина. — Для сего считаю лучшим способом созвать хоть чрезвычайный сейм, а после его сконфедерировать. Посол мой должен предостерегать, чтоб в делегации для трактования особого не были помещены иные, кроме самых надежных людей». Судя по комментариям, которыми она снабдила «План», императрица считала крайне маловероятной оппозицию в Польше союзу, цель которого, по ее словам, состояла в «охранении Польши и в помощи против нынешнего неприятеля».

У Потемкина же к этому времени сложилось иное видение ситуации. «Надобно склонить на свою сторону Польского короля посредством народа, а не народ посредством короля», — писал он, предлагая еще до начала обсуждения союзного договора создать три бригады национальной конницы под начальством «верных России» (и ему лично) людей — Ф.Потоцкого, С.Ржевусского, а также И.Понятовского, которые действовали бы против турок в качестве вспомогательного корпуса.

«В заключаемый оборонительный договор сверх постановлений о помочном войске, – отметила на полях императрица, – внесены будут гарантии на целость нынешних польских владений, выгоды торговые, обещание стараться и при мире им доставить такие же по торгу выгоды и обеспечение против чьей-либо злобы за союз с Россией заключенный».

На пути реализации этих планов, однако, возникли обстоятельства совершенно неожиданного свойства. В середине октября Остерман информировал Штакельберга о том, что переговоры о русско-польском союзе, проходившие секретно, стали известны в Варшаве и дали толчок «темным слухам». «Без сомнения, досадно, что цель, которая диктовала полнейшую секретность с обеих сторон, не была достигнута»⁹³, – продолжал Остерман, отмечая, что действия, предпринятые прусским посланником в Варшаве Бухгольцем «относительно предстоящего сейма и чрезвычайных событий, которые могут в связи с этим последовать, явились полной неожиданностью для нас»⁹⁴.

«Его прусское величество не может, конечно, забыть то постоянное внимание, которое императрица со времени своего восшествия на престол оказывала для защиты интересов его монархии, – с недоумением писал Остерман в черновике той же депеши. – Ее императорское величество дала этому (самые убедительные – добавлено на полях. – *П.С.*) доказательства в ходе обсуждения и подписания раздельного договора и (урегулирования всех прецедентов, которые из этого последовали, – добавлено на полях. – *П.С.*), а также в ходе подписания Тешенского мира»⁹⁵.

Выражая недоумение появившимися признаками того, что инструкции, поступавшие из Берлина Бухгольцу, противоречили «видам России и совместным интересам двух монархий», Остерман предписывал Штакельбергу «удвоить осторожность» в вопросе о союзном договоре. «Что касается сообщения о союзном договоре, проект которого обсуждается между нами и Польшей, было бы пока несвоевременно напрямую затрагивать эту тему с берлинским двором, в том числе потому, что мы пока отложили обсуждение этого вопроса с венским двором, с которым нас связывает тесный союз»⁹⁶, – писал он. В заключение депеши Остерман информировал посла о том, что Екатерина имела в виду сообщить о предстоящем подписании русско-польского договора в Вену и Берлин после того, как работа над его проектом будет завершена⁹⁷.

Между тем с осени 1787 года Бухгольц активизировал свои контакты с оппозицией, направленные на то, чтобы сорвать планы русско-польского союза. Главная ставка была сделана им на братьев Потоцких и Сапегу, уязвленных холодным отношением к ним в Киеве со стороны Екатерины. Особый расчет при этом делался на Игнатия Потоцкого, с которым в Крыму отказался разговаривать

австрийский император. Н.И.Костомаров пишет в этой связи: «Отвергнутый, осрамленный двумя монархами и пораженный в самое сердце, Потоцкий решился всецело отдаться третьему, но после того как придется и от третьего испытать что-нибудь похожее, чем от двух первых, ему ничего не останется, как сделаться демократом»⁹⁸.

Потоцкие, Сапега и Чарторыйские составили костяк пропрусской партии, деятельность которой особенно активизировалась после подписания в августе 1788 года союзного договора между Англией, Пруссией и Голландией, острие которого было направлено против России и Австрии. Посланники Пруссии и Англии в Варшаве убеждали поляков в неизбежном расширении коалиции за счет присоединения к ней Османской империи, Швеции и ряда немецких князей. Эти аргументы приобрели особое звучание после того, как шведский король Густав III объявил в начале июля 1788 года войну России. Сторонники пропрусской ориентации в Варшаве были уверены, что Россия в союзе с Австрией не сможет победить турок, которых «поддерживала вся Европа».

В этот период с пропрусской партией сблизился С.Малаховский, будущий маршал Четырехлетнего сейма. Парадокс ситуации заключался в том, что в сентябре 1787 года Екатерина согласилась с предложением Штакельберга выплачивать Малаховскому и маршалу двора Рачинскому пенсии по полторы тысячи дукатов⁹⁹.

В партии короля «были люди, которые находили, что вся беда Польши происходит от дурного воспитания, ослабления монархической власти, беспорядков в управлении, — замечал Н.И.Костомаров. — Эти люди поэтому заботились о воспитании, думали усилить королевскую власть, ограничить произвол панов, установить законность, уничтожить *liberum veto*»¹⁰⁰. Представители партии короля, среди которых выделялись И.Хрептович, адъютант короля генерал Комаржецкий, брат Станислава Августа примас Михаил Понятовский, считали, что решение проблем Польши возможно лишь при опоре на Россию.

Существенно, что в этот период Екатерина не стремилась использовать проблемы, возникавшие в связи с Польшей в русско-пруссских отношениях, для наращивания конфронтации с Берлином. В частности, в связи с просьбой о покровительстве, с которой к ней обратились жители Данцига в начале января 1788 года, протестовавшие против повышения Пруссией таможенных тарифов, Остерман дал Штакельбергу указания исходить из того, что в Петербурге «считают справедливыми требования Пруссии о признании за ее гражданами, живущими в Данциге, равных прав в отношении импортной торговли»¹⁰¹. Вместе с тем было заявлено, что Пруссия должна снизить таможенные тарифы на три процента, что дало бы «значительные выгоды обеим сторонам». До этого, в ноябре 1787 года, представители Данцига и Пруссия достигли при посредничестве России договорен-

ности о перенесении переговоров по данцигскому вопросу из Берлина в Варшаву¹⁰².

Характерна в этом отношении и записка А.А.Безбородко Екатерине, написанная в марте 1788 года. Напоминая императрице, что она «еще в Киеве дала согласие на перенесение переговоров по Данцигу в Варшаву», Безбородко писал: «Предполагали всегда, чтобы данцигское дело так вести, дабы или король Прусский согласился на нынешнее облегчение торговли этого города, или же, в случае его уклонения от того, по крайней мере, продлили сию негоциацию, сохраняя политическое бытие сего города до того времени, когда можно будет смелее самые серьезные сделать представления».

Исключительно интересно и то место в записке Безбородко, в котором он, положительно оценив поддержку Кауницем «намерения нашего заключить союзный трактат с Польшей», информировал императрицу о намеках австрийского канцлера на новые территориальные приобретения в Польше, сопровождавшиеся предложением «представить полякам перспективу на возвращение от короля Прусского в случае враждебных его покушений той части, которая уступлена ему раздельным трактатом»¹⁰³. Реагируя, Екатерина собственноручно наложила на записку Безбородко следующую резолюцию: «Я не могу жертвовать реальными интересами моей империи, находящейся в войне с врагами имени христианского, интересам, чуждым моему делу».

И далее: «Это называется насмехаться над людьми, когда предлагают подобные вещи, это означает превратить войну против турок в войну против прусского короля. Где он (Иосиф II. – *П.С.*) собирается увеличивать свои владения? На случай Польши есть раздельный трактат, в Германии – он является главой Лиги (Священной Римской империи Германской нации. – *П.С.*), которая запрещает подобные территориальные увеличения»¹⁰⁴.

5

Информация о реакции Станислава Августа на русский контрпроект союзного договора была направлена Штакельбергом в Петербург с депешей от 26 июня (7 июля) 1788 года¹⁰⁵. Выразив принципиальное согласие с документом, подготовленным в Петербурге, король ограничил свои замечания в основном вопросами практического формирования польского вспомогательного корпуса. Особый акцент при этом был сделан на необходимость ускорения выплаты финансовых субсидий в 300 тысяч флоринов, обещанных Екатериной, поскольку польская казна не располагала свободными средствами для формирования корпуса.

Единственное серьезное возражение, сделанное Станиславом Августом, касалось редакции статьи 2-й русского контрпроекта, в кото-

рой речь шла о подтверждении договорных актов эпохи первого раздела, блокировавших реформы польского государственного устройства. «Поскольку пункты, касающиеся желаемых реформ, были изъяты из первого проекта, – предупреждал король, – в то время как они являются объектом самого страстного желания со стороны здоровой части нации, без которой король не сможет ничего осуществить в ходе предстоящего сейма, а также поскольку они ни в коей мере не изменяют пунктов договоров 1768 и 1775 годов, многие выражают самым ясным образом свое желание внести некоторые поправки в законы 1768 и 1775 годов, сходные с предложенными реформами».

В пространном сопроводительном письме от 26 июня (7 июля) 1787 года Штакельберг отмечал, что в ходе обсуждения русского контрпроекта ему с трудом удалось заставить короля и примаса отказаться от надежды на получение финансовых субсидий от России на содержание польской армии в мирное время (Станислав Август и его брат говорили Штакельбергу, что «Польша, уменьшенная наполовину вследствие раздела и лишенная торговли, не могла позволить себе столь большие расходы»)¹⁰⁶. Относительно 10-й статьи и 2-го сепаратного артикула польского проекта посол отметил, что король и примас «как всегда подчинились воле Вашего императорского величества»¹⁰⁷, высказав, однако, собственное мнение о необходимости включить в окончательный текст договора статью, предусматривающую условия компенсации Польше, для того чтобы «успокоить сейм и нацию».

Штакельберг особо отмечал, что главный принцип, которым он руководствовался в ходе переговоров с королем, заключался в попытке «объединить умы» в Польше¹⁰⁸. Он сообщил императрице, что направил письмо к Потемкину с просьбой «убедить генерала Браницкого не возбуждать волнений в польских провинциях»¹⁰⁹. Вместе с тем Штакельберг считал нецелесообразным назначение К.Б.Браницкого командующим одной из бригад польского вспомогательного корпуса, предупреждая, что «это возбудит страшные подозрения»¹¹⁰, поскольку тот «обрушивал на короля упреки в ходе последнего сейма, заявив, что тот отказался защищать родину в ходе раздела 1772 года»¹¹¹.

В заключение Штакельберг предупреждал, что обстановка с подготовкой сейма, на котором предполагалось утвердить русско-польский союзный договор, складывалась неблагоприятно. Вероятность того, что оппозиция заручится большинством голосов депутатов, он считал вполне реальной. «Договоры подписываются не только с ними (с королем и его приближенными. – П.С.) и не только с Постоянным советом. Их заключают с сеймом, который составляют три сотни крикунов, – писал Штакельберг, – и нужно ожидать самых серьезных затруднений со стороны большинства его членов, подстре-

каемых нашептываниями иностранцев, а также некоторыми главами оппозиции, которая во всем противоречит королю»¹¹². В связи с этим неутешительным прогнозом вызывает удивление, что в той же депеше Штакельберг предлагал не ограничивать длительность будущего сейма шестью неделями, считая, что этого будет недостаточно для одобрения договора, а сделать его открытым. Екатерина впоследствии сочла это предложение едва ли не основной ошибкой Штакельберга в Варшаве.

Явно страшась от возможных упреков в утечке информации, Штакельберг подчеркивал, что обсуждал российский контрпроект только с королем и его братом. Генерал Комаржевский был приглашен Станиславом Августом для обсуждения военных вопросов. В связи с имевшимся у него поручением императрицы проинформировать прусского и австрийского посланников в Варшаве сразу же после того, как контрпроект будет согласован с королем, посол сообщал, что, по его мнению, австрийский представитель уже был сориентирован Кобенцелем, а прусского посланника он предполагал проинформировать после того, как закончатся выборы депутатов¹¹³.

6

Контрпроект союзного договора с Польшей был сообщен Петербургом в Вену накануне созыва Четырехлетнего сейма. Кауниц, которому не оставалось ничего, кроме как дать своему представителю в Варшаве указание поддержать его, тем не менее предупредил Петербург о почти неизбежной дестабилизации обстановки в Польше после того, как этот документ будет передан на обсуждение сейма.

В Берлине русский проект, официально переданный Герцбергу в конце августа, вызвал взрыв возмущения. Герцберг ясно понимал, что подключение Польши к австро-российскому союзу ставило крест на его планах в отношении Данцига. Прусская политика приняла открытый антирусский характер. Усилиями прусской и английской дипломатии была заблокирована попытка Дании выполнить свои союзнические обязательства перед Россией после начала Русско-шведской войны 1788 года.

Подобострастный оптимизм, демонстрировавшийся Штакельбергом в отношении перспектив предстоящего сейма летом 1788 года¹¹⁴, сменился с начала сентября совершенно иными оценками. 12 (23) сентября 1788 года Штакельберг, излагая свои впечатления от беседы со Станиславом Августом, отмечал, что тот находится в подавленном состоянии от «открытой оппозиции и даже формальных протестов, которые позволил себе прусский министр в отношении сейма»¹¹⁵. В депеше от 21 сентября (2 октября), сообщая о том, что Пруссия довела до сведения всех сенаторов и депутатов сейма, что она будет решительно противиться заключению русско-польского

союзного договора, посол высказал мнение, что результатом подобного развития событий будет гражданская война в Польше¹¹⁶.

Вынужденный реагировать на демарш Бухгольца, не дожидаясь указаний из Петербурга, Штакельберг сказал прусскому посланнику, что инициатива русско-польского союзного договора принадлежит «королю и некоторым приближенным к нему лицам». Посол особо подчеркнул, что договор не несет в себе ни малейшего ущерба для интересов Пруссии¹¹⁷.

Встревоженная развитием обстановки в Варшаве, Екатерина предписала Штакельбергу 24 сентября 1788 года «соблюдение такой осторожности, дабы тут раздоры и другие неприятные происшествия отдалены были».

И далее: «Что принадлежит до сейма сконфедерованного, Вам известно, что мы на оной соглашались по настоянию короля и других благонамеренных, наипаче же, что и Вы оной почитали сродственным нашей воле; почему и мы на Ваше усмотрение возлагаем сообразно желанием народным и пользой дел наших, которую мы главнейше в том поставляем в сохранении его спокойствия и в отдалении участия других держав в оном, связать ли означенный сейм узлом конфедерации или же оставить свободным, отвращая в обоих случаях все те материи, кои поведут к беспокойствам, но, впрочем, если бы Вы увидели, что берлинский двор недоброхотность свою к нам до того распространяет, что и он составит в Польше партию для противодействия нам и способствовать его неблагонамеренным видам и что нашими поступками предварить или отвратить того было невозможно, в таком крайнем случае надлежит, конечно, отложить всякое уважение и предпочтительно оному утвердить нашу силу в Польше, воспользоваться добрым к нам расположением большинства из сей нации, буде Вы найдете удобным составление тесных связей с некоторой там в лучшем виде представлять долженствует, что мы ее предполагаем главнейше сохранить в целости настоящих польских владений и в соблюдении собственной тишины»¹¹⁸.

Решительный тон рескрипта Екатерины от 24 сентября, казалось бы, не предвещал того, что уже через неделю в позиции России по вопросу о союзном договоре с Польшей произойдет резкий поворот. Однако в депеше Штакельбергу от 30 сентября 1788 года И.А.Остерман проинформировал посла, что в связи с демаршами берлинского двора относительно русско-польского договора принято решение «полностью отказаться от этого дела и больше о нем вовсе не думать, учитывая, что основная цель, которую оно преследовало – спокойствие и благополучие Польши, – по-видимому не может быть достигнута из-за всякого рода происков, которые берлинский двор противопоставляет заключению указанного договора»¹¹⁹. В тот же день аналогичные указания были направлены российскому посланнику в Берлине В.Нессельроде.

Штакельбергу предписывалось проинформировать короля и «польское министерство» об изменении намерений императрицы. В то же время подтверждалось, что Екатерина «выполнит, не увязывая это напрямую, все свои обязательства в полном объеме по отношению к Польше, которые диктуют ей существующие договоры и добрососедство»¹²⁰. «Ваше превосходительство понимает, что после полного переворота, произошедшего в делах, было бы излишне продолжать работу над проектом сконфедерированного сейма, поскольку главная цель, обуславливавшая необходимость этой задачи, более не существует»¹²¹, – инструктировал Остерман Штакельберга.

Послу предписывалось также проинформировать об изменении позиции России прусского посланника Бухгольца и попытаться убедить его не препятствовать спокойной работе сейма. Разумеется, имелось в виду, что Штакельберг успеет сделать это до его открытия¹²².

7

Фактической программой польского сейма, начавшего свою работу в Варшаве 13 октября 1788 года, стали анонимно написанные и адресованные маршалу сейма С.Малаховскому письма Г.Коллонтая, коронного референтария и идеолога так называемой «патриотической партии». Коллонтай предлагал осуществить радикальные реформы польского государственного устройства, сделав королевскую власть наследственной, уничтожив Постоянный совет и *liberum veto*. Вместо него предполагалось сформировать кабинет министров, функцией которого являлось осуществление контроля пяти правительственных комиссий – финансовой, по военным делам, по иностранным делам, полицейской и образовательной. Коллонтай считал необходимым увеличить численность польской армии до 60 тысяч человек, требовал увеличения налогов при одновременном упрощении системы их сбора. Польша должна была стать федеративным государством, объединяющую функцию в котором должен был выполнять сейм, и к работе в нем Коллонтай предлагал допустить представителей от мещан и крестьян¹²³. Эта программа предопределила радикальный характер решений сейма, которому предстояло продлевать свою работу до 1792 года и войти в польскую историю под названием Четырехлетний.

Несмотря на то что вопрос о русско-польском союзном договоре не был официально вынесен на обсуждение сейма, прусский посланник огласил уже на его первом заседании, 13 октября, ноту, в которой выражался резкий протест Пруссии против проекта договора¹²⁴. Содержавшееся в ноте заявление о готовности Пруссии гарантировать независимость и территориальную целостность Речи Посполитой вызвало «неописуемый», как выразился Штакельберг в своем донесении в Петербург от 15 октября, энтузиазм собравшихся. Ответная

нота Штакельберга от 5 ноября¹²⁵, в которой он от имени Екатерины предупреждал сейм о серьезных последствиях изменения польских законов, гарантированных русско-польским договором 1775 года, была фактически проигнорирована¹²⁶.

Первая реакция Петербурга на неожиданный оборот событий в Варшаве была шоковой. В депеше от 26 октября 1788 года Остерман дал указания Штакельбергу «разделить и распустить как можно быстрее этот сейм»¹²⁷. Естественно, что, как следует из этой депеши Остермана, к этому времени в Петербурге еще не могли поверить в коварство Пруссии, ожидая реакции из Берлина на представления, сделанные через Бухгольца и Нессельроде¹²⁸.

В работе по роспуску сейма Штакельбергу предписывалось опираться на короля и примаса. Для подкрепления его аргументов Екатерина направила письмо Станиславу Августу, датированное 25 октября: «Брат мой, Вашему величеству известно, с каким энтузиазмом я восприняла проект установления более тесных связей с Польшей путем заключения оборонительного договора, который я готова была заключить с Вашим величеством и Яснейшей Республикой. Крайнее беспокойство, которое выказал берлинский двор против исполнения этого плана, как только он о нем был информирован, и прямое противодействие, которое последовало с его стороны, заставляли ожидать столь опасные последствия для благополучия и спокойствия Польши, что я сочла более приемлемым для спокойствия республики приостановить в этот момент продолжение начатых переговоров. Мой посол получил приказ проинформировать Ваше величество о моем решении»¹²⁹. Последняя фраза письма, в которой выражалось удовлетворение приверженностью короля «принципу, что интересы Польши должны быть неотделимы от интересов Российской империи», отражала непонимание в Петербурге того сложнейшего положения, в котором оказался Станислав Август в начале Четырехлетнего сейма.

В целом, неготовность Петербурга к взрыву, произошедшему в Варшаве, тем более удивительна, что Штакельберг немедленно передал Остерману текст декларации Бухгольца от 13 октября, в которой прусский посланник публично объявил о том, что еще в конце августа Штакельберг конфиденциально информировал его о намерении заключить с Польшей союзный договор. По поручению короля он ответил в том смысле, что Пруссия не видит никакой необходимости в этом, и если договор будет заключен, то Пруссия также предложит Польше подписать аналогичный договор¹³⁰.

В депеше от 30 августа (10 сентября) 1788 года Штакельберг информировал Остермана о том, что Бухголец во время объяснений по договору заметил, что «отказ продлить договор с нашим двором выставляет проект договора с Польшей в таком виде, что он является дополнением договора двух императорских дворов»¹³¹. Он напомнил также, что согласно конституции 1768 года, на которую сделана

ссылка в раздельном договоре, никакое решение такого уровня не могло быть принято тремя дворами иначе, как единогласно.

Бурное начало Четырехлетнего сейма самым негативным образом сказалось на боевом духе Австрии. В своих депешах Кобенцелю Кауниц предсказывал скорую войну России с Пруссией, без которой, по его мнению, российское влияние в Польше не могло быть восстановлено¹³². С учетом того, что вице-канцлер И.А.Остерман, члены Государственного совета А.М.Дмитриев-Мамонов и А.П.Шувалов высказывались за срочное восстановление взаимопонимания с Берлином, не меньшие опасения в Вене вызывала и возможность русско-прусского соглашения по Польше за спиной у Австрии.

Действительно, осенью 1788 года, после начала Русско-шведской войны, международная ситуация России, вынужденной вести военные действия на два фронта, серьезно осложнилась. В письме Екатерине от 17 октября 1788 года Потемкин прямо писал: «Позволь, матушка, сказать, куда наша политика дошла. Что в войне с турками, где бы все должно было соглашать, мы разодрали, так сказать, все. Бурбонцы строили на нас ковы, которые до днесь идут по их плану. Даже касательно шведской эпизоды. Они турков приутожили и не могли уже отворотить. Другие тем воспользовались, желая поставить себя нам нужными. Первые объявили себя банкротами и суще бессильными, другие в словах самых лучших, а мешают нам везде. И верно помешают. Чем им воспретить, ежели война не утихнет? Прусский король, искав продолжения трактата, накладывал сам на себя узду¹³³. Можно бы тогда его с Императором согласить и польские дела провести по желаемому. С Англией, разорвав трактат коммерческий, столь выгодный и столь натуральный, сделали мы как будто в ссоре. А за ним датский двор, которого задавят, как кошку. Я обо всем предсказывал и предупреждал от беспредельного усердия к Вам»¹³⁴.

К той же теме, но в еще более сильных выражениях Потемкин вернулся в письме императрице от 3 ноября 1787 года: «Лига сильная: Англия, Пруссия и Голландия, Швеция и Саксония и многие имперские принцы пристанут. Польша нам будет в тягость больше других. Вместо того чтоб нам заводить новую и не по силам нашим войну, напрягите все способы сделать мир с турками и устремите Ваш кабинет, чтобы уменьшить неприятеля России... Где нам сломить всех, на нас ополчившихся»¹³⁵.

Ответ Екатерины весьма интересен: «Я о том никак не сомневаюсь, что пишешь ко мне, что Лига формирована противу меня. Им сказано так, как пишешь, что мы не прочь от мира, лишь бы союзники были включены, но они, то есть Лига, тем еще недовольны: они требовали, чтобы я с Польшею союз не заключила, говоря, что сей противен их интересам. Я и на сие согласилась, велела оставить сей проект о союзе с Польшею. Теперь требуют, чтоб я войска вывела

из Польши. На сие, правда сказать, согласиться мудрено. Они хотят меня лишить союза, действуя в пользу шведов и турков, и предпринимают мне закон, грозя, будто буде не исполню, и сверх того жалуются еще на меня и каверзы всякие устраивают мне во вред и в поношение...

Вы вспомните, мой друг, что предложение о трактате Прусский король сделал в самое то время, когда он узнал, что Император признал *Kasus Federis*¹³⁶; сие предложение с тем и делано было, чтобы остановить помощь, ожидаемую от той стороны. С Англиею я никак не разорвала трактата: они не захотели его возобновить по истечении, вместо того они заключили с французами и с ними признали нейтральные правила, а нам в том отказали. Стечение обстоятельств прошу не поставить мне в вину»¹³⁷.

Те же настроения отличают депешу Остермана Штакельбергу от 9 ноября 1788 года: «Ее императорское величество удивлена поступившими от Вас сообщениями о странном взрыве, потрясшем Польшу, который был спровоцирован ревнивым соседом, менее всего интересующимся настоящим истинным благополучием республики»¹³⁸. Выражая тревогу быстрым распространением в Польше «политического фанатизма», поощряемого Берлином, Остерман предписывал Штакельбергу активно противодействовать проискам Пруссии в Польше. Резко осуждая политику Пруссии, направленную на подрыв русского влияния в Польше и замену его прусским, Остерман прямо отметил, что тайные планы Пруссии «направлены на то, чтобы навязывать Польше проекты, разрушительные как для ее торговли и собственности, так и затрагивающие целостность ее владений, гарантированные Ее величеством»¹³⁹. В целом тон этой депешы Остермана резко контрастирует с предыдущими указаниями Штакельбергу, совершенно очевидно направленными на умиротворение Берлина.

Еще более важно, на наш взгляд, для понимания настроений Екатерины II в критические дни осени 1788 – весны 1789 года ее собственноручное письмо Штакельбергу от 15 декабря 1788 года. Приводим его текст полностью: «Господин граф Штакельберг, мне кажется, что этот несчастный сейм похож на реку, воды которой ветер гонит в обратном направлении. На нем делается много напрасных усилий для того, чтобы идти против законов природы. Я не сомневаюсь, что партия, которая одержала верх на этом сейме, не преминет выразить свою радость, когда узнает о том, что прусский король и его министры ни на миг не прекращали делать предложения о возобновлении со мной союзного трактата и предложений посредничества для установления всеобщего мира. Если Вы считаете, что эти новости могли бы произвести хорошее впечатление в нашу пользу в Польше, Вы можете предать их огласке, но без аффектации; мне предлагают даже выгодные условия. Когда я приму решение относи-

тельно моих дальнейших действий, я извещу Вас об этом. Будьте здоровы. Екатерина»¹⁴⁰.

Письмо это интересно и как иллюстрация углубившихся в тот период расхождений между Потемкиным и Екатериной по польским делам. Если Екатерина не исключала осенью 1788 года даже войны против Пруссии с тем, чтобы воспрепятствовать ей в овладении Данцигом¹⁴¹, то Потемкин, находившийся в Петербурге в феврале – мае 1789 года, зондировал в разговорах с прусским посланником Келлером возможность восстановления скоординированной политики России и Пруссии по отношению к Польше, высказывая при этом сожаление, что в 1772 году Россия, Пруссия и Австрия не поделили между собой всю территорию Речи Посполитой¹⁴².

В этих непростых условиях Екатерина, прекрасно понимавшая, что уступка Пруссии в вопросе о Данциге и Торне быстро парализовала бы деятельность антирусской коалиции, проявила присущую ей твердость. Начавшиеся было разговоры о новом разделе Польши прекратились, не получив никакого практического развития. Австрийский союзник был успокоен после того, как в мае 1789 года австро-русский союз был продлен еще на восемь лет новым обменом письмами между ней и Иосифом II.

III

МИССИЯ М.М.АЛОПЕУСА В БЕРЛИНЕ В 1788 – 1795 ГОДАХ

1

Генезис формирования позиции России в отношении второго и третьего разделов Польши трудно понять без внимательного анализа деятельности в Берлине в 1788 – 1795 годах российского дипломата Максима Максимовича Алопеуса. Важность его миссии в Берлине, носившей до 1791 года неофициальный характер¹⁴³, была предопределена тем, что М.М.Алопеус выступал в качестве личного представителя Екатерины II, обеспечивая фактически прямой канал связи императрицы с прусским королем Фридрихом Вильгельмом II. Его контакты с королем и первым прусским министром Герцбергом, а затем с фаворитом короля полковником Бишофсвердером не только позволяют глубже представить себе расстановку сил при петербургском дворе в польском вопросе. Из них, по существу, выросли русско-прусские договоренности по второму разделу Польши.

Характер миссии Алопеуса и достоверность его донесений вновь стали в последнее время предметом полемики, в ходе которой, од-

нако, основным объектом внимания являются оценки внешней политики Пруссии того времени¹⁴⁴. Эти дискуссии базировались, однако, на первой части дипломатической переписки Алопеуса, опубликованной во Львове в 1902 году¹⁴⁵. С учетом этого трудно не согласиться с мнением Л.Кондзели, отметившего, что, «лишь дополнив донесения посла России другими не опубликованными до сих пор документами российского правительства, мы сможем окончательно разрешить загадки Алопеуса, а также определить кратковременные изменения в политике России по отношению к Пруссии и польскому вопросу на протяжении 1789 – 1793 годов»¹⁴⁶.

Наиболее ранние из хранящихся в АВПРИ документов о миссии Алопеуса относятся к лету 1788 года, что позволяет соответствующим образом скорректировать устоявшиеся представления о ее хронологических рамках¹⁴⁷. Ко времени начала его миссии в Берлине М.М.Алопеусу было 40 лет. Он происходил «из шведского дворянства» (сын лютеранского пастора). Родился в Выборге, изучал богословие в Абосском и Геттингенском университетах. В 1769 году поступил на службу в Коллегию иностранных дел в Петербурге актуарием. Н.И.Панин, отличавший его, сделал Алопеуса правителем своей канцелярии. В 1785 году, через два года после смерти Панина, Алопеус был назначен полномочным министром в Эйтин¹⁴⁸. Следует отметить, что служба при дворе епископа Любекского, которому в 1773 году были переданы наследственные голштинские владения Павла Петровича, обмененные впоследствии на Ольденбург и Дельменгорст, была связана и с обеспечением родственных связей Екатерины и ее сына. По некоторым сведениям, Алопеус служил в Эйтине посредником в тайной переписке Павла Петровича с прусскими королями Фридрихом II и Фридрихом Вильгельмом II¹⁴⁹.

Фридриху Вильгельму Алопеус был представлен еще в ходе его посещения Петербурга в 1780 году, с Герцбергом и Бишофсвердером сблизился, часто бывая по делам службы в Берлине¹⁵⁰. Решение о направлении Алопеуса в Берлин со специальной миссией, целью которой было в ходе прямого контакта с Фридрихом Вильгельмом постараться снять негативные настроения, образовавшиеся в русско-пруссских отношениях после отказа Екатерины осенью 1787 года продлить союзный трактат с Пруссией, было принято императрицей в первой половине июня 1788 года, то есть в тот момент, когда в Петербург начали поступать первые сведения о противодействии Берлина заключению союзного договора России с Польшей. Указ об отзыве российского посланника в Берлине С.П.Румянцева, деятельностью которого были недовольны и в Петербурге, был предreshен. Его преемник В.Нессельроде, служивший дипломатическим представителем России в Португалии, прибыл в Берлин только в сентябре 1788 года.

Миссии Алопеуса с самого начала был придан строго секретный характер. Инструктировал его лично вице-канцлер И.А.Остерман, которому он и направлял отчеты о своих беседах с королем и прусскими министрами.

24 июня 1788 года Алопеус прибыл из Петербурга в Кенигсберг, а в начале июля был уже в Берлине. Беседа российского дипломата с Фридрихом Вильгельмом, о которой он доложил в своей депеше из Эйтина от 15 (26) июля 1788 года¹⁵¹, была устроена Герцбергом, встретившим Алопеуса подчеркнуто любезно. Той же любезностью отличалась и беседа Алопеуса с королем, принявшим его в своем дворце в Шарлоттенбурге. В ответ на сделанные Алопеусом заверения в дружеских чувствах российской императрицы к прусскому королю Фридрих Вильгельм сказал, что он дал «убедительные доказательства своего стремления развивать их, хотя, к сожалению, и не встретил в этом взаимности». Алопеус не без колкости заметил, что «нужна непредвзятость для того, чтобы понять принципы, которыми руководствуется императрица».

Затем король, поставив условием, чтобы все сказанное «осталось между ним, Герцбергом и Алопеусом», сказал, что он «никогда не мог понять, почему его предложение о возобновлении древнего и столь прочного союза было отклонено и к тому же этот отказ сопровождался столь странными обстоятельствами»¹⁵². Алопеус, руководствуясь инструкциями Остермана, сказал, что «весьма существенные интересы России придают особую цену дружбе Императора (австрийского императора Иосифа II. – П.С.); этот основополагающий государственный интерес стал в настоящее время тем более важным, что этот государь направил все свои силы против державы, напавшей на Россию самым грубым и неожиданным образом». Учитывая живое участие австрийского императора в российских делах, императрица сочла невозможным возбуждать вопрос, «который мог бы породить некоторые сомнения в уме ее союзника». Любые другие расчеты, особенно «связанные с тем, чтобы поощрять проекты увеличения австрийского дома в Германии, никогда не обсуждались; императрица, устанавливая связи с Австрией, скорее вынашивала план восстановления союзной системы между Россией, австрийским императором и Пруссией, выгоды которого, в том числе и для положения Германии, очевидны».

Это заявление Алопеуса представляется важным, поскольку вписывается в устоявшееся в исторической литературе представление об изначально предвзятом отношении Екатерины к Пруссии и политике Фридриха Вильгельма II. С учетом высокой оценки, которую Екатерина дала впоследствии беседе, проведенной с Алопеусом, можно считать, что он строго следовал данным ему в Петербурге инструкциям. В таком случае правомерен, на наш взгляд, вывод о том, что, заключая союз с Иосифом II, Екатерина имела в виду при-

дать ему со временем тройственный формат, преодолев взаимное недоверие Вены и Берлина. В этой связи возникает, кстати, и параллель с линией на «гармонизацию» отношений России с двумя германскими государствами, которой российская императрица придерживалась накануне первого раздела Польши.

К подобному заключению подводят и слова Алопеуса, сказанные на этот раз с прямой ссылкой на императрицу, о том, что «она преисполнена решимости строго соблюдать обязательства, которые взяла на себя в соответствии с Тешенским миром, если Ваше величество окажет ей доверие, избавит от ложных представлений и предоставит совместно с ее союзником разобраться с Портой». Разъяснения произвели, по словам Алопеуса, успокаивающее действие на короля. Он сказал: «Я всегда был склонен смотреть на ваш тесный союз с Императором в контексте ваших отношений с турками. Однако естественно и то, что покойный король был обеспокоен подобным событием, которое могло потрясти прочный союз, столь долго существовавший между нашими двумя монархиями к их обоюдной выгоде. Он смотрел на него как на самое ценное наследство, которое он оставлял своему преемнику. Вследствие этого я всегда убеждал себя в том, что столь естественная дружба, которая существовала между императрицей и мной, когда-нибудь снова возродится в том виде, в каком она существовала прежде». Фридрих Вильгельм просил Алопеуса убедить императрицу в неосновательности слухов о том, что прусские посланники в Константинополе и Стокгольме настраивали турок и шведов против России¹⁵³.

Далее король, обрушившись с упреками на посланника С.П.Румянцева, заявлявшего, по его словам, что Россия никогда не возобновит своего союза с Пруссией, попросил отозвать его в Петербург. Алопеус, по всей видимости, готовый к такому повороту разговора, обусловил это отзывом из Петербурга прусского посланника барона Келлера. «Мне достаточно знать, что он сделался неприятным императрице, для того чтобы отозвать его», — ответил Фридрих Вильгельм.

В заключение Алопеус по своей инициативе поднял вопрос о Данциге, который, как можно было понять, считался в тот момент в Петербурге одним из важнейших в комплексе русско-пруских отношений. Смягчение прусской политики в отношении Данцига, заметил русский дипломат, стало бы «достаточным доказательством того, что в Берлине не побуждают этот город сменить хозяина». «Даже если бы это и хотели сделать, — ответил король, — это было бы затруднительно, поскольку для этого необходимо согласие всех сословий, между тем как к этому склонно только одно из них». «Договоры, подписанные относительно Данцига, — отвечал Алопеус, — никоим образом не позволяют изменить нынешнее состояние вещей в этом городе». На это Фридрих Вильгельм отреагировал заверением

твердо соблюдать свои международные и двусторонние обязательства в отношении Данцига.

Уже прощаясь, Алопеус «обронил, – как он пишет, – несколько слов относительно беспокойства, распространяющегося в Польше». В ответ король рассмеялся, заверив его, что «ему никогда не приходила в голову мысль сеять волнения среди поляков, несмотря на вызывающее поведение Потоцкого и его сограждан». Для дальнейших объяснений по вопросу о Данциге король адресовал Алопеуса к Герцбергу.

Герцберг, с которым Алопеус дважды встречался до своего отъезда из Берлина, сказал ему, что король был очень доволен состоявшейся беседой¹⁵⁴. В отношении Данцига, однако, Герцберг высказывался гораздо более осторожно, чем король, заметив, что Пруссия «не может позволить себе ради жителей Данцига пожертвовать интересами подданных прусского короля». Он попытался представить проблему Данцига как чисто финансовую, заметив, что понижение таможенных пошлин негативно сказалось бы на прусском бюджете. Тем не менее он обещал Алопеусу направить от имени короля указания прусскому резиденту в Данциге «заявить горячим головам в этом городе, что они не должны не только рассчитывать, но даже думать о том, чтобы сменить хозяина».

Завершая беседу, Герцберг, подчеркнув доверительность этой информации, сообщил Алопеусу, что король собирается сменить в Петербурге Келлера маркизом Луккезини. Алопеус, оговорившись, что не знает Луккезини лично, тем не менее написал Остерману, что маркиз, сыгравший вскоре столь однозначную роль в Варшаве, пользуется высокой репутацией в Берлине как политик и литератор, входит в ближайшее окружение Фридриха II и нынешнего короля.

Сразу же после возвращения в Эйтин Алопеус направил личное письмо Герцбергу (очевидно, для того, чтобы письменно зафиксировать антишведские высказывания прусского министра)¹⁵⁵. В ответном письме Герцберг вполне удовлетворил ожидания Алопеуса, употребив фразу о том, что «Густав III наконец-то решился сбросить маску»¹⁵⁶.

Давая характеристику Герцбергу, Алопеус писал, что прусский министр – «человек системы», очень эгоистичный, характера живого и нетерпеливого, но вместе с тем честного и прямого. Страсть Герцберга к «систематическому пониманию событий сделала идею равновесия держав в Европе его идеей фикс». Он внушил королю представление о том, что Пруссия призвана стать миротворцем Европы¹⁵⁷.

В той же депеше от 20 (31) декабря 1788 года Алопеус предложил направить с тайным поручением к герцогу Брауншвейгскому как к ближайшему союзнику Пруссии барона А.Ф.Ассебурга, находивше-

гося с 1773 года на дипломатической службе России. При этом он ссылаясь, что земли Ассбургга находились рядом с Брауншвейгом или в самом Брауншвейге и его поездка не могла вызвать подозрений. Приписка, сделанная на полях депеши рукой Екатерины: «Направьте к нему Ассбургга и опишите ему в деталях, как прусский король разрушает в Польше здание, которое его покойный дядя помогал возвести, и как он вмешивается в несправедливую войну Швеции, вызывая недовольство в отношении себя со стороны России, которая оказала услугу покойному прусскому королю, и каким образом безобразия, которые он творит в Польше и Дании, не могут рассматриваться нами как свидетельства его дружбы»¹⁵⁸. Эти несколько строк показывают, на наш взгляд, истинное отношение Екатерины к политике Пруссии в отношении Речи Посполитой.

2

Судя по всему, первоначально Екатерина не имела в виду придавать миссии Алопеуса постоянный характер. Осенью 1788 года в Берлин выехал новый российский посланник В.Нессельроде, служивший до этого на той же должности в Лиссабоне (решение о смене дипломатического представителя в Пруссии было принято Екатериной в июне, еще до просьбы об отзыве С.П.Румянцева, переданной Фридрихом Вильгельмом через Алопеуса).

13 октября 1788 года она направила Нессельроде собственноручные инструкции, в которых изложила свои взгляды на отношения с Пруссией. «Вы знаете, что мои мысли и желания вполне миролюбивы, — писала императрица. — Это, насколько я понимаю, вполне отвечает истинным намерениям прусского короля, несмотря на внешне противоположные проявления его политики или того, что о ней публикуют. Я хотела бы вновь подтвердить, что вполне разделяю заверения, которые он мне неоднократно давал относительно готовности поддерживать со мной полную гармонию и дружбу. Подобные чувства вполне отвечают моим, и я всегда с большою воспринимала все, что этому вредило. Вот принципы, на которых я поручаю Вам разговаривать с королем»¹⁵⁹.

Остановившись далее на причинах войн России с Турцией и Швецией, Екатерина заметила, что «первую из этих агрессий приписывают, по крайней мере, частично проискам посланника Пруссии в Константинополе, однако король заверил меня, что он действовал против его инструкций». Поручив Нессельроде передать королю, что она «пытается заставить себя не верить слухам, распространенным по всей Европе, что войны с Турцией и Швецией явились результатом подстрекательства Пруссии»¹⁶⁰, Екатерина просила его обратить внимание Фридриха Вильгельма на то, что шведский король продолжал публично заявлять о поддержке его политики Берлином.

Весьма критически высказалась Екатерина и о деятельности прусской дипломатии в Польше. Затронув вопрос о позиции Пруссии в отношении русско-польского союза, Екатерина подчеркнула, что «он не имел другой цели, кроме как остудить возбужденные умы поляков и воспрепятствовать им вновь впасть в беспокойство, вредное для дела мира». Свое решение отказаться от заключения договора с Польшей императрица мотивировала стремлением «развивать дружбу с королем Пруссии».

Заслуживает внимания и вывод, к которому императрица приходит в заключение своих инструкций Нессельроде: «Приходится думать, что, поскольку дело зашло так далеко, что берлинский двор выработал собственный план, вследствие которого он и действует. Я думаю, что будет весьма трудно заставить его отказаться от этого плана, однако, если вы видите путь, который позволил бы избежать дальнейших несчастий, вы окажете этим большую услугу человечеству».

Нессельроде, однако, не оправдал ожиданий, которые связывала Екатерина с его появлением в Берлине, «гармония и дружба» не складывались. Разочарование Екатерины уже первыми шагами своего представителя в Берлине в полной мере отражает ее письмо Нессельроде от 15 декабря 1788 года¹⁶¹. Сославшись на беседу Нессельроде с Герцбергом, императрица в жесткой форме сделала ему выговор за фактически дословное изложение данных ему для устной беседы инструкций в форме дипломатической ноты. На будущее она категорически запретила Нессельроде этот способ общения с прусскими представителями, отметив, что «берлинский двор имеет весьма дурную репутацию вследствие того, что публикует каждый клочок бумаги, попадающий к нему в руки, для того чтобы продемонстрировать всему миру тот важный тон, те грубости, которые он позволяет себе со мной».

Комментируя слова Герцберга о том, что «король еще не принял окончательного решения относительно своего образа действий, во всяком случае, во всем, что касается того, что могло бы привести к разрыву между ним и Россией», Екатерина ответила, что у нее сложилось как раз обратное впечатление. «Не поддавайтесь мнимой откровенности и прямоте, с которой с вами говорит Герцберг: действия его двора самым несомненным образом выдают его двоедушные. Когда этот министр заверяет нас от имени короля, что тот еще не определился в отношении своего образа действий, которые могут привести к разрыву отношений между ним и мной, – это не более чем сотрясение воздуха. Одно требование вывести русские войска из Польши по первому требованию двух прусских представителей в Варшаве показывает их отношение ко мне, относительно которого, впрочем, их демарши не оставили никаких сомнений».

Заметно категоричнее высказалась императрица и относительно мотивации Герцбергом действий Пруссии в отношении русско-австрийского союза, подчеркнув, что не может верить аргументам, призванным оправдать их «опасениями Пруссии оказаться в изоляции как на Севере, так и в Польше». В подтверждение Екатерина сослалась на то, что Герцберг не выполнил своего обещания ни относительно того, что польский сейм «спокойно закончит все к 15 декабря», ни относительно назначения Луккезини в Петербург, где «потребуется не более четырех месяцев переговоров для того, чтобы снять все трудности, проявившиеся между двумя дворами».

Подчеркнув, что «единственной целью, которую она ставила перед заключением союза с Польшей», было «побудить эту беспокойную, легкомысленную нацию задуматься о собственной обороне перед лицом общего врага Христианства, относительно которого ни один из его соседей не может быть спокоен», Екатерина в подчеркнуто резких выражениях осудила действия Пруссии в этой связи, охарактеризовав их как «сеть интриг» и подчеркнув, что «они сами выдумали химеры, против которых борются».

Предписывая Нессельроде строить свои дальнейшие беседы с Герцбергом в соответствии с высказанными ею замечаниями, Екатерина особо подчеркнула, что, поскольку «все неблагоприятные поступки прусского короля по отношению к нам пытаются объяснить мерами необходимой безопасности, я должна заявить, что я сама и прусский король прекрасно знаем, что Пруссии было нечего опасаться с моей стороны; таким образом, все эти разговоры представляются мне совершенно безосновательными».

Однако, как показывает анализ дипломатической переписки Нессельроде с Петербургом, выполнение столь сложных и деликатных задач было ему явно не по плечу. Его депеши Остерману педантичны, полны мелких новостей. Достаточно сказать, что основным источником информации для него был испанский посол в Берлине¹⁶².

В связи с этим в начале июня 1789 года Алопеус вновь появляется в Берлине. Главной его задачей на этот раз было выявление истинных намерений Пруссии в отношении Русско-шведской войны. Через свои берлинские источники Алопеус обнаружил два частных прусских банка, через которые осуществлялись финансовые переводы в Швецию¹⁶³. Интересно, что, сообщая об этом в Петербург, Алопеус не преминул заметить, что «граф Нессельроде, с которым я об этом говорил, твердо заверял меня, что в финансовой помощи Швеции было отказано»¹⁶⁴.

В беседе с Алопеусом 12 (23) июня Фридрих Вильгельм II сказал: «Мои чувства относительно шведского короля не меняются. Уверяю Вас, что этот государь никоим образом не консультировался со мной относительно своих действий»¹⁶⁵. Это дало основания Алопеусу сделать в своем докладе Остерману вывод о том, что шведские

дела «развернулись неожиданным образом, который в Берлине не предвидели в ходе его посещения Пруссии»¹⁶⁶.

Вновь, как и в 1788 году, король выделил две болевые точки русско-пруссских отношений: он напомнил, что с марта 1788 года не получил ответа на свое предложение возобновить союзный договор с Россией, выразил сожаление, что такая же судьба постигла и предложение о прусско-английском посредничестве в деле примирения России и Швеции.

«Упоминание, которое король сделал относительно Польши, дало мне прекрасную возможность представить в истинном свете все, что имело отношение к переговорам о проекте договора между Россией и этим королевством... Король не спорил, что цель этого договора относительно Пруссии, скорее всего, была совершенно невинной. Он добавил даже: «Так же я смотрю на ваши обязательства в отношении Императора»¹⁶⁷.

Совершенно иной характер имела беседа Алопеуса с Герцбергом, который «с симпатией говорил о Густаве III»¹⁶⁸. Причину такого поворота в позиции прусского министра Алопеус увидел в том, что «берлинский двор действует в самом совершенном согласии с лондонским. Это оттуда поступает порох, который взрывается в Берлине»¹⁶⁹.

Как можно судить по первому отчету Алопеуса Остерману от 7 (18) июля 1789 года, вице-канцлер рекомендовал ему на этот раз искать выход на короля через Бишофсвердера, а не через Герцберга¹⁷⁰. Однако Бишофсвердер уклонился от встречи с Алопеусом, рекомендовав ему иметь дело по политическим вопросам только с Герцбергом¹⁷¹. С большим трудом Алопеусу удалось наладить личную переписку с Бишофсвердером, причем тот умолял российского представителя «сохранить ее в непроницаемой тайне»¹⁷².

Результатом этой переписки стало достижение договоренности об установлении тайного канала прямой связи между Фридрихом Вильгельмом II и Екатериной через Бишофсвердера – Алопеуса – Остермана. Характерно, что прусский король просил Алопеуса направлять его сообщения, предназначавшиеся для императрицы, только через Остермана. Ясно, что, действуя таким образом, король имел в виду не только сложную расстановку сил при собственном дворе, где не ладили два министра, отвечавшие за внешнюю политику, – Герцберг и Финкенштейн, – но и, возможно, проавстрийские симпатии Безбородко¹⁷³.

3

В ходе очередного пребывания Алопеуса в Петербурге во второй половине августа – первой половине сентября 1789 года его миссия в Берлине была институционализирована. Вице-канцлером были под-

готовлены четыре инструктивных письма¹⁷⁴, в первом из которых Алопеусу предписывалось срочно вернуться в Берлин, чтобы «развить успех, которого он добился». При этом Остерман отмечал, что Екатерина, ознакомившись с результатами июльской поездки Алопеуса, сочла, что «они были достаточно эффективны для того, чтобы рассеять, по крайней мере, частично, облака, которые затемняли разум прусского монарха и внушали ему сомнения относительно правоты и невинности демаршей, которые она предпринимала в течение некоторого времени»¹⁷⁵. В качестве главной цели дальнейшей работы Алопеуса в Берлине Остерман назвал достижение договоренности о том, чтобы «избегать раз и навсегда недоразумений, которые могли бы нарушить установление такого порядка вещей, который представляется соответствующим пожеланиям обеих сторон»¹⁷⁶.

Отметив, что «источником всех опасений Пруссии явился союз между Россией и Австрией»¹⁷⁷, Остерман как бы приоткрыл дверь в отношении возможного изменения российской позиции по вопросу о возобновлении союзного договора с Пруссией, подчеркнув, что предложения Фридриха Вильгельма на этот счет были «отклонены, но не категорически отвергнуты»¹⁷⁸. В качестве временного ориентира возобновления русско-прусского договора Остерман назвал окончание войны с Турцией¹⁷⁹.

Второе письмо Остермана посвящено шведским делам. Новым моментом в нем являлось предписание обсудить с Фридрихом Вильгельмом идею о том, чтобы «передать королевские функции в руки нации, связи с которой он порвал против его воли; это не может ни в коей мере противоречить интересам прусской монархии»¹⁸⁰. При этом имелось в виду, очевидно, восстановление ситуации, существовавшей до августовского 1772 года госпереворота в Швеции.

В третьем письме Остерман, подчеркнув повысившуюся важность миссии Алопеуса, поручил ему прочитать основное содержание своего первого письма королю в присутствии Герцберга, а второго (по шведским делам) – только лично королю¹⁸¹.

Судя по инструкциям Остермана, не потеряла важность и задача, которая ставилась перед июньской поездкой Алопеуса. «Информация, которую мы получаем из Берлина, Лондона и Копенгагена, – писал Остерман, – различается между собой и не позволяет нам сформировать определенную линию относительно того, какой из двух дворов, лондонский или берлинский, более старается вызвать затруднения в том, что касается нашей войны со Швецией»¹⁸². При этом Алопеусу предписывалось соблюдать сугубую осторожность¹⁸³ в контакте с прусскими представителями, поскольку те заявления, которые были даны ему в Берлине, «не были подтверждены потом реальными делами»¹⁸⁴. Ориентируя Алопеуса, Остерман особо подчеркнул «неудобность для России в возобновлении союзного договора с Пруссией в настоящее время»¹⁸⁵.

В четвертом письме Остерман рекомендовал Алопеусу говорить в Берлине, поясняя цели своего приезда, что он «едет в Ахен и другие места Европы» для поправки здоровья¹⁸⁶.

В дополнение (а возможно, взамен) к инструктивным письмам Остермана¹⁸⁷ Екатерина после устного доклада Алопеуса распорядилась подготовить проект инструкций ему от ее имени¹⁸⁸. Еще раз подчеркнув секретный характер миссии Алопеуса, Екатерина определила статус Алопеуса как «простого путешественника», разрешив ему в зависимости от обстоятельств оставаться в Берлине или избрать в качестве постоянной резиденции Дрезден либо же любой из германских городов.

Отметив, что целью его настоящей миссии является «предельно ясно представить прусскому королю полное соответствие намерений императрицы с его планами во всем, что касается русско-прусского сближения и отношений доверия с этим государем»¹⁸⁹, Екатерина четко сформулировала вопросы, которые Алопеусу поручалось обсудить в Берлине: «союз с венским двором; отказ или, скорее, перенос по времени возобновления союза, который существовал с берлинским двором; проект союза с Польшей; и наконец затруднения, которые мы испытываем относительно принятия посредничества короля Пруссии и восстановления мира с Османской Портой и королем Швеции»¹⁹⁰.

Детальное изложение Екатериной своей позиции по каждому из этих четырех пунктов развивает положения, высказанные Остерманом¹⁹¹, а также указания, дававшиеся Алопеусу в 1788 году. Их анализ показывает, что осенью 1789 года Екатерина еще питала иллюзию объясниться с Фридрихом Вильгельмом, вернувшись к налаженной после первого раздела Польши схеме «гармоничного взаимодействия» с обоими германскими государствами. Подчеркивая, что при обсуждении этих вопросов Алопеусу следовало «избегать всего, что было бы похоже на жалобы, упреки или обвинения»¹⁹², Екатерина стремилась, очевидно, апеллировать лично к Фридриху Вильгельму, неоднократно прямо упоминая, что она хотела бы восстановить тот уровень доверия с прусским монархом, который существовал при жизни Фридриха II. Если же принять во внимание, что вопрос о Данциге и Торне, единственный по-настоящему интересовавший прусского короля, неизменно выводился из круга вопросов, которые предлагалось обсуждать Алопеусу, трудно не увидеть в этом скрытого намека на договоренности, которые существовали по этому вопросу между Екатериной и Фридрихом, как известно, жестко пресекавшим при жизни все попытки Герцберга «реанимировать» данцигский вопрос.

К подобному выводу подводит также данный Алопеусу перед его отъездом «Проект наказа», в конспективной форме излагавший позицию России по польским делам. «О Данциге и Торне надлежит

всемерно удаляться входить в разъяснение, – говорилось в нем, – но в случае сильного настояния берлинского двора узнать нашу мысль, надобно дать ему чувствовать всю важность и нежность сего пункта. Постановления о сих местах не нами одними зделаны, но обще с венским двором. Приобретение таковое со стороны короля Прусского убедит и других, кои тягости особые несут, соразмерить тому и свои притязания»¹⁹³.

В конце этого документа есть помета: «С сей записки даны господину Алопеусу копии, списанные его рукой 14 сентября 1789 года»¹⁹⁴. За ней следует такой пассаж: «Отторжение Галиции от Австрийской Монархии дело еще невозможное, не требующее никаких доводов к опровержению известного плана (очевидно, имеется в виду «план Герцберга». – П.С.). Должно надеяться, что король Прусский сам утвердится в невозможности того плана: что же принадлежит до Молдавии и Валахии, их жребий теперь решать не время, а настанет оное тогда, когда мы можем ближе с берлинским двором изъясниться»¹⁹⁵.

В совокупности наставления, данные Алопеусу по польским делам, вряд ли могут трактоваться иначе, как попытка Петербурга отвести «план Герцберга». Нетрудно представить, что набор подобных аргументов не мог способствовать нормализации российско-пруссских отношений. К тому же, как заметил Финкенштейн в первой после его возвращения в Берлин беседе с Алопеусом (28 октября (8 ноября) 1789 г.), во время его отсутствия многое изменилось – несколько искусственный интерес, который демонстрировали в Берлине к вопросу «сохранения Швеции», сменился нескрываемой обеспокоенностью успехами России и Австрии в войне с Турцией.

«Кто поручится за умеренность Императора после взятия Белграда и как соизмерить его интересы с интересами Пруссии?»¹⁹⁶ – таков был первый вопрос, с которым обратился король к Алопеусу. В ответ Алопеус, как и было предписано ему Остерманом, изложил свои инструкции по шведским делам. На это король, опершись на подоконник, ответил: «Послушайте, шведский король мне безразличен. Я уже говорил Вам прошлым летом с полной откровенностью и справедливостью и еще раз повторяю это сегодня. Он непорядочно вел себя по отношению к императрице, и она имеет все основания потребовать удовлетворения. Что касается меня, то хотя я и не хотел бы вмешиваться в это дело, должен сказать, что все же это король и не нужно унижать его слишком сильно. Я согласен всем сердцем, что Ее императорскому величеству необходима компенсация, но я не могу действовать один в этом деле. Мне нужно согласовать позицию с моим союзником королем Англии»¹⁹⁷.

Алопеус, несмотря на свой статус «простого путешественника», нашел возможным отправиться к английскому послу в Берлине Эварту. Тот, однако, с самого начала подчеркнул, что беседует с

Алопеусом в качестве частного лица. По шведским делам посол не сообщил Алопеусу ничего утешительного, заметив, что в Лондоне обеспокоены намерениями России в отношении территориальной целостности Швеции¹⁹⁸.

В довершение всего 29 октября Бишофсвердер сообщил Алопеусу о желании короля возобновить прямую переписку с Екатериной. Алопеус оказался в двусмысленном положении: при желании этот ход с прусской стороны можно было истолковать как отказ от поддержания контактов по каналу Бишофсвердер – Алопеус – Остерман, который, судя по всему, вполне устраивал Екатерину¹⁹⁹.

С учетом этого понятно определенное недоверие, которое высказывается рядом исследователей в отношении достоверности сведений, сообщаемых в дальнейших депешах Алопеуса из Берлина. В частности, резюмируя свои беседы с королем, Алопеус в отчете Безбородко, датированном 29 октября (9 ноября) 1789 года, писал: «Кажется, что он (король. – П.С.) не очень привязан к идеям господина Герцберга, в особенности в том, что касается восстановления Галиции, и он прекрасно ощущает, что в польские дела он оказался втянут далее справедливых границ тем непредсказуемым и громокипящим итальянцем, который вкладывает в дела всю живость новичка»²⁰⁰. Содержащаяся в том же отчете оценка мотивов поведения Фридриха Вильгельма, «союз которого с Георгом III так связал ему руки, что один он действовать не может»²⁰¹, также выглядит натяжкой.

4

К началу 1790 года антирусский характер политики Пруссии в Польше стал настолько очевидным, что в депеше Остерману от 5 (16) января 1790 года Алопеус признался: «Я в отчаянии от оборота, который принимают мои переговоры. Выше человеческого сил оторвать этот двор от избранной им системы»²⁰². Признав, что король «продолжает уклоняться от встреч» с ним, Алопеус предупреждал: «Момент кризиса приближается, и необходимо взвесить его последствия»²⁰³.

После того как 10 декабря 1789 года Фридрих Вильгельм распорядился начать переговоры с Польшей о заключении союзного договора, польский вопрос занял центральное место в беседах Алопеуса с Бишофсвердером. В ответ на заявление Алопеуса, что Пруссия позволяет себе в Польше то, против чего она протестовала в отношении России, Бишофсвердер сказал, что «русско-польский союз вел к войне, а польско-прусский ведет к миру»²⁰⁴. Развивая этот вполне демагогический тезис, прусский представитель отмечал, что «если русско-польский союзный договор изменил бы баланс сил в Европе, сделав его три к одному не в пользу Пруссии, то прусско-

польский союз восстанавливает экилибр»²⁰⁵, сделав счет два-два. Одновременно Бишофсвердер заверял Алопеуса в том, что Пруссия не имеет никакого отношения к «беспорядкам в Польше» и не намерена оказывать помощь мятежникам, а слухи о том, что такая помощь могла быть оказана, распространялись самими поляками²⁰⁶. Относительно Данцига и Торна Бишофсвердер утверждал, что поляки якобы сами предложили эти два города Пруссии при условии, что таможенные пошлины на Висле будут снижены в четыре раза. Обсуждавшийся в Варшаве договор с Польшей он называл «оборонительным и коммерческим».

Как известно, Станислав Август действительно, пытаясь осложнить переговоры, обусловил подписание союзного договора с Пруссией заключением и коммерческого трактата, призванного упорядочить экспортную торговлю Польши по Висле и Одру. Однако, как показали дальнейшие события, о добровольной уступке поляками Данцига и Торна речи идти не могло.

Подобные передергивания отражали общую метаморфозу, которая произошла с Бишофсвердером к январю 1790 года²⁰⁷. Он вдруг заговорил языком Герцберга. Постоянно возвращаясь к тезису о том, что «России не следует воевать за интересы Австрии»²⁰⁸, Бишофсвердер заявлял: «Император является естественным врагом Пруссии. Она (Екатерина II. – *П.С.*) должна положить конец его планам об увеличении своей территории в восточном направлении»²⁰⁹. При этом Алопеусу давалось понять, что в случае, если Россия будет готова заключить сепаратный мир с турками, то Пруссия пойдет на то, чтобы «пожертвовать интересами Швеции»²¹⁰.

Любопытно в этой связи, что отказ Фридриха Вильгельма лично принять Алопеуса Бишофсвердер объяснял «удивлением», которые вызвали в Берлине сообщения из Константинополя о том, что Россия поручила посредничество в установлении своего мира с Турцией испанскому послу, якобы согласившись отказаться от всех завоеваний, сделанных ею в ходе войны с Турцией, включая сдачу Очакова. В депеше Остерману от 22 января (1 февраля) 1790 года Алопеус писал: «Здесь увидели удивительную разницу между условиями, предложенными графом Нессерольде, и теми, которые посол Испании господин Булиньи изложил в Константинополе (здесь говорят, что имеют даже протокол этой беседы)»²¹¹.

В результате этого неприятного инцидента, связанного, по-видимому, со стойкими симпатиями Нессельроде к Испании, с начала 1790 года Алопеус принялся действовать как бы в качестве второго российского посланника в Берлине. Он внимательно следил за действиями Нессельроде, дублируя его поручения, нередко сообщая реакцию прусской стороны на демарши посланника. В его депешах в Петербург появляются новые темы, включая анализ внутренней ситуации в Пруссии, расширяется круг его официальных контактов.

Объектом особого внимания Алопеуса стал английский посол в Берлине Эварт²¹². «Господин Эварт, – сообщал он Остерману в начале января, – располагает неограниченным влиянием в прусском министерстве благодаря превосходству своего гения, имея голову, бесконечно лучше организованную, чем голова господина Герцберга»²¹³. И далее: «Он видит вещи довольно хорошо и в крупном масштабе, но он смотрит на них по-английски, и несмотря на то что говорит, что лишен недостатков своей страны, это не так. При всем этом он живой и увлеченный человек. Он затаил ревность по отношению ко мне и проходит мимо меня, не подавая руки и молча. Бишофсвердер, несмотря на свой напор, опасается его»²¹⁴.

Не менее внимательно наблюдал Алопеус и за действиями прусского посланника в Варшаве маркиза Луккезини. Бишофсвердер вынужден был показать ему письмо «итальянца» в подтверждение, что тот получил разрешение приехать на короткое время в Берлин в январе 1790 года по собственному желанию, а не из каких-то политических видов²¹⁵.

К концу января высказывания Бишофсвердера, которого Алопеус продолжал характеризовать как принципиального сторонника русско-прусского союза²¹⁶, приобрели характер шантажа. Со ссылкой на него Алопеус сообщал о военных приготовлениях Пруссии в Силезии, которые «разворачиваются со всей активностью. Офицеры получили приказ быть готовыми к тому, чтобы в любой момент выступить в поход. Беру на себя смелость предположить, что речь ни в коем случае не идет о наступательных планах в отношении нас, тем более что в этом меня самым позитивным образом уверял и Бишофсвердер, и другие. Однако невозможно считать будущее абсолютно гарантированным»²¹⁷.

В этих условиях в конце января 1790 года в Петербурге сочли возможным санкционировать регулярные контакты Алопеуса с Герцбергом, одновременно вновь напомнив ему, что как в инструкциях, так и при личной аудиенции императрица «совершенно ясно» высказалась в поддержку «желания возобновить прежние союзнические связи, существовавшие между Россией и Пруссией, которое было высказано в письме короля императрице». В этом контексте было особо подчеркнуто, что если демарши, предпринятые Пруссией в Польше, были вызваны опасением, что Россия могла вернуться к идее заключения союзного трактата с Речью Посполитой, то такие опасения были лишены оснований, поскольку ни в Петербурге, ни в Вене «не намерены прислушиваться к подобным предположениям, если бы они были сделаны». Вполне примирительный тон был рекомендован Алопеусу и при обсуждении в Берлине условий окончания турецкой войны. При этом было подчеркнуто, что ни у России, ни у Австрии нет намерений «изменить статус дунайских княжеств»²¹⁸, то есть Молдавия и Валахия должны были оставаться в составе Османской

империи, чего явно желали в Берлине, ибо опасались усиления позиций Вены и Петербурга на Балканах.

В депеше Остерману от 5 (16) февраля 1790 года Алопеус констатировал, что «в течение трех последних дней Берлином вдруг овладел дух миролюбия». Перемену настроений в прусской столице он связывал как с тяжелой болезнью Иосифа II, так и с сомнениями в отношении военных планов, которые Пруссия вынашивала против Австрии, возникшими в правительстве У.Питта-младшего в Англии, разделявшимися и Саксонией, а также слабой координацией действий Берлина с «новыми республиканцами» в Бельгии²¹⁹.

Подобные аргументы были скептически встречены в Петербурге, гораздо лучше информированном о том, как развивалась ситуация в Польше. Дело в том, что ответ Герцберга на предложение Станислава Августа об одновременном подписании союзного договора и коммерческого трактата, переданный через Луккезини в конце февраля, произвел на польскую «патриотическую партию» эффект холодного душа. Содержавшиеся в нем требования передачи Пруссии Данцига и Торна обнажили далеко не бескорыстную подоплеку дружественных заявлений, которые звучали из Берлина. Возмущение депутатов и «патриотической партии» было так велико, что Луккезини не рисковал появляться на его заседаниях.

Отвечая на упреки Остермана, Алопеус ссылался на обострившуюся борьбу по польским делам в окружении прусского короля. В депеше от 6 (17) марта 1790 года он писал: «Граф Герцберг сумел получить согласие короля относительно проекта приобретения Данцига и Торна, несмотря на то что результат обсуждения этого вопроса с участием государственных министров Вердера и Шуленбурга, в котором участвовал и министр по делам Силезии, не был благоприятен для него»²²⁰. Однако в постскрипуме к этому же письму Алопеус сообщал, что, как он только что узнал, прусский король все же решил отложить присоединение Данцига и Торна, по крайней мере, на ближайшее время и что маркизу Луккезини направлены соответствующие инструкции²²¹.

На этот раз Алопеус оказался прав. Перед лицом массового нарастания антипруссских настроений в Польше Герцберг счел за лучшее временно отказаться от немедленной реализации своего плана. 29 марта 1790 года прусско-польский союзный трактат был подписан. Тем не менее в его текст наряду с обычными обязательствами относительно взаимного уважения территориальной целостности была внесена оговорка о «возможных территориальных уступках в будущем по обоюдному соглашению». Статья VI договора предусматривала, что в «случае вмешательства России в дела Польской Республики или зависящих от нее территорий (имелась в виду Курляндия. – П.С.)» Пруссия брала на себя обязательства оказать добрые услуги в мир-

ном урегулировании возникших проблем, а в случае их неудачи – военную помощь Польше.

Тем не менее польско-прусский договор, как и заключенный за три месяца до этого, 31 января 1790 года, союзный договор Пруссии с Османской империей, оказались мертворожденными детищами. Р.Лорд обоснованно указывает, что наиболее благоприятный момент для реализации «плана Герцберга», имевшийся во второй половине 1789 года, был упущен. Фридрих Вильгельм, ожидавший восстания в Бельгии, Венгрии и Галиции, так и не рискнул устроить в начале осени 1789 года военную демонстрацию в Силезии, на которой настаивал Герцберг и которая поставила бы Россию и Австрию в исключительно трудное положение²²². Не оправдались и надежды Герцберга и польской «патриотической партии» на то, что польско-прусский и прусско-турецкий союзные договоры стимулируют формирование широкой европейской коалиции против России. После взятия русской армией Измаила в декабре 1789 года, начала англо-испанской войны в мае 1790 года и, наконец, заключения в августе 1790 года Верельского мирного договора между Россией и Швецией вынашивавшиеся в Берлине планы международной изоляции России рухнули.

В определенной мере этому способствовала и работа российских дипломатов в Берлине, поддерживавших в исключительно сложных условиях тонус русско-прусского диалога. Тем не менее в начале мая и Алопеус, и Нессельроде получили довольно резкий по тону выговор²²³. Им были предъявлены претензии в том, что они слишком далеко зашли при обсуждении вопроса о стремлении Лондона и Берлина посредничать в мирных переговорах с Турцией. Недовольство в Петербурге вызвала сама форма заранее назначенной встречи Нессельроде и Алопеуса с посланниками Англии и Голландии, которые «не имели официальных поручений от своих дворов»²²⁴. Остерман официально запретил Нессельроде впредь проводить такие встречи, хотя «беседовать в обществе» на политические темы с этими посланниками не возбранялось.

Подоплеку этого инцидента раскрывает сохранившаяся в «Секретных миссиях КИД» записка А.Р.Воронцова, в которой тот называет предложения, сделанные английским и голландским посланниками, не только «нелепыми», но и таящими опасность «совершенно покориться игу прусского диктаторства и союзников их, коих они за собой хвостом ведут»²²⁵. Помимо известной неприемлемой для России позиции Пруссии и Англии по турецким делам Воронцова очень возмутила сделанная английским и голландским представителями попытка заручиться согласием российских дипломатов на реализацию «плана Герцберга» в части, касающейся предполагавшегося возвращения Австрией Галиции Польше. Вполне обоснованно увидев в этом попытку «подорвать в Польше российскую инфлюэнцию»,

Воронцов как член КИД настоял на необходимости жесткого ответного демарша, послав Алопеусу и Нессельроде соответствующие указания «по почте и не в шифрах» с тем, чтобы одновременно дать отпор и прусским дипломатам, славившимся своим искусством перлюстрации корреспонденции аккредитованных в Берлине послов.

Недовольны были в Петербурге и тем, что отношения Нессельроде с австрийским послом в Берлине князем Реуссом были «далеко не так откровенны и сердечны, как официальные отношения между двумя союзными дворами»²²⁶. Потребовав от Нессельроде разъяснения причин его антиавстрийской позиции²²⁷, Остерман подчеркнул, что после смерти Иосифа II, последовавшей 9 (20) февраля 1790 года, в Петербурге были заинтересованы в том, чтобы любой ценой сохранить русско-австрийский союз.

Тем не менее Алопеус обиделся. В депеше Остерману от 6 (17) июня 1790 года он просил разрешения вернуться в Россию, поскольку «утратил доверие Ее императорского величества»²²⁸. Такого разрешения Алопеус не получил. К этому времени Екатерина и Остерман должны были почувствовать, что развитие ситуации вокруг Польши принимало форсированный характер. Принятый в сентябре 1790 года Четырехлетним сеймом закон о неотчуждаемости польских территорий был уже, в сущности, контрпродуктивен, так как показал Пруссии, что ее расчеты на присоединение Данцига и Торна имеют шанс быть реализованными только при согласии с партнерами по первому разделу.

IV

ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 3 МАЯ 1791 ГОДА И Я.И.БУЛГАКОВ

1

5 апреля 1790 года Екатерина одобрила указ Штакельбергу, в котором говорилось, что ею принято решение «прекратить настоящее ваше служение для употребления по другим делам, а на место ваше привлечь в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра нашего действительного статского советника Булгакова»²²⁹. Поверенным в делах России до приезда Булгакова был назначен резидент в Варшаве барон Аш.

Отзыва Штакельберга давно требовал Потемкин, считавший, что посол недостаточно решительно противодействовал усилению прусского влияния в Польше²³⁰. Сосредоточив на тот период в своих руках руководство всем комплексом вопросов отношений России

с Турцией, Австрией и Польшей, Потемкин хотел видеть на посту российского посла в Варшаве своего человека. Дело в том, что ввиду остававшейся реальной угрозы прусско-австрийской войны Потемкиным в ноябре 1789 года был разработан план ввода русских войск в Киевское, Брацлавское и Подольское воеводства на случай, если бы Польша, обсуждавшая союз с Пруссией, приняла совместно с ней участие в военных действиях против России и Австрии²³¹.

Суть плана Потемкина состояла в том, чтобы опереться на православное население восточных областей Польши. «У них у всех желание возобновить прежнее состояние, как они были под своими гетманами, и теперь все твердят, что должны опять быть, по-прежнему ожидая от России вспоможения. Сие дело исполнить можно самым легким образом. По начальству моему над казаками именуйте меня Гетманом войск казацких и Екатеринославских губерний», — писал он Екатерине. Таким образом, Потемкин, зная о планах Берлина использовать поляков для борьбы с Россией с тем, чтобы затем потребовать от них новых территориальных уступок, предлагал действовать в противодействие им не русскую армию, а единоверных поляков и казацкое войско. Очевидно, что этот план, как правильно замечает В.С.Лопатин, был призван нейтрализовать агрессивные аппетиты Пруссии²³².

Мало что, на наш взгляд, меняет в этой оценке и следующий пассаж в ноябрьской записке Потемкина Екатерине: «О Польше. Хорошо, если бы ее не делили, но когда уже разделена, то лучше, чтобы вовсе она была уничтожена, со всеми уже сближенная. В таком случае зла будет меньше, ежели между нами не будет посредства, ибо самому иметь кому-либо из них войну трудно, нежели действовать интригами, подушая третьего, и нас тем тяготить, не теряя для себя ни людей, ни иждивения»²³³. Во всяком случае, вряд ли имеются достаточно веские основания утверждать, что осенью 1789 года Потемкин предлагал «осуществить очередной раздел Польши для разрешения международного кризиса»²³⁴. Во-первых, речь шла не о разделе по схеме 1772 года, а об односторонней акции России²³⁵. Во-вторых, возможность присоединения к России Правобережной Украины («Вы сим способом приобретете России целое государство») рассматривалась Потемкиным лишь в качестве ответной меры на случай возможного конфликта с Пруссией на территории и при поддержке Польши.

После некоторых колебаний²³⁶ Екатерина 10 января 1790 года присвоила Потемкину звание Великого гетмана Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск²³⁷. Можно согласиться с В.С.Лопатиным, считающим, что это и дало повод недоброжелателям Светлейшего распускать слухи о том, что он хочет стать полным независимым властителем южных областей, объединив их с польскими²³⁸. Естественно, что при столь решительном

настрое (весной 1790 г. Потемкин даже обсуждал в переписке с Екатериной идею начала превентивной войны против Пруссии)²³⁹ Потемкину не могло нравиться то, что Штакельберг в Варшаве явно уступил инициативу прусскому посланнику Дж.Луккезини. Особенно остро реагировал он на неудачные действия Штакельберга в так называемом «деле Садковского»²⁴⁰.

Архиепископ Переяславский Виктор Садковский, духовный воспитанник знаменитого Георгия Конисского, был чрезвычайно популярен в кругах православного меньшинства в Польше. Католики, видевшие в подчиненности Садковского петербургскому Синоду покушение на привилегированный статус, которым они пользовались в Польше, попытались добиться через сейм вывода православных общин в Польше из-под покровительства Московского патриарха и передачи их Константинопольскому. После того как Константинопольский патриарх, как и следовало ожидать, отклонил соответствующее предложение польского правительства, сейм начал обсуждать создание в Польше автономного органа религиозного управления для православных.

Штакельберг явно недооценил политический резонанс, который вызвало в Петербурге «дело Садковского». Недоумение Екатерины вызвали и прямые сношения Штакельберга с посланником в Берлине Нессельроде, которого он просил «узнать мнение Министерства тамошнего по пункту наследства престола польского». «Не могу оставить без примечания, чтобы Вы таких препоручений не делали, — писала Екатерина Штакельбергу в начале февраля 1790 года, — ибо упомянутый министр имеет отсюда достаточные наставления, как и о чем говорить с сим кабинетом, от которого, конечно, никакого дружественного и чистосердечного поступка ожидать невозможно»²⁴¹.

Яков Иванович Булгаков, опытный дипломат, друг и однокашник Потемкина по Московскому университету, прибыл в Варшаву в сентябре 1790 года. Будучи секретарем русского посольства в Польше во время первого раздела, он прекрасно ориентировался в польских делах. С 1785 года Булгаков был русским посланником в Константинополе, где работал фактически под руководством Потемкина. Думается, что именно это обстоятельство вкупе с доскональным знанием Булгаковым восточного и польского вопросов в их взаимосвязи обусловили его назначение в Варшаву.

Задачи, поставленные перед Булгаковым в Польше, во многом предопределялись глубокими изменениями в политической ситуации Европы, произошедшими в первой половине 1790 года. С одной стороны, международные позиции России укрепились после подписания 3 августа 1790 года Верельского мира со Швецией. «Велел Бог одну лапу высвободить из известного места», — писала Екатерина Потемкину в этой связи 5 августа²⁴². С другой стороны, Леопольд II, ставший австрийским императором после смерти Иосифа II, взял

курс на заключение мира с Турцией и предотвращение военного конфликта с Пруссией, чтобы заняться обострившимися внутренними проблемами Австрии, вызванными несвоевременными реформами его предшественника.

За месяц до приезда Булгакова в Варшаву в силезском городе Раушенбах прошла конференция, в ходе которой представителям Австрии и Пруссии при посредничестве партнеров Пруссии по Тройственному союзу – Англии и Голландии – удалось выработать комплекс мер, фактически предотвративших реально существовавшую весной – летом 1790 года угрозу австро-прусского конфликта²⁴³. Практическую линию, которую нащупывала австрийская дипломатия накануне Раушенбаха, характеризует рескрипт Кауница австрийскому посланнику в Петербурге Кобенцелю от 2 мая 1790 года, в котором он призвал Петербург заявить о готовности вернуть Польше свою долю по первому разделу, с тем чтобы, с одной стороны, нейтрализовать интриги Пруссии в отношении Галиции, а с другой – предотвратить передачу Данцига и Торна Берлину²⁴⁴.

В этих условиях Екатерина была вынуждена просчитывать самые различные варианты дальнейшего развития ситуации в Европе, соответствующим образом планируя и собственные шаги. С одной стороны, в начале июня 1790 года она одобрила подготовленный Потемкиным план превентивной военной акции против Пруссии на случай ее прямого вовлечения в войну Турции с Россией и Австрией²⁴⁵. С другой, в июле 1790 года, накануне Раушенбаха, в собственноручной записке (написанной по-французски) детально разработала позицию России по польским делам:

«1. Поведение берлинского двора в отношении венского является несправедливостью, примеров которой я не знаю. Берлинский двор хочет, чтобы венский уступил Польше большую часть Галиции, владение которой гарантировано австрийскому дому покойным королем Пруссии и нами. Компенсировать Вене берлинский двор предлагает за счет турок.

2. Турок (здесь в тексте поставлено NB. – П.С.), с которыми берлинский двор недавно заключил оборонительный и наступательный союз! Но, обещая принадлежащее их союзникам, увидят ли в Берлине, что они согласятся на это? Обещать венскому двору эквивалент, в отношении которого нет уверенности, что турки его уступят, означает обещать ничто («ничто» подчеркнуто. – П.С.).

3. Вообще все это затеяно берлинским двором, для того чтобы получить Торн, Данциг с частью владений другого нового союзника прусского короля, которого он обхаживает, чтобы ограбить. То есть берет и с живого, и с мертвого (фраза написана Екатериной по-русски. – П.С.).

4. Нужно заверить венский двор, что мы выполним свои обязательства в отношении него во всех случаях.

5. Мы желаем, чтобы всеобщий или сепаратный мир каждого из нас с турками не отвечал другим видам, кроме как наиболее эффективного укрепления нашего союзника против наших общих врагов.

6. Я предпочитаю прямые переговоры с Портой любым другим. Однако справедливо, если венский двор поведет свои в то же время.

7. Если венский двор начнет сепаратные переговоры с ними (турками. – П.С.) без посредничества, было бы справедливо, чтобы мы провели наши сепаратно таким образом, каким нам это удастся.

8. Король Венгрии отдает нам справедливость, когда говорит, что ему не следует опасаться, что Россия и он погибнут перед лицом одиозных планов соседней державы»²⁴⁶.

В Раушенбахе австрийские представители были готовы согласиться на прусские предложения о возвращении Польше большей части Галиции с населением около 500 тысяч человек в обмен на присоединение к Австрии турецкой Хорватии и части Сербии, но с условием скрытия Белградской крепости. С учетом этого можно предположить, что вышеприведенная записка Екатерины являлась проектом указаний русскому послу в Вене.

Однако заявленные прусскими представителями в ходе конференции претензии на приобретение Данцига, Торна и земель между реками Нетцой и Вартой вызвали резкий протест английских посредников, не желавших оказаться причастными к разделу Польши или Турции. О решительном несогласии с уступками Данцига и Торна Пруссии заявили и в Варшаве. В результате 27 июля 1790 года в Раушенбахе было достигнуто соглашение о немедленном перемирии между Австрией и Турцией на условиях строгого *status quo ante*²⁴⁷ и начале австро-турецких переговоров при посредничестве и гарантиях со стороны Англии, Пруссии и Голландии. Одновременно государства Тройственного союза обещали оказать помощь Леопольду II в подавлении волнений в Австрийских Нидерландах. Австрия, в свою очередь, обязалась не оказывать никакого содействия России в случае продолжения ею войны с Османской империей²⁴⁸.

Екатерина II была информирована об итогах Раушенбаха как Леопольдом II, так и Фридрихом Вильгельмом II²⁴⁹. «Ее императорское величество с удовольствием увидело, что в результате Рейшенбахской конференции удалось снизить напряженность в Европе и избежать войны, которая была возможна между Пруссией и Австрией», – заявил Нессельроде по ее поручению прусскому королю в конце августа.

В переписке с Булгаковым императрица была более откровенна. В частности, в секретном письме от 25 сентября 1790 года она следующим образом подвела итоги Раушенбахской конференции: «Рейшенбахский конгресс открыл глаза многим полякам, сдернул бельмо с очей ослепленной публики и в прочих землях, ибо тут явно открылось, что ни о чем ином дело не шло, кроме собственной

гордости и барышей того, который вздумал сделаться диктатором Европы (речь о Фридрихе Вильгельме II. – П.С.) и который в самом деле лишь только что целит на Польские посессии и для того заводит поляков в отдаление от нас яко державы, которая одна ему препятствует своею неустрашимую твердостью выполнить его намерение»²⁵⁰.

В этом же письме, которое, на наш взгляд, можно считать подлинной инструкцией Булгакову, Екатерина подробно высказалась относительно той линии, которую ему следовало проводить в Польше. Задачей посланника являлось «тихим, скромным и ласковым обхождением привлекать к себе умы, пока наш мир с турками заключен будет. Друзей наших обнадежьте, что преданность их к Нам не останется без признания, но чему еще время не настало». Весьма скептически отозвавшись о предпринимавшихся в то время попытках польской оппозиции, поддерживавшихся прусской дипломатией, заключить союзный договор с Османской империей, Екатерина писала, что этот союз «сильным не будет, понеже слабое и разстроенное состояние Турок вам довольно известно: но сей химерою лишь ее (Польшу. – П.С.) от нас стараются отдалить, тогда как она более всего может иметь нужду в нас на обезпечение ее целости. Кто ей словами обещает Галицию и Молдавию, тот ей сулить может Киев, Беларусь, Смоленск и Москву. Мы бы с более основанными речами могли им обещать земли в Пруссии, ежели бы не почитали за нелепость и непристойность сулить и обещать чужое и что не подвластно нам ныне; но 30 лет назад в наших руках, однако, Пруссия завоевана оставалась». Упомянув в этой связи о поступавших в Петербург сведениях о выдвигении войск Речи Посполитой к российской границе, Екатерина сообщала посланнику, что «наши расположены за кордоном в готовности на всякой отпор».

Интересны и рекомендации Екатерины в отношении контактов Булгакова со Станиславом Августом: «Касательно самого Короля польского. Слабое Его поведение Нам довольно известно; но понеже Он кроме Нас всегда мало имел подпору, за то вы к нему, как и ко всей нации, сохраните все должное уважение. Есть ли же он избегает обращения с вами, то и вы лишнее не окажите в применении приблизиться к нему». Та же линия поведения вменялась в обязанность Булгакову в отношении окружения короля и оппозиции: «Пусть Поляки чувствуют все неистовство своего поведения и да поживут на щет Короля прусского хто похочет; а вы сказать можете, что ни денег, ни приказания не имеете ни на что, совершенно пассивный наблюдатель происходящего, желающий единственно сохранения доброго согласия между Нами и республикой»²⁵¹.

В заключение, повторив указания Булгакову «постараться под рукой сколько можно умы удержать» до получения вести о заключении мира с Турцией, Екатерина делает чрезвычайно важное замеча-

ние: «Ежели их увидите склонными к реконсидерации и к рекламации нашей помощи, то примите то и другое на донесение пассивное, а за ними не ходите и не отзывайтесь, что нам сие нужно либо на сердце лежит. Доброжелающим, подмогу требующим, кои разумеют под оною какой-нибудь поступок с Нашей стороны в пользу Польши, скажите, чтобы они вам открылись явно, в чем оный поступок состоять имеет; для их пользы я мышлю, что в их дела по злобе нации Польской к России мешаться не должно, донеже честь нации Меня не призовет, разве откроется впредь случай такой, где с пристойностию к тому приступить могу, которого не упущу, конечно». В этих словах трудно не увидеть эскиз плана, который был приведен в действие при образовании через два года Тарговицкой конфедерации.

Еще более существенным для понимания стратегии Екатерины в польском вопросе представляется ее ответ на депешу Булгакова от 12 (23) октября 1790 года²⁵². Оценив первые шаги Булгакова в Варшаве как «сообразные с ее предписаниями», Екатерина, не скрывая удовлетворения, пишет: «Есть еще в Польше люди, кои Пруссим обольщениям и велениям не вовсе слепо покоряются. Вы не заставьте их удержат и подкреплять в сем к нам благом расположении. Намерение их составить реконфедерацию против нынешнего сейма, который древние узаконения уничтожает, свои противоречащие без разбора устанавливает и разрушает, и даже противно акта своей конфедерации поступает, есть неоспоримо и едино остающийся в умах способ уничтожения затей партии той, которая не токмо готова города польские ближние отдать королю прусскому яко награду за суммы на приобретение той партией партизан, но всю Польшу прусскому королю покорить».

Не менее важен и комментарий, которым Екатерина сопроводила сообщенный Булгаковым план И.Потоцкого соединить Польшу с Пруссией под властью Фридриха Вильгельма II. «Когда за несколько лет у некоторых поляков приходила мысль о соединении России с Польшей, — писала она, — тогда от меня сей план оставлен был в молчании, понеже я взидала на Польшу яко на державу, посередине четырех сильнейших находящуюся и служащую преградой от многих соседственных раздоров. Сию преграду сохранить елико возможно долее пеклась я, донеже пещись буду, донеже злостные затеи врагов наших и самой Польши меня не принудят переменить мое об ней благое расположение, и, следовательно, всякой благомыслящий Поляк у меня найдет во всякое время защиту свою и отечества его».

Еще более ясно выразилась Екатерина в письме Булгакову от 6 ноября 1790 года: «Естьли бы приятели ваши представляли вам о надобности для успокоения их и привлечения других обещать гарантии, свободу распорядить внутренние их дела и союз наш; в таком случае дайте им почувствовать, что сейм настоящий, торжественным

своим актом испровергну всякое ручательство, положил в том преграду. Внушите, что вы надеетесь, как скоро добрые патриоты пред- успеют образумить прочих в заблуждении и обратить ко связи с нами, самой спокойственной для их целости и пользы, то я не отрекусь по востребованию их дать такое ручательство, которое самым верным образом обеспечило бы их бытие, целостность владений и внутренние их дела».

Впрочем, несколькими строками ниже Екатерина оговорила- ся: «Путь к этому всегда отверст будет, естли токмо они не найдутся противными Нашим интересам, в коих ничего для них вредного заключаться не может»²⁵³.

2

Неудовлетворительные для Пруссии итоги Раушенбахской кон- ференции не заставили Герцберга изменить свои планы. Лейтмо- тивом бесед прусских дипломатов с русскими в различных странах Европы стало настойчивое, если не сказать бесцеремонное, навязыва- ние прусско-английского посредничества в мирных переговорах с турками.

О связи подобной тактической линии с видами Пруссии на Дан- циг и Торн свидетельствует состоявшаяся в конце ноября 1790 года в Берлине беседа Герцберга с Алопеусом²⁵⁴. Сообщая в депеше Остерману от 25 ноября (6 декабря) о ее ходе, Алопеус писал: «После того как я прочел ему (Герцбергу. – П.С.) текст поручений и он просил меня представить их в письменном виде, он принялся го- рячо рассуждать о различных предметах, уже многократно обсуждав- шихся, сопровождая это ничего не значащими протестами. Я отвечал в том же тоне и незаметно этот общий обмен словами привел нас к статус-кво»²⁵⁵. После того как это слово было произнесено, оно ото- звалось в душе графа Герцберга, который принялся сначала про- тестовать, говоря, что он никогда не поддерживал статус-кво, что его план, принятый Австрией в ходе конференции в Раушенбахе, носил совершенно иной характер, что следствием его претворения в жизнь будет немедленное удовлетворение требований России и т.д. Он сде- лал исторический экскурс конференции в Раушенбахе, говоря, что венский двор согласился вернуть Польше староства Броды, Замар и Золкаж, площадь которых составляет 200 тысяч квадратных миль, а население – 500 тысяч человек, при условии, что последняя уступит Пруссии Данциг и Торн, население которых составляет едва 100 ты- сяч человек при том, что они не представляют для Польши ни ма- лейшей пользы. Демаркация границы в районе Пассаровичей могла бы в таком случае четко обозначить границы австрийских владений, пограничных с Турцией. Вопрос о том, должен ли Очаков остаться России, не был бы даже поднят».

«Таков был мой проект, – продолжал Герцберг, – продиктованный патриотизмом, но когда все, казалось, было уже согласовано, он был разрушен, потому что иностранцы, которые естественным образом не могут питать такую же привязанность к стране, в которой я родился, желали придать себе значение за мой счет». Он не назвал «этих иностранцев», однако в конце, когда «чувствительные струны в его душе вновь заиграли», произнес имя Луккезини. При этом Герцберг сказал: «Я ничего не понимаю в этом человеке. Когда Вы видели его здесь прошлой зимой, он заверял меня самым положительным образом, что поляки будут совершенно согласны уступить Данциг и Торн при условии возвращения той части Галиции, о которой я сказал. На этот раз все вышло наоборот; он утверждал, что им нужна вся Галиция, а Вы прекрасно понимаете, что это невозможно. Тогда мы перешли к вопросу об упомянутом вами статус-кво, предложенном некоторое время назад Англией и к которому у моего государя всегда проявлялась склонность, поскольку ему всегда импонируют те, кто занимает позицию абсолютной незаинтересованности. Тогда, будучи не в силах идти против течения, я попросил отставки. Король ответил отказом, что, однако, не заставило меня переменить мое мнение, если бы не несколько патриотов, которые просили меня продолжать службу».

Далее в ходе беседы Герцберг прямо сказал, что Пруссия могла бы согласиться на передачу России Очакова и сохранение Крыма в случае, если в Петербурге «согласились бы взять на себя абсолютно секретные обязательства не противиться тому, чтобы Польша передала Данциг и Торн Пруссии»²⁵⁶, оговорившись, правда, что «речь ни в коем случае не идет о том, чтобы приобрести эти территории силой, но только путем переговоров». Признав, что это дело «натолкнется на множество трудностей», Герцберг в то же время выразил свое убеждение в том, что не считает их непреодолимыми. При этом, поясняя позицию, занятую Пруссией относительно Русско-польского союзного договора, он сказал, что союз с Польшей с учетом начавшейся русско-турецкой войны имел бы своим явным следствием «обогащение Польши за счет остатков Османской империи». Пруссия вынуждена была выступить против русско-польского договора; поскольку «любое увеличение Польши противно ее интересам»²⁵⁷. Одновременно Герцберг подчеркнул, что «в Берлине прекрасно понимали, что России в качестве великой державы следовало позаботиться о своем влиянии в Польше»²⁵⁸. Все вышесказанное Герцберг представил как свои личные соображения, «продиктованные пониманием важности русско-прусского союза и восстановления личного доверия между государями».

В тот же день, 25 ноября, Алопеус сообщил Остерману, что при обсуждении вопроса о Данциге и Торне Герцберг особо подчеркивал, что король «формально запретил ему ставить этот вопрос».

Тем не менее он зашел так далеко, что даже предложил вариант его решения в увязке с получением Россией Очакова. По его словам, Пруссия была бы готова отступить от своего требования относительно статус-кво как основы мирных переговоров с Турцией в случае, если бы через Алопеуса было передана четкая формулировка (эти слова подчеркнуты в тексте депеши. – *П.С.*) следующего примерно содержания: «Если королю удалось бы в результате переговоров, но не открытого использования силы, убедить Польшу уступить Пруссии Данциг и Торн, то ваш (русский. – *П.С.*) двор не только не высказался бы против этого, но и, напротив, помог бы со своей стороны добиться согласия со стороны республики»²⁵⁹.

Оценивая в депеше от 25 ноября 1790 года, адресованной А.А.Безбородко, высказывания Герцберга, Алопеус отмечал, что он уверен в том, что, несмотря на все оговорки, тот проводил официальный зондаж. В этой связи он рекомендовал занять по вопросу о Данциге «более гибкую позицию, учитывая, что город этот разрушен и в руках Польши будет совершенно бесполезен», а также то обстоятельство, что в случае военного конфликта между Россией и Пруссией пруссаки займут его значительно быстрее, чем русские²⁶⁰.

Интересно, что Безбородко откликнулся на это письмо Алопеуса запиской Екатерине, в которой, в частности, отмечал: «Хотя всемерно надлежит удаляться входить в переговоры о Данциге и Торун, но ежели бы Берлинский двор стал домогаться знать наши мысли, надобно им дать почувствовать всю важность и трудность сего пункта. Постановление о сих местах сделано не одними нами, но обще с Венским двором. Сверх того, чинимое таким образом со стороны короля Прусского приобретение без войны и труда даст право другим требовать себе соразмерно тому приобретению. Сего довольно для наставления Алопеуса, ибо он может продолжить дело и брать на доношение, удерживая Берлинский двор в надежде, что он может ласкаться таким приобретением, но не иначе как заключением сходного на пользу обоих императорских дворов. Собственно же нам решать должно, что буде мир (с Турцией. – *П.С.*) последует на самых умеренных и крайних наших условиях, можно будет учинить преграду и королю Прусскому усилить свою монархию приобретением означенных городов или же, смотря по обстоятельствам, что-нибудь и себе соразмерное одержать насчет Порты, Швеции, а, может быть, и самой Польши»²⁶¹.

В результате 27 декабря 1790 года Остерманом было направлено Алопеусу одобренное и лично правленное Екатериной письмо, в котором относительно заходов Герцберга по вопросу о Данциге и Торне говорилось: «Вы, конечно, не забыли, что еще около двух лет назад в Варшаве распространился слух о том, что мы будто бы предложили Берлину эти два города в качестве компенсации за согласие на наши завоевания и приобретения за счет турок». Далее, напомнив,

что автором этого слуха был прусский посланник Луккезини, Остерман писал: «Императрица уделяет делам этого королевства (Польши. – П.С.) ровно столько внимания, сколько необходимо для того, чтобы избежать или предупредить неудобства, вытекающие порой из столь близкого соседства. Подобная позиция не подразумевает поддержки или противодействия планам третьей стороны. В целом же политическая система, принятая императрицей на протяжении всего ее царствования, неизменно состояла в том, чтобы не затрагивать интересы держав, называющих себя ее друзьями (последние четыре слова вставлены Екатериной. – П.С.). До тех пор, пока она не будет вынуждена изменить подобную политику («в отношении Пруссии» – дописано поверх строк императрицей. – П.С.), она с удовлетворением будет продолжать придерживаться тех же принципов при условии, разумеется, полной взаимности»²⁶².

Есть и другие свидетельства того, что зондаж Герцберга осенью 1790 года не принес желаемых им результатов. Еще 1 ноября 1790 года Екатерина предупреждала Потемкина: «При всех действиях наших в Польше, хотя и не открытых, надлежит нам остерегаться, паче не дать орудия врагам нашим, чтобы не могли нас предъявить свету яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англия в деятельность и последую королю Прусскому не вступала, в Балтику кораблей не прислала, да и другие державы от нас не отвратились и самый наш союзник не взял повод отклониться от случая»²⁶³.

«Чтобы Польшу привязать к себе, необходимо обещать должно им Молдавию», – отвечал Потемкин 3 декабря 1790 года.

20 декабря, как бы подводя черту под этим диалогом, Екатерина писала Потемкину: «По польским делам поступать надлежит с крайнею осторожностью, дабы не от нас был первый выстрел»²⁶⁴.

3

Спокойная решимость, которой отмечены эти письма Екатерины Потемкину, показывает, что к концу 1790 года она уже полностью владела ситуацией и в прусских, и в польских делах. После того как мир со Швецией был заключен без посредников, было бы наивно ожидать, что императрица уступит диктату Берлина и Лондона. Осенью Потемкин был уполномочен начать при первой возможности прямые переговоры с Турцией, а в начале 1790 года такие же указания были направлены и Булгакову.

В конце 1789 года Порта направила своего чрезвычайного посланника Мехтупчи-Эффенди в Берлин, для того чтобы по возможности ускорить вступление Пруссии в Русско-турецкую войну. В связи с намечавшимся заездом турецкого посланника в Варшаву Екатерина в секретном письме Булгакову писала, что «весьма было бы полезно, если бы вы постарались самым сокровенным образом завести с ним

сношения и внушить ему, что при всех бедствиях и потерях, которым подвержены они в течение настоящей войны, от них зависит прекратить оные, открыв непосредственные переговоры между обоюдными главными военачальниками и воспользоваться предлагаемыми от нас самыми умеренными условиями, когда мы, возвращая все завоевания и жертвуя всяким правом требовать удовлетворения нашим убыткам, удерживаем только границу по реке Днестр как свойственную взаимному положению и самую надежную для отдаления ссор на будущие времена»²⁶⁵.

В то время как внимание Екатерины было сосредоточено на противодействии проискам Пруссии, не менее серьезная опасность созревала со стороны Англии. Еще в конце августа 1790 года Алопеус направил в Петербург копию письма английского посла в Варшаве, адресованного «группе благонамеренных патриотов». В нем прямо говорилось о желательности передачи Данцига и Торна Пруссии «с доброго согласия самих поляков». Аргументировалось это следующим образом: «Сегодня встает вопрос относительно торгового соглашения, которое отвечало бы интересам великих держав. Это дело трудное, но обстоятельства складываются благоприятно. Охлаждение между Англией и Россией столь обоснованное, заставило ее искать средства, для того чтобы избавиться от определенного рода зависимости, в которой она находилась в течение длительного времени из-за монополии России в отношении большинства товаров, которые необходимы ее военно-морскому флоту. Польша имеет все то же, что и Россия, из сырьевых продуктов. Однако она не может вывозить эти продукты с тем, чтобы обменять их на продукцию английских мануфактур без того, чтобы не нести больших убытков, связанных с пересечением прусской территории»²⁶⁶.

Письмо, перехваченное Алопеусом, подтверждало серьезность намерения правительства Питта-младшего переориентировать английскую торговлю с России на Польшу, поскольку Россия отказалась в 1786 году продлить русско-английский торговый договор, предусматривавший традиционные привилегии английских купцов (ситуацию усугубляло и то, что в том же году Россия подписала подобный трактат с Францией). В ходе переговоров с польским посланником в Голландии в ноябре 1790 года Питт убеждал его в выгоде для Польши передачи Данцига и Торна Пруссии в обмен на союзный трактат и торговый договор с Берлином.

Правительство и парламент Англии с крайней настороженностью следили за ходом Русско-турецкой войны, связывая с возможным поражением турок угрозу интересам своей торговли в Леванте. Серьезным фактором, влиявшим на формирование английской внешней политики, стала в этот период и политическая ориентированность правительства Питта, провозгласившего себя защитником малых стран Европы от амбиций великих держав.

В конце 1790 года английский посол в Берлине Эварт, находясь в отпуске в Лондоне, сумел убедить Питта в том, что «если Екатерине будет позволено сохранить Очаков и прилегающие к нему территории, безопасность Османской империи и Константинополя окажутся под угрозой, а Польша, найдя естественный выход для торговли своих самых богатых провинций через соседние российские территории, вновь попадет под влияние императрицы»²⁶⁷. Под давлением Эварта Питт принял следующий план действий: расширение Тройственного союза за счет привлечения к нему малых государств Европы, предъявление ультиматума Петербургу с требованием прекратить войну с Османской империей на условиях статус-кво, направление британского и датского флотов на Балтику, поддержанное военными демонстрациями или активными действиями со стороны Швеции, Пруссии, Польши и Турции. С начала 1791 года в Петербурге были вынуждены активизировать противодействие английскому политическому наступлению, стремясь противопоставить ему проект Северной лиги (Россия, Швеция, Дания, Испания и, возможно, Франция), в котором ясно видны очертания активно продвигавшейся в 1787 – 1788 годах французским послом в Петербурге Л.-Ф.Сегюром идеи Четверного союза России, Франции, Австрии и Испании. Однако политический паралич, в котором пребывала французская дипломатия после 1789 года, а также шведско-датские противоречия помешали реализации этого проекта.

Решимость лондонского кабинета добиться согласия Екатерины на условия англо-прусского посредничества подкрепил и «полу-успех» секретной миссии, с которой Бишофсвердер посетил во второй половине февраля 1791 года Вену (он путешествовал под именем купца Бушмана). Леопольд II дал согласие на заключение прусско-австрийского союза, однако на условиях, весьма отличавшихся от плана, выработанного в Берлине. Отказавшись присоединиться к требованиям Пруссии и Англии в отношении мира между Россией и Турцией и отклонив прусский зондаж относительно передачи ей Данцига и Торна, австрийский император не только подтвердил верность своим союзническим обязательствам в отношении России, но и дал понять, что видит возможность налаживания взаимопонимания со своим давним соперником лишь в рамках треугольника Вена – Берлин – Петербург²⁶⁸.

Тем не менее 22 марта в Лондоне и 7 апреля 1791 года в Берлине было принято решение о предъявлении России ультиматума. В этих критических обстоятельствах Екатерине потребовалась вся присутствующая ей твердость. Переданное Бишофсвердером через Алопеуса накануне его отъезда в Вену предложение «разменять» Очаков на Данциг и Торн было ею с негодованием отвергнуто²⁶⁹. На императрицу не подействовали даже уговоры Потемкина, находившегося в это время в Петербурге и намекавшего Кобенцелю на возможность

достижения русско-австро-прусской договоренности о новом разделе Польши²⁷⁰.

Представляется ошибочной точка зрения Р.Лорда, расценившего депешу Остермана Алопеусу от 14 (25) марта 1791 года²⁷¹ как согласие с предложением Бишофсвердера. Как видно из сентябрьских (1789 г.) инструкций Алопеусу, в согласии Екатерины на подписание союзного договора с Пруссией после заключения мира с Османской империей не содержалось ничего нового. В депеше Остермана от 14 марта нет ни слова о том, что императрица приняла принцип обмена Очакова на Данциг и Торн. Более того, ею была твердо подтверждена позиция России по наиболее острому на тот момент вопросу – об условиях принятия англо-прусского посредничества. Алопеусу давалось разрешение в случае необходимости начать формальные переговоры о подписании соглашения с Пруссией на двух основаниях: «Чтобы возобновлены были все существующие до разрыва обоюдные обязательства и чтобы нам был уступлен Очаков с землей между Бугом и Днестром»²⁷². Думается, что Р.Лорд, красочно описавший на основании русских источников смятенное душевное состояние Екатерины в марте 1791 года, не вполне разобрался в некоторых русских терминах – под «рабским актом» Екатерина понимала предложение, поступившее от Бишофсвердера, а не акт русско-прусского союза, на заключение которого после мира с Турцией она дала согласие полтора года назад²⁷³. Ход и результаты апрельского (1791 г.) кризиса, закончившегося в пользу Екатерины, хорошо известны²⁷⁴. Однако косвенные следствия «второй военной тревоги» весны 1791 года для Польши оказались трагическими.

4

С 1789 года развитие польского вопроса происходило под воздействием нового фактора – набиравшей силы во Франции революции. Воздействие это имело неоднозначный характер и сложную динамику. С одной стороны, несомненно влияние французских революционных идей на радикализацию позиций польских патриотов. Тематика прав человека обсуждалась в Варшаве не менее страстно и яростно, чем в Париже. Станислав Август, поддерживавший дружеские отношения с маркизом Лафайетом, правда, более симпатизировал Дж.Вашингтону, ставшему в апреле 1789 года президентом Соединенных Штатов. Однако и на него события во Франции, в частности взятие Бастилии 14 июля 1789 года, оказали заметное влияние²⁷⁵.

С другой стороны, эксцессы революции 1789 года, запустив механизм монархической солидарности, лишь на время отвлекли внимание Пруссии, Австрии, затем и России от польского вопроса. В течение 1790 года, прошедшего в Варшаве под знаком дискуссий, какой из династий Европы будет предложен польский трон, в ка-

честве претендентов в преемники Станислава Августа выступили саксонский курфюрст, шведский король Густав III, герцог Брауншвейгский Людвиг и ряд других коронованных особ, принявших активное участие в формировании первой антифранцузской коалиции²⁷⁶.

В атмосфере разгула политического мародерства, отличавшей первую половину 90-х годов в Европе, призывы правительства У.Питта к созданию федерации европейских государств, основанной на принципах легитимизма, звучавшие, с одной стороны, отголоском осмысления горького опыта Англии в Северной Америке, с другой – предвосхищавшие решения Венского конгресса 1815 года, не были, да и не могли быть услышаны.

Особенно характерна в этом отношении позиция Австрии и Пруссии. В политике, проводившейся в 1790 – 1792 годах Леопольдом II, фактор заинтересованности Австрии в ослаблении своего традиционного соперника, Франции, оказался сильнее, казалось бы, естественных родственных связей с французскими Бурбонами. В силу той же логики проблемы, возникшие у Австрии в Нидерландах и Бельгии, на время оказались на шкале ее приоритетов выше удержания и расширения своих владений в Польше. Это, однако, не помешало австрийскому императору в трагическом для монархической Франции 1789 году вести торг с Фридрихом Вильгельмом II (проявившим, кстати сказать, редкую последовательность в вопросе об овладении Данцигом и Торном) о «территориальных компенсациях» на руинах разваливавшегося старого порядка²⁷⁷.

Очевидно, что в этих условиях опасность нового расчленения Польши, усилившаяся после провала «плана Питта», стала вторым по значению после Великой французской революции 1789 года фактором, обусловившим важнейшее событие в польской истории – принятие Четырехлетним сеймом конституции 3 мая 1791 года²⁷⁸. Глубокая внутренняя связь конституции 3 мая с событиями во Франции была подчеркнута в постановлении, с которым Станислав Август обратился 5 мая к депутатам Национального собрания в Париже. «Господин председатель, господа депутаты, – говорилось в нем. – Вы дали миру великий пример, он уже приобрел своих последователей. Народ, который всегда был другом Франции, уже поднял знамя свободы без потрясений, пролития крови, на волне подъема, охватившего все классы граждан. Этой революцией, одновременно счастливой и мирной, Польша обязана вам»²⁷⁹. Даже Герцберг, не отличавшийся симпатиями к Польше, вынужден был признать, что польская революция стала одним из величайших событий века, по его словам, «более важным по своим последствиям, чем революция во Франции»²⁸⁰.

Конституция 3 мая, готовившаяся специальной комиссией, созданной сеймом 7 сентября 1789 года, предусматривала радикальную модернизацию государственно-политического строя Польши путем

ликвидации таких феодальных анахронизмов, как *liberum veto*, право создания конфедерации, выборность короля. Польша объявлялась наследственной монархией с передачей трона (после смерти Станислава) в наследственное владение курфюрсту Саксонскому. Отсутствие упоминания в тексте о Великом княжестве Литовском понималось как попытка преодолеть дуализм Польши и Литвы, существовавший в Речи Посполитой. Законодательную власть были призваны осуществить высшая и низшая палаты сейма – сенат и палата депутатов, причем прерогативы депутатов были шире, чем сенаторов, а исполнительную – комиссии и совет сейма (стража), в состав которого входили король, примас и пять министров, ответственных перед сеймом²⁸¹.

Разумеется, майская конституция 1791 года являлась весьма противоречивым документом. В ней были подтверждены основные права и привилегии шляхты, сохранено крепостное право, отсутствовали реальные гарантии свободы вероисповедания и политических прав «диссидентских» конфессий.

Главное, однако, заключалось в том, что принятие конституции 3 мая убедительно продемонстрировало волю польского народа к национальному возрождению. Это обусловило весьма различное отношение к ней со стороны соседей. Позитивная реакция Пруссии, высказанная в письмах Фридриха Вильгельма II Станиславу Августу и курфюрсту саксонскому, была, конечно же, попыткой сделать хорошую мину при плохой игре²⁸². (Новый посланник Пруссии в Варшаве Гольц расценил установление наследственной монархии в Польше как вредное для интересов Пруссии и пытался предотвратить принятие конституции 3 мая.) В Австрии же, где сразу поняли, что события 3 мая в Варшаве идут вразрез с планами Пруссии, радость была неподдельна. Сразу же после принятия конституции австрийский посланник в Варшаве выразил по поручению Кауница Станиславу Августу полное одобрение Австрией новой конституции и, в частности, предоставления права наследования польского престола саксонскому дому Веттинов. В указах Кобенцелю от 24 и 25 мая 1791 года австрийский канцлер поручил ему попытаться убедить Екатерину в необходимости поддержки конституции 3 мая как открывавшей новые возможности для борьбы против «диктаторов Европы» путем создания союза России, Австрии, Саксонии и Польши²⁸³.

Я.И.Булгаков узнал о подготовке «революции 3 мая» в конце апреля 1791 года через маршала сейма Станислава Малаховского. «Сколь не разглашают, что я издержал 60 тысяч червонных: не издержал я ничего, ибо, предвидя все, было бы деньги бросать в воду», – доносил он императрице 30 апреля (11 мая) 1791 года²⁸⁴.

Об оценке Екатериной ситуации, сложившейся в Польше в связи с принятием конституции 3 мая, можно судить по ее письму Булга-

кову, направленному в июне 1791 года²⁸⁵. С учетом важности этого письма приводим текст его полностью: «Яков Иванович. Письма Ваши от 22 апреля/3 мая и от 30 апреля/11 мая в свое время нам доставлены были. Происшествие, в оных описанное, способом насильственным и незаконным преобразило Польшу, так сказать, в мгновенье ока из пассивной державы в активную, и из анархии в деятельное состояние. Но бесспорно и беспрекословия, тем самым исчезли ее главные статьи, составляющие польскую вольность и Палладиум оной, яко: 1°) Либерум вето; 2°) Право конфедерации; 3°) Выборы королей, и осталась теперь только одна Речи Посполитой тень и название. Надлежит теперь смотреть, как новоустроенная республиканская форма правления примется по провинциям. Понеже перемены не в Варшаве уже ожидать, но по нашим известиям, и тут надежда мала. Из Киева пишут, что по Днепру расположенные войски уже присягнули без сопротивления. Так как мы во всей сей перемене участия никакого не имели, то надеемся, что друзья старинной вольности Польши, буде еще таковые остались, нам отдадут справедливость, что всеми мерами, как трактатами, так и самым делом Мы во всякое время старались предохранить Палладиум польской вольности во всей ее силе и в угнетении и отнятии их вольности не участвовали; а как сии наши правила основаны на интересе существенном обеих Держав, то и во всякое время найдут в нас готовность к подкреплению законов Речи Посполитой Польской, когда сами от нас того потребуют, и Мы увидим, что они сами же не одними только словами, но приличными поступками к тому подвигаться готовы будут. А до тех пор Мы, как прежде, так и теперь останемся спокойными зрителями чудес, содеянных ослепленною вашей толпою мещан, коя, получив равенство с дворянами, за то королю дала самодержавие. Как его величество власть свою употребит, вы не оставьте донести; но на него надеяться можно ли, когда оказывается противу самую России неблагодарным? Новую его присягу конституции как сообразить с учиненною на Акте Конвента? Кажется, нет возможности. В сем состоят наши первые усмотрения и мысли, покуда по обстоятельствам можем впредь снабдить дальнейшими наставлениями. Пребываем вам благосклонны.

Екатерина.

В Царском селе, июня дня (день не проставлен. – П.С.)
1791 года»²⁸⁶.

5

В июньском письме Булгакову, как и в последующей переписке с посланником в Польше, Екатерина ни словом не упомянула о своих рескриптах Потемкину от 16 мая и 18 июля 1791 года, в которых были намечены практические шаги военно-политического характера по «умиротворению» Польши. Это обстоятельство побудило ряд

польских (В.Калинка, Л.Кондзеля)²⁸⁷ и западных (Р.Лорд)²⁸⁸ историков поставить под сомнение подлинность этих рескриптов, опубликованных П.И.Бартеневым²⁸⁹. Вместе с тем, поскольку первый из них (от 16 мая 1791 г.) использовался, хотя и фрагментарно, и С.М.Соловьевым, и Н.И.Костомаровым, высказывалось предположение, что эти документы были подготовлены по указаниям Екатерины, с тем чтобы сократить затянувшееся пребывание Г.П.Потемкина в Петербурге (с 28 февраля по 23 июля 1791 г.) и ускорить его отъезд в Яссы, где должны были начаться мирные переговоры с турками. При этом, разумеется, не обошлось и без спекуляций относительно пошатнувшихся позиций Потемкина, потесненного новым фаворитом П.А.Зубовым и его негласным покровителем Н.И.Салтыковым.

У российских историков подлинность майского и июльского рескриптов Екатерины 1791 года никогда не вызывала сомнений хотя бы в силу высокой публикаторской репутации П.И.Бартенева, указавшего, кстати, что он получил их тексты у директора Московского Главного архива МИД барона Бюлера. Вполне очевидна и важность этих документов, показывающих, что весной – летом 1791 года в Петербурге рассматривалось несколько вариантов дальнейшей политики в польских делах.

Подобный подход был обусловлен крайней сложностью, можно сказать, критической опасностью для России обстановки, сложившейся в Европе весной 1791 года. Несмотря на блестящие для России итоги военных кампаний 1789 – 1790 годов, взятие Очакова и Измаила, турки всячески затягивали начало мирных переговоров, надеясь на внешнюю помощь. Апрельский кризис, поставивший Россию на грань войны с Англией, Пруссией и их союзниками, был лишь приглушен согласованными действиями Потемкина, русских дипломатов в Лондоне, Берлине и Вене, но далеко не урегулирован. «Англия приготавливает флот свой к отправлению в Балтийское и Средиземное, а по известиям хотя и не вовсе еще верным, и в Черное море», – говорилось в рескрипте от 16 мая²⁹⁰. В Петербурге вынуждены были считаться и с возможностью развязывания военных действий против России прусским королем, который «не довольно, что с врагом имени Христианского заключил союз наступательный, да еще и сам, будучи в связи с Польшею, споспешествует таковому же сближению сия республики с турками»²⁹¹.

В этих условиях позиция Варшавы приобретала ключевое значение. Понимая это, Екатерина, предупредив Потемкина о необходимости «поставить для себя правилом удалять все, что хотя бы вид наступательный имело», предусматривала и ввод русских войск в Польшу, с тем чтобы «занять черту, на карте назначенную в сходстве с рескриптом нашим от 19 апреля 1790 года» в случае, если поляки «сами непосредственно окажут какую-либо неприятственность или же доколе король Прусский не введет много или мало войск

своих в Курляндию или другие области сия республики»²⁹². В подкрепление подобного образа действий, рассматривавшегося весной 1791 года в условиях продолжавшейся Русско-турецкой войны как крайний и вынужденный, имелось в виду снабдить Булгакова инструкциями, в которых ввод русских войск объяснялся бы наличием на территории Польши «войск других держав». Предпочтение в польских делах отдавалось, однако, политико-дипломатическим мерам, направленным на то, чтобы «отвлечь» поляков от Пруссии. Для этого предусматривалось сделать польским представителям «благоприятным образом внушения и выверения, что мы весьма удалены от всякого притязания вмешиваться во внутренние их дела; что готовы заключить с ними союз с ручательством целости их владений; что не отречемся поддержать торговлю их всевозможными выгодами; что при настоянии удобного случая не токмо не оставим прекословить, но и споспешествовать будем к присоединению Молдавии к Польше на условиях о сохранении там господствующего ныне Греческого закона»²⁹³.

Существенно, что вопрос о восстановлении в Польше порядков, существовавших до принятия конституции 3 мая, рассматривался в первом рескрипте Екатерине как крайний вариант на случай, «если все старания наши останутся тщетны и негоциация не возьмет силы»²⁹⁴. В качестве средства «привести в замешательство к нам недоброхотных» называлось создание «реконфедерации», которую при поддержке России должны создать вожди оппозиции – великий гетман Браницкий, К.Б.Потоцкий, генерал-поручик Коссаковский, Поплавский и другие. И уж совсем на крайний случай, который связывался в рескрипте с неудачей «реконфедерации», планировалось приступить к осуществлению давнего плана Потемкина о поднятии восстания православного населения Киевского, Брацлавского и Поллоцкого воеводств с одновременным вводом в них русских казачьих войск.

Совершенно новым моментом в позиции России, отражавшим степень уступок, на которые готовы были пойти в Петербурге для того, чтобы «умиротворить» Польшу политико-дипломатическими мерами, явилось зафиксированное в нем намерение довести до сведения австрийского императора, что «единомысленны мы с ним в том, что он в настоящее время из всех иностранных кандидатов для престола Польского курфюрст Саксонский есть сходнее для собственных интересов наших, ежели только он сохранит ту самую твердость, с каковой отразил он все коварные происки и внушения, Берлинским кабинетом через маркиза Луккезини и другими каналами учиненные»²⁹⁵. В этом, как и в ряде других мест майского рескрипта, зачастую прямо заимствованных из записок Потемкина Екатерине, нельзя не видеть сохранившегося сильнеешего влияния князя на императрицу.

К таким же выводам подводит и анализ текста рескрипта Екатерины Потемкину от 18 июля 1791 года, в котором в случае успеха мирных переговоров с турками ему предписывалось по возвращении русских войск в Россию через Польшу «подкрепить недовольных последнею конституциею, и план, вами начертанный, исполнить самим делом»²⁹⁶. До наступления момента решительных действий Потемкину поручалось активизировать связи с польской оппозицией, прежде всего Потоцким и Ржевусским, с тем чтобы они начали «составление партии верной и значащей и прибегнув к нам яко ручательнице прежней их вольной конституции, формально требовали нашего заступления и помощи»²⁹⁷.

Весьма важно, на наш взгляд, что при определении конечной цели прямого, хотя и вынужденного вмешательства во внутренние дела Польши Екатерина рассматривала два варианта, оценивая оба как отвечающие интересам России. «Двоякие пользы для нас произойти могут, – говорилось в июльском рескрипте. – Или мы предусеем опровергнуть настоящую форму правления, возставя прежнюю Польскую вольность, а тем доставим империи нашей на времена грядущие совершенную безопасность; или же, в случае оказательства непреодолимой в короле Пруссом жадности, должны будем, в отращение дальнейших хлопот и беспокойств, согласиться на новый раздел польских земель в пользу трех соседних держав»²⁹⁸.

В контексте очевидного ужесточения позиции Екатерины, происшедшей в период с мая по июль 1791 года, особый интерес приобретает выявленная О.И.Елисеевой записка Г.А.Потемкина Екатерине, написанная 23 июля, в день отъезда князя из Петербурга. Явно реагируя на изложенный в июльском рескрипте императрицы жесткий сценарий действий в Польше, Потемкин предложил «преклонить» Станислава Августа «на свою сторону обещанием нации не входить в их дела внутренние, заключением союза наступательного и оборонительного, с ручательством за крепость их владений и уступки Молдавии на условия о Законе»²⁹⁹. Привести в действие собственный план организации восстания в православных областях Польши Потемкин считал целесообразным только в том случае, если предложенная им схема «умиротворения» Польши, включавшая, кстати, согласие на передачу права наследования польского престола саксонским Веттинам, будет отвергнута королем. «Тут уж король нужен не будет, – писал он, – а нация принудит его ко всему». Параллельно Потемкин рекомендовал немедленно начать переговоры с Австрией с целью обеспечения поддержки ею планировавшегося русско-польского союза. При этом он считал возможным, в случае, если Леопольд II «при откровенности, ему сделанной, окажет желание ближе к разделу Польши», пойти на новый раздел Речи Посполитой, «но уже делить так, чтобы мало от нее осталось»³⁰⁰.

В этой записке Потемкина, написанной за три месяца до его смерти, представляются важными два момента. Во-первых, изложенные Светлейшим князем идеи трудно рассматривать иначе, чем завуалированный намек на целесообразность принять основные требования деятелей революции 3 мая ради удержания Речи Посполитой в орбите русского влияния. В этом смысле записка гораздо ближе к многовариантной схеме, изложенной в майском рескрипте Екатерины, чем к жесткому силовому варианту, вышедшему на первое место в июле. Во-вторых, подавая свою записку, Потемкин, несомненно, понимал, что его план «умиротворения» вряд ли будет принят императрицей. В этой связи он изложил и альтернативный вариант действий, предусматривавший новый раздел Польши, ориентируя его, однако, на Австрию и полностью исключив возможность достижения договоренностей с Пруссией по польским делам.

Таким образом, приведенные документы позволяют, на наш взгляд, говорить о некоторых расхождениях между Екатериной и Потемкиным по стратегии и тактике действий в польских делах. Расхождения эти, однако, не носили принципиального характера, а, скорее, отражали неблагоприятную для князя перегруппировку сил и центров влияния в ближайшем окружении императрицы, которая началась с появлением при дворе в качестве нового фаворита Екатерины П.А.Зубова.

6

Я.И.Булгакову не составило труда выполнить предписание императрицы «оставаться спокойным зрителем» событий в Варшаве, поскольку Станислав Август официально информировал Петербург о принятии конституции 3 мая только в декабре 1791 года³⁰¹, тогда как курьер в Берлин с извещением о происшедшей революции был направлен уже на следующий день, 4 мая. «Он (Булгаков. – П.С.) дает изысканные обеды в своих прекрасно обставленных апартаментах, на прекрасном парижском серебре и под звуки музыки. Он вежлив со всеми», – вспоминал король³⁰².

Российский посланник не прервал своего официального молчания и тогда, когда вскоре после принятия конституции 3 мая в русско-польских отношениях возник новый осложняющий момент, который, по оценке С.М.Соловьева, сыграл едва ли не решающую роль в формировании русской политики в отношении Польши на последующем этапе. 1 июня 1791 года в Пинске была создана православная конгрегация, депутаты которой принесли в присутствии присланного сеймом комиссара присягу на верность королю и республике, включая повиновение конституции 3 мая. Руководители конгрегации заявили о своей независимости от Русской православной церкви и о переходе по духовным делам под власть константи-

нопольского патриарха с учреждением в Польше отдельной Православной неуниатской иерархии³⁰³.

Станислав Август поддержал пинскую конгрегацию, несмотря на резкие протесты из Ватикана, усмотревшего в этом решении угрозу позициям католицизма в Польше. В Петербурге, напротив, расценили создание независимой православной иерархии в Польше как шаг, подрывающий ранее достигнутые договоренности по диссидентскому вопросу, сыгравшему столь важную роль во время первого раздела Польши. С определенными оговорками можно согласиться с мнением С.М.Соловьева, констатировавшего, что с этого момента польский вопрос «получил для России уже настоящее значение: дело шло уже не о разделе Польши, а о соединении русских земель»³⁰⁴. Во всяком случае со времени создания пинской конгрегации польский вопрос вошел в жесткий идейно-религиозный контекст, в значительной мере сузивший свободу действий Екатерины.

Политику России в предельно запутанной, взрывоопасной ситуации, сложившейся в Европе после французской революции и принятия польской конституции, большинство историков, отдавая, как правило, должное стойкости и здравому смыслу, проявленному российской императрицей, трактует на основании записи в дневнике ее кабинет-секретаря А.В.Храповицкого от 14 декабря 1791 года³⁰⁵. Как представляется, это верно только отчасти. Вовлечь Пруссию и Австрию во французские дела было, разумеется, самым надежным способом нейтрализации дипломатической активности Пруссии, не оставлявшей надежду сформировать широкую общеевропейскую коалицию для вмешательства в Русско-турецкую войну, а также для удержания Австрии в рамках, приемлемых для российских интересов.

Вместе с тем вполне очевидно, что к концу 1791 года Екатерина уже вполне понимала глобальную угрозу для европейских монархий событий во Франции. Альтернативу эрозии и развалу системы международных отношений в Европе Екатерина видела в сохранении базовых положений Старого порядка. Интересно, что в этот период в ее дипломатических бумагах чаще, чем раньше, встречаются ссылки и упоминания о Вестфальской системе. В частности, убеждая Густава III в необходимости совместных мер по восстановлению монархии во Франции, она напоминала ему, что Швеция еще при Густаве-Адольфе стала одним из основных гарантов Вестфальских договоров, нарушенных Францией, изменившей зафиксированный в них статус Эльзаса.

Впечатляет и техника, продемонстрированная Екатериной в урегулировании одновременно нескольких локальных кризисных ситуаций начала 90-х годов. В частности, после того как Фридрих Вильгельм II обнаружил свои планы в отношении Курляндии, информировав венский двор о желании его сестры принцессы Оран-

ской женить своего второго сына на принцессе Курляндской, сестре герцога Петра Бирона, не имевшего мужского потомства, Булгакову в Варшаву было направлено поручение встретиться с женой герцога Петра и передать ему, что «единственными законными наследниками княжества Курляндского» в Петербурге считают племянников герцога Петра, прямых потомков по мужской линии герцога Эрнеста-Иоганна Бирона, возвращенного Екатериной в Курляндию при востшествии на престол.

Думается, уместно отметить в этом контексте, что, анализируя политический кризис в Европе начала 90-х годов, С.М.Соловьев особенно выделил мысль о том, что французская революция заставила «Восточную и Среднюю Европу соединиться с Англией против Франции». И далее нечто вроде ретроспективного прогноза: «Польша поникнет при этом образовании новой системы, восточный вопрос отложится; система созреет не скоро, ей будет особенно мешать соперничество Австрии и Пруссии; чтобы она созрела, нужен будет Наполеон и его гнет над Европой»³⁰⁶.

Первым шагом в образовании этой новой системы стало опубликование 6 июля 1791 года так называемого «падуанского циркуляра», которым Леопольд II призвал всех монархов Европы сформировать коалицию для борьбы с революционной Францией. За ним последовало подписание австро-прусской конвенции 25 июля 1791 года. Этот документ, «удививший мир не менее, чем знаменитая дипломатическая революция 1756 года»³⁰⁷, был разработан и подписан в ходе второй поездки «великолепного полковника Бишофсвердера», как выразился Леопольд II в письме прусскому королю в Вену. Инициатива австро-прусского сближения исходила от австрийского императора, заинтересованного в содействии Пруссии в создании коалиции против революционной Франции, необходимость которой актуализировалась после поступившего в Вену 12 июня сообщения о готовившемся побеге королевской семьи. Основу для австро-прусских договоренностей создало согласие Леопольда II быстро завершить мирные переговоры с Турцией, которые Австрия вела в Систово, в обмен на согласие Бишофсвердера не возражать против предложения Австрии пригласить Россию присоединиться к австро-прусской конвенции.

Неожиданный энтузиазм в отношении новой системы проявил и канцлер Кауниц, достигший к тому времени 83 лет. Бишофсвердер сразу же подписал подготовленный Кауницем проект конвенции, чем навлек на себя впоследствии критику берлинского кабинета. Король, однако, тут же направил в Вену ратификационные грамоты новой конвенции, которые и были разменены 15 августа, через 11 дней, после того как в Систово был заключен мирный договор между Австрией и Турцией. В сепаратной статье Венской конвенции, посвященной Польше, говорилось: «Поскольку интересы и спо-

койствие Держав, являющихся соседями в Польше, делают крайне желательным установление такого согласия между ними, которое могло бы покончить с взаимным соперничеством, дворы Вены и Берлина соглашаются и пригласят российский двор согласиться с ними не предпринимать ничего, противоречащего территориальной целостности и поддержанию свободной конституции Польши; не стремиться посадить принца из правящих в них династий на польский трон как путем женитьбы на принцессе-инфанте, так и путем новых выборов; не использовать своего влияния ни в одном из перечисленных случаев, для того чтобы склонить выбор республики в пользу другого принца, кроме как по общему согласию между ними»³⁰⁸.

Высказанная, хотя и в намеренно расплывчатой форме («поддержание свободной конституции Польши»), поддержка польской конституции 3 мая была расценена в Петербурге как вызов российскому влиянию в Польше. Тем не менее российские дипломаты не переставали поощрять Австрию и Пруссию к практическим действиям в направлении формирования антифранцузской коалиции.

Однако, как показала состоявшаяся в августе встреча Леопольда II с Фридрихом Вильгельмом II, в подходе Австрии и Пруссии к французским делам, относительно которых, казалось бы, были достигнуты принципиальные договоренности, начали обнаруживаться серьезные расхождения. Если Фридрих Вильгельм, с энтузиазмом поддерживавший идею о военной акции коалиции европейских держав против Франции, видел в ней, прежде всего, возможность новых территориальных приобретений, то австрийский император не был заинтересован ни в полной реставрации Бурбонов во Франции, ни в разграблении своего старого соперника³⁰⁹. Вследствие этого, когда к началу августа из европейских столиц стали поступать прохладные ответы на его «падуанские циркуляры», Леопольд начал отбавывать назад. Воспользовавшись поступившими из Парижа сообщениями о том, что Людовик XVI поддержал новую конституцию Франции, он распространил 12 ноября 1791 года циркулярную ноту, в которой заявил, что в связи с тем, что «король вновь обрел свободу и добровольно согласился со своим новым положением», Европе не осталось ничего другого, как следить за событиями во Франции³¹⁰.

В этих условиях особое значение приобрели старые маневры Пруссии и Австрии вокруг вопроса о наследственности польского престола. При обсуждении польских дел Леопольд II и Фридрих Вильгельм II договорились совместно побудить саксонского курфюрста Фридриха Августа принять предложенную ему Четырехлетним сеймом польскую корону. В ноябре А.Чарторыйский начал в Дрездене переговоры, от результатов которых, так считали в Варшаве, зависела судьба конституции 3 мая.

Курфюрст, находившийся под давлением, с одной стороны, своей жены и «польской партии» Саксонии, настаивавших на принятии короны, которую носили два его предка, а с другой – опасавшийся осложнения отношений с Россией, обратился за советом в Вену. Однако Кауниц, мечтавший о восстановлении династии Веттинов на польском престоле, не желал высказываться открыто, опасаясь осложнить отношения с Петербургом.

В результате с осени 1791 года заметно снизилась доверительность российско-австрийских контактов. Встревоженный Кауниц писал в Петербург 12 ноября 1791 года: «Еще 23 мая мы сообщили Петербургскому кабинету наши планы, просили дать нам знать об идеях императрицы. Не раз Вашему Превосходительству было обещано ответить. Медленность исполнения этого обещания ставит нас в вдвойне затруднительное положение: во-первых, потому что из настоящих внутренних и внешних отношений республики могут выйти самые невыгодные результаты, если оба императорских двора не примут сейчас же определенного решения. Во-вторых, так как нашему двору необходимо отвечать дворам Дрезденскому и Берлинскому относительно новой польской конституции, то нам будет очень прискорбно, если мы в этом случае, по незнанию, будем говорить разное с нашей союзницей Россией. У Австрии и России одни виды насчет Польши: обе должны желать, чтобы Пруссия не увеличивалась за счет Польши и чтобы Польша не усиливалась и не стала опасною соседкою, тогда как Пруссия желает слабости Польши с единственной целью распространить свои владения на ее счет»³¹¹. Разумеется, все эти доводы были направлены на достижение главной для Австрии цели: добиться поддержки Россией польской конституции 3 мая.

Кауниц, однако, и на этот раз не получил никакого ответа из Петербурга. Когда в январе 1792 года Л.Кобенцель на секретной конференции с вице-канцлером и А.И.Остерманом в очередной раз напомнил об имевшемся у него предписании «домогаться о податливости Ея императорского величества щастливому окончанию начатых Польшею с курфюрстом Саксонским переговоров», то Остерман, не вступая в обсуждение польско-саксонских дел, напомнил ему, что Вена до сих пор не выполнила свое обещание о финансовой поддержке французских принцев крови, находившихся в эмиграции, тогда как Россия, Пруссия и даже Неаполь «доставили им некоторое денежное вспоможение»³¹².

«Речам императора впредь мало веры дать можно, – так комментировала Екатерина в собственноручной записке от 4 декабря 1791 года ламентации Кауница. – Надобно согласиться, что план Венского двора – настоящий Австрийский, план прирожденного врага Франции. Император с Королем прусским будут владычествовать в Германии. Я боюсь их гораздо больше, чем старинную Францию во всем ее могуществе и новую Францию с ее нелепыми принципами».

В этом документе, адресованном членам коллегии иностранных дел, Екатерина затронула и польский вопрос, отметив: «Все, что противно нашим трактатам с Польшей, противно нашему интересу... Я даю знать господам – членам Иностранной коллегии, что мы можем делать все, что нам угодно в Польше, потому что противоречивые виды дворов Венского и Берлинского противопоставят нам только кипы писчей бумаги, и мы покончим наши дела сами»³¹³.

V

ВВОД РУССКИХ ВОЙСК В ПОЛЬШУ В МАЕ 1792 ГОДА И ПОДПИСАНИЕ РУССКО-ПРУССКОЙ КОНВЕНЦИИ 3 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА О ВТОРОМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ

1

Подписание 27 декабря 1791 года (9 января 1792 г.) Ясского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну, обозначило начало нового этапа в развитии польского кризиса. Предстоявшее возвращение из Молдавии 120-тысячной русской армии создавало удобные предпосылки для активизации политики России в отношении Польши. «Время оставаться спокойными зрителями» польских событий прошло, наступил момент активных действий.

Весна 1792 года была отмечена и резким поворотом в политике России и Пруссии. Угроза «революционной войны» со стороны Франции, возросшая в результате неосторожной ноты, направленной Кауницем в ноябре 1791 года Национальному собранию, распространение якобинских идей в Австрийских Нидерландах, жалобы Марии-Антуанетты на пассивность ее брата – все это вынудило Леопольда II и Кауница вернуться в январе 1792 года к плану создания коалиции европейских держав в борьбе против французской революции. Австрийскому послу в Берлине Реуссу был направлен проект союзного договора между Австрией и Пруссией. Стремление успеть заключить союз с Пруссией до того, как в Петербурге прервут девятимесячное молчание по польским делам, побудило Вену сразу же дать позитивный ответ на ноту Берлинского кабинета от 13 января. В основу австро-пруссского союза был положен принцип, согласно которому державы, которые примут активное участие в борьбе с Францией, имеют права на компенсации своих издержек. Л.Бретейль, бывший министр иностранных дел Людовика XVI, представлявший его в эмиграции, дал согласие компенсировать финансовые расходы участников коалиции.

Характерно, однако, что еще до подписания австро-пруссского союза в Берлине начали двойную игру. В конце января Бишофсвер-

дер заявил Алопеусу, что если для Екатерины будет неудобно присоединиться к австро-прусскому союзу, то Пруссия готова подписать отдельное союзное соглашение с Россией. Для его заключения Бишофсвердер намеревался выехать в Петербург. Ответа на это предложение из Петербурга не последовало, хотя прусский посланник Гольц доложил в Берлин о благоприятных изменениях в отношении к нему со стороны императрицы и великого князя³¹⁴.

Австро-прусский союзный договор был подписан в Берлине 7 февраля 1792 года. По форме он напоминал знаменитый Версальский договор 1756 года. Сохранившиеся между Австрией и Пруссией расхождения в подходах по ключевому вопросу – об отношении к польской конституции 3 мая – удалось замаскировать, заменив определенный артикль к слову «конституция» во фразе, согласно которой стороны обязывались «не предпринимать ничего противного сохранению свободной конституции», на неопределенный. Уступку в столь важном для нее вопросе Австрия компенсировала, добившись принятия сепаратной статьи, в которой говорилось, что союзники «пригласят императорский Российский двор к соглашению с ними в том, что они не посягнут на целостность владений и на свободную конституцию Польши»³¹⁵.

В разгар австро-прусских переговоров, 3 февраля, в Берлин поступила депеша от Гольца. Ему удалось ознакомиться с запиской Екатерины ее фавориту П.А.Зубову, в которой говорилось: «После того как все устроилось наконец, я хочу, чтобы князь Репнин поехал к главной армии, собрал как можно больше войск – количество которых, по моим подсчетам, должно составить до 130 тысяч человек – и направился с ними в польскую Украину. Если Австрия и Пруссия выступят против, что возможно, я предложу им или компенсацию, или раздел»³¹⁶.

Информация Гольца произвела такое впечатление в Берлине, что на состоявшейся 16 февраля конференции в Потсдаме, разрабатывавшей план военной кампании против Франции, королем, герцогом Брауншвейгским, Бишофсвердером, Шуленбургом и Манштейном было решено увязать линию в польских делах с участием Пруссии в военных операциях против Франции³¹⁷. Бишофсвердер немедленно посетил Алопеуса, заверив его, что король окончательно отказался от поддержки конституции 3 мая, но опасается «взрыва» в Польше в случае, если кампания против Франции не закончится быстрым и решительным успехом³¹⁸.

В этих условиях устное представление, сделанное вице-канцлером Остерманом прусскому посланнику в Петербурге 17 (28) февраля 1792 года, было расценено Берлином как первый официальный сигнал о готовности Петербурга к выработке с Пруссией общих подходов к польским делам. В этом тщательно выверенном по тону и выражениям документе (текст его был одобрен Екатериной 15 фев-

раля) говорилось, что в ходе согласования позиций Берлина и Петербурга по французским делам граф Гольц «соскользнул» к делам Польши, высказав при этом соображения, «совпавшие с чувствами императрицы в отношении последних событий». И поскольку «с того времени, как исчезли причины неудовольствия в отношениях между двумя дворами, нет основания видеть в этой попытке прусского министра проявление простого любопытства и еще менее попытку проникнуть в намерения России, для того чтобы им противодействовать». Императрица хотела сразу же ответить на слова посла, но решила отложить этот демарш до установления мира с Османской Портой. После того как этот счастливый момент наступил, она пользуется случаем, чтобы пояснить свой образ мыслей.

«Если дело, свершившееся 3 мая прошлого года, должно остаться и утвердиться, то нет сомнения, что Польша в соединении с Саксонией и с помощью формы, которую хотят придать этому союзу, может превратиться в силу, которая постепенно начнет превалировать над своими соседями или, по крайней мере, будет для них крайне неудобной соседкой. Исходя из этих соображений, Россия должна позаботиться о своей протяженной границе с Польшей, которую необходимо надежно охранять. Пруссия к тем же самым соображениям должна добавить интересы Германии и фактор Саксонии, которая в силу подобного объединения (с Польшей. – *П.С.*) непременно усилит свое влияние и, быть может, получит перевес. Обо всем этом Россия и Пруссия должны серьезно подумать, с тем чтобы как можно раньше договориться о мерах, которые необходимо предпринять для того, чтобы воспрепятствовать развитию событий, противному их интересам и престижу. Таковы причины, побудившие нас изложить эти мысли господину графу Гольцу с просьбой передать их его двору, добавив, что они продиктованы как личными побуждениями ее императорского величества, так и ее желанием поддерживать добрую гармонию и дружбу с прусским двором»³¹⁹.

Сразу же по получении депеши от Гольца Фридрих Вильгельм написал Шуленбургу, что Россия, кажется, склоняется к новому разделу, задачей которого будет, очевидно, определение «справедливых пределов» власти короля Польши. И хотя в «русском проекте», как назвал его Фридрих Вильгельм, трудно будет найти компенсацию, которая удовлетворила бы Вену, для Берлина это самый выигрышный и желанный вариант³²⁰. Существенно и то, что в качестве объекта территориальных притязаний Пруссии был назван левый берег Вислы.

В тот же день, 17 (28) февраля, Остерман зачитал Кобенцелю депешу, подготовленную для Голицына. Категорически отвергнув все аргументы Вены в пользу конституции 3 мая, Остерман сказал, что императрица не намерена больше терпеть нарушение поляками своих обязательств в отношении России. Она намерена уничтожить

последние нововведения в Польше, столь разрушительные для соседних держав, и приглашает венский и берлинский дворы участвовать в этом. В качестве первого шага было сказано о необходимости совместного демарша в Варшаве. При этом высказывалась уверенность в том, что солидарные позиции трех держав заставят Польшу подчиниться. В случае сопротивления меры принуждения не отвлекут три державы от кампании против Франции. На замечание Кобенцеля о том, что подобный образ действий неминуемо приведет к новому разделу, Остерманом было торжественно заявлено, что «императрица никогда не согласится на это»³²¹.

Расчет Екатерины оказался точным. Когда только что вступивший на престол 24-летний австрийский император Франц II (1 марта 1792 г. Леопольд II скоропостижно скончался³²²) предложил Берлину совместно гарантировать саксонское наследственное правление в Польше, Фридрих-Вильгельм почти буквально повторил слова, сказанные в Петербурге Гольцем: «Для Пруссии не может быть ничего опаснее державы, образованной из соединения Польши и Саксонии; при ее союзе с Австрией у Пруссии не будет Силезии, с Россией — не будет Восточной Пруссии»³²³. 12 марта 1792 года прусский король объявил своим министрам, что в создавшихся условиях интересам Пруссии в наибольшей степени отвечал новый раздел Польши.

Противоречивые сигналы, посланные в Вену и в Берлин, отражали, на наш взгляд, не только различную дипломатическую тактику в отношении Австрии и Пруссии, но и то обстоятельство, что на конец февраля 1792 года у Екатерины, очевидно, еще не сложилась четкая схема действий в Польше. Решение об использовании войск, возвращавшихся из Молдавии, для восстановления прежних порядков и отмены конституции 3 мая было императрицей принято. Убедительно мотивировать его было сложнее: слишком очевидно было противоречие между линией на восстановление монархии во Франции и фактическим свержением монархического строя в Польше и заменой его республиканским. В этих условиях новый раздел Польши должен был рассматриваться Екатериной как крайняя вынужденная мера на случай сопротивления Берлина и Вены восстановлению русского влияния в Польше.

Однако вопрос о способе реализации планов в отношении Польши, в частности в том, что касается характера и пределов сотрудничества с польской оппозицией, оказался в силу сложившихся обстоятельств более сложным, чем представлялось Екатерине в 1791 году. В принципе, Екатерина всегда видела в «друзьях старинной польской вольности» ту силу, интересы которой совпадали с интересами российской политики. Об этом убедительно свидетельствуют инструкции, направлявшиеся Булгакову с момента его назначения. Вместе с тем, ей вряд ли могли казаться приемлемыми идеи, высказанные в письме Потемкину от 14 мая 1791 года одним из лидеров польской

оппозиции, командующим артиллерией польской армии, воеводой русским Станиславом-Щенсы Потоцким, предлагавшим создание двух «контрконфедераций» – на Украине и в Литве – для борьбы за отмену конституции 3 мая. Потоцкий предлагал создание в Польше федеративной республики с выборным королем, полномочия которого должны были быть предельно урезаны³²⁴. Во всяком случае, в знаменитом рескрипте Екатерины Потемкину от 18 июля 1791 года вопрос о предложении польской оппозиции создать «контрконфедерации» обходится.

Кстати, возвращаясь к вопросу о подлинности рескриптов Екатерины Потемкину от 16 мая и 18 июля 1791 года³²⁵ и связанных с ними планах Екатерины в отношении Польши, применительно к началу мая 1792 года целесообразно говорить, на наш взгляд, не об их «дуализме» (либо отмена конституции 3 мая, либо новый раздел), а, скорее, об иерархии целей (раздел в случае, если не удастся восстановить устраивавший Россию порядок вещей в Польше собственными силами)³²⁶. Малоубедительны в этом смысле и ссылки на С.М.Соловьева, считавшего, что в расчетах Екатерины II ввод войск еще не означал нового раздела Польши, и на Н.И.Костомарова, утверждавшего, напротив, что в Петербурге с самого начала взяли курс на новый раздел³²⁷. Архивные документы, введенные в научный оборот за последние 100 с лишним лет, убедительно показывают, что дипломатия Екатерины была многовариантна, императрица не раз корректировала свои первоначальные планы с учетом обстоятельств.

Важнейшим из этих обстоятельств как для функционирования механизма принятия политических решений в России, так и для выбора тактических вариантов в польских делах явилась смерть Потемкина в октябре 1791 года. Роль главного советника по внешнеполитическим делам перешла к 26-летнему фавориту императрицы П.А.Зубову, давнему оппоненту Потемкина. Значение А.А.Безбородко, формально остававшегося первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, резко снизилось после его отъезда в конце 1791 года для завершения начатых Потемкиным мирных переговоров с турками в Яссах³²⁸. Правой рукой Зубова стал бывший помощник Безбородко А.И.Морков, бывший посланник в Швеции, второй член КИД. Антипотемкинский настрой Зубова и Моркова во многом предопределил практические шаги в отношении Польши, предпринимавшиеся накануне и в ходе второго раздела.

Позиция Безбородко по польским делам, изложенная в его записке Екатерине об итогах мирных переговоров с турками от 26 января (5 февраля) 1792 года, направленной из Ясс, где он тогда находился, склонялась в пользу формирования в Польше оппозиционной Четырехлетнему сейму конфедерации во главе с С.-Щ.Потоцким и С.Ржевусским, прибывшими осенью 1791 года в Яссы, но не заставшими

Светлейшего в живых. Перед отъездом Потоцкий и Ржевусский разослали по всем польским провинциям обращение к нации с призывом восстановить старые права и вольности.

«Письма графа Потоцкого и гетмана Ржевусского я получила из рук генерала-майора Попова, – говорилось в ответе Екатерины Безбородко. – Первый пишет ко мне и просит дозволения сюда приехать, в чем вы можете объявить ему мое согласие. Ежели и гетман Ржевуский решится на сию же поездку, то обоих видеть я охотно соглашаюсь: норовите устроить так, чтобы они в приезд ваш прибыли либо незадолго прежде или после вас. Вы ко мне писали, что они подробной план в Яссах пишут, но Попов мне сказал, что здесь скорее о всем условится и что они разнствуют с генерал-порутчиком Коссаковским, понеже сей хочет в Литве начать реконфедерацию и рекламировать нашу помощь. Сие легко зделается на границе Белорусской. Переехав Днепр или Двину, поляки зделают собрание на польской земле; а Потоцкий и Ржевуский хотят, что войски наши, прося прохода вошли; я думаю, что оба плана соединить можно».

В собственноручном постскриптуме Екатерины говорилось: «Но все вышенаписанное прежде исхода апреля или начала мая неудобно приводить в исполнение; как же промаячить с Венским двором, который от нас домогается ответа, сие дело дипломатики или политики, а я с вами говорю начисто»³²⁹.

В марте Потоцкий и Ржевуский прибыли в Петербург вместе с коронным гетманом К.Браницким, с трудом добившимся от Станислава Августа разрешения выехать в Россию для урегулирования своих финансовых дел³³⁰. В российской столице собралось 15 – 16 представителей польской оппозиции.

2

Сам факт обращения оппозиции к России заставил руководство варшавского сейма предпринять срочные меры. В декабре в Петербург было направлено составленное в очень учтивых выражениях уведомление о перевороте 3 мая. 17 января 1792 года Остерман отвечал польскому посланнику в Петербурге Деболи: «Ее величеству нечего Вам отвечать. Польша объявила, что не хочет допускать никакой гарантии; объявила, что хочет управляться сама собой, без вмешательства какой бы то ни было державы: следовательно, Русский двор не может подать Вам никакого совета»³³¹. Депеша Деболи с отчетом о разговоре с Остерманом, к которой он счел нужным присовокупить собственное мнение о неизбежности нового ввода русских войск в Польшу, так поразила Станислава Августа, что он упал в обморок.

Не дали желаемого эффекта и обращения польских представителей в Вене, Берлине и Дрездене. Австрийцы и при Франце II

продолжали следовать изначально проигрышной тактике «неантагонизирования» сторон, вовлеченных в польский кризис, в результате чего, как мы видели, даже Саксонский курфюрст, традиционный союзник Австрии, не спешил принять предложенную ему польскую корону. Луккезини, вновь появившийся в Варшаве, от имени Фридриха Вильгельма II информировал Станислава Августа о том, что Пруссия «не будет вмешиваться в то, что последовало в Польше после заключения прусско-польского трактата»³³².

Между тем, Потоцкий, Ржевуский и Браницкий в Петербурге имели практически ежедневно аудиенции у императрицы и проводили многочасовые совещания с Зубовым, в ходе которых отрабатывались детали будущих совместных действий по восстановлению «древних польских вольностей». Безбородко, эксперт в польских делах, представлявший, надо думать, реальную социальную базу, которой располагала в Польше оппозиция (чего нельзя сказать о Екатерине, даже летом 1792 года писавшей Булгакову, что Потоцкий и Браницкий пользуются поддержкой четырех пятых польского населения), а также Зубов считали необходимым немедленно вступить в переговоры с Веной и Берлином, опасаясь, что в результате единоличных действий в Польше Россия будет втянута в новую длительную войну. Екатерина, очевидно, предполагавшая на этом этапе обойтись своими силами, писала Безбородко: «Это предложение несовместно с нашими планами; это прекрасное предложение сделает нас одиозными фигурами в глазах поляков, а кроме того, нам придется действовать против наших же собственных договоров и нашей гарантии, особенно в отношении Данцига. Я категорически за то, чтобы отклонить это предложение»³³³. В том же тоне составлена и сохранившаяся записка императрицы Зубову: «Ваше желание никогда не будет иметь успеха у настоящих дворов Вены и Берлина. Я помню раздел Польши с Марией-Терезией и Фридрихом, тогда это пошло как по маслу. Сравнение не в пользу нынешних»³³⁴.

Тем не менее вариант одновременного ввода в Польшу войск трех держав – участник раздела активно прорабатывался. Об этом свидетельствует сохранившийся в АВПРИ «Прожект плана, как поступить в Польше находящимся министрам», подготовленный, как можно предположить, Зубовым и Морковым³³⁵. «Прожект» Зубова, являвшийся, очевидно, частью более обширного комплекса записок, адресованных императрице, состоит из следующих разделов: «Статьи приуготовительные»³³⁶, «Исполнительные пункты»³³⁷, «Восстановление правительства в истинных его принципах»³³⁸ и двух «примечаний» – генерального³³⁹ и партикулярного³⁴⁰.

Анализ текста этого документа показывает, что его составители имели в виду осуществить совместный ввод в Польшу войск России, Австрии и Пруссии для «восстановления порядка и тишины во всем государстве в справедливом и твердом основании для исправления

национальных распрей, изъятий злоупотреблений в правительстве и обеспечения всегдашнего политического существования, существования республики сходственного, расположением и интересами ее соседей». В дальнейшем предполагалось действовать по схеме первого раздела: предъявление дипломатическими представителями трех держав-участниц совместной декларации польскому правительству и созыв чрезвычайного сейма для «ниспровержения» конституции 3 мая и восстановления старых порядков. Действовать предполагалось с участием короля, «если усмотрено будет, что он намерен войти в расположение трех дворов» и с опорой «на всех актеров, в какой бы партии они прежде ни были» при условии, что они желают «искренно окончить замешательства своего Отечества».

Статьи «Прожекта» относительно будущего государственно-политического устройства Польши, по всей видимости, впитали в себя тот план реформ, который составила и передала представителям польской оппозиции Екатерина³⁴¹. В частности, в качестве «главнейшего правила», которого предписывалось придерживаться как представителям трех держав в Варшаве, так и Бюлеру, являлось «сохранение короля на престоле», что вряд ли могло понравиться Ф.Потоцкому, С.Ржевусскому и К.Браницкому, не только не скрывавшим, но и афишировавшим свое негативное отношение к Станиславу Августу.

В явном стремлении сделать государственное устройство Польши более привлекательным для магнатов, находившихся в Петербурге, в «Прожекте» предлагалось сохранить избирательность короля, отрицался принцип наследования престола, подтверждалась возможность избрания королем «только польского дворянина знатной породы и имеющего посессии в Польше», при исключении возможности избрания на польский престол «всякого чужестранного принца». Правительство Польши должно было остаться «навсегда республиканским», а сейм – работать на основе *liberum veto*.

Особенно характерен в этом отношении пункт 2 раздела «Восстановление правительства», который гласил: «Истинный принцип польского правительства есть равновесие трех чинов – короля, сената и рыцарского чина. Сие есть древний и фундаментальный закон республики, и первый кардинальный закон в последней конституции к тому относится. Но надлежит великое иметь старание, чтоб сие законное равновесие получило свое вещество чрез равную инфлюэнцию трех чинов в правительстве, и к восстановлению и обеспечению сего равновесия инфлюэнции должны клониться все настоящие реформы. Для сего уничтожаемы будут все новые конституции, коими больше или менее нарушено сие равновесие, и взяты будут все предосторожности, могущие обеспечить оные для переда».

«Прожект» интересен, на наш взгляд, тем, что он приподнимает завесу над той закулисной борьбой, в которой происходила выра-

ботка стратегической и тактической линии России в польских делах накануне второго раздела. Доктринерство Зубова и Моркова, продемонстрированное ими непонимание коренного несовпадения интересов России с планами как Пруссии, так и Австрии, грубое игнорирование реальной ситуации в Польше, которую давно уже определяли запущенные конституцией 3 мая процессы национального возрождения, дают возможность по достоинству оценить прагматизм, проявленный Екатериной в этих сложнейших обстоятельствах.

Отвергнув на этом этапе идею совместного с Австрией и Пруссией ввода войск как ведущую к новому разделу Польши, она направила 9 марта Булгакову указание перейти к активным действиям по сплочению тех, кто выступал против конституции 3 мая. Однако в донесении от 31 марта (1 апреля) 1792 года посланник, гораздо более трезво, чем Зубов и Морков, оценивавший расстановку сил в Польше, доложил, что Россия могла рассчитывать на поддержку только 16 сенаторов и 36 депутатов сейма; кроме того, еще 19 сенаторов и 20 депутатов были готовы поддержать требования о ликвидации конституции 3 мая в случае малейшей надежды на успех.

29 марта 1792 года вопрос о дальнейших действиях в Польше был вынесен на обсуждение Совета³⁴². Безбородко представил членам совета проект декларации по польским делам, которую Булгаков должен был огласить в Варшаве, и рескрипты относительно ввода войск генералам Каховскому и Кречетникову³⁴³.

В проекте декларации, подготовленном Морковым, после перечисления «всех нарушений законов и прав республики, учиненных сконфедерированным Сеймом», который «в третий день мая 1792 года испровергнул до основания здания правления», говорилось, что, «хотя Ея императорское величество не желает внимать гласу собственного своего мнения, однакож не может не преклониться на прозбы, принесенные Ей от многих Поляков», которые, «горя чистейшим и похвальным усердием о спасении отечества и паки о приобретении прежней вольности и независимости своей, согласились они между собою составить законную Конфедерацию». Вследствие этого императрица, «следуя, со своей стороны, расположением дружбы и благоволения своего к Республике, и точно исполняя обязательства своих с Нею Трактатов, повелела некоторой части своих войск вступить в области республики»³⁴⁴.

Сохранившийся в АВПРИ черновик декларации с правкой Екатерины показывает, что вплоть до заседания Совета над ним шла напряженная работа. Императрица не ограничивалась только усилением приведенных в декларации аргументов (ею вставлены, к примеру, следующие пассажи: «Судьи, коим поручены произведение над ними (подданными России. – П.С.) суда, не находя никаких следов заводимого на них преступления, прибегали к жестоким истязаниям для вынуждения от них признания и по исторжении оного таким

образом, безчеловечные сии судьи приговаривали их к казни, которая над ними мучительски и исполнялась»; «вражда простерлась до того, что отправлено было (Четырехлетним сеймом. – П.С.) Чрезвычайное посольство в Турцию, бывшей тогда в открытой войне с Россией, для продолжения наступательного союза против сей последней Державы; чему Архивы министериальных переписок Варшавского Кабинета представят яснейшие документы и доказательства»), но включала и собственные тезисы. На полях черногового проекта рукой Екатерины сделаны следующие вставки: «Ее величество искренне убеждена, что большая часть Нации не имела никакого участия во всем, что сделано в Варшаве против Ея и Республики», «Ея императорское величество надеется, что всякий благомыслящий Поляк, прямо любящий свое отечество, примет в надлежащей силе намерения Ея величества и признает, что он будет защищать свое собственное дело, когда станет искренне усердно способствовать великодушным подвигам, которые от Нея употреблены будут по согласию со всеми истинными сынами отечества для возвращения Республики вольности, преимуществ и законов, кои у Нея похитила незаконная Конституция 3 мая». Упоминая о намерениях «благонамеренных поляков» составить «законную Конфедерацию», императрица поставила на полях черногового проекта НВ: «Нужно согласовать эти термины с господами поляками, поскольку я знаю, что пункт о конфедерации деликатен»³⁴⁵.

В инструкциях генералам Каховскому и Кречетникову о введении войск в Польшу говорилось, что возвращение войск из Молдавии представляет «самый удобный и натуральный случай исполнить принятые нами намерения удовлетворить и нашим государственным интересам, и нашим обязательствам в рассуждении польского государства». Каховскому и Кречетникову предписывалось «не только явно признать ту конфедерацию и всеми образами ей поборствовать, но и стараться оную усиливать людьми и распространять повсеместно по силе возможности». Одновременно генералам следовало поддерживать контакт с «назначенным генеральным маршалом оной конфедерации уполномоченным нашим действительным статским советником бароном Бюлером», на которого возлагалась ответственность за политико-дипломатическое обеспечение дела.

3

Члены Совета, ознакомившись с текстами деклараций и инструкций, а также «устным представлением» Гольцу и депешами Алопеуса и Голицына об их контактах с прусскими и австрийскими дипломатами, изложили собственное мнение, далеко не во всем совпадавшее с проектом Моркова – Зубова. Согласившись с тем, что «перемена правления (в Польше. – П.С.) для нас предосудительна и вредна и

что поэтому необходимо нужно стараться испровергнуть оную», Совет нашел, что «проект декларации составлен в выражениях пристойных и положения его сообразны». В то же время для обеспечения успеха военной операции следовало «быть уверенными в согласии на то и со стороны соседних Польше, венского, особливо же берлинского дворов». Особые опасения были высказаны в отношении Пруссии, связанной с Польшей союзным договором. При этом не исключалось, что Фридрих Вильгельм II мог расценить ввод русских войск в Польшу как повод для вступления в войну на стороне поляков. Вследствие этого Совет рекомендовал накануне ввода войск провести «дружественные объяснения» в Берлине и в Вене, причем пруссакам следовало обещать согласие на заключение русско-прусского союзного договора.

Наиболее серьезные замечания были высказаны в связи с тем, что было названо «паллятивным направлением дел тамошних». Очевидно, что под «паллиативой» члены Совета понимали намерение сохранить Станислава Августа на польском престоле. «По мнению Совета, – говорилось в протоколе его заседания, – самое простое восстановление правления польского в том состоянии, в каком оно при двух королях последних, Августе II и Августе III было, всего для нас сходнее, в рассуждении, что тогда правительство, кроме обыкновенного течения дел, и самые сеймы безо всякой вредной для соседей деятельности находились, силы же наши были на общие дела и на выгоды и пособие для войск наших, нежели на частные виды чьи-либо простирались». И далее: «Опыты царствования нынешнего короля доказали, что он при всяком случае искал присвоить себе власти более предместников своих, а правительству своему вящую деятельность; что все его перевороты на нашу или на другую сторону единственную цель имели, чтобы доставить ему удобность наконец произвести все то, что в последнее время случилось»³⁴⁶.

Обсуждение Советом вопроса о вводе русских войск в Польшу, тон которому, надо полагать, задавали А.Р.Воронцов и П.В.Завадовский³⁴⁷, еще раз продемонстрировало весьма неоднозначную расстановку сил в Петербурге в польских делах. Екатерина, которой было фактически рекомендовано сместить Станислава Августа, имела все основания быть недовольной итогами Совета.

В «Дневнике» А.В.Храповицкого под 3 апреля 1792 года значится следующая запись: «По делам Польским в Совете сделано возражение, хотя был уже готов манифест и расписание войск работы Моркова и Попова: они 29 марта подсланы были в Совет для объяснения, но Совет написал свой протокол вопреки. Пошатнулись, было, и граф Воронцов, и Завадовский; но всех удержал граф Безбородко, и так 29 марта были сердиты»³⁴⁸.

Сохранившаяся записка Екатерины Безбородко, написанная сразу же после заседания Совета 19 марта, показывает, что доста-

лось и Александру Андреевичу: «Читала я сегодня в протоколе Совета, что оговаривают поведение Иностранной коллегии в разсуждении польских дел и непрочности и недостатков взятых по оным мер; как вы оный протокол с вице-канцлером подписали, то, спрашиваю я, кому вы сей выговор приготовили? Я думаю же ныне, что по польским делам не было еще следовано от 1717 года иному проэку, кроме одинакому, то есть чтоб сохранить республику и вольность ея, ко-лико возможно, в целости. А какие Совет имеет намерения, о сем буду ожидать откровения впредь, когда заблагоразсуждено будет мне оный сообщить»³⁴⁹.

Реакцию императрицы на обсуждение польских дел в Совете можно, на наш взгляд, связать и с тем, что в апреле – мае 1792 года разворачивалось следствие по делу Н.И.Новикова и московских мартинистов, в котором Екатерину интересовали их связи с Пруссией. «Ведая, что Пруссия в течение сей войны была против России, как общество столь много умных людей могло ослепиться, войти в переписки и пересылки, наставления и руководство от одного из министров Пруссии?» – недоумевала она в ходе следствия³⁵⁰.

Атмосферу, в которой принималось решение о вводе войск, характеризует и записка А.И.Остермана А.А.Безбородко от 3 апреля, в которой вице-канцлер обнаруживает полное незнание деталей плана, разрабатывавшегося Зубовым, Морковым и Поповым. Спрашивая, «где и в каком месте будет собрана конфедерация», он замечает, что если это произойдет на территории Польши и «до ввода наших войск», то он «не видит в этом ничего дурного»³⁵¹.

12 апреля Совет, продолжив обсуждение польских дел, согласился на то, чтобы Булгаков вручил канцлеру и вице-канцлеру Польши декларацию о вводе войск «между первым и шестым числами мая» и рекомендовал послу выехать из Варшавы, «если он усмотрит в продолжении там пребывания своего личную для себя опасность»³⁵².

Во исполнение решения Совета в начале апреля в Вену была направлена информация о предстоящем вводе русских войск в Польшу. 10 апреля 1792 года Остерман поручил Алопеусу «объясниться, по крайней мере, в общих чертах с берлинским двором относительно наших видов и планов». Отметив, что «правлящая в Польше клика, которая перевернула вверх дном всю республику и взяла в свои руки правительство, не захочет сдаться сама по себе», он констатировал необходимость «создания конфедерации, которую здорвая и в то же время весьма многочисленная часть нации хочет сформировать, для того чтобы сбросить возложенное на нее иго». Они обратились с соответствующей просьбой к императрице, «вследствие чего она, руководствуясь собственными интересами и интересами других соседних с республикой держав, а также своими обязательствами по договору 1775 года, не могла отказать в этой

просьбе»³⁵³. В качестве даты ввода войск называлось 15 мая. Королю была передана просьба поддержать действия России в Польше.

Аналогичный демарш был предпринят Голицыным в Вене, хотя решающего значения позиция Австрии для России иметь уже не могла. 20 апреля Франция объявила «революционную войну» Австрии.

22 апреля на обсуждение Совета был вынесен вопрос о присоединении России к прусско-австрийскому союзному договору от 7 февраля, поставленный в письмах Франца II и Фридриха Вильгельма II. Безбородко заявил, что императрица «находит несходным вступать в таковые обязательства» с Австрией и Пруссией из-за наличия в берлинском договоре статей об оказании взаимной помощи на случай внутренних беспорядков, о поддержке «свободной конституции» в Польше и о наследственности польского престола.

На этот раз Совет поддержал предложение Екатерины, рекомендовав ей, однако, «заключить с берлинским двором особый оборонительный союз» с положениями, которые бы соответствовали статьям австро-прусского договора. При этом подчеркивалось, что целью этого шага является создание «собственной системы, ни от которой посторонней державы не зависящей и к которой по времени могли бы, ежели будет ее величества соизволение, приступать другие дворы»³⁵⁴.

Рекомендации Совета по вопросу заключения русско-прусского союзного договора носили номинальный характер, поскольку с середины апреля Алопеус уже вел на этот счет переговоры с графом Шуленбургом.

«Хотя мы еще в течение минувшего февраля сделали откровение наших мыслей по польским делам дворам венскому и берлинскому, но только от сего последнего получили отповедь, довольно для нас удовлетворительную; почему и можем надеяться, что деятельного затруднения по оным ни от того, ни от другого не встретим», – говорилось в рескрипте Екатерины Булгакову от 19 (30) апреля 1792 года.

7 (18) мая Булгаков вручил литовскому канцлеру Хрептовичу декларацию о вводе войск³⁵⁵. 14 мая 1792 года в украинском городе Тарговице был опубликован акт конфедерации, разработанный и подписанный в Петербурге 27 апреля³⁵⁶. Генеральным маршалом Тарговицкой конфедерации был провозглашен Феликс Потоцкий, его заместителями – Браницкий и Ржевуский.

16 мая армии Каховского и Кречетникова вошли на территорию Польши. Действия 100-тысячной русской армии, двигавшейся в Варшаву по трем направлениям, не могли встретить сопротивления со стороны меньшей по численности (45 тысяч человек), плохо вооруженной и дезорганизованной польской армии³⁵⁷. 31 мая был занят Вильно, 25 июня – Гродно, а в начале июля Каховский перешел

Буг и овладел стратегическим пространством между Бугом и австрийской границей. Возможности военного сопротивления были этим практически исчерпаны³⁵⁸.

Попытки Четырехлетнего сейма организовать сопротивление, делегировав дополнительные полномочия королю, не имели шансов на успех. В начале июня Екатерина писала Булгакову: «Меры, предпринятые так называемым варшавским сеймом, передавшим королю почти всю власть, создали положение, при котором он становится ответственным за ее использование в отношении части своей нации, открыто протестующей против конституции 3 мая, а также в отношении соседних держав, которые согласились добиться ее отмены». Булгакову предписывалось убедить короля прекратить бессмысленное кровопролитие и «присоединиться, не теряя времени, к конфедерации, сформированной под моим покровительством, для того чтобы работать совместно с ней по установлению прежнего порядка вещей»³⁵⁹.

Бесперспективность сопротивления подчеркивало и то, что ни Пруссия, ни Австрия не предприняли ни малейших попыток поддержать Польшу. В своих ответах императору (от 12 апреля) и королю (от 12 мая) на предложение присоединиться к австро-прусской конвенции императрица, выразив в принципе готовность к совместным действиям, подчеркнула неприемлемость секретной статьи конвенции относительно приглашения России к общей гарантии «свободной конституции» в Польше. Это вызвало почти паническую реакцию в Вене. Австрийскому поверенному в делах в Варшаве де Каше были направлены указания, опровергающие «возглашаемое в Польше толкование и надежды» о поддержке Австрией конституции 3 мая³⁶⁰.

Желая оградить свои интересы в Польше, Франц II выступил инициатором подписания 3 (14) июля 1792 года союзного трактата с Россией, фактически повторившего принципы русско-австрийского союза 1781 года. Приложенная к нему отдельная секретная статья относительно Польши явилась несомненным успехом екатерининской дипломатии. В ней, в частности, говорилось, что новое государственное устройство Польши должно базироваться на актах 1768 и 1775 годов, поскольку «характер польской нации не позволяет найти в отдаленных временах существования республики такую модель правительства, которую можно было бы скопировать в настоящее время»³⁶¹.

23 июля 1792 года Станислав Август объявил о своем присоединении к Тарговицкой конфедерации³⁶². После обсуждения этого вопроса на секретном заседании Совета 23 августа 1792 года Булгакову было направлено указание «избегать всего того, что может быть поводом к возбуждению мнений в ком-либо из нации польской, что со здешней стороны королевским видам и устремлениям содействовать хотели»³⁶³.

В рескрипте Бюлеру от 20 октября 1792 года Екатерина выражала беспокойство тем, что решение вопросов будущего государственного устройства Польши затянулось. «Назначенный срок созыва сейма таков, что нельзя не опасаться, что работа, о которой идет речь, не сможет быть окончена к этому времени», – писала императрица³⁶⁴. Весьма показательна и адресованная Потоцкому просьба, чтобы его План будущего правительства (депешами от 19 и 23 сентября Бюлер направил в Петербург проект Пакта конвента, составленный Ржевусским, и План будущего правительства Польши, подготовленный Потоцким. – П. С.), обсуждался «в самом узком кругу» близких к нему лиц, с тем чтобы «не возбудить неуместных предположений, учитывая, что некоторые из его людей не очень считаются с видами, которые должны быть приняты во внимание»³⁶⁵.

Подводя в депеше Бюлеру от 31 октября 1792 года предварительные итоги обсуждения этих документов в Петербурге, П.А.Зубов особо подчеркивал «мудрость» руководителей Тарговицкой конфедерации, не консультировавшихся с представителями короля о содержании Пакта конвента, поскольку сам факт его присоединения к конфедерации означал готовность «подчиниться всем мерам, которые будут предприняты для восстановления старых польских свобод»³⁶⁶.

Однако оптимизм Зубова был преждевременным. Уже в середине ноября Бюлер информировал Игельстрема о том, что Браницкий и Ржевусский категорически отвергли план Потоцкого по реформе госустройства Польши, да и сам маршал сказал Бюлеру, что «если в Польше согласно желанию Ее императорского величества все устроить, как прежде, то... это вызовет, скорее, ненависть, чем признательность к России». По мнению Бюлера, которое он высказывал, однако, только Игельстрему (надеясь, очевидно, на его связи с Зубовым), без санкции Петербурга на проведение хотя бы ограниченных реформ нельзя было надеяться ни на консолидацию Тарговицкой конфедерации, ни на постепенную нормализацию обстановки в Польше³⁶⁷.

Несмотря на настойчивые требования Потоцкого перенести работу сейма в Варшаву, его решено было провести в Гродно.

4

Объявление Францией войны Австрии в апреле 1792 года побудило союзников по первой коалиции – Австрию и Пруссию – начать военные действия против Франции совместно с армией французских принцев королевской крови, находившихся в эмиграции в Кобленце. Однако в силу взаимного недоверия союзников, которое подпитывали заявления Фридриха Вильгельма II и прусских дипломатов, не скрывавших своих территориальных амбиций в отношении Фран-

ции, договоренностей или согласования планов в отношении возможных «компенсаций» за счет Франции между союзниками достигнуто не было. В дальнейшем же сокрушительные военные неудачи, которые ожидали армии Австрии и Пруссии на Рейне, побудили Берлин и Вену искать возможности возмещения понесенных ими убытков путем других дипломатических комбинаций. На состоявшемся в присутствии короля 12 – 15 мая 1792 года в Потсдаме совещании с участием герцога Брауншвейгского, Шуленбурга, Бишофсвердера и австрийского посланника князя Реусса впервые был поднят вопрос о необходимости увязать между собой французские и польские дела. Об аналогичном намерении Екатерины II в середине мая Берлин информировал Гольц. Однако Шуленбург, вернувшись в Берлин, вынес из беседы с Алопеусом впечатление, что тому не было ничего известно по этому вопросу³⁶⁸.

Не комментировал Алопеус и сделанное ему 18 мая, на этот раз Бишофсвердером, предложение осуществить новый раздел Польши с участием Австрии и Пруссии таким образом, чтобы «в результате радикального сокращения Польши ей могло бы быть предоставлено право самой определять форму правления»³⁶⁹.

Одновременно, разговаривая с австрийским посланником в Берлине Реуссом, Шуленбург 21 мая предложил даже направить в Польшу австрийский и прусский корпуса, с тем чтобы не позволить России упрочить свое влияние в Польше. На это с прусской стороны было сказано, что в случае намерения России присоединить Правобережную Украину Пруссия также могла бы рассчитывать на часть Польши, в то время как Австрии предлагалась компенсация на Рейне.

Этот зондаж Шуленбурга нашел самый сочувственный отклик со стороны австрийского референдария Шпильмана, начинавшего играть все более видную роль в австрийской внешней политике. За спиной у Кауница, но с одобрения Франца II он заверил Шуленбурга, что в Вене сочувственно отнесутся к планам новых территориальных приобретений Пруссии в Польше в случае, если Берлин даст согласие на то, чтобы «компенсация» Австрии была найдена не на Рейне, а путем обмена Австрийских Нидерландов на Баварию и Верхний Палатинат³⁷⁰. При очевидной нереальности планов такого обмена, вызвавшего ожесточенное сопротивление со стороны баварского и цвайбрюккенского курфюрстов, действиями Шпильмана руководила считавшаяся классической в XVIII веке логика «округления границ», делавшая рубежи Австрийской империи более защитимыми и к тому же гарантировавшая безопасность Галиции, приобретенной Австрией по первому разделу.

Шуленбург, занявший место умершего незадолго до этого Герцберга, легко согласился с австрийскими идеями, хотя они в корне расходились с традициями прусской дипломатии, заложенными еще

Фридрихом II и заключавшимися в недопущении распространения влияния Вены в прирейнских областях империи. Через несколько дней Шуленбург от имени Фридриха Вильгельма II не только подтвердил согласие на обмен Баварии на Австрийские Нидерланды, но и обещал содействие прусского монарха склонить к этому электора Баварии и герцога Цвайбрюкенского³⁷¹.

В этих условиях последовавшая 5 июня реакция Кауница, охарактеризовавшего «план Шпильмана – Шуленбурга» как «химеру», стала как бы холодным душем для Франца II. Единственным результатом этого демарша престарелого канцлера явилась возросшая напряженность в его отношениях с императором.

Можно предполагать, что необоснованному оптимизму Вены относительно приобретения Баварии в определенной степени способствовала и беседа русского посла в Вене А.К.Разумовского с вице-канцлером Кобенцелем 30 июня 1792 года, в которой он, не высказав возражений в отношении планировавшегося обмена Баварии на Австрийские Нидерланды, взял на себя ответственность наметить на стремление России приобрести Правобережную Украину³⁷². Кроме того, говоря о прусской доле, Разумовский заметил, что российская императрица выступала против передачи Данцига и Торна Пруссии, только стремясь оградить интересы Австрии.

О явном отсутствии реализма в австрийской позиции свидетельствует и инструкция вице-канцлера Ф.Кобенцеля послу Л.Кобенцелю в Петербург от 2 июля 1792 года. Отметив в ней, что «Петербург не имеет права требовать таких же компенсаций в Польше, как германские дворы, поскольку не участвует в военных действиях против Франции», он предположил, что для того, чтобы заручиться согласием Екатерины на польско-баварскую схему «компенсаций» Вены и Берлина, будет достаточно встречного согласия Австрии и Пруссии на восстановление Россией государственного строя Польши в том виде, в котором он существовал до революции 3 мая³⁷³.

Во время свиданий, состоявшихся в июле 1792 года во Франкфурте и Майнце в связи с коронацией Франца II, австрийский император и прусский король, договариваясь о совместном походе против Франции, подтвердили, что Австрия получит Баварию взамен Австрийских Нидерландов, а Пруссия будет вознаграждена за издержки предстоявшего похода за счет Польши. Однако, поскольку обмен Нидерландов на Баварию потенциально уменьшал государственные доходы Австрии на два миллиона талеров, в Вене сочли необходимым потребовать за это дополнительное вознаграждение в виде уступки Пруссией Австрии франконских княжеств – Анспаха и Байрейта. В случае невозможности этого предполагалось обложить Францию солидной финансовой контрибуцией.

Претензии на франконские княжества, заявленные Австрией во Франкфурте и Майнце, стали, возможно, решающей ошибкой ее

политики. Накануне второго раздела Польши противники Шуленбурга в Берлине, в первую очередь Бишофсвердер, охарактеризовали его готовность пойти на уступки Вене как наносящую ущерб традиционной политике Пруссии, выступавшей протектором мелких германских княжеств, ослабив тем самым наметившуюся было тенденцию к австро-прусскому сближению.

Ситуацию еще более запутали неоднозначные результаты бесед, проведенных в середине июля в Петербурге Кобенцелем. Если относительно баварского проекта австрийскому посланнику не было высказано никаких возражений, то относительно претензий Пруссии Безбородко и особенно Морков неизменно отмечали, имея в виду неудачу Рейнского похода, что «пруссский король не имеет никаких прав требовать компенсации за «полукампанию»³⁷⁴. Впрочем, Морков при этом давал понять, что если речь все-таки пойдет о территориальных приобретениях Пруссии за счет Польши, то Россия будет рассматривать эту ситуацию с учетом своих интересов.

Возможно, в силу этого обсуждение темы «компенсаций» в контактах Л.Кобенцеля с прусским послом в Петербурге Гольцем заходило значительно далее тех границ, которые обозначали в беседах с ними Остерман и Безбородко. В результате к началу августа в Вене сформировались иллюзии, что, в случае достижения договоренностей с Пруссией относительно Анспаха и Байрейта, согласие России на новый раздел Польши будет легко получено.

Однако относящиеся к лету 1792 года «Мнения» ближайших сотрудников Екатерины по внешнеполитическим делам «в связи с учиненным от венского двора сообщением о запасных условиях между оным и Берлином, касающихся удовлетворения убытков по случаю войны во Франции»³⁷⁵, свидетельствуют о том, что только в середине августа в Петербурге началась выработка практической линии в отношении нового раздела Польши.

В записке Екатерине от 13 августа Безбородко оценил изложенную Кобенцелем «баваро-польскую» схему компенсации Австрии и Пруссии как «самое лучшее средство и наших дел в Польше со всевозможною для нас выгодой»³⁷⁶. Отметив, что «тут и вопрос настоять не может о каком-либо сомнении в том, чтобы не воспользоваться предложениями союзников наших», Безбородко подчеркнул, что «следует единственно разобрать первое, что нам себе присвоить прилично? Второе, как оное произвести в действо? И третье, сообразить намерения союзников наших с нашими интересами и с системою общей политики»³⁷⁷.

При определении критериев, которыми, по его мнению, должна была руководствоваться Россия при выборе своей доли, Безбородко выделил задачу обеспечения безопасности границ и «удобнейшей связи и сообщения с прежними»³⁷⁸. При этом он подчеркнул невыгодность проведения новых границ по «большим и судходным

рекам» (Двина и Днепр), поскольку они нужны для «свободного и беспрепятственного плавания для доставления жизненных и других припасов и для пользы торговли»³⁷⁹. Упомянул он также «города, на общих реках лежащие», которые «удобно процветать не могут, когда имеют в глазах своих ... беспокойное или сомнительное соседство» (в качестве примера Безбородко сослался на Полоцк, часть которого «отрезана Двиною в польское владение») ³⁸⁰. По его мнению, новые границы надо было проводить по мелким рекам, болотистым и труднопроходимым местностям.

Подчеркнув важность «сохранения ненарушимыми границ герцогства Курляндского», Безбородко предложил провести новую границу от «угла границы Семигалии» и далее вдоль Двины по рекам Березе и Припяти «до пределов Киевского воеводства», затем – по реке Случь вдоль Буга до Могилева на Днестр³⁸¹. Таким образом, по плану Безбородко, к России должна была быть присоединена «часть небольшая воеводства Виленского, остаток воеводства Полоцкого, часть воеводства Минского, воеводства Киевское и Брацлавское и малая частица от Волыни и Подолии для удобнейшего округления границы»³⁸². «Округленные» границы России, по мысли Безбородко, обеспечивали бы ей стратегическую инициативу в случае военных действий с Турцией и надежно защищали ее западные пределы.

Относительно прусской и австрийской доли Безбородко напомнил, что еще в 1794 году подавал записку, в которой отметил, что обмен Баварии на Австрийские Нидерланды «не имеет ничего для Российской империи вредного или предосудительного»³⁸³. Более того, в привлечении Австрии к разделу он видел те выгоды, что усиление Австрии путем оптимизации ее владений в Европе могло бы вывести Вену из зависимости Англии и Франции и сделать ее более сильным и надежным советником России в турецких делах³⁸⁴.

Признав важность приобретений, на которые претендовал король Пруссии, Безбородко особенно выделил Данциг, который, как он писал, «уже в самом деле и теперь в ее зависимости, а гавань и действительно ему принадлежит»³⁸⁵. На этом основании он предлагал дать Вене и Берлину предварительное согласие на раздел.

Во второй записке Безбородко Екатерине, написанной, судя по всему, через несколько дней³⁸⁶, он еще более решительно убеждал ее «решиться на раздел Польши», отмечая, что «нет иного способа кончить дело польское», поскольку «мы знаем наверное, что самые союзники наши хотят с нами подобного... и не оставят нам действовать там исключительно».

Необходимость дополнительной аргументации в пользу раздела была вызвана сохранявшимся летом 1792 года достаточно широким разбросом мнений между группировками Воронцова – Завадовского, Безбородко – Остермана и Зубова – Моркова. Это показывает, в частности, «Мнение А.И.Моркова по делам политическим», в ко-

тором он, реагируя на инициативу Австрии и Пруссии, рассматривал три возможных варианта действий:

- установление «твердого правительства в Польше, которое навсегда превратило бы эту страну в удобного и спокойного соседа России»;
- подписание русско-польского договора о дружбе и тесном союзе, который позволил бы обеспечить влияние России в Польше;
- новый раздел в том виде, как он предложен союзными дворами³⁸⁷.

Проанализировав первые два варианта, которые он считал взаимосвязанными, Морков пришел к выводу, что их реализация будет крайне затруднена отсутствием единства в рядах политической элиты польского общества, указав, в частности, на широкие разногласия И.Потоцкого с другими руководителями Тарговицкой конфедерации³⁸⁸. Примечательно, однако, что, хотя и чисто теоретически, он рассматривал возможность преобразований в Польше в том виде, в котором их предлагал Потоцкий: создание сильного правительства, проведение реформы всеобщего образования, укрепление местной администрации и суда³⁸⁹. Вместе с тем Морков отмечал, что подобные реформы сделали бы Польшу сильным и неудобным соседом, в первую очередь для Пруссии и России.

Напомнив, что во времена Северной системы Н.И.Панина уже обсуждалась возможность о включении Польши в планировавшийся союз северных государств, имея в виду провести соответствующие реформы для укрепления польской государственности, он отметил, что последующие события показали, что «импульс, однажды приданный, затем не может быть направлен в нужном направлении»³⁹⁰.

Подчеркнув, что существование сильной Польши в том виде, в каком оно было выгодно для России до пресечения Саксонской династии, ныне невозможно в связи с совершенно новой расстановкой сил в Европе, связанной, в первую очередь, с усилением Пруссии, Морков также пришел к выводу о неизбежности нового раздела между Австрией, Пруссией и Россией с оставлением ослабленной Польши в качестве буфера между тремя державами.

В сентябре 1792 года в Люксембурге состоялась встреча австрийского и прусского представителей – Шпильмана и Гаугвица, в ходе которой претензии австрийской стороны были существенно расширены. Шпильман настаивал на том, чтобы помимо обмена Баварии Австрии была предоставлена и часть Лотарингии и Эльзаса по реке Мозель. На это прусский же дипломат объявил, что «согласен получить вознаграждение в Польше, равное приобретениям Австрии». Получив от М.М.Алопеуса, сопровождавшего Фридриха Вильгельма во время Рейнского похода, донесение об итогах люксембургской встречи, Екатерина отреагировала следующей резолюцией: «После

такой блистательной кампании они еще смеют толковать о завоеваниях?»³⁹¹. Действительно, рост территориальных аппетитов Вены и Берлина трудно было понять на фоне тех сокрушительных поражений, которые нанес австрийцам и пруссакам в сентябре и октябре французский генерал Дюмурье под Вальми и Дрезденом. Из 42 тысяч прусских солдат, вторгшихся на территорию Франции, на родину вернулось едва 20 тысяч³⁹².

5

Тем не менее 8 октября, еще не вернувшись из похода, Фридрих Вильгельм «утвердил» размеры прусских приобретений, отмеченные на карте Польши линией Ченстохов – Рава – Сольдау. С этой картой Гаугвиц отправился в Вену на новую встречу со Шпильманом, которому предполагалось поручить миссию в Петербург для изложения совместной австро-прусской позиции. Выяснилось, однако, что австрийский дипломат заболел лихорадкой и вынужден был остаться в Люксембурге. Австро-прусские переговоры были отложены.

Между тем, 25 октября 1792 года Пруссия официально проинформировала Вену о том, что Фридрих Вильгельм примет участие во второй кампании против Франции только при условии, что Россия и Австрия обеспечат требуемые им территориальные приобретения в Польше, в первую очередь, города Данциг и Торн с прилегающими территориями.

Этот демарш вошел в историю под названием Мерльской ноты (по имени французского города, в котором в то время находился Фридрих Вильгельм). В тексте ноты Австрия была названа «основной стороной, подвергшейся нападению», а Пруссия – «вспомогательной и второстепенной стороной»³⁹³. Этот тезис, открывавший Берлину широкое поле для маневра, лег в основу дальнейшей стратегии и тактической линии Пруссии в французских и польских делах.

29 октября Гольц на отдельной «конференции» с Остерманом передал вице-канцлеру депешу Фридриха Вильгельма, в которой прусский король выразил желание «изъясниться со здешним двором относительно удовлетворения убытков, кои он понес во время минувшей кампании и понесет еще в продолжение будущей и узнать без отлагательства мысли Ее императорского величества для лучшего распоряжения дальнейшими своими подвигами»³⁹⁴. На вопрос Остермана о том, как в Берлине понимают «возмещение убытков», Гольц прямо сослался на полученную из Берлина карту с обозначением польских территорий, на которые претендовала Пруссия. «Когда же вице-канцлер потребовал от него, чтобы он наименовал все земли, коими король прусский владеть желает, тот сие исполнил на особой бумаге»³⁹⁵.

Реакция Остермана на заявление Гольца была чрезвычайно осторожной. Вице-канцлер, в частности, указал на невозможность организовать встречу посланника с императрицей, поскольку «по полученным здесь известиям, разглашается уже в Польше слух о намерении разделить оную; и он сам, господин посланник, судить может, сколь нужно, дабы ни малейшего подано не было подозрения находящимся здесь делегатам».

Остерман имел в виду прибывшую в октябре 1792 года в Петербург делегацию польских представителей, в состав которой входили великий гетман коронный Ф.К.Браницкий, гетман польный коронный С.Ржевуский, гетман Литовский Коссаковский, воевода русский Потоцкий, епископ Тракайский Платер, коронный секретарь Грановский, князя Радзивилл и Сапега, граф Виельгорский и епископ Коссаковский, советник Тарговицкой конфедерации. Целью их приезда, как говорилось в письме на имя Екатерины от 20 сентября 1792 года, подписанном С.-Щ.Потоцким и К.Сапегой, было «выразить признательность свободной нации, обретшей свободу вследствие щедрой помощи Вашего величества и не желающей ничего, кроме как укрепления мудрых институтов своего республиканского правления, сохранения дружбы и мира со своими соседями и особенно возможности быть навсегда связанными с великой империей, честь и счастье которой составляет Ваше величество»³⁹⁶.

Однако, поскольку Гольц в соответствии с имевшимися инструкциями проявлял необычную для него настойчивость, вице-канцлер спросил его, под каким предлогом «двор его предполагает приступить к разделению Польши, которая ведь ни малейшего не имеет отношения к делам французским, побуждающим Его прусское величество к желанию удовлетворения убытков, и патриоты коей обнадеживают сородичей своих, чтобы государыня-императрица бескорыстно принять на себя изволила восстановление неустройств, в сии земли вкравшихся».

На это Гольц предельно откровенно заявил, что «можно, по его мнению, легко найти средства к действительному оного исполнению, воспользуясь каким-либо расстройством или междоусобием». Отвечая на слова Остермана, выразившего сомнение в реальности обмена Австрийских Нидерландов на Баварию, прусский посланник отвечал, что «тут будет дело венского двора и оному предоставить должно согласиться с курфюрстом Баварским. Он же, со своей стороны, полагает, что император должен иметь какую-либо надежность, когда сей мены желает».

Реакцию Екатерины на доложенные ей Остерманом высказывания Гольца отражают ее собственноручные записки, приложенные к протоколу конференции от 29 октября. В первой из них говорится: «Можно бы и то еще сказать пруссакам, что нам кажется, теперь не время начать новые хлопоты, когда дело идет до выручения немецкой

империи и ее целости из рук французов, кои не токмо завладели тремя курфюрствами, но и тем городом уже, где коронуется император»³⁹⁷.

Во второй записке императрица выразилась еще более откровенно: «Правилom в сем деле, кажется бы, должно отдалить дележ Польши колико можно. После бесстыдной Кампании как приобретать, с нами же ни о чем тут не условились, мы не ведаем, что делать хотят. Без ведома венского двора не приступать к оному делу. Усилить Прусского Короля не для чего.

Противу честности и обещаний отнюдь ничего не предпринимать»³⁹⁸.

Мотивы, которыми руководствовалась Екатерина, демонстративно жестко отвергая прямое предложение Пруссии о новом разделе Польши, трудно оценить однозначно. С учетом дальнейших событий логично, однако, предположить, что, зафиксировав письменно свою позицию (крайне редкий случай в ее дипломатической практике), императрица стремилась предотвратить утечку информации о факте начавшихся русско-пруских контактов о разделе. Кроме того, к концу октября еще не рассеялись ее иллюзии относительно способности руководителей Тарговицкой конфедерации восстановить в Польше порядок, существовавший до принятия конституции 3 мая.

К сугубой осторожности побуждали Екатерину и прервавшиеся из-за болезни барона Шпильмана доверительные контакты с Венной, в позиции которой не только по польским, но и французским делам после разгрома союзных войск на Рейне Екатерина не могла не сомневаться. Во всяком случае, во второй беседе с Гольцем, состоявшейся в самом конце октября, Остерман заметил, что «венский двор не изъяснил еще решительно своего по сему обстоятельству положения. В Польше, между тем, – продолжал он, – могут еще дела приведены быть в порядок и устройство». Гольц, продолжая свою линию, заявил, что «для неупущения настоящего удобного времени нельзя бы теперь между здешним и Берлинским дворами условиться о удобнейшем Пруссией получении оного удовлетворения приобретением участка Польши по реку Варту, о чем уполномочен он и далее изъясняться и заключить предварительное постановление. А как, без сомнения, нужно тут будет подобное приобретение и для России, то ежели Ея императорскому величеству угодно присоединить к империи польскую Украину, король, его государь, охотно бы на то согласился». В развитие этих предложений Гольц заявил о готовности Пруссии выставить кордон «вдоль своей границы с Польшей».

Выдвижение прусских войск к польской границе не встретило прямых возражений Остермана, оговорившегося, впрочем, что военные демонстрации Пруссии должны «способствовать подвигам Ее императорского величества»³⁹⁹.

4 ноября Гольц передал Остерману текст «мерльской ноты», заявив, что прусский король не сможет «вновь жертвовать войсками и истощать казну, не обеспечив себе вознаграждение за таковые убытки, а как оные, по предположению его, будут чрезмерны, то не может он удовольствоваться той только частью Польши, о которой сообщил уже обоим императорским дворам, а принужден еще настоять на приобретении еще малого участка, на следующем здесь особом листе означенного, что сей монарх, полагаясь на вновь утвержденную дружбу Ее императорского величества, надеется, что Ее величество на таковые его требования согласиться изволит во уважение несчетных убытков, кои понес и коими жертвовать еще должен будет»⁴⁰⁰.

Далее Гольц, сославшись на то, что «достижению желаний Его величества представляется ныне самый удобный случай, поелику, по известиям, им полученным, пристрастные к испровержению нынешней конституции поляки оказывают явное неудовольствие свое и, вероятно, помышляют о составлении Реконфедерации». Сославшись на поручение короля, прусский дипломат предложил, чтобы «на усмирение сих противников войска его вступили в Польшу, а потом при случае присоединились и к разделению ея, дабы отнять у сей Республики способ к беспокойствованию соседних дворов»⁴⁰¹.

К протоколу этой беседы Гольца с Остерманом приложены написанная по-французски копия собственноручной записки Екатерины, комментирующей высказывания прусского посланника: «По настойчивой манере, с которой говорил вчера граф Гольц, не остается ничего, кроме ответа, что без того, чтобы знать позицию венского двора, моего союзника, я не смогу ничего сказать. Кроме того, необходимо знать, какова будет позиция Англии, которая, согласно нашим сведениям из Константинополя, активизирует свои интриги для того, чтобы настроить Диван против нас и побудить его объявить нам войну. Уже говорят о том, что англичане работают в пользу морских вооружений Турции. Вследствие этого я не нахожу, что осторожность позволяет начать новые затруднения, в то время как не закончены еще нынешние. К тому же мы не можем предвидеть конца, к которому все это придет, будучи полностью не осведомлены о плане, который два высоких союзника выработали и который до настоящего времени был диаметрально противоположен тому, что мы предлагали. Дело доходило до того, что принцы – братья французского короля – не только не выдвигались вперед, но и изгонялись из одного города в другой и находились в таком состоянии, что могли умереть от голода и нищеты со всем многочисленным дворянством, которое остается верным делу короля, признанному в настоящее время делом всех монархов. Мы не придаем веры слухам, распространенным в Европе, что Его величество достиг с мятежниками какого-то соглашения. Мы не верим этому, потому что подобные слухи предосудительны для его славы и доброго имени»⁴⁰².

Вышеприведенная записка, на наш взгляд, показывает, что с первой декады ноября Екатерина начала постепенно менять свое отношение к настойчивым домогательствам Пруссии. Повлиял на это целый ряд факторов. Во-первых, к осени 1792 года в Петербург поступили сообщения о новых сокрушительных поражениях австро-прусских союзных войск, оставивших под напором французов Майнц и Франкфурт. Военные успехи Франции оказывали прямое влияние на ситуацию в Польше, в ряде областей которой начались народные волнения. Во-вторых, с середины ноября Екатерина действительно начала опасаться угрозы со стороны Турции. Во всяком случае, в рескриптах Суворову, адмиралу Мордвинову и генералу Кречетникову от 23 ноября 1792 года она писала, что «по известиям, до нас дошедшим, учинено со стороны турецкой вооружение флота их» под предлогом «усмирения бунтующих отчасти в Египте, отчасти же и по другим берегам турецкого владения»⁴⁰³. Вверив Суворову начальство над сухопутными войсками Екатеринославской губернии и Галичской области, Екатерина предписала ему привести войска в полную готовность к отражению возможного турецкого нападения и прислать срочно в Петербург уточненные данные об имевшихся в его распоряжении войсках. В-третьих, все большую тревогу императрицы как в контексте польских, так и французских дел вызывала позиция Англии, дипломаты которой настойчиво интересовались в Вене и в Берлине достоверностью распространившихся в Европе слухов о неизбежности нового раздела Польши. Наконец, в Петербурге были предельно встревожены ясно обозначившимися к осени перспективами распада австро-прусской коалиции, сохранение которой стало к этому времени одним из приоритетов екатерининской дипломатии.

Как показывает беседа Гольца с Остерманом от 10 ноября, прусский посланник умело играл на этих обстоятельствах. Явно шантажуя вице-канцлера, он сообщил ему, что Австрия готовила переговоры с французами, уполномочив на них своих лучших дипломатов – Мерси д'Аржанто и Тугута. Поездку с той же целью в Брюссель маркиза Луккезини Гольц пытался представить как связанную с необходимостью держать в поле зрения «злоковарные виды» венского двора⁴⁰⁴. Более того, Гольц предложил и Остерману направить российских дипломатов в Брюссель для участия в возможных переговорах в тройственном формате⁴⁰⁵.

«Разве венский и прусский дворы согласились уже признать Францию республикой?» – спросил вице-канцлер. Не найдя, что ответить, Гольц перевел разговор на польские дела, сообщив, что король предоставил ему полную свободу обсуждать как конвенцию о предстоящем разделе Польши, так и соглашения о продолжении войны против Франции⁴⁰⁶.

Существенно, что после этой беседы с Гольцем в Коллегии иностранных дел начали протоколировать и контакты Остермана с австрийским посланником Л.Кобенцелем, от которого вице-канцлер «не скрывал и все прежние разговоры прусского посланника»⁴⁰⁷. Выслушав рассказ Остермана о беседе с Гольцем, Кобенцель «с удовольствием отозвался, что откровенная такая доверенность и отлагательства здешнего двора соглашений с прусским до узнания мыслей венского служит залогом истинной Ее величества к императору дружбы и что он не преминет поставить оную у государя своего в надлежащую цену»⁴⁰⁸.

18 ноября Гольц информировал Остермана о том, что прусский король отказался удовлетворить требования Вены о передаче ей франконских княжеств. В ответ австрийцы начали разговор «о приобретениях в Польше областей, пограничных с Галицией», не отказываясь от идеи баварского обмена⁴⁰⁹.

Прусский посланник упомянул также о намерении Австрии ввести войска в Баварию «под предлогом наказания курфюрста, уклоняющегося от принятия участия в спасении Германской империи»⁴¹⁰. Прусский король согласился с этим при условии, что его войска вступят в те области Польши, присоединить которые он рассчитывал. Для переговоров по этим вопросам в Вену был направлен граф Гаугвиц, которому было вменено в обязанность сообщать о ходе прусско-австрийских контактов Гольцу в Петербург⁴¹¹.

Далее, усиливая давление на Остермана, Гольц предложил ему план совместных действий: Пруссия немедленно занимает территории в Польше, которые желает присоединить, а Россия направляет часть своих войск, дислоцированных в Польше, для участия в совместной с Австрией и Пруссией войне против Франции; убывшие русские войска должны быть замещены в Польше прусскими⁴¹². На замечание Остермана о необходимости подождать ответа из Вены Гольц обратил его внимание на поездку Гаугвица как факт, подтверждающий достоверность сообщенных ему сведений о согласии Вены с предложением Берлина⁴¹³.

Появившемуся в кабинете Остермана сразу после ухода прусского посланника Кобенцелю вице-канцлер заметил, «сколь великому сомнению подлежит по настоящим обстоятельствам промен Баварии в одно время, когда король Прусский овладеть намерен желаемой им частью Польши и что сей государь, может быть, успеет уже основать владение свое в приобретаемых им землях прежде, нежели император достигнет желаемого им промена»⁴¹⁴. Согласившись с этим, Кобенцель тем не менее подтвердил предпочтительность для Вены «баварского обмена», аргументировав это тем обстоятельством, что император согласился на него «по причине настоящего критического положения своего и опасаясь, чтобы король прусский не отказался от продолжительного содействия своего противу французов»⁴¹⁵.

Решающий перелом в переговорах произошел после встречи Гольца с А.А.Безбородко 2 декабря. «По рассмотрении всех бумаг и разных сведений по сей материи, – говорилось в «Секретнейшей записке» Безбородко, датированной тем днем, – Ее величество указало в высочайшем своем присутствии и под собственным Ее усмотрением протянуть черту на карте Польской для показания того удела, который предназначается ко Всероссийской Империи в удовлетворение убытков ее и вследствие общих видов обоих союзных дворов поставить Польшу в такое положение, чтобы она, служа барьером между окружающими ее, не могла, однако ж, сама собою беспокоить их: в лучшее же объяснение монаршей воле, описав некоторые места и урочища по той черте, Ее Величество изволило утвердить оную своеручною припискою»⁴¹⁶.

«Секретнейшая записка» от 2 декабря являлась, по существу, инструкцией Екатерины А.И.Остерману, самому А.А.Безбородко и А.И.Моркову, которым поручалось провести «самым секретным образом» переговоры с Гольцем по выработке русско-прусской конвенции о втором разделе Польши. То обстоятельство, что составителем ее был Безбородко, показывает, что, вопреки его собственным позднейшим утверждениям, он был главным «генератором идей» второго раздела. В пяти пунктах «Секретной записки» детально излагалась схема переговоров («как скоро оба союзные двора согласны в своих притязаниях и чертах, им определяемых, то натурально каждый должна будет взять свои меры на занятие и обеспечение кордонном своим жребия своего, отлагая однакож огласку и прямое всего исполнение, покуда посредством заключаемой конвенции условлено будет о всех подробностях, в дело сие входящих, и о времени, удобном к произведению оного в действо»). Русским представителям предписывалось в ходе переговоров «предохранять интересы другого своего союзника – императора Римского, поскольку желания его известны». В случае, если бы Гольц «вошел в какие-либо примечания о черте, у нас означенной», то следовало «дать ему почувствовать, что то сходствует с местным положением, что выгоды короля Прусского в соединении своих прусских владений с Силезскими и приобретении Данцига, да и многие другие пользы весьма заменяемы обширностью, нашею чертою занимаемую», а также что «в прежнем разделе мы не завистливо смотрели на превосходные части Пруссии и Австрии» и настоящим приобретением, себе назначаемым, далеко еще не наградили убытков, сугубою войною нам нанесенных и умноженных действиями и пребыванием наших войск в Польше.

4 декабря Остерман сам пригласил Гольца и, сославшись на то, что ответа из Вены в скором времени ожидать не приходится из-за

затянувшейся болезни Шпильмана, да к тому же Англия обратила внимание на концентрацию прусских войск и в Польше распространились слухи о разделе, заявил, что «Ее величество согласна как на учиненное от него (Гольца. – П.С.) предложение, касающееся приобретения придела от Польши, так и начатия с ним, посланником, о том предстоящих переговоров»⁴¹⁷.

Затем, проверив по переданной Гольцем карте Польши, правильно ли проведены границы присоединяемых Пруссией территорий, Остерман передал прусскому посланнику русскую карту с отмеченными областями, которые хотела бы приобрести Россия⁴¹⁸. Остерман не возражал против немедленного занятия прусскими и российскими войсками польских территорий, дословно повторив, однако, то место «Секретной инструкции», в котором говорилось, что «огласку и прямое сего намерения исполнение признает Ее величество за нужное отложить, покуда посредством заключаемой конвенции установлено не будет о всех подробностях в дело сие входящих»⁴¹⁹. При этом была сделана ссылка на возможные затруднения «от самих поляков» или «других недоброхотных держав»⁴²⁰.

Приняв карту, Гольц заявил, что «он находит предназначенный к России удел довольно пространым, но, однако ж, не осмеливается делать никакого примечания»⁴²¹. На это Остерман отвечал, точно следуя тексту «Инструкции», что «очерченное к российской стороне пространство земли, хоть и кажется обширным противу части, требуемой двором берлинским, но не заключает в себе тех выгод, кои будет иметь Пруссия, приобретая удел, соединяющий области ее с Силезскими и где сверх того находятся Гданьск, Торунь с многими другими удобствами и пользами»⁴²². В тот же день Остерман сообщил Алопеусу в Берлин, что «графу Гольцу передан ответ по интересующему его вопросу, который удовлетворит венский двор»⁴²³.

Для понимания логики дальнейших событий чрезвычайно важно то обстоятельство, что после откровенного объяснения 4 декабря Остерман и Гольц условились не информировать прусского посланника Л.Кобенцеля о достигнутых русско-прусских договоренностях относительно нового раздела Польши. Объяснить подобную тактику, принесшую впоследствии немало осложнений, на наш взгляд, можно лишь фактором времени: переговоры о разделе в тройственном формате могли по примеру 1771 – 1772 годов затянуться на неопределенное время, вследствие чего обстановка в Европе почти наверняка изменилась бы не в пользу подобных планов.

О стремлении действовать максимально динамично свидетельствует и рескрипт командующему русскими войсками в Польше генералу М.М.Кречетникову, подписанный Екатериной 8 декабря 1792 года⁴²⁴. Отметив, что о причинах, побудивших ее «присоединить к империи нашей от республики Польской земли, издревле России принадлежавшие, грады, русскими князьями созданные, и народы

общего с россиянами происхождения и нам единоверные», будет объяснено в манифесте, который «в свое время напечатан и издан быть имеет», Екатерина предписала Кречетникову принять «заблаговременно те нужные меры, кои взять быть должно, дабы быть на все готовыми, и писать Правила, по коим Вы поступать имеете как при занятии нижеозначенной части Польши, так и при начальном управлении и устройении сих новых приобретений».

Подчеркнув, что «император и король прусский предложили нам раздел Польши», причем «прусский король прислал и полномочия к министру своему, при нас аккредитованному», Екатерина проинформировала Кречетникова о том, что в результате переговоров с прусским посланником решено, что «берлинский двор приобретает Данциг и Торн, Торунь и Всю Великую Польшу, кроме воеводства Базелецкого», а «венский двор удовлетворен будет Баварией».

Весьма показательно, что, твердо обозначив уже на этом начальном этапе переговоров по второму разделу границы польских территорий, присоединяемых к России⁴²⁵, императрица все же сочла необходимым акцентировать внимание на том, что Пруссия первой ввела свои войска на территорию Польши, что «доставляет необходимость с нашей стороны принять соответственные тому меры для пользы империи, тем паче, что побуждает нас на то нынешнее положение дел в Европе, а особливо несогласие и раздор, внедрившиеся промеж самих поляков, возжигаемых прусской и французско-якобинской фракцией, партизанами бывшей конституции 3 мая и недовольными конфедерацией Тарговицкою, неявно восстать желающими на все, что бы мы ни постановили для спокойствия республики Польской»⁴²⁶.

Более подробно о причинах, побудивших ее принять в участие во втором разделе Польши, Екатерина высказывается в инструкциях от 22 декабря 1792 года Я.Е.Сиверсу, назначенному на замену Я.И.Булгакову новым послом России в Польше⁴²⁷. Интересно, что, поясняя новому послу российскую политику в отношении Польши, императрица охарактеризовала раздел 1772 года как «вынужденный обстоятельствами», несмотря на которые «умели не только ограничить наши права в пределах крайней умеренности, но и воздержать лакомство и алчность других дворов, в оном с нами участвовавших»⁴²⁸. Среди соображений, высказанных императрицей в обоснование участия России в новом разделе Польши, представляются существенными следующие:

- невозможность иметь в польском королевстве «по доказанной его злобе и ненависти к нашему, а особливо по изъявляющейся в нем склонности к разврату и неистовствам французским, ни спокойного, ни безопасного соседа, иначе как приведя его в сущее бессилие и немогущество»;

- неподатливостью нашей на предложение короля прусского с последующим за тем его отпадением от римского императора в настоящем их общем деле мы подвергнем сего естественного и важного союзника нашего таким опасностям, что следствия оного вовсе опровергнут европейское равновесие, и без того уже потрясенное нынешним положением Франции;
- король Прусский, ожесточенный бесполезностию употребленных им издержек, невзирая и на отчуждение наше от его видов может по известной горячности его нрава или силою завладеть теми землями, которые он себе присуждает в упомянутом им плане, или для достижения к тому надежнейшего способа навлечь на нас новые отяготительные хлопоты, к усугублению которых сами поляки готовы будут содействовать орудием»⁴²⁹.

8

26 декабря Гольц сообщил Остерману о согласии берлинского двора на предложение, сделанное Россией⁴³⁰. «Изъясните графу Остерману в самых сильных выражениях признательность, какую внушили мне поступки его государыни», – говорилось в рескрипте Фридриха Вильгельма II своему посланнику в Петербурге⁴³¹. В этом же письме, однако, прусский король сообщал, что в Вене, опасаясь невозможности обмена Австрийских Нидерландов на Баварию, хотели заручиться согласием Берлина и Петербурга на присоединение к Австрии новых польских земель во «временное владение» на случай, если другим образом компенсировать расходы Австрии на войну против Франции не удастся.

4 января, уже на завершающем этапе переговоров, Гольц вновь предпринял попытку добиться согласия Остермана на расширение приобретений Пруссии в Польше. Речь шла о районе Паланги, отделившейся Восточную Пруссию от Курляндии. Вынув из кармана карту Польши, посол выразил надежду, что Екатерина «согласится изволит на малое прибавление к прежде желанному приобретению в Польше, и что сей прибавок означен на оной карте черной чертой под красной, который составляет предел прежних требований Его величества»⁴³².

Воздержавшись от прямого ответа, Остерман сказал лишь, что новые требования Пруссии «весьма неожиданны здесь будут, поелику требовал уже его двор прибавления, на которое Ее императорское величество согласиться изволила»⁴³³.

Столь же уклончив вице-канцлер был с Кобенцелем, посетившим его 6 января. Реагируя на попытки посла узнать содержание его беседы с Гольцем, Остерман сказал, что «не в состоянии сейчас сказать ничего решительного по оному делу, ибо у Ее величества находится

сообщение графа Гольца и не изволила она еще изъяснить своих мыслей, между тем изготовляется ответ и двору венскому, которому в оном и все мысли Ее величества касательно сего предмета сообщены будут»⁴³⁴. В тот же день, 6 января, Остерман объявил Гольцу, что «для рассуждения по поводу последних его сообщений приедет к нему завтра действительный тайный советник граф Безбородко и тайный советник Морков. Они вместе с Остерманом «приступят к самому делу», которое, как он уповает, «может тогда же и совершенно быть»⁴³⁵. В связи с тем, что Гольц вновь начал настаивать на «черной черте», Остерман выразил надежду на то, что Пруссия оставит «новые требования, которые не составляют для нее столько важности, сколько могут затруднить самое дело и произвести предосудительное для обоих дворов замедление»⁴³⁶.

Существенная деталь. После прямых переговоров с Гольцем А.А.Безбородко направил императрице записку, в которой, сославшись на «прибавку, учиненную королем Прусским», заявил, что считает «справедливым и должным распространить и нашу черту». Вместе с тем, предлагая расширить долю России за счет дополнительных приобретений в пограничном с Австрийской Галицией Валуиском воеводстве, он указывал на два возникающих в этой связи неудобных обстоятельства:

Первое, город Броды, на пределах Галиции лежащий, устроен в образе вольного торгового города; но когда он учинится нашим пограничным, что с таможенным нашим учреждением не сходно; да и по многим уважениям вся таковая вольная торговля будет уже неуместна; и сие доведет нас до выяснений с Венским двором.

Второе, соседями сему двору учинимся мы тогда уже не на малом расстоянии и угле, но на великой обширности; а не безызвестно, впрочем, что правительство тамошнее обыкло привязываться к мелким даже расчетам и из безделиц заводит споры; что не сходствовало бы с нашим правилом стараться сохранить дружбу и согласие одного двора паче другого»⁴³⁷.

9 января Остерман зачитал Гольцу подготовленный российскими уполномоченными проект русско-прусской конвенции. На напоминание посланника относительно Паланги вице-канцлер ответил: «Не думаю, чтобы Ее величество могла согласиться на эту прибавку», оставив Гольцу «самому на обсуждение, удобно ли менять уже состоявшееся соглашение»⁴³⁸. Тем не менее Гольц продолжал настаивать и даже просил позволения «очертить карандашом на карте и приписать на стороне в оном проекте как бы от него самого, чтобы к упомянутой прибавке пояснение было»⁴³⁹.

10 января Гольц, в явной попытке шантажа, передал Остерману поступившее из Берлина сообщение о переговорах Луккезини с эмиссаром министра иностранных дел французского революционного правительства Лебрэна, «из коего явствует намерение фран-

цuzов заключить с Пруссией особый мир, чем отвлечь сию державу от соучастия в войне, а с венским двором отнюдь не мириться»⁴⁴⁰. Остерман добавил к этому, что, согласно сообщениям из Неаполя, там уже готовы признать Французскую Республику и что французы объявили России войну⁴⁴¹. Гольц на это заметил, что «все сии рассуждения еще более побуждают к скорейшему заключению известной конвенции».

Сообщение об объявленной Францией войне России Остерман сделал в тот же день и Кобенцелю, ожидавшему его в приемной⁴⁴². 12 (23) января 1793 года конвенция о втором разделе Польши была подписана со стороны России И.А.Остерманом, А.А.Безбородко и А.И.Морковым (автор окончательного текста конвенции), со стороны Пруссии – посланником Гольцем.

Характерна атмосфера, в которой проходило подписание конвенции: «Уполномоченные императрицы для соблюдения большей секретности о заключении этого важного акта заранее условились с графом Гольцем, что они придут в назначенный день для ее подписания пешком, как бы прогуливаясь, к вице-канцлеру графу Остерману, которого найдут в его кабинете на первом этаже»⁴⁴³. Текст конвенции считал Морков, огласивший вначале проект декларации, которую следовало предъявить послам двух держав в Варшаве. Гольц выслушал не перебивая и в заключение выразил «свое полное удовлетворение».

По тексту конвенции прусский посланник высказал только одно замечание: имя прусского короля упоминалось лишь в последней его трети. На это ему было отвечено, что «имя Его прусского величества появляется в тексте тогда, когда о Пруссии упоминается как о стране, участвующей в разделе». До этого же прусский король не был упомянут, «поскольку Ее императорское величество одна занималась делами Польши»⁴⁴⁴.

На второе замечание Гольца, обратившего внимание на фразу о том, что раздел совершается «с ведома венского двора», ему было сказано, что поскольку Вена «демонстрирует в течение некоторого времени большую обеспокоенность относительно своей войны с Францией и решительное желание закончить ее как можно скорее, логично предположить, что рано или поздно она продемонстрирует в отношении Польши чувства, противные проекту двух дворов». В этом случае было бы, возможно, более уместным снять эту фразу. Гольц, заявив, что его неправильно поняли, принялся усиленно настаивать на том, чтобы она, напротив, была сохранена, сказав при этом, что «следовало поймать венский двор на слове и не оставлять ему возможность отступить от позиции, которая была уже формально согласована»⁴⁴⁵. В конечном итоге договорились «подождать несколько недель», прежде чем информировать австрийского посла о подписании конвенции. Гольц должен был сказать Кобенцелю,

что курьера, с которым предполагалось отправить текст конвенции в Берлин, он послал по собственной инициативе, чтобы запросить новых инструкций относительно некоторых разногласий, якобы проявившихся в ходе ее обсуждения⁴⁴⁶. Учитывая беспокойство Гольца относительно того, чтобы курьер с текстом конвенции не был перехвачен поляками, встревоженными вводом прусских войск в Польшу, договорились, что прусскому курьеру будет выдан русский паспорт и его будет сопровождать русский чиновник⁴⁴⁷.

Согласно русско-прусской конвенции, составленной по образцу соглашения 1772 года, Пруссия обязалась продолжить войну с Францией. За это она получила города Данциг, Торунь, территорию почти всей Великой Польши, часть Мазовецкого и Краковского воеводств с городом Ченстохов. Всего к Пруссии отошло 58 000 квадратных километров с населением 1 200 тысяч человек.

К России отошли значительные части Белоруссии и Украины – всего около 250 000 квадратных километров с населением около 3 миллионов человек. Россия обязалась держать в Польше свои войска на все время войны Пруссии и Австрии с Францией как для оказания помощи союзникам, так и для обеспечения внутреннего спокойствия в Польше.

Россия и Пруссия обязались «при первой возможности» содействовать обмену Австрийских Нидерландов на Баварию, «если последняя согласится присоединиться к конвенции и гарантировать Пруссии и России вновь приобретенные владения». В случае нападения Австрии на одну из договаривающихся сторон другая обязывалась оказать ей помощь всеми силами. Стороны договорились действовать совместно для достижения согласия Польши на произведенный ими раздел⁴⁴⁸.

Через три дня, 26 января, Остерман информировал Алопеуса о подписании секретной конвенции с Пруссией о новом разделе Польши, обещав прислать ему копию подлинного акта конвенции после ее ратификации⁴⁴⁹.

В течение всего января Остерман фактически скрывал от Кобенцеля ход переговоров с Гольцем и даже сам факт подписания русско-прусской конвенции⁴⁵⁰. И только 20 февраля, когда Кобенцель прямо заявил вице-канцлеру, что ему стало известно о состоявшемся накануне размене ратификационными грамотами русско-прусской конвенции, Остерман подтвердил это, пообещав, что «непродолжительно двору его сообщена будет сия конвенция в полном ее пространстве»⁴⁵¹. Задержку Остерман объяснил тем, что Гольц был согласен не со всеми статьями конвенции и подписал ее лишь с тем условием, что она вступит в силу только после размена ратификациями⁴⁵².

Между тем в ходе обмена ратификационными грамотами 19 февраля по предложению Остермана была достигнута договоренность,

что ввод русских и прусских войск в Польшу будет осуществлен одновременно, 27 марта по старому стилю, и только спустя несколько дней после этого в Варшаве будет предъявлена декларация двух дворов.

На вопрос Гольца, почему бы не сделать это одновременно, был дан ответ, что с учетом возможной реакции поляков и других стран следовало бы сначала занять территории, а потом объявить об этом⁴⁵³. Вопрос о том, кому вручать декларацию, был оставлен на усмотрение послов.

Как это ни парадоксально, однако в Берлине были недовольны тем, как Гольц защищал интересы короля в ходе переговоров о втором разделе. Письмом от 12 апреля 1793 года Остерман предписывал Алопеусу переговорить в Берлине с тем, чтобы Гольца не отзывали из Петербурга и не делали ему репримандов, пытаясь спровоцировать его отставку, поскольку она «могла бы нанести ущерб общим интересам двух дворов»⁴⁵⁴. В Петербурге интриги против Гольца приписывали Луккезини⁴⁵⁵.

Таким образом завершился второй раздел Польши, нанесший ей гораздо более значительный ущерб, чем первый. Если первый раздел стоил Польше 29 процентов ее территории и 36 процентов населения, то второй лишил ее 54 процентов оставшейся территории и приблизительно половины населения, проживавшего в Польше после первого раздела⁴⁵⁶.

VI

Я.Е.СИВЕРС И ГРОДНЕНСКИЙ СЕЙМ

1

Трудная и в высшей степени неблагодарная задача – добиться одобрения польским сеймом русско-прусской конвенции о втором разделе Польши – легла на Якова Ефимовича Сиверса. Видный государственный деятель, бывший новгородский губернатор, Сиверс в 1784 году вышел в отставку и с тех пор жил в своем имении Бауенгоф в Лифляндии⁴⁵⁷. Получив 13 ноября 1793 года письмо от П.А.Зубова, в котором говорилось о намерении императрицы назначить его чрезвычайным и полномочным послом в Польшу, Сиверс, человек государственный, дал согласие без колебаний. Через девять дней он был в Петербурге, а еще через неделю – 29 ноября – императрица подписала указ о его новом назначении⁴⁵⁸.

На путешествие и обзаведение новому послу было выделено 30 тысяч рублей, сумма по тем временам беспрецедентно значительная (при годичном жаловании посла в 20 тысяч рублей, не считая

800 червонных в месяц столовых денег). В Петербурге Сиверс встречался с лидером Тарговицкой конфедерации Браницким, обменялся письмами с Булгаковым, пытался переговорить и со Штакельбергом, но тот, будучи человеком осторожным, посоветовал ему обратиться за наставлениями к императрице.

Задачи, поставленные перед Сиверсом, были изложены в высочайшем рескрипте на его имя от 22 декабря 1792 года. По пути в Варшаву Сиверсу предписывалось остановиться в Гродно для контактов с лидерами Тарговицкой и Литовской конфедераций. При этом послу вменялось в обязанность успокоить польских представителей относительно происходившей на польско-прусской границе концентрации прусских войск, отметив, что «свойственно всякой державе, в войне обретающейся, производить движение в войсках своих и принимать меры предосторожности»⁴⁵⁹, обещав, однако, «объясниться по этому делу с пребывающим там прусским министром и списаться с нашим в Берлине»⁴⁶⁰. Относительно возможных вопросов руководителей Тарговицкой конфедерации о судьбе проекта польской конституции, направленного ими в Петербург, Сиверсу предлагалось использовать следующие аргументы. Хотя многие предложения конфедератов о будущем государственном устройстве Польши «не соответствовали нисколько всегдашней нашей системе относительно сей области, если бы оставались они во всей целости настоящих ее владений», однако соглашение о разделе, «приготовляемое от нас и прусского короля, долженствует дать во всем иной оборот нашим политическим усмотрениям»⁴⁶¹. И далее: «Чем более расширится и усиливается берлинский двор, тем нужнее для нас становится теперь предохранить себя вещественною преградой от непосредственного с ним соседства. Наилучший способ тому есть тот, чтобы по совершении нового раздела поставить поляков в состояние собственной обороны остального их владения, дозволив им при будущем установлении правительства их учреждать воинские силы, государственные законы и прочие части правления по наилучшему их благоусмотрению»⁴⁶².

Во время пребывания в Гродно Сиверс вместе с бароном Бюлером должен был подыскать замену маршалу Тарговицкой конфедерации Браницкому, которого в Петербурге считали неподходящей кандидатурой для руководства сеймом, которому предстояло узаконить раздел. Ответственность за уменьшение числа сторонников России в Польше возлагалась в рескрипте на Штакельберга, в годы посольства которого «все нам приверженные или вышли в сущее ничтожество, или приступили к господствующей тогда партии»⁴⁶³.

Интересны и данные Сиверсу наставления относительно контактов, которые он должен был поддерживать с послами европейских держав в Варшаве. С австрийским поверенным де Каше он должен был исходить из того, что «если не будем иметь от него деятельного

пособия, то, конечно, и не повстречаем никакого затруднения»⁴⁶⁴. С прусским посланником Бухгольцем Сиверсу предписывалось поддерживать тесные отношения и «соглашаться с ним во всех мерах и предположениях, нужных к достижению общего вашего предмета»⁴⁶⁵. С английским посланником Сиверсу рекомендовалось проявлять осторожность, поскольку «аглицкий двор или, лучше сказать, настоящее его министерство с некоторого уже времени отменно неблагоприятствует нашим видам и старается всячески нам вредить»⁴⁶⁶. «Но еще свыше сего препоручается присмотру и вниманию вашему нынешний шведский посланник генерал-майор Толь как по личности его, так и по положению дел в отечестве его», говорилось в рескрипте⁴⁶⁷. Датский министр, как ожидали в Петербурге, «останется спокойным зрителем всего происходящего в Польше».

О сложности задач, которые предстояло выполнить Сиверсу в Варшаве, свидетельствует и явное недоверие, сквозящее в рескрипте, к прусскому союзнику в России. В частности, «нетерпеливость короля прусского» Сиверсу рекомендовалось использовать для разьянения полякам «причин, кои побудили нас на раздел Польши»⁴⁶⁸.

Эти же аргументы, как следовало если не из текста, то из духа инструкций, Сиверс должен был использовать при проведении сеймиков и в ходе выборов делегатов на предстоявший сейм, который предполагалось провести в Гродно, подальше от зараженной якобинскими идеями Варшавы.

20 января 1793 года Сиверс прибыл в Гродно. К этому времени слухи о разделе Польши уже будоражили умы поляков. За четыре дня до приезда посла, 16 января, в Гродно прибыл курьер из Варшавы с декларацией прусского посланника Бухгольца, известившего польское правительство именем своего короля о предстоящем вступлении прусских войск в Великую Польшу⁴⁶⁹. Члены Тарговицкой конфедерации, находившиеся в Гродно, собрались было противодействовать Пруссии и пригласили присоединиться к ним командующего русским войсками Игельстрема. Тот, разумеется, отказался.

Тогда тарговичане направили официальную ноту представителю России при конфедерации барону Бюлеру. А.А.Безбородко в записке императрице по этому вопросу рекомендовал дать конфедерации устный ответ, не передавая письменной ноты и не разрешая «составить с нее особую записку ни же дать с письма копию». Подобное дипломатическое лукавство объясняется явно неискренним характером ответа, который предписывалось дать Бюлеру: «Военные приготовления в границах Пруссии, хотя и прикосновенных к Польше, могут быть вследствие твердого намерения короля Прусского продолжать действовать вкупе с Венским двором противу французов, для коих и должен он усилить свои вооружения повсюду в областях своих, особливо же после потерь неудачной последней кампании». Интересно, что на полях записки Безбородко сделал следующее

примечание: «Сие точно сходствует с изъяснениями графа Шуленбурга с аглинским министром Иденом бывшими»⁴⁷⁰.

В Гродно Сиверса встретили как ангела-хранителя, поскольку он, будучи человеком мягким, обладавшим приятными манерами, был щедр на обещания покровительства со стороны России. Состоявшийся 25 января ввод прусских войск в Польшу только усиливал его аргументы, сводившиеся к тому, что все несчастья Польши происходят от жадности Пруссии. Через неделю Сиверс оставил Гродно, поручив дальнейшие наблюдения за конфедерацией барону Бюлеру, человеку умному и ловкому.

В Варшаву посол прибыл 29 января 1793 года и остановился в русском посольстве, располагавшемся во дворце графа Горка. Булгаков, рвавшийся уехать из польской столицы, встретил Сиверса радушно.

30 января состоялась первая аудиенция Сиверса у польского короля. Посол нашел Станислава Августа, с которым познакомился еще сорок лет назад в Лондоне, красивым и хорошо сохранившимся мужчиной. Лицо его, правда, было бледновато. Моральное состояние короля накануне встречи с российским послом отражало личное письмо, которое он направил Екатерине 14 (25) января. В нем Станислав Август категорически отвергал содержащиеся в прусской декларации от 16 января обвинения во вторжении польских войск на территорию Пруссии, поощрении якобинской пропаганды в Варшаве. «Я не хотел бы иметь другого союзника, кроме Вашего императорского величества, – писал король, – для того чтобы показать, насколько эти обвинения необоснованны. Но если Вы, Ваше величество, захотите, чтобы войска другой державы, кроме Вашей, находились в Польше, мы будем считать себя совершенно несчастными». В отчаянной попытке предотвратить раздел король предложил связать Польшу и Россию «длительными узами, которые обеспечат целостность наших нынешних владений и гарантируют нам почетное существование». Предлагая Екатерине «еще одно королевство», Станислав Август не удержался от того, чтобы не напомнить ей, как еще в 1762 году, до своего избрания на польский престол, он писал ей, что предпочел бы личное счастье короле⁴⁷¹.

Можно себе представить, насколько разочаровала Станислава Августа первая беседа с Сиверсом с глазу на глаз. Посол объявил ему неудовольствие императрицы, прежде всего, его участием в Четырехлетнем сейме и принятии конституции 3 мая, упомянув также о «сношениях с французскими эмигрантами». Король отверг изложенные послом обвинения по всем пунктам. Относительно же переезда в Гродно он прямо заявил, что считал бы это для себя величайшим унижением⁴⁷².

Только максимальными усилиями, не останавливаясь перед прямым давлением на короля (долги Станислава Августа в 1793 г.

оценивались в 30 миллионов злотых), Сиверсу удалось остановить исполнение универсала, которым король объявлял «посполитые рушения». До конца марта в беседах с королем и его окружением посол заявлял, что ничего не знает о предстоявшем разделе и требует созыва сейма только для окончательного определения новой конституции Польши⁴⁷³.

Ближайшим советником Сиверса по польским делам оставался, как и при Штакельберге и Булгакове, голландец Боскамп, подготовивший для посла комплекс документов, включая характеристики главных деятелей Польши⁴⁷⁴. Политическую элиту Польши Боскамп поделил на три основные «партии»: королевскую, эмигрантскую и русскую. Главу эмигрантской партии графа Игнатия Потоцкого он характеризовал как человека «ловкого, глубоко амбициозного, бескорыстного, бедного, знающего свой народ и потому презирающего его, врага России не столько из политических соображений, сколько из личной ненависти». К главным сторонникам И.Потоцкого Боскамп причислял его брата Станислава (Костку), Гуго Коллонтая, Малаховского, маршала Четырехлетнего сейма князя Адама Чарторыйского. Силу эмигрантской партии он видел в «деньгах, которые Пруссия ей выделяла через Луккезини». Эта партия располагала поддержкой значительной части польской молодежи, в том числе военной, привлеченной якобинской пропагандой, а также редакторов и журналистов главных национальных газет.

Крайне нелестную характеристику дал Боскамп Станиславу Августу. Признавая его «ум, знание и любезность», он вместе с тем отметил «крайнюю слабость характера и убеждений короля», делавших его «жертвой влияний самых различных политических фракций». По оценке Боскампа, все сенаторы и три четверти депутатов Четырехлетнего сейма были «креатурами короля». К более влиятельным сторонникам короля Боскамп причислил его брата князя Понятовского, племянника Иосифа Понятовского, «человека крайне ограниченного, но обожаемого женщинами, армией и молодежью», великого маршала Мнишека, казначея литовского Тышкевича, подканцлера литовского Хребтовича, князя Сангушко, палатина Волыни.

Русская партия была охарактеризована Боскампом как самая сплоченная, причем причиной этого он считал «пассивную линию», которую предлагалось проводить русским дипломатическим представителям в Варшаве с 1788 года. Глава ее, маршал Феликс Потоцкий – «человек честный и бескорыстный, пользующийся большим уважением всего своего имени и богатств, но упрямый, амбициозный, слабый, тщеславный и не в коей мере не соответствующий той роли, которую он призван сыграть». Не лучше отзывался он и о генерале Ф.К.Браницком, С.Ржевусском, людях, «ненавидимых частью нации и армии», гетмане С.Коссаковском, «единственном по-на-

стоящему опасном человеке, которого можно найти в настоящее время в Польше». Среди других членов партии – епископа Коссаковского, М.Любенского – Боскамп выделил маршала Краковского воеводства Вавельского как «человека солидного, видного и предприимчивого», чья «преданность к России не подлежит сомнению». Кстати, наиболее ярким, но не единственным свидетельством недавновидности Боскампа явилось то, что именно Вавельский стал одним из самых серьезных противников второго раздела.

Подытоживая свой анализ, Боскамп рекомендовал Сиверсу опираться на короля, «скрывая, однако, от него нашу заинтересованность в нем. К счастью, мы имеем серьезное средство давления на него: угрозу оставить его на расправу его многочисленных врагов или передать доходы короля его многочисленным кредиторам, которые уже обратились с просьбами к императрице».

21 февраля 1793 года собственноручным письмом Екатерина сообщила Сиверсу о том, что «наши переговоры с королем прусским относительно Польши приведены к концу. Вы получите инструкции, чтобы наложить руку на окончание дела, Вам вверенного. Вы знаете мотивы, заставившие меня предпочесть Гродно Варшаве, для сцены, которая должна произойти»⁴⁷⁵.

С той же почтой Екатерина уполномочила Сиверса ссудить Станиславу Августу сумму до 10 тысяч дукатов, одновременно поручив ему добиваться от прусского посла участия в финансировании короля⁴⁷⁶.

Перед тем как оставить Варшаву и отправиться в Гродно, Сиверс передал королю два письма Екатерины от 21 февраля 1793 года, в которых императрица подчеркивала, что русско-польский союз «был разрушен теми, кто не верил в гарантии России», заверяла Станислава Августа в том, что «он бы мог быть совершенно спокоен за свою личную судьбу» и настойчиво уговаривала его переехать из Варшавы в Гродно⁴⁷⁷. Накануне отъезда Сиверс добился распространения действия российских указов о принятии французами присяги на верность монархии и на мигрантов из Франции, находившихся в Варшаве. Он потребовал также от варшавской полиции, чтобы польские эмигранты, возвращавшиеся в столицу и отказывавшиеся подписывать подобные обязательства, выдворялись бы из города в 24 часа и отправлялись на жительство в свои имения. Аналогичные меры в отношении польских эмигрантов Сиверс рекомендовал принять в Дрездене и в Вене.

2

27 марта (7 апреля) русские войска под командованием генерала Кречетникова и прусские под командованием генерала Меллендорфа начали занимать важнейшие пункты во вновь присоединенных про-

винциях. Корпус Н.В.Репнина, сосредоточенный в Литве, был готов поддержать Кречетникова по первому его требованию.

В день вступления войск в Польшу М.Н.Кречетников, «генерал-аншеф, сенатор, Польской, Калужской и новоприсоединенных областей Речи Посполитой Польской к Империи Российской генерал-губернатор, начальствующий над всеми войсками, тамо находящимися и расположенными в трех Малороссийских губерниях», обнародовал манифест, в котором, в частности, говорилось, что российская императрица «как в удовлетворение и замену многих своих убытков, так и в предохранение польз и безопасности Империи Российской, а равно и самых областей Польских и в отвращение и пресечение единожды навсегда всяких превратностей и частных разнообразных перемен правления соизволяет ныне брать под свою державу и присоединить на вечные времена к империи своей» территории, отошедшие России по второму разделу. Жителям присоединенных областей надлежало принести присягу России в месячный срок; тем же, кто не захотел бы присягать, давалось три месяца на продажу недвижимого имущества и гарантировался свободный выезд за границу⁴⁷⁸.

29 марта 1793 года Сиверс и Бухгольц подали лидерам Тарговицкой конфедерации в Гродно совместную декларацию «о присоединении польских областей». Констатируя, что Тарговицкая конфедерация смогла «восстановить законную власть в Польше» только с помощью русского оружия, ее авторы подчеркивали, что тем не менее сторонники конституции 3 мая и «лица, поддавшиеся якобинской пропаганде», предпринимают усилия, чтобы «водворить в республики те же адские учения, которые безбожная, нечестивая и безумная секта избрала для разрушения всех начал религиозных, гражданских и политических». Учитывая тесные контакты якобинских клубов, действовавших в Варшаве, с парижскими «цареубийцами», Екатерина и Фридрих Вильгельм с изрядной долей официального лицемерия заявляли, что «по соглашению с Его величеством императором Римским они признали самой действительной мерой: заключить Польскую Республику в более тесные границы, чтобы облегчить ей возможность иметь мудрое и хорошо устроенное правительство, которое было бы в состоянии обуздать беспорядки и партии, столь часто нарушавшие спокойствие республики и ее соседей»⁴⁷⁹.

Еще до обнародования декларации Сиверс сообщил ее содержание лидерам Тарговицкой конфедерации братьям Коссаковским, князю М.Радзивиллу и Валевскому, только что прибывшему в Гродно, чтобы занять место вице-маршала коронной конфедерации. В Петербурге был даже подготовлен проект ответной декларации Генеральной конфедерации, утвержденный Екатериной 17 февраля 1793 года. В нем, в частности, говорилось, что новые границы Польши «более

подходят державе, занимающей промежуточное положение, облегчат ей обеспечение и сохранение своих твердых свобод, установление разумного правления, достаточно сильного и активного, для того чтобы предотвращать и пресекать все беспорядки». Как и в тексте декларации, поданной Сиверсом и Бухгольцем, в этом документе содержался призыв к нации «как можно скорее созвать сейм, для того чтобы дружественным образом урегулировать» вопросы, связанные с разделом⁴⁸⁰. Однако несмотря на усилия Сиверса (чередовавшего в соответствии с инструкциями, полученными им из Петербурга, обещания, «которые могут ульстить самолюбию поляков», с угрозами проведения секвестров и конфискаций имущества или даже «совершенного уничтожения Польши вследствие ее полного раздела между соседями»), лидеры Тарговицкой конфедерации не только отказались подписать проект декларации, представленный Сиверсом, но и подняли большой шум.

К русскому и прусскому послам были направлены депутаты, просившие их не торопить конфедерацию с ответом до приезда короля. Епископ Коссаковский в беседе с Сиверсом утверждал, что конфедерация не может издавать универсалов о созыве сейма, поскольку связана торжественной присягой не допускать ни малейшего ущерба границам республики. Вследствие этого предлагалось восстановить Постоянный совет, назначив в него преданных людей, с тем чтобы он совместно с королем издал универсал о созыве сейма. При этом имелось в виду сформировать на сейме новую конфедерацию, а Тарговицкую распустить. После некоторых размышлений Сиверс принял план Коссаковского, сообщив об этом в Петербург⁴⁸¹.

Весьма существенно, что уже на этом этапе деятельности Сиверса в Варшаве предпринимавшиеся им шаги вызвали двойственную реакцию со стороны петербургской элиты. Свои официальные донесения Сиверс отправлял на имя канцлера Остермана, хотя и знал, что к весне 1793 года главная роль в ведении польских дел окончательно перешла к группировке П.А.Зубова – А.И.Моркова, А.А.Безбородко находилась в полуопале, а осторожный Остерман предпочитал не выходить за рамки роли простого исполнителя. Чувствуя шаткость своего положения, Сиверс пытался начать непосредственную переписку с императрицей, но, по меткому выражению Д.Иловайского, Зубов с Морковым «по мере сил парализовали высокий полет и энергию екатерининской политики»⁴⁸².

Самым негативным образом на положении Сиверса сказывалась и деятельность командующего русскими войсками в Польше Игельстрема, поддерживавшего прямую связь с Зубовым помимо посла. Роль Игельстрема серьезно возросла, после того как 10 мая скончался М.Н.Кречетников, которого Игельстрем, конечно, не мог адекватно заменить.

3

29 марта, в тот же день, когда была подана декларация Тарговицкой конфедерации, Сиверс отправил копию с нее и манифест М.Н.Кречетникова от 27 марта в Белосток, где находился король. Те же документы он препроводил в Варшаву к великому канцлеру. В письме Станиславу Августу посол говорил, что ему «было очень прискорбно сознавать, что печальное предчувствие Его величества о судьбе Польши оправдалось». Тем не менее, единственное решение, которое оставалось королю, – безусловная преданность воле императрицы⁴⁸³.

Ознакомившись с текстом русско-прусской декларации, король отложил свой выезд в Гродно, который был намечен на 4 апреля⁴⁸⁴, а получив сведения о сопротивлении, которое было оказано Сиверсу, отказался и подписать декрет о восстановлении Постоянного совета, ссылаясь на то, что согласно конституции это являлось прерогативой Генеральной конфедерации, выполнявшей функции правительства.

Одновременно Станислав Август попытался заручиться поддержкой посла в реализации пришедшей ему в голову идеи о необходимости установить прямой канал связи с Зубовым. 3 апреля он направил своего секретаря американца Литтлпейджа к Сиверсу, попросив посла дать ему рекомендательное письмо в Петербург⁴⁸⁵. Сиверс, однако, воспротивился поездке Литтлпейджа в Петербург⁴⁸⁶, категорически потребовав немедленного приезда короля в Гродно.

«Господин посол, отвечая на Ваши неоднократно повторенные просьбы ускорить мой отъезд, я отказался от отдыха, который планировал, – отвечал Станислав Август 30 марта (10 апреля). – Ваше письмо от 9 апреля, которое кавалер Литтлпейдж доставил мне сегодня, известило меня о страшной катастрофе моей родины. Оно так сильно подействовало на меня, и к тому же обстоятельства складываются таким образом, что я не могу сегодня сказать вам ничего другого, кроме как выразить чувство глубокой печали. Все это равным образом действует и на мое состояние духа, и на здоровье. Я лучше отложу до другого раза более подробный разговор с Вами на эту тему. Невозможно, чтобы Вы сами не чувствовали, насколько я страдаю. Вы приобрели во мне друга, но этот друг весьма несчастлив»⁴⁸⁷.

31 марта (11 апреля) Сиверс отвечал королю: «Соблаговолите поверить мне, Ваше величество, что я чувствую всю глубину скорби, в которую Вы повергнуты. Переносить ее с честью, как делаете Вы, Ваше величество, значит, найти некоторое облегчение. Как счастлив я был бы, если бы мог Вам в этом помочь!»⁴⁸⁸.

1 апреля в Белосток прибыл из Петербурга полковник Морелли с письмом королю от П.А.Зубова⁴⁸⁹. Несмотря на то что Зубов ка-

сался только вопроса о выплате его долгов, Станислав Август повторил ему то же, что говорил Сиверсу: издание универсала о созыве сейма возможно, согласно польским законам, только Генеральной конфедерацией – «любый другой способ его принятия породил бы сомнения в обществе»⁴⁹⁰.

4 апреля короля посетила в Белостоке депутация Тарговицкой конфедерации. Извещая об этом Сиверса в письме от 5 (16) апреля, король наконец-то дал согласие на приезд в Гродно, сделав, однако, собственноручную приписку: «Я должен добавить, что, удовлетворяя Ваши пожелания, я в то же время исхожу из того, что руководство конфедерации официально восстановит Постоянный совет для того, чтобы издать универсал о созыве сейма»⁴⁹¹.

Отвечая королю письмом 6 (17) апреля, Сиверс заметил, что нашел «слишком большой контраст» между содержанием письма короля и постскриптумом к нему. В этой связи он заявил, что несмотря на то, что понимает всю сложность и деликатность вопроса, он вынужден подать совместно с прусским посланником ноту с требованием дать ясный ответ на русско-прусскую декларацию в течение 24 часов⁴⁹².

Однако, еще не успев получить этого письма Сиверса, Станислав Август направил к нему в Гродно своего секретаря Фриза, которому было поручено устно объяснить с послом относительно «альтернативы», якобы содержащейся в его письмах, – остаться в Белостоке, «для того чтобы избежать неприятного события, связанного с необходимостью согласиться на воссоздание Постоянного совета», или приехать в Гродно⁴⁹³. Сиверс, поставленный собственной деликатностью в двусмысленное положение, резко сменил тон в ответе королю от 7 (18) апреля, предложив ему прекратить «игру в слова»⁴⁹⁴.

В тот же день на заседании Генеральной конфедерации епископ Коссаковский объявил, что «король прибудет в Гродно в воскресенье, 21 числа сего месяца; он не противится созыву бывшего Постоянного совета и изданию универсала о созыве сейма в случае, если таково будет решение конфедерации»⁴⁹⁵.

11 (22) апреля Станислав Август прибыл в Гродно.

Вожди Тарговицкой конфедерации встретили его по-разному: Браницкий удалился с политической сцены, однако Валецкий и Ржевуский выступили с резкими протестами против раздела. Сиверс предлагал прибегнуть к секвестру их имений, однако Екатерина, верная своему принципу не преследовать лидеров Тарговицкой конфедерации, запретила это делать, предписав Сиверсу действовать «с величайшей умеренностью»⁴⁹⁶. В результате Ржевуский решил уехать из Гродно.

16 (27) апреля последовала ответная нота на русско-прусскую декларацию. Она была подписана вице-маршалами Пулавским и

Забелло, которые именем Генеральной конфедерации объявляли, что «она не имеет средств противиться решению двух союзных держав». Связанная торжественной присягой хранить целостность Речи Посполитой, она устраняет себя от всякого участия в разделе Польши и призывает членов восстановленного Постоянного совета выполнить свои функции. Сиверс в письме к Зубову от 16 апреля отмечал, что, хотя этот ответ не вполне согласен с предъявленными им требованиями, «надобно было несколько уступить проявлению их скорби»⁴⁹⁷.

Первое заседание Постоянного совета состоялось 18 (29) апреля в замке Гродно. Новый состав совета из 15 человек, которых даже Игельстром характеризовал крайне негативно, возглавил король. На своем заседании 3 мая Постоянный совет принял решение о том, что избирательные сеймики будут созваны 27 мая, а сейм начнет свою работу 17 июня 1793 года⁴⁹⁸.

По сообщениям Сиверса, подобный оборот событий привел короля в такое отчаяние, что он подумывал об отречении. Об этом свидетельствует и собственноручное письмо Станислава Августа Екатерине от 1 (12) мая 1793 года, в котором, перечисляя обрушившиеся на него несчастья, король писал: «Я не буду вновь повторять все, что уже изъяснял устно и письменно господину Сиверсу, чтобы доказать, что стечение обстоятельств было сильнее всех предпринятых мной усилий, направленных на то, чтобы избежать зла.

Однако, поскольку меня постигла неудача, я хотел бы, чтобы мое место было занято человеком, которому, возможно, повезет больше. Вы располагаете судьбой Польши. Европа не делает ничего без Вас. Мой возраст и мои болезни все равно через несколько лет сделают польский трон вакантным, и Вам, следовательно, придется заняться вопросом о том, кто его займет». Завершая, Станислав Август не без некоторой театральности просил разрешить ему «удалиться в изгнание» при условии, однако, что императрица урегулирует вопрос о его долгах и позаботится о его родственниках и ближайших слугах⁴⁹⁹.

4

Линия действий Сиверса в связи с началом работы Гродненского сейма была определена в рескрипте Екатерины от 24 мая 1793 года. Единственной задачей сейма в нем объявлялось утверждение «раздельных договоров» с Россией и Пруссией. Сиверсу рекомендовалось добиться немедленного формирования польской делегации и в ходе переговоров «полностью удержать статьи, которые будут утверждены» и направлены ему, действуя «в полном доверии и взаимодействии с прусским посланником». После утверждения договоров предполагалось распустить сейм и созвать новый с тем, чтобы «при вторичном собрании головы, несколько успокоенные

от хлопот и огорчений, каковые они естественным образом должны претерпеть», успели «осмотреться в их новом положении»⁵⁰⁰.

Более подробно и откровенно виды Екатерины относительно дальнейшей судьбы Польши раскрыты в ее рескрипте Сиверсу от 26 мая. Поясняя поставленную перед послом задачу – подписать новый союзный договор между Россией и Польшей, Екатерина отмечала, что «тесный союз между двумя нациями нельзя заключить, не подчинив одну другой», тем более что она «с разных сторон слышала опасения Поляков, что слабость и ничтожество, в которые впадет Польша вследствие нового раздела, не позволят ей существовать «в качестве независимого государства». Предупреждая Сиверса относительно того, что «берлинский двор хотел бы... открыть себе новый авантаж», Екатерина подчеркнула, что это не входит в ее планы: «Я стараюсь устранить Пруссакков и поставить их вне игры, как скоро они устроят и определяют условия их приобретений».

О намерении Станислава Августа отречься в рескрипте говорилось: «Минуто он выбрал для этого самую неудобную. Надобно, чтобы он удержал бразды правления до тех пор, пока государство выйдет из настоящего кризиса. Вы ему сообщите, что только по таким условиям я позабочусь устроить его судьбу так, чтобы он был счастлив в удалении, о котором мечтает»⁵⁰¹.

Можно предположить, что определенную роль в формировании подобной позиции Екатерины сыграл «Мемуар» П.А.Зубова, представленный им незадолго до открытия гродненского сейма. Оценивая (под явным влиянием Боскампа) расстановку политических сил в Польше, он дал самые не лестные характеристики как королю, так и лидеру «патриотической партии» И.Потоцкому.

Отметив, что И.Потоцкий являлся наиболее влиятельным политическим деятелем в Польше, Зубов заявлял, что «он является врагом России не столько из принципа, сколько в силу ненависти, которую питает к некоторым ее представителям». Что касается Станислава Августа, то, по мнению Зубова, «этого человека трудно понять»: «политический Протей, законченный интриган, настолько низкий, что он не стесняется изливать свои милости на тех, кого оскорблял вчера, слабый, попадающий под влияние каждой встреченной им юбки, фальшивый в течение всей своей жизни» – и в то же время «одаренный знаниями и любезностью, искусством нравиться и обольщать».

Констатируя вслед за этим слабость и безликость «русской партии», Зубов все же рекомендовал Екатерине, вслед за Боскампом, продолжать делать в создавшейся ситуации ставку на короля, используя такие рычаги давления, как его огромные долги и надежду получить новые prerogatives своей королевской власти⁵⁰².

Разумеется, поступившие инструкции императрицы не удовлетворили Сиверса, имевшего неосторожность в переписке с Зубовым

пожаловаться на их неконкретность. Особенно раздражали посла указания во всем советоваться с лидерами Литовской конфедерации братьями Коссаковскими, наращивавшими свой кредит в Петербурге заверениями в том, что литовцы «готовы перейти в подданство России». Поддерживая прямые отношения с Зубовым, брат которого Николай находился в то время в Польше, они имели возможность представлять действия Сиверса в выгодном для себя свете.

Конфликт Сиверса с Коссаковскими особенно обострил вопрос о роспуске Тарговицкой конфедерации, который Екатерина оставила на усмотрение посла. Неясные формулировки, содержащиеся в рескрипте императрицы от 26 мая, побудили Сиверса приостановить процесс роспуска конфедерации, обосновав это решение неопределенным положением польской армии, нерешенностью вопроса о долгах Речи Посполитой. В ответ на это в рескрипте от 15 июня Екатерина прямо поручила Сиверсу распустить Тарговицкую конфедерацию, отметив, что он неверно понял ее предыдущие указания. Сиверс, однако, на свой страх и риск решил отложить исполнение решения о роспуске на неопределенное время⁵⁰³. Его действия трудно объяснить чем-то иным, чем нежеланием ссориться с Коссаковскими накануне открытия сейма, когда в его распоряжении, как отмечает Иловайский, оставались лишь «картежные шулера, продажные люди или такие ничтожества, как Пулавский (младший член той семьи, которая отличилась во времена Барской конфедерации)»⁵⁰⁴. Действуя подобным образом, Сиверс, конечно же, не мог в июне 1793 года предполагать, что уже через полгода интриги Коссаковских станут основной причиной его преждевременного отъезда из Варшавы.

Выборы депутатов сейма прошли под полным контролем русского посла, однако чем ближе наступал день его созыва, тем более Сиверс ощущал трудность поставленных перед ним задач. К тому же накануне открытия сейма выяснилось разное отношение поляков к русскому и прусскому представителям. В частности, депутаты, собравшиеся в Гродно, заявили, что «сейм никакого повода к занятиям польских провинций прусскими войсками не подавал и ожидает, что последние наконец очистят край»⁵⁰⁵. В ответ Сиверс и Бухгольц в ноте, направленной 13 июня, потребовали немедленного назначения делегации, снабженной полномочиями для переговоров как с Петербургом, так и с Берлином.

5

Основным событием первого заседания сейма, открывшегося 18 июня 1793 года, стала речь короля, заявившего, что «он присоединился к Тарговицкой конфедерации на основании ее актов, в которых главным пунктом была поставлена целость Речи Посполитой, и что он никоим образом не отступится от этого пункта»⁵⁰⁶.

Он обратился к присутствовавшим в зале Сиверсу и Бухгольцу с просьбой «передать своим дворам пожелание» возвратить Польше «забранные у нее земли, так как польский народ не подал никакого повода к этому».

Учитывая нежелательные последствия, которые могла иметь речь Станислава Августа, Сиверс немедленно принял жесткие меры, чтобы «победить упорство короля». Банкирам-кредиторам Станислава Августа было объявлено, что Россия не намерена начинать погашение долгов короля до подписания раздельного договора и окончания сейма. Аналогичное заявление сделал Бухголец.

Впрочем, в том, что касается отношений с прусским посланником, в дополнительных инструкциях, поступавших Сиверсу из Петербурга в середине июня, сохранялась определенная двусмысленность. В частности, рекомендуя Сиверсу действовать в отношении Бухгольца «в дружеском духе», Екатерина вместе с тем поручала ему обратить внимание поляков на различия в политике России и Пруссии: если Россия всегда позволяла им торговать с черноморскими портами через русские владения, то прусский король, вопреки своим договорным обязательствам, чинил препятствия их торговле через свои территории, отторгнутые у Речи Посполитой⁵⁰⁷.

Рескриптом от 23 июня Екатерина сообщила Сиверсу о выраженном Австрией желании принять участие во втором разделе. Вена просила согласия России на занятие Кракова и некоторых территорий, граничащих с Галицией. Соглашаться на это в Петербурге не спешили, не желая слишком ослаблять Польшу. Однако, учитывая австро-прусское соперничество, было решено воспользоваться домогательствами Австрии, чтобы заставить пруссаков отказаться от Ченстохова, важного религиозного центра, потеря которого «задевала самолюбие поляков».

27 июня сейм в отдельных ответных нотах Сиверсу и Бухгольцу согласился начать переговоры по оформлению раздела, хотя в процессе формирования делегации представителей сейма возникли сложности. Сиверсу пришлось прибегнуть к секвестру имения близкого к королю графа Тышкевича, для того чтобы в состав польской делегации (31 депутат) были включены лица, на которых он мог рассчитывать.

2 (13) июля Сиверс на первой встрече с делегатами зачитал проект договора о разделе. Его краткое содержание состояло в следующем: 1) между русской императрицей и ее наследниками, с одной стороны, и польскими королями – с другой, устанавливается вечный и ненарушимый мир; все старые несогласия должны быть преданы забвению; 2) определяются новые границы между Россией и Польшей (Друзь, Нарочь, Дуброва, Стопцы, Несвеж, Пинск, Канев, Вышгородок); 3) польский король от себя и своих преемников «отрекается» от всех прав на уступленные провинции; 4) императ-

лица отказывается от всяких притязаний на какие бы то ни было новые приобретения в Речи Посполитой; 5) Россия гарантирует форму правления, которая будет установлена королем и республикой; 6) подданным обоих государств обеспечивается свобода взаимной торговли; 7) с обеих сторон назначаются комиссары для точного определения границ; 8) православное население Польши, как и католические подданные Российской империи, будут пользоваться свободой вероисповедания с сохранением своих привилегий и прав; 9) если представится нужда в каких-либо дополнительных соглашениях, то они будут иметь такую же силу, как бы составляя часть настоящих; 10) ратификация договора должна последовать с обеих сторон в течение шести недель, считая со дня его подписания⁵⁰⁸.

Судьба русско-польского договора была решена на заседании сейма 6 (17) июля. После того как предложение короля (сославшегося на то, что «войсками Гродно со всех сторон заперто, самое место наших совещаний окружено») перенести обсуждение договора в Петербург было отклонено Сиверсом, депутат Лодержевский высказался за то, чтобы «поручить судьбу Польши великодушной русской императрице и уполномочить делегацию подписать трактат, представленный послом». За этот проект было подано 77 голосов, против – 20. Сиверс немедленно сообщил в Петербург, что, как он ожидает, договор должен быть подписан в понедельник 11 (22) июля в «двойной праздник великой княжны Ольги»⁵⁰⁹. Одновременно посол информировал депутатов о том, что Россия берет на себя три миллиона из долга короля голландским банкирам и обещает склонить к тому же берлинский двор.

Русско-польский договор был подписан 11 (22) июля. Отметив это событие торжественным обедом на 77 персон у себя в резиденции, Сиверс, однако, не питал иллюзий относительно дальнейшего развития событий. Посол понимал, что относительно короткий срок – пять недель, в течение которого удалось выполнить первую часть его миссии, не предвещал, что переговоры с Пруссией будут столь же простыми. Последующие события в полной мере подтвердили эти опасения.

6

После того как на заседании 12 (23) июля была оглашена и обсуждена нота, представленная Бухгольцем, в сейме поднялась буря. Оппозиция всяким переговорам с Пруссией приобрела массовый характер. Ситуацию усугубляло и то, что прусская партия в сейме была чрезвычайно малочисленной.

Депутаты обвиняли Пруссию в том, что в 1788 году она «завела поляков в западню», настроила ее против России во время Четырехлетнего сейма и привлекла их «призраком союзного договора».

Некоторые из них прямо называли Берлин в качестве единственного виновника бедствий Польши и отвергали обвинения в якобинстве, использованные Пруссией в качестве предлога для оправдания своих территориальных приобретений. Депутат Карский объявил, что согласится участвовать только в такой делегации для переговоров с прусским послом, которая «будет иметь целью очищение польских земель от прусских войск»⁵¹⁰.

В таких бурных, но бесплодных прениях прошло несколько заседаний, пока 15 июля депутат Гриневский, отметив, что отказ от переговоров с прусским послом может быть сочтен за молчаливое согласие «на узурпацию польских земель», не предложил обратиться за посредничеством к русскому послу. Это предложение было принято 67 голосами против 52⁵¹¹. Получив это обращение, Сиверс ответил очень корректно, но предельно определенно: он настаивал на немедленном начале переговоров с прусским послом. В итоге на заседании 20 июля большинством – 55 голосов против 39 – было решено поручить договариваться с Пруссией той же делегации, которая вела переговоры с русским послом, однако предметом их должен был служить только вопрос о подписании польско-прусского торгового трактата. Одновременно была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что «сейм не может уступить ни малейшей части территории Речи Посполитой»⁵¹².

Переговоры Бухгольца с польскими депутатами, начавшиеся 25 июля, проходили весьма своеобразно. Заседание, состоявшееся 1 августа, Д.Иловайский справедливо назвал «дипломатической комедией». Бухголец, передергивая факты, пытался объяснить необъяснимое. На вопросы поляков о том, считает ли Пруссия обязательным для себя подписанные ею договоры с Польшей 1773 и 1790 годов, он утверждал, что принятие конституции 3 мая «перечеркнуло польско-прусский союзный договор 1790 года и поставило под сомнение соглашение, подписанное в 1773 году, в которых Пруссия брала на себя обязательства гарантировать территориальную целостность Польше». На напоминание же о том, что прусский король фактически одобрил конституцию 3 мая, Бухголец отвечал, что «письмо короля, одобрявшее эту перемену, было результатом того, что это дело было в ложном свете представлено Его величеству особой, поспешно отправленной в Берлин на другой день после революции»⁵¹³. Сиверс, к которому Бухголец обращался за поддержкой, отвечал, что едва ли не каждый день направляет в сейм ноты, которыми пытается «образумить» депутатов. Вместе с тем, в личных контактах со Станиславом Августом русский посол вел себя достаточно уклончиво, явно пытаясь сохранить на стороне России симпатии поляков.

Это вызывало растущее недовольство в Берлине. В конце июля Сиверсу пришлось объяснять свое поведение в письме М.М.Ало-

пеусу: причину всех своих бед в Польше в Берлине видели в том, что Сиверс начал переговоры об оформлении русских приобретений по разделу отдельно от Пруссии.

Между тем, в ночь на 2 (13) августа в Гродно прибыл курьер из Петербурга, доставивший русские ратификации договора от 11 июля. Вместе с ратификациями Сиверсу была прислана Андреевская лента при весьма милостивом рескрипте.

Сиверс немедленно сообщил о ратификации сейму. В ходе начавшегося обсуждения депутаты, решившие обсудить международную обстановку, потребовали прочесть депеши польских послов при заграничных дворах. Содержание их было неутешительным: «В Вене французские дела поглощают все внимание, и там идет вопрос о важной негоциации с Пруссией; в Берлине заняты приготовлениями к энергичному ведению войны с Францией; Англия уговаривает Данию последовать ее мерам в торговле с Францией; шведский и датский дворы ничего не сделают для Польши без совета с заинтересованными державами; от Гааги также нечего ожидать без согласия с ее союзницей Англией, а последняя занята только войной с Францией и стараниями усилить коалицию»⁵¹⁴.

Через три дня, 5 (16) августа, после сложных и бурных дебатов договор с Россией был ратифицирован сеймом. Покидая заседание, закончившееся в третьем часу утра, Сиверс заметил, что его ход «служит доказательством того, сколь трудно будет заключить трактат с Пруссией»⁵¹⁵.

Поскольку депутаты продолжали затягивать ответ на проект прусско-польского договора, переданного Бухгольцем, тот обратился с просьбой к Сиверсу выступить в качестве посредника. С аналогичным предложением к российскому послу обратились и депутаты сейма. Сиверс, разумеется, согласился. 5 (16) августа идея о русском посредничестве была единогласно одобрена депутатами.

Однако участие Сиверса в польско-прусских переговорах, продолжавшихся с 8 по 13 августа, не изменило ситуацию. Поляки, рассчитывая на поддержку российского посла, прямо заявили, что их полномочия ограничиваются только обсуждением торгового трактата с Пруссией. Лишь после того как Бухгольц предупредил, что Пруссия оккупирует Краков, если ее договор с Польшей не будет подписан до 27 августа, началось обсуждение прусско-польского договора по пунктам.

«Мне дана задача развязать гордиев узел, не прибегая к мечу», — так резюмировал Сиверс сложившуюся ситуацию в письме к Зубову, после того как депутаты сейма официально обратились к российской императрице с просьбой о посредничестве и гарантии договоренности с Пруссией. Сиверсу были направлены указания твердо отстаивать демаркационную линию, определенную русско-прусской конвенцией от 3 января 1793 года.

Бухгольц подозревал, что в Петербурге «хотят отодвинуть нас от Варшавы»⁵¹⁶. Еще более откровенно выразился он в депеше от 22 августа: «Россия пользуется запутанным положением, в котором находится наш двор, и заставляет нас дорогой ценой купить трактат об уступках, а сама желает при этом разыгрывать законодательную власть»⁵¹⁷. В понедельник, 15 августа, на следующий день после именин Сиверса, по случаю которых король и многие польские вельможи дали великолепные праздники, оппозиция решительно потребовала прервать всякие переговоры с Пруссией.

Только после этого Сиверс перешел к решительным действиям. 22 августа проект полномочий польской делегации для переговоров с прусским посланником был, наконец, утвержден. Для этого Сиверсу потребовалось окружить сейм войсками. Действуя подобным образом, Сиверс выполнял новые инструкции, поступившие к нему в конце августа после целого ряда демаршей, предпринятых прусскими дипломатами в Берлине и Петербурге. «Если договор с Пруссией еще не заключен, употребите все Ваше влияние, чтобы его ускорить», – писала Екатерина Сиверсу⁵¹⁸. Более того, послу предписывалось «подождать» с подписанием союзного и торгового трактата с Польшей, пока не будет оформлена уступка земель, относящихся к Пруссии.

Между тем, Бухгольц продолжал направлять из Варшавы в Берлин донесения «о двойной игре, которую вела Россия». На встрече с Сиверсом 20 (31) августа он потребовал, чтобы из проекта прусско-польского договора были исключены предложенные польскими депутатами пункты о русской гарантии в трактатах о торговле. Сиверс отвечал в том смысле, что не может «отбросить» именно те статьи, которые «делают честь доверия поляков к его государыне». Он открыто выступил и против «ректифицированной» генералом Моллендорфом демаркационной линии новой прусско-польской границы, согласованной в Петербурге. Общий смысл его позиции сводился к следующему: «Мы гарантируем уступку Пруссии важных провинций и для этой цели употребим даже насилие, но в то же время не можем запретить полякам требовать гарантий в торговле и других предметах распри»⁵¹⁹.

Тем не менее М.М.Алопеус писал из Берлина, что пруссаки отказываются даже обсуждать договор с добавочными пунктами о русских гарантиях. Сиверс, сообщивший еще 28 августа в Петербург, что при его посредничестве достигнуто полное согласие, был поставлен в неудобное положение. 2 сентября он вновь окружил дворец, где проходили заседания сейма, гренадерами, в зале заняли места русский генерал Раутенфельд и 12 офицеров. Поздно ночью сейм принял решение, разрешающее польской делегации подписать договор с Пруссией, обставив свое согласие, однако, пятью новыми условиями, главным из которых было заключение коммерче-

ского трактата с Пруссией до ратификации польско-прусского договора⁵²⁰.

Бухгольц был вынужден запросить в Берлине новые инструкции. Однако Фридрих Вильгельм, убежденный в том, что Сиверс, действуя в координации с австрийским и шведским послами, преследовал цель затянуть до бесконечности процесс присоединения Пруссией новых польских владений, официально информировал Вену и Петербург о том, что обстоятельства вынуждают его прекратить военные действия против Франции, для того чтобы направить войска в Польшу для обеспечения присоединения приобретенных территорий.

В этих условиях Сиверс считал за лучшее кардинально изменить свою линию поведения. В ходе заседания сейма 23 сентября он поддержал требования Бухгольца, сопроводив свои заявления новой демонстрацией силы. Истощав все средства сопротивления, депутаты молчанием встретили троекратно повторенный вопрос маршала сейма Белинского: «Согласен ли сейм, чтобы депутация подписала договор с Пруссией, представленный русским послом?». После того как Белинский объявил, что молчание – знак согласия, король закрыл заседание.

25 сентября прусско-польский договор был подписан.

Когда в Петербург поступили известия о подписании прусско-польского договора, Екатерина информировала Фридриха Вильгельма о том, что «наступило время повернуть соединенные усилия против общего врага спокойствия Европы», поскольку «лояльность, с которой Россия выполнила свою задачу в концерте трех дворов, не оставляет места для сомнений. Положение, в котором она оказалась, не позволило направить ей непосредственно свое оружие против французских возмутителей спокойствия, но в компенсацию этого ее армии обеспечили с самого начала и до конца осуществление мер, предпринятых в отношении Польши»⁵²¹.

7

Через пять дней после «немного» заседания депутат от Кракова Юзеф Анквич предложил сейму рассмотреть вопрос о заключении договора о вечном мире и союзе с Россией.

О серьезном подходе Екатерины к его подготовке свидетельствует «Замечание императрицы на трактаты польские для заключения сочиненного в 1793 году»⁵²², а также неподписанная «Записка от 17 августа 1793 года». Ее автор (похоже, А.П.Шувалов) особенно жестко возражал против «присвоения полякам равных прав с российским дворянством». Любопытны приводимые им при этом аргументы: «От поляков никакой благодарности ожидать нельзя. Предшествовавшие примеры служат тому совершенным доказательством.

После первого раздела Польши не Вашим ли императорским величеством обещана сия республика от распространенных и излишних притязаний дворов венского и берлинского, не Вы ли не допустили короля Прусского до овладения городом Гданьском взамен претерпленных польской торговлей со стороны прусской притеснений, доставили полякам выгоды в торговле черноморской, ручались за долг короля их, а они потом сами, предложив Вам союз свой, сколько причинили разных неприятностей?»⁵²³.

Безбородко и Остерман в совместном «Мнении», напротив, утверждали, что «добрая вера требует, чтобы союз оборонительный с Польшей заключен был, поелику он торжественно от Ее императорского величества обещан делегации, в прошлом году присланной, и поелику обнадеживание сим союзом употреблено было средством к соглашению Польши на формальную уступку земель, к России возвращенных.

Польза от него неоспорима. Сколь не меньше стала Польша в настоящем ее положении, но лучше иметь ее в своих руках, нежели, оставя на произвол, дать повод другим или привязать ее к себе, или же иными утеснениями и зависимостью перебить почти бытие сего, хотя неважного между нами и соседями нашими барьера»⁵²⁴.

Автор еще одной, анонимной, записки несколько иначе развивает мысли Остермана и Безбородко: «Для достижения для России уверенности и безопасности со стороны прусского короля нет другого средства, как сделать из Польши совершенный барьер, не мнимый, как то до сих пор было, что доказано вступлением войск наших в Польшу, не встретивших весьма важных там затруднений и через два месяца имевших всю Польшу в своих руках»⁵²⁵.

Проект договора, подготовленный в Петербурге, был передан Сиверсом группе депутатов (в Петербурге настаивали на том, чтобы инициатива его подписания исходила от польской стороны)⁵²⁶. 4 (15) октября русско-польский союзный договор был «единодушно одобрен» сеймом. Голоса оппозиции, поданные против, маршал сейма демонстративно «не заметил».

Русско-польский союзный договор 1793 года фактически нераздельно утверждал влияние России в Польше. Россия получала право направления своих войск в Польшу «в случае необходимости в уведомительном режиме»; право содержать военные склады на польской территории; Польша обязывалась не вступать в союзы с иностранными державами без предварительного согласия России; российские послы получали право представлять ее интересы в тех странах, где у Речи Посполитой не было своих посольств; были подтверждены российские гарантии государственного и конституционного устройства Польши, которое надлежало принять гродненскому сейму; король брал на себя обязательства не производить конституционных изменений в будущем без согласия России⁵²⁷.

На следующий день, 5 (16) октября, Станислав Август направил следующее собственноручное послание Екатерине: «Государыня, сестра моя! То, чего я так долго и живо желал, наконец, свершилось. Вы захотели стать вечным союзником Польши. Если бы Небу было угодно, чтобы это произошло на шесть лет раньше! Но бесполезное сожаление о прошлом не может потушить во мне надежду на то, что свершившееся откроет нам более счастливое будущее.

Я вложил все мое усердие в это дело, потому что действовал по убеждению, что творю добро моей стране и что ничто отныне не сможет омрачить мои намерения и личные чувства, которые в течение столь долгого времени привязывают меня к Вашему императорскому величеству.

Чем более прямо я выражаюсь, тем более чувствую себя обязанным и имеющим право просить Ваше величество соблаговолить отдать решительный приказ для того, чтобы прекратить меры, заставляющие страдать дворянство, жителей городов и крестьян моей страны, нищета которых, увеличивающаяся в результате весьма скудного урожая этого года, дошла до того, что их болезни и смертность передаются войскам Вашего величества.

Эти беды превышают все, что может представить себе Ваше величество, потому что, несомненно, Ваше сострадательное сердце уже побудило бы Вас исправить существующее положение. Для того чтобы избавить Вас от печальных деталей, я сошлюсь только на то, что говорил по этому поводу послу Вашего императорского величества.

Вы слишком благодетельны, для того чтобы не облегчить страдания нации, которую Вы только что соблаговолили назвать своей союзницей. Вы, конечно, не захотите, чтобы она оставалась несчастной. Если это зло не будет устранено, то скоро эта нация уже не сможет быть когда-либо Вам полезной. Примите искренние уверения и непоколебимые чувства, в которых остаюсь, государыня моя, сестра, добрым братом, другом и соседом Вашего величества.

Станислав Август

Гродно, 16 октября 1793 года»⁵²⁸.

В рескрипте Сиверсу от 18 октября Екатерина сообщила, что уже приняла решение вывести значительную часть русских войск из Польши. Вместе с тем она поручила послу «внушить деликатным образом королю, что недостаточно только подписывать договоры, необходимо их верно и пунктуально выполнять, придерживаясь их истинного смысла и духа»⁵²⁹.

«Я вполне искренне разделяю сожаление Вашего величества относительно того, что подобное столь спасительное свершение не произошло несколькими годами ранее, а также Ваши надежды

в будущем найти утешения относительно прошлого, – говорилось в ее ответе королю. – Для того чтобы увенчать усердие, с которым Ваше величество отнеслись к заключению союзного договора, Вам не остается ничего иного, кроме как выполнить обязательства, которые мы только что взяли на себя в отношении друг друга и действовать с той прямою намерений и мер, которые одни могут осуществить цель, стоящую перед нами, – обеспечить сохранение и счастье республики на прочной и твердой основе»⁵³⁰.

На заключительном этапе гродненского сейма Сиверсу удалось обеспечить принятие акта, аннулировавшего результаты деятельности Четырехлетнего сейма, включая конституцию 3 мая. Одобренный депутатами комплекс новых «кардинальных законов» подтвердил традиционные права шляхты, в том числе *liberum veto* и избирательность польского престола. Численность польской армии были снижена до 18 тысяч человек, то есть до уровня, существовавшего до 1788 года.

Первая реакция Екатерины на итоги гродненского сейма была позитивной. Они, судя по всему, в целом отражали ее представления об оптимальном формате российско-польских отношений с учетом реально сложившейся в Европе к осени 1793 года ситуации. Польша, поставленная в полную зависимость от России, устраивала ее и как буферное государство в отношении Пруссии и Австрии, и как средство обеспечения западного фланга в контексте остававшегося приоритетным черноморско-балканского направления российской внешней политики. О стремлении Екатерины сохранить, хотя и в крайне ослабленном состоянии, польское государство свидетельствовало, по мнению такого авторитетного исследователя второго раздела, как Р.Лорд, и «продавленное» Сиверсом решение сейма о том, что принятые им законы не могли быть «изменены, исправлены или дополнены» даже в случае единогласного голосования. Они должны были стать вечными⁵³¹.

Насколько реалистичной, адекватно отражавшей государственные интересы России была политика Екатерины II в период второго раздела Польши? Если оставить за скобками тягостный моральный аспект этой политики, то трудно не согласиться с О.И.Елисеевой, пришедшей на основании изучения «проектов» Г.А.Потемкина по польским делам к выводу о том, что «определенные круги русского и польского дворянского общества» видели альтернативу разделам Польши в ее унии с Россией⁵³². При этом, однако, необходимо, на наш взгляд, сделать оговорку относительно того, что поляки, в том числе и деятели так называемой «потемкинской партии», воспринимали идеи полной или частичной унии как крайнее, продиктованное обстоятельствами средство национального спасения (в том смысле, что объединение с Россией они рассматривали в контексте преодоления последствий первого, а затем и второго разделов путем

воссоединения территорий, отторгнутых не только Россией, но и германскими государствами).

В этом, как представляется, заключается сущность взглядов, которые высказывал в трагичном для Польши 1792 году и Станислав Август, выдвинувший проект династического объединения Польши и России путем объявления наследником польского престола Великого князя Константина. О том, что подобные настроения имели в Польше более широкое распространение, чем принято думать, свидетельствует сохранившийся в АВПРИ анонимный «Проект вечного и твердого Польской республики существования согласно с видами и системой России»⁵³³.

Судя по содержанию этого документа, он был подготовлен в конце 1793 года, сразу после окончания гродненского сейма. Автор – поляк, весьма критически относившийся к деятельности Сиверса (возможно, один из братьев Коссаковских). Дав в своем проекте негативную оценку итогов гродненского сейма, «не приведшего его к взаимополезному окончанию», в результате чего «во многом виды России остались не наблюденными, в чем не надлежало бы послу (Сиверсу. – П.С.) быть небережливым», он назвал в качестве основного виновника этого короля, «коего волю весьма много в продолжение сейма удовлетворял посол». Перечислив многочисленные прегрешения короля и Сиверса и осудив роспуск Тарговицкой конфедерации как подрывавший законность решений, принятых гродненским сеймом, автор «Проекта» предложил срочно созвать новый сейм, для того чтобы «утвердить и обеспечить навсегда спокойство России относительно ближайших ее соседей, довольно сильных, когда войной не заняты». Задачей нового сейма должен быть стать пересмотр «сего прошедшего сейма производство, дабы опущенное было восстановлено, вредное – исправлено, неясное – объяснено и пополнено, полезному же свободное дано течение».

Главная же мысль этого любопытного документа состоит в том, что «при установлении сеймом избрания королей может Россия приступить к совершению предприятий своих, буде польский престол для Российских князей упрочить вознамерится. Сие, по мнению моему, величайшею будет для России пользою относительно политических связей и оборотов и также в рассуждении обширных российских владений; и когда Великая Екатерина на российском престоле владычествует, то наследник Ея под единым предлогом права царствовать и осчастливления поляков может получить их корону, чрез что соединятся выгоды империи и республики, которая, со своей стороны, не оставила бы споспешествовать к приобретению и удержанию нераздельных между ими польз».

Весьма интересна и неплохая осведомленность автора «Проекта» в сути непростого складывавшихся в 90-е годы отношений между Екатериной и ее сыном: «Буде бы предложение польской короны

не возбудило на первый случай внимания в Наследнике Российского престола, то подробным изображением взаимных польз и тесных связей между обоими державами, как при жизни Великой Екатерины (да продлит Бог дни Ея), так и после этого времени усугубляться долженствующими, удобно будет преклонить его к приятию польского скипетра. Великий же князь Александр, коего природа наружными и душевными дарами равно и щедро украсила, да будет добрым Российским монархом; наконец, не забыли мы и о Константине, которому отец в наследство свое поручит».

И далее: «При сочинении сего проекта имею я в предмет обеспечить спокойство России и сохранить существование Польши и оба сии владения навсегда соединить, дабы на предыдущие времена взаимно одно другому полезны быть могли».

Разумеется, этот «Проект» Екатериной серьезно не рассматривался, хотя отраженные в нем настроения, судя по рескрипту императрицы Сиверсу от 10 ноября 1793 года, не были для нее секретом: «Вы должны помнить, что, направляя вам инструкции по случаю созыва нынешнего сейма, я открылась вам в частном и секретном рескрипте относительно того, что большинство благоразумных поляков полагали, что после раздела, который предстоял их родине, она не сможет существовать в качестве свободного и независимого государства, что рано или поздно она подвергнется новому разделу, который, возможно, уничтожит само имя Польши и что, для того чтобы предупредить несчастливые бедствия, которые из этого последуют, ей не остается ничего другого, кроме как перейти со своими слабыми остатками под господство одной из трех соседних держав. А поскольку подобная судьба была неизбежной, то если бы полякам был предоставлен выбор хозяина, они отдали бы предпочтение мне, считая, что под моим правлением они могли бы обеспечить свое счастье и спокойствие более, чем под чьим-либо другим».

И далее самое важное: «Не пускаясь в рассуждения о справедливости подобной логики, я бы выслушала пожелания, адресованные мне и приняла бы предложение, которое делается мне прямо и просто, если бы политические причины не заставляли меня действовать таким образом, чтобы сдерживать зависть и интриги Держав. И поскольку, с одной стороны, в мои интересы никак не входило дать им случай и предлог для новых территориальных приращений, я должна была постараться отделаться от них малым и лишить их любого законного предлога, для того чтобы кричать о моих амбициях, и вследствие этого придумала систему комбинированного союза, объединив в этой форме остатки Польши не только с той долей, которая отошла ко мне по разделу, но и со всей моей империей. Сейчас я одновременно могу не только защитить ее от дальнейших посягательств венского и берлинского дворов, но и создать реальный и полезный барьер против того или другого в случае каких-

либо событий. С этой двойной целью я и составила проект союзного договора в том виде, в котором я вам его направила; каждая его статья вытекала одна из другой самым прямым и непосредственным образом; поэтому я и ожидала, что он будет принят не только единодушно, но и с благодарностью. Однако мои ожидания на этот счет оказались по большей части обманутыми»⁵³⁴.

Приведенные отрывки исчерпывающе, на наш взгляд, характеризуют как политическую линию Екатерины в период второго раздела, так и ее тактику на гродненском сейме.

В том же рескрипте императрица, ознакомившаяся к этому времени с присланными Сиверсом протоколами заседаний сейма, предельно критически, если не сказать предвзято, оценивает поведение посла в ходе обсуждения русско-польского союзного трактата. По существу, Сиверсу было предъявлено обвинение в том, что при его попустительстве в текст договора были включены «статьи, противные намерениям» императрицы.

Претензии, предъявленные Екатериной Сиверсу, подробно разобраны Н.И.Костомаровым. На наш взгляд, они не свидетельствуют о каких-то принципиальных промахах, допущенных послом. Единственное исключение – адресованный Сиверсу упрек в том, что он согласился на настойчивое требование польских представителей ограничить союзные обязательства Польши по оказанию военной помощи России только в случае военного конфликта в Европе.

Если учесть напряженность, сохранявшуюся в 1793 – 1794 годах в отношениях России с Турцией, то этот шаг Сиверса действительно должен был представляться Екатерине серьезной ошибкой. Дело в том, что уже 16 января 1794 года императрица подписала рескрипт А.В.Суворову о срочных мерах «для предотвращения нападения турок».

Пункт 3-й рескрипта гласил: «Скорый выход в море нашего Черноморского корабельного флота, когда бы силы оного были превосходные и в лучшем состоянии, не токмо ограждает знатную часть пределов Южных России, и предотвращает от нападения Тавриду, но и расторгает на Черном море связи и сообщение, приносит за собой страх и поражение от берегов Дуная до пролива Цареградского и от того до Азии и гор Кавказских поспешнейшею стезею достигнуть сможет до торжественного успеха и чесменским пламенем объять стены цареградские»⁵³⁵.

В начале декабря 1793 года Я.Е.Сиверс был заменен в Варшаве Игельстромом. Предлог, который был избран для его отзыва на родину, всегда казался исследователям польских разделов пустяковым: в вину послу было поставлено решение гродненского сейма разрешить польским офицерам и генералам носить орден «Виртути милитари», учрежденный Четырехлетним сеймом за военные заслуги.

Истинную причину замены Сиверса надо, на наш взгляд, искать в другом. Его действия в Польше разошлись со стратегическими замыслами Екатерины, остававшимися по-прежнему связанными с южным, черноморско-балканским направлением ее внешней политики.

- ¹ Соловьев С.М. История падения Польши. Цит. по: Избранные произведения. Т. II. М., 1997. С.331.
- ² Соловьев С.М. Указ. соч. С.335.
- ³ Lord R. Op. cit. P.56 – 63.
- ⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1861 (документ состоит из 103 нумерованных страниц).
- ⁵ В инструкции французскому посланнику в Петербурге маркизу де Вераку в 1780 году упоминалось о якобы имевшихся у Екатерины планах обменять часть территорий, отошедших к России по первому разделу Польши, на области Правобережной Украины, пограничной с Дунайскими княжествами и клином вдававшейся в русскую территорию. – Rembaud J. Recueil des instructions des ambassadeurs de France. V.IX. P.368.
- ⁶ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка. 1769 – 1791 / Под ред. В.С.Лопатина. М., 1997.
- ⁷ Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А.Потемкина. М., 2000.
- ⁸ Елисеева О.И. Указ. соч. С.15.
- ⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.599 (Письмо князя Потемкина-Таврического Екатерине II с просьбой о содействии утверждению права собственности на купленные им у князя Любомирского имения. 27 марта 1788 г.).
- ¹⁰ Елисеева О.И. Указ. соч. С.272 – 273.
- ¹¹ Lord R. Op. cit. P.519.
- ¹² Ibid. P.66.
- ¹³ Ibid. P.76 – 77.
- ¹⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. XIV. С.611.
- ¹⁵ Русский архив. Т. II. 1874. Столб.741.
- ¹⁶ См.: Мемориал бригадира А.А.Безбородки по делам политическим; Всеподданнейший доклад А.А.Безбородки о дополнении трактата об оборонительном союзе, заключенном Россией с императором Иосифом II. – Григорович Н. Указ. соч. С.385, 394 – 395.
- ¹⁷ Письмо Иосифа II Екатерине II от 21 мая 1781 г. – Русский архив. Т. I. 1880. Столб.249 – 253.
- ¹⁸ Второе письмо Иосифа II Екатерине II от 21 мая 1781 г. – Там же. Столб.253 – 255.
- ¹⁹ Там же. С.252.
- ²⁰ Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4. С.57.
- ²¹ Этот текст цитируется по готовящемуся к изданию 47 тому «Политической корреспонденции Фридриха Великого (апрель – декабрь 1782 г.)», документ № 29457. Копия его любезно предоставлена составителем доктором М.Альтхоффом. Ряд других документов этого тома дают основание

предположить, что Н.И.Панин, пытаясь противодействовать «австрийскому союзу», сообщал Герцу доступную ему информацию об австро-русских переговорах.

²² Схожесть позиции, которую Н.И.Панин занимал в этот период, с высказываниями Г.Г.Орлова на заседаниях Совета лишний раз показывает, что в основе их расхождений по польским делам зачастую лежали не принципиальные моменты, а соперничество в условиях «кризиса совершенлетия» великого князя Павла Петровича.

²³ Sorel A. La question d'Orient au XVIII siècle. Paris, 1878. P.181.

²⁴ Русский архив. 1880. Кн.I. Столб.281 – 291.

²⁵ Там же. С.296 – 300.

²⁶ Там же. С.298 – 299.

²⁷ Этот тезис развивался не только в вышеупомянутых трудах Сореля, Ранке, Германна, но и вошел в фундаментальное исследование по европейской истории. – См.: Davies Norman. Europe, History. Oxford, 1996. P.652 – 674.

²⁸ Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. Ч.I. М., 1943. С.5.

²⁹ Маркова О.П. Указ. соч.

³⁰ Арш Г.Л. Предыстория Греческого проекта // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С.209 – 213; Виноградов В.Н. В коловороте международных дел // Там же. С.204 – 209; Его же. Самое знаменитое в истории личное письмо // Там же. С.213 – 219; Его же. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С.124 – 134; Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А.Потемкина. М., 2000.

³¹ Елисеева О.И. Указ. соч. С.126.

³² Sorel A. Op. cit. P.182 – 183.

³³ Перминов П. Под сенью восьмиконечного креста. М., 1991. С.80, 85.

³⁴ Русский архив. 1880. Кн.I. С.278.

³⁵ Направление письменных инструкций для беседы при передаче важных посланий было обычной практикой в дипломатии XVIII века.

³⁶ АВПРИ. Ф. «Секретнейшие мнения КИД». Оп.5/1. Д.501. Ч.I. Л.139.

³⁷ Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А.Потемкина периода Второй русско-турецкой войны 1797 – 1801 гг. М., 1997. С.13.

³⁸ Шифрованной депешей от 23 января (3 февраля) 1787 г. Штакельберг сообщал Остерману, что предстоявшее свидание Екатерины с Иосифом II вызвало ревность «не только берлинского, но и лондонского дворов»: посланник Англии в Варшаве Ч.Витворт получил приказ под предлогом личной поездки отправиться в Киев для того, чтобы «собрать необходимые сведения относительно якобы имеющих место великих проектов, которые приписывают путешествию императора». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1223. Л.30об.

³⁹ Елисеева О.И. Указ. соч. С.92.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.89/8. 1787. Д.686. Л.37 – 37об.

⁴¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.89/8. 1787. Д.686. Л.34 – 36об.

⁴² В середине 1783 г. Потемкин предлагал подписать оборонительный трактат с Турцией. «Тракаты дружбы и коммерции полезнее будут, – отвечала Екатерина, – но оборонительный и наступательный могут впутать

в такие хлопоты, что сами не рады будем; это французская замашка противу Константина». – Цит. по: Елисеева О.И. Указ. соч. С.175.

⁴³ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.210 – 211.

⁴⁴ Елисеева О.И. Указ. соч. С.188.

⁴⁵ Zamoyski A. The last king of Poland. London, 1998. P.294 – 299.

⁴⁶ Письмо А.А.Безбородко О.М.Штакельбергу от 17 апреля 1787 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1234. Л.1 – 4об.

⁴⁷ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.775. Впервые вопрос о союзном договоре с Россией зондировался королем в Петербурге в 1782 г., после заключения русско-австрийского союза. – Lord R. Op. cit. P.82 – 83.

⁴⁸ Zamoyski A. Op. cit. P.299.

⁴⁹ «Все догадывались о тайных планах Екатерины II в отношении турок». – Lelevel J. Histoire de Pologne. V.1. Paris, 1844. P.219.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1228. Л.4 – 5.

⁵¹ Частное письмо О.М.Штакельберга А.А.Безбородко от 1 (12) августа 1787 г. // Там же. Д.1228. Л.47 – 48об. – Интересно, что в том же письме Штакельберг информирует Безбородко о том, что Потемкин поручил вести дела своего польского имения Смила королю, что якобы вызвало нежелательные толки в Польше.

⁵² Там же. Л.7.

⁵³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1223. Л.11 – 11об.

⁵⁴ Там же. Л.23об.

⁵⁵ Там же. Л.36.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1233. Л.2об.

⁵⁷ Следует оговориться, что информация Боскампа не всегда представлялась Петербургу достоверной. В частности, в депеше Штакельбергу от 11 декабря 1787 г. Остерман сообщал, что «известия из Константинополя, поставляемые Боскампом, не показались императрице ни достаточно интересными, ни полученными из хороших источников». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.1233. Л.35. Одно время Екатерина считала, что если Боскамп «не может получить вернейших известий (из Константинополя), то Ее величество употребит для друга жалужный ему пенсион». – Там же. Л.29.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1228. Л.19.

⁵⁹ Там же. Л.20 – 20об.

⁶⁰ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.224.

⁶¹ Там же. С.225.

⁶² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1233. Л.12.

⁶³ Там же. С.12.

⁶⁴ Там же. Л.10 – 10об.

⁶⁵ Там же. Л.11.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1228. Л.39об.

⁶⁷ Там же. Л.59об. – 60.

⁶⁸ Там же. Л.68.

⁶⁹ Там же. Л.96об. – 100.

⁷⁰ Там же. Л.104об.

⁷¹ Там же. Л.110 – 115. – Полный текст польского проекта союзного договора см. в Приложениях.

- ⁷² Там же. Л.105 – 107об.
- ⁷³ Там же. Л.107об.
- ⁷⁴ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.265.
- ⁷⁵ Там же. С.268.
- ⁷⁶ Там же. С.268.
- ⁷⁷ Кондзеля Л. Россия и второй раздел Польши: состояние изучения вопроса и исследовательские задачи // Польша и Европа в XVIII веке. Москва, 1990. С.160.
- ⁷⁸ Елисеева О.И. Указ. соч. С.228 – 234.
- ⁷⁹ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.271.
- ⁸⁰ Там же. С.274.
- ⁸¹ Там же. С.278. Копией польского проекта, присланной Штакельбергом, Потемкин располагал с конца октября 1787 г.
- ⁸² АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1792 – 1794. Оп.5/1. Д.589. Л.84 – 89.
- ⁸³ Там же. Л.128.
- ⁸⁴ Мнение Безбородко о проекте русско-польского союзного договора // Там же. Л.102 – 103.
- ⁸⁵ «Проект союзного оборонительного трактата между Ея величеством императрицею Всероссийскою и Его величеством королем и Светлейшей Республикою Польскою». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.193. Л.1 – 7. Полный текст см. в Приложениях.
- ⁸⁶ В сохранившейся в АВПРИ копии есть помета Екатерины к седьмой статье: «Сей артикул соединен будет с артикулом восьмым трактата» // Там же. Л.6а.
- ⁸⁷ Там же. Л.3об.
- ⁸⁸ Там же. Л.8 – 20.
- ⁸⁹ Там же. Л.21.
- ⁹⁰ Там же. Л.21 – 22.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Ф.79/6. Д.1233. Л.42.
- ⁹² АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1792 – 1794. Оп.5/1. Д.583. Л.90 – 99. – Документ этот, отложившийся, как видно из архивного шифра, в делах КИД более позднего периода, очевидно, составлял часть комплекса записок, направленных Потемкиным 27 марта 1788 г. Об авторстве Потемкина свидетельствует сделанная рукой Безбородко на титульном листе подпись: «План, от князя Григория Александровича Потемкина присланный».
- ⁹³ Там же. Л.36об.
- ⁹⁴ Там же. Л.36.
- ⁹⁵ Там же. Л.38. (Проект депеши И.А.Остермана Штакельбергу от 12 декабря 1787 года с правкой Остермана.)
- ⁹⁶ Там же. Л.40.
- ⁹⁷ Там же. Л.39 – 39об.
- ⁹⁸ Костомаров Н.И. Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. М., 1994. С.133.
- ⁹⁹ Деша И.А.Остермана Штакельбергу от 17 сентября 1787 г. (проект – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1233. Л.13об.).
- ¹⁰⁰ Костомаров Н.И. Указ. соч. С.138 – 139.
- ¹⁰¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1250. Л.1 – 4.

- ¹⁰² Дешеша И.А.Остермана Штакельбергу от 23 ноября 1787 г. // Там же. Л.21 – 26.
- ¹⁰³ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.587. Л.38 – 39.
- ¹⁰⁴ Там же. Л.38.
- ¹⁰⁵ «Замечания на контрпроект» – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1237. Л.27 – 33об. – Полный текст этого документа см. в Приложениях.
- ¹⁰⁶ Там же. Л.9.
- ¹⁰⁷ Там же. Л.12об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л.15.
- ¹⁰⁹ Там же. Л.14об. – 15.
- ¹¹⁰ Там же. Л.20.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. Л.7об. – 8.
- ¹¹³ Там же. Л.14 – 17.
- ¹¹⁴ В депеше Екатерине от 26 июня 1788 г. Штакельберг писал: «Все пойдет хорошо, поскольку Провидение благословляет неисчерпаемые ресурсы Вашего гения». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1237. Л.35об. – Дешешей от 5 июля 1788 г. И.А.Остерман информировал Штакельберга, что Екатерина выразила удовлетворение его действиями в Варшаве относительно подготовки сконфедерированного сейма для утверждения русско-польского договора. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1250. Л.26.
К депеше Штакельберга Остерману от 24 августа 1788 г. приложена копия письма Станислава Августа Екатерине, в котором подтверждается желание способствовать интересам князя Потемкина в Польше. Письмо датировано 20 августа н.ст. 1788 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1244.
- ¹¹⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1237. Л.38 – 38об.
- ¹¹⁶ Там же. Л.42.
- ¹¹⁷ Там же. Л.42 – 43.
- ¹¹⁸ Там же. Л.28 – 29об.
- ¹¹⁹ Там же. Л.30об. – 31.
- ¹²⁰ Там же. Л.31об.
- ¹²¹ Там же. Л.33об.
- ¹²² Приведенные документы российских архивов не подтверждают сообщения Бухгольца в Берлин в его депеше от 28 сентября, которая приводится Р.Лордом относительно того, что Екатерина якобы разрешила Штакельбергу вынести вопрос о союзном договоре на обсуждение сейма, если для этого создастся благоприятная обстановка. – Lord R. Op. cit. P.91.
- ¹²³ Костомаров Н.И. Указ. соч. С.142 – 143.
- ¹²⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1246. Л.42 – 42об.
- ¹²⁵ Там же. Л.79 – 80.
- ¹²⁶ Там же. Л.1 – 5 (Донесения Штакельберга о реакции сейма на ноту Пруссии); Д.1254. Л.1 – 17об. (Реляция Штакельберга Екатерине II о результатах выборов в сейм и интригах Пруссии).

- ¹²⁷ Там же. Д.1032. Л.42.
- ¹²⁸ Там же. Л.43об.
- ¹²⁹ Там же. Л.44 – 44об.
- ¹³⁰ Там же. Д.1237. Л.50 – 55об.
- ¹³¹ Там же. Л.71.
- ¹³² Lord R. Op. cit. P.106.
- ¹³³ Потемкин имеет в виду неоднократно поступавшие от Пруссии предложения о продлении союзного договора с Россией, срок которого истекал в 1788 г.
- ¹³⁴ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.321 – 322.
- ¹³⁵ Там же. С.324.
- ¹³⁶ Так в тексте – вместо *Casus Foederis*.
- ¹³⁷ Там же. С.325.
- ¹³⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1032. Л.54.
- ¹³⁹ Там же. Л.55об.
- ¹⁴⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1237. Л.30 – 30об. (Копия, французский язык, внизу помета, что письмо обнаружили при разборе дел КИД в ноябре 1852 г.).
- ¹⁴¹ В письме Потемкину от 19 октября 1788 г. Екатерина писала: «Армию фельдмаршала гр. Румянцева обратить, как в твоём большом плане предвидено было, противу Короля Прусского». – Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.323.
- ¹⁴² Депеша Келлера в Берлин от 26 февраля 1789 г. – Цит. по: Lord R. Op. cit. P.110. – Аналогичные мысли высказывались Потемкиным Екатерине и в ноябре 1789 г.
- ¹⁴³ М.М.Алопеуса ряд исследователей называет чрезвычайным послом России в Берлине. Это неверно. Чрезвычайным посланником и полномочным министром России при берлинском дворе он был назначен только в эпоху Александра I, в 1803 г. – «Формулярные списки о службе чиновников в Министерстве иностранных дел». АВПРИ. Ф. «Департамент личного состава и хозяйственных дел» (формулярные списки). Оп.464. Д.61. Л.2.
- ¹⁴⁴ Кондзеля Л. Указ. соч. С.162.
- ¹⁴⁵ *Zrodla do dziejow drugie goji trzeciego rozbioru Polski*. Lwow, 1902. T.1. S.3 – 144.
- ¹⁴⁶ Кондзеля Л. Указ. соч. С.162.
- ¹⁴⁷ В историографии польских разделов ее начало принято датировать осенью 1789 г., когда были разработаны инструкции М.М.Алопеусу.
- ¹⁴⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Голштинией». Оп.51/8. Д.181. Л.1. Вручил верительные грамоты герцогу 24 мая (4 июня).
- ¹⁴⁹ Русский биографический словарь. Т. «Алексенский – Бестужев-Рюмин». СПб., 1900. С.61.
- ¹⁵⁰ Поверенный в делах в Эйтине Д.Яковлев сообщал И.А.Остерману от 5 (16) апреля 1787 г., что 2 апреля М.М.Алопеус, получив высочайшее позволение, уехал в Россию через Берлин. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Голштинией». Оп.51/8. Д.203. Л.1.
- ¹⁵¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Голштинией». Оп.6. Д.215. Л.10 – 14об.
- ¹⁵² Имелся в виду трижды продлевавшийся русско-пруссский союзный договор 1764 г., срок действия которого истек в апреле 1788 г.

- ¹⁵³ К моменту беседы Алопеуса с королем военные действия между Россией и Швецией еще не начались, но после бурной реакции Густава III на ноту посланника А.К.Разумовского от 12 июля разрыв был неминуем.
- ¹⁵⁴ Содержание бесед Алопеуса с Герцбергом изложено во второй депеше Алопеуса Остерману от 15 (26) июля 1788 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Голштинией». Оп.6. Д.215. Л.16 – 18об.
- ¹⁵⁵ Об объявлении Густавом III войны России Алопеус сообщил в депеше от 31 июля (11 августа) 1788 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Голштинией». Оп.51/8. Д.215. Л.27 – 29об.
- ¹⁵⁶ Там же. Д.209. Л.8об.
- ¹⁵⁷ Там же. Л.13.
- ¹⁵⁸ Там же. Л.14.
- ¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.6. Д.357. Л.1 – 13об.
- ¹⁶⁰ Вопрос «Об ответе прусскому королю по шведским делам» рассматривался на заседании Совета 18 сентября 1788 г., причем А.П.Шувалов в записке Екатерине высказался против резких выражений в адрес Пруссии, одобренных членами Совета. – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.587. Л.84 – 85.
- ¹⁶¹ АВПРИ. Ф. «Сношения Россией с Пруссией». Оп.6. Д.357. Л.15 – 22.
- ¹⁶² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.73/6. Д.369 (Переписка с 1 июня по 30 июля 1790 г.); Д.370 (Переписка с 3 августа по 31 декабря 1790 г.).
- ¹⁶³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.365. Л.1об.
- ¹⁶⁴ Там же. Л.3об.
- ¹⁶⁵ Там же. Л.6.
- ¹⁶⁶ Там же. Л.5об.
- ¹⁶⁷ Там же. Л.6об. (Депеша Алопеуса Остерману от 19 (30) июня 1789 г.).
- ¹⁶⁸ Вторая депеша Алопеуса Остерману от 19 (30) июня 1786 г. // Там же. Л.9.
- ¹⁶⁹ Депеша Алопеуса Безбородко от 30 мая (19 июня) 1789 г. // Там же. Л.19.
- ¹⁷⁰ Депеша Алопеуса Остерману от 7 (18) июля 1789 г. // Там же. Л.17.
- ¹⁷¹ Там же. Л.15.
- ¹⁷² Там же. Л.15об.
- ¹⁷³ Записка Бишофсвердера Алопеусу из Шарлоттенбурга от 13 июля 1789 г., приложена к письму Алопеуса Остерману от 7 (18) июля // Там же. Л.18об.
- ¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.74/6. Д.366 («Отпуски писем вице-канцлера Остермана Алопеусу – сентябрь 1789 г.»). Л.1 – 22.
- ¹⁷⁵ Там же. Л.2об.
- ¹⁷⁶ Там же. Л.3 – 3об.
- ¹⁷⁷ Там же. Л.4.
- ¹⁷⁸ Там же. Л.5об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л.6об.
- ¹⁸⁰ Там же. Л.12.
- ¹⁸¹ Там же. Л.16об.
- ¹⁸² Там же. Л.17об. – 18.
- ¹⁸³ «Единственная вещь, которой я ограничусь в плане совета, будет это: никогда никому не давать никаких письменных заверений, чтобы не

- оставлять следов переговоров, которые Вам поручено провести», –ставлял Алопеуса Остерман // Там же. Л.18об.
- ¹⁸⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.74/6. Д.366 («Отпуски писем вице-канцлера Остермана Алопеусу – сентябрь 1789 г.»). Л.16об.
- ¹⁸⁵ Там же. Л.17.
- ¹⁸⁶ Там же. Л.21 – 22.
- ¹⁸⁷ На первом листе их есть примечание: «Сия экспедиция не состоялась, однако для сведения господина Алопеуса и в наставление ему списал он с содержащихся в ней бумаг копии» // Там же. Л.1.
- ¹⁸⁸ «Проект инструкций господину статскому советнику Алопеусу, отправляющемуся с поручением к берлинскому двору» // Там же. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/3. Д.100. Л.19 – 41. (На титульном листе «Быть по сему», внизу помета: «Вручено Алопеусу вице-канцлером 14 сентября 1789 г.».)
- ¹⁸⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/3. Д.100. Л.21 – 21об.
- ¹⁹⁰ Там же. Л.22об. – 23.
- ¹⁹¹ Полный текст инструкций Екатерины II к Алопеусу см. в Приложениях.
- ¹⁹² Там же. Л.23.
- ¹⁹³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.100. Л.44 («Проект наказа» был утвержден Екатериной).
- ¹⁹⁴ Там же. Л.44об.
- ¹⁹⁵ Там же. Л.44. В деле имеется также перевод «Проекта наказа» на французский язык. – Там же. Л.45 – 47об., а также письмо Герцберга русскому министру в Берлине от 7 сентября 1789 г. с объяснением, что Пруссия не способствовала «захвату в ее водах австрийского судна с шведским арматором». – Там же. Л.48 – 51. Копии этих документов также были переданы Алопеусом.
- ¹⁹⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.365. Л.37.
- ¹⁹⁷ Там же. Л.37об. – 38.
- ¹⁹⁸ Депеша Алопеуса Остерману от 28 октября (8 ноября) 1789 г. об отдельной беседе с английским послом.
- ¹⁹⁹ Там же. Л.62.
- ²⁰⁰ Там же. Л.58об.
- ²⁰¹ Там же. Л.68об.
- ²⁰² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.74/7. Д.371. Л.3об.
- ²⁰³ Там же. Л.4.
- ²⁰⁴ Там же. Л.6об.
- ²⁰⁵ Там же. Л.15.
- ²⁰⁶ Там же. Л.9об.
- ²⁰⁷ Алопеусу это должно было казаться особенно досадным, поскольку по его предложению Бишофсвердеру в октябре 1789 г. были подарены две казачьи лошади. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.365. Л.68об.
- ²⁰⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.371. Л.8об.
- ²⁰⁹ Там же. Л.12 – 12об.
- ²¹⁰ Там же. Л.8об.
- ²¹¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.371. Л.34. – К этому месту депеша Алопеуса подклеен листок, на котором рукой Екатерины написано: «Различия и в самом деле удивительные, поскольку

Булиньи не был уполномочен высказывать какие бы то ни было условия, в то время как берлинский двор располагал этими условиями». – Там же. Л.33.

²¹² В депеше Остерману от 5 (16) января 1790 г. Алопеус сообщает: «Англия, а следовательно, и Пруссия считают своим прямым интересом ослабить Россию. Они не принимают во внимание наши интересы, поскольку подозревают, что мы сочувствуем видам Австрии». – Там же. Л.24.

²¹³ Там же. Л.21.

²¹⁴ В депеше от 26 января 1790 г. Остерман предписывал Алопеусу «культивировать дружбу и откровенность с Эвартом соответственно его влиянию в Берлине». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.101. Л.1 – 3об.

²¹⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.371. Л.20.

²¹⁶ Там же. Л.25об.

²¹⁷ Там же. Л.20об. Строки о том, что «невозможно считать будущее гарантированным», подчеркнуты, очевидно, Екатериной.

²¹⁸ Проект депеши А.И.Остермана М.М.Алопеусу от 26 января 1790 г., одобренный Екатериной. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.101. Л.3об. – 14об.

²¹⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.371. Л.45об. – 4б.

²²⁰ Там же. Л.80.

²²¹ Там же. Л.83.

²²² Lord R. Op. cit. P.118 – 119.

²²³ Депеша Алопеуса Остерману от 4 (15) мая 1790 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.79/6. Д.372. Л.1об. – 2; Депеша Остермана Нессельроде от 1 мая 1790 г., утверждена Екатериной. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.73/6. Д.102. Л.4 – 6об.

²²⁴ Там же. Д.372. Л.24об. – 25.

²²⁵ Записка графа А.Р.Воронцова по разным предметам политическим, 1790 г. – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.588. Л.119 – 135об.

²²⁶ Там же. Д.102. Л.5об.

²²⁷ Там же. Л.6об.

²²⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.73/6. Д.372. Л.47 – 47об. Недовольство Петербурга действиями Алопеуса, в частности, высказывавшиеся Безбородко подозрения в его «предательстве» О.И.Елисеева связывает (на наш взгляд, без достаточных на то оснований) с тем, что к этому времени он «уже прочно связал себя узами «розенкрейцерской солидарности» с «берлинскими начальниками» (Бишофсвердером). – Елисеева О.И. Указ. соч. С.263.

²²⁹ Рескрипт тайному советнику Штакельбергу в Варшаву от 8 апреля 1790 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.73/6. Д.1270. Л.2.

²³⁰ «Нельзя знать о точности дел через него, – писал Потемкин Безбородко в январе 1790 г., – все ирония да роман. Пошлите его хоть архипослом куда-нибудь, а в Польше нужен русский». – Елисеева О.И. Указ. соч. С.264.

²³¹ Эту записку Потемкина, как и приложенную к ней записку «О Белоруссии» О.И.Елисеева датирует 9 ноября 1789 г. – См.: Елисеева О.И. Указ. соч. С.255 – 258.

- ²³² Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С. 893.
- ²³³ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.589. Л.214 – 216.
- ²³⁴ Кондзеля Л. Указ. соч. С.162.
- ²³⁵ См., в частности, записку Потемкина Екатерине от 30 марта 1790 г. – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5. Д.585. Л.104 – 105.
- ²³⁶ В письме Потемкину от 2 декабря 1789 г. Екатерина писала: «Именованье Гетманом войск казацких Екатеринославской губернии затруднению не подлежит, и рескрипт о том не должно готовить. Но от подписания меня удерживает только то, чего тебе самому отдаю на разрешение: не возбудит ли употребление сего названия в Польше безвременного внимания сейма и тревоги во вред делу?». – Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С. 387.
- ²³⁷ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.901.
- ²³⁸ Судя по всему, окончательно убедил Екатерину в этом А.А.Безбородко. – См.: Проект по польским делам 1791 г. – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.588. Т.1. Л.238 – 243об. – См. в Приложениях.
- ²³⁹ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.411.
- ²⁴⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1277. – «Брошюра по делу Переяславского архиепископа».
- ²⁴¹ Там же. Д.1270. – «Рескрипты полномочному послу в Варшаве Штакельбергу». Л.1 – 1об.
- ²⁴² Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.425.
- ²⁴³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1277.
- ²⁴⁴ Там же. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1083. Л.98 – 99; Перевод с пометой «отвержены» – Л.103 – 104.
- ²⁴⁵ «Твой, присланный по сей материи (Пруссии. – П.С.) план, в полной мере я апробую». – Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... Письмо Екатерины Потемкину от 8 июня 1790 г. С.417.
- ²⁴⁶ Собственноручная записка Екатерины II (фр.яз., оригинал). – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1084. Л.20 – 21.
- ²⁴⁷ Положения, существовавшего до войны.
- ²⁴⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1085 «Сообщения австрийского полномочного посла гр. Кобенцеля вице-канцлеру Остерману о подробностях переговоров о заключении мира между Австрией и Турцией».
- ²⁴⁹ «Ее императорское величество была полностью информирована королем Венгрии и Богемии обо всем, что происходило на конференциях в Рейшенбахе», – писал Остерман Нессельроде 27 августа 1790 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.102. Л.8об.
- ²⁵⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1280. Л.1 – 4об. (копия).
- ²⁵¹ Интересно, что в собственноручном наставлении, которым снабдил Булгакова Потемкин, ему рекомендовалась иная, более активная линия в отношении польской оппозиции и, в первую очередь, К.Б.Браницкого. – См.: Елисева О.И. Указ. соч. С.274.
- ²⁵² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1280. Л.5 – 9об. (отпуск, правка рукой Екатерины II).
- ²⁵³ Там же. Л.10 – 11 (копия).

- ²⁵⁴ Следует отметить, что в определенной мере эта важная беседа была инициирована указаниями Остермана Алопеусу от 28 октября 1790 г., в которых ему предписывалось всячески поддерживать озвученную Герцбергом тему о «естественном характере» русско-прусского союза, поскольку «наши страны не имеют ни малейшего повода ни к соперничеству, ни к территориальным спорам в отношении друг друга». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.101. Л.52 – 57.
- ²⁵⁵ В этот период Пруссия и Англия настаивали на заключении мира между Россией и Пруссией на условиях статус-кво, т.е. возвращения к границам, существовавшим до войны.
- ²⁵⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.372. Л.158 – 160.
- ²⁵⁷ Там же. Л.161.
- ²⁵⁸ Там же.
- ²⁵⁹ Там же. Л.181об.
- ²⁶⁰ Там же. Л.170об. – 171об. В деле также имеется собственноручная записка Герцберга Алопеусу пожаловать к нему в три часа 4 декабря (н.ст.) 1790 г. и написанный также рукой Герцберга меморандум, в котором со ссылкой на решение Раушенбахского конгресса Пруссия официально предлагает от своего имени и от имени Англии посредничество в мирном урегулировании с Османской империей на основе одобренного конференцией принципа статус-кво. – Там же. Л.166 – 167.
- ²⁶¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.588. Т.II. Л.207 – 207об.
- ²⁶² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.101. Л.60 – 63.
- ²⁶³ Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка... С.430 – 439.
- ²⁶⁴ Там же. С.442 – 444.
- ²⁶⁵ Секретное письмо Екатерины II Е.И.Булгакову. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1289. Л.1 – 2. – Аналогичные инструкции были отправлены 11 февраля 1791 г. и Алопеусу. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.103. Л.1.
- ²⁶⁶ Приложение к депеше Алопеуса Остерману от 27 августа (7 сентября) 1790 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.372. Л.77 – 77об.
- ²⁶⁷ Lord R. Op. cit. P.164.
- ²⁶⁸ Ibid. P.173 – 177.
- ²⁶⁹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. Т.VI. Л.146.
- ²⁷⁰ Депеша Кобенцеля от 7 апреля 1791 г. – Цит. по: Lord R. Op. cit. P.181 – 182.
- ²⁷¹ Ее текст (с купюрами) он опубликовал в приложении V своей монографии о втором разделе Польши. – Lord R. Op. cit. P.519 – 520.
- ²⁷² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.103. Л.15об. – 16.
- ²⁷³ Lord R. Op. cit. P.180 – 182.
- ²⁷⁴ Lord R. Op. cit. P.184 – 191; новые данные о роли Потемкина в предотвращении русско-английского военного столкновения в 1791 г. приведены в статье Елисейевой О.И. «Не все дела пушками делаются». – Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С.210 – 217.
- ²⁷⁵ Zamoyski A. Оп.7. P.316.

- ²⁷⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.340. «Выписка из протокола Совета по вопросу избрания наследника польского престола, январь 1791 г.».
- ²⁷⁷ «Письмо прусского короля Фридриха Вильгельма II о согласии с австрийским императором против Франции, от 22 октября 1791 г.» (копия). – Там же. Д.201; «Письма Леопольда Екатерине II о политике Австрии в вопросе создания коалиции против Франции, от 9 сентября 1791 г., 19 декабря 1791 г.» (копия). – Там же. Д.204; «Письмо Леопольда II к Екатерине II по вопросу сохранения коалиции держав для борьбы с Францией, от 20 февраля 1791 г.» – Там же. Д.206; «Письма Франца II к Екатерине II о смерти Леопольда II, о заключении договора между Австрией и Пруссией по вопросу обмена Баварии на Нидерланды, создании коалиции для борьбы с Францией, польском вопросе, возобновлении австро-русского договора, от 1 марта, 13 сентября 1792 г.» – Там же. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.31.
- ²⁷⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/1. – В этом фонде имеются отчеты всех заседаний Четырехлетнего сейма в 1791 г.
- ²⁷⁹ Monfort H. de. Le drame de la Pologne. Paris, 1945. P.144.
- ²⁸⁰ Депеша Гериберга Луккезини от 28 мая 1791 г. – Цит. по: Lord R. Op. cit. P.199.
- ²⁸¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/1. Д.1294. Л.103 – 118 (печатный экземпляр), Л.119 – 145 (перевод). – Подробнее о конституции 3 мая см. Zamoyski A. Op. cit. P.323 – 343; Lord R. Op. cit. P.199 – 210.
- ²⁸² Lord R. Op. cit. P.202.
- ²⁸³ Ibid. P.206 – 207.
- ²⁸⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/1. Д.1294. Л.58 – 80.
- ²⁸⁵ Донесения Я.И.Булгакова А.И.Остерману с подробным описанием «революции 3 мая» см. в Приложениях.
- ²⁸⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1289. Л.3 – 4об. (копия).
- ²⁸⁷ Кондзеля Л. Указ. соч. С.163 – 164.
- ²⁸⁸ Lord R. Op. cit.
- ²⁸⁹ Русский архив. Кн.II. 1874. Столб.246 – 258; 281 – 290.
- ²⁹⁰ Там же. Столб.247.
- ²⁹¹ Там же. Столб.250.
- ²⁹² Там же. Столб.252.
- ²⁹³ Там же. Столб.253.
- ²⁹⁴ Там же. Столб.254.
- ²⁹⁵ Там же. Столб.255 – 256.
- ²⁹⁶ Там же. Столб.281.
- ²⁹⁷ Там же. Столб.282.
- ²⁹⁸ Там же. Столб.283.
- ²⁹⁹ Елисеева О.И. Указ. соч. С.283.
- ³⁰⁰ Там же. С.284.
- ³⁰¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.126. «Письмо польского короля Станислава Августа Екатерине II об изменении польской конституции, от 24 декабря 1791 г.».
- ³⁰² Zamoyski A. Op. cit. P.326.

- ³⁰³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1297. Л.71 – 80. «Донесения Булгакова о съезде в Пинске».
- ³⁰⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С.423.
- ³⁰⁵ «В воскресенье, при разборе Московской почты сказали мне: «Je me casse la tête», чтобы подвигнуть Венской и Берлинской Дворы в делах Французских». – Я: «Ils ne sont pas trop actives». Нет, Прусский бы пошел, но останавливается Венский». «Я писала записку к Вице-Канцлеру». Они меня не понимают; Il y a de raison on ne peut pas vil; je veux les engager dans les affaires, pour avoir le coudées franche; у меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали». – Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II. М., 1862. С.258.
- ³⁰⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С.426.
- ³⁰⁷ Lord R. Op. cit. P.215.
- ³⁰⁸ Ibid. P.212 – 213.
- ³⁰⁹ Ibid. P.218.
- ³¹⁰ Ibid. P.218 – 219.
- ³¹¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1001. Л.3 – 6об.
- ³¹² «Секретная конференциальная записка». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.347. Л.1 – 2об.
- ³¹³ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С.430 – 431.
- ³¹⁴ Lord R. Op. cit. P.234.
- ³¹⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.657. Л.11 – 136. «Печатный экземпляр союзного трактата, заключенного между Австрией и Пруссией 7 февраля 1792 г.»; Соловьев С.М. Указ. соч. С.432.
- ³¹⁶ Lord R. Op. cit. P. 237. Р.Лорд, опубликовавший текст этой записки в своей монографии, склонен разделить мнения ряда немецких историков о том, что это была преднамеренная утечка информации с целью информировать Пруссию о плане раздела Польши, разрабатывавшемся в Петербурге. При этом он ссылается на то, что примерно в это же время аналогичная информация была получена английским послом в России Витвортом (аргументы Р.Лорда изложены в приложении VIII его монографии. – С.525 – 527). С учетом дальнейшего развития событий более логичным представляется предположение о том, что это был зондаж прусской позиции в ходе происходивших в окружении Екатерины дискуссий о цели ввода русских войск в Польшу.
- ³¹⁷ Lord R. Op. cit. P.237.
- ³¹⁸ Ibid. P.238.
- ³¹⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.103. Л.1 – 2об.
- ³²⁰ Lord R. Op. cit. P.259.
- ³²¹ Lord R. Op. cit. P.253 – 254.
- ³²² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.206. Л.1 – 8. «Письма Франца II к Екатерине II с сообщением о смерти императора Леопольда II»; ответы Екатерины. – Там же. Д.207. Л.1 – 32; Д.208. Л.1 – 14.
- ³²³ Соловьев С.М. Указ. соч. С.433.
- ³²⁴ Текст письма Потоцкого Потемкину от 14 мая 1791 г. – См.: Lord R. Op. cit. Appendix IX. P.527 – 528; АВПРИ. Ф. «Сношения России с

- Польшей». Оп.79/6. Д.611. «Письмо гр. Ф.Потоцкого князю Потемкину с оценкой конституции 3 мая и предложением плана конфедерации».
- ³²⁵ Русский архив. Т.II. 1874. С.246 – 258, 281 – 289.
- ³²⁶ Кондзеля Л. Указ. соч. С.163 – 164.
- ³²⁷ Там же. С.164.
- ³²⁸ Григорович Н. Канцлер князь А.А.Безбородко в связи с событиями его времени. Т.II. СПб., 1981. С.237 – 239.
- ³²⁹ Собственноручный рескрипт Екатерины II Безбородко от 12 января 1792 г. – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.2/6. Д.298. Л.1 – 2 (копия).
- ³³⁰ Zamoyski K. Op. cit. P.357.
- ³³¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С.436.
- ³³² Деша Булгакова Остерману от 15 (26) января 1792 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1312. Л.65 – 66.
- ³³³ Русский архив. Т.42. С.245.
- ³³⁴ Там же. С.338.
- ³³⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1867. Л.1 – 30 (черновик). На обложке «Прожекта» имеется карандашная надпись: «Екатерина II? Зубов Платон?».
- ³³⁶ Там же. Л.1об. – 10.
- ³³⁷ Там же. Л.10об.
- ³³⁸ Там же. Л.11 – 24.
- ³³⁹ Там же. Л.24 – 24об.
- ³⁴⁰ Там же. Л.25 – 25об.
- ³⁴¹ Его основные пункты вошли в инструкцию барону Бюлеру, ставшему представителем России при Тарговицкой конфедерации. «Инструкция барону Бюлеру, высочайше утвержденная 19 апреля 1792 г.» – Сборник РИО. Т.47. СПб., 1885. С.293 – 309.
- ³⁴² В 1792 г. членами Государственного совета были Н.И.Салтыков, И.А.Остерман, А.А.Безбородко, В.П.Мусин-Пушкин, А.Р.Воронцов, П.В.Завадовский, С.С.Стрекалов. Генерал-прокурор А.А.Вяземский не участвовал в заседаниях по болезни (скончался 8 января 1793 г.). – Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II. Ч.I. СПб., С.XI.
- ³⁴³ Безбородко в письме С.Р.Воронцову от 15 мая 1792 г. писал, что сделал это вопреки стремлению Зубова и Моркова «привести Совет в совершенное отчуждение» и полностью взять в свои руки ведение польских дел. «Вы не можете представить, сколько коллобродно шло сие польское дело, – раскрывал он далее свое стремление «поставить Совет в активитет». – Из армии прислал я мнение мое и результат моих разговоров с Поляками граф Александр Романович (Воронцов. – П.С.), граф Николай Иванович (Салтыков. – П.С.) и вице-канцлер его одобрили, и государыня приняла за благо, чтобы сему плану следовать, но, когда дело дошло до исполнения, то Попов ... какой-то план покойника (Потемкин. – П.С.), Аркадий Иванович (Морков. – П.С.) дал волю своей голове, а не искусный делец (Зубов. – П.С.) пошел за ними в след, выдавая будто за свое». – Григорович Н. Канцлер князь А.А.Безбородко... Т.II. С.226.
- ³⁴⁴ Полный текст декларации – АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия» (без описи). Д.1476. Л.29 – 34об. (печатная копия); инструкции генералу Каховскому от 2 апреля 1792 г. – Там же. Л.1 – 13 – см. в Приложениях.

- ³⁴⁵ Проект декларации о введении русских войск в Польшу с правкой Екатерины II (подлинник). – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.213. Л.13 – 25; утвержденный императрицей перевод проекта декларации на русский язык. – Там же. Л.1 – 12об.
- ³⁴⁶ Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II... Столб.906 – 910.
- ³⁴⁷ Это, в частности, подтверждают «Примечания гр.Остермана и гр.Безбородко на проект, заготовленный об открытии конфедерации в Польше», в которых есть, в частности, такая фраза: «Послы наши весьма ошибались в последнее время, когда почти исключительно искали всякое дело производить через короля и не иметь других партий, кроме ему преданных». – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.588. Т.1. Л.31 – 35об.
- ³⁴⁸ Храповицкий А.В. Дневник.
- ³⁴⁹ Сборник РИО. Т.42. СПб., 1885. С.224.
- ³⁵⁰ Там же. С.226. «Собственноручная записка Екатерины II по делу Н.И.Новикова».
- ³⁵¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1792 – 1794. Оп.5/1. Д.589. Л.7 – 12.
- ³⁵² Протоколы Государственного совета в царствование императрицы Екатерины II... Столб. 911.
- ³⁵³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.105. Л.1 – 3.
- ³⁵⁴ Протоколы Государственного совета... Столб.913 – 914.
- ³⁵⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1311. Л.20 – 23. Реляция Булгакова Екатерине II о вручении декларации.
- ³⁵⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1522 – «Печатные экземпляры актов о Тарговицкой конфедерации»; Д.1523 – «Акты местных конфедераций».
- ³⁵⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1477 – 1480 – Дешеш уполномоченного Генеральной конфедерации барона Бюлера Екатерине II и вице-канцлеру А.И.Остерману о продвижении русских войск, о соединении Тарговицкой и Литовской конфедераций в Бресте, об отступлении польской армии и предложенном Понятовским перемирии, о вступлении русских войск в Польшу, май – декабрь 1792 г.
- ³⁵⁸ В рескрипте Екатерины II барону Бюлеру от 8 июня 1792 г. говорилось: «Победа, одержанная моими войсками над армией принца Понятовского 4 – 7 числа настоящего месяца, должна будет убедить злоумышленников в бесполезности дальнейшего сопротивления». – АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия» (без описи). Д.1476. Л.36 – 39. Бюлеру было приказано усилить пропаганду в польских войсках с тем, чтобы побудить их присоединиться к конфедерации.
- ³⁵⁹ Там же. Л.41 – 44.
- ³⁶⁰ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.II «Трактаты с Австрией», 1772 – 1808 гг. СПб., 1875. С.196 – 197.
- ³⁶¹ Там же. Л.35об. – 36.
- ³⁶² Г.Коллонтай, выступивший на заседании совета министров, одобрявшего это решение короля, впоследствии так обосновывал свою позицию: «Рано или поздно Россия принесет нам проект относительно Константина и,

изменив несколько неприемлемых для нее статей, позволит нам сохранить конституцию и законы, принятые прошлым сеймом». – Zamoyski A. *Op. cit.* P.378.

³⁶³ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1794. Оп.5. Д.591. Ч.II. Л.185.

³⁶⁴ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.86об.

³⁶⁵ Там же. Л.86об. – 87.

³⁶⁶ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Оп.80. Д.1482. Л.23 – 26.

³⁶⁷ Там же. Л.40 – 41об. (письмо Бюлера не датировано).

³⁶⁸ Lord R. *Op. cit.* P.301.

³⁶⁹ Ibid. P.311 – 312.

³⁷⁰ Ibid. P.314.

³⁷¹ Ibid. P.315.

³⁷² Ibid. P.318.

³⁷³ Ibid. P.320. – Трудно согласиться с Р.Лордом, полагавшим, что уже весной 1792 г. Екатерина внутренне смирилась с неизбежностью «компенсации» Пруссии за счет Польши. По крайней мере, ни из депеши Остермана Алопеусу от 10 (22) июня, цитируемой Р.Лордом, ни из последующей переписки русских дипломатов не следует однозначного вывода о том, что она давала поручения Разумовскому или Алопеусу канализировать территориальные амбиции Пруссии в направлении Польши. Во всяком случае, и Шуленбург, и Гольц весной еще опасались напрямую обсуждать с русскими дипломатами возможность приобретения Пруссией Данцига и Торна.

³⁷⁴ Lord R. *Op. cit.* P.333.

³⁷⁵ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.588. Т.I «Мнение графа Безбородко о предложенных союзным дворам удовлетворениях, 13 августа 1792 г.». Л.17 – 27об.

³⁷⁶ Там же. Л.17.

³⁷⁷ Там же. Л.18 – 18об.

³⁷⁸ Там же. Л.18об.

³⁷⁹ Там же. Л.19.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Там же. Л.19об. – 20.

³⁸² Там же. Л.20об.

³⁸³ Там же. Л.25.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Там же. Л.25об.

³⁸⁶ Там же. Л.28 – 30об. (без даты).

³⁸⁷ Мнение графа Арк.Ив.Моркова по делам политическим, 1792 г. – Там же. Л.39 – 50.

³⁸⁸ Там же. Л.43 – 43об.

³⁸⁹ Там же. Л.43.

³⁹⁰ Там же. Л.44об.

³⁹¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С.466.

³⁹² Lord R. *Op. cit.* P.249.

³⁹³ Ibid. P.356.

³⁹⁴ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1792 г. Оп.202/6. Д.900 «Секретная конфиденциальная записка № 13». Л.346 – 357.

- ³⁹⁵ Lipow, Bolkowa, Plotzk, Goskin, Gregorz, Uniego, Warta, Irzadetin, Wielky, Gorzow. – Листок, на котором Гольц столбиком написал все эти города, приложен к «Секретной конфиденциальной записке № 13».
- ³⁹⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.626. Л.1 – 1об.
- ³⁹⁷ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1792 г. Оп.202/6. Д.900 «Копия собственноручной Ее императорского величества записки». Л.358.
- ³⁹⁸ Там же. Л.359 – 359об.
- ³⁹⁹ Там же. Л.371 – 373 об.
- ⁴⁰⁰ Там же. Л.376 – 377.
- ⁴⁰¹ Там же. Л.377 – 377об.
- ⁴⁰² Там же. Л.374 – 374об., 381.
- ⁴⁰³ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.89, 93.
- ⁴⁰⁴ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1792 г. Оп.202/6. Д.900. Л.384 – 385.
- ⁴⁰⁵ Там же. Л.385об. – 386.
- ⁴⁰⁶ Там же. Л.383об. – 384.
- ⁴⁰⁷ Там же. Л.388.
- ⁴⁰⁸ Там же. Л.388об. – 389.
- ⁴⁰⁹ Там же. Л.389.
- ⁴¹⁰ Там же. Л.400.
- ⁴¹¹ Там же. Л.400об.
- ⁴¹² Там же. Л.401об. – 402.
- ⁴¹³ Там же. Л.404.
- ⁴¹⁴ Там же. Л.406об. – 407.
- ⁴¹⁵ Там же. Л.408.
- ⁴¹⁶ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.592. Л.395 – 398 (автограф).
- ⁴¹⁷ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1792 г. Оп.202/6. Д.900. Л.435.
- ⁴¹⁸ Там же. Л.436 – 436об.
- ⁴¹⁹ Там же. Л.437.
- ⁴²⁰ Там же. Л.437об.
- ⁴²¹ Там же. Л.438об.
- ⁴²² Там же. Л.439об.
- ⁴²³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.105. Л.55 – 56. Как пример крайней осторожности, с которой велись переговоры с Пруссией, характерно письмо Остермана Алопеусу от 6 ноября 1792 г., в котором вице-канцлер писал, что в ходе его беседы с Гольцем речь шла о «вопросах самых деликатных из тех, что находятся сегодня на повестке дня и о которых так трудно объясняться не знающим результатов миссий, которую венский двор поручил своему ... барону Шпильману». – Там же. Л.52.
- ⁴²⁴ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.98 – 109. Полный текст рескриптов см. в Приложениях.
- ⁴²⁵ Они практически без изменений вошли в текст русско-прусской конвенции, подписанной 12 (23) января 1793 г.
- ⁴²⁶ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.100 – 100об.
- ⁴²⁷ Указ о назначении Я.Э.Сиверса послом в Варшаву был подписан 24 ноября 1792 г.

- ⁴²⁸ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1497. Л.101об.
- ⁴²⁹ Там же. Л.119 – 120.
- ⁴³⁰ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1792 г. Оп.202/6. Д.900. Л.462об.
- ⁴³¹ Рескрипт прусского короля барону Гольцу от 26 декабря 1792 г. – Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С.474.
- ⁴³² АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793 г. Оп.169. Д.901. Л.6об. – 7об.
- ⁴³³ Там же. Л.7об.
- ⁴³⁴ Там же. Л.9об. – 10.
- ⁴³⁵ Там же. Л.11об.
- ⁴³⁶ Там же. Л.12.
- ⁴³⁷ Записка его сиятельства графа Александра Андреевича Безбородко, касающаяся до разделу Польши. – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1784 – 1793. Оп.3. Д.591. Ч.II. Л.33 – 34об.
- ⁴³⁸ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1792. Оп.202/6. Д.900. Л.470об. – 471.
- ⁴³⁹ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793. Оп.169. Д.901. Л.15 – 15об.
- ⁴⁴⁰ Там же. Л.16 – 16об.
- ⁴⁴¹ Там же. Л.18.
- ⁴⁴² Там же. Л.19 – 21об.
- ⁴⁴³ Резюме конференции 12 января 1793 г. между уполномоченными Ее императорского величества и посланником Пруссии графом Гольцем о заключении секретной конвенции. – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793 г. Оп.169. Д.901. Л.38 – 41.
- ⁴⁴⁴ Там же. Л.39.
- ⁴⁴⁵ Там же. Л.39об.
- ⁴⁴⁶ Там же. Л.40.
- ⁴⁴⁷ Там же. Л.40об. – 41.
- ⁴⁴⁸ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.466а. Д.368.
- ⁴⁴⁹ Интересна записка, приложенная к депеше Остермана Алопеусу от 26 января, в которой Россия и Пруссия, по существу, договаривались продолжить линию на дезинформирование Вены относительно своих действий: «В соответствии с договоренностью, достигнутой министром императрицы и министром Его Прусского величества, мы информируем венский двор о том, что наша конвенция с берлинским двором относительно известного предмета, касающегося нового раздела Польши, доведена до того, что остается согласовать некоторые формальные детали с тем, чтобы мы могли сообщить венскому двору формальный акт по этому вопросу (дописано на полях – для того чтобы пригласить его присоединиться к нему), что, желая тем временем его успокоить относительно его интересов, мы поспешили информировать, что Ее величество императрица и Его величество король Пруссии достигли общей договоренности в формах, совершенно удовлетворительных для императора, относительно всего, что могло бы способствовать продолжению эффективного сотрудничества Его Прусского величества в нынешней борьбе против французов, а также обеспечить его и наше содействие в проекте обмена Баварии, которые оба двора – петербургский и берлинский – обязываются

поддерживать и обеспечивать самыми эффективными и мощными усилиями, которые находятся в их распоряжении». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.107. Л.2 – 2об.

⁴⁵⁰ Конфиденциальные записки о беседах Остермана с Кобенцелем от 5, 6, 10 и 28 января 1793 г. – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793. Оп.169. Д.902. Л.1 – 12об.

⁴⁵¹ Там же. Л.18.

⁴⁵² Еще менее искренне вел себя Остерман с графом Виельгорским, назначенным Тарговицкой конфедерацией своим представителем в Петербурге. В ответ на высказанную Виельгорским 16 января тревогу в связи с предстоявшим введением прусских войск в Польшу он сказал, что «не находит, чтобы Генеральная конфедерация имела причину тревожиться, ибо король Прусский, будучи принужден продолжать ополчение свое против французов, не может не обеспечить пределов своих, прикосновенных к Польше». – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793. Оп.169. Д.901. Л.46об. – 47.

⁴⁵³ Резюме конференции от 19 февраля между уполномоченным Ее императорского величества и посланником Пруссии графом Гольцем по обмену ратификациями секретной конвенции, заключенной и подписанной 19 (23) февраля 1793 г. – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793. Оп.169. Д.901. Л.25 – 28.

⁴⁵⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.105. Л.17 – 18об.

⁴⁵⁵ Судя по тому, что в Берлине делали нарекания Гольцу по сущим пустякам (отсутствие в тексте конвенции перечня всех городов, отходивших к Пруссии, согласие употребить выражение «действенные меры» в отношении содействия Австрии на обмен Баварии) Гольц действительно стал объектом интриг. Кстати, он сам просил Остермана оправдать его в глазах короля. – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793 г. Оп.169. Д.901. Л.68 – 69об.

⁴⁵⁶ Lord R. Op. cit. P.391.

⁴⁵⁷ При назначении Сиверса в Варшаву могло сыграть свою роль то обстоятельство, что в начале шведской войны 1788 г. он написал Екатерине три письма. В первом из них, от 11 июля, предупредив императрицу об опасности недооценки противника, он предложил ряд чрезвычайных мер для организации обороны Петербурга. Интересно, что среди них было и предложение набирать в рекруты как государственных, так и крепостных крестьян с условием, что по окончании войны они будут отпущены на свободу. – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1794 г. Оп.5. Л.591. Ч.II. Л.200 – 213 (письма от 11 и 18 июля, 18 октября 1788 г.).

⁴⁵⁸ Интересно, что Екатерина, очевидно, не вполне довольная Я.И.Булгаковым, еще весной 1792 г. хотела сменить его в Варшаве сначала А.Р.Воронцовым, а затем А.А.Безбородко, но оба отказались, причем Безбородко воспринял само предложение, поступившее к нему от Зубова, как «непристойность». – Григорович Н. Канцлер князь А.А.Безбородко... Т.II. С.227 – 228.

⁴⁵⁹ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1836. Л.122об.

⁴⁶⁰ Там же. Л.123.

⁴⁶¹ Там же. Л.124.

⁴⁶² Там же. Л.124 – 124об.

- ⁴⁶³ Там же. Л.127об.
- ⁴⁶⁴ Там же. Л.129об.
- ⁴⁶⁵ Там же. Л.130.
- ⁴⁶⁶ Там же.
- ⁴⁶⁷ Там же. Л.130об. – Толя знали в Петербурге еще с конца 60-х годов, когда он был эмиссаром при Барской конфедерации.
- ⁴⁶⁸ Там же. Л.132об.
- ⁴⁶⁹ Иловайский Д. Гродненский сейм 1793 г. // Русский вестник. Т.85. С.280.
- ⁴⁷⁰ «Записка графа Безбородко 1792 года относительно раздела Польши». – АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1774 – 1792 гг. Оп.5/1. Д.592. Л.393 – 394.
- ⁴⁷¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.132. Л.1 – 1об.
- ⁴⁷² Иловайский Д. Указ. соч. С.285.
- ⁴⁷³ Lord R. Op. cit. P.456.
- ⁴⁷⁴ «Мемуар о различных партиях, которые существуют в настоящее время в Польше» от 5 (16) января 1793 г. – АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.135 – 146об.; «Записка о главных злоумышленниках прошлого сейма» от 5 (16) января 1793 г. – Там же. Л.147 – 148об.; «Записка о распределении главных постов в государстве» от 5 (16) января 1793 г. – Там же. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.214. Л.4 – 12; «Записка о лицах, которые могут быть избраны депутатами будущего сейма» от 5 (16) января 1793 г. – Там же. Д.214. Л.1 – 3.
- ⁴⁷⁵ Иловайский Д. Указ. соч. С.296.
- ⁴⁷⁶ Из выделенных 100 тысяч рублей на текущие расходы и 200 тысяч на чрезвычайные Сиверс получил к концу марта только 10 тысяч. Сумма на чрезвычайные расходы, оставшаяся от Булгакова, также не превышала 18 тысяч голландских червонцев. В этих условиях Сиверсу часто приходилось прибегать к помощи Бухгольца, деньги которому поступали более исправно.
- ⁴⁷⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.133. Л.1 – 2об., 3.
- ⁴⁷⁸ Там же. Д.216. Л.1 – 7об. – Утвержден Екатериной 21 января 1793 г.
- ⁴⁷⁹ Манифест от 27 марта 1793 г. о присоединении польских областей к России – ПСЗРИ, № 17108; см. также: Указ Сената от 23 апреля об учреждении трех новых губерний Глинской, Изяславской и Брацлавской. – Там же. № 17112; Указ Синоду от 13 апреля об учреждении православной епархии во вновь приобретенных областях. – Там же. № 17112.
- ⁴⁸⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.214. Л.13 – 16.
- ⁴⁸¹ Там же. Д.1498 «Разные отрывки, принадлежащие делам варшавского посольства», 1793 г. – Протоколы заседаний Тарговицкой конфедерации от 26 марта, 27 марта и 2 апреля 1793 г., отдельные заседания Литовского сейма от 13 апреля. – Л.7 – 8; 9 – 10; 11 – 12; 13 – 15.
- ⁴⁸² Иловайский Д. Указ. соч. С.302.
- ⁴⁸³ Там же. С.10.
- ⁴⁸⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.1498. Л.3.
- ⁴⁸⁵ Там же. Л.16.
- ⁴⁸⁶ Там же. Л.17 – 17об.
- ⁴⁸⁷ Там же. Л.37.
- ⁴⁸⁸ Там же. Л.37об.

- ⁴⁸⁹ Д.Иловайский, очевидно, прав, когда говорит, что на Морелли легла роль, которую король хотел поручить Литтлпейджу – через него Станислав Август направлял письма Зубову. Д.Иловайский считал Морелли «шпионом Зубова, которому предписывалось наблюдать за деятельностью Сиверса в Польше».
- ⁴⁹⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.1498. Л.39об.
- ⁴⁹¹ Там же. Л.54.
- ⁴⁹² Там же. Л.56.
- ⁴⁹³ Там же. Л.59 – 59об.
- ⁴⁹⁴ Там же. Л.60.
- ⁴⁹⁵ Там же. Л.61.
- ⁴⁹⁶ Иловайский Д. Указ. соч. С.17.
- ⁴⁹⁷ Там же. С.18.
- ⁴⁹⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.1498. Л.91.
- ⁴⁹⁹ Там же. Д.134.
- ⁵⁰⁰ Иловайский Д. Указ. соч. С.33 – 34.
- ⁵⁰¹ Там же. С.35.
- ⁵⁰² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1870 (Документ состоит из 16 пронумерованных страниц).
- ⁵⁰³ О роспуске Тарговицкой конфедерации было объявлено только 4 сентября 1793 г. Король немедленно подписал акт о создании новой, Гродненской конфедерации. Возражать пытались только Коссаковские, но, увидев, что остаются в меньшинстве, последовали общему примеру.
- ⁵⁰⁴ Иловайский Д. Указ. соч. С.43.
- ⁵⁰⁵ Там же. С.52.
- ⁵⁰⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.1398. Л.160 – 160об.
- ⁵⁰⁷ Иловайский Д. Указ. соч. С.418. – Рескрипт Екатерины Сиверсу от 15 июня 1793 г.
- ⁵⁰⁸ Там же. С.428.
- ⁵⁰⁹ 11 июля праздновались рождение и именины внучки Екатерины великой княжны Ольги Павловны.
- ⁵¹⁰ Иловайский Д. Указ. соч. С.362.
- ⁵¹¹ Там же. С.366.
- ⁵¹² Там же. С.368.
- ⁵¹³ Там же. С.383. – Бухгольц имел в виду Луккезини.
- ⁵¹⁴ Депеша Сиверса И.А.Остерману от 4 (15) августа 1793 г.
- ⁵¹⁵ Иловайский Д. Указ. соч. С.381.
- ⁵¹⁶ Там же. С.386.
- ⁵¹⁷ Там же. С.387.
- ⁵¹⁸ Там же. С.19.
- ⁵¹⁹ Там же. С.6.
- ⁵²⁰ Lord R. Op. cit. P.476.
- ⁵²¹ Письмо Остермана Алопеусу от 12 декабря 1793 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.107. Л.36 – 38.
- ⁵²² АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1792 – 1794 гг. Оп.5/1. Д.589. Л.58 – 62об.
- ⁵²³ Там же. Л.55об. – 60.
- ⁵²⁴ Там же. Л.45 – 45об.
- ⁵²⁵ Там же. Л.272 – 272об.

- ⁵²⁶ Протоколы конференций между депутацией сословной и Е.П. г-ном Сиверсом. – АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия» 1793 г.
- ⁵²⁷ Договор о союзе, дружбе и единении между Россией и Польшей от 4 октября 1793 г. – АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.186 – 187об.
- ⁵²⁸ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.184 – 185.
- ⁵²⁹ Там же. Л.191 – 191об.
- ⁵³⁰ Там же. Л.189 – 189об.
- ⁵³¹ Lord R. Op. cit. P.482 – 483.
- ⁵³² Елисеева О.И. Геополитические проекты Потемкина. М., 2000. С.321.
- ⁵³³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.74/6. Д.1869. Л.1 – 6.
- ⁵³⁴ Копия рескрипта Сиверсу от 10 ноября 1793 г. – АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.145 – 151об.
- ⁵³⁵ Там же. Л.219об. – 220.

Глава четвертая

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1795 год) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

I

РЕАКЦИЯ АВСТРИИ НА РУССКО-ПРУССКУЮ КОНВЕНЦИЮ О ВТОРОМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ

В своей финальной фазе русско-прусские переговоры, завершившиеся подписанием конвенции 12 (23) января 1793 года, велись не только без прямого участия, но и в тайне от австрийского посла в Петербурге. Только 5 марта (н.ст.) Кобенцель смог доложить в Вену, что конвенция была подписана. Однако и после этого ее содержание оставалось неизвестным Австрии. В принципе, как правильно отмечает Р.Лорд, подобные действия России и Пруссии были некорректны в отношении их союзника. В инструкциях Кобенцелю от 23 декабря 1792 года ясно говорилось, что согласие Вены на ввод прусских войск в Польшу дается при условии, что все детали будущих русско-прусских договоренностей о русско-прусских территориальных компенсациях в Польше будут обсуждены при «согласии всех трех дворов»¹.

Однако с начала января и до конца марта, когда содержание русско-прусской конвенции было доведено до сведения австрийского вице-канцлера, австрийские дипломаты не проявляли особого беспокойства в связи с происходившими событиями. Хотя на совещании в Вене, состоявшемся 3 января, вице-канцлер Ф.Кобенцель и предложил поставить перед Петербургом и Берлином вопрос об одновременном с Пруссией вводе австрийских войск в пограничные с Галицией районы Польши, и его, и других участников совещания в гораздо большей степени беспокоил вопрос о получении твердых гарантий со стороны России и Пруссии на баварский обмен. Фельдмаршал Ласси прямо выступил против переброски австрийских войск из Нидерландов в Польшу², подчеркнув, к тому же, преждевременность подобного шага с учетом неясности польских территорий, которые предполагала захватить Пруссия. В глазах австрийского вице-канцлера вопрос о гарантиях принимал тем большую актуальность, что баварский курфюрст демонстрировал все более открытое неприятие идеи обмена. Одно время Кобенцель и Шпильман, обсуждавшие

этот вариант с пруссаками, склонялись к захвату франконских маркграфств силой. Однако против этого решительно выступили канцлер Коллоредо и фельдмаршал Ласси, считавшие, что подобная акция настроит немецких князей против Вены.

19 февраля Разумовский передал Ф.Кобенцелю депешу от Остермана, в которой утверждалось, что подписание петербургской конвенции полностью соответствует интересам Австрии, так как обеспечивает не только полномасштабное участие Пруссии в войне против Франции, но и в деле баварского обмена и обеспечении «некоторых других преимуществ» Австрии (имелись в виду возможные территориальные «компенсации» Австрии за счет Франции). Тем не менее Разумовский уклонился от того, чтобы подтвердить гарантию Петербургом баварского обмена, ограничившись достаточно расплывчатыми объяснениями относительно того, что в Петербурге были вынуждены согласиться на размер прусской доли по новому разделу Польши, принимая во внимание согласие, данное императором королю.

Как ни странно, Ф.Кобенцель вполне благоприятно отнесся к этому сообщению. Докладывая императору о своих беседах с Разумовским и прусским посланником в Вене Кезаром, он вновь выделил в качестве главной задачи австрийской дипломатии обеспечение русско-прусских гарантий баварского обмена.

Подобную беспечность, если не сказать легкомысленность, можно объяснить только тем, что с конца февраля в Вену начала поступать информация о том, что Англия, с которой велись переговоры о ее присоединении к антифранцузской коалиции, подтвердив свою готовность присоединиться к борьбе против революционной Франции, в то же время резко негативно высказалась против самой идеи обмена Баварии на Австрийские Нидерланды. Это сообщение произвело настолько сильное впечатление в Вене, что император Франц немедленно дал указание готовить смену министерства. Политическая линия, проводившаяся Ф.Кобенцелем и Шпильманом, была подвергнута резкой критике.

В начале марта барон Тугут, ставленник могущественного клана Коллоредо, представил меморандум, в котором, указав на всю зыбкость плана баварского обмена, предложил ориентироваться на территориальные компенсации во Франции. Антипрусские настроения Тугута, ученика Кауница, проявились и в его идее преимущественного развития отношений с Россией и Англией, с тем чтобы добиться «территориальных компенсаций», абсолютно равных прусским³. На совещании, состоявшемся в присутствии императора 11 марта 1793 года, Тугута поддержал Кауниц, заявивший, что «факт подписания русско-прусской конвенции по польским делам без участия Австрии был бы непростительной ошибкой со стороны имперских министров»⁴.

12 (23) марта Разумовский и Кезар по отдельности передали Ф.Кобенцелю текст русско-прусской конвенции. Одновременно Разумовский передал письмо Екатерины Францу II, приглашавшее Австрию присоединиться к ней⁵. В депеше Остерману от 17 (28) марта Разумовский писал: «Неописуемая реакция, которую она произвела на него (Кобенцеля. – П.С.), убеждает меня, что здесь действительно меньше всего подозревали о содержании конвенции. Граф Кобенцель находился в крайнем отчаянии; устремившись к карте, он бесвязно произнес несколько фраз, которые выдавали смутенное состояние его души и мыслей. Например, он сказал: «Это меняет всю систему Европы, французская революция – это детские шуточки в сравнении с важностью того, что произошло. Император будет вне себя, и это сломает шею и мне, и моему кузену»⁶.

Ф.Кобенцель оказался прав: 27 марта он и Шпильман были смещены со своих постов. Их преемником, как и ожидалось, стал барон Тугут, которого современники называли «австрийским Питом» или «современным Борджиа». Дипломат старой школы, он считал территориальные «округления» альфой и омегой дипломатической стратегии. Выработывая новую линию в польском вопросе, Тугут исходил из двух основных обстоятельств. Польша после второго раздела уже не могла выполнять функцию барьера между двумя германскими государствами. Кроме того, вызванное им прямое соприкосновение границ России и Австрии нарушало принцип австрийской дипломатии, согласно которому этого следовало избегать любой ценой.

В докладе Францу II, представленном 4 апреля, Тугут рекомендовал, воздержавшись от немедленного присоединения к русско-прусской конвенции, потребовать от Берлина и Петербурга ректификации их новых границ в Польше на основании утвержденного первым разделом принципа полного равенства долей. Этот последний тезис был наиболее существенным пунктом «плана Тугута», считавшего жизненно важным для Австрии восстановить стратегический баланс с Пруссией, нарушенный в результате второго раздела в ее пользу приобретением почти трех миллионов новых подданных. Его расчеты основывались на том, что России и Пруссии будет не так легко реализовать положения Петербургской конвенции.

3 (14) апреля Тугут направил новые инструкции Л.Кобенцелю в Петербург. Излагая содержание поступивших к нему указаний, Кобенцель отметил, что император «с прискорбием узнал о конвенции, заключенной с берлинским двором без предварительного с Его императорским величеством о том сношения, сказав при этом, что еще чувствительнее того для сего государя, что при сем случае не соблюдены те правила, которые наблюдаемы были при прежнем дележе Польши и перед начатием последней турецкой войны». Поясняя эти «правила», посол акцентировал внимание на том, чтобы

«каждая часть удела была равна другой и чтобы границы участвующих в приобретении держав не соприкасались бы непосредственно, как то теперь установлено, ибо Галиция смежна стала не токмо с Польшей и турецкими областями, но и с Россиею и Пруссиею». Указал он и на то, что «части, доставшиеся королю Прусскому, без меры превосходят ту долю, которую император предполагал приобрести себе променом Нидерландов на Баварию, и ту часть Польши, которой Пруссия завладеть хотела по первому ее предложению, Его императорскому величеству сообщенному».

Переходя к изложению сути австрийской позиции, Кобенцель подчеркнул, что «император, государь его, сколь ни желал он сделать угодное августейшей своей союзнице приступлением к упомянутой конвенции, не может, однако же, сего исполнить по заботливому своему положению, в которое приведен он самую сею конвенцией, и просит Ее императорское величество о торжественном обнадеживании, что границы иначе установлены будут и что получит он, хотя и не в Польше, а в другой стороне приобретения, в сравнении доходов столь же выгодные, как и доставшееся королю Прусскому счастье»⁷.

Выразив сожаление в связи с отказом Австрии присоединиться к русско-прусской конвенции, Остерман заметил, что Вене были заранее известны все требования прусского короля⁸. Отвечая, Кобенцель упирал на то, что в Вене не знали о новой черте, проведенной Пруссией. На это вице-канцлер заметил, что в Петербурге были уверены в согласии Австрии и что «кроме уверения о сем, из Берлина полученного, полагать сие заставляло настояние венского двора о позволении ввести прусские войска в Польшу и твердое короля прусского намерение на продолжение военных действий доколе требования его исполнены не будут»⁹. В качестве дополнительного аргумента Остерман сослался на то, что Екатерина «никак согласиться не изволила на третье требование, королем прусским предъявленное в приращении его приобретения, полагая, что Его императорскому величеству на то согласиться неудобно будет»¹⁰.

Депешей от 18 (29) мая Остерман информировал о позиции Австрии по русско-прусской конвенции и Алопеуса. При этом вице-канцлер рекомендовал Алопеусу исходить в беседах с прусскими представителями из того, что Екатерина имеет в виду твердо придерживаться всех обязательств, взятых ею в отношении Пруссии. «Она думает, что подобный язык и последовательность более, чем что-либо другое, способны успокоить венский двор и рассеять его плохое настроение и ревность, которую он, кажется, проявляет в отношении новых приобретений Ее императорского величества и прусского короля», – говорилось в депеше Остермана¹¹.

Далее в той же депеше Остерман прямо ориентировал Алопеуса о том, что Екатерине «кажется, что было бы более осторожным

и приемлемым удалить, насколько возможно, венский двор от происходящих событий»¹². Если же с Веной все-таки придется вести разговор по существу, то «было бы лучше не создавать трудностей, насколько возможно. Руководствуясь этим принципом, Ее императорское величество без колебания изложила венскому двору свое мнение относительно приобретений в Эльзасе, Лотарингии и Фландрии. Что касается разумных границ этих приобретений, можно, очевидно, вполне рассчитывать на естественные трудности, которые явятся сами собой и помешают перейти эти границы. Ее величество надеется, что король Пруссии выскажет свое мнение подобным же образом и продолжит помогать Австрии в нынешней войне с той же лояльностью и энергией, доказательства которых он уже дал. Это лишит венский двор всякого предлога высказывать недовольство. Но если, несмотря на такой вполне умеренный и справедливый план действий, который предлагает Ее императорское величество, будет необходимо использовать сильные и эффективные меры для того, чтобы поддержать все, о чем говорилось с Его прусским величеством относительно Польши, Ее императорское величество будет готова в любой момент договориться с королем и действовать с ним в полном согласии»¹³.

Столкнувшись с солидарной позицией, продемонстрированной Россией и Пруссией весной 1793 года (в Берлине князя Реусса ожидали примерно такие же разъяснения, которые были сделаны Л.Кобенцелю), Тугут начал сложную дипломатическую игру. С одной стороны, под давлением Разумовского он направил инструкции своему представителю в Польше де Каше поехать в Гродно, но вести себя на проходившем там сейме предельно пассивно. С другой, 14 апреля он проинструктировал австрийского посла в Лондоне Мерси д'Аржанто передать британскому правительству подробную информацию о русско-прусской конвенции, рассчитывая на то, что вмешательство Лондона приведет, по крайней мере, к уменьшению долей России и Пруссии, полученных ими в результате второго раздела¹⁴.

Однако начатая Тугутом двойная игра принесла ему новые неприятности. Разумовский, узнавший об австрийских контактах в Лондоне, информировал о них Петербург, где возникло сильнейшее раздражение австрийской политикой. Там упорно работали над формированием широкой антифранцузской коалиции, создание которой ставилось под угрозу австро-прусскими противоречиями. Еще более негативная реакция последовала из Берлина. Прусская дипломатия, давно уже посылавшая сигналы, что король не собирается начинать третью кампанию против Франции без существенных финансовых субсидий, резко выступила в Петербурге против претензий, высказанных Австрией на Эльзас и Лотарингию¹⁵. Одновременно в Берлине активизировали работу с германскими князьями, настраивая их против обмена Баварии.

В этих условиях Екатерина предприняла ряд решительных шагов для того, чтобы обеспечить присоединение Австрии к русско-прусской конвенции по второму разделу. В депеше Разумовскому от 6 (27) мая 1793 года она обратила внимание Франца II на то, что в случае продолжения его нынешней политики он не мог рассчитывать не только на уступки, но и на «справедливое отношение» со стороны Берлина. Резкий тон депеши был обусловлен и тем, что к началу мая стало ясно: отказ Вены присоединиться ко второму разделу даст дополнительный повод Берлину пересмотреть свои обязательства в отношении участия в войне против революционной Франции.

Демарш Разумовского лишь укрепил Тугута в убеждении, что самым верным способом обеспечения территориальных претензий Австрии было заручиться поддержкой России. 19 (30) июля Л.Кобенцель на очередной конференции с Остерманом заявил о готовности Австрии «получить удовлетворение в Польше»¹⁶. На это последовал естественный вопрос: «Каким же образом надеется венский двор доставить себе удовлетворение в Польше, когда ему известно несогласие на то короля Прусского?»¹⁷ Кобенцель ответил в том смысле, что если Вена и Петербург будут действовать заодно, то берлинский двор вынужден будет согласиться.

Далее в протоколе конференции говорится: «Вице-канцлер, продолжая читать депешу и остановившись на том месте, где изъясняется желание двора венского поправить границу Галиции и овладеть городом Краковом, спросил, так ли сие место разуметь должно, что и в случае успехов оружия австрийского во Франции, желает двор венский приобрести оный город, хотя прежде сказано было, что только в случае недостижения видов его во Франции, должен он стараться получить компенсацию на счет Польши»¹⁸. Кобенцель отвечал утвердительно, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности границы.

Заявления австрийского посла вызвали удивление в Петербурге. Остерман знал, что еще 10 июня Тугут в беседе с Разумовским не отрицал возможности присоединения Австрии к русско-прусской конвенции при условии, что будет решен вопрос о ее «компенсации». Тем не менее русско-австрийские дипломатические игры в Петербурге продолжались. При очередной встрече с Остерманом Кобенцель обратил внимание вице-канцлера на то, что согласно второму разделу Россия гарантировала территориальную целостность Польши, спросив, как можно надеяться на ее содействие, если эта статья не будет отменена. На это вице-канцлер хладнокровно заметил, что отменить эту статью невозможно, поскольку русско-пруская конвенция подписана и вступила в действие¹⁹.

Аналогичную линию австрийские дипломаты проводили с Пруссией. В конце августа 1793 года главную квартиру Фридриха Вильгельма II посетил представитель австрийского императора

граф Эрбах, официально заявивший претензии Австрии на Эльзас и Лотарингию.

Результатом явилось дальнейшее самоустранение Пруссии от участия в антифранцузской коалиции, на что 18 сентября 1793 года Л.Кобенцель жаловался в беседе с Остерманом²⁰.

Остерман в Петербурге и Алопеус в Берлине делали в это время максимум возможного, чтобы удержать Пруссию в рамках коалиции. Временами это давало положительные результаты. В частности, 3 октября Л.Кобенцель сказал Остерману, что «по долговременному бездействию начала Пруссия опять принимать участие в подвигах военных противу Франции» и что «в Вене это приписывают дружественной поддержке России»²¹.

Между тем в Берлине вызревали совершенно иные планы. В депеше Гольцу от 25 октября 1793 года прусский король вполне недвусмысленно изложил те аргументы, опираясь на которые он заключит через полтора года, в апреле 1795 года, Базельский мирный договор с Францией: «Я сделал (в отношении Франции. – Л.С.) гораздо больше, чем обязывался сделать. При всем моем желании я не могу продолжать на свой счет войну, которой я принес в жертву в продолжение двух разорительных кампаний мою казну и кровь моих подданных. Австрия отказалась приступить к петербургской конвенции и до сих пор даром пользовалась моей помощью, а теперь отвращается от настоящей цели войны и имеет только в виду завоевание французских областей, и мы не знаем еще, где будет положен предел этим завоеваниям. Нельзя поверить, чтобы граф Эрбах, назвавший мне Эльзас и Лотарингию, исчерпал этим притязания своего двора; без сомнения сюда присоединится еще Французская Фландрия, которую мы завоевали отчасти. Англия также питает завоевательные замыслы против своей старинной соперницы, и я взываю к просвещенной политике Ее императорского величества: следует ли мне к моему собственному ущербу содействовать обширным замыслам этих обоих государств? И разве это будет слишком большой требовательностью с моей стороны, если я попрошу у них денежного пособия на издержки третьей кампании, от которой они получают главные выгоды?»²².

Финансовые субсидии, которыми Фридрих-Вильгельм II обуславливал свое дальнейшее участие в антифранцузской коалиции, были определены Берлином в 22 миллиона талеров, из которых девять должна была заплатить Англия, три – Австрия, а остальные десять – разделены между членами Германской империи.

Придя в ужас от «нечестной политики берлинского двора»²³, австрийцы обратились с жалобой в Петербург. 30 октября Л.Кобенцелю было сообщено, что Екатерина «с неприятностью приняла новый сей подвиг берлинского двора»²⁴. Пытаясь успокоить Австрию, в Петербурге говорили, что планировавшийся вечный союз между

Россией и Польшей должен был исключить любое влияние Берлина на польские дела. Кроме того, Россия обещала Австрии разрешить Речи Посполитой укрепить ряд городов, в том числе Краков и другие, на которые укажет Вена, для прикрытия границ Галиции от возможных враждебных происков Пруссии. В Петербурге не исключали и предоставления Австрии права держать в этих польских крепостях свои гарнизоны.

Однако в ответ на намек Остермана на то, что в случае присоединения Вены к русско-прусской конвенции можно было бы провести в Петербурге переговоры с прусским посланником Гольцем на предмет удовлетворения территориальных претензий Австрии, Кобенцель отвечал, что «корыстолюбие короля Прусского и тайная его к императору ненависть довольно известны, потому не думает он, что вышеозначенное средство могло провести какую-либо отмену в тех намерениях сего монарха, которая ныне обнаруживается»²⁵.

Полная безрезультатность линии, избранной Тугутом, привела к тому, что к началу 1794 года австрийская дипломатия и в Петербурге, и в Берлине прекратила зондаж относительно возможности получения территориальной компенсации за счет Польши. В конце февраля 1794 года А.И.Морков прямо заявил Л.Кобенцелю, что Россия поддержит территориальные планы Австрии в любом месте, «кроме Польши, остатки которой она хотела бы сохранить неприкосновенными»²⁶. В этот момент, однако, ситуация вокруг Польши вновь резко изменилась: весной 1794 года в стране начались широкие народные выступления.

II

ВОССТАНИЕ КОСТЮШКО И О.А.ИГЕЛЬСТРЕМ

1

После отъезда Сиверса из Варшавы (22 января 1794 г.) российским посланником в Польше стал Осип Андреевич Игельстрем, оставшийся одновременно и главнокомандующим русскими войсками в Речи Посполитой. Игельстрем располагал кое-каким дипломатическим опытом, поскольку во второй половине 60-х годов служил при посольстве в Варшаве под началом Н.В.Репнина. Однако карьере он сделал в армии: участвовал в Русско-турецкой войне 1768 – 1774 годов, а затем за удачные действия в Финляндии во время войны со Швецией 1788 – 1791 годов и за переговоры о заключении Верельского мира был сделан генерал-аншефом. Уступая Я.И.Сиверсу в опыте государственной деятельности, масштабе личности, он сде-

лал ставку на тесные связи с группировкой П.А.Зубова – А.И.Моркова, которая и добилась его назначения преемником Сиверса несмотря на то, что на эту должность претендовал и близкий к императрице племянник Потемкина П.С.Потемкин.

В Петербурге, казалось бы, не могли не представлять сложности задач, которые надлежало решать русскому посланнику в Польше. По крайней мере с февраля 1793 года КИД располагала информацией о том, что деятели польской оппозиции, перебравшиеся в Саксонию и осевшие в Дрездене и Лейпциге, подготовили общенациональное восстание с целью аннулировать результаты второго раздела. В частности, в перехваченном российской миссией в Эйтине анонимном письме из Лейпцига от 10 февраля 1793 года говорилось: «Маршал (по-видимому, имеется в виду И.Потоцкий. – П.С.) два дня подряд только и делает, что пишет. Он направил трех курьеров: одного в Брюссель, второго в Варшаву, третьего в Вену. Со времени этой отправки он выглядит более веселым и говорит только о Польше, России и Пруссии.

Он сказал мне в тот раз: «Вы сделаете хорошо, если вновь уедете в Варшаву. Ваше пожелание не замедлит свершиться». Я ответил: «А что же русские?» – «Не беспокойтесь, – сказал он, – у них будет достаточно своих дел. Они покинут Польшу, не ожидая своего паспорта. Предупредите посвященного, что Бонно (консул Франции, не аккредитованный в Варшаве благодаря демаршу Я.И.Булгакова. – П.С.) не злоупотребляет бездействием»²⁷.

С конца декабря 1792 года в Лейпциге находился и Т.Костюшко²⁸, сложивший с себя звание генерал-лейтенанта и покинувший Польшу после окончания сейма в Гродно. Совместно с видными деятелями революции 3 мая Г.Коллонтаем²⁹ и И.Потоцким, также нашедшим убежище в Саксонии, он разрабатывал план восстания.

21 января 1793 года, в те дни, когда в Петербурге подписывалась русско-прусская конвенция о втором разделе Польши, Костюшко прибыл в Париж. Национальное собрание избрало его почетным гражданином Франции. «Мы провели несколько встреч с генералом Костюшко и другими польскими патриотами, находящимися в Париже, – писал 18 февраля 1793 года глава французской республиканской дипломатии Лебрэн своему агенту Парандье, осуществлявшему связь с польской оппозицией. – Если будет проявлено мужество, энергия и предусмотрительность, то Польша будет спасена... Может быть, не так далеко то время, когда эскадры Республики, появившись одновременно на Балтике и в Архипелаге, и при поддержке Швеции, Османской империи и отважных поляков изменят положение дел на Севере»³⁰.

Упомянутые в предыдущей главе рескрипты Екатерины Суворову и Мордвинову от 16 января 1794 года показывают, что в Петербурге располагали информацией о планах Франции в Константино-

поле. Однако в оценке внутренней ситуации в Польше Екатерина и Зубов были далеки от реальности.

В депешах Игельстрему, датированных концом 1793 – началом 1794 года, Зубов в качестве едва ли не основной задачи требовал от него сокращения русских войск в Польше, одновременно ориентируя посла на необходимость укрепления новой границы России с Пруссией и разработки планов обороны Польши на случай неожиданного вторжения на ее территорию прусских войск.

В частности, в письме от 20 октября 1793 года, написанном в связи с заключением в Гродно русско-польского союзного договора, Зубов писал Игельстрему: «Трактат сей дает нам наиположительнейшие права для защиты поляков употребить, которые к тому относиться могут. Следовательно, обязываясь их защищать, не должно упускать нам из виду все то, что в подлинном случае неприязненных от Пруссии намерений может охранить Польшу, а тем самым закрыть все протяжение пределов наших»³¹.

Утверждая, что союзный трактат дает России «и повод, и право» утверждать свое влияние в Польше, Зубов поручил Игельстрему выработать план укрепления новой границы с Пруссией, подчеркнув, что тем самым будет «отвращена война от пределов российских». Игельстрему предписывалось содержать этот план «в не проницаемой никому тайне, донеже возможно будет столь благое предположение привести в действие»³².

На указания Зубова Игельстрем еще при Сиверсе ответил направлением в Петербург «Мнения об обороне Польши против Пруссии»³³ и «Мнения, каким образом из оборонительного положения перейти в наступательное»³⁴.

Переписка Зубова с Игельстремом показывает, на наш взгляд, что вплоть до конца марта 1794 года в Петербурге практически не принимали в расчет возможность дестабилизации обстановки в Польше. Внимательно отслеживая контакты Костюшко в Париже, располагая широкой информацией о составе и намерениях польской оппозиции³⁵, в российской столице, очевидно, учитывали, что после начала в марте 1793 года крестьянского восстания в Вандее, бегства в Австрию Дюмуре, чью полонофильскую линию продолжал Лебрен, опасность прямого вмешательства революционной Франции в польские дела снизилась. И действительно, члены созданного на волне этих событий Комитета общественного спасения с определенным подозрением смотрели на Костюшко и других представителей польской шляхты, сомневаясь в их республиканских убеждениях. В начале августа 1793 года Костюшко вернулся в Лейпциг, где по предложению идеолога будущего восстания Г.Коллонтая принял пост диктатора польских патриотических сил в их борьбе за возрождение Польши.

Однако и в этих условиях инерция наконец-то подписанного русско-польского союзного трактата побуждала Екатерину как бы

закрывать глаза на поступавшую из Саксонии и Франкфурта тревожную информацию. В личном письме Игельстрему от 27 февраля 1794 года она обращала внимание посла лишь на необходимость завершения переговоров между Польшей и Пруссией о заключении торгового договора и приказала финансировать поездку в Петербург очередной делегации представителей польской шляхты, имевших в виду поблагодарить императрицу за взятые ей на себя обязательства покровительства и защиты Польши³⁶.

Игельстрем также до начала марта не подавал сигналов тревоги. В депеше от 28 февраля 1794 года он информировал Екатерину о том, что во вверенных ему войсках в Польше и в Литве «все обстоит благополучно, как в самой Варшаве, так и по всем местам, где оные расположены»³⁷.

2

Поводом к восстанию послужило начавшее осуществляться Игельстремом в январе 1794 года решение гродненского сейма о разоружении и сокращении численности польской армии с 30 тысяч до 18 тысяч человек. Осуществление этой меры поставило бы под угрозу срыва планы, которые вынашивали заговорщики в Польше и Саксонии. Учитывая это, генерал Мадалиньский, командир кавалерийской бригады, давно связанный с патриотическими кругами в Варшаве и эмигрантами в Саксонии, отказался распустить свою бригаду. 12 марта он начал отводить ее в направлении новой польско-прусской границы, по дороге атаковав русский полк и прусский эскадрон. Против него были выдвинуты войска генералов Денисова и Тормасова, но Мадалиньский разбил их.

22 марта Игельстрем с помощью польских властей объявил Мадалиньского нарушителем общественного порядка и мятежником³⁸. В тот же день небольшой русский гарнизон, дислоцировавшийся в Кракове, получил приказ оставить город и направиться в сторону Радома, где находилась бригада Мадалиньского. Это решение Игельстрема имело неожиданные последствия. 24 марта 1794 года польский гарнизон и жители Кракова провозгласили подготовленный Г.Коллонтаем Акт восстания (Манифест 27 марта) и признали Т.Костюшко главнокомандующим военными силами Республики. Костюшко дал присягу, что воспользуется своей неограниченной властью только для защиты отечества, восстановления национальной независимости Польши, обеспечения всеобщих гражданских свобод.

В Акте восстания, ставшем его идеологической программой, вся ответственность за бедствия Польши, поставленной на край пропасти, возлагалась на «две соседние державы и преступления, совершенные предателями своего отечества». Главным врагом свободы

и независимости Польши, виновником ее разделов объявлялась российская императрица, сначала «объявившая себя гарантом территориальной целостности и счастья Польши, а затем отторгнувшая от нее ее территории», опираясь на кучку «предателей отечества» и действуя совместно с «клятвопреступником Фридрихом Вильгельмом II»³⁹.

Только после того как Игельстрем письмами к Зубову от 14 и 17 марта сообщил о волнениях, начавшихся в польской армии, в секретном рескрипте Игельстрему, датированном 30 марта 1794 года, Екатерина признала, что «доставленные о открывшихся недавно в Польше возмущениях сведения не оставляют больше никакого сомнения о прямой их цели и наклонности»⁴⁰. Тем не менее предложение Игельстрема об увеличении численности русского гарнизона в Варшаве было вновь отклонено под тем предлогом, что «излишними предосторожностями» можно «предать злонамеренным лишней отваги». О степени недопонимания Петербургом реальной ситуации в Польше свидетельствует и одобрение в рескрипте от 30 марта вывода гарнизона из Кракова: «Мы надеемся, что вследствие сделанных Вами распоряжений войска наши, отряженные на преследование Мадалиньского, успеют его достичь и воспрепятствовать ему войти в Краков»⁴¹.

Вместо военной помощи Игельстрему предписывалось «смотреть недреманным оком» за положением в армии и польской столице, где «дурное расположение умов по справедливости возбуждает заботу и попечение Ваше»⁴². Посланник должен был побудить короля и Постоянный совет издать универсал, в котором объявить Костюшко «возмутителем общего покоя и междоусобной брани», и предать суду Игнатия и Станислава Потоцких, Сапегу, Г. Коллонтая.

31 марта Игельстрем совместно с прусским посланником Бухгольцем направили официальные ноты польскому правительству с требованием навести порядок, однако этот совместный демарш России и Пруссии лишь еще раз показал, что рычаги воздействия на ситуацию были ими утрачены. В тот же день, 31 марта, Остерман проинформировал Разумовского о выступлении Мадалиньского и движении прусских войск к Кракову, где «объявился другой возмутитель спокойствия, некто Костюшко». Австрийцам была передана просьба принять меры для предотвращения распространения восстания на Галицию или превращения этой провинции в убежище для восставших. Вице-канцлер заявил о готовности России направить в Галицию по требованию Вены 10-тысячный корпус своих войск⁴³.

Костюшко, выступивший в конце марта из Кракова на соединение с отрядами польских войск, не желавших самораспускаться⁴⁴, соединился с бригадами генерала Мадалиньского и бригадира Манжета и, собрав под свои знамена около двух тысяч крестьян, вооруженных пиками и копьями, дал бой российским войскам под Рац-

лавицами (4 апреля). Одержанная победа воодушевила патриотов⁴⁵. Только после этого в рескриптах президенту Военной коллегии Н.И.Салтыкову Екатерина распорядилась направить дополнительные войска в распоряжение Игельстрема. «Возрастающий бунт в Польше по справедливости обращает все внимание наше, – говорилось в рескрипте от 9 апреля, – а потому находим за нужное особенно подтвердить о дальнейшем выполнении данных Вам предписаний по открывающимся обстоятельствам, Вам более известным в рассуждении ближнего нахождения Вашего к тем местам, где все то происходит»⁴⁶.

6 (17) апреля 1794 года началось восстание в Варшаве. В ночь, пришедшуюся на четверг Страстной недели, спящие русские войска в Варшаве были частично вырезаны. Численность их составляла около восьми тысяч человек, не считая батальона grenадер и эскадрона улан, расквартированных в предместье Варшавы Праге⁴⁷. Регулярные польские войска, противостоявшие им, едва насчитывали пять тысяч человек, но, учитывая всеобщий характер восстания, в ходе него погибло 2 265 солдат и офицеров русской армии, в том числе 320 гражданских служащих⁴⁸.

Причиной столь крупных потерь следует признать неготовность Игельстрема противостоять масштабным выступлениям в Варшаве, а также слабую, особенно на первом этапе варшавских событий, координацию внутри русских войск.

Сам Игельстрем после двухдневных попыток объединить остававшиеся в Варшаве русские силы едва спасся, оставив казну и архив русского посольства на улице Медовой в руках восставших⁴⁹. Прусский генерал-поручик Вольский, в расположение которого в местечке Сакрочин 7 апреля вышли русские, в донесении прусскому королю подтверждал, что «сие возмущение произведено с такой неожиданною тихостью, что с российской стороны, пока оно не открылось, ни малейшего подозрения о том не было». Офицеры польской коронной гвардии и артиллерии, «напав на российский караул при арсенале и завладев тем арсеналом и находящимися при нем пушками, ружьями и амуницией, оными как себя, так и великую толпу бунтующей черни вооружили и с яростью устремились на расположенные в разных частях города российские батальоны, которым никак нельзя было соединиться, и сколь прежде они построились, большая часть убита была картечью и произведенною из окошек пальбой»⁵⁰.

Из Варшавы в расположение прусских войск Игельстремом было выведено 2166 русских военных, из них 48 офицеров⁵¹. Интересно, что среди первых документов, направленных посланником в Петербург, было письмо Екатерине об откомандировании находившегося при нем князя Николая Зубова для «устного разъяснения всего происшедшего», а также «список отличившихся в Варшаве 6 и 7 апреля», в котором первым значился действительно мужественно и хладно-

кровно проявивший себя генерал-поручик С.Апраксин, а номером пятым шел Н.Зубов⁵².

В руках восставших остались несколько русских дипломатов, в том числе министр-резидент Аш и бывший представитель России при Тарговицкой конфедерации, посланник в Мюнхене Бюлер. 17 и 18 апреля дипкорпус в Варшаве предпринял демарш перед польскими властями, потребовав освобождения из-под ареста русских дипломатов, однако 4 мая Верховным народным советом папскому нунцию в Варшаве была направлена нота, в которой сообщалось, что этот вопрос находится в ведении самого главнокомандующего вооруженными силами Т.Костюшко⁵³. Аш и Бюлер были освобождены только в конце октября, после взятия Суворовым Варшавы.

В создавшихся условиях Екатерина сочла необходимым срочно восстановить взаимодействие с Австрией и Пруссией в польских делах. Позиция австрийцев, не предпринявших на первых порах ничего, чтобы помешать краковскому восстанию, не могла не вызывать беспокойства в Петербурге, хотя уже в середине апреля австрийский посланник в Варшаве де Каше заверил великого канцлера коронного князя Сулковского, что слухи о связях между венским двором и краковскими повстанцами не имеют под собой никакого основания⁵⁴. Дело в том, что в показаниях пристава прусских соляных копей Ф.Энгеля приводились слова Мадалиньского о том, что «у прусского короля он берет деньги, русские заплатят их своей кровью, а у цесарцев ничего не берут, потому что они себе ничего не взяли от Польши»⁵⁵.

22 апреля 1794 года Остерман следующим образом информировал Берлин о начавшемся восстании: «Ее императорское величество, которая предвидела его последствия, с первого момента предприняла все необходимые меры, для того чтобы предотвратить его дальнейшее развитие. Однако исполнение этих мер не отвечало ее намерениям. В результате страсти среди злоумышленников накалились еще больше». Констатируя, что «восстание распространяется с удивительной быстротой»⁵⁶, Остерман выразил надежду, что прусский король в силу своих обязательств по русско-прусскому союзному договору «не замедлит направить как можно более своих войск для того, чтобы взаимодействовать с войсками Ее величества по установлению порядка в Польше»⁵⁷. Фридрих-Вильгельм II в ответ на письмо Игельстрема, находившегося в распоряжении прусских войск в окрестностях Варшавы, информировал его в собственноручном письме от 6 мая 1794 года о том, что им уже отдан приказ генерал-лейтенанту Фаврату координировать свои действия с командованием русских войск⁵⁸. Через четыре дня, 10 мая, король сообщил Игельстрему, что в соответствии с переданной ему просьбой он лично выезжает в Познань, куда просил прислать русского офицера для связи⁵⁹.

Учитывая положение, в котором оказался Игельстром, Екатерина секретным рескриптом руководителю Военной коллегии Н.И.Салтыкову от 22 апреля 1794 года информировала его о том, что она «препоручила теперь главное начальство войсками в Польше генералу князю Репнину, снабдив его потребными на настоящее время наставлениями, а именно: чтобы он старался собрать detaшменты, по разным местам рассеянные, не исключая и состоящего под командованием генерал-майора Денисова, для обеспечения пределов наших, истребления мятежа, в близости оных происшедшего, очищения тыла войск, ему вверенных, и удержания Литвы в повиновении, покуда с достижением сил, от нас определяемых, не откроется удобность простерть данное оружие наше на поражение злодеев»⁶⁰.

Об изменениях настроений в Петербурге свидетельствует и секретный рескрипт Екатерины А.В.Суворову от 22 апреля 1794 года: «Граф Александр Васильевич! Известный Вам, конечно, бунтовщик Костюшко, взволновавший Польшу в отношениях своих к извергам, Франциею управляющим, и к нам из верных рук доставленных, являет злейшее намерение повсюду рассеивать бунт назло России. Некоторые предположения его насчет Польши уже и события имели, а затем в письмах своих и в тайных сношениях с пагубным французским правлением говорит, что он посредством употребляемых им мер настоятельнейше убеждает Порту, чтобы она объявилась против России и что «он уверен, что если подкрепляем будет, то перережет всех россиян в Крыму, и что он имеет даже довольное согласие пламенем истребить флот их на Черном море»⁶¹.

В связи с этим Суворову давались указания «сохранить в спокойствии и неприкосновенности южные рубежи России». В Польше в конце апреля Екатерина еще рассчитывала обойтись войсками, имевшимися в распоряжении Н.В.Репнина.

Отчасти в этом ее убеждали донесения, поступавшие от находившегося в Литве Репнина. Письмом от 8 мая 1794 года он предложил подкрепить действия русской армии в Польше реализацией старой идеи Потемкина об использовании черноморских казаков и православного населения Польши, составив из них конфедерацию под защитой России.

Отвечая на это предложение, Екатерина писала в секретном рескрипте Н.В.Репнину от 12 мая 1794 года: «В настоящем положении дел в Польше, где буйство возросло до самой вышней степени и где мы на прекращение его действуем вместе с союзником Нашим королем Прусским, трудно еще предназначить конец сих дел; а потому составление конфедерации под защиту Нашею требует большой осмотрительности, дабы не связать себя никакими затруднениями вопреки собственных интересов наших». Исходя из этого, Екатерина разрешила Репнину «употреблять всякие средства, какие покажутся удобными, к разрушению возмутителей польских. Дозволяем

вам и составление под защитой войск Наших такой конфедерации, которая объявила бы бунтовщиками всех, противу нас оружие поднявших, опровергших установленное у них, под ручательством Нашим, правление и нарушивших торжественные договоры и союзы с Нами, а через то и навлекшие крайние бедствия отечеству своему; но препоручаем особливому вашему наблюдению, чтобы в Акт сей конфедерации не вкрались никакие предосудительные пользе Нашей обязательства или постановления, а вся бы сила оного ограничивалась соединением приступающих к ней для успокоения края и истреблением в нем мятежа». Для привлечения «благонамеренных или же насилием заведенных в бунт» Репнину предлагалось обнародовать манифест, в котором, в частности, следовало ободрить поляков «противу ложных внушений возмутителя Костюшки и его единомышленников, что будто бы им никакой уже нельзя иметь надежды избавиться от крайней гибели в случае превозмочия над ними»⁶².

Между тем восстание в Литве и Белоруссии после событий в Варшаве перешло в новую стадию. 24 апреля в Вильно был обнародован Акт восстания Великого княжества Литовского⁶³. Настроения, питавшие восстание, раскрывает выдержка из допроса великого хорунжего литовского Т.Вовржецкого, проведенного в Тайной экспедиции в Петербурге после его подавления: «До конституции 3 мая не было в народе польском народной к России ненависти. Прошедшие обиды истребляла надежда, что Ее императорское величество лутче захочет иметь целую Польшу, нежели ее разделить для выгод немецких правлений». И далее: «При печальном разделении Польши (имеется в виду второй раздел. — П.С.) увяли приятные надежды»⁶⁴.

Ход и идейно-политическое содержание восстания под руководством Т.Костюшко всесторонне исследованы. Поэтому, не вдаваясь в детали, отметим лишь те стороны ситуации в Польше, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме.

После того как 7 мая в местечке Полонец Т.Костюшко был издан универсал, восстание приобрело общенародный демократический характер. Идейный манифест польского восстания предусматривал предоставление крестьянам личной свободы при условии расчета с помещиками и уплаты государственных налогов, сокращение барщины, признавал наследственное право на обрабатываемую землю. И хотя универсалом крепостное право не уничтожалось, а лишь ограничивалось, это вызвало широкое недовольство шляхты. Саботируя универсал, шляхта не выполняла его предписаний. В частности, на приказ направить в армию вооруженных рекрутов шляхта ответила посылкой негодных для работы стариков и калек. Вместо 300 тысяч человек, на которые рассчитывал Костюшко, удалось собрать всего около 70 тысяч⁶⁵.

9 мая и 28 июня народные выступления в Варшаве, руководившиеся так называемыми «польскими якобинцами»⁶⁶, ознакомились

революционным террором против лидеров Тарговицкой конфедерации. После поражения у Шеконина от соединенных сил прусского короля и армии Денисова Костюшко отошел к Варшаве. Несмотря на то что восставшим противостояли хорошо вооруженные и обученные 78-тысячная русская, 50-тысячная прусская и 4-тысячная австрийская армии, Костюшко удалось опередить их и занять Варшаву. В июле – сентябре столицу Польши безуспешно осаждали прусские войска. Однако в присоединенных к Пруссии землях Великой Польши также активизировались народные выступления. Это заставило пруссаков отступить от Варшавы.

В августе главнокомандующий русскими войсками в Польше князь Н.В.Репнин докладывал Н.И.Салтыкову о прорыве части польских повстанцев, направившихся в сторону Минска на территорию Литвы. «Дерзостное стремление сих мятежников, пустившихся в глубину наших границ, непонятно. Оно доказывает согласие с ними здешних обывателей. Понеже те мятежники никаких с собою повозок не имеют и, следовательно, пропитание находят готовое у обывателей... Здешние жители, ежели еще не бунтуют, то единственно от страха, а сколь скоро войск наших не видят, столь немедленно уже готовы приступить к бунту»⁶⁷. В сентябре Костюшко разослал «Вызов всем польской нации, служащим в российской и прусской службе», призывая соотечественников к восстанию⁶⁸.

Двинувшись за снявшими осаду Варшавы прусскими войсками, Костюшко занял город Бромберг. Вяло действовавшие австрийские войска и русский корпус под командованием генерала Ферзена были им смяты. В этих условиях Екатерина была вынуждена вызвать из Очакова А.В.Суворова, предписав ему предварительно расформировать польские полки, служившие в русской армии⁶⁹.

Быстрый марш Суворова, совершившего переход к Варшаве, где он соединился с корпусом Ферзена, а также действия Н.В.Репнина в Литве предопределили исход восстания. Несмотря на успешные вылазки партизан, общего успеха польские войска достичь не могли. К августу русские войска заняли Вильно и стали теснить поляков. Пытаясь предотвратить соединение корпуса Ферзена с армией Суворова, Костюшко дал русским войскам сражение в местечке Мацейовице 10 октября 1794 года. Это сражение закончилось полным разгромом польского войска. Костюшко был тяжело ранен, взят в плен и заключен в Петропавловскую крепость⁷⁰.

Опираясь на патриотический подъем народа, генерал Вовржецкий, избранный главнокомандующим польскими войсками, приказал своим отрядам выступить на защиту Варшавы. Туда же форсированным маршем шел Суворов.

24 октября Суворов штурмом взял укрепленное предместье Варшавы – Прагу. Известны воспоминания Н.Энгельгардта, в которых он, очевидец кровопролитных и отчаянных боев, описывает тяжелое

впечатление, которое произвели на него тысячи трупов, пливших вниз по Висле. Пражская бойня стоила плохо вооруженным польским повстанцам до 30 тысяч убитых⁷¹.

29 октября Варшава капитулировала⁷².

На предложение Станислава Августа заключить мирный трактат от Суворова последовал лаконичный ответ: «С Польшей войны нет. Я не прислан сюда министром. Я военачальник. Сокрушаю толпы мятежников»⁷³.

«По вступлении наших войск в Варшаву, – сообщал Суворов Екатерине II, – все бывшие в плену наши генералы, коим подношу список, и солдаты числом коих 1376 человек, ко мне от Магистрата представленные, имели причины радоваться не одному освобождению из неволи, но и спасению жизни: ибо известный злодейством бунтовщик Колонтай, до победы нашей над Прагой, положил в Раде всех пленных умертвить. Всех, содержащихся в темнице, разного чина поляков, коих подозревали приверженными к нашему двору, повесить. Зверское намерение сие положено было выполнить в тот самый день, как войски наши вошли в Варшаву, но вступление наших войск оное претворило. И сей лютый злодей за несколько часов пред тем ушел, похитив сто пятьдесят тысяч червонных»⁷⁴.

В качестве трофеев было взято 147 орудий. В «Окончательном журнале» Суворов констатирует спешное отступление армии Вовржецкого, брошенной командирами⁷⁵. «...Во многих местах одни знатными частями бросали оружие и разбежались, другие являлись к гонящимся их корпусам, а многие и сюда, целыми бригадами, батальонами, ескадронами и ротами, слагая оружие отпускаемы были с пашпортами в дома, так что наконец с Вовржецким не осталось более трех тысяч пятисот»⁷⁶. Согласно «Окончательному журналу», из 30 тысяч защитников Варшавы сдавшихся и отпущенных по домам было 26 729 человек⁷⁷.

Было бы неправильно не отметить, что это решение было принято А.В.Суворовым самостоятельно. В письме к Екатерине он писал: «Ваше императорское величество благосози́волили узреть из донесений моих к генералу фельтмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, что при сдаче города Варшавы на капитуляцию, принял я смелость всевысочайшемилоостивейшим именем Вашего императорского величества обещать всем покорившимся вольность и забвение всего происшедшего, что более к окончанию замешательств споспешествовало.

Относительно собрания контрибуции с Варшавы, осмеливаюся всеподданнейше донести. Сей город во время свирепствовавшего мятежа толико приведен бунтующими войсками в крайнейшее оскудение, что едва может питать себя. И хотя само незначущее количество таковой контрибуции взыскать можно, но тем более совершенно разорен будет. А в замену гораздо превосходнее пользоваться можно

доходами скарбовыми, которые, по учрежденному от стороны моей распоряжению, вступать имеют впредь в казну Вашего императорского величества»⁷⁸.

Великодушное поведение Суворова в капитулировавшей Варшаве, как и следовало ожидать, не встретило понимания в Петербурге. «Граф Суворов не нашелся по взятии Варшавы в нужных по обстоятельствам мерах. Граф П.А. (Румянцев. – П.С.), приметив то в самом начале, дал ему знать, что завоеванная столица есть принадлежность завоевателя и что потому правление долженствует быть производимо через поставляемого в городе губернатора и коменданта замка и прочее; но новый фельдмаршал⁷⁹ слишком тронут жалостью к королю, которого Вы больше всех знаете, – писал А.А.Безбородко Н.В.Репнину 25 ноября 1794 года, – и попустил его мешаться в дела. Посланы отсюда подробные наставления, которые откроют глаза заблуждающимся»⁸⁰. А.П.Румянцеву были направлены указания ввести в городе жесткий комендантский режим⁸¹.

21 ноября 1794 года Екатерина предписала Суворову обеспечить «переведение» Станислава Августа из Варшавы в Гродно «под защиту войск наших». «Присутствие его только что отягощать может сей несчастный город, лишенный многих способов к продовольствию, да и особа его не в безопасности, особливо когда крайности принудит вас или передать его прусским войскам или же предать собственному его жребию», – писала Екатерина. В случае отказа генерал-фельдмаршалу надлежало объявить королю, что переезд в Гродно должен быть осуществлен «по собственной воле» императрицы, поскольку «право оружия и завоевания налагает на него закон повиноваться беспрдельно требованиям и предположениям моим»⁸².

Одновременно Суворову поручалось передать королю ответ Екатерины на его письмо от 21 ноября (н.ст.), в котором Станислав Август писал: «Судьба Польши в ваших руках; Ваше могущество и мудрость решают ее. Какова бы ни была судьба, которую вы назначите мне лично, я не могу забыть о своем долге по отношению к моему народу, зывая за него к великодушию Вашего Императорского величества»⁸³.

«Судьба Польши, картину которой вы мне начертали, – отвечала Екатерина, – есть следствие начал разрушительных для всякого порядка и общества, почерпнутых в примере народа, который сделался добычею всех возможных крайностей и заблуждений. Не в моих силах было предупредить гибельные последствия и засыпать под ногами Польского народа бездну, выкопанную его развратителями, и в которую он наконец увлечен. Все мои заботы в этом отношении были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вероломством. Конечно, надобно ждать теперь ужаснейшего из бедствий, голода; я дам приказание на этот счет сколько возможно; это обстоятельство вместе с известиями об опасностях, которым Ваше вели-

чество подвергались среди разнузданного народа Варшавского, заставляет меня желать, чтоб ваше величество как можно скорее переехали из этого виновного города в Гродно. Ваше величество должны знать мой характер: я не могу употребить во зло моих успехов, дарованных мне благостью Провидения и правдою моего дела. Следовательно, вы можете покойно ожидать, что государственные интересы и общий интерес спокойствия решат насчет дальнейшей участи Польши»⁸⁴.

III

РУССКО-ПРУССКО-АВСТРИЙСКИЕ КОНТАКТЫ ПО ПОЛЬСКИМ ДЕЛАМ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ Т.КОСТЮШКО

1

Уже на начальном этапе восстания под руководством Т.Костюшко в Петербурге были вынуждены уделить особое внимание отношениям с Австрией, демонстративно дистанцировавшейся от России и Пруссии. Недовольство Вены умело использовалось и восставшими, объявившими, что они намерены строго уважать неприкосновенность австрийских владений в Польше. Лишь в результате введения в Польшу в апреле 1794 года дополнительного контингента прусских войск Тугут заявил А.К.Разумовскому, что Австрия не допустит, чтобы судьба Польши была отдана «в распоряжение короля Пруссии»⁸⁵.

Через две недели, 15 апреля, этот вопрос был поднят и Л.Кобенцелем в беседе с И.А.Остерманом. Австрийский посол сказал, что «император, государь его, узнав о происходящих в Польше замешательствах, указал войску своему в Галиции приблизиться к границам Польши, запретив наистрожайше иметь с бунтовщиками какие-либо сношения или поставлять им какие-либо съестные или военные припасы». При этом, однако, было добавлено, что «император надеется, что принятые с его стороны меры вкупе с распоряжениями, которые делаются Россией, будут достаточны к сокрушению бунтующих поляков». В связи с этим он просил о «недопущении прусского войска в Польшу, ибо Его величество опасается, чтобы король Прусский не воспользовался смутными тамошними обстоятельствами для получения новых приобретений»⁸⁶.

Поясняя русскую позицию, Остерман сказал, что «в силу существующих на сей случай обстоятельств не требовать от Пруссии помощи, которая тем необходимее, что, по полученным здесь сведе-

ниям, и в Литве равное буйство открылось», невозможно. При этом он добавил, что Фридрих Вильгельм II «на требование барона Игельстрема о введении войск его в Польшу неохотно поддался и оставить их в гарнизоне в Кракове отрекается по невозможности удалить их от собственных своих границ, особливо дабы тем не навлечь на себя подозрения венского двора»⁸⁷.

Однако успокоить Вену в условиях усиливавшегося русско-прусского сотрудничества в подавлении восстания Костюшко оказалось нелегко. 24 апреля 1794 года И.А.Остерман вызвал Л.Кобенцеля и, комментируя состоявшийся за четыре дня до этого обмен секретными нотами между Веной и Петербургом, официально заявил, что императрица «имеет твердые намерения способствовать видам своего австрийского союзника к награждению убытков, настоящей войной ему причиненных». Столь расплывчатые заверения явно не удовлетворили посла, выразившего недоумение в связи с тем, что в русском ответе на австрийскую ноту ничего не было сказано о возможной помощи России Австрии в случае ее войны с Пруссией.

Остерман ответил, что ввиду острой ситуации в Польше «сейчас не время высказывать взаимные обиды». Фактический отказ Петербурга письменно оформить взаимопонимание с Австрией на случай дальнейшего осложнения ситуации в Польше и выдвижения Пруссией новых территориальных претензий в отношении ее он объяснил «сложностями отправления курьеров в условиях войны», а также прямым указанием императрицы, «не велевшей класть на бумагу даже цифры субсидий, предназначавшихся Австрией и Пруссией для продолжения военных действий против Франции»⁸⁸.

Информируя Разумовского о своих контактах с Кобенцелем, Остерман подчеркнул, что «сейчас польское восстание выглядит совершенно иначе, чем в начале. Как бы ни было значительно число российских войск в Польше, их недостаточно для его подавления, если оно станет всеобщим... Отсюда – необходимость того, чтобы Пруссия разделила и поддержала усилия императрицы». Одновременно он поручил послу сообщить Тугуту о том, что «при окончательном решении польских дел» императрица обещает «не только действовать согласно своим собственным интересам, но постоянно иметь в виду желания своего союзника... Одним словом, ничего не будет ни определено, ни устроено в этом отношении иначе как на самом дружеском и совершенном согласии с императорским венским двором»⁸⁹.

Еще более откровенно была изложена позиция России в приложенной к письму Остермана Разумовскому копии секретной ноты, переданной австрийскому послу в Петербурге 24 апреля: «Ее императорское величество высказывает свое полное одобрение видам на проекты компенсации, которую ее августейший союзник хочет получить после полного удовлетворения всех происходящих волне-

ний». Со ссылкой на переданную 27 февраля 1794 года Л.Кобенцелем просьбу Вены о получении такой компенсации в Польше в ноте подчеркивались «самые торжественные обязательства» России «употребить все способы» к ее обеспечению с оговоркой лишь в отношении «физических и материальных обстоятельств, в которых будут находиться дела в этот момент»⁹⁰.

В ответ в середине июля Л.Кобенцель подтвердил желание Франца II действовать в польском вопросе заодно с Россией как в политическом, так и в военном отношении.

А.А.Безбородко в депеше Разумовскому от 11 (22) июля 1794 года, выразив удовлетворение подобной позицией Австрии, подчеркнул: «Наступило время, когда три пограничные Двора должны принять на себя заботу не только потушить до последней искры огонь, возгоревший в соседнем очаге, но также препятствовать тому, чтобы он когда-либо вновь не возгорелся из пепла». Со ссылкой на желание императрицы Безбородко предлагал, чтобы австрийский посол в Петербурге был снабжен инструкциями и полномочиями для проведения переговоров относительно дальнейшей судьбы Польши⁹¹.

Положительная реакция Франца II и Тугута на это предложение последовала незамедлительно. Вместе с тем Тугут в беседе с Разумовским поставил неперемнным условием участия Австрии в новом разделе Польши приобретение города Кракова с окрестностями, незадолго до этого занятого прусским военным контингентом, действовавшим против войск Т.Костюшко. Одновременно Тугут, вынужденный держать в поле зрения и вопрос об Австрийских Нидерландах, высказался за тесную координацию русско-австрийской политики в Польше с Англией, которую в Вене рассматривали в качестве державы, в наибольшей степени заинтересованной в поддержании в Европе политического равновесия и ограничении прусских амбиций⁹².

В тяжелейшей ситуации, сложившейся в Европе в связи с поражениями Австрии и Пруссии в войне против революционной Франции, в Петербурге оказались восприимчивыми к доводам Тугута относительно налаживания русско-английских отношений. Все лето и осень 1794 года продолжались переговоры с английским послом в Петербурге Витвортом, завершившиеся заключением через год оборонительного союза между Россией и Англией. Их затяжной характер объясняется, в первую очередь, тем, что русские представители последовательно отказывались принимать непосредственное участие в антифранцузской коалиции, ссылаясь на опасность, сохраняющуюся для России со стороны Швеции и Османской империи. (Разумеется, подобные заявления звучат неубедительно. К этому времени к приводившимся выше причинам нежелания Екатерины связываться в антифранцузскую коалицию добавились и трудности, вызванные восстанием Т.Костюшко.) В ответ Витворт заявлял, что

«сама система союзов с Великобританией поможет России сдержать обе эти державы»⁹³.

Непросто складывались и контакты русской дипломатии с новым прусским посланником в Петербурге графом Тауенцином (в конце августа Гольц был отозван из Петербурга)⁹⁴. В беседе с Остерманом 8 сентября 1794 года Тауенцин сказал, что «вследствие принесенного его двору посредством пребывающего в Берлине здешнего министра Алопеуса внушения по польским делам получил он с прибывшим к нему курьером повеление изъяснить здесь признательность Государя своего за сделанные ему откровения и сообщить, что он снабжен полномочиями вступить в переговоры по означенному предмету»⁹⁵. На это Остерман, однако, ответил, что предложения начать переговоры по польским делам были направлены в Берлин «еще до отступления от Варшавы Его прусского величества, о котором Ее императорское величество тем более с сожалением узнать изволила, что, по мнению Ея, завладение оным городом скорее могло бы споспешествовать к утишению предъявленного от Его величества бунта в новоприобретенных его провинциях». Объяснения Тауенцина в том смысле, что прусский король «нашел возмущение в новых своих областях столь важным, что не мог обойтись, чтобы не отступить», были оставлены Остерманом без комментариев⁹⁶.

В целом можно констатировать, что решение Фридриха Вильгельма о неожиданном снятии осады Варшавы, поставившее Россию в крайне сложное положение, стало основной причиной того, что русско-австрийские контакты по третьему разделу приняли упреждающий характер. Недовольство Петербурга умело подогревалось австрийской дипломатией, постоянно подбрасывавшей Разумовскому и Остерману «конфиденциальную» информацию о корыстных целях прусской политики в Польше и Франции и даже пытавшейся дезавуировать находившихся на русской дипломатической службе иностранцев, в частности, принца Нассау-Зигена, обвиняя их в тайных сношениях с прусским королем.

В развернутом виде основные положения австрийской позиции по польским делам были изложены в инструкциях Тугута Л.Кобенцелю от 11 сентября 1794 года. Констатируя в традиционном для австрийской дипломатии духе, что участие в разделах Польши для Вены не более чем «печальная необходимость», Тугут шел чуть дальше Кауница в объяснении мотивов действий венского двора в польских делах, отмечая, что любое территориальное расширение за счет Польши в принципе более выгодно для России и Пруссии, чем для Австрии. Средством «нивелировки» интересов трех держав – участниц нового раздела, который, кстати, признавался Тугутом неизбежным, он считал принцип, разработанный еще в 1772 году Н.И.Паниным и состоявший в том, что все территориальные приобретения Австрии, Пруссии и России должны быть «равны по внут-

ренному их достоинству». Поскольку же обеспечить это, по мнению Тугута, было в сложившихся условиях практически невозможно, то Россия и Пруссия должны были признать за Австрией право на преимущественную территориальную компенсацию «за неисчислимые жертвы, приносимые Австрией общему делу» в войне против Франции.

Характерно, что уже на этом, раннем этапе подготовки третьего раздела Тугут определил размеры австрийской доли польских территорий. Проведенная им демаркационная линия начиналась от прусской границы, в районе Галиции, и продолжалась до реки Пилица, следуя дальше по правому ее берегу до впадения в Вислу, и по этой реке – до впадения в нее реки Западный Буг, откуда по Бугу до его слияния с рекой Нарев. Подчеркивалось, что город Краков ни при каких условиях не мог отойти к Пруссии.

Понимая, что до начала переговоров в тройственном формате Екатерина не возьмет на себя обязательство гарантировать территориальные компенсации Австрии «за счет Франции или в другом каком-либо месте», Тугут поставил условием соглашения о новом разделе подписание двустороннего секретного и сепаратного документа, в котором Россия обязалась бы «всеми силами содействовать достижению этой цели».

О готовности Австрии принять участие в окончательном разделе Польши свидетельствовало и то обстоятельство, что в инструкции Кобенцелю Тугут согласился с предложением посла о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши 1793 года. Секретное соглашение с Россией он предполагал оформить по образцу союза 1781 года посредством обмена собственноручными письмами между Екатериной II и Францем II⁹⁷.

2

Участившиеся встречи Кобенцеля с российским вице-канцлером вызвали беспокойство нового прусского посланника. На встрече с Остерманом 28 сентября Тауенцин поинтересовался, не получил ли Кобенцель полномочий «вступить здесь в негоциации по делам польским». Вице-канцлер вынужден был подтвердить это, спросив, уполномочен ли сам Тауенцин вступить в переговоры с австрийским послом⁹⁸. 6 октября Тауенцин проинформировал Остермана, что получил из Берлина полномочия вступить в переговоры с Австрией и Россией по польским делам, однако на просьбу изложить требования Пруссии, мотивированную тем, что это «воспособствовало бы успеху переговоров» и «послужило бы к сокрытию от посторонних преждевременных о сей негоциации сведений», Тауенцин ответил в том смысле, что о прусских условиях он скажет при начале переговоров⁹⁹. Лишь 9 октября прусский посол передал Остерману пере-

чень прусских требований, в который входили Краковское и Сандомирское воеводства¹⁰⁰.

Для понимания дальнейшей эволюции русской позиции по третьему разделу весьма важны указания И.А.Остермана А.К.Разумовскому от 8 октября 1794 года¹⁰¹. Как представляется, выраженное в них Остерманом (со ссылкой на мнение императрицы) согласие с австрийской точкой зрения относительно целесообразности оставить Польшу независимым государством, которое играло бы роль буфера между Россией и Пруссией, было обусловлено имевшимся в тот момент в Петербурге пониманием остроты австро-прусских противоречий по вопросу о судьбе Кракова и Сандомира. Вместе с тем, начиная традиционный для русской дипломатии маневр между Веной и Берлином, Остерман в ходе обсуждения дальнейшей судьбы Польши подчеркнул, что, «поскольку мы имеем дело с тенденцией, управлять которой выше человеческих сил, то осторожность и здравый смысл заставляет подчиниться ей»¹⁰².

Российскому послу в Вене предписывалось заявить следующее: «Ея императорское величество смело может воззвать как к своей собственной совести, так и лиц, достаточно знакомых с ходом дел, чтобы утверждать, что, только подчиняясь этой же самой необходимости, она согласилась на предыдущие два раздела Польши. Венский двор лучше чем кто бы то ни было знает, какие обстоятельства вынудили Россию участвовать в первом из этих разделов. Будучи занятой продолжительной и тяжкою войной против Порты, Россия располагала только этим средством для окончания войны и только благодаря ему оказалось возможным избежать другого, непосредственно ей грозившего военного конфликта»¹⁰³. Что же касается второго раздела, то в силу того, что он совершился лишь за год до этого, в Петербурге «сочли излишним» вновь разяснять мотивы своих действий венскому кабинету.

Перейдя затем к анализу принципов, которые, по его мнению, должны были быть положены в основу нового раздела Польши, И.А.Остерман прямо указал на «ошибочность утверждений» Австрии о том, что в основу двух предыдущих разделов был положен принцип «полнейшего равенства (держав. – *П.С.*), соответствующего могуществу каждой из них». «Напротив, – отмечал он, – весьма значительно отступали от этого начала и притом во вред России, в особенности если к этому принципу прибавить другой, по которому равные доли требуют равных ставок». Конкретизируя эту мысль, вице-канцлер подчеркнул, что, хотя Россия вынесла на своих плечах всю тяжесть военных и политических мер по умиротворению Польши, Австрия получила по первому разделу долю, вдвое превосходящую по своей реальной ценности долю России.

Существенное значение имела и высказанная Остерманом точка зрения о том, что при окончательном разделе Польши, который

«признан тремя державами как единственное средство потушить дух возмущения и неподчинения, достигший в этой стране своего крайнего выражения», новые границы трех держав – России, Австрии и Пруссии – «должны быть естественны, точны и определены», то есть проходить, по возможности, по рекам и возвышенностям. Этим в Петербурге ясно давали понять, что считают чрезмерными территориальные претензии Австрии. По мнению Остермана, естественная граница между Австрией и Россией должна была проходить по реке Буг.

Из содержания инструкций Остермана от 8 октября следовало, что Россия выступала за безотлагательное достижение соглашения между Австрией и Пруссией относительно окончательного раздела Польши ввиду продолжавшихся смут в Речи Посполитой и неясности позиции Турции и Швеции, которые могли вмешаться в польские дела. В этом контексте Остерман призвал Вену умерить свои территориальные притязания с тем, чтобы не антагонизировать Пруссию, которая, по его мнению, «наверно не согласится даже на такие требования Австрии, которые Россия признает совершенно основательными». Подчеркнув необходимость немедленного достижения согласия между Россией и Австрией по польским делам, Остерман взял на себя обязательства содействовать принятию Берлином австрийских предложений в случае, если они будут сделаны в более умеренной форме¹⁰⁴.

Оценивая этот документ, Ф.Ф.Мартенс отмечал умелое использование Екатериной «непримиримого антагонизма между Австрией и Пруссией для того, чтобы предписывать и той, и другой свою волю, и заставить их идти по пути, предначертанному ею». Важно и его замечание о том, что при осуществлении подобной политики императрица «постоянно старалась вселить в них убеждение, что они действуют совершенно самостоятельно и согласно с их собственными интересами»¹⁰⁵.

В сопроводительном письме А.К.Разумовскому послу прямо предписывалось поддерживать у австрийских дипломатов опасение, что императрица и в этот раз, как и во время второго раздела Польши, обойдется без Австрии. «Хотя это опасение и не имеет основания, все-таки не мешайте его поддерживать в Тугуте, – говорилось в инструкциях, – с целью вывести его из свойственной ему нерешительности и сделать его более уступчивым».

Для характеристики методов действий екатерининской дипломатии в период третьего раздела важно и то, что при проведении подобной линии Разумовскому предписывалось действовать не в его официальном качестве, а как бы по собственной инициативе, используя личные связи и влияние, которое он приобрел в Вене¹⁰⁶. Вполне очевидно, что в интересах скорейшего достижения взаимопонимания с Австрией Екатерина сделала ставку на антипруссские взгляды

А.К.Разумовского, которые тот не только не скрывал, но и афишировал в беседах со своими австрийскими коллегами¹⁰⁷.

Не менее характерно и то, что в отношении Пруссии в Петербурге проводилась существенно иная линия. Когда 20 октября Тауенцин, сославшись на то, что Англия не выплатила Пруссии обещанные субсидии, сообщил Остерману об отзывании из Австрии действовавшего в рамках антифранцузской коалиции 20-тысячного прусского вспомогательного войска «для участия в успокоении взбунтовавшихся польских провинций», то Остерман ограничился выражением «прискорбия» в связи с «удалением прусских войск от содействия против Франции». Отметив, что это сообщение будет неприятно императрице, «особливо когда по разбитию Костюшки и взятию его в полон не настоят уже и надобности в столь знатном умножении войска против Польши», Остерман напомнил Тауенцину, что «когда настояло дело о разделе Польши, были они (поляки. – П.С.) столь не согласны на уступление земель Его прусскому величеству, что предлагали предаться совершенно Ее императорскому величеству и совокупить против него свои силы с Ея войском, а в таком случае Его величество, конечно, не получил бы доставшейся ему части; но государыня императрица, свято наблюдая долг дружбы и союза, на таковые лстивые предложения поляков поступить не изволила»¹⁰⁸.

В тот же день Остерман уведомил австрийского посла о своей беседе с Тауенцином (через тосканского министра барона Зедлера, поскольку сам Кобенцель был болен), а 23 октября, беседуя на этот раз с самим Кобенцелем, вновь призвал Пруссию присоединиться к антифранцузской коалиции, заявив, что сейчас нужно «отложить всякую безвременную зависть о приобретениях и удовлетворении убытков, о которых до покорения неприятеля, кажется, и помышлять бы не следовало»¹⁰⁹.

Подобным образом русско-пруско-австрийские дипломатические контакты по польским делам продолжались до тех пор, пока А.В.Суворовым не была взята Варшава. 23 ноября Тауенцин, со ссылкой на поручение короля, заявил, что он, «известясь о завладении российскими войсками Варшавой и одержанных многих побед над польскими мятежниками, указал остановить поход 20 тысяч человек войска, которые от Рейна шли на Польшу, надеясь, что Ее императорское величество с удовольствием о сем узнать изволит»¹¹⁰.

Одновременно, в конце ноября, и Тугут наконец-то заявил А.К.Разумовскому, что Австрия выражает готовность немедленно начать прямые переговоры по новому разделу Польши.

Документы российских архивов и опубликованная частная и дипломатическая корреспонденция лиц, входивших в окружение

Екатерины II, позволяють с достаточной степенью достоверности утверждать, что вплоть до начала русско-прусско-австрийских переговоров в тройственном формате, то есть до ноября 1794 года, в Петербурге не было окончательно сформировавшейся позиции относительно предстоявшего раздела.

В письме русскому послу в Лондоне С.Р.Воронцову, датированном маем 1794 года, А.А.Безбородко писал: «Мы еще не решили, что будет с Польшею, и разные идут о том толки. Например, Кобенцель и Витворт говорят, чтобы нам, утеша мятеж, оставить Поляков жить и устроиться, как хотят, довольствуясь только спокойно нашим новым приобретением. Пруссаки помышляют о новом разделе, как мы видим из перлюстрации самой секретнейшей. У них разные мнения: одни говорят, чтобы разделить все по пристойности, ничего между собой не оставляя, хотя и будет непосредственное соседство, для того, что ежели останется между нами *une lisiere* (разделительная полоса. – П.С.), то мы, конечно, преимущественнее там будем владеть, поставив, может быть, еще и владельца своего дома... Другие полагают такую *lisiere* выгодной для удаления шиканов (раздоров. – П.С.), по соседству бываемых, а оба (и те и другие. – П.С.) не хотят, чтобы императору (австрийскому императору Францу II. – П.С.) что-нибудь досталось.

Мне кажется, что для нас первое сходней, потому что нельзя никак и думать, чтобы Польша была спокойной и надежной. Второе, Пруссаков нам бояться нет причины, если мы свою часть возьмем по пропорции такой же, как и последний раз; и третье, что границы тут с ними будут в таком положении, что их укрепить весьма легко, затрудняя вход и без того неудобный; по торговле же с ними и шиканов не случится, ибо тут даже дороги непроезжимые. Я заключаю, что ежели мы возьмем себе Курляндию с Семигалией, остальную часть Литвы, часть Хельмского воеводства с остатком Волыни, получая таким образом два новые порта Либау и Виндау, города Вильно, Ковно, Гродно, Белый-Шток, Брест, Владимир и Хельм, то мы и сильны, и безопасны будем»¹¹¹. И несколькими строками ниже: «Потом, считаю я, когда, не уничтожая Польского имени и бытия, надобно будет удовольствоваться какой-нибудь заменою убытков, тогда, отлагая попечение о Курляндии, ограничить себя направлением (исправлением. – П.С.) границ в Литве и присоединением остальной части Волынии, а королю Прусскому получить только некоторые места из Мазовии, коих он и давно желает»¹¹².

В письме С.Р.Воронцову от 15 июля 1794 года Безбородко уже более конкретен: «в польских делах есть два варианта», однако для того чтобы «оставить Польшу в прежнем состоянии, потребуются большие средства и большое войско». Кроме того, «семя якобинское столько утвердилось в поляках, что нельзя оставлять их неразделенными под наблюдением государей, которые сами в том заинтере-

сованы»¹¹³. И далее: «Короля Прусского самые сокровенные мысли знаем мы Вам известным средством. Он желает удовлетворения, но хочет, чтобы мы первые вызвались, закинув в письме к Ея величеству, чтоб советовать и изъясняться о предохранении себя впредь от подобных беспокойств»¹¹⁴.

Переписка Безбородко с С.Р.Воронцовым отражает, на наш взгляд, весьма неординарную ситуацию, которая сложилась в ближайшем окружении Екатерины накануне третьего раздела. Крупные просчеты, допущенные на начальном этапе восстания Т.Костюшко, поколебали позиции П.А.Зубова и А.И.Моркова. Безбородко свидетельствовал, что только «разбитие detaшмента генерала-майора Тормасова Костюшкою... начало немного открывать глаза»¹¹⁵. Серьезно пострадал в глазах Екатерины и авторитет ее посла в Варшаве. «Вы не поверите, какой конфузией наполнены Игельштромовы донесения, – писал Безбородко своему другу в Лондон. – Что знает, то из рапортов прусских и Новицкого. Игельштром потерял голову и просится прочь»¹¹⁶. Сообщая далее о том, что «государыне угодно было, чтобы я вошел в распоряжения; и теперь все дела начали идти с Советом вместе, а самые секретные и времени не терпящие через нас троих вместе, разумея графа Салтыкова, графа Зубова и меня»¹¹⁷.

Сама императрица, судя по всему, придерживалась весной – осенью 1794 года той же тактики, что и накануне второго раздела, не раскрывая свои планы даже наиболее доверенным сотрудникам. В этих условиях А.И.Морков, явно пытаясь восстановить свое пошатнувшееся положение, «подговаривал» императрицу, «себе не взяв ничего», не упускать возможности составить союз с Польшей и пустить ее на Пруссию, чтобы, отняв у нее земли, «сию шальную республику усилить»¹¹⁸, – свидетельствовал все тот же наблюдательный Безбородко.

То же стремление угодить, «подладиться к временным затеям там, где дело идет о пользе или вреде государства»¹¹⁹, прослеживается в письмах П.С.Потемкина Зубову из Варшавы, где он находился летом – осенью 1794 года. Сообщая, что поляки, «повинуясь военному токмо начальству победоносных войск Великой Екатерины, ожидают на коленях жребия своего от победительной монархини», племянник Потемкина особо выделял вновь открыто высказывавшееся в кругах шляхты «желание иметь королем себе Его высочество великого князя Константина Павловича»¹²⁰.

Называя среди польских вельмож, выступавших за возведение на польский престол русского великого князя, И.Потоцкого, П.С.Потемкин отмечает, что в этом в Польше видят единственную альтернативу окончательному разделу страны, «о чем слух в Варшаве давно происходит, причем всего более Варшаву трогает жребием достаться королю Прусскому, которого ненавидят до крайности»¹²¹. Учитывая

это, он, вслед за А.И.Морковым, предлагал, используя «общее расположение польских умов», возбудить их «на пруссаков и кажется возможно произвести паки инзюрекцию в полуденной части Пруссии, то есть в той, которую до раздела называли Великой Польшей»¹²².

Только к ноябрю 1794 года, после завершения предварительных переговоров Остермана с Тауенцином и Кобенцелем, позиция Петербурга по польским делам приобретает более или менее ясные очертания. Об этом свидетельствует подготовленная в это время записка Безбородко Екатерине, озаглавленная «Мнение графа Безбородко о делах польских 1794 года»¹²³. Однако и в этом важном, на наш взгляд, документе рассматривалось два варианта раздела Польши – полный и частичный. Отметив, что «всеобщий мятеж, в Польше прошедший, открывает нам многие истины: первую, что нельзя положиться на верность поляков, потому что всякие с ними постановления непрочны. Вторую, что из всех соседей наипаче к нам питают они сильнейшую и непримиримую ненависть. Третью, что вредные французские правила во многих головах польских толь сильно укоренены, что при всяком удобном случае они непременно искать станут на сих началах основать свое правление», Безбородко сделал вывод о предпочтительности и даже неизбежности полного раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией¹²⁴. Не сомневаясь в том, что Пруссия примет активное участие в полном разделе, он считал подключение к нему венского двора не только необходимым, но и возможным при условии, если Вене будут обещаны «остатки воеводства Краковского, воеводства Сандомирское, Люблинское и часть Хелмского»¹²⁵. В качестве дополнительного аргумента в переговорах с Веной Безбородко предлагал сделать «наисильнейшие уверения о прочности союза нашего с распространением оного на случай всякой войны на основании секретного артикула»¹²⁶.

«Надобно желать, чтобы король Прусский или по поводу письма от Вашего императорского величества, с графом Линденау писанного, или по первым шагам венского двора вызвался сообщить нам свои мысли и притязания, – говорилось в «Мнении». – Тут и представит удобным открыто сказать взаимно наши предположения. Два главные правила должны быть наблюдаемы: первое, чтобы венский двор принял, как выше сказано, участие в новом разделе. Второе, чтобы часть наша была соразмерна во взаимном отношении одной монархии к другой»¹²⁷.

Русско-прусскую границу Безбородко обозначил следующим образом: «Взять угол, в котором лежит Паланген, а затем по таковой между настоящею прусскою и Самогитию до реки Немана, потом сей рекою вверх ее, приобретая в нашу сторону города, на Немане лежащие, Ковно и Гродно. От сего последнего по речке Свислочи или прямейшей линией по пределам воеводства Новгородского и

Брестского, на пункты на реке Буг и, наконец, вверх по сей реке, разрезывая воеводство Хелмское до угла, где оно смежно с Галицией и остатком Волыни, которая в российское вступает владение»¹²⁸.

Отдельно им был выделен вопрос о Курляндии, которая должны была быть превращена или в «герцогство, состоящее под верховной властью всероссийских императоров, или же как российская провинция с сохранением своих привилегий, уважения прав тамошнего дворянства»¹²⁹.

Перечисляя преимущества полного раздела Польши, Безбородко писал, что «наша часть» составит более двух тысяч квадратных немецких миль, в то время как доли Австрии и Пруссии – от восьмисот до восьмисот пятидесяти. Кроме того, «получим мы знатное число народа греческого исповедания, в унию обращенного и, конечно, легко имеющего возвратиться в соединение с нашей церковью при одинаком языке, выгоды, которых другие наши соседи не имеют. Город Вильно торговый, богатый и многолюдный, да и другие изрядные города умножат торговое обращение»¹³⁰.

Во втором варианте Безбородко предлагал сохранить Польшу в качестве самостоятельного, но зависимого от России государства, «если уж необходимо ей существовать»¹³¹. Высказывая свое мнение о государственном устройстве Польши, он считал необходимым вернуться «к той форме правления, которая существовала при Саксонской династии», перенести королевскую резиденцию из Варшавы в Брест или в Гродно, включить в готовившуюся генеральную амнистию деятелей Тарговицкой конфедерации, принявших участие в восстании Костюшко, однако исключить из-под амнистии самого Костюшко, а также Мокрановского, Огинского, Потоцкого, Коллонта и ряд других деятелей восстания. В случае сохранения Польши в качестве буфера между Россией, с одной стороны, и Пруссией и Австрией – с другой, Безбородко рекомендовал ограничить приобретения России присоединением Курляндии¹³².

Вполне очевидно, что «Мнение» Безбородко, при всей его важности, содержало лишь отдельные элементы позиции России по третьему разделу, оставляя открытым главный вопрос – о существовании польского государства. По всей видимости, определиться в нем предполагалось в зависимости от того, какой оборот примут переговоры с Австрией и Пруссией. 25 ноября 1794 года А.А.Безбородко в письме Н.В.Репнину, как бы подводя итог дискуссий, проходивших в Петербурге, писал: «Намерение у нас взято: начать конференции, и кто податливее окажется, с тем прежде заключить конвенцию»¹³³.

IV

**ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕТЕРБУРГСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ
О ТРЕТЬЕМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ.
ПОДПИСАНИЕ РУССКО-АВСТРИЙСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ
23 ДЕКАБРЯ 1794 ГОДА**

1

В начале декабря 1794 года в Петербурге прошли отдельные переговоры российских уполномоченных вице-канцлера И.А.Остермана и членов Коллегии иностранных дел А.А.Безбородко и А.И.Моркова с австрийским послом Л.Кобенцелем и прусским посланником Тауенцином.

4 декабря состоялась первая отдельная конференция российских уполномоченных с Л.Кобенцелем. Заявив, что император «полностью присоединяется к новым мерам, которые Ее императорское величество только что предложила ему в отношении Польши»¹³⁴, австрийский посол прочитал вслух депешу Тугута от 19 ноября, в которой было объявлено о согласии Франца II принять реку Буг за границу с Россией. Одновременно с австрийской стороны самым категорическим образом было заявлено, что она ни в коем случае не откажется от своих претензий на город Краков.

В ответ на это А.И.Остерман заявил Кобенцелю, что «границы, которые его двор наметил для своих новых приобретений в Польше, не вызовут никаких трудностей с российской стороны, поскольку они проходят по реке Буг»¹³⁵. Что же касается прусского короля, то поскольку и в Петербурге, и в Вене известно, что он «твердо решил включить в свою долю Краков с окрестностями и кроме того претендует на часть территории, простирающейся между Бугом и Вислой до слияния этих рек»¹³⁶, следует ожидать резкой оппозиции со стороны Пруссии.

Реагируя на это заявление, Кобенцель подчеркнул, что Австрии «будет абсолютно невозможно отказаться от Кракова, поскольку только обладание этим городом и его окрестностями позволит прикрыть важные соляные копи в Величке, а также обеспечить свободное сообщение между Моравией и Галицией»¹³⁷. С русской стороны внимание австрийского посла было обращено на то, что в Берлине также «находят, что границы Силезии вследствие предложенной австрийским двором демаркации будут открыты».

В ходе завязавшейся дискуссии Кобенцель отметил, что, поскольку прусский король уже обладает крепостью в Ченстохове, то он «вполне может защитить свои владения». Кроме того, посол напомнил, что Фридрих Вильгельм II уже и сам не раз признавал важ-

ность Кракова для Австрии, заявив, в частности, при занятии этого города, что он размещает в нем гарнизон лишь на временной основе, чтобы не создавать проблем в отношениях с Веной¹³⁸. Остерман поставил под сомнение этот аргумент посла, заметив, что, делая подобные заявления при занятии Кракова, прусский король считал, что этот город останется польским. В настоящее же время он настолько обеспокоен ситуацией, складывающейся в Кракове и Сандомире, что во второй раз остановил свой корпус, повернувший было к Рейну, более того – отдал новый приказ вернуть его, для того чтобы «осуществить свои проекты в Польше».

Бесплодность дальнейшего обсуждения вопроса о Кракове и Сандомире подчеркнуло заявление Кобенцеля о том, что он не может позволить себе ни малейшего отступления от имеющихся у него инструкций¹³⁹. На просьбу посла помочь убедить Берлин в оправданности позиции Вены ему были даны соответствующие обещания, сопровождавшиеся, впрочем, советом начать прямые переговоры с прусскими представителями в Петербурге и Берлине.

Одновременно русские уполномоченные попытались дать понять австрийскому послу, что в случае гибкой позиции Вены по вопросу о передаче Пруссии польских территорий между Бугом и Вислой, действительно важных для обеспечения безопасности новых владений Пруссии, можно было бы в принципе рассчитывать на ответные шаги со стороны Берлина¹⁴⁰.

В заключение конференции при обсуждении вопроса о форме, которую нужно будет придать соглашению о разделе, Кобенцель, с учетом сохранявшейся чувствительности австрийцев в вопросе об альтернате, предложил действовать так же, как «при недавнем заключении торгового договора» между Австрией и Россией: совместная декларация, сопровождаемая манифестом, который ратифицировали бы монархи двух держав¹⁴¹. С русской стороны возражений не последовало.

В целом итоги первой конференции с Кобенцелем показали, что российские уполномоченные были намерены строго выдерживать определенную Екатериной тактику активного использования австро-пруссских противоречий в интересах скорейшего достижения соглашения. В рамках этой тактики Остерманом с самого начала был поставлен вопрос о подписании одновременно с отдельной конвенцией документа о «других двусторонних сепаратных обязательствах». Речь, разумеется, шла о старом предложении Вены дополнить русско-австрийский союз статьей о взаимной помощи в случае нападения Пруссии на Австрию. На этом этапе Кобенцель активно подыгрывал линии русских дипломатов, заявляя о готовности подписать новый отдельный договор непосредственно с Россией, без Пруссии.

Оправданность подобной тактики выяснилась уже в ходе первой конференции российских уполномоченных с прусским посланни-

ком Тауенцином, состоявшейся 5 декабря. На их заявление о том, что после вчерашней встречи с австрийским послом они видят «непреодолимые трудности» в том, что касается Кракова и Сandomира¹⁴², Тауенцин ответил в том смысле, что у Вены нет сколько-нибудь серьезных оснований претендовать на эти территории, поскольку непосредственное участие Пруссии в подавлении польских волнений и занятия ее войсками Кракова «само по себе обеспечивает ее право и несомненные преимущества»¹⁴³. Спокойно выслушав повторенные русскими дипломатами аргументы Кобенцеля относительно стратегической важности передачи Кракова и Сandomира Австрии, Тауенцин ответил, что эти территории «будут иметь бесконечно более угрожающий характер в руках австрийцев в связи с тем, что границы Прусской Силезии в этом случае останутся практически открытыми»¹⁴⁴. Столь же решительно были отмечены прусским посланником доводы Остермана о необходимости предоставить компенсацию Австрии, не участвовавшей во втором разделе Польши¹⁴⁵. Отметив, что австрийцы «сами виноваты» в том, что утратили свои завоевания во Франции, Тауенцин напомнил русским представителям, что прусские предложения отвечают выдвинутому ими же самими принципу проведения новых границ Польши по рекам, поскольку в случае принятия прусских предложений австрийские и прусские владения будут разделены Вислой.

Далее Тауенцин по просьбе русских дипломатов продемонстрировал по принесенной им с собой карте границы территориальных претензий Пруссии в Польше. Черта, которой они были помечены, начиналась, охватывая два палатината – Краков и Сandomир, – и, продолжаясь далее к Висле до ее слияния с Наревом, шла вдоль этой реки, оставляя Белосток на правой стороне и продолжаясь почти прямой линией к Гродно и реке Неман. Далее демаркационная линия проходила вдоль Немана до того места, где начиналась граница Восточной Пруссии. Здесь она отклонялась, для того чтобы охватить значительную часть Самогитии до реки Виндавы и до побережья Балтики¹⁴⁶.

«Поскольку эта демаркационная линия, не придерживаясь в качестве границы реки Наревы, не охватывала значительную часть Мазовии и Подляхии, которые оба двора были готовы предоставить в распоряжение прусского короля, – говорилось в протоколе конференции с Тауенцином от 5 декабря, – то уполномоченные обратили внимание графа Тауенцина на то, что это обстоятельство давало возможность компенсировать королю жертву Кракова и Сandomира»¹⁴⁷. Тауенцин в жесткой форме указал на неравнозначность такого обмена, говоря, что «в предлагаемых ему землях больше леса, чем жителей»¹⁴⁸.

Указав на неправомерность подобных утверждений, поскольку, в частности, Подляшье обеспечивало основные потребности Польши

в животноводстве, русские дипломаты предъявили Тауенцину карту, на которой были отмечены польские территории, включенные Россией в свою долю. Неприятным сюрпризом для Тауенцина оказалось, что Россия претендовала на ту же часть Самогитии, которая была отмечена на прусской карте как часть претензий Берлина. Однако на его заявление о том, что подобная конфигурация границы «практически сводит прусские владения к нулю»¹⁴⁹, было отвечено, что в качестве компенсации Пруссия получает Варшаву. Тауенцин заметил, что при новом положении вещей «Варшава, несомненно, бесконечно потеряет в ее прежнем блеске»¹⁵⁰.

Еще более обострило обстановку переговоров прозвучавшее с русской стороны заявление о том, что раздел Самогитии значительно затруднял бы сообщения между морским побережьем Курляндии и остальной частью герцогства¹⁵¹. На это Тауенцин с удивлением спросил, входит ли в намерение императрицы присоединить Курляндское герцогство к Российской империи? Подтвердив это, Остерман аргументировал подобную позицию тем, что прежние феодальные связи Курляндии с Польшей утратят силу после полного раздела Речи Посполитой, вследствие чего подобный шаг «был бы вполне естественным»¹⁵². На это Тауенцин лишь заметил, что в русско-прусских переговорах речь никогда не заходила о Курляндии.

Однако, оправившись от удивления, прусский посланник заявил, что в случае присоединения Курляндии к России в Берлине вправе ожидать, что в Петербурге помогут ему в переговорах с Веной по Кракову и Сандомиру, уравнивая тем самым доли трех держав по окончательному разделу Польши¹⁵³. На это Тауенцину, как и прежде Кобенцелю, было рекомендовано попытаться прийти к соглашению по вопросу о Кракове и Сандомире в ходе прямых контактов с австрийскими дипломатами. Тауенцин согласился провести отдельную встречу с австрийским послом, хотя и выразил крайний пессимизм относительно ее результата. Вместе с тем он фактически отверг на этом этапе добрые услуги с русской стороны, предложившей сразу же провести переговоры в тройственном формате. В завершение конференции прусский посланник просил назначить следующую встречу с русскими представителями на 7 декабря, обещая проинформировать их о результатах своих переговоров с Кобенцелем.

Параллельно с началом русско-прусско-австрийских переговоров в Петербурге прусская дипломатия, в соответствии со своим испытанным методом «давления по всему полю», передала Алопеусу в Берлине ноту, в которой говорилось, что «поскольку венский двор продолжает чинить трудности в отношении доли, которая предназначена берлинскому, то Пруссия предпочла бы оставить в силе порядок вещей в том виде, в котором он был выработан в 1793 году Петербургской конвенцией, не прибегая к новому разделу Польши»¹⁵⁴. Для усиления эффекта Тауенцин сразу же после своей первой

конференции с русскими уполномоченными направил копию этой ноты в Коллегию иностранных дел.

С учетом этого перед новыми переговорами с Тауенцином, состоявшимися 7 декабря, с русской стороны ему был подготовлен «встречный сюрприз». Когда прусский посланник поинтересовался, скоро ли он получит ответ на переданную им ноту, ему было заявлено, что поскольку ни к какому соглашению в Петербурге, судя по всему, прийти не удастся из-за позиции австрийского и прусского послов, то формальный ответ на прусскую ноту будет передан через российского министра Алопеуса в Берлине¹⁵⁵. Тауенцин, заявивший до этого, что он «не может похвалиться дружественным приемом, который он встретил у Кобенцеля»¹⁵⁶, вынужден был сменить тон. Вернувшись к обсуждавшемуся на прежней встрече вопросу о Самогитии, он предложил обменять «согласие Берлина на присоединение Курляндии к России на часть Самогитии, претензии на которую были заявлены Пруссией»¹⁵⁷. Остерман, однако, прямо ответил, что в этом случае прусская граница проходила бы слишком близко – в 60 верстах – от Риги, через которую осуществлялась значительная часть русской торговли на Балтике.

Поскольку эти аргументы произвели впечатление на Тауенцина, он выдвинул новую идею, предложив, чтобы в состав прусских владений был включен и город Ковно, входивший в долю России. На это ему было сказано, что, поскольку Ковно находится на правом берегу Немана, не может быть и речи о включении его в прусскую долю¹⁵⁸.

Однако главную свою «домашнюю заготовку» Тауенцин огласил в конце конференции, оговорившись, что делает это по собственной инициативе, не будучи уполномочен своим двором. Пруссия, по словам посланника, готова была взять на себя обязательство не возводить между Моравией и Галицией до Вислы никаких укрепленных пунктов и крепостей при том понимании, что Краков останется «в своем нынешнем состоянии», то есть во владении Пруссии.

Остерман, подчеркнувший, что русские представители хотели бы закончить конференцию на позитивной ноте, охарактеризовал это предложение Тауенцина как «шаг вперед». Вместе с тем он заметил, что проблема Кракова и Сандомира имеет не только военно-стратегический, но и финансовый аспект, поскольку передача Кракова Пруссии нанесет финансовый ущерб интересам Австрии. Тауенцин, повторив, что считает полюбовное соглашение с Австрией по Кракову и Сандомиру нереальным, тем не менее принял предложение русской стороны о проведении на следующий день, 8 декабря, конференции в тройственном формате.

Открывая первую совместную русско-австрийскую конференцию, Остерман сразу же определил в качестве основного вопроса

задачу преодоления прусско-австрийских противоречий по Кракову и Сандомиру. Кобенцель и Тауенцин, повторив ранее излагавшиеся ими позиции, констатировали полную невозможность уступок в этом вопросе. При этом австрийский посол заявил, что, по мнению Вены, в основу третьего раздела должен быть положен принцип, в соответствии с которым «каждый из его участников расширил бы свои территории со стороны собственных границ и не внедрялся в границы соседей»¹⁵⁹. Это предложение австрийского посла Тауенцин парировал, сославшись как на общепризнанный на принцип проведения границ по рекам¹⁶⁰.

Ф.Ф.Мартенс, проанализировавший ход тройственной конференции 8 декабря, обоснованно отмечает, что русские дипломаты «с первого же момента открыто взяли сторону австрийского посла, замечая, что Австрия не приняла участия во втором разделе и воевала с французскими бунтовщиками в надежде получить впоследствии следуемые ей вознаграждения. В ответ на это замечание прусский уполномоченный с жаром воскликнул: «Да, но это вознаграждение не должно быть сделано за счет Пруссии!» Гр. Кобенцель совершенно хладнокровно возразил на это: «Нисколько, единственно за счет Польши»¹⁶¹. После этого Тауенцин, явно пытаясь вбить клин между русскими и австрийскими представителями, предложил, чтобы австрийская доля была расширена за счет России, которая получает Курляндию. Кобенцель, однако, ответил, что Австрия не заинтересована в расширении за счет российской доли, так как не хочет переходить границу реки Буг. Русские уполномоченные напомнили прусскому послу, что доля Пруссии по второму и третьему разделам значительно превосходила австрийскую. При этом Остерман подчеркнул, что в ходе первого и второго разделов действовал принцип соразмерности доли каждой державы – участницы с ее мощью. С учетом этого обстоятельства в Берлине не должны быть недовольны¹⁶².

Вместе с тем, явно не желая ставить конференцию на грань срыва, русские дипломаты заявили, что договоренности по разделу должны служить укреплению союза Австрии, Пруссии и России и в целом системы, которая «единственно может помешать дезорганизации Европы в результате французских событий». К концу переговоров Тауенцин, чувствующий себя явно некомфортно перед лицом русско-австрийского натиска, совершил серьезный промах, крикнув Кобенцелю: «Эти две провинции в ваших руках сделают нам больше зла, чем демократы всего мира»¹⁶³. При этом он вскочил со своего стула и, обежав вокруг стола, за которым сидели уполномоченные, направился к карте Польши и, указав на нее, спросил, не может ли Россия уступить, по крайней мере, небольшую часть Самогитии вдоль границы с Восточной Пруссией, поскольку это абсолютно необходимо для обеспечения ее безопасности¹⁶⁴. На это Остерман ответил, что если речь идет о небольших ректификациях границы, соответ-

ствующие договоренности могут быть достигнуты через пограничных комиссаров.

Судя по всему, это изменило к лучшему атмосферу переговоров, поскольку в ходе них удалось договориться и по небольшой части русской доли вдоль прусской границы вблизи реки Свислочь в Новгородской губернии и о передаче Пруссии небольшого анклава около Бреста, который Тауенцин просил включить в прусскую долю¹⁶⁵. Тем не менее по вопросу о Кракове и Сандомире не было достигнуто никакого прогресса.

Вследствие этого русские уполномоченные выразили сожаление о невозможности сблизить позиции Австрии и Пруссии и предложили оставить вопрос о Кракове открытым¹⁶⁶. При этом, однако, было добавлено, что, «поскольку между двумя императорскими дворами установилось полное согласие относительно предстоящего раздела, они были бы счастливы, если бы Его прусское величество направил бы столь же приятные известия императрице»¹⁶⁷.

Тауенцин, судя по всему, сразу же понявший, что его предупреждают о возможности отдельного соглашения Австрии и России по новому разделу Польши, тем не менее вновь заявил об абсолютной невозможности изменить прусскую позицию, добавив к этому и то, что вопрос о присоединении Курляндии к России явился абсолютной неожиданностью для Пруссии.

«После длительной и утомительной дискуссии конференция подошла к концу, не достигнув намеченной цели»¹⁶⁸, – такими словами завершается протокол русско-прусско-австрийских переговоров 8 декабря.

13 декабря 1794 года Остерман направил Алопеусу утвержденный императрицей ответ на прусскую ноту, переданную в Берлине и Петербурге. Относительно главного – прусского предложения «не прибегать к новому разделу» – в письме Остермана было сказано, что «Ее императорское величество не может не видеть, что это предложение полностью совпадает с ее собственными желаниями, осуществление которых, однако, невозможно, поскольку в силу определенного положения вещей, часто создающегося в независимости от нашей воли и наших интересов, мы должны действовать определенным образом»¹⁶⁹. Подробно остановившись затем на событиях в Польше после второго раздела, Остерман сделал вывод о том, что в создавшихся обстоятельствах «только полный раздел Польши мог бы обеспечить спокойствие соседних держав, и никакого другого варианта решения этого вопроса не существует, тем более что он был решен с согласия берлинского двора»¹⁷⁰. Обратив внимание на то, что раздел должен способствовать поддержанию военно-политического равновесия между его участниками, Остерман не преминул напомнить Пруссии о ее деструктивном поведении в период европейского кризиса 1790 – 1791 годов.

По существу главного вопроса, поднятого в прусской ноте, Остерманом было сказано, что Австрия, не приняв участия во втором разделе Польше, пошла на «большую жертву» в отношении Берлина и Петербурга, что позволило сохранить Польшу в качестве буфера между ними. Однако, поскольку «раздел, о котором идет речь в настоящее время, является со всех точек зрения продолжением или, скорее, необходимой консолидацией предыдущего, то справедливость требует, чтобы венский двор принял в нем участие настолько непропорциональное, насколько это позволяют обстоятельства; и уж конечно доля, которую он требует, ни в коей мере не преступает принцип наибольшей умеренности, которую можно было бы ожидать от нее»¹⁷¹.

Относительно русской доли по третьему разделу в ноте было подтверждено, что «она не является следствием нынешнего момента или сложившихся обстоятельств, но результатом 30-летних трудов и огромных затрат всякого рода, в то время как выгоды, которые уже приобрели и еще приобретут Пруссия и Австрия, достаются им совершенно без всяких затрат с их стороны».

И далее: «Право завоевания, которое пытаются применить к Краковскому и Сандомирскому воеводствам, более чем щедро компенсировано предложением Ее императорского величества частей других провинций, которые она предложила Его прусскому величеству, для того чтобы увеличить предназначающуюся ему долю»¹⁷². Давая Алопеусу указания использовать все свое влияние в Берлине, чтобы способствовать ускорению соглашения о третьем разделе, Екатерина и Остерман не остановились даже перед обещанием «использовать все средства, имеющиеся в распоряжении России», для того чтобы, после того как польский кризис будет преодолен, «перейти к активному участию в антифранцузской коалиции»¹⁷³.

3

Думается, Ф.Ф.Мартенс не преувеличивал, когда констатировал, что конференция 8 декабря 1794 года «решила судьбу Польши»¹⁷⁴. Фактический провал тройственных переговоров показал, что на данном этапе договоренность по польским делам возможна только между Россией и Австрией. В этих условиях Екатерина, даже не дожидаясь ответа на фактический ультиматум Пруссии, направленный ей Алопеусом 13 декабря, пошла на подписание 23 декабря 1794 года с Австрией четырех документов: «Акта приступления Его величества императора Римского к конвенции от 12 (23) января 1793 года», подписанного австрийским послом в Петербурге Кобенцелем, «Акта принятия Их превосходительствами уполномоченными Императрицы Всероссийской Акта приступления Его величества императора Римского», подписанного И.А.Остерманом, А.А.Безбородко и

А.И.Морковым, а также «Декларации относящейся до третьего раздела Польши» и «Секретной декларации относительно союза между Россией и Австрией»¹⁷⁵.

Существенно, что первый из этих документов предусматривал «приступление» Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши лишь «настолько, насколько она касается непосредственных интересов обоих Императорских дворов, обмена Баварии на Нидерланды и приобретений, сделанных на основании этой конвенции Российским Императорским двором, которому одному Его Императорское Величество гарантирует формальным и торжественным образом упомянутые приобретения, пока Берлинский двор, со своей стороны, не приступит к соглашению обоих Императорских дворов относительно нового раздела Польши»¹⁷⁶. Акт «принятия», переданный Кобенцелем русскими уполномоченными, был составлен заметно осторожнее. Гарантировав Австрии «все, что в конвенции 12 (23) января 1793 года касается интересов Его Римского Императорского Величества», русские дипломаты уклонились от увязки этих обязательств с участием Пруссии в третьем разделе.

Согласно русско-австрийской декларации о третьем разделе к Австрии отошли земли между реками Пилицей, Вислой и Бугом, то есть воеводства Краковское, Сандомирское, Люблинское и части Мазовецкого, Подляшского, Хелмского и Брест-Литовского. Новая граница России была определена по рекам Бугу (до Немирова, далее по прямой линии до Гродно) и Неману. В тексте декларации было четко зафиксировано то обстоятельство, что инициатива «совершенного раздела» Польши исходила от Австрии и Пруссии. Что касается России, то, «узнав об этом образе мыслей и находя его совершенно согласным со своими соображениями, Ее Величество Императрица Всероссийская решилась условиться сперва с каждым из двух вышеупомянутых высоких союзников отдельно, а потом с обоими вместе о точном определении соответственных частей, которые им достанутся по их общему соглашению»¹⁷⁷.

Одновременно по настоянию России статья 4 декларации предоставляла Пруссии возможность присоединиться к ней в будущем, причем Россия и Австрия «изъявляли согласие на присоединение остальной части Польши к Прусской монархии»¹⁷⁸.

Русско-австрийская союзная декларация предусматривала распространение на Пруссию секретной статьи, относящейся к Турции, русско-австрийского Петербургского союзного договора от 3 (14) июля 1792 года. В случае нападения Пруссии на одну из договаривающихся сторон другая обязывалась немедленно прийти на помощь.

Разумеется, взятое Россией на себя обязательство действовать совместно с Австрией против Пруссии в большей степени отвечало интересам Вены, поскольку Краков, объявленный владением Авст-

рии, по состоянию на конец 1794 года находился в руках прусской армии, не проявлявшей никаких признаков готовности добровольно передать его австрийцам. В этой связи возникает естественный, на наш взгляд, вопрос о причинах, побудивших Екатерину пойти на столь рискованный шаг.

Учитывая ее удивительную способность уверенно ориентироваться в сложнейших перипетиях европейской политики, трудно согласиться с устоявшимся в историографии польских разделов мнением, что, ставя Берлин перед лицом свершившихся фактов, Екатерина была уверена в том, что Пруссия рано или поздно присоединится к австро-русским договоренностям о третьем разделе Польши. К тому же, несмотря на то, что обеими сторонами были предприняты строжайшие меры для сохранения союзной декларации в тайне (по настоянию Франца II она была составлена в форме обмена собственноручными письмами), по самому существу достигнутой договоренности рано или поздно нужно было информировать Берлин, и реакция его оставалась непредсказуемой. Но если в Петербурге действительно оценивали возможность войны с Пруссией как реальную, то как совместить с этим огромную работу, проделанную российской дипломатией, для того чтобы консолидировать антифранцузскую коалицию, не дать Пруссии выйти из ее рядов?

Мотивацию действий Екатерины в определенной мере проясняют, на наш взгляд, зафиксированные в декларации русско-австрийские договоренности на случай «новой общей войны двух Императорских дворов против Оттоманской Порты». Исходя из них, Франц II подтверждал в соответствии с «содержанием собственноручной переписки» Иосифа II и Екатерины II свою готовность содействовать тому, чтобы «вполне исполнен был план, предусматривающий, насколько позволят обстоятельства, чтобы, в частности, Молдавия, Валахия и Бессарабия навсегда были бы отделены от Турецкой империи и возведены в независимые государства, а также на вечные времена предоставлены были Князю или Княгине Российской Императорской фамилии и их потомству обоего пола»¹⁷⁹. Принципиально важно, что в этом контексте в декларации делается ссылка на обмен письмами между Иосифом II и Екатериной II от 10 сентября и 13 ноября 1782 года, в которых был изложен так называемый Греческий проект.

Со своей стороны, Екатерина «обязывалась содействовать всеми средствами к тому, чтобы земли, упомянутые в вышеприведенном письме Его императорского величества от 13 ноября 1782 года, навсегда были бы отделены от Турецкой империи и присоединены к Австрийской монархии»¹⁸⁰. В этой связи уместно вспомнить, что еще немецкий историк Зибель связывал упорный отказ Екатерины в 1792 – 1796 годах направить русскую армию на Рейн с ее планами относительно Турции. На наш взгляд, содержание секретной союз-

ной декларации между Россией и Австрией от 23 декабря 1794 года дает веские основания для подобного вывода.

Характерно, что и после достижения договоренностей с Австрией¹⁸¹ Екатерина продолжала уклоняться от направления русских войск для участия в военных действиях против Франции, начатых германскими государствами, мотивируя это тем, что пока не решен польский вопрос и Пруссия не присоединилась к русско-австрийским актам от 23 декабря 1794 года, она должна была поддерживать готовность как на случай возможной войны с Пруссией, так и волнений в новоприсоединенных польских областях. В заключенном в феврале 1795 года союзном договоре с Англией Россия брала на себя обязательство оказать военную помощь коалиции только после нормализации русско-прусских отношений. В то же время в Петербурге продолжали выплачивать Вене ежегодные субсидии в размере 400 тысяч рублей в силу конвенции 1792 года.

Подписание Пруссией в апреле 1795 года Базельского мирного договора с Францией серьезно изменило расстановку сил в Европе. Как свидетельствует депеша Остермана Разумовскому от 23 апреля 1795 года, в этот период в Петербурге серьезно опасались того, чтобы Пруссия не выступила, как в 1790 – 1791 годах, организатором анти-русской коалиции в составе Пруссии, Швеции, Турции и Франции. «Энергично и деятельно сражаться с Пруссией, – писал вице-канцлер, – и придерживать Порту или препятствовать тому, чтобы она наступательно действовала против обоих императорских дворов, значит непосредственным и действительным образом служить делу Англии против французских бунтовщиков»¹⁸².

Подобная позиция, однако, не могла, по понятным соображениям, удовлетворить ни Вену, ни Лондон. Австрийская и английская дипломатия постоянно доказывала необходимость участия России в военных действиях на стороне коалиции, подчеркивая, что судьба Европы находится в руках российской императрицы¹⁸³. Подобное давление заметно усилилось, после того как Австрия заключила союзный трактат с Англией в мае 1795 года.

В целом, анализ политики Екатерины II во французском вопросе в период формирования второй коалиции подводит к выводу о том, что, искренне желая восстановления монархии во Франции, она вместе с тем четко видела несовпадение геостратегических интересов России и западноевропейских стран в условиях фактически начавшегося передела сфер влияния на континенте. Ярко иллюстрирует это, в частности, позиция, занятая российской императрицей после смерти Людовика XVI. Она немедленно признала графа Прованского, старшего брата покойного короля, и посоветовала Вене и Лондону поступить аналогичным образом. В депеше Разумовскому от 12 июля 1795 года Безбородко доказывал огромное политическое значение провозглашения графа Прованского королем Франции¹⁸⁴.

Однако Тугут придерживался иной точки зрения, доказывая, что, пока у графа Прованского нет значительного числа сторонников во Франции, провозглашение его королем совершенно бесполезно. Комментируя высказывания Тугута, А.К.Разумовский ясно видел их практическую подоплеку: в Вене опасались того, что, признав права графа Прованского на французский престол, союзники вместе с тем как бы обяжутся уступить ему все земли, которые они могли бы завоевать во Франции¹⁸⁵. Спустя некоторое время венский кабинет все же уступил давлению России и вступил в переговоры с Лондоном относительно признания Людовика XVIII. Однако официального согласия Вены на это все же не последовало.

И, тем не менее, вряд ли можно отрицать, что политика Екатерины в европейских делах позволяла ей фактически направлять формирование и действия второй антифранцузской коалиции, оставаясь арбитром в разногласиях, возникавших между ее участниками. Мнение Екатерины обычно имело решающее значение не только для Вены, но и для Лондона.

Этот уровень взаимопонимания в треугольнике Петербург – Вена – Лондон отразило подписание 17 (28) сентября 1795 года русско-австро-английской декларации о тройном союзе, в основу которой был положен австро-английский союзный трактат от 20 мая 1795 года¹⁸⁶.

V

ВТОРОЙ ЭТАП ПЕТЕРБУРГСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РАЗДЕЛА ПОЛЬШИ

1

Об оформлении русско-австрийских договоренностей относительно третьего раздела Польши австрийский и русский посланники в Берлине официально проинформировали Пруссию лишь в конце июля 1795 года. Подобная тактика могла быть избрана только самой Екатериной. До конца марта Кобенцель по просьбе Остермана не направлял в Вену подписанные в Петербурге тексты трех русско-австрийских документов, ссылаясь на то, что императрица ожидала отчета от Алопеуса относительно новых демаршей, которые ему было поручено произвести в Берлине с тем, чтобы побудить Пруссию, реально контролировавшую после подавления восстания Т.Костюшко значительную часть Речи Посполитой, принять участие в разделе и продолжить военные действия против Франции.

Существенно, что до начала февраля тональность этих демаршей была вполне взвешенной. В Петербурге явно надеялись на позитивные подвижки в позиции Пруссии. В частности, в письме Алопеусу от 29 декабря 1794 года Остерман одобрил «полное молчание», которым тот обошел поступившее в Берлин известие о вводе прусских войск в Варшаву. Оценив это, по всей видимости, как признак вызревающей готовности Берлина тихо, без потери лица, согласиться с предложенной Россией и Австрией схемой раздела, вице-канцлер рекомендовал Алопеусу вести себя так же и впредь, если не поступит других указаний¹⁸⁷.

Первые сигналы тревоги из Петербурга прозвучали в начале февраля 1795 года, когда начали поступать сообщения о тайных прусско-французских переговорах в Швейцарии. «Действия прусского короля, – писал Алопеус Остерману 8 февраля, – создают впечатление, что он ввязывается в ситуацию, которая не только не делает чести его доброму имени, но и может навлечь очень большие беды на его монархию»¹⁸⁸. Вместе с тем и на этом этапе в Петербурге, видимо, сохранялись иллюзии возможности остановить процесс выхода Пруссии из первой коалиции. Расчет при этом, как и прежде, делался на прямые контакты российского посланника с Фридрихом Вильгельмом II, поскольку, как говорилось в ответной депеше Остермана, «его министерство не всегда полностью доводит до его сведения информацию, поступающую из Петербурга».

Напомнив Алопеусу, что ему известна «природа обязательств прусского короля в отношении держав – участниц коалиции и самой императрицы в силу конвенции 12 (23) января 1793 года», Остерман писал: «То, как действовала прусская армия, и, наконец, начатые королем переговоры о мире слишком открыто нарушили эти обязательства, чтобы не возбудить самое живое и самое заслуженное возмущение подобным поведением. Только в силу присущей ей деликатности императрица не потребовала от него исполнения договоров, заключенных с ней во всей силе, на что имела полное право»¹⁸⁹.

В связи с этим в личной беседе с королем Алопеусу поручалось подчеркнуть, что «Ее императорское величество придает самое большое значение строгому соблюдению вышеуказанной конвенции, особенно в том, что касается активного и эффективного сотрудничества Пруссии в нынешней войне». Далее, называя вещи своими именами, Остерман заявил, что «в сепаратном мире с французскими цареубийцами» Россия увидит «явное нарушение самых священных обязательств» Пруссии¹⁹⁰.

Особенно характерна для настроений, преобладавших в Петербурге зимой 1795 года, концовка депеши от 8 февраля, в которой вице-канцлер, как бы сетуя Алопеусу на коварство Пруссии, писал: «Конвенция была подписана в январе, договор в Гродно – в октябре, а в первой половине ноября берлинский двор заявил, что не может

продолжать войну без субсидий... Кто поверит, что, заключая бессрочное и столь важное обязательство, Пруссия не могла правильно рассчитать свои средства в течение года?»¹⁹¹

В этих условиях созыв новой конференции российских уполномоченных с австрийским послом и прусским посланником 21 февраля 1795 года трудно оценивать иначе, чем свидетельство возраставших в российской столице сомнений в правильности избранной в отношении Берлина тактики. Решение о созыве новой конференции в тройственном формате Остерман объяснил на ее открытии тем, что ответ, поступивший из Вены относительно вопроса о Кракове и Сандомире, был абсолютно негативен. Выступивший затем Кобенцель вновь заявил, что без двух этих воеводств «любое другое приобретение в Польше не имеет никакой цены в глазах австрийского императора»¹⁹². На это Тауенцин изложил уже хорошо известную участникам конференции позицию Пруссии в вопросе о Кракове и Сандомире, подчеркнув, что менять ее он не может, так как у него «связаны руки» инструкциями короля.

Смысл дальнейших дискуссий, временами, правда, превращавшихся в открытые препирательства между прусским и австрийским дипломатами, сводился уже, скорее, к поиску стратегического баланса между Австрией, Россией и Пруссией в условиях полностью уничтоженной Польши, чем к обсуждению «взаимных выгод и преимуществ». При этом российские представители, высказывавшиеся в унисон с Кобенцелем, напоминали Тауенцину, что во время второго раздела было условлено компенсировать Австрию, если она не добьется «вознаграждения в другом месте»¹⁹³.

Единственным новым аргументом, прозвучавшим на конференции 21 февраля, явилась высказанная Остерманом готовность России выступить гарантом окончательного раздела Польши при его практическом осуществлении¹⁹⁴. В целом, однако, февральская встреча в тройственном формате была, скорее, контрпродуктивна, поскольку, не сообщив прусскому посланнику в ходе официальной встречи об актах, подписанных 23 декабря 1794 года, российские дипломаты и Кобенцель, по существу, подготовили почву для дальнейшего осложнения своих отношений с Пруссией.

Видимо, понимая это, Екатерина дала Остерману указания детально проинформировать Алопеуса о ходе конференции 21 февраля. Интересно, что в письме посланнику в Берлине от 27 февраля вице-канцлер назвал в качестве причины созыва конференции в тройственном формате то обстоятельство, что «берлинский двор уклонился от обсуждения вопросов, поставленных в депеше от 13 декабря 1794 года»¹⁹⁵. С учетом этого было решено свести еще раз австрийского и прусского дипломатов в Петербурге, причем, как отмечал Остерман, «наша роль на этой конференции по необходимости должна была заключаться, скорее, в примирении, чем в участии в

качестве одной из заинтересованных сторон, поскольку все, что касается интересов нашего двора, было урегулировано ранее и согласовано с полномочными двух других дворов»¹⁹⁶.

Важно и то, что при изложении хода конференции 21 февраля Остерман подчеркивал, что «австрийский посол требовал признания равенства прав своего двора в отношении итогов предыдущего раздела»¹⁹⁷. Причем характеризуя далее ход переговоров, Остерман туманно отмечал, что, поскольку «объект дискуссии не давал возможности использовать принцип компенсации, было решено опираться на принципы права и естественной справедливости»¹⁹⁸.

Подобное развитие событий побудило Петербург выступить с инициативой ускорения передачи в Берлин официального сообщения о состоявшихся в декабре русско-австрийских договоренностях по третьему разделу. Текст сообщения, которое должен был сделать Алопеус в Берлине, был направлен Остерманом Разумовскому при депеше от 23 апреля 1795 года. В ней вице-канцлер не преминул еще раз констатировать «непобедимое упрямство берлинского двора». Российскому послу в Вене поручалось согласовать подготовленный в Петербурге текст с австрийским кабинетом и просить немедленно снабдить соответствующими инструкциями посла в Берлине князя Реусса¹⁹⁹.

2 марта 1795 года в Петербурге состоялся обмен ратификационными грамотами трех русско-австрийских актов, подписанных 23 декабря (3 января). Было условлено, что Берлин будет проинформирован об их содержании сначала через австрийского посла князя Реусса, а затем, после того как будет ясна реакция Пруссии, в Петербурге дадут соответствующие инструкции Алопеусу²⁰⁰.

Планы эти, однако, были нарушены подписанием Базельского мира. 18 апреля 1795 года Остерман, пригласив к себе Кобенцеля, объявил ему, что Тауенцин только что получил из Берлина трактат, заключенный между Пруссией и Францией, просив при этом держать это сообщение в тайне. Однако императрица, «признавая несовместными с обязательствами своими скрывать таковое до общих интересов касающееся дело от союзника своего», приказала немедленно информировать австрийского посла, причем Кобенцелю был показан и сам текст договора, и полученные из Берлина и от Тауенцина ноты²⁰¹.

В адресованном Алопеусу сопроводительном письме Остермана от 23 апреля 1795 года излагались мотивы, которыми руководствовалась императрица при подписании русско-австрийских документов от 23 декабря (3 января). Интересно, что при этом Пруссии напоминалось, что ее участие в подавлении восстания Костюшко не могло быть использовано в качестве предлога для обоснования своих прав на Краков и Сандомир, поскольку было продиктовано не только стремлением нормализовать обстановку, возбужденную революци-

онным сеймом 1788 года, но и стремлением обеспечить собственный «прямой и ближайший интерес»²⁰². Однако вследствие того, что прусский король не смог понять «всей очевидности изложенных ему аргументов», а также принимая во внимание «зыбкую ситуацию в Польше, которая каждый день чревата опасностью нового взрыва едва погашенного бунта», Екатерина приняла решение подписать русско-австрийскую декларацию, которая недавно была ратифицирована обоими дворами. Прусский двор приглашался принять участие в окончательном разделе Польши²⁰³.

Заключение Базельского мира, произведшее в Вене сенсацию не меньшую, чем в Петербурге, побудило, однако, Вену действовать в вопросе об информировании Берлина с особой осторожностью. Тугут долго медлил с принятием этого решения, полагая, и не без основания, что сообщение о предоставлении Австрии Кракова с окрестностями могло спровоцировать Берлин на немедленное выступление против Австрии. В этих условиях австрийское правительство сочло необходимым подтянуть войска к польским границам в Богемии, одновременно удерживая свой воинский контингент на Волыни, введенный в ходе подавления восстания Т.Костюшко несмотря на неоднократные просьбы Разумовского отвести его за Буг²⁰⁴. В беседах с Разумовским Тугут доказывал необходимость проинформировать Пруссию о состоявшемся разделе Польши без ее участия только после того, как между Россией и Австрией будет согласован план совместных военных действий против Берлина, если тот решится начать войну.

Разумовский пытался разубедить Тугута и показать ему беспочвенность его опасений, уверяя, что Фридрих Вильгельм II «не похож на своего великого дядю Фридриха II» и вряд ли проявит в создавшейся ситуации решимость действовать столь же бескомпромиссно. Однако, учитывая настоятельные просьбы канцлера, Разумовский запросил новых инструкций из Петербурга, отложив до их прибытия отправление Алопеусу адресованной ему депеши от 23 апреля²⁰⁵.

Императрица не без некоторых колебаний («взвесив все мотивы венского двора») поддержала своего посла в Вене, предписав ему, однако, продолжать убеждать австрийское правительство в необходимости скорейшего подключения Пруссии к разделу путем «полюбовного» решения вопроса о Кракове и Сандомире. Одновременно она поручила Разумовскому проинформировать Вену о том, что с российской стороны принимаются необходимые меры для того, чтобы парализовать возможные наступательные действия Пруссии в Польше²⁰⁶.

Однако нарастание антипруских настроений в Вене делало австрийцев все менее восприимчивыми к аргументам, излагавшимся с российской стороны. 25 мая 1795 года Кобенцель проинформировал Остермана о том, что пруссаки препятствуют австрийской армии

перейти через Рейн. Остерман в ответ на просьбу оказать соответствующее воздействие на Берлин сказал, что от этого «нельзя теперь ожидать пользы, доколе польские дела окончательно урегулированы не будут, которых, как он, граф Кобенцель, чаятельно сам согласится, главною причиною являются короля прусского недоброжелательные подвиги»²⁰⁷. Через неделю, 3 июня, Кобенцель официально проинформировал российского вице-канцлера о комплексе мер, предпринимавшихся Тугутом с целью нейтрализации негативных для Австрии последствий Базельского мира через дипломатические представительства Австрии в Германской империи и ведущих европейских столицах. В этой связи Тугут просил Остермана «обождать объявлением двору берлинскому о заключенной между обеими империями конвенции по делам польским»²⁰⁸. В результате в июне – начале июля 1795 года в Петербурге были заняты урегулированием до предела накалившихся отношений между Австрией и Пруссией²⁰⁹.

Характерно, однако, что действия русской дипломатии в Берлине в этот период не носили активного характера. В связи с заключением Базельского мира в Петербурге ограничились выражением недовольства прусскому министру Гаугвицу тем, что Пруссия заключила «сепаратный мир с французами, без того чтобы предупредить своих союзников и согласовать с ними такие действия»²¹⁰. В середине июня Фридрих Вильгельм II и Екатерина II обменялись личными письмами, причем императрица, призывая короля к окончательному урегулированию польских дел, заметила, что конкретные решения на этот счет «уже были и будут еще предложены с ее стороны». В связи с тем, что Тауенцин понял эти слова как намек на возможность пересмотра российской позиции по вопросу о судьбе Кракова и Сандомира, Остерман был вынужден ориентировать Алопеуса в депеше от 19 июня 1795 года о том, что слова императрицы следует интерпретировать только как еще один призыв к Пруссии занять единственно верную позицию²¹¹.

Только во второй половине июля, спустя шесть с половиной месяцев после подписания русско-австрийских актов о разделе, Тугут заявил, наконец, о готовности проинформировать Берлин о состоявшемся соглашении. 22 июля (2 августа) из Вены были отправлены соответствующие инструкции Алопеусу и австрийскому послу князю Реуссу.

«Комбинированный демарш» русской и австрийской дипломатии произвел шоковое впечатление на Фридриха Вильгельма II²¹². Алопеус серьезно опасался войны. Однако в личном письме к Екатерине от 15 августа 1795 года прусский король, как и предсказывал Разумовский, проинформировал ее о своем решении возобновить в Петербурге переговоры по польскому вопросу. Реальные возможности для их успешного окончания открывали обозначившиеся признаки возможного согласия Берлина на передачу Австрии Краков-

ского и Сандомирского воеводств при условии, что Пруссии будет уступлена восточная часть Краковского воеводства, считавшаяся в Берлине необходимой для обеспечения безопасности Силезии.

2

Во второй половине августа в Петербурге возобновились переговоры в тройственном формате. В инструкциях Л.Кобенцелю от 8 августа 1795 года Тугут, вновь посетовав на нарушение принципа полного равенства и соразмерности приобретений трех держав, согласился предложить Берлину предместье Варшавы Прагу с «небольшой прилегающей территорией», если она: 1) навсегда откажется от своих претензий на Краковское и Сандомирское воеводства; 2) удовлетворится уступкой незначительной части Мазовии, границы которой должны быть точно определены; 3) обяжется под гарантией России относиться впредь совершенно пассивно к войне против Франции и вывести свои войска с территории Германской империи; 4) ввиду такого «великодушия» Франц II выразил надежду, что российская императрица немедленно по окончании польского вопроса направит 40-тысячный вспомогательный русский корпус на Рейн для участия в военных действиях против Франции²¹³.

20 августа в Петербурге состоялась очередная конференция российских представителей с Кобенцелем и Тауенцином. Договоренность о ее проведении была достигнута на встрече русских представителей с прусским посланником 17 августа. Начиная переговоры, Тауенцин показал Кобенцелю на принесенной им с собой карте новую демаркационную линию прусских приобретений. Как ни странно, но несмотря на полуофициальные заявления и намеки, делавшиеся накануне конференции с прусской стороны, в прусскую долю по разделу вновь был включен Краков с окрестностями.

Кобенцель, крайне удивленный таким оборотом дела, указал на выступ в районе Ладомерии, заявив, что он может быть использован Пруссией как плацдарм для нападения на Австрию и всегда будет представлять угрозу для соляных копей в Величке. Тауенцин в ответ повторил свои известные аргументы в отношении угрозы Силезии, которую представляло собой обладание Австрией Краковом²¹⁴.

Только после того как русские уполномоченные, потеряв терпение, прямо спросили Тауенцина, готов ли его король уступить Краков Австрии, если та, в свою очередь, передаст Пруссии территорию между притоками Буга и Вислы, Тауенцин отвечал, что в Берлине не ожидали, что Вена «откажется от столь выгодных для нее предложений», поэтому он не может ответить. После того как прусский посланник, отвечая на вопрос Остермана, подтвердил, что это его последнее слово, Кобенцель покинул конференцию до ее окончания²¹⁵.

Сразу же после ухода австрийского посла выяснилось, что Тауенцин разыгрывал подготовленный заранее и не очень добросовестный сценарий. Имея указания идти на уступки только «при последней крайности», он фактически намеренно поставил переговоры на грань срыва. Впрочем, не лучше вел себя и австрийский посол, рассчитывавший дать официальное согласие на оставление за Пруссией западной части Краковского воеводства только после того, как Пруссия сама даст согласие на передачу Кракова и Сандомира Австрии.

Тауенцин, собравшийся было тоже уходить, но остановленный на пороге Остерманом, в конце концов сказал, что берет на себя ответственность предложить уступку Кракова в случае, если Австрия согласится уступить Пруссии, со своей стороны, западную часть одноименного воеводства, а также часть территории между Вислой и ее притоками.

На вопрос о том, что он понимал под западной частью Краковского воеводства, Тауенцин показал линию от Черновicz через Кенигсполь до реки Пилицы, подчеркнув при этом, что эта идея исходит только от него и нуждается в подтверждении его двором²¹⁶. На это с российской стороны было сказано, что его предложение будет передано Кобенцелю, хотя оно и не вполне соответствует уже подписанной австро-русской декларации²¹⁷.

Таким образом переговоры тянулись весь сентябрь и первую половину октября 1795 года. Практические развязки накопившихся проблем удалось найти только потому, что и австрийские, и прусские представители видели в посредничестве российской императрицы гарантию максимально возможного обеспечения своих интересов. Посредничество это оказалось достаточно эффективным, в том числе благодаря заявленному российскими дипломатами при начале трехсторонних переговоров принципу, в соответствии с которым при демаркации новых взаимных границ считалось необходимым принимать во внимание особенности местности²¹⁸.

Кроме того, в результате возобновившихся летом 1795 года в Базеле секретных переговоров прусского государственного министра Гарденберга с французским дипломатом Бартеlemi, в ходе которых прусский представитель обсуждал возможность примирения с Францией от имени целой группы государств – членов Германской империи²¹⁹, ситуация в стане антифранцузской коалиции настолько осложнилась, что в Петербурге начали задумываться о продуктивности продолжения тесной увязки польского и французского вопросов. Разумовский, настроенный резко антипруски, сообщал о растущем беспокойстве в Вене «двусмысленностью» русской политики, одновременно убеждая Остермана в том, что реально наметившаяся угроза развала Германской империи не оставляет России другого выбора, кроме как немедленно направить свои войска за Рейн²²⁰. «Вы много обяжете меня, мой друг, – писал он в частном письме вице-

канцлеру, – если скажете мне конфиденциально, до каких пределов мы пойдем и что мы будем готовы сделать для наших союзников ради общего дела?» И далее: «Я уверен, что решительный разговор с пруссаками живо их остановит, поскольку они убеждены или делают вид, что убеждены, в том, что мы ничего не предпримем»²²¹.

Тем не менее, в депеше Разумовскому от 31 августа 1795 года Остерман, явно дистанцируясь от последних двух пунктов инструкции Тугута Кобенцелю от 8 августа, поручил своему послу в Австрии добиваться того, чтобы «венский двор не смешивал двух совершенно разнородных вопросов: польского и французского». В таком же смысле высказалась Екатерина в двух собственноручных письмах от 29 августа к Францу II и Фридриху Вильгельму II²²². В первом из них была дана положительная оценка готовности Австрии уступить Пруссии область между реками Буг и Висла. В письме прусскому королю наряду с развернутыми аргументами в пользу уступки Краковского воеводства Австрии указывалось на нецелесообразность спешить с разграничением между австрийскими и прусскими владениями в Польше. С учетом трудностей, возникших после первого раздела, Екатерина предложила, чтобы окончательная демаркационная линия была проведена пограничными комиссарами, которые могли бы учесть при этом рельеф местности.

31 августа 1795 года Остерман сообщил Алопеусу, что в результате новых двух конференций в тройственном формате был найден путь к территориальному компромиссу между интересами Пруссии и Австрии в Польше²²³. Некоторый свет на то, каким образом был найден этот компромисс, проливает депеша Остермана Алопеусу от 3 сентября 1795 года, в которой сообщается о направлении ему пакета под печатью графа Гаугвица в связи со степенью секретности, которой требует его содержание. Поскольку далее в депеше речь идет об идее Гаугвица «еще более упрочить союз» между Россией и Пруссией, то несколько неясная фраза Остермана о том, что «императрица аплодирует и отдает должное мудрым и просвещенным принципам, которые разделяет этот министр»²²⁴, приобретает вполне определенный смысл. Сложные эволюции российской политики в отношении Берлина и Вены вернулись к исходной точке времен первого раздела – «гармонизации» взаимодействия с двумя немецкими государствами.

Несмотря на это, лишь узнав о подписании русско-австро-английской конвенции о формировании второй антифранцузской коалиции от 17 (28) сентября 1795 года²²⁵, Тауенцин объявил, наконец, о согласии Пруссии на уступку Краковского воеводства Австрии. При этом он выдвинул два условия: вступление австро-прусской конвенции о третьем разделе в силу только после дополнительного утверждения ее Веной, а также четкого заявления Австрии о согласии уступить Пруссии западную часть Краковского воеводства.

13 (24) октября 1795 года окончательные договоренности между Россией, Австрией и Пруссией по третьему разделу Польши были оформлены двумя конвенциями, предусматривавшими присоединение Пруссии к русско-австрийской декларации от 23 декабря 1794 года. В одной из них договаривающимися сторонами являлись Пруссия и Австрия, в другой – Пруссия и Россия²²⁶.

В соответствии с Петербургскими конвенциями Австрия отказалась в пользу Пруссии от территории, примыкающей с востока к Варшаве. В свою очередь, Пруссия обязалась вывести свои войска из оккупированных Краковского и Сандомирского воеводств. В вопросе демаркации границ Краковского воеводства обе стороны согласились создать смешанную комиссию во главе с русским комиссаром и принять мнение России в качестве окончательного.

Сообщая об этом Разумовскому депешей от 16 октября, Остерман особо отметил, что «граф Кобенцель в столь серьезной ситуации увенчал своим талантом и усердием все, что за 15 лет своей службы сделал для укрепления отношений между Веной и Петербургом»²²⁷. Информирова об окончании польских дел Алопеуса, вице-канцлер особенно выделил то обстоятельство, что «свидетельством нашего расположения является скорость, с которой Ее императорское величество велела нашим войскам оставить территории, занимаемые Пруссией»²²⁸.

К этой депеше Остермана Алопеусу (от 15 октября 1795 г.) приложена собственноручная записка Екатерины: «Прикажите написать к Колычеву в Везель или где обретается, чтобы скорее сюда приехал, дабы от него можно было сведать многих вещей, кои на письме неловко узнать»²²⁹. Упоминание имени С.А.Колычева, сменившего в 1794 году В.Нессельроде на посту посланника в Берлине, где он вместе с М.М.Алопеусом вел переговоры по третьему разделу, представляется неслучайным. Колычев, проработавший до этого пять лет в Париже с И.С.Барятинским, а с 1783 года, будучи полномочным министром в Гааге, участвовавший в попытке примирения Голландских штатов и Иосифа II, был хорошо осведомлен в непростых перипетиях формирования второй коалиции. Его вызов в Петербург вполне можно увязать с вызревавшей у Екатерины решимостью непосредственно вмешаться во французские дела.

3

Курляндский вопрос, завершившийся присоединением этого небольшого прибалтийского герцогства к России в рамках третьего раздела Польши, стал на повестку дня российской внешней политики в самом начале екатерининского царствования.

Впрочем, еще будучи великой княгиней, Екатерина имела возможность убедиться в его тесной связи с польским. До 1758 года

и Курляндия, считавшаяся ленным владением Речи Посполитой, и Варшава ходатайствовали перед Петербургом за возвращение из ссылки Эрнста Иоганна Бирона, сосланного в 1741 году Елизаветой Петровной сначала в Пелым, а затем в Ярославль, но формально считавшегося курляндским герцогом. Однако, опасаясь опального фаворита Анны Иоанновны, Елизавета Петровна объявила, что «для важных государственных причин герцога Бирона и его фамилию никогда из России выпустить невозможно»²³⁰. В 1758 году Россия признала торжественным актом курляндским герцогом Карла Саксонского, сына правившего саксонского курфюрста и польского короля Августа III²³¹.

Екатерина, сразу же оценившая действия Елизаветы Петровны как серьезную политическую ошибку, писала в 1758 году: «Во всяком деле можно избрать только две стороны – быть справедливым или несправедливым. Обыкновенно корысть склоняет к несправедливости. В курляндском деле справедливость требует возратить детям Бирона то, что принадлежит им по божеским и по естественным законам; если же хотели действовать корыстно, следовало (что было бы несправедливо, сознаюсь) оставить Курляндию по-прежнему без герцога и, освободив ее от власти Польши, присоединить к России. Поверят ли, что нашли третий способ, сделав совершенно бескорыстную несправедливость? Отдали Курляндию принцу Карлу Саксонскому! Этим только усилили короля Польского, который стремится уничтожить свободу Польской Республики. Неужели деспотический сосед выгоднее для России, чем счастливая польская анархия, которой мы распоряжаемся? Если же быть несправедливым, то, по крайней мере, ради собственной выгоды; в курляндском же деле, чем более я о нем думаю, тем менее нахожу здравого смысла»²³².

Под «корыстью» Екатерина понимала аннулирование долгов курляндского дворянства, к которому прибегли в Петербурге, чтобы смягчить неприязненное отношение в Курляндии к представителю саксонской династии Веттинов. Однако все четыре года (1758 – 1762 гг.), в течение которых принц Карл оставался герцогом, его отношения с курляндским дворянством были напряженными. Принц Карл, как католик, не имел права по основным законам Курляндии быть герцогом. Это не нравилось многим не только в Митаве, но и в Польше, сейм которой выступил против его избрания. Литовский канцлер князь Чарторыйский отказался скрепить своей печатью диплом принца Карла на герцогское достоинство.

Любопытно, что этот религиозный мотив был использован Петром III сразу же после своего восшествия на престол в декабре 1761 года; он направил русскому резиденту в Митаве И.М.Симолу указания довести до сведения курляндского правительства, что «мы никогда допустить не можем, чтобы принц католической веры владел герцогским титулом в противность фундаментальных земских

уставов»²³³. Вернув Бирона из ссылки, Петр III не только, однако, не восстановил его права на Курляндию, но и предложил уступить их в пользу его дяди Георга-Людвига Голштинского, которого он к тому же собирался поставить под совместную защиту России и Пруссии.

Екатерина, уже через неделю после своего вступления на престол приказавшая «не разменивать» ратификации русско-прусского союзного трактата, заключенного Петром III в июне 1762 года²³⁴, одновременно направила И.М.Симолину указания дезавуировать прусско-голштинского кандидата и «под рукой фаворизировать» партию Э.И.Бирона²³⁵.

4 августа 1762 года она подписала «Жалованный и уступной акт» на Курляндию в пользу Бирона. Таким образом он был формально восстановлен в своих правах на Курляндское герцогство. В тот же день Бирон подписал особый акт, утверждавший свободный проход российских войск через территорию Курляндии, право российских купцов на беспошлинную торговлю через курляндские порты Митава и Либава, то есть превращавший герцогство, по существу, в протекторат России²³⁶.

В отправленной в эти дни Кейзерлингу депеше Екатерина писала: «Мои намерения весьма далеки от того, чтобы захватить Курляндию, и я вовсе не склонна к завоеваниям. У меня довольно народов, которые я обязана сделать счастливыми, этот маленький уголок земли не прибавит ничего к их счастью, которое я поставила себе целью»²³⁷. Тем не менее при оценке действий Екатерины по водворению Бирона в Митаве возникает невольная, но, как представляется, оправданная аналогия с Польшей: по первоначальным замыслам императрицы оба этих государства должны были, находясь под безраздельным влиянием России, играть роль буфера между нею и двумя германскими государствами – Австрией и Пруссией.

Тем не менее, борьба за водворение 73-летнего Э.И.Бирона на герцогском престоле потребовала нескольких месяцев упорнейшей дипломатической борьбы в Варшаве, Митаве и Риге. Только 16 апреля 1763 года низложенный герцог Карл вернулся в Варшаву. Наиболее веским аргументом, побудившим его к этому, явилось присутствие более чем 40 тысяч российских войск в непосредственной близости от границ Курляндии.

22 июня 1763 года курляндский ландтаг принес присягу Бирону, однако почти половина депутатов отказалась признать его своим герцогом. Это раздвоение курляндского дворянства, продолжавшееся все шесть лет управления Бироном Курляндией, привело к тому, что 25 ноября 1769 года он был вынужден отказаться от власти в пользу своего старшего сына Петра (второй сын Бирона герцог Карл еще при жизни отца отрекся от своих прав на курляндское наследство). Петр был непопулярен в Курляндии, как и его отец. Это подпитывало

подспудную, а временами и открытую борьбу вокруг герцогского престола, в которой участвовали Саксония, шляхетские кланы и, разумеется, Пруссия, после смерти Фридриха II начавшая открыто говорить о своих видах на Курляндию. Особенно усилились эти интриги после того, как в 1790 году у герцога Петра умер единственный сын.

Весной 1776 года у Екатерины мелькнула была мысль сделать Г.А.Потемкина курляндским герцогом. Однако она так и осталась нереализованной²³⁸.

Новый этап в развитии курляндского вопроса наступил в 1791 году, когда герцогство сначала медленно, а затем все активнее начало втягиваться в водоворот политических событий, развернувшихся в Польше после принятия конституции 3 мая. Осенью 1791 года представители курляндского дворянства обратились к лидерам Четырехлетнего сейма с предложением изменить государственное устройство Курляндии, ликвидировав феодально-ленную зависимость местных землевладельцев от герцога. В начале 1793 года, при активном содействии российской дипломатии, произошло, однако, примирение герцога Петра с курляндским дворянством. Приняв сторону дворянства, Екатерина получила в свои руки еще один рычаг воздействия на ситуацию в герцогстве. Проводником русского влияния в Курляндии стал депутат сейма фон дер Ховен, присутствовавший на подписании Екатериной акта о гарантии курляндской конституции 29 марта 1794 года.

Восстание Костюшко затронуло Курляндию самым непосредственным образом. Митава и Либава были заняты инсургентами. Несмотря на это, за месяц до освобождения Курляндии русскими войсками под командованием генерал-поручика Голицына ван дер Ховен распространил по всей стране воззвание, в котором призвал «уничтожить ленную зависимость Курляндии от Речи Посполитой и отдаться под покровительство России, причем просить русскую императрицу о сохранении особых прав и привилегий герцогской фамилии, рыцарства и zemства»²³⁹.

Петр, понявший, в каком направлении развиваются события, поддержал было эту петицию, но было поздно. После взятия Праги Суворовым ван дер Ховен издал новое обращение к российской императрице, в котором уже говорилось о готовности Курляндии «подчиниться вполне ее воле» без всяких предварительных условий²⁴⁰. Между тем в ходе начавшихся в августе в Петербурге тройственных переговоров по последнему разделу Польши судьба Курляндии была решена. Несмотря на удивление, высказанное Тауенцином, когда он впервые услышал о намерении России присоединить к себе Курляндию, уже 8 декабря он говорил об этом событии как о неизбежном.

27 января 1795 года герцог Петр во главе большой свиты прибыл в Петербург, где в переговорах с А.И.Остерманом пытался отстаивать

свои герцогские права. Одновременно П.А.Зубов и А.И.Морков, действовавшие через голову Остермана, внушали Ховену мысль о необходимости добровольного и безусловного присоединения Курляндии к России как единственного средства нейтрализации территориальных претензий Пруссии.

5 марта 1795 года в Митаве открылся ландтаг, на котором верх одержала партия Ховена. Депутаты без всяких условий и оговорок признали присоединение Курляндии и Земгалии к Российской империи. 7 марта ими были подписаны «Манифест благородного рыцарства и земства Курляндии и Семигалии об отречении от существовавшей поныне с Польшею связи» и «Акт благородного рыцарства и земства герцогств Курляндии и Семигалии о подтверждении их Ея Императорскому Величеству». Ландтагом была избрана депутация из шести членов во главе с Ховеном, направившаяся в Петербург просить герцога Петра об отречении. Однако еще до ее приезда он уже отрекся от своих прав на герцогство, подчинившись решению ландтага. Акт отречения был откорректирован Остерманом²⁴¹.

Через месяц, 15 апреля, депутация курляндского ландтага передала акты перехода Курляндии к России императрице. 20 апреля депутаты и все курляндцы, находившиеся в Петербурге, принесли присягу, а к 1 мая под присягой уже стояли подписи всех жителей Курляндии.

Генерал-губернатором Курляндии был назначен барон Пален, а 28 января 1796 года Курляндия стала Курляндской губернией Российской империи²⁴².

4

Выработка соглашения о территориальном разграничении между владениями Австрии и Пруссии в Польше потребовала еще десяти месяцев труднейших переговоров, в ходе которых российским дипломатам была отведена роль третейских судей.

Донесения А.К.Разумовского из Вены и депешы Тугута Л.Кобенцелю в Петербург показывают сложность и остроту ситуации. «Нравственные и юридические обязательства» России воздействовать на Пруссию австрийский канцлер мотивировал тем, что в руках Петербурга «находились исход войны против Франции и судьба Австрии». Неоднократно и самым настоятельным образом Вена просила российскую императрицу содействовать нейтрализации влияния Пруссии на внутреннее состояние Германской империи, фактически приглашая ее вмешиваться в германские дела, разумеется, на стороне императора²⁴³.

В депеше Кобенцелю от 14 марта 1796 года Тугут поручал ему прямо заявить императрице, что Пруссия «естественный враг обоих Императорских дворов и что Прусская политика всегда оставалась

одинаковой и во все времена и во всех случаях основывала свои приобретения на полнейшем неуважении ко всем началам справедливости и добросовестности»²⁴⁴.

Впрочем, положение Австрии в 1796 году становилось действительно угрожающим. Одерживая на Рейне и в Италии одну победу за другой, французы неудержимо приближались к Вене. В этом смысле Тугут был прав, когда говорил Разумовскому о том, что Австрии пришлось нести наибольшие тяготы по борьбе с революционной Францией²⁴⁵. В донесении от 18 (29) августа 1796 года Разумовский, информируя Екатерину о своем разговоре с австрийским императором, приводил его слова о том, что Австрия никогда не согласится подписать «постыдный мир, до тех пор пока у нее останутся хоть какие-нибудь средства и союзники ее не оставят»²⁴⁶. Еще большую настойчивость в этом вопросе проявлял Тугут, положение которого как канцлера напрямую зависело от успехов военных действий против Франции.

Несмотря на это Екатерина не спешила с выполнением своего обязательства об участии России в действиях второй коалиции. Убеждая Вену и Берлин в необходимости продолжать войну с Францией, Екатерина в то же время доказывала, что ситуация в Галиции и Польше в целом требует сохранения российского военного присутствия, поскольку, если бы русская армия оказалась вовлеченной в военные действия, это послужило бы сигналом для новых широких внутренних волнений в присоединенных польских землях. Сверх того, русские дипломаты постоянно давали понять Вене, что они вынуждены принимать в расчет и планы Пруссии. В частности, А.И.Остерман в депеше от 4 мая 1796 года и А.А.Безбородко от 9 (20) июня 1796 года, адресованных А.К.Разумовскому, рекомендовали ему поддерживать австрийский двор в опасении нападения со стороны «какой-либо соседней державы»²⁴⁷.

Однако по мере того как положение Вены становилось все сложнее, воздействие этих аргументов ослабевало. В конце концов Тугут прямо заявил Разумовскому, что «все опасения насчет бунта в Галиции лишены всякого основания», и прямо потребовал исполнения союзного договора в отношении направления русских войск во Францию²⁴⁸. В конце лета 1796 года Екатерина была вынуждена дать согласие на направление вспомогательного корпуса русской армии на Рейн. В депеше А.К.Разумовскому от 11 августа 1796 года она сообщила об этом решении своему послу в Вене, поручив ему, однако, переговорить с австрийцами относительно необходимости убедить Пруссию вновь присоединиться к антифранцузской коалиции²⁴⁹. Анализируя мотивы этого решения Екатерины, нельзя не принимать во внимание, что оно совпало по времени с появлением в дипломатических кругах европейских столиц слухов о намерении Лондона начать мирные переговоры с Францией.

Все большую склонность заключить мирную сделку с Парижем проявляли и многие германские князья. В этой связи Тугут, комментируя решение России о присоединении ко второй коалиции, выразил в беседе с Разумовским уверенность, что этот шаг произведет отрезвляющее впечатление на настроения внутри Германской империи. «Если, – заметил он, – Россия и Австрия пойдут рука об руку, то все германские державы вынуждены будут отречься от Пруссии и исполнить их желания». Более того, из слов Тугута следовало, что в Вене связывали надежды на восстановление порядка внутри империи с предстоявшим проходом русских войск через германские княжества²⁵⁰.

Все эти события, разумеется, не способствовали налаживанию взаимопонимания между Австрией и Пруссией на проходивших при российском посредничестве переговорах о территориальном разграничении. С самого начала этих переговоров прусские комиссары заявили претензию на возвышенности, окружавшие Краков, и, кроме того, требовали, чтобы Висла стала пограничной рекой между Австрией и Пруссией.

Австрийские дипломаты, напротив, твердо настаивали на передаче Австрии всей Краковской области. В неоднократных личных обращениях к русской императрице Франц II высказывал надежду на то, что она защитит интересы Австрийской империи²⁵¹. Тугут в это же время заверял Разумовского в том, что Вена подчинится решению императрицы по территориальному вопросу.

Однако, делая подобные реверансы в адрес Петербурга, в Вене, разумеется, не могли быть полностью уверены в том, как сложится ход переговоров. Еще 20 января 1796 года Тугут препроводил Л.Кобенцелю извлечение из перехваченного австрийцами письма прусского короля от 28 декабря 1795 года своему посланнику в Варшаве маркизу Луккезини, в котором Фридрих Вильгельм уверял, что Екатерина II «совершенно находится на стороне Пруссии и русские комиссары имеют приказания вполне удовлетворить требования прусских уполномоченных при проведении демаркационной линии». Каким бы неприятным ни было это открытие для Тугута, характерно, что он пытался разуверить своего посланника в Петербурге в том, что Россия может поступиться австрийскими интересами в пользу Пруссии. «Интересы России, – писал он, – совпадают в этом деле, как и во всех других, с нашими. Чем больше у нас будет средств для обороны против Пруссии, тем более мы будем в состоянии оказывать эффективную помощь там, где того пожелает от нас наш близкий союзник»²⁵².

Как представляется, подобное «перетягивание каната», которым постоянно занимались Вена и Берлин, не оказало существенного влияния на третейскую роль России в территориальной тяжбе между ними. С июля 1796 года в Петербурге находились комиссары Австрии

и Пруссии, которые представили российским представителям карты, выверенные на местности. Российским дипломатам, участвовавшим в этих переговорах, было поручено тщательно изучить все данные и акты, представленные венским и берлинским дворами, с тем чтобы принять максимально взвешенное и выверенное решение.

10 октября Кобенцелю и Тауенцину была вручена составленная в Коллегии иностранных дел подробная памятная записка, в которой определялась пограничная черта между владениями Австрии и Пруссии в Польше. Детально, с учетом основных стратегических и географических показателей, была аргументирована справедливость предложенного Россией решения. С политической стороны этот документ интересен тем, что авторы его явно исходили из реальной вероятности войны между Австрией и Пруссией, возможной, по их мнению, в любой момент.

Одновременно представителям Австрии и Пруссии была вручена нота, в которой излагалось третейское решение Екатерины II по вопросу о разграничении в Польше²⁵³.

14 (25) ноября 1795 года польский король Станислав Август подписал Акт отречения от польской короны в пользу русской императрицы²⁵⁴.

21 июня (2 июля) 1796 года в Гродно был подписан демаркационный Акт разграничения владений в соответствии с конвенцией 13 (24) октября 1795 года²⁵⁵.

Вступление на престол Павла I не изменило политики России в польском вопросе. 24 ноября (5 декабря) 1796 года в Кракове Россия, Австрия и Пруссия подписали декларацию о предоставлении Россией гарантии предварительного Акта разграничения Краковского воеводства²⁵⁶.

Все спорные вопросы, связанные с последним разделом Польши, были окончательно урегулированы русско-прусской конвенцией об окончательном разделе Польши, заключенной в Петербурге 15 (26) января 1797 года²⁵⁷ и сопровождавшейся Актом о присоединении Австрии к Конвенции о третьем разделе Польши 15 (26) января²⁵⁸ и декларацией о предоставлении Россией гарантии окончательного Акта разграничения Краковского воеводства от 20 (31) января 1797 года²⁵⁹.

¹ Lord R. Op. cit. P.407.

² Ibid. P.398 – 399.

³ Vivenot A. Zur Genesis der Zweiten Theilung Polens. T.II. Wien, 1874. P.408 – 501.

⁴ Lord R. Op. cit. P.403.

⁵ Мартенс Ф.Ф. Собрание конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.II. СПб., 1875. С.215.

⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией».

- ⁷ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1793. Оп.169. Д.902. Л.28 – 29об. «Конфиденциальная записка о беседе Л.Кобенцеля с И.А.Остерманом 17 (28) апреля 1793 г.».
- ⁸ Там же. Л.30.
- ⁹ Там же. Л.30об. – 31.
- ¹⁰ Там же. Л.31 – 31об.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.107. Л.22об.
- ¹² Там же. Л.23.
- ¹³ Там же. Л.23об. – 24об.
- ¹⁴ Lord R. Op. cit. P.413.
- ¹⁵ На записке о конференции Остермана с Гольцем, где обсуждались эти вопросы, написано рукой Екатерины: «Во всем этом есть какая-то злая воля». – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.169. Д.901. Л.180.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.107. Л.52.
- ¹⁷ Там же. Л.52об.
- ¹⁸ Там же. Л.54 – 54об.
- ¹⁹ Там же. Л.61 – 61об.
- ²⁰ Там же. Л.70 – 71.
- ²¹ Там же. Л.73.
- ²² Соловьев С.М. Указ. соч. С.480 – 482.
- ²³ Депеша Тугута Кобенцелю от 18 декабря 1793 г. – Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С.483.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.107. Л.77об.
- ²⁵ Там же. Л.78 – 78об.
- ²⁶ Депеша Тугута Л.Кобенцелю от 27 февраля 1794 г. – Цит. по: Lord R. Op. cit. P.439.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Д.1498 «Разные отрывки, принадлежащие делам варшавского посольства, 1793 г.». Л.1 – 1об.
- ²⁸ Тадеуш Костюшко (1746 – 1817) – выходец из среднепоместной шляхетской семьи. До 1760 г. учился в школе иезуитского ордена, затем в Варшавском кадетском корпусе. Как королевский стипендиат был направлен в Париж (1769 – 1774) для учебы в Военной академии. Знакомство с просветительской философией привело его к убеждению о необходимости осуществления в Польше фундаментальных реформ на демократических началах. Вернувшись на родину после первого раздела Польши, Костюшко попытался поступить на военную службу, но, потерпев неудачу, уехал в Америку, где принял участие в Войне за независимость (1775 – 1783). В этой войне Костюшко быстро выдвинулся, был адъютантом Дж.Вашингтона (сначала в чине полковника, затем – бригадного генерала), получил орден Цинцинната, а после окончания войны – права гражданства в новой республике. В 1784 г. Костюшко вернулся в Польшу, однако из-за открыто высказывавшегося им возмущения антинациональной политикой шляхетских магнатов не получил командной должности в польской армии. Лишь в конце 1789 г., на волне реформ Четырехлетнего сейма, он стал командиром бригады в чине генерал-майора.
- ²⁹ Г.Коллонтай (1750 – 1812) – ученый-публицист, представитель польского Просвещения, доктор философии (1768), доктор права (1770). В 1788 – 1792 гг. участвовал в работе Четырехлетнего сейма, был одним из авторов конституции 3 мая 1791 г. Во время польского восстания 1794 г. стал чле-

ном Высшего национального совета. Возглавлял течение радикальных республиканцев («гугонистов»), стал одним из авторов Манифеста 27 марта и Универсала 1794 г.

³⁰ Montfort H. de. *La drame de la Pologne*. Paris, 1945. P.147 – 148.

³¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Д.591. Л.279 – 280об., 281 – 282об.

³² Там же. Л.280об. – 281об.

³³ Там же. Л.289 – 336.

³⁴ Там же. Л.297 – 304.

³⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1543. – Список лиц, принадлежащих к революционной партии.

³⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». 1793 – 1796. Оп.79/6. Д.1831. Л.25 – 26об.

³⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1360а. Л.62.

³⁸ К этому времени Игельстром уже располагал информацией относительно высказываний Мадалинского о том, что «начинаемая им ныне революция не по образцу обыкновенных польских возмущений, но по системе французов будет всеобщая и основывается на установлении права вольности и равенства». – Записка секунд-майора Ф.Энгеля, приложенная к секретному рескрипту Игельстрема Н.В.Репнину. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1837. Л.15.

³⁹ Montfort H. de. *Op. cit.* P.162 – 164.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.247.

⁴¹ Там же. Л.247.

⁴² Там же. Л.247об.

⁴³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.355. Л.2 – 7. – Проект, утвержденный Екатериной II.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.89/8. Д.1264. Л.1 – 10об. – Письмо Костюшко (копия) о ходе военных действий.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.89/8. Д.1267. Л.60. – О действиях Мадалинского; Л.71 – 75. – Донесения генерального консула России в Молдавии, Валахии и Бессарабии И.Северина с копией письма Костюшко об успехах его армии от 16 апреля 1794 г.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.251 – 256.

⁴⁷ Montfort H. de. *Op. cit.* P.182.

⁴⁸ Там же. С.187. В одном из своих первых донесений после выхода из Варшавы Игельстром сообщал о полутора тысячах убитых. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1871. Л.58.

⁴⁹ Говорят, что, получив известия об этих событиях, Екатерина в гневе ударила рукой по столу и сказала: «Счастлив этот старик, что прежние его заслуги сохраняются в моей памяти». – «Русские портреты XVIII – XIX веков». Издание великого князя Николая Михайловича. Т.IV. М., 2000. С.487.

⁵⁰ «Всеподданнейшее донесение генерал-поручика Вольского королю Фридриху-Вильгельму II о происшедшем 17 апреля в городе Варшаве бунте». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1360. Л.71 – 76об.

⁵¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1831. Л.111об.

⁵² Там же. Л.75. С.Апраксин в письме П.А.Зубову от 9 апреля 1794 г. отмечал, что «князь Зубов повсюду подавал пример неустрашимости». – Там же. Л.76.

- ⁵³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1595. Л.4 и 6. – В демарше, кроме папского нунция, участвовали посланники Пруссии, Австрии, Англии, Испании, резидент Курляндии и поверенный в делах Саксонии.
- ⁵⁴ Montfort H. de. Op. cit. P.171.
- ⁵⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1837. Л.15.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Д.108. Л.6 – 6об.
- ⁵⁷ Там же. Л.8об.
- ⁵⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1831. Л.114 – 114об., 119.
- ⁵⁹ Там же. Л.123 – 123об.
- ⁶⁰ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1476. Л.245 – 246об. Там же: Рескрипт Н.В.Репнину от 22 апреля 1794 г. о направлении войск в Польшу. – Л.267 – 274.
- ⁶¹ Там же. Л.291 – 292.
- ⁶² АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Оп.80. Д.1512. Л.1 – 2 (копия).
- ⁶³ Восстание и война 1794 г. в литовской провинции / Под ред. Е.К.Анищенко. М., 2000. С.48 – 49.
- ⁶⁴ Там же. С.158.
- ⁶⁵ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1457. – Записка бывшего польского министра Деболи о состоянии армии Костюшко от 3 октября 1794 г.
- ⁶⁶ «Польские якобинцы» – радикально настроенная часть интеллигенции. Лидеры Л.Конопка, Ю.Мейер, Я.Ясинский, Ф.Коржковский были последователями Г.Коллонтая. В 1794 г. они заняли наиболее радикальные позиции, потребовав установления в Польше республики.
- ⁶⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1841. Л.146 – 147об. (подлинник).
- ⁶⁸ Там же. Л.461 (подлинник).
- ⁶⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1839. Л.4 – 4об. (подлинник).
- ⁷⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп.89/8. Д.791. Л.2. – Донесение Кочубея Екатерине II от 2 (13) ноября 1794 г.; Д.1269. Л.58 – 62, 82 – 84. – О движении армии Костюшко и ее разгроме.
- ⁷¹ В ведомости о погибших с русской стороны названы «убитых – 349, тяжело раненных – 929, легко раненных – 673 человека». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1836. Л.232.
- ⁷² Условия сдачи были подписаны А.В.Суворовым с тремя представителями варшавского магистрата (с И.Потоцким, направленным к нему Верховным советом, Суворов разговаривать отказался).
- ⁷³ Там же. Д.1836. Л.365.
- ⁷⁴ В именном списке бывших в плену российских офицеров числится 223 человека. Среди них: бригадир Карл Боур, полковник Петр Языков, премьер-майоры Василий Игельстром, Иван Каховский, Виктор Касини, Николай, Петр и Павел Арсеньевы; капитаны Николай Чичерин, Федор Дашков; поручики Николай и Михаил Нахимовы, Иван Булгаков, Ефим Давыдов; подпоручики Алексей Плеханов, Иван Ушаков, Петр Римский-Корсаков, Павел Тургенев и др. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1836. Л.362 – 365об. (подлинник).

- ⁷⁵ «Уехал, – писал Суворов, – бывший их Рады президент Закржевский. Куда – неизвестно. Сей, по добродушию его, чают, или явятся, или письменно отзовется. В Галицию, сколько известно, – генералы, за несколько дней: Мадалинский с 7 человеками; Забончик – за ночь перед вступлением в Варшаву с его женою; и презрительный Коллонтай, похитивший их казну. О изловлении его, сколь можно, писал я цесарскому началству». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1836. Л.417.
- ⁷⁶ Там же. Л.410 – 411об.
- ⁷⁷ Там же. Л.412 – 414.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1839. Л.10 – 12об. (подлинник).
- ⁷⁹ За взятие Праги Суворов был возведен в ранг генерал-фельдмаршала.
- ⁸⁰ Григорович Н. Указ. соч. С.282.
- ⁸¹ 15 ноября вопрос о «распоряжениях» в отношении Варшавы обсуждался в Госсовете. – Архив Государственного совета. С.991 – 993.
- ⁸² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.173. Л.5 – 6об.
- ⁸³ Там же. Д.136. Л.3.
- ⁸⁴ Там же. Д.137. Л.4 – 4об.; см.: Соловьев С.М. Указ. соч. С.520. – В черновом варианте письма последняя фраза, отредактированная Екатериной, имела следующую первоначальную редакцию: «Следовательно, вы можете покойно ожидать, что государственные интересы (*«raisons d'Etat»*) и общий интерес общественного спокойствия продиктуют мне относительно дальнейшей судьбы, которая будет устроена в пользу Польши». – Там же. Л.1об. – 2.
- Письмом из Гродно от 18 января 1795 г. король извещал Екатерину о том, что он «покорился ее воле» и «ждет решения дальнейшей судьбы Польши». – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.141. Л.1 – 1об. В этом и последующих письмах Станислава Августа из Гродно, написанных до его отречения (от 17 января, 18 февраля и 12 августа 1795 г.), возникает и продолжается единственная тема – об обеспечении пенсиями многочисленных родственников короля и слуг, оставленных им в Варшаве. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.141. Л.3 – 6, 7 – 8, 9.
- ⁸⁵ Деша А.К.Разумовского от 25 марта (5 апреля) 1794 г. – Цит. по: Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.218.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.169. Д.902. Л.107 – 108об.
- ⁸⁷ Там же. Л.109 – 109об.
- ⁸⁸ Там же. Л.114об. – 116об.
- ⁸⁹ Письмо А.И.Остермана А.К.Разумовскому от 25 апреля 1794 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.355. Л.8 – 13.
- ⁹⁰ Там же. Л.14 – 14об.
- ⁹¹ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.219.
- ⁹² Деша А.К.Разумовского от 13 (24) августа 1794 г. с приложением записи беседы от 6 (17) августа. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.827. Л.74 – 79об. (подлинник).
- ⁹³ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1794. Оп.169. Д.903. Л.191об. – 192.
- ⁹⁴ Там же. Л.184.

- ⁹⁵ В письме Алопеусу от 8 июля 1794 г. И.А.Остерман, констатируя успехи в Польше, отмечал: «Как кажется, приближается момент, когда соседние державы должны серьезно заняться вопросом о том, чтобы не только умиротворить польские замешательства, но и помешать им когда-либо возобновиться. Его величество король Пруссии в своих собственноручных письмах к императрице предлагал Ее величеству согласиться с ним, когда наступит время, относительно мер, которые необходимо предпринять в отношении двойной цели, и получил формальное обещание. Ее императорское величество хочет сегодня поручить Вам, господин посол, сообщить двору, при котором Вы аккредитованы, что она считает, что с этим вопросом больше нельзя тянуть, однако для того чтобы придать больше солидности и стабильности мерам, которые должны явиться результатом согласия двух дворов, которые связывают отношения дружбы и союза, и особенно для того, чтобы предотвратить неудобства и досадные эффекты, которые может повлечь за собой столь естественная зависть относительно новых территориальных приобретений, Ее императорское величество считает, что было бы справедливо и необходимо пригласить к этому союзу венский двор и предложить ему принять участие во всех договоренностях, которые могли бы состояться по этому вопросу». При этом Берлину предлагают поручить своему послу в Петербурге или в Варшаве начать переговоры в русской столице в тройственном формате, с участием Франции. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.108. Л.10 – 11.
- ⁹⁶ Там же. Л.193 – 194об.
- ⁹⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1128. Л.57 – 90.
- ⁹⁸ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.169. Д.903. Л.206об. – 207.
- ⁹⁹ Там же. Л.216.
- ¹⁰⁰ Там же. Л.218 – 219об.
- ¹⁰¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.355. Л.36 – 49; в деле имеется и второе письмо Остермана Разумовскому, помеченное той же датой. – Л.33 – 35. – Оно посвящено вопросу о выводе австрийских войск из Волыни, где уже действовала русская армия. Интересно, что из утвержденного проекта письма Екатерина сняла следующую фразу: «Вы можете заверить Венский двор в том, что речь не идет с нашей стороны об определении долей (по новому разделу Польши. – *П.С.*), но только о военной целесообразности».
- ¹⁰² Там же. Л.37об. – У Ф.Ф.Мартенса это место в депеше Остермана переведено не совсем верно: «Уничтожение этого государства (имеется в виду Польша. – *П.С.*) вызвано такой неизбежной необходимостью, не подчиниться которой не в состоянии никакая человеческая сила». – Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.221.
- ¹⁰³ Там же. Л.37об. – 38.
- ¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.355. Л.49 – 52.
- ¹⁰⁵ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.222.
- ¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.355. Л.49 – 52.
- ¹⁰⁷ Донесения А.К.Разумовского от 6 (17) сентября 1794 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.828. Л.1 – 16.

- ¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.169. Д.903. Л.225 – 228, 289об. – 290.
- ¹⁰⁹ Там же. Л.234.
- ¹¹⁰ Там же. Л.265 – 265об.
- ¹¹¹ Там же. Л.261 – 262.
- ¹¹² Там же. Л.262 – 263.
- ¹¹³ Там же. Л.264.
- ¹¹⁴ Там же. Л.264 – 265.
- ¹¹⁵ Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. II (1788 – 1799 гг.). СПб., 1881. С.255. «Когда здесь по письмам конфиденентов извещали, что и в Варшаве духи возмущены, были весьма спокойны и уверены, что Игельштром удержится, имея будто много войска с собою. Следствия доказали противное». – С.256.
- ¹¹⁶ Там же. С.256.
- ¹¹⁷ Там же. С.257.
- ¹¹⁸ Там же. Указ. соч. С.263.
- ¹¹⁹ Там же. С.254.
- ¹²⁰ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1792 – 1794. Оп.5/1. Д.589. Л.180 – 180об.
- ¹²¹ Там же. Л.181.
- ¹²² Там же. – Интересно, что, сообщая Zubovu об имевшемся при взятии Варшавы плане вытеснить участников восстания, и в первую очередь регулярные польские войска, в прусские провинции, П.С.Потемкин упоминает и Суворова. «Две важные причины не велели сего исполнить, – пишет он. – Первая, что неизвестен был граф Александр Васильевич, угодно ли будет то высочайшему двору. Второе, чтобы не оставить значную часть мятежников непобежденной».
- ¹²³ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.589. Л.306 – 317.
- ¹²⁴ Там же. Л.306.
- ¹²⁵ Там же. Л.309об.
- ¹²⁶ Там же. Л.310. – Как можно понять из этой формулировки, Безбородко выступал за удовлетворение требования Австрии распространить обязательства секретной статьи о взаимной помощи русско-австрийского союзного договора на случай войны Австрии с Пруссией.
- ¹²⁷ Там же. Л.310об.
- ¹²⁸ Там же. Л.312.
- ¹²⁹ Там же. Л.311.
- ¹³⁰ Там же. Л.314.
- ¹³¹ Там же. Л.315об.
- ¹³² Там же. Л.316об.
- ¹³³ Там же. Л.281.
- ¹³⁴ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1794. Оп.169. Д.903. Л.277об.
- ¹³⁵ Там же. Л.278.
- ¹³⁶ Там же. Л.278об.
- ¹³⁷ Там же. Л.278об. – 279.
- ¹³⁸ Там же. Л.279 – 279об.
- ¹³⁹ Там же. Л.280.

- ¹⁴⁰ Там же. Л.285.
¹⁴¹ Там же. Л.281об.
¹⁴² Там же. Л.302об.
¹⁴³ Там же. Л.303.
¹⁴⁴ Там же. Л.304.
¹⁴⁵ Там же. Л.305.
¹⁴⁶ Там же. Л.305 – 307.
¹⁴⁷ Там же. Л.307.
¹⁴⁸ Там же. Л.307об.
¹⁴⁹ Там же. Л.308.
¹⁵⁰ Там же.
¹⁵¹ Там же. Л.308 – 308об.
¹⁵² Там же. Л.308об.
¹⁵³ Там же. Л.309об.
¹⁵⁴ Письмо Остермана Алопеусу от 13 декабря 1794 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.108. Л.14 – 14об.
¹⁵⁵ Там же. Л.321об.
¹⁵⁶ Там же. Л.319.
¹⁵⁷ Там же. Л.323.
¹⁵⁸ Там же. Л.323об.
¹⁵⁹ Там же. Л.339об. – 340.
¹⁶⁰ Там же. Л.340.
¹⁶¹ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.225.
¹⁶² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.108. Л.343об.
¹⁶³ Там же. Л.345.
¹⁶⁴ Там же. Л.345об.
¹⁶⁵ Там же. Л.346об.
¹⁶⁶ Там же. Л.347об.
¹⁶⁷ Там же. Л.347об. – 348.
¹⁶⁸ Там же. Л.349.
¹⁶⁹ Там же. Л.14об.
¹⁷⁰ Там же. Л.16 – 16об.
¹⁷¹ Там же. Л.18об. – 19.
¹⁷² Там же. Л.20.
¹⁷³ Там же. Л.23 – 23об.
¹⁷⁴ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т.II. С.226.
¹⁷⁵ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.87 – 88; Опубл.: Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т.II. С.228 – 248.
¹⁷⁶ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т.II. С.236.
¹⁷⁷ Там же. С.239 – 240.
¹⁷⁸ Там же. С.242.
¹⁷⁹ Там же. С.244 – 245.
¹⁸⁰ Там же. С.245.
¹⁸¹ Екатерина поблагодарила Франца II за ратификацию русско-австрийских документов по Польше личным письмом от 30 марта 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.226. Л.1 – 2.
¹⁸² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.9 – 16.
¹⁸³ Депеша А.К.Разумовского из Вены от 6 (17) апреля 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.836. Л.1 – 14.

- ¹⁸⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.31 – 36.
- ¹⁸⁵ Депеша А.К.Разумовского из Вены от 30 августа 1795 г. – Цит. по: Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.251.
- ¹⁸⁶ Текст декларации и австро-английского союзного договора см.: Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.252 – 261.
- ¹⁸⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Д.110. Л.1 – 1об.
- ¹⁸⁸ Там же. Л.3.
- ¹⁸⁹ Там же. Л.2об. – 3об.
- ¹⁹⁰ Там же. Л.4 – 4об.
- ¹⁹¹ Там же. Л.5.
- ¹⁹² АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1795. Оп.2/6. Д.905. Л.12.
- ¹⁹³ Там же. Л.23.
- ¹⁹⁴ Там же. Л.26об.
- ¹⁹⁵ Депеша И.А.Остермана А.К.Разумовскому от 31 марта 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.1 – 8.
- ¹⁹⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Д.110. Л.19об.
- ¹⁹⁷ Там же. Л.20об.
- ¹⁹⁸ Там же. Л.20.
- ¹⁹⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.9об.
- ²⁰⁰ Там же. Л.30.
- ²⁰¹ Там же. Л.20 – 28об.
- ²⁰² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Д.110. Л.27об.
- ²⁰³ Там же. Л.29.
- ²⁰⁴ Депеша И.А.Остермана А.К.Разумовскому от 5 (16) мая 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.17 и след.
- ²⁰⁵ Депеша А.К.Разумовского от 26 апреля (27 мая) и 5 (16) мая 1795 г. – Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.262.
- ²⁰⁶ Депеша И.А.Остермана А.К.Разумовскому от 26 июня 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.24 – 30.
- ²⁰⁷ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1795. Оп.2/6. Д.905. Л.58об. – 59.
- ²⁰⁸ Там же. Л.60 – 60об.
- ²⁰⁹ Там же. Л.68 – 69.
- ²¹⁰ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Д.110. Л.34.
- ²¹¹ Там же. Л.39.
- ²¹² Депеша И.А.Остермана А.К.Разумовскому от 28 августа 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.38 – 42об.
- ²¹³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/1. Д.1141. Л.48 – 49об.
- ²¹⁴ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». 1795. Оп.2/6. Д.905. Л.59 – 59об.
- ²¹⁵ Там же. Л.83.
- ²¹⁶ Там же. Л.84 – 84об.
- ²¹⁷ Там же. Л.85.
- ²¹⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.39.
- ²¹⁹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.1141. Л.46-47. – Копия ноты Гарденберга Бартелеми от 24 июля 1795 г.
- ²²⁰ Депеша А.К.Разумовского И.А.Остерману от 4 (15) июня 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.836. Л.72 – 77об.
- ²²¹ Там же. Л.78 – 81об.

- ²²² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.226. Л.6 – 10.
- ²²³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Д.110. Л.41 – 46.
- ²²⁴ Там же. Л.47.
- ²²⁵ Деша И.А.Остермана А.К.Разумовскому от 24 сентября 1795 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.44 – 49.
- ²²⁶ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.368, 370, 371.
- ²²⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.358. Л.51.
- ²²⁸ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Д.110. Л.50об.
- ²²⁹ Там же. Л.52.
- ²³⁰ Сборник РИО. Т.48. С.167.
- ²³¹ Там же. С.166.
- ²³² Сборник РИО. Т.7. С.91.
- ²³³ Бильбасов В.А. Присоединение Курляндии. Исторические монографии. Т.II. СПб., 1901. С.207.
- ²³⁴ Сборник РИО. Т.48. С.8.
- ²³⁵ Там же. С.9.
- ²³⁶ Бильбасов В.А. Указ. соч. С.215 – 216.
- ²³⁷ Сборник РИО. Т.48. С.293.
- ²³⁸ Рескрипт Екатерины О.М.Штакельбергу от 2 мая 1776 г. – Бильбасов В.А. Указ. соч. С.236 – 237.
- ²³⁹ Бильбасов В.А. Указ. соч. С.249 – 250.
- ²⁴⁰ Там же. С.251.
- ²⁴¹ Там же. С.258.
- ²⁴² ПСЗРИ. № 17411.
- ²⁴³ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.272.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ Деша А.К.Разумовского из Вены от 9 (20) января 1796 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.848. Л.5 – 13.
- ²⁴⁶ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.845. Л.11 – 18.
- ²⁴⁷ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.855. Л.28 – 29 (подлинник, фр.яз.).
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Деша А.К.Разумовского из Вены от 20 сентября (2 октября) 1796 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.852. Л.160 – 168.
- ²⁵¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.227. Л.1 – 6. – Письма императора Франца II к Екатерине II от 12 июля 1795 г., 30 сентября 1795 г. и без даты.
- ²⁵² Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.276.
- ²⁵³ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.362. Л.1 – 5.
- ²⁵⁴ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.291.
- ²⁵⁵ АВПРИ. Ф. «Трактаты». Оп.2. Д.275.
- ²⁵⁶ Там же. Д.551.
- ²⁵⁷ Там же. Д.379.
- ²⁵⁸ Там же. Д.94.
- ²⁵⁹ Там же. Д.552.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение документов российских архивов об участии российской дипломатии в разделах Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 годов позволяет сделать следующие выводы:

1. Разделы Польши в царствование Екатерины II были обусловлены комплексом внешних и внутренних факторов, значительную роль среди которых сыграл длительный и исключительно сложный процесс формирования геополитических структур в Центральной и Восточной Европе после завершения Контрреформации и Вестфальского мира в 1648 году. Дело в том, что происшедшее в ходе Тридцатилетней войны 1618 – 1648 годов ослабление Германии (формально Священной Римской империи германской нации во главе с Габсбургами) практически сразу же после ее окончания привело к созданию на пространстве от Рейна до Эльбы зоны своеобразного вакуума государственной власти, который поочередно в разной степени пытались использовать Людовик XIV, Карл XII и Фридрих Вильгельм I. Развязанные ими войны в течение полувека сотрясали Европу, по существу, начали процесс расшатывания Вестфальской системы. В результате войны за Испанское наследство и Северной войны в начале XVIII века на западной и северной периферии Вестфалья образовались так называемые утрехтская и ганноверская «подсистемы», задачей которых являлось обеспечение стабильности на континенте в условиях ослабления основных гарантов Вестфалья – Франции эпохи Регентства и Людовика XV и Швеции, поставленной на грань национальной катастрофы завоевательной политикой Карла XII и ее крахом.

Особенно рельефно подчеркнули сложную динамику эрозии Вестфальской системы Силезские (1740 – 1748 гг.) и Семилетняя (1756 – 1763 гг.) войны, первая из которых утвердила возросшую роль Пруссии, а вторая – Англии и России в европейских делах. После «дипломатической революции» 1756 года, покончившей с вековым

антагонизмом Габсбургов и Бурбонов, стало окончательно ясно, что если правовые нормы, сформулированные в Мюнстере и Оснабрюке (а они, по современным понятиям, носили весьма противоречивый характер, поскольку помимо утверждения веротерпимости, признания права на существование наций – государств, подтверждали легитимность «естественных границ», территориальных приобретений по праву завоевания), оказались весьма устойчивыми, то возможности поддержания баланса интересов европейских держав в рамках вестфальских договоренностей в значительной мере исчерпали себя уже к середине XVIII века. Отсюда – тенденция к появлению региональных «подсистем», связанных не столько с буквой, сколько с «духом Вестфалья», усилением роли многосторонней дипломатии в условиях углублявшегося кризиса абсолютизма.

2. «Восточная подсистема» Вестфалья сформировалась после того, как по окончании Семилетней войны эпицентр острого противоборства двух германских государств – Пруссии и Австрии, – обусловленного их заинтересованностью как в корректировке определенного Вестфальским миром раздела «сфер влияния» в Европе, так и в компенсации материальных, а для Австрии и территориальных потерь, понесенных во взаимных войнах, сместился на восточную периферию Вестфальской системы, наиболее уязвимой частью которой была Речь Посполитая, предельно ослабленная своим анахроничным государственным устройством и обострением социальной и религиозной напряженности. В качестве естественного оппонента подобным планам традиционно выступала Франция, для которой Польша являлась не только важным средством обеспечения ее геополитических интересов, но и одним из объектов тайной династической дипломатии («Секрет короля»), цели которой далеко не во всем совпадали с официально объявленной политикой. Эта имманентная двойственность французской политики на фоне глубокого внутреннего кризиса во Франции накануне революции 1789 года и возрастающее экономическое и военное могущество Англии фактически вывели ее из числа активных игроков в польских делах.

Что касается России, то начиная с эпохи Петра I она проводила в Восточной Европе собственную политику. Планы раздела Речи Посполитой, территориальная целостность которой, кстати, формально не определялась Мюнстерским и Оснабрюкским трактатами, обсуждались с Пруссией (на более раннем этапе – Саксонией) и Австрией с начала XVIII века. Однако Петр I неизменно уклонялся от предложений принять участие в разделе, предпочитая фактически одобренную «немым» сеймом 1717 года политику единоличного косвенного доминирования России в Польше под политическим «зонтиком» союзов с Австрией и Саксонией. Петровская традиция косвенного доминирования в Речи Посполитой, но со сменой пра-

вившей в Варшаве династии, судя по всему, представлялась оптимальной и Екатерине. В этом смысле С.Понятовский, возведенный ею в 1764 году на польский престол, был призван выполнять ту же роль, что и саксонская династия Веттинов, посаженная на польский престол в 1697 году Австрией, Пруссией и Россией.

Эти планы, однако, были перечеркнуты эволюцией системы международных отношений в Центральной и Восточной Европе после Семилетней войны. Дело в том, что «восточная подсистема» Вестфалья в значительной степени не ограничивалась западными пределами Речи Посполитой. Между тем экономические, военные и политические интересы ведущих держав Центральной и Восточной Европы столкнулись на огромном пространстве от устья Одера (захваченного в результате Силезских войн Пруссией) и Вислы (проблемы Гданьска и Торуня) до Придунайских княжеств, Балкан и даже Константинополя.

3. По существу, Речь Посполитая, оказывавшая большое влияние на события в Восточной Европе и Балтике в XV – XVII веках, стала заложником и одновременно «частным случаем» крупномасштабной геополитической игры с высокими ставками. Для Пруссии они определялись не только жизненно важной задачей объединения Восточной Пруссии и Бранденбурга, но и установлением контроля за торговлей по Одера и Висле с соответствующим усилением позиций на Балтике. Для Австрийской империи, чьи владения были разбросаны по различным районам Европы, речь шла, с одной стороны, о формировании компактных, защитимых границ (отсюда – идея обмена Австрийских Нидерландов на Баварию накануне второго раздела), а с другой – о выходе в Адриатику путем поглощения находившихся под властью Османской империи Боснии и Герцеговины и части Венецианских владений (в этом состоял для Вены смысл знаменитого Греческого проекта, обсуждавшегося Екатериной II и Иосифом II в 1781 – 1782 гг.).

4. Приоритеты России в рамках назревавшего передела «восточной периферии» вестфальского пространства и прилегающего к нему региона сводились, помимо сохранения и упрочения завоеванных Петром позиций на Балтике, к выходу и закреплению на берегах Черного моря и обеспечению свободного прохода торговых кораблей в Средиземноморье через Босфор и Дарданеллы. Эти задачи, сформулированные в общих чертах уже к концу 60-х годов XVIII века, были частично решены в ходе первой (1768 – 1774 гг.) и второй (1787 – 1792 гг.) русско-турецких войн. Особое значение имело присоединение Крыма в 1783 году. Исследования последних лет подтверждают, что у Екатерины и части ее окружения имелись и более далеко идущие планы, заключавшиеся в «изгнании турок»

из Европы, воссоздании Греческой империи со столицей в Константинополе и образовании из Молдавии, Валахии, Бессарабии вассального России государства Дакия. Эти планы, однако, не были реализованы в силу того, что прямо затрагивали интересы Австрии и «морских держав» Европы и в целом выходили за рамки геополитического пространства, в которых европейские державы вынуждены были считаться с интересами России.

5. Анализ документов российских архивов позволяет с высокой степенью ответственности утверждать, что в Петербурге в эпоху Екатерины накануне разделов не вынашивали экспансионистских планов в отношении Польши. Речь Посполитая в условиях, когда ко второй половине XVIII века потенциальная угроза со стороны центрального и северного звеньев «Восточного барьера» была уже значительно ослаблена, являлась для Екатерины II, в отличие, скажем, от короля Пруссии, не столько главным объектом, сколько плацдармом для проведения политики, основной вектор и функция которой имели юго-западное, черноморско-балканское направление и были связаны как со стратегическими замыслами императрицы, так и с ее стремлением стимулировать торговлю южных районов России. Известный исследователь русской внешней торговли в екатерининскую эпоху Н.Н.Фирсов справедливо отмечал, что, «ведя первую турецкую войну, Екатерина стремилась добиться выгод для нашей торговли», напоминая в этой связи, что уже в 1763 году императрица стала не только инициатором создания, но и пайщиком известной компании купца Володимирова, пытавшейся проложить новые торговые маршруты в Средиземноморье.

С учетом этого основной задачей политики России в польских делах (во всяком случае в том виде, в каком она понималась русскими дипломатами к началу царствования Екатерины II) являлось обеспечение защитимого и контролируемого западного фланга (предполья), где в качестве ее вероятных противников выступала не Польша, а Пруссия и Австрия (последняя – до 1781 г.). В практическом плане речь шла о незначительной ректификации русско-польской границы с выводом ее на рубеж рек Западная Двина – Днестр – Буг.

6. Однако в предельно сложной внутренней (в Польше и России по разным причинам) и международной ситуации начала 60-х годов события приняли другой поворот. Обеспечив к сентябрю 1764 года в тесном взаимодействии с Пруссией избрание С.Понятовского королем и связав его условием «во все время своего государствования интересы наших империй собственными своими почитать», Екатерина сочла создавшуюся ситуацию благоприятной для того, чтобы попытаться разрешить весь комплекс проблем, исторически накопившихся в российско-польских отношениях.

Своеобразную и не во всех своих аспектах ясную мотивацию действий Екатерины на этом, начальном этапе «польского вопроса» в определенной степени проясняет «Общее наставление» Г.К.Кейзерлингу и Н.В.Репнину от 8 ноября 1763 года, из которого видно, что, возводя С.Понятовского на престол, императрица была уверена, что «доставляет ему высшую честь, какую партикулярный человек едва ли когда ожидать может», а за это король «возьмет искренне на сердце», как того «требует его честность и благодарность», интересы России «яко самое основание безопасности, мира, соседственной дружбы и доброго согласия между Польской республикой и нашею Империей». Более того, Екатерина, надо полагать, считала, что возводя на польский престол Пяста, она спасает поляков от «наихудшего подрыва их фундаментальных прав», поскольку третье подряд избрание королем саксонского курфюрста создавало реальную возможность закрепления наследственного права на польскую корону за династией Веттинов, правление которых она (вслед за Чарторыйскими) считала губительным для Речи Посполитой¹ (и вредным для интересов России).

7. Силовая реализация этой линии политики Екатерины в 1764 – 1768 годах (блокирование назревших внутренних реформ, одностороннее гарантирование анахроничного государственного устройства Польши, упорство в защите религиозных и гражданских прав единоверцев в особо чувствительном для Польши диссидентском вопросе) существенно разошлась с коллегиально (в рамках Государственного совета) согласованными целями российской политики в Польше – урегулирование пограничных проблем, включая создание оборонительных рубежей по рекам – «план З.Г.Чернышева» 1763 года, – возвращение беглых, обеспечение свободы вероисповедания некаталикам.

В то же время подобная политика встречала растущее сопротивление не только со стороны польской «партии реформ», возглавлявшейся королем и Чарторыйскими, но и значительной части общества. Особо острое звучание приобрел диссидентский вопрос, ставший как бы общим знаменателем тех проблем, из которых впоследствии выросла ситуация 1771 – 1772 годов, завершившаяся первым разделом Польши.

Для понимания логики действий Екатерины II в период до сейма 1767 – 1768 годов важно иметь в виду, что вплоть до 1769 года (создание католической Барской конфедерации) она, судя по имеющимся документам, считала реальным обеспечить права православных украинцев и белорусов в рамках Речи Посполитой, но при условии принятия польским королем и сеймом жестких условий, продиктованных ей в отношении диссидентов в 1764 – 1768 годах. При этом трудно не заметить «вестфальского» характера принципов веротер-

пимости, сосуществования православных и католиков, которые Екатерина пыталась насаждать в Речи Посполитой.

8. Подобный вариант развития ситуации оказался, однако, в силу целого комплекса военных, экономических и политических причин, основной из которых стало тесно связанная с польским вопросом русско-турецкая война 1768 – 1774 годов, неосуществимым. К концу 1770 года Россия настолько истощила свои военные и финансовые ресурсы, что скорейшее заключение мира с Турцией стало для нее вынужденной необходимостью. Создавшуюся ситуацию король Пруссии Фридрих II чрезвычайно эффективно использовал для реализации давно продвигавшейся им идеи «компенсации» Пруссии и Австрии за счет Речи Посполитой. В итоге первый раздел Польши стал той политической комбинацией, которая позволила России, нейтрализовав открытое противодействие ее планам в отношении Турции со стороны Австрии и скрытое – Пруссии, добиться решающих успехов на театре военных действий и завершить войну подписанием Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года, обеспечившего ей свободу мореплавания в Черном море и открывшего дорогу для присоединения Крыма в 1783 году.

Противоречивый, во многом вынужденный обстоятельствами характер действий екатерининской дипломатии в период первого раздела подчеркивает и то, что, не выступая инициатором первого и последующих разделов Речи Посполитой, Екатерина без колебаний принимала на себя активную роль в их реализации, когда они становились неизбежными.

9. Подобную логику действий трудно понять без учета сложных династических проблем, особенно остро встававших перед Екатериной II в период первого раздела Польши. И дело не в том, что прямая вовлеченность Фридриха II в урегулирование «кризиса совершеннолетия» наследника российского престола, устройство его первого и второго браков объективно предоставляли ему дополнительные рычаги воздействия на позицию императрицы в польских делах. Однако нет никаких оснований говорить о том, что Екатерина или Н.И.Панин когда-либо действовали под диктовку из Берлина – определяющим в их политике всегда оставался государственный интерес.

В XVIII веке этот интерес отождествлялся в первую очередь с интересом монарха, вполне органично сочетаясь в политическом мышлении Екатерины как с европейскими либеральными идеями ее времени, так и необходимостью постоянно подтверждать легитимность своего царствования, учитывая обстоятельства ее прихода к власти. Отсюда – постоянное стремление утвердить свое право царствовать быстрым и радикальным решением задач, в том числе в Польше, которые традиционно воспринимались в России как на-

циональные (в народной памяти были запечатлены итоги польских вторжений и оккупация Москвы). Отсюда же, однако, и определенная неразборчивость в средствах осуществления этих задач, приводившая порой к тому, что, будучи национально-государственными по своему существу, отражавшими интересы России, они реализовывались методами, характерными, скорее, для прагматичной до цинизма прусско-австрийской дипломатической школы.

Кроме того, сложный внутривнутриполитический контекст первого десятилетия екатерининского царствования, также имевший во многом династическую подоплеку, способствовал активизации противоборствовавших центров влияния (группировки Н.И.Панина – Г.Г.Орлова, затем Г.П.Потемкина – А.Р.Воронцова). Это, с одной стороны, ограничивало свободу маневра российской дипломатии, а с другой – возможно, побудило Екатерину зайти в польском вопросе дальше, чем она первоначально планировала.

10. Учитывая предельно сложные, трудно предсказуемые повороты в развитии обстановки в Европе во второй половине XVIII века, нет достаточных оснований рассматривать разделы 1772, 1793 и 1795 годов в качестве последовательных этапов реализации единого сценария, как это делают сторонники «теории заговора». В каждом случае они были результатом совокупного воздействия внутренних и внешних обстоятельств, возникавших спонтанно, хотя и в русле общей тенденции передела сфер влияния в Центральной и Восточной Европе. К факторам длительного воздействия на ситуацию вокруг Польши, помимо Великой французской революции 1789 года, можно отнести, пожалуй, лишь острое соперничество между Берлином и Веней, во многом определившее форму и характер второго и третьего разделов и маневры русской дипломатии.

В этом отношении чрезвычайно характерна ситуация весны 1791 года, когда, уступив настойчивым притязаниям первого министра Пруссии Э.-Ф.Герцберга и короля Фридриха-Вильгельма II на Данциг, можно было реально рассчитывать на нейтрализацию складывавшейся против России грозной европейской коалиции, в состав которой помимо Пруссии входили Англия и Голландия. Однако Екатерина, вынужденная в то время воевать на два фронта – с Турцией и Швецией, предпочла, скорее, отдать приказ о подготовке войны против Пруссии, чем принять условия, которые пытались диктовать ей в Берлине и Лондоне.

Только восстановив свои позиции в Польше путем ввода войск на территорию Речи Посполитой в мае 1792 года, она, с учетом необходимости сплочения монархов Европы перед лицом Французской революции, сочла возможным вернуться к предложению Пруссии (которая систематически шантажировала ее угрозами отозвать войска с Рейна) о новом разделе Польши.

Еще более показательно в этом плане поведение Екатерины в период третьего раздела. Даже через два месяца после подавления восстания под руководством народного героя Польши Т.Костюшко, в критической обстановке конца ноября 1794 года, Екатерина долго не соглашалась на окончательный раздел Речи Посполитой, понимая принципиальную важность сохранения ее, хотя и в крайне урезанном виде, в качестве «срединной державы» (буфера) между Россией и двумя германскими государствами. Лишь убедившись в том, что третий раздел создает последний, в значительной степени иллюзорный ресурс сохранения антифранцузской коалиции, Екатерина не только решительно прекратила собственные колебания, но и выступила фактически в качестве арбитра между Пруссией и Австрией, устроивших непристойную торговлю из-за Кракова и Сandomира. Эти особенности личности, политического мышления Екатерины в немалой степени были использованы, на наш взгляд, для формирования впоследствии стереотипа о лидирующей роли России в разделах Речи Посполитой.

11. Факторы внутренней слабости Речи Посполитой, глубокого кризиса ее государственно-политической системы сыграли очень большую роль в развитии событий. Антинациональная политика значительной части магнатов и шляхты, цеплявшихся за свои феодальные привилегии, помогала Пруссии и России блокировать назревшие реформы. Русские архивы хранят сотни прошений Радзивиллов, Потоцких, Мнишек, представителей других шляхетских фамилий о награждении русскими орденами, погашении долгов, возвращении секвестрированных имений. Истинными патриотами многие из магнатов, за исключением единиц, к примеру, Михаила Огинского, становились только в эмиграции.

Не менее сложен вопрос и о том, до какой степени Екатерина была готова поддержать планы реформ в Речи Посполитой, которые, судя по всему, обсуждались с ней С.Понятовским еще во второй половине 50-х годов. До коронационного сейма 1764 года императрица и в еще большей степени Н.И.Панин, планировавший инкорпорировать Польшу в создававшуюся им Северную систему, по-видимому, склонялись к постепенному отходу от традиционного курса на поддержание «счастливой анархии» в Польше. Не последнюю роль в том, что эта возможность не была реализована, сыграло, очевидно, то обстоятельство, что Екатерина рассматривала возведение С.Понятовского на польский престол как своего рода контракт, условия которого должны были слепо выполняться королем. При этом, однако, не было принято во внимание, что в силу сложных отношений к Станиславу Августу со стороны клана Чарторыйских, его низкой популярности в шляхетских кругах он с самого начала был обречен на лавирование между магнатскими группировками и Россией. И тем

не менее до осени 1788 года, когда под давлением Пруссии последовал отказ России от уже практически согласованного русско-польского союзного договора, возможность продвижения Польши по пути реформ, начатых после 1775 года, в принципе, оставалась.

Окончательно перечеркнула планы польских реформаторов поддержка Станиславом Августом конституции 3 мая 1791 года в той ее части, которая отменяла русские гарантии неизменности польского государственного устройства. Этот шаг подорвал и без того слабый кредит доверия, которым король пользовался у русского дворянства и польских магнатов – сторонников «старинных вольностей». С этого времени и до своего отречения в ноябре 1795 года Станислав Август держался на польском престоле не в последнюю очередь благодаря поддержке русской императрицы, которая решительно отвергла предложения сместить его, поступавшие как от ее окружения, так и от самих поляков.

И тем не менее даже в период второго раздела в переписке П.А.Зубова с русскими дипломатическими представителями в Варшаве Я.Е.Сиверсом, а затем О.И.Игельстромом звучали мотивы ограниченных реформ в Польше.

12. Констатируя это, мы ни в коей мере не пытаемся оправдать действия екатерининской дипломатии. В вопросе об исторической ответственности России за участие в разделах Речи Посполитой ничего не меняет и то, что каждая из держав – участниц раздела руководствовалась собственным пониманием «рационального государственного интереса», этой идеей-фикс дипломатии XVIII века, когда «право силы» еще не уступило место «силе права».

Характерно в этой связи, что только после первого раздела державы-участницы сочли необходимым представить европейской общественности «юридические обоснования» своих прав на присоединенные территории Польши², после чего, правда, Германию, Польшу и Францию наводнили анонимные памфлеты, не оставившие камня на камне в аргументах Петербурга и Берлина³.

Впрочем, дальше памфлетов и недоумения, выраженного в весьма осторожной форме английским двором, действия Европы в защиту Польши не пошли. Общественное мнение европейских стран по отношению к разделам оказалось расколотым: если английский ежегодник «Annual Register» расценил первый раздел как «ужасный политических просчет», то французская «философская партия», рассматривавшая Польшу как оплот фанатичного католицизма, открыто приветствовала раздел. Противоположные мнения аббата Мабли и Ж.-Ж.Руссо мало что меняли по существу дела.

Феномен пассивности Европы, ставшей важным фактором разделов, в некоторой степени объясняет, на наш взгляд, «Записка французского посланника в Петербурге Дюрана-Дистрофа о внут-

ренной и внешней политике России», направленная в Париж в конце 1772 года. В ней французский дипломат обращает внимание на стратегические преимущества, которые получила Пруссия в результате первого раздела. Он пишет, что «если две вышеупомянутые державы (Россия и Австрия. – П.С.) получили только территории, то этот государь (Фридрих II. – П.С.) обеспечил себе бесценное преимущество, поскольку установил контроль над торговлей в устье Вислы, торговлей лесом и частью соляных копей Польши... Прусская монархия становится прочным и компактным государством, простершим свои границы от Германской империи до берегов Балтики и даже до России, поскольку в состав переданных ей земель вошли проходы, которыми пользовалась эта держава, для того чтобы вступить на территорию Германии»⁴. По-видимому, все это, по мнению автора, должно было привести в дальнейшем к обострению отношений России с Пруссией.

Как бы продолжая эту тему, Д.Дидро, посетивший Петербург осенью 1773 – весной 1774 года, говорил Екатерине, что «три волка, растерзавшие Польшу», не уживутся вместе. Учитывая, что перед отъездом из Парижа Дидро был принят руководителем французской внешней политики герцогом д'Эгильоном, можно предположить, что Франция и, в меньшей степени, Англия видели не только негативные стороны того, что три их самых могущественных соперника в Восточной Европе вошли в непосредственное соприкосновение.

С другой стороны, европейские путешественники, посещавшие польские территории, вошедшие в состав Пруссии, Австрии и России, отмечали, что в результате разделов Речи Посполитой произошла «революция в европейской торговле», предсказывая снижение значения морских торговых путей, в частности левантийской торговли, в пользу использования основных европейских рек – Одера, Вислы и Дуная, контроль над которыми перешел в руки Пруссии, Австрии и России⁵.

В этих условиях Европа предпочитала выжидать, а затем события Великой французской революции и наполеоновские войны сместили польский вопрос в совершенно иной контекст.

* * *

В заключение хотелось бы отметить следующее. Разделы Речи Посполитой во второй половине XVIII века между Россией, Пруссией и Австрией остались в истории международных отношений как безусловная, хотя и не единственная аномалия. За последние два века политическая карта Европы перекраивалась несчетное количество раз, и, безусловно, правы те польские историки, которые указывают, скажем, на очевидную связь между вторым и третьим разделами Речи

Посполитой и эпохой наполеоновских войн. Процесс образования устойчивых геополитических структур, наций-государств, начатый Вестфальским миром, растянулся на целую историческую эпоху, приняв особенно драматические, болезненные формы в Центральной и Юго-Восточной Европе, на Балканах.

В оценках методов разделов как безнравственных историки сегодня едины. Этого нельзя, однако, сказать об оценках разделов как трагической, но неотъемлемой части европейской истории. Между тем понять логику исторического процесса, сделавшую возможной эту аномалию, принципиально важно. Особенно для России, мучительно ищущей свою новую, соответствующую сделанному ею демократическому выбору, идентичность.

Сложность этой задачи обусловлена не только сохраняющимся широким разбросом мнений в отношении самих разделов, но и теми историческими наслоениями, которыми она обросла в XIX и XX веках. Дело в том, что разделы Речи Посполитой, как и Греческий проект Екатерины II, в реализации которого она, кстати говоря, проявила разумный реализм, стали самоцелью для ее преемников. Об этом свидетельствует история Первой мировой войны.

Следует ли удивляться, что подобная политика вела к усилившейся критике ее общественным мнением. «Если Россия бедна и слаба, если она намного отстала от Европы, то это прежде всего потому, что очень часто она неправильно решала самые коренные политические вопросы», – писал на рубеже XIX и XX веков в записке на высочайшее имя профессор Академии Генштаба Н.Н.Обручев, почетный член Петербургской Академии наук, с 1897 года – начальник Главного штаба России.

И далее: «Вел войны с гениальным сознанием Петр Великий, вела их с великим разумом и Екатерина II, – но зачем мы ходили в 1799 году с Суворовым в Швейцарию? Зачем дрались в 1805 году под Аустерлицем, а в 1806 – 1807 годах под Прейсиш-Эйлау и Фридландом; зачем, отбившись от Наполеона, ходили в 1813 – 1814 годах освобождать немцев под Лейпциг и Париж; кто нам указывал идти в 1849 году спасать Австрию, а в 1851 – 1852 годах мешать ей передраться с Пруссией; с каким сознанием русских интересов мы аплодировали в 1870 – 1871 годах поражению Франции и воссозданию грозной Немецкой Империи; зачем в 1875 году помешали им вновь воевать; наконец, с какой определенной русской целью вступили в 1877 году в Болгарию; все это факты, в которых исторически уже следует признать ряд политических увлечений или недоразумений, чем зрело обдуманых решений.

Односторонне и они могут быть оправданны – ими поддерживалось иногда достоинство, иногда внешнее влияние России. Но по существу, бесконечно воюя, Россия лишь должала и должала, растрачивала для других запас сил и средств, необходимый для ее собствен-

ного развития, и очутилась наконец в положении чуть ли не приниженном по отношению к тем, кого спасала, кому помогала. Австрия ее отблагодарила Парижским трактатом, Германия – Берлинским, Греция, Румыния, Сербия, освобожденные ее кровью, перешли в противный лагерь, и даже Болгария, только что ею воскрешенная, стала уже тяготиться своею ей благодарностью»⁶.

И тем не менее на той исторической дистанции, на которой мы находимся сегодня от потрясений начала XIX века, нельзя не признать, что один из важных итогов дооктябрьского периода отечественной дипломатии состоит в том, что пусть непоследовательно, с огромными экономическими, людскими и моральными затратами, нередко слишком поздно осознавая свои задачи, но Россия выполнила миссию исторического масштаба, участвуя в формировании политической карты Восточной Европы, Балкан.

Конечно, динамика возникновения и независимого развития десятков государств Азии, Африки и Латинской Америки, формирования послевоенной политической карты Восточной Европы, Балкан, а после Второй мировой войны, а затем и 1991 года – и периферии Советского Союза была сложной и крайне противоречивой. В силу этого геополитика России XVIII – XX веков зачастую воспринималась на Западе как проявление экспансионизма, причем стереотипы подобного прочтения истории оказались необычайно устойчивыми.

Но как же быть с тем очевидным фактом, что в конце 80-х – начале 90-х годов Советский Союз, а затем и Россия, руководствуясь, в том числе, волеизъявлением своих сегодняшних соседей, способствовали нынешнему существованию в своих этнических и международно-признанных границах независимых Украины и Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии, Чехии и Словакии, Балканских стран, государств, входивших в Югославию? Позитивный потенциал такого прочтения событий недавней истории для строительства более гармоничного, основанного на приверженности общим идеалам миропорядка очевиден.

Разумеется, объективное всестороннее осмысление сложнейшего длительного процесса вхождения России в Европу еще впереди. Понять и внятно объяснить закономерности и аномалии происходившего и происходящего с нами – это, возможно, главное направление, где должны соединиться сегодня усилия ученых и дипломатов-практиков. Без ответа на этот вопрос, как и на вопрос о том, в чем конкретно Российская Федерация является преемником исторического опыта России на ее доимперском, имперском и советском этапах и с чем она решительно порывает, мы обречены или на репродуцирование прошлых заблуждений и просчетов или на молчаливое согласие с формируемым другими (и, к сожалению, не только З.Бжезинским) образом России как вечного изгиба мирового сообщества

со всеми вытекающими из этого последствиями для нашего международного статуса.

Это в полной мере касается и вопроса об участии российской дипломатии в трех первых разделах Польши. Скоординированная работа российских, германских и польских историков в рамках действующих двусторонних комиссий могла бы помочь строить настоящее и будущее Центральной и Восточной Европы не на минном поле взаимных претензий и обид, а на прочном фундаменте общности судеб и долгосрочных интересов. Думается, что ни методологические, ни архивные ресурсы для этого еще далеко не исчерпаны.

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.149. Л.2 – 17об.

² См., в частности, «Мемуар» Фридриха II от 1773 г. – АВПРИ. Ф. «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.598. Л.30 – 35об.; *Exposé de la conduite de la Cour impériale de Russie vis-à-vis de la Sérénissime République de Pologne*. S.-Petersbourg, 1773 (Краткое изложение поведения Санкт-Петербургского двора в отношении Яснейшей Республики Польской. СПб., 1773). – АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп.5. Д.143. Л.183 – 202.

³ *Observations sur les déclarations des cours de Vienne, de Petersbourg et de Berlin au sujet de démembrements de Pologne 1773*. – АВРПИ. Ф. «Сношения России с Данцигом». Оп.31/3. Д.55. Л.23 – 26об.; *Lettres historiques et politiques de gentillion polonais*. – Там же. Л.32 – 65об.

⁴ Архив МИД Франции. *Mémoires et documents. Russie*. 1613 – 1886. Vol.XI. F.300 – 308.

⁵ *Réflexions sur le dernier Partage de la Pologne*. Wien. House und Hoff Archif. Polens, 3. P.131 – 138.

⁶ «Первая наша забота – стоять твердо в Европе». Публикация Рыбаченок И.С. // *Источник*. 1994. № 6. С.5 – 6.

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. Договорные акты, относящиеся к разделам Речи Посполитой

1. ПЕТЕРБУРГСКАЯ КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПРУССИЕЙ О ПЕРВОМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ¹

1772 г. января 4

Во имя Пресвятой Троицы.

Е.в. императрица всероссийская и Е.в. король прусский, находясь в искреннем соглашении относительно всех интересов их монархий, считают обязанностью обратить самое серьезное и обдуманное внимание как на всеобщие смуты, в которые поставлена Польская республика разьединением вельмож и испорченностью нравов всех граждан, так и на войну, в которую вследствие событий в этой самой республике Е.в. императрица всероссийская видит себя вовлеченной против Оттоманской Порты и в которой Е.в. король прусский принимает действительное участие согласно союзным трактатам, существующим между обоими дворами.

Их упомянутые величества, принимая в соображение, что из всех употребленных ими средств для умиротворения Польши ни одно не достигло своей цели; что, напротив, ожесточение там духа партий и крамолы приобретает с каждым днем новые силы и что анархия укореняется там настолько, что нужно опасаться, чтобы продолжительность смут и раздоров не повлекла бы за собой современное разложение государства; принимая еще в соображение, что впоследствии сих обстоятельств Е.в. императрица королева повелела вступить корпусу своих войск в Польшу и приказала занять те округа, на которые она предъявляет прежние права; их упомянутые величества, зрело взвесив те непосредственные отношения, которые таковое положение соседственного государства имеет к собственным интересам их монархий и к безопасности их границ, они признали необходимым согласиться между собой относительно средств предохранить свои права и требования насчет Республики Польской,

¹ АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп.2. Д.343. Л.1–19 (подлинник). Оpubл.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – Т.VI. – СПб., 1875. – С.71–77.

Здесь и далее тексты документов, включая имена собственные и географические названия, приводятся в орфографии подлинников (за исключением документов, переведенных с оригиналов, написанных по-французски).

присоединив к своим владениям известные округа сего королевства, предполагая обеспечить за собой этим путем, с одной стороны, сохранение своих интересов и, с другой, произвести наиболее сильное впечатление на разъединенный дух поляков и приблизить к ним окончание умиротворения их отечества ввиду действительного чувства озлобления со стороны их соседей.

С этой целью их упомянутые величества избрали и назначили своих уполномоченных, а именно:

Е.в. императрица всероссийская – г-на графа Никиту Панина, воспитателя государя великого князя, действительного тайного советника Е.и.в., сенатора, камергера и кавалера своих орденов, и князя Александра Голицына, своего вице-канцлера, действительного тайного советника, действительного камергера и кавалера орденов Св. Александра Невского и польского ордена Белого Орла; и Е.в. король прусский – г-на Виктора Фридриха графа Сольмса, тайного советника посольства, действительного камергера, чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе Е.в. императрицы, кавалера ордена Св. Александра Невского.

Каковые полномочные министры, по сообщении и обмене их полномочий в доброй и надлежащей форме, постановили и заключили следующие статьи секретной конвенции.

Статья I

Е.в. императрица всероссийская и Е.в. король прусский обязуются самым положительным образом взаимно помогать друг другу в составленном ими предположении воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы вытребовать себе те округа Польши, на которые они имеют древние права, а равным образом доставить себе некоторыми из владений республики вознаграждение за те права, претензии и требования, которые они за ней имеют.

В этих видах и впоследствии соглашения, принятого по этому поводу, Е.в. императрица всероссийская во время и способом, условленным в следующей статье, вступит во владение остальной частью польской Ливонии, а также частью Полоцкого воеводства, находящейся по сю сторону Двины, и равным образом воеводством Витебским, так что река Двина составит естественную границу двух государств до особенной границы между воеводствами Витебским и Полоцким, и следуя по этой границе до пункта, где соединяются границы трех воеводств, Полоцкого, Витебского и Минского, от какового пункта граница продолжится по прямой линии до источника реки Дружек близ местности, именуемой Ордва, и оттуда вниз по этой реке до ее впадения в Днепр, так что все воеводство Мстиславское как по сю сторону, так и по ту сторону Днепра и обе оконечности Минского воеводства по сю сторону новой границы и Днепра будут принадлежать Российской империи, а со впадения реки Дружек Днепр составит границу между двумя государствами, сохра-

няя во всяком случае для города Киева и его округа границу, которую они в настоящее время имеют по другой стороне этой реки.

А Е.в. король прусский равным образом вступит во владение во время и способом, указанными в следующей статье, всей Померанией, за исключением города Данцига с его территорией, а также округом Великой Польши по сю сторону Нетце, следуя по этой реке от вновь проложенной границы до Вислы близ Вордона и Солицы, так что Нетце составит границу владений Е.в. короля прусского и так, что эта река будет принадлежать ему в целости.

Е.в., не желая приводить в исполнение другие требования на многие другие округа Польши, пограничные с Силезией и Пруссией, которые он мог по справедливости предъявить, и отказываясь в то же время от требований на город Данциг с его территорией, примет в виде вознаграждения остальную часть польской Пруссии, а именно воеводство Мариенбургское, включая сюда город Эльбинг с епископством Варшавским, и воеводство Кульмское, исключив из него только город Торн, который со всей его территорией сохранен будет во владении Польской республики.

Статья II

Обе высокие договаривающиеся стороны прикажут вступить своим войскам в Польшу с начала будущей весны. И как они согласились занять одновременно местности и округа, которые настоящей конвенцией они предполагают присоединить к своим владениям, они назначили для сего вступления во владение июнь месяц текущего года. До того времени они ничего не объявят из своих видов и своих намерений. Но с момента, когда это вступление во владение будет иметь место, они об этом сделают совокупно сообщение венскому двору и также предоставят ему соблюсти свои удобства, пригласив его приступить к этому плану раздела, полагая, однако ж, что он тем не менее будет применен даже и в том случае, если бы сей двор, против всякого ожидания, не пожелал бы к сему приступить.

Статья III

Обе высокие договаривающиеся стороны также обещают торжественно взаимно гарантировать все вышеуказанные владения так, как бы они входили в общую гарантию всех из владений, так же как эта гарантия установлена союзным трактатом, существующим между обоими дворами.

Статья IV

Так как необходимо будет придти к окончательному устройству с Польской республикой по предмету сих приобретений, то Е.в. императрица всероссийская и Е.в. король прусский обязуются также дать

своим министрам, пребывающим в Варшаве, самые точные инструкции для действия во всем по общему соглашению и совершенному единству и подкреплять общие интересы обоих дворов самыми надлежащими представлениями и действиями, наиболее способствующими к выполнению сих переговоров к удовлетворению обеих высоких договаривающихся сторон.

Статья V

Конвенция эта будет ратификована и ратификации обменены в продолжение шести недель или же и скорее, если окажется возможным.

Во уверение чего нижеподписавшиеся министры приказали сделать с той два экземпляра и приложили к ним печати своих гербов.

Заклучено в С.-Петербурге, 4 января 1772 г.

(М.П.) Никита Панин

(М.П.) Гр. В.Ф.Сольмс

(М.П.) Кн. А.Голицын

Отдельная и особенно секретная статья

Е.в. императрица всероссийская и Е.в. король прусский, выразив во II статье секретной конвенции, заключенной и подписанной сего числа, что план раздела, принятый между ними, тем не менее будет приведен в действие даже в том случае, если бы венский двор, против всякого ожидания, не пожелал бы к нему приступить, их величества согласились более специально определить меры, которые им необходимо будет принять по отношению ко всем возможным намерениям, которые венский двор может питать относительно того или другого из двух союзников.

Их упомянутые величества, будучи не в состоянии скрывать перед собою зависти, с которой этот двор взирает на союз и тесную дружбу двух монархий, и неприязненные чувства, которые он уже выразил российскому двору пристрастием, с которым он желает вмешаться в заключение мира с Портой, и ответ, по тону своему весьма близкий к угрозе, который им дан был по поводу конфиденциального сообщения об условиях, при которых Е.и.в. согласилось бы на заключение мира;

принимая в то же время в соображение, что военные распоряжения этого двора и распоряжения его войск очевидно соответствуют сему тону и таковым действиям, которые разоблачают его двусмысленное расположение к императорскому российскому двору, их величества взаимно обязываются один по отношению к другому к следующему:

если венский двор сделает распоряжение о приближении отряда своих войск к Польше или к турецким провинциям, завоеванным

оружием Е.в. императрицы всероссийской, и если оба союзника получают основательные подозрения в том, что такое движение имеет целью начатие неприязненных действий против войск Е.в. императрицы всероссийской, тогда Е.в. императрица и Е.в. король прусский объявят совокупно венскому двору, что всякое неприязненное с его стороны действие против русских войск будет рассматриваемо Е.в. королем прусским как нападение, лично на него сделанное, и что он тотчас же примет сторону Е.в. императрицы всероссийской.

Но если, невзирая на сию декларацию, венский двор введет свои войска в Польшу или же в провинции, завоеванные оружием Е.в. императрицы, для содеяния неприязненных действий против русских войск, в таком случае Е.в. король прусский обязуется настоящей секретной конвенцией немедленно после требования, ему сделанного, послать на помощь Е.в. императрице корпус войска в двадцать тысяч человек в Польшу, каковой отряд будет употреблен в действие Е.в. совокупно с войском, которое ею будет равным образом выставлено в Польше в количестве пятидесяти тысяч человек для отражения в том государстве всякого нападения со стороны австрийцев и для сделания, смотря по требованиям данного случая, диверсии в Венгрию тем путем, на который обе державы согласятся, разумея, однако ж, что вышепомянутый корпус в двадцать тысяч человек не может быть употреблен в действие за пределами Польши и Венгрии.

В случае же, если бы этого вспомогательного корпуса не было достаточно для отражения сказанного нападения, Е.в. король прусский обязуется сообразно с декларацией, которая будет сделана венскому двору, на основании постановления настоящей статьи объявить себя открыто и действовать всеми своими силами могущественной диверсией во владения императрицы королевны, при условии, однако ж, что денежное вспомоществование, которое Е.в. король прусский доставлял до сей поры Е.в. императрице всероссийской, совершенно прекратится, как только вспомогательный корпус в двадцать тысяч человек будет присоединен к российской армии, и что Е.в. равным образом может отозвать этот корпус в двадцать тысяч человек, если он будет находиться в открытой войне с австрийцами и если наибольшая часть их сил будет обращена против него или против его владений, если только эти вспомогательные войска не будут тогда в полном действии против австрийских сил.

Равномерно Е.в. императрица всероссийская обещает и утверждает, что если бы вследствие нынешних дел в Польше или Турции или же в возмездие за заключенную сего числа конвенцию между двумя союзниками венский двор сделал нападение на Е.в. короля прусского в его владениях, в таком случае Е.в. императрица всероссийская пошлет сначала корпус в шесть тысяч человек пехоты и четыре тысячи казаков для соединения с армией Е.в. короля прусско-

го и удвоит это вспоможение, как только ее собственные дела то позволят, обещая в то же время сохранить свою армию в Польше в размере сил, способном к поддержанию уважения к союзникам и к принятию расположений, препятствующих австрийцам и благоприятствующих диверсии в Венгрию.

Если же в течение этих событий она заключит мир с турками, в таком случае сверх упомянутой помощи в двадцать тысяч человек Е.в. императрица всероссийская будет помогать Е.в. королю прусскому всеми своими силами, а именно диверсией в Венгрию посредством армии в пятьдесят тысяч человек, каковую диверсию она будет поддерживать до тех пор, пока будет необходимость побудить венский двор к заключению справедливого и основательного мира и к вознаграждению, которое его прусское в-во будет вправе требовать в случае войны с австрийским домом. В заключение обе высокие договаривающиеся стороны обязуются придти к дальнейшему соглашению между собой конвенцией относительного будущего порядка по содержанию вспомогательного корпуса, который будет послан с той или другой стороны.

Настоящая отдельная и особенно секретная статья будет иметь ту же силу и значение, как бы она включена была от слова до слова в секретную конвенцию, заключенную сего числа между двумя дворами, и будет ратификована в то же время.

Во уверение чего и т.д.

Заключено в С.-Петербурге, января 4 дня 1772 г.

(М.П.) Никита Панин

(М.П.) Гр. В.Ф.Сольмс

(М.П.) Кн. А.Голицын

2. ПЕТЕРБУРГСКАЯ КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АВСТРИЕЙ О ПЕРВОМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ¹

1772 г. июля 25

Во имя Пресвятой Троицы.

Дух партий, смуты и междоусобия, которыми в течение уже многих лет волнуется королевство Польское, и анархия, приобретающая там с каждым днем новые силы, так что подрывает наконец всю

¹ АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп.2. Д.61. Л.1–6 (подлинник). Опубл.: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.II. С.23–24.

власть законного правительства, возбуждают справедливые опасения к тому, что может наступить совершенное распадение государства, что интересы соседей Польши будут нарушены, нарушено будет доброе согласие, установившееся между ними, и возбуждена будет всеобщая война, как уже в действительности этими смутами и возбуждена война, которую Е.в. императрица всероссийская ведет с Оттоманской Портой. В то же время державы, соседние с Польской республикой, имея по отношению к ней требования и права столь же древние, как и законные, которых удовлетворения никогда не могли получить, рискуют потерять эти права безвозвратно, если они не примут мер к их обезопасению и не приведут их сами в исполнение, совокупно с восстановлением спокойствия и порядка во внутренних делах республики, определив ее политическое устройство, более согласное с интересами ее соседей.

С этой целью Ее апостольское в-во императрица-королева венгробогемская избрала и назначила своим уполномоченным князя Иосифа Лобковича, герцога Саганского, своего действительного камергера, генерала от кавалерии, кавалера Военного ордена и своего посланника при дворе Е.в. императрицы всероссийской, который сообщил свои полномочия графу Никите Панину, воспитателю Е.и.в-ва государя великого князя, действительному тайному советнику Е.и.в., камергеру и кавалеру императорских орденов, а также князю Александру Голицыну, вице-канцлеру, действительному тайному советнику, камергеру и кавалеру орденов Св. Александра Невского и польского Белого Орла, уполномоченным таким же образом от их двора. После совещания относительно указанного положения Польской республики, а также относительно средств к обеспечению прав и требований Ее императорского и апостольского королевского в-ва, за нее, ее потомков, наследников и преемников постановили, заключили и подписали следующие статьи:

Статья I

Ее императорское апостольское в-во королева как за себя, так и за своих потомков, наследников и преемников вступит во владение в то время и тем способом, которые определены в следующей статье, страну в нижеследующих границах: между правым берегом Вислы от Силезии до Сандомира и до впадения реки Сана, отсюда проведя прямую линию на Фрамполь до Замостья, а отсюда на Грубешов и до реки Буга, следуя затем от этой реки по настоящим границам Червонной России, составляющим в то же время границы Волыни и Подолии, до окрестностей Збаража; оттуда по прямой линии на Днестр, вдоль небольшой речки, называемой Подгорче, которая отделяет незначительную часть Подолии, до ее впадения в Днестр и, наконец, следуя принятым границам между Покутией и Молдавией.

Статья II

Ее императорское апостольское в-во королева повелит занять своим войскам места и области, которые по предыдущей статье она предполагает присоединить к своим владениям, и сроком для этого вступления во владение она назначает первые числа сентября месяца старого стиля текущего года, обещая до того времени ничего не открывать из своих видов и намерений.

Статья III

Ее апостольское в-во императрица-королева за себя, за своих потомков, наследников и преемников гарантирует формально и самым положительным образом за Е.в-вом императрицей всероссийской те земли и области Польши, во владение которыми вступит Е.в. в силу общего соглашения и которые состоят из остальной части польской Литвы, а также из части Полоцкого воеводства, находящейся по сю сторону Двины, и равным образом из воеводства Витебского, так что река Двина образует естественную границу между двумя государствами почти до особенной границы между Витебским и Полоцким воеводствами, и следуя по этой границе до пункта, где соединяются три воеводства: Полоцкое, Витебское и Минское; от этого пункта граница пойдет по прямой линии до истока реки Дручи при местечке Орша, а оттуда следуя по течению этой реки до впадения ее в Днепр, так, что все Мстиславльское воеводство, как по сю, так и по ту сторону Днепра, и обе оконечности Минского воеводства выше и ниже Мстиславльского воеводства по сю сторону новой границы и Днепра будут принадлежать Российской империи; от впадения же реки Дручи Днепр составит границу между обоими государствами, сохраняя за городом Киевом и его округом те границы, которые они имеют в настоящее время по другому берегу этой реки.

Статья IV

А как Е.в. императрица всероссийская, продолжая уже более трех лет особую войну с Оттоманской империей единственно из-за дел польских, с полным доверием сообщила Е.и.в. королеве венгерской и богемской окончательные условия, на основании которых она была бы согласна заключить мир с Портой, и изъяснила, что при этих новых предначертаниях Е.в. угодно было согласиться не требовать ни завоевания, ни независимости Валахии и Молдавии и потому не настаивать более на тех первоначальных ее условиях, которые прямым образом противоречили непосредственным интересам австрийского дома, Ее императорское апостольское в-во королева, побуждаемая чувствами искренней дружбы к Е.в. императрице всероссийской,

обещает впредь искренно содействовать к достижению желаемого успеха в переговорах на конгрессе согласно дружеским услугам, к которым она обязалась в отношении обеих воюющих сторон.

Статья V

Так как необходимо будет придти к окончательному устройству дела с Польской республикой по предмету общих приобретений, а равным образом относительно восстановления порядка и тишины в Польше, Ее императорское и королевское апостольское в-во обязывается дать своему посланнику при варшавском дворе самые точные инструкции действовать во всем согласно и единодушно с посланником Е.в. императрицы всероссийской, находящимся при том же дворе, и поддерживать эти переговоры самыми действительными мерами.

Статья VI

Настоящая конвенция будет ратификована в продолжение шести недель или еще ранее, если представится к тому возможность.

В уверение чего уполномоченный Ее императорского и апостольского королевского в-ва подписал сие собственноручно и приложил печать своего герба.

Учинено в С.-Петербурге 25 июля 1772 г.

(М.П.) Князь Иосиф Лобкович

3. КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПРУССИЕЙ О ВТОРОМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ¹

1793 г. января 12/23

Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы.

Смуты, действующие в Европе вследствие гибельной революции, случившейся во Франции, представляют неизбежную и всеобщую опасность по своему развитию и распространению, которых они могли бы достигнуть, если бы державы, заинтересованные в сохра-

¹ АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп.2. Д.368. Л.1–33 (подлинник). Оpubл.: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.II. С.228–235.

нении доброго порядка, единственного прочного основания для безопасности и всеобщего спокойствия, не позаботились бы обеспечить себя в этом деле самыми решительными и действительными средствами; Е.в. императрица всероссийская и Е.в. король прусский немедленно вслед за счастливым возобновлением дружественных и союзных трактатов, бывших между ними, поспешили обратить все свое внимание на этот столь важный предмет и по взаимному сообщению с полным доверием своих намерений и соображений в сем отношении они нашли основания к опасениям тем более веским, что по верным признакам они убедились, что тот же дух восстания и нововведения, который царствует в настоящее время во Франции, готов проявить себя в королевстве Польском, непосредственно прилежащем к их обоюдным владениям. Такое положение дел естественным образом дало почувствовать их императорскому и королевскому величествам необходимость удвоить предосторожности и усилия к охранению своих подданных от последствий соблазнительного и часто заразительного примера и в то же время устроить так, чтобы усилия эти могли послужить в одно время и к безопасности настоящей и будущей, и к возмещению чрезмерных издержек, которые им должны быть причинены. Чтобы определить и обеспечить в этом смысле их обоюдные интересы, а также интересы Е.в. императора римского, короля венгерского и богемского, их общего союзника, разделяющего их принципы и стремящегося к общей с ними цели, их упомянутые величества признали за благо постановить и заключить между собой особую формальную конвенцию, но во всяком случае секретную. И с этой целью они избрали, назначили и уполномочили следующих лиц: Е.в. императрица всероссийская – графа Ивана Остермана, своего вице-канцлера, действительного тайного советника и проч. и проч.; графа Александра Безбородко, действительного тайного советника, гофмейстера двора и проч. и проч., и Аркадия Моркова, тайного советника, члена Коллегии иностранных дел и проч.; а Е.в. король прусский – графа Генриха Леопольда фон Гольца, полковника кавалерии и своего чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе Е.в. императрицы всероссийской, каковые уполномоченные по сообщению и обмене своих полномочий согласились на следующие статьи:

Статья I

Е.в. императрица всероссийская принимает на себя обязательство на все время продолжения настоящих смут, возбужденных восстанием Франции и нападением ее на Германию и на наследственные владения своих союзников Е.в. императора римского и Е. в. короля прусского, содержать свои сухопутные и морские силы в том грозном положении, в каком они находятся в настоящее время, таким образом, что они в

равной степени будут готовы и к защите ее собственных владений против всякого возможного нападения, и к оказанию помощи и содействия своим союзникам в случаях, определенных трактатами, а равным образом к подавлению и удержанию по первому сделанному ей требованию всякого восстания и возмущения, могущего обнаружиться в Польше или же в какой-либо из провинций упомянутых высоких союзников и соседственной с этим государством.

Статья II

В возмещение расходов, которые будут следствием подобного вооружения, и в видах безопасности и общего спокойствия вышеупомянутых Е.в. императрица всероссийская за себя, своих потомков, наследников и преемников в срок и способом, определенными в следующей статье, вступит во владение землями и провинциями, расположенными и заключающимися в линии, означенной на карте, начинающейся от поселения Друи, находящегося на оконечности Семигалии на левом берегу Двины; отсюда линия продолжается через Нароч и Дубраву, направляясь по границе Виленского воеводства на местечко Столпега, идет к Несвижу, потом к Пинску, а отсюда проходя через Кунев между Вышгородом и Новогробли близ границы Галиции, по которой она следует до реки Днестра; следуя по течению этой реки, она оканчивается у Егорлыка, нынешней границы России с этой стороны, так что все земли, города и округа вышеуказанные будут принадлежать на вечные времена Российской империи и отныне гарантируются за нею Е.в. королем прусским самым формальным и обязательным образом.

Статья III

Е.в. императрица всероссийская прикажет занять корпусам своих войск места и округа, которые по предшествующей статье она предполагает присоединить к своим владениям, и назначает для вступления во владение этими землями срок между 25 марта и 10-м числом будущего апреля старого стиля текущего года, обязываясь ничего не объявлять до того времени о своих видах и намерениях.

Статья IV

Е.в. король прусский, с своей стороны, обязывается продолжать участвовать с Е.в. императором римским в войне, которую их величества в настоящее время ведут против французских мятежников, и не заключать отдельного мира или перемирия, пока они не достигнут цели, указанной ими в своих одинаковых декларациях, и заставят сих нарушителей общественного покоя отказаться от их враждебных

предприятий вне Франции и от их преступных посягательств в самом королевстве Французском.

Статья V

В вознаграждение же издержек, которые причиняет и будет причинять эта война, а также по другим соображениям, на которые согласна с Е.в. королем прусским Е.в. императрица всероссийская, Е.в. король прусский вступит во владение землями, городами и округами, заключающимися в черте, означенной на карте, от Ченстохова чрез Раву до Солдау, с присоединением сюда города Данцига с его территорией; так что эти земли, провинции и города будут принадлежать на вечные времена Прусской монархии и будут отныне гарантированы за ней Е.в. императрицей всероссийской самым формальным и обязательным образом.

Статья VI

Взятие во владение вышеозначенных мест и округов будет исполнено от имени Е.в. короля прусского тем же способом и в то же время, как и взятие во владение земель, доставшихся на часть Е.в. императрице всероссийской на основании ст. II настоящей конвенции.

Статья VII

Как вследствие дружественных отношений и трактатов, соединяющих Е.в. императрицу всероссийскую и Е.в. короля прусского с их общим союзником Е.в. императором римским, так равно и во внимание к согласию, которое ему благоугодно было дать на настоящее соглашение, их величества императрица и король ставят себе долгом сохранять и содействовать его интересам столько же, как и своим собственным; настоящей статьей они обязуются как между собой, так равно и по отношению к императору римскому, как только наступит тому время и как только к ним последует требование, неупустительно стараться и употреблять все действительные средства, которые будут в их власти, к тому, чтобы облегчить ему и доставить желаемый им обмен своих наследственных владений в Нидерландах на Баварию, присоединяя к тому и всякие другие выгоды, которые будут совместимы с общими удобствами.

Статья VIII

В последствие настоящего условия обе высокие договаривающиеся стороны немедленно после совершенного заключения сего акта не замедлят сообщить его конфиденциально Е.в. императору

римскому и пригласят Е.в. приступить к нему формально, а равным образом гарантировать с своей стороны все определения, в нем изложенные, и все действительные последствия, из них вытекающие; Е.в. императрица всероссийская и Е.в. король прусский обязываются настоящей статьей по отношению к императору римскому обоюдно вполне гарантировать все, что относится до вышеупомянутого обмена владений нидерландских на баварские, как только этот обмен будет достигнут.

Статья IX

Если по злобе к настоящей конвенции и ее последствиям которая-либо из двух высоких договаривающихся сторон подверглась бы нападению со стороны какой-либо третьей державы, другая сторона присоединится к ней и будет помогать ей всеми своими средствами до окончательного прекращения сего нападения.

Статья X

Так как по отношению к обоюдным приобретениям необходимо будет придти к окончательному устройству дел с Польской республикой, Е.в. императрица всероссийская и Е.в. король прусский обоюдно обязываются дать своим посланникам или уполномоченным министрам при дворе варшавском, а также и генералам, командующим их войсками в Польше, самые точные инструкции к тому, чтобы они действовали во всем с полным согласием и единодушием, и подкреплять свои переговоры мероприятиями, наиболее содействующими к достижению цели.

Статья XI

Настоящая конвенция будет ратификована в продолжение шести недель или и ранее, если представится к тому возможность.

В уверение чего мы, уполномоченные Е.и.в. императрицы всероссийской и Е.в. короля прусского, подписали сие и проч. Заключено в С.-Петербурге 12 (23) января 1793 г.

(М. П.) *Граф Иван Остерман*

(М. П.) *Граф Гольц*

(М. П.) *Граф Александр Безбородко*

(М. П.) *Аркадий Морков*

4. АКТ ПРИСТУПЛЕНИЯ Е.В. ИМПЕРАТОРА РИМСКАГО К КОНВЕНЦИИ ОТ 12-го (23-го) ЯНВАРЯ 1793 ГОДА¹

Его Императорское Королевское и Апостолическое Величество будучи дружественно приглашен Ея В. Императрицею Всероссийского приступить к конвенции, заключенной 12-го (23-го) января 1793 г. между Ея Импер. Всероссийским Величеством и Е.В. Королем Прусским, содержание которой приводится здесь от слова до слова и заключается в следующем:

Во имя ПРЕСВЯТОЙ и НЕРАЗДЕЛЬНОЙ ТРОИЦЫ.

Смуты, действующие в Европе вследствие гибельной революции, случившейся во Франции, представляют неизбежную и всеобщую опасность по своему развитию и распространению, которых они могли бы достигнуть, если бы державы, заинтересованные в сохранении доброго порядка, единственного прочного основания для безопасности и всеобщего спокойствия, не позаботились бы обезпечить себя в этом деле самыми решительными и действительными средствами; Ея Величество Императрица Всероссийская и Его Величество Король Прусский немедленно вслед за счастливым возобновлением дружественных и союзных трактатов, бывших между Ними, поспешили обратить все свое внимание на этот столь важный предмет и по взаимном сообщении с полным доверием своих намерений и соображений в сем отношении, они нашли основания к опасениям тем более веския, что по верным признакам они убедились, что тот же дух возстания и нововведения, который царствует в настоящее время во Франции, готов проявить себя в Королевстве Польском, непосредственно прилежащем к Их обоюдным владениям. Такое положение дел естественным образом дало почувствовать Их Императорскому и Королевскому Величествам необходимость удвоить предосторожности и усилия к охранению своих подданных от последствий соблазнительного и часто заразительного примера и в то же время устроить так, чтобы усилия эти могли послужить в одно время и к безопасности настоящей и будущей и к возмещению чрезмерных издержек, которые им должны быть причинены. Чтобы определить и обезпечить в этом смысле Их обоюдные интересы, а также интересы Его Величества Императора Римского, Короля Венгерского и Богемского, Их общего союзника, разделяющего их принципы и стремящегося к общей с Ними цели, Их упомянутые Величества признали за благо постановить и заключить между собою

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.II. СПб., 1875. С.228–236.

особую формальную конвенцию, но во всяком случае секретную. И с этою целью они избрали, назначили и уполномочили следующих лиц: Ея Величество Императрица Всероссийская Графа Ивана Остермана, своего Вице-Канцлера, Действительного Тайного Советника и проч. и проч. Графа Александра Безбородко, Действительного Тайного Советника, Гофмейстера Двора и проч. и проч. и Аркадия Моркова, Тайного Советника, Члена Коллегии Иностранных Дел и проч.; а Его Величество Король Прусский Графа Генриха Леопольда фон Гольца, полковника Кавалерии и своего чрезвычайного посланника и уполномоченного Министра при Дворе Ея Величества Императрицы Всероссийской, каковые уполномоченные, по сообщении и обмене своих полномочий, согласились на следующие статьи:

Статья I

Ея Величество Императрица Всероссийская принимает на себя обязательство, на все время продолжения настоящих смут, возбужденных возстанием Франции и нападением ея на Германию и на наследственные владения своих союзников Его Величества Императора Римского и Его Величества Короля Прусского содержать свои сухопутные и морские силы в том грозном положении, в каком оне находятся в настоящее время, таким образом, что оне в равной степени будут готовы и к защите Ея собственных владений против всякого возможного нападения, и к оказанию помощи и содействия своим союзникам в случаях определенных трактатами, а равным образом к подавлению и удержанию по первому сделанному Ей требованию всякого возстания и возмущения могущаго обнаружиться в Польше или же в какой либо из провинций упомянутых Высоких Союзников и соседственной с этим государством.

Статья II

В возмещение расходов, которые будут следствием подобного вооружения и в видах безопасности и общего спокойствия вышеупомянутых, Ея Величество Императрица Всероссийская, за себя, своих потомков, наследников и преемников, в срок и способом определенными в следующей статье, вступит во владение землями и провинциями, расположенными и заключающимися в линии означенной на карте, начинающейся от поселения Друи, находящейся на оконечности Семигалии на левом берегу Двины; отсюда линия продолжается чрез Нароч и Дубраву, направляясь по границе Виленского воеводства на местечко Столпеж*, идет к Несвижу, потом к Пинску, а отсюда проходя через Кунев между Вышгродом и Новогробли близ

* Так в тексте. Ранее — Столпег.

границы Галиции, по которой она следует до реки Днестра, следуя по течению этой реки она оканчивается у Егорлыка, нынешней границы России с этой стороны, так что все земли, города, и округа вышеуказанные будут принадлежать на вечныя времена Российской Империи и отныне гарантируются за нею Его Величеством Королем Прусским самым формальным и обязательным образом.

Статья III

Ея Величество Императрица Всероссийская прикажет занять корпусам своих войск места и округа, которые по предшествующей статье Она предполагает присоединить к своим владениям и назначает для вступления во владение этими землями срок между 25 Марта и 10 числом будущего Апреля старого стиля текущаго года, обязываясь ничего не объявлять до того времени о своих видах и намерениях.

Статья IV

Его Величество Король Прусский с своей стороны обязывается продолжать участвовать с Его Величеством Императором Римским в войне, которую Их Величества в настоящее время ведут против французских мятежников и не заключить отдельнаго мира или перемирия, пока они не достигнут цели, указанной Ими в своих одинаковых декларациях, и заставят сих нарушителей общественного покоя отказаться от их враждебных предприятий вне Франции и от их преступных посягательств в самом Королевстве Французском.

Статья V

В вознаграждение же издержек, которыя причиняет и будет причинять эта война, а также по другим соображениям, на которыя согласна с Его Величеством Королем Прусским Ея Величество Императрица Всероссийская, Его Величество Король Прусский вступит во владение землями, городами и округами, заключающимися в черте означенной на карте от Ченстохова чрез Раву до Солдау, с присоединением сюда города Данцига с его террикторию; так что эти земли, провинции и города будут принадлежать на вечныя времена Прусской Монархии и будут отныне гарантированы за нею Ея Величеством Императрицею Всероссийскою самым формальным и обязательным образом.

Статья VI

Взятие во владение вышеозначенных мест и округов будет исполнено от имени Его Величества Короля Прусскаго тем же способом

и в то же время, как и взятие во владение земель, доставшихся на часть Ея Величеству Императрице Всероссийской на основании статьи II настоящей конвенции.

Статья VII

Как вследствие дружественных отношений и трактатов, соединяющих Ея Величество Императрицу Всероссийскую и Его Величество Короля Прусского с Их общим союзником Его Величеством Императором Римским, так равно и во внимание к согласию, которое Ему благоугодно было дать на настоящее соглашение и к тому участию, которое Он принимает в событиях, вызвавших это соглашение, Их Величества Императрица и Король ставят себе долгом сохранять и содействовать Его интересам столько же как и своим собственным; настоящею статьею Они обязуются как между собою, так равно и по отношению к Императору Римскому, как только наступит тому время и как только к Ним последует требование, неупустительно стараться и употреблять все действительныя средства, которые будут в Их власти, к тому чтобы облегчить Ему и доставить желаемый им обмен своих наследственных владений в Нидерландах на Баварию, присоединяя к тому и всякия другия выгоды, которые будут совместимы с общими удобствами.

Статья VIII

В последствие настоящего условия обе Высокия договаривающиеся стороны, немедленно после совершенного заключения сего акта, не замедлят сообщить его конфиденциально Его Величеству Императору Римскому и пригласят Его Величество приступить к нему формально, а равным образом гарантировать с своей стороны все определения, в нем изложенныя, и все действительныя последствия, из них вытекающия; Ея Величество Императрица Всероссийская и Его Величество Король Прусский обязываются настоящею статьею по отношению к Императору Римскому обоюдно вполне гарантировать все, что относится до вышеупомянутого обмена владений Нидерландских на Баварския, как только этот обмен будет достигнут.

Статья IX

Если по злобе к настоящей конвенции и ея последствиям, которая либо из двух Высоких договаривающихся сторон подверглась бы нападению со стороны какой-либо третьей державы, другая сторона присоединится к ней и будет помогать ей всеми своими силами и средствами до окончательного прекращения сего нападения.

Статья X

Так как по отношению к обоюдным приобретениям необходимо будет придти к окончательному устройству дел с Польскою республикою, Ея Величество Императрица Всероссийская и Его Величество Король Прусский обоюдно обязываются дать своим посланникам или уполномоченным Министрам при Дворе Варшавском, а также и Генералам, командующим их войсками в Польше, самые точные инструкции к тому, чтобы они действовали во всем с полным согласием и единодушием, и подкреплять свои переговоры мероприятиями наиболее содействующими к достижению цели.

Статья XI

Настоящая конвенция будет ратификована в продолжении шести недель или и ранее, если представится к тому возможность.

В уверение чего мы уполномоченные Ея Императорского Величества Императрицы Всероссийской и Его Величества Короля Прусского подписали сие и проч.

Заключено в С.-Петербурге 12-го (23-го) января 1793 года.

(м.п.) Граф Иван Остерман

(м.п.) Граф Гольц

(м.п.) Граф Александр Безбородко

(м.п.) Аркадий Морков

Его Императорско-Королевское и Апостолическое Величество, не имея ничего ближе к сердцу, как при каждом случае представить Ея Величеству Императрице Всероссийской, своей союзнице, все зависящие от него доказательства своей дружбы, снабдил поэтому самыми широкими полномочиями Графа Луи Кобенцеля и проч. для совершения приступления его именем. В силу этого, последний сим объявляет, что Его Апостолическое Импер. и Королевское Величество настоящим Актом приступает к вышеприведенной конвенции настолько, насколько она касается непосредственных интересов обоих Императорских дворов, обмена Баварии на Нидерланды и приобретений, сделанных на основании этой конвенции Российским Императорским двором, которому одному Его Императорское Вел. гарантирует формальным и торжественным образом упомянутыя приобретения, пока Берлинский двор, с своей стороны, не приступил к соглашению обоих Императорских дворов относительно новаго раздела Польши.

В уверение чего мы, уполномоченный Его Апостолического Импер. и Кор. Величества, в силу данных нам полномочий подписали сей Акт приступления, приложив к нему печать нашего герба

и обменяв его на Акт принятия, совершенный именем Ея Вел. Императрицы Всероссийской.

Дан в С.-Петербурге 23-го декабря 1794 г. (3 января 1795 г.).

(м.п.) Кобенцель

5. СЕКРЕТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СОЮЗА МЕЖДУ РОССИЕЙ И АВСТРИЕЙ¹

ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1794 Г. (3 ЯНВАРЯ 1795 Г.)

Оба Императорские Двора, определив и утвердив министерскими декларациями, обмененными сегодня, часть, следующую каждому из них при общем разделе Польши, признали согласно с соединяющим их тесным союзом, что необходимо, в этой же самой форме или в какой-либо другой, принятой ими впоследствии, обеспечить взаимные свои интересы и удобства. По причине искренней дружбы к Его Императорскому Величеству, Ея Императорское Величество соизволила оказать свое содействие видам и интересам, о которых Его Величество сообщил Ей на счет нового вознаграждения, на которое он имеет право за издержки и жертвы, сопряженные для него с настоящею войною. Вследствие этого Его Императорское Величество уполномочил нижеподписавшагося, снабженного самыми широкими полномочиями, объявить и обещать Его Именем следующее:

Что Его Императорское Величество приступит к секретной Конвенции от 12-го (23-го) Января 1793 г., заключенной между С.-Петербургским и Берлинским Дворами, насколько она касается интересов Обоих Императорских Дворов, обмена Баварии на Нидерланды и приобретений, сделанных Российским Императорским Двором на основании этой Конвенции. Только ему одному Его Императорское Величество формальным и торжественным образом гарантирует упомянутыя приобретения до тех пор, пока Берлинский Двор, с своей стороны, не приступил к соглашению, состоявшемуся между обоими Императорскими Дворами относительно нового раздела Польши.

Сверх того секретная статья в союзном трактате между двумя Императорскими Дворами, относящаяся до Оттоманской Порты, распространится отныне также на Пруссию, т.е. в случае, если Пруссия совершит нападение на одного из обоих высоких Союзни-

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.II. СПб., 1875. С.243–248.

ков, другой не ограничится представить помощь, определенную в союзном трактате, но будет действовать всеми своими силами против общего неприятеля.

Наконец в случае новой общей войны двух Императорских Дворов против Османской Порты, Его Императорское Величество обязывается содействовать всеми средствами к тому, чтоб согласно содержанию собственноручной переписки покойного Его Императорского Величества Иосифа II, славной памяти, с Ея Императорским Величеством, и в особенности писем от 10-го сентября и 13-го ноября 1782 г., вполне исполнен был план, в них начертанный, насколько позволят обстоятельства, и чтоб в частности Молдавия, Валахия и Бессарабия навсегда были бы отделены от Турецкой империи и возведены в независимое государство, на вечныя времена предоставляемое Князю или Княгине Российской Императорской фамилии и их потомству обоего пола. С своей стороны Ея Императорское Величество обязывается содействовать всеми средствами к тому, чтоб земли, упомянутыя в вышеприведенном письме Его Императорского Величества от 13-го ноября 1782 г. навсегда были бы отделены от Турецкой империи и присоединены к Австрийской монархии.

Соответственно вышеприведенным обязательствам уполномоченные Ея Императорского Величества, также снабженные надлежащими полномочиями, объявили и обещали Именем августейшей своей Государыни, что Ея Величество Императрица Всероссийская будет всеми зависящими от нея средствами содействовать тому, чтоб Его Римское Императорское Величество получил недостающее ему удовлетворение и вознаграждение, на которое он имеет право по признанному началу о совершенном равенстве во взаимных приобретениях; что если неблагоприятныя обстоятельства не позволят Его Императорскому Величеству получить вознаграждение на счет Франции, то Ея Императорское Величество вперед заявляет о полнейшем своем согласии с намерением его вознаградиться посредством осуществления Австриею своих прав на различные части Венецианской территории, неправильно занятая этою республикою, и даже со всяким другим проектом о приращении, представляющемся достаточно целесообразным, если только этот проект ни в чем не будет противоречить тому, что определено в собственноручной переписке покойного Его Императорского Величества Иосифа II, славной памяти, с Ея Императорским Величеством, и в частности в письмах от 10-го сентября и 13-го ноября 1782 г. относительно распределения завоеваний, сделанных обоими Императорскими Дворами на счет Османской Порты, в случае общей с этою державою войны. В этом последнем случае Ея Императорское Величество обязывается всеми силами содействовать тому, чтоб означенныя в вышеупомянутом письме Его Величества покойного Императора от 13-го ноября 1782 г. земли навсегда были бы отделены от Турецкой империи и присоединены к Австрийской державе, равно как Его Императорское Вели-

чество обязывается всеми средствами содействовать к совершенному исполнению плана, начертанного в вышеприведенной переписке, насколько того позволят обстоятельства, и в особенности к вечному отделению от Турции Молдавии, Валахии и Бессарабии и к возведению их в независимое государство, предназначенное в пользу Князя или Княгини Российской Императорской фамилии, их потомства обоего пола на вечныя времена.

Ея Императорское Величество сверх того обязывается, что если какая бы то ни было держава, за исключением южных, неподходящих под *casus foederis* в соединяющем оба Императорския правительства трактате, намеревается посредством неприяженного нападения на Ею Императорское Величество препятствовать исполнению принятых им мер для получения следуемого ему вознаграждения, соединиться с Ею Императорским Величеством и помочь ему всеми своими силами отражать подобное нападение. Ея Императорское Величество принимает на себя то же самое обязательство на случай, если б Берлинский Двор стал бы угрожать, выказывать свою неприязнь или совершать действия, направленные против Австрии. Вообще секретная статья, относящаяся до Оттоманской Порты в союзном договоре между обоими Императорскими Дворами, отныне распространит свое действие также на Пруссию, т.е. в случае, если Пруссия совершит нападение на одного из обоих высоких союзников, другой не ограничится оказать помощь, определенную в союзном трактате, но будет действовать всеми своими силами против общего неприятеля.

Сверх того обе договаривающиеся стороны согласились, что сей акт, равно как и другой, подписанный и обмененный уполномоченными Ея Императорского Величества, рассматриваются как имеющие силу, значение и обязательность наиформального и наиторжественного трактата, и если высокие договаривающиеся стороны не признают удобным дать им другую форму, оне утвердят их в установленном порядке и ратификации будут обменены в продолжение шести недель или ранее, если возможно.

В уверение чего мы, уполномоченный Ею Императорского Величества, подписали сей Акт и приложили печать нашего герба и вручили его Их Превосходительствам уполномоченным Ея Величества Императрицы Всероссийской: Действ. Тайному Советнику и Вице-Канцлеру, Графу Остерману, Действ. Т. Сов. и Гофмейстеру Графу Безбородко и Тайному Советнику и члену Коллегии Иностранных Дел Моркову, в обмен другого Акта такого же точно содержания, представленного нам с их стороны.

Дан в С.-Петербурге (3-го Января 1795 года) 23-го Декабря 1794 года.

(м.п.) *Граф Луи Кобенцель*

6. ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИИ И АВСТРИИ О ТРЕТЬЕМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ¹

1794 г. декабря 23/1795 г. января 3

Усилия, которые Е.и.в. вынуждена была употребить к обузданию и прекращению мятежа и восстания, обнаружившихся в Польше, с стремлениями самыми пагубными и опасными для спокойствия соседственных Польше держав, увенчались совершенно полным и счастливым успехом, и Польша была совершенно покорена и занята войсками императрицы, и потому Е.в., предусматривая подобный исход, в уповании на справедливость своих требований и в расчете на силу тех средств, которые ею приготовлены были для одержания победы, поспешила предварительно войти в соглашение с своими двумя союзниками, а именно: Е.в. императором римским и Е.в. королем прусским относительно принятия самых действительных мер для предупреждения смут, подобных тем, которые их по справедливости встревожили и которых зародыши, постоянно развивающиеся в умах, пропитанных до глубины самыми нечестивыми принципами, не замедлят рано или поздно возобновиться, если там не будет устроено твердое и сильное правление. Эти два монарха, убежденные опытом прошедшего времени в решительной неспособности Польской республики устроить у себя подобное правление или же жить мирно под покровительством законов, находясь в состоянии какой-либо независимости, признали за благо в видах сохранения мира и счастья своих подданных, что предпринять и выполнить совершенный раздел этой республики между тремя соседними державами представляется крайней необходимостью. Узнав об этом образе мыслей и находя его совершенно согласным со своими соображениями, императрица всероссийская решила сперва с каждым из двух вышеупомянутых высоких союзников отдельно, а потом с обоими вместе о точном определении соответственных частей, которые им достанутся по их общему соглашению.

Вследствие сего Е.в. император назначил нижеподписавшегося, снабженного им самыми широкими полномочиями, войти в соглашение по настоящему вопросу с их превосходительствами уполномоченными Е.в. императрицы всероссийской, действительным тайным советником и вице-канцлером графом Остерманом, действительным тайным советником, обер-гофмейстером двора графом Безбородко и тайным советником, членом Коллегии иностранных дел Морковым, равным образом снабженными необходимыми полномочиями; како-

¹ АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп.2. Д.87. Л.1–11 (подлинник). Опубл.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.П. С.238–243.

вые уполномоченные, по зрелом обсуждении предложений, сделанных с той и другой стороны, и находя их вполне согласными с намерениями их августейших государей, согласились на следующие пункты:

1

Что часть, которая должна идти по разделу Е.в. императору римскому, определяется следующим образом: к западу, начиная от оконечности Галиции и следуя по новой прусской границе, как она была определена трактатом, подписанным в Гродно 25 сентября 1793 г., до пункта, где она встречает реку Пилицу, и продолжая отсюда правым берегом Пилицы до ее впадения в Вислу, следуя от этого пункта по правому берегу Вислы до слияния ее с Бугом, отсюда следуя по левому берегу Буга до того места, где эта река составляет в настоящее время границу Галиции, так что все земли, владения, провинции, города, местечки и деревни, заключающиеся в вышеозначенной линии, будут присоединены на вечные времена к Австрийской монархии и спокойное и неоспоримое владение этими землями будет за ней и будет ей гарантировано достоверным и торжественным образом Е.в. императрицей всероссийской.

2

Что впредь границы Российской империи, начинаясь от их настоящего пункта, будут простираться вдоль границы между Волынией и Галицией до реки Буга; отсюда граница направится, следуя по течению этой реки до Брест-Литовска и до пограничной черты воеводства этого имени и Подляхии; затем она направится по возможности по прямой линии границами воеводств Брестского и Новгородского до реки Немана напротив Гродно, откуда она пойдет вниз по этой реке до места, где она вступает в прусские владения, а потом, проходя по прежней прусской границе с этой стороны до Полангена, она направится без перерыва до берегов Балтийского моря на нынешней границе России близ Риги, так что все земли, владения, провинции, города, местечки и деревни, заключающиеся в вышеозначенной черте, будут присоединены навсегда к Российской империи, и спокойное и неоспоримое владение будет за ней и будет ей гарантировано достоверным и торжественным образом Е.в. императором римским.

3

Что все постановления, заключающиеся в настоящей декларации, будут иметь ту же силу, значение и обязательность, как бы они были изложены в трактате, заключенном самым торжественным образом, и вследствие того сей будет ратификован в форме, обычно

принятой обеими высокими договаривающимися сторонами, и ратификации его будут обменены в продолжение шести недель или же и ранее, если представится возможность.

4

Как только обмен вышеупомянутых ратификаций состоится, оба императорских двора сообщат настоящий акт берлинскому двору и пригласят берлинский двор приступить к нему и дать свою гарантию относительно вышеизложенных постановлений между двумя императорскими дворами. С своей стороны, сии последние изъявят согласие на присоединение остальной части Польши к Прусской монархии и на равным образом примут на себя гарантию этого приобретения.

5

По исполнении всех сих формальностей каждый из дворов приступит к принятию во владение способом, признанным наиболее удобным, всех земель и мест, которые ему достанутся по настоящему разделу.

В уверение чего мы подписали настоящий акт, приложили к нему печать нашего герба и вручили его уполномоченным Е.в. императрицы всероссийской действительному тайному советнику и вице-канцлеру графу Остерману, действительному тайному советнику, гофмейстеру двора графу Безбородко и тайному советнику, члену Коллегии иностранных дел Моркову в обмен подобного акта того же содержания, который нам был передан с их стороны.

Заклучено в С.-Петербурге 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.).

(м.п.) Граф Людвиг Кобенцель

7. КОНВЕНЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РАЗДЕЛА ПОЛЬШИ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ МЕЖДУ РОССИЕЮ И ПРУССИЕЮ, ПРИ УЧАСТИИ АВСТРИИ¹

1795 г., октября 13-го (24-го)

Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы.

Ея Величество Императрица Всероссийская и Его Величество Король Прусский, желая прийти к более подробному и оконча-

¹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II. СПб., 1875. С.266–271.

тельному соглашению относительно постановлений, находящихся в Декларации, заключенной здесь в С.-Петербурге 23-го Декабря 1794 г. (3-го Января 1795 г.) между двумя Императорскими Дворами и сообщенной в недавнее время Берлинскому Двору и определить с большею точностию границы, которые должны разделять владения трех соседних с Польшею держав, после окончательного разделения сей последней, избрали и назначили с этою целию своих уполномоченных, а именно: Ея Императорское Величество Графа Ивана Остермана, Вице-Канцлера, Действительного Тайного Советника, Сенатора и Кавалера орденов Св. Андрея Первозванного и т.д., и Графа Александра Безбородко, Гофмейстера Двора, Действительного Тайного Советника Генерал-Почт-Директора и Кавалера орденов Св. Андрея Первозванного и т.д., и Господина Аркадия Моркова, Тайного Советника, Члена Коллегии Иностранных Дел и т.д., и Его Величество Король Прусский Графа Фридриха Богислава Эммануила Тауенцина, своего чрезвычайного посла и уполномоченного Министра при Российском Дворе, своего Каммергера, полковника инфантерии и флигель-адъютанта, Кавалера орденов за заслуги и Св. Иоанна Иерусалимского, которые в собрании совокупно с уполномоченным Е.В. Императора Римского Графом Людвигом Кобенцелем, кавалером большого креста Св. Стефана Венгерского, Каммергером, Действ. Тайным Советником и чрезвычайным и уполномоченным послом при Дворе Ея Величества Императрицы Всероссийской, после сообщения и обмена своих полномочий, найденных в надлежащей форме, согласились на следующие статьи:

Статья I

Декларация, упомянутая во вступлении настоящего акта и признаваемая как бы помещенною здесь от слова до слова, принята за непреложное основание нынешняго соглашения во всем, что касается приобретений Ея Величества Императрицы Всероссийской. В следствие сего Ея Императорское Величество сохранит в своем владении все земли, города, округа и прочия поместья, которые упомянуты в том акте и Его Величество Король Прусский гарантирует за нею это владение и пользование на вечныя времена.

Статья II

Е.В. Император Римский во внимание к дружбе своей к Его Величеству Королю Прусскому отказывается от территории, которая простирается по прямой линии от Свидры на Висле до слияния Буга с Наревом, так что весь этот округ будет считаться в составе той части, которая по распределению той же декларации, должна идти по разделу Его Величеству Королю Прусскому, и владение и пользо-

вание которого Его Императорское Величество равным образом гарантирует за Ним на вечныя времена.

Статья III

Так как проведение демаркационной линии между Австрийскими и Прусскими владениями со стороны Краковского воеводства осталось нерешенным и обе договаривающиеся стороны, одушевленные обоюдным желанием определить ее надлежащим способом как границу точную, удобную и обеспеченную от всяких нападений, признали, что эта граница будет определена и назначена дружественно Комиссарами, назначенными для проведения демаркационной линии, которые будут посланы на места с той и другой стороны и к которым Ея Величество Императрица Всероссийская присоединит с своей стороны Комиссара, который мог бы служить примирителем и посредником в случае разногласия между Комиссарами заинтересованных сторон; эти последние вследствие доверия их в безпристрастие Ея Императорского Величества и одинаковую Ея дружбу к обоим сторонам обещали и согласились положиться вполне на Ея мнение и решение в этом случае. Сверх того постановлено, что все работы по проведению этой демаркационной линии будут окончены в продолжении трех месяцев со дня подписания настоящего трактата. Между тем вся территория, означенная на карте Занони линиею, проведенною от пункта, где река Сола впадает в Вислу между Горжовым и Громечем, и проходящею диагонально чрез Крешовицы и далее примыкающею с правой стороны к городам Скала и Михнов и оканчивающеюся на Пилице у Жарновец и оттуда идущею по течению этой реки, останется занято войсками Его Величества Короля Прусского до тех пор, пока работы по проведению демаркационной линии будут окончены и утверждены порядком вышеупомянутым.

Статья IV

Его Величество Император Римский и Его Величество Король Прусский предварительно гарантируют торжественно и обоюдно все территории, которые по окончании работ смешанной Комиссии и по решению Ея Величества Императрицы Всероссийской будут присуждены той и другой стороне, и эти же территории равным образом будут за ними гарантированы Ея Величеством Императрицею Всероссийскою.

Статья V

Но город Краков, а также другия местности, доставшиися по настоящему трактату, а также на основании вышеупомянутой декларации от 23-го Декабря 1794 г. (3-го Января 1795 г.) Его Величе-

ству Императору Римскому и в которых могли бы находиться еще войска Его Величества Короля Прусского должны быть очищены в продолжении шести недель после подписания настоящего трактата и переданы тем, которые будут уполномочены Его Величеством Императором Римским к принятию их во владение.

Статья VI

Таким же образом поступлено будет относительно очищения войсками и передачи тех земель и городов, которые в настоящее время заняты войсками Е.В. Императрицы Всероссийской и которые по настоящему соглашению должны пасть на долю Его Величества Короля Прусского.

Статья VII

Если по злобе на настоящий трактат о разделе и на его последствия одна из трех договаривающихся сторон подвергнута нападению какой либо державы, то две другая державы присоединятся к ней и будут ей помогать всеми своими силами и средствами до окончательного прекращения этого нападения.

Статья VIII

Настоящий трактат будет ратификован в формах принятых обоими договаривающимися Дворами, и ратификации будут обменены в продолжении шести недель или, если возможно, и ранее.

В уверение чего мы уполномоченные подписали сие и приложили к сему печати наших гербов.

Заклучено в С.-Петербурге 13-го (24-го) Октября 1795 года.

(м.п.) Граф Иван Остерман.

(м.п.) Граф Александр Безбородко.

(м.п.) Аркадий Морков.

(м.п.) Граф Фридрих Богислав Эммануил Тауенцин.

8. АКТ ОТРЕЧЕНИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО ОТ КОРОЛЕВСТВА СВОЕГО¹

МЫ СТАНИСЛАВ АВГУСТ, Божию милостию Король Польский, Великий Князь Литовский,
и проч., и проч. и проч.

¹ АВПРИ. Ф.161. Оп.28. Д.329.

С самого Возшествия Нашего на престол не полагали Мы в мыслях Наших никогда для Себя другого преимущества ни иной цели, как только соделаться полезнее Отечеству Нашему, и потому Мы готовы были оставить его при всех обстоятельствах, которые бы Нам дали почувствовать, что отдаление Наше от оного может поспешествовать благосостоянию соотчичей Наших или по крайней мере уменьшить их злоключения. Уверены ныне, что попечения Наши не могут уже более быть полезны Отечеству Нашему, после несчастного мятежа, в оном происшедшего и ввергнувшего его в конечное бедствие; разсуждая еще, что меры, о будущем жребии Польши, по крайности обстоятельств Ея Императорским Величеством и другими сопредельными Державами против воли Их приняты, суть единыя могущия доставить покой и тишину согражданам Нашим, которых благоденствие было всегда любезнейшим предметом Нашего попечения, решились Мы по любви ко всеобщему спокойствию объявить, как Мы и объявляем торжественнейше сим Актом, что Мы добровольно и охотно отрицаемся от всех без изъятия Нам принадлежащих по званию Нашему прав, от Короны Польской, от Великаго Княжества Литовскаго и от всех их зависимостей, равно как от всех владений и принадлежностей в реченных Государствах, который торжественный Акт отречения от Короны и правления Польшею и вручаем Ея Величеству Императрице Всероссийской с тою самою правотою, которою Мы во всю жизнь Нашу были руководствуемы. Итак, сходя с Престола, исполняем последний долг Королевскаго Нашего Сана и Ея Величество Императрицу усильно просим о явлении Своих Матерних милостей всем тем, коих Королем Мы были, равно как и о внушении всем Ея Высоким Союзникам сего деятельнаго опыта Великия Своея души. Во уверение чего Мы, подписав настоящий Акт, повелели оной утвердить Нашею печатью. Дан в Гродне 14/25 Ноября 1795, Государствования же Нашего 32 года.

Подлинный подписано тако:

СТАНИСЛАВ АВГУСТ КОРОЛЬ.

(м.п.)

Контросигнирован:

Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Секретарь Князь *Козельский-Пузина*.

**9. КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМИ
ИМПЕРАТОРОМ ВСЕРОССИЙСКИМ И КОРОЛЕМ
ПРУССКИМ, ЗА ПРИСТУПЛЕНИЕМ К ОНОЙ
И ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА РИМСКОГО,
ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ РАЗДЕЛЕ ПОЛЬШИ МЕЖДУ
ВЗАИМНЫМИ ИХ ДЕРЖАВАМИ,**

**ЗАКЛЮЧЕННАЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
ГЕНВАРЯ 15/26 ДНЯ 1797 ГОДА¹**

БОЖИЕЮ ПОСПЕШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, МОСКОВСКИЙ, КИЕВСКИЙ, ВЛАДИМИРСКИЙ, НОВГОРОДСКИЙ; ЦАРЬ АСТРАХАНСКИЙ, ЦАРЬ СИБИРСКИЙ, ЦАРЬ ХЕРСОНЕСА-ТАВРИЧЕСКАГО; ГОСУДАРЬ ПСКОВСКИЙ и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волыньский и Подольский; Князь Естляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных; ГОСУДАРЬ и Великий Князь НОВА-ГОРОДА НИЗОВСКИЯ ЗЕМЛИ, ЧЕРНИГОВСКИЙ, РЯЗАНСКИЙ, ПОЛОЦКИЙ, РОСТОВСКИЙ, ЯРОСЛАВСКИЙ, БЕЛООЗЕРСКИЙ, УГОРСКИЙ, ОБДОРСКИЙ, КОНДИЙСКИЙ, ВИТЕБСКИЙ, МСТИСЛАВСКИЙ и ВСЕЯ СЕВЕРНЫЯ СТРАНЫ Повелитель и ГОСУДАРЬ ИВЕРСКИЯ ЗЕМЛИ; КАРТАЛИНСКИХ и ГРУЗИНСКИХ ЦАРЕЙ и КАБАРДИНСКИЯ ЗЕМЛИ, ЧЕРКАСКИХ и ГОРСКИХ КНЯЗЕЙ и инных НАСЛЕДНЫЙ ГОСУДАРЬ и ОБЛАДАТЕЛЬ. НАСЛЕДНИК НОРВЕЖСКИЙ, ГЕРЦОГ ШЛЕЗВИГ-ГОЛСТИНСКИЙ, СТОРМАРНСКИЙ, ДИТМАРСЕНСКИЙ и ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ и ГОСУДАРЬ ЕВЕРСКИЙ, и ПРОЧАЯ, и ПРОЧАЯ, и ПРОЧАЯ. Объявляем всем и каждому, до кого сие принадлежит: что как Нам любезноверные Граф *Иван Остерман*, Наш Канцлер, Действительный Тайный Советник, Член Совета, Сенатор и орденов Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Святыя Анны первая степени и Святого Князя Владимира большого креста первая степени Кавалер; Граф *Александр Безбородко*, Наш Действительный Тайный Советник первого класса, Член Совета, Главный Директор Почт, и орденов Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святого Князя Владимира большого креста первая степени Кавалер; Князь *Александр Куракин*, Наш Вице-Канцлер, Действительный Тайный Советник, Член Совета, Действительный Каммергер и Орденов Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Святыя Анны первая степени и Датских Данненброга и совершенного союза Кавалер, от Нас уполномоченные с уполномоченным взаимно от Его Величества Короля Прусскаго Графом *Фридрихом Богуславом Емануелем Тавенцином*, Его Камергером, Полковником

¹ АВПРИ. Ф.161. I-10. Оп.28. Д.329.

и Флигель-Адъютантом, равно как Его Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром при Императорском Нашем Дворе, по силе данных им полных мочей, в 15/26 день Генваря сего 1797 года заключили и подписали Конвенцию между НАМИ и помянутым ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ Королем Прусским, за приступлением к оной и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ ИМПЕРАТОРА Римскаго, касательно не оконченных еще дел, по поводу окончательнаго раздела Польши между тремя союзными державами, которая Конвенция от слова до слова гласит тако:

Во имя Пресвятыя и Неразделимыя Троицы.

По принятии мер двумя Императорскими Дворами купно с ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ Королем Прусским к присоединению взаимным Их владениям частей Королевства Польскаго, котораго общее, решительное и неперменное разделение постановлено сими тремя державами и вершено Трактатом, заключенным между Ими в Санкт-Петербурге Октября 13/24 дня 1795 года, признано за нужное рассуждать далее о средствах удовлетворения разным требованиям на сие Королевство равно как и о соразмерности, которую надлежит наблюдать в разкладке оных требований. А как бывшая еще между Их Величествами ИМПЕРАТОРОМ Римским и Королем Прусским затруднения в разграничении взаимных Их владений в прочем прекращены, к удовольствию участвующих Сторон, посредством Ея Величества Блаженныя памяти ИМПЕРАТРИЦЫ Всероссийской, на Кояя благопроезволение Они в том положились, и все могущее таким образом обезпечить три державы в точной, действительной и неперменной собственности областей, Ими занятых, утверждено совершенным между Ими согласием, и сверх того укреплено еще отречением от Королевства ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА СТАНИСЛАВА АВГУСТА Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, доставившаго Акт онаго в 14/25 день Ноября 1795 года Ея Величеству ИМПЕРАТРИЦЕ Всероссийской, коего копия имеет быть здесь включена; поелику также план распоряжения для всех предметов оставшихся относительно Короны Польской и предложенных уже на переговорах 30 Октября 1795 года вновь во уважение принят и три державы вознамерились положить оной основанием настоящей Конвенции, к коей приступить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Римский приглашен будет; то ниже подписавшиеся уполномоченные к составлению оной условились на следующих пунктах и статьях:

Статья I

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Всероссийский и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Король Прусский купно с ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ ИМПЕРАТОРОМ Римским объявляют, что Они берут на Себя все долги Короля и Республики Польских, законно нажитые по самое то время, когда Они взяли их под СВОЕ владение, обязуясь оные взаимно заплатить по сораз-

мерностям, которые имеют быть показаны потом; по чему Высокия договаривающиеся Стороны и согласились дать знать непосредственно по подписании сей Конвенции обнаружением, внесенным во все ведомости, о формальном решении и обязательстве, принимаемом ИМИ на СЕБЯ заплатить оные по правам и справедливости.

Статья II

Как сии долги, хотя бы они относились на Республику или на Короля Польских, имеют подлежать исследованию доказательств для расплаты оных потом; то и постановлено Высокими договаривающимися Сторонами, учредить Комиссию, составленную из подданных каждого из трех Дворов для поверения долгов и расплаты оных по правилам предписанным в плане распоряжения и управления, который им особо дан будет за согласием трех Дворов.

Статья III

Долги Республики состоявшиеся в Голландии по публичным займам и признанные Гродненским Сеймом с наращением процентов, с того времени будут удовлетворены тремя державами по соразмерностям, означенным в плане распоряжения уже предложенном, и по которому вся сумма разделена на десять долей, из коих три берет на СЕБЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР Всероссийский, три другие ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Король Прусский, прочие же четыре десяти доли оставшиеся на счет Республики имеют разделены быть между тремя дворами на равные части для заплаты оных таким же образом и по сей двойной раскладке. Что же касается до долгов, еще не заплаченных, которые найдутся внутри Республики на ее счет и о коих представлены будут доказательства реченной Комиссии, то оные равным образом удовлетворены будут тремя Высокими договаривающимися Сторонами по вышеозначенной соразмерности.

Статья IV

Соразмерность для долгов Короля, составляющих здесь сумму сорока миллионов Польских гульденов, утвержденную предложенным планом распоряжения, останется на основаниях, в оном показанных, касательно сей раскладки, и вся сия масса разделится на пять долей, из коих две будут на счет ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА Всероссийского, две на счет ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Короля Прусского, а последняя пятая заплатится от ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА Римского, так что по данном реченною Комиссиею признанию законными доказательств, прав и требований составляющих сей долг, части и доли следующие на счет каждой из трех держав, будут заплачены по сей раскладке.

Статья V

Сия Комиссия, та же самая, о которой упомянуто в Статье второй, назначенная для освидетельствования счетов и поверения долгов Короля и Республки Польской, соберется в Варшаве 1/12 Маия сего года для исправления тамо дел ей здесь порученных, и Комиссары, составляющие оную, снабдены будут полномочиями, также достаточными и единообразными наставлениями о изследовании и поверении доказательств, прав и требований, на коих основываются сии долги, так что письменные виды, данные Комиссарами предъявителям обязательств или другим особам имеющим законныя требования, будут дополнением доказательств, по которым они могут явиться для получения платежа по принятым тремя Державами между собою мерам.

Статья VI

Высокия договаривающияся Стороны, удовлетворя сей справедливости и не менее усердствуя изъявить ЕГО Величеству Королю СТАНИСЛАВУ АВГУСТУ отличный опыт Их к НЕМУ уважения и благоволения, определяют сему Князю двести тысяч червонных ежегодной пенсии, которую Они имеют производить каждая по равным частям платимым в два равные срока вперед, а имянно: для первого срока полагается 1-е число Генваря, а для второго 1-е число Июля каждого года до кончины жизни ЕГО. Таковой платеж начнется отступительно назад со времени переезда ЕГО в Гродно; и как ЕЯ Величество Блаженная памяти ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская Одна доставляла ЕГО Величеству Королю Польскому сию пенсию и исправляла все ЕГО нужды; то ЕГО Величество ИМПЕРАТОР Всероссийский и имеет снести с ЕГО Величеством Королем Польским, о возвращении переданной в платеж суммы более третьей доли доводящейся на счет ЕГО по сей раскладке.

Статья VII

Высокия договаривающияся Стороны, для вящего поспешествования по возможности Их особым распоряжениям ЕГО Величества Короля Польскаго, силою сего предъоставляют ЕМУ свободу и неприкосновенность пользоваться всеми движимыми и недвижимыми имениями, которые ОН приобрел и оными пользуется по праву частному, дая ЕМУ сим полную власть располагать оными, их продать, подарить, пожаловать или завещать каким образом ОН заблаго ни разсудит, подвергая однакож права подтверждающия ЕГО наследственные недвижимыя собственности изследованию вышепомянутой Комиссии, поелику сии собственности равно как собственности всех подданных трех Дворов должныствуют неотменно возвратиться в распоряжения общего права.

Статья VIII

Равным образом Высокия договаривающиеся Стороны обязуются продолжать Принцам Саксонским, сыновьям Августа III, пенсии определенных им от Республики Польской и утвержденных чрезвычайным Сеймом 1776 года по 8 тысяч червонных каждому, взнося каждая вместе с ЕГО Величеством ИМПЕРАТОРОМ Римским третью долю в ежегодной платеж сих пенсий.

Статья IX

Высокия договаривающиеся Стороны, имея неусыпное попечение о всем, что только может доставить благоденствие подданным Их, приняли во уважение и состояние Банков пришедших в упадок равно как и последовавшие от того замешательства для Банков Их взаимных подданных, имеющих требования на те Банки; в разсуждении чего и постановили Они возстановить, сообразуясь различию нынешних обстоятельств, учрежденную за согласием трех Дворов Гродненским Сеймом Комиссию, для удовольствования таковых в упадок пришедших Банков; чего ради составлен будет план распределения сея Комиссии на прежних основаниях по учиненному ради сего на Гродненском Сейме Акту 1795 года.

Статья X

Сия Комиссия имеет состоять из трех Членов определенных от каждого Двора, и одного Председателя. Она соберется в Варшаве 1/12 числа Маия сего года для заседаний своих тамо и исправления порученных ей здесь дел, по плану распределения и по данным Комиссарам наставлениям.

Статья XI

Сии три Двора, зная все нестроения сопряженные с существованием подданных до ныне признаваемых смешанными в разсуждении Их владений находящихся во взаимных Государствах и снесясь о сем единогласно, условились не терпеть более впредь, чтоб кто-либо из подданных Их почитался смешанным подданным, но чтоб как самое существование, так равно и название таковых впредь совсем уничтожены были; в следствие чего каждый из взаимных подданных, имеющий поместья в том и другом Государстве будет обязан, в пятилетний срок за себя, детей и наследников своих, равно как и питомцов порученных ему законно в опеку, объявить, за которым Государством желает он остаться в подданстве, и выбор его в сем должен быть произвольным и ни малейше принужденным, однакож учинившему уже таковой однажды не позволитсЯ более от онаго отступить под

каким бы то ни было предлогом. Выбор сей равным образом будет обязателен и непременен для него, детей его, наследников и питомцов, под опасением взятия в казну имения сбереженного ими вопреки сей статьи. Высокия договаривающиеся Стороны обязуются явственнейшим образом наблюдать строгае сие постановление, коего выгода для взаимных подданных не может быть не познаваема или упускаема.

Статья XII

Высокия договаривающиеся Стороны, желая сии надежныя и благоразумныя средства обратить в пользу подданных Своих, постановили дать им пятилетний срок, дабы они могли продать или променять, на условиях сколько возможно лучших, их недвижимыя имения и другия поместныя права им принадлежащая вне того Государства, которое они себе изберут для жития, как подданные онаго. Таким же образом постановлено быть имеет в разсуждении наследств и других имений, по супружественному ли постановлению или по иному какому праву кому-либо впредь достающихся, которыя наследства и другия, каким бы то ни было образом, в чужом Государстве доставшиися имущества должны равным образом быть проданы в течении пяти лет; а по прошествии сего срока, когда таковое распоряжение не будет учинено, то оныя имения и права самим делом подпадут конфискации в трех Государствах. Во всех сих случаях вырученныя из таковой продажи суммы, и которыя взаимные подданные имеют перевести из одного Государства в другое ими избранное для жительства своего, не будут подвержены вычету десятины ниже какому-либо другому праву, которое бы могло состояться о переводе подобных сумм в одно из сих Государств.

Статья XIII

Духовенство всякаго чина и звания имеющее поместья или епархияльныя права вне Государства, в коем они жительства, подвергнутся равным образом принятому между тремя Державами правилу, не терпеть более впредь владения смешаннаго какого бы оно рода ни было, так что сии права имеют вовсе принадлежать к распоряжению той из трех Держав, в областях коея оныя лежат, и под сим наименованием прав принадлежащих духовенству заключаться будут все суммы денег под заклад или в сохранение отданныя, которыя также возмутся в казну той Короны, в областях коея они будут лежать.

Статья XIV

Поелику постановление предыдущих двух статей должно наипаче клониться к тому, дабы подданные взаимных Держав были непосредственно в состоянии получить удовлетворение во всех своих тре-

бованиях имеющихся на других, равным образом и другие состоящие им должники могли бы долги свои заплатить; то Высокия договаривающиеся Стороны обязуются строго наблюдать, дабы их взаимные Суды во всех случаях, когда у них испрашиваемо будет пособие, чинили надлежащее правосудие и самоскорейшее исполнение.

Статья XV

Его Величество Император Римский имеет быть прошен о при-
ступлении к настоящей Конвенции, и Ратификация Акта того при-
ступления будет разменена в срок положенный для Ратификации сея
Конвенции.

Статья XVI

Настоящая Конвенция будет ратификована Его Величеством
ИМПЕРАТОРОМ Всероссийским и Его Величеством Королем Прус-
ским и ратификации имеют быть разменены в шесть недель или и
скорее ежели можно. Во уверение чего Мы уполномоченные подпи-
сав сию Конвенцию приложили печати гербов Наших. Учинено в
Санкт-Петербурге Генваря 15/26 1797 года.

(м.п.) Граф Иван Остерман.

(м.п.) Александр Граф Безбородко.

(м.п.) Князь А.Куракин.

(м.п.) Фридрих Богуслав Емануил Граф Тавенцин.

Того ради МЫ по довольном разсмотрении сей Конвенции и нашед
ея взаимным договаривающихся Сторон намерениям совершенно соот-
ветствующею, чрез сие и силою сего оную торжественнейше за благо
приемлем, утверждаем и ратификуем во всех ея статьях, условиях и во
всем ея содержании, обещая ИМПЕРАТОРСКИМ НАШИМ словом и верою
за Себя и Преемников НАШИХ не токмо верно и ненарушимо всегда
хранить и исполнять все в помянутой Конвенции постановленное, но
и отнюдь не позволять и не допускать, чтоб каким либо образом оной
вопреки поступаемо было. Во уверение чего Мы сию ратификацию
собственноручно подписав повелели утвердить Государственною НА-
ШЕЮ печатью. Дана в городе Павловске Марта в 8 день, в лето от Рож-
дства Христова 1797, Государствования НАШЕГО в первое.

Подлинная ратификация подписана собственною ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ПАВЕЛ.

Контросигнирована по сему:

Граф Александр Безбородко.

II. Договоры между Россией и Речью Посполитой

10. ТРАКТАТ ВЕЧНЫЙ МЕЖДУ ВСЕРОССИЙСКОЮ ИМПЕРИЕЮ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЮ ПОЛЬСКОЮ

ОТ 13 (24) ФЕВРАЛЯ 1768 ГОДА¹

Во имя Святыя и Неразделимыя Троицы.

Хотя между Империею Всероссийскою и Яснейшею Речью Посполитою Польскою щастливо пребывает по трактату 1686 года вечной мир, искренняя дружба, постоянное согласие и доброе соседство; однакож, как по обыкновенным в делах человеческих переменам последовали между ими с столь давнаго времени разныя произшествия, кои по переменившимся обстоятельствам требуют и новаго оным свойственнейшаго определения взаимных обязательств: то по сей главной причине, и другим настоящего времени случайным, кои в публикуемых декларациях Ея Величества Всепресветлейшей Императрицы Всероссийской и в согласных с оными актах сконфедерованной Речи Посполитой Польской, свету с довольною ясностию показаны, признали Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ Величество Всероссийская с одной стороны, а Его величество Король Польской и чины Речи Посполитой, обязанныя между собою узлом генеральной конфедерации обеих народов Польскаго и Литовскаго, – с другой за нужно и сходственно с взаимными их интересами постановить и определить способом новаго трактата полезнейшия времени и обстоятельствам больше приличествующия, а Речи Посполитой Польской, в разсуждении безопасности, конституции и вольности ея, нужнейшия договоры; чего ради для постановления такого трактата и назначены от обеих договаривающихся сторон полномочныя; а имянно: с стороны Ея ИМПЕРАТОРСКОГО Величества Всероссийской, Князь Николай Репнин, армии Ея величества Генерал-Майор, чрезвычайной и полномочной Ея посол при Его величестве Короле и Яснейшей Речи Посполитой Польских, и Кавалер орденов Белаго Орла и Святыя Анны; а с стороны Его Величества Короля и Яснейшей Речи Посполитой Польских, под президентиею Князя Примаса Габриеля Яна Подоскаго из Сената... которые полномочные по предъявлении и размене своих в исправной форме найденных полномочий, условились, постановили и заключили следующие артикулы трактата вечной дружбы, и гарантии Ея ИМПЕРАТОРСКОГО Величества Всероссийской.

¹ АВПРИ. Ф.161. I–10. Оп.28. Д.308.

Артикул 1

Ея Императорское Величество Всероссийская, и Его Величество Король и Речь Посполитая Польские, подтверждают наиторжественнейшим образом постоянной и вечной мир, непрерывную искреннюю дружбу, тесное согласие и доброе соседство между взаимными государствами, владениями и землями, по точной силе Московскаго в 1686 году, между обеими высокими договаривающимися сторонами заключеннаго трактата, коего содержание, сила, власть и обязательства возобновляются имянно и точно сим новым трактатом во всем их пространстве, подобно, как бы сей старой 1686 года трактат от слова до слова в нынешней внесен был.

Артикул 2

Вследствие сего постановления, и дабы взаимную свою дружбу, и взаимныя свои выгоды утвердить на непременных началах, то есть, на равном государственном и систематическом интересе обоих высоких содоговаривателей, согласились они гарантировать друг другу целость и сохранность нынешних их в Европе владений, земель, провинций и границ, как они себе все то сим артикулом торжественнейше и свято взаимно в вечныя времена и гарантируют.

Артикул 3

Как Его Величество Король, и Яснейшая Речь Посполитая Польские в удовлетворение справедливости, и из особливаго уважения к высокому заступлению Ея величества Императрицы Всероссийской, и других с Нею общее дело учинивших дворов, согласились уже и определили обязательнейшим образом уверить, и в числе кардинальных Польских законов обезпечить в вечныя времена особливим от нижеподписавшихся полномочных подписанным сепаратным актом, вольное исповедание веры Греческой восточной не соединенной, и диссидентских обоего евангелическаго исповедания купно с правами и преимуществами светскими и духовными в пользу всех жителей Речи Посполитой Польской, и присоединенных к ней провинций, которыя вышепомянутыя веры исповедуют; то обе высокия договаривающиеся стороны согласно подтверждают торжественнейшим образом все то, что ни изображено в означенном сепаратном акте, по чему и должен оной иметь такую же навсегда полную силу, важность и обязательство, как бы во всем своем пространстве, и слово от слова в настоящей трактат вписан был.

Артикул 4

Форма правления Речи Посполитой Польской, и вольность вольных ея граждан, требуют для переду точнейшаго и ни чем никогда

не поколебимаго определения, дабы новые случаи не могли вновь производить новых перемен, кои в республиканском правлении не должныствуют ни в какое время разпространяться до самой фундаментальной конституции; чего ради в следствие акта генеральной конфедерации обоих народов короны Польской и великаго княжества Литовскаго, по зрелом и основательном разсмотрении всех к сей важной и нежной материи принадлежащих подробностей постановлен на мере и подписан взаимными полномочными сепаратной акт, которой единожды навсегда разделяет и означивает имянно предметы и части правления, как под именем кардинальных законов те, кои не могут впредь никогда нарушаемы быть, так и те, кои под званием статских материй, должныствуют на вольных сеймах подлежать непременно не ограниченному вольному голосу. Сей сепаратной акт будучи под гарантиєю настоящего трактата, должен купно со всем тем, что на нынешнем сейме определено, иметь всю ту же силу, важность и обязательство, как бы оной со всеми сеймическими определениями во всем их пространстве, и слово от слова в тот трактат внесен был.

Артикул 5

А как Яснейшая Речь Посполитая для вечной твердости всему тому, что ею ныне в собственную пользу узаконено, наиторжественнейшим образом рекламировала, и теперь еще рекламирует высокую Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийской гарантию на конституцию, форму правления, вольность и законы свои, то Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в удовлетворение желаниям и дружеской доверенности Яснейшей Речи Посполитой, торжественно гарантирует ей сим трактатом в вечныя времена конституцию, форму правления, вольность и законы ея, обещая свято и обязуясь за себя и преемников своих на престоле Всероссийской Империи удерживать, сохранять, и защищать Яснейшую Речь Посполитую Польскую в неприкосновенной их целости.

Артикул 6

Обе высокия договаривающияся стороны, имея в новом своем соединении тот один предмет, чтоб взаимную между собою дружбу размерить по обстоятельствам настоящего времени и взаимных их интересов, торжественно сим артикулом признают и утверждают, что все обязательства настоящего их трактата, и все что в нем ни поставлено, не должныствуют чинить ни малейшаго предосуждения силе, и содержанию других их трактатов и обязательств с прочими державами, а имянно, в разсуждении Речи Посполитой трактату Карловицкаго мира, заключенному между ею и портою Оттоманскою, також трактату Оливскому и всем другим, кои она имеет с иными державами.

Артикул 7

Обе высокия договаривающиеся стороны, полагая натуральным следствием новых своих обязательств дружбы, сохранение на взаимных границах между обоюдными жителями добраго порядка, справедливаго суда и росправы, и непоколебимой тишины, и желая потому удалить все, что сему полезному намерению противно быть может, обещают друг другу и обязуются силою сего артикула определить и установить немедленно пограничные суды, с достаточною властью, кои бы всегда в действии были, дабы способом оных, скорая и безпристрастная справедливость обоих государств обиженным подданным чинена, и тем на границах доброй порядок и тишина всегда сохраняемы быть могли.

Артикул 8

Разпространение торговли между народами служа к общей их пользе заслуживает потому и особое правительств попечение и покровительство, по чему обе высокия договаривающиеся стороны, дозволяя взаимно одна у другой обоюдным подданным свободную торговлю, и пребывание в землях своих для купеческих промыслов, обещают друг другу принимать их благосклонно, и содержать под опекою каждой стороны законов, а особливо не отягощать их излишними в разсуждении других налогами и тягостями: но паче сколько можно фаворизовать еще для вящаго ободрения так, как где другие дружественные народы фаворизуются.

Артикул 9

Сей трактат имеет быть от обеих высоких договаривающихся сторон обыкновенным образом ратификован, и ратификации онаго разменены быть здесь в Варшаве в два месяца от подписания трактата, а есть ли можно будет и прежде сего последнего уже срока.

Во уверение чего мы Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийской, и Его Величества Короля и Яснейшей Речи Посполитой Польских полномочныя, изготовя на обоих национальных языках два сего трактата слово от слова равно гласящие инструмента, собственноручно оные подписали, и утвердили их печатями наших гербов. Учинено в Варшаве в день тринадцатой по старому штилю/ двадцать четвертой по нов. штилю месяца Февраля, тысяща семь сот шестдесят осьмаго года.

Подписан Послом Российским и Польскою делегациею.

АКТ СЕПАРАТНОЙ ПЕРВОЙ,

Содержащей в себе вольности и преимущества Греков Ориентальных не унитов и диссидентов – обывателей областей республики Польской и принадлежащих к ней провинций.

Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Государыня Всероссийская и их Величества Ея союзники Короли, Прусской, Дацкой, Аглинской и Шведской, на основании обязательств держав своих, объявив себя защитниками Греков восточных не унитов и диссидентов, живущих в областях республики, коих права столь многими конституциями постановленные, утверждены трактатами Оливским 1660, и Московским 1686 годов с одной стороны; а с другой Его Величество Король и Наиянейшая Республика, желая учинить справедливость своим обывателям и доказать свое уважение к исполнению обязательств трактатов, и желание пребывать в добром согласии, в приязне и в дружеском соседстве с Ея ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ Государынею Всероссийскою, и их Величествами Королями Аглинским, Прусским, Шведским и Дацким, Ея союзниками, на основании выше объявленных притчин, для удержания в совершенной силе сих трактатов, яко наисвятейших между трактующими и ручающими, тож и в настоящем деле интересующимися Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Государынею Всероссийскою, тож и их Величествами Дацким, Шведским, Прусским и Аглинским Королями согласились, и учреждение учинили нижеследующим образом:

АРТИКУЛ 1

Понеже мы в силу сего акта приходим к гражданскому равенству с Греками не унитами и диссидентами, то впервых для веры Римской Католицкой яко господствующей наиторжественнейшим образом уберегаем и уверяем:

§ 1. Когда вера Римская Католицкая в правах, конституциях и во всяких публичных актах упоминаема будет, всегда ей имеет придан быть титул: *Господствующей*.

§ 2. Сообразуясь кардинальному праву республики, в следствие которого от первого насаждения веры святой Римской господствующей престол Польской только Католиками Римскими был занят, таж возобновляя конституцию 1669 года, и оную за ненарушимую объявляя, навеки оберегаем, дабы в предбудущие времена никто быть не мог Королем Польским, как единственно урожденной Католик Римской, или принявшей веру Католицкую; а ежели бы кто из Поляков кандидата другой какой веры на престол Польской пред-

ставлять отважился, такого за врага отечества, достойного смертной казни не отпустительно объявляем: равным образом Королева в следствие той же конституции 1669 года должна быть Католичка урожденная или приступившая к сей вере: а естли бы случилось иногда, что Королева будет иной веры, то пока к вере святой Римской не приступит, не может быть коронована.

§ 3. Поставляя между правами кардинальными господствующую в Польше веру святую Католицкую Римскую, переход от церкви Римской к какой либо иной вере в сем государстве Польском, великом княжестве Литовском, и присоединенных провинциях за криминальное преступление объявляем, по чему кто бы впредь оное учинить отважился, тот должен быть выгнан из областей республики; а суд против таковых преступников в трибуналах коронных и великаго княжества Литовскаго *ex termino tacto* назначаем. Однакож увольняем от сего права всех тех, кои бы в сем случае до сих пор находились, и ни под каким видом помянутому, и в правах народных описанному наказанию подвергать их не будем, и не допустим.

§ 4. Понеже 1717 год, щитая от первого дня Генваря, в сем акте принят за формальной, для отдания взаимной справедливости в претензиях Греков не унитов и диссидентов с Католиками по делам касающимся до веры, или от веры каким либо образом происходящим; того ради все предъидущие сему сроку претензии забвению предаются, и никому ни под каким видом возобновлять оные не дозволяется.

Артикул 2

Понеже обыватели Польские шляхетнаго стану, Греки восточные не униты и диссиденты обоего исповедания евангелическаго, сконфедеровались для возвращения себе прежних вольностей и прав, как духовных так и светских, то Его Величество Король и Наияснейшая Речь Посполитая нынешним актом апробуют их конфедерации в Торуни и в Слуцке сочиненныя, и оныя за законныя от генеральной конфедерации уже признанные признают, так что те сконфедеровавшиеся обыватели и все те, кои к ним образом приступления присоединились, яко помогающие о правах своих и справедливости за добрых сынов отечества и верных Его Величеству Королю и Речи Посполитой граждан почитаемы быть имеют.

§ 1. Понеже все давние привилегии 1563, 1568 и 1579 годов, також конфедерации и конституции 1569, 1573, 1576, 1632, 1648, и 1667 годов, ясно доказывают, что статуты и указы Ягеллонския 1424 и 1439 годов против еретиков возпоследовавшие, а Греки не униты

доводят древность прав своих духовных и гражданских с 1340 года, не могут быть приводимы против Греков, не унитов и диссидентов в вере христианской; а сверх того декрет Януша Князя Мазовецкого в 1525 году состоявшейся, об котором не упоминается в принятии княжеством Мазовецким прав коронных чрез права новейшие, кои форму правления утвердили и за основание равенство уродения положили, теперь отвергаем и уничтожаем: и так желая пресечь все сумнительства, объявляем вышепомянутые установления Ягеллонския, яко не касающиеся до Греков не унитов и диссидентов, и декрет Князя Мазовецкого, яко ныне отверженной навсегда уничтожаем равно как и все пункты против Греков не унитов и диссидентов находящиеся в конфедерациях и конституциях 1717, 1733, 1736, 1764, и 1766 годов отвергаем; також пункты в форме присяг Канцлеров и Гетманов в предосуждение Грекам не унитам и диссидентам в трактат 1717 году внесенной, со всем тем, что бы и в правах давнейших по начатии Шведской войны, миром Оливским окончанной, в пактах – конвентах Его Величества ныне благополучно владеющего Короля, особам всякаго звания и чина к вере их противнаго ни находилось; равным образом и все возобновления, кондиции, исключения, преимущества, равенства или вольному вере их отправлению вредящие и в вышепомянутых правах находящиеся, трактатам же и натуре правления Речи Посполитой, единожды на всегда учрежденного, противные, в ничто обращаем.

§ 2. Право фундаментальное 1573 года и форма присяги всех Королей Польских даже до наших времен явно показывают, что сие имя *Диссиденты* равно для всех религий христианских служит; однакож уважая обыкновение от несколько времени принятое, что те только носят имя диссидентов, кои не суть Католики Римские, определяем, дабы от сего времени не нарушая пунктов в присяге их Величеств Королей Польских, однажды внесенных, и непременно оставаться имеющих, особы Греков не унитов и диссидентов разумелись и назывались, повелевая наистрожайше под казнями против нарушителей законов учрежденных, дабы светские всякаго звания и состояния люди именовались не еретиками, не отступниками, не схизматиками или дезунитами, но Греками восточными не унитами, диссидентами, или евангеликами; духовные же Греческие Епископами, владыками: евангелические по своему чину священниками, духовными пастырями или служителями слова Божия. Дома молебственные Греков не унитов церквами Божиими, а диссидентские костелами, оракториями; вера же их не сектой, не ересью, но верою, религиею или исповеданием, как в публичных актах, так в печатных книгах и письмах называемы были.

§ 3. Церкви Греческие не унитские, и костелы диссидентские обоего исповедания евангелическаго, где действительно в короне, в

Литве, и в присоединенных провинциях находятся, какого бы ни были здания, кладбища их, школы, гошпитали, и всякого названия строения к церквам и духовенству их принадлежащая, за сущия навсегда признаются с совершенною вольностью починять оные столь часто, сколь нужда потребует; в случае же обветшания, или пожара помянутые церкви и всякого наименования строения вновь строить, не ища от верховности духовной Римской на то позволения; а как во многих местах по притчине помянутых церквей в разные духовные и светские суды позываны были коллаторы их собраний и духовные: того ради оберегаем сим действительные посессии церквей не унитских и собраний обоего исповедания, [не смотря на декреты, в каком-либо суде воспоследовавшие, и штрафы, оными назначенные], и таковые противные декреты владению и особам их предосуждения чинить не должны.

§ 4. Понеже всякими способами и разными судебными тяжбами в противность Оливскому миру много церквей диссидентских обоего исповедания евангелического забрано, а они по притчине миролюбия и умеренности о возвращении оных не домогаются и оные добровольно с землями их уступают, исключив только гошпитальные и школьные, где найдутся неправильно отобранными, и где еще действительно находятся диссиденты, им возвращены быть имеют; что самое должно разуметь и о фундациях, принадлежащих к церквам, действительно во владении диссидентов находящимся, кои бы явились неправильно отобранные, или утесненные от помещиков ли, или от соседей с вотчинами фундационными граничащих: того ради не только имеет быть всякому вольно с позволением однакож его Величества Короля в королевских городах и вотчинах, в староствах же за согласием старосты и конфирмации Королевской, исключая большие города Пруссские, в коих диссиденты вольность строения церквей от давних времен имеют; а в вотчинах земских и духовных с позволением писменным помещика строить церкви и оратории с школами, гошпиталями, и принадлежащими к ним строениями, только бы никто из помещиков без позволения консисторской власти того исповедания, для которого церковь, или костел строить пожелает, оных строить не отваживался, но також где и кирх нет, а фундации к ним принадлежащие действительно во владении диссидентов состоят, те и впредь навсегда к ним принадлежать будут; тож естли бы помещик диссидент продавая деревню Католику, исключал из контракту фундацию церковную, места в местечке, или деревне, земли и деревни фундационные, а настоящей помещик таковой деревни или местечка против того исключения фундацию диссидентскую себе присвоил, таковой возвратить исключенное, и контракту продажной оной деревни или местечка удовлетворить конечно должен будет; суммы же диссидентские фундационные и духовными отказанные всякой должник от владения ли,

или по обязательствам платить должен. Сверх сего вольно будет не унитарам и диссидентам иметь свободное отправление веры, во всем пространстве, как то, отправлять духовные обряды к набожеству принадлежащие, священников учреждать и посвящать, тайны совершать, в каком-либо языке проповеди сказывать с пением духовных стихов, браки сочетать, погребении публично отправлять, больных везде посещать, оных тайнам приобщать, и то все чинить с людьми только своей веры, колокола и органы употреблять. Тож вольно быть имеет как светским, так и духовным властям церкви свои объезжать, и все то исполнять, что обычай и обряд обоих исповеданий требует без отношения к Епископу епархиальному и к священникам Католическим Римским, и без наималейшаго от кого либо препятствия. Сияж самая вольность имеет служить Грекам не унитарам, то есть: строить новые церкви и починять старые, с позволением и ведомством их Епископа или консистории; в городах и местах, где люди Греческого не унитарского исповедания находятся, и имеют в тех местах и церквях совершенное, [в чем заключаются и публичные ходы] веры своей отправление, не делая однакож препятствия Римскому набожеству и процессии. По чему церкви и оратории не ближе от Католических церквей, как в двести локтях строены быть могут, что взаимно и в строении Римских костелов наблюдаемо быть имеет; для избежания же ссоры два хода и выношении тел умерших в одно время отправляться не должны: но в разсуждении времени в таких случаях начальники церковные дружески без всякой между собой ссоры согласиться должныствуют, и тот кто прежде соседу своему священнику о надобности хода даст знать, тот прежде процессию или погребение отправлять имеет.

§ 5. А понеже никакое сообщество без подчинения и дисциплины пребывать не может; того ради диссиденты обоих исповеданий совершенную вольность имеют учредить консистории, иметь свои синодальные собрания до внутреннего только веры их порядка касающихся, без всякого от кого либо препятствия; столь часто оные собирать, сколь того надобность увидят, и на оных дела касающихся до их учения, до порядку, дисциплины, обычаев и поступков их священников разбирать и учреждать: разрешении и разводы между мужем и женой диссидентами обоого исповедания тут же разбираемы и решимы быть имеют без участия в том духовенства Католического Римского, или помещиков, кои по притчине владения ни директно ни индиректно в правление духовное вмешиваться не имеют; а естли бы перед сим они в то вмешивались и дело бы еще не было решено, то обиженной стороне предоставляется вольность позвать их в том в суд обосторонной [Iudicium mixtum].

§ 6. Греки не унитары и диссиденты, как духовные так и светские совершенно увольняются от всякого суда духовного Римского, так что

никто из их духовных или светских не должен быть позван ни под каким видом ни в какую консисторию Римскую, ниже в трибунал духовной великаго княжества Литовскаго.

§ 7. Понеже вошло во злоупотребление во многих местах, что духовенство Католическое Римское взыскивает от диссидентов, не имея к тому никакого права платеж называемой *Jus ftolae*, не смотря на то, что они собственных своих священников содержать должны; того ради помянутые диссиденты обоих исповеданий от такова платежа от сего часа увольняются. Духовные Католические Римские не должны ни под каким видом требовать какого либо платежа от диссидентов, дворян, мещан и мужиков; тож обыкновение во многих местах принятое ходить по праздникам славить по домам диссидентским для получения подарков, и принуждать диссидентов брать билеты, или позволение на письме у священников Католических Римских, идучи к обрядам и должности веры своей, навсегда уничтожаются, что все разуметь должно тож о Греках не унитах, выключая однакож десятины и деньги за обедни, где таковые по сих пор в силу прав собирались, и договоры об них правильно учинены.

§ 8. Епископ Мстиславской, Оршанской, Могилевской, под именем Епископа Белорускаго ныне помянутые соборы державшей со всеми принадлежащими церквами и монастырями и их фундациями, как теми, кои действительно во владении сего Епископа и его духовенства находятся, так и теми, кои бы по предварительному доказательству в суде обосторонном возвращены ему были, вечно при вере Греческой восточной не унитской сохранен будет, и оной Епископ Белоруской в сей своей епархии имеет отправлять власть свою, так как и Римские Епископы в своих епархиях отправляют без всякаго от кого либо препятствия. При сей же восточной вере в вечные времена остаться имеют и те все монастыри и церкви, кои к митрополии Киевской не унитской, или иной тойже религии власти действительно уже или по предварительному доказательству в обосторонном суде, как в короне так и в великом княжестве Литовском лежащие, принадлежащими доказаны будут.

§ 9. Вольное отправление веры не может обойтись без книг к набожеству потребных, кои в последние времена диссиденты за границу печатать принуждены были, прежде же таковые книги как диссиденты, так и не униты в государстве безпрепятственно печатали: того ради им впредь вольность оные печатать, и учредить типографию свою по предварительному в городах Королевских Его Величества согласию, возвращается, с тем однакож обще для всех типографов в областях республики предостережением, что бы в них еретических книг не печатали, и в спорных пунктах язвительных и остростию штиля наполненных изречений оберегались.

§ 10. Бракосочетания между людьми разной веры, то есть Католицкой Римской Греческой, не унитской, и евангелицкой обоого исповедания, не имеют быть ни от кого запрещаемы и препятствуемы. Дети от разной веры родителей рождающиеся, сыновья в отцовской, а дочери в матерней вере воспитываны быть должны, выключая договор для дворянства, естли бы каковой чрез контракт брачной перед свадьбою заключенной, состояться имел; бракосочетание должно совершаться священником, или министром той веры, коей будет невеста; естли же бы священник невесты Римской веры брака благословить не хотел, то и диссидентской священник имеет вольность оное учинить. Декреты сему учреждению противные, естли в каком суде воспоследовали, в ничто обращаются.

§ 11. К вольному отправлению веры принадлежит не принуждение к празднованию праздников Католицких, а тем еще меньше к публичным процессиям и иным церемониям Римской Католицкой церкви, или к заплате за исполнение обрядов своей веры; по чему Греки не униты и диссиденты к празднованию таковых праздников и к процессиям Католицким принуждаемы быть не должны. Служащие же и подданные веры святой Католицкой Римской в праздновании Католицких праздников от господ своих диссидентов и не унитов препятствия иметь не должны.

§ 12. Семинарии или школы для особ приуготовляющихся к духовному чину, и воспитанию не унитских детей дворянских или мещанских, тож приходские школы для научения юношества своей веры артикулам их исповедания, как давние, так и те, кои бы впредь в местах где живут не униты, построены были особливо же семинария Могилевская действительно состоящая, не должны ни кем быть беспокоиваны. Священники Греческие и их фамилии, монахи, слуги церковные, ни в какие иные суда, кроме суда Епископов Греческих не унитских и консистории их, позымаемы быть не должны, выключая дела земские в силу статута великаго княжества Литовскаго. Греки не униты и диссиденты к перемене своей веры никаким образом принуждаемы не будут; тож монастыри и духовенство Греческое, не унитское и диссиденты в податях публичных с духовными веры Римской Католицкой сравнены, и от дани или должности, кои только от подданных господам надлежат, уволены быть должны; однако к сей свободе не имеют надлежать священнические сыновья, кои еще не посвящены, тож и земли не фондационные сей вольности подвержены быть не имеют. В городах Греками не унитами населенных грамоты пожалованные им законно от Королей и конституциями апробованные ни в чем нарушены быть не имеют. Все церкви и монастыри, кои бы явились не правильно отобранными у Греков не унитов с их фундациями и с надлежащими денежными

суммами возвращены им быть должны. Что все по доброй воле прихожан в разсуждении церкви, а по фундациям в разсуждении монастырей исследовано и решено быть имеет в обостороннем суде.

§ 13. А понеже публичная тишина и безопасность особ от доставления самой сущей и безпристрастной справедливости зависят, почему и предки наши в обидах религии для безопасности чинов и имений диссидентских желали процессу и экзекуции обеим сторонам служащей; того ради приводя во исполнение обещанной столь многими сеймовыми рецессами способ; дабы мы с различающимися в вере согражданами Греками не унитами и диссидентами притти могли к миролюбию и справедливости их по сих пор судебным порядком позыванных в трибуналы и консистории. В противность конституциям 1627, 1632, 1638, 1648, как в челобитье, так и в ответе, в разсуждении дел ниже означенных от судов трибунальских и консисторских Римских Католических, тож от трибуналу духовнаго великаго княжества Литовскаго совершенно исключая, учреждаем обосторонной суд, состоящей в семнатцати судебных персонах, то есть: осьми светских Римской Католической веры, и осьми диссидентов или Греков не унитов; семнатцатой же преосвященной Епископ Греческой не унитской Белоруской, яко своей каденции урожденной президент; сверх сего два писаря для писания декретов без решительнаго голосу, и два регента дворяне для присмотру архива выбраны быть имеют; один же писарь с регентом веры Римской, а другой с регентом веры Греческой не унитской или диссидентской быть должны.

1

Из вышеозначенных персон Его Королевское Величество ежегодно в Июле месяце шеснатцать судей назначить, или же тех самих, кои были, или некоторых только на другой год оставить, власть иметь будет; писарей же и регентов определение и их перемена от обосторонняго суда зависеть имеет.

2

Сии Его Королевским Величеством назначенные судьи будут судить в Варшаве в месте способном, в году чрез шесть месяцев нижеследующим способом: четыре особы веры Римской, а четыре Греческой не унитской, или диссидентской, пребыв на первую Его Величеством Королем назначенную каденцию, по учиненной впервых в гроде Варшавском присяге, Президента Католика Римскаго между собой большинством голосов выберут, суд свой учредят, и приведя к присяге писарей и регентов, суды свои чрез три месяца продолжать будут.

3

В случае небытности которого из восьми судей довольно будет шести для комплету; в присутствии же семи последней по порядку той веры, в коей есть излишним, не будет иметь решительного голоса; в комплете же шести, естли бы Президент по какому случаю занемог, то первой по порядку той веры место его занимать должен, и в таком случае, дабы не было излишняго одной веры, писарь той же веры с решительным голосом по предварительной присяге число заседающих дополнять может.

4

Под Президентом Католическим Римским писарь дессидент быть должен, хотя бы и с решительным голосом к занятию места судейскаго был призван; и взаимным образом писарь Католик Римской под Президентом Греческим не унитским или диссидентским.

5

Вторая сего обосторонняго суда каденция чрез судей от Его Королевскаго Величества назначенных чрез другие три месяца судиться будет, на коей по учиненной присяге прежде всего Президент диссидентской должен быть выбран. В первой половине Президентом быть имеет Преосвященной Епископ Греческий не унитский Белорусский, в небытность же его Президент диссидент место его занимать будет, равномерно и в небытность диссидентскаго Президента Преосвященной Епископ и другую половину каденции под своею президенциею продолжать будет; естли же бы по какому случаю оба Президента не были в присудствии, то первой между судьями Грек не унит или диссидент место их займет; излишней же сверх комплету не имеющей голосу дополнит число той веры, коей бы судьи не доставало, наблюдая тож самое в случае нужды и в разсуждении писаря.

6

В сем обостороннем суде [предоставляя надворным королевским, трибунальским, подкоморским, земским и гродским судам дела собственно к ним принадлежащая, и никакого союза с религиею не имеющая] дела как по доносу, так и по ответу с религиею и церковными делами связание имеющие впервых в городе или земстве решительно приговоренные, а оттуда по апелляции или отсылке к сему взаимному суду приходящие место иметь будут, а имянно: все дела в предыдущее время между всеми к Римской церкви принадлежащи-

ми, тож Греками не унитами, диссидентами обоего исповедания, всякими духовными и светскими какого либо звания и состояния и взаимным образом, особливо же хулы религии, смертоубивста духовной особы, насильства духовных особ, церквей фундации, школ, гошпиталей, кладбищ, домов духовных, чрез кого либо духовнаго или светскаго учиненные, прибегание к чужим юридикциям, обряды духовные, ссоры от *Jus patronatus* произходящие, включая в то и десятины; одним словом, все ссоры от религии и обрядов произходящие, покой и тишину между диссидентами колеблющие контроверсии, сей обосторонней суд большинством голосов разсматривать, наказывать, и решительно без апелляции приговаривать власть иметь будет в силу права и обыкновения, тож и конфисковать духовные доходы, выключая персональные наказания, в коих ко властям своим как все духовные, так и монахи к их начальникам к Римской церкви надлежащие, отсылаемы быть имеют; что равномерно в духовных персонах Греческой не унитской и диссидентской веры наблюдаемо быть имеет, конфискуя их доходы и отсылая их для персонального наказания к их Епископам или консисториям, тож и сами между собой духовные и светские диссиденты по вышеозначенным делам в сем же суде судиться имеют. Дается тож сему суду полная мочь и прошедшие такового же свойства дела, как те, кои еще не разобраны, так и те, кои действительно декретами в тягость сторонам учиненными и к исполнению приведенными решены; однако не далее как с нормального года в сем акте определенного, то есть с первого Генваря включительно 1717 года вновь разсматривать, и окончательно решить, обиженные стороны награждать, ко владению церквей, монастырей, гошпиталей, школ, семинарий и их фундаций, тож и вотчин партикулярных какого бы то ни было состояния особ [о коих подлинными документами доказать можно, что они по ненависти религии отобраны] возвращать и всякую доставлять справедливость.

7

Граничныя же дела с Католиками, Греками не унитами, или диссидентами между церковными и фундационными вотчинами произходящие прямо без всякой первой инстанции к сему обостороннему суду принадлежать имеют, которой суд имеет назначить следствие в равном числе комиссаров и Греков не унитов, или диссидентов, кои естли бы не были присяжные судьи, или урядники земские, или городские, то должны будут учинить присягу в ближайшем городе о безпристрастном поведении их в их комиссии, и о учинении оной на месте следствия подлинное доказательство из онагож городу привести и суду своему представить имеют; а после, в равном всегда числе Католик ов и Греков не унитов или диссидентов находясь, ссору пограничную, призвав також присяжнаго геометра,

для сочинения совершенного плана, справедливо рассмотреть имеют, и от декрета их обиженной стороне вольно будет апелловать в тот же обосторонней суд, где решительной декрет последовать должен.

8

Судьи земские и городские, или комиссары для следствия границ обосторонним судом назначенные, в сем же суде будучи в оной призваны, своего приговору репорта чинить принуждаемы быть не имеют.

9

А как такового обосторонняго суда учреждение полезно есть публичной тишине; того ради мы заблаго судили, дабы господа президенты, судьи, писари и регенты из публичной казны жалованье свое получали.

10

Сей обосторонней суд быв составлен из равнаго числа судей в случае равенства голосов по двукратном произношении оных, а третьей раз по записке секретных голосов, естли бы опять равенство голосов находилось, то таковое дело имеет быть президентом тойже каденции решено, коему в случае равенства два голоса иметь дозволяется.

11

Хотя назначении судей Его Королевским Величеством в Июле месяце определены, однако перьвое назначение возпоследовать имеет по ратификации сего акта, а первая каденция начнется с перваго Октября 1768 года, дальнейших же каденций продолжение, тож форма процессов и протчих описаний пространнее в учреждении для сего обосторонняго суда сочиненном и в конституцию внесенном, изъяснены.

12

Во время междуцарствия сей обосторонней суд продолжать имеет свои заседания, в случае же окончания срока назначения, Князь Примас должен будет новых судей назначить.

13

А как земских и городских урядников с стороны диссидентов, дабы тойже самой религии были, и в равном числе с Римскими Католиц-

кими урядниками употреблены быть могли к следствию и экзекуции по гродским земским декретам, и того что будет в сем обостороннем суде заключено, теперь во всем государстве нет, справедливость же оных надобность показывает, того ради Его Королевское Величество будет иметь власть жаловать их чрез патенты свои под именем субделегатов к исполнению должности только в следствиях стороны диссидентской, однако всегда вольно будет сторонам в судах гродских земских, и в обостороннем суде урядников к вышеписанным делам, хотя бы одних Католиков между собой взаимно выбирать, а помянутые субделегаты диссиденты привилегированные от Его Величества Короля присягу в городе или земстве пред принятием должности учинить имеют.

14

А понеже к сему обостороннему суду, також большие и меньшие Прусские города по вышеобъявленным делам надлежать будут; того ради во всякой каденции последнюю неделю для дел помянутых городов определяем, в коей по особосочиненном Прусском реестре дела читаны и сужены быть должны, чрез таковую последнюю неделю для городов Прусских определенную, один из четырех помянутыми городами представленных кандидатов Его Королевским Величеством судьей в сей суд назначен будет с мочью решительнаго голоса, коему место свое уступит последней по порядку диссидент, яко из городов Прусских заседающему диссиденту, не нарушая однако для уступающего чрез всю каденцию жалованья. Сверх того полагается и сие обережение для помянутых городов, что как прежде по первой инстанции ни к какому иному суду, как только прямо в ассессорской позымаемы были, так и по вышеозначенным делам, не инако как только прямо в обосторонней суд позымаемы они быть должны; что же касается до дел от акторату их произходящих, те равно, как выше сказано, [однако выключая их совершенно от Римских Католицких консисторий,] в городе или земстве, по первой инстанции начаты быть имеют; в делах же с человеком партикулярным и городским судам подверженным, первая инстанция предоставляется магистрату.

§ 14. *Jus patronatus*, преимущество наследия, по обычаю не имеет и не должно быть отнято у Греков не унитов и диссидентов, по чему они и имеют пользоваться сим преимуществом равно с Католиками Римскими в наследственных вотчинах, или на иных местах по причине владения вотчинами им служащим, с тою однако кондициею, что Греки не униты и диссиденты представлять должны в священники к Римским церквам в вотчинах своих, людей Католицких Римских, и взаимным образом Католицкие Римские помещики в вотчинах своих церкви Греческие не унитские, и костелы диссидентские

имеющие, должны будут давать презента к церквам Греческим не унитским духовным тойже религии, добрых нравов, и с засвидетельствованием Епископа, или их консистории; а к костелам диссидентским министрам одной с кирхою веры, кои министры, по обычаю и обряду религии должны вопервых выбраны быть прихожанами и добрым письменным свидетельством от церковной своей власти снабжены, выключая в Литве, там только, где фундаторы костелов уступили право свое снабжать презентами священника, синоду евангелицкому священника, или министра уж посвященного, помещик не будет иметь власти лишить его прихода; вышепомянутыеж презента имеют быть даваны с себеих сторон без всякой корысти и денежного награждения для избежания депактации и святотатства.

§ 15. Все монастыри и фондации, кои по реформации в светские обращены, как в короне Польской, так и в великом княжестве Литовском и присоединенных провинциях, должны пребывать в вечныя времена в том состоянии, в котором теперь находятся.

§ 16. Понеже равенство дворянское есть основанием вольности Польской, и наинадежнейшим подкреплением прав отечества, а Греки не униты имея сие право со времени присоединения их к республике; диссидентыже от полутора веку даже до 1717 года, на основании давних прав, конфедераций, конституций и привилегий в вечныя времена трактатом Оливским и трактатом 1686 года утвержденных, кои им давные оберегают узаконении, оными пользовались: того ради нынешним актом возвращаем им все давные права и преимущества, объявляем их способными ко всем чинам коронным, великаго княжества Литовскаго и присоединенных провинций; к достоинствам сенаторским и министерским, урядам коронным и земским; должностям трибунальским и комиссарским; посольствам заграничным и сеймовым и ко всем иным, какие только быть могут; к получению награждений от Его Величества Короля, староств городских, вотчин Королевских, и всяких юрисдикций земских; одним словом, возвращается помянутому Грекам не унитам и диссидентам совершенной активитет как в гражданских, так и воинских чинах, тож поделение во всех прибытках, которое совершенное равенство уродения дает им право иметь равно с Католиками Римскими, по поводу котораго равенства, вера не имеет быть препятствием людям не унитской и диссидентской религии к приобретению индигената и дворянства.

§ 17. Мещане веры Греческой не унитской и диссидентской обоего исповедания, иметь будут совершенное равенство с Католиками Римскими по способности свойственной их состоянию; как то, пользоваться правом мещанства, сообщества, магистратуры по городам, где

кто поселиться пожелает, произведения торгов и купечества, заведения фабрик; с позволением однако Королевским в городах Королевских, в наследственных же деревнях, или городах, с позволением помещика, и искания всяких способов и прибылей мещанскому состоянию приличных, с совершенным равенством с людьми веры Римской Католицкой. Крестьяне же как Греки не униты, так и диссиденты, в староствах и вотчинах Королевских находящиеся, в обидах и делах своих, в суде предписанном Католикам таковогож состояния, равно как и Католики справедливость получать должны.

Артикул 3

Во всех как больших, так и меньших городах и деревнях Прусских, диссиденты в силу Оливского, а Греки не униты узаконением сего акта вольное веры отправление, в силу учрежденных артикулов в пользу диссидентов во всей республике, в великом княжестве Литовском и приписных провинциях, как наисовершеннейшим образом иметь должны. По чему и никто по притчине одной веры, пользоваться правами и преимуществами мещанства, и получать чинов в их магистратах, [не нарушая однакож всилу их прав вольного wyboru, не смотря что касается до города Торуня, на декрет 1724 года] препятствия терпеть и исключенным от того быть не должен.

§ 1. Духовенство Римское Католицкое ни под каким видом в дела, к гражданской светской власти принадлежащие, мешаться не должно, как в вышеобъявленных артикулах о диссидентах, касательно до всей республики бережено и выражено.

§ 2. Понеже диссидентам дано право и власть дела церковные и консисторские диссидентские судить и решить, то тож само служить имеет и городу Торуню, не смотря на то, что в разсуждении сего произошло у него, и учинено сему противного с Епископами: к сей консистории города Торуня все костелы, молитвенные дома, школы, церковные дома с их министрами, дьячками, и со всеми собраний диссидентских людьми, в делах духовных бракосочетания и духовной дисциплины, в воеводствах Хелминском и Мариенбургском надлежащих до епархии Хелминской, и в архидиаконате Каменском в воеводстве Померанском находящемся, принадлежать також имеют.

§ 3. Осмотры, декреты Епископские и протчие учреждения духовенства Римскаго Католицкаго до городов Прусских касающиеся, правам и вольностям в пользу всех в сей республике Греков не унитов и диссидентов нынешним актом учрежденным, никакого предосуждения чинить не должны; напротив того кои бы им были противны, те в ничто обращены быть имеют.

§ 4. Во всех больших и меньших городах Прусских ремесленные люди, кои на землях духовных Католических, светских и монастырских, или кои в домах их живут, власти городской и своим взаимным цехам подсудственными быть, и общие с прочими ремесленными цеховыми людьми подати выплачивать должны будут; не послушные же, как выше сказано, магистрату и своим цехам, тем магистратом городским принуждаемы быть имеют.

§ 5. Юношество, учащееся и ходящее в школы, как Римское Католическое, так и Греческое не унитское и диссидентское в помянутых городах смирно поступать имеет; в случае же каковых возмутительных ссор, их взаимные начальники ни под каким видом магистрату препятствовать не должны таковых яко возмутителей публичной тишины арестовать, для наказания их чрез приличных судей.

§ 6. Надпись на мраморном камне, взятая из декрета 1724 года, в кладбище церкви святого Иоанна при школе Торунской Езуитской положенном, темиж Езуитами отнят и магистрату города отдан быть имеет, которой магистрат от помянутого декрета, без нарушения того, что оставлено ненарушимым в иных пунктах сего акта изреченных, увольняется.

§ 7. Гимназия и школы диссидентские города Торуня, тож типография декретом 1724 года им запрещенная, при всех, коими пред сим и до сих пор пользовались, вольностях, не смотря на вышеобъявленной декрет, совершенно навсегда соблюдены быть имеют, согласно однако с § 9 настоящего акта о типографиях Греков не унитов и диссидентов, касательно печати книг набожных и контрroversий с материи религии.

§ 8. Костел диссидентов Аусбургскаго непремяемаго исповедания в Торуне пред несколько летам в старом городе построенной, во владении того же исповедания, в коем теперь находится, без всякаго беспокойства вечно остаться имеет с совершенною вольностию выстроить при нем колокольню и держать в ней колокола, как то во всей республике позволено.

§ 9. Дворянство воеводства Хелминскаго, людей из магистрата Торунскаго в чин своих судей земских выбирать должно; в чем никому одна религия евангелицкая препятствием быть не должна.

§ 10. Право колляции к церкви приходной святого Иоанна, находящейся в Торуне, к их Величествам Королям Польским, и к магистрату сего города по очереди принадлежащее, от которого

магистрат с того времени, как оное Езуитам позволено, отрешен, ему опять отдается, которой в случае первой вакансии оным воспользоваться имеет.

§ 11. Церкви, состоящие в Торуне, святого Якова, девичий Бенедиктинской монастырь в новом городе, и святая Марии Бернардинской, со всеми их принадлежностями, вечными временами принадлежать будут к тем, кои ими теперь владеют; награждение же убытков от сего производящих, во свое время республикой городу Торуню учинено быть имеет.

§ 12. Плебаны Римские Католикие города Елбинга транзакцию Рудницкаго, Епископа Варминскаго 1616 года, во всей ея силе и пунктах совершенно соблюсти должны будут.

§ 13. Конституции 1717, 1733 и 1764 годов, против начальнейшаго костела города Гданска возпоследовавшие, нынешним актом уничтожаются.

Артикул 4

Герцогство Курляндское и Семигальское имеет быть сохранено навсегда при своих духовных правах всилу своих государственных узаконений, и никто не будет принуждаем, под каким либо видом, к назначению мест на построение церквей и домов к оному принадлежащих, или назначения какого дому к отправлению публичнаго Католикаго Римскаго набожества; оставляя однако в целости право администрации сакраментов больным, где бы они ни находились.

§ 1. Вера Греческая восточная не унитская должна иметь вольное свое отправление в герцогствах Курляндском и Семигальском без всякаго от кого-либо в том препятствия, или обиды.

§ 2. Духовенство Католическое не должно [с ущербом инвеституры Герцогской] противиться Герцогским правам и их консисториям.

§ 3. Духовенство Католическое не должно с обидой прав сих Герцогств венчать служащих и подданных без позволения их господ.

§ 4. Плебаны в городах Митаве и Голдинге должны всилу комиссии 1717 года, и уговору в Варшаве 1740 года между Герцогом Курляндским и помянутыми плебанами учиненнаго, и наконец всилу реверсалов Герцогом в 1764 году выданных, возвратить Герцогские вотчины Нейффридхсгоф и Реннен, довольствуясь тем, что им в вышепомянутых учреждениях определено.

§ 5. Церкви и их принадлежности, кои некоторым только соколаторами с обидой других Католикам уступлены, возвращены быть имеют Аугсбургскому исповеданию, что должно разуместься с первого Генваря включительно 1717 года, и не должно простирасться до соборной церкви в Иллукоце, которая с коллегиею, школами, вотчинами и всеми к Езуитам принадлежностями, в наследственных вотчинах господина Иозафата Зыберка, Кастелана Лифляндскаго, для помянутых Езуитов учрежденная, сим актом апробуется.

§ 6. Все генерально церкви обоого исповедания евангелицкаго, кои теперь в Герцогстве Курляндском и Семигальском находятся, и кои впредь найдутся, пребудут навсегда во владении помянутых исповедников, и ни под каким видом не будут повержены какой либо перемене или реформе.

§ 7. Не дозволяется строить церквей, каплиц, и монастырей в вотчинах герцогских и в городах без позволения Герцога, а в вотчинах дворянских без дозволения помещиков; а как запрещено духовными конституциями республики покупать вотчины на церкви, или монастыри, то таж самая конституция должна быть правом и для Курляндии, с выключениями однако в оной конституции израженными.

§ 8. А как в областях республики чрез сравнение в преимуществах обывательских Греков не унитов и диссидентов обоого исповедания с Католиками, способность к чинам и милостям Королевским тем же самым правом, которое Католикам служит, и Курляндцам обоого исповедания настоящим актом признана; так в Курляндии и Семигалии дворянству помянутых исповеданий, тож и Католицкаго исповедания Курляндцам и Полякам, только бы сии последние имели свои вотчины, и в Курляндии взаимное равенство служить имеет, что разуметь должно и о мещанах, касательно до мещанских преимуществ.

Артикул 5

Понеже всякому наблюдать надлежит права ему служащие, то и дистрикта Пилтинскаго обывателям, в силу трактата между их Величествами Стефаном Баторим, Польским и Фридериком вторым, Дацким Королями, в 1585 году 10 Апреля в Кронебурге заключеннаго, тож и в силу мира Оливскаго оных прав целость, и настоящих владений спокойность нынешним актом в вечныя времена утверждаем и уверяем.

§ 1. Вопервых весь дистрикт Пилтинской, как он находился пред помянутым годом Кронебургскаго трактата, не только касательно до веры и церквей, но таж и что принадлежит до перемены свойства

вотчин церковных Католических в светские, оставляем, и имя Епископства Пилтинского без всякой посессии в дистрикте Пилтинском с помянутого времени оставшееся, а после 1685 году к Епископству Инфлянтскому чрез номинацию Его Величества Короля Яна III присовокупленное, уничтожаем, и по поводу сей номинации произшедшей между Епископами Инфлянтскими и дворянством Пилтинским процес в судах релационных вечному предаем забвению, объявляя, что оной всему Пилтинскому дистрикту, яко обращенному в светской, никогда вредить не должен.

§ 2. Учреждение внутреннего правления в сем дистрикте комиссией 1617 года, Его Величеством Королем Сигисмундом III назначенной учиненное, в своей силе оставляем, с тем однакож прибавлением, дабы в сем дистрикте не только диссидентской обоих исповеданий и Католической Рисконной веры, но також Греческой восточной не унитской свободное было отправление, и дабы вышепомянутыя веры к чинам и наследственным вотчинам никому препятствием быть не могли.

§ 3. Дворянство дистрикта Пилтинского, как и те, кои им по сих пор за дворянство живущее надлежащим и торжественным способом приняты, в равенстве прав своих с прочим дворянством Лифляндским, не смотря на различие веры, совершенным правом и преимуществами в республике и принадлежащих к ней провинциях, лишь бы только там имели свои вотчины, пользоваться должны; и взаимным образом в дистрикте Пилтинском дворянство Польское, и принадлежащих к республике провинций, равными же правами, равенством и преимуществами пользоваться имеют.

§ 4. Чтож касается до замку или староства Пилтинского, тож до вотчин и мыз к нему принадлежащих, то в разсуждении оных учреждение формы правления ненарушимо соблюдено быть имеет, и владельцу настоящему старосте целость права до его смерти и заклада оберегаем; прочие же вотчины дворянством и обывателями дистрикта Пилтинского, также населенные при конституции 1764 года о Лифляндии, сохранены будут, и владеющие ими особливо на них конфирмации искать не будут обязаны. Тож определяем, дабы подданные дворянства Пилтинского везде пойманные, им выдаваны были: в случае же судебного произшествия в разсуждении помянутых подданных, дабы дворянству Пилтинскому во всяком суде справедливость отдаваема была.

А как все вышеобъявленные пункты основаны как на праве натуральном и публичном, так и на привилегиях и давних конституциях, за основание равенства и вольности Польской положенных:

понеже Греки не униты и диссиденты обоих исповеданий, чрез долгое течение времени спокойно всеми преимуществами и вольностию пользовались, и в оных никакого препятствия не имели, даже до воспоследовавших уже после мира Оливскаго в 1660, и трактата Московскаго в 1686 году не правильных конституций; и понеже Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ Величество Всероссийская, Соседка Речи Посполитой, тож Их Величества Короли, Шведской, Прусской, Англической, и Дацкой, интересуясь яко стороны, ручательствующие вышепомянутых трактатов, желали возстановления прав и привилегий Грекам не унитам и диссидентам, как в духовных, так и светских делах служащих: того ради все сии пункты, выраженные в артикулах нынешняго акта, имеют и должны быть правом пребывающим, вечным, и никогда не нарушимым, а кто бы оные нарушать отваживался, тот имеет быть, и будет почитан и трактован, как нарушитель публичной тишины и враг республики.

Сей сепаратной акт первой будучи под гарантиєю подписаннаго ныне трактата, с одной стороны между Ея Величеством Всепресветлейшею Императрицею Всероссийскою; а с другой Его Величеством Пресветлейшим Королем, и Светлейшею Республикою Польскою, должен иметь всю ту же силу, действие и обязательство, как бы тот же акт внесен был от слова до слова в сей трактат. И для того оной в взаимных ратификациях обеих Пресветлейших трактующих сторон, в сем своем пространстве вмещен быть должен. Коих в верность мы обеих сторон торжественно уполномоченные сей сепаратной акт, собственными руками подписав печатями гербовыми нашими утвердили. В Варшаве месяца Февраля по старому штилю 13/по новому штилю 24 дня, тысяща семьсот шестдесят осьмого года.

Князь Николай Репнин (М.П.)

Гавриил Ян, юноша Подоский,
Примас и первой Князь короны
Польской и Великаго княжества
Литовскаго. (М.П.)¹

Антоний Островский, Бискуп Куявской и Померанской. (М.П.)

Антоний из Прусс, Князь Яблоновский, Воевода Познанский. (М.П.)

Игнатий Твардовский, Воевода Калишский. (М.П.)

Иозеф Антоний, юноша Подоский, Воевода Плоцкий. (М.П.)

Фадей Липский, Кастелан Ленчицкой. (М.П.)

Андрей Станислав Млодзеевский, Бискуп Премышльский, Великий Канцлер коронной. (М.П.)

Франциск, Потоцкий, Воевода, Генерал земель Киевских. (М.П.)

Игнатий Цетнер, Воевода Бельский. (М.П.)

Станислав Бернард Гоздский, Воевода и Генерал земель Подляшских. (М.П.)

Михайло Яблоновский, Кастелан Вислицкий. (М.П.)

¹ Здесь и далее имена и должности подписавших договор приводятся по подлинному тексту.

Ксендз *Стефан Гедроиц*, Бискуп Лифляндский. (М.П.)
Михайло Огинский, Воевода Виленский. (М.П.)
Иозеф Довойна Соллогуб, Воевода Витебский. (М.П.)
Фадей из Буржина Буржинский, Кастилан воеводства Смоленского. (М.П.)
Адам Бржостовский, Кастилан Полоцкой, староста судовой Волковийской. (М.П.)
Князь Михайло Чарториский, Великий Канцлер Великого княжества Литовского. (М.П.)
Ян Борх, Подканцлер коронной. (М.П.)
Феодор Весель, Великой Подскарбий коронной. (М.П.)
Князь Иозеф Сангушко, Маршал надворной Великого княжества Литовского. (М.П.)
Князь Карл Радзивил, Маршал генеральной конфедерации и сеймовой. (М.П.)
Станислав Бржостовский, староста Бистрицкой, Маршал генеральной конфедерации Великого княжества Литовского. (М.П.)
Владислав Гуровский, великий писарь коронной, посол воеводства Познанского. (М.П.)
Карл Малчевской, полку коронной великой булавы Полковник, посол воеводства Познанского. (М.П.)
Адам Лодзя Понинский, великий кухмистр коронной, посол воеводства Калишского. (М.П.)
Станислав Весель, староста Голубской, посол воеводства Линчицкого. (М.П.)
Войцех Гжымала Островский, подсудок и посол воеводства Линчицкого. (М.П.)
Каспар Любомирский, посол воеводства Мазовецкого, и земли Черской. (М.П.)
Федор Шидловский хорунжий, и посол земли Варшавской. (М.П.)
Казимир Шидловский, столник повета Прасницкого, посол княжества Мазовецкого. (М.П.)
Князь Казимир Понятовский, подкоморий коронной, посол земли Закрочимской. (М.П.)
Ян Хризостом Краевской, инстигатор коронной, посол земли Рожанской. (М.П.)
Валентий Соболевский, ловчий земли Варшавской, посол земли Ливской. (М.П.)
Станислав Радзиминской, староста Яновский, посол земли Нурской. (М.П.)
Ксаверий Браницкой, великий ловчий коронной, посол земли Сохачевской. (М.П.)
Станислав Гадомский, подкоморий и посол земли Сохачевской. (М.П.)
Антоний Чапский, подкоморий и посол воеводства Хелминского. (М.П.)
Валериан Пивницкий, мечник земель Прусских, посол воеводства Хельминского. (М.П.)
Франциск Велопольский, посол воеводства Краковского. (М.П.)
Иозеф Велопольский, посол воеводства Краковского. (М.П.)
И.Малаховский, посол воеводства Сандомирского. (М.П.)
Илья Водзицкий, посол воеводства Сандомирского. (М.П.)
Петр Ожаровский, Генерал-Лейтенант, посол воеводства Сандомирского. (М.П.)
Матвей Скорубка, посол воеводства Сандомирского. (М.П.)

Антоний Потоцкий, староста Львовской, посол воеводства Русаго. (М.П.)
Игнатий Буковский, посол Саноцкий. (М.П.)
Иозеф Антоний из Блажова Блажовский, подстолий и посол повета Жидачевского. (М.П.)
Мариян Потоцкий, делегат и Маршал земли Галицкой. (М.П.)
Иозеф Сосновский, полный писарь великаго княжества Литовскаго, посол земли Хелмской. (М.П.)
Иосиф Стемпковский, полной обозной коронной, посол воеводства Люблинскаго. (М.П.)
Станислав Карвовский, подстолий земли Бельской, посол воеводства Подляскаго и земли Мельницкой. (М.П.)
Иосиф Вильчевский, подкоморий земли Визской, посол воеводства Подляскаго, земли Бельской. (М.П.)
Целестин из Шпанова Чаплиц, подкоморий Луцкой, посол коронной Лифляндии. (М.П.)
Иван Лодзя Понинский, посол коронной Лифляндии. (М.П.)
Михайло Иван Пац, староста Зиоловский, посол воеводства Виленскаго. (М.П.)
Князь Станислав Радзивил, великой подкоморий великаго княжества Литовскаго, посол повета Лидскаго. (М.П.)
Мартиян Янович, посол повета Вилкомирскаго. (М.П.)
Стефан Доминик Ромер, хорунжий и посол воеводства Троцкаго. (М.П.)
Антоний Забело, великий ловчий великаго княжества Литовскаго, посол повета Ковенскаго. (М.П.)
Мартин Черневич, городничей, судья гродской и посол Ковенской. (М.П.)
Иван Пакош, писарь гродской и посол воеводства Смоленскаго. (М.П.)
Казимир Заблоцкий, посол повета Стародубовскаго. (М.П.)
Франциск Гедроиц, подचाший и посол Волковинской, полной обозной Литовской. (М.П.)
П.Богомолец, писарь земский воеводства Витебскаго. (М.П.)
Михайло Шишко, хорунжий гусарской, посол воеводства Витебскаго. (М.П.)
Князь Михайло Радзивил, великаго княжества Литовскаго Крайчик посол воеводства Брестскаго. (М.П.)
Михайло Доманский, посол повета Пинскаго. (М.П.)
Николай Лопацинский, великий писарь великаго княжества Литовскаго посол воеводства Лифляндскаго. (М.П.)
Адам Чарториский, посол воеводства Лифляндскаго. (М.П.)
Антоний Тизенгауз, подскарбий надворный великаго княжества Литовскаго, посол воеводства Лифляндскаго. (М.П.)

АКТ СЕПАРАТНОЙ ВТОРОЙ,

Заключающей в себе права кардинальныя Яснейшей Речи Посполитой Польской навеки непоколеблемые и переменены быть никогда не могущие, и материи штатския, которыя только единогласием на вольных сеймах должны быть определяемы.

Яснейшая Речь Посполитая Польская желая единожды на всегда непоколебимо утвердить форму правления и свои вольности чрез

определение прав своих кардинальных никогда переменяться не могущих, и материй штатских, кои только единогласием на вольных сеймах могут быть определяемы, постановлено для сей причины следующее:

ПРАВА КАРДИНАЛЬНЫЯ

1. Власть законоположения республики в трех станах, то есть: королевском, сенаторском и рыцарском поныне пребывающая, не нарушимая на всегда остаться должна, и сей власти один стан без двух других, ниже два без третьяго себе присвоить и употреблять не могут; по чему одному стану без согласия двух других, ниже двум без третьяго не можно никогда областей и посессий республики, також королевских вотчин, к столу королевскому принадлежащих, и вотчин духовных и светских отделять, закладывать, менять или продавать, исключая однако междущарствию, во время коих власть правления заключается в двух станах; и потому что сии два стана единогласием учредят в материях штатских, а большинством голосов в материях экономических и в назначении времени и дня сейма избирательного, и избрания Королевского, тогда то и силу таковую иметь должно, как бы тремя станами определено было.

2. Когда вера Римская Католичкая в правах, конституциях и во всяких актах упоминаема ни будет, всегда придаваться должен ей титул господствующей, и она во веки пребудет господствующею.

3. Поставляя между правами кардинальными верою господствующею в Польше Римскую Католичкую, переход от церкви Римской к какой либо другой религии, в сем государстве Польском, великом княжестве Литовском и в присоединенных провинциях за криминальное преступление объявляем: по чему то бы оной впредь учинить отважился, тот должен быть выгнан из областей республики; суд же на таковых преступников в трибуналах коронных и великаго княжества Литовскаго решительной [*ex termino tacto*] назначаем; увольняем однако от сего права всех тех, кои бы теперь в сем случае нашлись, и ни под каким видом налагать на них помянутой и в правах народных описанной казни не станем и не допустим.

4. Сообразуясь кардинальному праву Речи Посполитой, в силу которого от самого начала веры Римской господствующей престол Польской только Католиками Римскими был занят, и возобновляя конституцию 1669 года и оную за ненарушимую объявляя на веки оберегаем, что в предбудущия времена никто иной быть не может Королем Польским, как единственно урожденной Католик Римской или принявшей сию веру; а кто бы из Поляков отважился возводить на престол Польской кандидата иной веры, такового за врага отечества и достойнаго не отпустительной смертной казни объявляем;

Королева також всилу помянутой конституции 1669 года быть должна урожденная Католичка Римская, или приступившая к сей вере: а есть ли бы случилось, что бы она была иной какой религии, то поколе веры святой Римской не примет, коронована быть не может.

5. Хотя выбор Королей Польских вольными голосами совокупленной Речи Посполитой по сих пор чинился, и хотя Его Величество Король Станислав Август щастливо теперь владеющий, из среды нации по единодушному Речи Посполитой согласию на престол Польской возведен, и пакта конвента, на коих присягал, твердо сохраняет; по чему с стороны Его Величества нарушения сего вольного выбору впредь и опасаться не должно; но как попечение о сохранении сей вольности никогда излишно быть не может, то наиторжественнейше оберегаем, что вольный единоголосный выбор Королей, не только в совершенной своей силе на всегда пребудет, но также и ни под каких видом и никогда наследие к престолу Польскому учреждаемо и допущено быть не может.

6. Безопасность вольности дворянской, достаточно статутом Владислава Ягеллона и конституциями республики обереженную, желая в сих правах ненарушимо соблюсти, объявляем, что ни Его Величество Король, ныне благополучно владеющий, ни преемники его Короли, ни их подвластные, и никто ни по власти чина, ни по превосходной силе, всилу помянутого статута ни какого живущаго здесь, в Речи Посполитой, дворянина, за проступок и вину брать власти не будет иметь, разве прежде в приличном суде надлежащими доказательствами оной изобличится; но под сие защищение права, не имеют быть однако принимаемы всякие убийцы, в недавнем убийстве приличившиеся [которой недавности время, в силу прежних прав назначаем год и шесть недель], ниже разбойники, ниже на воровстве пойманные, ниже наеждающие по дорогам и домам: но напротив того для уверения всякому драгой жизни и домашней тишины, всилу генеральной регулы права, нападчик сам от себя убивается, мы таковых людей всегда достойными смертной казни быть судим, после совершеннаго на него доказательства в приличном суде о нападении на дом, или насилие в дороге.

7. Чины, достоинства духовныя и светския, привилегиями королевскими данная и милости королевския однажды пожалованныя и в приличном суде законно не оспориваемыя, но спокойно содержащия, ни у кого, ни кем и ни под каким видом отниманы не будут; а естли бы тому были справедливыя причины, то оное на вольных сеймах единоголосием учинено быть может, однако судьи земские, чины гродские и все подчиненныя юрисдикции, на коих есть апелляции, должны отвечать о худом исполнении своей должности в трибуналах, и их приговору подвержены быть.

8. Права и привилегии провинций и именно такия, с коими оне к республике приступили и людям в них живущим служащия, законно данная и поныне в судах справедливо неоспоренныя в целости

содержаны будут; а дабы впредь из канцелярий народных ничего противного праву не выходило, господа канцлеры обеих наций под обязательством присяги чина своего прилежно то наблюдать должны; для сохранения же привилегий, дабы быв по какому случаю потеряны, в должной форме находиться могли, и что бы ведать, где их наитить в потребном случае, то как все сии привилегии в актах метрик коронных в короне, а Литовской в великом княжестве Литовском, так и давнейшия, кои бы еще в актах урядских не находились, от обнародования нынешняго учреждения через год внесены туда быть имеют; а те кои от сего времени выдаваться станут, естли для внесения в те же метрики не позднее как через год поданы не будут, тем самым за не важныя приняты будут, и Его Величество Король может оныя вновь подписывать, естли соизволит, а канцелярии обеих наций таковыя привилегии должны будут печатать, також естли бы кто оригинальную привилегию потерял и о вторичной просил, то выдача оной запрещается быть не должна.

9. Великое княжество Литовское с короной Польской на веки соединенное всилу обязательств своих, тож и другия провинции и земли одно тело Речи Посполитой составляющия, дабы с сим телом своих в неразделимости пребывали, торжественно утверждаем.

10. Права ленов, до Речи Посполитой принадлежащих, во власти и зависимости ея навсегда пребывать должны.

11. Право равенства дворянского и способность ко владению вотчинами земскими, к чинам, достоинствам сенаторским, министерским, к должностям духовным и светским, к привилегиям на старосты городов и не городовыя и к владениям деревнями одному дворянству национальному служить имеет, и сего равенства никакие титулы пресекать, или ему вредить не возмогут.

12. Диссидентам и Грекам восточным не унитам, обывателям Речи Посполитой дворянского состояния настоящим трактатом в своем месте признанное подобное равенство, и сих религий описанныя вольности в своей совершенной силе на всегда сохранены будут.

13. Воеводства и города земель Прусских навсегда сохранены будут при своих законных правах, и согласно с привилегией инкорпорации.

14. Воеводство Лифляндское при пактах субъекции и соединения, тож при ординациях и правах сему воеводству служащих и в конституциях выраженных, на всегда соблюдено быть имеет.

15. Герцогство Курляндское и Семигальское навсегда при пактах субъекции 1561 и при форме правления 1617 остаться должны, без всякой на вечныя времена в форме правления их действительно состоящаго, перемены.

16. Дистрикт Пилтинский при правах, с коими Королем Дацким в 1585 году, яко часть Лифляндии Польше был уступлен, при светском состоянии навсегда пребудет, и при форме правления 1617 года вечно сохранен быть должен.

17. *Liberum veto* на сеймах вольных в материях штатских в совершенной силе всегда сохранено быть должно; сии же материи штатские всегда единогласием решены быть имеют, предоставляя в вечныя времена всякой особе составляющей сейм власть уничтожать активитет сеймования в материях штатских, чрез одно единственно противоречие вольного голоса изустно или чрез манифест учиненное.

18. *Ius Emphytenfis* как в праве описано, во всех владениях Речи Посполитой на землях точно пустых, и с явной пользой настоящего помещика позволяемо быть имеет, дание же онаго права в вотчинах столовых от Короля, в королевщизнах от старост и владельцев, однако за конфирмациею Королевскою, в вотчинах духовных от духовенства, по предварительном согласии власти духовной национальной, а за конфирмациею Королевскою, генерально во всех бенефициях колляции и номинации Королевскою; в вотчинах шляхетских за дозволением помещика, каждому сохранено быть должно, которого права получение не только обывателям Польским, однако вольным людям, но и пришельцам из чужих краев, тож вольным мещанам и земледельцам, по местечкам и деревням свободно будет; таковой же *Эмфитактической* пришелец по трех годах пребывания во владениях речи посполитой, за природнаго в государстве обывателя в своем мещанском, или земледельческом состоянии имеет быть принят; продажа напитков по местам, в *Эмфитезис* пущенным, при директных земли помещиках остаться должна.

19. Целость владения и собственности дворян над вотчинами земскими наследственными и их подданными, всилу прав статута, никогда отбираема и умаляема быть не имеет, однако право жизни и смерти подданнаго не должно быть в руках помещика: но когда подданной в каких криминальных делах виноват окажется, то в суд земский, или гродский, или мещанский по большим городам отдан быть должен.

20. Понеже не только права Божии, но и узаконении национальныя, а имянно: статут великаго княжества Литовскаго в артикул 1, главе 12, и конституция 1726 года под титулом смертоубийство повелевают, чтоб никому своевольно, дерзостно, нарочно и добровольно в надежде выкупки денежной, людской крови не проливать и за голову убитаго оценки ставить, то и учреждается наиторжественнейше, что от сего времени, как дворянин за дворянина, и мужик за мужика смертью казнен быть имеет, так естли бы случилось, что бы дворянин мужика злостно и неслучайно, но добровольно умышленно убил, то таковой не заплатой и оценкой головы тому до кого убитой принадлежал, но потеряннем собственной своей головы в приличном суде наказан быть имеет, предоставляя в сем случае доказательство и в судебной процесс, тож оправдание сторонам в целости, всилу предписаний в том же статуте великаго княжества Литовскаго и конституциях сеймовых; что же касается до причинения ран, увечья, охромления, или мутилации какого либо члена, то по таковым делам

как наитеснейшая справедливость для обиженных, разторопности и совестной строгости судей и судов в приличных судах предоставляется, дабы подобные проступки по качеству причиненных ран и состоянию особ, коим причинены будут, сужены и наказываны были.

21. Как права престола всегда сохраняемы быть должны и по оным послушание нации Их Величествам Королям всегда есть должное, так с другой стороны, естли бы которой из Королей что из прав кардинальных национальных, или из пактов конвентов с сею нацией под присягой заключенных, нарушил и сохранять не хотел, то всегда всилу права сия нация от послушания Королю вольна будет а естли бы кто Его Величество Короля не справедливо на сейме публично в чем обвинял, тот всилу конституции 1609 судим и наказан быть должен.

22. Вотчины и посессии духовныя и дворянския праву Королевскому подвержены быть не имеют, и привилегия на оныя пред доказательством точнаго права Королевскаго и пред узнанием натуры вотчин получаема, ко владению таковыми вотчинами браться не должна.

23. *Jus Caducum* на имение чужестранца во владениях речи посполитой бездетно и без духовной умершаго, по сие время к правам Королевским принадлежащее, впредь даваемо не будет; но наследники имение покойнаго и все его пожитки взять власть имеют, оставив изо всего того десятую часть в натуре, или в деньгах по оценке городу, или владельцу места, на коем оной чужестранец жил. Однако сие наследство для чужестранцов не может иметь инако места, как только чрез три года ото дня смерти родственника их в Польше, по чему трикратно в год знать дается, что иностранец такой и такой в том и том месте умер, и оставшее по нем имение, какое по списку тотчас после смерти судебно учиненному явится, наследникам его выдано будет, только бы в назначенное время с подлинными доказательствами близости сродства с умершим в приличном месте явились: ибо по прошествии трех лет оное имение в казну Королевскую отпишется.

24. Срок шестинедельной, определенной для сеймов обыкновенных, а двунедельной для сеймов чрезвычайных, не имеет быть продолжен, ниже сеймы не должны быть лимитированы, как только по единогласию во время вольнаго сейма.

Все сии права кардинальныя ни в какое время, ни под каким видом чрез кого либо, ниже чрез самая конфедерации, хотя бы оныя и во время междущарствия сочинялись, и ниже единогласием не могут быть переменяемы и нарушаемы; а кто бы против сих прав, или одного из них поступал, таковой врагом отечества имеет быть почтен и всилу того наказан.

МАТЕРИИ ШТАТСКИЯ

1. Не позволяется на сейме вольном без единогласного соизволения станов Речи Посполитой чинить никакого приумножения, или перемены податей однажды учрежденных, тож и перемены тариф уchrеждать под каким бы то видом ни было.

2. Не дозволяется на вольном сейме иначе как единогласием умножать число однажды установленные войска Речи Посполитой, в какой бы то части государства, и под каким бы то названием и претекстом ни было.

3. Не дозволяется на вольном сейме без единогласия станов заключать трактаты или конвенции, союзы дружбы или коммерции с иностранными дворами.

4. Объявление войны и заключение мира не имеют быть чинены на вольных сеймах иначе как только по единогласию.

5. Не дозволяется давать индигенаты и нобилитации на вольных сеймах иначе как по единогласию, получающий же индигенат дворянство свое от деда всегда доказать должен; а дабы до чинов юридических мог быть допущен, должен иметь вотчины во владениях Речи Посполитой.

6. Составление, курс и внутренняя доброта государственной монеты не должны быть переменяемы на вольном сейме иначе как по единогласию, и никакая редукция и повышение цен оной монеты тож не могут быть определяемы как единогласием на вольном сейме, равно как и заграничные монеты от комиссии skarbowой за добрыя признанныя редукваны без единогласия быть не имеют.

7. Не дозволяется усилиять или ослаблять власти и преимуществ министров, мира и войны коронных, и великаго княжества Литовскаго, також урядов судебных и судов в государстве на вольном сейме иначе как по единогласию; равным образом не позволяется делать новых урядов коронных и Литовских, ниже воеводских и поветовых иначе как по единогласию на вольном сейме.

8. Порядок сеймов и сеймиков, которой конституцией на сем сейме учрежден будет, не имеет быть переменяем на вольном сейме иначе как единогласием.

9. Всякой юрисдикции приличное послушание, декретов важность, преимущества трибуналов, тож сила персональных декретов в трибуналах великаго княжества Литовскаго, навсегда сохранены быть имеют во всем так как по сие время находятся; а естли бы какая перемена впредь учиниться имела, то на вольном сейме без единогласия оной делать не должно.

10. Конституция 1717 года под титулом Reassumptio учреждающая сенатские советы не нарушимо всегда сохранена быть должна, но как в пункте запрещения *разпоряжать skarбом Речи Посполитой*, прибавленная кондиция *без явной и необходимой нужды* иметь

может предосудительное сему скарбу толкование; того ради на каждом сейме в течении экономических материй некоторая сумма на необходимыя и нечаянныя нужды, между одним и другим сеймом случающаяся, в диспозицию сенатских советов назначаема быть должна; а естли бы Речь Посполитая желала приумножить или уменьшить силу и преимущества сенатских советов, то его инако учинить на вольном сейме не возможет, как только по единогласию.

11. Как в силу старых прав Речи Посполитой Их Величествам Королям не вольно было покупать вотчины и посессии в областях Речи Посполитой для наследников от чресл своих, и данное Его Величеству ныне благополучно владеющему Королю в пактах-конвентах такое позволение ему только одному служить должно, так естли бы в предбудущее время Их Величествы Короли преемники нынешняго Его Величества Короля Станислава Августа, вышепомянутой покупки вотчин для наследников от чресл их пожелали, то сего их намерения на вольном сейме инако в действо произвести им не можно как по единогласию.

12. Посполитое рушение Речи Посполитой не имеет быть созываемо инако как властью сейма и по единогласию во время сейма вольнаго.

13. Никогда никому, ни в какое время не позволяется не судясь заезжать какой либо натуры вотчины, то есть, без власти суда, коего юрисдикции оныя вотчины подвержены, и без доказательства правом под лишением претензии, в коей бы учинен был оной не правильной заезд, что однако к претензиям по причине контрактов закладных и откупных имеющимся надлежать не должно: ибо когда контракт вышел, и помещику деньги в короне в гроде, и всилу записки на термин плачения, а в Литве в силе права на той самой закладной земле, а ежели тамо оных не примут в гроде положены будут, то державшей должен из владения выступить, а после естли бы имел какую претензию откупщик, или закладчик на помещике, или сей на них, то в приличном суде без апелляции разделяться вольно им будет, где прежде всех других дел, дела в претензиях от аренды, или заклада вотчин произходящия, должны быть судимы: однако безправильному заезду не должны быть подвержены заезды вотчин всилу обязательства писменнаго или транзакции подтвержденных, котораго всего определения от господ послов коронных для короны принятаго, от господ же послов великаго княжества Литовскаго, всилу статута Литовскаго по таковым делам обереженнаго, отмена на вольном сейме к единогласию принадлежать будет.

Сии вышеписанныя штатския материи ни под каким видом и толкованием, ни в какое время, и ни от кого большинству голосов подвержены быть не имеют, но на вольных сеймах единогласием решены быть должны.

Сей сепаратной акт второй, будучи под гарантиєю подписаннаго ныне трактата, с одной стороны Ея ВЕЛИЧЕСТВОМ Всепресветлейшею Императрицею Всероссийскою, а с другой Его ВЕЛИЧЕСТВОМ пресветлейшим Королем, и светлейшею республикою Польскою, должен иметь всю ту же силу, действие и обязательство, как бы тот же акт внесен был от слова до слова в сей трактат. И для того оной во взаимных ратификациях обеих пресветлейших трактующих сторон во всем своем пространстве вменен быть должен. Коих во верность мы обеих сторон торжественно уполномочные сей сепаратной акт собственными руками подписав, печатями гербовыми нашими утвердили. В Варшаве месяца Февраля по старому штилю 13/по новому штилю 24 дня, тысяща семь сот шестдесят осьмаго года.

Князь *Николай Репнин* (М.П.)

Гавриил Ян, юноша Подоский, Примас и первой Князь короны Польской и великаго княжества Литовскаго. (М.П.)

Антоний Островский, Бискуп Куявской и Померанской. (М.П.)

Антоний из Прусс, Князь Яблоновский, Воевода Познанский. (М.П.)

Игнатий Твардовский, Воевода Калишский. (М.П.)

Иозеф Антоний, юноша Подоский, Воевода Плоцкий, орденов Белаго Орла и Святаго Станислава Кавалер, староста Покршивницкий. (М.П.)

Фадей из Липаго на Липску Липский, Кастелан Ленчицкой. (М.П.)

Андрей Станислав Млодзеевский, Бискуп Премысльский, великий Канцлер коронной. (М.П.)

Франциск Салезий, Потоцкий Воевода, Генерал земель Киевских. (М.П.)

Игнатий Цетнер Воевода Бельский. (М.П.)

Станислав Бернард Гоздский, Воевода и Генерал земель Подляшских. (М.П.)

Рох Михайло Яблоновский, Кастелан Вислицкий. (М.П.)

Ксендз Стефан Гедроиц, Бискуп Лифляндский. (М.П.)

Михайло Огинский, Воевода Виленский. (М.П.)

Иозеф Довойна Соллогуб, Воевода Витебский. (М.П.)

Фадей из Буржина Буржинский, Кастелан воеводства Смоленскаго. (М.П.)

Адам Бржостовский, Кастелан Полоцкой, староста судовой Волковийской. (М.П.)

Князь *Михайло Чарториский*, великий Канцлер великаго княжества Литовскаго. (М.П.)

Ян Борх, Подканцлер коронной. (М.П.)

Феодор Весель, великой Подскарбий коронной. (М.П.)

Князь *Иозеф Сангушко*, Маршал надворной великаго княжества Литовскаго. (М.П.)

Князь *Карл Радзивил*, Маршал генеральной конфедерации и сеймовой. (М.П.)

Станислав Бржостовский, староста Бистрицкой, Маршал генеральной конфедерации великаго княжества Литовскаго. (М.П.)

Владислав Гуровский, великой писарь коронной, посол воеводства Познанскаго. (М.П.)

Карл Малчевской, полку коронной великой булавы Полковник, посол воеводства Познанского. (М.П.)

Адам Лодзя Понинский, великий кухмистр коронной, посол воеводства Калискаго. (М.П.)

Станислав Весель, староста Голюбской, посол воеводства Ленчицкого. (М.П.)

Войцех Гжымало Островский, подсудок и посол воеводства Линчицкого. (М.П.)

Каспер Любомирский, посол воеводства Мазовецкого, и земли Черской. (М.П.)

Феодор Шидловский хорунжий, и посол земли Варшавской, староста Секоцинской. (М.П.)

Казимир на Шидлове Шидловский, столник повета Прасницкаго, посол княжества Мазовецкого земли Визской. (М.П.)

Князь Казимир Понятовский, подкоморий коронной, посол земли Закрочимской. (М.П.)

Ян Хризостом Краевской, инстигатор коронной, посол земли Рожанской. (М.П.)

Валентий Соболевский, ловчий земли Варшавской, посол земли Ливской. (М.П.)

Станислав Радзиминской, староста Яновский, посол земли Нурской. (М.П.)

Ксаверий Браницкой, великой ловчий коронной, посол земли Сохачевской. (М.П.)

Станислав Гадомский, подкоморий и посол земли Сохачевской. (М.П.)

Антоний Чапский, подкоморий и посол воеводства Хелминскаго. (М.П.)

Валериан Пивницкий, мечник земель Прусских, посол воеводства Хелминскаго. (М.П.)

Франциск Велопольский, посол воеводства Краковского. (М.П.)

Иозеф Велопольский, посол воеводства Краковского. (М.П.)

И.Малаховский, посол воеводства Сандомирскаго. (М.П.)

Илия Водзицкий, староста Стопницкой и посол воеводства Сандомирскаго. (М.П.)

Петр Ожаровский, Генерал-Лейтенант, посол воеводства Сандомирскаго. (М.П.)

Матвей Скорубка, посол воеводства Сандомирскаго. (М.П.)

Антоний Потоцкий, староста Львовской, посол воеводства Рускаго. (М.П.)

Игнатий Буковский, посол Саноцкий. (М.П.)

Иозеф Антоний из Блажова Блажовский, подстолий и посол повета Жидачевского. (М.П.)

Мариян Потоцкий, делегат и Маршал земли Галицкой. (М.П.)

Иозеф Сосновский, полной писарь великаго княжества Литовскаго, посол земли Хелмской. (М.П.)

Иосиф Стемпковский, полной обозной коронной, посол воеводства Любельскаго. (М.П.)

Станислав Карвовский, подстолий земли Бельской, посол воеводства Подляскаго и земли Мельницкой. (М.П.)

Иосиф Вильчевский, подкоморий земли Визской, посол воеводства Подляскаго, земли Бельской. (М.П.)

Целестин из Шпанова Чаплии, подкоморий Луцкой, посол коронной Лифляндии. (М.П.)

Иван Лодзя Понинский, посол коронной Лифляндии. (М.П.)
Михайло Иван Пац, староста Зиоловский, посол воеводства Виленского. (М.П.)
Князь Станислав Радзивил, великой подкоморий великаго княжества Литовскаго, посол повета Лидскаго. (М.П.)
Стефан Доминик Ромер, хорунжий и посол воеводства Троцкаго. (М.П.)
Марциян Янович, посол повета Вилкомирскаго. (М.П.)
Антоний Забелло, великий ловчий великаго княжества Литовскаго, посол повета Ковенскаго. (М.П.)
Марциян Черневич, городничей, судья гродской и посол Ковенской. (М.П.)
Иван Пакош, писарь гродской и посол воеводства Смоленскаго. (М.П.)
Казимир Заблоцкий, посол повета Стародубовскаго. (М.П.)
Франциск Гедроиц, Подчаший и посол Волковиской, полной обозной Литовской. (М.П.)
П.Богомолец, писарь земский воеводства Витепскаго. (М.П.)
Михайло Шишко, хорунжий гусарской, посол воеводства Витепскаго. (М.П.)
Князь Михайло Радзивил крайчи великаго княжества Литовскаго, и посол воеводства Брескаго. (М.П.)
Михайло Доманский, Пинскаго повету посол. (М.П.)
Николай Лопацинский, великий писарь великаго княжества Литовскаго и Лифляндскаго воеводства посол. (М.П.)
Адам Чарториский, Лифляндской посол. (М.П.)
Антоний Тизенгауз, великаго княжества Литовскаго подскарбий и Лифляндскаго воеводства посол. (М.П.)

**11. ТРАКТАТ МЕЖДУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМ
ИМПЕРАТРИЦЕЮ ВСЕРОССИЙСКОЮ
И ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ КОРОЛЕМ
И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЮ ПОЛЬСКИМИ
ОТ 15 МАРТА 1775 ГОДА¹**

Во имя Пресвятыя и Неразделимыя Троицы.

Известно да будет всякому, до кого сие принадлежит. Как продолжавшийся чрез многие годы в королевстве Польском замешательства угрожали не только совершенным опровержением конституции сего государства, но и пресечением всякаго сообщения с соседями онаго, а особливо поколебали и нарушили древнюю между Империею Россійскою и Яснейшею Речью Посполитою дружбу и доброе согласие, того ради Ея Величество Императрица Всероссійская согласилась с Ея Величеством Императрицею Королевою Венгеро-Богем-

¹ АВПРИ. Ф.163. Оп.5. Д.144.

скою и Его Величеством Королем Прусским, повелела Его Величеству Королю Польскому и Яснейшей Речи Посполитой объявить подданным в Варшаве Сентября месяца прошлого года мемориалом, что Ея Величество видя необходимую нужду в соблюдении при толь сомнительных обстоятельствах прав и притязаний своих о получении от республики удовлетворения за убытки, взяла и присоединила к державе своей сходственной с помянутыми правами и притязаниями замен, приглашая при том формально Польскую нацию собраться на сейм, и стараться на оном прилежно о внутреннем примирении своем и о твердом по силе помянутой декларации разпоряжении всего с соседями Ея. Егож Величество Король Польский, в силу резолюции сенатского совета, держанного в Ноябре месяце того ж года, ответствуя о будущем генеральном сейме, учинил торжественныя возражения и противу взятия во владение упомянутого замена, от чего и произошла было толь очевидная опасность, то различные об интересах раздоры и причины к огорчению и несогласию между обоими государствами могли дойти до самых крайностей; но по здравом с обеих сторон разсуждении о пагубных следствиях, следующих от такого произшествия, дух согласия щастливо превозмог, и постановлено в следствие того начать в Варшаве на чрезвычайном сейме, созванном для того по желанию трех соговаривающихся дворов переговоры о примирении; а сколь скоро тот сейм соберется, то и начнут на оном стараться о немедленном прекращении нынешних разпрей чрез уполномоченных к тому с совершенною властью с одной и другой стороны министров и комисаров. Сего ради Ея Величество ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская снабдила своею полною мочью господина Барона Отто Магнуса Штакельберга, Ея действительнаго Камергера и чрезвычайнаго и полномочнаго при Варшавском дворе Министра; а его Величеством Королем и Речью Посполитою Польскими снабдены для тогож полною мочью из Сената: Епископы Куявский и Померанский Антон Островский, Познанский и Варшавский Андрей Станислав Костка Млодзеевский, Виленский Игнат Массальский, Луцкий и Бреста Литовскаго Павел Феликс Турский, Хелмский Антоний Онуфрий Окенцкий. Воеводы: Познанский Антон Яблоновский, Калишский Игнат Твардовский, Киевский Станислав Любомирский, Иноврацлавский Андрей Мошенский, Полоцкий Князь Александр Сапега, напольный Гетман Великаго княжества Литовскаго, Новогородский Иосиф Неселовский, Плоцкий Иосиф Подоский, Брацлавский Матвей Ланцкоронский, Гнезненский Август Сулковский. Кастелланы перьваго класса: Познанский Иосиф Мелжинский, Киевский Иосиф Стемковский, Смоленский Андрей Зенковский, Подляшский Иосиф Вилчевский, Мазовецкий Федор Шидловский. Кастелланы втораго класса: Жарновский Семен Шидловский, Пршеменцкий Рафаил Гуровский, Чеховский Адам Лонцкий, Бржезинский Симон Дзержицкий, Ко-

валевский Иосиф Добский, Гостинский Антон Ласоцкий, Виленский Казимир Карас, Рационжский Иван Хризостом Краевский, Цехановский Франциск Подоский. Из министерства: коронный великий Маршал Станислав Любомирский, коронный великий Канцлер Андрей Млодзеевский, великий Канцлер Великого княжества Литовского князь Михайла Чарторыский, коронный Канцлер Ян Борх, Канцлер Великого княжества Литовского Иоаким Хрептович, коронный Подскарбий Федор Вессель, надворный Маршал великого княжества Литовского Владислав Гуровский. Из рыцарства: Краковский Подкоморий Станислав Лентовский, Краковский Подचाший Александр Лентовский. Послы Воеводства Краковского: коронный великий Писарь Казимир Рачанский, Калишский Подстолий Адам Закржевский, Всовский Подचाший Флариан Закржевский, Нишчевецкий Староста Антон Прусимский. Послы воеводства Познанского: Обозный Виленский Фома Шумский, Хорунжий Лидский Иосиф Нарбурт, Лидский гродский судья Иосиф Стыпалковский. Брацлавские гродские судьи: Георг Шауман и Богуслав Томашевич. Послы Виленского воеводства: Генерал Лейтенант коронного войска Мартын Любомирский, Опочинский Подстолий Ян Кросновский, Радомский войский Ксавер Кохановский, земский Радомский писарь Антон Радонский, Стенжицкий Ротмистр Степан Хоментовский, Скарбник Вислицкий Яков Гадзевич и Винцент Голуховский. Послы Сandomирского воеводства: Староста Гнезненский Франциск Салес Московский, Генерал Адъютант Королевский Антон Беражевский, Гнезненский Подкоморий Александр Гуровский, Гнезненский подсудья Петр Кoryтовский, Калишский Хорунжий Ян Кoryтовский. Послы воеводства Калишского: Воховский Ротмистр и Посол Гнезненского воеводства Валентин Гозимирский. Послы Троцкого воеводства: Троцкий гродский судья Иосиф Елинский, Гродненский Хорунжий Иосиф Елский, земский Гродненский судья Казимир Волмер. Послы Сирадского воеводства: Стольник Сирадский Игнат Сухецкий, Стольник и гродский судья Петриковский Ян Тимовский. Посол Ленчицкого воеводства: Гродский писарь Пржедецкий Франциск Ержмановский. Послы Бржесцского Куявского воеводства: Хорунжий Бржесцкий Куявский Станислав Домбский, Скарбник Ковальский Антон Бесекирский. Посол земли Добржинской: Добржинский Подчаший Петр Суминский. Посол повета Стародубского, Староста Бержницкий Матвей Жиниев. Послы Новогродского воеводства: Ротмистр Антон Толоцко, Волковышеский земский писарь Михайла Булгарин. Посол Черской земли: Петриковский Хорунжий Игнат Рыхловский. Послы Варшавской земли: Варшавский Хорунжий Адалберт Шамоцкий, Варшавский земский судья Сигизмунд Станишевский. Посол Виснской земли: Подкоморий Виснский Франциск Вилчевский. Посол Закрочимской земли: Бургграф Варшавского грода Христофор Франковский Посол Цехановской земли,

Подстолий Прасницкий Павел Росцишевский. Посол Ломзинской земли Генерал Лейтенант Коронного войска Антон Сулковский. Послы Рожанской земли: Рожанский Староста Игнат Лемпицкий, земский и гродский Рожанский же писарь Виктор Карневский. Посол Ливской земли: Земский Ливский судья Игнат Зелинский. Послы земли Нурской, воеводства Мазовецкого, Хорунжий Рожанский Михайла Карский, Мечник Луковский Гиацинт Езерский. Посол воеводства Подляскаго: Подсудья Мельницкий Павел Сестржевитовский. Послы воеводства Равскаго: Судья земский Сохочевский Иосиф Луцевский, Стольник Сохочевский Адам Ласоцкий, Староства Гостынинский Август Домбский, Подचाший Гомбинский, Лаврентий Заблоцкий. Посол Бржесцкаго Литовскаго воеводства: Бржесцкой же Литовской земли судья Франциск Немцевич. Послы воеводства Брацлавскаго: Королевский Камергер Князь Максимилиан Воронецкий, Князь Антон Четвертинский, Павел Судымонтович, городничей Звиногородский Павел Чечель, Князь Михайла Четвертинский, и Послы Минскаго воеводства: Кравчий Минский Фадей Володковичь, Мозырский Подкоморий Константин Елинский, Мозырский земский Писарь Адам Ленкевич, Подचाший Ржечицкий Николай Прушановский, и Кравчий Ржечицкий Георг Вырпша. Которые комиссары и уполномоченные снабженные надлежащею властью, по размене взаимных полных мочей своих и по неоднократным между собою переговорам, согласились на конец о нижеследующих артикулах:

Артикул первый

Да будут от ныне впредь и на вечныя времена между Ея Величеством Императрицею Всероссийскою, Ея Наследниками и Преемниками и Ея областями с одной стороны, так же между Его Величеством Королем Польским и великим Князем Литовским и его преемниками, равно как и Королевством Польским и великим Княжеством Литовским с другой стороны ненарушимый мир, искреннее согласие и совершенная дружба на таком же основании, на каком постановлены оныя Варшавским трактатом от 13/24 Февраля 1768 года, который трактат чрез нынешний возобновляется найдостовреннейшим образом для точнаго исполнения, силы и важности всех тех его артикулов, в коих ни малейшаго сокращения, перемены, или ограничения не учинено.

Артикул второй

Для совершеннаго прекращения всех пограничных споров между обоими государствами, и ради уничтожения с одной и другой стороны всех притязаний, какого бы звания оныя ни были, Его Величество

Король Польский как за себя, так и за своих преемников, обще с государственными чинами Королевства Польскаго и великаго Княжества Литовскаго уступают сим трактатом безпрекословно и безповоротно в вечное владение Ея ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТРИЦЕ Всероссийской и Ея Наследникам и Преемникам обоего пола следующие земли, а именно:

Остаток Польской Лифляндии, так как и часть Полоцкаго воеводства, находящуюся за рекою Двиною: равномернож и воеводство Витепское, так что оная река Двина будет натуральною границею между обоими Государствами, простираясь до пункта границы между воеводствами Витепским и Полоцким, и следуя по сей границе до пункта, где соединяются границы трех воеводств, а именно: Полоцкаго, Витепскаго и Минскаго, от котораго пункта рубеж продолжаться будет по прямой линии подле вершины реки Друца к местечку, называемому Ордва, а оттуда спускаясь по той реке до впадения ея в реку Днепр, так что все воеводство Мстиславское, как по сю, так и по ту сторону Днепра и оба конца воеводства Минскаго по верх и в низу Мстиславскаго воеводства, за новою границею и Днепром принадлежать будут Всероссийской Империи, и от того места, где впадает в Днепр река Друец, река Днепр имеет быть межею между обоими Государствами, соблюдая наивсегда городу Киеву и его уезду границу, которую они по сю сторону той реки имеют.

И так Его Величество Король Польский и государственные чины Польскаго королевства и великаго Княжества Литовскаго уступают Ея ИМПЕРАТОРСКОМУ Величеству Всероссийской, Ея Наследникам и Преемникам все вышепомянутыя земли и уезды, по силе учиненнаго таким образом назначения новых границ между обоими Государствами со всею полною над оными властью, самодержавством и независимостию, со всеми их городами, крепостями, деревнями и реками, со всеми вассалами подданными и жителями, увольняя их от ленной и обыкновенной в верности присяги, кою учинили они Его Величеству Королю и короне Польской со всеми правами, как гражданскими и политическими, так и духовными, и вообще со всем тем, что надлежит к самодержавному оных земель владению, и обещают, что они никогда и ни под каким видом никакого притязания на оныя в силу сего трактата уступленные провинции чинить не будут.

АРТИКУЛ ТРЕТИЙ

Так же Его Величество Король Польский за себя и за своих преемников, да и чины Польские и Литовские отрицаются на вечныя времена от всех прав и притязаний, какия бы по ныне и впредь они ни имели на которую нибудь из провинций, принадлежащих теперь действительно к Российской Монархии, под каким бы то ни было званием, видом и случайным условием, по которому бы помянутыя

права и притязания когда либо напередь сего, или в будущия времена, действо и силу свою возыметь могли.

Артикул четвертый

В следствие постановленной вторым артикулом уступки, Ея Величество ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская отрицается с своей стороны на вечныя времена за Себя и за Наследников Своих от всех прав и притязаний, кои Она имела, или иметь может на которую нибудь из провинций составляющих ныне область Речи Посполитой Польской, под каким бы то ни было званием, видом и случайным условием, по которому бы помянутыя права и притязания когда либо напередь сего, или в будущия времена действо и силу свою возыметь могли.

Артикул пятый

Римские обоего звания католики имеют, по елику что касается до гражданских прав, пользоваться в уступленных сим трактатом провинциях всеми своими принадлежностями, так же движимыми и не движимыми имениями; а что до веры их принадлежит, то остаться им при оной в прежнем состоянии, то есть, иметь им вольное отправление службы божией по их обрядам со всеми теми церквями их и принадлежащими духовенству маестностями, которыя состояли за ними во владении в то самое время, когда сии провинции присоединены к державе Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в Сентябре месяце 1772 года; и Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и Наследники Ея по Самодержавной власти своей отнюдь ни чего не предприимут в предосуждение тому состоянию, в коем Римская католическая вера по вышепомянутым провинциям до ныне находится.

Артикул шестой

Ея Величество ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская формально и наисильнейшим образом ручается Королю Польскому и Его преемникам, так же и Речи Посполитой Польской все ныне имеющиеся их владения во всем пространстве и состоянии, в коем остаются они после трактатов, заключенных между их Величествами ИМПЕРАТРИЦЕЮ Всероссийскою, Императрицею Королевою Венгеро-Богемскою, Королем Прусским и Яснейшею Речью Посполитою Польскою; равномерно и Его Величество Король и Речь Посполитая Польския ручают Ея ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТРИЦЕ Всероссийской и Ея Наследникам нынешния в Европе владения Ея во всем пространстве и состоянии, в коем они находятся по заключении тех же трактатов. Еще ж высокодоговаривающиеся стороны объявляют, что по сему новому дел состоянию должно разуметься и исполняемо быть тож самое, о чем гласит во втором артикуле их трактата 1768 года.

Артикул седьмой

Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО объявляя, что намерена Она добрыми стараниями своими способствовать возстановлению тишины и доброго порядка в Польше на твердом и прочном основании ручает все те конституции, кои на собранном ныне в Варшаве, под званием конфедерации сейме, с совершенного согласия Министров трех содоговаривающихся дворов узаконены будут, как о форме вольного республиканского и независимаго правления, так и о примирении и состоянии подданных греческой восточной не унитской веры и диссидентов обоего Евангелическаго исповедания; ради чего сочинен быть имеет о помянутых конституциях за подписанием взаимных Министров и Комиссаров особый акт, составляющий часть сего трактата, которому иметь ту же силу и важность как бы оный от слова до слова в сей трактат внесен был. Ещеж обе высокия содоговаривающиеся стороны объявляют, что третий, четвертый и пятый артикулы заключеннаго в 1768 году трактата их с принадлежащими к оному сепаратными актами не в иной силе разумеются будут, как в той, что по оным в помянутом особом акте постановится.

Артикул осьмый

Все, что учреждено и постановлено будет в особых трактатах или конвенциях заключаемых гораздо после сего о торговле обеих наций и обо всем к тому принадлежащем, имеет равную силу и важность, как бы оно от слова до слова в сей трактат внесено было.

Артикул девятый

Как не возможно поместить в сей трактат всего, что касается до пользы и выгод обоих государств, то сделан будет особый акт, в который внесется все, что с обеих сторон постановлено и дозволено, или же о чем впредь иногда соглашеность и договореность будет, и помянутому акту иметь ту же силу и важность, как бы составлял он часть сего трактата.

Артикул десятый

Для порядочнейшаго назначения между обоими государствами границ, обе высокия содоговаривающиеся стороны объявляют, что назначают они немедленно для того дела Комиссаров, и естли случится, что оные Комиссары не согласятся о том, что объяснено во втором артикуле сего трактата, то имеют они оное предать по средству двух других содоговаривающихся дворов, разграничение же между тем остановить. Ежели же впредь произойдут между обоими государствами, или подданными их еще какие о границах споры, то

с одной и другой стороны определяются Комиссары, кои стараться имеют полюбовно прекратить оныя разпри.

Артикул Первыйнадесять

При замешательствах, в коих Польское Королевство находилось, и при начатии войны между Империею Россійскою и Оттоманскою Портою, обнародовала сия последняя манифест, в коем приписывает она Яснейшей Речи Посполитой Польской нарушение Карловическаго трактата; и как от того произошли сомнения и безпокойства не только о прочности уже того мира, но и о дальнейших поступках Порты в разсуждении Речи Посполитой, то Ея Величество ИМПЕРАТРИЦА Всероссійская обещает стараться обще с Ея Величеством Императрицею Королевою и Его Величеством Королем Прусским отклонить Порту от всякаго противу Яснейшей Речи Посполитой неприятельскаго намерения по помянутому от нея нареканію, и получить чрез посредство их, чтоб Оттоманская Порта поступала по силе онаго Карловическаго мирнаго трактата, яко всегда в полной силе своей состоящаго, и никогда ненарушеннаго.

Артикул Второйнадесять

Хотя сей трактат и сочинен на Французском языке, однако не имеет то ни какого для переду нанести предосуждения обычаю, на такой случай установленному у высоких содоговаривающихся сторон.

Артикул Второйнадесять

Сей трактат имеет ратификован быть Ея Величеством ИМПЕРАТРИЦЕЮ Всероссійскою с одной, и Его Величеством Королем и Речью Посполитою Польскими с другой стороны в шесть недель, считая со дня подписания сего трактата или скорее, ежели возможно, а по том внести оный в конституцію нынешнаго сейма. Обе высокия содоговаривающіяся стороны стараться так же имеют о доставлении себе ручательства на то от Их Величеств Императрицы Королевы Венгеро-Богемской и Короля Прусскаго.

Во уверение чего Мы полномочные, и Комисары именно к заключению сего трактата назначенные и совершенною властью снабденные, оный трактат подписали, и печати наших гербов к тому приложили. Учинено в Варшаве 18 Сентября по старому штилю 1773 года.

(м:п:) *Отто Магнус Барон Стакельберг.*
(м:п:) *99 подписей польских представителей*

ОСОБЫЙ АКТ,

*Содержащий в себе все, что до торговли между обоими со-
договаривающимися государствами касается.*

Учредя 8 артикулом новозаключенного и подписанного в 7/18 день Сентября 1773 года трактата, сделать особый акт о всем, что принадлежать может до торговли жителей Российской Империи и республики Польской. Те же уполномочные, кои в помянутом трактате самом именованы, и для сего полною мочью снабдены, постановили и заключили по тому нижеследующие артикулы, коим иметь ту же силу и действие, как бы они от слова до слова в трактате внесены были.

I

Желая поощрить и покровительствовать торговлю между жителями обоих государств, высокия содоговаривающиеся стороны наипотрешественнейше подтверждают все, что по ныне между или в разсуждении обоюдной торговли постановлено было, и между прочим именно XVIII артикул трактата 1686 года, и VIII артикул трактата 1768 года, равно как и конституции постановленные в пользу Российских купцов, торгующих в областях республики Польской, позволяя им производить торговлю безпрепятственно, и по делам оной жить свободно в своих государствах, с обеих сторон назначатся консулы, есть ли то потребно будет, с таким обещанием, чтоб их покровительствовать, и чинить им везде и во всем всевозможное удовольствие, дабы сим способом привести торговлю в цветущее состояние, и тем подражать обыкновению прочих в дружбе и союзе живущих народов. Во всем же том обе высокия содоговаривающиеся стороны обещают наблюдать совершенную взаимность.

II

В следствие чего впредь и быть торговле между жителями обоих государств свободной. А как республика Польская при окончании толь долговременных и неприятных замешательств не в состоянии находится тот час воспользоваться всеми выгодами от будущей ея коммерции: то обе высокия содоговаривающиеся стороны предоставляют на будущия времена подробно назначить все, что сим выгодам способствовать может, обязуясь хранить совершенную и двум соседственным и дружественным государствам приличную в том взаимность.

III

Рижский соляный промысел в великом Княжестве Литовском, яко главная часть торговли, имеет по прежнему со всякою свободою

производиться, что Его Величество Король и республика Польская оставить обещают, объявляя, что они никогда не допустят, чтоб какою другою иностранною, или национальною компаниею производима была монополия солью, и что по тому всякий посторонний солянный запас конфискован будет. Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ Величество Всероссийская, желая во взаимность по смежности своих земель способствовать Польше отпуском потребнаго количества соли, объявляет чрез сие, что всем подданным республики, как Литовцам, так и Полякам без всякаго изъятия дозволится снабжать себя солью во всей Белороссийской губернии из находящихся там казенных магазинов, где им той соли отпускать станут во всякое время столько, сколько им потребно будет, да и за такую цену, за какую отдается оная собственным Ея ИМПЕРАТОРСКОГО Величества подданным. В прочем со стороны обоюдных держав постановлено со всякаго солянаго промысла, за исключением однакож того, который по реке Двине отправляться будет, и который в совершенной свободности останется не брать в России и Польше никаких привозных и отвозных податей и иных поборов и платежей, кроме тех, кои по ныне в обыкновении были.

IV

Судовому ходу по реке Двине, яко меже обоих государств, принадлежать обеим державам, и по елику намерение их есть оной поощрять и отменно покровительствовать, то объявляют они, что судовый ход в Ригу, и из сего города с совершенною вольностию отправляться, и от всяких поборов, в разсуждении обеих наций освобожден будет, то есть: Российские подданные отправляя суда свои из земель принадлежащих сей державе по реке Двине в Ригу, и из Риги по сей же реке в вышепомянутыя земли, и отпуская на оных произращения свои, вещи и прочие товары, не будут платить ни России, ниже Польше никаких податей за реченный судовый ход и торговлю, хотяб они в прочем принуждены были на пути пристать, якорь бросить, заехать, или остановиться по какой ни есть причине у берега, или у берегов принадлежащих одной, или другой державе: во взаимность чего подданные республики Польской имеют со стороны обеих держав пользоваться тоуж вольностию и свободою в разсуждении их судового хода и торговли, производимой по Двине в Ригу из земель принадлежащих республике. А дабы таковая свобода не подала повода к злоупотреблениям с одной или другой стороны, то определено всем Российским и Польским судовам отправляющимся из Риги по Двине иметь у себя аттестаты для удостоверения в том, что они из сего места, а не из другаго какого отправились.

V

Хотя прежними и сим договором подтвержденными трактатами и постановлено уничтожить таможи и сборы партикулярными людьми учрежденные: однако Его Величество Король и республика Польская еще обещают наблюдать сие со всякою точностию, наказывая наистрожайше тех, кои противно сему поступят, так же обещают они во всякое время безпрепятственно и немедленно всевозможное оказывать правосудие всем Российским купцам в Польше торгующим в случае, естли они какие обиды от Польских подданных претерпевать будут, дабы тем не пресечь или не оставить производимой ими коммерции, равное обещает и Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всероссийская оказывать с своей стороны всем Польским купцам в областях Ея торгующим. Сверх того обе державы намеряясь своих подданных в согласии держать и доставить им способы пользоваться всеми выгодами, произтекающими от доброго соседства, объявляют, что со всякой коммерции, производимой по ныне между обоими государствами, собираемы будут впредь при привозе и отвозе токмо такие подати, пошлины, платеж, и вообще всякие поборы, каковые до ныне в обыкновении были.

VI

Торговля производимая великим Княжеством Литовским с городом Ригю, будет совершенно свободна от сбора податей с привозимых Польских произращений, также и с отвозимых товаров, получаемых из реченного города на обмен.

VII

Дозволяется купцам и подданным обеих держав во всех местах их государств в случае болезни, да и во всякое время при жизни или смерти свое (имущество. — П.С.) со всякою свободностию завещать духовным, или иным каким постановлением, или же отдавать товары свои, вещи, деньги, долги следующие к отдаче, и всякия движимыя имения, кои им следуют, или при самой смерти им должны будут принадлежать. А буде российский купец умрет в Польше, или Польский купец в России учиня духовную, или же нет, то товары его, вещи, и все, что после его останется, отдать без всякаго вычета и удержки под росписку товарищам его, родственникам, или же тому, кто для принятия явится, с тем однакож, что духовныя или право наследства и без духовной доказаны быть имеют по силе законов в тех местах, где кто умер, и что со всего того, что из Государства

вывезено будет, платить должно десять процентов с оценки тех вещей.

- — Во уверение чего мы обеими высокими содоговаривающимися сторонами торжественно и с совершенною властью уполномоченные сей особый акт подписали, и печати гербов наших к оному приложили.
- — В Варшаве 15 Марта 1775 года.

(м.:п:) *Отто Магнус Барон Фон Стакельберг.*

(м.:п:) *104 подписи польских представителей*

ОСОБЫЙ АКТ,

Содержащий в себе разные постановления.

В заключенном между Ея Величеством ИМПЕРАТРИЦЕЮ Всероссийскою с одной, и Его Величеством Королем и республикою Польскими с другой стороны трактате артикулами 8 и 9 постановлено сделать особый акт о всем, что только может относиться к благосостоянию и выгодам обеих держав, равно как и к торговле и чего нельзя было включить в самом трактате с тем, что бы все то, о чем содоговаривающиеся стороны согласятся, имело столько же силы и действия, как бы включено в самом трактате. В следствие чего высокия содоговаривающиеся стороны и согласились о следующих артикулах.

АРТИКУЛ ПЕРВЫЙ

Состоянию граждан Яснейшей Речи Посполитой перешедших во владение Ея Величества ИМПЕРАТРИЦЫ Всероссийской, быть по вышеупомянутому трактату не хуже того, в каком находятся древние Ея ИМПЕРАТОРСКОГО Величества подданные, и под владением Ея пользоваться им вольностями и преимуществами совместными с общим благополучием Ея ИМПЕРАТОРСКОГО Величества подданных.

АРТИКУЛ ВТОРЫЙ

Подданным таким, которые имеют или иметь будут в одно время поместья в государствах обеих содоговаривающихся держав, дозволяется житьствовать и пользоваться доходами их по своей воле в том из обеих государств, где они за благо разсудят основать свое житьство, в чем их никак не принуждать, ниже за то отягощать их какою либо излишнею податию или налогом.

Артикул Третий

Позволяется всякому шляхтичу и мещанину, подданному Речи Посполитой Польской переселяться в области Ея Императорскаго Величества, а взаимным образом и новым вольным Ея Величества Императрицы подданным селиться в областях Речи Посполитой, и продавать имения свои чрез шесть лет, считая от дня постановления сего акта без платежа пошлин; однакож те, которые похотят совсем переселиться из одной земли в другую, должны предварительно оплатить долги и притязания имеющиеся на них в той земле, которую захотят они оставить под опасением задержания и остановки со стороны правительства того места, где они жили.

Артикул Четвертый

Всем Польским шляхтичам, подданным Речи Посполитой, имеющим какия либо должности в Польше, а при том и поместья в землях перешедших во владение Ея Императорскаго Величества позволяется пользоваться своими доходами, не платя пошлины, равно как и помянутыя должности отправлять им без всякаго препятствия со стороны того правления, под владением которого находятся их поместья.

Артикул пятый

Обеих держав подданные могут безвозбранно доправлять во всех областях обеих держав деньги ссуженныя на заклад недвижимаго имения всякие другие долги, разделы и наследства, так же и приданое без платежа за то пошлины, с тем однакож, чтоб освобождению от пошлин продолжаться не долее, как шесть лет, считая с того времени, когда таким участникам присуждено к тому будет право.

Артикул шестой

В гражданских тяжбах, кои состоят, или впредь случиться могут между подданными обеих держав, наблюдать обыкновенное правило, что бы челобитчик подвергнул себя ведомству ответчика, а каждого преступника наказывать в том месте, где злодеяние учинилось.

В прочем Его Величество Король и республика Польская обещают сделать лучшия распоряжения для доставления подданным Ея Величества Императрицы Всероссийской всегда надлежащаго и скорого правосудия, наипачеже, чтоб неотменное исполнение чинилось по окончательным в трибуналах приговорам. Равномерно и Ея Императорское Величество обещает надлежащее и не замедлительное правосудие Польским гражданам, коим случится иметь тяжбы в Ея областях, а вообще хранить с обеих сторон сделки,

приговоры и исполнение определений решительных, или подтвержденных узаконениями еще прежде взятия во владение уступленных Ея ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ провинций.

Артикул седьмой

Деньги и публичные подати, принадлежащая Речи Посполитой и найденныя в день взятия во владение, то есть 13 Сентября 1772 года в казнах, уступленных Ея ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТРИЦЕ Всероссийской провинций, имеют по указу Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА возвращены и заплачены быть.

Артикул осьмый

Ни с которой стороны, ни под каким видом не допускать производить наборы рекрутские в обоюдных державах.

Артикул девятый

Жалобы не униатов на униатов, а взаимно и сих на первых разобрать и решить в комиссии, которая обеими содоговаривающимися сторонами чрез три месяца, считая от дня постановления сего акта учредиться имеет. Оной же комиссии разсматривать, кроме реченных жалоб и права, какая одна сторона будет иметь к церквям взятым другою со времени подписания трактата 1768 года, поелику токмо взаимное обладание, постановленное в сем трактате, долженствует служить правилом комисарам обеих сторон в их инструкциях. А как они разберут, кому из спорящих сии церкви законно принадлежать имеют, тому оныя и присудить, и после того возстановлять уже священников в спокойном владении тех церквей, при которых они прежде были, с доставлением или удовлетворением им всего того, что было у них насильно отнято, словом, привести все в такое состояние, как соглашенось и условленось трактатом 1768 года, и по сем распоряжении дел, приговор немедленно исполнен будет по содержанию вышепомянутого трактата.

А между тем для отнятия всякой причины к подобным жалобам, обе высокодоговаривающиеся стороны дадут строгия обоюдным поданным своим повеления ожидать в совершенном спокойствии разпорядков вышереченной комиссии, а войскам запрещено будет мешаться, или подавать, кому бы то ни было, руку помощи по вышесказанным делам.

Артикул десятый

Неудобства, произшедшая потерей архив из воеводств Брацлавскаго и Киевскаго, которыя остались в Смоленске, Киеве и в других

местах, и каковыя могут еще произойти по случаю архив из разных гродов и канцелярий, доставшихся напоследок во владение Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, будут отъяты назначением с обеих сторон комисаров для рассмотрения помянутых архивов, и ради разобранья подлинных протоколов и других бумаг, из которых принадлежаша до одних оставшихся в республике подданных должно отличать от тех, кои касаются до подданных Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, так чтоб все, что ни нашлось в помянутых архивах, касающееся до Польши, вручено было Польским комисарам без всякаго платежа с описью, подписанною с обеих сторон, и с оной у каждого оставить свидетельствованный список. Что же принадлежит до оригинальных бумаг и других актов, касающихся до подданных Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, то имеющие главное правление над архивами и канцеляриями, не должны возбранять Польским гражданам брать с оных копия, платя с страницы обыкновенные деньги, а именно: за страницу содержащую в себе двадцать четыре строки по одному Польскому гульдену. Равное взаимство наблюдать укажут и Его Величество Король и республика Польския во всех архивах и канцеляриях своих в разсуждении граждан, доставшихся во владение Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

АРТИКУЛ ПЕРВЫЙНАДЕСЯТЬ

Ея Величество ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская и Его Величество Король и республика Польская согласясь между собою, примут совокупно наисуществительнейшия меры для предохранения Киевскаго, Брацлавскаго и Подольскаго воеводств от набегов гайдамацких, и для унятия сих разбойников.

Во уверение чего мы обеими высокими содоговаривающимися сторонами торжественно с совершенною властью уполномоченные сей особый акт подписали, и к оному печати гербов наших приложили. Учинено в Варшаве 15 Марта 1775 года.

*(м.п.): Отто Магнус Барон Стакельберг.
(м.п.): 102 подписи польских представителей*

ОСОБЫЙ АКТ

В силу обещания Ея ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ Всероссийской, даннаго в 7^м артикуле трактата, заключеннаго в Варшаве 18 Сентября 1773 года, о заручательстве всех конституций, так же и тех, кои постановлены с совершеннаго согласия министров трех содоговаривающихся дворов, на собранном ныне в Варшаве под званием конфедерации сейме, как в разсуждении правления вольнаго, республиканскаго и независимаго, так и о примирении и утверждении

состояния всех исповедывающих восточную Греческую не униатскую веру, равно как и диссидентов обоих Евангелических исповеданий, упомянутыя в самом трактате уполномоченные и снабденные уже для того полною властью постановили, заключили подписали нижеследующие артикулы, кои быть имеют равной силы, как бы оные от слова до слова в самом трактате внесены:

Артикул первый

Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всероссийская выговорив в трактате, заключенном 18 Сентября 1773 года с Его Величеством Королем и республикою Польскими, чтоб учинен был особый акт о диссидентах и Греках не униатах, в Польше и Литве находящихся, а Его Величество Король и республика Польская желая и требуя сделать облегчение в восстановленных первым особым актом трактата, заключенного в 1768 году древних правах Греков не униатов и диссидентов, подтверждают теперь все прочее в помянутом первом особом акте постановленное, согласясь при том о следующих сокращениях, а именно:

1^е

Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всероссийская восприяв намерение удалять все, что бы хотя к малейшему разврату между Польским народом служить могло, соглашается, что бы впредь дворяне Греки не униатские, так же и диссиденты из Сената и министерства коронного и Литовскаго выключены были.

2^е

Право дворян диссидентов и Греков не униатов в выборе их Послов на сем ограничить до трех, а именно: чтоб было по одному с каждой провинции. В прочем имеют Греки не униаты и диссиденты пользоваться всеми преимуществами принадлежащими дворянству, равно как и всеми выгодами и чинами коронными и Литовскими, и могут исправлять все должности в трибуналах, одним словом, заседать во всех судах и других присутственных местах республики, как гражданских, так и военных. Сими же правами и преимуществами имеют пользоваться токмо те дворяне, Греки не униаты, диссиденты и их потомство, кои в Польше и великом княжестве Литовском дворянским достоинством пожалованы.

3^е

По желанию Его Величества Короля и республики о уничтожении обостороннего суда, соглашается Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

СТВО сей суд на следующих условиях уничтожить, а именно: 1) Чтоб все судныя дела, назначенныя перьвым особым актом заключеннаго в 1768 году трактата, в ведомство помянутаго обосторонняго суда отданы были в королевский надворный суд, то есть в ассессориальный Польский и Литовский. 2) Что естли при выборе Ассессоров в сих королевских судебных местах не найдется равнаго числа католиков с диссидентами, тогда Его Королевскому Величеству для всех из обосторонняго суда в ассессориальной перенесенных судных дел созвать членов из дворянства диссидентов, или Греков не униатов, имеющих право решительнаго голоса столько, сколько потребно будет для уравниения числа против католических Ассессоров с диссидентскими. 3) Чтоб каждые полгода как в коронном, так и великаго княжества Литовскаго ассессориальном суде назначен был четырехнедельный срок для решения вышепомянутых судных дел диссидентов и Греков не униатов по большинству голосов, естли уже оные прежде производились в гродских и провинциальных судах, а после апелляцією, или иным каким образом войдут в реченные ассессориальные суды. В случае же равенства голосов с обоих сторон решение зависимо быть имеет от реляционного Королевскаго суда, за отбытием нескольких судей полагается их довольно, и четыре к составлению полнаго надворнаго суда для решения реченных дел.

4^е

Диссиденты и Греки не униаты, когда похотят погребать умерших своих в праздничные дни, должны сие делать или по утру очень рано, или по окончании всенароднаго божественнаго пения католиков.

5^е

Диссидентам впредь не иметь католиков при их церьквах, с тем однако договором, чтоб сии церькви после за то не почитать за оратории; и сие разумеется токмо о церьквах впредь по деревням строящихся.

6^е

Судным делам о разводе бракосочетавшихся и их имениях зависит от католичских консисторий, естли из бракосочетавшихся случится один католик, а другой диссидент.

Артикул второй

Подтверждая все фундаментальные законы и государственныя дела, кои на нынешнем сейме никакой перемене подвержены не

были, и видя из настоящего положения о обстоятельствах республики необходимую надобность к оным присовокупить новые, постановляем мы на всегда с общего всех чинов согласия следующие законы, которые равную же силу, как и прежние иметь будут, а именно:

1^е

В Короли Польские и Великие Князья Литовские впредь не выбирать никого, кроме природного Пяста из дворянства, и имеющего поместья свои в областях республики.

2^е

Детей и внучат последнего Короля, не выбирать же в Короли тот час после их отца или деда, а чинить то по крайней мере по прошествии двух царствований.

3^е

Сим распоряжением уничтожая на всегда наследие к престолу Польскому, и утверждая сие Королевство вечно избирательною державою, постановляем мы вечным законом, чтоб правление республики всегда было вольное, независимое и составленное из трех чинов, а именно: из Короля, Сената и рыцарского чина.

4^е

Но как правление Польское основано на равенстве означенных трех чинов и равной их власти, а рыцарский чин был всегда отдаляем от правления государственного между сеймами, то мы чины республики вознамерясь поправить, и совершенно возстановить сие равенство во власти и действии по делам, и желая иметь наиточнейшее исполнение законов, учредили прочный совет, коему мы и поручаем власть и попечение в наблюдении исполнения учиненных уже законов, не вмешиваясь, под каким бы то ни было видом, ни в предписания законов, ниже во власть судить тяжбы. И сие мы постановили на следующих правилах, яко на твердом основании, которые и имеют служить вечно неподвижным узаконением, а именно: что сей прочный совет вечно останется, и из трех чинов составлен будет, то есть из Короля, яко неперменного оному Начальника, из Сената и рыцарского чина; число же членов сего чина, равно как и из Сената, включая и министров, так же и из каждой трех провинций имеет всегда быть равное, что статья назначенная в законе под следующим названием: *постановление прочного совета*, учрежденная на нынешнем сейме, и касающаяся до королевских преимуществ, так как

и весь сей закон останутся на всегда непременны, и что члены сего совета избираны будут на обыкновенных сеймиках скрытным образом и по большинству голосов прежде всякого другого дела, тот час по выборе сеймского Маршала, и по соединении Сенатской палаты с рыцарскою.

Артикул ТРЕТИЙ

В силу VII артикула, заключенного в 1773 году трактата, заручает Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всероссийская республике Польской не токмо оба артикула сего акта по делу Греков не униатов и диссидентов и о фундаментальных законах, но и все постановления, какого бы звания они ни были, принадлежащая как до особы Его Королевскаго Величества и вообще до дел заключенных на собранном ныне под званием конфедерации сейме, так и все публичные коронной и великаго Княжества Литовскаго генеральной конфедерации акты.

Во уверение чего мы торжественно и с совершенною властью уполномоченные обеими высочайшими содоговаривающимися сторонами сей особый акт своеручно подписали, и к оному гербов наших печати приложили. Учинено в Варшаве 15 Марта 1775 года.

*(м.п.): Отто Магнус Барон Фон Стакельберг.
(м.п.): 105 подписей польских представителей*

12. ТРАКТАТ МЕЖДУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ВСЕРОССИЙСКОЮ С ОДНОЙ СТОРОНЫ И ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ КОРОЛЕМ И ЯСНЕЙШЕЮ РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЮ ПОЛЬСКИМ С ДРУГОЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ И ПОДПИСАННЫЙ В ГРОДНЕ июля 11/22 дня 1793 года¹

БОЖИЕЮ ПОСПЕШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ: МОСКОВСКАЯ, КИЕВСКАЯ, ВЛАДИМИРСКАЯ, НОВГОРОДСКАЯ, ЦАРИЦА КАЗАНСКАЯ, ЦАРИЦА АСТРАХАНСКАЯ, ЦАРИЦА СИБИРСКАЯ, ЦАРИЦА ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКАГО, ГОСУДАРЫНЯ ПСКОВСКАЯ И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ СМОЛЕНСКАЯ, КНЯГИНЯ ЭСТЛЯНДСКАЯ, ЛИФЛЯНДСКАЯ, КОРЕЛЬСКАЯ, ТВЕРСКАЯ, ЮГОРСКАЯ, ПЕРМСКАЯ, ВЯТСКАЯ, БОЛГАРСКАЯ

¹ АВПРИ. Ф. «Варшавская миссия». Д.1491.

и иных; Государыня и Великая Княгиня Новагорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Бело-озерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, Витепская, Мстиславская и всея северныя страны Повелительница, и Государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей, и иных наследная Государыня и Обладательница, объявляем через сие, что как его величество Король и Яснейшая Речь Посполитая Польские, соединившиеся узлом Генеральной Конфедерации обоих народов Польскаго и Литовскаго, согласились по самодержавной и неограниченной своей власти в таковом законном положении, войти в нами в полюбовное условление для прекращения всех до ныне между обоими Государствами настоящих важных несогласий, недоразумений и разных притязаний, и в следствие того назначенною и уполномоченною от них торжественною Делегациею постановлен, заключен и подписан в Гродне обще с нашим для сего дела особливо акредитованным чрезвычайным и полномочным Послом Яковом фон Сиверсом в 11/22 день июля сего 1793 года трактат следующего от слова до слова содержания:

Во Имя Пресвятыя и Неразделимыя Троицы.

Поелику беспокойство и раздоры, открывшиеся в Королевстве Польском после перемены, в 3 день Майя 1791 года самопроизвольным и насильственным образом произведенной в древнем его правлении, безпрестанно продолжались и до такой степени распространялись, что не взирая на употребленные ея величеством императрицею Всероссийскою старания о утолении и прекращении оных, тишина и спокойствие смежных Государств подвергались от того явной опасности; то Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА как по сему уважению, так и в разсуждении неоспоримых прав, приобретенных ею на справедливое удовлетворение всех издержек и убытков, причиненных ей содействием ея в пользу Речи Посполитой, признала за нужно условиться и согласиться с соседственными Державами о удобнейших средствах к достижению обоих сих предметов. Декларация со стороны Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийской чрезвычайным и Полномочным ея Послом, а от его величества Короля Прусскаго чрезвычайным Его Посланником врученная в 29/9 день минувшего марта/апреля яснейшим сконфедерованным чинам Государственным, присутствующим в Гродне, была последствием сего условления; и как его величество Король Польской с согласия непременнаго совета Речи Посполитой почел нужным созвать немедленно чрезвычайный Сейм для советования и постановления о требованиях Дворов Санкт-Петербургскаго и Берлинскаго: то сей Сейм действительно собрался и, сконфедеровавшись обыкновенным по-

рядком, положил и определил вступить в полюбовные переговоры с каждым из сих Дворов, дабы таким образом распорядить и решить предметы обоюдных их требований. На сей конец ея величество императрица Всероссийская избрала, назначила и уполномочила своего Действительнаго Тайнаго Советника и Орденов Св. Александра Невского и Св. Анны Кавалера *Якова фон Сиверса*, чрезвычайнаго и полномочнаго Своего Посла при его величестве Короле и яснейшей Речи Посполитой Польской; а его величество Король и яснейшая Речь Посполитая из Сената *Игнатия Массальскаго*, Князя Епископа Виленскаго; *Алберта Скаржевскаго*, Епископа Хелмскаго, *Иосифа Коссаковскаго*, Епископа Лифляндскаго, *Михайла Радзивила*, Князя Воеводу Виленскаго, *Петра д'Алкантора Ожаровскаго*, Каstellана Войничскаго, *Иосифа Оборскаго*, Каstellана Цехановскаго; из Министерства: *Лудовика Тишкевича*, Великаго Маршала Великаго Княжества Литовскаго, *Симона Коссаковскаго*, Великаго Гетмана Великаго Княжества Литовскаго, *Антоня Князя Сулковскаго*, Великаго Канцлера Короннаго, *Казимира Константина Платера* Канцлера Великаго Княжества Литовскаго, *Михайла Огинскаго*, Великаго Подскарбия Великаго Княжества Литовскаго, *Иосифа Зебеллу*, Гетмана Великаго Княжества Литовскаго; *Антоня Деканскаго*, Надворнаго Подскарбия Великаго Княжества Литовскаго; из Рыцарскаго стану: *Иосифа Анквича*, Графа священныя Римския Империи и *Леонарда Коссаковскаго*, Послов Воеводства Краковскаго; *Феофила Залускаго*, Графа священныя Римския Империи, Старосту Хенцинскаго, и *Константина Янковскаго*, Послов Воеводства Сандомирскаго, *Франциска Куницкаго*, Посла земли Хелмской; *Ксаверия Валеускаго*, Посла Воеводства Волынскаго; *Иосифа Рокитницкаго*, Посла Воеводства Плоцкаго; *Фадея Станишевскаго* и *Ивана Остророга* Графа священныя Римския Империи, Послов земли Черской; *Станислава Белинскаго*, Маршала Сеймоваго и *Станислава Клицкаго*, Послов земли Варшавской; *Стефана Замбрицкаго*, Посла земли Нурской; *Шишко*, Посла повета Лидскаго; *Ивана Клечковскаго*, Посла Воеводства Троцкаго; *Матвея Зынева*, Старосту Бержницкаго, Посла Повеата Гродненскаго, *Михайла Коссаковскаго*, Камергера и Посла повета Ковнинскаго, *Лудовика Гельгуда*, Посла Жмоидскаго; *Михайла Лопота*, Посла Воеводства Новгородскаго, которые уполномоченные, такую надлежащую власть снабденные, собравшись и сообщив друг другу свои полномочия, условились о следующих статьях.

Статья I

Да будет от ныне на вечныя времена ненарушимый мир, совершенное согласие и дружба между ея величеством императрицею Всероссийскою, Наследниками и Преемниками ея, и всеми ея областями

с одной стороны, а Его Величеством Королем Польским, Великим Князем Литовским и Преемниками Его, так же как и Королевством Польским и великим Княжеством Литовским с другой. Для прочнейшего же утверждения взаимной дружбы, Высокодоговаривающиеся Стороны обязываются и обещают не только предать прошедшее совершенному забвению, но и прилагать крайнее тщание о прекращении в самом начале всякаго повода к разрыву, могущаго вновь поколебать искреннюю между Ими дружбу и доброе согласие и сношение между обоюдными Их подданными.

Статья II

А дабы установить сию щастливую систему вечнаго мира на прочнейшем основании, признано за прилично и нужно определить и означить границы, которыя впредь навсегда отделять будут Империю Российскую от Королевства Польскаго. В следствие чего его величество Король Польской, как за Себя, так и за Преемников Своих, и Чины и генеральные Станы Королевства Польскаго и великаго Княжества Литовскаго, уступают сим трактатом безотменно на вечныя времена и без всякаго поворота и изъятия ея величеству императрице Всероссийской, Наследникам и Преемникам ея, земли, области и уезды лежащие и замыкающиеся в черте означенной на карте, которая черта начинается от селения Друи, находящагося при угле границы Семигалии на левом берегу реки Двины, оттуда простирается она на Нарочь и Дуброву и следуя по частному рубежу воеводства Виленскаго на селение Столпцы, идет на Несвиж, потом на Пинск, и оттоль проходя чрез Кунев между Вышгорода и Новогробли близъ границы Галиции, с коею смыкася простирается по оной до реки Днестра, наконец примыкает она к Егорлыку нынешней Российской границе в той стране. Поелику же сия вышеозначенная черта должна навсегда служить границею между Российской Империею и Королевством Польским, то его величество Король и Чины и Станы Королевства Литовскаго, самым формальным, торжественным и наисильнейшим образом уступают ея величеству императрице Всероссийской, Наследникам и Преемникам ея все, что в следствие того к Империи Российской принадлежать долженствует, а имянно все земли и уезды, отделенные вышереченною чертою от настоящих Польских владений, со всею собственностію, самодержавіем и независимостію, со всеми городами, крепостями, местечками, селами, деревнями, реками и водами, со всеми подданными и жителями, освобождая сих последних от подданства и присяги в верности, учиненной ими его величеству и Короне Польской, со всеми правами как по политической и гражданской, так и по духовной части, и вообще со всем принадлежащим к самодержавію сих земель; и реченное его величество Король и Речь Посполитая Польские обе-

щают точнейшим и торжественнейшим образом не делать никогда, ни явно ни скрытно и ни под каким предлогом никакого притязания на сии земли и области, настоящим трактатом уступленные.

Статья III

В следствие сего его величество Король Польской за Себя и Преемников Своих, и Чины и Генеральные Станы Польские и Великаго Княжества Литовскаго торжественнейшим образом на вечныя времена отрицаются от всех прав и всяких притязаний, какого бы рода и наименования оныя ни были, и под каким бы видом, предложом и при каких бы обстоятельствах ни могли предложены или учинены быть, как на земли, области и уезды и на все их принадлежности, предъидущю статью уступленные, так и на все, чем Россия до сего времени владела; и они обязываются ручаться, как то и действительно сею статью ручаются святейшим и самым ненарушимым образом за все земли, области и владения Ея Величества Императрицы Всероссийской в Европе, в том состоянии, как оныя ныне ей принадлежат, с присовокуплением к тому уступлений, учиненных предъидущю статью.

Статья IV

Во взаимство уступлений и отрицательств, означенных во II и III статьях, ея величество императрица Всероссийская, дабы с Своей стороны доказать искреннее ея желание об отвращении навсегда новых споров по поводу пределов между Империею Российскою и Королевством Польским, отрицается на вечныя времена, как за Себя, так за Наследников и Преемников Своих, от всякаго права и притязания, какия бы она ныне или впредь учинить могла посредственно или непосредственно, и под какими бы видами, наименованием, предложом или условием, и при каких бы обстоятельствах или происшествиях то ни было, на какую либо область или малейшую часть владения, замыкающагося теперь в Польше. ея величество императрица Всероссийская обязывается на противу того охранять Польшу в состоянии ныншняго обладания, и ручаться, как то и действительно сею статью ручается ей, точнейшим и наисильнейшим образом в целости и самодержавии реченных нынешних владений, со всеми правами от них производящими.

Статья V

Ея Величество Императрица Всероссийская почитает безпосредственным следствием обязанности, принятой на себя IV статью, не сопротивляться ни какой перемене в образе правления, какую в

нынешнем положении дел Польских, его величество Король и Речь Посполитая признают за нужно учинить древней Конституции согласно с желанием целого народа, которое добровольно изъявлено будет Его уполномоченными, законным образом на настоящем Сейме созданными. А дабы по сему предмету ни малейшаго не оставалось сумнения, обызывается Она пред Его Величеством Королем и Речью Посполитою не только признать таковую Конституцию, установленную с добровольного и законного согласия народа, но и на оную распространить свое в IV статье обещанное ручательство, естли она о том прошена будет.

Статья VI

Понеже взаимное намерение Высокодоговаривающихся Сторон есть то, чтоб обоюдные Их подданные могли впредь пользоваться плодами согласия и искренней дружбы, кои от ныне между Ими существовать будут, доставляя им особливо все выгоды свободного промена их надобностей и удобного обращения главнейших их промыслов, сколько введенныя у Них правила торговли сие дозволят; то Ея Величество ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская и Его Величество Король и Речь Посполитая Польския торжественно обязываются согласиться на всякое распоряжение и предложение, от которого торговля обоих народов может сделаться цветущею; и все, что по сему предмету особенно впредь установлено будет, долженствует иметь ту же силу и действие, как будто бы оное от слова до слова в сей трактат внесено было.

Статья VII

Хотя разграничение настоящих пределов между Россиею и Польшею без затруднения учинить можно, последуя точно черте, определенной рубежем во II статье сего трактата, не менее однакож Высокодоговаривающиеся Стороны признают за нужно и обязываются с обеих сторон назначить немедленно Комиссаров как для распоряжения сего важнаго предмета со всею возможною точностию и ясностию, так и для полюбовнаго окончания распрей, споров и притязаний, могущих произойти при сем случае между обоюдными подданными. Равным образом будут с обеих сторон и впредь назначаемы подобные Комиссары, в случае когда окажется какой спор как по поводу самых границ, так и в разсуждении спорных прав обоюдных подданных относительно к границам.

Статья VIII

Римские обоих церковных обрядов Католики, которые по силе второй статьи сего трактата поступают в подданство Ея ИМПЕРАТОРС-

КАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийской, будут не только пользоваться во всей Империи Российской полным и свободным отправлением их закона, согласно с правилом снисхождения, по сему пункту в оной принятом, но в уступленных вышереченную II статью областях будут они оставлены в нынешнем точно состоянии наследственных владений. В следствие того Ея ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская обещает безотменно за Себя, Наследников и Преемников Своих, оставить оных Римских Католиков обоих церковных обрядов на вечныя времена при спокойной принадлежности преимуществ, собственности и церквей, при свободном отправлении их богослужения и церковного порядка, и при всех правах, к оному принадлежащих, объявляя за Себя и Преемников Своих, что никогда не соизволит употребить права Самодержавия в предъосуждение Римско-Католическому обоих обрядов закону в землях, по силе сего договора в ея подданство поступивших.

Статья IX

Буде Высокодоговаривающиеся Стороны, по заключении сего торжественного Трактата, для взаимной их пользы и для блага и выгоды обоюдных своих областей признают за прилично и нужно условиться о других новых постановлениях, то составлен будет о том особый Акт, который долженствует иметь ту же силу и действие, как будто бы он в сей Трактат от слова до слова внесен был.

Статья X

Настоящий Трактат будет ратификован Ея ВЕЛИЧЕСТВОМ ИМПЕРАТРИЦЕЮ Всероссийскою с одной стороны и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ Королем и Речью Посполитою Польскими с другой в шесть недель, считая со дня подписания, или буде можно ранее, и потом внесен он будет в Конституцию нынешняго Сейма.

Во уверение чего мы, уполномоченные, именно назначенные и снабжденные доверенностию на заключение сего трактата, подписали оный и гербов наших печати к нему приложили. В Гродне июля 11/22 дня тысяча семь сот девяносто третьяго года от Рождества Христова.

Мы по именному повелению чинов подписываем:

(М.П.) Яков фон Сиверс
(М.П.) подписи 28 польских представителей

Того ради мы, рассмотря оной Трактат и нашед Его взаимным обеих договаривающихся Сторон намерениям совершенно соответствующим, восхотели Его утвердить, за благо принять и ратифико-

вать, яко же сим торжественно утверждаем, за благо приемлем и ратификуем, обещая ИМПЕРАТОРСКИМ НАШИМ словом и верою за Себя и Преемников престола НАШЕГО не токмо свято содержать и исполнять помянутой в Гродне подписанной Трактат во всех Его частях, постановлениях и обязательствах, но и отнюдь не позволять и не допускать, чтоб оному вопреки поступаемо было. Во уверение чего мы сию ратификацию собственноручно подписав, повелели утвердить Государственною НАШЕЮ печатью. Дано в Царском Селе месяца июля в 23 день в лето от Рождества Христова 1793, Государствования же нашего Всероссийского 32, а Таврического первоенадесять.

Оригинальная ратификация подписана собственною
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ЕКАТЕРИНА

Контросигнирована по сему:

Граф *Иван Остерман*.

Конституция Польши 3 мая 1791 года

13. УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ Закон, утвержденный мая 3 дня 1791 года¹

Во имя БОГА в Троице Святой единого

Станислав Август, божиею милостию и волей народа король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жмойдцкий²; Киевский, Волынский, Подольский, Подляшский, Лифляндский, Смоленский, Северский и Черниговский, купно с чинами сконфедерованными, в двояком числе народ польский представляющими.

Признавая, что счастливый жребий всех нас зависит единственно от утверждения и приведения в совершенство народной Конституции, познав долговременным опытом застарелые правления нашего недостатки и хотя воспользоваться порою, в какой находится Европа, и правлением возмогающего времени, которое нас самим себе возвратило, освободив от поносительных чуждой власти наказов, цена дорожке жизни, счастья настоящее политическое существование, внешнюю независимость и внутреннюю вольность народа, коего судьба вверена в руки наши, хотя также показать добрые услуги для благоденствия и благодарности современных и будущих племен, невзирая на препятствия, которые в нас подобострастия могут причинять для общего блага, для утверждения вольности, для сохранения целости нашего отечества и его границ, с величайшей твердостью духа настоящую Конституцию утверждаем, и сию во всей святой и ненарушимой (силе. — П.С.) объявляем, пока бы народ во время, законом предписанное, точной своей волей не признал за нужное переменить в ней какой-либо статьи. С которой Конституцией дальнейшие постановления нынешнего Сейма во всем соображаться долженствуют.

1

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ВЕРА

Господствующей народной религией есть и будет святая римская католическая вера со всеми ее правами. Переход от господствующей

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/1. 1791. Д.1294. Л.103–118 (подлинник); Л.119–145 (перевод). Оpubл.: Wybor tekstow zwozlowych z historii panstwa i prawa polskiego. T.1. Cz.2. Warszawa, 1951. S.88–97.

² Так в тексте. Текст Конституции 3 мая 1791 г. приводится в переводе XVIII века, выполненном в Коллегии иностранных дел.

веры к исповеданию какой-либо другой возбраняется под наказаниями отступничества. А как та же самая святая вера повелевает нам любить ближних наших, потому всем людям, какого бы ни были исповедания, спокойствие в вере и покровительство даруем и для того всяких обрядов и религий вольность в польских краях по здешним уставам обеспечиваем.

2

ШЛЯХТА, ЗЕМСКИЕ ДВОРЯНЕ

Почитая память предков наших, яко основателей вольного правления, шляхотному чину все свободы, вольности, прерогативы, преимущества в приватном и публичном состоянии наиторжественнейше обеспечиваем; а особливо права, статуты и привилегии оному чину от Казимира Великого, Людовика Венгерского, Владислава Ягелла и Витольда, брата его великого князя Литовского, не менее от Владислава и Казимира Ягеллонов, от Яна Альберта, Александра и Сигизмунда I братьев, от Сигизмунда Августа последнего из пополнения Ягеллонского, справедливо и законно дарованным, утверждаем, обеспечиваем и ненарушаемыми объявляем.

Достоинство шляхетного чина в Польше равным признаем всем степеням шляхетства, где бы то ни было употребляемым. Всех шляхтичей равными быть между собой объявляем, не токмо в том, что касается до отправления должностей и служения их отечеству, честь, славу, и пользу приносящих, но также чтобы равно им пользоваться привилегиями и преимуществами шляхетному чину свойственными. А паче всего право личной безопасности и личной вольности, недвижимых и движимых собственности, так как издавна каждому принадлежали, свято ненарушимо сохранять хотим, и сохраняем; ручаясь наиторжественнейше, что противу собственности чьей-либо никакой отмены или изъятия в праве не допустим, а паче верховная Государственная власть и правление оною установленное, никаких притязаний под предлогом королевских прав, и под каким-либо другим видом на обывательские собственности, в части ли, или в целом не предпримется, для чего личную безопасность и всякую собственность, кому-нибудь по праву принадлежащую, яко прямой общественности узел, яко зеницу обывательской вольности почитаем, обеспечиваем, утверждаем и хотим, дабы оные в потомственные времена были почитаемы, обеспечиваемы и ненарушимо пребывающими.

Шляхтичей первейшими защитниками вольности и настоящей Конституции признаем, каждого шляхтича верности, единоземству и чести, ее святость почитать, ее ненарушимость соблюдать поручаем, яко единую твердыню отечества и свободы наших.

3 ГОРОДА И ГРАЖДАНЕ

Закон, на нынешнем Сейме постановленный, под заглавием: Города наши королевские вольные во владениях Речи Посполитой, в совершенном хранении иметь хотим; и частью настоящей Конституции объявляем, яко закон, шляхетству польскому для обеспечения их свобод и целости общественной, отечества, новую, прямую и действительную придающий силу.

4 КРЕСТЬЯНЕ

Земледельцев, из под коих рук течет изобильнейший в здешнем краю богатств источник, составляющих великое в народе множество людей, а потому действительнейшую государства силу как по справедливости, добросердечию и обязательствам христианским, так и по собственной нашей пользе довольно известных, принимаем под защитение закона и государственного правления, постановляя: что отныне всякие свободы, пожалования или договоры, законно чинимые владельцами с крестьянами своих деревень, были бы оные свободности, пожалования и договоры обще с ними, ни с каждым особо крестьянином сделаны, в постановлении общего и взаимного обязательства, по точному смыслу условий о таковых пожалованиях и договорах заключенных, относящегося к покровительству здешнего правительства, таковые постановления и происходящие из них обязательства принятые добровольно одним владельцем деревни, не только его самого, но и наследников его, или последователей права так обязывать будут, что их никогда самовольно отменять не могут. Во взаимство того крестьяне какой-нибудь деревни, они добровольных договоров, принятых дачь и с оными сопряженных должностей отступать иначе не могут, как только в таком образе, и в таких условиях, кои в тех же описанных договорах постановлены, и кои, вечно ли или временно приняты, крепко их обязывать будут. Обеспечив таким образом владельцев при всех выгодах от крестьян, им принадлежащих, и хотя самим делом ободрить умножение народа в государстве, объявляем совершенную вольность для всех людей как вновь приходящих, так и тех, кои бы прежде удалясь из владения, хотели ныне возвратиться в отечество, в таком пространстве: что каждый человек в области Речи Посполитой, из которой ни будь стороны новопришедший или возвращающийся, как только вступит в Польскую землю, имеет совершенную вольность пользоваться своим промыслом, как и где хочет, волен он делать договоры на поселение, на работу или на подать, как и по коль заключить договор. Вольно ему поселиться в городе, или в деревнях, вольно жить в

Польше, или возвратиться в какой бы край он захотел, удовлетворив обязательствам, добровольно на себя принятым.

5

ПРАВЛЕНИЕ, ИЛИ ОЗНАЧЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ПУБЛИЧНЫХ

Всякая власть в обществе народном берет свое начало от воли народа. А дабы целость владений, обывательская вольность, и общественный порядок в равновесии всегда пребывал, должны составлять три власти правления польского народа, и по силе настоящего закона навсегда составлять будут. То есть: власть законодательная в чинах собранных; власть верховная исполнительная в короле и стране, и власть судебная в судебных местах, на сей конец учрежденных, или впредь учреждаемых.

6

СЕЙМ, ИЛИ ВЛАСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ

Сейм, или чины собранные, на две палаты делиться будут, на палату Посольскую, и на палату Сенаторскую под предводительством короля.

Палата Посольская, яко изображение и состав всенародного властвования, будет светилом законодательства: поэтому в Посольской палате во первых решимы будут все проекты.

1. Общих законов, то есть: конституционных, гражданских, уголовных и устанавливающих вечные подати. В коих материях предложения от трона воеводствам, землям и уездам на рассмотрение данные, и чрез наказы в палату приходящие, во-первых к решению взяты быть имеют. 2. Установлений сеймовых, то есть поборов временных, степени монеты, занятия публичного дома, приобретения благородства и других случайных награждений, раскладки публичных выдачей, обыкновенных и чрезвычайных, войны, мира, последней ратификации союзных и торговых трактатов, всяких дипломатических актов и договоров, согласующихся с законом народов, расчетов исполнительных присутственных мест и сим подобных случайностей первейшим народным нуждам соответствующих, в коих материях предложения от трона прямо в палату Посольскую входящие во-первых производимы будут.

Сенаторской палаты, составляемой из епископов, воевод, кастелянов и министров под главным начальством короля, имеющего право в первой раздать свой голос, в другой равенство разрешать лично, или присылкою своего мнения в ту же палату должность есть:

1-е. Всякий закон, который по формальном прочтении в Посольской палате тотчас должен быть послан в Сенат, принять или удержать до дальнего рассуждения народа, описанного в законе большинством

голосов, — принятие, силу и святость закона придавать будет, а удержание предоставит только закон до будущего обыкновенного Сейма, на котором когда вторичное последует соглашение, закон, предоставленный на рассмотрение должен быть Сенатом принят.

2-е. Всякое сеймовое установление, в вышепомнянутых материях, которое Посольская палата тотчас должна Сенату прислать, купно с тою же Посольской палатой, большинством голосов решить, совокупное же обеих палат большинство, законом описанное, будет решением и волей чинов.

Оберегаем: что сенаторы и министры, в предметах дел по должностям своим, было бы то в страже или в комиссии, не будут иметь решительного голоса на Сейме, а только в то время заседать им в Сенате для объяснения на требование Сейма.

Сейм всегда будет готов: законодательный и обыкновенный. Должен он начинаться чрез каждые два года, а продолжаться по предписанию закона о Сеймах. Готов в необходимых нуждах созванный, имеет постановлять о той только материи, для которой созван, или о надобности, после времени его созыва последовавшей.

Никакой закон на обыкновенном Сейме, на коем был он установлен, уничтоженным быть не может. Полное собрание Сейма составляться будет из числа особ, нижеследующим законом означенного, как в Посольской палате, так и в Сенаторской.

Закон о Сеймиках, на нынешнем Сейме установленный, яко существеннейшее основание обывательской вольности, торжественно обеспечиваем.

А как законодательство не может быть исполняемо всеми, и народ выручается в сей мере чрез депутатов, или послов своих, добровольно выбранных, потому постановляем, что послы, выбранные на Сеймиках для законодательства и общественных народа надобностей, должны быть уважаемы, по силе настоящей Конституции, яко депутаты всего народа, составляющие общую доверенность.

Все и везде должно быть решимо большинством голосов. Того ради не позволяю конфедерации всякого рода, и Сеймы конфедерационные, яко духу настоящей Конституции противные, разрушающие правление, разоряющие общественность, навсегда уничтожаем.

Предупреждая, с одной стороны, наглые и частые перемены народной Конституции, с другой стороны, признавая надобность к приведению оной в совершенство, после испытания содействий относительно общей пользы, назначаем удобный случай и время ревизии и поправки Конституции чрез каждые 25 лет. Хотя иметь таковой Сейм Конституционный чрезвычайным по силе особого о нем в законе описания.

7

КОРОЛЬ, ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Никакое правление совершеннейшее без деятельной исполнительной власти стоять не может. Благоденствие народа от законов справедливых. Законов польза от исполнения их зависит. Опыт научил, что небрежение сей части правления наполнило несчастьями Польшу: поэтому, обеспечив вольному польскому народу власть устанавливать для себя законы и наблюдать за всякой исполнительной властью, также выбирать чиновников к должностям: отдаем высочайшего исполнения законов власть королю в Совете его: который Совет – Стражею прав называться будет.

Исполнительная власть к прилежному наблюдению законов и исполнению оных купно обязывается. Там она деятельною по себе будет, где законы позволяют, где законы требуют надзирания, исполнения и даже сильной помощи. Послушанием всегда должны ей все присутственные места, власть понуждения непослушных и нерадящих о своих должностях присутственных мест, в ее руке оставляем.

Исполнительная власть не может устанавливать законов ниже толковать, налагать податей и поборов под каким-либо названием, брать общественное в долг, отменять раскладку казенных доходов Сеймом положенную, начинать войну, и заключать определительный мир или трактат, или какой-либо дипломатический акт. Вольно ей только будет, случающиеся с границами производить негоциации также случайные и обыкновенные, для беспечности и спокойствия края надобности решить, коих должна она довести собрание на ближайшем Сейме.

Престол польский избирательный по фамилиям навсегда иметь хотим и постановляем. Дознанные разорения между царствований, периодически правление испровергавших, долг обеспечения в счастливом жребии каждого жителя земли польской и заграждения навсегда влияния чужестранных держав, память славы и благоденствия отчества нашего во время фамилий долго царствовавших, надобность отвращения от славолюбия трона, посторонних и сильных поляков, превращения к единодушному соблюдению народной вольности, указали нашему благоразумию отдать престол польский правом наследства. Потому постановляем, что после жизни, сколько оной благодать Божия нам позволит, нынешний курфюрст Саксонский будет королем в Польше – наследство будущих королей польских начнется на особе Фридерика Августа нынешнего курфюрста Саксонского, коего преемникам от крови из мужеска полу трон польский предназначаем. Старший сын владеющего короля после отца имеет вступать на трон. А если бы нынешний курфюрст Саксонский не имел потомков мужеска полу, тогда супруг, курфюрстом, по согласию собранных чинов, дочери его избранный, имеет

начать линию наследства в мужеском поле к польскому престолу. Почему Марию Августу Непомуцену, дочь курфюрста – инфантиною польской объявляем, сохраняя при народе право никакому предписанию подлежать не могущее, выбора на престол другого дому по скончании первого.

Каждый король, вступающий на престол, учинит присягу Богу и народу в сохранении настоящей Конституции и договоров, согласно подтвержденных, кои нынешним курфюрстом Саксонским, яко пред-назначенным к престолу, имеют быть постановлены, и кои так как давние, обязывать его будут.

Особа короля есть святая и безопасна от всего. Ничего сам собой не делающий, за нечто в отповеди народу быть не может. Не самовластным, но отцом и главою народа быть должен, и тем его быть закон и сия Конституция признает и объявляет.

Доходы так, как оные в договорах согласно подтвержденных будут описаны, и прерогативы свойственные трону, сею Конституцией обеспеченные неприкосновенными останутся.

Все публичные акты, трибуналы, суды и присутственные места, монеты, клейма, должны быть под королевским именем. Король, коему всякая власть благоворения оставлена быть должна, будет иметь право прощать на смерть осужденных, кроме в государственных преступлениях. Верховное распоряжение вооруженными государства силами во время войны, назначение начальников войска с вольной однако их переменой по воле народа, дача патентов офицерам, определение чинов к должностям по закону ниже писанному; назначение епископов и сенаторов, по тому же, так же министров, яко первоначальных служителей исполнительной власти, до короля надлежать будет.

Стража или королевский совет для наблюдения целости и исполнения законов приданная состоять будет: 1. Из примаса, яко главы польского духовенства, и яко президента воспитательной комиссии, могущего быть замененным в страже первым по порядку епископом, кои решения подписывать не могут. 2. Из пяти министров; то есть, министра полиции, министра печати, министра военного, министра казны, министра печати чужестранных дел. 3. Из двух секретарей, из которых один – протокол Стражи, другой – протокол чужестранных дел, держать будут оба без решительного голоса. Наследник престола, вышедший из малолетства, и учинив присягу на Конституцию, может присутствовать во всех Стражи заседаниях, не имея голоса.

Сеймовый маршал, яко на 2 года выбранный и заседающий в Страже, не входя в ее резолюции, включается единственно для созвания готового Сейма, в таком случае: когда бы он в обстоятельствах, требующих непременно созвать готовый Сейм действительную находил надобность, а король созвать оной возбранял, тогда тот же маршал должен расослать к послам и сенаторам циркулярные пись-

ма, созывая их на готовый Сейм, изъясняя причины такового созыва. Обстоятельства необходимого созыва сейма суть только следующие: 1. В крайней нужде, относящейся до права народа, а особливо в случае соседственной войны. 2. В случае внутреннего замешательства, угрожавшего бунтом государству или раздорами между присутственными местами. 3. В явной опасности общего голода. 4. В осиротелом состоянии отечества, смерти короля, или в опасной его болезни. Все резолюции в Страже разбираемы будут собранием вышеупомянутым. Решение королевское, по выслушивании всех мнений, должно иметь перевес, дабы всех мнений в исполнении закона; потому, всякая из Стражи резолюция под именем королевским, и за подписанием его руки выходить имеет. Должна однако быть она подписана также одним из министров, заседающих в Страже, и так подписана, к повиновению и исполнению ее обязывать будет комиссию ли, или какие другие исполнительные присутственные места, в тех, однако, только материях, кои точно настоящим законом не суть исключены. В случае, когда бы никто из заседающих министров не хотел решения подписать, король отступит от оного решения, а буде бы при оном настоял, в таковом случае сеймовый маршал будет просить о созыве готового Сейма, а ежели король замедливать станет сей созыв, маршал исполнить оной должен.

Как назначение всех министров, так и отзыв из них одного от каждого по их должности места, в свой совет, или Стражу, есть право короля. Отозванный министр для заседания в Страже присутствует в ней два года, с вольным короля подтверждением оставить его на долее. Министры, отозванные в Стражу, не могут заседать в комиссиях.

В случае же, когда бы большинство двух третьих частей секретных мнений обеих палат, совокупленных на Сейме, требовало переменить министра в Страже ли, или в ином месте, король тотчас должен назначить другого на место его.

Хотя, дабы Стража народных законов крепко обязана была отвечать народу за все оные преступления, постановляем; что когда министры обвинены будут депутатами, для исследования их дел определенными, в преступлении ими закона; тогда должны они отвечать особою и именем своим. Во всех таковых обвинениях собранные чины, беспристрастным большинством голосов совокупленных палат, имеют отослать обвиненных министров в суды сеймовые для получения справедливого и уравнительного их преступлению наказания, или по доказательствам невинности их, от процесса и наказания освободить. Для порядочного исполнительный власти выполнения учреждаем особые комиссии, имеющие связь с Стражею и обязанные повиноваться той же Страже. Комиссары оных будут избираемы Сеймом для исправления должности своих чрез все время, законом назначенное. Комиссии оные суть: 1 – воспитательная, 2 – полицейская, 3 – военная, 4 – казенная.

Комиссии порядковые воеводские, на сем Сейме учрежденные, равно под смотрением Стражи состоящие, будут принимать повеления чрез упомянутые посреднические комиссии, что касается до предметов, каждой из них власти и обязательств.

8

ВЛАСТЬ СУДЕБНАЯ

Судебная власть не может быть исполняемой ни властью законодательной, ниже королем, но присутственными местами, на сей конец учрежденными и избранными. Должна же она так быть к местам привязанною, чтоб каждый человек близко для себя нашел справедливость, дабы преступник видел везде грозную над собой руку государственного правительства.

1. По тому устанавливаем суды нижней расправы для каждого воеводства, земли и уезда, в кои выбираемы будут судьи на Сеймиках. Суды нижней расправы будут всегда в готовности и бдительны к учинению справедливости тем, кои оной требуют. Из сих судов идет апелляция в главные трибуналы, учрежденные для каждой провинции, состоящие из особ, равно выбранных на Сеймиках. И сии суды, как первой, так и последней расправы, будут земскими судами для шляхты и всех владельцев земских в делах права и поступка.

2. Судебные места для всех городов по узаконению нынешнего Сейма о вольных городах королевских, по-прежнему оставляем.

3. Суды рефрендарские для каждой провинции особые иметь хотим в делах вольных поселян давними правами сему суду подлежащих.

4. Суды надворные и ассессориальные, реляционные и курляндские остаются на прежнем основании.

5. Комиссии исполнительные будут иметь суды в делах ее ведомству подлежащих.

6. Кроме судов в делах гражданских и уголовных, для всех чинов будет суд верховный, сеймовым называемый, в который при открытии каждого Сейма будут выбраны особы. До сего суда надлежать имеют преступления против народа и короля, или государственные преступления.

Новое собрание гражданских и уголовных законов повелеваем составить определенными Сеймом особами.

9

РЕГЕНЦИЯ

Стража будет государственным правлением, имея главою королеву, или в отсутствии ее примаса. В сих только трех случаях может иметь место таковое правление: 1 – во время малолетства короля;

2 – во время болезни, продолжающейся с помешательством мыслей;
3 – в случае, когда бы король взят был на войне.

Малолетство продолжаться будет только до совершения 18-ти лет, а болезнь в рассуждении долговременного помешательства мыслей объявленной быть не может, только чрез Сейм готовый большинством голосов трех частей против четвертой совокупленных палат. Потому в сих трюих случаях примас короны польской тотчас должен созвать Сейм; а буде бы примас в сей должности замедлил, сеймовый маршал разошлет к послам и сенаторам циркулярные письма. Сейм готовый распорядит места заседания министров в правлении, а королеву к заступлению короля в обязательствах его утвердит. А когда король в первом случае из малолетства выйдет, в другом – совершенно выздоровеет, в третьем – из плена возвратится, регенция должна отдать ему отчет в своих поступках, и отвечать народу за время своего правления, так, как предписано о Страже, на каждом обыкновенном Сейме, особою и именем своим.

10

ВОСПИТАНИЕ КОРОЛЕВСКИХ ДЕТЕЙ

Королевские сыновья, коих к наследованию престола Конституция предназначает, суть первейшими детьми отечества, потому смотрение за добрым их воспитанием надлежит до народа без умаления однако прав родительских. Во время правления королевского, сам король с Стражей, и с назначенным от чинов надзирателем воспитании королевичей о воспитании их пещися будет. Во время правления регенции та же Стража с помянутым надзирателем воспитание их вверенным себе иметь должна. В обоих случаях надзиратель, от чинов назначенный, должен доносить на всяком обыкновенном Сейме о воспитании и поступках королевичей, а комиссии воспитательной должностью будет подать сочинение инструкции о воспитании сынов королевских, для подтверждения Сейму. И сие, дабы единообразные в воспитании их правила впечатлевали благоприятно в умы будущих наследников престола религии, любовь добродетели, отечества, вольности и государственной конституции.

11

СИЛА ВООРУЖЕННАЯ НАРОДА

Народ должен самому себе быть обороной от нападения, и для охранения своей целости. Потому все обыватели суть защитники народных свобод. Войско – не что другое есть, как только вытянутая сила оборонительная и устроенная, из общей силы народа.

Народ должен войску своему наградою и уважением за то, что оно жертвует единственно для его обороны. Войско должно народу охра-

нением границ, и общего спокойствия, словом, должно быть оно наисильнейшим щитом, а дабы определение сие верно оным выполнено было, должно оставаться в повиновении исполнительной власти. Сходственно с узаконением; должно учинить присягу в верности народу и королю и в защищении народной конституции. Следовательно народное войско может быть употреблено к общей государства обороне, к охранению крепостей и границ, или на помощь узаконения, если бы кто к исполнению оно не был послушным.

Перевел коллежский ассессор *Степан Адвиновский*.

Инструкции российским дипломатическим представителям в Польше

14. ПРОЕКТ РЕСКРИПТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ ГРАФУ КЕЙЗЕРЛИНГУ^{1,2}

8 августа 1762 года

По несостоятельству назначенного в Аугсбурге конгресса хотя и повелено было вам приехать сюда, но в то же время и дано вам знать о назначении вашем к Королевско-польскому двору и Республике Польской в характере здешняго посла.

Мы, вступая на всероссийский императорский престол, признали за потребно для престоережения интересов Наших отправить к польскому двору в характере нашего чрезвычайного и полномочного посла искусную и о тамошних делах довольно сведущую персону, к чему мы за способнейшего избрали вас, и потому прилагая при сем кредитивную нашу грамоту к Его в-ву королю польскому купно с копиєю для известия вашего, повелеваем вам выехать в Варшаву.

Мы весьма уверены как о искусстве вашем в министерских делах, так и о вашей к службе нашей ревности и потому всемило-стивейше возлагаем на вас надеяние, что вы в бытность вашу при польском дворе по совершенному сведению тамошних обстоятельств не оставите противное интересам нашим отвращать, наблюдая и престоерегая притом нашу и подданных наших пользу. Между тем однакож за потребно находим мы следующее предписать вам в наставление:

1. По приезду вашему в Варшаву имеете вы Его величеству королю, при подаче кредитивной нашей грамоты, учинить именем нашим обнадеживание о непременно намерении нашем соблюдать с Его в-вом соседственную дружбу и доброе согласие и что мы весьма сожалеем о претерпеваемых поныне наследственными Его в-ва саксонскими землями разорениях и не оставим с нашей стороны возможнейшее о том прилагать старание, дабы Его в-во при будущем, дай, Боже, вскоре! – генеральном замирении за все понесенные убытки хотя

¹ Помета: Сей рескрипт набело переписан и к высоч. подписанию Ее Имп.В-ву поднесен е.с-вом канцлером 8 августа 1762 г.

² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.789. Л.1–15об.; опубл. в: Сборник РИО. Т.48. СПб., 1885. С.59–66.

некоторые удовлетворения получить мог, в чем, надеемся мы, не отнекутся способствовать и другие с Его величеством союзные дворы.

2. О доброжелательных к нашему двору польских вельможах вы довольно известны, ибо должно думать, что они самые те же, кои и во время пребывания вашего напредь сего в Польше были; правда, что доброжелательство к здешнему двору оных поляков состояло в одних только пустых словах, а самым делом они никогда еще усердия своего не оказали, со всем тем надобно однакож склонность и преданность их к нашему двору сколько возможно питать; и потому имеете вы старых доброжелательных, из которых прежде главные бывали князья Чарторижские с их фамилиею, також и других обнадеживать императорскою нашею милостью и благоволеньем. А как Его в-во владеющий ныне король по своей старости и по имевших во продолжающуюся войну великих печалях не обещает уже долгой жизни, то имеете вы тамошних магнатов, особливо же доброжелательных нашему двору, в разговорах искусным образом зондировать, кто бы по их мнению преемником быть мог польской короны в случае кончины нынешнего короля. В чем мнения их состоять будут, о том станем мы ожидать ваших обстоятельных доношений.

3. В бытность вашу здесь вы довольно уже свести о намерении нашем, чтоб прежнему герцогу курляндскому Эрнсту Иоганну способствовать в получении им паки герцогского стула. Какая по сему случаю отправлена уже грамота к королю польскому, також и какие здесь распоряжения с герцогом Бироном учинены, при сем прилагаются вам копии.

4. Известно вам также, что предкам нашим блаженные памяти от всех европейских держав императорской титул уже давно признан, да и вся римская империя оной титул по старанию вашему признала и от курфюрстского собрания прислана была с тем грамота к Ея имп. величеству государыне Елисавете Петровне, вселюбнейшей нашей тетке блаженной и вечной славы достойная памяти; но одна только Республика польская поныне в том нехотит упорствовать. Мы сие дело особливо ревностному вашему старанию поручаем, в несомненной надежде, что вы не упустите удобного случая преклонить Республику не только к признанию принадлежащего нам императорского титула, но и учинить по желанию нашему касательно точного исполнения заключенного между здешнею империею и Республикою польскою в 1686-м году вечного мирного трактата, как то вы ниже сего усмотрите и показав нам чрез то новой опыт вашей ревности к службе нашей.

5. Что принадлежит до здешних с Польшею дел происшедших и поныне происходящих явных нарушений заключенного вышеозначенного вечного мирного трактата, то вы об оном по приезду вашем в Варшаву главное попечение, яко о деле, много нам на сердце лежащем, приложите и по находящимся в министерском тамо архиве

делам достаточное известие получить можете, а между тем и здесь вкратце вам о том сообщается.

6. В 9 артикуле онаго трактата хотя точно выговорено, чтоб греко-российского закона четьрем епископиям Луцкой, Премышльской, Львовской и Белорусской монастырям, архимандриям, игуменствам, братствам и всем живущим в Польше и Литве людям иметь свободное благочестивое греко-российской веры отправление, не чиня никакого утеснения и к вере римской и к унии принуждения; но первые три епархии от поляков в унию давно уже превращены, а ныне остались только одна белорусская и несколько монастырей, но и сия последняя с теми монастырями, церквами и людьми от тамошняго римского закона, духовенства и шляхетства непрестанно жестокия обиды претерпевает не только в противность онаго вечного мира, но и собственных польских прав и конституций, так что под разными протестами духовных персон греко-российского закона в гражданский суд берут, а прочих бьют, церкви запирают и вовсе отнимают, ветхих поправлять и вновь строить не дозволяют, на привилегии королевские ни мало не смотреть, но каждый из поляков по своей воле с обывателями, православную греко-российскую веру исповедующими, поступает и оных непрестанными гонениями и побоями унию принять принуждают и собственное имение у них насильством отнимают, а употребленные с здешней стороны от времени до времени при королевском польском дворе и у министерства о должном обиженных во всем том удовольствовании, представления и домогательства без всякого успеха и поправления остаются. И понеже за сих бедствующих людей (кои кроме нашей помощи иной никакой не имеют) хотя бы и обязательства с Республикой польскою не было, однакож мы по единоверию заступать и от насильства их избавлять всегда довольную и справедливую причину имеем; того ради вам рекомендуем о всех сих обидах, как старых, так и новых при королевском польском дворе письменно и словесно наисильнейшие жалобы произвести и прямо у самого Его вел-ва короля и у всего польского и литовского министерства при каждом случае наиприлежнейше домогаться, чтоб сие дело без всякого отлагательства поправлено было, а именно: взятыя на унию епископства, монастыри, церкви и люди от оной освобождены, отнятыя имения возвращены, постройка вновь погорелых и починка старых церквей беспрепятственно допускаема и накрепчайше под жестоким штрафом своевольникам о непринуждении впредь никого в унию, запрещение учинено было, не приемля никаких вымышляемых на то их отговорок, разве формально на письме вам декларируют, для чего именно и по каким основательным резонам должного тому удовольствия учинить им не можно; о чем вы тогда сюда с присовокуплением мнения вашего, каким образом в том лучше поступить надобно, доносить не оставите.

7. По силе 17 артикула помянутого трактата давно надлежало между обоих государств разграничение учинить, токмо онаго и ныне не сделано: сколько ни было о том с здешней стороны представлений и домогательств, но от поляков на то в ответ предъявляется, что того учинить не можно затем, что де сие дело ни от короля, ни от сената, но от единого сейма зависит; а в самом деле они отбывают от того наипаче в таком намерении, дабы тем свободнее была им принадлежащая земля от здешней стороны; ибо по освидетельствованию явилось за поляками во владении здешних земель на 988 верст квадратных, кое как по силе 3-го артикула того трактата, так по крепостям и по старинному между подданными обеих сторон владению действительно в здешнюю сторону, а именно разным малороссийского, стародубского, черниговского и киевского полков обывателям принадлежат, о чем для лучшего известия найдете вы в тамошнем министерском архиве с сочиненных ландкарт копии, а именно: с генеральной и шести специальных, и дабы происходящие с польской стороны на границе всякие наглости несколько пресечены быть могли, то с здешней стороны учинено такое распоряжение, что по границе все излишние дороги опричь знатных и назначенных к проезду, велено засечь лесом или заставить рогатками, укрепя оныя надолбами, или же перекопать рвом и учредить заставы и пограничныя таможни, а бывшие внутри здешней границы форпосты вывести и учредить в неспорных с поляками местах на самой границе, а в спорных местах до будущего впредь об них с обеих сторон рассмотрение и соглашения форпосты учредить, уступя внутрь границы до 2-х сажень, равномерно при них засеку вести и рвы копать и прочия укрепления чинить, уступая ж от спорных земель; о чем, також и какия от поляков в том препятствия и мало слышанныя наглости и озорничества приключены, можете вы обстоятельно сведомы быть от резидента Ржичевского, и потом министерству польскому предложить, что понеже вышеупомянутое о разграничении между обоих государств земель дело весьма нужно по самой справедливости окончать и чтоб для того определены были с польской стороны нарочные комиссары или поручено бы было оное исправить пограничным комиссарам, напротивну чего и с здешней стороны равномерно поступлено быть имеет; а до воспоследования того имеете вы с польским министерством изъясняться, что хотя по вышеозначенному распоряжению в некоторых местах, уступая от настоящей границы внутрь здешних земель к пресечению побегов и прочих не порядков укрепления сделать и велено, но сие токмо до рассмотрения и соглашения впредь о спорных землях без малейшаго в том права здешняго ослабления или ущерба быть имеет, и чтоб между тем однакож пограничные польские владельцы не думали такая в спор находящаяся земли за свои собственные почитать и их себе присвоивать, но старались бы настоящие об оных споры с здешними подданными владельцами справедливо разобрать и полю-

бовно развестись, дабы каждый в своем владении безобидно и спокойно пребывал.

8. Понеже 1-м артикулом онагож трактата определено от местечка Стаск вниз по Днепру до реки Тясмины городам и местам, которые до заключения онаго трактата были разорены, а именно Ржищеву, Трехтемирову, Каневу, Мошнам, Соколке, Черкасам, Боровищу, Бужину, Воронкову, Крылову и Чигирину быть с обеих сторон впредь до соглашения без поселения пустым; но с польской стороны, несмотря на оной трактат, означенные места все населили, да еще не своими, но уходящими с сей стороны Днепра малороссийскаго народа и другими здешними людьми, так что оными и до ныне действительно владеют, причиняя притом великия обиды безпрестанным нападением в наши земли, грабительством, разорением и смертными убийствами; того ради имеете вы домогаться, чтоб вышеозначенные барьерные места по силе трактата испражнены и впусте оставлены и живущие в оных наши подданные беглые люди неотменно высланы и выданы были, давая притом уразуметь, что ежели того учинено не будет, то по причине происходящих из тех мест от поляков мало слыханных наглостей к пресечению оных с здешней стороны уже принуждено будет на сопротивныя меры принять.

9. Что касается генерально до происходящих с польской стороны всегда многих обид, то хотя для порядочного оных разобранья и взаимного удовольствия обиженных людей учреждены с обоих сторон на границе нарочная комиссия (а где и кто именно здешние комиссары, о том прилагается при сем известие), но токмо в том ни малейшего успеха нет, кроме всегдашних от польских и литовских комиссаров затруднений, так что совсем не слушая даваемых им от их собственного начальства повелений, поступают самопроизвольно, некоторые из них в постановленные сроки на съезд совсем не бывают, а которые хотя и приезжают, но в отправление дел ни мало не вступают, а особливо литовские комиссары весьма упорствуют и настоять только в том, чтоб российские обыватели в обидах своих жалобы наперед приносили в их городах с платежом за труды канцеляриям и городским генералам за позывы, предъявляя притом, что они без того за кем беглые российские люди також воры и разбойники жительство имеют собою ничего учинить не могут, да и кто из обывателей виновные сысканы будут, то де они комиссары должны тогда одни суды производить, более никакого удовольствия сделать и поляков к выдаче беглецов принуждать не могут; то имеете вы у Его в-ва короля и министерства неотступно домогаться о немедленном всего того поправлении и о надежном установлении для отвращения и совершенного пресечения происходящих толь многих здешней стороны обид и разорений и чтоб на сей, а в случае несостоятельства онаго, на держимом сенатус-консилиум именно определено и способы к тому предписаны были, дабы как учрежденные на границах суды чрез польских и литовских комиссаров при съездах с здешними для разобранья обоюдных сторон жалоб

порядочно, а не так как от них до ныне было, производимы и ко удовольствию обеих сторон решены, обиженные справедливостью удовлетворены, а виноватые в страх другим надлежащие штрафованы быть могли; также чтоб особо российские подданные беглые люди (которых многие тысячи в Польше и Литве по деревням и домам у шляхетства и особыми великими слободами жительство имеют и несмотря ни на какие здешния домогательства своевольно и в противность мирнаго трактата удерживаются, так что о должной оных в Россию выдаче и высылке никто из поляков и слышать не хочет, ибо в том многие из самих магнатов более прочаго шляхетства интересованы и потому разные отговорки без всякаго основания в пользу свою вымышляют и другим к тому же повод подавать не стыдятся, а особливо литовской канцлер князь Чарторижской, от которого по его предъявляемой к интересам здешним усердности, более других вспоможения ожидать надобно было, крайне не стыдится, к удержанию в своих местностях многих здешних людей, предъявляя весьма слабые и не основательные резоны, что де поселившихся у них простых беглецов здешних надлежит оставить до дальнейшего Речи Посполитой соглашения для того, что от выдачи оных могут произойти между шляхетством замешательства (и тому подобное единственно для своей корысти) без всякаго прекословия и изъятия дезертир ли, вор ли или просто ушедший кто, однакож все яко российские подданные изменники своего отечества в здешнюю выдаваемы были.

10. Дабы вы о всех здешних на самой справедливости основанных претензиях порядочные и доказательные предлагать в состоянии быть могли, то можете поручить резиденту Ржичевскому об оном особливые пункты на письме изготовить и оные министрам польским в конференциях или инако, как то за удобное разсудите вруча, ревностно домогаться, чтоб во всем том удовольствие учинено было, а особливо чтоб без всякаго прекословия в здешнюю сторону возвращены были, предъявляя министрам польским, что напрасно опасаются они от выдачи беглецов между шляхетством замешательств, но можно им напротив того в разсуждение принять, что когда к защищению и обережению российских подданных в претерпеваемых ими от своих поляков несносных обидах иного способа не остается, как только по самой справедливости у них, поляков, здешних беглых людей силою в свою сторону возвращать, а с своевольниками и ослушниками точных повелений их государя достаточным образом к сокращению их поступать, то при сих обстоятельствах и больше замешательств неминуемо возбуждено будет.

11. Буде кто из тамошних магнатов о тех заднепрских местах (на коих выходящие из сербской и прочих наций в здешнее вечное подданство народы поселяются) к вам отзываться станут таким же образом, как от некоторых из них магнатов впредь сего предлагаемо было, что будто бы оныя места по трактату должны оставаться впусе, то вы имеете такие неосновательные их отзывы опровергать тем же самым

трактатом, что сим местам кроме вышеописанных в 3-м пункте, не постановлено быть впусе, а имеют по силе того трактата принадлежать действительно Российской империи. И понеже приезжающим туда означенной сербской и других наций людям в разных польских местах наичувствительная обида учинена и до ныне чинятся непропущением и удерживанием их под караулом, грабежом и отнятием имения их, то вы не оставите при удобных случаях ревностные ваши домогательства, вследствие прежде учиненных, министерству польскому возобновить, чтоб от онаго сие дело наилучшим образом поправлено и в причиненных обидах неотложное удовольствие сделано было.

12. По приезду вашем в Варшаву имеете вы от находящегося там нашим резидентом канцелярии советника Ржичевского принять весь министерский архив и цифирные ключи, так и уже находящихся при нем канцелярских служителей, о чем и к нему Ржичевскому отсюда писано.

А к находящимся при других дворах нашим министрам об отправлении вашем в Варшаву рескрипты уже посланы, с тем чтоб они и по востребованию нужды корреспонденцию с вами производили.

Кавалерами посольства определили мы при вас нашей гвардии прапорщика Орлова и двора нашего камер-пажа Аргамасова. Вы имеете старание приложить, дабы они к министерским делам сделали привычку и могли бы со временем с пользою при оных употреблены быть. Для исправления же канцелярских дел посылаются с вами находившиеся впредь сего при вас секретарь посольства Аш, которого мы жалуем советником посольства, да переводчик Гензер.

Жалованья нашего определили мы вам по 15 000 р., да почтовых по 800 р. на год, а на проезд 2 000 р.

Впрочем ожидаем мы, что вы по прибытии вашем в Варшаву не оставите о всем там происходящем почасту нам доносить.

**15. ОБЩЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ АККРЕДИТОВАННЫМ
ПРИ РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬСКОЙ, НАШЕМУ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ПОСЛУ
ГРАФУ КЕЙЗЕРЛИНГУ И НАШЕМУ ПОЛНОМОЧНОМУ
МИНИСТРУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ РЕПНИНУ¹**

6 ноября 1763 года

Опорожненной Польской престол и избрание на него нового Короля есть случай наиважнейшей существительного интереса НА-

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.149. Л.2–17об.

ШЕЙ Империи, в разсуждении как безопасности ея границ, так, и наипаче еще, ея особливых выгод для знатнаго участия в политическо-й системе всей Европы и в ея генеральных делах.

Мы, общим вам поручением сего Нашего государственного интереса хотим, елико возможно, предостеречь случающияся безвременно человеческия приключения и тем же увелича внешность и силу дел НАШИХ, более поспешествовать их успеху. Ваша в том между собою откровенность и единодушие будут Нам новым наивернейшим свидетельством известной Нам вашей ревности и усердия к Нам, и преданности к НАШИМ интересам, которых наиважнейшая часть ныне вам поручаема.

Чего ради Мы заблагорассудили сим вам объявить рассуждение Наше с определением по оному Нашего решительнаго намерения, и потому, для достижения оного дадим вам дальнейшия наставления, елико то наперед учинится может.

Вам известно, что при всей продолжающейся столько лет российской в Польше инфлюенции предки НАШИ не могли себе доставить в сей Республике императорскаго титула, чего теперь достоинство НАШЕЙ короны и НАША собственная слава тем паче неотменно требуют, когда Мы уже при самом НАШЕМ возшествии на престол сей титул учинили совершенно коронным, государственным и непоколебимым. Торжественное от Республики Польской подтверждение Герцога Курляндскаго и Семигальскаго во владении Его княжествами, Мы ныне поставляем также собственным интересом НАШЕЙ славы, ибо восстановление Его в тех владениях есть НАШЕ охранение правам и преимуществам Польской Республики в их нарушении, которому они подвергались; как не меньше и польза НАШЕЙ империи иметь в оных соседних землях владетеля, отделеннаго от дома польских королей и НАМ одним обязаннаго. Вам также известно, сколь мало исполнен и наблюдаем с польской стороны ея с НАШЕЮ Империею вечной мир, заключенной в 1686^м году, то, какие из того к его нарушению дела произошли и безпрестанно происходят; целыя епархии польских подданных НАШЕГА исповедания, в противность того трактата, не токмо утесняемы, но и большая часть оных совсем превращена в унию, а оная одна Белозерская с ея монастырями, церквами и людьми от тамошняго Римскаго духовенства и дворянства непрестанно претерпевает жестокия обиды; земли НАШИ с поляками остаются неразграниченными, невзирая на все о том домогательства; а по измерению и свидетельству, с НАШЕЙ стороны учиненному в 1753^м году, явилось за полякам во владении здешних земель на девятьсот восемьдесят восемь верст квадратных, кои, как по силе поминаемаго трактата, так по крепостям и по старинному владению принадлежат разным обывателям НАШИМ, подданным малороссийских полков. Оставленные впусе барьером по трактату впредь до соглашения, неподалеку от Киева, вниз по Днепру раззоренныя тогда

войною одиннадцать городков и местечек заселены давно от поляков самовольно, да и по большей части нашими же беглыми людьми. А что касается до приему и укрыванию оных, в том уже не токмо явное трактата нарушение чинится, но и все пределы благопристойности преступаемы наглým оных подговором, поселением сих из них в великом множестве слобод и деревень и, наконец, закрытием и защищением убивства, разбоев и татбы, ими чинимых, врываючись в жительство НАШИХ подданных.

Мы не находим в существе других прямых причин, для чего продолжающиеся столь чувствительныя обиды подданным и границам НАШИМ оставались столько лет без исправления, кроме тех, которыя происходили от сопряжения дел политической системы НАШЕЙ Империи с другими посторонними державами, между которыми находился бывший Король польский, яко курфюрст Саксонский. Как видно, НАША политика тогда принуждена была разделяться на два правила, между НАШИХ собственных и непосредственных дел с Польскою Республикою и между особливых интересов короля Польскаго, соединяющаго в своей персоне курфюрста Саксонскаго, относительно до Польши и до его собственных земель, которыя составляли знатную часть той Системы. И для того нужно было впредь почтение им снисходить и дела Польскаго Короля подкреплять. Свои же собственные в оной республике откладывать и оставлять будущим конъюнктурам. Такое в действии время искусство производит для НАС политическое правило, что когда Польша меньше имеет привязаннаго к себе посторонняго интереса, тогда Россия может свободнее свой в ней производить в действо равно средством дружбы, как и средством сил своих.

К сему особливому для НАШЕЙ Империи рассмотрению принадлежит общий первенствующий интерес всех соседей, чтоб в Польше право избрания не претворено было в право наследства, яко в первую и в наиважнейшую ступень ко всем дальнейшим им предосудительным переменам. А что может задумать и предпринять в Польше чужестранной Король, имеющей свои собственные знатныя области и доходы, то в живой памяти у всех еще остается время последних лет Августа II^{го}, да и время окончившагося ныне царствования Августа III. [Хотя и нет тому пока явных подтверждений, но эти царствования должны оставить в памяти поляков воспоминания о. — П.С.] безпечном служении сего Государя, непостоянстве, сластолюбии и низких интригах его министра, а также и всем и его времени конъюнктурами, которыя всегда к концу приходили с вредом и ущербом, от чего сей Государь и времени не имел начать что-либо действительное в пользу свою и своего дома натурального интереса. [Кроме того. — П.С.], непрерывное избрание всегда в одной фамилии может превратиться из привычки в почтительной обычай, а из него и в совершенное наследственное право. Польская же Республика в своем штате конечно не имеет

никаких препон к недопущению онаго, ниже для ограждения и удержания распространения дальнейших из того нарушений ея права и узаконений, каковыми Республика Германская себя видит снабженною при всех вышеобъявленных уважениях МЫ, в разсуждении натурального земель НАШИХ положения и соседства, еще себя признаем наипаче обязанными полагать первым НАШИМ неперменным попечением, чтоб Польская форма правительства ненарушимо была сохраняема, особливо в пунктах единогласнаго дел решения на сеймах, и в безприбавочном содержании войск Речи Посполитой, ибо в том и состоят Империи НАШЕЙ знатныя выгоды действовать в Европейских и генеральных делах.

Мы, разыскав таким образом собственной существительной интерес НАШЕЙ Империи и не допуская никакова постароняго и временнаго с ним смешения, определили непоколебимо решительное НАШЕ намерение на избрание в Польше Короля Пяста, Нам угоднаго и интересам Империи полезнаго. Словом, такова, которой бы кроме НАС ниоткуда никакой надежды к достижению сего достоинства иметь не мог. В стольнике литовском графе Станиславе Понятовском Мы находим предпочтительныя всем другим знатым полякам сии качества, Нам угодныя, и для того твердо хотим Его возвести на их престол.

Вы, Граф Кейзерлинг, поданными от НАС вам повелениями с самого вашего определения послом в Польше трудились с известным Нам успехом о сочинении там знатной и отечеству своему благонамеренной партии, под именем Князей Чарторыйских, свойственников сего НАШЕГО кандидата, на настояние случая опорожнения польскаго престола. Почему прежния НАШИ все до сего предмета касающияся Указы, а особливо Рескрипты к вам, графу Кейзерлингу, под № 18 и 19 от 8 февраля прошлаго 1762 года, однаго без № от 25 августа, да под № 73 от 10 сентября и 77 от 7го минувшаго октября, все оныя Мы вам обще таким образом подтверждаем яко основание для исполнения возложенных на вас дел. Далнейшия же наставления вследствие НАШИХ интересов и из того определенных НАШИХ намерений здесь предписуем.

1

Хотя Мы все военныя приуготовлении исполнить велели, и знатная часть НАШИХ войск, расположенная у польских границ, находится уже в готовности по первом повелении в самое короткое время вступить в Польшу, однако, как НАША собственная, неразделенная с отечеством слава требует свету показать, что Россия в больших делах сама действовать и негоциации производить может, столько же разумом и доброй политикою, сколько своею физическою силою и средством негоциаций других держав; так при том же и природная НАША

любовь к тишине и человечеству, заставляет НАС желать предпочтительней, чтобы без замешательства и кровопролития, равно же и с наблюдением вольности, прав и законов Республики Польской произведено было там избрание в короли помянутого на сие желаемого кандидата и МЫ б притом достигли до вышеобъявленных НАШИХ и НАШЕЙ Империи интересов. В противном случае, и естли сверх НАШЕГО ожидания дела инако оборотятся, то и МЫ не меньше с такою же решительною твердостью намерены все НАШИ, Богом НАМ дарованные силы к тому употребить, чтоб оныя польския дела, конечно, привести к концу, НАМИ желаемому. МЫ, сим образом вас уведомляем о НАШЕМ намерении на тот и на другой случай, повелеваем.

2

Находящиеся у вас, графа Кейзерлинга, для сих дел налицо НАШИ деньги и определенные сверх оных сто тысяч рублей, которые вы, граф, в Амстердаме можете диспозировать векселями на Клифорта с сыном и компаниею, вы обще и согласно имеете употреблять на прибавление числа шефов НАШЕЙ партии и на распространение оной. МЫ вам не предписываем, где, когда и как оныя употреблять, зная, что польза таких распоряжений зависит от вашего благоразумия и ревности, а особливо от вашего, графа Кейзерлинга, НАМ совершенно известного знания и искусства в тамошних делах и обращениях. Но однако же не хотим оставить, чтоб вам не сказать НАШЕГО здешняго мнения, дабы диетыны или сеймики пренебрежены не были для снабжения депутатов на сейм такими инструкциями, каковых НАШИ дела требовать могут. Чего ради нам за нужное кажется к тому иметь там НАШЕЙ партии актеров и их по надобности снабжать деньгами. Мы повелели здесь вам сообщить поданный НАМ Мемориал о таковых актерах по палатинатам или тамошним воеводствам чрез НАШЕГО действительнаго тайнаго советника Панина от графа Гуровскаго. Сколько оной справедлив и полезен быть может, МЫ отдаем на ваше собственное рассмотрение; но, по крайней мере, он служить сам будет к объяснению поведения и поступков в вашем месте оного графа. Поелику он здесь был искренен, когда он НАМ подавал сильныя обнадеживания о своей готовности и усердии служить НАШИМ видам, яко таким, коих скорое и совершенное исполнение единственно может сохранить его отечество от угрожаемых бедствий, объявляя, что совесть его освобождается от долга и преданности к интересам бывшего его Короля смертью оного.

3

Вы имеете объявить НАШЕМУ кандидату НАШЕ желание возвести Его в Королевское достоинство, к достижению чего МЫ все возмож-

ныя средства употребить твердо намерены. Но когда же он увидит, какое МЫ особое благоволение к нему тем показываем и ничего не жалея жертвуем в пользу его множество денег. И когда бы они одни и НАШ в Республики кредит не нашлись к тому достаточны, в таком случае непременно же хотим употребить в самом деле и все НАМ от Бога дарованныя силы к доставлению ему высшей чести, какую партикулярной человек едва ли когда ожидать может. А как и то, и другое натурально не может быть без отягощения НАШИХ верных подданных, следовательно, и без огорчения НАШЕГО Матерняго к ним сердца; того ради по самой справедливости они должны от НАС ожидать себе и отечеству общего за то удовлетворения. Почему требует самая его честность и благодарность, чтоб он НАШИ справедливыя Интересы и притязания, о которых подробно выше вам от НАС изъяснено, взял искренно на сердце, яко самое основание безопасности, мира, соседственной дружбы и доброго согласия между Польскою Республикой и НАШЕЮ Империею и НАС бы теперь точно обнадежил в первой знак соответствия НАШИМ благодеянием, что он по возведении на престол стараться будет, дабы все между НАМИ и Польшею пограничныя дела по справедливости и НАШЕМУ совершенному удовольствию окончились, как и во все время своего государственнаго интересы НАШЕЙ Империи собственными своими почитать, их остерегать, и им всеми силами по возможности поспешествовать будет, нелицемерную и неприменную охранит к НАМ преданность и во всяком случае НАШИ справедливыя намерения подкреплять не отречется. Мы не можем думать, чтоб он не похотел дать таких НАМ обнадеживаний, ибо он яко честной и благородной сын Отечества не может не чувствовать, что с его возведением на престол МЫ спасаем его Отечество от наихудшего подрыва их фундаментальных прав и законов дражайшей их волности, вырывая так сказать оное из бедственнейших обстоятельств времени, когда их корона подвергается наследственному праву. Умалчивая еще о тех разных неудобствах и поробождениях в которых оно находилось чрез многия лета от чужестранных правителей, и от которых оно спасется. Притом он может уверен быть, что когда МЫ такая наисильнейшие в роде человеческом опыты НАШЕГО доброхотства ему подаем, то уже конечно то его НАМ обнадежение не вызовет предзлонамеренных изтолкований.

4

Мы верно полагаем, что вы, граф Кейзерлинг, своим благоразумием уже теперь согласили князей Чарторыйских, следовательно, и всех надежных им шефов НАШЕЙ партии, в персоне от НАС определенного кандидата; чего ради ныне вам повелеваем как с ним, так и со всеми ими в такое же соответствие НАШЕГО им и их отечеству

споможения и доброжелания согласоваться наитеснейшим образом, брать достаточнейшия меры и учреждать потому в партиях такая разпоряжения, ничего не жалея, дабы, естли возможно, еще на первом Сейме избрания НАШ и НАШЕЙ короны Императорской всероссийской титул признан был и подтвержден в своих владениях восстановленной НАМИ Герцог Курляндской. А на Сейме коронации конечно б назначена и определена была особливая комиссия с полною властью; чтоб сообщая с присланными от НАС такими же полномочными комиссарами единожды и навсегда возвратить силу и действо вечному НАШЕМУ с ними мирному трактату, положением по оному точных границ между России и Польшей, возвращением НАМ и НАШИМ подданным завлажденных земель на оной, с возвращением же поселившихся и укрывающихся в них беглых НАШИХ подданных. И чтоб с тою же комиссиею постановить и заключить Особливой Акт в силу и на основании того же трактата как о свободном публичном и неутесняемом изповедании тех Польских подданных с НАМИ единоверцов, которыя остаются и хотят остатся в своем законе с возвращением им принадлежащих и отнятых монастырей и церквей, с их землями, так и о том, каким достаточнейшим впредь образом пресечь побегу НАШИХ подданных, оных возвращать, и грабежи и разбои с обеих сторон взыскивать и наказывать. Мы себя ласкаем, что разумные и прямо благонамеренные поляки из сих НАШИХ исканий и требований наипаче удостовериться должны о НАШЕМ великом и искренном желании не токмо на настоящее время жить с ними в миру и в тишине, но и на будущия времена в потомстве оное утвердить совершенным из среды изтреблением всего того, что может привести в поколебание добрую соседственную дружбу и сношения между подданными обеих сторон.

5

Но вы уже от НАС верх славы и монаршей НАШЕЙ милости заслужите, естли до того доведете, чтоб Сеймом ото всей Республики МЫ были прошены о торжественной гарантии на всегдашнее время, фундаментальной конституции их вольности, прав, преимуществ и на том основанных законов с целостью всей Республики; и чтоб особливом каким либо Государственным Актом признана была и НАМ от них благодарность за НАШЕ охранение законов и вольностей Республики восстановлением во владении старого Герцога Курлянского.

6

МЫ излишним почитаем здесь особливой статьей вам предписывать резоны и побудительныя причины к склонению поляков в НАШИ виды. Ваш собственной разум вам довольно представит из всего

содержания сей инструкции чем, кого и когда склонять и уговаривать; особливо же Мы и еще больше полагаемся на ваше, графа Кейзерлинга, собственное отличное знание и долголетнее в том искусство.

7

Имеете вы стараться, чтоб кроме обыкновенного с нотификациею к Нам посылаемого, приложен был от стороны благонамеренных к Нам Магнатов, а естли б можно и от самого примаса, особливо знатной человек с формальным прошением о дозволении им НАШЕГО покровительства в свободном и полном выборе короля, а особливо в недопущении, дабы оной от кого-либо препятствован или нарушен быть мог, чрез что кроме собственных НАШИХ интересов, получим Мы и некоторое право принять прямым образом всякое Нам угодное участие в сем для НАС столь важном деле.

8

При таких многих и разнообразных производствах невозможно предвидеть, какия иногда вдруг скорыя надобности случиться могут в отвращение без потеряния время неожиданного какова-либо приключения. В разсуждении чего Мы здесь прилагаем разных форм двадцать бланкетов за собственноручным НАШИМ подписанием, вверяя оныя вашей к Нам испытанной верности и радению, дабы вы в пользу и в поспешествование НАШИХ объявленных вам видов и намерений, при настоянии таковых выше сказанных случаев, могли их употреблять на сочинение от НАШЕГО имени писем, деклараций, повелений или каких-либо паспортов для пропусков и проездов, рекомендуя притом вам особливо крайнейшею осторожность, чтоб тут НАШЕ имя и достоинство компрометировано не было ниже б какое злоупотребление из того произойти могло.

9

Мы сами себе довольно представляем, что сколь желаемое достижение сего всей Европы примечание обращающего на себя дела, важно для НАШЕЙ славы и НАШЕГО интереса, стоко же оно и в своем производстве трудно и велико, следовательно, не можно с надеждою снести предварительных пределов средствам, к тому употребляемым. Почему Мы вас, конечно, и не связываем в употребляемых на то денежных суммах, отдаем оныя вашей чести и верности к Нам, с повелением Нам представлять заблаговременно, когда какой недостаток предусмотрите, чтоб Мы тогда могли с порядком и с возможными выгодами то вам доставлять.

10

Почти сомневается невозможно, чтоб суперники в сем деле НАШИМ силам и завистники шефам НАШЕЙ тут партии, соединясь, не стали стараться до самой крайности препятствовать НАШЕМУ в том производстве. Причем и того ожидать должно, что при избрании НАШЕГО короля оне, с своей стороны зделав конфедерацию, выберут другога к отвращению чего Мы вам точно повелеваем, что как скоро НАШ будет выбран, вы имеете тот час НАШИМ именем его торжественно признать и обнародовать наперед с согласия НАШИХ тамошних друзей заготовленною в наистрожайших выражениях от НАС декларацию. Что естли которья из поляков дерзнут возмутить внутренней покой Республики и возпричинствуют противу законно избранного им Короля конфедерацией, то уже Мы, ни на что невзирая, повелим вступить в Польшу со всех сторон на границах лежащим НАШИМ войскам и их яко злодеев отечества и возмутителей тишины со всеми их имениями в той земле предадим огню и мечу. О согласном сему поступке Мы, конечно, к тому времени условимся и с королем Прусским, почему и вы можете при учинении оного соглашаться с его министром, в вашем месте находящемся.

11

Когда все НАШИ столь сильные и изобильные меры сверх всякаго чаяния не предупредят, чтоб все дело решить без вступления НАШИХ войск в Польшу, и Мы по НАШЕМУ твердому намерению принуждены будем обнаженным мечем возводить или же, возведя, утверждать на престоле НАМИ избранного короля, в таком случае Мы уже не можем удовлетворять собственный интерес НАШЕЙ империи предписанными вам в предыдущих статьях кондициями, и прежде ружья не положим, покамест не присоединим оным к НАШЕЙ Империи всю Польскую Лифляндию. Уведомя вас о сем заблаговременно, повелеваем содержать оное в наиглубочайшем секрете, единственно для собственного вашего правила к настоящию случая.

12

Нам известно, сколь мало старинное положение доходов на содержание внутри своих областей Польскаго короля, не имеющего посторонних доходов. Почему НАШ интерес уже требует, чтоб вы весь НАШ и свой персональный кредит употребили к исходатойствованию от Речи Посполитой, в разсуждении нынешняго общаго образа жизни, некоторою умеренною прибавку доходов НАМИ возведенному королю, дабы он тем был огражден от искушения к принятию посторонних субсидий.

13

Впротчем хотя Мы себе представить и не можем, чтоб такой благородного духа человек, за какова Мы знаем НАШЕГО кандидата, мог себя допустить обласкать к отрицанию от короны, однако же, ведая совершенно, что никаких способов, средств и усилований в том пренебрежено не будет от противных внутренних и внешних, Мы повелеваем вам весьма прилежно оное предостерегать, уверяя его, что под НАШИМ покровительством полученную корону никто уже у него отнять не может.

14

Дав таким образом сие вам общее Наставление, поручая вашему собственному благоизобретению подробнейшия в том меры и распоряжения, НАМ остается теперь ожидать исполнения с добрым успехом, о котором Мы никак сомневаться не можем, зная вашу ревность и усердие, к которым вы, граф Кейзерлинг, конечно, присовокупите все ваши испытанные таланты, а вы, князь Репнин, ваше НАМ известное и верное желание к подражанию оным и тем соединясь единодушно учините себя наипаче достойными НАШЕГО особливаго к вам Благоволения и щедрой Монаршей милости.

**16. ИНСТРУКЦИЯ НАШЕМУ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ,
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ, СЕНАТОРУ, ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
КОННОГО ПОЛКА ПОДПОЛКОВНИКУ,
ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ПОСЛУ
ПРИ КОРОЛЕ И РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬСКОЙ,
КНЯЗЮ МИХАЙЛЕ ВОЛКОНСКОМУ¹**

Мы за благо рассудили находившегося поныне при короле и Речи Посполитой польских в качестве нашего чрезвычайного и полномочного посла, армии нашей генерал-поручика князя Репнина отозвать для употребления его в настоящей военной службе, а на его место назначить и определить вас в родном качестве чрезвычайного же и полномочного посла.

На выбор ваш решились мы из удостоверения в истинной вашей ревности к службе нашей и отечества и по сведению, что вы польские дела в прежнее ваше при покойном короле Августе III министерство достаточно спознать случай имели, да и себя в то время у поляков с выгодной стороны ознакомить могли.

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. 1769. Д.960. Л.1–42об.

По сей самой причине не сомневаемся мы, с одной стороны, что назначение ваше королю и нации польской приятно будет, а, с другой, что вы скорее другого в состоянии найдете познать настоящее расположение их духов и войти в всю связь наших там дел от времени последнего междоусобия.

Следующая здесь вам копия инструкции, данная от нас на случай оного обоим нашим министрам – графу Кейзерлингу и князю Репнину, откроет вам в полной ясности те важные и из существеннейшего интереса России проистекающие причины, кои решили нас на избрание короля Пяста, на особу ныне царствующего и на отвержение курфюрстского саксонского дома.

Излишне было бы вступать здесь в повторение оных и в описание дел и обстоятельств, случившихся до избрания и при избрании нового короля, ибо оные с того времени по сию пору совершенно почти переменили вид свой; а сверх того будете вы иметь у себя в Варшаве весь министерский архив, а с оным и все нужные способы не только к познанию мимошедшего, но и в достаточном объятии теперешнего кризиса, хотя мы и не оставим войти здесь в некоторое раздробление сего последнего, ибо на сей час должен он обращать на себя предпочтительно ваше внимание и попечение, яко имеющий по обороту своему решить образ поступков наших к Польше во все время войны нашей с Портою Оттоманской.

К лучшему вам понятию сего кризиса поведем мы вас до него от самого источника и покажем коротко все ступени, коими он из негоциации превратился напоследок в настоящий хаос.

Скоро по избрании короля Станислава Августа, которому при других политических уважениях способствовали мы главнейше потому, чтоб способом и содействием его, как нам единственно всем своим благополучием и славою обязанного, пользоваться для устроения наших с Польшей многообразных дел, а особливо для восстановления наших единоверных и прочих с ними в равном случае находившихся диссидентов обоего протестантского исповедания, не оставили мы адресоваться к Речи Посполитой польской с требованием, чтоб она вступила с нами в полюбовную негоциацию и чтоб с обеих сторон за основание ее приняты были справедливость, взаимная польза и точные предписания прежних трактатов.

Сие справедливое предложение не могло быть не принято без явного нам оскорбления, и для того тогда же республика, на сейм коронации собранная, узаконила торжественным актом надобность такой с нами негоциации: но вместо распространения ее на всеобщие дела ограничила она назначенную со своей стороны комиссию на одно только рассмотрение взаимных предлогов и на решение пограничных споров между обоюдными жителями.

Вследствие сего нашлись мы в необходимости разделить от прочих предметов негоциацию, дело диссидентское и начать для

оного совсем новую, полагая наверно, что и король и дяди его, князя Чарторыйские, канцлер литовский и воевода русский, кои от нас главными орудиями при возвышении племянника их употреблены были и кои нам взаимно беспредельную оказывали преданность, за поданную им в то время сильную помощь и действительное их охранение от злобы и ненависти неприятелей их, особливо столь страшного пред тем воеводою виленского Радзивила, не отрекутся от уважения к желанию нашему, к самой справедливости и к сущей пользе отечеств их способствовать по возможности успеху сей новой негоциации: но вместо того принуждены мы были скоро увериться, что обеты польские сколь не точны и уверительны, мало сами по себе значат, и что надежда наша на князей Чарторыйских была весьма тщетна.

Сии старики, взяв еще со младенчества племянника их полную над духом его власть, умели сохранить оную у него и на престоле, а тем самым получа в свои руки всю силу короны, попользнулись легко на дальновидные замыслы и на претворение Польши из законного ее небытия в державу активную, себя же самих в том центре, где бы вся их операция и могущество соечение свое иметь могли.

Для произведения сего плана надобна им была дружба других дворов, а особливо венского, дабы оным заменять протекцию нашу, а чрез то самое и уменьшить зависимость свою от оной. Доколе тот двор не признал короля, до тех пор скрывал он и дяди его все свои намерения, а напротив того, как скоро они добились сего признания чрез потаенные свои интриги, кои в Вене производимы были посредством генерала князя Понятовского, брата его польского величества, тотчас сняли с себя маску и на первом сейме обнажили истинные свои мнения. Не меньше шли оные как до совершенного уничтожения неограниченного вольного голоса /*liberum veto*/, следовательно же и до самого испровержения фундаментальной конституции республики, когда она известным образом всю твердость и главное свое основание имеет на сем неограниченном вольном голосе.

Мы не могли тогда по должной от нас страже безопасности и существительнейшим интересам империи нашей оставить, чтоб не воспротивиться толь предосудительным затеям польского двора и чтоб не употребить вопреки оным, без должного со прошедшем разбора всех тех поляков, кои представились нам готовыми к поборствованию и защите вольности отечества своего. Тут уже последовал чувствительный перелом в партиях польских.

Король и Чарторыйские, злобясь за разрушение фаворитного их плана, начали от нас мало-помалу удаляться: но в то же время и упадать в кредите своем у нации; напротив чего противники их, ободрившись явным от нас охранением вольного на сеймах голоса, стали пред прежним поднимать головы и соединяться между собою теснее в один корпус.

Сии переменные явления на театре республики польской не поколебали, однако же, правил и мыслей наших в рассуждении короля и дядей его. Хотя и искали они без согласия нашего содружиться с венским, а может быть и с французским дворами, и хотя старались еще схватить у нас нечаянно исполнения своих затей; но, несмотря на то, что разруша вконец сии последние, ограда достаточно и для передо неограниченную вольность голосов и изъяв из среды самый корень подобных в будущее время покушения на оную, хотели мы сохранить предпочтительно дядей с племянником в партии нашей потому, что они, как ни говорить, разумнейшие и надежнейшие в отечестве своем люди и обыкли издавна руководствовать партиями и ворочать знатную частью Польши по своей дудке.

Мы не скрыли сего от них: но паче дабы наружно место оговорить и извинения их, будто уничтоженные их виды не простирались далее как только до лучшего устройства внутренних экономических дел республики, старались, напротив, склонить их к употреблению себя и друзей их главнейшими или, лучше сказать, единственными орудиями к производству наших желаний, между которыми восстановление диссидентов полагалось было самым первым и важнейшим.

Не для чего описывать здесь те причины, кои побуждали нас вступаться толь горячо за диссидентов, ни правости торжественных трактатов, на которых сие заступление основываться может. Первые не скроются от собственного вашего знания, а сверх того довольно и предовольно изъяснены во взаимной корреспонденции нашего действительного тайного советника графа Панина с предместником вашим в посольстве, которую вы и здесь читали, и в Варшаве всю к руководству вашему иметь будете; последние же объявлены всему свету чрез обнародованную здесь на французском языке пьесу под именем *Exposition des droits des dissidents, etc* (Изложение прав диссидентов).

Король и Чарторыйские, лаская нам частным в разных местах поправлением диссидентских обид по духовным материям, старались сначала уговорить нас к отложению самого дела до удобнейших вперед обстоятельств, рассказывая, что нация не успела еще успокоиться и от последнего волнения и что ей надобно время приготовить себя к трактованию толь трудного дела, каково долженствует для нее быть полное восстановление диссидентов в светское и духовное равенство с католиками, а потом, увидя, что мы не намерены следовать пристрастным их представлениям, соглашались уже взять на себя сие восстановление: но с тем только, чтоб оно ограничено было на одни доходные преимущества, а отнюдь не на равенство со светским под предлогом, будто нация на сие последнее никогда не согласится.

Министерство наше не оставило многократно и осязательно давать им чувствовать нескладность сего рассуждения: но все было

тщетно, даже до того, что князя Чарторыйские и на письме к нашему действительному тайному советнику графу Панину, забыв прежние свои обещания и обнадеживания, формально отказались от всякого нам по диссидентскому делу содействия, а обязались только не препятствовать оному собою и приятелями своими.

Когда же таким образом миновала вся надежда к произведению диссидентского дела через посредство короля и князей Чарторыйских, принуждены мы были приняться за независимые от них меры и употребить орудиями противников их. Они, оставаясь всегда преданными к саксонским интересам, намерялись тогда нас уловить показуемою от нас опасностью к нарушению от короля и Чарторыйских фундаментальных их законов, вольность и равногласие Польши утверждающих. Нам, напротив, нужно стало сею их покрывкою сугубо воспользоваться как для соединения их с нами в содействие на будущее время неперменного интереса нашей империи, касательно до непоколебимости называемого в Польше права *liberum veto* и вольного избрания их королей.

Первая наша операция состояла в составлении двух диссидентских конфедераций в короне и Литве, дабы они и сами по себе некоторое уже уважение от католиков привлекать могли, а скоро потом для признания их в сем качестве и для содержания от республики торжественного диссидентам восстановления в полное равенство с католиками и в светских, и в духовных преимуществах, решились мы сделать в Польше и Литве вдруг по всем воеводствам, поветам и землям уездные конфедерации, а из оных составить напоследок генеральную и под узлом ее собрать чрезвычайный сейм.

Для склонения на все сие дворянства польского надобно было кроме побуждения из справедливости и существа диссидентского дела, употребить и те резоны, кои и сами нам внутренне противные саксонские партизаны в руки преподали. Декларации наши, кои здесь в печатных экземплярах прилагаются, пригласили встревоженную нацию соединиться конфедерацией и собраться на чрезвычайный сейм для обеспечения на будущие времена вольности своей точными и ясными законами.

Противная двору партия или, лучше сказать, начальники ее, воевода киевский граф Потоцкий, прежний коронный надворный маршал граф Мнишек и многие другие, духом саксонским движимые, коих излишне здесь именовать, дерзнули себя ласкать средством сих деклараций, что им в замене диссидентского восстановления удастся довести нас до попушения им истребить Чарторыйских и низвергнуть толь ненавистного им короля.

В сем ложном мнении принялись они за дело и при подкреплении войск и денег наших предупели скоро подвинуть нацию во всех концах на генеральную конфедерацию.

Сия конфедерация под маршалством воеводы Виленского, князя Радзивила (который пред тем генеральною конфедерациею Великого

княжества Литовского из изгнания его по протекции нашей возвращен был) и нынешнего Лифляндского воеводы графа Бржостовского признала диссидентские конфедерации законными, объявила войска наши союзными и помощными, прислала ко двору нашему в Москву торжественное посольство, как с благодарением за дозволенное уже в ней, корпусу республики толь сильное и полезное покровительство наше, так и с просьбой о дальнейшем оставлении в землях ее тех войск и о гарантировании в вечные времена законов и вольности ее, а напоследок собралась в Варшаве в 1767 году на чрезвычайный сейм.

По состроении генеральной конфедерации король, познав всю ошибку скорости и легкомыслия своего и почитая единственными оных виновниками дядей своих, кои им самовластно руководствовали, поссорился с ними до того, что сия ссора поныне еще продолжалась и оказалась непримиримую, по крайней мере с их стороны к нему, невзирая на толь ближнее родство; а затем, видя, что мы дело и без него совершить готовимся и что еще конец одного может с собственною его пагубою соединен быть, если только мы ненавистникам его попустим, в чем он, с другой стороны, не вовсе и беспечен был, потеряв суетно дружбу и покровительство наше, яко они одни твердость его на престоле обнадеживать могут, пришел скоро в чистосердечное раскаяние и просил неотступно, чтоб мы его допустили к содействию в делах наших, обещая, напротив, не останавливаться уже ни за чем и предпочитать всему на свете возвращение и невинное впредь сохранение прежней нашей дружбы и протекции.

Толь полезная в мыслях и поступках его польского величества перемена была от нас встречена и одобрена пристойными с нашей стороны обнадеживаниями, а особливо по пункту сохранения его на престоле, ибо в оном, конечно, были сами по себе интересованы персональная наша слава и достоинство империи нашей, а при том невозможно не признать, что и его, яко короля верховная в делах инфлюенция немало поспешествовала к полному и окончательному одержанию наших дел на том сейме, а особливо в пункте нашего ручательства их кардинальным законам и конституции.

С того времени король продолжал в непоколебимой к нам и к империи нашей преданности, а мы имели причину быть совершенно довольными поведением его как на последнем сейме, так и в последовавшем за оным кризисе.

Шефы генеральной конфедерации, увидя нечаянный ими оборот короля государя их, следовательно же и возомня далее, что мы не согласимся уже на ниспровержение его, которое их более всего поощряло персональной к нему ненавистью, начали простывать в жару своем в пользу дел наших, а некоторые из них, как, например, епископ краковский Солтык и сотоварищи его с другими меньшей важности, дерзнули вопреки точному намерению созданного сейма,

возражать сильнейшим образом против диссидентского дела, думая, по-видимому, неудачей оно отомстить нам за неудачу собственного их умысла и в распространении той дерзости фанатичество свое до того, что сейм едва не поступил на большее диссидентам утеснение, а, по крайней мере, не рассыпался врознь, без всякого в пользу их узаконения, для чего одного мы и понесли столько трудов и иждивения.

Тут уже надлежало дерзость первых всему смущению и раздору авторов обуздать крайними средствами, и для того посол наш, князь Репнин, истоша наперед втуне ласку, обеты и угрозы, принужден был напоследок поступить на арестование их и на отправление в границы наши.

После сего невольного поучения страх и корысть произвели то, чего справедливостью и рассудком добиться было невозможно. Сейм назначил многочисленные депутации из сената и из рыцарского стана, которые по долговременном трактовании с послом нашим заключили и подписали обще с ним три разные акта. Первый о восстановлении диссидентов в законное равенство с католиками религией, в светских и духовных преимуществах, с торжественным, однако, же упреждением в пользу последней характера господствующей, которого она прежде не имела, с предоставлением ей навсегда короны и с удержанием для нее старых пенальных законов, коими под жестоким наказанием возбранен переход католика в другую христианскую религию. Второй о разделении польских законов на три части, то есть кардинальные никогда и никакою властью неприменяемые. Статские, подлежащие на вольных сеймах полной и неограниченной вольности голосов, или древнему либерум вето, и экономические, кои для внутреннего порядка в делах скарбовых и воинских до содержания определенной армии касающихся, во всякое время большинству голосов подлежать имеют, третий – новый трактат дружбы, союза и гарантии, коим старый 1686 года трактат во всей его силе, поколику новыми постановлениями не отменяются, во всех его частях и пространстве подтвержден, с присовокуплением в нем взаимной гарантии на целость взаимных владений, а нашей специальной на все узаконения того самого сейма и именно на оба сепаратные акта. Со всех сих актов прилагаются здесь печатные экземпляры и польские копии.

Депутация, оконча дело свое с послом нашим, представила оное сейму, от которого и определено было, чтоб на все постановления ее королевства ратификация противу нашей дана была, чтоб в самом деле обыкновенным обрядом и исполнено уже с обеих сторон.

После сего можно было считать, что с пользой для империи и славой для нас кончились уже все дела польские, и что мы, поставя конституцию ее и диссидентов в полной для передо беспечности, не будем больше иметь от них упражнения: но тут по несчастию подо-

спел фанатизм католической религии, всегда столь свойственный, зажечь бедственнейшее пламя гражданской войны, или, лучше сказать, внутреннего истребления республики самую малою частью граждан ее без всякого супротивления от большого числа, потому одному, что робость польская не смеет восстать против невежества и чучелы подаваемого вере защищения.

Первые возмущения сделались в Подолии, потом в Кракове и Литве, а затем мелкими частями рассыпались они и заразили всю землю так, что нет теперь или, по крайней мере, не осталось в Польше угла, чтоб не было разорения, убийства и разбоя, а особливо пред прочими страждут невинные диссиденты, ибо на них сугубо упадает вся злоба и ярость необузданной черни.

Войска наши бегают по земле, и где только мятежников находят, везде их бьют: но во все концы не могут они ко времени поспеть, следовательно же и должны поневоле оставлять разные места без прикрытия и защиты, коронные же польские войска отчасти сами пристали к возмутителям и отчасти заражены равным фанатизмом и не хотят драться с такими людьми, кои берут на себя имя защитников веры и коих они таковыми действительно и признают. Сверх того, не получают они уже и жалования, потому, что все доходы республики в самых сборных местах разграблены и всedневно еще разграбляются. Король находится в том же случае и не имеет уже чем жить: никто, однако ж, из знатных поляков не хочет приняться за успокоение раздраженной черни, а вместо того многие еще из них, следуя непримиримой своей ненависти к королю, умножают под рукою замешательства, а с ними и народные бедствия. Другие отговариваются, что не имеют довольно кредита, ни способности к унятию мелкого дворянства. Воевода виленский князь Радзивил, который непрестанно пьянствует и в пьянстве всякое дурачество сделать готов, едва было сам не попользнулся, и, если бы не поспешил к Несвижу генерал-майор Измайлов с detaшементом войск наших, конечно сделал уже он себя достойным вторичного поучения. Теперь, напротив, можно, кажется, считать, что не делает от такой шалости, ибо отрезаны у него способы к тому чрез занятие войсками нашими обеих его крепостей, Слуцка и Несвижа, кои непременно за собою удержать надобно: но, с другой стороны, нельзя от него ничего более ожидать, ибо он к управлению духом совсем не способен; а князя Чарторыйские, несмотря на то, что они по богатству своему больше других теряют, что они пред другими сохраняют еще немалый кредит в здоровой части дворянства, и что прежде сами они делали после князю Репнину постоянные откровения к усмирению Польши, не хотят теперь ни во что входить, говоря, что должно повиноваться судьбине и ожидать лучшего от будущих происшествий, потому что еще дела не созрели и что войною нашею с турками фанатизм нации вновь еще подкрепление нашелся.

Вот вам живое начертание настоящего положения Польши, которое, однако же, не от одного фанатизма происходит: но действует еще тут и тот самый нам и империи нашей всегда враждебный дух, который возбудил противу нас и незаконную войну от Порты Оттоманской. Франция не жалеет ни денег, ни трудов для размножения в Польше огня, дабы только находить нам хлопоты и заботы. Главный же инструмент епископ каменецкий Красинской, разъезжая непрерывно вдоль границ польских, сыплет везде деньгами и раздувает огонь где только может. Он имеет под собою множество эмиссаров, кои по земле шатаются и развозят его пастырские наставления.

В сих смутных обстоятельствах посол наш князь Репнин предупредил скорыми и благоразумными своими распоряжениями сохранить от беспокойств резиденцию королевскую и окружности ее, сохранить с двором нашим свободную переписку, усмирить еще Литву всю, воеводство краковское и многие другие, а особливо удержать течение юстиции и тень некоего правления в персоне короля и министерства.

Когда вы с ним увидите, то получите от него точнейшее еще объяснение всех обстоятельств, а особливо верное знание людей, с коими вам дело иметь надобно будет. Уведомления его дадут вам скоро достаточное в том и другом сведение и облегчат много первые ваши обороты. Сверх того, шестилетнее его министерство должно считать себя эпокою всех наших в Польше дел, и могло ему доставить такие каналы, сношения и способы, на снискание которых новому министру много времени надобно, и для того рекомендуем мы вам наипаче подробно переговорить с ним о всем к будущему вашему руководству, тем или другим образом служить могущему, а мы уверены по известному его усердию к службе нашей, что он вам все на все охотно откроет и скажет, ибо того польза дел наших и взаимный ваш долг неотменно требует.

С польскими делами возымела ныне неразрывную почти связь война наша с турками, которая в существе не иное что есть, как плод ненавистных происков версальского двора, ибо для решения на оную надлежало сперва истребить в Порте собственное его удостоверение о равной ей самой, сколько и нам пользе от наших в Польше дел, а затем уже по ступеням довести ее до совершенного ослепления и до разрыва с империей нашей.

По кончине короля Августа III, приняв намерение доставить корону ныне действующему, старались мы да и не тщетно одержать согласие Порты не только на выборе Пяста, но и на явное исключение всех чужестранных кандидатов. Она, будучи тогда вне всякого предубеждения, познала скоро собственный свой в том существеннейший интерес и единодушно с нами и с королем прусским сделала республике польской формальную пожеланиям нашим декларацию: но как скоро за оную начали у нее действовать лукавства и клеветы Франции, и сия держава мало-помалу предупела встревожить ее

злостно приписываемым нам намерениям совершенного Польши порабощения, способом нового короля их креатур наших; то она, оставаясь тем не меньше при первой своей декларации, стала только именно требовать, чтоб нынешний король, яко тогдашний наш кандидат, от короны исключен был.

Сие прихотливое требование не было нами уважено, как того честь и слава наша требовали, сделалось потом камнем преткновения, на коем останавлила Порта признание свое новоизбранному королю, льстя себя надеждою, что она тут верными себе спутниками иметь будет венский, французский и все от них зависящие дворы: напротив чего они немедленно сами предварили ее в признании короля Станислава Августа вследствие той негоциации, которая между ими в Вене через генерала князя Понятовского произведена была и которую считали они вовсе удалить от нас и присвоить себе сего государя.

Порта, увидя себя обманутой от самых своих наушников, дала и со своей стороны рассудку место и для того согласилась принять публичное от нового короля посольство и признать его в сем качестве. Правда, не соответствовала она по обыкновению сему посольству взаимною от себя отсылкою: но упущение одной формальности не может ничего более значить, кроме малости только уважения не к одному королю, но и ко всей Республике польской, хотя, по-видимому, теперь турки и намеряются выводить из сего самого упущения, то нескладное и поносное заключение, будто бы король действительно не был признан.

Не согласовали, однако ж, даже до войны поступка ее сему странному и чаемому заключению, ибо она во всех случаях без изъятия и везде именovala нового короля королем и на сем основании располагала сношение с Польшей пограничных своих командиров; итак, не явно ли из сей несообразности следует, что она, начав противу нас войну из скрытных намерений, кои, однако ж, свету довольно и предостаточно от нас изъяснены, и не имея к предъявлению в публике ни основательных, ни казистых причин вероломного своего поступка, может быть невольно находится в необходимости употреблять толь бездельный предлог, дабы, по крайней мере, какой ни есть иметь.

Со всем тем много прошло времени от избрания королевского до разрыва без всяких со стороны Порты оказательств и неудовольствия. Самое диссидентское дело и следствия его во всех частях не раздражили ее кичливости и, конечно бы, она, хотя со внутренней завистью к успеху и славе дел наших, а особливо к вечной от нас гарантии на целостность владений и законов республики польской: но, чувствуя, однако, что сия самая целость и для ее истинных и непоколебимых интересов столь же нужна и полезна, сколько для собственных наших, оставила нам время и свободу усмирить в Польше поднявшиеся замешательства и восставить в ней тишину и покой, для всех окрестных держав толь важные, если б напоследок завистники нашего

мира не переменили своих батарей, и вместо продолжения происков своих у министерства оттоманского, которое часть их злости удобнее разбирать могло, и не давало слепо заводить себя во все их прихоти и дальновидные ухищрения, не обратили оных в друге на турецкую чернь, которую им скоро взволновать и разъярить удалось, и, если бы еще не подоспели подоольские мятежники, укрывшиеся от войск наших в границы турецкие, поколебать самого султана лестным их предложением, покорить державе его Подолию и всю польскую Украину на основании княжеств Молдавского и Волошского.

Тут уже противу сих двух новых пружин, то есть страха и от волнения черни, и надежды присовокупляет к владениям своим новые земли, не устояло миролюбивое и военные бедствия понимающее министерство турецкое, ибо султан, несмотря ни на какие вопреки представления, от оногo и от самых законников, решился на войну и переменил всех своих министров, а сии последние сделали всему скорый конец чрез наглое арестование министра нашего, который по сию пору в Едикуле содержится.

По употребленным от Порты претекстам к войне, незаконного изгнания короля, защищения от нее утесняемой от нас вольности польской и разорения войсками нашими из Польши татарской слободы Балты, само собою явствует, что как и выше уже сказано, не они были прямыми ей побуждениями, но что султан имеет другие причины, то есть намерение овладеть Подолией и всею польской Украиной, а как сие намерение весьма опорствует существительнейшему и неперемennomу интересу империи нашей, то и не можем мы натурально обойтиcя, чтоб для сильнейшего оному воспрепятствования в самом ближайшем и выгоднейшем месте не обратить главные наши военные силы в Польшу и не стараться не только заградить ими туркам вход в земли ее, но и перенести еще оттуда при малейшей удобности весь театр войны в собственные неприятельские пределы, дабы тем и неприятеля привести скорее в раскаяние о дерзости его и оправдать пред светом речительство наше в пользу Речи Посполитой, которого мы сами толь много искали.

Но чтоб в сем случае все наше поведение могло быть следственно и согласно с произведенными от нас в Польшу делами, надобно весьма, чтоб мы корпус республики или, по крайней мере, когда иного невозможно, тень правления его на своей стороне имели, дабы всегда и везде казалось, что она с нами согласно действует.

В сем намерении поручено было предместнику вашему сделать князьям Чарторыйским, яко они во всей Польше одни остались с некоторым кредитом у здоровой части нации, пристойные внушения и представить им живо все отечеству их настоящие уже и предстоящие еще бедствия, в коих они сами по себе больше всех других участие принимать должны. Воевода русский, приняв сей отзыв с благодарностью, предъявил сперва, что не видит способа успокоить

сограждан своих без смягчения диссидентского дела: но когда ему наотрез сказано было, что мы на сие отнюдь поступить не можем без оскорбления славы нашей пред целым светом; то по некотором времени переменя голос, вызвался он, что лучшая часть нации начала уже познавать заблуждение свое по пункту диссидентского с католиками равенства, и что теперь наипаче беспокоит ее беспредельность гарантии нашей на все законы республики, ибо она считает ее своим подчинением России.

Хотя и не помышляли мы никогда так далеко изъяснять и простирать существо гарантии нашей, но, тем не меньше, склонялись по словам воеводы русского для успокоения и обеспечения Польши на будущее время сделать точное и достаточное изъяснение о прямом разуме, в коем принимаем мы новые наши обязательства с республикой и истолковать ясно разность сугубой нашей гарантии.

Следующий здесь проект декларации откроет вам начала и следы сего исполнения. Он был уже отправлен к послу князю Репнину с нашим предписанием, чтоб сообщить его и королю и князьям Чарторыйским, а согласясь с ними поступил и на действительное обнародование декларации, но хотя первый весьма доволен был сим проектом и говорил, что от него много пользы надеется, но последние отозвались, что объявление турецкой войны все положение вновь переменяло, и они купно со всею нацией должны ожидать своего жребия от оружия воюющих.

Толь переменный с их стороны оборот не может иметь другого основания, кроме обыкновенной их робости и намерения обождать будущих происшествий с полною свободой перевернутся во свое.

Таким образом, Польша находится теперь в крайнем настроении и с тенью только бездушного правительства, которое, однако ж, вам удерживать и ободрять надлежит, ибо оно сколь впрочем на сей час ни бесплодно для подкрепления дел наших, тем не меньше, однако ж, нужно для одной репрезентации и для центра, из которого бы, по крайней мере, со временем некоторое оживотворение подать можно было всему корпусу Республики; а особливо когда Божиим благословением, чего мы от его святой руки твердо и ожидаем, войска наши одержат поверхность над неустроенными турецкими силами и не допустить их в сию первую кампанию поселиться в пределах польских, ибо тогда с лучшей надеждою можно будет опять приняться за польские дела и поставить их в желаемое совсем положение, для поспешествования войны нашей с турками.

Вследствие того и поручаем мы с полною доверенностью испытанному вашему к службе нашей и отечества усердию, прилежному бдению и искусству, употреблять и обращать по лучшему вашему уразумению все силы и способы к удержанию в публике сей тени польского правительства при короле и при министерстве республики, стараясь придавать оному буде не внутренне, хотя уже с одной

наружной стороны большую важность и почтение в нации, а особливо их самих укреплять и ободрять сильнейшим от нас покровительством, дабы не унывали и не пренебрегали в унынии всех к спасению отечества их средств.

Сие генеральное правило требует раздробления по разным его частям, которое и следует здесь.

1-е

Король собственным своим поведением на последнем сейме загладил (уже совершенно) прежнюю свою пред нами погрешность, и мы имеем совершенную причину быть довольными нынешними его поступками и мыслями; а потому и надобно уже вам будет обходиться с ним откровенно и советоваться об общих ваших подвигах к скорейшему устроению нации и восстановлению в ней порядка, яко в том наипаче теперь до времени состоит главная и, так сказать, единственная цель всех ваших негоциаций, он, конечно, и для собственной своей пользы и для спасения отечества своего, готов будет содействовать трудам и успехам вашим, следовательно же, как ныне по делам в рассуждении князя Репнина не отречется всемерно и пред вами следовать советам вашим в раздаче зависящих от него награждений, а тут уже управлять оными единственно в поспешествование главного нашего вида, согласуя оные сколько можно будет с персональною награждаемых к королю преданностью. Сие уважение, хотя оно в нынешних обстоятельствах и может казаться невеликим и не долженствует, однако ж из глаз упускаемо быть, ибо нам самим нужно, чтоб его польское величество мог сколько ни есть войти в большую любовь у нации своей, к чему он по ограниченной власти своей не имеет других надежнейших способов, кроме раздачи чинов и награждений.

2-ое

Примас получил достоинство свое не иначе, как протекцией нашей за то, что он нам в составлении последней генеральной конфедерации верно служил. Прежде был он королю весьма противен, а ныне – кажется не столько или, лучше сказать, и согласен с ним, потому, что им обоим покровительство наше равно нужно. Хотя сей прелат сам собою умен и проворен, но не имеет, по-видимому, знатного в нации кредита, и не имея кроме настоящего своего чина, ни деревень, ни роду, кои бы ему по уездам особливую инфлюенцию доставлять могли. Вам надобно будет соображаясь к такому его положению обходиться с ним дружески и употреблять его по возможности, наипаче же к составлению желаемой нами в правительстве польской тени, ибо тут одна наружность примаса довольна быть

может. К сохранению его в наших интересах будете вы иметь довольно резонов как в пристойном ему, когда нужда востребует припоминания, что он из ничего нами возведен на первую в королевстве степень, так и перспективу, что он от противников ничего для себя впредь ожидать не может, а может легко все потерять, если скольнибудь удалится от благонамеренности своей, а с оною и от защиты нашей, которая ему по сию пору столь полезна была и которая одна может его от всех нападков охранять.

3-ие

О министрах республики упомянем мы здесь коротко. Канцлер коронный, епископ познаньский Модзалевский должен нас благодарить за возвышение свое из канцлеров покойного примаса люблинского и, кажется, был по сию пору благонамерен. В диссидентском деле и в постановлении ручательства нашего имел он непосредственное участие, а потому не без причины можно думать, что он и далее продолжать будет во всевозможном от него способствовании нашим видам. Вице-канцлер коронный Борх предан королю, и может потому чрез него с пользой употребляем быть. Литовский надворный маршал граф Гуровский предан нам совершенно и не подлежит никакому сумлению; на против чего литовский канцлер князь Чарторыйский и вице-канцлер Пршедзецкий, креатура его, оба великие маршалы князь Любомирский, зять воеводы русского и князь Сангушко, великий гетман литовский, граф Огинский и литовский же подскарбия граф Бршостовский, будучи все между собою единомысленны и друзья, требуют за собою крепкого примечания до времени, которому они сами предоставляют решить будущее свое поведение. Гетман коронный граф Браницкий удалился от всех дел, но внутренно не желает добра королю, шурина своему, а за него и нам, ибо он сам льстил себе украсить короной седые свои волосы при помощи версальского двора. Гетман полный литовский граф Сапега, коронные предскарбии граф Весель и надворный маршал Велепольский, хотя сей последний и благонамерен, не значат теперь много. Вам надобно будет поступать с ними, применяясь к образу мыслей и к поведению каждого, а наипаче стараться всех или скольких можно будет приводить к постоянной бытности в резиденции с королем, дабы чрез то правление большую репрезентацию иметь могло.

Затем уже время и будущий случай долженствует решить дальнейшие наши меры, ибо теперь до приезда вашего в Варшаву и до получения от вас подробных уведомлений о всем вами на месте усматриваемом, не можем мы предписать вам здесь других специальных наставлений и для того сократимся только в генеральных, твердо и надлежно между тем уповая, что вы сами собой ничего не упустите, что тем или другим образом в непредусматриваемых ныне наперед

обстоятельствах к поспешествованию и успеху дел наших полезного случиться может.

Си генеральные правила имеют состоять 1-е) в вышепредписанном удержании правительства польского, хотя в одной наружности; 2-е) в изыскании, если возможно, удобнейших средств к успокоению Польши и к восстановлению в ней порядка еще и до решительного будущей кампании оборота наших военных дел; 3-е) в сохранении диссидентского дела в полной его силе и во всем пространстве; 4-е) в утверждении нашей республики обещанной и ею самую требованной гарантии как на целость владения ее так и на непременные узаконения последнего варшавского сейма; 5-е) в недопущении поляков до соединения с турками под каким бы то видом ни было, а напоследок, 6-е) в безопасность его польского величества на престоле.

Первое из сих шести правил выше уже трактовано и так нечего здесь по оному изъяснять. Второе было равным образом тронуто, но здесь в дополнение находим мы за нужно прибавить, что для такого успокоения Польши не пожалеем мы ни труда, ни денег, если бы оное достигнуть было можно без досконального разрушения нашей гарантии и тех непременных законов либерум вето по статским материям и вольного избрания королей, кои на прошедшем сейме новою конституцией подтверждены. При ваших рассуждениях и советованиях с королем и с надежнейшими магнатами о пользе скорейшего примирения их внутренних замешательств, если для подания первого движения к сочинению полезных к тому конфедераций надобно будет публиковать проектованную здесь известную декларацию с вероятностью какого либо от нее плода, не останавливайтесь тут за переменной нескольких терминов, только бы не превращали и не распространяли они пределов собственного нашего истолкования. При всех о противном уверениях воеводы русского не можем мы вообразить себе чтоб не послужила сия декларация к смягчению духов и чтоб дела в Польше не дошли еще до зрелости. Чего уже осталось теперь полякам ожидать кроме одной крайности с нашей стороны, на которую мы, если они и ныне не уймутся, легко уже поступить можем, по сию пору довольствовались мы разгонять только кучи мятежников и восстанавливать везде тишину и порядок без достойного им наказания за нарушение оных; но когда мы напоследок увидим, что умеренность наша не делает импрессии и что оная вседневно во зло употребляется, кто тогда зазрит уже или воспрепятствует нам истреблять огнем и мечем не одних явных возмутителей, но и тех, кои их скрыто поджигают.

Может быть удастся вам сими и тому подобными отзывами утрашить сих последних и доставить себе больше свободы к усмирению мелочи, ибо она одна не может долго устоять без потаенного содействия знатных магнатов и без посторонней помощи, которая до них мимо посредства их труднее уже доходить будет.

Довольно сего на первый час для второго правила по описанию, которое получим мы от вас о состоянии всех польских дел и способах, кои признаете вы на месте удобнейшими к приведению оных в порядок, не уедем мы, конечно, снабдить вас точнейшими наставлениями.

Третье правило о сохранении диссидентского дела в полной его силе и во всем его пространстве, не можем, конечно, сносить никакого изъятия, резоны к тому империи нашей ощутительны, почему в изъяснениях ваших и надобно будет по сему делу показывать непоколебимую твердость, толкуя всегда поляков, что от постановленного в пользу диссидентов под гарантию нашу торжественного акта, мы ни для чего не отступимся, и что прежде, нежели оным жертвовать, пойдем скорее на все крайности; что потому едва ли какая сила без самых отчаянных революций может в сем случае превозмочь над решительным нашим намерением; что сверх сего в целости диссидентского дела интересованы не одни мы, но и почтительнейшие протестантские державы, кои равноместно не оставят вступить за оное всеми силами, из чего, если тут паче чаяния другие католические дворы вмешаться похотели, не иное что выйдет, как бедственная для всего христианства война, чрез которую может быть и вовсе бы уже католическая религия в Польше уничтожена была, ибо тогда ни мы, ни союзники наши не стали бы ее много уважать или сберегать, что сверх того восстановление диссидентов отнюдь не предосудительно религии католической, ибо оно напротив доставило ей наименование господствующей с весьма знатными преимуществами, и что напоследок дозволенное диссидентам равенство будет Польше скоро и чувствительным образом к немалому приращению. Оно обогатит ее новыми жителями и новыми произращениями, торговыми и рукоделиями. Мы тут в молчании оставляем те из прав диссидентских уступки, которые иногда сами диссиденты приобрести себе скорее спокойную жизнь, между собою согласятся жертвовать католикам, ибо нам в том ни достоинство, ни интерес империи нашей с ними соглашаться не позволяют, следовательно же и вам со своей стороны никаких по сему представлений не принимать, ниже в разговорах до того касающихся чем либо отзываться, дабы в крайности такова их упавшего поступка нам осталось единожды узаконенное право заступать и защищать по нашему благоизобретению к нам прибегающих.

Четвертое правило о утверждении нашего ручательства имеет по вышеупомянутому проекту декларации непосредственную связь со вторым правилом о успокоении Польши, почему оно удобно туда и относится с сохранением только полагаемых в той декларации начал нового нашего истолкования: но как негоциация по сему пункту не может иметь иного места как сеймом, или, по крайней мере, с генеральной вновь составляемой конфедерацией, то и нет теперь нужды входить здесь в подробнейшие об оной изъяснения.

О пятом правиле касательно недопущения поляков к соединению с турками под каким бы то видом не было, довольно здесь для большей ясности желания нашего, сказать вам, что как мы сами легко понимаем, что отнюдь нельзя будет вовсе воспрепятствовать переходу в турецкие границы или в турецкую армию польских мятежников малыми кучами, то и не подчиняем сего неудобства пятому правилу, разумея напротив в оном то одно, чтоб отныне вновь не могло нигде собраться нарочитого числа мятежников и присвоить себе имя генеральной конфедерации, объявить манифестом своим войска турецкие союзными, а в сем качестве и пригласить их на помощь республике. Упреждение такого случая и формальности может считаться за важно по следствиям оных между легкомысленными поляками, кои из привычки закон себе сделали предпочитать обряды самому делу и мы рекомендуем вам иметь недреманное око на подобные явления и происки.

Шестое правило объемлет безопасность королевскую на престоле. По сию пору нет еще опубликованного внутри земли заговора на оную, но, с другой стороны, нельзя же и сомневаться в следующих двух истинах 1-ое) что в Польше есть очень много непримиримых королю неприятелей и завистников, кои всякий день при малейшей к успеху вероятности противу его восстать готовы, 2-е) что Франция в досаду нам и оскорбление славы нашей, а в месть империи нашей за двоекратное низложение Станислава Лещинского, предупела уже при Порте исторгнуть согласие и самое предприятие ее на испровержение возведенного нами короля. Сверх того знаем мы, что сия коварная держава для совершения кова своего представляла уже корону польскую принцу Конде с супружеством одной эрцгерцогини австрийской и с надеждой по оному сильной от венского двора помощи: но что тот принц не принял сего суетного предложения. Еще ведаем мы, что после сей неудачливой попытки у принца собственного своего дома, обратила она взор свой на принца саксонского: но не имеем, однако ж, точности, на которого именно: одни намекают на принца Альбрехта Саксен-Тешенского, супруга эрцгерцогини Марии-Христины с таким от Франции умыслом, что в персоне его интересовать императрицу королеву и вовлечь ее в польские дела и хлопоты, а другие показывают, будто цель ее идет на владетельного курфюрста саксонского, в надежде, что сей молодой государь легко допустит уловить себя блеском короны и что он еще сам в состоянии набрать из преданных ему поляков знатную партию и подкрепить ее тридцатью тысячами собственного войска.

По известным нам миролюбивым склонностям императрицы-королевы и по намерению ее остаться во время войны нашей при нейтралитете, не думаем мы, чтоб она согласилась на французские мысли и захотела для оных подвергнуть себя новой войне, ибо тут не имели бы мы больше причины удерживать далее в покое союзника

нашего короля прусского, того же самого неудобства должен рассудительным образом опасаться и новый курфюрст, если бы он приступил к французскому плану. Правда он имеет тридцать тысяч войска, а притом не может без внутренней зависти видеть корону польскую вышедшую из его дома, но и то, однако ж, не меньше истинно, что Саксония не успела еще отдохнуть и оправиться от понесенных в последнюю войну тягостей и изнурения, и что далеко еще не в состоянии представлять знатную роль по собственному произведению; однако же как невероятно есть и то, что если дело будет произведено в действо без его явного участия и без больших трудов и издержек, он тогда просто не откажется и может себе бесчестьем поставлять отрешись от такой короны, которую и без его содействия на него возлагают; а при том не всегда благоразумие и исправные исчисления готовых сил и способов решают и руководствуют резолюциями; то и надобно содержать себя в ополчении противу всех возможных случаев. Пристанет ли саксонский двор к французским и турецким видам или не пристанет: но действие сих последних не может, однако ж, по-видимому быть разнo ни в том, ни в другом случае, ибо соображая все обстоятельства и удобства, нет в самом деле другого пути к низвержению с престола возведенного нами короля, как скоропостижное, в котором ни есть углу Польши составление большой или малой конфедерации с присвоением пышного наименования генеральной, объявление ею вакансии престола, а нынешнего короля невольно и незаконно избранным, как французское коварство и заставило уже турков публично о том изъясниться и действительная тут же на месте прокламация другого короля, дабы тем разделить нацию на две части и оставить дело на решение войне к большому ее замешательству.

Излишне здесь изъяснять, сколь вредна и предосудительна была бы для нас такая скоропостижная или всякая другая ей подобная операция и сколь велико, напротив, должно быть ваше вопреки бдение и попечение, мы полагаемся на оные с полной и беспредельной доверенностью, и для того оставляя поощрять вас побуждениями из важности дела, из пользы отечества и из собственной вашей славы, хотим только снабдить вас точными предписаниями на отвращение и на случай такой крайней и отчаянной операции со стороны неприятелей наших и согласных с ними поляков.

К сему вы имеете для особливого от вас употребления корпус генерал-поручика Веймарна, а как всегдашний ваш долг будет, поелику только силы того корпуса доставать будет, не допускать и разгонять везде возмутительные сборища, так особливо уже имеете вы обращать всевозможное ваше примечание на те, где бы французские, саксонские или другие какие эмиссары явно или тайно показались, и кои начали бы составляться в близких к тем или другим границам, местам, ибо сии последние удобнее других извне управ-

ляемы и подкрепляемы быть могут; не теряйте тут времени и по вашему усмотрению и крайней возможности старайтесь разгонять первые тучи, а наипаче такие, у которых появятся предводители из знатного дворянства, между коими саксонский двор имеет еще много партизанов. Здесь особливо предписать имеем, что при захвачении между такими возмутительными сборищами французских эмиссаров, которые, может быть, и имя волонтеров на себя принимать станут, отнюдь войска наши не должны признавать их такими, а поступать с ними так, как с самыми польскими возмутителями или еще и строже, задержать под караулом, высылать в наши границы, приказывая им объявлять, что для сообщников с внутренними бунтовщиками ни какое народное право места иметь не может.

Если при всей поспешности мер и оборотов ваших успеют возмутители, собравшись некоторым знатным числом, завести где-либо в польском месте или городе и там начать свои действия формальной конфедерацией, от чего уже, конечно, другого ожидать будет не можно, как прокламаций другого, Франции угодного короля. В таком крайнем случае пошлите туда сколько можно более войска, хотя с обнаружением некоторых меньше важных мест и велите возмутителей и сообщников их разогнать и бить, а деревни и дома их самым неприятельским образом трактовать и разорять, дабы страхом жестокого и скорого наказания обуздать других: на в то же время сделайте по всей Польше предварительную от имени нашего декларацию следующего содержания.

Что как его величество, ныне царствующий король от всей нации единодушно и вольными голосами избран, и как он опять в сем качестве от всех европейских держав торжественно признан; то мы вследствие принятой нами по собственному желанию республики не можем и не хотим по оной и по персональной нашей дружбе к королю, а особливо по священному долгу всех божественных и народных прав, коими государя в рассуждении взаимной защиты освященных им особ, друг другу обязаны и в самое между ими военное время, признать иначе восставших противу него и дерзнувших на беззаконную и недействительную прокламацию другого короля, как сущими оскорбителями величества всех государей, изменниками своего собственного их отечества и государя, а в обоих сих качествах и непосредственными нашими nepřателями, что потому повелели мы войскам нашим в землях республики находящимся, не только их самих, но и дома и имения их огнем и мечем истреблять; что равному несчастью подвергнут себя и те, кои с сими врагами отечества какое-либо сообщение иметь или в чем помогать будут; и что мы напоследок всех истинных патриотов, утверждая их в верности клятвы их пред богом и пред светом, призываем в соединение с помочными и союзными войсками нашими на защиту их вольности и законов, на обеспечение законного их государя и на очищение отчизны от таких извергов естества.

Мы уверены, что не вдруг по крайней мере взбунтует вся Польша, и что вы с корпусом генерал-поручика Веймарна в состоянии найдете не только охранить персону королевскую и резиденцию его: но и удержать в верности к нему большую часть земли, ибо тут главная наша армия под командой генерала князя Голицына тыл наш достаточно прикрывать и близостью своей многие воеводства в узде держать будет, а, особливо, как и мы совершенно надеемся, что сей наш генерал по своей должной к нам верности все то в действо произведет, что ему от нас предписано впредь упреждению турок на здешнем днестровском берегу и тем не допустить их знатною силою войти в Польшу и овладеть там польскими делами.

Больше сего нельзя вам теперь ничего с точностью предписать: но мы думаем, что в том и нужды никакой не будет, хотя с другой стороны и нельзя чрез меру обнадеживаться. Нет коварства да и самой незаконной хитрости, которое бы министерство французское сочло непозволительным, буде оно только видам его служить может, да и нет опять теперь в целой Европе державы, против коей бы сие министерство, так сказать персонально, столько злости питало в сердце своем, сколько против России и нас самих; ему одному должны мы благодарить за воздвигнутую от Порты несправедную и вероломную войну, ему же одному обязаны и за все польские замешательства, а может быть скоро получат из оных равное с нами одолжение и все прочие здешнего края державы, ибо намерения его не меньше склоняются как к возжению генеральной везде войны, дабы оной всех ослабить и истощить, а самому в тишине и покое выиграть совершенную и выгодную свободу, умножить общие свои силы и ресурсы для нечаянного (на Англию. — П.С.) нападения, когда ей по кровопролитной войне никто уже помогать в состоянии не будет, и отмстить ей с верной надеждой беспрепятственных успехов все ею над бурбонским домом в последнюю войну одержанные победы и завоевания.

В произведение сего плана назначило нам французское министерство первую роль как потому, что империя наша, так сказать, натурой поставлена с Англией в вечный союз, чего ради и надобно уже ему было прежде всех истощение сил наших, так и для того еще, чтоб отмстить нам за испровержение во всем севере пагубной двора его инфлюенции и за план независимой северной системы наперевес бурбонского фамильного пакта, которая ему подобно как нож у горла стала, и которой оно нам конечно не простит, доколе Европа, а особливо все северные державы об нынешнем образе и положении оставаться будут.

Мы, напротив того, при самом восшествии нашем на престол приняли сию систему за первое основание всей нашей политики, по удостоверению, что она и есть одна для империи полезная и славная, ибо удобно может чрез постоянное исполнение свое концентриро-

вать при дворе нашем и под руководством нашим дела и негоциации целой половины европейских держав.

Северною системою полагаем и разумеем мы сколько можно большее и теснейшее соединение северных держав в один беспосредственный пункт общего с ними интереса, дабы тем против бурбонского и австрийского домов составить твердое в европейских делах равновесие, а тишину северную и совсем освободить от их инфлюенции, которая толь часто производила в оной бедственные следствия.

Вследствие сего плана решились мы при самом его основании 1-ое воспользоваться склонностью короля прусского к заключению с ним трактата союзного и взаимной обороны, ибо мы, судя по заботливому состоянию, в котором находился тогда сей государь, по неимению ни с кем никакого союза, могли со многою вероподобностью предполагать, что он в замену обеспечения своего нашим союзом, а наипаче по пункту Силезии, охотно уступит нам в общих делах первое место и свободное поле. Время оправдало уже тогдашнее наше гадание и мы имеем удовольствие видеть, что его прусское величество, буде не без внутренней зависти, по крайней мере, со всей наружной искренностью и податливостью содействовал везде успеху дел наших, а особливо в Польше, как при выборе действующего короля, так и при произведенном от нас на последнем в Варшаве сейме восстановлении диссидентов и установлении фундаментальных законов всей республики; хотя мы тут отвратили все двора его покушения вместиť себя с нами вообще в гарантию сих новых узаконений; но кроме сего содействия, которое, сколь иногда ни слабо было, не можем мы, однако ж, не признать, что б не облегчало собственных наших подвигов, не усумнился его прусское величество жертвовать приобретению державы и союза нашего любимой своей идеей приобретения себе дружбы и союза Порты Оттоманской. Доказательство тому неоспоримое не в одном трактате 1764 года, где война с турками положена в пользу нашу случаем союза; но и в последовавшем за оной обязательнейшею и секретнейшею по польским делам конвенциею. Тут король прусский обязался уже кроме постановленной в трактате помощи помогать нам и еще знатным числом войск своих. Из сего последнего обстоятельства (которое здесь для единственно вашего сведения упоминается) выходит само собой верное заключение, что его величество предпочитает дружбу нашей всякой другой, и что потому справедливым оборотом можем и должны мы считать его верным себе союзником.

2-ое. Принять в рассуждении Швеции такие меры, чтоб ее вывести из французской инфлюенции и того ненатурального положения, в котором она об толь долгое время содержана была вопреки нашим интересам, полагаемым в собственной безопасности и покое границ империи нашей. Сие Швеции несвойственное положение состояло в том, что Франция сделала из нее державу действующую,

вместо того, что ей при изнеможении ее и по принятой в новейшее время республиканской форме правления надлежало б быть непременно державой пассивной, подобно как версальский же двор превращал напротив датскую корону из естественно действующей в пассивную для того одного, чтоб держать Швецию во всегдашней противу нас зависти, тревоге и подозрении, ибо сей двор не может не понимать, что Россия стала той державой, которая ему более других на твердой земле равновесна, а потому может более других и препятствовать возвращению его инфлюенции.

В то время как мы пред последним в Стокгольме сеймом начали помышлять об уничтожении французского в Швеции властвования, имели мы причину надеяться, что будем иметь двор шведский на нашей стороне: но сия надежда продолжалась недолго, ибо королева шведская, увидя, с одной стороны, что нет у нас намерения следовать всем ее прихотям, кои клонятся не менее как к похищению самодержавной власти, а с другой, что и употребление денег на производство плана нашего предоставили мы сами себе, перевернувшись вдруг и пристала к партии французской, не уважая прежде всех от оной понесенных гонений и безобраз, в рассуждении собственной ее особы.

Такою двора шведского дезерциею усугубилась, правда, трудность подвига нашего; но мы не ослабли, однако ж в оном, а паче распорядя благовременно все нужные способы и осторожности к одержанию верного успеха, пустили корабль по воде, с той одной надеждой, что все разумные и истинные шведы, усматривая скоро чистоту и полезность намерений наших, скоро же и присоединят себя к оным, дабы единойжды освободиться от ига французского порабощения. Следствия соответствовали в полной мере ожиданию нашему, хотя в том должно признаться, что недешево дошли мы до желаемого края, ибо, так сказать, каждый шаг новыми силами оспаривать надлежало. Но удивительно сие если только рассудить, что французская инфлюенция имела близ тридцати лет на свое утверждение без всякой почти между тем от нас помехи, ибо прочие соседи Швеции были вовсе в то время с версальским двором единомысленны, следовательно же и верными его орудиями; что правительство все, а особливо сенат и министерство состояли из одних французских, во Франции с младенчества воспитанных креатур, почему все чины и награждения, коими напоследок казна государственная вконец истощена была, идучи одними их руками, и присваивали к их партии всех в службе находящихся и в оную вступающих, что, кроме того, Франция имела тогда в руках своих двенадцать миллионов ливров, коими она Швеции по трактатам должна была, и кои Швецию при изнурительном ее в деньгах недостатке полагались вернейшим приходом, ибо Франция, увидя ослабление власти своей, отказалась от платежа тех денег, чем наша патриотическая партия при самом начале возвышения и перевеса своего приведена была в крайнее смущение и необходимость

отяготить нацию, и без того довольно обремененную новыми налогами, следовательно же и подвигнуть на себя всю ее ненависть, и что напоследок при отверстии сейма, который от нас предопределен был претворить всю политическую систему Швеции, имели мы еще на руках всю тягость польских дел, а потому натурально и принуждены были разделять внимание и силы наши на две части, в заключение о Швеции довольно затем сказать, что в политике сей державы можем мы теперь оставаться спокойны, доколе там французская инфлюенция пребудет в настоящем ослаблении, а сенат и министерство в руках преданных нам людей, но как при всей в сенате поверхности не можем мы, однако ж, увериться, чтоб Франция имела еще на своей стороне двор, знатную часть молодого дворянства и всех земских правительств, а особливо важную и лестную приманку должных двенадцать миллионов, не предупела по некотором времени воздвигнуть паки свою пагубную власть, к чему она ныне и действительное уже чрез короля покушение учинила принуждением сената на созыв чрезвычайного сейма, который в будущем апреле месяце в Норкенинге начаться имеет; то и останавливаем мы напротив разделять на сию сторону часть нужного примечания и надеемся еще, что в сей раз дело пройдет одним шумом, а хотя б сверх чаяния и пошло оно на дальности, однако ж, тем не меньше, имеем мы причину полагать при совершенной нашей надежности в датском дворе, что шведские хлопоты не произведут нам важной диверсии, ни в войне с турками, ни в успокоении польских замешательств, если оное инако возможно.

После сего подробного начертания, о настоящих наших со Швецией сопряжениях остается здесь для ведома вашего упомянуть только о союзном у нас с ней трактате 1758 года, который как и два мирные Нейштатский и Абосский содержат в себе наши взаимные обязательства.

3-е. Восстановить с Данией прежнюю дружбу и сопряжения, кои сколь ни естественны сами по себе от самого положения взаимных земель, были, однако ж, посторонними за Голштинией распрями часто развращаемы, а особливо в минувшее правление, когда дело шло до явной войны, которая б для обеих сторон равно разорительна была. По вручении нам от промысла божия державы российской, первое наше в делах европейских попечение простерлось к спасению отечества от новых бедствий той напрасной войны, почему и согласились мы с датским двором оставить голштинские дела в настоящем положении. Скоро потом приняв на себя опеку и правление наследственных земель любезного нашего сына, отвратили мы пристойными средствами разделение оных, кое датский двор вздумал себе присвоить, а таким образом изъять до времени из среды все побочные препоны естественному нашему с Данией союзу, согласились мы по представлению ее и на конечное оных единожды навсегда отвращении, почему, заключа прежде него новый с короной датской трактат

о взаимной дружбе, союзе и обороне и договорясь по оному между другими условиями об особливой негоциации по голштинским спорам, имеем мы теперь удовольствие видеть, что и сия последняя негоциация с одержанием на вечные времена знатных выгод для торговли и кораблеплавания нашего, приведена недавно к счастливому окончанию заключенным в Копенгагене запасным трактатом, которым в промену великокняжеской Голштинии на графства Олденбургское и Делменгорстское мир постановлен и все претензии младшей голштинской линии достаточно удовлетворены одержанием для оной важных впредь авантажей. Сей трактат имеет, однако ж, не прежде достигнуть точного своего исполнения, как по совершеннолетстве любезного нашего сына, дабы он сам его подтвердить мог, а сим способом развязав навсегда Россию от посторонних и истинных ее интересам отнюдь не свойственных хлопот и, одержав для принцев крови нашей знатные и прочные выгоды, предоставили мы, однако ж, себе, тем не меньше, до времени и узду на датский двор, чтоб его вовсе вывести из французской зависимости и претворив из пассивной в действующую державу, ибо как с одной стороны не можем мы с Данией иметь непосредственных раздоров, так с другой можем взаимно друг другу быть полезными помощниками. В сем то положении находятся теперь дела наши с Данией, и хотя ныне владеющий король по молодости своей и не мог бы персонально, по-видимому, за верного союзника считаем быть, доколе нрав его не придет в установленное от министерства нашего примечание, ибо после уже, списавшись со двором своим, предъявил он, что сие упущение не есть упущение, но будто следствие французского слога, и что не оное, но прежде в грамотах употребление предиката императорского есть ошибка канцелярская противу языка, которая ныне исправлена без всякого, однако ж, в существе оспаривания принадлежащего нам, и от самой Франции в короне нашей признанного императорского титула. Сие французское предъявление быв с нашей стороны опровергнуто достаточными доказательствами, а особливо собственными французскими грамотами, не одною, но многими, где ошибка против языка места иметь не может, и примером всех других дворов произвела напоследок особливую переписку французского статского секретаря Дюка Шуазеля с нашим действительным тайным советником графом Паниным, из которой родился пред некоторым временем отъезд без аудиенции из Парижа нашего министра князя Голицына.

За сим следует здесь упомянуть еще о положении, в коем находимся мы с курфюрстским саксонским двором, ибо оный, если продолжить в землях своих исправление пороков, может со временем в Германии между венским и берлинским играть знатную роль, следовательно же и привлекать к себе некоторое с нашей стороны внимание по сопряжениям с одним или другим из тех дворов. Дрезденский двор привязан теперь к бургонскому и австрийскому домам кровью и при-

вычкою, от нас же поудален он препятствиями, кои положили мы ему в достижении короны польской, но как она ему, если оставить тщеславие, по сию пору больше в тягость нежели в пользу была. А сверх того довольно искусил он и сколько дорога ему дружба короля прусского, который теперь с нами в тесном союзе, то нельзя терять вовсе надежды, чтоб не удалось со временем присвоить его к нашей северной системе. Не станет в том, конечно, за нашим старанием, и так успех оных должно представить будущим обстоятельствам; а до настояния оных довольствоваться содержать саксонский дом надеждой заступления и подпоры нашей у короля прусского, в пользу интересов его в тех только сопряжениях, в коих остался он с венским и французским дворами от окончания последней войны, не допуская его до новых и теснейших с оными обязательств, в чем и надеемся мы действительно предупредить, буде только ныне химера короны польской, если она представлена курфюрсту от Франции, и он в надежде на турецкую войну склонился на принятие ее, не испровергнет сей надежды и не сделает его непосредственным нашим неприятелем, что, однако ж, скоро решиться должно. О азиатских наших соседях не представляется ничего ко изъяснению. Персия от бывших с ней беспокойств пришла в крайне опустошение и раздробление. Нет по сию пору прямого государя, ибо векиль или наместник Керим хан, который и сам весьма стар, пьян и без наследников, имеет только тень власти. С китайцами, напротив того, хотя и пресеклась с некоторого времени непосредственная переписка, и настала некоторая остуда; но теперь изъята уже она из среды с возобновлением взаимной торговли, которая на границах действительно и началась.

Вот вам в руководство будущих ваших переговоров, поколику они с генеральными делами соединиться могут, ясное всех наших сопряжений с окрестными державами, а затем, обращаясь к Польше и ссылаясь на все вышенаписанное, находим мы только присовокупить здесь, чтоб вы по мере усматриваемой вами в короле надлежности и привязанности к интересам нашим, располагали поведение и отзывы ваши с ним, чтоб вы ему делом и советом способствовали, взаимно и от него тем же пользуясь и ободряя его при случаях лучшей впредь перспективой, чтоб вы тот час по приезде вашем в Варшаву вошли с ним в подробное изъяснение способов, кои по мнению его и собственному вашему к успокоению нации скорейшими и действительнейшими быть могут, и чтоб вы при первом вашем свидании учинили еще его польскому величеству сильнейшие от имени нашего уверения о неперменной нашей к нему дружбе, о удовольствии, с коимзираем мы на постоянную его к нам и империи нашей преданность и о твердом нашем покровительстве к нему и к интересам его.

Если найдете вы его в унынии или в страхе потери короны, тут уже усугубьте подаваемые ему от нас уверения и скажите именно, что независимо от дружбы, которую мы к нему имеем и которая всегда неотменна пребудет, собственная наша честь, слава и досто-

инство не могут никогда позволить, чтоб мы допустили в персоне его разрушить собственное наше дело; что мы прежде на все крайности поступим, нежели предать его в жертву; что Россия имеет довольно сил для воспрепятствования всех противу его происков; и что, впрочем, твердость и сохранение его на престоле будут во всякое время первым и главнейшим попечением и интересом империи нашей.

Ободряя его сими и подобными убедительными резонами, старайтесь в то же время оживотворять собственные его душевные силы и приводить его к употреблению всех от него самого зависящих способов к привлечению себе национальной любви.

До времени довольно вам будет сего упражнения купно с тем, чтоб войти прямо в дела и познать людей, чего ради и не станем мы распространяться здесь далее в других предписаниях, тем паче, что оные не могут быть точны и долженствовали б только состоять в одних рассуждениях, о возможности или невозможности, надобности или ненадобности дать польскому правительству в нынешнее время, законное бытие, о пользе или неудобствах оного к усмирению беспокойств и относительно к войне нашей, о способах к тому служить могущих и о потребных на сию обширную операцию деньгах, ибо вы по приезде вашем в Варшаву будете сами иметь случай к вступлению во все сии рассуждения с предместником вашим и донести нам потом верное ваше на месте усмотрение и положение, по коему бы нам решительные уже меры с большей в успехе надежностью положить можно было.

За сим остается сделать вам генеральные предписания как по поводу аккредитования вашего, так и по другим до будущего вашего министерства касающимся материям.

1-ое

Имеете вы принять от князя Репнина весь его министерский архив с прежними делами, цифирные ключи, кои всегда вам самим у себя хранить должно, канцелярских служителей и казенные деньги. Употребление сих последних для пользы дел и службы нашей, где только надобность востребует, вверяем мы с полной доверенностью испытанной верности вашей и не сомневаемся, что вы оных без нужды тратить не будете.

2-ое

Надобно будет исправно платить из сих казенных денег определенные разным персонам пенсии и дачи, а особливо тем, коих иногда князь Репнин скрытно употреблял и коих вам во всей толь нежной материи, скрытностью и осмотрительностью равным образом употреблять и сохранять надлежит, приискивая еще чрез деньги и новые верные каналы, дабы от всюда тайные иметь сведения.

3-е

В записывании денег в расход имеете вы следовать употребленной поныне методе, и как публичных чрезвычайных расходов счета отправлять чрез каждые полгода в нашу коллегия иностранных дел, так секретные адресовать прямо к нам под конвертом нашего действительного тайного советника графа Панина.

4-е

При первых ваших свиданиях с министрами республики и с прочими магнатами и на аудиенции у короля, не оставите вы сделать всем обыкновенные в таких случаях приветствия от имени нашего, применяясь к состоянию и образу мыслей каждого.

5-е

При сих и других впредь будущих церемониальных случаях следовать бесспорно обыкновенному во всех обращениях в доме у себя и в посторонних местах посольскому этикету, не требуя ничего излишнего.

6-е

В приватном и публичном обхождении с прочими послами коронованных глав, если там случатся, наблюдать всегда строгое равенство, ибо как мы ни от которой державы первенства не требуем, так оно и ни которой уже уступить не хотим.

7-е

С министрами союзных и дружеских нам дворов прусского, датского и великобританского иметь предпочтительно приятельское обхождение, но с размером, однако ж, откровенности вашей к ним по собственной их к нам; где допустить случай и удобность охранять интересы дворов их, а особливо прусского, ибо он в Польше часто дела имеет: но по пристойности собственного вашего положения и требовать от них в равных случаях совершенного с их сторон взаимства, а напоследок в затруднительных вообще, до характера публичных министров касающихся случаев, советовать с ними, а когда надобность востребует и с другими министрами о согласных мерах, дабы оные всегда одинаковы, следовательно же тем сильнее быть могли. С прусским министром особливо полную иметь откровенность по тамошним делам, которую вы еще лучше сами размерять можете, когда в тамошнем архиве вами прочтены будут те секретные концепции, которые у нас с его государем в разные времена заключены были относительно Польши.

8-е

С саксонским министром содержать нужно ласковое обхождение: но внутренне ему не доверять и бденным оком смотреть за всеми его оборотами и сопряжениями, стараясь доходить до самого существа оных. С шведским министром можете вы обходиться с некоторой откровенностью и употреблять его для интересов наших, где он, сколько ни есть полезен быть может: но знайте, что сие относится на собственную только персону его, ибо он человек нашей в отечестве своем партии.

9-е

Стараться по возможности приходить у всех поляков в персональную дружбу и доверенность, дабы оными в делах пользоваться и придавать всем вашим негоциям больше приманчивости, чего ради сверх определенного вам окладного жалования по двадцати тысяч рублей, которое вы в обыкновенные сроки отсюда получать будете, купно с почтовыми деньгами по восемьсот рублей на год, всемиловитейше определяем мы вам те же столовые деньги, кои имел князь Репнин, по две тысячи рублей на месяц. Сии деньги имеете вы сами брать с запиской в расход из будущих у вас казенных и будете ими, конечно, в состоянии содержать открытый дом и стол для приласкания польского дворянства и употребления его к успехам желаний наших.

10-е

С министрами нашими при других дворах, а, особливо, с князем Голицыным в Вене иметь порядочную и откровенную переписку, поколику того польза и поспешествование дел и службы нашей требовать могут.

11-е

Сие самое предписание долженствует вам наипаче непременно быть правилом для взаимной как можно чаще корреспонденции между вами и командующими в обеих армиях генералами, а, особливо, князем Голицыным, ибо его военные операции будут натурально иметь всегдашнюю связь с вашими политическими, следовательно и надобно будет вам обоим иметь друг от друга скорые и достаточные известия. Сверх сего главный уже долг попечения вашего будет способствовать помянутому главному командиру наступательной нашей армии всем тем, что только некоторым образом от возможностей ваших зависеть будет, и мы несумненно надеемся, что вы тут из совершенного побуждения, яко истинный отечества сын, никогда ничего не упустите.

12-е

Всякие иногда происходимые ложные и предосудительные разглашения об империи нашей и насчет оружия российского стараться всячески упреждать, отвращать и уничтожать чрез публичные ли возможности или иначе, как вы сами тогда за удобное признаете, а при том еще стараться и открывать и обуздывать те источники, из коих слухи злости и недоброжелательства происходить будут.

13-е

В случае требования у вас свободными и неподозрительными людьми паспортов на переселение в Россию давать им оные, а их самих адресовать в канцелярию опекунов иностранных, не давая им, однако ж, на дорогу казенных денег и не делая с ними никаких договоров без предварительного с той канцелярией сношения.

За всем сим не остается более ничего, как препоруча престоережение дел и интересов наших там, где можете вы иногда найтись без достаточных отсюда наставлений собственному вашему на месте руководству, попечению и лучшему уразумению, уверить вас в заключение о той императорской милости и отличном благоволении, с коими вам благосклонны пребываем.

Дано в Санкт-Петербурге марта 31-го дня 1769-го года.

Подписана Ее императорским
· величеством тако:

ЕКАТЕРИНА.

**17. ИНСТРУКЦИЯ НАШЕМУ ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ
И ПОЛНОМОЧНОМУ ПОСЛУ ПРИ КОРОЛЕ
И РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ
ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ ГОСПОДИНУ САЛЬДЕРНУ¹**

5 марта 1771 года

Многочисленные доказательства вашего усердия и верности Нашей службе и истинная вера в ваши таланты и опыт побудили Нас избрать вас на пост Нашего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Короле и Республике Польской, князь Волконский просил Нас разрешить ему вернуться к Нашему двору по причинам расстроенного здоровья. Важный характер и нынешнее состояние Наших дел

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.966. Л.14–29.

в этом Королевстве (Речи Посполитой. – П.С.) не позволяет делать перерыва в их руководстве, которое поручено Нашему представителю. Ваш предшественник имеет приказание дожидаться вашего приезда в Варшаве, с тем чтобы вы могли немедленно вступить в свои функции. Через вас ему передается приложенный к сему Наш рескрипт, а также отзывные грамоты, которые он должен передать королю на прощальной аудиенции. Сразу же после этого вам надлежит аккредитоваться при короле и Республике, передав на аудиенции приложенные к сему ваши верительные грамоты. В ходе этой публичной церемонии вам надлежит придерживаться того же этикета, который соблюдали князь Волконский и другие Наши послы, ранее аккредитованные при Короле и Республике.

После того как вы таким образом узаконите свое положение и приступите к выполнению своих обязанностей, вам надлежит действовать таким образом, чтоб привести дела к твердому окончанию в том, что касается правительства Польши, почетному и полезному для Нас и Нашей Империи, придерживаясь при этом договоренностей с другими державами, детальную информацию о которых вы найдете в общей инструкции, данной вашему предшественнику.

Прилежание, которое вы постоянно демонстрировали в различных порученных вам делах и ваша известная приверженность Нашей славе и интересу, побудили Нас подготовить краткое изложение идей относительно способов умиротворения нынешних замешательств в Королевстве, которые заключают в себе основное существо наших дел в этой стране и цель вашей миссии. Мы нашли этот документ столь отвечающим нашим собственным чувствам, что сочли возможным определить его в качестве основы ваших инструкций, приложив его к ним, с тем чтобы вы могли воспользоваться и выполнять его дословно. Вместе с тем, желая придать вашей миссии более полноты и уверенности, мы пожелали довести до вашего сведения наши намерения относительно тех пунктов ваших предложений, которые требуют решения с нашей стороны, прежде чем быть приведенными в действие.

Три пункта, которые вы считаете главными для наших отношений с Польшей: трактат о вечном мире между нашей Империей и Республикой; сепаратный артикул, содержащий кардинальные законы, а также артикул о диссидентах составляют все существо вопроса и должны стать ближайшим предметом ваших действий. Все ваши действия, заботы и усилия должны быть направлены к следующей цели: согласовать с нашим личным достоинством и интересами Империи объяснение, на которое мы должны снизойти по различным вопросам, будучи преисполнены решимости превратить нынешнее плачевное положение Польши в положение государства, где царят мир и спокойствие. Мы одобряем меры, которые вы намерены предпринять для выполнения этого замысла, и находим их вполне естественными в

нынешних обстоятельствах. Поручаем вам опубликовать декларацию в том виде, в котором вы ее представили, и, если результат будет соответствовать чистоте Наших намерений, мы будем ожидать, воспользуются ли так называемые конфедераты перемирием и воздержатся ли они от дальнейших враждебных действий, откажутся ли от создания ассоциаций, столь предосудительных для государства. Мы ожидаем также, что вожди различных партий проявят добрую волю, восстановив порядок в своих партиях. Вы можете уже сейчас начать подготовку собраний для обсуждения объединения всех сословий государства, а, восстановив таким образом состояние мира, прийти к полюбовному урегулированию всех вопросов, которые являлись предлогом или причиной фанатизма, проявляемого в отношении Нас со стороны большинства, подстрекаемого людьми злонамеренными и завидующими Нашей славе. Если это дело сможет быть разрешено столь счастливым способом, на что, однако, пока приходится, скорее, желать, чем надеяться, то это будет для Нас самым предпочтительным способом по сравнению с другими путями умиротворения.

Декларация относительно гарантий, которую Мы из любви к миру уже соблаговолили дать, вам известна; Мы согласны на то, чтобы вы обсудили ее с патриотами, которых вам предстоит собрать для умиротворения их страны, и договориться об изменениях, которые шли бы на пользу делу, не переходя, впрочем, границ справедливости, что предписывают вам сами гарантии, а также утверждения Нашего достоинства. Мы не только уполномочиваем вас превратить эту декларацию в нужное время и в нужном месте в изъяснительный акт, но и желаем, чтобы как вопрос о гарантиях, так и диссидентское дело были оформлены сепаратным и изъяснительным актом, приложенным к трактату, с тем только чтобы этот трактат в своем существе не претерпел никаких изменений.

Изменения, которые мы согласны внести в диссидентское дело, согласованы и утверждены в письмах, которыми мы обменялись с прусским королем, нашим союзником, а также в протоколе переговоров по этому вопросу нашего министра графа Панина с принцем Генрихом Прусским. Мы приказали приложить этот документ к вашим инструкциям, для того чтобы он мог служить вам руководством как в том, что касается внесения самих изменений, так и в видах того негласного сотрудничества, которое вам придется поддерживать в ходе этих переговоров.

Задуманное вами средство начать вашу миссию демонстрацией полной непредвзятости по отношению ко всем, с тем чтобы наилучшим образом расположить умы к примирению, в высшей степени соответствует Нашим мыслям. Это, как мы думаем, наиболее естественный и наиболее эффективный способ. Разрешаем вам использовать для наведения порядка все четыре способа, которые вы Нам предложили.

Относительно первого мы с вами уже объяснились устно о Наших намерениях.

Относительно второго, обещание, вы можете обещать все, о чем вы говорили в вашей записке, и тем способом, который вы найдете необходимым.

Государственные должности должны принадлежать по праву тем, кто будет заслуживать государства в столь важный момент.

Поскольку мир не может быть прочным, если не будет искоренена ненависть нации по отношению к королю, то пожертвовать преимуществами, которые питают эту ненависть, — должно показаться благом для него самого. В любом случае, вашим правилом должно стать благопримирение.

Чтобы продемонстрировать польской нации ее независимость и в то же время удержать Наши гарантии, Мы согласимся на все приемлемые изменения, даже в государственных и экономических вопросах, предварительно консультируясь с вами.

Что касается освобождения пленных, это решение вам надлежит принять, когда вы ясно увидите настроение актеров и сочтете, что такой шаг произведет добрый эффект. В таком случае вы направите Нам доклад, и Мы будем действовать согласно вашим советам.

Вполне очевидно, и Наше чувство на этот счет вам отлично знакомо, что только необходимость обусловила секвестры. Когда вы убедитесь в том, что в поведении заинтересованных персон произошли решительные изменения, будет зависеть только от вашего личного мнения снять или продолжать секвестр для блага Нашей службы. Будет сделано все, что могут потребовать ваши планы.

В остальном, поскольку невозможно предусмотреть все подобные средства, которые могут быть использованы, уверяем вас, что по каждому пункту, который вы Нам представите, будет принято удовлетворительное решение.

Что касается реальностей, которые являются вашим третьим средством, вы найдете кассу вашего предшественника, которая будет им передана вам с остатком средств. Мы уверены, что вы распорядитесь ими должным образом и с надлежащей скромностью и всегда будете соразмерять важность объектов с возможностями Нашей государственной кассы в условиях идущей войны.

Что касается четвертого средства, которое предусматривает угрозы, вам надлежит подтвердить те тревожные аспекты, особенно для столь легкомысленных людей, как поляки, которые представляют собой политические маневры со стороны соседних держав.

Мы уже высказали вам устно, что Мы думаем относительно дисциплины, которую должны соблюдать Наши войска в Польше. Если существуют злоупотребления, то это против Нашей воли, и Мы не сомневаемся, что в связи с отданными недавно приказами положение исправилось. Вместе с тем следует принимать во внимание и то, что,

к несчастью, состояние той или иной местности, где находятся Наши войска, не всегда отвечает тем точным дисциплинарным нормам, которые Мы требуем от Наших военных. Тем не менее Мы намерены сделать все возможное, чтобы навести дисциплину. Вы найдете приложенным к этим инструкциям точный рескрипт, в котором даются приказы командующему Нашими войсками и другим военачальникам поддерживать вас в ваших миротворческих операциях.

Вы видите Нашу твердую решимость умиротворить Польшу, доставить ей спокойствие и преимущество. Можете располагать для этого всеми предложенными вами средствами. Начиная ваши действия по привлечению на Нашу сторону могущественных и многочисленных актеров, которые могли бы обеспечить успех всей операции, необходимо, чтобы вы были полностью убеждены в их взглядах. Необходимо, чтобы они отдавали себе отчет в полезности уступок, на которые мы могли бы пойти, прежде чем вступать с ними в доверительные отношения. В противном случае, они могут завлечь Нас далеко и только увеличить зло и сделать его неизлечимым. Вследствие этого Мы рекомендуем вам проявлять крайнюю осторожность и действовать только тогда, когда не остается никаких сомнений и двусмысленностей относительно условий, на которых должны устроиться Наши дела и дела диссидентов в процессе умиротворения. Актеры должны взять на себя обязательства, что не зайдут дальше тех договоренностей, которые вы с ними достигнете. После того как эти пункты будут согласованы, возникнет необходимость образования конфедерации; Мы предпочитаем такую конфедерацию, при помощи которой можно было бы привлечь войска Республики для борьбы против возмутителей спокойствия в Польше.

Есть еще одна вещь, которую вы не должны игнорировать в отношении лично Короля. Как только конфедерация будет сформирована, или даже еще в процессе ее формирования, присоединиться к ней будет зависеть только от его воли и готовности, и этим все сказано. Но даже если он сначала не захочет присоединиться к ней, вы не будете настаивать, предоставив ему время для размышлений, прежде чем он к ней присоединится, потому что может быть самыми лучшими намерениями он сочтет, что для него стоит немножко выждать, как повернутся дела. С другой стороны, может быть, сами патриоты сочтут, что присоединение к ним Короля произведет невыгодное впечатление.

Будучи таким образом снабжены Нашими общими инструкциями для устройства Наших дел в Польше, вы будете направлять Нам точные доклады о развитии ситуации, внимательно наблюдая за всеми событиями, которые могут облегчить или затруднить успех Наших переговоров. В случае, если вы достигнете договоренности об образовании патриотической конфедерации, вы отдадите Нам в этом отчет и будете ожидать Наших последующих приказов, прежде чем

объявите о ее создании. Возможно, будет необходимо предпринять некоторые политические демарши или меры военного характера, которые облегчили бы создание конфедерации и усилили бы ее эффект...

Остаюсь благосклонной к вам. Дано в Санкт-Петербурге, 5 мая 1771 года.

ЕКАТЕРИНА

**18. ПЕРЕВОД С ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ ГОСПОДИНА
БАРОНА СТАКЕЛБЕРГА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО
КАМЕРГЕРА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ И ПОЛНОМОЧНОГО
ЕЯ МИНИСТРА ПРИ КОРОЛЕ И РЕСПУБЛИКЕ
ПОЛЬСКОЙ¹**

Быть по сему².

Как Ея Императорское Величество за благо рассудить изволила отозвать чрезвычайного и полномочного своего посла при Варшавском дворе действительного тайного советника Салдерна, то угодно ей было по доверенности, которую она полагает на вашу ревность и способность, вас избрать для заступления вместо его сего поста в качестве полномочного Ея министра. Именным Ея Величества указом повелено вам, как скоро получите вы из Коллегии иностранных дел вашу экспедицию вместе с проездными для вас деньгами, отправиться к назначенному месту и поездкою вашею (sic) со всевозможною прилежностью поспешать, дабы вы неумедлительно могли распорядиться в порученном вам правлении дел. Равным образом по Ея повелению и Ея именем предписываются вам здесь правила, коими вы следовать имеете в отправлении вашего министерства и в собственном предмете вашего отправления.

Приобретенное уже вами сведение дел, касающихся к отделенному вам посту, приведете вы в совершенство чрез чтение, в самых тех местах, где хранится архива, которую имеет вам вручить ваш предметник. Вы увидите там как генеральныя инструкции, так и особенныя повеления, данныя послам и министрам, прежде вас бывшим, учиненное ими пополнение по оным, и следственно порядок и течение всех дел. Вы можете разделить оныя особливо на четыре эпохи.

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.165. Л.29–39.

² На французском подлиннике инструкции.

Первая. Есть инструкция, данная послу Графу Кейзерлингу вместе с князем Репниным, имевшим характер полномочного министра, и по коей сей последний продолжал поступать чрез все течение его посольства, в которое вступил он на место графа Кейзерлинга.

Сия эпоха представит вам начало всех дел между Россиею и Польшею с возшествия Императрицы на престол; избрания короля ныне владеющего; королевския и его фамилии усилия о приращении прерогатив и власти королевского достоинства; рекламирования и настояния со стороны России и других в том интересованных дворов о возстановлении диссидентов; употребленные средства для произведения онаго в действо; генеральную Радомскую конференцию; держанный сейм в Варшаве под узлом сей конфедерации; новую конституцию; возобновленный трактат между Российскою империею и Польшею; вскорости потом начало настоящих мятежей и войну России от Порты объявленную.

Вторая эпоха, отправление посла князя Волконского; инструкции, коими был он снабден; всемерныя попытки и негоциации с его стороны, как при дворе, так у главнейших наций, о пресечении мятежей, всегда тщетныя; мятежи умножаются; самоназывающиеся конфедераты скапливаются и явно нападают на Российския войска; инактивитет (бездействие. — П.С.) Польскаго правительства среди сих настроений.

Третья эпоха. Посол Салдерн отправлен с новым планом для усмирения Польши. Декларация с его стороны для обязания нации вступить с ним в неготацию и усмирить себя саму с помощью России; тщетность сего поступка; буйство возмущений продолжаемое с одинаким остервенением; никто не внемлет предложениям России.

Наконец, четвертая эпоха, есть настоящее дел положение и собственный предмет вашего отправления. Ея Императорское Величество по истощении всех возможных видов в усмирении Польши с сожалением узнала, что дружба ея, безкорыстие и гарантия посессий республики служит только оружием для Польской нации, которое она употребляет с одной стороны к собственному своему разрушению, а с другой — к подкреплению явной войны противу Российской империи. По таком прискорбном убеждении признала она за долг внять гласу собственного своего правосудия, и интереса ея народов, и не может более без невозвратнаго для нея и Польской нации предосуждения почитать себя связанною такими обязательствами, кои сама сия нация отринула или с явнейшим презрением нарушила. Вступила она с соседними с Польшею державами в согласие действительно обезпечить респективныя их права и претензии на Польшу и произвести оныя в действо вместе с возстановлением тишины и добраго порядка во внутренности Республики, определяя ей также политическое существование, сходственнейшее с интересами ея

соседства. Но для приведения вас в состояние лучше судить о сообщении такого соглашения, о его твердости и о соединении трех держав, в оном участвующих, прилично будет объявить вам вкратце о негоциациях предъуготовивших оное и наконец приведших его к своему заключению.

Не безызвестно вам, что на Польския дела и войну, по причине оных происшедшую между Российскою империею и Портою, весьма разным оком зирали Венский и Берлинский дворы.

Первый находился в тесном союзе с Франциею, которой политика всегда противоборствующая политике Российской, ищет озобочивать ее делами во всех дворах; которая умножала и подкрепляла Польския мятежи, подавая ей явное вспоможение людьми и деньгами. Воплями своими и интригами, подкрепляемыми знатными суммами, привлекла Порту объявить войну России. Следуя импрессии сентиментов такого союзника, Венский двор и сам фаворизировал конфедератов явным убежищем в своих землях и удобностью снабжать себя там оружием и амуницією, и выходить из оных по своему произволению для показания себя в их отечестве и возжения тамо военного пламени. Не меньше приметное оказывал он пристрастие и Порте против существеннейшего интересу наследственных его областей, а сие немало ободряло сию державу в том, чтобы наивеличайшия противу России делать усилия.

Прусский Король, напротиву того союзника России, верно исполнял обязательства трактатов; делал ей субсидиум; удерживал на границах шайки самоназывающихся конфедератов; бдительно предостерегал расположения и поступки Австрийского дома и показывал себя всегда готовым уведомлять о том своего союзника.

Среди сугубых забот России, в войне с Портою и Польских мятежах, венский двор счел, что он нашел удобный случай иметь возможность заплатить себе собственными своими руками за то фаворизирование, которое оказывал он как Порте, так и самоназывающимся конфедератам, и не прикрывая никаким правом или предлогом своих поступков вступил он во владения земли Ципс.

Чем меньше Российский и Берлинский дворы оказали явно внимание их к таковому движению; тем более приняли они сие в зрелое разсуждение во внутренности кабинета, и искали между собою приспособить к тому собственные их меры.

В самом деле необходимо надобно было им выбрать одну из двух мер: или явно протестовать против такого предприятия; употребить негоциацию, чтобы принудить через то венский двор отступить от оной земли, а если бы не можно было предуспеть сим средством, воспротивиться тому военною рукою и вступить в войну с ним: или расположить собственные свои поступки по поведению венскаго двора, рекламируя равным образом каждый из двух дворов для себя, на то в чем имеют они претензии на Республику. Как то равно было для

равновесия власти наблюдаемого между тремя дворами, чтоб они равносильно никаких рекламирований на Польшу не чинили, или чтоб каждой из них приобрел пропорциональное приращение, таким образом здравая политика оставляла на произволение выбрать одну из двух мер, и Ея Величеству не оставалось, как только принять в уверение, которая из них более может подать способностей к скорейшему усмирению Польши, и сходственнейшая с правосудием в разсуждении Ея, и она не долженствовала долго колебаться в своем решении. Новая война с такою державой, коей области граничат с Польшею в той великости пространства земли, служила новым питанием и сильным подкреплением Польским возмущениям; и так отдаляемо было усмирение во все время новой сей войны, кондиции, подвергаемые жребию оружия, были в разсуждении Ея самой, Ея Величество повергала государство свое в убытки и опасности новой войны и за кого? За нацию, которой она через столько лет тщетно жертвовала величайшим числом людей и денег, для нации, которая за услуги, благодеяние и безкорыстие Ея одними только явнейшими знаками неблагодарности платит, которая не только явную против ея имела войну, но еще возбудила противу ея неприятеля опаснейшаго для Ея государства. Другая мера вопреки представляла дружественное стечение трех держав по усмирению Польши, разобрание всех предметов, кои рано ли или поздно могли произвести войну между одною или другою из них с Польшею, назначение вновь границ сей последней, и через то существование сходственнейшее с собственною Ея конституциею, равно как и с интересом ея соседей; наконец, что всего важнее, соблюдение тишины в сей части Европы. По прилежном разобрании всех сих уважений и принятые уже меры, Ея Величество будет прилагать свое попечение единственно о средствах для достижения к тому.

Министерству ея дано повеление вступить в конференцию с графом Сольмсом министром короля Прусскаго, и как сентименты Его Прусскаго Величества нашлись совершенно сходственными с сентиментами Императрицы, то и завязалась негоциация между обоими дворами, счастливо оконченная чрез конвенцию, подписанную здесь в Петербурге 4 января 1772 года вместе с сепаратными артикулами и особенною конвенциею для содержания всего вспомогательнаго респективнаго корпуса, с коих пьес найдете вы копии в архиве вашего предшестника.

Вы приметите там, что в справедливых опасениях, кои подавали тогда расположение и движение венскаго двора, оба союзника всемерно предограждали сея противу онаго; но что всякий раз не отчаивались они провести его к своим видам, и что они всегда оставляли ему свободный вход для вступления в оныя; а после сего увидите вы, как и до какой степени в том предуспето.

В то же время, как оба союзника негоциировали между собою и соглашались о своем плане, производилась между Российским и

Венским дворами негоциация другого существа, о коей течении и успехе надобно вам сказать.

Вы то помните, что Порты по получении знатных ударов помышляла о мире, и что по своей методе трактовать всегда чрез посредство третьяго, дабы одержать авантаж для собственных дел от соперничества, которое как ей известно, больше или меньше пребывает между христианскими державами, адресовалась она директно к Венскому и Берлинскому дворам и формально искала их медиации для заключения мира с Россиею.

Король Прусский, искренний приятель Ея Величества Императрицы Всероссийской и верный ея союзник, не оставлял уведомлять Ее о всех расположениях Порты, равно как и о разных интригах, кои употребляемы были в Константинополе в пользу и вопреки сего мира.

Венский двор напротив того соблюдал обо всем том принужденное молчание в разсуждении России и Ея министров, но случай довел к тому, что в самое то время, когда искательство Порты о медиации дошло до обоих дворов, король Прусский находился в Богемии в лагере императора, и что там имел он некоторые переговоры с князем Кауницом по пункту будущего мира между Россиею и Портою.

В таком положении дел Императрица, имея уважение к обстоятельствам в разсуждении других дворов, уклонилась от наружности формальной медиации, и просила, чтобы Венский и Берлинский дворы ограничили ее в одних только добрых официях, кои она приняла бы от них с благодарностию, но в то же время сочла она за должное показать себя готовою согласиться на мирныя кондиции честныя и безопасныя, и вверила она королю своему союзнику мирный свой план, препоручая ему употреблять его только во времени и на месте, а притом если она то заблагоразсудит, употребить средство конфидентной откровенности, восстановленной между им и Венским двором, для объявления сему двору того, что можно будет по приличию сообщить ему о базис кондиции Императрицы. В скорости после сего повелено было директно отсюда князю Голицыну открыться в конфидентном переговоре князю Кауницу о нужде, в коей находилась Ея Величество Императрица, требовать перемены формальной медиации на добрыя официи, равно как и получить освобождение министра Ея господина Обрезкова прежде всякаго вступления в негоциацию, и при сем случае, объявляя о расположениях Императрицы к миру, сообщить словесно сей базис кондиций, на коих она заключить его намерена.

Но в то время, когда при сем еще повороте изъяснения находились, Венский двор уведомился индиректно о самом существе мирных кондиций России, между коими были две, противу которых притворно или в самом деле оказывал он величайшее воспротивление.

Одна была альтернатива независимости Валахии и Молдавии или удержание обоих сих провинций в секвестре чрез 25 лет для России, ради удовлетворения за военные иждивения.

Другая была возстановление самодержавия татар яко вольного и от Порты независящего народа.

Князь Лобкович имел повеление уведомить здесь чрез словесное сообщение о воспротивлении его двора обеим сим кондициям под предлогом интереса австрийских областей. Ответствовано на сие чрез конфидентное сообщение всего мирного плана со стороны России, чтобы оправдать пред сим двором совместность всех ее кондиций с явнейшими интересами австрийских областей. Сей пункт возражаем был как с одной, так и с другой стороны, не в форме действительной негоциации, но под образом конфидентных изъяснений государя к государю, и сообщения равномерно конфидентного министра к министру. Не оставлено чинить под рукою внушения искусно менажируемая по тому, что надлежало сделать относительно Польши, без всякаго точнаго открытия и поступления вдаль. Князь Кауниц ни мало сему не вникал до того самого времени, как в разбирании мирнаго дела, по предложении некоторых кондиций, кои почитал он приемлемыми для России, обещал стараться о подкреплении оных у Порты добрыми официями своего двора, но с точным условием, чтоб Россия отнюдь не помышляла на раздробление польских владений, когда собственный его двор признавал за благо отобрать для себя тринадцать городов Ципскаго графства.

По сему двойному предложению с большею ясностию отзывались в Венском дворе.

По пункту мира с Портою; Императрица по любви к тишине и из уважения к непосредственному соседству областей австрийскаго дома, согласилась отступить от артикула Валахии и Молдавии; но в разсуждении татар пребывала она в непоколебимом настоянии и вопреки предлагала для себя, тот же резон непосредственного соседства своих областей.

По артикулу занятия Ципса; граф Панин с твердостью предложил князю Кауницу чрез князя Голицина, что двор Его, который претендует удовлетворить себе самому, не может воспрепятствовать сделать то же державам, имеющим, равно как и он, явныя права на ту же республику, но если найдет он за приличное для него вступить в согласие и меры с Россиею и ея союзником, для снесения, разочтения и распоряжения прав трех держав, то употреблено будет старание о склонении на то короля Прусскаго. Сей тон и сия твердость произвели желаемое действие, венский двор согласился наконец на мирныя предложения России, от артикула Валахии и Молдавии Императрица отступилась, и он объявил себя готовым вступить во все распоряжения обоих союзников относительно до Польши. Дело шло единственно об окончании на таком основании негоциации, которая стоила толикаго труда и разбирания как с одной, так и с другой стороны. Для дальнейшаго поступления в дело и для постановления чего-либо решительнаго между тремя дворами, разменен был 7 марта некоторый род прелиминарнаго акта, в форме деклара-

ции, между тремя дворами, предъявляющего равенство трех долей, отделенных от Польши, и взаимное вспоможение для вступления во владение оных, как вы то усмотрите из копии акта, которую найдете вы в архиве вашего посольства.

Как Российский и Берлинский дворы были уже согласны о их долях, то дело настояло только о назначении равного удела для венского двора.

1772

19. РЕСКРИПТ Я.И.БУЛГАКОВУ ОТ 19 АПРЕЛЯ 1792 ГОДА¹

Секретнейше

Копия

БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ ИМПЕРАТРИЦА
И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ.

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Тайному Советнику Булгакову.

Повеления, доставляемые вам в последние времена приуготовили вас конечно к скорому произведению в действо предположений наших по Польским делам. Сообразив к тому все деятельныя меры, мы отправили к Генералу Каховскому точные повеления вступить с знатною частию войск, его начальству вверенных, в Польские пределы на основании правил, ему предписанных. Сроком сего вступления назначены первые числа будущего Мая; по чему и полагаем, что оно исполнится около 10го, или в самый тот день.

К сему времени надлежит и вам исполнить подвиг предлежащий к вашему служению и состоящий в подаче декларации здесь прилагаемой, составленной на Руском языке, которую вы подписав, имеете отдать обыкновенному Министерству Польскому с Переводом Польским или Французским по вашему избранию. До действительнаго вручения сей Декларации вы воздержитесь от всякаго о ней сообщения кому бы то ни было; ибо чем менее содержание оной известно будет, тем лучшего от нея действия ожидать должно, да и с самим Министерством Польским уклонитесь при свидании вашем с ним по сему случаю от дальних объяснений, разве бы оно подало к тому повод предложением каких либо средних мер, не клонящихся

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1309. Л.4–7.

однакож к утверждению того, что мы низпровергнуть твердо предположили. В таком случае вы можете подать надежду о некотором умягчении строгости, с каковою иначе мы намерены употребить все права наши, требуя, чтоб немедленно даны были строжайшия повеления нигде никакого сопротивления НАШИМ войскам не чинить.

Но может случится и то, что Король или Советники его, по свойственной им заносчивости приняв сию Декларацию за объявление войны, решатся на удаление вас из Столицы и из Государства; или же вы и сами усмотрите в продолжении вашего там пребывания личную для вас опасность, сопряженную с некоторыми неприятностями для нашего достоинства, то на таковые случаи вы должны запасно принять меры к скорому вашему выезду, забрав с собою канцелярских служителей к посту вашему принадлежащих, Цифры и другие секретные, а особливо новейшаго времени бумаги; прочие же Архив Министерской составляющия дела, равно как и инные вещи уклад и запечатав лучшим и надежнейшим образом, поручить Датскому Министру, который, яко акредитованный от двора союзнаго с НАМИ и в делах Польских не участвующаго, может тем удобнее хранение всего того взять на себя. Но будеб вам учинено было только постороннее или партикулярное о выезде внушение, и вы при том вышеозначенных неудобностей усматривать не будете, то и должны отвечать, что вы без повеления поста своего оставить не смеете.

Все вышеписанныя предосторожности примите с большею скромностию и без малейшей огласки. Но полагая кажется с довольною вероятностию, что вы на самом деле оными пользоваться в состоянии не найдетесь, мы обратимся к дополнительным наставлениям, которые мы преподать вам имеем. В то самое время как вы поедете сообщать Декларацию НАШУ Министерству Польскому, не оставте разослать печатные Экземпляры оной, для сего здесь на Русском и Польском языках доставляемые по всем вашим знакомым и приятелям, а особливо по тем, на приверженность коих к НАШЕЙ системе вы читаете. Сверх сего прилагаются здесь же особые письма от НАШЕГО Действительнаго Тайнаго Советника Графа Безбородка к великому Канцлеру Малаховскому, к Маршалу Надворному Коронному Рачинскому и к Кастану Ожаровскому, которые им можете вручить и прежде предписаннаго вам шага у Польскаго Министерства, дабы вы тем более имели удобства пространно с ними изъясниться, достаточно удостовериться в прямых их расположениях и о том НАС неукоснительно уведомить. Сие предписание чинится вам в надежде на предполагаемую к НАМ вышеписанных лиц привязанность. Естьлиж бы таковое НАШЕ предположение, по ближайшим вам сведениям оказалось неосновательно, то в таковом случае распорядите ваше поведение по собственному вашему благоразумию.

Четвертое письмо от тогож Графа Безбородка следует к воеводе Сирадскому Валевскому. Он теперь не находится в Варшаве; но вы изыщите способ к нему его доставить и оное исполните.

Пятое за собственноручным НАШИМ подписанием адресуется к Князю Примасу. Препроводите оное к нему одним из печатных Экземпляров вышепомянутой Декларации.

Теперь надлежит вас известить о существе упоминаемой как в Декларации так и в письмах НАШИХ и Министерства нашего Конфедерации, она открыта неукоснительно на границах, чрез которые войски НАШИ в Польшу вступить имеют. Маршалом Генеральным в оной выбран Артиллерии Генерал Граф Потоцкий, и мы не только предписали нашему Генералу Каховскому, командующему армиею НАШЕЮ вступающею в Польшу всеми силами сию конфедерацию подкреплять, но и определили в ней для престоережения НАШИХ интересов Действительнаго Статскаго Советника Биллера в качестве поверенной от нас особы. Мы повелели ему открыть с вами переписку, как скоро решено будет, что вы при вашем poste останетесь, да и вам повелеваем соответствовать оной преподанием с вашей стороны всех нужных к его делу сведений и зависящих от вас пособий.

Хотя мы еще в течении минувшаго Февраля зделали откровение НАШИХ мыслей по Польским делам дворам Венскому и Берлинскому, но только от сего последнего получили отповедь довольно для НАС удовлетворительную; по чему и можем надеяться, что деятельнаго затруднения по оным ни от того ни от другаго не встретим, тем паче, что первый обязан точными постановлениями Трактата его с НАМИ, составлять общее с нами дело во всем что касаться будет до Польской Конституции. Вы не оставьте сообщить Прусскому Министру и Австрийскому Поверенному в делах Французские переводы с НАШЕЙ Декларации вскоре после вручения оригинала Польскому Министру. Пребываем вам ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостию благосклонны. Дан в Санкт-Петербурге. Апреля 19го дня 1792го года.

Подлинный подписан собственною Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

20. ИНСТРУКЦИЯ БАРОНУ БЮЛЛЕРУ, ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАЯ 19-ГО АПРЕЛЯ 1792 ГОДА¹

Изменения, произведенные 3-го мая 1791 года самыми незаконными путями, в прежней конституции и форме правления, так долго существовавшей в Польше, чувствительно затронули интересы всех соседних государств. В виду этого, Ее Императорское Величество

¹ Сборник РИО. Т.47. СПб., 1885. С.293–317.

быстро приняла бы свои меры, не давая развиться дальнейшим последствиям; но в это время Она была вовлечена в войну с Оттоманской Портой, и это препятствовало всем действиям и начинаниям. Когда препятствие это счастливо отстранилось посредством славного мира, заключенного с этой державой, Ее Императорское Величество, не теряя ни минуты, прибегнула к мерам, которые, по своей мудрости, считала соответствующими для предположенной цели. Конечно, явные и многочисленные нарушения договоров, неслыханное насилие против ее подданных и оскорбления, направленные против самой особы Ее Величества, которые позволил себе с такою дерзостью и беззастенчивостью сейм, или лучше сказать, господствующая в нем партия, вполне давали право Ее Величеству, покарвав за нанесенные оскорбления, вооруженной рукой восстановить в Польше поправленную свободу и независимость республики, связанные с отношениями к соседним государствам.

Но Государыня, предпочитающая во всех случаях кроткие меры насильственным, пожелала, для смягчения своих действий, прибегнуть к содействию национальной партии, образовавшей конфедерацию, которая просила помощи и покровительства России и открыла вход в Польшу русским императорским войскам под успокоительным названием покровителей и защитников республики. В виду этого, Ее Величество поощряла усердие тех поляков, которые были недовольны переменами, происшедшими в их отечестве и желали восстановления прежних порядков.

Многих из них Она призвала к себе, и они, вполне разделяя Ее намерения, условились между собою в основах своего союза, и избравши начальника артиллерии графа Потоцкого главным маршалом конфедерации, скрепили ее актом и приняли обычную присягу.

Эта партия, состоящая из 15-16 человек (так как бесполезно говорить об их единомышленниках, которые, при всей своей многочисленности, подавлены господствующей силой, и не в состоянии что-либо предпринять), слишком слаба, чтобы действовать сама по себе. Только при помощи императорских войск, которые войдут в Польшу с разных сторон, этой партии возможно будет развиваться и приобрести ту устойчивость, которая необходима для представительной корпорации. Но так как, для достижения этой цели, употребляя силу только тогда, когда она необходима, недостаточно одной военной опоры, а нужно будет часто прибегать к другим средствам, как-то: к сношениям и переписке или с теми из поляков, которых надо будет привлечь на нашу сторону по причине их влияния на народ в провинциях, или с пограничным начальством смежных держав, в соседстве которых могут находиться наши войска, или наконец, с главными членами конфедерации, которая откроется под нашим покровительством, Ее Императорское Величество сочла нужным дать в помощь генералу Каховскому, которому она доверила командова-

ние своими войсками и руководство политическими операциями, человека, чьи способности и привычка к такого рода делам были бы ручательством успеха. Выбор пал на г. действительного статского советника барона Бюллера, присоединяющего к усердию по службе и к известным дарованиям, ту заслугу, что он долго служил, и частью по делам Польши, под начальством такого гениального и высокого одаренного лица, каким был покойный князь Потемкин-Таврический.

Ее Величество, утвердив это назначение, повелела своему министерству начертать г. барону Бюллеру план действий, коему он должен будет следовать при выполнении данного ему поручения, а также на какие преимущественно предметы должен он прежде всего обращать внимание. Сообразуясь с этим повелением, министерство предписывает г. барону Бюллеру, как только он получит все нужные бумаги, отправиться тотчас в главную квартиру генерала Каховского. Прибывши к нему, он сообщит ему эту инструкцию и войдет с ним в соглашение относительно всех пунктов, в ней обозначенных. Если попутно он встретится с некоторыми из членов образовавшейся здесь конфедерации, то постарается сблизиться с ними, разузнать, как они действуют и с успехом ли; и если узнает что-либо заслуживающее внимание Ее Императорского Величества, то немедленно сделает о том донесение.

Первый съезд конфедерации будет иметь местопребывание внутри наших границ, а именно в Елисаветграде. Он будет под прикрытием Ольвиопольского корпуса, находящегося под командой генерал-лейтенанта Дерфельдена. Отряд войск войдет со стороны Сороки в Бреславское воеводство и понудит его присоединиться к конфедерации.

Другой отряд Могилевского корпуса, при котором будет находиться староста Злотницкий, вступит в Подолию и также присоединит ее к конфедерации. В Киев отправлен будет с той же целью отряд Васильковского корпуса. Эти три воеводства соединятся тогда с общей конфедерацией, которая, благодаря прикрытию наших войск, будет иметь возможность перенестись безопасно в такое место, какое найдет удобным для основания там своего местопребывания и для свободного применения власти и прав, даваемых ей древним обычаем. С этой минуты г. барон Бюллер будет находиться неотлучно при конфедерации, за исключением того случая, когда представится ему надобность отправиться к генералу Каховскому.

Достоинство Императрицы не позволяет Ей придать деятельности барона Бюллера какой-либо официальный характер, как это обыкновенно делается в сношениях с самостоятельными и признанными державами; но, так как все-таки необходимо, чтобы он имел какой-нибудь явный знак доверия Ее Величества Императрицы, ему будет дано письменное удостоверение с приложением собственной Ее Величества печати, которое и послужит ему для утверждения в

полномочии относительно конфедерации. Он может предъявить этот документ маршалу конфедерации и позволить ему включить его в некоторые акты, если это окажется необходимым, для придания веса представлениям и влиянию г. барона Бюллера. Главное его дело будет состоять в том, чтобы наблюдать за действиями конфедерации и направлять их цели, согласно с желаниями Ее Императорского Величества, которые будут объяснены ниже. Он возьмет с собою настоящую инструкцию и сообщит генералу Каховскому декларацию, которую Ее Императорское Величество повелела своему министру в Варшаве обнародовать в первых числах мая, время, назначенное также для вступления генерала Каховского в Польшу; возьмет также акт конфедерации, подписанный находящимися здесь поляками, и письмо с просьбой о помощи, адресованное ими на имя Ее Императорского Величества. Эти документы, с заключающимися в них мотивами и аргументами, будут служить генералу Каховскому и барону Бюллеру руководством и темой во всех объяснениях с поляками изустно или письменно. Письма эти всегда должны быть подписаны генералом Каховским. Тем не менее барон Бюллер может иметь свою частную переписку с близкими к нему лицами: но он должен каждый раз сообщать генералу Каховскому как только эта переписка коснется их общего дела.

После открытия правильных заседаний конфедерации барон Бюллер постарается удалить из них злоупотребления всякого рода, на которые могли бы покуситься некоторые члены общества в видах своего личного интереса или мщения, или влияния каких-либо страстей. Он должен обратить особенное внимание на то, чтобы налоги, взимаемые с воеводств и уездов, покорных конфедерации, были распределены с умеренностью и справедливостью, не вымогались бы через силу и находились под контролем и присмотром конфедерации. Эта статья требует тем большего внимания, что начальники конфедеративных войск уже требовали права самим собирать налоги, назначенные на содержание командуемых ими войск. Но это требование их не могло быть исполнено по причине различных неудобств, о которых излишне упоминать здесь. В случае же если снова пойдет речь об этом, то барон Бюллер должен вместе с маршалом конфедерации отвергнуть вновь это требование. Вообще он должен, ссылаясь на непременную волю Императрицы, входить с представлениями во всех случаях, где понадобится поддержать порядок и повиновение, предписанные правилами конфедеративного сейма. В этом его будет поддерживать граф Потоцкий, добродетельный гражданин, не имеющий другой цели, кроме блага отечества, и достойный доверия во всех отношениях. Г. барон Бюллер с полной откровенностью должен условиться с ним на счет всех действий, клонящихся к сохранению порядка в недрах конфедерации, или к расширению и распространению ее. Он должен сообразоваться с

советах графа Потоцкого относительно сношений с особами, которых нужно привлечь в конфедерацию, или относительно перемещения наших войск с одного пункта на другой. В этом случае он должен сообщить изустно или письменно свои предположения генералу Каховскому, которому повелено принимать к исполнению все его представления, имеющие целью с одной стороны положительную пользу, а с другое не представляющие каких-либо неудобств.

Так как намерения Ее Императорского Величества в отношении дел Польши должны были храниться в глубокой тайне, то и нельзя было заранее заручиться большим числом единомышленников, на содействие которых мы могли бы положительно рассчитывать. Кроме особ, уже подписавших акт, и их друзей, на которых они рассчитывают в трех означенных воеводствах, мы имеем мало основания надеяться увеличить число наших сторонников. Хотя военные силы, которыми мы располагаем, достаточно обеспечивают успех предприятия. Тем не менее, мы не пренебрегли ничем, чтобы набрать себе сторонников как Польше, так и в княжестве Литовском. На тот конец мы передали нашему министру в Варшаве несколько писем от министерства Императрицы для раздачи особам, имеющим значительное влияние в Польше. Эти особы суть: великий канцлер коронный Малаховский, маршал коронный Рачинский, кастелян Ожаровский и воевода Валевский; все они прежние партизаны России и свободы, за исключением последнего, приверженного к одной только старой конституции. Однако на них не указывают, как на вполне верных людей; барон Бюллер должен стараться войти с ними в сношения, если предвидится к тому удобный случай, и присоединить их к конфедерации.

Что касается до Литвы, то Императрица послала туда своего генерал-лейтенанта Косаковского, чтоб также образовать там конфедерацию, которая должна присоединиться к коронной. Ему дано письмо от действительного тайного советника графа Безбородко к князю Сапеге, великому канцлеру Литовскому, которому он предлагает от имени Императрицы стать во главе конфедерации, и еще два письма к епископам виленскому и ливонскому (инфлядскому) князю Мосальскому и Косаковскому, которых он также приглашает от имени Императрицы содействовать предприятию. Сам генерал Косаковский назначается командующим литовскими войсками. Ожидают каждую минуту известия об успехе его путешествия, успехе тем более вероятном, что чувства особ, к которым мы обратились, и общее настроение края, по-видимому, весьма благоприятны. Как бы то ни было, если только образуется литовская конфедерация, то она может соединиться с коронной конфедерацией только при помощи наших войск, которые будут обезоруживать и гнать польские войска. Если состоится это соединение, то тут-то начнется настоящая миссия и деятельность барона Бюллера. Для того чтоб он мог достигнуть

результатов, предположенных Императрицей, ему объяснят подробно его миссию. Главный интерес России – восстановление в Польше прежнего свободного правления – счастливо сходится с желанием, по крайней мере, трех четвертей населения самой этой нации. Этот обоюдный интерес России и Польши состоит в том, чтоб разрушить то, что совершено было 3-го мая. Это есть единственная цель настоящей конфедерации и содействия, которым утомляет ее Императрица. Несомненно, та заметная перемена, произведенная временем в нравах, взглядах и характере польской нации, не допускает ее искать в примере древних республик образца правления, которому она стала бы подражать. Притом более современные законы, принятые в 1768 и 1775 году, были не столько дурны и недостаточны сами по себе, сколько потому что в них вкрались неточности и злоупотребления. Поэтому Ее Величество думает, что восстановив часть этих законов и упрочив их возобновлением прежнего равновесия, существовавшего между властями государства, не трудно будет согласить их с целью, предположенною Ее и теми из поляков, которые просили Ее покровительства. Вследствие этого, Ее Величество составила план правления, выражающийся в следующих пунктах.

1. Чтобы ни под каким предлогом и ни в какие времена не допускалось прелгать или учреждать престолонаследие, под страхом строжайшего наказания.

2. Чтобы равномерно запрещено было под страхом такового же наказания избирать преемника королю во время его жизни.

3. Чтобы все верховные права, утвержденные вторым актом отдельно от трактата, заключенного в 1768 году между Россией и Польшей, были подтверждены и возобновлены, и преимущественно статья 21 этого акта.

4. Чтобы преимущества должностей высших генералов были восстановлены в том виде, как было в 1717 году, или в царствование Августа III-го, как необходимый противовес королевской власти.

5. Чтобы все, что было утверждено на настоящем сейме ко вреду союза с Литвою, было уничтожено и все оставлено на прежнем положении.

6. Чтобы закон, отменяющий должность старост, был уничтожен.

7. Чтобы никто не мог быть приговорен к лишению жизни, чести, имущества и звания без суда.

8. Чтобы воспитание юношества никогда не находилось в руках короля.

9. Чтобы налоги, установленные с 1787 года, были уменьшены в размере.

10. Чтобы король никогда не мог вступаться ни в какой частный процесс и чтобы внушения судьям ограничивались формулой: пусть они судят по законам республики.

11. Чтобы сеймы собирались через каждые два года; но никогда не происходили бы в одном и том же месте два раза сряду.

12. Чтобы никакой вопрос, противный религии, свободе и верховным законам, не мог быть предложен сейму.

13. Чтобы *liberum veto* соблюдалось во всех случаях, предписанных законом.

14. Чтобы воспитание юношества сообразовалось с основными законами республики.

15. Чтоб не дозволялось печатать ничего противозаконного.

16. Чтоб в армию республики допускались офицерами только поляки из дворян.

17. Чтоб устроен был определенный порядок для повышения в чины, для того, чтобы никто не терпел от нарушения порядка производства.

18. Чтоб определено было: какие предметы должны решаться единогласно и какие большинством голосов, и чтоб война, мир, усиление войск, налоги, договоры и другие предметы подобной важности решаемы были большинством или на свободном, или на конфедерационном сейме.

19. Чтоб законом объявлено было посягательством против свободы введение вооруженных людей в собрание сейма или сената, насильственное принуждение депутатов давать присягу или подписывать акты, противные их полномочиям, равно как и отказ депутатов отдавать отчет в своем правлении своим избирателям.

20. Чтоб воспрещено было переносить провинциальные суды в столицу.

21. Чтоб суды были восстановлены на том же положении, на каком они находились при Августе III.

22. Чтоб акт относительно гражданских и политических прав всех диссидентов в Польше, в том виде как он был изменен законами 1775 года, был соблюдаем ненарушимо и во веки.

23. Чтоб все эти статьи были включены в *pacis conventa* будущих королей Польши.

Как ни благоприятны эти статьи свободной конституции, которую желает восстановить республика, но между ними есть такие, которые не согласуются с видами некоторых из действующих лиц настоящей конфедерации. Такова, между прочим, статья, касающаяся отмены налогов, установленных сеймом 1787 года. Она косвенно восстает против умножения армии, определенного декретом этого сейма. Но эта статья касается одних только начальников войск республики. Было бы неуместно пожертвовать их тщеславию или другому какому-нибудь может быть еще более предосудительному мотиву самым существенным пунктом, необходимым для благосостояния республики и спокойствия ее соседей. С другой стороны, некоторые воспротивятся, может быть, увеличению власти, присвоенной этим самым начальником. Но так как этот пункт не так важен, как предыдущие, можно будет согласиться на некоторые изменения, в особенности относительно раз-

дачи жалования войскам, которое можно будет поручить в другие руки, лишь бы только главная цель, ограничить власть короля властью начальников войск, была достигнута.

Трудности, могущие возникнуть на счет этих двух статей, не такого рода, чтобы могли остановить ход всего дела, которое Императрица желает довести до возможного совершенства, тем более что оно основано по большей части на прежних договорах Ее Величества с Польшей, заключающих в себе так сказать весь свод законов, которыми управлялась Польша до последнего времени.

Вследствие этого г. барон Бюллер постарается, чтобы проекты и планы нового законодательства, которые будут дебатировемы на совещаниях, подходили как можно более к принципам упомянутых договоров, в особенности по отношению к означенным пунктам, и лишь только он заметит слишком большое отступление от оных, в особенности в видах честолюбия или притеснения, то постарается снова направить умы, действуя попеременно то убеждением, то принимая властительный тон, на который имеет право доверенное лицо Императрицы. Вообще он должен знать, что характер поляков состоит из смеси хвастовства, изворотливости и лукавства, которому надо противопоставлять твердость, ловкость и благоразумное недоверие. Вследствие этого он должен постоянно быть настороже от всех их действий и предложений. Он должен также следить за их отношениями между собою и за их перепиской с друзьями, чтоб быть в состоянии остановить вовремя уклонения, которым они могут предаться. Он должен стараться излечить их от предрассудков, которыми многие заражены против гарантии, установленной предшествующими трактатами между Россией и республикой, и приготовить их таким образом самих просить эту гарантию и принять ее для новой конституции, которую они себе выработают.

Если республиканские войска согласятся добровольно, или принужденные нашими войсками, присоединиться к конфедерации, то они должны находиться под командою соответственных начальников (*du grand et du petit général de la couronne*). Надо стараться разместить их в воеводствах, занятых нашими войсками, и избегать водить их в дело вместе с нашими, для военных операций. Кроме того, что нельзя довериться их дисциплине и настроению, это будет средством отразить претензии польских генералов, которые хотят занять господствующее место каждый раз, как им приходится действовать вместе с одним из наших генералов, ниже их чином. Если же случится такое соединение, то пусть будет постановлено, что ни в каком случае русские войска не должны находиться под командою польского генерала, так же как польские войска под командою русского генерала. На особенные нужды конфедерации, в особенности в первое время, Ее Императорское Величество приказала ассигновать и вручить г. генералу Каховскому сумму в 300 тысяч рублей, которой он уполномочен располагать

в пользу конфедерации, по востребованию, которое ему будет сделано со стороны главного маршала конфедерации, и уплачивать за провизию и фураж, которые воеводства ему доставят по мере возможности и в наиболее удобное для них время.

Кроме аккуратных донесений, которые г. барон Бюллер будет присылать сюда по мере надобности, он будет вести последовательную переписку, коллегия иностранных дел снабдит его одинаковым шифром с тем, который употребляет варшавское посольство.

Ее Величество назначает г-ну барону Бюллеру сумму в три тысячи рублей на его путешествие, и на жалованье восемь тысяч рублей, с вознаграждением по вексельному курсу, которым он пользуется в качестве уполномоченного министра при Баварском дворе.

Министерство Императрицы, полагаясь в исполнении всех вышеозначенных пунктов, так же как и других непредвиденных, на способности, деятельность и усердие барона Бюллера, считает долгом удостоверить его от имени Императрицы и по Ее приказанию, в Ее покровительстве и благоволении. Дана в Петербурге.

На подлинном: “Быть по сему”, апреля 19-го дня 1782 г.

ДОБАВЛЕНИЕ К ИНСТРУКЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ БАРОНУ БЮЛЛЕРУ

Так как статья 21-я второго раздельного акта, составляющая часть трактата 1768 года и заключающая в себе верховные и ненарушимые права республики, потерпела значительные изменения по воле короля, то можно ожидать, что когда поднимется вопрос о восстановлении этой статьи на возобновленном сейме, то умы, уже предрешенные против короля, будут требовать ее полного восстановления. Не только по поводу этого вопроса, но и в продолжение всего хода конфедерации, барон Бюллер должен всячески стараться умерять умы и не допускать никаких насильственных действий, в особенности направленных против короля. Независимо от великодушия Ее Императорского Величества относительно всех навлекающих на себя ее справедливый гнев, обстоятельства настоящего времени заставляют относиться как можно деликатнее и осторожнее ко всем преимуществам королевского сана, и к коронованным особам. Согласно этому, надо выставить польского короля не как виновника или подстрекателя изменений, сделанных варшавским сеймом в прежних конституционных законах республики; но как человека, увлеченного дурными советами тех, которые самовольно взяли власть в свои руки и повлияли на сейм.

КОПИЯ С ПРОШЕНИЯ

Великая Государыня.

Мы, свободные, независимые поляки, всегда считали рабство равносильным смерти. Жертвуя всем свободе, мы думали только о том, чтоб сохранить ее, и для того мы устроили правление, где каждый был у себя королем, и где все вместе признавали только одного, и только того, кого сами избрали. Вместе властители и подданные, мы издавали законы и повиновались им. У нас не было другого властелина, кроме нашей воли. Закон был прежде всего, короли были избирательные, гражданин – свободен, и Польша была республикой. Вот чем мы были, великая государыня, и чего нет более. Нам остается умереть, или снова сделаться тем, чем мы были.

Горсть людей овладела законодательной властью, поддержанная варшавскою чернью и полками коронной гвардии, забыла отечество и принесла республику в жертву королю. Эпохой этой революции был день 3-го мая, прошлого года. Отменено было избрание королей, установлено престолонаследие, королю дана армия, казна и право миловать преступников, нарушены были Pacta Conventa, король разрешен от присяги, данной им нации, уволен от исполнения условий, при которых он принял корону, и врагом отечества объявлен всякий, кто осмелится быть против новой конституции; одним словом, республика была уничтожена, совершено преступление и водворен деспотизм. Самое возмутительное то, что согласие на это постановление изъявила только пятая часть заседающих на сейме, в отсутствие остальные четырех пятых, несмотря на протест большинства сенаторов и депутатов. Все это совершено против инструкций, данных воеводствами, и следовательно против воли нации; словом, все это исполнено посредством самого неслыханного насилия и поругания над священным званием депутата, в лице г. Сухоржевского, которого с величайшим трудом спасли от смерти и от тех, которые топтали его ногами.

Преступление совершилось, надо было поддержать его силою. Обратились к армии и принудили ее присягнуть конституции, и теперь ею пользуются, как орудием, чтобы упрочить установленное рабство. Оружие республики обратилось против нее самой, защитник края сделался против своей воли ее притеснителем, и поляки, организовав с большими пожертвованиями войско в шестьдесят пять тысяч человек, сами того не подозревая, устроили все к своей гибели. С другой стороны, так как меч правосудия грозил поразить тех, которые осмелятся противиться новой конституции, протестовать против нее или выставлять ее недостатки, то пущены были в ход доносы, кары и гонение, а это, в свою очередь, лишило возможности выбиться из такого положения собственными силами. Все стонут, но

никто не смеет поднять голову из опасения ее лишиться. Сейм, созданный на шесть недель, насильственно захватил законодательную власть и пользовался ею три с половиной недели, вопреки положительному запрещению закона; сделавшись таким образом вполне незаконным, он не поколебался ни минуты овладеть и другими полномочиями республики. Законодатель делается судьей и исполнителем в одно и то же время, а в довершение еще и доносчиком.

Начались ссылки, и Гетман Ржевусский, так же как фельдхемейстер Потоцкий, обвиненные сеймом, судимые сеймом, лишенные сеймом своих должностей, не будучи ни призваны, ни заслушаны, сделались первыми жертвами. Нарушен был главный закон республики: *Neminem captivabimus nisi vise victum* в лице г. Томашевского, которого арестовали без предварительного постановления суда, и арестовали за то, что у него нашли книги, выставлявшие на вид недостатки новой конституции. Вооруженной силой принудили высшее литовское судилище дать присягу новой конституции. Епископа Ливонии Косаковского, захватив в его доме, повели в церковь, чтоб заставить отслужить молебен по случаю совершенного насилия. Завели процессы с гражданами, приверженными к свободе, возбудили жителей против дворянства, наконец раздули восстание крестьян, затем чтоб унижить дворянство через крестьян, и потом наложить ярмо рабства на обоих. Это не все. Не допускают нигде двадцати особам из благородных граждан собраться вместе, и назвав это заговором против правительства, вносят тем ужас и горе в недра семейств. Покровительство, оказываемое тем, которые приписываются к буржуазии, делает то, что ни один господин не уверен более в своем слуге, и не знает, кого он держит у себя, слугу или врага. Перехватыванье писем, отобрание почт отнимают все средства сообщения между гражданами и не допускают их сговориться о средствах облегчить свою участь. Ни один процесс не выигран, если не пущено в ход низкопоклонство при дворе; никто не оставлен в покое, если не объявляет себя громогласно защитником рабства; одним словом, нет ни свободы, ни собственности, ни безопасности. Дошли до того, что заставили законодателя принять на себя роль клеветника и скрепить своим показанием нелепые обвинения, которые хотели взвести на ни в чем не повинных граждан. Сделано еще более: дошли до того, что предложили корою перед лицом всего сената... Но замолчим; пусть не ведает потомство, что подобное преступление существовало в Польше, существовало безнаказанно. Вот в каком положении находится Польша в настоящее время. Насколько хватит сил и средств, гражданин не должен пренебрегать ничем, чтоб восстановить республику. Но когда угнетающая партия завладела всеми полномочиями республики, и для того чтоб водворить и поддержать деспотизм, воспользовавшись армией и государственной казной; когда, одним словом, имея в руках все средства угнетать, она в то же время отняла

все средства защищаться и гражданин не может более заявлять свои права и вольности, не сльвя за преступника, ни осмелиться поднять голову, не подвергаясь опасности ее лишиться, — тогда обязанность каждого честного гражданина искать извне поддержки своему отечеству. Да, его обязанность искать извне богов, благоприятных свободе, когда он видит, что домашние пенаты не за нее. Эти чуждые боги сделаются его богами, если им удастся спасти государство и гражданина.

Великая Екатерина! Уподобляясь божеству еще более желанием творить добро, нежели безграничной властью, которой ты облечена, ты одна можешь быть этим божеством, благоприятным для польской свободы.

Владычица полумира, великая по уму и деяниям, ты предписала законы всем твоим врагам. Удивленная Европа смолкла перед тобою, и у тебя нет более ни врагов, ни соперников. Польская нация, соединенная в одну общую конфедерацию, обращается к тебе, как к божеству, благоприятному для ее свободы, и призывает тебя к себе на помощь. Ты предназначена к этому величием твоей души, и дружба, всегда оказывается тобою польской республике, скрепленная торжественными договорами, дает тебе права совершить великое дело. Все надеются на тебя и ожидают всего только от тебя одной. В самом деле, великая государыня, ты, наполнившая вселенную славой твоего имени и твоих побед, и величием души еще более чем страхом завоеваний, сделавшаяся прибежищем народов и царей, можешь ли ты отказаться протянуть твою великодушную руку угнетенной нации, которой ты была всегдашней союзницей? Почему польский король, по просьбе которого ты столько раз посылала войска твои в Польшу, должен оказаться в этом случае счастливее нас? Сколько тысяч и тысяч граждан, надеясь только на тебя и борясь против деспотизма, не могут сбросить наложенные на них оковы, без твоей всесильной помощи? Нет, великая государыня, мы осмеливаемся надеяться на все, потому что мы тебя знаем. Всегда одинаково великая, ты можешь только еще возвыситься, склонившись на мольбы угнетенной нации.

Великая Государыня! Сколько народов, живущих под охраной твоего скипетра, обязаны тебе своим счастьем! Сделай, чтоб поляки, твои соседи и союзники, обязаны были тебе своей свободой. Сделай так, чтоб имя твое, прославленное в самом отдаленном потомстве, навсегда пробуждало в сердцах поляков чувство самой глубокой благодарности.

Вашего Императорского Величества покорнейшие слуги:

Станислав Феликс Потоцкий, начальник артиллерии и коронный маршал
Антоний Станислав князь Святополк Четвертинский, кастелян Перемышльский

С.Косаковский, генерал-лейтенант
Георг граф Виельгорский, староста в Литве
Адам Нат. Мощинский, хорунжий в Бреславле
Антоний Злотницкий, хорунжий в Червонограде
Ян Заремба Сухоржевский
Ян Загорский, Подскарбин Владимирской
Ян Швейковский, воевода Подольский
Михаил Подземба, Кобитецкий полковник
Фридрих Иосиф Вольский
Дисма Бонеца Томас, секретарь коронной конфедерации*

21. ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ Я.И. БУЛГАКОВА О ВВЕДЕНИИ РУССКИХ ВОЙСК В ПОЛЬШУ С ПРАВКОЙ ЕКАТЕРИНЫ II¹

1792 год

ДЕКЛАРАЦИЯ

Вольность и независимость Яснейшей Республики Польской возбуждали всегда внимание и попечение всех ея соседей. Ея Величество ИМПЕРАТРИЦА Всероссийская, присоединяя к сему уважению торжественныя и точныя свои обязательства с оною Республикою, старалася еще и более о неприкосновенном соблюдении сих двух драгоценных свойств политическаго ея бытия.

Сии безпрерывныя и великодушныя старания Ея Величества, плод любви Ея к правосудию и порядку вообще, равно как и доброжелательства и благоволения Ея к народу, по одинакому своему происхождению, по сходству языка и по разным другим естественным сношениям с народом скипетру Ея подвластным, внимание Ея на себя обратившему, стесняли конечно честолюбие и дух господствования тех, кои не довольствуясь уделом власти, государственными узаконениями им дозволенной, искали оную распространить с ущербом самих сих законов. Сего ради ничего они не упустили, дабы с одной стороны утомить деятельное попечение ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ о неприкосновенном сохранении прав и преимуществ знаменитой Польской нации, а с другой оклеветать непорочность и благодать Ея намерений, представляя их при всяком случае в виде им отнюдь не сродном. Таким образом предупредили они коварно преоб-

* Имена и должности польских представителей приведены по переводу, опубликованному в указанном сборнике РИО.

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.213. Л.13–25.

разить в умах непросвещенных Акт, коим Россия приняла на себя ручательство законной Конституции сей нации, в тягостное и уничтожительное для нее иго, когда напротив того знатнейшие Государства, и между прочими Германия, не токмо не отвергали таковые ручательства, но признали, искали и приняли их яко твердейшую ограду своих собственности и своей независимости. Сверх сего произшествие, недавно случившееся, паче всех доводов, которые употребить можно, доказует сколь такое ручательство действительно и нужно быть может, и что без него Республика, ударами внутренних своих врагов низверженная, к возстановлению своему чрез многомощное заступление Ея Величества ИМПЕРАТРИЦЫ не имела бы пред сею Монархинею инаго к тому титула, кроме единой Ея дружбы и единого Ея великодушия.

Между тем ободрясь удачным разпространением всяких мечтаний и заблуждений в некоторой части нации, умыслившие издавна ея порабощение и уничтожение древней ея вольности, ожидали токмо удобного времени к произведению в действо пагубных своих намерений. Таковым представилось им неожиданное нападение на Россию с двух сторон. Вскоре потом собрался Сейм в Варшаве. Все воеводства в наказах данных земским Послам предопределили ему быть вольным и обыкновенным. Но внезапно превращен он в Сейм сконфедерованный без всякой известной или видимой причины. Актом Конфедерации обнародованным и всему свету известным, означены были предметы, в коих сия Конфедерация упражняться предполагала. Главнейшие из них долженствовали состоять в сохранении *вольнаго Республиканскаго Правления, в удержании властей управляющих в обыкновенных их должностях и пределах и в соблюдении собственности Гражданских*. Польской нации самой остается судить по следствию и постановлениям сего Сейма, колико удалился он от предъявленных народной доверенности предметов, заменив оные другими явно им противными.

Не входя в изчисление всего вопреки и в нарушение законов и прав Республики учиненного сконфедерованным Сеймом, или лучше сказать господствующею в нем партиею, довольно будет изъяснить, что похитя, смешав и присвоив себе все власти, которых совокупление в одной руке несовместно с Республиканскими началами, употребил он во зло каждую из тех властей самым тиранским образом, продлил существование свое более трех лет с половиною, чему не находится ни одного примера в летописях Польских, и напоследок увенчал все свои пагубныя предприятия тем, что в 3 день Мая 1791 года испровергнул до основания здание правления, под которым Республика чрез толь многие веки процветала и благоденствовала. В сей день она разрушилась и на ея развалинах воздвигнута Монархия, которая в новых законах изданных будто для ограничения оной, кажет одни только противуречия между ими самими, несходство с старыми и

совершенной во всем недостаток, не оставляя Полякам ниже тени той вольности и тех преимуществ, к коим они всегда толь ревнительными себя показывали. Престол, из избирательного, обращен был в наследственный, и закон благоразумием предков их уложенный и запрещающий при жизни Короля заниматься выбором ему преемника, нарушен столь же дерзновенно, как и все те законы, кои обеспечивали незыблемую твердость Республики. Употребленные средства к произведению всех сих насилий, были им весьма сообразны. В день Государственной перемены, Двор и Палата Сеймовая, наполнены были Варшавскою чернию, введены туда вооруженные люди, и пушки выдвинуты из Арсенала на истребление тех, кои оказали бы сопротивление производимому в действо заговору. Артиллерийской полк и Литовская Гвардия собраны для подкрепления черни, возбудили в ней ярость противу тех, от которых опасались сопротивления. Многих земских Послов непоколебимо пребывающих в патриотических своих правилах, угрожали лишением жизни. Между сими Калижской Посол Сухоржевский приближаясь в самом смиренном виде к подножию престола для напавания Королю о святости учиненной им присяги в наблюдении Пактов Конвентов, сего священного и неразрывного узла сопрягающего его с нациею, без жалости попираем был ногами, не взирая на неприкосновенность сана его и к великому соблазну всякаго Поляка не вовсе лишенного ощущений своея чести и своея вольности. Таким то образом произведенную перемену зачинщики ея покушаются представить в таком виде, яко бы все то исполнилось по свободному и добровольному желанию народа!

Но сии зачинщики, как бы не довольствуясь причиненными нещастному своему отечеству во внутренности его бедствиями, искали еще всеми способами навлечь ему оныя и из вне, поощряя его на распри и даже на явную войну с Россиею, древнею союзницею и лучшею и постояннейшею приятельницею Республики и Нации Польской. Для отвращения крайностей, на которыя ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА безпрестанно была вызываема, потребно было все человеколюбие и особливо та справедливость и прозорливость, с каковыми ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО обыкла различать мнение пристрастных людей от мнения общего. Краткое начертание деяний докажет истину сказанного.

По объявлении Портою Оттоманскою войны России, Посол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подал записку Министерству Республики не имевшей тогда Сейма для предуведомления Ея о проходе Российских войск чрез области Польския и для предложения Ей о назначении в ближайших Воеводствах к тем местам, где сии войски расположиться должныствовали, Комиссаров, с коими бы можно было условиться о поставке съестных припасов и фуража и о платеже за оныя. Все было распоряджено и постановлено дружелюбно и к взаимной выгоде, не смотря на подущении недоброхотства которое начинало уже показываться. Но когда собрался Сейм и предприятие

о разрушении Республики, которое уже стало обнаруживаться, превозмогло над всеми уважениями о сохранении Ея покоя внутреннего и внешнего, то не только твердо настояли чтоб Российския войска без исключения и самага малаго числа определеннаго для стражи учрежденных там Магазинов, немедленно выведены были из Польши, но и затеяны были всякия затруднения в продовольствии Российских войск съестными припасами воспреещением заведения новых Магазинов и настоянием, чтоб и старые перевезены были за границы Республики. При сем случае Скарбовая Комиссия изъявила неместное притязание о зборе вывозных пошлин при переправе чрез Днестр с сих самых Магазинов, составленных великим иждивением и к великому прибытку обывателей Польских. Таковые поступки ни мало не соответствуют тем уважениям, какия должны взаимно наблюдать два соседственные Государства сопряженные сверх того дружбою и союзом. Обиды же всякаго рода чинимыя подданным ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ доведены были до такой степени, что некоторые из находившихся в областях Республики по торговым своим делам, которыя они производили под покровительством Трактатов и народного права, коварно обвиняемы были в поджигании жителей к бунту, и под сим предлогом захвачены и в тюрьму посажены. Судьи коим поручено произведение над ними суда, не находя никаких следов взводимаго на них преступления, прибегали к жестоким истязаниям для вынуждения от них признания, и по исторжении онаго таким образом, безчеловечные сии судьи приговаривали их к казни, которая над ними мучительски и исполнялась. Сей первый опыт неправосудия, безчеловечия и лютой открыл пространное поле ко всяким розыскам, коим наипаче подвержены были жители тех провинций, где исповедуется Греческая православная вера неуниатская. Епископ Переяславский и Архимандрит Слуцкий, хотя подданный ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, подпал сему гонению. Не взирая на высокую в духовенстве его сан, несмотря на непорочность нравов и строгость правил его, возымели на него подозрение в таких преступлениях, которыя при всяком случае выдумывать нужно было злобе и желанию, питать произведенное ею волнение; сей Архиерей был взят и отвезен в Варшаву, где и по сие время содержится в жестокой неволе. Народное право и в самой сей столице не больше уважено было относительно Министров Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА; ибо в церковь их, которая почитается принадлежащею к самим занимаемым ими домам и которая по находящемся снаружи Российскому ИМПЕРАТОРСКОМУ Гербу, означала ясно привилегированное место, ворвались несколько солдат Польских и захватив там церковника, повлекли его без всякой причины в суд, которому он ни мало не подлежит. Требуемое Российским Министром за сие удовлетворение отклонено было под самыми пустыми предложениями и одним словом сказать, не токмо все торжественные договоры, соеди-

нявшие Россию с Польшею, испровержены и нарушены в главнейших их статьях, но вражда простерта до того, что отправлено было чрезвычайное Посольство в Турцию, бывшую тогда в открытой войне с Россиею, для предложения наступательного союза против сей последней Державы; чему Архивы Министерияльных переписок Варшавскаго Кабинета представят яснейшие документы и доказательства. Даже должное уважение к Особе и священному достоинству ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ наблюдаемо не было в речах, говоренных в полном Сеймовом заседании, и вместо того чтоб унять сии безчиния как надлежало, Начальники партии испровергнувшей законы и правление Республики, одобряли и похваляли оныя.

Малейшее из сих оскорблений, не упоминая о тех, которые умалчиваются для сокращения их доводов, достаточно было бы к оправданию и узаконению пред Богом и светом тех мер, каковыя ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО употребить бы решилась к доставлению себе должнаго и гласнаго удовлетворения. Но ОНА отнюдь не в том намерении указала изъяснить ныне сии оскорбления. Свойственное Ей правосудие, не позволяет Ей не различить всего Польскаго народа от единой из частей его, которая обманом получа его доверенность, употребила ее во зло. ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, напротив того, искренно убеждена что большая часть Нации не имела никакого участия во всем, что сделано в Варшаве против ЕЯ и Республики, древней ЕЯ приятельницы, а потому и готова пожертвовать праведным своим возчувствованием надеянию более сообразному с великодушными и миролюбивыми ЕЯ расположениями, что собрание новаго Сейма загладит все сии обиды, последуя с большею точностию предписаниям своих учредителей и Государственным Кардинальным и неперменным законам, нежели настоящий Сейм, которой наруша все оныя явным образом, доказал собственною своею незаконностию, сколь неправильны все его деяния, которые он совершил в противность сим законам.

Но хотя ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО не желает внимать гласу собственного своего мщенья, однакож не может не преклониться на прозбы принесенныя Ей от многих Поляков, между коими находится немало знаменитых, сколь порокою и саном их в Республике, столь и Патриотическими добродетелями и способностию к службе Государственной. Горя чистейшим и похвальным усердием о спасении отечества своего и паки о приобретении прежней вольности и независимости своей, согласились они между собою составить законную Конфедерацию, как единое действительное средство к отвращению бедствий причиненных Нации беззаконною и насильною Варшавскою Конфедерациею. На сей конец, просили они о подкреплении и вспоможении ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ, которая не усумнилась обнадежить их в том и другом, следуя с своей стороны

расположениям дружбы и благоволения своего к Республике, и точно исполняя обязательства своих с Нею Трактатов.

Вследствие сих обещаний, Ея ВЕЛИЧЕСТВО повелела некоторой части своих войск вступить в области Республики. Они предстанут там яко дружественныя и для способствования возстановлению прав и преимуществ Ея. Всем, которые примут их в таковом виде, доставлены будут, сверх совершенного забвения прошедшаго, всякия вспоможенія, личная безопасность и совершенное обезпечение их собственности. Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО надеется, что всякой благомыслящий Поляк, прямо любящий свое отечество, примет в надлежащей цене намерения Ея ВЕЛИЧЕСТВА и признает, что он будет защищать свое собственное дело, когда станет искренно и усердно способствовать великодушным подвигам, которые от НЕЯ употреблены будут по согласію со всеми истинными сынами отечества для возвращенія Республике вольности, преимуществ и законов, кои у Нея похитила незаконная Конституція 3 Маяя. Естли некоторые из них усумнятся, по причине присяги которую учинили они ошибкою, или которая исторгнута от них силою или обольщением, таковыя да размыслят, что одна священная и истинная есть та, которую клялись они соблюдать и защищать до последней капли крови вольное и Республиканское правление, в котором они родились, и что возобновлением только сей прежней присяги, возмогут они загладить клятвопреступление, в которое они впали учинением новой. Но естли сыщутся люди, кои по ожесточению своему в ослепившем их разврате станут противиться благотворительным видам Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и патриотическим желаніям своих сограждан, таковыя должны приписывать сами себе те неприятности и бедствия, которым они подвержены будут, толь справедливее, что от них единственно зависит избавиться от оных скорым и искренным раскаяніем.

Нижеподписавшійся чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр, на котораго возложено объявить о сих намереніях Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и о праведных причинах Ея к тому побудивших, имеет также повеление пригласить почтенную Польскую Нацию, дабы положила она все свое надеяніе на великодушіе и безкорыстіе, коими руководствуется Ея ВЕЛИЧЕСТВО в сем подвиге и которыя побуждают Ея усердно желать видѣть вскоре Республику паки утвржденную в основаніях своих благоразсудительнымъ востановленіемъ равновесія властей Ею управляющихъ, яко вернейшимъ средствомъ к прочному соблюденію внутренняго спокойствія, добраго соседства и согласія со всеми Ея Соседами. Дана в Варшавѣ, дня 1792 года.

На подлинной подписано

Яков Булгаков

22. РЕСКРИПТ ГЕНЕРАЛУ М.Н.КРЕЧЕТНИКОВУ ОТ 8 ДЕКАБРЯ 1792 ГОДА¹

Секретнейше

Копия

БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ.
и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ Генералу Кречетникову.

Нет нужды упоминать здесь о причинах, понудивших нас присоединить к империи нашей от Республики Польской земли, издревле России принадлежавшая, грады, Русскими князьями созданные, и народы, общая с Россиянами происхождения и нам единоверные, и о наших на то правах. Вы увидите их из манифеста, который во свое время напечатан и издан быть имеет, где все сие пространно объяснено будет. Здесь же заблагодарзудили мы предварительно наставить вас для принятия заблаговременно тех нужных мер, кои взяты быть должны, дабы быть на все готовыми и предписать вам правила, по коим вы поступать имеете как при занятии ниже означенной части Польши, так и при начальном управлении и устроении сих новых приобретений.

Определив вас исполнителем сей высочайшей нашей воли, поручаем в начальство ваше под названием обсервационных корпусов все войски наши, расположенные в воеводствах Киевском, Брацлавском, Подольском, и Волынском, а в Литве Бржецкую часть. Какие именно полки и кто генералы? Сие означено в данном уже вам расписании, а в каких именно местах оные расположены так как и польские войски, узнаете вы из карты при сем препровождаемой. Прочия в Польше войски наши вверили мы начальству Генерала Игельстрома, коему и предписано как можно чаще сноситься и согласно поступать с вами, а паче при учреждении вами кордона, который войсками команды его совершенно закрыт и обезпечен быть имеет, как то увидите вы из приложенного здесь списка с данных ему наставлений; последуя чему, имеете вы право требовать для приведения в безопасность новых пределов наших, дабы он согласно и по сношению с вами располагал движением войск ему вверенных. Поелику дела, вам порученные, сами собою связаны с делами остальной Польши, то и имеете вы немедленно вступить в переписку с Послом НАШИМ действительным тайным Советником Сиверсом и помянутым Генералом Игельстромом, от коих и будете иметь все пособия и точные извещения о всем в их ведомстве происходящем.

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1309. Л.98–109.

В прежде данных вам Указах НАШИХ, достаточныя вы найдете сведений и предписаний, касающихся интересов НАШИХ по польским делам; теперь же за нужное находим дополнить оное тем, что прусской двор, вступя в союз с НАМИ и с венским двором, с коим и составляет общее дело против мятежников французских. По несчастному обороту последней кампании и известным следствиям оной, Прусской Король поставлен в невозможность продолжать войну без награждения убытков отчасти им уже понесенных; а более для того, дабы привести себе в состоянии продолжать с вящим стремлением и силою войну сию, соделавшуюся общею для всех Государей и всех благоустроенных правлений, и обратить сей необузданный народ в должные пределы повиновения, воспрепятствовать сему духу безначалия распространяться в Европе. По сим причинам Император и Король Прусской предложили НАМ раздел Польши яко средство, коим вышесказанного достигнуть могут, предоставляя нам соразмерно их приобретению удовлетворить себя для НАС пристойным; для чего Прусской Король прислал и полномочия к Министру своему при НАС Акредитованному, с коим вступя в переговоры и постановлено запасное условие, по коему берлинской двор приобретает Данциг и Торунь и всю великую Польшу кроме воеводства Мазовецкаго, протягивая линию свою от Ченстохова на Раву и на Солдан. Венский двор удовлетворен будет Баварию; а НАМ следует занять и протянуть кордон НАШ, начиная от угла границы Семигалии на Постовы, на Озера Спетау и Шпахту, на Велико при реке Вильне, потом по рубежу воеводства вильнскаго до Столпцы, от онаго перейдя реку Немень до Несвижа, потом до реки Припета на Пинен и оттуда на Кунев прямойшей линией до Вышгорода при границе Галлии, а оттуда до Днестра, соединяясь нынешнюю Границю Польскою с Границю Цесарскою, а по Днестру с Молдавию. Все земли, входящая в черту сию, имеют быть в вечном владении НАШЕМ; и должны быть уступлены Сеймом Республики Польской и утверждены взаимным ручательством союзных НАМ держав Австрийской и Прусской. Для удобнейшаго достижения предмета сего во ожидании решительнаго согласия Короля Прускаго, которое сюда без замедления доставлено будет, имеете вы с надлежащим благоразумием и осторожностью делать все нужные приуготовления, как в движениях войск, так и в заготовлении провианта в назначенных местах, не открывая никому истинных видов, но всегда под предлогом или удобнейшего пропитания, или же движений от стороны турков и для должной от них осторожности, так чтобы прежде условленного времени, о коем вам предписано будет, не встревожить без нужды земель, НАМИ занимаемых, да и не обратить на себя нарекания, что мы произвольно начали сей раздел, на которой принуждены мы усиленным настоянием Прускаго Короля, которой и решился ввести войски свои в великую Польшу, заняв вышесказанную черту под

предлогом удержания в оной земле спокойствия, не присоединяя онаго к своим владениям до утвердительнаго с НАМИ о взаимной черте постановления. Таковое вступление в Польшу войск Короля Прусского, поставляет и НАС в необходимость с НАШЕЙ стороны принять соответственные тому меры для пользы Империи; тем паче что побуждает НАС на то нынешнее положение дел в Европе, а особливо несогласие и раздор, внедрившийся промеж самих поляков, возжигаемых происками французской якобинской факции партизанами бывшей конституции 3^м Майя и недовольными конфедерациею Тарговицкою, и явно возстать желающими на все, что бы мы ни постановили для спокойствия Республики Польской; вследствие чего повелеваем вам: Первое. При занятии сих земель назначить все пространство вышеобъявленной черты НАШЕЙ от одного до другого пункта прямыми линиями и живыми приурочиваниями и утвердиться по оной в разных удобнейших местах отрядами, составя между ими надежныя связи, заняв Несвиж яко укрепленное место и Пинск, могущия быть впредь пограничными крепостями. Второе. Для сего употребить можете от угла Семигалии до Пинска все войска Литовского корпуса, отделя онаго часть и оставя в резерве при Минске для подкрепления в случае нужды угрожаемого пункта и для сохранения внутреннего порядка и спокойствия на кордоне. Третье. От Пинска до Границ Цесарских употребите второй корпус под командою Генерала Порутчика Левандова, отделя в резерв так же достаточной отряд, которой и поставит в окрестностях Острова. Четвертое. Главное внимание при самом объявлении Манифеста обратить должно к Каменцу Подольскому; для чего с учреждением кордона единовременно и не теряя времени третий корпус под командою Генерала Порутчика Дерфелдена собраться имеет в окружностях сей крепости достигая к ней разными путями, и так оную обложить, чтобы ничего ни в крепость, ни из оной не выходило. Заперев таким образом все проходы, дать знать командующему Гарнизонем и всем жителям оной о изданном Манифесте, требуя от них, чтобы немедленно покорились и тем доказали бы усердие к престолу НАШЕМУ, не допуская употреблять силу оружия, к чему для устрашения города и нужныя приуготовления делать можете. Сей важный город необходимо надлежит иметь в руках НАШИХ и чем скорее то учинится, тем будет полезнее; ибо с покорением онаго все кончится и все будет спокойно; а потому и надобно употребить к сему все возможные способы, склонением начальника деньгами и обещанием чинов и состояния. Если же сими способами достигнуть не можно будет; то доводить к здаче лишением жизненных припасов, а в случае нужды и в самой крайности по вашему благоусмотрению страхом артиллерии и силою оружия. Пятое. Войски польския, расположенныя внутри занимаемаго нами кордона, те из них, кои близки к новой границе НАШЕЙ и кои составлены не из жителей занимаемых НАМИ земель,

заблаговременно их вывести под предлогом лутчаго продовольствия внутри Польши по сношению с их начальником; лишь бы число оных не столь велико было, чтобы оное могло соделаться в тягость не токмо остатку Польши; но и войскам НАШИМ, там находящимся, и не причинить затруднения в пропитании тем паче, что все войски Польския, в великой Польше расположенныя, вытеснены будут войсками Короля Прусскаго. Шестое. Те бригады и полки, кои расположены ближе к Границам нашим и окружены войсками НАШИМИ, могут быть склонены ко вступлению в НАШЕ подданство и повиновение, к чему надеемся с пользою способствовать вам будет великий Гетман их Граф Браницкий. Для чего по условию с ним и имеете объявить вышесказанным войскам, что мы присоединив паки к Империи Российской земли, издревле с ней единую область составлявшие, все войски Польские, в НАШИХ пределах находящиеся, имеют учинить присягу в верности; тем же из них, кои взяты были от семейств своих и пожелают возвратиться в прежнее свое состояние по оставлении оружия, учинить то позволяется, распределяя из них каждого в такой род жизни какой сами изберут. Естли же некоторые бригады, полки или команды пожелают на нынешнем основании их вступить и в службу НАШУ, то их в том удовлетворить согласимся, оставляя при них офицеров их, коим те же чины и в НАШЕЙ службе подтвердим. Когда же бы, невзирая на все сии даруемая выгоды и преимущества, некоторые из них постановляемому от нас противиться стали, то не допуская их соединяться и распространять вредные замыслы, стараться утушати оные при самом начале, и преследуя таковых ловить, и отсылать партиями к командующему войсками, расположенными в Екатеринославском наместничестве и Тавриде, Генералу Графу Суворову-Рымнинскому, которому препоручим мы обращать их по усмотрению на укомплектование полков НАШИХ, разделяя их по всем ротам. Для сего назначили мы войски, названныя в расписании первым корпусом, при котором учредя главную квартиру вашу в Полонне, и связав коммуникацию со вторым корпусом, кордон до Пинска составляющим, и с частью Литовской, а равно и с корпусом, обложившим Каменец Подольский, сею центральною позицією не токмо обуздаете разсыпанные войски польские и Землю приведете в повиновение, но по благоусмотрению своему обращаться можете во все стороны и к тем пунктам, куда обстоятельства, коих всех предвидеть невозможно, того востребуют. Седмое, при самом начале не оставте захватить Артиллерию польскую, поставленную в Брацлаве, в Красне и близ Каменца Подольскаго, тем лишить их способов употреблять оную НАМ во вред. Сие тем легче вам исполнить можно, что оная стоит без прикрытия промежду войск, вам вверенных. Осьмое, когда все сие к исполнению изготовлено будет, то одновременно во всех местах обнародуйте о присоединении сего края к Российской Империи чрез напечатанной Мани-

фест, коего достаточное количество Экземпляров в надлежащее время к вам доставлено будет; судопроизводство, доходы, и пограничные таможи, как с Цесарцами, а равно и с турками по Днестру, останутся до времени подробного во всех частях распоряжения на прежнем положении; приняв от стороны сих последних настроявшие меры, чтобы язва или иные прилипчивые и смертоносные болезни не внесены были внутрь пределов НАШИХ. Таким образом приведя в повиновение и уверясь в тишине, спокойствии и порядке сей новоприобретенной области, обратите все внимание ваше к началному управлению оной. Поставив вас главным начальником войск, учреждаем вас тамо и Генерал Губернатором, дабы таковым соединением власти военной с гражданской, дать вам совершенные способы исполнить предписуемое сходно с ВЫСОЧАЙШЕЮ волею НАШЕЮ, к вящей пользе дел вам порученных и к доставлению полного спокойствия и благоденствия нововступающим в подданство НАШЕ.

Поелику порядок есть душа правления, того для за нужное находим по сей части предписать вам. Первое. По занятии новоприобретаемой области, и дабы лутче известными сделать те места, прикажите Генеральнаго штаба чинам, находящимся при войсках вам вверенных, сочинить верную карту оной с камеральным описанием. Второе. По сочинении карты и получении точнейших о земле сведений приступить к присоединению поветов, прилегших к Границам НАШИМ, к Полоцкой, Могилевской, Черниговской, Киевской и частию к Екатеринославской Губерниям, приписав к ним из новых те Уезды, поветы или инаго звания земли, кои по близости удобные. Например: остаток воеводства Полоцкого присоединен быть может к Полоцкому наместничеству, от новой границы сего наместничества, до реки Березины все земли могут быть приписаны к Могилевскому, Мозырьский округ и часть воеводства Киевскаго присоединены быть могут к Черниговской и Киевской губерниям; а равно часть Киевскаго и Брацлавскаго воеводства к Екатеринославскому наместничеству.

Третье. Вся прочую новоприобретенную землю назначить к разделению на три губернии. Например, в Литве можно бы учредить первую Губернию в Минске на Волини, вторую Изьяславскую в называемом ныне городе Заславле, который впредь древним именем своим Изьяславом называться имеет, или в Константинове, где по местному усмотрению то удобнее окажется, и третью в Брацлаве из воеводства того же имени, присоединя к сим двум последним те части воеводства Подольскаго, которые по удобности к оным приписаны быть имеют.

Четвертое. Для облегчения исполнения поручаемых вам дел, предварительно назначаем в сии новыя три губернии губернаторов, в Минскую Генерала Майора Неплюева, в Изьяславскую или Константиновскую Генерала Майора Шереметева и в Брацлавскую Гене-

рала Майора Берхмана, которые состоя при войске, по обнаружении о занятии края, вступить должны в отправление порученного им начальства, по объявлении им вами высочайшей на то воли НАШЕЙ, не нарушая ни в чем настоящего правления до времени подробного установления. К ним в помощь определяем вице-губернаторов коллежских советников в губернию Минскую Михайлова, в Изяславскую Вельяминова, в Брацлавскую надворного Советника Грохольского. Сии отправлены будут к вам не прежде, как все уже приуготовлено будет к исполнению, дабы рановременным их отправлением и туда приездом не подать сомнения и не сделать тревоги. Со дня вступления их производить им жалованье по окладам, а губернаторам столовые деньги из экстраординарной суммы.

Пятое. Ради наполнения от герольдии всех чинов повелеваем вам вступить в сношение с правящим должность Генерал-прокурора, дабы по предоставлению вашим и его соображению в сии новоучреждаемые губернии определяемы были люди известной способности и безкорыстия, о чем должны вы прилагать крайнее ваше попечение, не исключая из числа к местам определяемым и тех природных тамошних жителей, в коих более привязанности и усердия к Империи НАШЕЙ усмотрено будет, для чего и позволяем вам производить включительно до титулярных советников давая знать о произведении вами Сенату с приложением о службе их списков и с показанием заслуги или отличия, за которых награждены чинами, а о прочих от вас ожидать будем верных в свое время свидетельств.

Шестое. Канцелярских служителей заимствовать из Малороссийских, Тульской, Калужской и прочих губерний.

Седьмое. Всем определяемым в новоприобретаемые губернии места, жалует в уважение неближняго переезда, третное жалованье не в зачет по их окладам; а вице-губернаторам на проезд по две тысячи рублей. О всем вышесказанном не оставим мы дать в свое время надлежащих куда следует повелений.

Осьмое. По таковых назначениях и распоряжениях отправить надежных людей под надзиранием Губернаторов к составлению ревизии, кои и имеют учинить перепись как поветам, так и находящимся в тех поветах помещичьим и монастырским деревням и в оных живущим людям и крестьянам, также каждой деревни доходам, записывая порознь что помещичьего, и что коронного с них собирается, сохраняя тот же порядок, какой и в Белоруссии наблюдаем был. Сия перепись чинима быть должна по утвержденным НАМИ формам.

Девятое. Коронной доход Польской следует в казну НАШУ. Определенные вице-губернаторы имеют оной переписать, где и сколько как таможенного так и прочих какого бы звания ни были. Все сии сборы прикажете собирать в казну НАШУ до дальняго о том определения.

Десятое. Вы разделите помещичьи деревни на два рода. 1^я, наследственные. 2^я посмертно или зауряд на чины данные, как то, староства и другие тому подобные, какого бы звания не были.

Первое надесять. Города оставить на их правах и привилегиях на первой случай и каждому из них не препятствуйте просить нас о подтверждении оных.

Второе надесять. О монастырях вы сделаете рассмотрение. 1^е тех монастырей, коих монахи не пожелают нам присягать, а уйдут за границу и монастыри оставят пусты; деревни велеть взять в казенное управление, 2^е то же учинить и с деревнями монастырей, лежащих за границею. 3^е. Прочих оставте в управлении их имениями до дальнаго о сем впредь определения. 4^е. Писарским монастырским школам и училищам прикажите сделать особую перепись, за сими найпаче надзирать имеете по причине вреднаго учения, основаннаго на буйственных началах новейшаго французскаго суетумудрия, разрушающаго все связи благоустроенных обществ и правлений.

Третье надесять. Вы прикажете собрать обстоятельное сведение, на каком основании в тех местах винная продажа и по какой цене; также откуда жители получают соль, и во что она обходится в народную продажу, и наконец где по вашему усмотрению полагаете удобные учредить таможи по новой границе?

Четвертое надесять. Собрав все эти сведения нужные для учреждения и управления сей области, имеете вы доставить оныя сюда со мнением вашим, как скорее можно будет.

Пятое надесять. По сем следует разделение на округа и введение присутственных мест, на основании изданных учреждений о управлении губерний.

Шестое надесять. По устройении губерний пограничныя таможи перевести в удобныя места на новую границу, кои тогда уже и назначены будут.

Седьмое надесять. Главное попечение ваше будет о сохранении тишины и спокойствия общаго и частнаго в сих провинциях; и для того найстрожайше надзирать над всеми подчиненными вам, дабы ни малейшей обиды или притеснения обывателям от них чинено не было.

Осьмое надесять. Вы всемерно стараться будете чтобы со вступлением новых областей под скипетр НАШ, пресекать в оных всякия злоупотребления, несправедливости, угнетения, разбои, смертоубийства и тому подобные беспорядки; а в изследовании дел мерзкия пытки, обвиняющия виноватаго, как и невиннаго, и деяний суровыя казни. Одним словом Мы желаем, чтобы сии области не токмо силою оружия были НАМ покорены, но чтобы вы сердце людей в оных живущих добрым, порядочным, правосудным, снисходительным, кротким и человеколюбивым управлением Российской Империи присвоили; дабы они сами причину имели почитать отторжение свое от Анархии Республики Польской за первый шаг к их благоденствию.

Девятое надесять. Мы уже постановили за правило единожды навсегда во всей Российской Империи, что в толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными

народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности для своих граждан был порок запрещения или недозволения их различных вер (смотри 494, 495 и 496 статьи Наказа) вы во всей точности имеете сохранить во вверенных вам ныне областях сии статьи яко коренныя и основанныя на правиле православия, политики и здравого разсудка.

Двадцатое. Блаженство народное быв предметом всякаго добраго правления и мы имев всегда пред глазами споспешествование всеми нам от Бога дарованными силами к доставлению благоденствия всем тем народам, кои нам в верности присягу учинили, предписуем ныне всех жителей, какого бы звания они ни были, кои в тишине и спокойствии живут и присягу в верности учинят и оную нелицемерно сохранять будут, не токмо оставить при всем том, что каждой законно имеет, но всячески их сохранять в безопасности как личной, так и имущественной.

Двадцать первое. По обнародовании Манифеста при торжественном в должность вступлении вашем и господ Губернаторов имеете вы всех привести к присяге на верность, какого бы кто ни был чина и звания, и дать во всенародное известие, чтобы всяк остался спокойно во владении настоящего, и отнюдь никакого насилия к отысканию завлажденного употреблять не отважился, а отыскивал бы оное судом, когда надлежащие для того места в действие вступят, и сие время никому в просрочку не ставить.

Двадцать второе. Кто же из помещиков присягать не будет и пропустит положенной на то в Манифесте срок, тем велеть выехать из НАШЕГО владения, и оный чрез то теряет уже права, одним поданным нашим принадлежащая, во владении и наследстве имения.

Удостоверены мы впрочем, что все сие препоручаемое вам, по временам наилуччим образом исполнено будет, и что опытность ваша, знание по сим делам, а паче ваше к НАМ усердие и точное и скорое всегда исполнение воли нашей и в сем важном подвиге на истинную пользу и славу Империи Российской откроют вам удобнейшие способы, совершить все предписанное по желанию НАШЕМУ, вы стараться будете отвращать вред по всем делам и НАМ делать представление, где НАША помощь вам нужна будет, быв уверены, что все примечания ваши, о приведении в лутчее состояние сих вверенных вам Губерний приняты от НАС будут с благоволением. Пребываем впрочем нашу Императорскою милостию всегда к вам благосклонны. Дан в С^т Петербурге декабря 8 дня 1792 года.

На подлинном подписано собственною Ея императорскаго величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

23. ИНСТРУКЦИЯ Я.Е.СИВЕРСУ ОТ 22 ДЕКАБРЯ 1792 ГОДА¹

Копия

БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ ИМПЕРАТРИЦА
И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ.
и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ Действительному Тайному Советнику Сиверсу.

Избрав и определив вас в настоящем трудном и нежном положении дел НАШИМ чрезвычайным и полномочным послом при Короле и Республике Польской, МЫ тем самым подали вам несумненный опыт НАШЕЙ доверенности к искусству, способности и усердию вашим к службе НАШЕЙ.

По сим качествам, по справедливости вам приписуемым, полагаем МЫ, что конечно и в уединении, из которого МЫ вас ныне призвали к сему знаменитому служению, не оставляли вы общественные дела без некоего внимания и наблюдения; по чему и почитаем совершенно излишним входить в подробное описание всех минувших происшествий, тем наипаче что течение и ход оных достаточно объяснятся бумагами от Министерства НАШЕГО, вам сообщенными, и у сего для нужных иногда справок в списках прилагаемыми. Но коснемся однакож оных вкратце, поелику они служили поводом к тем предположениям, которые МЫ здесь открыть вам и препоручить вашему исполнению намерены.

Известно вам, на каких основаниях взаимно полезных и соседственной тишины благоприятствующих с начала НАШЕГО вступления на престол НАШ, хотели МЫ учредить сношения НАШИ с Республикою Польскою. Приобретенное НАМИ в правительстве ее влияние устремлялось всегда на утверждение вольности и независимости ее с предохранением законных прав сограждан ее. Но все сии подвиги, вместо должного им признания, произвели злобу к Государству НАШЕМУ, междуусобную зависть и кровопролитные мятежи, кои пресеклись наконец разделом, в 1773^м году в действо произведенным. Не может быть конечно ни одного поляка несколько сведущаго о делах, которой бы не знал, сколь приступление НАШЕ к таковой мере вынуждено было обстоятельствами и сколь и тут умели МЫ не только ограничить собственные НАШИ права в пределах крайней умеренности, но и воздержать лакомство и алчность других дворов, в оном с НАМИ участвовавших. Казалось бы по всем вероятностям, что вышепомянутое событие послужит поучением и убеждением для передо, что дальная целост и спокойство польских владений зависят нераз-

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1309. Л.110–134 об.

дельно от соблюдения тесного и непрерывного согласия с НАМИ и державою НАШЕЮ. Но время и весьма короткое доказало, что легкомыслие, надменность, вероломство и неблагодарность, сему народу свойственные, не могут быть исправлены ниже самыми бедствиями; ибо как скоро управляющие оным увидели НАС озабоченными двумя кряду войнами и происками потаенными НАШИХ завистников, то не усумнились поползнуться на расторжение всех торжественных с НАМИ обязательств и разные всякого рода оскорбительные поступки как против НАС самих, так особливо против войск НАШИХ, сражавшихся тогда с нападшим на НАС неприятелем, даже против подданных НАШИХ по невинным своим промыслам в Польше находившихся, увенчав напоследок все сии неистовства испровержением в 3^й день Майя 1791го Года формы правления, НАШИМ ручательством утвержденной, и учреждением на место оной другой, Республику в монархию преобразующей.

Перемена, столь несвойственная коренным пользам Государства НАШЕГО, не могла быть от НАС долго терпима, и МЫ твердо положили оную уничтожить при первом удобном случае, который НАМ и представился в замирении НАШЕМ с Портою Оттоманскою, вскоре по том воспоследовавшем. Уважая вышесказанные нарушения торжественных договоров и разные обиды НАМ от Поляков причиненные, имели бы МЫ неоспоримое право приступить к исполнению НАШЕГО намерения и точным объявлением войны. Но упреждая напрасное пролитие крови человеческой и предпочитая везде и всегда способы кротости и человеколюбия, МЫ прибегнули к средству, в Польше издавна известному и в чрезвычайных случаях обыкновенно употребляемому, то есть к составлению новой конфедерации. Для сего велели МЫ призвать ко двору нашему изъявивших гласно неудовольствие их о переменах в их отечестве, воспоследовавших от Короны, Генерала артиллерии Графа Потоцкого и полного гетмана Ржевуского, и от Литвы находящегося в службе НАШЕЙ Генерал-Порутчика Коссаковского; скоро присоединились к ним коронный Великий Гетман Браницкий и человек до двенадцати разных чинов из Рыцарства. Но сколь ни малоллюдно было сие число, однакож при соглашении с Министерством НАШИМ о предварительных мерах и о началах будущего правления примечено было с сожалением разнообразие видов, не предвещающих ни единодушия ниже прочности в созидаемом здании, каким бы образом оно ни устроилось. Одни помышляли о сохранении или распространении преимуществ чинов их, другие о приобретении оных, и третии, исключая ручательство НАШЕ на форму правления, хотели сохранить армию польскую в том количестве, которое определил ей последний сумазбродный Сейм. Словом, мало из них, или правду сказать никто, кроме генерала артиллерии Графа Потоцкого, не занимались прямо благом отечества, согласуя оное с выгодами соседей его, и не примешивая к тому

личных и корыстливых видов. Но как главный вопрос состоял не в раздроблении сих видов, а паче в поспешении предположенным делом, то и повелели их наискорее отправить к начальникам войск НАШИХ, а сим с разных сторон вступить в пределы Польския, и там под зашитою оружия НАШЕГО обнародовать Генеральную Конфедерацию, которая и взяла свое бытие под именем Тарговицкой.

Вступление войск НАШИХ в Польшу сопровождено было поданою от имени НАШЕГО Декларациею. Содержание оной равно как и ответа, с стороны польской учиненного, и все следствии, из оного произошедшие, вам совершенно известны. Его величество Король Польской с многочисленными своими сообщниками в сооружении Конституции 3^ю Мая, истощив тщетно все способы возбудить против НАС как соседние, так и отдаленные державы, и увидев решительное превозможение оружия НАШЕГО над польским, признал наконец Конфедерацию, НАМИ покровительствуемую, и зделал к оной формальное приступление. Но сколь поступок сей был нечистосердечен, то явно изобличается, как предшествовавшим, так и настоящим его поведением; ибо не говоря о тех коварных предложениях, которые он НАМ чинил до помянутого своего приступления в намерении поссорить НАС с другими соседственными дворами, МЫ достоверно знаем, что он и поныне продолжает возбуждать и питать в польском народе злобу и недоброжелательство к НАМ и войскам НАШИМ, в чем он довольно и предупел; ибо вседневно обнаруживаются разные знаки таковых неприятных расположений, а особливо самым непристойным неуважением к главным начальникам помянутых войск НАШИХ. К вящему доказательству сей строптивости духа, ныне там господствующаго, долженствует быть собственное признание главных членов присланной сюда конфедерационной Делегации, что как скоро войски НАШИ выступят из пределов Польши, то все там под их щитом установленное в мгновение ока испровергнуто будет. Но не столько заботимся МЫ сим могущим воспоследовать событием, сколько расположением нынешняго пагубнаго французскаго учения, которым, по доходящим до НАС известиям, умы поляков, навсякий разврат естественно поползновенные, заражаются до такой степени, что в Варшаве развелись клубы наподобие Екобинских, где сие гнусное учение нагло проповедуется, и откуда легко может распространяться до всех краев Польши и следовательно коснуться и границ ея соседей. Нет мер предосторожности и строгости, каковых бы опасение толь лютаго зла оправдать не долженствовало.

Объяснив вам историческим порядком все произошедшее и ныне происходящее в Польше, находим нужным тоже учинять и касательно Ваших у НАС изяснений и переговоров с другими дворами. По сближении времени к открытию НАШИХ действий в Польше, за пристойное МЫ признали предварить о том венский и берлинский дворы. Первый хотя и различествовал с НАМИ мнением о совершившейся

перемене в польском правлении и не желал уничтожения оной, однако не только согласился на предприемлемые НАМИ меры, но и на самое точное объявление противникам нашим, чтоб они не надеялись на его пособие или заступление. Второй, согласуясь совершенно с НАМИ в началах, предложил однакож иные способы; но МЫ не нашед оные столь деятельными, каковыми почитали уготованные НАМИ, разсудили за благо поступить по собственным НАШИМ предположениям. Между тем оба сии дворы, сблизясь между собою, заключили союзный трактат и составили общее дело против мятежников французских, объявивших войну Австрийскому Дому и учинивших нападение на имперские области. Скоро потом предложили они НАМ приступить к сему их трактату; но МЫ предпочли заключить таковой с каждым из них особенно: что среди минувшаго лета благополучно и совершилось. Успехи, ознаменовавшие начальные действия их соединеннаго оружия, родили в них мысли о доставлении соразмерных оным удовлетворений. Один вслед за другим предложили НАМ согласенный между ими план, состоящий в том, чтоб венскому двору доставить промен Нидерландов на Баварию, присоединя к оному и другие земли по удобности; а Берлинскому Гданьск и Торунь с некоторыми воеводствами, лежащими в великой Польше, предоставляя и на НАШУ долю удел на щет Польши же совершенно уравниательный с их обоюдным приобретением. На сие первое предложение ответствовали МЫ общими изречениями, подавая однакож надежду о соглашении НАШЕМ, более в том намерении, чтоб вящше поощрить их к продолжению войны, соделавшейся общею для всех Государей и всех благоустроенных правлений, наравне участвующих в приведении сего необузданнаго народа в должные пределы повиновения и в возпрещении духу безначалия, ныне его обуявшему, распространяться по всей Европе. Но по несчастному обороту последней кампании и по известным следствиям Ея Король Прусский, познав из опыта с коlikом тягостию и с коlikим иждивением сопряжено предприятие им дело, соделался столь нетерпеливым, что сообщив мысли свои венскому двору, в то ж самое время повелел посланнику своему, при НАШЕМ обретающемся, объявить НАМ, что претерпев в течение помянутой кампании той великие убытки, поставлен он в невозможность продолжать вместе с Австрийским домом настоящую войну и принужден будет принять чинимые Ему от французских мятежников мирные предложения, естли только не будет обнадежен в награждении сих убытков, но и не вступит в действительное и немедленное владение всего того, что он по представляемому от него вновь плану, пред прежним гораздо пространейшему, во удовлетворению себе требует, обязуясь в таком случае не только не отставать от венскаго двора, но и с большим жаром и стремлением Ему содействовать до совершеннаго достижения общей их цели. Вслед за сим объявлением сей Государь прислал к тому же посланнику и полные

мочи для открытия с Министерством НАШИМ формальных переговоров, приложив тут географическую карту, означающую части земель, которые он от Польши к своим владениям присоединить желает.

Столь решительный отзыв Короля Прусского, сопровождаемый сильнейшими и убедительнейшими представлениями, прятнул НАС войти в ближайшее соображение всех обстоятельств и околичностей, в оном встречающихся. Тут усмотрели МЫ очевидно и ощутительно, во-первых: что по испытанности прошедшего и по настоящему расположению вещей и умов в Польше, то есть по непостоянству и ветренности сего народа, по доказанной его злобе и ненависти к НАШЕМУ, а особливо по изыскывающейся в нем склонности к разврату и неистовствам французским МЫ в нем никогда не будем иметь ни спокойного, ни безопасного соседа, иначе как приведя его в сущее безсилие и немогущество; во-вторых, что неподатливостию НАШЕЮ на предложение Короля Прусского и последующим за тем его отпадением от Римского Императора в настоящем их общем деле, МЫ подвергнем сего естественного и важного союзника НАШЕГО таким опасностям, что следствия онаго вовсе опровергнут европейское равновесие, и без того уже потрясенное нынешним положением Франции и, в-третьих, что Король Прусской, ожесточенный бесполезностию употребленных им издержек невзирая и на отчуждение НАШЕ от его видов, может по известной горячности его нрава или теперь силою завладеть теми землями, которые он себе присуждает в помянутом плане, или для достижения к тому надежнейшего способа навлечь на НАС новые отяготительные хлопоты, к усугублению которых сами поляки готовы будут сделаться орудием. Говоря о неудобствах отказа с НАШЕЙ стороны, МЫ не касаемся польз и выгод соглашения НАШЕГО; ибо сии каждому сами собою легко представляются.

Сии и многие другие уважения решили НАС на дело, которому началом и концом предполагаем избавить земли и грады, некогда России принадлежавшие, единоплеменниками Ея населенные и созданные и единую веру с ним исповедующих, от соблазна и угнетения, им угрожающих, и присоединя их к Державе НАШЕЙ, возвестить их на равную степень славы и благоденствия, каковыми по неусыпному НАШЕМУ о том попечению надеемся, что все НАШИ любезные и верные подданные под Скипетром НАШИМ наслаждаются.

Вследствие сего уполномочили МЫ Министерство НАШЕ надлежащим образом вступить в переговоры с Прусским Министерством именем НАШИМ, принять от него за благо черту новых границ, Государем Его предлагаемую, и сообщить Ему НАШУ: что все уже в точности и исполнено. Но как Прусский Министр сам собою далее поступить не мог, то послав сие НАШЕ сообщение к своему двору и будет от онаго ожидать себе последнего разрешения, почему и не можем еще сказать вам здесь, когда и как произведено будет в дей-

ство предполагаемое НАМИ соглашение, доколе и то и другое не будет определено подписанием и разменою взаимных между нами Актов, о чем вы немедленно в свое время уведомлены будете.

Не имянуем МЫ здесь вышепомянутые обоюдные черты, потому что вы их ясно усмотрите из инструкций, данных НАМИ Генералам НАШИМ Кречетникову и барону Игельстроу, которые не только вам в списках сообщаются, но и присвоятся вам самим в правило поведения вашего во всех частях к общему служению вашему принадлежащих.

Но как для обозрения вещей, познания людей и надлежащего приуготовления тех и других к споспешествованию НАШИХ видов нужно вам быть несколько заблаговременно при определенном вам poste, то и повелеваем вам к оному по получении сего спешить сколько возможно будет, а в руководство ваше как в запас будущего время, так и к немедленному исполнению предписуем вам следующие правила.

1^е. На пути вашем к Варшаве найдете вы соединенные Коронную и Литовскую Конфедерации в Гродне, где оне учредили свое седалище. Тут остановясь на несколько дней, не оставьте обнадежить именем НАШИМ Генеральных Маршалов и всех членов конфедерации о НАШЕМ благоволении к похвальным и благонамеренным их поступкам и о продолжении попечений наших о устроении Респубlike Польской приличного истинному ея благу состояния. От них же вы конечно будете встречены изъявлением их беспокойства по поводу дошедших до них слухов о движениях Прусских войск и любопытство знать мнение НАШЕ о присланном к НАМ от них плане будущей конституции Польской. Не входя в дальнее раздробление по обоим сим вопросам под видом поспешности вашей к тому месту, где вам должно установленным порядком основать служение ваше, ответствуйте им на первый, что свойственно всякой державе, в войне обретающейся, производить движения в войсках своих и принимать меры предосторожности, особливо когда к оным служат поводом беспокойства, каковые и по вашим известиям происходят в великой Польше, смежной с Пруссиею, и что хотя вы и уверены, что в тех движениях Прусских войск никакого другого намерения не кроется, однако же по приезде вашем вы не оставите о том объясниться с пребывающим там Прусским Министром и списаться с НАШИМ в Берлине. На второй, что хотя МЫ во многих частях и одобряем предложенный от них проект той конституции, однако же препоручили вам войти с ними в порядочное онаго рассмотрение и сообщить им некоторые примечания, чего вы не можете исполнить как по возвращении вашем к Генеральной конфедерации, которым вы поспешите, сколько вам дозволит исполнение обрядов, которые должны предшествовать действительному отправлению возложенного на вас служения, и что между тем вы советуйте им согласить общее

мнение в пользу того проекта, которое и будет мерою НАШЕГО благоприятствования оному.

Коснувшись сего проекта, поместите тут же и собственные НАШИ о том мысли, которая имеете вы себе обратить в правило поведения при действительном настоящем случае. Вы видели из присланного сюда проекта, что многие статьи онаго ощутительным образом направляются на введение в Правительство Польское устройства, порядка и деятельности, которые составляя прямую силу и истинное могущество каждого Государства, не соответствовали бы ни мало всегдашним видам нашей системы относительно сея области, естли бы оставалась она во всей целости настоящих Ея владений. Но утверждение жребия, приуготовляемого Ей от НАС и Прусского Короля, не только ослабляет силу сего уважения, но и долженствует дать во всем иной оборот НАШИМ политическим усмотрениям. Чем более расширяется и усиливается Берлинский двор, тем нужнее для НАС становится предохранить себя вещественною преградю от непосредственного с ним соседства. Наилучший способ к тому есть тот, чтоб по совершению новаго раздела поставить Поляков в состояние собственной обороны остального их владения, дозволив им при будущем установлении правительства их учредить военные силы, государственные доходы и прочие части правления по наилучшему их благоусмотрению. Не можем мы от того испытать ни каких вредных собственно для НАС следствий; ибо чинимое НАМИ ныне на шет их приобретение есть такого свойства, что ни НАМ после того не остается ни чего от них желать, ни им надеяться когда либо потерянное возвратить. Далеко от того, чтоб Прусское приобретение замыкало в себе равные с НАШИМ выгоды. Тут остается еще отверстое поле с обеих сторон желаниям и надеждам всякаго рода. Пруссия, соперничествуя с Австриею и, может быть, с Россиею, стремится приметным образом поставить себя в существенное с НАМИ равновесие, и для того при новом каком случае может покуситься как на вещь легчайшую на присвоение себе чего либо еще от Польши; а поляки, защищаясь собственными своими силами, подкрепляемыми пособием других держав соседних, естли только будут они уметь приобрести и сохранить их дружбу и благорасположение, не только легко таковое покушение отразить возмогут; о еще при каковом либо щастливом обороте дел и обстоятельств получить назад хотя часть от них отобраннаго. Следовательно во всех будущих произшествиях сила и деятельность Государства Польскаго, как оные ограничены будут оставляемыми Ему способами, не могут НАС никак и нимало озаботить, а напротив того еще послужат к вящему обеспечению НАШЕГО в сем краю спокойства.

Выводимые из сих разсуждений и приманчивые заключения и перспективы, сопровождаемые выше сего объясненными причинами, побудившими НАС на сию решимость НАШУ, когда вы употребите их

в свое время к стати и с приличною свойству их осторожностию, удобны будут произвести в умах польских убеждение о необходимости требуемой от них жертвы, надежду рано или поздно поправить настоящий их жребий способом лутчаго и деятельнейшаго правления и желание соблюсть НАШУ дружбу предпочтительно всякой другой; чем и сохраним МЫ и в будущем полном правлении, на каких бы оно началах распорядено ни было, то влияние, какое для славы НАШЕЙ и для пользы Государства НАШЕГО быть может нужно.

2^а. В бытность вашу в Гродне старайтесь ознакомиться ближе и короче со всеми действующими лицами при собранной НАМИ конфедерации, замечая особливо тех, которых бы вы могли потом употребить орудием к достижению вверенных вам от НАС намерений, в чем и может вам способствовать тут же находящийся НАШ Действительный Статский Советник барон Биллер*. Нынешний Маршал Конфедерации, котораго МЫ в иных предположениях назначили и маршалом будущего Сейма, под узлом оныя собираемого, к таковому делу способен быть не может. Он же незадолго пред сим, огорчаясь дошедшими до него известиями, что некоторые из членов известной вам делегации порочат пред НАМИ представленный им проект конституции, изъявлял помянутому Биллеру желание или вовсе с себя сложить свой чин, или взять себе помощника под званием вице-маршала Конфедерации, как тому и пример существует в Литовской Конфедерации. Ежели вы найдете его в таковом еще расположении, то не отвращайте его от онаго, а напротив того оставте ему в том полную волю, соблюдая однако ж в сем случае, как и во всех других, то уважение, каковаго он по отличным его добродетелям, а особливо по безкорыстию и преданности к НАМ всегда в глазах НАШИХ достойным пребудет. Не можем МЫ теперь с надежностью никого называть на его место; ибо в последние годы бытности предместника вашего Графа Штакельберга все НАМ приверженные или впали в сущее ничтожество или приступили к господствующей тогда партии. По нынешним обстоятельствам заметили МЫ кастеллана Ожаровскаго, который, усердствуя наравне обeim партиям, то есть королевской и конфедератской, употреблялся и ныне между ими употребляется. Указав на сего кастеллана, отнюдь не хотим связывать вам руки в лучшем иногда выборе, каковой вы по местном обозрении сделать можете. Впрочем во все пребывание ваше в Гродне и до получения от НАС точнаго на то разрешения дело, вам поручаемое, имеет оставаться в непроницаемой тайне для всех без изыятия.

3^а. Прибыв в Варшаву, имеете вручить обретающемуся там НАШЕМУ Посланнику Булгакову Рескрипт, содержащий отзывные Его Грамоты и повеление сдать вам Министерский архив, наличную Казну НАШУ, в руках его находящуюся, серебряный сервиз по описи

* Так в тексте. Имеется в виду барон Бюлер.

и всех канцелярских чинов; что вы и примите все в ваше ведомство и содержать у себя на основании данных о том предместникам вашим предписании в тож самое время поспешите и кредитоваться у короля и Республики Польской вручением посылаемой с вами Грамоты на испрошенной аудиенции, соображаясь во всем примеру предместников ваших одной с вами степени, препроводив оную приветствием Его величеству, согласным с содержанием ея. Сему же самому примеру следуйте и в церемониальных посещениях ваших как Министров Польскому, так и пребывающим в Варшаве иностранных дворов Министрам и другим доверенным особам.

4^е. Между сими последними найдете вы поверенных в делах министров второй степени прусского, аглинского, шведского и поверенного в делах дацкого. Чтоб определить степень доверенности, каковую вы иметь можете в обхождении вашем с ними, нужно дать вам хотя краткое, но ясное понятие о сношениях НАШИХ с их дворами.

Венский и берлинский двор состоят с НАМИ, как уже вышесказано в тесном союзе и должны бы оба в настоящем деле наравне составлять с НАМИ общее. Но первый, озабоченный сильно собственными хлопотами и не видя той надежности в предположенных им выгодах, каковую второй в своих находит, остается в разсуждении НАС при первом отзыве, о котором выше сего упомянуто, и несмотря на докучу и понуждения берлинского Двора далее ни с НАМИ, ни с ним не объясняется, однакож как по дружбе его к нам, так и по собственным его пользам имеем МЫ причину достоверно полагать, что естли не будем иметь от него деятельного пособия, то конечно и не повстречаем ни какого затруднения или неприятства. Почему и можете вы с поверенным в его делах в Варшаве обходиться ласково и где нужно Ему будет ваше пособие, в том никогда Ему не отказывать.

С Пруссим Министром, составляющим с вами общее дело, натуральным образом должны вы войти в тесное сношение, как скоро вы найдете его снабденного от его двора повелениями о взаимной к вам откровенности и с тех пор имеете вы сноситься и соглашаться с ним во всех мерах и предположениях, нужных к достижению общего вашего предмета.

Аглинской двор или лучше сказать настоящее Его Министерство с некоторого уже времени отменно неблагоприятствует НАШИМ видам и старается всячески НАМ вредить даже до того, что Посол Его в Царе-Граде вновь старается возбуждать против НАС Турков. Такого ж поведения должны МЫ ожидать и от Министра Его, пребывающего в Варшаве; почему и должно вам наблюдать строго все его поступки и заблаговременно упреждать чинимые иногда от него злостные против НАС внушения.

Но еще свыше сего препоручается присмотру и вниманию вашему нынешний Шведский Посланник Генерал-Майор Толь как по личности его, так и по положению дел в отечестве его. О личности

его МЫ можем сказать, что в прошедшие еще замешательства барской Конфедерации он послан был от покойного Короля Эмисаром к сим мятежникам и вообще приобрел себе отменное благоволение сего Государя проворными и хитрыми своими изворотами в разных внутренних пронырствах, каковые в тогдашнее время нередко в употреблении были. Что же надлежит до отношений НАШИХ к Стокгольмскому, то невзирая на союз, недавно между НАМИ заключенный, МЫ не надеемся никакой прочности от оного покамест продолжится правление Герцога Зюдерманландского, дяди и опекуна нынешнего Короля.

Касательно Дацкаго Двора МЫ ничего инаго сказать не можем, кроме что союз, с ним заключенный, пребывает и поныне во всей силе и что МЫ надеемся, что Министр или поверенный в делах его в Варшаве останется спокойным зрителем всего происходящего в Польше и ограничится в одном о том донесении своему Двору.

Польское Министерство иностранных дел состоит теперь в великом канцлере коронном Малаховском и в вице-канцлере Литовском Хрептовиче. Первый почитал всегда полезнейшим правилом Польской политики быть в добром согласии с Россиею и получал от НАС пенсioen до тех пор, как сейм, ныне разсеянный и уничтоженный, потребовал присягу от всех чиновников, что они не будут принимать никаких денежных награждений от посторонних Государей. Второй держался всегда на деле системы господствующей стороны, хотя по убеждению своему и предан был к НАШЕЙ.

Впрочем поручается вам и в Варшаве то же наблюдение и в том же виде, в каковом выше сего предписано было в Гродне, относительно людей, кои НАМИ с пользою употреблены быть могут.

5^е. Как по усильному настоянию Короля Пруссаго, МЫ принуждены были согласиться запасно на вступление войск Его в Польшу, в случае буде он примет взаимно предложенную Ему от НАС черту, то и легко может случиться, что еще до прибытия вашего в Варшаву или в самое то время войски те действительно вступят в пределы Польские. Событие таковое не должно НАС заботить: напротив того оно послужит к умножению причин как побудивших на раздел Польши вовсе нареkanie, которое бы могли НАМ учинить Поляки, что МЫ оному первые зачинщики были; но в таком случае должны вы прежде всего советовать Королю Польскому ехать в Гродну и там соединиться с конфедерациею, и когда вы на то его склонить предуспеете, то следуйте за ним туда же немедленно.

6^е. По нетерпеливости Короля Пруссаго, поныне оказанной, не сомневаемся МЫ, что вскоре окончится положительным образом начатое между НАМИ соглашение и тогда сообщив вам оное присоединим тут же и все манифесты, декларации и прочие дипломатические акты, которые к утверждению сего дела нужны будут, с точными предписаниями, каким образом, где и когда вам употребить

их воспоследует. Между тем препоручаем вам стараться как возможно расположить число людей, которые бы в подвигах ваших пособствовать и содействовать не отrekliсь. Вы легко представить себе можете, что в подлежащем вам деле не найдете вы между поляками иных помощников, кроме выигранных вами на НАШУ сторону по обнаружении НАШЕГО намерения. На сих последних только и считать вы можете с некоторою вероятностию, почему и не оставите стараться, чтоб они непременно выбраны были в Послы Сеймовые. Все прочия же, полагать должно, явно или тайно противиться и препятствовать будут намерениям НАШИМ, но вы видели, из данных от НАС наставлений Генералам НАШИМ, способы усмирить сопротивление одних и воздержать недоброхотство; почему и имеете вы прибегать к сим способам там, где употребленные прежде вами увещании и добрыя советы действия иметь не будут.

7^а. Касательно обыкновенного отправления возложенного на вас служения можете вы не означенные здесь правила заимствовать из данных инструкций предместникам вашим Действительному Тайному Советнику Солдерну и Тайному Советнику Графу Штакельбергу и присвоив их себе во всей точности поступать по оным.

8^а. По примеру сего последнего определяем вам всемилоостивейше в окладное годовое жалованье дватцать тысяч Рублей, считая каждый Рубль по пятидесяти штиверов Голландских, да столовых по 800 червонных в месяц, дозволяя вам брать оные из экстраординарной суммы, которая в ваших руках находится будет.

Изъявив вам в полной мере волю НАШУ сообразно с настоящим положением дел, не оставим МЫ и впредь снабждать вас НАШИМИ наставлениями по мере, как оныя дела далее объясняться будут и по чинимым от вас представлениям и донесениям, которых МЫ нетерпеливо ожидать будем. Пребывая впрочем ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостию вам благосклонны. Дан в Санкт Петербурге декабря 22 1792.

На подлинном подписано тако:

ЕКАТЕРИНА.

Записки и дипломатическая корреспонденция по польским делам

24. КОПИЯ СЕКРЕТНОГО СООБЩЕНИЯ АВСТРИЙСКОГО ПОСЛА ГРАФА КОБЕНЦЕЛЯ

1782 год¹

Ее величество императрица Всероссийская вследствие той дружбы и доверия, которые так тесно соединяют Ее величество с Его величеством императором, пожелала проинформировать его о всех без исключения проектах на случай, если турки, несмотря на демарши двух императорских дворов, отвергнут умеренные требования российского двора и Его величества императора. Сердечно желая, со своей стороны, способствовать исполнению желаний императрицы, Его императорское величество считает, что осталось лишь обсудить средства, которые могло бы использовать Его императорское величество на случай использования его вооруженных сил, с тем чтобы дать Ее императорскому величеству самые истинные свидетельства его искренней привязанности к ней, руководствуясь установленным самой государыней принципом, в силу которого в основу любого обсуждаемого плана могла быть положена задача сохранения и обеспечения безопасности всех взаимных владений.

Не вызывает сомнения, что в то время как Россия может быть уверенной в том, что она будет поддержана всеми силами Австрии, для нас не меньше, чем для нее, важно извлечь из этой помощи все, что возможно для блага общего дела.

Топографическая позиция двух монархий обязывает венский двор принять гораздо большие меры предосторожности, чем принимаемые в Петербурге в том, что касается обеспечения безопасности взаимных владений. Россия имеет в качестве своих соседей Польшу, Швецию и Данию, из которых две первые слишком слабы, а последняя слишком привязана к России, чтобы она могла что-нибудь опасаться. Как только два императорских двора согласятся, Россия, направив часть своих сил против врага имени Христова, а другую на то, чтобы нейтрализовать диверсию, к которой может прибегнуть ревнивый и беспокойный сосед, не рискует абсолютно ничем. Даже в худшем случае, если произойдут все возможные несчастия и ее планы не сбудутся, ей нечего опасаться для любой части своего обширного и могущественного государства.

¹ АВПРИ. Ф. «Секретнейшие мнения КИД». Оп.5/1. 1779–1783. Д.501. Ч.1. Л.119–131.

Однако не так обстоит дело с владениями Австрийской монархии, центр которой открыт для нападений со стороны Прусской державы, от Нидерландов до Франции, со стороны итальянских провинций и объединенных сил короля Сардинии и других бурбонских дворов, в то время как она должна еще защищать свои границы со стороны Венгрии, Трансильвании и Баната от нападений и набегов турок.

Если прусский король, несмотря на свой преклонный возраст, мог бы рассчитывать на помощь со стороны Франции, или Англии, или даже в первое время от России, он не замедлил бы начать войну, чтобы воспротивиться приобретениям Австрийского дома в Баварии. С еще большим основанием следовало бы ожидать от него подобных действий против двух императорских дворов, особенно если ему будет обеспечена против нас эффективная поддержка Франции, когда речь зашла бы о таком важном вопросе, каким является вопрос обо всей Европейской Турции.

Первым объектом внимания двух императорских дворов должен, следовательно, стать вопрос о согласовании усилий и выборе наиболее подходящих средств, для того чтобы воспрепятствовать, если это возможно, воинственным намерениям прусского короля или, если они будут иметь место, оказать им жесткий отпор.

Одним из тех, кто мог бы представлять в этом случае наибольшую пользу, является электор Саксонии. Каково бы ни было влияние, каковым располагает сейчас берлинский двор на Дрезден, совместные переговоры с ним двух императорских дворов могли бы убедить его. Речь могла бы идти не только о том, чтобы поманить электора перспективой получения польского трона, удаленной, но составляющей, без сомнения, объект его тайных устремлений, и которую, может быть, сам прусский король, подчеркивая свое мнимое влияние при российском дворе, использовал, для того чтобы прочнее привязать к себе Саксонию. Электор, однако, не может не понимать, что оба императорских двора значительно более эффективно, чем прусский король, могут способствовать исполнению его желаний на этот счет.

Что касается Франции, если она действительно считает, что в ее интересах противиться разрушению Османской империи, нельзя не прийти к выводу, что в ее положении она обладает достаточными средствами, чтобы этого добиться. Что, к примеру, было бы для нее легче, чем направить или сразу же после начала нынешней войны, или даже в ее ходе флот в Константинополь, который препятствовал бы всем операциям русского флота в Средиземном море. Одна возможность подобной диверсии заставила бы Ее императорское величество использовать весь свой флот против Порты, вместо того чтобы удовольствоваться для этих целей лишь одной эскадрой. В то же время нынешняя война, которая, впрочем, может закончиться в любой момент, ничуть не помешала бы Франции атаковать Австрийские Нидерланды частью своих наземных сил и итальянское государ-

ство своими войсками, которые действовали бы совместно с сардинскими, испанскими и неаполитанскими. И это в то время, когда все наши силы были бы заняты против прусского короля и турок, и мы не были бы в состоянии защитить наши удаленные провинции.

Какую помощь могла бы оказать нам Англия, для того чтобы прикрыть наши владения от берлинского двора? Нынешняя война слишком занимает эту державу, для того чтобы она могла в ее течение предпринять малейшее усилие в нашу пользу. А если она закончится, то Великобритания не будет ни к чему склонна более, чем к тому, чтобы возместить свои потери длительным миром; оставаясь традиционно безразличной ко всему, что происходит на континенте, она будет избегать вовлечения в новую войну, а если бы она все-таки этого захотела, то поскольку ее морские силы будут заняты берлинским двором, то какую помощь она могла бы эффективно нам оказать?

До того как Пруссия достигла той силы, которой она сегодня располагает, объединенные усилия двух императорских дворов совместно с Англией были способны воспрепятствовать одновременно и атакам со стороны Порты, и со стороны бурбонских дворов на Рейне, в Нидерландах и Италии. Однако сегодня, когда прусский король и один в состоянии оккупировать центральные владения Австрийского дома, союз с Францией стал для него необходимым, для того чтобы прикрыть остальные свои владения, слишком удаленные от Российской империи, чтобы она могла эффективно помочь в их обороне.

Из всего этого следует, что, как только что было сказано, самым лучшим способом обеспечения успеха предлагаемых обширных планов было бы заручиться поддержкой Франции, приняв во внимание ее заинтересованность во владениях Порты, из которых Египет является объектом ее основного внимания.

Таким образом, эскадра, которую Ее императорское величество намеревается послать в Средиземное море, пользовалась бы полной свободой действий против морских сил Порты, малоспособных сопротивляться. Император, не опасаясь за собственные владения в Нидерландах и в Италии, смог бы использовать большее количество своих сил против прусского короля и действовать 60 или 80 тысячами человек против турок там, где этого потребует общее дело. Россия, держа в Польше вдоль Вислы и Варты корпус из 40 тысяч человек, готовый атаковать владения короля Пруссии, могла бы использовать оставшиеся войска против врага имени Христова.

Если сравнить эту, столь выгодную для двух императорских дворов ситуацию в том, что касается исполнения их обширных планов, с трудностями, которые им придется преодолевать, если бурбонские дворы захотят им воспротивиться, если даже предположить, что Австрийский дом использует все свои силы для того, чтобы защитить свои отдаленные владения, вся тяжесть войны против Порты и против прусского короля легла бы на Россию. Из этого могла бы возник-

нуть опасность невозможности осуществления видов России. Что касается Австрийского дома, то еще большая опасность — потерять в неудачной войне существенные части своих нынешних владений — не может им не рассматриваться.

На это можно было бы возразить, что если Франция примет участие в осуществлении проектов двух императорских дворов, то король Пруссии мог бы вступить в союз с Англией, для того чтобы этому воспротивиться. Прежде всего, не похоже на то, чтобы Англия, особенно в том состоянии, в котором она находится, пожелала бы увеличить число своих нынешних врагов, с которыми она с таким трудом воюет, и добавить к ним еще и державы Севера, к тому же ради интересов, которые ей чужды, для того чтобы получить в лице прусского короля действительно могущественного союзника, но который, будучи занят соединенными силами двух императорских дворов, не мог бы быть ей ничем полезен. Это соображение никак не может ускользнуть от Англии, и если все же она будет настолько ослеплена, чтобы вступить в столь невыгодные для нее обязательства, согласно которым она будет вынуждена использовать все свои силы для защиты от бурбонских дворов, что ей остается, кроме как соединиться с королем Пруссии и воспрепятствовать совместно с ним исполнению проекта двух императорских дворов? Впрочем, из всех приобретений, которые Франция могла бы сделать, Египет в наименьшей степени может вызвать зависть у Англии. То же самое можно сказать о приобретениях, которые сделали бы оба императорских двора за счет Османской империи, которые не могут вызвать никакой зависти у Великобритании. Такой интерес побудил бы ее противиться тому, что вовлекло бы ее в самую невыгодную войну, которую только можно придумать.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что согласие с Францией является главным условием видов двух императорских дворов и единственно может создать условия для того, чтобы Его императорское величество принял в них эффективное участие.

Что касается первых шагов, которые надлежит сделать в отношении Франции, то легко согласиться о средствах, каким образом начать с ней переговоры, как только оба императорские двора договорятся относительно необходимости содействия с ее стороны. Его императорское величество готов, впрочем, произвести на этот счет все демарши, которые Ее императорское величество пожелает ему указать.

Прежде чем продолжить, следует подчеркнуть главное: оба императорских двора должны согласиться самым непреложным образом относительно всего плана раздела и всего, что из него следует, либо прямо, либо косвенно.

Нет необходимости в том, чтобы продемонстрировать в своем истинном свете Европе и, в особенности Франции, обоснованность и справедливость дела Ее императорского величества. Усилия по

примирению, которые ей угодно было предпринять в отношении Порты, постоянное нарушение самых торжественных трактатов со стороны турок, одним словом, после того как оба императорские двора исчерпали все средства переговоров, Россия была вынуждена, вопреки ее воле, поднять оружие, а Австрия – принять в войне прямое участие.

Руководствуясь этим принципом, Его императорское величество счел своим долгом конфиденциально проинформировать Францию об ультиматуме, предъявленном Россией Порте и о демаршах, предпринятых интернунцием, для того чтобы его поддержать. При этом версальскому кабинету не было сказано ничего такого, что он не должен знать. И этот знак внимания имел целью лишь подготовить те переговоры, которые, возможно, придется скоро начать. Одновременно тем самым пресекаются всяческие инсинуации и ложные расчеты, к которым берлинский двор не замедлит прибегнуть, для того чтобы представить демарш двух императорских дворов перед Портой.

От мудрости Ее императорского величества не ускользнет и то, что, как только необходимая поддержка Францией успеху двух императорских дворов будет обеспечена, в интересах обоих монархов будет демонстрировать в отношении нее знаки доверия и внимания.

Что касается плана раздела, то Его императорское величество, движимый единственно чувствами самой живой привязанности и самой искренней дружбы к Ее императорскому величеству, не колеблясь, поддержал виды августейшей государыни относительно важных приобретений, которые она планирует сделать для России, а также в том, что касается основания королевства Дакии и Греческой империи в пользу великого князя Константина. В силу принципа равной выгоды и компенсации военных убытков, установленного секретными обязательствами, взятыми на себя двумя монархами, Австрийский дом вполне был бы вправе потребовать равным образом установления второго наследственного владения в свою пользу, но чувства дружбы, испытываемые Его императорским величеством, побудили его отказаться от этой мысли. В ответ он ожидает от Ее императорского величества, в дружественных чувствах которой он уже не раз имел возможность убедиться, согласия на приобретения, которые хотел бы сделать Его величество император для Австрийской монархии, а также готовности всеми имеющимися в ее распоряжении силами способствовать обеспечению этих приобретений. Поэтому при проведении этой линии имелась в виду в основном необходимость избежать то, что могло бы стать со временем объектом дискуссий между двумя империями.

Не только потому, что это приобретение граничит с Адриатическим морем, оно имело бы определенную важность для Австрийской монархии, давая ей выход для торговли своими товарами и возможность содержать несколько военных кораблей. Это последнее обстоя-

ительство должно не менее интересовать и Россию, которую мы в силу сходства наших интересов могли бы со временем поддержать своими морскими силами.

Венецианские владения на суше должны непременно стать частью этих приобретений, для того чтобы они приобрели необходимую важность. Венецианцам было бы справедливо предоставить широкую компенсацию, поскольку не хотелось бы принуждать их к этому, но добиться этого только путем переговоров. Было бы хорошо, если бы эта компенсация была достаточна для того, чтобы возместить им то, что они потеряют. Это и побудило Его величество императора сделать соответствующие предложения Ее императорскому величеству.

Трудно проводить границы в странах, которые детально не знаешь. Из этого следует, что черта, которая была проведена Его императорским величеством от Никополиса до Белграда и затем от Белграда самой короткой линией до Гольфо дель Дрино, не должна приниматься слишком буквально. Часто горная местность или другие обстоятельства побуждают лиц, которым доверена демаркация границы, расширить или сузить их, для того чтобы сделать их более естественными. И дело не в том, что Его императорское величество планирует что-то добавить к приобретениям, которые он назначил для себя; просто сочли необходимым сделать это замечание, для того чтобы предотвратить дискуссии, которые могут начаться впоследствии относительно пределов этого приобретения. В любом случае речь могла бы идти только о весьма малой части территории и совершенно незначительной. То же следует сказать относительно того места в письме Его величества императора относительно района Буковины, границы которого следует обустроить лишь в том виде, в каком они находились после демаркации, которая не была своевременно закончена.

В целом, учитывая, что Черное море должно стать границей Российской империи с Греческой империей, приобретения, которые делает Ее императорское величество, являются значительно более важными для нее, чем то, что планирует приобрести император, не считая второго наследственного владения, установленного в пользу великого князя Константина. Однако относительно этого дружба, которую император испытывает в отношении августейшей государыни, не позволяет ему останавливаться на этом. Напротив, он хотел бы вновь подтвердить всю силу своей привязанности и заверить, что приложит все свои возможности для претворения в жизнь проектов, выработанных совместно, и для обеспечения их целостности в будущем.

К записке Безбородко приложена следующая собственноручная заметка Екатерины:

«Я думаю, что Франция и так может быть довольна, что Россия не есть союзник Англии.

Второе, Франции откровенности давать надлежит не иначе, как дабы осталась пассивна.

Третье, Англию фаворизировать нужно во многом, но союза ее избежать, колико можно.

Четвертое, между королем Прусским и императором остается пока роль всегдашнего медиятора или посредника.

Пятое, Курляндия должна остаться навсегда как есть, между державами независима»¹.

25. ЗАПИСКА БЕЗБОРОДКО ПО «ГРЕЧЕСКОМУ ПРОЕКТУ»²

Венский двор изъявил уже отчасти на деле, с какою доброю верою приемлет он участие в делах наших с Портою Оттоманскою на основании взаимных наших обязательств, в секретном артикуле союзного трактата постановленных, предписанием Министру своему в Царьграде учинить подкрепление требований наших представлением в такой точно силе, как мы желали. В готовности того двора содействовать нам и силою в потребном случае служит достаточным уверением все то, что в непосредственной между Вашим императорским величеством и императором Римским переписке сказано, и что Министром ее, здесь пребывающим, Министерству Вашего величества сообщено. Последнее сего государя письмо то же самое подтверждает; но как в суждении дальних Вашего императорского величества намерений содержит оно в себе некоторые условия и изъяснения; то и требуют они с нашей стороны весьма внимательного разыскания.

Все, что император говорит тут о препятствии, могущем производиться Бурбонским домом в исполнении великого славного и полезного намерения основать две новые христианские державы на развалинах Турецкой империи, не может быть подвержено ни малому сомнению. Положим, что Франция и Гишпания в самом начале войны нашей с турками не рассудили бы за благо мешать действиям морских сил наших в Средиземном море; но еще от побед и завоеваний, сохранения навсегда последних в своем или другого по воле владений, действительное исполнение во всем пространстве сего плана и утверждение двух новых держав весьма отдалено. Англия, хотя бы и была прямо на нашей стороне, мало нам тут пособия принести может. Она, без сомнения, выйдет из настоящей войны при всей славе с

¹ АВПРИ. Ф. «Секретнейшие мнения КИД». 1779–1783. Оп.5/1. Д.501. Ч.1. Л.139.

² АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1779–1783. Оп.5/1. Д.591. Ч.1. Л.132–148.

знатным ущербом своего могущества. Нельзя никак полагать, чтобы она, конча непосредственные свои дела, нашла для себя сходным вмешаться в наши, где для нее великой пользы ожидать трудно, вместо того еще и иная предлежит опасность дать повод к новой войне с Бурбонскими дворами. Она, конечно, не отказалась бы заключить с нами союзный оборонительный договор, не изымля уже из случая союза и турецкую войну; но не можно отнюдь предполагать, чтобы она свое содействие распространила даже и на все виды наши и сами намерения, к разрушению Оттоманской монархии клонящиеся, с твердую и решительную готовностью отражать все препятствия, обыкновенно в таковых великих делах бываемые: но ежели бы Император Римский опровергнул все свои обязательства с версальским двором против всякого правдоподобия и вопреки видимым своим интересам, из коих первый и существительнейший есть безопасность собственных его владений, последовал нам в соединении с Англией; в таком случае связь Бурбонских дворов с Берлинским будет неминуемым следствием подобного дел оборота, и сии союзники общими их подвигами, конечно, станут не допускать нас к совершению всякого важного и полезного предприятия. С одной стороны, императорские владения, в Нидерландах и на Рейне лежащие, могут быть весьма скоропостижно обеспокоены. Франция легко найдет для себя партию в Германии для наведения заботы венскому двору. Сардинский король, по положению земель завися много от Франции, без большого труда доведен будет к тому, чтобы сделать диверсии императору в Италии; чем уже немалая часть сил австрийских упражнена будет. С другой стороны, король Прусский, завидую на деле тому тесному соединению между двумя императорскими дворами и их предприятию и не предусматривая от нас для себя и намерений своих никакой пользы, может учинить нападение на земли австрийские, чем и поставит нас в необходимость по силе трактата нашего с императором отделить знатную часть войск наших на оборону союзника нашего. Швеция, колико в существе своем не бессильна, при содействии, однако ж, бурбонском и прусском может сделать нам некоторую заботу. Положим, что то обратится к собственному ее разорению, и может быть к потере части земли ея; но желание наших тогдашних неприятелей достаточным образом удовлетворены будут, когда все то послужит к крайней для нас заботе и отвлечет нас от видов и приобретений в другой стороне, несравненно выгоднейших.

Когда же интересы императора Римского претят ему быть в союзе с Англиею и связь его с Бурбонскими дворами, по крайней мере, на долгое время делают неразрывной, то нам было бы несходно входить в какие-либо обязательства с лондонским двором, и по тому уже одному, что не может ничто быть затруднительнее и несвойственнее, как иметь союз с разными между собою противными державами. Сей есть способ быть самым бесполезными своим союзникам и иметь их

для себя бесполезными. Такое точно было бы наше положение, если бы мы при нынешнем нашем союзе с императором старались еще по истечении срока возобновить союз наш с королем Прусским: не меньше, ежели бы союзник наш император в одно время возобновлял свои обязательства с версальским, когда бы мы с другой стороны входили в союз с лондонским двором.

Ваше императорское величество проницанием, Вам свойственным, объемля таковые неудобства, за правило всегда поставлять изволили, чтобы столько же избегать всякого союза с Англией, как и с Франциею, держа между сими двумя соперницами совершенное беспристрастие и пользуясь простым обосторонним дружеством для собственных наших выгод. Правило таковое для нас долженствует остаться непреложным и в делах наших с турками.

Естли император разумеет токмо, чтобы Франции учинено было простое и дружественное сообщение о плане нашем, для всех христианских республик полезном, и приобретение ею некоторых владений в Египте поставлено было в цену ее недеятельности при наших подвигах и простого соглашения на исполнение наших предприятий, на сие толь удобнее согласиться можно, поколику мы нимало через то себя не свяжем никакими узами в делах, кои бурбонские дворы, особенно для себя с Англиею или с кем другим иметь будут. Словом, оставшись между двумя соперниками в настоящем нашем положении, мы будем воображать версальский двор в образе нашего союзника, но для нас непосредственно нейтральным.

Решая таким образом первый вопрос, нужно постановить о времени, когда такое откровенное сообщение учинить пристойно, ибо что до образа, каким оное сделать, сего ближе предоставить Императору по положению его с помянутыми дворами, поставя, однако же, со стороны нашей непременно условие избежать, как выше сказано, всякого непосредственного соединения с Франциею, предлагая токмо просто соглашение Большое наше* и добрые услуги в доставлении желаемого ими приобретения, буде же намерения императорских дворов исполнятся. Время к таковому откровенному сообщению конечно не теперь определить должно, когда идет еще дело о прекращении без кровопролития распрей наших с Портой. Таковая скоро поспешность могла бы послужить к тому только, что Франция, видя еще нас весьма отдаленных от самого исполнения нашего проекта, а предусматривая различные удобства затруднить совершение оного, не согласится на предложение наше уведомить о том заранее Порту; и получит новые средства сделать себе пред той державою новую заслугу; а может быть, предупредит еще однажды поставить развязку хлопот наших с турками в свою зависимость, отчего всемерно удаляться следует. Но ежели бы и самая война начата

* Имеется в виду русско-австрийский союз 1781 г.

была; все не время еще, кажется, распространять толь далеко свою откровенность по рассуждении Франции; назначить же к тому эпоху и сего способы, когда успехи оружия обоих императорских дворов сделают совершенное потрясение Оттоманской монархии; и когда же сия последняя ближе к падению, нежели к восстановлению будет. Исключается из сего случай, буде бы нужда требовала завершенно отвести Францию от союза с королем Прусским, но и то упредить легче ее Союзнику Императору, разменя откровенность в общем деле, поколику польза и надежность оного позволять могут; с нашей стороны довольно будет ласкать Францию как державу дружественную, не имея нужды ни ей пред армией, ни сей последней пред первою оказывать какое-либо предпочтение. Кажется, что император не найдет тут ничего несходного ни для общих, ни для собственных своих интересов. Сам он предлагал необходимость такого откровенного сообщения версальскому двору решению Вашего императорского величества предоставить, когда и как оное сделать.

Можно предположить наверное, что король Прусский при таком положении дел тотчас вступит в соединение с Англией. Обоесторонняя к тому наклонность приметна уже быть стала с самой первой переменной британского Министерства. Но кроме, что Англия теперь занята войною, коей продолжение для наших интересов весьма было бы выгодно; сия связь не будет значить ничего сильного против толь великих держав, ибо неуповательно, чтоб могла пристать к сему союзу Дания, когда увидит она действия, здешнему двору противные, или Швеция, преданная Франции. Сверх того, Ваше императорское величество будете иметь способы удержать и Англию от такого явного против нас покушения страхом принятия совсем стороны ей противной и уменьшением выгод ее по торговле. Нейтральная система, воздвигнутая Вашим величеством, привела уже нас в такое состояние, что и без аглицкого мореплавания найдутся средства сживать с рук все наше и с большой прибылью. Корона британская увидит необходимость и лучшую для себя пользу сохранить нас, по крайней мере, в качестве дружественной ей державы. Может быть, предстанут способы и для ея торгу сделать что-либо полезное насчет Турецкой монархии перед ее разрушением.

Обращаясь к королю Прусскому, прежде всего, надлежит сказать решительно, что не должно полагать ни малой надежды доставить какое-либо движение или соглашение между берлинским и венским дворами. Продолжающееся между ними соперничество, положение земель их, разные обстоятельства, а может быть, и самые предубеждения поставили им друг против друга сделание в таком точно положении, в каком мы себя представляем против турок. Настоя на сближении их, мы не выиграем у короля Прусского ни пособия, ни лишней доверенности; в императоре же можем произвести подозрение в двоякой политике и с того самого остуду: итак все подвиги

наши с сей стороны да будут ограничены в одном попечении, но весьма искусном и осторожном отвращать по возможности явный между ними разрыв и притуплять взаимную злобу. В случае, однако ж, покушения короля Прусского вооруженною рукою препятствовать нашим действиям против турок, атаковав союзника нашего, обязательства наши о общем того отражении соединенными силами столь ясно выражены в трактате нашем, что для императора не может тут остаться ни малейшего сомнения. Там точно сказано, что в подобном случае нападение, где бы то ни было, на одного из союзников не только за *casus foederis*, но за общее дело и точно как турецкая война разумеемо быть долженствует.

Из сего выходит, что принятие потребных мер против короля Прусского не может исключаемо быть из общего нашего плана: но требование императора о расположении сильного корпуса в Польше по Висле и Варте и кроме беспрерывной армии против турок назначаемой сопряжено также с большими неудобностями, что вывести войска в Польшу безвременно и склонить движение их к землям Прусским значило бы тревожить его, когда еще никакие противные нам намерения с его стороны не сказались, сие и принудило бы его приняться за крайнее средство, обнажив себя. В удовлетворение, однако ж, императора по сему пункту сказать будет можно, что мы, имея осторожность и против короля Прусского, и против Швеции, а сверх того и наблюдение над Польшею, не оставим содержать часть войск своих как в Лифляндии, так и в провинциях других, лежащих в стороне Швеции; в запас же некоторое число из Белоруссии, отлучающее по надобности везде вовремя обращается быть может. Впрочем, нужно смотреть, чтобы король Прусский не захватил Курляндии, и в случае видов к тому стараться предвратить его, дабы при окончании дел попытаться, не можно ли будет променять с Польшею земли, между Бугом и Днестром лежащие, присовокупив себе сие княжество. Сим однажды навсегда избавимся от опасности упадка рижского торгового и возвышения насчет торгового Ливонии и Вифинии. Ваше императорское величество по сродным Вам на все случаи и в самых отдаленных временах предусмотрению заключить можете, коль вредно было бы для Российской империи присутствие сего герцогства в числе областей прусских.

Не менее, что касается и до Данцига, не должно давать королю Прусскому его захватывать. Толь вредному и опасному соседу пособствовать в приращении его могущества присовокуплением к сухопутным его силам средство завести морское ополчение было бы весьма неосторожным. В самом лучшем положении нашем с сим государем, когда мы с ним в тесную связь вступили и оную надолго утвердить помышляли, присвоение им Данцига почитаемо было за невозможное и за самый повод к разрыву; ибо через то выросла бы новая сильная морская держава в Балтийском море. Ваше императорское

величество сами признать изволили, что подобное сему уважение убедило государя императора Петра Великого не попустить город Стральзунд во владение прусского короля, предпочитав оставить оный Швеции как державе, в упадок им же приведенной, нежели подкрепить оным новую и возрастающую уже тогда в силе корону; почему и Шведская Померания не может оставлена быть сему Государю, по крайней мере, шведы против нас останутся в пассивном положении. Удерживать их в том будет нетрудно, особливо же при царствовании нынешнего короля, коего 12-летние опыты достаточно нас обнадеживают, что от него великих осторожностей в делах ожидать не следует.

Неможно оставить без примечания сделанное Императором в письме его изъяснение, что на случай разрыва с королем Прусским войскам своим назначает действие со стороны Богемии и Моравии; а сохранение тишины в Польше единственно нам оставляет. Сие служит доказательством, что он не ищет гнездиться в Польше, когда покидает ее совсем на наши руки.

Предполагаемое Императором отделение Саксонии от прусского короля не понятно, как исполнено быть может после двукратных бездейственных опытов, что сие курфюршество было жертвою королю Прусскому прежде, нежели австрийские войска могли поспеть на его оборону. Ежели император мог знать удобное к тому средство, то от сообщений их здешнему двору будет зависеть дальнейший ответ; но между сими способами не может почтеться сходственным и надежным тот, коим граф Кобенцель открылся, а именно подать курфюрсту надежду престола польского. Не сходятся сему наши начальные правила относительно Польши, чтобы в ней избирать королей Пястов. Многие из сильных в той республике вельмож, узрев тщетную надежду свою получить корону, отстанут от нас; и сила наша там весьма ослаблена будет: какое можем мы тогда в Польше предполагать себе участие в делах, когда в ней царствовать будет король, имеющий сильную армию собственную, и который верно или к австрийской, или к прусской стороне преимущественно наклонен будет? Но и кроме того для нас собственно невыгоды, хотя бы он был и на нашей стороне. Без сомнения, король Прусский в случае повода к войне ускорит войти в наследные его земли, сделать в них театр войны и столько захватить, чтобы на счет сего третьего отправить часть войны своей. Впрочем, ежели она и останется в нынешнем положении с королем Прусским, не столько еще умножит силу его, чтобы отвлечение ее от сей связи почитать можно было за необходимую нужду.

По довольному рассмотрению всего того, что относится к обоесторонней безопасности, можно теперь приступить к разбору приобретений, обоими Вашими императорскими величествами предназначенных.

Желательно было бы, чтобы приобретение нами города Очакова с его уездом, Крыма и одного или двух островов в архипелаге для

пользы торгу нашего, не было бы сопряжено с иным удовлетворением для Императора Римского, как разве с возвращением Белграда и прочего, что венский двор потерял последнюю свою с турками войной и Белградским миром: а прочие им требуемые приобретения, о коих, однако ж, много еще изъясняться надлежит, были бы ценой основания Дайской и Греческой монархий и с тем сопряжены неразрывно.

Но и в сем крайнем случае можно ограничить приобретения императора 1^е в баннате Крайовском по реку Олту, 2^е в городе Хотине, определяя, однако ж, точным округ его, например, на милю немецкую или, по крайней мере, на два часа по тамошнему исчислению. Уступка сей крепости тем меньше значит, поколику она со всех почти сторон отрезана и не много для Дании принести может; а сия новая держава найдет и ниже на Днестре место удобное для крепости, если бы то нужно было. 3^е, соглашаясь на присвоение императором Никополя и на три мили параллельно правого берега Дуная вверх до Белграда пристойно было бы сократить определяемые им себе приобретения незахвачением Гороло ди Лодрино и ничего из Албании, а проведя прямую черту от Белграда к морю гораздо меньше протяжнее. 4^е, в случае несоглашения его хотя бы вроде ультимата попустить на присвоение Гороло ди Лодрино; всемерно, однако ж, удалиться от всякого условия о землях, республике Венецианской принадлежащих. Правда, что граф Кобенцель дает разуметь, что получить те земли Государь его предполагает посредством договора с республикою; а император и сам говорит о замене венецианцам: но на таковую замену назначать острова из Архипелага, а и того более еще и полуостров Морею весьма несходно, ибо сие обратилось бы на крайнее стеснение Греческой монархии. Когда император будет сильно настоять на ответе нашем по сей материи, в таком случае слегка можно будет сказать, что Ваше императорское величество предполагать извоили, что Республика Венецианская и сама не отречется пристать к видам обоих императорских дворов и в оном содействовать; 5^е, беспредельные со стороны сего государя требования о плавании по Дунаю со входом в Черное море и с выходом в Дарданеллах без всяких платежей и прочее также несовместно; во-первых, соблюдено было относительно Черного моря правило, Вашим величеством предположенное, разуметь его морем закрытым, по коему плавание принадлежит исключительно народам, его окружающим. Второе, чтобы одновременным условием не брать ничего с судов австрийских, плавающих по Дунаю и Черному морю, не нарушить преимуществ, государству независимому свойственные, ибо несходно было бы, учреждая монархии новые, заранее делать подрыв власти, там царствующей, и Ваше императорское величество обыкши признавать сие право ненарушимым для всех самодержавных владетелей и охранять оное для себя в полной мере, конечно, не допустите, чтобы в державе, внуку Вашему приуготовляемой,

противное тому учинено было. Третье, довольно будет, когда император по пункту торговых выгод условится с нами в правиле, что обе монархии – Российская и Австрийская – от новых, ими основанных, выговаривая для торговли своей разные выгоды и преимущества, исключая, однако ж, плавание по Черному морю, как выше сказано, которое ему принадлежать не может.

Все сие полагается на такой случай, когда бы, с одной стороны, было бы непреложное намерение Вашего императорского величества достигать события толь великого, славного и полезного, какое же есть основание двух новых христианских держав и, в том числе, одной для великого князя внука Вашего: а с другой, успехи пособствовали произведению того в действие. Но буде бы паче чаяния дела не могли еще войною доведены быть до такой степени, где исполнение того не было бы подвержено ни малому затруднению или же бы какие-либо непредвиденные обстоятельства убедили ограничить себя в сокращеннейших пределах, касательно приобретений насчет Турции. В таком положении, не выпуская, однако же, из вида генерального нашего плана и отлагая исполнение его до удобнейшего времени при оставлении Молдавии и Валахии под владением турецким на условиях больше ясных и точных, нежели те, кои положены были в трактате 1774 и конвенции 1779 годов, надлежит не отступать от намерений своих, чтобы присвокупить к России Очаков с его уездом, Крым с Таманом и для торговли один или два острова в Архипелаге. Здесь неможно не повторить, что из сего естественно выходит, что и австрийские приобретения потом уже уравнимерены быть должны, ибо, когда с нашей стороны отлагается вдаль основание двух единовверных нам монархий и из них для меньшей линии здешнего Императорского дома на счет Турецкой империи, и мы остаемся при весьма умеренных притязаниях, то справедливость требует, чтобы взаимно и Его величество Император Римский присвоил себе меньше, нежели когда бы все сие великое предприятие увенчано было желаемым успехом, в чем же уменьшение состоит, будет о том сказано выше. Но как еще быть может смысл состояния дел наших с Портою таков, что сия держава, продолжая свои переговоры, будет уклоняться от войны и не доведет нас к непосредственному на себя нападению, а тем и поставит нас в невозможность присвоить себе Очаков и острова в Архипелаге; между тем, пользуясь нашей недеятельностью при сильных приуготовлениях и великих издержках, будет выжидать случая к заведению новых беспокойств в татарских народах и продолжать станет делать нам всякие заботы и затруднения; в таком положении дел дабы не быть обманутыми и всечасно потревоженными взамену многочисленных наших убытков для татар понесенных польза империи и слава Вашего императорского величества требуют присвоить себе Крым, не упуская удобного к тому времени. Поводом к такому присвоению долженствует служить случай. 1^о, буде постигнет смерть нынешнего хана; неприятели его

увезут; или утвердить его на владения тамошние будет ненадежно. 2^е, буде он паче чаяния изменником или вовсе склонным к недоброхотству к Российской империи окажется; или же сделает затруднение непристойное в удержании нами гавани Ахтиарской либо других интересов наших. 3^е, буде Порты на прочие Артикулы требуемые не поддастся. 4^е, буде она пошлет войска в Крым или подобные либо морские силы в Черное море или же начнет подвергать татар каким бы то образом ни было к беспокойству и мятежу. 5^е, буде они в другой части, нам ближней или подручной, станут против нас тайно или явно собою или через других действовать. 6^е, буде Император Римский распространит свой кордон или границу на счет Молдавии или Валахии. Во всех сих случаях, кроме второго, где была бы собственная вина нынешнего хана, собственный сего владельца жребий без сомнения устроен будет образом, согласным с беспредельной щедротою и великодушием, Вашему величеству свойственными. Между тем начальствующий в том крае, будучи снабден высочайшими Вашими повелениями во всем пространстве, что до сего пункта касается, волю Вашу изыскающими, не преминет употребить все способы иметь ближайшие внутренние связи в татарских народах, и в потребном случае довести их к принесению просьбы о принятии их в подданство Российской империи. Ничто, кажется, не может возбранить в дозволении принимать всех прибегающих из татар под покровительство оружия Вашего императорского величества лично, или с семейством, или же и целыми поколениями. Кажется, что никто за все сие не может сильным образом вступить, что же касается до Императора, сколько можно заключать из речей графа Кобенцеля, в предполагаемых Вашим императорским величеством границах между Вашей и нынешней Турецкой, или будущей Греческой империями, в Черное море сей Государь заключает не только полу-остров Крымской, но и другие обитающие по тому морю в северной и восточной части народы.

Буде же бы паче чаяния Порты Оттоманская отступила от всякого к Крыму прикосновения, не стала нигде нам вредить, приняла без прекословия проект наш турецкого трактата во всех, словом сказать, артикулах нам удовлетворила; в таком случае, по крайней мере, должны мы удержать сию гавань Ахтиарскую, которая, конечно, будет нам малою заменою наших убытков.

Когда все сие удостоится высочайшего Вашего императорского величества утверждения, то и предложены будут первое, начертать генеральный план для министерства Вашего, в который долженствует входить не токмо положение дел наших с турками, но и вообще все поведение наше с прочими европейскими державами; дабы все отзывы и изыскания по делам по тому учрежденным были и Монаршая воля с точностью и единообразием исполнена быть могла. Второе, снабдить главное военное начальство повелениями доводить и наклонять тамошние дела к желаемому состоянию и прямой цели нашей.

Третье, заставить заготовить ответ к императору на последнее его письмо, а как по секретному артикулу союзного трактата сим государем положено относительно действий военных и приобретений на счет Турции за время или при настоянии войны сделать точный договор; соглашение же такое по причине спора об альтернативе не может иначе распоряжено быть, как посредством писем взаимных обоих Ваших величеств тем же самым образом, коим и союзный трактат заключен; то не угодно ли будет Вашему императорскому величеству в ответе Вашем императору предложить, чтобы его величество изволил, видя со стороны Вашей чистосердечное выражение мыслей Ваших по общим делам, доставить сюда проект письма своего, которое вместо договорного акта служить будет, предписав министру своему изъяснить, буде бы что требовало в дополнение или некоторой перемены в расположении. Сим средством сократится сия важная негоциация, которую одной перепиской без словесных известий вести весьма затруднительно. Ежели проект доставленный императору найдется неудобным, то посредством взаимного от Вашего величества письма к нему отправляемого можно будет довести еще в течение зимы к концу все переговоры.

26. ЗАМЕЧАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ И КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА НА ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ПОЛЬСКОЕ ВОЙСКО¹

ПРОЕКТ, ИЗ ВАРШАВЫ ПРИСЛАННЫЙ, ЗАКЛЮЧАЕТ
В СЕБЕ СЛЕДУЮЩИЕ НЕУДОБСТВА

1-е. Никогда не было помышляемо платить Польше субсидии, да еще такие великие. Шесть тысяч червонных удобнее могли бы обратиться на прибавку собственного своего войска в случае надобности. На время военное должно конечно определить польскому войску денежное пособие по числу, которое в помощь здешнему употреблено будет.

Потемкин: «Я думаю, что на военное время выгоднее употреблять чужие войски, ибо тут потеря людей неубыточная. Денег же дать на число войск употребленных на службу».

¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.589. Л.84–89 (подлинник, рус.яз.). Документ представляет собой, по всей видимости, записку А.А. Безбородко Г.А. Потемкину о польском проекте союзного договора с Россией.

Ремарка
Екатерины II: «NB на сих войск однако надеяться мало можно, а взять их разве для того только чтобы другие их не употребляли нам во вред».

2-е. Число войск помощных не довольно ли бы казалось ограничить пятнатцатью тысяч, каковое положено по трактатам нашим с императором и королем прусским. Но как лучшие войска польские состоят в кавалерии: то и нужно чтобы Ваша Светлость назначили примерно, коликое число пехоты и конницы, також артиллерии в том числе состоять должно.

Потемкин: «Я бы так имел только одну конницу, пехоту ж их можно употребить на охранение собственных их границ. Конницы же довольно 12-ти тысяч, ибо сверх сих [Г: бр:]* просит ему позволить на вербовать корпус 4-х тысячный, который конечно хорош будет».

Екатерина II: «К сим 4-рем прибавить из вышеписанных от 6 до 8-ми».

3-е. Нельзя кажется не снабдить польского войска оружием; но я разумею тот корпус, который назначается в помощь безденежно, а для прочих разве за деньги по коронной цене.

Потемкин: «Снабжение оружием и амунициею нужно и сие не так дорого станет».

* Граф Броницкий.

4-е. О лошадях, чтоб их покупать в России. Вашей Светлости обстоятельства и прямая нужда в том для наших войск более всех известны, а потому и относить бы сей артикул к решению Вашему.

5-е. Артикул десятый Проекта вмещает в себя обещания не ясные, из коих иныя, может быть, не будут согласовываться с правилами нашими, чтоб не давать оппозиции большей поверхности над королем; но не давать и королю способов уничтожить вовсе оппозицию. Сей пункт надлежит учредить по политическим соображениям.

Тут же кстати присоединить и те ласки, кои Ваша Светлость считали самыми удобными, чтоб поляков привязать к России, и кои конечно заменят многое не так для нас выгодное, что они у нас требуют.

6-е. Сепаратный артикул первый, где они требуют Молдавию по Серет и Бессарабию, отнюдь принят быть не может. Вышло бы, что и при всех успехах войны, каких только желать можно, поляки получили бы выгоду более самой России, которая тут главную должна играть ролю. Распоряжение подобное разстроило бы совсем план, отчасти уже нами с императором положенный. Сей государь доведен до того, что соглашается довольствоваться из Молдавии Хотинном и из Валахии баннатом Крайовс-

Потемкин: «Лошадей позволить купить, но для службы, а не ради перепродажи другим, за чем смотреть должно».

Потемкин: «Ето все походит на журавля, который еще на воздухе. Но и для того обещать им вперед нельзя, что они прежде времени разславят по всему свету».

ким, не прекословя. В случае удачи из Молдавии, Валахии и Бессарабии основать область независимую под владетелем веры там господствующей. Когда Бессарабия вся и Молдавия по Серет войдут во владение Польское, то что уже останется определить об остальной части Дании между Серета и Олты. Выйдет из того, что сия последняя достанется Австрийской монархии, которой и без того предлежит обширная перспектива приобретений в Сербии и Боснии. По сему кажется нужным стараться выложить из головы у поляков идею сего приобретения, а можно им обещать выгоды, по торгу нашим и австрийским равныя. Королю же сверх того денежное удовлетворение и особливо ежели нам удастся для себя оное выговорить.

7-е. Требование королевское о команде и наипаче, чтоб оную распространить еще на нашу армию, при коей польской корпус действовать станет, легко отклонить тем, когда в союзном Трактате постановить, что войска востребованной стороны должны должны быть под начальством генерала стороны требующей, как то в обычае писать во всех оборонительных договорах.

Разумеется что когда их войска будут действовать нам в помощь, имеют состоять под начальством своего генерала, но под главным руководством нашего предводителя армии и,

Потемкин: «Тут справедливость требует не отдалять людей способных и ревностных и притом по чину имеющих право. Весь свет [видит] справедливость гетману Браницкому, что он из них способнее всех».

Екатерина II: «Что корпус конской будет менее, то менее охотников будет».

взаимно, наши в пособие им в случае нужды отражаемые.

Сие последнее никогда почти настоять не может, ибо ежели их кто атакует, наш интерес тогда востребует не помочного корпуса, но действия большими силами, а тогда малое великому уступит несомненно.

8-е. Каким образом учредить артикулы о равенстве чинов обоих государств, о том чтобы дворянство обосторонне было, яко единое, и прочее, что Ваша Светлость нужным и полезным находит, я зделаю проекты всему тому и соединю в общую массу всего трактата.

9-е. Ежели быть Сейму Чрезвычайному, то надобна крайняя осторожность, чтоб конфедерация наша не возгла другой по видам прусским и что б не очутились в новых хлопотах.

10-е. По всему есть замашка королевская схватить прибавку власти, но есть и способы сие отклонить тем, что все постановления о польском правлении зделаны под ручательством Наших, Венского и Берлинского дворов, а потому значущие перемены и не могут быть вместины.

Потемкин: «С о о б р а з у я классы по нашим, сие требует размышления, я же не имею сведения о их чинах государственных и какие степени у них идут».

Потемкин: «П р у с с к и й двор, и аглинской надлежит менажировать».

Екатерина II: «NB. Колико прилично по собственному тех дворов поведению».

Потемкин: «Я и теперь, как и всегда говорил, чтобы королю дать все выгоды приятной жизни notwithstanding не власть. Уже и теперь его далеко пустили наи-

паче допустив в
[приятство]
родного брата».

Екатерина II: «Лутче в примасе нежели в гетманстве, понеже у примаса — папы, а у тово — войски. Власть примаса только по смерти королевской и тогда сей примас скорее собразится с Нашими интересами нежели всякой иной».

Потемкин: «Лутчей способ прибавления войск польских — умножением товарищей с их почтовыми для военного время. Но поручить сие людям достаточным на их ответ а то, естли дать деньги королю, то ни товарищей ни денег не будет. Потерпите малое время, я не более, как через 4 дня пришлю подробно о формировании их войска».

27. ПРИМЕЧАНИЯ ГРАФА БЕЗБОРОДКО, КАКИМ ОБРАЗОМ РАЗПОРЯДИТЬ НЕГОЦИАЦИЮ О СОЮЗЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ С ПОЛЬШЕЮ¹

1^е. Как скоро проекты союзного Трактата с Польшею и наставление Послу Графу Стакельбергу заготовлены будут, прежде апробации Ея императорского величества отправить их к Господину Генералу-фелдмаршалу Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому, дабы он по рассмотрении прислал свои примечания, естли что либо дополнить или поправить нужно, наипаче же касательно штата и употребления войск Польских, и дабы уже в течении негоциации никакого помешательства и остановки не встретилося.

2^е. Для выиграния времени и споспешества делу при сем же случае нужно возложить на помянутого Г^{на} Генерала-фелдмаршала сделать некоторое откровение Гетману Графу Браницкому, воеводе Русскому Графу Потоцкому и другим в Польше значущим, для нас же надежным особам стараться удостовериться в наклонности их к нашим предложениям, приготовить их содействовать оным не только поездкою на сейм в Варшаву, но и в предшествующих ему поветовых Сеймиках расположением духов в пользу нашу; а при том отложа на сторону все личности приняться единодушно за совершение толь знаменитаго дела.

3^е. По возвращении бумаг от Князя Григория Александровича, исправя их и дополня, в чем надлежит по его примечаниям, послать оныя к Графу Стакелбергу. Сей Посол тут же получит в такой силе наставления, что буде составленный здесь проект трактата не встретит со стороны Короля, Примаса, и знатнейших членов Королевской и других партий /коим содержание его сообщить следует с крайнею деликатностию и осторожностию/ никаких препон, в таком случае может он с Королем и неперменным Советом взять меры к скорейшему созыву Сейма, дав ему предлог войну настоящую и попечение о предохранении Польши от нападений Турецких, отдаляя повод к подозрению со стороны Берлинскаго Двора, будто бы тут скрывалися против него виды; чего ради как скоро решено будет отправить созывательные универсалы, Посол обязан будет как Австрийскому Поверенному в делах, так и Прусскому Посланнику сделать внушения самыя дружественныя, и к успокоению последняго особливо достаточныя, поспеша дать знать сюда в самый момент решительности Королевской и Совета, дабы и здесь можно было Барону Келлеру учинить равныя же дружественныя внушения, с точным обнадеживанием что Ея величество не имеет никаких намерений вопреки интересам соседей Ея, что Она отнюдь не допустит и помыслить о

¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». 1792–1794. Оп.51. Д.589. Л.105–117об.

предприятиях или постановлениях, вредных Его прусскому величеству или торговле Его подданных, и что тут безопасность и целость Польши и ея оборона были главнейшею целию созыва сего Чрезвычайного Сейма.

4^е. Естьли проект трактата, отсюда доставляемый, как выше сказано, не встретит никаких препон, то и может Сейм Чрезвычайный заранее созван, по созыве сконфедерован и негоциация открыта быть; но буде бы паче чаяния оказались непреодолимые затруднения в полном принятии проекта, и потому Посол нашелся бы принужденным Польския предложения еще один раз взять на донесение, тогда уже трудно успеть Сеймом чрезвычайным до созыва ординарного; и по вычету времени не лучше ли будет отложить дело до съезда обыкновенного Сейма, который так же сконфедеровать и на нем переговоры открыть можно; сие же самое наблюсти отчасти нужно, естьли бы оказалось наверное, что Король Прусской, намерениями нашими встревоженный, покушается для помешательства Чрезвычайному Сейму потаенным образом заводить в Польше внутренние мятежи; ибо тогда может быть лучше удастся не возбуждая слишком его внимания и подозрений воспользоваться сеймом ординарным, сконфедеровав его вдруг, и скоропостижно производя в действо негоциацию: но буде бы предлежала явная опасность, что сей Государь или способом затеваемой с его стороны конфедерации хочет заключить с Польшею свои постановления или же решится на какую-либо крайность, тогда уже надобно будет отложить на сторону всякое уважение и ускорить заключением нашего союзного договора с Польшею.

5^е. Как скоро в Варшаве решатся на созыв чрезвычайного Сейма, Посол долженствует с нарочными о том предварить обоих фелдмаршалов, дабы они могли взять свои осторожности противу безпокойства, делам нашим вреднаго.

6^е. Естьли бы паче чаяния со стороны венского или берлинского дворов настал вопрос о приступлении их к сему союзному договору, интересы наши конечно востребуют чтобы мы то отклонили; ибо оно ослабило бы связь нашу с Польшею, разделяся между тремя, и открывая дверь к толкованиям сего трактата по видам и прихотям каждого, и к заведению из того внутренних неспокойств в Республике. Венской двор легко нам отклонить, когда внушим ему, что приступление его подаст лишь повод берлинскому того же и для себя требовать, в чем и отказать трудно; а по сему уже и не выдет пользы для нас в существе чаемой из помянутого союза. Впрочем венский двор как искренний и наразрывный союзник России и ручатель целости Польских владений и без того равно с нами интересован в сохранении сея республики. Берлинскому же двору, успокая его в разсуждении собственного его положения, можно будет изъяснить, что приступление его иначе не могло бы иметь места как обще с венским

двором; а тогда дело и отнести к негоциации сперва между тремя державами, потом обще с Польшею; между тем время выиграно и война с помощью Божиею окончена будет.

Сказав о порядке ведения сего дела, теперь предлежит изобразить вкратце план самого союза.

Хотя главнейшая цель оного есть охранение Польши от покушения соседей, и неразрывное ея соединение с Россиею на будущее время; но в изыятие причины по многим неудобностям для нас, будет он предъявляем яко по случаю настоящей войны составленный. Чего ради в предисловии надлежит взять за основание, что Россия в 1686^м году заключила с Польшею трактат вечной дружбы, коего главнейшия статьи служили в оборону противу врага имени Христианского, и что видеав бедственные опыты для Польши по случаю войны прошедшей, обе стороны договаривающиеся положили к отвращению того на времена будущия, и к предохранению целости и безопасности Республики, заключить союз оборонительный.

Артикулы сего союзного договора должны быть следующие:

1^й. Подтверждение вечного мира и дружбы на основании трактатов 1686^м 1768^м и 1773^м годов, и разных конвенций, також Кардинальных прав и конституции Польской.

2^й. Взаимное ручательство на целость настоящих владений Российских и Польских.

3^й. Взаимное пособие со стороны Польши национальною конницею в трех бригадах, каждая по 4000 человек, со стороны же России корпусом в 10 000 пехоты и 2000^х конницы с артиллериею.

4^й. Постановление, что Россия во время войны перенимает на себя содержать помянутыя три бригады конницы жалованьем, провиантом, фуражем и амуницією; о чем и должны поступать постановления быть штаты (сей артикул Ея императорское величество указать изволила обратить в сепаратный – написано на полях).

5^й. Обещание со стороны России снабдить сии три бригады безденежно оружием из Тулы (сие тоже вынесено в сепаратный артикул – написано на полях).

6^й. Обещание дать на прочее Польское войско оружие и пушки по известной цене. Впрочем можно о сей материи сделать артикул сепаратный (сей артикул Ея величество совсем исключить повелела – написано на полях).

7^й. Постановление о том что помочныя войска должны быть в команде стороны востребовавшей.

8^й. Разныя другия постановления обыкновенно в союзных договорах вмещаемя о времени движения войск, их употреблении и прочих подробностях.

9^й. Постановление, что в случае атаки Польши от кого бы то ни было, Россия не токмо сказанную выше в 3^м пункте помощь ей подаст, но и вящими силами по возможности оборонять ея обязуется.

10^а. Постановление, что в случае войны у России с Швециею, или в Азии, Польския войски помочныя расположены будут по условию с Российско-императорским двором в Польше таким образом, что они могут способствовать к охранению Границ Российских, и что и в то время Россия сии помочныя войска содержать должна, как выше сказано в пункте 4^м.

11^а. Срок трактата долженствует быть вечный.

Примечание: все наши с сею Республикою договоры установлены безсрочно, да и с датским двором мы вечный союз имеем; следовательно и тут ближе подобное постановление, нежели на восемь лет; ибо к концу срока выходило бы новое безпокойство негоцировать и бороться с новыми хлопотами и происками.

Естьли за благо разсуждено будет, чтоб сему договору придать еще больше вида теснаго соединения двух держав; то могут присоединены быть еще артикулы: первый, что по тесной дружбе и неразрывному согласию обоих Государств, где которое из них не будет иметь Министра, или повереннаго, или консула, в таком случае аккредитованным от другой державы иметь исправлять дела и стараться о пользе подданных союзнаго государства. Второй, чтоб военные чины обоих государств считались старшинством наравне между собою. Третий, чтоб государственные чины обоих держав также имели некоторый между собою разбор и сравнение. Четвертой, чтоб обе стороны по их дружеству в принятии в подданство и службу взаимных дворян, и в даче индигенатов превосходную податливость оказывали: но сии пункты не инако внесены быть должны, как по удостоверении, что не возбудят они в берлинском дворе лишняго подозрения и не заставят его воспротивиться совершению негоциации (сей пункт Ее величество совсем исключить велела – на полях).

За сим следуют артикулы сепаратные.

1^а. Чтоб Польша не заключала с иными державами подобных союзов без предварительнаго соглашения с Россиею. Сей артикул находился в проекте Королевском.

2^а. О числе денег на содержание помочнаго войска во время войны.

3^а. О субсидиях на военное и мирное время по пятидесяти тысяч червонных в год, дабы иметь всегда основание сего войска (субсидии на мирное время Ея величество повелела не писать, и оным и на вечные времена не обязываться – на полях).

4^а. О выгодах Польши по случаю настоящей войны. Сей пункт требует великаго разсмотрения, почему об нем здесь пространно сказано будет.

Обещание Польше выгод из союза ея с нами расположено быть может трояким образом:

Первое, естьли по разным уважениям и соображениям признано будет за лучшее не делать заранее точных и подробных постановлений, как по неизвестности будущаго, так и по тому, что в Польше

никакое условие не главным остаться не может; то следует, кажется, постановить Сепаратный Артикул в такой силе; «что Ея Императорское величество обязавшись в трактате не заключать ни мира, ни перемирия с неприятелем без включения в оные союзницы ея Пресветлейшей Речи Посполитой Польской. И недопустить чтоб она из ненависти к союзу ея со всероссийскою Империею и за вспомогательное участие в войне была атакована; в сильнейшее доказательство дружбы своей к Его величеству Королю и Республике Польской обещает сверх того приложить всемерное старание при окончании нынешней войны, или при будущем с Портою Оттоманскою мире доставить ей всевозможное удовлетворение и выгоды для торговли ея граждан». Тут выйдет та удобность, что от воли нашей будет зависеть, смотря по успехам и оборотам дел, определить о приобретении в землях, естли бы то нужно оказалось, и сие соединить в план мира нашего и союзника нашего императора с турками, торговая же выгоды ничто не помешает означить как можно более.

Второе, буде бы относительно сих последних востребовалось и точнейшее теперь же объяснение, оныя в России могут дарованы быть наряду с народами у нас найвяще благоприятствуемыми; в Турецких же землях обещано будет им старание, чтоб купеческий флаг Польский и торговля граждан тамошних пользовались теми же самыми выгодами и свободами, кои Российскому флагу и коммерции присвоены.

Казалось бы, что, соединя два сии пункты в один, Поляки будут удовлетворены и ободрены с нами неразрывно соединиться. От искусства Министерства и Посла нашего в Варшаве будет зависеть сделать благопристойные внушения Королю и знатнейшим вельможам, что естли только настанет время и удобность, Ея величество не упустит приложить попечение, чтоб Республика Польская приращение ея владениям на щет врага имени Христианского получила, а по обстоятельствам можно будет с крайнею осторожностью и далее учинить откровенность, в чем мы полагаем таковое приращение.

Третье, но будебы паче чаяния оказалось необходимо теперь же обещать точно приобретение в землях; в сем случае оное не инако место иметь может, как положением, чтоб Молдавия, за исключением Хотина с небольшим округом, и Валахия, за изъятием Банната Крайовского, учредя их в область от Порты независимую, признаны были фиефом*, к Польше принадлежащим, с тем, что 1^я владетель сея области долженствует быть наследный господствующаго закона Греческого; получая инвеституру от Короля Польскаго. 2^я надлежит предохранить право веры в сих землях господствующей, и разныя права, выгоды и преимущества состояний народных. 3^я означить количество дани Королю Польскому в знак верховной его власти, истребляя все сверх того утеснения и отягощения. 4^я границы сего

* Т.е. ленным владением.

феифа нужно определить, реша например о Бессарабии, сюда ли она причтена будет, или же оставить ее в удовлетворение наше; ибо естли венский двор получит Белград с частию Сербии и Боснии, баннат Крайовский и Хотин; то приобретение Очакова с уездом и Бессарабии, начиная например в небольшом разстоянии выше Бендер и ведучи, сколько можно, прямейшую линию до устья Прута по левой стороне, едва только в некоторую сразмерность придем. (Сей пункт выключить от Ея величества приказано – на полях.)

Сверх затруднения по сему пункту при сношении с венским двором, с которым у нас есть некоторой род условия о помянутых землях, встречается еще та опасность, чтоб Король Прусский, ежели уже он и подлинно решился искать случая воспользоваться приобретением для себя на щет Польши, не счел что сия Республика легко может в его пользу пожертвовать Данцигом и Торунем с частию воеводства Познанскаго или инаго, приобретая под зависимость свою Молдавию и Валахию, яко удовлетворение своей потери с другой стороны, а по сему и мнится, что постановление о выгодах Польши всего удобнее может быть распоряжено на основании первых двух пунктов.

В наставлениях графу Стакельбергу посылаемых наипаче подтвердить ему надлежит 1^а чтоб Сейм чрезвычайный скорее окончился, огранича упражнения его одною так сказать сею материею. 2^а чтоб Король и его партия, а равно и члены оппозиции до того доведены были, чтоб они все свои личности откинули и единодушно обратили старания к делу, которое утвердит целость, покой и благоденствие отечества их, и имя их бессмертным в потомстве зделает. 3^а чтоб не затруднять колько можно Сейма внутренними установлениями, и особливо такими, кои Королем Прусским могли бы приняты быть за противныя конституции Государственной, или вредными для торговли его подданных, и послужили бы ему поводом вмешаться в дела Польския. 4^а чтоб прихоти Королевския в приращении власти или излишнем усилении его партии отдалены были; ибо удовлетворяя оным не можем мы тогда не иметь некоего уважения и к требованиям других Министров и значущих людей в Польше, а сие может только в гласном деле произвести помешательство, умалчивая, что прибавление власти Королю и активности правительству Польскому и для наших интересов невыгодно. 5^а изъяснить, что в помощь нам со стороны Польской полагается одно конное национальное войско, для того, что мы и без того своей пехоты имеем довольно, а пехота Польская может употребиться на охранение собственных их границ. 6^а о начальстве, по справедливости принадлежащем над всем сим помочным Корпусом и над первою бригадою собенно великому гетману графу Браницкому, над второю воеводе Русскому графу Потоцкому и над третьею великому Подскарбию Литовскому Князю Понятовскому. 7^а куда и какия из сих бригад отрядить на настоящее время. 8^а при том дать знать Послу, что всего бы лучше было, естли

бы вербование или наполнение бригад возложено было на шефов их, и им суммы денежные вверены были. (О сем нужно знать Вашей светлости желание все ли бригады в армию вами командуемую отправить, или же только одну первую или и вторую, а третью в Армию Украинскую – на полях.)

28. ДОНЕСЕНИЕ Я.И.БУЛГАКОВА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ А.И.ОСТЕРМАНУ

ОТ 26 АПРЕЛЯ (7 МАЯ) 1791 ГОДА¹

№ 61²

Сиятельный граф, милостивый государь!

Приступаю к подробному описанию происшедшей здесь революции и всепокорнейше донесу все что мог по сие время узнать и что из соображения сведений с разных сторон доходящих, явилось истинным, ибо в теперешнем волнении всякий говорит свое и трудно было правды скоро дойти.

Из всепокорнейшего моего донесения под № 58 ваше сиятельство изволили уже видеть, что открыл я намерение короля и Потоцких ввести новую форму правления. Вскоре после того достал я и план их действия. В оном положено было привести в четверг (24) на Сейм всем корпусом мешанство и цехи мастеровых, коих громкой Конституцией о городах и вступлением маршала Малаховского с 42 послами и другими дворянами в здешнее мешанство, они к себе привлекли; на Сейме ж призывали их под видом благодарения короля и Станов за данные привилегии. Сия толпа последуемая чернию имела наполнить как сеймовую залу, так все окружные покои, входы и выходы, дворы замка и близ лежащие улицы. В их присутствии король предложит о сукцессии, и ежели дело пойдет тихо, будут некоторые говорить для формы речи уже приуготовленные и наизусть выученные для отвращения всякого подозрения, и станут требовать, чтобы закон был принят единогласно. Потом король предложит новую форму правления. Положено было, что сколь скоро король говорить перестанет, все сенаторы и послы его партий окружат трон и принудят силою решить дело. Полки гвардий, артиллерия и другие войска имеют быть в готовности и с заряженными ружьями. Сверх того

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/1. 1791. Д.1294. Л.146–151об. (подлинник).

² К документу помета Екатерины II: «Положите на мере, что по польским делам теперь делать надлежит».

соберут всех забияк, наполнят ими залу вместе с мещанством, под видом арбитров. Все сие и исполнено с некоторыми в обстоятельствах переменами как то изволите увидеть ниже.

Как большая часть сеймствующих разъехалась по домам для праздников, то приятели наши отправили повсюду штофеты для созвания своих, приняв даже ту осторожность, что не из Варшавы оныя отправили, а с первых почтовых станций. Между тем намерение начало разглашаться по городу и побудило короля поспешить исполнением. Сколько ни чинено ему представлений чрез благонамеренных, ему преданных, не могли оные произвести больше действия как только то, что он подумает и сообщит им план, чего однако не исполнилось.

В воскресенье (20) маршал Малаховский поил мещанство и чернь по всем шинкам города, а в замке угощались у конюшего коронного Кицкаго послы преданные королю, но плана им не показано, а только представляли им пользу и отбирали их согласие. В понедельник (21) Сейм начался спокойно и о сем деле ни слова никто не упоминал, как то видно из приложенного журнала, но под вечер созваны сеймующие в Радзивилов дом, где держится трактир, и там быв угощены, потребована от них подписка проекта, где уже стояли имена епископов Каменецкого Красинского и Куявского Рыбинского, а сие и побудило многих подписаться, хотя многие, как уверяют, не знали содержание плана. Во вторник (22) рано повешено чрез посланных от короля сенаторам и прочим сеймующим ехать тотчас к маршалу Малаховскому, где принуждали их подписать, но многие не согласились, и имянно маршал Литовской конфедерации князь Сапега, который даже и читать не хотел плана. В то же утро собрана депутация чужестранных дел для поспешения неготовую еще выпискою из депеш здешних министров при других дворах, и сколь скоро окончили оную, то началось заседание сейма ранее обыкновенного. Часть полков была тихо введена на пустое место между замком и рекою, и в окружные дворы. Прочие были в готовности в своих казармах, с заряженными ружьями, а для артиллерии стояли лошади. В церковь Августинского монастыря близ замка привезено ночью из арсенала три тысячи ружей и пистолет для черни. Как при открытии заседания, коим поспешили прежде положенного часа, мещанство еще не собралось, то послали ему сказать, что на Сейме хотят данные городам привилегии уничтожить. Чрез прибытие их не только залы, покой, дворы замка, но даже улицы наполнились народом, коего было, сказывают, до двадцати тысяч и много черни пришло с дубинками. Нет лжи и обмана, которого бы не употребили для взволнования людей и скорейшего окончания дела; депеши министров здесь сочиненные и посылаемые к ним для подписания; подел Польши; близость мира между воюющими державами, кои потом не допустят Польшу завести у себя порядок, опасность чтоб не подье-

хали отдалившиеся из Варшавы по домам послы; даже разглашение, что я раздал шестьдесят тысяч червонных; все было истощено, никакая выдумка не была забыта. Наконец, каким порядком дело шло на сейме изволите, ваше сиятельство, усмотреть из приложенного журнала. Трон был окружен генералами, офицерами около двух сот человек; даже камергеры имели сабли. Уланы, переодетые в товарищей, не позволяли никому из залы выходить.

Сверх Калишского посла Сухоржевского, который дабы ближе подойти к трону полз между ног и растянулся крестом; другой посол из Познаня Мелжинский, бросился на землю, когда король приглашал идти в церковь, кричал, но все шли топча его так, что у него кровь потекла из горла, все сие не помогло. Лишь кто только хотел говорить или действовать, был удерживаем своими соседями. Когда маршалу Малаховскому упрекали, что он поступает против законов, против акта Конфедерации, против Конституции государства, он отвечал, что нет ни Сейма, ни Конфедерации, а началась революция. Крик о принятии новой формы умножен арбитрами, кои заставляли угрозами молчать сеймующих. Военными людьми распоряжал и над всеми имел старание князь Иозеф Понятовский. Послов на сем заседании всех не больше было ста, а когда король пошел в церковь, то в зале осталось противящихся сенаторов, министров и послов около пятидесяти, но чернь делала в ней своевольства, прежде нежели пошла в церковь, наконец многие ходили в город для учинения манифестов, но канцелярию нашли запертой. Иные посылали протестации свои за три мили и там оные не приняты.

Когда король возвратился из церкви, где была подтверждена присяга и пел молебен при пушечной пальбе, отправил он курьера в Дрезден, посылал дежурного камергера с объявлением и с поздравлением к саксонскому министру Ессену о выборе его государя. Потом цехи с знаменами ходили на саксонский двор, где живет оный министр, кричали виват, но не получа от него ничего, разошлись и таскались по городу. В среду (23) позволено было принимать манифесты, но состоящие только в том, что протестующий противен был сукцессии, яко запрещенной его инструкцією.

Великий коронный канцлер Малаховский сложил с себя чин, отослал к королю печать и уехал в свои деревни. От короля послан к нему курьер с предложением, чтобы возвратился и чин назад взял и с обещанием, что отдаст ему на волю выбрать в вице-канцлеры одного из трех – кого похочет. Многие из послов также разъезжаются, а Сухоржевский отослал орден Св. Станислава, данный ему с неделю назад. В тот же день маршал Малаховский собрал депутацию Конституций и настоял о подписании Новой формы правления. Президент оной, Лифляндский епископ Коссаковский отказался, утверждая, что депутаты присягали не подписывать законов, ежели оные не приняты единогласно или большинством голосов, а как на Новую форму ни

турнуса*, ни единогласия не было, то и не могут они подписать ее не нарушив присяги. Прочие депутаты ему последовали и Форма не подписана. Беспокойство зачинщиков революции продолжалось и в четверговое заседание, коего журнал здесь следует, и которое держалось с тою же толпою черни и военными людьми, как вторнишное. Маршал Малаховский предложил затруднение депутации, и Сейм, освободя ее от прежней присяги, велел новый закон подписать, что и исполнено. На сем заседании приказано также снабдить войска всем нужным как то: оружием, магазинами и пр. и все сие делалось без собирания голосов, хотя и были еще сопротивления.

При сем всепокорнейше прилагаю перевод Новой формы правления. Прочтя ее, ваше сиятельство изволите увидеть, что нечувствительно все старое уничтожается, и королю дается власть беспредельная, ибо хотя и учрежден Совет из министров, но решит он все, и ни за что ни перед кем не отвечает. Больше здесь примечаний на нее делать теперь не буду, а сделаю только одно, что находящаяся в конце Декларация не напечатана и может быть будет или уже есть уничтожена. Равномерно не принуждают и к присяге тех, кои ее еще не делали. После первого жара начали они толковать, что присяга бесполезна, а может учиниться опасною, ибо насильственная, что единой способ действия есть тихость в рассуждении тех, кои не присягали или манифестовались, и что огорчение служит только к превращению в неприятелей и таких, кои могли бы к ним пристать.

По всему многу донесенному ваше сиятельство изволите видеть, что благонамеренным, коих число впрочем было мало, нечего было делать против подобного насильствия сколь они к тому ни приготавлились. Ежели бы и не держали их за руки, как то со многими случилось, не вышло бы из их сопротивления против столь страшной толпы, как только то, чтобы их в куски изрубили. Повсюду носится слух, что написан был реестр 12-ти главных, коих головы велено носить на кольях; между ими первый гетман Браницкий. Уверяют и маршал князь Сапега так же в жертву был назначен.

Внутренности всякого видеть нельзя. Молодые люди в восторге, думая что уже все кончено и Польша тотчас возрастет в величии, славе и независимости. Они подкрепляются мешанством и чернью, которая от радости вне себя. Но и самые зачинщики ужасаются теперь, что допустили подлость, которая и против них самих может со временем точно также поступить. Сей способ всегда опасен и чернь, побуждаемая хотя бы то было и обманами к действию в государственных делах, часто кончит тем, что присвоит себе власть повелевать своим повелителям, как то происходит теперь во Франции. Остается мне объяснить здешние толкования о сей революции. Теперь ожидают известий, как она принята будет в провинциях и соседними державами. Даже сами поляки, противные ей, здесь дума-

* Так в тексте.

ют, что в провинциях найдет она мало сопротивления, потому что дух прежней вольности почти везде исчез, что все помышляют только о своем благоденствии, что не похотят заводить реконфедерации (кои и невозможны без посторонней помощи) дабы и совсем не разориться, а с другой стороны потому что ежели соседние державы не вмешаются, или ежели которая из них будет помогать революции, то Польша в самом деле придет в некоторое устройство, в честь и в славу, а сие больше всего ослепляет польское чванство.

О соседних державах рассуждают следующим образом: России не может следствие революции, то есть устройство Польши, нанести беспокойства и опасности, ибо Польша, как многие начинают мыслить, без России обойтись не может, и, конечно, в союз с нею вступит. Об императоре почти то же говорят, но главнейше почитают революцию вредной Прусской короне, которая ни столько войска иметь, ни кормить его, ни расширить границ своих не может иначе как с ущербом Польше. Голландский министр изъяснял немалую радость; прусский притворялся веселым, английский и шведский узнали происшествие по пушкам, а последний доходил даже до дружеств от восторга.

На курфюрста саксонского легко согласились, ибо ожидают, что он по-прежнему доходы Саксонии издерживать станет в Польше. Но назначая нынешнего курфюрста в короли, дочь его дать в супругу тому, кого выберет Республика, а детей наследниками престола, сим самым отнимают навсегда у саксонского дома дорогу к польскому престолу, чего сообразить нельзя с оказываемым к нему доброжелательством, и есть тут, конечно, какая тайна и предварительное с курфюрством сношение.

Впрочем, будущая наследница служила великую помощь к соглашению партий. Потоцкий льстил, сказывают, короля польского выдать ее за племянника его; князя Адама Чарторыжского, за сына его, а между тем не лишал сей надежды и свою фамилию. Прочих обольщевали тем, что инфанту отдадут или за великого князя, или за эрц-герцога или за прусского или же за аглинского королевича, который из них будет обещать большие выгоды Польше. В самое же то время обманывали всех различно, одних, что революция делается с согласия России, других – с согласия цесаря, третьих же – с согласия прусского короля, и станется, что в последнем и есть некоторое основание, несмотря на наружные доказательства противного.

Имею честь быть с должнейшим почтением и совершенною преданностью милостивый государь вашего сиятельства всепокорнейший слуга Яков Булгаков.

Варшава

26 апреля/7 мая 1791

29. ПРОЕКТ БЕЗБОРОДКО ПО ПОЛЬСКИМ ДЕЛАМ 1791 ГОДА¹

Проект о Польше koliko полезен для Российской империи в том нет нужды распространяться. Посредством исполнения сего проекта приобретены будут обширные и плодоносные земли, населенные многочисленным отважным, с нами единоверным и от России единственно чающим спасения своего народом. Он умножит страшную военную силу и послужит в нужном случае к замене внутри государства многих чрезвычайных рекрутских наборов. Польша престанет быть для нас пугалищем, по видам соседей границы наши найдутся в полной безопасности. Приобретения венского и берлинского дворов ни мало с нашими не сравнятся.

Утвердившись таким образом в пользу сего плана, которого, впрочем, исполнение со многими соображениями, трудностями и знатными издержками сопряжено, не угодно ли будет Вашему императорскому величеству в ответе ко князю Григорию Александровичу сказать, что приемля за благо его план и желая, дабы обстоятельства способствовали произведению его в действо, Ваше величество даете ему именование Гетмана войск Казацких Екатеринославских, предоставляя на собственное его усмотрение, когда он рассудит за благо объявить рескрипт, который тут же приложен будет, и притом отдав ему на примечание не возбудит ли иногда употребление сего названия в Польше беспрерывно внимание и тревог во вред дела. Ваше величество полагать изволит, что для надежного производства в действие сего плана необходимо нужно мир с турками и шведами. Относительно последнего здесь приложено будет всемерное старание поспешествовать, отдаляя всякие затруднительные притязания, сколько то может сходствоваться с достоинством Вашим и государства Вашего. Что же принадлежит до мира с турками, успехе оружия, им преподносимого, столь далеко уже распространено, что следовало бы ожидать большей податливости со стороны сего неприятеля, всюду побежденного. Итак, остается желать, прежде всего, чтобы Бог увенчал его мирную переговоры таким добрым успехом, каким благословил военные подвиги. С восстановлением мира с Портой откроется и путь к начинанию толь важного дела, которое, казалось бы, всего удобнее предпринять при возвращении войск наших через Польшу, разве бы король Прусский прежде обнажил или свои замыслы, нам вредные, или же окромя одного отторгнул от Польши в пользу свою Торунь, Данциг и другие места. В подобных же крайних случаях и нам уже крайние надлежало бы

¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.588. Т.1. Л.239–243об. Резолюция Екатерины: «Не Подолию отдать туркам, а Пруссию полякам, естли Бог велит». – Там же. Л.238.

предпринять средства, отлагая на сторону всякое уважение. Что касается до оружия, нужного для наших единоверцев в Польше, согласие ваше на то ему известно из секретного указа от 6 июля сего года, в силу которого от него запасено предписание посредством генерал-поручика Кречетникова. На тульском оружейном заводе оное изготовлено под предлогом настоящей надобности военной. А как тут нужны быть могут и пушки, то и оные удобно отлить в Брянске или же на заводе, основанном в Екатеринославском наместничестве, причем Ваше величество позволяете ему по его усмотрению обратиться на переделку и захваченное у неприятеля оружие.

Впрочем, по течению времени и дел будут от Вас ему доставляемы и дополнительные ему по сей материи предписания.

В подобных случаях, где только важная в соседстве предпринимается революция, нельзя обойтись без нынешних и у себя мер осторожности. Первая заключается в том, что покуда дело производимо будет и своего совершенства достигнет, границы наши поставлены были в безопасность от польских набегов; а потом и нужно иметь войска в Малороссии и Белоруссии. Вторая состоит в удержании там полного спокойствия в земле. Правда, что в Малороссии все помещики имеют в ненависти имя гетмана, ибо хотя из живых никто не помнит вреда и разорения от измены мазеповской, но в свежей имеют памяти, что последний гетман был им тягостней своею гордостью, разными притеснениями, наипаче относительно присвоения многих имений, что он не хотел им способствовать в получении уравниения чинам тамошним с российскими во классах и прочее; да и все даже и отставные спешили уже с себя сложить прежние свои назначения, заменяя оные военными и статскими чинами; но число помещиков есть малое в сравнении казаков и поселян тамошних, у которых при оплошности начальства легко может возбудиться мысль к беспокойству. Для сего нужно, чтобы там было доброе начальство, всего лучше при отряде войска для охранения тамошних границ посылаемого. Назначить генерала надежного, твердого, благонравного и беспристрастного, которому в случае отлучки наместника тамошнего или при его расслаблении можно было бы верить и команду над губерниями.

На бумагу о Белоруссии не изволит ли Ваше величество ответить, что усмотрение, его касающееся, до прекращения тако называемой унии весьма основательны и, конечно, их в действо производить нужно; но что принадлежит до принуждения помещиков польских жить в Белоруссии, то сие не совсем сходствовало бы с трактатами и с правилами, по коим у нас многие в чужих краях жили, и что не хотите, чтобы на Вас нарекания были подобные сим, кои все на Вас подобные клали, которые все на императоров кладут ответственность за разные распоряжения.

30. СЕКРЕТНЕЙШАЯ ЗАПИСКА БЕЗБОРОДКО ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1792 ГОДА¹

«Ее императорскому величеству всеподданнейше докладовано о домогательствах прусского министра графа Гольца получить ответ на предъявленное со стороны короля, его государя, желание, касающееся до приобретения им части земли от Польши, чертою на карте отмеченной, но до введения войск его в ту часть. По рассмотрению всех бумаг и разных сведений по сей материи Ее величество указало в высочайшем своем присутствии и под собственным ее усмотрением протянуть черту на карте польской для показания того удела, который предназначается ко Всероссийской империи во удовлетворение убытков ее вследствие общих видов обоих союзных дворов поставить Польшу в такое положение, чтобы она, служа барьером между окружающими ея, не могла, однако ж, сама собою беспокоить их. Лучшее же объяснение монаршей воли, описав некоторые места и урочища по той черте, Ее императорское величество изволила утвердить оную своеручной припискою, что и приложена здесь в оригинале.

По таковом прочном значении удела, России предполагаемого, Ее императорское величество высочайше повелела:

Первое, начать негоциации с прусским министром по сей материи полной мочью от государя своего снабженным, дав ему знать, что со стороны Российской императорской к заключению конвенции уполномочены действительные тайные советники вице-канцлер граф Остерман и граф Безбородко, да тайный советник Морков; впрочем, переговоры сии производить самым секретным образом.

Второе, сообщая о том графу Гольцу, предварительно ему вручить карту, означающую черту нашу, присовокупляя к сему, что Ее императорское величество совершенно удовлетворена, что союзник Ея тем же образом дружественным примет сообщение притязаний и желаний Ея, с которым приняла она таковое же, от него учиненное; что как скоро оба союзных двора согласны в своих притязаниях и чертах, ими определяемых, то натурально каждый должен будет взять свою меру на занятие и обеспечение нужд своим жребия своего, отлагая, однако ж, огласку и прямое сего исполнение, покуда посредством заключаемой конвенции условлено будет о всех подробностях, в дело сие входящих, и определено удобным к производству оного в действие.

Третье, необходимо нужным находит Ее величество в разговорах поставить надлежащую цену перед Его прусским величеством, что как в деле том важно нельзя не предполагать, дабы не встретились затруднения, но может быть прямо сопротивление самих поляков от

¹ АВПРИ. Ф. «Секретные мнения КИД». Оп.5/1. Д.588. Т.I. Л.18–21об.

других недоброхотных держав, заимствующих от связи, благополучно восстановленной между здешним императорским и королевским прусским дворами, окажется какие-либо враждебные покушения; то Ее величество, решившись изъявить всю твердость, каковую обывкла она сопровождать свои деяния, не оставила принять спешные меры осторожности на севере и юге, приготовившись к отражению всего противного; равным образом надеется, что и союзник ее теми же правилами в общих делах руководствоваться будет. Тут уместным почитает Ее императорское величество коснуться препятствий со стороны Англии, коих признаки по разговорам великобританского посланника с графом Шуленбургом уже видны были. Оные конечно в представлениях, а может быть, в угрозах и оказательствах открываться станут, но государыня императрица полагает, что твердостью и единодушием союзников все сие в ничто обращено быть может.

Четвертое, при составлении проекта конвенции на рассмотрение и утверждение монаршее повелевает Ее величество предохранить интересы друга своего союзника императора Римского, поколику желания его известны.

Пятое, хотя и нечаятельно, что граф Гольц вошел в какие-либо примечания о черте, у нас назначенной, а вероятно возможно возьмет ее на донесение; но буде бы он высказался о ее обширности, в таком случае образом разговора дать ему почувствовать, что то сходствует с местным положением, что выгоды короля Пруссии в соединении своих прусских владений в Силезии и приобретении Данцига, да и многие другие пользы весьма... обширность, нашею чертою занимаемую; что в прежнем разделе мы отнюдь не завистливо смотрели на превосходные части Пруссии и Австрии доставшиеся пред нашим, взамену многих наших тогдашних потерь, что мы настоящим приобретением, себе назначаемым, далеко еще не наградим убытков, сугубо военных, нам нанесенных и умноженных вновь действиями и пребыванием наших войск в Польше.

Подлинную подписал граф А.Безбородко».

К записке приложена копия резолюции Екатерины:

«От угла границы Семигалии на Поставы, на озера Нечаку и Шпахту, на Велико при реке Вилне, потом по рубеж воеводства Виленского до Столпцы, от онаго переходя реку Неман до Несвижа, потом до реки Припять на Пинск и оттуда на Купиов прямойшею линиею до Вышгорода.

На подлинной написано собственною Ея императорского величества рукой: вот вам черта

В С.П.-бурге декабря 2 1792.»¹.

¹ Там же. Л.28.

**31. ПЛАН ПОВЕДЕНИЯ ТРЕХ МИНИСТРОВ В ПОЛЬШЕ
ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ТОГО, ЧТОБ МЕЖДУ ТРЕМА
ДВОРАМИ И РЕСПУБЛИКОЙ ЗАКОННЫМ ОБРАЗОМ
НА СЕЙМЕ СОБРАННОМ ПОСТАНОВЛЕНО
НЕПРЕМЕННО ТРАКТАТОМ О ИНТЕРЕСАХ
В СИХ ДЕРЖАВАХ, И ДАБЫ УЧИНЕНА ИМ БЫЛА
ПОЛНАЯ И СОВЕРШЕННАЯ УСТУПКА ТРЕХ ЗЕМЕЛЬ,
КОИ ОНИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ВЗЯЛИ ВО ВЛАДЕНИЕ.
А КУПНО С СИМ ВНУТРЕННИМ РАСПОРЯЖЕНИЕМ
ДЛЯ ДОСТАВЛЕНИЯ ТОГО, ЧТОБ ПОРЯДОК И ТИШИНА
ВОЗСТАНОВЛЕНЫ БЫЛИ В СЕМ ГОСУДАРСТВЕ
НА СПРАВЕДЛИВОМ И ТВЕРДОМ ОСНОВАНИИ,
НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАСПРИ ИСПРАВЛЕНЫ,
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВАХ ИЗЪЯТО
И ВСЕГДАШНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ,
СХОДСТВЕННОЕ С РАСПОЛОЖЕНИЯМИ И ИНТЕРЕСАМИ
ЕЕ СОСЕДЕЙ, ОБЕСПЕЧЕНО БЫЛО ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ¹**

Предписуемые респективным министрам статьи относятся к поведению их или прежде, или в самое время Сейма. Первые суть приуготовительные, а последние исполнительные.

СТАТЬИ ПРИУГОТОВИТЕЛЬНЫЕ

1^е

В последних повелениях, отправленных купно к трем дворам и к министрам их в Варшаве, как оба срока, назначенные в декларации, которую велено им подать правительству и для созвания Сейма, и для окончательного распоряжения с тремя державами, могут найтись недостаточными; то и надлежит трем министрам строго настоять о реченных сроках, как скоро приметят они очевидно, что Король и министерство старается о приведении дел к сим двум концам без потерянна об том времени, сверх того, что необходимо нужно в силу конституции.

2^е

Марш респективных войск, кои по последним распоряжениям долженствуют вступить во внутренности Польши, должен сделать в нации генеральную импрессию, могущую произвести в ней желание

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп.79/6. Д.1867. Л.1–25 (черновик с многочисленной правкой; в левом верхнем углу написано: «Перевод»).

вытти наконец из кризиса, в коем она находится, следственно с сего точно времени начинается деятельность трех министров и будут они единодушно стараться о расположении и соединении духов к видам трех дворов.

3°

Естли примечено будет, что Король желает по необходимости, в коей он находится, вступить в виды трех дворов, в таком случае можно будет изъясниться с ним о дирекции сего Сейма, разумея при том, чтоб можно было обезопаситься вперед, что никакой интерес, ни интрига, ниже чужестранная инфлюенция не могут в оной вмешаться к предосуждению трех дворов. Тем менее можно исключить Короля, что в сей операции единственно национальное за полезное признается, принимать всех действующих, какой бы они ни были партии, лишь бы только искренне хотели окончить смятение в своем отечестве.

4°

Как сие невозможно будет, чтоб три министра сами собою бдительно имели смотрения в столь различных местах, в коих держаны будут сеймы, то могут они обезопасить себя некоторым числом преданных актеров, кои примут на себя старание менажировать дела к намеченным концам, и в сем выборе не столько они смотреть будут о числе, сколько о характере персон, и будут принимать, естли возможно, одних только надежных, разсудительных и способных людей.

5°

Как одни средства силы никогда не могут быть достаточными к произведению движения в Сеймиках и к решению чрез то намерений в принципах трех дворов, как для выбора приличествующих им земских послов так и для инструкций, коими они снабжены будут; то необходимо нужно будет, прибавить к оным обольщение, а чтоб быть в состоянии сие сделать, три двора составят от сего времени при министрах казну, определенную единственно для успехов настоящих операций, для коей, как кажется, на первой случай от каждого двора не может быть меньше, как от 150 до 200 тысяч ефимков.

6°

Сия казна будет вообще в диспозиции трех министров и ни на что из оной иначе употребляемо не будет, как только по единодушному согласию всех трех.

7°

По обеспечении таким образом основания к обольщению, по приличнейшем сколько возможно расположении военных сил, по совершенном узнании средств преклонения, происходящих от особенного интереса и по изготовлении оных к действительному употреблению; актеры, кои будут употреблены, зная силу и слабость такого или другого сеймика, должны будут уведомлять министров, какое из средств должно быть употреблено предпочтительно, или в какой степени все три. И по сим известиям министры должны объявить к востребованию надобности понуждение, преклонения или обольщения. Как первое принадлежит до генералов, то всегда имеемо будет с ними отправленное и без изъятия сообщенное, дабы они со своей стороны всегда могли действовать до означенной степени.

8°

Во вышеозначенных пунктах и артикулах три министра, быв обязаны изъясняться как с Королем, так и с актерами, имеющими способствовать к их видам по генеральному плану распоряжения, должны будут бдительно менажировать как одних, так и других, и скрывать от них резонабельно те пункты, как по их удостоверению непременно должны направиться как одним, так и другим.

9°

Как все дела учреждаются на будущем Сейме, как суть распоряжения с соседними державами, усмирение государства и поправление его злоупотреблений суть под законом liberum veto и как следственно того и предполагать не можно, чтоб достигнуть окончания оных на вольном сейме и дать им желаемую силу и важность через законы республики, то все виды министров должны быть обращены на сейме под узлом конфедерации.

10°

Сия операция может учинена быть двумя образами. Или земские послы предубеждены и расположены чрез министров и удостоверены в необходимости дела учинять между собою конфедерацию как бы чрез собственное свое побуждение и тот час учредят сейм под сею конфедерациею, о чем надлежит стараться посредством актеров, которыми к тому часу нужно будет обезпечиться. Или по признании невозможности сего первого средства, министры зделают конфедерацию в Варшаве, к коей Сейм должен будет приступить и с того времени принять свойство Сейма, чрез конфедерацию

держимаго. Для привлечения одного или другого средства министры не отстают убедительным образом представить все, могущее произойти от продолжения бедств в государстве, и дать почувствовать всем его членам, кои при сем разе соберутся в Варшаве, что как три дворы еще отдадут в их волю спасти свое отечество, то от них зависит взять кратчайшую и надежнейшую дорогу для достижения того.

11^e

Надлежит примечать, чтобы сии представления произвели больше воздействие на Короля, коего состояние становится критическим по мере нерешимости и замешательства в делах, нежели на шефов партий или других, держащихся Саксонской факции, ибо сии будучи всегда напоены фаворизованною ими пассивною* видеть паки Саксонского принца на престоле, чают всегда видеть некоторое блистание надежды в соплетении бедствий их Отечества. Но как то совсем вне системы трех дворов, чтоб внимать какому-либо изъяснению, могущему фаворизировать такие виды, и как с другой стороны по мере важности, с коей король думал бы для успеха операции, не оставит он требовать обеспечений в персональных его выгодах и его фамилии, коих часть должна быть жертвуема усмирению Государства; то истинные актеры, коих министры должны избрать, суть средняго класса, коих щастие не зависит ни от варшавского двора, ни от Саксонской партии, и кои персонально ничего ожидать не имеют, кроме поправления их благосостояния чрез окончание бедствий их отечества.

12^e

Как выбор Сеймского маршала имеет ежевеликую важность для успеха главного предмета, то три министры употребляют все старания для сыскания подданного; коего намерения были бы искренние и которой дозволил бы управлять собою в случае надобности по учинении сего выбора. Само собою разумеется, чтоб они старались о его избрании.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ

Когда сейм примет существование одним или другим из двух вышеозначенных образов и будет находится в действительности: в то время начнется от стороны трех министров исполнение видов их дворов, а имянно: трактата учиненнаго ими между собою раздела. Утверждение состояния республики приличествующаго срединной державе. Наконец, возстановление правительства в истинных его

* Т.е. увлечены внушенной ими себе страстью.

принципиях для произведения настоящего усмирения и обеспечения порядка и тишины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТРАКТАТА

1^е

Три министра учинят вообще форменной поступок при собранных на Сейм чинах для истребования, чтоб назначена была депутация для трактования с ними, уполномоченными для сего действия от своих дворов.

2^е

В негоциации министры не будут внимать никакому изследованию действительности прав их дворов, ниже какому-либо ограничению или уменьшению доли каждого, но будут настоять о точном и совершенном отказании республики от земель и дистриктов, кои каждой взял во владение.

3^е

С своей стороны откажутся они именем их дворов от всех претензий на республику.

4^е

Отказание со стороны республики содержать в себе будет сверх уступленных провинций всякое право или старую претензию на какие-либо области и поссессии трех дворов.

5^е

Министры получают сдачу — всех архивов прав и документов, принадлежащих уступленным им землям.

6^е

Они постановят, что никогда не будет упоминаемо о управлении сих провинций в актах республики, и что все касавшееся до их яко составляющих часть ее областей, уничтожено, а именно 13 из 14 статей фундаментальных законов относительно прусских городов и Ливонии.

7^е

Наконец договорятся они, что трактат ратификован будет с обеих сторон и внесен в конституцию настоящего Сейма.

УТВЕРЖДЕНИЕ СОСТОЯНИЯ РЕСПУБЛИКИ

1^e

Оба пункта, постановленные 5 артикулом фундаментальных законов конституции 1768, в силу которых корона должна навсегда остаться избирательною и преемничество престола уничтожено, будут возобновлены и подтверждены.

2^e

Невозможно будет впредь избрать Королем Польским, кроме польского дворянина знатной породы и имеющего possessions в Польше. Сейм постановит навсегда исключение всякаго чужестраннаго принца.

3^e

Сын или внук последнего короля не возмогут избраны быть Королями непосредственно после своего отца или деда, но по прошествии по крайней мере двух государствований могут они быть избираемыми.

4^e

Правительство Польши останется навсегда республиканским правительством.

5^e

Liberum veto останется неперменным законом, как постановлено было на последнем сейме и все дела, находившиеся под хранением онаго, будет при том же сохранены.

ВОЗСТАВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИСТИННЫХ ЕГО ПРИНЦИПИАХ

Как в сем состоит усмирение Польши, о коем три двора, как они объявили, хотят стараться согласно с нацією, то три министра соединят свои усилия для способствования всем средствам имеющимся к истинному состоянию республики, и чтоб сия операция была характеризована и оправдаема в глазах нации существенною пользою. В этом должны они будут различать то, что есть страсть или прихоть некоторых или мечтание множества от того, что есть справедливое, вещественно спасительное и законами требуемое.

1

Нет в том сомнения, что никто не отважится делать предложение относительно королевской персоны, но всякой раз министры будут почитать для себя главнейшим правилом сохранение его на престоле.

2

Истинный принципиум Польского правительства есть равновесие трех чинов: короля, Сената и рыцарского чина. Сие есть древний и фундаментальный закон республики, и первый кардинальный закон в последней конституции к тому относится. Но надлежит великое иметь старание чтоб сие законное равновесие получило свое вещество чрез равную инфлюенцию трех чинов в правительстве и к восстановлению и обеспечению сего равенства инфлюенции должны клониться все настоящие реформы.

3

Для сего уничтожены будут все новые конституции, коими больше или меньше нарушено сие равновесие, и взяты будут все предосторожности, могущия обеспечить оное для переду.

4

Как нация приносит жалобу о перевесе равновесия особливо с королевской стороны, то отъято будет от сей власти все то, что находится излишнее. Могущество и достоинство королевское ограничены будут новыми узаконениями, учрежденными сходственно с формою республиканского правительства.

5

Одна из первых операций для достижения сего есть не допускать, чтоб посредством своих родственников король мог присоединить к своей власти власть других государственных чинов, что показывало бы исключение их от всех должностей: но как невозможно присечь в них уважение к привилегиям польских дворян, которые могут отправлять всякие должности, равно как и сограждане их; чего для полезно будет умерить сей артикул и постановить, что дяди, братья и двоюродные братья королевские и королевины братья будут исключены из министерства и великих чинов, доставляя им возможность быть сенаторами, воеводами или капелланами и отправлять всякую другую должность меньшаго уважения.

6

Милость и дружба часто производят те же действия, как и родство, следственно Король, избрав себе тайный совет, достал себе чрез то многих тварей, которые для участвования в сиянии, окружающем престол, не столько ревнуют о соблюдении силы того чина, к которому они принадлежат, а часто жертвуют оным приватному своему интересу. Итак, надлежит узаконить, чтобы король не мог иметь иного тайного совета, кроме некоторых из числа сенаторов по его выбору, которые с тем предаваемы ему будут *ad latus regium*.

7

Королевская интервенция в военной и казенной комиссии, будут для нации угрозением худых следствий, обе оные комиссии будут уничтожены, должности для великого гетмана и великого казначея на прежнее основание возобновлены, и естли большинство голосов пожелают, то старинные в том злоупотребления предупреждены будут, такие узаконения, чтоб гетманы не имели права жизни и смерти над военными людьми республики и чтоб великий казначей не управлял самовластно государственной казной, неже не были сами кассирами. И для того определены будут из гетманов и великих казначеев советники. И никто из составляющих таковой совет не будет зависеть от королевского и в том месте наименования, но должны они избираться в том каждом воеводстве или уезде чрез каждые два года.

8

Когда власти великого гетманства будут таким образом возстановлены, тогда войски, кои ныне под королевской командой находятся, им в команду отданы будут; и с того времени польский Король не может иметь ни собственного своего ниже государственного от него зависящего войска.

9

Интервенция знатная, а особливо королевской фамилии в судебные места, будучи поводом к угнетению нации и одной из притчин, уничтожавших равновесие власти, то президент и члены оные в судебные места будут избираемы от уездов и воеводств, да и зделаны будут наиздравнейшие законы для избавления оных от всякой зависимости от короля или знатства.

10

Почтовый департамент принадлежать будет королевскому званию, однако под управлением республики, собранной на Сейм; ежели большинство голосов того пожелает.

11

А как сенатская власть до сих пор изрядно содержалась в надлежащих своих границах, то и останется подкрепить ее в том состоянии, в каком она теперь находится. Надобно то и стараться, 1ая дабы часть оной власти не присоединилась к королю, для наклонения равновесия в его сторону. 2ая препятствовать, сколько к тому законы способствовать могут, чтоб члены онаго нечрезмерно разбогатели и 3ая предупредить угнетения, происходимые от них нижним чинам, а особливо судейным местам, одним словом, сия инфлюенция знатных над малыми чинами, которая есть источник всяких партий в государстве. Для отвращения оных опасений можно узаконить, на первое, что на каждом Сейме поведение как приданных Королю сенаторов, *ad latus regium*, так и прочих, заседающих в *Senatus Consilium*, было похваляемо или опорочиваемо, потому оное более или менее клонилось к государственному благу. На второе не остается инаго, как постановить неколебимый закон относительно раздаваемых королем милостей и доходов. Против же трат его предосторожности приняты будут вышеозначенным образом в 9ом пункте. Все оное может иметь место, когда собравшаяся на сейм нация найдет в чем свою выгоду и естли большинство голосов того пожелает.

12

Шляхетство, составляющее третью власть республики, не столь великую инфлюенцию в правлении имеет как две первые; оно имеет временное существование, а именно: чрез каждые два года при сеймском собрании, вместо того, что другие две постоянно и завсегда в действии пребывают, даже и между сеймами. Тако же известна инфлюенция первого даже в избрании нунциев, что еще больше уменьшает власть вышеозначенного шляхетства. Итак, небезполезно будет узаконить возобновление и конфирмацию древних законов или определение новых, кои лучше нежели прежде сего приводили в безопасность вольность сеймиков. Особливо нужно будет узаконить, что оный чин имеет повторенный в Сенате избранный в своем корне на сейме, кои бы пребывали в Варшаве между сеймами и имели голос и присутствие в Сенате с правом протестации, против всего, что в оной будет предложено или заключено, в противность конституции или же правых и выгодных причин; дабы по уведомлении об них, учиненном Сеймикам,

новым нунциям препоручено было стараться об поправлении того на Сейме. Таким образом можно придать шляхетного чина власти постоянное действие и существование, кои уже имеют другие две.

13

По сему распоряжению представляется необходимая нужда уменьшить уменьшение, претерпенное королем в его имении чрез разделение, тремя дворами учиненное, и укрепить для него содержание, сходственное с его достоинством, то будет взято некоторое избыточное число староств, кои определены будут Сеймом навсегда для сего предмета. И кажется, что такое содержание, дабы оно было пристойно, должно состоять в четырехстах тысячах червонных, или же и таким образом зделать, что для снабжения онаго Королевскаго штата, была наложена дань, размеренная по староствам, пожалованным разным людям до сего Сейма.

14

Такоже можно снабдить оной королевской штат чрез учинение генеральной редукции всем староствам, розданным по сие время. О сем самой нации должно рассуждать, которое из двух предложений для нее сходнее.

15

Как на польской престол не будет более возведено иностранного принца, который к сиянию величества присовокуплял бы могущество и богатства наследственных земель, так и можно опасаться, чтоб королевское достоинство, будучи ограничено в одних местах, кои из равенства на престол восходят, не теряло бы чрезмерно своего уважения, если бы из его преимущества исключена была раздача милостей и жалование доходами. И для того раздача оставшихся староств, по тому как намерение сего артикула исполнено будет, ему предоставляется. Но в то же самое время будет узаконено, чтоб каждой фамилии не давалось больше двух староств и чтоб оные все вместе не составляли ежегодного дохода больше 7^{ми} до 8^{ми} тысяч червонных так, что такое староство, которое одно иметь будет такой доход, будет служить к извлечению дачи другого той фамилии. Оной пункт может иметь место, естли большинство голосов нации того пожелает.

16

И дабы обнадеежиться в исполнении онаго закона, то будет учрежден суд на Сейме против всякой фамилии, для которой сей закон нарушен будет и по доказательству наказание состоять будет в лише-

нии всех староств, из коих одно отдано будет ipso facto, тому кто донесет, а прочие тот раз зависеть будут от распределения республики самой, которое отдаст им на том же сейме. Сей пункт может иметь место, когда предшедшей узаконен будет.

17

Король не может больше жаловать грамотами преемничества упалаго места сыновьям или родственникам или же вдове имевшего староство, но возвратится оное после его смерти в королевские руки свободным от всякого обязательства для новой отдачи. Оный пункт, как весьма посторонний интересам трех дворов, может быть узаконен и нет, так как полякам захочется.

18

Предмет, достойный желаний всех членов, есть прибавление войска; да и в самом деле настоит в том существенная нужда для содержания добраго порядка и тишины, будучи ни что так не противно, как малая пропорция между государственными и партикулярных людей войсками, кои чрез то могут издеваться над правлением и презирать оное. Иностранным державам никакого неудобства не будет согласиться чтоб, войско республики еще шестью тысячами человек преумножено было.

19

Дело, касавшееся до диссидентства, будучи одно из важнейших пунктов к примирению, то и будут три министра помогать негоциации между ими и католиками об артикулах, кои с той и другой стороны могут быть уступлены в требуванном от диссидентов допущении в государственном корпусе, которое на последнем сейме исполнено было. Диссиденты со своей стороны могут отказаться от вступления в Сенат и министерские места, а католики от закона, предписывавшаго наказание тем, которые переходят из одной веры в другую. Закон варварской и которой в таком просвещенном веке, каков сей, будет уничтожаться. Прочие пункты, касавшиеся до диссидентов, останутся во всей своей силе и будут возобновлены в новой конституции, особливо участие в избрании нунциев.

20

Министры ни мало не должны препятствовать и всем другим, сверх вышеозначенных, от нации предлагаемым пунктам, когда оные ни директно ни индиректно не трогают интересов их дворов.

21

Разпоряжение законов по классам, зделанное в последней конституции, представляет одни виды пользы, сходственно можно оное внести и оставить в нынешние разпоряжения, поколи не найдено будет непреоборимой к тому в нации претительности. А естли оное останется, то причислится к классу кардинальных законов или к государственным делам, все вышеозначенные здесь пункты, по той мере как они касаются интересов трех дворов и смотря по способности склонить нацию к принятию оных. Но все пункты, касающиеся установления состояния оной республики, неотменно должны внесены быть в класс кардинальных законов.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Все пункты исполнения, касавшиеся как до заключения трактата, так и до установления состояния республики, будут служить неотменным указом министрам, кои не могут от того удалиться, ниже прибавить перемен и договоров, могущих зделать отмену в существе их. Им дано будет больше воли во всех тех пунктах, кои касаются до возстановления правительства или его примирения, яко в вспомогательных интересах для трех держав. Настоящий смысл их инструкций на сии последние пункты будет точно стараться поступать по общему национальному вкусу и чрез искусныя снисходительства тем более открывать себе дорогу к достижению успеха. Однако выключается из того прибавление государственных войск, которое сильнее 6000 быть не должно, и уничтожение закона, предписывавшаго наказание переходящим в другой закон, об исполновании которого они неотменно стараться должны. Касательно же состояния диссидентства, то выключая их отказ от министерства и от вступления в Сенат, не должно сносить, чтобы в их привилегиях какое либо такое уменьшение зделано было, которое могло бы ослабить их вольность веры или гражданские права.

ПАРТИКУЛЯРНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

В 15^м артикулах упомянуто, что для составления королевскаго содержания будет зделана генеральная редукция всех староств, розданных по сие время. В оной операции поступаемо будет, смотря на могущество партикулярных людей, поколику оные снести могут более или менее уменьшение. Небогатые люди, живущие токмо от своих староств, могут от редукции выключены быть, но напротив того фамилии имеющие достаточные наследства, особливо богатые и могущественные фамилии, будут тому подвержены без всякаго исключения; да и должно им тем менее от того отговариваться, что

королевское содержание есть государственная нужда, которая предпочтена быть должна всякой милости и благоволению, да и самому награждению за услуги; и таковой партикулярный человек оного класса, который долговременным пользованием себе королевскими землями усугубил собственные свои богатства, не может оспаривать, что оные его земли во время таковой потребности не возвращались к первому своему употреблению.

32. ПРОЕКТ ВЕЧНАГО И ТВЕРДАГО ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СУЩЕСТВОВАНИЯ, СОГЛАСНО С ВИДАМИ И СИСТЕМОЮ РОССИИ¹

Польша в нынешнем Ея положении остаться не может и не обретается средств существование оной обеспечить удобных, когда настоящее Республики правление во многих обстоятельствах видам России не соответствует. Российский Двор, в продолжение прошедшего Сейма, употребляя старания и знатныя издержки на приведение дел ко взаимно-полезному окончанию, но невзирая на то и на осторожность Российскаго Посла, во многом виды России остались не наблюдаемыми, в чем не надлежало бы Послу быть небрежливым.

Обоюдному сему вреду не народ однакож виновен, но король, коего воле весьма много в продолжение сейма удовлетворял Посол; скрытая ненависть коею, вместо должной к России благодарности, Король руководствуем был, произвела несколько конституций, пользам России противных, которыми и все прошедшаго Сейма установления приведены в двоякое и недействительность.

Что значит, например: определение, запрещающее Тарговицкой конфедерации всякое с Королем сношение? Что значит позволение надеть крестики, в войски бывшей факции раздаваемые, кои помянутую конфедерациею, по воле Ея императорскаго величества, упразднены? Все сие и прочее тому подобное ясно доказывает что Король малейшия свои неудовольствия в свежей содержит памяти.

Ежели Конфедерация сочтена за незаконную и, следовательно, власть имеет недолженствующую, то как могла она управлять Республикою, возстановить Непременный Совет, созвать Сейм и утверждать трактаты, видам России соответствующие?

Какими же способами исправить ныне все не удобства и погрешности, кои в продолжение прошедшаго Сейма произошли и кои так много ощутительны? Что предпринять для обеспечения пользы России и дабы уверить Европу, что не чрез усилие, но по доброволь-

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшей». Оп. 79/6. Д.1869. Л.1–6.

ному с Польшею соглашению, на взаимных выгодах основанному, учинила Россия свое приобретение? Одно только остается к сему средство, которое однако ж не иначе может произойти в действо, как при настоящем дел Европы положении, где каждая держава единою собственностью упражняющаяся, мало посторонния перемены уважает. Средство сие состоит в следующем: как нужно России утвердить и обезпечить навсегда спокойство свое относительно ближайших Ея соседей, довольно сильных, когда войною не заняты? Следственно, надлежит Ей созвать вновь Сейм, предваря о сем Непременный Совет, который от себя и народ о том уведомит.

Содержание Декларации российской долженствует быть следующее: что Россия для утверждения всегдашнего и непоколебимаго существования Польши желает употребить многия служащая к тому меры и довести к пересмотрению все прошедшаго Сейма производство, дабы опущенное было возстановлено, вредное исправлено, неясное объяснено и пополнено. Полезному же свободное дано течение; для чего, равно и для приумножения обоюдных выгод, на основании заключеннаго между Россиею и Польшею союза, требует поспешнаго собрания Сейма. Между тем к успокоению рождающихся в народе от подобных случаев боязни и роптания, надлежит уверительные учинить доводы, что делается сие не с каким либо вредным умыслом и не для новаго пределов Республики уменьшения, но напротив для обезпечения оных со стороны соседей и в намерении защищать Польския владения от всякаго их неприязненнаго предприятия. Таковая декларация, исполня народ благодарностию и искреннею к России привязанностию, произведет желаемое Сейма собрание и наклонит умы к выполнению всех Российскаго двора требований, без малейшаго при том насилия которое хотя и приводит дела к окончанию, но на будущее время опасныя оставляет последствия.

Понеже собрание в Польше Сейма не преминет возбудить внимание Прусскаго Короля, то нужно предупредить его, что для совершеннаго только забранных от Польши Земель за Россиею и Прусиею утверждения и для исправления прав сие собрание учинено, дабы воспользоваться временем, в которое Цесарь в войне находится.

На вопрос, для чего и с какими видами желаю я собрания Сейма, ответом служить может проект сей, который во всем российской системе, по мнению моему, соответствует. Прошедший Сейм, установляя порядок правлению, ничего не упомянул о предбудущих Королях, также и о настоящем, котораго Россия, считая за человека малонадежнаго, не может иметь к нему таковой доверенности, каковая для блага Польши потребна; он быв ослеплен самолюбием и в разсуждении неудачи в предприятиях своих, питая к России злобу, не преминет, конечно, при первом удобном случае воспользоваться оставшими у него средствами, дабы повредить Ей; обогащаясь при всяком в крае беспокойстве, когда каждый частный человек прихо-

дит в упадок и разорение; имея всегда довольно способов к привлечению себе сообщников и сохраняя еще в отобранных провинциях прежняя связи, при всей своей настоящей слабости, может он иногда сделаться опасным и снабжать неприятелей российских советами и нужными относительно Польши сведениями. По сим обстоятельствам и в разсуждении, что Россия к нему доверенности иметь не может, не должен он оставаться на троне.

Когда сие предположение возымеет свое действие, то при установлении Сеймом избрания Королей может Россия приступить к совершению предприятий своих, буде польский престол для Российских Князей упрочить вознамерилась.

Сие, по мнению моему, наивеличашею будет для России пользою относительно политических связей и оборотов и также в разсуждении обширных российских владений; и когда великая Екатерина на российском престоле владычествует, то наследник Ея под Единым предлогом права царствовать и ушастливления поляков, может получить их корону, чрез что соединятся выгоды империи и республики, которая, с своей стороны, не оставила бы споспешествовать к приобретению и удержанию нераздельных между ими польз.

Буде бы предложение польской короны не возбудило на первый случай внимания в Наследнике Российского Престола, то подробным изображением взаимных польз и тесной связи между обеими державами, как при жизни великия Екатерины так [да продлит Бог дни Ея] и после, время от времени усугубляться долженствующими, удобно будет преклонить Его к приятию Польскаго скипетра; великий же Князь Александр, коего природа наружными и душевными дарами равно и щедро украсила, да будет добрым Российским монархом; наконец не запаматовали мы и о Константине, которому отец наследство свое поручит.

При сочинении сего проекта имею я в предмете обезпечить спокойство России и сохранить существование Польши и оба сии владения навсегда соединить, дабы на предбудущия времена взаимно одно другому полезны быть могли.

Успех сего предприятия кажется мне весьма легким и продолжения времени не требующим, ибо судьба нынешняго Короля от воли России зависит и сам он, уповаю я, своему от Трона удалению не воспротивится, ежели только уплатятся долги его, в сходство определения на претстоящем сейме состоявшегося, и положено будет несколько десятков тысяч червонных на годовое его содержание и, наконец, буде родственники Его пристойное получат пристроение.

Итак, льщусь я, что сие мое предположение, быв для России полезно, не противится и выгодам Польши; и когда произойдет оное в действо, тогда Россия, уступив республике для преклонения к себе Польскаго народа некоторыя провинции, учинила бы тем дар для собственной своей крови; разширение же пределов республики не

могло бы для России быть опасным, ибо навсегда поколение Князей Ея царствовало бы над Польшею.

Ежели сей проект от Российскаго двора признан будет за полезный, то впоследствии изъясню я способы к приведению оного в действо и представлю мнения мои как до охранения вольности народа, так и до установления правления относительныя, со включением образа избрания Польских Королей единственно из царствующаго Российскаго поколения избираться имеющих. Сие все нужным почитаю, потому что наследственный в Польше престол и монархическое правление Российской системе противны. Оканчивая, обращаюсь я к определениям, на прошедшем сейме учиненным, кои Российской системе противны; оных исполнительная власть, как-то Непременный Совет и прочие, уничтожить не могут и таковое уничтожение, ежели бы оное и последовало, силы своей не возымеет или прочным не останется, ибо Сеймовыя определения Сеймом же и отменяются.

Настоящее время, когда вся Европа войною объята, нахожу я для России наиболее удобным к созванию в Польше Сейма и к составлению оного из людей, Ей преданных, дабы успеть во всех своих предприятиях.

Ежели какая статья сего проекта от Российскаго двора уважены будут, то при произведении оных в действо, найдет меня Россия усердным к себе и старательным; главная же особа сего, или сему подобного дела зависит от ея собственного избрания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные источники

Архив внешней политики Российской империи

Фонд «Трактаты». Д.53, 60, 61, 64, 87, 88, 94, 275, 276, 278, 291, 315, 325, 333, 338, 343, 344, 349, 351, 368, 370, 371, 379, 551, 552.

Фонд «Секретные мнения КИД». Д.102, 501, 583, 585, 587, 588, 589, 591, 592, 593.

Фонд «Внутренние коллежские дела». Д.143, 241, 298, 846, 877, 879, 900, 901, 902, 903, 905.

Фонд «Сношения России с Польшей». Д.16, 24, 81, 92, 93, 94, 102, 108, 132, 133, 141, 149, 173, 193, 213, 214, 240, 241, 273, 274, 371, 372, 409, 417, 432, 789, 800, 804, 818, 841, 842, 866, 877, 916, 917, 922, 951, 960, 963, 964, 970, 996, 997, 998, 1002, 1011, 1024, 1223, 1228, 1232, 1233, 1234, 1237, 1244, 1246, 1250, 1270, 1277, 1280, 1289, 1294, 1297, 1311, 1312, 1360, 1360а, 1390, 1398, 1457, 1477–80, 1498, 1522, 1543, 1595, 1831, 1836, 1837, 1839, 1841, 1847, 1867, 1869, 1870, 1871.

Фонд «Варшавская миссия». Д.89, 93, 1272, 1476, 1482, 1497, 1512, 1836.

Фонд «Сношения России с Пруссией». Оп.74/6. Д.13, 34, 38, 54, 56, 58, 59, 69, 70, 80, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 93–96, 104, 105, 107–111, 114, 116, 117, 119, 121, 182–184, 193–196, 202, 205–207, 209, 215–217, 220, 309, 362, 369, 384, 391, 395, 397, 399, 400, 401, 404, 409, 416–418, 432–439, 447, 449, 450, 456–458, 469, 471, 472, 476, 500, 501, 515, 516, 540, 551, 572–574, 576, 579, 588–593, 595, 596, 598, 599, 602–604, 608–610, 612, 613, 626, 629–633, 635–637, 643, 644а, 650, 657, 659, 663–666, 668, 669, 671–673, 676–678, 680, 682, 683, 687, 693, 767–770, 773–775, 783, 785–793.

Фонд «Сношения России с Австрией». Оп.32/6. Д.113–116, 124–126, 200, 201, 204, 206–208, 212, 219, 226, 227, 252, 295–297, 299, 300, 314, 317, 326, 329, 338–341, 346, 347, 351, 355, 358, 360–362, 507, 513–516, 518–520, 524–526, 528–534, 536, 539, 542–546, 554, 557–560, 580, 600–604, 634–636, 655, 677, 678, 727, 751–753, 755, 760, 763–766, 769–773, 775, 784, 792, 793, 795, 796, 800, 801, 805, 807, 810–814, 819, 822, 824–831, 835–838, 840, 842,

849, 854, 855, 867, 871, 970, 971, 973, 974, 976–979, 981, 982, 984, 985, 987, 989–991, 995–997, 1055, 1057, 1059, 1063, 1066–1068, 1070, 1071, 1073, 1074, 1077–1082, 1084, 1085, 1089, 1095, 1097–1100, 1105–1108, 1119–1121, 1124, 1127, 1128, 1132, 1135, 1138, 1139, 1141, 1142, 1144, 1154, 1155, 1162, 1180, 1181, 1374, 1377, 1378, 1380, 1392, 1399, 1402–1404.

Фонд «Венская миссия». Оп.33/2. Д.39, 42, 46, 48, 50, 63, 85, 86, 89, 90, 93, 94, 97, 98, 101–104, 108.

Фонд «Сношения России с Турцией». Оп.89/8. Д.31, 39, 243, 245–247, 250, 252, 322, 332–334, 356, 366, 381, 396, 397, 413–415, 422, 426, 427, 429–433, 481, 497, 550, 562, 591, 648, 656, 660, 670, 686, 712, 723, 725, 731–733, 738, 741, 752, 753, 755–757, 760, 764, 766, 773, 774, 777, 785–787, 789–791, 795, 808–814, 816, 821, 823, 826, 830, 831, 833, 838, 848, 850, 852, 854, 855, 858, 1142, 1157, 1158, 1196, 1201, 1208, 1256, 1264, 1266–1270, 1275, 1276, 1279, 1287, 1288, 1301, 1312, 1326, 1441, 1631.

Фонд «Сношения России с Англией». Д.247, 776.

Фонд «Сношения России с Данцигом». Д.25, 55.

Фонд «Сношения России с Голштинией». Д.181, 203, 209, 215.

Фонд «Сношения России с Голландией». Д.97.

Фонд «Департамент личного состава и хозяйственных дел». Д.61.

Государственный архив Российской Федерации

Фонд 728 «Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца». Д.112, 129, 130, 137, 208, 212, 328.

Фонд 926 «Фонд коллекции материалов личного происхождения». Д.194, 438, 450.

Российский государственный архив древних актов

Фонд 1 «Пакеты за императорской печатью». Д.19а, 196, 52.

Фонд 4 «Переписка лиц императорской фамилии и других высочайших особ». Д.134.

Фонд 5 «Переписка высочайших особ с частными лицами». Д.79, 104.

Фонд 1261 «Воронцовы». Д.294.

Российский государственный исторический архив

Фонд 1146 «Протоколы записей Государственного совета». Д.2.

Архив МИД Франции

«Memoires et documents», Russie, 1613–1886. Vol.IV, XI, XVI, XX, XXI.

Public Record Office

Russia. Vol.90.

2. Опубликованные источники, справочные и библиографические издания

Александрова Е. Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина // Литературное наследие. Т.29–30. М., 1937. С.343–524.

Архив Государственного совета. Т.I. Совет в царствование Императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). В 2-х ч.

Архив князя Воронцова. Издание П.И.Бартенева. Кн.1–40. М., 1870–1895.

Архив графов Мордвиновых. Т.I–X. Предисловие и примечания В.А.Бильбасова. СПб., 1901–1903.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 год. Ч.I–IV. М., 1894–1902.

Булгаков Я. Дипломатическая переписка 1779–1798 гг. СПб., 1885.

Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. СПб.: Академия наук, 1781.

Бумаги, касающиеся первого раздела Польши: Из архива графа В.Н.Панина // Русский архив. М., 1871. № 9, 10; 1872. № 1.

Виноградов В.Н. Трудная судьба Екатерины II в историографии // Век Екатерины. Дела балканские. М., 2000.

Восстание и война 1794 года в литовской провинции (по документам российских архивов) / Сост. Е.К.Анищенко. М., 2000.

Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. В 4 т. СПб., 1885.

Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 гг. / Под редакцией В.С.Лопатина. М., 1997.

Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А.Потемкина периода второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.): Источниковедческое исследование. М.: Восток, 1997.

Из бумаг Я.И.Булгакова // Русский архив. 1905. № 7. С.337–408.

Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.I–II. СПб., 1874; Т.VI. СПб., 1883.

Материалы для истории присоединения Польши к России 1772–1778 гг. М., 1863–1866 гг. // Русский архив. М., 1866. С.500–603.

Монархи Европы. Судьбы династий / Редактор-составитель Н.В.Попов. М., 1997.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868.

Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Г.Уильямса 1756 и 1757 гг. М., 1909.

Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II // Русский архив. М., 1880. Кн. I. С. 210–355.

Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Публичной библиотеке / Изданы А.Ф.Бычковым. СПб., 1873.

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке: Документы. М., 1984.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830.

Польская война 1794 г. в реляциях и рапортах А.В.Суворова // Красный архив. 1940. Т. IV. С. 149–196.

Рескрипты императрицы Екатерины II князю Потемкину. С предисловием Е.А.Белова // Русский архив. М., 1874. Т. II. № 8. С. 225–289.

Рескрипты, указы и распоряжения Екатерины II на имя лифляндского генерал-губернатора Броуна по делам, касающимся Польши // Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издававшийся П.Бартеневым. Кн. 3. М., 1869. С. 197–225.

Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917 гг. Т. I: 1667–1799. М.: Международные отношения, 1991.

Россия и США: становление отношений, 1765–1818 гг. Сборник документов. М., 1980.

Россия и Финляндия, 1700–1917 гг. Л.: Наука, 1998.

Рябинин И.С. Архив царства Польского. Описал И.С.Рябинин. Т. I (Московский главный архив Министерства иностранных дел). Ч. I. Внутренние дела Польши. 1914 г.

Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной ее императорского величества канцелярии. Вып. I–XVI. СПб., 1876–1917.

Сборники Русского исторического общества:

Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ч. I–V. Т. 7, 10, 13, 27, 42.

Бумаги князя Н.В.Репнина за время управления его Литвою. Т. 16.

Бумаги Я.И.Булгакова за 1779–1798 гг. Т. 47.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (1762–1776 гг.). Т. 12, 19.

Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II. Ч. I–IX (1762 – 1777 гг.). Т. 48, 51, 57, 67, 87, 97, 118, 135.

Дипломатическая переписка прусских посланников при русском дворе (1763–1773 гг.). Т. 22, 37, 72.

Дипломатическая переписка французских представителей при русском дворе (1762–1772 гг.). Т. 140, 141, 143.

Донесения в Вену графа Мерси д'Аржанто. Т. 18, 46; князя Лобковича. Т. 125.

Переписка императрицы Екатерины II с королем Фридрихом II. Т. 20.

Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. Т. 23.

Письма барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II. Т. 33.

Указатель договоров, конвенций, соглашений и других международных актов, заключенных Россией с иностранными государствами и хранящихся в архиве внешней политики России Архивного управления Министерства иностранных дел СССР. М., 1951.

Alembert, Jean le Roud d'. D'Alembert à Frédéric II sur le démembrement de la Pologne. Prédiction accomplie d'un contemporain témoin oculaire des deux premiers gouvernements Saxons en Pologne. Amsterdam et Cologne, 1808.

Arneth A. Josef II und Katharina von Russland: Ihre Briefwechsel. Wien, 1869.

Arneth A. Maria-Theresia und Josef II: Ihre Correspondenz. Vol. 3. Wien, 1867.

Arneth A., Flammermont J. Correspondence secrète du Comte Mercy d'Argenteau avec du Comte Josef II et le Prince de Kaunitz. Vol. 2. Paris, 1889.

Brerern de la Gardie, comtesse de. Un ambassadeur de Suède à la cour de Catherine II. Feld Maréchal Comte de Stedingk. Choix de dépêches diplomatiques, rapports secrets et lettres particulières de 1790 à 1796. Vol.2. Stockholm, 1919.

Buckinghamshire, J. Second Earl of The Dispatches of John, Second Earl of Buckinghamshire, 1762–1765 / Ed. by A.Collyer. Londres, 1900.

Catherine II et Gustave III: une correspondance retrouvée / Ed. by G.Proschwitz. Stockholm, 1998.

D'Angeberg. [Chodzko, L.], Recueil des Traités, Conventions et Actes diplomatiques, concernant la Pologne. 1762–1862. Paris, 1862.

Dembiński, B. Documents relatifs à l'histoire du deuxième et troisième partage de la Pologne. T.I. 1788–1791. Lemberg, 1902.

France. Ministère des affaires étrangères. Commission des archives diplomatiques. Pologne. Avec une introduction et des notes par Luis Farges. T.I–II. Paris: Edition Félix Alcan, 1888. T.I (1648–1729). T.II (1729–1794).

Friedrich II und van Swieten. Berichte über die zwischen Oesterreich und Prussen geführten Verhandlungen, die erste Theilung Polens betreffend, hrsg. von Adolf Beer. Leipzig, 1874.

Hertzberg E.–F. Recueil de déduction, manifestes, déclarations etc. qui ont été rédigés et publiés par la cour de Prusse depuis 1756 jusqu'en 1790. Vol.3. Berlin, 1789–1791.

Krauel R. Briefwechsel zwischen Heinrich Prinz von Preussen und Katharina II. Berlin: Duncker, 1903.

La cour de Russie il y a cent ans, 1725–1783: Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. 2^{em} ed. Berlin: Scheider, 1858.

Les plus belles lettres de Catherine II, pr. par George Oudard. Paris, 1962.

Mazzei F. Stanislaw–August. Lettres de Ph.Mazzei et du Roi Stanislas–Auguste de Pologne. Roma: Ist. stor. ital. per l'eta mod. e contemporanea. Il primo cent. dell'unita, 1982. Vol.1.

Menagios D. de. Répertoire des traités, conventions et autres acts principaux de la Russie avec les puissances étrangères depuis 1474 jusqu'à nos jours. Paris, 1874.

Mézin, A. Les Consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792). Direction des Archives et de la Documentation, Ministère des Affaires Etrangères. Paris, 1995.

Michalski, J. Historiografia polska wobec problematyki pierwszego rozbioru. In: Przegląd Historyczny 63 (1972). S.425–436.

Mottaz, E. Stanislas Poniatowski et Maurice Clayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne. Paris, 1897.

Observations sur les déclarations des cours de Vienne, de Petersbourg et de Berlin, au sujet du démembrement de la Pologne. Nouvelle édition, Augmentée de Notes historiques et politiques. Londres, 1773.

Poland in the Collection of the Library of Congress, an Overview by K.Grzybowski. Washington, 1968.

Politische Correspondenz Friedrich des Grossen, tt.XV, Berlin, 1887; XXI, Berlin, 1894; XXIX, Berlin, 1903; XXX, Berlin, 1905; XXXI, Berlin, 1906; XXXII, Berlin, 1908.

Recueil des actes diplomatiques, traités et documents concernant la Pologne. P.1. Lausanne, Agence polonaise central, 1917.

Recueil des instructions, données aux Ambassadeurs et ministres de France, introduction par Alfred Rambaud. Ed. Felix Alcan. Vol.1 et 2. Paris, 1890.

3. Мемуары

Грибовский А.М. Записки о Екатерине Великой состоявшего при ее особе А.М.Грибовского. С присоединением отрывков из его жизни. М., 1847.

Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой. СПб., 1907.

Екатерина II и ее окружение. М., 1996.

Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998.

Записки сенатора Лопухина. М., 1990.

Комаровский Е. Записки графа Е.Ф.Комаровского. М., 1990.

Массон Ш. Секретные записки о России, в частности, о конце царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.

Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. Репринт издания Т.Н.Геннади 1862.

Понятовский С. Мемуары. М., 1995.

Россия в XVIII веке глазами иностранцев. Л., 1989.

Энгельгардт. Записки. М., 1997.

Asseburg, Achatz Ferdinand von. Denkwürdigkeiten. Berlin, 1842.

Buckinghamshire J. The Dispatches of John, Second Earl of Buckinghamshire, 1762–1765. London, 1900.

Considérations politiques et philosophiques sur les affaires présentes du Nord, et particulièrement sur celles de Pologne. Londres, 1774.

Georgel, l'abbé J.F. Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la Sin du dix-huitième siècle depuis 1760 jusqu'en 1806–1810. vi. Paris, 1818.

Ligne, Charles Joseph, Prince de. Mémoires et Mélanges historiques et littéraires. Vol.5. Paris, 1827–1829.

Malmesbury J.H. Diaries and correspondence of James Harris, first Earl of Malmesbury; containing an account of his mission to the courts of Madrid, Frederick the Great, Catherine the Second, and the French republic. Vol.4. London, 1845.

Mémoires de Elizabeth Craven, Princesse Berkley. Paris, Mercure de France, 1991.

Œuvres posthumes de Frederic II, Roi de Prusse. Mémoires. Amsterdam, 1789.

Raeff M. (éd.). Catherine II—a Profile, Hill and Wang. New York, 1972.

Ségur, Louis-Philippe de. Mémoires ou Souvenirs et anecdotes. Vol.3. Paris, 1826.

Vautrin H. La Pologne du XVIIIe siècle vue par un precepteur français. Paris: Calmann-Levy, 1966.

Vigée-Lebrun E. Souvenirs. Vol.2. Paris, 1867.

4. Монографии

Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. В 2-х т. Варшава, 1897.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М., 1986.

Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 1998.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2002.

Антонович В. Волынская тревога 1789 года. Киев, 1902.

Бажова А.П. Русско-югославские отношения во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1982.

Бартенев П.Б. Граф А.И.Морков. Биография. М., 1857.

Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.1,2; Т.12. Ч.1, II. Берлин, 1900.

Брикнер А. История Екатерины II. Т.1,2. СПб., 1991.

Брониковский А. Станислав Понятовский, или Секретные исторические события XVIII века. Ч.1–2. М., 1832.

Брянцев Л.Д. Очерк падения Польши. Вильно, 1895.

Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829.

Век Екатерины II. Россия и Балканы. М., 1998.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999.

Веселовский Ф.А. Примирение русских с поляками. Воспоминание прошлого. Историческая брошюра, основанная на документах XVII века и составленная по поводу столетней годовщины первого раздела Польши в 1872 г. Ф.А.Веселовским. СПб.: Новости, 1881.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII–начало XX века. М., 1978.

Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989.

Гейсман П.А. «Конец Польши» и Суворов. СПб., 1900.

Грабеньский В. История польского народа. Разрешенный автором перевод со второго, дополнительного польского издания (1906 г.) / Под ред. Н.Ястребова. СПб., 1910.

Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т.1–II. СПб., 1897.

Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774–1806 гг. Кишинев, 1975.

Джеджула К.Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972.

Дружинина Е.И. Кючук–Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.

Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1960.

Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А.Потемкина. М., 2000.

Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.

Ильенко А.К. Начало конца Польши: Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой. Материалы извлечены: 1) Из Московского отделения общего архива главного штаба; 2) Из Военно–ученого архива того же штаба; 3) Из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1898.

История внешней политики России. Конец XV века–начало 1917 г. Т. II. XVIII в.: От Северной войны до войн России против Наполеона. М.: Международные отношения, 1998.

История дипломатии. Т. I. М., 1941. 1959.

История Польши в трех томах. Т. I / 2-е доп. изд. под ред. В. Д. Корольюка и др. М.: Академия наук СССР, 1956.

Каменский А. Б. Под сенью Екатерины. СПб., 1992.

Каменский А. Б. Жизнь и судьба Екатерины Великой. М., 1997.

Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

Карп С. Я. Французские просветители и Россия. М., 1998.

Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов–на–Дону, 1997.

Киняпина Н. С. и др. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1984.

Колотов П. Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийской. Ч. I–VI. СПб., 1811.

Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Исторический очерк с тремя картами. Пг.: Огни, 1915.

Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой. Собр. соч. Кн. 7. СПб., 1905.

Кочубинский А. Граф Андрей Андреевич Остерман и раздел Турции (1735 – 1739 гг.). Одесса, 1899.

Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней // РАН, Институт славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1993.

Кудринский Ф. А. Императрица Екатерина II и разделы Польши. Вильно, 1905.

Кулжинский И. Г. Последнее пятидесятилетие Польши с 1764 по 1814 гг.: Краткий исторический очерк. Киев, 1863.

Лебедев П. С. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863.

Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992.

Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907.

Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств с 1794 по 1830 г. М., 1946.

Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739 гг. М., 1976.

Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе. 1778–1779 гг. М.: Наука, 1988.

Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII–первая четверть XIX века. Л.: Учпедгиз, 1956.

Осьмнадцатый век / Сост. П. Б. Бартенев. Кн. 4. М., 1868–1869.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М., 1956.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1991.

Перминов П. Под сенью восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991.

Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866.

Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880.

Платен К.Х. Курт фон Стединг (1746–1837 гг.) – космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. СПб.: БЛИЦ, 1999.

Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. В 2-х т. М., 1992.

Россия и Голландия: 300 лет сотрудничества. М., 1995.

Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999.

Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979.

Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур. М., 2000.

Сидоров А.А. К столетию третьего раздела Польши. Варшава, 1895.

Смит Ф.И. Суворов и падение Польши. Ч.1–2. СПб., 1866–1867.

Смоленский В. История польского народа / Пер. с польского Г.Ф.Львовича. СПб., 1899.

Соловьев С.М. История падения Польши. Избранные произведения. Т.2. Ростов–на–Дону, 1997.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.13–15. М.: Мысль, 1965–1966.

Сорель Л. Европа и Французская революция. Т.I–IV. СПб., 1906.

Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XVIII–начале XIX века. М., 1976.

Сумароков П. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой. СПб., 1852.

Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. Ч.I–II. М., 1945.

Тарле Е.В. Запад и Россия. Статьи и документы из истории XVIII–XX вв. Пг.: Былое, 1918.

Тарле Е.В. Сочинения. В 12 т. М.: Академия наук СССР, 1958.

Теплов В.Н. Русские представители в Царьграде. 1496–1891 гг. Исторический очерк В.Теплова. СПб., 1891.

Трачевский А.С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II: 1780–1790. СПб., 1877.

Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.

Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899.

Ушаков С. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова–Чесменского, почерпнутая из достоверных российских и иностранных источников. СПб., 1811.

Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Казань, 1902.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995.

Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001.

Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774 гг. СПб., 1896.

Щебальский П.К. Новые материалы из эпохи 1771–1773 гг. М., 1860.

Щебальский П.К. Политическая система Петра III. М., 1870.

Щебальский П.К. Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864.

Adamczyk T. Catherine the Great: Life and Legend. New York, 1989.

Althoff F. Untersuchungen zum Gleichgewicht der Mächte in der Aussenpolitik Friedrichs des Grossen nach dem Siebenjährigen Krieg (1762–1786). Berlin, 1995.

Anderson M.S. Europe in the Eighteenth Century. 1713–1783. 2nd Ed. London, 1976.

Andreescu C.J. La France et la politique orientale de Catherine II d'après les rapports des ambassadeurs français à Saint-Petersbourg. Mélanges de l'Ecole roumaine en France, V, Paris, 1927. P.3–155.

Aragon L.A.C. d'. Un paladin au XVIIIe siècle. Le Prince Charles de Nassau Siegen. Paris, 1893.

Bain R. Slavonic Europe. A Political History of Poland and Russia from 1447 to 1796. Cambridge, 1908.

Bain R. Nisbet. The Last King of Poland and His Contemporaries. By R. Nisbet Bain. London, Methuen, 1909.

Beer A. Die Erste Theilung Polens. Band I–II. Wien, 1873.

Blanning T.C.W. Josef II. Longman, 1994.

Bornträger Ekkenhard W. Katharina II. Die «Selbsherrscherin aller Reussen». Das Bild der Zarin ihrer Aussenpolitik in der westlichen Geschichtsschreibung. Freiburg, 1991.

Brandt O. Caspar von Saldern und die nordeuropäische Politik im Zeitalter Katharinas II. Erlangen und Riel, 1932.

Brougham M. Précis historique du partage de la Pologne. Marseille–Paris, 1831.

Brougham H. Précis historique du partage de la Pologne, par M.Brougham, traduction de l'anglais avec une introduction et un appendice par A.Clapier. Marseille–Paris, 1831.

Castera J. Histoire de Catherine II Imperatrice de Russie. Vol.2. Paris, 1797.

Catherine II et l'Europe / Ed. par A.Davidenkoff. Paris, 1997.

Chazet René André Polydore. Les Russes en Pologne. Tableau historique depuis 1762 jusqu'à nos jours. Par René André Polydore de Chazet. Paris–Varsovie, 1812.

Dukes P. Catherine II and the Russian Nobility. Cambridge, 1966.

Eversley. The Partitions of Poland. By lord Eversley. 2nd ed. London, 1915.

Fabre J. Stanislas Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières. Paris, 1952.

Ferrand. Histoire des trois démembrement de la Pologne. T.I–III. Paris, 1820.

Fischer Ch. D'Alembert au Friedrich II uber die theilung Polens. Amsterdam und Köln, 1808.

Frankel H. Poland. The Struggle for Power. 1772–1939. London; Lindsay Drummond, 1946.

Goralski Z. Austria a trzeci rozbiór Polski. Warszawa, 1979.

Grodziski S. Polska w czasach przetomu (1764–1815). Wielka historia polski. T.VI. Krakow, 1999.

Gross–Hoffinger A.J. Die Theilung Polens und die Geschichte der österreichischen Herrschaft in Galizien. Von A.J.Gross–Hoffenger. Dresden–Leipzig, 1847.

- Horn D.B.* British Public Opinion and the First Partition of Poland. London: Oliver and Boyd, 1945.
- Kalinka W.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Krakow, 1891.
- Kaplan H.* Russia and the Outbreak of the Seven Years War. Los Angeles, 1968.
- Kaplan H.* The First Partition of Poland. New York – London, 1962.
- Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. Vol.2. Warszawa, 1936.
- Konopczyński W.* Polska a Szwecja od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej, 1660–1795. Warszawa, 1924.
- Konopczyński W.* Le liberum veto. Etude sur le développement du principe majoritaire. Paris, 1930.
- Labourdette J.F.* Vergennes. Ministre principal de Louis XVI. Paris, 1990.
- Lelewel J.* Histoire de Pologne. Translated by T.Rykaczewski. Vol.2. Paris, 1945.
- Lerer D.* La politique française en Pologne sous Louis XV, 1733–1772. Toulouse, 1929.
- Levesque M.* Le statut international de Dantzig. Paris, 1924.
- Łojek J.* The International Crisis of 1791. Poland between the Triple Alliance and Russia. In: East Central Europe 2 (1975), i. S.1–63.
- Łojek J.* Catherine II's Armed Intervention in Poland. Orgins of the Political Decisions at the Russian Court in 1791 and 1792. In: Canadian Slavic Studies 4 (1970). S.570–593.
- Łojek J.* Misja Debolego w Petersturgu w latach 1787–1792. Wrocław, 1962.
- Lord R.* The Second Partition of Poland. A Study in Diplomatic History. Cambridge, 1915.
- Madriaga I. de.* Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. Sir James Harris's Mission to St.Petersburg during the American Revolution. New Haven, 1962.
- Madriaga I. de.* La Russie au temps de la Grande Catherine. Paris, 1987.
- Metternich T. de.* Les Stroganoff. Paris, 1991.
- Michalski J.* Dyplomacja Polski w latach 1764–1795. In: Historia dyplomacji polskiej. Vol.2. Warszawa, 1982. S.483–692.
- Michalski J.* Schyłek konfederacji barskiej. Wrocław, 1970.
- Monfort H. de.* Le drame de la Pologne, Cosciuszko 1746–1817. Paris, 1945.
- Müller M.G.* Die Teilungen Polens 1772–1793–1795. München, 1984.
- Oldenbourg Z.* Catherine de Russie. Paris, 1966.
- Perraut G.* Le Secret du Roi. Paris, 1992.
- Perraut G.* La Revanche Américaine. Paris, 1996.
- Perraut G.* L'Ombre de la Bastille. Paris, 1998.
- Peyrefitte R.* Voltaire et Frederic II. Paris, 1992.
- Ransel D. L.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. London, 1975.
- Romain-Cornut.* Voltaire et la Pologne. Bruxelles, 1846.
- Rosinsky W.* La Pologne et la mer Baltique. Paris, 1928.
- Rostworowski E.* Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1977.
- Rulhière Claude-Carloman de.* Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. Vol.4. Paris, 1819.
- Rulhière Claude-Carloman de.* Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762. Paris, 1797.

- Scharf C.* Katharina II, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1993.
- Schieder T.* Frederic The Great. London–New York, 2000.
- Schlitz J.–E.* Mémoires et actes autentiques relatifs aux négociations qui ont précédées le partage de la Pologne. Tirés du portefeuille d'un ancien ministre du XVIII siècle, 1810.
- Serejski M.–H.* Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970.
- Sievers C.J.J.* Ein russischer Staatsmann: Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte.
- Sirtema de Grovestins.* La Pologne, la Russie et l'Europe Occidentale ou de la nécessité de résoudre la question Russo-Polonoise dans une Conference des Grandes Puissances, par le baron Sirtema de Grovestins. Paris, 1847.
- Smitt Frédéric de.* Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Paris, 1861.
- Soloveytschik G.* Potemkin. A picture of Catherine's Russia. London, 1938.
- Sorel A.* La question d'Orient au XVIII siècle. Les origins de la triple alliance. Paris, Plon, 1878.
- Sorel A.* La question d'Orient au XVIII siècle. 3rd ed. Paris, 1902.
- Stone D.* Polish Politics and National Reform 1775–1788. Boulder, 1976.
- Szyndler B.* Powstanie kosciuszowskie. 1794. Warszawa, 2001.
- The American Impact on Russia 1784–1917.* Diplomatic and Ideological. New York, 1950; 2nd ed. New York, 1962.
- Zamoyski A.* The Last King of Poland. London, 1992.
- Zielińska Z.* Studia z dziejow stosunkow polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2002.

5. Статьи

- Адамов Е.* Польша между Пруссией и Россией // Исторический журнал. 1941. № 9.
- Алефиренко П.К.* Правительство Екатерины II и Французская буржуазная революция // Исторические записки. 1947. № 22.
- Арш Г.Л.* Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII – начале XIX века // История. Культура. Этнология. – Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.
- Бильбасов В.А.* Памяти императрицы Екатерины II // Русская старина. 1896. Ноябрь. С.241–280.
- Бильбасов В.А.* В императорскую Академию наук о сочинении Чечулина Н.Д. Внешняя политика России в царствование Екатерины II. СПб., 1899.
- Болховитинов Н.Н.* Русская дипломатия и война США за независимость 1775–1783 гг. // Новая и новейшая история. 1964. № 1.
- Виноградов В.Н.* Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3, 4, 6.
- Гендель Г.М.* Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Саратовского университета, 1947.
- Гендель Г.М.* Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Горьковского госуниверситета, 1957. Вып.43.

Геровский А.Ю. Польша среди европейских государств. XVI–XVIII века // Вопросы истории. 1977. № 12.

Городецкий Б.М. Василий Алексеевич Бильбасов // Исторический вестник. № 9. 1904.

Дайри Н. Крушение Польского государства в XVIII веке // Исторический журнал. 1939. № 10. С.16–25.

Джервис М.В. К вопросу о разделах Польши (Критико–историографические замечания) // Исторический сборник. Л., 1934. Кн.1. С.229–252.

Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М.Обресков // Исторические записки. Т.40. М., 1952.

Дубровин Н. Накануне первого раздела Польши 1772 г. // Вестник Европы. 1870. Июль.

Дьяков В.А. Т.Костюшко и его соратники после сражения при Мацевице (1794–1798) // Славяноведение. 1993. № 5. С.67–75.

Есипов Г. Фридрих II и граф Панин // Беседа. 1871. Кн.1.

Журнал генерал–майора и кавалера Петра Никитича Кречетникова, главного командира корпуса... о движении и военных действиях в Польше в 1767 и 1768 гг. / Изд. О.Бодянский. М.: Унив.тип., 1863.

Иваницкий С.Ф. Первый период Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. 1941. Т.45. С.225–259.

Иваницкий С.Ф. Польша во второй половине XVIII века и возникновение Барской конфедерации // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. 1939. Т.22. С.103–187.

Исламов Т.М. Заговор против Польши. О роли прусско–руско–австрийского альянса 1772–1773 гг. в разделе польского государства // Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999.

Каменский А.Б. Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3.

Кондзеля Л., Цегельский Т. Концерт трех черных орлов (Споры о разделе Польши). Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып.2.

Кручковский Т.Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX–начала XX века // Славяноведение. 1993. № 5. С.76–85.

Лотухин А. Очерк Ясского мира // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып.5. М., 1893. С.113–152.

Майков П. Stanislas Poniatowski et Maurice Clayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne par Eugene Mottaz. Paris, 1897. Рецензия // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 1. С.160–165.

Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1957. № 4.

Международные связи России в XVII–XVIII веках // Экономика, политика и культура. Сборник статей. М.: Наука, 1966.

Минкина Н.В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7.

Носов Б.В. Курляндское герцогство и российско–польские отношения в 60–е годы XVIII века: к предистории разделов Речи Посполитой // Славяноведение. 1993. № 5.

Носов Б.В. Международная научная конференция «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой» [Москва, июнь 1994 г.] // Славяноведение. 1995. № 1.

Носов Б.В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764–1766 гг. // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С.100–140.

Носов Б.В. Представления о Польше в правящих кругах России в 60–е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С.72–82.

Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия. Киев, 1873.

Рознер И.Г. Придворные круги накануне и во время крестьянской войны 1773–1775 годов // Вопросы истории. 1974. № 4.

Санин Г.А. Проблемы Черноморских проливов во внешней политике России XVIII века // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

Сапожникова Г.Н. Из истории русско–германских культурных связей в середине XVIII–начале XIX в. // Россия и Германия. Вып.1. М.: Наука, 1998. С.111–123.

Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И.Панина – Д.И.Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.VI. Л., 1974.

Сковронек Е. Удары с трех сторон: разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795) // Родина. 1994. № 12.

Смолий В.А. Воссоединение Правобережной Украины с украинскими землями в составе Русского государства. Автореферат. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1974.

Станиславская А.М. Англо–русские отношения в конце XVIII века // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1956. № 12.

Стегний П.В. Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и новейшая история. 2001. № 1, 2.

Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Россия и Германия. Вып.1. М., 1999. С.46–110.

Уманец Ф. Понятовский и Репнин // Древняя и новая Россия. 1875. № 7.

Цернак К. Конец эпохи великих держав в европейской политике // Вопросы истории. 1993. № 5.

Черкасов П.П. Людовик XVI и Емельян Пугачев. Французская дипломатия и восстание Пугачева // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып.2. М.: Наука, 1998. С.21–46.

Шеремет В.И. «Греческий проект» и халифат в контексте восточной политики России последней трети XVIII века // Славяне и их соседи: Османская империя и народы Центральной и Юго–Восточной Европы и Кавказа в XIV–XVIII вв. М., 1992.

Шляпникова Е.А. Г.А.Потемкин // Вопросы истории. 1988. № 7.

Юсупов Р.Р. Польский вопрос в политике России накануне русско–турецкой войны 1768–1774 годов // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1980. № 3.

Grabski A.F. Nieznane Fragmenty Korespondencji Adama Naruszewicza z Królem Stanisławem Augustem z lat 1793–1794 / Przegląd historyczny. 1960. T.LI. Zesz.4. С.701–706.

Jones R.E. Runaway Peasants and Russian Motives for the Partitions of Poland // Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge, 1993. P.103–116.

Lord R.H. The Third Partition of Poland // Slavonic and East European Review, III. 1925. N 9. March. P.483–498.

Raeff M. Montmorin and Catherine's Greek Project: Revolution in French Foreign Policy; Cahiers du monde russe et soviétique, 27/1. 1968. P.274–284.

Serejski M.H. L'aspect européen de la question polonaise. Les reflexions des historiens étrangers sur les partages de la Pologne // Poland at the 14th International Congress of Historical Sciences in San Francisco. Wrocław, 1975.

Wandyc P.S. The American Revolution and the Partitions of Poland // The American and European Revolutions, 1776–1848. Iowa City, 1980.

Zielińska Z. Rozważania nad Kwestią Wyposażania Szlachcianek w Wielkim Księstwie Citewskim w XVIII Stuliciu // Kwartalnik Historyczny. 1989. № 1–2. C.93–109.

Zielińska Z. Głos rosyjskiego arystokraty o Polsce z 1766 r. // Miscellanea Historica–Archivistica. T.XI. Warszawa, 2000. P.336–344.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ	16
 ГЛАВА ВТОРАЯ	
ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1772 ГОД) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	63
I. Истоки и геополитические императивы дипломатии Екатерины II	63
II. Польский вопрос в контексте внешнеполитических задач начала царствования Екатерины II	84
III. Избрание С.Понятовского королем Польши и Г.Кейзерлинг	94
IV. Диссидентский вопрос и посольство Н.В.Репнина (1764–1768 гг.)	110
V. М.Н. Волконский и К.Сальдерн и планы «умиротворения Польши» (1769 – 1772 гг.)	120
VI. Раздел Польши как средство обеспечения «рационального государственного интереса» ее соседей. Переговоры Генриха Прусского в Петербурге	129
VII. Подготовка и подписание Петербургских конвенций о первом разделе Польши	139
 ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ВТОРОЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1793 ГОД) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	177
I. Геополитические аспекты русско-австрийского союза 1781 года. Греческий проект	177
II. О.М. Штакельберг и проект русско-польского союза в 1787–1788 годах	193
III. Миссия М.М.Алопеуса в Берлине в 1788–1795 годах	216

IV.	Польская конституция 3 мая 1791 года и Я.И.Булгаков.....	233
V.	Ввод русских войск в Польшу в мае 1792 года и подписание русско-прусской конвенции 3 января 1793 года о втором разделе Польши	258
VI.	Я.Е.Сиверс и Гродненский сейм	291

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ (1795 ГОД) И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	338
---	-----

I.	Реакция Австрии на русско-прусскую конвенцию о втором разделе Польши	338
II.	Восстание Т.Костюшко и О.А.Игельстром	345
III.	Русско-прусско-австрийские контакты по польским делам в период восстания Т.Костюшко	357
IV.	Первый этап петербургских переговоров о третьем разделе Польши. Подписание русско-австрийской декларации 23 декабря 1794 г.	369
V.	Второй этап петербургских переговоров. Окончательное оформление третьего раздела Польши	380

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	406
-------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ДОГОВОРНЫЕ АКТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАЗДЕЛАМ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ	421
1. Петербургская конвенция между Россией и Пруссией о первом разделе Польши от 4 января 1772 г.	421
2. Петербургская конвенция между Россией и Австрией о первом разделе Польши от 25 июля 1772 г.	426
3. Конвенция между Россией и Пруссией о втором разделе Польши от 12 (23) января 1793 г.	429
4. Акт приступления Е.В. Императора Римского к конвенции от 12-го (23-го) января 1793 года	434
5. Секретная декларация относительно союза между Россией и Австрией от 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.)	439
6. Декларация России и Австрии о третьем разделе Польши от 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.)	442
7. Конвенция относительно раздела Польши, заключенная между Россией и Пруссией, при участии Австрии, от 13-го (24-го) октября 1795 г.	444
8. Акт отречения Его Величества Короля Польского от Королевства Своего от 14 (25) ноября 1795 г.	447
9. Конвенция между Их величествами императором Всероссийским и королем Прусским, за приступлением к оной и Его величества императора Римского об окончательном разделе Польши между взаимными их державами, заключенная в Санкт-Петербурге 15-го (26-го) января 1797 года	449

II. ДОГОВОРЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ	456
10. Трактат вечный между Всероссийскою империею и Речью Посполитою Польскою от 13 (24) февраля 1768 года	456
11. Трактат между Ея величеством императрицею Всероссийскою и Его величеством королем и Речью Посполитою Польскими от 15 марта 1775 года	490
12. Трактат между Ея величеством императрицею Всероссийскою с одной стороны и Его величеством королем и Яснейшею Речью Посполитою Польским с другой, заключенный и подписанный в Гродне 11 (22) июля 1793 года	508
КОНСТИТУЦИЯ ПОЛЬШИ 3 МАЯ 1791 ГОДА	516
13. Установление правительственное (Закон, утвержденный 3 мая 1791 года)	516
ИНСТРУКЦИИ РОССИЙСКИМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ В ПОЛЬШЕ	527
14. Проект рескрипта действительному тайному советнику графу Кейзерлингу от 8 августа 1762 года	527
15. Общее наставление аккредитованным при Республике Польской нашему Чрезвычайному и Полномочному Послу графу Кейзерлингу и нашему Полномочному Министру князю Николаю Репнину от 6 ноября 1763 года	533
16. Инструкция нашему генерал-аншефу, генерал-адъютанту, сенатору, лейб-гвардии конного полка подполковнику, Чрезвычайному и Полномочному послу при короле и Республике Польской князю Михайле Волконскому от 31 марта 1769 года ..	542
17. Инструкция нашему Чрезвычайному и Полномочному послу при Короле и Республике Польской действительному тайному советнику господину Сальдерну от 5 марта 1771 года	570
18. Перевод с инструкции для господина барона Стакелберга, действительного камергера Ея Величества императрицы Всероссийской и полномочного Ея министра при короле и Республике Польской 1772 года	575
19. Рескрипт Я.И.Булгакову от 19 апреля 1792 г.	581
20. Инструкция барону Бюллеру, высочайше утвержденная 19-го апреля 1792 г.	583
21. Проект декларации Я.И.Булгакова о введении русских войск в Польшу с правкой Екатерины II, 1792 год	595
22. Рескрипт генералу М.Н.Кречетникову от 8 декабря 1792 года	601
23. Инструкция Я.Е.Сиверсу от 22 декабря 1792 года	609
ЗАПИСКИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ПО ПОЛЬСКИМ ДЕЛАМ	620
24. Копия секретного сообщения австрийского посла графа Кобенцеля, 1782 год	620
25. Записка Безбородко по «греческому проекту»	626

26.	Замечания императрицы и князя Потемкина на вспомогательное польское войско	635
27.	Примечания графа Безбородко, каким образом распорядить негоциацию о союзе оборонительном с Польшею, 1788 г. ...	641
28.	Донесение Я.И.Булгакова вице-канцлеру А.И.Остерману от 26 апреля (7 мая) 1791 года	647
29.	Проект Безбородко по польским делам 1791 года	652
30.	Секретнейшая записка Безбородко от 2 декабря 1792 года .	654
31.	План поведения трех министров в Польше... 1792 года	656
32.	Проект вечного и твердого Польской Республики существования, согласно с видами и системою России, 1794 г.	668
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА		673

П.В. Стегний

**РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ
И ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II**

1772. 1793. 1795

Оформление художника *Н.И. Терехова*

Художественный редактор *В.С. Голубев*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Корректор *Е.В. Плеханова*

Компьютерная верстка *А.Н. Каревой,*

Н.М. Коршуновой

Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.
выдана Госкомпечатью РФ

Подписано в печать 30.07.2002.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,5. Уч.-изд. л. 47,15.
Изд. № 9-и/2002. Тираж 1000 экз.
Цена договорная. Заказ № 2195.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спаская, 20
Тел. отдела реализации: 975-30-09

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60, 3-14-17, 3-45-20.

- Стегний П.В.**
С 79 Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 696 с.

ISBN 5-7133-1152-X

Книга представляет собой первое после классических трудов отечественных историков XIX века монографическое исследование разделов Польши 1772, 1793 и 1795 годов и роли в них российской дипломатии. Разделы – исходная точка польского вопроса, остававшегося в центре европейской политики на протяжении полутора веков, – рассматриваются в контексте формирования системы международных отношений в Центральной и Восточной Европе. Работа написана на базе источников российских и зарубежных архивов, целый ряд которых впервые вводится в научный оборот.

УДК 327(47+57)«1770–1797»
ББК 63.3(2)513-6

ISBN 5-7133-1152-X

9785713311520

